

А.С. КАПТО

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ РЕНЕССАНС:

О ТОМ,
как на самом деле это было
и как не было



Москва
2018

УДК 316
ББК 60.59
К20

К20 Капто Александр Семенович

Социологический ренессанс: о том, как на самом деле это было и как не было. –
М.: Издательство «У Никитских ворот», 2018. – 656 с.

ISBN 978-5-00095-505-5

Книга А.С. Капто подготовлена на кафедре ЮНЕСКО по социальным и гуманитарным наукам при ИСПИ РАН в рамках проекта «Аргументы истины», реализуемого отделом политического анализа и стратегических оценок института (государственное задание № 29). Рассмотрены проблемы институционализации отечественной социологии в качестве самостоятельной научной дисциплины, преодоления ее международного изоляционизма. Выделены теоретико-методологические вопросы возрождающейся социологии в лабиринтах интеллектуального маневрирования, а также ее фальсификации как проявления постправды.

Книга предназначена научному, прежде всего социологическому и политологическому сообществу, а также широкому кругу читателей, интересующихся проблемами общественных наук.

УДК 316
ББК 60.59

ISBN 978-5-00095-505-5

© Капто А.С., 2018

© ИПО «У Никитских ворот», оформление, 2018

Пойдем на костер, будем гореть,
но от своих убеждений не откажемся.

*Отповедь академика Н.И. Вавилова
Лысенковщине на собрании
во Всесоюзном центре растениеводства
15 марта 1939 года*

Истина – это то, чего нельзя избежать.

Народный афоризм

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
----------------	---

ГЛАВА I. Пути преодоления и восхождения

§1. Постсталинская трансформация советской науки как отправная точка социологического ренессанса	11
§2. Механизм отношений социологии и власти: между ранним постсталинизмом и перестройкой	30
§3. ИКСИ: свидетельства и мифы о рождении	82
§4. Кто и как поставил точку в институционализации отечественной социологии?	123
§5. К вопросу об институционализации социологии как учебной дисциплины ..	153
§6. Преодоление международного изоляционизма как составная часть возрождения отечественной социологии	160
§7. Этические «доспехи» институционализирующейся социологии	184

ГЛАВА II. Методология возрождающейся социологии в лабиринтах интеллектуального маневрирования

§1. От клятвоприношения истмату к его постсоветскому ниспровержению	199
§2. «Философское разоружение» постсоветской социологии	222
§3. Физикалистские забавы	252
§4. О самостоятельности возрождающейся социологии	262
§5. Эволюция отношения буржуазной социологии к марксизму	283
§6. Доктринальное сближение противоборствующих систем социальных наук – по Сорокину	292

Глава III. Фальсификации как проявление постправды

§1. О «запретах» возрождающейся социологии.	298
§2. От «запретов» к «разгромам»	360
§3. В плену ложного сознания	384
§4. В русле воинственного социолингвистизма	399
§5. «Поза обиженного человека»?	412
§6. «Информация умолчания»	436
§7. Когда же социологи вспомнят об Александре Зиновьеве?	451
§8. Как академик «прочитал» генсека	455

ГЛАВА IV. Вымыслы вперемешку с правдой

§1. «Расстрельное дело» Питирима Сорокина	474
§2. Сорокинские встречи: виртуально и наяву	500

ГЛАВА V. Советская социологическая ассоциация: создатели, преемники, «приватизаторы»

§1. Борьба за социологические истоки	520
§2. Кем и как создавалась ССА?	528
§3. Трансформационные перипетии Социологической ассоциации	543

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	572
------------------	-----

<i>Приложение 1. Основные и наиболее крупные фальсификации возрождавшейся отечественной социологии.</i>	<i>577</i>
--	------------

<i>Приложение 2. Хроника социологического ренессанса</i>	<i>613</i>
--	------------

<i>Приложение 3. Проект. О перспективах создания единой социологической службы в республике (на примере Украины)</i>	<i>639</i>
--	------------

БИБЛИОГРАФИЯ	645
--------------------	-----

ВВЕДЕНИЕ

Отношения власти и социологии в период ее возрождения – одна из актуальных историко-познавательных и острейших общественно-политических проблем. Сама постановка вопроса «социология и власть» в условиях постсоветского господства плюрализма мнений изначально ориентирована на альтернативную диалогичность, особенно если учесть, что в данном случае речь идет о той власти, которой история вынесла приговор. И вот в этой ситуации возникает серьезная коллизия: насколько продуктивным является тотальный крен под знаком отречения от прошлого? Не попадаем ли мы в результате безоглядного беспамьяства в объятия самообмана?

Ведь как уйти от того реального и неоспоримого факта, что во время возрождения советской социологии, то есть в период между хрущевской оттепелью и горбачевской перестройкой, все ее (социологии) наиболее важные события связаны именно с этой самой властью? Налицо, казалось бы, непреодолимые противоречия: с одной стороны, на документах политической власти страны стоят подписи, открывшие дорогу интеграции отечественной социологии в международное научное сообщество (создание Советской социологической ассоциации), учреждению первого академического института, формированию инфраструктуры социологии, наконец, институционализации ее в 1988 году как самостоятельной научной дисциплины и др., а с другой стороны – огосударствление социологической науки, ее идеологический доктринализм, официально-нормативные партийные установки, идейно-концептуальная однородность, массовая обезличенность, деперсонализация и унификация, выдаваемые за монолит.

И вряд ли такую неоднозначность можно определять рамками простого противоречия, ибо в данном случае речь идет о вещах более широкого плана: в целом об особенностях советской социологии и ее отличии от социологии западной. Если западные социологические структуры (кафедры, центры, ассоциации) были отделены от власти и замыкались в рамках профессионального сообщества, то над советскими социологами постоянно довлела вся административно-руководящая мощь партийной вертикали со всеми ее положительными для социологии (партийная директива по социологическим вопросам приобретала решающую государственную силу) и отрицательными (без партийных комитетов, начиная от первичной организации и до ЦК, ни один вопрос по социологии не мог быть решен) сторонами.

Однако даже в этих условиях общество было несводимым к руководящей политической власти, а социология – к идеологии. В указанный период социология как существенный срез внутренней жизни общества не измерялась только альтернатив-

ными плюсовыми и минусовыми параметрами, она не была двухцветной: красной или белой, белой или черной. Ее история – болезненная и многострадальная – вместе с тем разноаспектная и представляет собой многоцветную гамму. Она, впрочем, и не песня, из которой невозможно выбросить ни одну строчку. Это целая эпопея, которую писало одно и то же поколение исследователей. И счастливы те, для кого жизненным кредо стал добросовестный поиск истины, честное прочтение истории своего отечества. Такие люди используют дарованный им природой талант для того, чтобы не чувствовать себя на земле грибом-поганкой. Познавая мир, они обогащают себя. А возвышая себя благодаря познанию, они вплетают и свой пусть самый скромный лепесток в многоцветье общественного бытия.

И крайне важно, чтобы в этой диалектике времени каждой новой генерации отечественной социологии не было забыто или искажено ни одно событие, будь то знаковые вехи, воплотившие судьбу теоретических школ и направлений, или совершенно конкретные факты, определявшие нюансировку общей панорамы научного творчества. Вместе с тем принципиальным является то, чтобы, преодолевая безальтернативные тоталитаристские методы анализа, окончательно избавляясь от закостенелой ортодоксии, не растворить в разноуровневом социальном мышлении те ключевые судьбоносные завоевания советской социологии, которые привели ее от бесправного эмбрионального состояния в начале возрожденческого процесса к признанию ее в качестве самостоятельной научной дисциплины.

Плюрализм мнений в оценке разных этапов возрождения социологической науки, научных наработок, формировавших и укреплявших теоретико-методологический фундамент советской социологии, ее инфраструктурное строительство, наконец, проблема персонализации в социологическом сообществе, имевшей чаще всего имплицитную подсознательную индивидуально-психологическую подоплеку, – все это призвано служить кристаллизации синтетических представлений о советской социологии не как о досадном пробеле, расчлененных и изолированных отсеках, а как о научной дисциплине, которая, с одной стороны, выросла на своей национальной почве и имеет свой отечественный адрес, а с другой – органично интегрировалась в европейский и общецивилизационный интеллектуально-гуманистический контекст. Словом, она достойна высокой и заслуженной оценки как в отечественной науке, так и в мировом социологическом сообществе.

Движение от библиографическо-описательного подхода к проблемно-теоретическому методу – именно так, на наш взгляд, можно охарактеризовать не завершившуюся и к нынешнему времени эволюцию исследований по истории возрожденческого процесса советской социологии. Наиболее значимым в этом контексте является вышедший двумя изданиями коллективный труд «Социология в России», подготовленный Институтом социологии РАН под редакцией В.А. Ядова. Авторами тридцати глав этой книги, освещающей основные направления и этапы развития российской социологии, стали сорок исследователей, которым в рамках плюрализма мнений удалось, сохраняя свою точку зрения по тем или иным проблемам, найти консенсусный подход в выработке в целом приемлемого (при некоторых оговорках) единого плана и структуры столь сложного пионерского издания. О большой информативности этой книги свидетельствует то, что в ее тридцати главах упоминаются или анализируются труды около двух тысяч исследователей, представляющих различные школы и направления современной отечественной социологии.

В контексте нашего исследования большую ценность представляют труды академика М.К. Горшкова «Пути в социологию – исповедимы», «Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ)», доклад на Всероссийском социологическом конгрессе 21–24 октября 2008 года «Российское общество в социологическом измерении». Его исследования, осуществленные на основе уникального опыта личного участия в институционализации социологии молодежи, партийной социологии, академической социологии, в целом социологической науки как самостоятельной научной и учебной дисциплины принципиально расширяют наши представления о механизмах формирования отечественной социологии, ее взаимодействия с властью.

Серьезным вкладом в исследование истории социологического возрождения явилось издание «Социологической энциклопедии» в двух томах («Мысль», 2003, руководитель научного проекта доктор политических наук Г.Ю. Семьгин). Большая ценность труда «Российская социология 60-х годов в воспоминаниях и документах» (Санкт-Петербург, 1999, ответственный редактор и автор предисловия Г.С. Батыгин) заключается в том, что в нем становление социологической науки и профессионального сообщества социологов представлено «с человеческим лицом», то есть через личностную призму участников этого процесса. Их биографические очерки дополнены документами, хранящимися в государственных и личных архивах, что, разумеется, существенно дополняет документальную базу истории отечественной социологии.

Объективность и последовательная принципиальность в освещении крайне сложных и противоречивых страниц отечественной социологии, уважительное отношение к вкладу в социологическую науку старшего поколения ученых, деятельность которых получила в постсоветское время искаженную негативную интерпретацию, солидная документальная база, умение жанром записок, содержащих лично-мемуарную призму, не навредить научности, а наоборот, укрепить правдивость исследования – таковы особенности трудов В.Н. Иванова «Моя эпоха. Люди и события», «Социология в СССР. Записки директора института». Монография «Вехи российской социологии» (ответственные редакторы Ж.Т. Тощенко и Н.В. Романовский), составленная по материалам журнальных публикаций, содержат богатый аналитический материал об основных направлениях и этапах развития отечественной социологии и, что очень важно, о перспективных направлениях социологических исследований.

Укреплению источниковедческого фундамента социологии способствуют и опубликованные ИСПИ РАН три сборника архивных документов «Социология и власть». На фоне ряда монографических изданий выделяется исследование Б.М. Фирсова «История советской социологии. 1950–1980-е годы». Довольно обширной является библиография статей по истории социологического возрождения, опубликованных в научных журналах и сборниках. Важным является и то, что обзорные статьи по истории отечественной социологии, как правило, содержатся в изданных учебниках, учебных пособиях и многих монографиях исследователей социологической проблематики. Конструктивный подход к изучению истории отечественной социологии, консолидации созидательного потенциала социологического сообщества постоянно проявляет журнал «Социологические исследования».

Настоящее издание не претендует на всеобъемлющее исследование одного из сложнейших отрезков истории советской социологии, каким является период ее

возрождения между двумя либерализациями советского общества – хрущевской оттепелью и горбачевской перестройкой. Наша задача более конкретная: в рамках осуществляемого нами проекта «Аргументы истины» раскрыть те деформации исторической правды, которые, как ржавчина, проникнув в разные сферы общественной, научной и культурной жизни, коснулись, к сожалению, и социологической науки. Это проявилось в односторонней (причем задним числом) оценке разных периодов возрождения социологии, многих его (возрождения) событий, конкретных персонажей эпопеи под названием «борьба за институционализацию советской социологии». Причем не может не обратить на себя внимание то, что подобное правдоискательство нередко демонстрируется сегодня теми, у кого в условиях изменившейся политической конъюнктуры произошла перелицовка теоретико-методологических установок социологической науки, кто поспешил вписаться в специфический жанр разоблачений советского социализма как времени тотальной лжи, исторической дыры, ошибки истории и т.д., и т.п.

В реконструкции сложнейших коллизий в становлении отечественной социологии в качестве самостоятельной научной дисциплины, в оценке действующих лиц в этом процессе ключевое значение имеет объективное установление соотношения между «большой правдой» трудного, противоречивого, неоднозначного, но все же в целом созидательного восхождения отечественной социологии к ее институционализации в 1988 году и «маленькой правдой» деформаций отношений между властью и социологами, которые определялись не какой-то глобальной (в рамках всего советского общества) партийной политикой по тотальному подавлению социологии, а явлениями на микроуровне, связанными с издержками командно-административной системы, – во всем этом нередко проявляется пренебрежительное отношение к фактам, документально подтвержденным событиям и процессам в социологической сфере. Фальсификация, к сожалению, проникла и в ту науку, которая в первую очередь должна быть преградой на пути лженауки. На фоне произвольного толкования некоторых аспектов отечественной социологии проявились и такие печальные стороны в жизни социологического сообщества, как реально существующий ныне раскол академической социологии, прижизненное распределение мест в возрожденческом социологическом процессе (первый, второй и даже третий ряд), борьба за «первопроходчество» на социологическом поприще, восхождение на пьедестал.

Борьба с фальсификацией в науке и общественной жизни в целом напоминает дезинфекцию, уничтожение возбудителей инфекционных болезней человека, с той, разумеется, разницей, что инфекция поражает клетки человеческого тела, а фальсификация – интеллектуально-познавательную, мыслительную систему личности. Объект дезинфекции – всякое живое существо и окружающая природная среда, в то время как объектом борьбы с фальсификацией выступает только *homo sapiens*. Средства дезинфекции – физические, химические и биологические методы, в борьбе же с фальсификациями – Великая Правда, в основе которой его величество достоверный, имевший место в реальности Факт. Как дезинфекция, так и борьба с фальсификациями – крайне некомфортная акция как для разоблачителя, так и тем более для разоблачаемого. И в то же время она крайне необходима как в оперативном плане (когда человеческое сознание, уже пораженное фальшью, требует безотлагательного лечения), так и в профилактическом (предупреждение таких деформаций в будущем).

Автор отдает себе отчет в том, что выполнение своеобразной санитарной очистки социологической науки от различного рода искажений и фальсификаций – дело не из приятных, к тому же оно нередко вступает в противоречие с внутрикорпоративной солидарностью и не всегда приводит к увеличению у лиц, борющихся с фальсификациями, числа доброжелателей. Парадокс, но факт: некоторые из «правдоискателей» в науке перестают быть таковыми, когда счет за эту правду предъявляется им самим. В нашем случае – ответственность исследователя не в абстрактных и сглаженных, а в конкретно-личностных оценках. Если экстраполировать на современное социологическое сообщество знаменитый афоризм-триаду жившего в XVII веке французского писателя и философа-моралиста Франсуа Ларошфуко, адресованный тем ученым, которые фальсифицируют прошлое, мифологизируют настоящее и мистифицируют будущее, можно с большой долей вероятности утверждать: для таких «исследователей» фальсификация в этом перечне не на последнем месте.

Верными и объективными союзниками в прояснении спорных вопросов являются документы, архивные материалы, наконец, живые свидетельства активных участников процесса становления социологии как самостоятельной науки. С опорой именно на эти источники установления истины мы и совершим исследовательский путь в сложнейших лабиринтах социологического ренессанса, стремясь определить ключевые магистральные линии в этом процессе, не забывая, впрочем, и о деталях, нюансах, так называемых мелочах, без которых трудно понять во всем объеме как сущность происходивших событий, так и конкретных их персонажей.

ГЛАВА I.

Пути преодоления и восхождения

§1. Постсталинская трансформация советской науки как отправная точка социологического ренессанса

Социологический ренессанс (1960–1980), начавшийся в условиях отсутствия институционализированной социологии как науки, нельзя всесторонне и объективно осмыслить, опираясь только на общественные науки, в лоне которых происходило эволюционное накопление социологического знания и постепенное создание предпосылок, позволивших социологии со временем обрести статус самостоятельной научной дисциплины. Крайне важен общий контекст развития советской науки на том ее этапе, когда осуществлялся переход от сталинской науки к новому ее состоянию в постсталинское время, составной частью чего и стал сам социологический ренессанс. А это, в свою очередь, означает, что социологическая наука не была и не могла быть «вещью в себе», она пробивала себе дорогу не автономно по отношению ко всему научному сообществу (хотя и было множество специфических моментов, свойственных только ей – социологической науке), а под воздействием целого ряда факторов, являвшихся общими для всего интеллектуального сообщества.

Термин «сталинская наука» – не журналистского происхождения, хотя он довольно широко использовался и публицистами, которые, впрочем, не обременяли себя стремлением соблюдать терминологическую точность. Содержание этого термина стало предметом серьезных исследований многих отечественных и зарубежных аналитиков, сопоставление точек зрения которых не позволило до сих пор выработать консенсусную точку зрения по этому вопросу не в последнюю очередь из-за смены приоритетов не столько в научной, сколько в политической конъюнктуре в постсталинское время.

Основное внимание, например, западных исследователей ограничилось созданием образа сталинской науки как не поддающейся реформированию внутренними ресурсами. Подход к этой проблеме многих отечественных ученых проявился в стремлении выявить те черты сталинской науки, которые отличали ее, с одной стороны, от дореволюционной русской науки, а с другой – от науки западных стран. В контексте нашего исследования заслуживают особого внимания обзорные статьи президента Академии наук СССР в 1945–1951 годах С.И. Вавилова¹, который в ос-

¹ Вавилов С.И. Научный гений Сталина // Иосифу Виссарионовичу Сталину Академия наук СССР. М., 1949.

нову реконструкции образа сталинской науки положил такие ее основные системообразующие начала: она а) народная наука; б) партийная наука; в) практическая наука; г) плановая наука.

Советскую науку он называл народной потому, что «она целиком направлена на службу народу, и потому, что в нее влился широким потоком народ из заводских цехов, с колхозных полей»¹. Партийность советской науки, по его мнению, заключается в том, что «она движется и растет по тем направлениям, которые указываются как самые важные руководителем советского народа – Коммунистической партией во главе с ее великим вождем И.В. Сталиным»². Третья особенность сталинской науки проявляется, по С.И. Вавилову, в ее «решительно» выраженной материалистической основе и практической направленности на служение народу. Неразрывная же связь науки с практикой делает ее «прежде всего мощным орудием материального производства социалистического общества». В плановости же сталинской науки, по его мнению, «состоит одна из ее основных и неразделимо с ней связанных особенностей, отличающих ее от беспорядочного и случайного роста науки в капиталистическом мире»³. Таков, по С.И. Вавилову, образ советской сталинской науки. К этому надо добавить еще один существенный момент: ее сформировавшийся еще до войны и хорошо зарекомендовавший себя в военное время мобилизационный характер, который в мирное послевоенное время давал серьезные сбои. Становилась совершенно очевидной необходимость реформирования этой модели в постсоветский период и поиска новых, отвечающих изменившейся общественно-политической обстановке в стране подходов в сотрудничестве науки с властью.

Научному сообществу пришлось пройти сложный путь от начавшихся сразу же после смерти Сталина в 1953 году отдельных шагов по изменению организации советской науки до осуществленной в 1961 году крупномасштабной реформы Академии наук СССР, кардинальным образом изменившей жизнедеятельность научного сообщества. Изменение приоритетов происходило благодаря как более рациональному использованию в реформировании внутренних ресурсов научного сообщества, так и под воздействием изменившейся политической конъюнктуры, что, впрочем, дало повод для справедливых обвинений в административном вмешательстве властей в научную жизнь. И все же, как показало дальнейшее развитие событий, создать новый образ советской науки в постсталинском обществе немислимо было без объединения усилий научного сообщества и власти, без нахождения между ними, насколько это возможно, сотрудничества и взаимодействия. В числе важнейших задач, о чем говорилось в письмах многих видных советских ученых в Президиум академии и ЦК КПСС, выдвигалась необходимость по-новому подойти к организации научных исследований, а Президиуму АН СССР перейти к регулярному рассмотрению на своих заседаниях конкретных организационных вопросов жизнедеятельности академического сообщества.

Уже в 1954 году серьезной ревизии подвергся один из основных категорических принципов организации сталинской науки – ее требование тесной связи с практи-

¹ Вавилов С.И. Научный гений Сталина // Иосифу Виссарионовичу Сталину Академия наук СССР. М., 1949. С. 11.

² Вавилов С.И. Научный гений Сталина // Иосифу Виссарионовичу Сталину Академия наук СССР. М., 1949. С. 12.

³ Вавилов С.И. Научный гений Сталина // Иосифу Виссарионовичу Сталину Академия наук СССР. М., 1949. С. 14–15.

кой. И инициировал это П.Л. Капица, в свое время отстраненный от ядерных испытаний и лишенный должности директора Института физических проблем из-за конфликта с Л.П. Берией, после ареста которого академик попытался выйти из опалы. В письмах Н.С. Хрущеву и Г.М. Маленкову он высказал ряд предложений по совершенствованию научной работы в стране, а в одном из них (письмо Хрущеву от 12 апреля 1954 года) предпринял попытку представить альтернативный сталинскому практицизму в науке свой вариант соотношения практической науки и фундаментальных теоретических исследований. Его выводы, сформулированные в письме на примере ядерной физики, имеют важное значение и для других наук, в том числе и общественных. Свою мысль о том, что «передовая наука не идет на поводу у практики» (подчеркнуто нами. – А.К.), а сама создает новые направления в развитии культуры и этим меняет уклад жизни», он подтвердил словами: «Вспомним, как многие годы пренебрежительно относились у нас практики к научным работам по атомному ядру, так как не видели в них реального и быстрого выхода в жизнь. Если науку развивать по рецепту узкого практицизма, то никогда бы человечество не могло бы найти путей к использованию атомной энергии»¹.

На этом основании он сделал однозначный вывод о необходимости, в первую очередь, «поднять на щит фундаментальные теоретические научные проблемы». К числу смелых по тем временам предложений П.Л. Капицы следует отнести и его аргументацию в пользу развития фундаментальных теоретических направлений науки ввиду того, что в этой области советские исследователи отставали от западных ученых. Такая постановка вопроса не вписывалась в начавшиеся в конце 40-х и продолжавшиеся в начале 50-х годов кампании против «низкопоклонничества перед Западом» и космополитизма.

Следует отметить, что реформаторские идеи П.Л. Капицы прозвучали в унисон с готовившимися в то время реформами сталинской системы государственного управления. Сигнал академика был услышан реформаторски настроенными работниками ЦК КПСС, в результате чего Президиуму АН СССР была высказана партийная рекомендация рассмотреть «проект решения по письму Капицы» – без малейшего намека, в каком направлении это осуществить: поддерживать автора письма или указать ему на недопустимость выхода за пределы установившихся догм. Необычными оказались предложения П.Л. Капицы даже для президента академии А.Н. Несмеянова. В конечном итоге рассмотрение письма Капицы на заседании Президиума АН СССР 4 июня 1954 года завершилось принятием официального решения, в котором признавалась важность разработки документа, обосновывающего необходимость организационных преобразований в академии². Но ввиду отсутствия четкого ответа на предложение Капицы по поводу усиления фундаментальных исследований возникла необходимость возвратиться к его письму на заседании Президиума АН СССР еще раз, 14 июня 1954 года. Выводы специально созданной экспертной комиссии, проанализировавшей состояние исследований по ряду проблем ядерной физики, вполне согласовывались с позицией Капицы и означали победу реформаторства, имеющего знаковое значение для всей постсталинской науки. Содержащийся в письме Капицы

¹ Капица П.Л. Письма о науке. М.: Московский рабочий, 1989. С. 305.

² См.: Иванов К.В. Как создавался образ советской науки в постсталинском обществе // Вестник Российской Академии наук, 2001. Т. 71. С. 100.

вывод о том, что советская наука нуждается в «более продуманных условиях научной работы, чем те, которые существуют у нас сейчас»¹ был услышан не только научным сообществом, но и партийными инстанциями.

К числу важных реформаторских акций в отечественной науке относится создание «комиссии Курчатова» с целью дать оценку плану научно-исследовательских работ в области ядерной физики, выполненных под контролем ученого совета при Президиуме Академии наук СССР².

Крайне важно то, что «комиссия Курчатова», повторяя тезисы письма П.Л. Капицы, сделала выводы, выходящие за рамки ядерной физики, имеющие общеакадемическое значение и претендующие на изменение научной политики в целом. На состоявшемся 11 июня 1954 года закрытом заседании Президиума АН СССР внимание акцентировалось на таких проблемах: необходимость преодоления отставания советских исследований в области ядерной физики от американских; приобретение «отвлеченными» (имеется в виду – общетеоретическими. – А.К.) исследованиями в области физики особого государственного значения и необходимость в их дальнейшем интенсивном развитии; укрепление материально-технической базы физических институтов, работавших по открытой тематике, разрешение публикаций исследований по общетеоретическим вопросам ядерной физики; введение в практику приглашения в СССР видных зарубежных специалистов; создание условий для широкого обсуждения актуальных научных проблем.

9 июля 1954 года Президиум Академии наук принял секретное постановление «Заключение экспертной комиссии по проблемам ядерной физики», в котором наряду с признанием «серьезного отставания исследований, проводимых в Советском Союзе по ряду общих вопросов ядерной физики, от аналогичных зарубежных исследований» ставилась задача «принять решительные меры к ликвидации создавшегося серьезного отставания в теоретических исследованиях»³. Были определены и такие конкретные меры: создание единого органа для координации руководства всеми работами по ядерной физике, не имеющими специальных технических приложений; организация в системе Академии наук нескольких новых лабораторий; значительное увеличение в академии числа мест для студентов и аспирантов по теоретической и ядерной физике, повышение в два раза объема главных физических журналов и др.

Атомный проект содействовал формированию в целом особых отношений между учеными и властью, наукой и политикой, наукой и идеологией. В закрытых и засекреченных научных структурах физиков-ядерщиков сформировался своеобразный изоляционный стиль организации их научной деятельности, построенный на тесных связях с военно-промышленным комплексом и отличающийся от режима сталинской академии, и это при том, что многие физики-ядерщики одновременно были сотрудниками как закрытых внеакадемических структур, так и сотрудниками, действительными членами и членами-корреспондентами академии.

¹ См.: Иванов К.В. Как создавался образ советской науки в постсталинском обществе // Вестник Российской Академии наук, 2001. Т. 71. С. 100.

² Комиссия была создана в начале 1954 г. в составе академиков И.В. Курчатова (председателя), А.И. Алиханова, Л.А. Арцимовича, Д.В. Скобельцына, И.Е. Тамма.

³ См.: Иванов К.В. Как создавался образ советской науки в постсталинском обществе // Вестник Российской Академии наук, 2001. Т. 71, № 2. С. 102.

Особые (прямые) отношения сложились у физиков-ядерщиков и с властью. Даже президент Академии наук СССР А.Н. Несмеянов вынужден был признать, что руководство физическими исследованиями «обеспечивалось, минуя организационные формы академии»¹. Поэтому после того, как к середине 50-х годов главная задача атомного проекта была решена (испытания водородной бомбы прошли в 1955 году, главные же проблемы создания термоядерного оружия были решены в середине 1954 года) и оставалась инженерная работа (внедрение, усовершенствование), в содержании и стиле работы физиков-ядерщиков стали происходить существенные перемены, в конечном итоге повлиявшие на создание образа советской науки в постсталинский период: переход участников атомного проекта, ориентированных на проведение мирных исследований, в открытые академические институты, интеграция исследователей, которые ранее вели себя независимо по отношению к руководству академии, в академические структуры, рассекречивание некоторых ранее закрытых результатов исследований, поощрение контактов с зарубежными исследователями по ряду секретных проблем, наращивание академических ресурсов для проведения открытых, несекретных исследований в области ядерной и вообще теоретической физики, использование в жизни всего академического сообщества накопленного за годы работы в атомном проекте политического капитала. В научный обиход стала прочно входить терминология, получившая общенаучный статус: «новые гипотезы фундаментального характера», «основные принципиальные проблемы», «передовые области науки» и др.

Основными качествами новой советской науки становились, как отмечалось в направленной в 1955 году в ЦК секретной записке, подготовленной президентом академии А.Н. Несмеяновым совместно с председателем Государственного комитета Совета Министров СССР по новой технике В.А. Малышевым и министром высшего образования В.П. Елютиным, «коллективизм, широкий фронт научных работ, связь с производством, обширная и сравнительно со старой богатая научная база»². Вместе с тем в документе отмечался ряд отрицательных сторон, вызванных тем, что в условиях «быстрой индустриализации» и «отсутствия иностранной помощи» усилия были направлены на «освоение нашей промышленностью зарубежных научных достижений»³.

В новых же условиях, когда в некоторых областях техники был достигнут технологический паритет, приоритет отдавался отечественным исследованиям. Поэтому на ближайшее время ставилась задача «резко увеличить удельный вес... научной разведки в неизведанных областях и перспективной работы, имеющей в виду вскрыть новые явления, установить новые связи, разработать новые научные методы»⁴. Проблеме внедрения была посвящена вторая секретная записка этих же авторов. Ключевой вопрос – существенное отставание советской науки от западных стран в области внедрения на фоне более быстрого практического применения разрабо-

¹ Несмеянов А.Н. На качелях XX века. М., 1999. С. 146.

² Несмеянов А.Н., Малышев В.А., Елютин В.П. Важнейшие задачи развития науки в шестой пятилетке. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Ед. хр. 2. С. 7.

³ См.: Иванов К.В. Как создавался образ советской науки в постсталинском обществе // Вестник Российской Академии наук, 2001. Т. 71. С. 100.

⁴ Несмеянов А.Н., Малышев В.А., Елютин В.П. Важнейшие задачи развития науки в шестой пятилетке. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Ед. хр. 2. С. 8.

ток отечественных ученых за рубежом и впечатляющих успехов в области внедрения военной техники. Такое положение стало не в последнюю очередь следствием «того обстоятельства, что связь с промышленностью подменяется у нас привязанностью к промышленности» (подчеркнуто нами. – А.К.). Вывод: «Нужно, чтобы наука не была на поводу у промышленности»¹.

А.Н. Несмеянов исходил из необходимости разделения фундаментальных и прикладных исследований как нормы, подтверждая это множеством конкретных аргументов. А выступая, например, на XX съезде КПСС, он подчеркнул, что академия не должна заниматься такими тривиальными исследованиями, как разработка конструкций автоматических дверей для московского ресторана «Прага» или изобретение новых видов стали для перьевых ручек.

Предложенное им разделение труда в науке стало фактически черновым наброском академической реформы: «С целью усиления внимания фундаментальным вопросам науки в академиях наук и крупных вузах сосредоточить проведение фундаментальных исследований, связанных с открытием неизвестных еще закономерностей и явлений природы, с таким расчетом, чтобы академии наук и ведущие вузы решали задачи научного прорыва, быстрого продвижения на ряде важнейших направлений. В отраслевых и межотраслевых научно-исследовательских институтах, специальных кафедрах вузов и крупнейших заводских лабораториях сосредоточить работы по применению новых научных открытий в производстве... (подчеркнуто нами. – А.К.). Координацию по проблемам фундаментальной науки сосредоточить в АН СССР. Координацию по работам, относящимся к техническому прогрессу, сосредоточить в Гостехнике СССР»² (Государственный комитет Совета Министров СССР по новой технике. – А.К.).

Такой подход означал, в числе других новаций, придание постсталинской науке нового качества, а также не только четкое административное разделение функций прикладных и фундаментальных исследований, но и совершенствование всей системы организации науки, особенно механизмов планирования и контроля. К этому надо добавить и такие осуществившиеся по инициативе А.Н. Несмеянова меры, как повышение статуса общего собрания академии, существенное снижение идеологической компоненты в организации научной работы, включая и деятельность ученого секретариата Президиума АН СССР³, децентрализация управления, подтверждением чего является расширение полномочий бюро отделений, директоров институтов и заведующих лабораториями.

Перечисленные выше меры коренным образом меняли образ постсталинской науки и создавали благоприятные условия для выхода академической реформы на ее новый, завершающий этап. Однако ситуация усложнялась тем, что, с одной стороны, в самом научном сообществе обнаружилось серьезные противоречия по проблеме разделения фундаментальных и прикладных научно-технических исследований, что

¹ Несмеянов А.Н., Малышев В.А., Елютин В.П. Организация научно-исследовательской работы в СССР и главных капиталистических странах. РГНИ. Ф. 5. Оп. 35. Ед. хр. 2. С. 85.

² Несмеянов А.Н., Малышев В.А., Елютин В.П. Организация научно-исследовательской работы в СССР и главных капиталистических странах. РГНИ. Ф. 5. Оп. 35. Ед. хр. 2. С. 139, 140.

³ Ученый секретариат Президиума АН СССР – структура, которая была учреждена решением ЦК КПСС в марте 1949 г.; ее функции – слежение за идеологической корректностью и практической полезностью разрабатываемых в академии научных тем.

привело, в частности, к жесткому противостоянию между руководством Президиума АН СССР (и лично А.Н. Несмеяновым) с Отделением технических наук АН СССР, а с другой – сказывалось отсутствие позиции политического руководства страны по коренным вопросам реформы: даже несколько фраз, произнесенных Н.С. Хрущевым по этому вопросу на XX съезде КПСС, означали скорее приглашение к реформе академии, без четкого обозначения личной позиции советского лидера.

Противоречия же между сторонниками и противниками реформ обострялись. К.В. Иванов, например, анализируя выступление А.Н. Несмеянова на московском активе, в котором он предлагал для обсуждения модель разделения труда в науке, изложенную им в секретных записках для ЦК, заметил то, что он (Несмеянов), цитируя директивы XX съезда, «намеренно или случайно» опустил фразу «о концентрации усилий научных и материальных ресурсов научно-исследовательских институтов главным образом на научных проблемах, имеющих наибольшее хозяйственное значение», выделив при этом тезис о необходимости «обратить внимание на тот факт, что директивы призывают нас к тому, чтобы расширить теоретические исследования во всех областях знания». На такое свободное толкование президентом партийных документов Отделение технических наук АН СССР отреагировало резкой критикой. В частности, директор Института машиноведения А.А. Благонравов обратил внимание президента на то, что в директивах съезда речь идет не только о важности теоретических исследований, но и о необходимости приблизить науку к конкретным нуждам экономики. Поэтому, по утверждению Благонравова, роль Отделения технических наук приобретает особое значение, поскольку оно должно принять участие в решении множества наиболее важных задач, стоящих перед народным хозяйством страны¹.

Переломным для судьбы академической реформы стал состоявшийся в июне 1959 года Пленум ЦК КПСС, рассмотревший вопрос о работе по выполнению решений XXI съезда КПСС об ускорении научно-технического прогресса в промышленности и строительстве. Выступившие на пленуме академики А.Н. Несмеянов (речь произносил с трибуны пленума), А.В. Топчиев и Н.Н. Семенов (речи были приложены к стенограммам) напрямую об академической реформе не говорили, а ограничились рассказом об общих задачах академии и о ее организационных проблемах и более подробно остановились на перечислении конкретных научных достижений. Кроме того, Н.Н. Семенов предложил усилить фундаментальные исследования в академии, совершенно не затронув при этом вопрос о передаче прикладных исследований под юрисдикцию отраслевых министерств.

На этом фоне совершенно неожиданным явилось сделанное Н.С. Хрущевым в его заключительном слове заявление о необходимости убрать из АН СССР часть институтов прикладного профиля. «Думаю, – говорил он, – что создалось трудное положение в некоторых научных учреждениях Академии наук. Со мною отдельные ученые могут не согласиться, но я считаю, что неразумно, когда в Академию наук включили вопросы металлургии, угольной промышленности. Ведь раньше в Академии наук не было этих отраслей. Но вот взяли замечательного инженера и крупного ученого товарища Бардина. Он строил Кузнецкий комбинат, теперь посадили его в академию.

¹ См.: Иванов К.В. Как создавался образ советской науки в постсталинском обществе // Вестник РАН. 2001. Т. 71, № 2. С. 107.

И он правильно стал добиваться, чтобы ему построили соответствующий институт в Москве. Примерно так же получилось с крупным специалистом по углю академиком Шевяковым... Что же, товарищи, разве наука хуже может развиваться в Свердловске, Сталино или Днепропетровске, чем в Москве? Это неверно. Там, где жизнь, там и наука... Лучше пойти по другому пути. Давайте создавать лаборатории при заводах, при фабриках, создавать институты и другие научные центры при совнархозах, куда наряду с опытными, известными учеными выдвигать больше молодежи... Мы попросим, чтобы Академия наук СССР, ее президент разработали предложения о дальнейшем улучшении деятельности академии, ее отделений, филиалов и институтов»¹.

Что же или кто повлиял на столь радикальный шаг Н.С. Хрущева? Разумеется, это были люди не из партийного аппарата, а авторитетные ученые, имевшие, что крайне важно, возможность непосредственного общения с лидером страны. По мнению президента АН СССР А.Н. Несмеянова, идею реформирования академии советский руководитель мог вынести из личных разговоров с курировавшим разработку космических программ академиком М.В. Келдышем, который был убежденным сторонником реформы академии. Со временем А.Н. Несмеянов напишет: «Лишь М.В. Келдыш убежденно защищал те изменения, которые он, став президентом Академии наук, и осуществил: это было увеличение числа отделений, каждое из которых было ответственно за некоторую большую важную проблему; ликвидация Отделения технических наук. Нам – большинству – казалось, что эти предложения неприемлемы по ряду соображений, а ликвидация Отделения технических наук вызвала бы взрыв и по тактическим причинам»².

Словом, Н.А. Несмеянов в лице М.В. Келдыша имел могучего союзника по реформированию Академии наук, что и предопределило дальнейший ход событий. Уже 6 июля 1959 года Президиум АН СССР адресовал Н.С. Хрущеву официальное письмо, в котором содержались одобрение и поддержка идеи, высказанной руководителем КПСС в заключительном слове на июньском Пленуме ЦК 1959 года.

Ключевыми элементами письма АН СССР были предложения передать в непосредственное ведение промышленности ряд институтов Академии наук отраслевого и индустриального типа, а также реорганизовать Отделение технических наук в Отделение автоматики, телемеханики и радиоэлектроники. При этом содержался перечень институтов и лабораторий, которые передавались отраслевым министерствам и ведомствам. Развернувшаяся в печати бурная дискуссия по этим вопросам лишь обострила диалог между сторонниками и противниками реформаторских предложений и ничего не дала для приемлемого компромисса. В этих условиях в конце 1960 года Советом Министров была создана для разрешения спорных вопросов специальная комиссия, в которую от правительства вошел его председатель А.Н. Косыгин, а от Академии наук ее президент А.Н. Несмеянов. Позже академик напишет: «...по мере рассмотрения судьбы академических институтов принимались и решения о передаче в отрасли. Постепенно дело определялось так, что если бы министерства, желающие принять наши институты, если эти министерства считались имевшими опыт руководства научными институтами, то институты им передавались»³.

¹ Речь Н.С. Хрущева на июньском Пленуме ЦК КПСС 1959 г. // Правда, 1959, 2 июля.

² Несмеянов А.Н. На качелях XX века. М., 1999. С. 264.

³ Несмеянов А.Н. На качелях XX века. М., 1999. С. 265.

Окончательная точка была поставлена 3 апреля 1961 года, когда состоялось принятие постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению координации научно-исследовательских работ в стране и деятельности Академии наук СССР». В нем, в частности, говорилось: «В целях сосредоточения Академии наук СССР на выполнении важнейших научно-исследовательских работ в области естественных и гуманитарных наук, а также для улучшения деятельности институтов отраслевого профиля по предложению Президиума Академии наук СССР передаются в ведение государственных комитетов Совета Министров СССР, министерств, ведомств и Советов министров РСФСР ряд институтов и других научных учреждений, а также филиалы Академии наук СССР. За Академией наук СССР сохраняется научно-методическое руководство филиалами»¹. Постановлением предусматривалось выведение из состава академии семи ее филиалов и более 50 институтов, принадлежавших главным образом Отделению технических наук; общее число сотрудников, выведенных из академических структур, – 20 тысяч человек. Легитимизация академической реформы ознаменовалась двумя поистине символическими событиями: совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 3 апреля 1961 года было опубликовано в «Правде» в день запуска первого пилотируемого спутника с Юрием Гагариным на борту, а 15 июня того же года один из самых убежденных сторонников академической реформы пятидесятилетний академик М.В. Келдыш стал президентом АН СССР.

И все же, несмотря на прорывной характер реформаторских мер по разделению фундаментальных и прикладных научно-технических исследований, оставался ряд проблем, которые требовали более быстрого и, главное, компетентного разрешения. И на первом месте – конфликт между естествоиспытателями и философами. Спор между ними носил методологический характер, когда шел разговор о роли философии в развитии естественных наук, но нередко он получал и идеологическую окраску, когда расхождения в позициях использовались для придания обсуждаемым проблемам идеологизированного оттенка, приклеивания политических ярлыков. Пример тому – записка инструктора отдела науки ЦК КПСС А.С. Мониной, которую он представил руководству отдела в мае 1958 года. В ней в категорической форме вносилось предложение о том, что академик Л.А. Арцимович должен быть «немедленно отстранен» от «руководящей организационной работы», так как он «допускает в своей среде резко антисоветские высказывания и выпады против руководителей партии и правительства»². В записке содержались идеологические обвинения также в адрес академиков А.И. Алиханова, Л.Д. Ландау, И.Е. Тамма. Противоречия особенно обострились на проводимых по плану Президиума АН СССР собраниях активов академии³, которые проводились с целью обсуждения итогов XX съезда КПСС и ста-

¹ Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 3 апреля 1961 г. «О мерах по улучшению координации научно-исследовательских работ в стране и деятельности Академии наук СССР» // Правда, 1961, 12 апреля.

² Илизаров С.С. Партаппарат против Тамма // Капица, Тамм, Семенов в очерках и письмах. М.: Вагриус; Природа, 1998. С. 346.

³ Такая форма обсуждения важных решений партии и правительства предусматривалась Уставом ВКП(б) от 1939 г.: активы созывались не только партийными, но и другими организациями (профсоюзами, комсомолом, трудовыми коллективами, учебными заведениями, научными учреждениями и т.д.); они носили неформальный характер, могли включать широкий спектр участников и предполагали не только ознакомление приглашенных с определенными документами, но и их критический анализ.

ли хорошим поводом для легального обсуждения тех предложений по реформированию науки, которые содержались в уже упоминавшихся нами секретных записях президента АН СССР А.Н. Несмеянова.

Особенностью этих активов было то, что они готовились Президиумом АН СССР в тесном сотрудничестве с Отделом науки и учебных заведений ЦК, а отчеты об этих мероприятиях обязательно направлялись в ЦК КПСС. Активы прошли во всех подразделениях академии при четком соблюдении требований – представительство как по признаку специализации, так и по географическому признаку. Участниками активов были не только сотрудники академии, но и приглашенные из других организаций и, разумеется, из партийных органов. О составе участников, например, ленинградского собрания свидетельствуют такие данные отчета, отправленного в ЦК КПСС: 84 академика и члена-корреспондента, 375 сотрудников ленинградских учреждений АН СССР, 52 сотрудника филиалов АН СССР, 62 представителя предприятий, научно-исследовательских учреждений и вузов Ленинграда, 72 представителя партийных, советских и общественных организаций.

Что касается споров по принципиальным вопросам, то, например, академик Л.А. Арцимович изложил это следующим образом: «У наших философов в их философском реквизите имеются давно заготовленные философские костюмы для каждой отрасли науки, причем сшитые по одной и той же мерке, из одних и тех же цитат. По этой причине когда на какую-нибудь отрасль науки этот костюм почему-то не лезет, то появляется тенденция подогнать путем хирургической операции эту отрасль науки под заготовленное для нее философское одеяние... Надо учесть, что новое научное содержание расширяет саму философию, а раз расширяет, следовательно, и изменяет... На основе любого сочетания имеющихся цитат невозможно ничего сделать в современной науке, и деятельность философии в отношении философии естествознания окажется бесполезной»¹.

Уловив конфронтационную тональность высказываний Л.А. Арцимовича, фактически означавших обвинение философов в их неверной интерпретации и непонимании современной науки, А.Н. Несмеянов так попытался сгладить ситуацию: «Я бы не согласился с К.В. Островитяновым в той его оценке выступления Л.А. Арцимовича, когда он с некоторым подозрением отнесся к нему: не собирается ли он, дескать, пересматривать основы нашей диалектико-материалистической философии, говоря, что каждое новое крупное физическое открытие должно менять философию. Конечно, я понимаю это так, что не философию оно должно менять, а должно обогащать философию. Я не сомневаюсь, что именно это он хотел выразить, вложить в свои слова»².

Большие надежды на примирение между философами и естественниками возлагались на проведение Академией наук СССР в октябре 1958 года Всесоюзного совещания по философским проблемам естествознания. «Основная задача настоящего совещания – укрепление творческого единства между философами и естественниками»³, – такое заявление во вступительном слове сделал президент АН СССР А.Н. Несмеянов. В унисон ему председатель оргкомитета совещания К.В. Островитя-

¹ Несмеянов А.Н. На качелях XX века. М., 1999. С. 238–239.

² Несмеянов А.Н. На качелях XX века. М., 1999. С. 146.

³ Несмеянов А.Н. Вступительное слово президента АН СССР // Труды Всесоюзного совещания по философским вопросам естествознания. М., 1959. С. 7.

нов обратил внимание на то, что, «созывая настоящее научное совещание, организационный комитет ставил задачу, чтобы эта дискуссия прошла в обстановке полного товарищеского содружества, чтобы она привела к сплочению многочисленной армии советских ученых в единый дружный коллектив»¹.

Удалось ли достичь примирения и «полного товарищеского содружества», к чему призывал К.В. Островитянов? Ответ на поверхности – отказ принимать участие в обсуждении философских проблем естествознания таких авторитетных ученых, как Л.А. Арцимович, А.Ф. Иоффе, П.Л. Капица, Л.Д. Ландау, И.Е. Тамм², означал открытый саботаж со стороны тех, от кого в первую очередь зависело смягчение пренебрежительного отношения физиков-ядерщиков к философам. Разумеется, это не могло пройти мимо внимания партийных инстанций – в отчетах ЦК КПСС это было оценено как негативное явление.

В конечном итоге это повлияло на общий уровень всего совещания, на котором физиков представляли Д.И. Блохинцев и В.А. Фок, пытавшиеся несколько ранее обосновать с позиций марксистской философии теорию относительности и квантовую механику³. В принятой резолюции совещания акцентировалось внимание на том, что «интересы самого естествознания и научной философии нашего времени ставят задачу усиления борьбы против идеализма и метафизики», ключ же в решении этой задачи – объединение усилий для совместной работы философов и естествоиспытателей «при обязательном условии глубокого изучения философами соответствующих разделов естественных наук и естественниками – диалектического материализма»⁴. Таким образом, это совещание не разрешило весь клубок как сугубо профессиональных, так и отношенческих проблем между философами и естественниками, оно стало еще одним мероприятием, подобным тем, которые проводились ранее.

Конечно, на такой ход событий не могло не влиять эхо кампаний против генетики (1948), против новых направлений в физиологии (1948), против квантовой химии (1949–1950) и др., имевших четко выраженный идеологический характер. Такие кампании осуществлялись в виде борьбы с «антипатриотизмом» и «безродным космополитизмом», «низкопоклонством перед Западом», «объективизмом» и «абстрактно-академическим духом», с нарушениями «принципа партийности». Разумеется, за всем этим стояла политическая власть, режим. Положения принятого 1 мая 1944 года постановления по идеологическим вопросам были по отношению к науке не только подтверждены, но и существенно дополнены новыми партийными установлениями.

В наращивании в это время идеологического ресурса в отношениях власти и науки большая роль отводилась состоявшейся в конце 1949 года беседе Сталина с группой философов о книге Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии».

¹ Речь академика К.В. Островитянова // Труды Всесоюзного совещания по философским вопросам естествознания. М., 1959. С. 9, 10.

² См.: Иванов К.В. Как создавался образ советской науки в постсталинском обществе // Вестник Российской Академии наук, 2001. Т. 71, № 2. С. 107.

³ См.: Иванов К.В. Как создавался образ советской науки в постсталинском обществе // Вестник Российской Академии наук, 2001. Т. 71, № 2. С. 107.

⁴ О задачах разработки философских вопросов естествознания. Решение Всесоюзного совещания по философским вопросам современного естествознания // Труды Всесоюзного совещания по философским вопросам естествознания. М., 1959. С. 604.

Продолжал доминировать ставший каноном в философии сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)», а работы вождя «Марксизм и вопросы языкознания» (1951) и «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952) были возведены в ранг выдающихся достижений общественной мысли.

В развернувшихся после XX съезда КПСС дискуссиях о реформировании Академии наук СССР наряду с такими проблемами, как разделение фундаментальных и прикладных исследований, а также философскими проблемами естествознания, о чем говорилось выше, широкий научный и общественный резонанс имела продолжавшаяся полемика о генетике, особую остроту которой придавала включенность в это противостояние руководства АН СССР и властей, прежде всего Н.С. Хрущева. Корни же этого конфликта уходят в 1937 год, поэтому для полноты картины нам придется сделать небольшой исторический экскурс.

Дело в том, что на проходившем 29–30 марта 1937 года активе Академии наук СССР, посвященном обсуждению решений февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) (на нем Сталин призвал усилить борьбу против «вредителей и врагов народа», а известный оппонент Сталина в руководстве партии член Президиума АН СССР академик Н.И. Бухарин прямо на пленуме был арестован), неприменный секретарь АН СССР академик Н.П. Горбунов в резко критической форме обрушился на самостоятельно мыслящих ученых. Он обвинял их в том, что по их вине академия оказалась в стороне от разгоревшихся тогда дискуссий по вопросам генетики, являющихся, по его словам, «серьезными политическими вопросами, имеющими и классово-воспитательное значение, потому что от правильности разрешения их зависит и правильная организация колхозов».

В этих формулировках четко просматривалось стремление провести линию партийного руководства в неидеологизированной отрасли науки, что содержалось и в таком его расширенном пассаже о необходимости политической подготовки академиков: «Политическое воспитание наших академиков мы должны поднять на высокий уровень. Вот, например, акад[емик] Вильямс, он основательно изучает марксизм, диалектику. Владимир Леонтьевич Комаров также повышает свое политическое образование. А многие академики говорят, что они уже изучили марксизм. Например, Николай Иванович Вавилов серьезно думает, что он овладел позициями марксизма. Вернадский Владимир Иванович придерживается того же мнения о себе. А знаете, как он понимает марксизм? Он утверждает, что наша философия отстает от развития науки, а в буржуазных странах этого явления не наблюдается. Там и религия не отстает от науки. Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин, по мнению Вернадского, являются не материалистами, а идеалистами, потому что они гегельянцы. Вот что говорит В.И. Вернадский»¹.

Дело такими оценками не завершилось – актив принял решение провести 20–21 мая 1937 года общее собрание Академии наук. Как и следовало ожидать, на нем генетика и связанные с ней проблемы обсуждались с особой остротой. Разговор на собрании вышел за рамки научной дискуссии, в адрес Н.И. Вавилова и коллектива возглавляемого им Института генетики АН СССР прозвучали голословные утверждения и необоснованные упреки, которые транслировались от Лысенко и его покровителей из партийного аппарата.

¹ Архив РАН. Ф. 2. Оп. 4. Д. 1. Л. 159–160.

Дело дошло даже до обвинений основоположника экспериментальной отечественной биологии члена-корреспондента АН СССР Н.К. Кольцова в развитии «теорий, льющих воду на мельницу расистских теорий фашизма». Позиция Н.И. Вавилова в этой ситуации была принципиальной и крайне жесткой, он дал достойную отповедь лысенковщине и тем, кто стоял за его плечами. Он как теоретик защищал генетику от нападок Лысенко и в последующие годы. «Пойдем на костер, будем гореть, но от своих убеждений не откажемся»¹, – так он заявил на одном из собраний во Всесоюзном центре растениеводства 15 марта 1939 года.

Принципиальность и бескомпромиссность Н.И. Вавилова в борьбе со лженаукой и партийными покровителями лысенковщины ему дорого стоили. 16 июля 1939 года Л.И. Берия в письме В.М. Молотову испросил согласие на арест Н.И. Вавилова. Непосредственным поводом для такой акции послужило то, что после назначения в 1937 году Т.Д. Лысенко президентом Академии сельского хозяйства Н.И. Вавилов и возглавляемая им школа так называемой формальной генетики якобы организовали «систематическую кампанию с целью дискредитировать его как ученого»². А дальше – арест 5 августа 1940 года, следствие, смертный приговор, перевод в октябре в саратовскую тюрьму № 1, где он умер 26 января 1943 года. Такова цена, которую заплатил академик Н.И. Вавилов за то, что он бескомпромиссно отстаивал истину, решительно опровергал наветы и клевету, не собирался становиться на колени перед теми, кто стал инструментом в руках лысенковцев и их покровителей во властных структурах в проведении фактически антинародной политики в отечественной науке.

Верность науке дорого обошлась и другим честным и принципиальным ученым: заместитель директора московского Института генетики П.К. Шкварников возглавил колхоз на Украине; активный участник непосредственной дискуссии с Лысенко Ю.Я. Керкис был уволен из института и какое-то время работал в овцеводческом совхозе в Таджикистане; Ю.П. Мирюта (ученик Н.И. Вавилова) после увольнения стал трудиться в колхозе бригадиром; представительница московской генетической школы В.В. Хвостовая оказалась на скромной должности библиотекаря³.

И самый большой парадокс заключается в том, что жертвой в борьбе против «вредителей и врагов народа» стал не только бездоказательно обвиняемый властями Н.И. Вавилов и его сторонники, но и упоминавшийся выше неперемный секретарь АН СССР академик Н.П. Горбунов, выступивший одним из главных действующих лиц в дискредитации Н.И. Вавилова, с той только разницей, что под репрессивную машину он попал раньше невинного академика: в конце мая 1937 года он был снят со своего поста, в феврале 1938 арестован, весной того же года лишен звания академика, а в сентябре расстрелян.

Так завершилось противостояние генетиков лысенковщине в довоенные годы. Собственно говоря, оно не завершилось, а законсервировалось на какое-то время в незавершенном и неразрешенном виде, и достаточно было гласно и демократично проводимых упоминавшихся нами активов Академии наук по обсуждению итогов XX съезда КПСС, чтобы спонтанные, эмоционально окрашенные дискуссии бук-

¹ Поповский М. Дело академика Вавилова. М.: Книга, 1991. С. 200.

² Вавилов Н.И., Рокитянский Я.Г. Голгофа: Архивные материалы о последних годах жизни академика Вавилова (1939–1943) // Вестник РАН, 1993. № 9. С. 4.

³ См.: Наука в Сибири, 1994. № 7. С. 4.

важно взорвали ситуацию вокруг законсервированных конфликтных проблем сталинской науки, что коснулось, прежде всего, генетики.

Расстановка сил в новой, послевоенной ситуации – фактически та же, что и в предвоенные годы: Т.Д. Лысенко – в фаворе у властей, прямое вмешательство партийных органов в неидеологизированную науку, наклеивание ярлыков и т.д., и т.п. Выступая на состоявшемся в декабре 1956 года общем собрании Академии наук СССР, ее президент вынужден был признать: «...в нашей биологии стала ускоряться привычка решать спорные научные вопросы путем зажима и подавления научных противников, наклеивания ярлыков и тому подобными ненаучными способами. Все это отрицательно сказалось на развитии в нашей стране биохимии, цитологии, цитогенетики, относительно которых у излишне подозрительных деятелей науки возникло мнение, что они противопоставлены мичуринской науке... Вообще надо сказать, что попытки установить официальные оценки большинством или более громким звучанием голосов не полезны науке. Необходимы свободные дискуссии, основанные на доказательной научной аргументации, а в спорных случаях – экспериментальная проверка в условиях специально созданных комиссий, представляющих все мнения»¹. Нетрудно представить, что предложение президента об экспериментальной проверке было для Лысенко смертельно опасно: ведь проверка «теорий» наследственности сразу же положила бы конец его учению. Логика развернувшейся дискуссии не могла не возратить ее участников к состоявшейся в 1948 году сессии ВАСХНИЛ, которая, по мнению многих ученых, сыграла деструктивную роль в разрешении противоречий генетической науки.

Выступивший в сентябре 1956 года на партийном собрании аппарата АН СССР с докладом «О состоянии и перспективах советской науки за последние пять-шесть лет» А.Н. Несмеянов заявил: «Сессия ВАСХНИЛ 1948 года сыграла отрицательную роль в развитии тех направлений биологической науки, которые я характеризовал как определяющие пульс биологии... Свободные дискуссии в науке полезны и способны осветить положение. Я считаю, однако, что опыт организационных мероприятий, последовавших за дискуссиями в ВАСХНИЛ 1948 года и физиологической дискуссией 1950 года, был в основном отрицательным, потому что в закупоренной бутылке наука существовать не может... Без свободы мнений и свободы исследований нет прогресса в науке»².

На этом этапе дискуссий о генетике трудности в разрешении спорных научных проблем объяснялись не в последнюю очередь тем, что Н.С. Хрущев, развенчавший культ Сталина и сменивший его на посту лидера страны, как и его предшественник, всячески поддерживал Т.Д. Лысенко и защищал его. Когда на проходившем осенью 1956 года заседании Президиума АН СССР при обсуждении вопроса о создании Сибирского отделения АН СССР прозвучала критика в адрес Лысенко, присутствовавший на заседании Н.С. Хрущев раздраженно заявил: «Лысенко в обиду не дам. Он по полям в сапогах ходит, а ваш Цицин в ботинках»³ (Н.В. Цицин – ботаник и селекционер, академик АН СССР с 1939 года и ВАСХНИЛ с 1938, дважды Герой Социалистического Труда. – А.К.).

¹ Архив РАН. Ф. 2. Оп. 7. Д. 108. Л. 49–50.

² Архив РАН. Ф. 1647. Оп. 1. Д. 167. Л. 11. С. 3.

³ Цит. по: Соловьев Ю.И. Молчали не все // Вестник РАН. 1994. Т. 64, № 12. С. 1105.

Так в условиях либеральной оттепели развернулось второе (после довоенного) противостояние по проблемам генетики, прочертившее разделительные линии, с одной стороны, внутри научного сообщества, а с другой – между обновленчески настроенной частью научного сообщества и властью. На проходивших в 1956 году академических активах (16–17 апреля в Ленинграде, 24–25 апреля в Новосибирске, 7–8 мая в Москве) в очень острой форме был поставлен вопрос о деятельности Т.Д. Лысенко. Причиной озабоченности многих ученых была существовавшая тогда незащищенность от необоснованных обвинений, прежде всего идеологических, и опасность повторения того, что связано с именем Лысенко. На ленинградском активе, например, член-корреспондент АН СССР Д.Н. Насонов отметил, что причиной серьезных недостатков в отечественной цитологии является «водворение насильственно созданных авторитетов – икон, которые своим словом, своим мнением подменяют истинные критерии научно-исследовательской работы каждого ученого-материалиста, эксперимента и наблюдения». По его мнению, создание имиджа Лысенко – дело рук его самого и его сотрудников, которые действовали «методами запугивания, благодаря чему целая биологическая область науки пришла в упадок»¹. Солидаризируясь с ним, профессор В.Н. Тихомиров, в свою очередь, заявил, что сессия ВАСХНИЛ 1948 года «открыла неограниченные возможности для аракчеевской обстановки, которая создалась в биологии»².

Противоборство вокруг этой сессии ВАСХНИЛ зашло настолько далеко, что президенту АН СССР А.Н. Несмеянову пришлось приложить немалые усилия, чтобы хотя бы частично смирить создавшуюся ситуацию и не допустить пересмотра решений сессии ВАСХНИЛ. Позиция президента АН СССР была такова: на сессии «стоял вопрос о борьбе материализма с идеализмом», и «сессия обеспечила победу марксистско-ленинской методологии в биологической науке». Он вместе с тем подчеркнул: «Нельзя сводить все огромное значение сессии к деятельности отдельных лиц». Кого он имел в виду, говоря об «отдельных лицах», – ответ содержится в последовавшей после упомянутых выше слов фразе: «У нас нет оснований отрицать научные заслуги Т.Д. Лысенко»³. Попытка руководства Президиума АН СССР занять компромиссную позицию по этой проблеме, в конечном итоге, означала действия в русле проведения партийной линии, то есть демонстрацию солидарности с Н.С. Хрущевым.

Половинчатости в оценке лысенковщины и лично Лысенко группа авторитетных ученых, представителей самых разных научных дисциплин противопоставила свою четкую радикальную критическую позицию. И произошло это на общем собрании АН СССР в декабре 1956 года, на котором с докладом «Основные направления в работе Академии наук СССР» выступил А.Н. Несмеянов. Именно на этом мероприятии состоялась первая публичная отповедь членов АН СССР Т.Д. Лысенко⁴.

¹ См.: Отчет секретаря Ленинградского обкома КПСС Козлова о собрании актива АН СССР в Ленинграде. 1956. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Ед. хр. 16. С. 29.

² Отчет секретаря Ленинградского обкома КПСС Козлова о собрании актива АН СССР в Ленинграде. 1956. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Ед. хр. 16. С. 29.

³ Отчет секретаря Ленинградского обкома КПСС Козлова о собрании актива АН СССР в Ленинграде. 1956. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Ед. хр. 16. С. 151.

⁴ Продолжительное время многие считали, что впервые открытая критика Т.Д. Лысенко и его сторонников прозвучала в Академии наук СССР на общем собрании 26 июня 1964 г.; со временем такая неточность была устранена.

Приводимые нами ниже фрагменты этой дискуссии – поучительный пример профессиональной честности и высокой гражданской ответственности тех, кто действовал без оглядки на власть и кто демонстрировал неприемлемость политической конъюнктуры в отстаивании научной истины. Академик Л.А. Арцимович начал свое выступление с сожаления, что в докладе президента АН СССР «некоторые печальные факты были очень... ослаблены»¹. Он призывал сделать все необходимое, чтобы в дальнейшем «не могло повторяться такое положение, когда твердо установленные научные факты отвергались путем приклеивания ярлыков, чтобы настоящая философия диалектического материализма подменялась прагматизмом, чтобы совесть ученых молчала в то время, когда школьникам и студентам бабушкины сказки выдаются за последние достижения науки»². А для «назидания будущим академическим поколениям» он предложил сделать вывод из того, что появилась тенденция возникновения таких научных школ, которые прикрываются «фамильными знаменами», присваивая себе права целых отраслей науки. В создании некоторых школ «павловской физиологии», «мичуринской биологии», «бутлеровского учения в органической химии» и др. он увидел стремление некоторых ученых прикрыть себя от критики и иметь возможность утрашивать инакомыслящих»³. Такая оценка академика была подкреплена голосами с мест: «Правильно!»

В свою очередь, академик И.Е. Тамм, обратил внимание на фундаментальные сдвиги, происходящие в биологии, которую он поставил по значимости рядом с физикой (фотосинтез, который совершенно по-другому поставил вопросы экономики в сельском хозяйстве, проникновение в биологию методов физических и химических наук, из которых электронный микроскоп – только «скромное начало»; обнаружение в совокупности коллективных работ биологов, генетиков, биохимиков и биофизиков материальной основы наследственности и ее специфики), с сожалением отметил, что многое из названного им осуществлено «не у нас, а за рубежом», что это «чревато для отечественной науки». Его аргументы: руководимый Лысенко Институт генетики «научной генетикой не занимался»; в создании Института радиогенетики никаких сдвигов нет (острота же проблемы – строительство атомных станций поставило вопрос о влиянии радиации на человека не только в смысле лучевой болезни, но и в смысле генетической наследственности); «все сказанное на сессии ВАСХНИЛ в 1948 году не соответствует действительности»; «мичуринская биология, как ее понимает академик Лысенко, – это... злейшая карикатура на диалектический материализм»; точка зрения Лысенко «является субъективно-идеалистической точкой зрения на биологию»⁴.

Академик же В.А. Энгельгардт назвал знаменательным тот факт, что в докладе президента АН СССР поставлено «буквально бок о бок два ряда проблем, два раз-

¹ См.: Первая публичная отповедь членов АН СССР Т.Д. Лысенко // Вестник РАН. Т. 64. № 12, 1994. С. 1106.

² См.: Первая публичная отповедь членов АН СССР Т.Д. Лысенко // Вестник РАН. Т. 64. № 12, 1994. С. 1106.

³ См.: Первая публичная отповедь членов АН СССР Т.Д. Лысенко // Вестник РАН. Т. 64. № 12, 1994. С. 1106.

⁴ См.: Первая публичная отповедь членов АН СССР Т.Д. Лысенко // Вестник РАН. Т. 64. № 12, 1994. С. 1107.

дела естественных наук, одинаковые по своей значимости»¹ – ядерная физика и биология. Отметив, что «за минувшие десять лет у биологов не появилось чего-либо такого, что можно было бы сопоставить с успехами физиков и представителей других точных наук»², он назвал и причины, которые привели к такому положению дел. Главные из них: а) последствия «прямого торможения работ в известных разделах, например, в области экспериментальной генетики», где «у нас были хорошие предпосылки и кадры, традиции»; б) отсутствие «своего задела», особенно в тех областях, которые попали в такое же положение, как и генетика, в частности, в цитологии. Принимаемые меры по исправлению такого положения дел он назвал имеющими «несколько абстрактный характер»³.

Академик А.П. Александров сосредоточился на анализе той части доклада президента АН СССР, которая не касалась его специальности, – на генетике, отметив при этом, что ситуация с ней (генетикой) «гораздо серьезнее, чем о ней говорили выступающие». Уточняя такой вывод, он заявил: «Дело в том, что у нас не только было задержано развитие генетики, но и в том, что некому сейчас вести исследования в этой области. Генетика была слаба и до тех событий, которые привели ее к стагнации. В частности, прикладная генетика у нас совершенно не была развита». По его оценке, удручающе выглядела кадровая ситуация в генетике: с одной стороны, специалисты, которые были десять лет назад и которые уже тогда не находились на передовых рубежах, за прошедшее время еще больше отстали; а с другой стороны – «то, что студенты проходят ныне в вузах, даже отдаленно не напоминает современный уровень знаний в области генетики»⁴.

И поскольку, обратил внимание В.А. Энгельгардт, «у нас нет никакой сколько-нибудь подготовленной молодежи», то «мы не только отстали, но и не имеем возможности восполнить это отставание в течение, вероятно, десятка лет». Не услышав в основном докладе на общем собрании внятных предложений по исправлению допущенных ошибок, он обратился к президенту АН СССР с таким призывом: «Мне бы хотелось, чтобы Александр Николаевич в своем заключительном слове все-таки четко сформулировал, какие же позиции занимает в данном случае Академия наук, собираются ли Президиум и Александр Николаевич лично доложить правительству и ЦК о том, что здесь создается аварийное положение?»⁵

Член-корреспондент АН СССР В.Л. Рыжков, солидаризируясь со многими выступающими в оценке положения дел в генетике, изложил свое видение этой проблемы. Напомнив о том, что после открытия в свое время закона Менделя, когда стали известны элементы атомистики, комбинаторики, калейдоскопизма в генетике, новые научные достижения вступили в противоречие с концепцией организма как целого,

¹ См.: Первая публичная отповедь членов АН СССР Т.Д. Лысенко // Вестник РАН. Т. 64. № 12, 1994. С. 1107.

² См.: Первая публичная отповедь членов АН СССР Т.Д. Лысенко // Вестник РАН. Т. 64. № 12, 1994. С. 1107–1108.

³ См.: Первая публичная отповедь членов АН СССР Т.Д. Лысенко // Вестник РАН. Т. 64. № 12, 1994. С. 1107.

⁴ См.: Первая публичная отповедь членов АН СССР Т.Д. Лысенко // Вестник РАН. Т. 64. № 12, 1994. С. 1107–1108.

⁵ См.: Первая публичная отповедь членов АН СССР Т.Д. Лысенко // Вестник РАН. Т. 64. № 12, 1994. С. 1108.

он задался вопросом: а что же произошло с отечественной генетикой в 1948 году? И дал ответ: «Произвели самую простую операцию – отменили все реальное биологическое знание, приобретенное тысячами исследователей». Результат – «остался лишь организм в целом. Остаться-то остался, но только утратил всякое содержание. Можно ли назвать это диалектическим материализмом? Конечно, нет...»¹

Выступивший в дискуссии академик Лысенко, не найдя никаких аргументов, чтобы возразить своим оппонентам, занялся критикой биологической части доклада президента АН СССР, усмотрев в нем подмену биологической специфики химией и физикой. Ответ президента был таков: «Трофим Денисович упрекает меня в том, что я говорил о биологической физике, о биологической химии, по существу, о химии и физике, но не о биологии и ее центральных проблемах. Несколько раз это прозвучало и в других выступлениях – есть ли биологическая специфика. Нет, я понимаю, что есть биологическая специфика, которую никак не сведешь (это было бы безумием) к законам физики и химии, но это не значит, что физика и химия и та же самая механика не могут осветить для биологов многие из биологических закономерностей лучом прожектора, которые иными путями не осветишь». При этом он повторил ранее высказывавшееся мнение о необходимости мичуринскую науку «освободить от шелухи, которой довольно много»². Так завершилась еще одна дискуссия по проблемам биологии, более ярко высветив не только позиции научных оппонентов, но и расстановку сил в этом вопросе между наукой и властью.

Как и предыдущие две дискуссии в научном сообществе – об отношениях между фундаментальной и прикладной наукой и по философским проблемам естествознания – это явилось отражением необходимости более последовательного реформирования советской постсталинской науки, выведения ее на новый качественный уровень в национальном и международном плане. В этих условиях, разумеется, не могла не реформироваться и формула «наука и власть».

Что же означали для отечественной социологии описанные нами процессы по созданию нового образа советской науки в постсталинском обществе? Ведь к моменту оттепели социологическая наука в СССР была в «лежачем состоянии» и ее ренессансу предстояло вписаться в общую канву постсталинского научного реформирования – иного пространства для нее просто не существовало. Поэтому вполне закономерен вопрос: какие выводы, вытекающие из научного реформаторства (особенно на начальном этапе – с 1953 по 1961 годы), имели определяющее значение для возрождения советской социологической науки. Прежде всего, речь идет о существенных изменениях, а в ряде случаев и о ревизии вавиловской версии сталинской науки как науки народной, партийной, практической и плановой.

Концептуальными чертами реформаторского взгляда Н.А. Несмеянова на образ отечественной науки, отличавшими ее от вавиловского понимания, были такие ключевые элементы. Во-первых, в отличие от вавиловского подхода к науке как к прочно установившейся и стабильной структуре с жестко определенными приоритетами и критериями оценки эффективности работы³, А.Н. Несмеянов рассматривал ее как быстро

¹ См.: Первая публичная отповедь членов АН СССР Т.Д. Лысенко // Вестник РАН. Т. 64. № 12, 1994. С. 1108.

² Архив РАН. Ф. 2. Оп. 7. Д. 109. Л. 230.

³ См.: Иванов К.В. Как создавался образ советской науки в постсталинском обществе // Вестник Российской Академии наук, 2001. Т. 71, № 2. С. 111.

растущий и меняющийся организм, в котором новое и прогрессивное со временем превращается в излишнее, тормозящее, задерживающее развитие. Во-вторых, если в толковании принципа партийности в науке для Вавилова была партия во главе с вождем, то для Несмеянова, как значится в его записках 1955 года, – «сила, обновляющая и стимулирующая науку», под которой он понимал «общественное мнение специалистов», которое «объективно отражает потребности развивающегося социалистического производства, обороны и культуры страны»¹. Он – сторонник мероприятий по «созданию многих независимых центров в каждой области науки», обеспечению «свободных дискуссий» на научные темы, устранения «монополии», осуществления децентрализации управления академией и др. В-третьих, вместо сталинского принципа связи науки с практикой появился новый подход – «обеспечение насущных нужд народного хозяйства». С 1955 года вплоть до реформы 1961 года советская наука делилась на три направления: а) занимающие приоритетное место фундаментальные исследования (термин «фундаментальная наука» прочно вошел в научный оборот в 1956 году, старый же аналог этого понятия – «чистая наука» – осуждался), не дающие быстрых и прямых результатов, но обещающие существенные результаты в будущем; б) исследования, «революционирующие технику» (например, работы по регулированию термоядерных реакций и строительству электронных вычислительных машин); в) давно освоенные и хорошо известные исследования, направленные на решение технических задач (разработки в области горнодобывающих установок, металлургии и др.).

В-четвертых, хотя А.Н. Несмеянову и не удалось добиться у партийных инстанций разрешения не планировать фундаментальные исследования, мотивируя тем, что «вряд ли можно точно определить ожидаемый результат и сроки»² для них, все же ему удалось решить ряд практических вопросов, связанных с планированием научных исследований, – были упрощены заявки на оборудование и материалы, что всегда занимало много времени и сопровождалось большой бюрократической волокитой; созданы мелкооптовые базы для обеспечения оперативной смены тематики; значительно упрощены формы, регламентирующие процедуры изменения сметы исследования в середине планируемого периода, и др.

В-пятых, А.Н. Несмеянов, стремясь исключить противопоставление «народа» и «науки», ушел от упоминания термина «народность», отдав предпочтение новой характеристике – «коллективность научного творчества». Это означало: успех в реализации научных новшеств зависит не только от исследователей, но и от практиков-инженеров, техников, рабочих, чиновников, объединенных в единый научно-практический производственный цикл.

Названные выше элементы обновляющегося облика постсталинской науки имели для общественных наук в одном случае прямое, в другом – косвенное значение. Но все они были хорошей методологической и практической базой для выработки тех моделей отношений между социологической наукой и властью, которые формировались и совершенствовались в период социологического ренессанса.

¹ См.: Несмеянов А.Н., Малышев В.А., Елютин В.П. Важнейшие задачи развития науки в шестой пятилетке. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Ед. хр. 2. С. 9, 10.

² Несмеянов А.Н., Малышев В.А., Елютин В.П. Важнейшие задачи развития науки в шестой пятилетке. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Ед. хр. 2. С. 8.

§2. Механизм отношений социологии и власти: между ранним постсталинизмом и перестройкой

«Социологический ренессанс», хронологические рамки которого определяются двумя либерализациями – хрущевской оттепелью и горбачевской перестройкой (на заключительном ее этапе, когда политический барометр уже указал: «опасно»), занимает в сложной, крайне противоречивой истории отечественной социологии особое место.

Терминологически этот период определяется учеными по-разному и неоднозначно – «ренессанс», «возрождение», «второе рождение», «реабилитация» и т.д., и за этим просматривается не лексическое разнообразие, а отражение разных содержательно-оценочных оттенков этого отрезка истории отечественной социологии. И, как нам представляется, провести четкую грань между этими интерпретациями крайне сложно, а наделять самостоятельным статусом каждый из указанных терминов, часто означающих одно и то же явление, некорректно. Словом, нельзя не считаться со многими нюансами и деталями, влияющими на содержательный вектор упомянутых понятий. Член-корреспондент РАН Ж.Т. Тощенко, например, своему собеседнику Б.З. Докторову на заданный им вопрос: «Не кажется ли вам, что точнее говорить не о возрождении, но о втором рождении социологии?» – объяснил свое понимание этого вопроса следующим образом: с одной стороны, о возрождении можно говорить довольно условно, поскольку о русских социологах XIX века и 20-х годов XX века «вспоминали скорее по форме, чем по существу», хотя и это было данью традициям, подчеркиванием преемственности; с другой же стороны, о «втором рождении социологии» можно говорить в том смысле, что она решала принципиально отличающиеся от 20-х годов новые проблемы, сугобо современного характера и больше обращенные на аналогичные исследования за рубежом в этот период¹.

Мы отдаем предпочтение термину «ренессанс», разумеется, не из-за его привлекательного французского звучания, а по причинам наиболее полного его соответствия происходившим процессам. Хотя можно было бы использовать и «возрождение» – термин, идентичный, по нашему мнению, «ренессансу». Но только не «реабилитация», которая по аналогии с медициной может придавать оттенок внутренней хронической болезни, а по аналогии с юриспруденцией напоминать репрессивные акции против социологии, на чем и делают акцент некоторые исследователи истории социологического ренессанса. Некорректным также является внутреннее членение «социологического ренессанса» (то есть возрождения социологии) на такие отдельные этапы, как реформация, контрреформация, «запретный период», «проторенессанс», «золотой век», «период разгрома социологии», «период упадка» и т.д. Неприемлемость членения возрожденческого процесса отечественной социологии на основе названных выше «периодов» заключается, на наш взгляд, в демонстрации субъективно-личностного взгляда конкретного социолога и отсутствии единых принципов и критериев такого структурирования. «Социологический ренессанс» как историческое явление имеет четкие временные рамки: начало – хрущевская оттепель, конец – 1988 год, то есть акт официальной институционализации.

¹ См.: Тощенко Ж.Т. Социология возродилась в нашей стране сначала как политическая вирина // Социологический журнал. 2007, № 4. С. 167.

Все, что пролегалo между этими двумя полюсами – оттепелью и перестройкой, можно было бы сравнить со своеобразным огромным материком, постоянно подвергавшимся сейсмическим потрясениям во всех сферах общественного бытия – в моделях устройства общественно-политической системы, в векторе развития интеллектуальной и духовно-нравственной сфер жизни общества, в чем наука всегда имела ключевое значение, в принципах и методах вхождения страны в мировое сообщество. Этот материк не был застывшим, неподвижным объектом мировой цивилизации, он был по-своему динамичен, крайне противоречив и многообразен.

Вдуматься только, фактически одному и тому же поколению советских социологов – молодым энтузиастам раннего постсталинизма, ставшим к началу перестройки, то есть к завершающему этапу социологического ренессанса, седовласыми мудрецами, – пришлось заниматься социальной наукой в нескольких общественно-политических формациях, каждый раз по-новому теоретически обосновывая их историческую необходимость и правомерность, иногда критикуя отдельные недостатки, но больше занимаясь апологетикой: в период «в основном построенного социализма», а потом «развернутого строительства коммунизма», после чего последовал «зрелый социализм», «развитой социализм», затем этапы его дальнейшего «совершенствования», «ускорения», поиск вариантов «демократического социализма», «социализма с человеческим лицом», наконец, от ворот поворот – стремглав в капиталистический рынок в его первоначальной примитивно-грабительской форме. Для одной генерации – не многовато ли?

Эти парадигмы общественно-политического развития накладывались на персонализированные модели власти – сталинский культ личности, хрущевский волюнтаризм, брежневский застой, андроповско-черненко́вский «геронтологизм», горбачевский геростратизм, до основания разваливший сверхдержаву. Идеологическое и политическое перепрограммирование голов туда-сюда, с плюса на минус – и это все в жизни одного поколения исследователей. Социолог, как и любой другой обществовед, каждый раз подвергался опасности свернуть себе голову в интеллектуальном плане из-за смены политических и идеологических установок несколько раз – в результате поворотов то влево, то вправо, то вообще назад.

Необходимо учитывать и то, что возрожденческий процесс советской социологии происходил на фоне таких внешних факторов, как резкие перемены во всем мире, связанные с нарастанием кризиса Ялтинско-Потсдамской системы мироустройства, широким развитием национально-освободительных движений в ряде стран, возрождением интереса к христианству, ростом нигилизма и студенческими бунтами, нарастанием плюралистических тенденций в философии, социологии и политических доктринах, расширением рамок международного научного сотрудничества и налаживанием диалога между различными общественно-политическими и научными системами.

Но прожитое время измерялось не только формациями. Были еще и оттепели. И говорим об этом во множественном числе, так как считаем, что их было несколько. Причем одни из них оказались замороженными, так и не проявив себя сполна во возвращении истинной демократии и свободы личности, другим же оттепелям суждено было перейти в такую распутицу, после чего и сегодня еще трудно ожидать результатов весенне-летнего духовного созревания, даже не помышляя об осеннем собирании плодов.

Первая, то есть хрущевская оттепель началась сразу же после XX съезда в 1956 году. Наиболее существенным образом она проявилась в духовной сфере, особенно в среде художественной и научной интеллигенции. Она проходила очень сходным образом во всех бывших республиках СССР, хотя в каждой из них четко просматривалась и своя специфика, на что влияли в первую очередь национальные особенности и исторические традиции, а они были разными – у прибалтов, украинцев, среднеазиатов, кавказцев и т.д. К наиболее броским особенностям первой оттепели можно отнести своеобразную трактовку запрещенных или полузапрещенных тем, когда, несмотря на порой даже резкий критицизм художественных произведений, в конечном итоге все же просматривался оптимистический ракурс. Но это продолжалось недолго. Сам же Хрущев как-то и «приморозил» эту оттепель. Противоречивость оттепели и ее главного героя удачно символизирует созданный Эрнстом Неизвестным скульптурный памятник на могиле Хрущева – бронзовая голова на фоне белого и черного мрамора.

Вторая оттепель наступила после состоявшегося в 1961 году XXII партийного съезда. Она была более глубокой и более основательной, хотя тоже прекратилась со снятием Хрущева. В это время появилась литература «разгребательной грязи», значительно усилился разоблачительный пафос. Авторы старались, насколько это было возможным, сказать хотя бы часть правды об исторических и происходящих событиях. В период второй оттепели углублялся анализ исторического сознания, национального мышления, осуществлялся поиск козла отпущения и чужеродных сил, которые нанесли ущерб национальной самобытности разных народов. К этому времени следует отнести и повышенный интерес к почвенничеству. Звучали нотки антисемитизма.

И, наконец, третья оттепель – горбачевская, если ее можно назвать оттепелью в прямом смысле этого слова. Может быть, ближе к истине был Иосиф Бродский, который назвал перестройку уже не оттепелью, а просто «летней жарой» и даже «адской жарой». Мы не будем спорить с выдающимся поэтом, скажем только, что, по нашему глубокому убеждению, в «летнюю жару» перестройка не переросла, так как после оттепели наступила такая распутица, что из нее не удалось выбраться и само-му реформатору.

Что означала третья оттепель для советской науки, свидетельствует, например, прощальное слово президента АН СССР Г.И. Марчука на последнем общем собрании Академии наук СССР 9–10 октября 1991 года. Уже в первом абзаце своей речи он назвал собравшихся в зале, в том числе и себя, «участниками исторической драмы», в которой «слышатся трагедийные ноты», и стал транслировать залу полученные из кратера политического Чернобыля сигналы, напоминавшие скорее смертельные свистящие пули у виска, чем строгие формулировки академика. Вот эти слова-пули.

...«Драма», «трагизм момента», прекращает свое существование «Академия наук, которая в бурях века спасла и сохранила сердце и душу российской науки»; «сегодня от нее отсечены многие плодоносящие ветви, то есть научные сообщества, органически связанные с культурой древних цивилизаций Кавказа и Средней Азии, Украины и Белоруссии»; «наука всех суверенных государств бывшего СССР, включая Россию, скачкообразно становится структурно ущербной»; «реальные драматические процессы заслонены новыми идеологическими мифами, утопическими прожектами и абстрактными суждениями»; «отраслевая наука опорочена в глазах общества как

часть ненавистной командной системы – взамен же пока ничего не предложено», «разрушение советской науки будет тяжелой потерей и для всего мирового сообщества»¹. И еще: «Мы были слишком зависимы от власти, верили в ее благие намерения и понимание национальных задач». А дальше – фактически исповедались: «Потомки предъявят нам за это справедливый счет и будут правы»².

Прогнозируя будущее, он указал на то, что вновь созданная РАН будет «ареной действий трех сил», которые действовали в последние годы существования АН СССР. Первую силу представляют те, «кто пытался проводить необходимые изменения в рамках последовательных эволюционных реформ науки, кто пытался сохранить необходимые для выживания нашей нации структуры»; и с горечью президент заявил, что эти силы «сегодня представлены обществу как ретрограды»³. Вторая сила – «радикалы, имеющие мощную идеологическую поддержку прессы», сторонники разрушения «имперского образования», какими они считают АН СССР, надеющиеся построить «цивилизационную науку» западного типа. «Но на развалинах, – заявил Г.И. Марчук, – первым вырастает чертополох, а до культурных растений может и не дойти. Думаю, уже нынешнее поколение поймет, что в данном случае мы имеем дело с разрушителями отечественной науки»⁴ (подчеркнуто нами. – А.К.). Третья сила состоит из «молчаливого большинства», от позиции которого, по мнению Гурия Ивановича, будет в конце концов зависеть судьба нашей науки и нашей страны. И обращаясь к этому «молчаливому большинству», он заявил: «До сих пор вы поддерживали, часто пассивно, радикальные проекты. Пришло время с позиций научной логики оценить результаты и тенденции процессов, запущенных при вашем участии. Они еще не стали необратимыми, есть возможность влиять на ситуацию»⁵. Когда сегодня читаешь это прощальное слово президента АН СССР, тобой овладевает непреодолимое ощущение: это сказано в 1991 году, когда из мирового и национального интеллектуального пространства был вырублен мощнейший научный пласт, или эти слова прозвучали в 2013–2015 годах, когда российскую науку буквально потряс академический кризис? И в очередной раз это произошло на пересечении власти и науки.

Что же касается третьей оттепели, то, пожалуй, самым неожиданным стало то, что многие ученые, писатели, артисты, кинематографисты фактически прекратили заниматься научным и художественным творчеством и превратились в политиков, а нередко и в политиканов. Их стихией стали неформальные движения, полуофициальные или совсем неофициальные кружки, митинги на площадях и стадионах, парламентская трибуна, оперативная публицистика в газетах и на телеэкране. Многим из них не суждено было стать настоящими, то есть конструктивными политиками.

На место звездной болезни пришла болезнь политического популизма. Наряду с разразившимися в обществе войнами суверенитетов, законов языков и т.д., и т.п. разбушевались внутривидовые войны в самой среде интеллигенции. Выбросы

¹ Марчук Г.И. Прощальное слово президента // Вестник Академии наук СССР, 1992, № 1. С. 129–134.

² Марчук Г.И. Прощальное слово президента // Вестник Академии наук СССР, 1992, № 1. С. 132.

³ Марчук Г.И. Прощальное слово президента // Вестник Академии наук СССР, 1992, № 1. С. 132.

⁴ Марчук Г.И. Прощальное слово президента // Вестник Академии наук СССР, 1992, № 1. С. 132.

⁵ Марчук Г.И. Прощальное слово президента // Вестник Академии наук СССР, 1992, № 1. С. 133.

«конфронтационно-обжигающей магмы» из этого перестроечного кратера были настолько велики, что они благодаря нерасчетливым и безответственным действиям некоторых политиков способствовали социально-политическому взрыву в обществе. Парадокс, но факт остается фактом: интеллигенция, столь много сделавшая для утверждения гласности, разожгла и многие костры политического противостояния, она же, как никакой другой слой общества, продемонстрировала взаимную нетерпимость и враждебность, расколов свои ассоциации и союзы на многочисленные группировки. Поэтому даже и сейчас вряд ли нашелся бы смельчак, который рискнул бы высказать реалистичный (а не лозунговый) рецепт для хотя бы частичной консолидации и согласия в самой среде интеллигенции. Некоторые представители научной и художественной элиты в перестроечное и постперестроечное время продемонстрировали привитое еще в сталинские времена качество: верноподданничество верхам – вначале Горбачеву, а позже Ельцину. Как не вспомнить классиков: они или бичевали царизм, крепостничество, буржуазный строй, или занимали нейтральную политическую позицию. Но такого массового холуйства история нашей культуры никогда не знала.

Вместе с тем и ныне, когда разрушительные процессы нашего бытия еще далеки от того момента, когда состоится долгожданное обновление общества, трудно понять тех людей, которые пытаются представить советские поколения потерянными и даже виновными за все «социалистические перекосы». Что значит забывать о том, что усилиями этих поколений была возведена сверхдержава с ее экономической, военной мощью, да и с внешней политикой, с которой считался весь мир, независимо от того, искренне или вынужденно. А чуть раньше эти же поколения уберегли не только свое Отечество, но и все человечество от фашистского порабощения.

И какими же нравственно ущербными являются те, кто на окружающий мир – вчерашний и сегодняшний – заставляет смотреть через субъективистски усеченную щель, претендуя при этом на абсолютную истину, на истину в последней инстанции. Так рождается не только одномерное сознание. В недрах именно такой «вещи в себе» вырастает чертополох приспособленчества, идеологической перелицовки и лжи. Украинский поэт-шестидесятник Василий Симоненко в своем тогда «захалывном» («захалывные» – запретные; происходит еще от шевченковских времен, когда выдающийся поэт вынужден был прятать свои стихи «за халяву», то есть за голенище сапога) дневнике выделил три категории лжецов: одни лгут, извлекая из этого моральную или материальную выгоду; другие лгут, лишь бы лгать; а третьи служат лжи как искусству, они, собственно, придумывают или домысливают логические концовки к правде. Что скажешь о таких людях? Поэт прав: не умеющий писать не может завидовать Льву Толстому, он завидует соседу, который умеет всего лишь расписаться.

Но дело не только в том, что на одни и те же события можно смотреть через различные политические и нравственные очки. Приходится учитывать и то, что в то время, о котором идет речь, Иуда многих похлопал бы по плечу. Поэтому некоторые ниспровергатели тех или иных ценностей становились в изменившейся социальной ситуации их сладкопевцами, забыв при этом, что хлеб подаяния горек. И в который раз повторяется истина: кого Бог захочет наказать, того он прежде всего лишает разума. Добавим к этому – совести тоже. Поэтому и не случайно, что производство современных фамусовых, молчалиных, чичиковых и двуликих янусов достигло фабричных масштабов. Оборотни и перевертыши – как грибы после дождя. Парадигма

социального зла приобрела доселе невиданные размеры и непредсказуемо причудливое очертание. Но все это – не только достояние доперестроечного прошлого. Этими язвами не в меньшей, а может быть, и в большей степени поражено современное общество.

Поэтому строительство человеческой души – своей и других – это и есть тот социальный вектор, который может помочь нам выбраться из той трясины и нестабильности, в которых пребывает истерзанное наше общество. Ведь собственная тюрьма – это тюрьма совести. И никакие даже вершинные достижения разума не способны возвысить личность, если они не скреплены гуманистическими нравственными опорами. Даже атомное оружие, воплотившее в себе, казалось бы, гениальные взлеты интеллекта, – это трагический фарс, насмешка над способностями человеческого рода.

В раскрытии же взаимоотношений в системе «социология и власть» в период «социологического ренессанса» ныне четко обозначились такие три укрупненно выраженные позиции.

Позиция первая – позиция фактически бесконфликтного сотрудничества социологии и властей, когда на фоне реальных позитивных фактов и процессов преуменьшаются и нивелируются имевшие место острые углы и серьезные противоречия (особенно концептуально-исторического плана), порождаемые издержками существовавшего в те годы так называемого партийного руководства наукой в целом и социологией в частности. Такой подход не учитывает в полном объеме имевшие место факты нарушения плодотворного взаимодействия и даже взаимопонимания между частью социологического сообщества (или отдельными его членами) и властью (имея в виду не только директивно указующую политическую власть в лице партийных органов, но и руководящую и контрольную функцию высших академических управленческих органов, прежде всего Президиума АН СССР, которую они осуществляли по отношению к академическому социологическому сообществу, а также соответствующих органов управления в системе высшего образования).

В таких случаях отодвигаются на задний план имевшие место серьезные деформации как со стороны властей (гипертрофированное применение принципа партийного и классового подхода в общественных науках, административное и нередко некомпетентное вмешательство в творческий процесс ученых, серьезные просчеты в кадровой политике и т.д.), так и со стороны социологического сообщества, в котором отчетливо проявлялись «методологический дуализм» (официально за исторический материализм, а в неформальной обстановке против него), беспринципность, приспособленчество, карьеризм, «внутривидовая борьба», групповщина и др.

Позиция вторая – конструктивное (насколько это было возможно в условиях командно-административной системы) взаимодействие власти и социологии при соблюдении субординации в соответствии с принципами господствовавшей тогда доктрины партийного руководства. И если учесть, что это партийное руководство было тотальным, то объективно вырисовывается картина, когда все существенное в развитии социологии, нравится это кому-то или нет, не может не рассматриваться в контексте рассмотрения фактора партийного влияния как определяющего.

В самом деле, если условно изъять из истории социологического ренессанса осуществленные непосредственно КПСС или при ее решающей поддержке крупные события в жизни социологического сообщества, то от этой истории ничего не оста-

нется. Ведь речь идет о решении таких судьбоносных для социологии вопросов, как установление международных связей советских социологов и их интеграция в мировое социалистическое сообщество, решение высшей партийной инстанцией вопросов создания и реформирования институтов социологического профиля (ИПСИ/ИСИ АН СССР, ИС и ИПИ РАН), Советской социологической ассоциации, открытие социологических факультетов в вузах и т.д.

Видный американский социолог А. Гоулднер, осуществивший в 1965 году поездки в Польшу и Югославию, а в 1966 году в СССР с целью изучения состояния социологической науки в этих странах, с удивлением для себя обнаружил, что в тогдашних социалистических странах «новую социологию» возглавляли лица, занимающие крупные посты в политических партиях, и что именно благодаря им создавалась «наиболее теоретически изощренная и эмпирически точная социология, даже по американским критериям»¹.

Следовательно, концепция так называемых тотальных запретов и разгромов социологии (эта концепция будет обстоятельно рассмотрена отдельно) перекрывает дорогу правдивому восприятию истории отечественной социологии, формирует у подрастающей научной смены искаженное представление исторического прошлого. Поэтому «правду – всю и во всем» – это не лозунг, а категорический императив в объективном освещении сложного пути развития советской социологии, не в черно-белом варианте, а во всем многообразии позитивных достижений, взлетов и неоправданных деформаций, неудач и просчетов.

Академик Л.Н. Митрохин в свое время, комментируя оживленные обсуждения в массовых и академических изданиях проблемы «власть и наука», не согласился с тем, что «власть как в прошлом, так и в настоящем отвергала науку»². По его мнению, «опыт советского и перестроечного периода убеждает в том, что такое суждение поверхностно». И, как объективный аналитик, он не ограничился декларацией общих положений на этот счет. Он посмотрел вглубь проблемы, отмечая: «С одной стороны, всякая власть стремится подчинить общество своему максимально полному и эффективному контролю, а для этого нуждается в достоверных знаниях о законах его функционирования. Следовательно, она нуждается в науке. С другой – серьезный общественвед, так сказать, по определению не может подчинить свой поиск достоверного знания социальному заказу властей преобладающих. Больше того, пафос объективного исследования рано или поздно подводит его к критической оценке методов и результатов управления обществом – для правящей верхушки факту тревожному и нежелательному. Поэтому она, применяя политику кнута и пряника, стремится взять под свой контроль не только его направленность, но и конечные выводы, науку в строгом смысле подменить карманной “кремлевской наукой”, максимально приближенной к официальной идеологии». В этих условиях, как он считает, участники многообразных столкновений постоянно убеждаются в непродуктивности попыток «вырваться за рамки красных флажков» и напраситься на большие неприятности. Результат – «на теоретическое своеволие решаются немногие». И дальше он делает такой вывод: «Эти детали и тонкости приходится учитывать, когда мы пытаемся

¹ Гоулднер А. Наступающий кризис западной социологии. СПб.: Наука, 2003. Гл. 12: «О кризисе марксизма и возникновении академической социологии в Советском Союзе». С. 520.

² См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 592.

беспристрастно оценивать роль отдельных политических и академических деятелей в прошлом»¹.

В свою очередь, академик М.К. Горшков, говоря об уроках возрождения отечественной социологии и ее развития в постсоветский период, отмечает: «Социология, несущая высокий конструктивный общественный потенциал, должна уметь работать с властью, не ошарашивать ее на каждом шагу своими оценками и выводами, а последовательно и доказательно убеждать в полезности для власти социологического участия в делах государственных. Но и власть, со своей стороны, призвана уважительно и терпимо относиться к любой, в том числе к “строптивой” социологии, которая иначе, чем другие (и сама власть), оценивает положение дел в обществе. Годы... показывают: изначально социология явилась одним из языков власти, а потому была неотделима от политического процесса. Признаемся, случилось так, что она выступала служанкой власти. Но нельзя представить обратное, чтобы власть становилась служанкой социологии. Отсюда выверенный практикой вывод: отношения между социологией и властью должны строиться на принципах партнерства и толерантности. Это означает следующее: социология помогает власти осуществлять властные функции, повышать культуру и эффективность государственного управления. Власть, в свою очередь, через различные формы государственной поддержки обеспечивает свободу научного творчества, использует результаты социологической деятельности для более адекватного выражения в своей политике общенациональных интересов, уверенного выбора стратегии развития страны»².

В этом контексте необходимо сослаться и на состоявшуюся в 1988 году в Париже конференцию нобелевских лауреатов, на которой подчеркивалось: «Необходимо преодолеть существующую во многих странах разобщенность между политическими кругами и научным сообществом, для чего каждая из сторон должна признать ту роль, которую играет в обществе другая»³ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Нельзя не согласиться с М.Г. Пугачевой, которая с сожалением пишет о том, что нередко предлагается «предать забвению все, что было сделано при тоталитарном режиме, и начать российскую социологию если не заново, то вернувшись к дореволюционным временам»⁴. «Между тем, – отмечает она, – социология в СССР – уникальный культурно-политический и интеллектуальный феномен, требующий всестороннего изучения в историческом аспекте и в целях более глубокого понимания социальных ролей, которые выполняют социология и социологи в различных общественных системах. Уникальность советской социологии заключается прежде всего в том, что, будучи включена в процесс воспроизводства базовых идеологических и политических ценностей советского общества, она стала важным фактором его реформирования и, в конечном счете, революционного преобразования»⁵.

¹ См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 592–593.

² Горшков М.К. Уроки возрождения и перспективы отечественной социологии. В кн.: Вехи российской социологии. 1950–2000-е годы. СПб.: Алетейя, 2010. С. 30.

³ См.: Вестник высшей школы, 1998, № 3. С. 7.

⁴ Пугачева М.Г. Российская социологическая традиция 1960-х годов и современность // Социологический журнал. 1994, № 4.

⁵ Пугачева М.Г. Российская социологическая традиция 1960-х годов и современность // Социологический журнал. 1994, № 4.

Позиция третья – интерпретация взаимоотношений социологии и власти (в лице «партократов») в категориях постоянной борьбы и непримиримого антагонизма. В таких случаях власть (прежде всего партийная) предстает априори злом, сознательно разрушающим и уничтожающим еще не взращенное социологическое поле, перекрывающим прорастание малейших творческих начинаний. Власть, в трактовке сторонников такого подхода, тупа, примитивна, непрофессиональна и занята только тем, чтобы в очередной раз нанести удар по новой формирующейся социологической науке. Реакционный характер такой позиции определяется ориентацией ее носителей на крайний субъективизм в оценке конкретных фактов и процессов в жизни социологического общества, не только на подтасовку и фальсификацию исторически достоверных и документально подтвержденных фактов, но и на запуск в информационное пространство различного рода придумок, мифов и особенно никем (из собеседников или свидетелей) и ничем (документальными ссылками) не подкрепленных оценок событий и личностей.

В содержательном плане сторонники этой позиции как бы консолидируются с набравшим в наше время широту наступлением определенных политических сил против всего того положительного, что было сделано в СССР. Причем в поле зрения таких авторов не весь исторический процесс развития социологии с его определяющими тенденциями и частными эпизодами, а избирательная фрагментация его (процесса), придание отдельным фактам и событиям определенного (выгодного) вектора и особенно самовозвышение своего героического «я» над всем и всеми. Такие авторы сознательно или спонтанно оказываются в плену так называемого биографического детерминизма, построенного на такой персонификации истории мысли, когда в ее (истории) основу берется сугубо личностный критерий.

«Вопреки воле партийного руководства в стране стихийно сложилось мощное социологическое движение, объединившее большую группу философов и экономистов, представителей других научных дисциплин, которые перешли на позиции социологической науки. Несмотря ни на какие ограничительные и запретительные санкции, конкретные социологические исследования в стране проводились»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.) – эти слова, произнесенные с трибуны Всероссийского социологического конгресса 21 октября 2008 года, могут вызвать только горечь и недоумение от того, как можно извратить реальность. В самом деле, что означают конкретно слова «вопреки воле партийного руководства»? Кем и в какой форме такая «воля» проявлялась? И как это «стихийно» ученые «перешли на позиции социологической науки», а если это и случилось, то когда? И коль речь идет о позициях, остается лишь напомнить, что автор приведенной выше цитаты в описываемое время находился на позициях марксистско-ленинской социологии, причем находился твердо и непоколебимо.

По версии Г.В. Осипова, заслуга ученых-социологов второй половины XX века состоит в том, что им «в суровых условиях партократического режима... удалось создать неповторимую систему знания и добиться признания социологии как науки, сломив сопротивление противостоящей им объединенной армии философов-марксистов и безраздельно господствовавшей в СССР хорошо отлаженной машины партийной, государственной и идеологической власти»² (подчеркнуто нами. – А.К.). И в самом деле,

¹ См.: Социология и общество: пути взаимодействия. М.: Вече, 2010. С. 31.

² Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 15.

у социолога-марксиста советских времен после крушения марксистской социологической доктрины все выглядит как самая настоящая фронтальная конфронтация воюющих сторон – есть война, есть победители, а следовательно, должны быть и фельдмаршалы...

Можно сколько угодно спорить о противостоянии социологии и власти, философов-истматчиков и социологов, консерваторов и либералов в науке, но никто не может оспорить тот непреложный факт, что в силу известных причин решение всех ключевых проблем социологического ренессанса связано с властью, и прежде всего партийной, а также, что само собой разумеется, с руководящей и управляющей научной элитой, которая в определенной степени тоже осуществляла властные функции в свойственной ей форме. Трудно не согласиться с выводом о том, что «равным образом для объективного исторического исследования неприемлемо разграничение “хороших” и “плохих” идеологов, хотя изучение групповой борьбы и позиционных конфликтов в научном сообществе имеет принципиально важное значение для объяснения многих идейно-теоретических контrovers. Во всяком случае, нельзя заранее исключить существование “плохих” социологов и “хороших” идеологов»¹. И для историка социологии, в отличие от политика, на первом месте стоит не интерпретация (особенно с пристрастных партийных позиций), а прежде всего своего рода документально точная паспортизация каждого события, всех без исключения его нюансов и деталей. Вот если таким путем исследовать тернистый путь отечественной социологии, то непредвзятый аналитик увидит, что весь материк социологического ренессанса не может характеризоваться только альтернативными плюсовыми или минусовыми параметрами, изображаться двухцветно: красный или черный, черный или белый. Он, как и сама жизнь общества, являющаяся основным объектом социологического изучения, – многоцветная гамма, на фоне которой возвышаются такие события и факты, которые на сложном и противоречивом пути постижения научной истины становятся значимыми вехами.

В данном случае особое значение имеет (наряду с плюрализмом мнений отдельных исследователей, принадлежащих к различным течениям и группировкам) самый высокий (и определяющий) этаж этих отношений – в целом между социологией и властью. То есть речь идет о выяснении характера тех субъектно-объектных и объектно-субъектных отношений, в которых власть и научное сообщество характеризуются не только вертикальными субординационными связями, но и, что особенно важно, в ряде конкретных случаев могут в качестве субъекта или объекта частично меняться местами. Проще говоря, речь идет о встречных потоках воздействия субъекта и объекта друг на друга, когда, например, субъект (власть) благодаря механизму обратной связи получает от объекта своего воздействия (социологическое сообщество) ценные для себя материалы (аналитику, рекомендации и предложения ученых и др.) и в результате их реализации превращается из субъекта в объект – но это касается совершенно конкретных ситуаций, и при том непременно условии, что в принципиальном плане на директивно-руководящую функцию власти покушаться никому не было позволено.

При этом важно подчеркнуть, что властные отношения, как и персоналии, олицетворяющие их, – важнейший фактор развития советской социологии, ее во многом

¹ См. Социология в России // под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: изд-во Института социологии РАН, 1998. С. 24.

отличительная от зарубежной социологии черта. Именно поэтому в нашем случае без выяснения характера субъектно-объектных отношений между властью и социологией невозможно объективно ответить на ключевые вопросы социологического ренессанса. Вопрос может быть поставлен еще более прямо: как соотносится восприятие социологическим сообществом власти с тем, каким было отношение власти к социологической науке. Адекватными ли были ответы власти на вызовы, идущие от социологов, и рационально ли и грамотно ли строили социологи свои отношения с властью? Наконец, могла ли возрождаться советская социология без сотрудничества с властью (не в абстрактном плане, а с учетом реальной общественно-политической ситуации в стране)?

Начнем с того, какова точка зрения на этот счет социологов. В.А. Ядов, выступая на состоявшейся в сентябре 1994 года конференции по истории ленинградской социологической школы, рассказал о том, чем завершился поиск консолидированной позиции по истории советской социологии на одном из круглых столов, проведенных Институтом социологии и «Социологическим журналом»: «Участвовало человек пятнадцать, и надо сказать, что не было и двух человек, которые были бы солидарны в понимании прошлого. Один видел это как диссидентство. Другой – как науку, которую приручила партия. Третий – как борьбу разных школ внутри сообщества. Четвертый говорил, что социологи, как собаки, делятся на служебных, охотничьих и декоративных. Мое выступление свелось к тому, что никто историю социологии правдиво не напишет: она видится с разных точек зрения по-разному»¹.

В свою очередь, вслед за американским социологом Г. Одумом, при написании истории социологии США избравшим в качестве основного критерия биографический факт своего пребывания на посту руководителя Национального социологического общества до 1950 года, а также следуя получившему распространение за рубежом жанру *Selbstdarstellungen* (то есть изложение самим автором своих взглядов по поводу разных научных построений), Г.В. Осипов в беседе с ним академика Л.Н. Митрохина представил «тернистые пути отечественной социологии» прежде всего через призму определения своего (исключительного) места в социологическом ренессансе и своей «героической» борьбы с режимом в целом и с партократией, академиками-истматчиками и другими «консервативными» и «невежественными» в социологии силами² (к этой теме мы возвратимся более подробно). Его воспоминания перенасыщены цитированием без ссылок на достоверные источники, они содержат взаимоисключающие оценки некоторых личностей и событий (в одном случае у академика П.Н. Федосеева «ясного представления о социологии как самостоятельной науке со своим уже сложившимся категориальным аппаратом... не было»³, а в другом – он вместе с другими учеными «обосновали статус социологии как самостоятельной науки об обществе»⁴); налицо – переакцентировка оценок в более выгодном для автора свете (документально обоснованная критика за конкретные недостатки в работе институтского коллектива подается как разгром института). Доверие к воспомина-

¹ Ленинградская социологическая школа (1960-е – 1980-е гг.): Материалы международной конференции. Санкт-Петербург, 23–25 сентября 1994 г. М.: изд-во Института социологии РАН, 1998. С. 14–15.

² Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГ, 2005. С. 488–595.

³ См. Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГИ, 2005. С. 503.

⁴ Осипов Г.В. Социология и политика. М.: Вече, 2009. С. 81.

ниям Г.В. Осипова как к научному источнику подрывается из-за включения в повествование сценариев событий, как бы это ни выглядело парадоксальным... не имевших места в действительности, – «дружеская встреча» Г.В. Осипова и Сорокина П.А. на Эвианском социологическом конгрессе, на котором последний отсутствовал по состоянию здоровья; «активная поддержка» давно умершим (!!!) секретарем ЦК КПСС академиком Ильичевым Л.Ф. избрания Г.В. Осипова академиком Российской академии наук, которой при жизни Леонида Федоровича, разумеется, не было.

А вот пассажи, не имеющие никакого отношения к «тернистым путям отечественной социологии», а только размывающие цельность научного анализа и уводящие в сторону от магистральной темы:

– «когда М.С. Горбачев стал секретарем ЦК КПСС, я заметил, что в ЦК КПСС ко мне стали относиться с подчеркнутой приветливостью, часто приглашали на чай с баранками»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.);

– когда же начал собираться президиум Академии наук для обсуждения «закрытой брошюры» академика А.Д. Сахарова по вопросам демократии и экологии, якобы приглашенный туда кандидат философских наук, ученый секретарь Института философии Г.В. Осипов стал убеждать «непонимающих» академиков «в том, что не надо клеймить и осуждать крупнейшего физика» (?!). «Это было, – заключает он, – такое заседание, с которого, мне показалось, я ушел сумасшедшим»².

– он все больше тяготился тем, что в свое время не был крещен, но после принятия в почтенном возрасте крещения по благословению митрополита Кирилла он «почувствовал, что еще больше приобщился к нашей русской культуре»³.

Рассказ о своем аспирантском периоде в Институте философии Г.В. Осипов начал, сославшись на такой, по его мнению, «поразительный малоизвестный пример». Руководимый им комсомольский комитет Института философии, заблокировавший принятое решение партбюро (?!) о выдвижении кандидатом в депутаты райсовета сотрудницы М. Саяпиной и принявший тем самым «антипартийное решение», в срочном порядке всем составом был вызван на ковер, то есть для официального разбирательства, причем... в Киевский райком партии, к тому же с привлечением всех членов партбюро института. Когда же секретарь райкома партии В. Рыжухин заявил: «Я предлагаю всех их (членов комитета комсомола. – А.К.) привлечь к строгой партийной ответственности, а весь состав комсомольского комитета исключить из комсомола (лишение права быть членом ВЛКСМ на бюро райкома партии – это нонсенс, не вписывающийся ни в партийный, ни в комсомольский устав, равно как сюрреалистическим является привлечение к «строгой партийной ответственности» всех без исключения членов комитета комсомола, среди которых наверняка были те, кто обладал только комсомольским билетом), последовал вопрос от присутствовавшего на заседании секретаря партбюро института П.Н. Васильева: «На каком основании?» Тот ответил: «На основании антипартийного решения комитета ВЛКСМ института». Когда же П.Н. Васильев попросил секретаря райкома партии: «Покажите мне это решение», – тот, как пишет Г.В. Осипов, «торжественно подает ему (П.Н. Васильеву. – А.К.) подписанный мной доку-

¹ Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб., изд-во РХГИ, 2005. С. 516.

² Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб., изд-во РХГИ, 2005. С. 516.

³ Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб., изд-во РХГИ, 2005. С. 578.

мент. А дальше происходит нечто немыслимое: П.Н. Васильев быстро скомкал это решение и... съел». Немая сцена, и председательствующий объявляет: «Заседание закрывается»¹. В антипартийном противостоянии комсомольского комитета комсомола, которое Г.В. Осипов приравнял к делу ленинградской комсомольской организации, якобы имевшем «следствием массовые, вплоть до расстрела, репрессии», победу одержал комитет ВЛКСМ, возглавляемый своим вождем. Честно говоря, копаться в поисках достоверности этой истории, находящейся, по нашему мнению, на грани или примитивной придумки, или хохмы, у нас нет ни малейшего желания. Скажем о другом: а какое это имеет отношение к социологии вообще и особенно к ее «тернистому пути»?

А Б.М. Фирсов в качестве стартовой отсылки к своей книге по истории советской социологии поместил в самом ее (книги) начале такое собственное высказывание: «В основе моего понимания истории послевоенной социологии лежит оппозиция естественного и неестественного (несвободного, подконтрольного, регламентированного сверху) процессов возникновения и развития социальных наук. В СССР господствовала неестественная форма существования социологии (по аналогии с другими сферами), знаменовавшая собой полную зависимость ученых и администраторов науки от власти, прежде всего партийной и государственной. Вмешательство режима в деятельность профессионального сообщества было постоянным, оно стало предпосылкой ущемленного состояния науки и всех ее компонентов...»²

Б.М. Фирсов в монографии по вопросам истории советской социологии выделил семь типических моделей отношений социологов с властью в период социологического ренессанса, предпослав этой классификации суждение обобщающего плана: то, что социология вынуждена была подчиниться партийно-политической власти, делало ее положение амбивалентным, и поэтому «социологи создавали средства для не возмущающего власть противостояния»³ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Эти модели выглядят так. Моделью 1 он объединил сторонников «индивидуального существования в нише профессиональной деятельности» – такие ученые дистанцировались от конфликтов с действительностью и властью, избегали тесного сотрудничества с ними и отстранялись от сферы непосредственных партийных интересов, отдавая предпочтение занятиям чистой наукой или преподаванию в вузе. «Люди с подобными установками, – делает вывод автор, – оставались стопроцентными продуктами советской системы. Но их жизнь проходила без травм и сломов, в отстраненном профессиональном мировоззрении. Бегство от реальности спасало: оно служило почвой для “нетрагического варианта фатализма”»⁴.

Модель 2 – дистанцирование от власти, от руководящих инстанций любого рода при поддержке диссидентов, гонимых и др. (письма в их защиту, присутствие на судебных заседаниях и др.), что автор книги называет «душевной гигиеной». По его мнению, именно благодаря этому «постепенно возникла внутренняя двухполюсная оппозиция – диссидентство на одном краю и принудительное примирение с властью – на другом»⁵.

¹ Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГИ, 2005. С. 497–498.

² Фирсов Б.М. История советской социологии. 1950–1980-е годы. СПб., 2012. С. 1.

³ Фирсов Б.М. История советской социологии. 1950–1980-е годы. СПб., 2012. С. 137.

⁴ Фирсов Б.М. История советской социологии. 1950–1980-е годы. СПб., 2012. С. 142.

⁵ Фирсов Б.М. История советской социологии. 1950–1980-е годы. СПб., 2012. С. 142.

Модель № 3, по представлению Б.М. Фирсова, – коллективная иммунная защита от власти на основе «игр по правилам», когда сопротивление попыткам идеологизации науки и профессиональной деятельности происходило в скрытой форме, без открытого протеста и борьбы. Модель 4 – для тех, кто социальный конструктивизм сочетал с критическим отношением к институтам партийно-государственной власти. Наиболее яркие представители такой позиции – шестидесятники, пережившие эйфорию в начале оттепели и затем разочаровавшиеся в благих намерениях власти, которая вскоре окончательно и бесповоротно отвергла энтузиастический порыв шестидесятников. Характерная черта этой позиции – осуждение социального порядка в стране в приемлемых формах с точки зрения соблюдения цензурных требований и идеологических установлений в сочетании с высоким активизмом и даже мессианством.

Модель 5 – для тех социологов, которые играли на поле власти, активно сотрудничая с ее органами, приспособливаясь к режиму с целью самосохранения; не вступая в конфликт с властными структурами против строя, они нередко приспособливали социологию под партийно-государственную догматику, часто перенимая у партocrats-кураторов методы и приемы их действий. В качестве примера Б.М. Фирсов ссылаясь на Г.В. Осипова, который «заметно выделялся на фоне других наличием собственных интересов, мотивов и устремлений. Они состояли в том, чтобы не только создать новую дисциплину, полезную государству и народу, но и закрепить за собой лидерство в этой науке. Отсюда особый синдром свойств осиповской личности: настойчивость в достижении намеченных целей, прагматизм, едва ли не идеальное понимание поведения “заказчика”, действий власти, свой тип “мимикрии”, адаптации к властным структурам и их запросам, бюрократическая изощренность в том, что касалось выбора средств для достижения поставленных целей, опора на административный ресурс»¹.

Под модель 6 Б.М. Фирсов подводит тех представителей научной интеллигенции, которые, не являясь частью официальной номенклатуры, в условиях тоталитарной власти в практическом плане сливались с властными структурами, выступая в роли «добровольной инквизиции».

Наконец, его модель 7 – независимо мыслящий ученый, созидаящий без «делок с дьяволом», сохраняющий свободу научного мышления и придерживающийся такой линии поведения, чтобы «вести себя естественным образом». Таким был Ю.А. Левада – и тогда, когда в конце 1960-х годов он руководил сектором ИКСИ АН СССР, и на получивших в 1970-е годы широкую известность социологических семинарах². Так в интерпретации Б.М. Фирсова выглядит позиция одной стороны – социологов.

Разномыслие в общей оценке социологической традиции 1960-х годов и отдельных ее элементов было продемонстрировано на состоявшемся в Институте социологии РАН 23 марта 1994 года научном симпозиуме. На нем доперестроечный опыт советской социологической мысли был представлен через личностную призму тех, кому заслуженно принадлежит право быть первопроходцами возрожденческого процесса отечественной социологии. Сведенные воедино их аналитические выкладки, оценки и выводы (при всей их в ряде случаев субъективности) позволили обрисовать общие

¹ Фирсов Б.М. История советской социологии. 1950–1980-е годы. СПб., 2012. С. 148.

² Фирсов Б.М. История советской социологии. 1950–1980-е годы. СПб., 2012. С. 148.

контуры возрожденческого процесса, убедительно показать, как это было на самом деле, обозначив при этом ряд проблем, требующих своего разрешения в будущем. Вот конкретные штрихи этой общей панорамы¹.

Профессор А.Г. Здравомыслов характерными чертами социологического мышления 60-х годов назвал стремление социологов зафиксировать несоответствие реальности и официальной идеологической доктрины, а затем – последовавшую переориентацию выросшего поколения эмпириков с «проблемы сомнения», что было характерно для первой волны шестидесятников, на «проблему подтверждения», что привело к вытеснению шестидесятников из активной исследовательской и преподавательской деятельности. Позиция В.Н. Шубкина: социология родилась не по указанию сверху, а в результате инициативы снизу, что принципиально отличает ее, например, от научного коммунизма; сама же социология была расколота на два основных направления – апологетическое и социально-критическое. Профессор Г.С. Батыгин, опираясь на конкретные аргументы, опроверг распространенные высказывания о запретах социологии, обратил внимание на многообразие советской социологии, подчеркнув, что «критерии разделения профессионального сообщества имели не столько идейный, сколько этический характер», когда «социологи не уживались друг с другом».

Профессор В.А. Ядов выделил все то, что, по его мнению, было полезным в российской социологии 60-х годов: плотное community социологов, которое со временем не удалось сохранить; умение социологов видеть за эмпирическими данными философские проблемы и осмысливать эмпирику в широком контексте; междисциплинарность исследований, когда социология, философия, психология, математика, экономика, этнография выступали в едином комплексе; высокая методическая культура, умелое соблюдение правил построения гипотез, выборки и т.д. Директор ВЦИОМа Ю.А. Левада выделил три источника возрождавшейся социологии: атмосфера постоттепели, когда с целью придания режиму цивилизационного вида осуществлялся поиск подходящей «вывески»; формирование внутри социологического сообщества категории таких исследователей, которые «искали новый тип знания и честный способ деятельности» (сюда он причислил прежде всего А.М. Румянцева); третий источник составили «бойкие люди», которые знали языки, «ругали то, что надо, ездили, угождали», именно в этой среде зародился, как он выразился, «прохиндеизм», на котором «выросло целое поколение».

Если профессор Б.А. Грушин продемонстрировал крайнюю односторонность в оценке советской социологии, назвав СССР «не только империей зла, но и империей лжи», заявив при этом о невозможности изучать историю социологии по документам (?), то член-корреспондент РАН Н.И. Лапин при характеристике взаимоотношений социологии и власти проявил максимальную научную корректность, назвав это сотрудничество компромиссом. Касаясь же постсоветской социологии, Н.И. Лапин обратил внимание на ее дезинтегративные тенденции и на происходящее в обществе «перемешивание и взаимопроникновение различных структур». В свою очередь, профессор И.С. Кон обратил внимание на то, что советская социология (в формате эмпирической науки) возникла под воздействием хрущевских реформ, когда обще-

¹ См.: Пугачева М.Г.: Российская социологическая традиция 1960-х годов и современность // Социологический журнал. 1994. № 4.

ство уже трансформировалось из тоталитарного в авторитарное. По его мнению, для эмпирической науки на начальном ее этапе были характерны такие черты: способность эмпирической информации «разбивать идеологическую стену»; ее технократичность, направленная на «оптимальные управленческие модели»; четко выраженная критическая функция.

Весьма своеобразно изложил понимание гражданской позиции социолога профессор И.В. Бестужев-Лада, обратившийся к участникам симпозиума со словами: «Давайте посмотрим в зеркало – мы люди! Очень не хочется выглядеть малодушными, очень хочется быть диссидентом, но без “ГУЛАГа”». Он призвал писать «объективную историю», учитывая «все возможные источники», в том числе и личные биографии социологов. Интересную и обделенную вниманием социологов проблему региональной социологии поднял профессор Ж.Т. Тощенко. На основе анализа роли региональных социологических центров в развитии общественных наук в период социологического ренессанса (Новосибирск, Свердловск, Уфа и др.) он сделал весьма смелый вывод о том, что по многим критериям провинция была сильнее аналогичных центров в столице. В этом контексте он особо выделил социальное планирование и заводскую социологию. С озабоченностью он говорил о недостатках в социологическом образовании, снижении уровня подготовки специалистов по социологии.

В своем выступлении академик Т.И. Заславская прежде всего выделила три социальные функции социологической науки – приумножение знания, развитие самопознания общества (в контексте гражданского общества) и ориентация на властные управленческие структуры и обеспечение системы управления надежной информацией. Характеризуя состояние современной российской социологии, она указала на такие слабые ее места: свертывание фундаментальных исследований, вестернизация социологического образования, бум исследований общественного мнения, которые, по ее мнению, являются наиболее поверхностной, доступной и коммерциализированной ветвью социологии.

Вот так через призму первопроходцев социологического движения выглядело самопознание социологического сообщества. Если оставить в стороне некоторые частности и субъективные суждения, то в целом перед нами – концентрированное выражение коллективного мнения социологического сообщества о самом себе. Но акцентировать внимание только на одной стороне социологического процесса, то есть на социологическом сообществе, неправомерно. В этом процессе была и вторая сторона, обладавшая мощным потенциалом воздействия на него, – власть. А, как говорится, у каждой реки два берега. Каковы же на этом фоне были аргументы власти? Они заключаются в том, что начиная с раннего постсталинизма и вплоть до горбачевской перестройки формировалась обновленная модель отношений власти с социологией. И суть дела в данном случае состоит в том, чтобы дать объективную и доказательную характеристику этой обновляющейся модели и ответить на такие вопросы: налажен ли был деловой диалог между властью и социологией? Умели ли работать власть с социологией, а социология с властью? Стала ли в те годы социология эффективным и неотъемлемым механизмом научного сопровождения конкретных преобразований в обществе? Наконец, насколько отвечают истине широко растиражированные суждения о фактически антагонистических противоречиях между ними, окрашенных в политические тона и довольно примитивно снабженных абстрактными и бездоказательными ссылками на уголовные преследования специалистов-новаторов?

Объективный анализ, в том числе и опубликованные в последнее время архивные документы, убедительно подтверждает то, что ко времени цивилизационного слома советской общественной системы модель отношений власти с социологией обрела относительно завершённую форму и включала такие элементы: а) выработку партийных установок по теоретико-методологическим вопросам советской социологии, по определению ее конкретных направлений; б) осуществление кадровой политики в социологическом сообществе; в) содействие созданию социологической инфраструктуры в стране; г) формирование внутривнутрипартийной социологической инфраструктуры; д) содействие в формировании региональной социологии; е) развитие социологической науки в союзных республиках; ж) институционализация молодежной социологии; з) преодоление международного изоляционизма. Три основных вида отношений власти и социологии (в целом и по отношению ко всей науке) – политико-идеологическое, организационно-управленческое и финансово-материальное – строились на сочетании жесткого партийного контроля за социологической сферой с организационной, политической и экономической поддержкой со стороны руководства КПСС и правительства. Именно на этих перекрестках зарождались и проявлялись различные сюжеты воздействия власти на социологию в условиях командно-административной системы – от твердых и бескомпромиссных до мягких ее форм.

Усилению и конкретизации партийного руководства научной деятельностью призвана была служить созданная в аппарате ЦК КПСС специальная структура – Отдел науки и учебных заведений, предстория которого неразрывно связана с теми организационно-структурными преобразованиями, которым подвергался в целом весь партийный аппарат на протяжении всей истории КПСС. Так, образованный в соответствии с решением XVII съезда ВКП(б) в мае 1935 года в составе аппарата ЦК ВКП(б) Отдел науки, научно-технических изобретений и открытий функционировал до 1939 года. В связи же с объявленной решением XVIII съезда ВКП(б) перестройкой структуры партийного аппарата этот отдел был упразднен. Затем постановлением Политбюро ЦК от 30 декабря 1950 года был создан Отдел науки и высших учебных заведений ЦК ВКП(б), который при некоторых изменениях просуществовал до осуществленной М.С. Горбачевым в период перестройки в 1988 году реорганизации аппарата ЦК КПСС. Аналогичные отделы были сформированы в аппаратах всех ЦК союзных республик и ряда крайкомов, обкомов и горкомов партии.

Конечно, в этой системе давали о себе знать и межличностные отношения. Однако утверждать, что три партийных функционера (секретарь МГК КПСС В. Ягодкин, завотделом науки и учебных заведений ЦК КПСС С. Трапезников и инструктор этого отдела Г. Квасов) были главными виновниками «запретов» и «разгромов» социологии¹, – значит подменить серьезный научный анализ выяснением служебных, а в ряде случаев и личностных отношений между партаппаратчиками, с одной стороны, и руководством ИКСИ и ССА – с другой.

С учетом этого выделим реально протекавшие процессы возрождающейся социологии, которые происходили на макроуровне, то есть в рамках вышеназванной модели отношений власти и социологии.

¹ См. подробнее: Осипов Г.В., Москвичёв Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2008. С. 440–455.

В теоретико-методологической области основными вопросами возрождающейся социологии стали: процесс ее самоопределения, то есть определение ее предмета как самостоятельной дисциплины; место социологии в системе наук; соотношение исторического материализма и социологии; декларирование приоритета научной социологии над философским «словоблудием»; введение в научный оборот понятия «конкретные исследования» и рассмотрение их в контексте органической связи с теорией социологии (Ф.В. Константинов); включение в понятийный аппарат термина «конкретные социальные исследования» (П.Н. Федосеев) и активное их развертывание в начале 60-х годов XX века; рецепция немарксистской социологии в рамках жанра критики буржуазной социологии; особая знаковость таких событий, как публикация в журнале «Вопросы философии» Ю. Кучинского о «социологических законах» (1957), а также «Лекций по социологии» Ю.А. Левады и дискуссия по ним на объединенном заседании кафедр философии Академии общественных наук при ЦК КПСС и Высшей партийной школы при ЦК КПСС (20–24 ноября 1969 года; рассмотрение таких линий возрождающейся социологии, как «конкретные социологические исследования», «математические экономисты», критика буржуазной социологии через призму ее относительной автономности, но отнюдь не в качестве альтернативы теоретической социологии, как стали утверждать некоторые исследователи в постсоветское время; тенденции к идеологизации социологии, рассмотрение ее в качестве эффективного идеологического средства и вписывание ее в научную управленческую вертикаль общества; все возрастающая тенденция принятия самодостаточности научных ценностей; институционализация социологии как самостоятельной научной дисциплины (1988) под воздействием не только эволюционных процессов в социологическом сообществе, но особенно под влиянием коренной и крайне противоречивой социально-политической трансформации общества в конце 80-х годов XX века.

В области создания организационной инфраструктуры возрождающейся социологии: преодоление разобщенности и автономности усилий на начальном этапе социологического ренессанса по созданию социологических структур как в системе АН СССР и высшей школы, так и в сфере массового «социологического всеобуча» (социологические службы при государственных органах, СМИ, молодежных и профсоюзных организациях, «заводская социология»), что не могло не сказываться не только на координации деятельности этих структур, но и, прежде всего, на уровне профессионального научно-методического руководства ими. В этом же ряду – активное формирование профессионального социологического сообщества (московская, ленинградская, новосибирская школы); параллельное нарастание потенциала социологии в качестве как академической, так и учебной дисциплины; создание по инициативе «Комсомольской правды» Института общественного мнения во главе с Б.А. Грушиным (1960). Дальнейшему укреплению позиций социологии как научной и учебной дисциплины способствовало: создание в Академии наук СССР Научного совета по проблемам конкретных социальных исследований (1966), возглавляемого академиком А.М. Румянцевым, и организация Института конкретных исследований (ИКСИ) в АН СССР, руководимого тем же А.М. Румянцевым (1968); внедрение проектной системы в научно-исследовательской работе ИКСИ; выход в свет журнала «Социологические исследования» (1974); преобразование Института конкретных социальных исследований в Институт социологических исследований (1976) и пе-

реформатирование его в Институт социологии (1988); создание 6 июня 1989 года в МГУ имени М.В. Ломоносова социологического факультета; учреждение на базе научных структур Института социологии отдельного академического Института социально-политических исследований (1991); создание Всесоюзного центра изучения общественного мнения (1998); создание на базе МГУ имени М.В. Ломоносова Совета по социологии и социальной антропологии Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию (включил более ста университетов России и СНГ); массовое преобразование кафедр научного коммунизма в социологические структуры (90-е годы XX века); изменения в тематике социологических исследований под воздействием коренных преобразований в идеологической сфере; завершение официальной институционализации социологии как академической и учебной дисциплины (1988, принятие постановления Политбюро ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества).

В области преодоления отечественной социологией внешнего изоляционизма и институционализации ее международного сотрудничества пунктиром обозначим следующее (более подробно эти проблемы освещаются в главе I, § 6 «Преодоление международного изоляционизма как составная часть возрождения отечественной социологии»): установление Академией наук СССР научных контактов с ЮНЕСКО (1956), курировавшей в то время деятельность Международной социологической ассоциации; участие советских социологов на официальном уровне в работе III Международного конгресса социологов в Голландии (1956); направление в руководящие органы подготовленной делегатами III Международного конгресса социологов П.Н. Федосеевым и М.Д. Каммари записки об этом конгрессе, в которой впервые официально вносилось предложение о создании Советской социологической ассоциации (12 декабря 1956) – что действительно явилось первопроходческим актом в истории возрождающейся социологии, демонстративно преданным забвению в постсоветское время, так как он не вписывается в претензии на первопроходчество некоторых других претендентов на эту роль.

Крупными событиями возрождающейся социологии стали: проведение в Москве Международного совещания социологов по вопросу о мирном сотрудничестве (1958) с участием крупнейших социологов мира Р. Арона, Ж. Фридмана, А. Холландера, Э. Хьюза, Х. Шельски, Т. Боттомора; учреждение Советской социологической ассоциации с широкой сетью региональных структур и ее вступление в Международную социологическую ассоциацию (1958); направление на имя первого секретаря ЦК КПСС А.С. Хрущева записки руководителей АН СССР А.М. Румянцева и П.Н. Федосеева «О международном сотрудничестве социологов» (1956); записка академика А.М. Румянцева секретарю ЦК М.А. Сулову «О расширении контактов с представителями общественных наук США» (1969); функционирование совместного Комитета по советско-американским связям во главе с председателем Советской социологической ассоциации и американским социологом Т. Парсонсом;

На укрепление международного сотрудничества эффективное воздействие оказывали: участие официальных делегаций советских социологов во всех международных социологических форумах, состоявшихся после III Всемирного социологического конгресса; избрание на этих научных мероприятиях советских социологов в состав руководящих органов Международной социологической ассоциации; осу-

ществление научных проектов на двусторонней основе с социологами Польши, Западной Европы, США.

Вот на фоне этих задач и получали конкретное воплощение перечисленные нами выше составные части модели отношений власти и социологии. Вполне понятно, одна из ключевых проблем – выработка партийных установок по теоретико-методологическим вопросам советской социологии, по определению ее конкретных направлений. Осуществлялось это на самом высоком политическом уровне – на съездах и пленумах ЦК КПСС, а также в Политбюро и Секретариате ЦК КПСС.

В изданном Институтом социологии фундаментальном труде «Социология в России» отмечается: «Первые упоминания социологии в директивных документах (например, в решениях съездов КПСС) связывались с необходимостью изучения общественного мнения для оценки успешности осуществления партийных решений. Еще одна задача, директивно формулировавшаяся в то время, – обеспечение достоверной информации о состоянии общества для обоснования управленческих решений»¹.

Характерными чертами такого руководства были официально-нормативный идеологический доктринаризм, идейно-концептуальная однородность, некий деперсонализированный и унифицированный монолит. Партийность, классовый подход, нередко слепое следование партийным установкам – все это гарантировало безальтернативность теоретических и методологических основ общественных наук, что и приводило к насаждению единомыслия, начетничества и догматизма в научном творчестве. Особенностью этих установок было то, что они носили фактически директивный характер и были обязательными для выполнения научными сотрудниками АН СССР, преподавателями высшей школы, издателями, публикующими научные монографии и учебно-методическую литературу, наконец, они были предметом постоянного контроля за их реализацией со стороны партийных комитетов соответствующих учреждений и организаций. Об абсурдности возведения в абсолют этих установок свидетельствует, например, защита в Высшем политическом училище МВД СССР будущим главой ельцинского правительства С.В. Степашиным диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Партийное руководство противопожарными формированиями Ленинграда в годы Великой Отечественной войны». Попытки исследователя выйти за пределы таких требований – все это означало поставить под удар свою служебную и профессиональную судьбу.

И дело в том, что эта модель партийного руководства, какие бы мифы на этот счет сегодня ни составлялись, была принята социологическим сообществом к руководству. Как отмечалось в официальном докладе вице-президента А.М. Румянцева и председателя ССА Г.В. Осипова, подготовленном в середине 60-х годов XX века для рассмотрения Президиумом АН СССР, коллегией Министерства высшего и среднего образования СССР и Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС, «характерную черту деятельности советских социологов составляет тесная и все укрепляющаяся связь с партийными и государственными организациями». При этом подчеркивалось, что цель оказания помощи партийным, советским, хозяйственным и другим практическим работникам «сознательно» преследуется советскими социологами, в

¹ См.: Социология в России / под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: изд-во Института социологии РАН, 1988. С. 79.

этом состоит их коммунистическая партийность»¹. Предложение же авторов докладной записки о том, что «окончательные выводы на основе собранных социологических материалов относительно эффективности идеологической работы и пропаганды, общественного мнения и т.д. должны осуществлять социологические комиссии, советы и институты при ЦК республиканских компартий, краевых и областных комитетах КПСС» (подчеркнуто нами. – А.К.), – впечатляюще прозвучало даже для самых непреклонных сторонников авторитарных принципов партийного руководства. Такой постановкой вопроса поощрялось административное вмешательство в свободу научного творчества социологов, «приручение» их к руководящим инстанциям.

В контексте «власть и социология» заслуживает внимания доклад секретаря ЦК КПСС Л.Ф. Ильичева в 1963 году на расширенном заседании Президиума АН СССР 18 октября 1963 года. Как-никак оно явилось крупной акцией такого уровня в истории возрождающейся социологии. Да еще и в то время, когда, как утверждают постсоветские фальсификаторы, социология продолжала находиться под запретом. Следуя этой логике, можно было ожидать от руководителя партийной идеологии разоблачительных обвинений, поиска идейных оппонентов, навешивания ярлыков и т.д. Но Л.Ф. Ильичев однозначно продемонстрировал поддержку со стороны ЦК советской социологической науки, не оставив любителям рассуждений о «партийном гнете» никаких шансов для их инсинуаций.

Как же это событие интерпретируется сегодня? В данном случае нам хотелось бы сопоставить точки зрения не разных сегодняшних авторов, а разные оценки одного и того же автора, высказанные им в разных научных изданиях. Вот первая версия, которую можно было бы назвать и не оценочной, и не аналитической, а констатирующей, то есть фиксирующей тот факт, что секретарь ЦК якобы поставил вопрос «о праве социологии на гражданство», что, несмотря на различные понимания предмета социологии, «социология имеет право гражданства»². Вторая версия представляет собой синтез основного тезиса первого варианта о «праве социологии на гражданство» с принципиальным дополнением «но в форме марксистской социологии, то есть одного из направлений социологического знания»³ (подчеркнуто нами. – А.К.) Наконец, третья версия: якобы «наступление, грозившее социологии полным разгромом, было на некоторое время приостановлено секретарем ЦК КПСС Л.Ф. Ильичевым», который заявил в докладе на Президиуме АН СССР, что социологические исследования получили «право гражданства», а взгляд на социологию как самостоятельную науку «не противоречит марксизму», (подчеркнуто нами. – А.К.). С того времени попытки вновь «упразднить социологические исследования административно-приказными методами прекратились»⁴.

Словом, интерпретации одного и того же события, как говорится, на все случаи жизни – оказание партийным руководителем поддержки: а) социологии вообще; б) марксистской социологии как одному из направлений социологического знания; в)

¹ См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 630, 628, 627.

² См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.А. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 397, 426.

³ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: изд-во «Экономическое образование», 2012. С. 20.

⁴ Осипов Г.В. Социология и общество. М.: Норма, 2007. С. 577.

и даже социологии как «самостоятельной науке», которая «не противоречит марксизму». Причем во всех трех случаях не указывается библиографический источник, хотя некоторые слова даже взяты в кавычки, то есть как мысли выступившего на Президиуме АН СССР.

Вырванные из общего контекста доклада Л.Ф. Ильичева фразы Г.В. Осипова не просто неточны по отношению к первоисточнику, но они искажают его смысл, придают некоторым оценкам докладчика недостоверный характер. Даже название доклада в разных его (Осипова) публикациях в одних случаях вообще не употребляется, а в некоторых употребляется по собственному усмотрению, но только не так, как он прозвучал на заседании Президиума АН СССР, – «Методологические проблемы естествознания и общественных наук». Да и заседание Президиума АН СССР состоялось не 18 сентября, а 18 октября 1963 года. Конечно, столь вольное толкование события, каждая деталь которого имеет принципиальное значение в понимании позиции партийного органа и партийного отношения к социологии, не может не вызывать удивления.

Поэтому, оставив в стороне ряд сюжетов доклада Л.Ф. Ильичева, которые ныне потеряли свою актуальность и принадлежат истории, остановимся на тех из них, которые помогают прояснить позицию власти (политического руководства страны) по отношению к тем проблемам возрождающейся социологии, которые не потеряли свою значимость и ныне и которые в постсоветское время получили искаженную интерпретацию. Конкретнее говоря, в данном случае нас интересует, как соотносятся три упомянутые Г.В. Осиповым версии основного содержания доклада Л.Ф. Ильичева с реальностью, имея в виду ключевые проблемы – запреты социологии и проблему ее самостоятельности.

Прежде всего, каждая из упомянутых Г.В. Осиповым выше трех версий основной идеи доклада Л.Ф. Ильичева является приблизительной или вообще не совпадающей с текстом первоисточника, все закавыченные в этих версиях слова, то есть якобы принадлежащие Л.Ф. Ильичеву, у последнего отсутствуют¹. Это касается, прежде всего, таких претендующих на особую теоретико-методологическую значимость словосочетаний, как «право социологии на гражданство» и «взгляд на социологию как на самостоятельную науку», «не противоречащую марксизму».

Сопоставим препарированные Г.В. Осиповым высказывания Л.Ф. Ильичева с текстом первоисточника.

1) О понравившемся Г.В. Осипову, но совершенно непонятном и неуместном в контексте понятийного аппарата социологической науки термине «гражданство социологии»: взятое во всех трех версиях Г.В. Осипова в кавычки словосочетание «о праве социологии на гражданство» означает, что оно принадлежит докладчику на Президиуме АН СССР. Но у Л.Ф. Ильичева ничего подобного вы не найдете. Осипов же в данном случае, как и во многих других своих публикациях, навязывает мысль, что социология была лишена «права на гражданство», очевидно, имея в виду ее запрет. И этот «запретный» мотив уже не в завуалированной форме «лишения гражданства», а открыто звучит, когда он включил доклад Л.Ф. Ильичева на Президиуме

¹ См.: Ильичев Л.Ф. Методологические проблемы естествознания и общественных наук. Доклад на заседании Президиума АН СССР 18 октября 1963 г. // Вестник АН СССР. 1963, № 11. С. 9–10, 33–34.

АН СССР в перечень тех крупных социологических мероприятий, которые хронологически проходили в то время, когда, по Осипову, «сам термин (социология. – А.К.) все еще находился под запретом»¹. Так, благодаря вложенной Г.В. Осиповым в уста докладчика на Президиуме АН СССР фразе, что он якобы поставил вопрос «о праве социологии на гражданство», Леонид Федорович предстал как борец против этих запретов, совершаемых политической властью, которую он... представлял на указанном заседании. Абсурд!

2) Фраза Л.Ф. Ильичева «Известный поворот к конкретным социальным исследованиям – серьезный сдвиг в развитии нашей науки об обществе»² заменена Г.В. Осиповым несуществующими у Л.Ф. Ильичева словами: якобы благодаря заявлению последнего на Президиуме АН СССР о том, что «социологические исследования получили право на гражданство», «наступление, грозившее социологии полным разгромом, было на некоторое время приостановлено»³. Обратим внимание на такие моменты: Л.Ф. Ильичев говорил о конкретных социальных исследованиях, Осипов же о социологических; объявляя Л.Ф. Ильичева автором произнесенных в 1963 году слов о «праве на гражданство» социологических исследований, Осипов даже не замечает, в какое пикантное положение попадает он, когда в другом месте утверждает, что легализация понятия «конкретные социологические исследования» произошла после участия советской делегации в работе III Международного конгресса социологов в 1956 году⁴.

Наконец, если поверить Г.В. Осипову, что докладу Л.Ф. Ильичева на Президиуме АН СССР предшествовало господствовавшее в стране «наступление, грозившее социологии полным разгромом», то есть осуществлялась официальная запретительная по отношению к социологии политика, то могло ли в этих репрессивных условиях проводиться в Москве в январе 1958 года Международное совещание социологов (причем по решению ЦК КПСС), и мог ли П.Н. Федосеев оглашать доклад на нем от СССР «Проблема мирного сосуществования в социологических исследованиях и преподавание социологии»? Более того, годом раньше по отношению ко времени провозглашения доклада Л.Ф. Ильичева на расширенном Президиуме АН СССР, то есть тогда, когда, по утверждению Г.В. Осипова, социология находилась под угрозой «полного разгрома», он (Осипов) после принятия 11 августа 1962 года постановления Секретариата ЦК КПСС об участии советских ученых в V Международном социологическом конгрессе предстал на этом мероприятии в качестве одного из докладчиков (доклад совместный – с М.Т. Иовчуком). Четкие позиции в идейно-теоретической борьбе «между представителем марксистской социологии и буржуазной социологии», заявили авторы доклада, сыграли решающую роль в том, что сразу же после конгресса этот доклад был опубликован в журнале «Вопросы философии»⁵.

¹ См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 396–397.

² См.: Ильичев Л.Ф. Методологические проблемы естествознания и общественных наук. Доклад на заседании Президиума АН СССР 18 октября 1963 г. // Вестник АН СССР. 1963, № 11. С. 33.

³ См.: Осипов Г.В. Социология и общество. М.: Норма, 2007. С. 577.

⁴ См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 397.

⁵ Иовчук М.Т., Осипов Г.В. О некоторых методологических принципах, проблемах и методах социологических исследований // Вопросы философии. 1962, № 12.

А учрежденные в 1960 году первые социологические структуры – в ЛГУ, МГУ, АОН при ЦК КПСС, Институте философии? А развернувшаяся после III социологического конгресса работа по созданию Советской социологической ассоциации? И это все в условиях угрозы «полного разгрома» социологии?!

3) Г.В. Осипов утверждает, что Л.Ф. Ильичев якобы заявил на Президиуме АН СССР, что «взгляд на социологию как самостоятельную науку не противоречит марксизму». Увы, но секретарь ЦК не только не говорил ничего подобного, но, наоборот, высказал совершенно противоположную точку зрения, подтвердив тем самым господствовавшую в то время как в академических, так и в политических верхах марксистскую позицию по этой проблеме без малейших попыток привнести что-то новое: «...весьма странно звучит призыв создать “новую” и “независимую” от материалистического понимания истории, исторического материализма науку – социологию... На наш взгляд, правильно будет не придумывать “новую” социологию, а развивать уже давно созданную К. Марксом и В.И. Лениным марксистскую социологию, равно как и специальные общественные науки на основе проведения конкретных – экономических, исторических и других – социальных исследований»¹.

Впрочем, приписав Л.Ф. Ильичеву тезис о социологии как самостоятельной науке, Г.В. Осипов, как и в других подобных случаях, не упоминает, что он понимает под самостоятельностью социологии: самостоятельность от истмата, верность которому он сам в период возрождения социологической науки демонстрировал как в своей теоретической деятельности, так и в практике руководства социологией? Самостоятельность от философии, объявленной им в постсоветское время «ненаучной», «вненаучным знанием»? Или речь идет о такой «независимости», когда социология, завоевавшая статус самостоятельной институционализированной научной и учебной дисциплины, пребывает в тесных взаимных, то есть «зависимых» связях с другими научными дисциплинами в рамках междисциплинарной интеграции? Ведь если в таком контексте поставить вопрос, то секретарь ЦК, не употребляя термин «самостоятельность социологии», всем ходом своих рассуждений утверждает обратное: о зависимости, об объективной основе «единства философии и социальных наук». Вот его позиция: с одной стороны, «исторический материализм – неотъемлемая составная часть марксистской философии», а с другой, «общественные науки (разумеется, и социология. – А.К.), почти все без какого-либо изъятия, может быть, кроме истории, с самого своего возникновения – первоначально в лоне философии, а затем и тогда, когда произошло их отпадение и размежевание, – были и остаются связанными с философией теснейшим образом (подчеркнуто нами. – А.К.). Более этого, на заседании Президиума АН СССР Л.Ф. Ильичев, задав вопрос: «Не точнее ли... считать, что философия – не только наука общественная?» – на него сам же и ответил: «Она в равной степени необходима для научного постижения закономерностей как природы, так и социальной жизни» (подчеркнуто нами. – А.К.).² То есть перед нами последовательный проводник марксистской доктрины социологии, наделенной статусом безальтернативной научности и противостоящей антинаучной буржуазной социологии.

¹ Ильичев Л.Ф. Методологические проблемы естествознания и общественных наук. Доклад на заседании Президиума АН СССР 18 октября 1963 г. // Вестник АН СССР. 1963, № 11. С. 34.

² Ильичев Л.Ф. Методологические проблемы естествознания и общественных наук. Доклад на заседании Президиума АН СССР 18 октября 1963 г. // Вестник АН СССР. 1963, № 11. С. 33, 27, 7.

Далее. Некорректно связывать упомянутое заседание Президиума АН СССР в 1963 году с первым провозглашением Леонидом Федоровичем как секретарем ЦК поддержки социологии, так как он и ранее официально высказывался на этот счет совершенно определенно и однозначно. В этом отношении заслуживает внимания его большой доклад «Научная основа руководства развитием общества. Некоторые проблемы развития общественных наук», который он произнес в октябре 1962 года на общем собрании Академии наук, впервые в своей истории рассмотревшем вопрос развития общественных наук. К сожалению, приходится констатировать, что эта крупнейшая академическая акция исследователями истории отечественной социологии в одном случае вообще даже не упоминается, а в другом – путается с докладом Л.Ф. Ильичева на указанном выше Президиуме АН СССР 18 октября 1963 года. А ведь сказанное им – это не его личное мнение, а позиция политического руководства страны.

Он же говорил на общем собрании АН СССР не о признании или непризнании социологии (для него этот вопрос был решен в пользу социологии задолго до указанного события), а с удовлетворением отмечая наметившуюся тогда тенденцию: «Тронулась с места социологическая мысль»¹. «Изучая жизнь, обращаясь к общественной практике, помогая партии решать конкретные вопросы, – подчеркнул он, – ученый не отделяется от теории, он не стоит перед опасностью сползания к узкому практицизму, беспринципному эмпиризму, как, по-видимому, думают некоторые чистые теоретики. Наоборот, только путем конкретных социальных исследований (которые, кстати сказать, уже ведут некоторые наши философы) ученый может достигнуть научных успехов»² (подчеркнуто нами. – А.К.) А все то, что он дальше говорил о социологии, не оставляло никакого сомнения в том, что он говорил о марксистско-ленинской социологии, достоинством которой, в отличие от буржуазной социологии, по его мнению, является «ее единство и монолитность».

Выступая с позицией противостояния в признании двух социологических систем – марксистско-ленинской и буржуазной, – он высказался в том духе, что «кое-кто из наших противников на Западе видит главное преимущество буржуазной социологии в наличии множества разнообразных, часто прямо противоположных точек зрения, в отсутствии цельного мировоззрения, единой идеологии. Сколько социологов, столько и социологий»³. Говоря же об однозначном признании марксистско-ленинской социологии, он не дал малейших намеков на допустимость в тех условиях какой-то еще «самостоятельной» социологической науки. Подтверждение этому – его следующие слова: «Единое и цельное марксистско-ленинское мировоззрение – источник силы нашей социологии. Только на его основе возможны подлинная научная смелость, подлинное научное новаторство»⁴. И хотя Л.Ф. Ильичев не коснулся конкретных вопросов социологии, его выступление имело большое значение для определения позиции политического руководства страны в вопросах развития социологической науки.

¹ Ильичев Л.Ф. Научная основа руководства развитием общества. Некоторые проблемы развития общественных наук // Вестник Академии наук. Т. XXI, № 4, 14 ноября 1962 г. С. 14.

² Ильичев Л.Ф. Научная основа руководства развитием общества. Некоторые проблемы развития общественных наук // Вестник Академии наук. Т. XXI, № 4, 14 ноября 1962 г. С. 14.

³ Ильичев Л.Ф. Научная основа руководства развитием общества. Некоторые проблемы развития общественных наук // Вестник Академии наук. Т. XXI, № 4, 14 ноября 1962 г. С. 28–29.

⁴ Ильичев Л.Ф. Научная основа руководства развитием общества. Некоторые проблемы развития общественных наук // Вестник Академии наук. Т. XXI, № 4, 14 ноября 1962 г. С. 29.

На основе идей и предложений, высказанных в ходе дискуссии, собрание приняло развернутое постановление, ставшее первым документом такого уровня по вопросам общественных наук¹. Общее собрание АН СССР наряду с такими уже состоявшимися к этому времени событиями, как проведение в Москве при поддержке ЦК КПСС Международного совещания социологов по вопросу о мирном сосуществовании, создание Советской социологической ассоциации и вступление ее в МСС, решения ЦК КПСС, связанные с участием советских социологов в III, IV и V Международных конгрессах социологов, и др., – все это говорило о четко обозначившейся линии: полнейшая поддержка возрождающейся отечественной социологии, но при обязательном условии – строгом следовании марксистской доктрине. Именно так, и никак не иначе выглядела эта ситуация. Так надо рассматривать все ее аспекты и сегодня – положительные и отрицательные, то есть так, как это было.

Большое внимание социологическим исследованиям уделил XXIII съезд КПСС. В докладах Л.И. Брежнева и А.Н. Косыгина, в ряде выступлений говорилось о все возрастающем значении конкретных социологических исследований в решении не только теоретических, но и практических задач развития общества. «Социологические исследования, – подчеркивалось в докладе А.Н. Косыгина, – основанные на материалистическом понимании истории и обобщающие конкретные факты жизни социалистического общества, с каждым днем играют все большую роль в решении практических вопросов – политических, производственных, воспитательных»².

О проблемах всестороннего исследования социальной структуры советского общества, социального развития трудовых коллективов говорилось в отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии. Важные задачи были поставлены XXV съездом КПСС: дальнейшее развитие комплексного социально-экономического планирования, всестороннее изучение общественного мнения, изменений в характере и содержании труда, в образе жизни людей, в повышении практической отдачи общественных наук.

XXV съезд КПСС поставил задачу систематического исследования общественного мнения, изменений в характере и содержании труда, в образе жизни советских людей, дальнейшего развития комплексного социально-экономического планирования, возрастания роли общественных наук в решении важнейших социальных проблем³. В документах XXVII съезда КПСС подчеркивалась важность исследования различных проблем развития и функционирования социальной сферы, ее органической связи с экономикой; вместе с тем отсутствуют какие-либо положения о снятии запрета (несуществующего. – А.К.) на развитие теоретической социологии, что утверждается в некоторых исследованиях⁴.

Ряд вопросов развития социологической науки нашел отражение в принятом в августе 1967 года постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве». В этом

¹ Задачи развития общественных наук в условиях развернутого строительства коммунизма. Постановление общего собрания Академии наук СССР. Вестник Академии наук СССР. Т. XXXII, № 12, 1962 г.

² Косыгин А.А. Доклад о директивах XXIII съезда по пятилетнему плану. XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Политиздат. М., 1966, II. С. 56.

³ См.: Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976. С. 72–73, 171, 224.

⁴ См.: Осипов Г.В. Социология. Изд. 2-е. М.: изд-во ЛКИ, 2008. С. 16.

документе было проанализировано состояние социологии в стране и определены ее перспективы. В документе отмечено, что до недавнего времени «не были в достаточной мере широко развернуты конкретные социальные исследования» и что «их научно-методическая основа остается весьма эмпирической». Обращено внимание на то, что эмпиризм, сведение крупных теоретических проблем до уровня мелких вопросов, в сочетании со схематизмом и упрощенчеством в оценках исторического опыта и перспектив развития общества – все это было на то время одним из самых серьезных недостатков отечественной социологии.

Кроме того, этот фон дополняли робость со стороны части научных работников в постановке новых вопросов, продолжающиеся конъюнктурщина и дилетантство. Недостаточное внимание уделялось организации комплексных исследований в разработке важнейших теоретических проблем. Обращено внимание и на то, что академические институты общественных наук в ряде случаев дублируют друг друга, некоторые из них являются громоздкими по своей структуре, многоплановыми и нередко замыкаются в кругу мелких тем. Бытовала практика, когда выбор тем исследований определялся не их актуальностью, а личными вкусами отдельных сотрудников, были не изжиты элементы групповщины и монополизма, редко проводились плодотворные обсуждения и дискуссии. В штатах ряда институтов значились лица, не пригодные для научной деятельности.

В документе ставилась задача уделять больше внимания вопросам методологии и методики отдельных общественных наук, и особенно – повышения эффективности научно-исследовательской работы, продуманного проведения конкретных социальных исследований и экспериментов, более широкого использования экономико-математических методов и современных средств получения, обработки и анализа научной информации.

Развитию исследований в области общественных наук в свете постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» было посвящено специальное заседание Президиума АН СССР. Во вступительном слове президента АН СССР М.В. Келдыша, докладе заместителя председателя Секции общественных наук Президиума академика Е.М. Жукова, выступлениях участников заседания отмечались те существенные сдвиги, которые к этому времени произошли в общественных науках и которые получили положительную оценку в принятом постановлении ЦК. Отмечалось, в частности, что создан ряд новых институтов в области общественных наук – Институт Соединенных Штатов Америки, Институт Дальнего Востока, в стадии организации были Институт конкретных социальных исследований и Всесоюзный институт информации по общественным наукам.

Что касается проблем, имеющих первостепенное значение для дальнейшего развития всех общественных наук, в том числе и для социологии, то выделены были такие вопросы: все возрастающее значение фундаментальных исследований, улучшение координационной работы в целом во всей Академии наук, углубление комплексных исследований по проблемам, имеющим большое социально-политическое значение (социальное прогнозирование, современный этап развития национальных отношений и проблем интернационализма, духовной жизни общества и всестороннего развития личности и т.д.), повышение эффективности теоретических исследований, укрепление связей академических научных учреждений с практической деятельно-

стью государственных, хозяйственных и общественных организаций, преодоление мелкотемья в работе гуманитариев, укрепление контактов советских обществоведов с их зарубежными коллегами.

Академик Ф.В. Константинов отметил, что плодотворное проведение фундаментальных исследований в области общественных наук, в частности социологии, требует продуманной и широкой постановки общегосударственной статистики. Ссылаясь на ряд проведенных Институтом философии конкретных социальных исследований по важным вопросам на материалах Горьковской области, он сделал акцент на том, что для повышения их репрезентативности важно было бы их проверить на более широком социально-статистическом материале. Он высказался также за то, что организация научно-информационной работы должна проводиться в не менее широких масштабах, чем для информации по естественным и техническим дисциплинам. В числе первостепенных задач он назвал также проблемы национальных отношений, интернационализма, глубокое изучение современной зарубежной философской и социологической мысли.

В принятом же постановлении для каждой из общественных наук были определены конкретные задачи. Для социологии это теоретические основы социального прогнозирования и управления; социологические проблемы труда, социальные аспекты экономической реформы и научно-технической революции; общественное мнение; методы воспитательной работы и их эффективность; социологические проблемы личности и воспитания молодежи. Обращено внимание и на то, что в целях научного обоснования прогнозов социальных изменений и оптимального решения общественных проблем гуманитарного института академии необходимо развивать социальные исследования и подготовку на их основе рекомендаций и предложений в области экономического и социального планирования, законодательства, управления, развития культуры и быта¹.

Не в пользу социологии было принято в 1956 году постановление ЦК КПСС о введении во всех высших учебных заведениях страны обязательного преподавания трех дисциплин – истории КПСС, политической экономии, диалектического и исторического материализма. Вскоре же в вузовской программе вместо краткого курса истории ВКП(б) появилась новая научная дисциплина – научный коммунизм, который со временем стал, с одной стороны, наряду с социологией претендовать на относительную самостоятельность по отношению к историческому материализму, с другой – вступил в конкуренцию с самой социологией за право владения социологическим полем. В 1959 году вышло в свет подготовленное авторским коллективом под руководством О.В. Куусинена учебное пособие «Основы марксизма-ленинизма».

Вполне объяснимо возросшее внимание к общественным наукам на начальном этапе перестройки – ведь к этому времени стало очевидно, как сильно они отстали от потребностей времени, а такие направления, как социология и политология, продолжали пребывать в неинституционализированном состоянии. Поэтому особое значение приобрело постановление Политбюро ЦК КПСС от 2 июня 1988 года «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества», в котором партийным комитетам от ЦК ком-

¹ См.: Развитие исследований в области общественных наук // Вестник Академии наук СССР. 1967, № 5.

партий союзных республик до райкомов партии предписывалось, с одной стороны, для реализации их руководящей функции «усилить организаторскую и идейно-политическую работу по развитию социологии», а с другой – «исходить из того, что результаты социологических исследований призваны активно содействовать совершенствованию стиля, форм и методов партийного руководства»¹.

А 11 августа 1989 года Секретариат ЦК КПСС принял документ «О развитии социологических подразделений в Академии общественных наук при ЦК КПСС и высших партийных школах», в соответствии с которым в АОН были созданы Центр социологических исследований и кафедра социологии, а в высших партийных школах – лаборатории социологии партийной жизни (при этом лаборатории изучения и обобщения опыта партийной, советской, идеологической работы в высших партийных школах упразднились). Руководство развитием социологических исследований в 15 высших партийных школах возлагалось на соответствующие республиканские и региональные партийные органы². Принятие столь важного для социологии постановления стало одной из последних партийных акций не только для отечественной социологии, но и в целом для всей советской науки.

Ключевое звено в системе под названием «партийное руководство наукой» – кадровая политика, в основе которой лежала триада «подбор, воспитание и расстановка кадров». Об этом рычаге управления наукой власть заботилась постоянно, на всех уровнях номенклатурной иерархии. Корни же такой формы «приручения» науки восходят к концу 20-х годов, когда власть инициировала пересмотр принятого 18 июня 1927 года первого советского устава академии (он заменил устаревший документ 1836-го).

Неудовлетворенность от того, что вплоть до 1929 года Академия наук представляла собой в научном плане независимое и самостоятельное учреждение, заместитель наркома просвещения, руководитель Комакадемии М.Н. Покровский, считавшийся одним из создателей советской системы управления наукой и культурой, в 1927 году выразил так: «Академия не может более оставаться на положении обители “беспристрастных искателей истины”, соблюдающих благожелательный нейтралитет по отношению к советской власти... Академия должна открыто солидаризироваться с происшедшими в нашей стране переменами и заявить, что участие в социалистическом строительстве она считает своим первым и основным долгом». И последовал намек: «Из своего блестящего одиночества Академия... едва ли выйдет окончательно без посторонней помощи»³.

Провозглашенное А.В. Луначарским намерение «приручить академию, сделать этот крупный научный штаб советским»⁴ фактически связывалось не столько с укреплением академии, сколько с целью вытеснения «реакционных ученых» академиками-коммунистами. Инициатором же конкретной деятельности в этом направлении

¹ О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества. Постановление Политбюро ЦК КПСС от 7 июня 1988 г. В кн.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 389.

² См.: Известия ЦК КПСС. № 9, 1989. С. 12–13.

³ Покровский М.Н. К отчету о деятельности Академии наук за 1926 г. Публ. М. Юрьевой и А. Рейзлина // Звенья. Исторический альманах. Вып. 2. М.; СПб., 1992.

⁴ См.: Партийное руководство Академией наук // Вестник Российской Академии наук, 1994. Т. 64, № 11. С. 1033.

выступил аппарат ЦК ВКП(б). Благодаря принятому в апреле 1928 года решению об удвоении числа академиков (с 43 до 85) цель была достигнута: вскоре академиками стали коммунисты, в большинстве своем по Отделению гуманитарных наук, – Н.И. Бухарин, А.М. Деборин, М.Н. Покровский. Вскоре же новоявленные академики и их научные школы подверглись «разоблачению», а некоторые (Н.И. Бухарин, Н.М. Лукин, Д.Б. Рязанов и др.) были объявлены врагами народа. Когда же в 1929 году на очередных выборах в академию при голосовании три кандидатуры коммунистов не получили необходимого количества голосов, властью и печатью это было расценено как политическая акция старых ученых против партии и государства. Ситуацию «исправили» – к концу года ячейка ВКП(б) Академии наук насчитывала 19 членов и кандидатов в члены партии. Правительственной комиссией была осуществлена «чистка» в Академии наук СССР; реализовывали ее непосредственно под видом рабоче-крестьянской инспекции два сотрудника ГПУ. Критерии оценки – социальное происхождение, служба в дореволюционном госаппарате, принадлежность к буржуазным партиям.

Как на практике проходила кампания по выборам в АН СССР, может свидетельствовать один из документов – «Директива ЦК ВКП(б) ЦК союзных республик, крайкомам и обкомам партии о негласном вмешательстве в кампанию по выборам в АН СССР» (ранее 13 августа 1928 года), которую подписал и направил по назначению от имени комиссии Политбюро заведующий АППО ЦК ВКП(б) А. Криницкий. В этом документе исход выборов связывался в большой мере с проведением следующих мероприятий: «1) Необходимо поднять общественное мнение страны и развить кампанию в печати за одних и против других кандидатов, не уделяя особого внимания нейтральным. Защита и отвод кандидатов должны исходить: а) из соображений научной квалификации кандидата, б) из общественно-политической его характеристики. Статьи и отзывы должны быть составлены достаточно авторитетными товарищами (коммунистами или беспартийными); 2) Необходимо провести кампанию общественных отзывов в виде резолюций заседаний научных учреждений, вузов, общественно-научных организаций, секций научных работников, студенческих организаций, профсоюзов за кандидатов или против. При этом чем больший круг научных учреждений будет захвачен этой кампанией резолюций и отзывов в печати, тем лучше»¹.

При этом рекомендовалось всех заявленных в количестве 205 кандидатур (список был опубликован в № 168 «Известий ЦПК» от 21 июля 1928 года) «растасовать» в соответствии с такими тремя приложениями: приложение № 1 – те кандидаты, которые «должны быть активно поддержаны» (подчеркнуто в документе – А.К.); приложение № 2 – те, против кого «необходимо основательно выступить против»; приложение № 3 – те, кто не вошел в приложения № 1 и № 2, среди которых явно проходящие, против которых не следует возражать, а также много таких, к которым, как указывалось в директиве, не следует привлекать внимание².

Разумеется, с 1929 года до начала социологического ренессанса воды утекло много, ушли в прошлое и экзотические формы расстановки кадров в академических струк-

¹ См.: Партийное руководство Академией наук // Вестник Российской Академии наук, 1994. Т. 64, № 11. С. 1994.

² См.: Партийное руководство Академией наук // Вестник Российской Академии наук, 1994. Т. 64, № 11. С. 1994.

турах с участием сотрудников ГПУ, чистки кадров силами партийного аппарата – родились новые приемы такой работы. Однако «приручение» науки к власти через кадровый рычаг было при всех режимах и при всех вождях. И в период социологического ренессанса продолжала торжествовать по-новому истолкованная властями сталинская доктрина «кадры решают все».

Кадровая политика властей в отношении науки в целом и социологии в частности включала тогда такие элементы: регулирование партийной прослойки в академическом и профессорско-преподавательском сообществе с использованием ограничительных механизмов разнарядок приема в партию с целью обеспечения определенного соотношения в ее составе представителей разных классов и слоев общества – рабочего класса, крестьянства, интеллигенции. Само членство в партии, с одной стороны, выступало важным фактором в служебном продвижении, а с другой – своего рода устрашающим средством, то есть возможностью быть наказанным за какие-то особенные идеологические прегрешения, что, в свою очередь, опять-таки влияло на служебную судьбу человека. В конечном итоге, при помощи партийности обеспечивалось проведение линии партии в жизнь научного сообщества, неукоснительное выполнение ее (партии) директив и решений в области науки.

О масштабности партийного представительства в научных коллективах свидетельствует такой конкретный пример: по данным за 1970 год, из 350 сотрудников ИКСИ 143 состояли в партии и комсомоле. Использование же механизма номенклатуры, когда любой руководящий работник (от президента АН СССР до завкафедрой какой-то из обществоведческих дисциплин и даже рядовых преподавателей) утверждался и освобождался по решению того партийного органа, в номенклатуру которого он входил, от Политбюро и Секретариата ЦК КПСС до местных партийных органов, – все это обеспечивало стопроцентный контроль за кадровой политикой. Один из примеров – в принятое 9 января 1967 года постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» Отдел науки и учебных заведений и Отдел пропаганды ЦК КПСС включили пункт о целесообразности введения заведующих кафедрами и преподавателей истории КПСС, философии, политэкономии, научного коммунизма в номенклатуру ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии, а заведующих кафедрами предложили включить также в номенклатуру Министерства высшего и среднего специального образования СССР¹. Избранием наиболее известных ученых в состав руководящих партийных и государственных органов (членами пленумов партийных органов и депутатами советов на всех уровнях властной вертикали) обеспечивалось слияние партийно-государственной номенклатуры с академической и профессорско-преподавательской элитой. В высшие же органы партии и государства всегда входила верхушка АН СССР, директора многих институтов, ректоры вузов и т.д. Директор ИСПИ АН СССР Румянцев А.М., например, был членом ЦК КПСС и депутатом Верховного Совета СССР.

Контроль же за выдвижением кандидатов на очередные выборы в АН СССР обеспечивался обязательным направлением Президиумом АН СССР докладной записки в адрес ЦК КПСС для согласования самого списка кандидатов и для разрешения его публикации в печати. Так, например, президент АН СССР М.В. Келдыш 28 октя-

¹ См.: Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: ACADEMIA, 1997. С. 90.

бря 1970 года в направленной в адрес ЦК КПСС записке, сообщая, что на 34 вакансии действительных членов (академиков) и 74 вакансии членов-корреспондентов АН СССР зарегистрировано 708 кандидатов, в том числе 138 человек на вакансии академиков и 570 человек на вакансии членов-корреспондентов АН СССР, просил дать указание газете «Известия» опубликовать в установленные сроки это сообщение АН СССР не позднее 5 ноября сего года, так как, согласно уставу АН СССР, публикация должна быть помещена в центральной печати не позднее, чем за 15 дней до выборов¹.

Весьма показательным, что решение о публикации таких списков в газете «Известия» принималось не постановлением Президиума Верховного Совета СССР, чьим органом являлось это издание, а ЦК КПСС. Впрочем, подобная практика не гарантировала успешного прохождения на общем собрании в данном случае намеченных заранее кандидатов в члены-корреспонденты по социологии – если для Дж. М. Гвишиани все закончилось успешно, то для Ф.М. Бурлацкого провалом, вместо него прошел М.Н. Руткевич.

Неотъемлемый элемент кадровой политики – тотальный контроль за всеми международными контактами советских социологов, утверждение в ЦК КПСС состава делегаций и директив для них, обязательная отчетность о проведенной за рубежом работе и т.д. Это распространялось на подготовку ко всем без исключения Всемирным социологическим конгрессам, международным конференциям и симпозиумам, двусторонним научным контактам. Особенно экзотично выглядели решения ЦК КПСС, в которых, после того как тем же ЦК человек был утвержден в составе советской делегации, дополнительно определялось, кого могут избрать в состав руководящих и рабочих органов международных организаций. Так, в завизированной секретарем ЦК КПСС Б.Н. Пономаревым записке Отдела науки и учебных заведений и Международного отдела ЦК КПСС «О вступлении советских ученых в рабочие органы Международной социологической ассоциации» от 17 февраля 1976 года давалось согласие на избрание в рабочие органы МСА Т.И. Заславской, И.С. Кона, В.Д. Патрушева, Ю.П. Петровой-Аверкиевой и Ф.Р. Филиппова².

Составная часть механизма отношений власти и социологии – партийное влияние на создание социологической инфраструктуры в стране. Система научных учреждений социологического профиля в СССР формировалась в одном случае по предложению АН СССР, в другом – по инициативе партийных органов разных уровней, но при обязательном условии – принятии решений Политбюро или Секретариата ЦК. И в этом проявилось одно из отличий организационного оформления социологической инфраструктуры в СССР от аналогичной работы в западных странах, где социологические структуры в рамках университетов создавались исключительно усилиями научного сообщества (нередко с участием и поддержкой разного рода негосударственных, благотворительных организаций, в том числе и из сферы бизнеса).

Продолжительное время социология развивалась в рамках ряда социальных наук – философии, экономики, истории; в рамках этих наук читались спецкурсы в вузах, защищались кандидатские и докторские диссертации. Особо следует сказать об одновременно формировавшихся четырех социологических школах, фактически

¹ См.: Социология и власть. Сборник 2. Документы. 1969–1972. М.: ACADEMIA, 2001. С. 139.

² См.: Социология и власть. Сборник 3. Документы. РИЦ ИСПИ РАН. М., 2003. С. 143; 1969–1972. М.: ACADEMIA, 2001. С. 139.

определивших, без преувеличения говоря, всю судьбу социологического ренессанса как с точки зрения становления советской социологии в качестве научной дисциплины, так и ее институционализации в международном масштабе: московская школа (Г.В. Осипов, Ю.Н. Давыдов, Ю. Левада, Ю. Замошкин, Б.А. Грушин, В.Н. Шубкин, И.С. Кон, Н.И. Лапин); ленинградская школа (В.А. Ядов, А.Г. Здравомыслов), свердловская школа (М.Н. Руткевич, Л.Н. Коган, Ю.Г. Волков), новосибирская школа (Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина, Ф.М. Бородкин).

В начале 60-х годов социологические исследования велись в таких академических структурах, как Институт философии, Центральный экономико-математический институт, Институт государства и права, Институт экономики, Институт археологии и этнографии, а также в нескольких ведущих университетах страны – Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, Ленинградском университете и др.; чуть позже отделы социологии открылись в Институте международного рабочего движения, Центральном статистическом управлении РФ.

Созданный в 1968 году Институт конкретных социальных исследований (с 1972 года Институт социологических исследований) АН СССР стал основным координирующим центром социологии в стране. Кроме того, к 1980 году в системе АН СССР и республиканских академий было организовано 68 научных отделов, секторов и лабораторий аналогичного профиля. К этому времени функционировали организационно окрепшие и довольно большие отделы социологии в таких академических учреждениях, как Институт экономики Уральского научного центра в Свердловске, Институт социально-экономических проблем в Ленинграде, Институт экономики и организации промышленного производства в Новосибирске.

Неотъемлемым элементом создававшейся советской социологической инфраструктуры была организация подразделений социологического характера во многих научно-исследовательских институтах не академического, а ведомственного подчинения, создание социологических лабораторий предприятий и производственных объединений, утвердилась так называемая заводская социология. Проблемы планирования в трудовых коллективах и вопросы культурного строительства стали предметом обстоятельного изучения учеными-социологами Академии народного хозяйства СССР.

Существенно расширилась сеть социологических лабораторий в вузах страны, в ряде университетов и экономических вузов стали читаться спецкурсы по прикладной социологии для будущих философов, экономистов, юристов, журналистов.

В Московском, Ленинградском, Белорусском и ряде других университетов на философских факультетах была введена специализация студентов по конкретным социологическим исследованиям. Подобную же специализацию, но на базе экономического образования, стал осуществлять Ленинградский финансово-экономический институт.

На состоявшемся в октябре 1962 года общем собрании Академии наук СССР подчеркивалось, что обязательным условием успеха научной работы по актуальным проблемам общественных наук является всемерное развитие конкретных социальных исследований. В связи с этим обращалось внимание на необходимость обеспечить широкое применение в гуманитарных науках точных научных методов, в особенности математики, кибернетики, статистики и т.д., расширить экспедиционные исследования, широко применять научный эксперимент. Собрание Академии

наук решило значительно расширить экспериментальную работу, обеспечить более широкую разработку статистических материалов и их умелое использование, шире применять математические и другие передовые научные методы¹.

Два крупных совещания социологов СССР прошли в начале 1966 года: в Ленинграде (16–19 февраля), на котором присутствовало 600 человек из 68 городов страны, и симпозиум в Москве (3–4 марта), в котором участвовало около 700 человек. Примечательным является то, что средний возраст участников ленинградского симпозиума был ниже 30 лет. Принятым Академией наук 25 февраля 1966 года решением «О мерах по улучшению организации и координации конкретных социологических исследований» предусматривалось создание новых институтов, выпуск в свет специального журнала и т.п. К середине 1966 года конкретными социологическими исследованиями в стране занималось уже около 2000 работников вузов и научно-исследовательских институтов. Всего же в области социологии работало до 3000 человек (этот отряд социологов влился в сотысячную армию социологов других стран), что, разумеется, не могло не сказаться на количестве публикаций по социологической проблематике – свыше 3000 в 1965 году и около 5000 в 1966 году².

Специфический (по отношению к зарубежному опыту) элемент механизма отношений власти и социологии – формирование внутрипартийной социологической инфраструктуры как составной части всей системы научных учреждений социологического профиля и организация проведения социологических исследований непосредственно силами партийных комитетов. Научно-методической и материальной базой этой деятельности стала четырехуровневая организационно-структурная система, включающая: а) партийные учебные заведения – Академию общественных наук при ЦК КПСС, Высшую партийную школу при ЦК КПСС и аналогичные партийные школы при ЦК компартий всех союзных республик; б) партийные научные учреждения – Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и такие же институты при ЦК партии союзных республик; в) вечерние дома политического просвещения при партийных комитетах и общественных организациях; д) систему политической и экономической учебы трудящихся, функционировавшую под началом партийных комитетов.

При непосредственной поддержке партийных органов были проведены первые крупные конкретные исследования: по проблемам рабочего класса – Горьковского обкома партии, по теме «Человек и его работа» – Ленинградского горкома партии, по положению крестьянства и развитию молдавского села (исследование «Копанка») – ЦК компартии Молдавии. Ряд исследований был проведен социологическими группами и институтами при обкомах партии (Бурятский, Воронежский, Свердловский, Челябинский обкомы партии и Ставропольский крайком КПСС) и социологическими группами АОН при ЦК КПСС, ЦК компартий Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Эстонии.

Рекомендации и предложения, выработанные лабораторией социологических исследований философского факультета ЛГУ, Ленинградским общественным институтом социальных исследований, лабораторией социальной психологии ЛГУ, по вопро-

¹ См.: Задачи развития общественных наук в условиях развернутого строительства коммунизма. Постановление общего собрания Академии наук СССР. Вестник Академии наук СССР. 1963. Т. XXXII. С. 60–62.

² См.: Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: ACADEMIA, 1997. С. 103.

сам свободного времени, формирования творческого отношения к труду, подготовки молодых специалистов, по изучению эффективности политического просвещения и телевизионного вещания использовали Ленинградский обком и горком КПСС.

«Партийная социология» (этот термин в данном случае имеет не идеологический оттенок, то есть подчеркивающий партийность социологии, а указывает на то, что проводимые социологические мероприятия осуществлялись непосредственно партийными комитетами) существенно обогатилась так называемым таганрогским проектом – социологическим исследованием вопросов воспитательной работы. Его уникальность и неповторимость определяется такими особенностями. Первое – организовывалось оно непосредственно работниками аппарата ЦК КПСС, причем не Отдела науки и учебных заведений, как это должно было бы происходить с учетом функционального распределения обязанностей между цеховскими структурами, а Отдела пропаганды по инициативе одного из его работников – Л.А. О니кова. Второе – как позже напишет тот же Л.А. Оников, идея проведения такого социологического исследования созрела «без подачи социологов»¹. Третье – исследование проводилось без официального решения ЦК, фактически было только устное согласие руководителей Отдела пропаганды А.Н. Яковлева и Г.Л. Смирнова, которые, впрочем, не сочли нужным даже позвонить в Ростовский обком партии для согласования как выбора объекта исследования (город Таганрог), так и всех вопросов, связанных с проведением исследования. Четвертое – энтузиасту этого дела, которому выпало стать его исполнителем в рамках Отдела пропаганды, то есть Оникову Л.А., пришлось осуществить довольно непростые внутриаппаратные маневры, чтобы обойти вмешательство в это дело орготдела ЦК, без согласия которого очень рискованно было начинать на местах какие-либо крупные исследования (в структуре орготдела были территориальные секторы, которые персонально курировались соответствующими работниками отдела и через которые осуществлялась координация действий в конкретных регионах работников всех отделов ЦК). Пятое – не имея официального решения ЦК на осуществление таганрогского проекта, Л.А. Оников, используя формальные и неформальные каналы, добился согласия на проведение исследований у М.С. Соломенцева, который работал в то время первым секретарем Ростовского объема партии.

Вот в такой обстановке начинался таганрогский проект. Вряд ли что-то подобное сопровождало какой-нибудь другой из многочисленных социологических проектов, осуществлявшихся то ли под эгидой Президиума АН СССР или академических институтов, то ли непосредственно по партийной линии. Более того, само проведение исследований осуществлялось опять-таки по поручению не Отдела науки и учебных заведений, а Отдела пропаганды ЦК, действия которого в данном случае выходили за рамки его функциональных обязанностей. Так, исполнителями проекта стали кроме Академии общественных наук при ЦК КПСС Институт социологических исследований АН СССР, Институт международного рабочего движения АН СССР, Центральный экономико-математический институт АН СССР и Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности Прокуратуры СССР.

Главной целью исследования был поиск путей и средств совершенствования руководства воспитательной работой. В соответствии с этой целью решались такие

¹ См.: Оников Л.А. Я выполнял свой человеческий и партийный долг. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 230.

задачи: изучение эффективности печатной и устной пропаганды, особенности формирования и выражения общественного мнения в городе, изучение вопросов материального благосостояния, влияния социальных и бытовых условий на поведение людей для более полного их учета в практической работе. Отдельно было выделено изучение причин и характера некоторых антиобщественных проявлений. Поскольку выбранный в качестве объекта изучения город Таганрог по своей специально-демографической структуре и ряду других показателей являлся типичным средним городом, то данные выводы исследования имели достаточно общее значение. Сбор информации производился в 1967–1970 и в 1972–1973 годах, а ее обработка, анализ и подготовка итоговых отчетов осуществлялись по мере готовности отдельных разделов в 1969–1974.

Таганрогский проект включал следующие пять тем: 1) уровень жизни городского населения (Центральный экономико-математический институт АН СССР, руководитель – кандидат экономических наук Н.М. Римашевская); 2) социальные проблемы быта и образа жизни населения (Институт международного рабочего движения АН СССР, руководитель – кандидат экономических наук Л.А. Гордон и Э.В. Клопов); 3) причины мелких хищений социалистического имущества на промышленных предприятиях (Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности Прокуратуры СССР, руководитель – кандидат юридических наук А.Д. Берензон); 4) человек в системе средств массовой информации (Академия общественных наук при ЦК КПСС, руководитель – кандидат философских наук И.Г. Петров); 5) функционирование общественного мнения, массовой информации, пропаганды и деятельность государственных и общественных организаций в условиях города (Институт социологических исследований АН СССР, руководитель – доктор философских наук Б.А. Грушин).

Подобного рода социологические исследования в СССР проводились впервые, для чего пришлось создать не существовавшую ранее методику, оригинальные программы и другую социологическую документацию – анкеты, карточки наблюдений, листки и дневники самофотографий, бланки интервью и анализа содержания текстов, тесты, инструкции и т.д. О масштабах этой работы свидетельствует такой пример: только в рамках осуществляемого ИСИ АН СССР исследования было разработано 85 новых документов, которые содержали в общей сложности 3494 вопроса анкет и интервью, элементов наблюдений и т.д. В процессе исследования собрано и обработано более 15 тысяч анкет, около 10 тысяч интервью, проанализировано содержание 4795 номеров газет, радио- и теледней, 3759 писем трудящихся и 2927 ответов на эти письма, 2575 документов собраний (повестки дня, доклады, выступления ораторов, проекты решений и сами решения), около 9 тысяч бланков самофотографий, заполненных работниками партийных, советских, профсоюзных, комсомольских органов и депутатами местных советов в процессе их контактов с населением и др. Другими научными учреждениями, участвовавшими в проекте, было изучено 4 тысячи семейных бюджетов и около 7 тысяч суточных бюджетов времени; кроме того, изучены все уголовные дела о хищениях, совершенных в городе в течение трех лет, опрошены все заключенные, осужденные в Таганроге за хищения, и т.д.¹

¹ См.: Записка Отдела пропаганды ЦК КПСС «Об основных итогах исследований в г. Таганроге» В сб.: Социология и власть. Сборник 3. Документы. 1973–1984. РИЦ ИСПИ РАН. М., 2003. С. 107.

Что же показало исследование? Прежде всего, оно позволило составить конкретное представление о некоторых аспектах процессов формирования общественного мнения, настроений и запросов населения среднего города и о том, каким образом они выражаются. Определен уровень гласности в работе различных органов управления и степень знания населения решений этих органов. Данные, полученные в ходе исследования, позволили не только объективно охарактеризовать воздействие средств массовой информации и пропаганды на жизнь городского населения, формирование общественного мнения, но и более точно проанализировать недостатки и причины, снижающие эффективность деятельности этих средств. Большую ценность представили данные о воздействии роста благосостояния на настроение и поведение различных слоев городского населения, о поведении человека в сфере быта с учетом социального положения, о материальных условиях жизни, культурно-образовательного уровня, семейно-возрастной принадлежности.

Все это позволило предложить рекомендации по созданию рациональных бюджетов времени, по разработке типологии поведения различных групп населения с целью совершенствования воспитательной работы. В ходе исследования установлен размер так называемых невыясненных доходов населения (он составил по городу около 10% от фонда заработной платы). Комплексное изучение условий и причин мелких хищений позволило научным работниками предложить конкретные меры по предупреждению этих нарушений. Таганрогское исследование стало своеобразной школой организации крупномасштабных социологических исследований.

Его теоретическая значимость определялась тем, что впервые была разработана общая методика, с помощью которой удалось получить комплексную картину функционирования общественных институтов, развития важнейших социальных процессов в масштабах среднего города. Весьма ценны применявшиеся в ходе исследования методики, которые могли использоваться государственными и общественными органами управления, партийными и идеологическими организациями в их практической работе. Значение данных исследования для практической деятельности заключается в том, что была получена широкая и достоверная информация о важнейших аспектах общественной жизни, вскрыт ряд новых моментов в деятельности средств массовой информации и пропаганды, в функционировании общественного мнения и каналов его выражения, в сфере быта и материального благосостояния людей, в борьбе с антиподами высокой нравственности.

В 1969 году две бригады ЦК КПСС, в которые были включены и работники ИКСИ, провели исследования на 14 предприятиях в Горьком и Калинин. В 1970 году Ленинградский обком КПСС отдельным постановлением одобрил подготовленное сектором социальных проблем массовой коммуникации Института социально-экономических проблем АН СССР предложение о проведении, причем на постоянной основе, массовых социологических опросов населения. В 1971 году по просьбе обкома ИКСИ включил в план научно-исследовательских работ проектирование специализированной системы по изучению общественного мнения. Реализовывала эту задачу специально созданная группа исследователей во главе с Б.М. Фирсовым. Зарекомендовав себя с самой лучшей стороны, группа получила поддержку со стороны Президиума АН СССР, со временем было признано необходимым расширить ее тематику (по просьбе обкома КПСС), а в 1973 году эта группа послужила основой для создания сектора социальных проблем массовой коммуникации Ленинградского филиала

ИСИ АН СССР. В июле 1971 года возглавляемая Б.М. Фирсовым специальная группа ИКСИ в тесном сотрудничестве с Ленинградским обкомом КПСС осуществила изучение общественного мнения среди населения города Ленинграда.

В 1975 году при ЦК компартии Грузии был учрежден Совет по изучению общественного мнения, реорганизованный в 1981 году в Центр по изучению, формированию и прогнозированию общественного мнения с соответствующими научными лабораториями Академии наук Грузинской ССР. Базовыми организациями Центра стали научно-исследовательские институты и вузовские кафедры. Важно то, что в состав руководящих органов центра вошли крупные ученые, авторитетные специалисты, которые рассматривали перспективные направления исследований, определяли методику и формы научной работы. Опыт грузинских социологов получил официальное одобрение ЦК КПСС, ему был посвящен доклад на всесоюзном совещании социологов, прошедшем по решению Политбюро ЦК КПСС в Киеве в 1987 году.

В 1976 году Отделом социологических проблем пропаганды ИСИ АН СССР по заданиям партийных, комсомольских и других органов был проведен целый ряд исследований, связанных с проблемами пропаганды и контрпропаганды как в масштабах всей страны, так и в отдельных районах – в Москве, Ленинграде, Воронеже, Саратове, на Дальнем Востоке, в Грузии, Казахстане, Украине, Эстонии. Выработанные по результатам исследований подробные рекомендации и предложения получили положительную оценку высших академических инстанций и директивных органов. Организатором этой работы был руководитель отдела В.Н. Иванов.

Большое внимание уделялось методической работе с партийными социологами. В качестве примера можно назвать проведенный АОН при ЦК КПСС 23–27 июля 1966 года Всесоюзный семинар по социологическим исследованиям идеологической деятельности. По составу приглашенных он представлял собой своеобразный общесоюзный партийный форум по социологии. Его участниками были свыше 300 партийных и научных работников с мест, в том числе 30 секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик, 55 заведующих и заместителей заведующих отделами пропаганды ЦК КП союзных республик, обкомов, крайкомов, 73 руководителя общественными институтами социологических исследований и опорных пунктов Института научного атеизма, руководители кафедр общественных наук, институтов, а также лабораторий и групп социальных исследований при соответствующих городских, областных и краевых партийных комитетах и ЦК КП союзных республик. Кроме пленарных заседаний семинара работало четыре секции, на которых было заслушано 50 докладов и сообщений по таким направлениям: «Социология и партийная работа», «Исследование активности массовых форм пропаганды (печатать, радио, телевидение, лекционная пропаганда)», «Социологические исследования проблем молодежи», «Методика и организация машинной обработки идеологической информации».

Как отмечалось в официальном отчете об этом мероприятии¹, состоявшаяся на семинаре дискуссия позволила сделать такие выводы. С одной стороны, конкретные

¹ См.: Записка ректора Академии общественных наук при ЦК КПСС В.Н. Малина о Втором Всесоюзном семинаре по социологическим исследованиям идеологической деятельности. В сб.: Социология и власть. Сборник 1. Документы 1953–1968. М.: Academia, 1997. С. 77–85.

социологические исследования по своему характеру, направленности и по своим результатам весьма ценны для партийной работы, они способствуют преодолению субъективизма, помогают выработке правильных решений, дают партийным работникам возможность научного анализа и осмысления явлений и тенденций современного развития в масштабах предприятия, района, области, республики или страны в целом; они дают возможность получения в результате опросов оперативной, всесторонней, конкретной информации о различных процессах, а также выработки новых приемов и методов сбора и переработки информации, методики изучения общественного мнения. С другой стороны, научные работники в проводимых социологических исследованиях при содействии партийных организаций получали богатые возможности реализации теоретических выводов и практических наблюдений. Наконец, для ученых партийное руководство создавало благоприятные условия для организации исследований, получения необходимых данных в районах, областях и республиках.

На семинаре руководители местных партийных организаций рассказали об интересном опыте, который был накоплен ими по использованию конкретных социологических исследований: в Ленинграде – об исследованиях в области экономики, народного хозяйства, идеологической работы, о принятии партийными и хозяйственными органами по рекомендации ленинградских ученых-социологов ряда мер по упорядочению движения рабочей силы, по проведению профессионально-технических смотров на предприятиях, в реализации планов социального развития трудовых коллективов; в Эстонии – в изучении духовных интересов различных групп населения, повышении эффективности газетных материалов и радиопередач, в повышении результативности системы партийно-политической учебы; в Литве – о систематической и целенаправленной организации социологических исследований партийными комитетами республики начиная с 1961 года, о включении социологических исследований в планы работы партийных организаций на постоянной основе, о многовариантном и оптимальном выборе вариантов сотрудничества партийных работников и ученых; в Челябинской области – о работе созданного при обкоме партии Института конкретно-социологических исследований и о рассмотрении на пленумах обкома партии результатов деятельности этого института; в Красноярском крае – о тематике и организации в 1959–1965 годах различных социологических исследований с охватом 100 тысяч человек, об использовании их результатов при решении вопросов изучения путей повышения творческой активности трудящихся, изучения факторов, определяющих развитие творческого отношения к труду, для поиска резервов рабочего времени на предприятиях и стройках, резерва роста производительного труда и др.

Большой интерес вызвал опыт работы по развитию партийной социологии организатора этого семинара – АОН при ЦК КПСС по таким направлениям: а) эффективность различных форм идеологической деятельности (пропаганды, основных каналов общественной информации – печати, радио); б) воспитательная проблематика и различные деформации в этой сфере; в) социальные и идеологические аспекты работы предприятий в новых условиях хозяйственной реформы.

Важнейший вывод, который прозвучал на семинаре, – реальностью стало организационное оформление партийной социологии, складывающаяся система организаций, осуществляющих социологические исследования в партийных организациях;

налицо наличие многообразных форм объединения социологических исследований ученых и практической работы партийных и государственных органов; крепнущая тенденция – создание при партийных комитетах общественных институтов, лабораторий, научно-исследовательских центров, советов и других форм сотрудничества партийных органов и социологической науки.

Это, так сказать, позитив состоявшихся дискуссий, которые в то же время выявили и ряд существенных недостатков исследований идеологической работы, характерных, кстати, в целом для всех конкретных социологических исследований. Вот они: несоответствие между известным размахом исследований и уровнем профессиональной подготовки работников, ведущих эти исследования; отсутствие системы профессиональной подготовки кадров для конкретных социологических исследований, что снижало уровень результатов исследований, их практическое и теоретическое значение; разрыв между исследованиями в области общей социологической теории и конкретно-социологическими исследованиями; узкий эмпиризм многих конкретных исследований и невозможность использования их для развития теории; широко распространенное неумение связать общетеоретические положения с конкретным анализом социальных процессов; иллюстративность и описательность многих исследований; крайне слабое владение современными методами и средствами исследования, в том числе и применением математической статистики и электронно-вычислительных машин; существенные недостатки в организации и методике социальных экспериментов в различных сферах жизни общества.

В связи с этим на семинаре первоочередными задачами были названы: необходимость разработки общих методологических вопросов социальных исследований; более глубокая разработка теории формирования духовной жизни личности и общества; более качественная организация подготовки кадров социологов, овладение партийными кадрами современными методами сбора фактов, методами изучения общественного мнения, организации бесед-интервью, обработки их статистическими приемами, умением разрабатывать программы обследований с целью принятия объективных решений; разработка более эффективной системы координации деятельности созданных общественных социологических структур (центров, лабораторий, институтов и т.д.), создание современной системы сбора, передачи и машинной переработки общественно значимой информации.

Постановлением Политбюро ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества» (1988) на Академию общественных наук при ЦК КПСС и высшие партийные школы возлагалось осуществление научно-методологической помощи и координации исследовательской работы центров, советов социологических исследований при ЦК компартий союзных республик, крайкомах, обкомах партии, а также проведение научных исследований по заданиям партийных комитетов. Ректорату АОН при ЦК КПСС поручалось внести в ЦК предложения по развитию социологических подразделений в вузах партии. В этом же постановлении предусматривалось в целях улучшения социальной ориентированности кадров ввести в систему политической и экономической учебы трудящихся преподавание курса социологии и социальной психологии, обеспечить дальнейшее развитие социологических факультетов университетов марксизма-ленинизма. Перед АОН при ЦК КПСС, Академией народного хозяйства при Совете Министров СССР, высшими партийными школами, а также

учебными заведениями ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ ставилась задача обеспечить обучение аспирантов и слушателей методике и технике социологических исследований и использованию их результатов на практике.

Важнейшим элементом механизма взаимоотношений власти и социологии в период социологического ренессанса стало формирование в рамках советской социологической инфраструктуры региональной социологии (как по территориальному признаку, так и по становлению социологической регионалистики как одного из направлений всей советской социологии). Ж.Т. Тощенко, который является, пожалуй, единственным автором, специально и комплексно изучавшим эту проблему¹, обратил внимание на то, что деятельность региональных социологических центров не получила освещения в литературе, даже в такой известной монографии, как «Социология в России»². И это при том, что в шестидесятые годы существовало даже расхожее выражение: «Москва – социологическая провинция»³. Если эта метафора может показаться не совсем справедливой по отношению к столичным социологам, то несомненным является факт активного и плодотворного процесса формирования различных социологических центров за пределами Москвы, Ленинграда, Новосибирска и Свердловска.

Серьезный вклад в развитие социологических исследований внесли такие центры «социологической провинции»: на Алтае (В.Н. Барулин, затем С.И. Григорьев), в Горьком (С.Ф. Фролов), Иркутске (Г.И. Мельников), Куйбышеве (Е.Ф. Молевич), в Красноярске (лаборатория Ж.Т. Тощенко), Минске (Г.П. Давидюк), Орле (И.Т. Левыкин), Перми (З.И. Файнбург), Саранске (А.И. Сухарев), Челябинске (В.Г. Мордкович). К этому надо добавить Киев, Донецк, Ереван, Донецк, Ташкент, Львов и др. Нетрудно представить, сколько надо было приложить усилий и преодолеть разных барьеров, чтобы в условиях отсутствия институционализированной социологии, при разном (благожелательном или сдержанном) отношении к этому делу руководителей провинциальных учебных заведений и властей, создать сеть «социологической провинции».

Именно местные социологи стали организаторами крупных всесоюзных и международных конференций: в Свердловске – по социальной структуре общества, по проблемам социологии культуры, молодежи; в Уфе – по социальному планированию на предприятиях, в селе, регионах и городах; в Новосибирске – всесоюзные конференции в 1971 и 1973 годов по управлению социальными процессами. Уфимская школа социологов во главе с З.И. Файнбергом сосредоточила свое внимание на таких разнообразных и актуальных исследованиях, как движение рабочей силы, стимулирование труда, подготовка молодежи к труду, трудовая дисциплина. Руководимая В.И. Герчиковым социологическая лаборатория на Пермском телевизионном заводе осуществила эксперименты о влиянии функциональной музыки на повышение эффективности труда на предприятии.

Автором одной из первых монографий о проблемах социального планирования на предприятии стал нижегородский исследователь С.Ф. Фролов. Новаторский

¹ См.: Тощенко Ж.Т. Региональные социологические центры 1960–1970-х годов // Социологические исследования. 2008, № 6.

² См.: Социология в России / под ред. В.А. Ядова. Издание 2-е, перераб. и дополн. М.: изд-во ИС РАН, 1998.

³ См.: Тощенко Ж.Т. Социология возрождалась как политическая витрина // Социологический журнал. 2007, № 4. С. 155.

подход проявила лаборатория Красноярского университета в исследовании производственной тематики в рамках общей проблемы «Становление и развитие новых производственных коллективов»¹ и социологическая лаборатория Иркутского университета по теме «Социальные проблемы новых городов». Изучением состояния, образа жизни, трудовой деятельности сельских тружеников многие годы плодотворно занимался коллектив исследователей под руководством Т.И. Заславской; ему (коллективу) принадлежит заслуга проведения ряда интересных экспериментов по повышению производительности труда на селе в Новосибирской области и Алтайском крае. И.Т.Левыкину (Орел) принадлежит заслуга проведения серии исследований по социальному и духовному состоянию российской глубинки. Высокую оценку научной общественности получила работа руководимой Л.Н. Коганом уральской школы социологии культуры. Большой научный интерес вызвал труд М.Н. Руткевича и Ф.Р. Филлипова «Социальные перемещения», содержащий оригинальные наблюдения за дифференциацией внутри рабочего класса и инженерно-технической интеллигенции. Высокую оценку получили монография Ж.Т. Тощенко о социальном планировании на всех уровнях развития общества (Красноярск, 1971) и книга С.Ф. Фролова о социальном планировании на предприятии (Горький, 1969). Новаторский подход в исследовании общественной, трудовой и политической активности проявили Ю.Е. Волков и В.Г. Мордкович.

Под руководством члена-корреспондента Академии наук В.И. Бойко были проведены исследования социальных проблем малочисленных народов Дальнего Востока и Севера. В разработку теории, методологии и методов советской социологии достойный вклад внесли Н.А. Воробьев (Алтай), подготовивший фундаментальные исследования по методологии и методам работы с социологическими данными, и В.А. Устинов, который внес серьезный вклад в разработку и обоснование математических методов и обработку социальной информации.

Составной частью формирующейся социологической инфраструктуры стало активное развитие социологической науки в союзных республиках. В академиях наук Украины, Белоруссии, Литвы, Эстонии, Грузии и ряда других республик сформировались социологические подразделения из числа местных кадров, что говорило о наращивании силы социологии не только в центре, но в целом во всей стране.

Заслуженное признание в научном сообществе получили социологи Харьковского (Е.А. Якуба), Львовского (О. Оленевич), Белорусского (Г.П. Давидюк), Ташкентского (Д.М. Гилязитдинов) университетов, АН Украины (Л.В. Сохань), а также исследователи такого специфического, но важнейшего направления, как изучение наркотизма (Тбилиси, А.А. Габiani). В 1960 годы плодотворно функционировали социологические центры в странах Балтии, особенно в Эстонии и Литве. Сельской проблематикой продолжительное время занимались в Минске. Общесоюзное признание получила эстонская школа социологии молодежи как особой дисциплинарной отрасли. Белорусский философ, социолог и политолог Е.М. Бабосов разработал новые концептуальные подходы к исследованию социальных аспектов научно-технической революции, исследовал методологические проблемы функционирования духовной культуры в жизни общества, проанализировал механизмы формирования социаль-

¹ См.: Тощенко Ж.Т. Социальные проблемы новых производственных коллективов // Социологические исследования, 1976, № 4.

но активной личности, основные тенденции изменения социальной структуры общества; он – один из первых разработчиков социологии катастроф и экстремальных ситуаций, автор фундаментальных трудов по конфликтологии.

В 1964–65 годах А.С. Капто осуществил первое на Украине и одно из первых в стране исследование проблем общественной активности на материалах конкретно-социологических исследований, проведенных им среди рабочей молодежи на предприятиях юга Украины – Одесском заводе имени Октябрьской революции, Николаевском заводе имени Нисенко, Одесской джутовой фабрике – с охватом около 3,5 тысяч человек. Анализ эмпирических данных позволил автору разработать новаторский для того этапа развития социологии категориальный аппарат – определить содержание понятий «социальная активность», «политическая активность», «общественно-политическая активность», «трудовая активность», «интеллектуальная активность». Он осуществил также новую на то время классификацию различных уровней общественной активности, зависящих не только от личностных качеств человека, но и от социальной и производственной среды, уровня образования, организации свободного времени и других факторов.

Становление социологической науки в союзных республиках происходило в тесной связи со всеми общественными науками, и прежде всего с философией. Еще в 60-е годы всеобщее признание получила оригинальная киевская школа логики и методологии науки, душой и сердцем которой был П.В. Копнин, реализовавший идею соединения содержательного и формально-логического анализа научного знания. Авторами оригинальных исследований, выполненных в рамках этой школы, стали П.И. Дышлевый, С.Б. Крымский, М.В. Попович. Еще одно достижение украинских ученых – киевская школа философской антропологии, представленная именами В.И. Шинкарука, В.И. Иванова, Л.В. Яценко и др. На идеях В.С. Степина сформировалась минская школа методологии науки, оказавшая благотворное влияние на исследования по этой проблематике, проводившиеся философами в разных городах страны.

Теорию диалектики обогатили труды казахских философов Ж.М. Абдильдина, А. Касымжанова, Л.К. Науменко, М. Нысанбаева и др. Историю новейшей философии обогатили труды грузинских исследователей К.С. Бакрадзе, А. Бочоришвили и др. Признание получили работы киргизских ученых по проблемам коммуникации и понимания (А.А. Брудный и др.). Философскими вопросами космологии активно занимался таджикский исследователь А. Турсунов. Возглавляемая Ю.М. Лотманом Тартуская школа семиотики получила признание не только в стране, но и в мировом научном сообществе. Литовские ученые (А. Павиленис и др.) плодотворно разрабатывали философские проблемы современной формальной логики. Проблемы теории познания и методологии науки получили глубокое освещение в трудах Л.О. Вольт, Я.К. Рабине и др. Армянские философы Л.А. Абрамян и Г.А. Брутян плодотворно разрабатывали проблемы семиотики.

История же со временем распорядится так, что опыт, полученный союзными республиками в рамках общесоюзной советской социологии, стал хорошей основой для институционализации этой отрасли научного знания в получивших самостоятельность странах СНГ.

На общем социологическом поле завоевывала достойное себе место и молодежная социология, отличавшаяся достаточно высоким профессиональным уровнем. Для самого термина «молодежная социология», получившего постоянную прописку

в понятийном аппарате советской социологии, характерно два аспекта: с одной стороны, он указывает на объект исследования, то есть на молодежную проблематику; а с другой – на субъект исследовательского процесса, в котором молодежь через свои организационно оформленные структуры (прежде всего комсомольские комитеты) выступала активным организатором в этом деле, что дало повод параллельно употреблять термин «комсомольская социология». Как заявил уже в постсоветское время академик Михаил Горшков, для него молодежно-комсомольская среда в молодые годы стала «входным билетом» в социологию¹.

12 февраля 1965 года Бюро ЦК ВЛКСМ приняло постановление «Об участии комсомольских организаций в проведении конкретных социологических исследований по вопросам воспитания молодежи». В том же году в ряде институтов Москвы, Ленинграда, Новосибирска были созданы группы, изучающие молодежную социологическую проблематику. В 1960 году при главной молодежной газете, органе ЦК ВЛКСМ «Комсомольская правда» был создан возглавляемый Б.А. Грушиным Институт общественного мнения, яркой страницей вошедший в историю советской социологии.

Знаменательным событием стало образование в 1964 году при ЦК ВЛКСМ социологической группы в составе выпускника Московского авиационного института А.С. Кулагина, выпускника того же института В.И. Чупрова и молодого социолога В.Г. Васильева. Эта группа сыграла исключительную роль в становлении социологии молодежи как относительно самостоятельного направления в советской социологии, в установлении плодотворных творческих связей молодежных организаций с академической наукой, в развертывании в стране широкого массового социологического движения, в консолидации молодых ученых, определивших свой профессиональный выбор в качестве социологов. Социологическая группа при ЦК ВЛКСМ стимулировала создание в стране сети социологических структур, опирающихся на поддержку комсомольских комитетов. Уже через год после создания этой группы в стране функционировало более сорока научных структур по проблемам молодежи, среди которых наиболее активными были исследовательские группы в Ленинграде, Воронеже, Новосибирске, Иркутске, Красноярске, Свердловске. А к концу 60-х годов в 120 городах страны действовало более 400 социологических лабораторий, отделов, групп, изучающих проблемы молодежи. Ленинградский горком комсомола совместно с Ленинградским институтом культуры осуществили изучение организации свободного времени среди молодых рабочих заводов «Вибратор», сталепрокатного, фабрик имени Володарского и имени Желябова, а также учителей, учащихся школ и студентов вузов.

Одной из самых первых акций социологической группы ЦК ВЛКСМ стало проведение в 1966 году первого всесоюзного социологического исследования «Социальный портрет молодежи», выборочная совокупность которого составила 10 тысяч человек в возрасте от 14 до 28 лет. Венцом проведенной работы стала конференция «Социализм и молодежь».

И весьма примечательно, что энтузиасты социологической группы ЦК ВЛКСМ стали крупными учеными, высококвалифицированными специалистами в области молодежной проблематики, достойными представителями отечественной науки.

¹ Академик Михаил Горшков. Пути в социологию – исповедимы. М.: Весь мир, 2015. С. 14–19.

В активе социологической группы ЦК ВЛКСМ – подготовка в 1968 году проекта Закона о молодежи, который в качестве законодательной инициативы ЦК ВЛКСМ был предложен для рассмотрения Верховному Совету СССР. Хотя этот документ не получил поддержки (по не зависящим от его разработчиков причинам), он сыграл важную роль в формировании организационных структур молодежной политики – по итогам его (документа) обсуждения были учреждены комиссии по делам молодежи при Верховном Совете СССР и Верховных Советах союзных республик.

Заслуживает высокой оценки также созданный в те годы в Высшей комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ социологический научно-исследовательский центр. В его активе – профессионально проводимые опросы среди молодежи по проблемам нравственности и воспитания, подготовка типовых методик изучения идейно-политического уровня молодежи, ее социально-политической и трудовой активности.

Проведенные научно-исследовательским центром крупномасштабные исследования «Формирование достойного пополнения рабочего класса и колхозного крестьянства», «Моральные ориентиры и формирование активной жизненной позиции молодежи» отличались глубиной социологического анализа и тесной связью с практическими делами молодежи. После преобразования в 1969 году Центральной комсомольской школы в Высшую комсомольскую школу кафедра конкретных социологических исследований, существовавшая до этого как кафедра-лаборатория, вскоре выделилась в самостоятельное подразделение, ставшее ядром научно-исследовательского центра. Основными направлениями его деятельности стали: социологическая подготовка слушателей, позволявшая получить достаточно полное представление о социологии как науке, возможность использования социологических знаний в работе с молодежью; осуществление квалифицированных контактов с профессиональными социологами; социально-психологическая подготовка на основе предмета «Основы социальной психологии»; социально-управленческая подготовка в области теории и практики управления; совершенствование методической работы кафедры; использование опыта кафедры в зональных и республиканских комсомольских школах; социологическое сотрудничество с зарубежными партнерами.

В постановлении Политбюро ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых и социальных проблем советского общества» (1988) ЦК ВЛКСМ было предложено укрепить научно-исследовательский центр Высшей комсомольской школы как центр социологического изучения проблем молодежи и по мере необходимости создать в союзных республиках и крупных региональных центрах социологические лаборатории при местных комсомольских школах. Созданные при ВКШ кафедра и лаборатория социологических исследований координировали деятельность организованных в стране 50 социологических групп и 35 региональных молодежных центров по разработке социологических проблем молодежи.

Большую роль в развитии социологии молодежи сыграл созданный в свое время на базе Центральной комсомольской школы Институт молодежных проблем, в структуре которого с 1990 году находился созданный в 1976 году на базе ВКШ для координации социологических исследователей проблем молодежи в стране научно-исследовательский центр. В 2000 году Институт молодежи был реорганизован в Московскую гуманитарно-социальную академию. В развитие социологии молодежи заметный вклад внесли также работавшие в разных НИИ и вузах такие исследова-

тели, как С.Н. Иконникова, Т. Журавлев, И.С. Кон, В.Ф. Левичева, В.Т. Лисовский, В.Г. Мордкович, В.Н. Шубкин, Л.В. Сохань и др.

Следует особо отметить то, что важным элементом механизма отношений власти и социологии стало широкомасштабное освоение ее предметного поля, то есть расширение проблемного и тематического фронта работ социологов. Причем тематизация проблем социологии происходила как за счет расширения собственно социологического поля, так и путем укрепления междисциплинарных связей. Результаты первых эмпирических социологических исследований стали публиковаться с 1960 года. Самым крупным событием в этом отношении стало издание пятитомного собрания работ С.Г. Струмилина – одного из крупнейших основателей прикладных социальных исследований. Результатом крупномасштабного исследования на предприятиях Свердловской области стал выход в свет в 1961 году монографии «Подъем культурно-технического уровня советского рабочего класса».

В изданной в это же время в Ленинграде книге «Человек и его работа» ленинградские социологи изложили результаты исследования ценностных ориентаций рабочих промышленных предприятий и мотивы их деятельности. Обстоятельный анализ влияния научно-технического прогресса на развитие рабочего класса, на природу трудового коллектива, взаимоотношения коллектива и личности – все это составило основное содержание изданной в 1967 году в Москве монографии «Рабочий класс и технический прогресс». На примере панельного исследования в молдавском селе Копанка был продемонстрирован огромный потенциал сравнительных исследований (исследователи использовали интереснейший с научной точки зрения материал румынского социолога Д. Густы, собранный им еще в довоенной Румынии). Важным событием для социологии стала книга Г.А. Пруденского «Время и труд» (М., 1964), в которой получили глубокое освещение проблемы зависимости условий жизни, образа жизни от социально-бытовых факторов. Результат обобщенных прикладных исследований проблем брака и семьи, проведенных Л.Г. Харчевым, – его книга «Брак и семья в СССР» (М., 1965). Итоги прикладных исследований в самых разных областях жизни были представлены в двухтомнике «Социология в СССР» (М., 1965).

Промышленная социология развивалась по двум направлениям: с одной стороны, выделялась так называемая заводская социология, то есть создание на общественных началах различных исследовательских групп, лабораторий, центров, советов по социологии непосредственно на предприятиях, стройках и т.д., на работе которых отражалось отсутствие у энтузиастов теоретической профессиональной подготовки и практических навыков в проведении исследований, а с другой – разработка этой проблематики учеными-профессионалами (И.И. Чангли, В.Г. Подмарков, Ж.Т. Тощенко, Ю.Е. Волков и др.) Успешно разрабатывали аграрную социологию Т.И. Заславская, Ю.В. Арутюнов, И.М. Слепенков.

А таким ученым, как К.П. Буслов, С.А. Кугель, М.Н. Руткевич, В.С. Семенов, принадлежит большая заслуга в изучении социальной структуры общества. Положительную оценку научной общественности получило изучение свердловскими социологами количественных и качественных изменений в социальной структуре города и деревни. Консолидации научных сил по этой проблематике в масштабах всей страны содействовали два крупнейших научных форума – Всесоюзная конференция социологов в Минске (1966) и вторая Всесоюзная конференция в Свердловске (1972).

В числе приоритетов советских социологов были проблемы национальных отношений, формирования и развития социалистических наций, их сближения и взаимодействия в условиях многонационального СССР. Большое внимание уделялось господствовавшей в то время так называемой доктрине советского народа как новой социальной общности (работы Г.З. Апресяна, Т.Ю. Бурмистровой, М.С. Джунусова, С.Т. Калтахчяна, М.Д. Каммари, П.М. Рогачева, М.А. Свердлина и др.).

Большое значение имела разработка О.Г. Дробницким, В.П. Тугариновым, Б.А. Чагиным и др. теории ценностей, что содействовало укреплению методологического потенциала социологической науки. Выделялась проблематика по вопросам общественного бытия и общественного сознания. Однако даже самые заметные работы в этой области (Г.Е. Глезермана, В.Ж. Келле, М.Я. Ковальзона, В.П. Тугаринова и др.) не в полной мере учитывали современный уровень социологической науки. Проблемы общественного сознания настоятельно требовали обобщения большого материала, прежде всего эмпирического, о реальных процессах и явлениях общественной жизни и деформациях в духовной и нравственной сферах. О нерешенности многих теоретических и практических проблем, в том числе и в этой области, говорили и опубликованные М.О. Антоняном, В.И. Приписновым, П.Н. Федосеевым, Б.А. Чагиным и другими труды, посвященные обсуждению категорий «объективные условия» и «субъективный фактор».

Более основательно выглядела разработка проблем человека и личности, в чем заслуга прежде всего С.С. Батенина, Л.П. Буевой, И.С. Кона, М.Я. Корнеева, А.Г. Мысливченко, В.А. Ядова. В этих работах осуществлен анализ закономерностей развития человека в определенных социальных условиях, раскрыта возрастающая роль личностных качеств человека в процессе социализации, выявлены соотношения объективных законов и субъективной стороны общественного развития, новые аспекты социальной природы человека, его сущности, свободы и необходимости.

Предметом пристального внимания стало изучение социологических вопросов науки как производительной силы общества. Исследования Г. Струмилина, Г.Н. Волкова, А.А. Зворыкина, Б.М. Кедрова, Ю.С. Мелещенко, П.А. Рачкова, С.В. Шухардина и др. дали ценные результаты для раскрытия роли человека в системе производительных сил, актуализировали постановку вопросов внедрения в науку принципов структурного анализа, создания отечественного науковедения как самостоятельного направления в науке, более глубокого изучения законов развития науки, ее структуры и методологии, а также исследования принципов планирования, организации и управления развитием науки. Новаторский подход в исследовании социологических проблем техники позволил на более качественном уровне дать развернутую характеристику развернувшейся научно-технической революции и ее различных последствий в разных общественно-политических условиях, определить содержание понятия «техника», законы ее развития, ее роль в социальном прогрессе. Исследование А.И. Крыловым, В.Г. Мараховым, Д.М. Угриновичем, Б.А. Чагиным, В.Н. Черковцом и др. источников развития общественных производительных сил, более детальный анализ содержания категорий производительных сил и производственных отношений позволили преодолеть узкую интерпретацию содержания этих категорий, глубоко раскрыть динамику взаимодействия между двумя сторонами материального производства, эффективно осуществлять дифференцированный переход к производственным

отношениям, основательнее изучать многообразные связи производительных сил с природой, обществом и человеком.

С социологической точки зрения весьма ценными представляются научные труды А.И. Арнольдова, С.А. Артановского, Э.А. Баллера, В.В. Горбунова, В.Т. Ермакова, П.И. Кобанова, Э.В. Соколова и др., посвященные изучению закономерностей развития культуры, культурно-исторической типологии, соотношения общества и культуры, культуры и личности, культуры и техники. В дискуссиях звучал вопрос о плодотворности системно-структурного метода в разработке социологических аспектов культуры и критиковался так называемый оценочный подход к определению понятия культуры.

Важнейшим направлением социологии становилась теория управления общественными процессами, включая проблемы социального планирования и прогнозирования. Суть ситуации сводилась к тому, что теория управления общественными процессами развивалась в конкретных условиях того времени на стыке с историческим материализмом, политической экономией, юриспруденцией, научным коммунизмом, другими отраслями обществознания. Поэтому точное определение социологического характера теории управления можно было осуществить лишь при уточнении предмета теории управления, разработке ее методологических основ и понятийного аппарата. Установить четко относительно самостоятельное место теории управления в системе обществознания удалось на основе комплексного подхода к решению этой проблемы. Наиболее весомый вклад в разработку теоретических основ этой науки, определения ее относительно самостоятельного статуса внесли В.Г. Афанасьев, Д.М. Гвишиани, А.И. Берг, А.М. Бирман, В.В. Ефимов и др.

В развитии социальной психологии четко выделялись два сближающихся и взаимопроникающих процесса: а) разработка проблем социальной психологии на основе методов конкретной социологии (Б.Д. Парыгин, Б.Ф. Поршнев, В.А. Ядов и др.); б) преобладающее влияние на социальную психологию самой психологии с применением ее методов в сочетании с методами конкретной социологии (Б.Г. Ананьев, А.А. Бодалев, А.Г. Ковалев, Я.Л. Коломенский, М.А. Новиков, Л.И. Уманский).

Все возрастающее значение приобретали вопросы методологии конкретно-социологических исследований, умелое применение методов конкретных социальных исследований как в самой социологии, так и в других науках – существовавшей в то время политической экономии, теории управления, социальной психологии. Серьезным подспорьем для исследований стали такие крупные труды, как «Методика и техника статистической обработки первичной социальной информации» (М., 1968), «Математические методы в социальных науках» (М., 1973), «Количественные методы в социологии» (М., 1976), «Статистические методы анализа информации в социологических исследованиях» (М., 1979), «Рабочая книга социолога» (М., 1977) и др. Для советской социологии как науки возрождающейся ключевое значение имели первые труды по методологии, технике, процедуре социологических исследований, в чем большая заслуга принадлежит Г.М. Андреевой, Б.А. Грушину, А.Г. Здравомыслову, А.М. Румянцеву, Г.В. Осипову, В.А. Ядову. Преобладание дифференциации социологического знания над интегративной тенденцией приводило к своеобразному разделению труда, при котором во многих случаях отдавалось предпочтение разработке конкретных тематических направлений – социальной структуры общества, учения о человеке и личности, научно-технической революции и др.

Были представлены различные подходы в разработке социальной концепции социологии, базирующейся на рассмотрении общества как системы (В.Г. Давидюк, В.Я. Ельмеев, Н.И. Лапин, Ю.А. Левада, М.Н. Руткевич и др.) Приращению в социологии конкретного материала и его теоретическому обобщению все в большей степени стала содействовать тенденция проникновения в обществознание математического аппарата и приемов обработки эмпирических данных, широкого использования вычислительной техники, применения кибернетики и теории систем.

Отпочковывание от исторического материализма ряда специальных научных областей, развитие методологии конкретных исследований вызвало дискуссию по вопросам соотношения истмата и конкретной социологии. (Эти вопросы мы рассмотрим отдельно ниже.)

Выделение научного коммунизма в качестве самостоятельной научной дисциплины сразу же выдвинуло задачу определения его предмета, его соотношения с историческим материализмом и социологией. Своеобразие в треугольнике «исторический материализм – научный коммунизм – социология» заключалось в том, что многие социологи боролись за выведение всех социологических исследований из-под крыла исторического материализма и придание социологии как науке самостоятельного статуса, а глашатаи научного коммунизма, в свою очередь, выступали сторонниками того, что социологические исследования должны развиваться в рамках их научной дисциплины, лишая тем самым социологию основного ее объекта исследования. И противостояние в названном выше треугольнике продолжалось вплоть до 1988 года.

Многообразие точек зрения на предмет и структуру исторического материализма, его соотношения с конкретными социологическими исследованиями, на содержание категорий «объективные условия», «субъективный фактор», «общественное бытие», «общественное сознание», «производственные отношения», «производительные силы» – все это порождало две тенденции: с одной стороны, положительную, свидетельствующую о кристаллизации научной истины с использованием потенциала плюрализма мнений, а с другой – создающую препятствия для формирования цельного и последовательного социологического мышления.

В условиях объективно протекающих процессов дифференциации и интеграции науки все больше и больше актуализировался вопрос выяснения определенной субординации и координации понятий и категорий исторического материализма и социологии, научной систематизации их содержания.

Весьма ценным является то, что параллельно с процессом возрождения советской социологии активно работали и историки социологии, анализировавшие развитие этой науки как в своей стране, так и в мире. Высокой оценки заслуживают исследования в этой области, осуществленные Э. Араб-Оглы, З.Т. Голенковой, И.А. Голосенко, Ю.Н. Давыдовым, Н.Н. Новиковым и др. Что касается работ по истории социологической мысли, то они, хотя по причинам, вполне понятным сегодня, и базировались на марксистской доктрине, тоже способствовали обогащению социологического знания. История социологической мысли с древних времен получила обстоятельное освещение в шеститомной «Истории философии» и в четырех томах «Истории философии в СССР». Социологический и экономический анализ «Капитала» К. Маркса нашел отражение в вышедшей в 1971 году монографии «История марксистской диалектики. От возникновения марксизма до

ленинского этапа». Усилилось внимание к послеоктябрьскому периоду развития социологии»¹.

По бытовавшему мнению, к середине 50-х годов в СССР исчезла социальная база для антимарксистских течений в общественных науках. В этих условиях на первый план выдвигался жанр критики зарубежной буржуазной и так называемой ревизионистской социологии, разумеется, с позиций марксистско-ленинской доктрины, с опорой на господствовавший тогда классовый подход и принцип партийности в науке и особенно в духе усиления наступательной борьбы в условиях биполярного противостояния. Именно прежде всего с этих позиций критиковались зарубежные концепции функционализма, эмпиризма, правого и левого ревизионизма, индустриального и постиндустриального общества, конвергенции, теории социального действия, теории стадий и др.

Наиболее значимые работы по данной проблематике (как в плане критики буржуазной социологии, так и в плане внимательного изучения ее некоторых позитивных сторон) связаны с именами таких исследователей, как Г.М. Андреева, Ю.А. Замошкин, А.Г. Здравомыслов, Н.В. Новикова, Г.В. Осипов, В.С. Семенов и др. Наиболее крупными работами в этой области были монографии «История буржуазной социологии XIX – начала XX века» (М., 1979), «История буржуазной теоретической социологии» (М., 1977) и др. Наряду с этим усиливалось внимание советских социологов к прогрессивным элементам буржуазной социологии, методике и технике социальных исследований. Ряд крупных работ, опубликованных советскими социологами совместно с коллегами из тогдашних соцстран, подтвердил взаимную заинтересованность в изучении накопленного сторонами опыта развития социологических исследований².

Однако на фоне постоянного возрастания количества монографий, сборников материалов конференций и симпозиумов, в том числе и международных, по вопросам социологических исследований, которые отличались высоким теоретическим уровнем и содержали свежую и оригинальную постановку вопросов, демонстрировали творческий подход к их решению, появлялись книги и брошюры серые, графаретные и даже содержащие ошибочные утверждения. Поэтому требовались коренные изменения характера обсуждения и аргументированной, принципиальной, но доброжелательной критики отдельных спорных или ошибочных положений. Эту задачу призваны были решать и созданные новые издания – журнал «Философские науки», многочисленные «Вестники» и «Ученые записки» вузов.

Состояние формировавшейся советской социологии можно было бы сравнить (с определенными оговорками) с оценкой основания Международного института социологии Рене Вермсом, который, характеризуя социологию начала XX века, сказал, что она превратилась к тому времени в «своего рода архипелаг слабо связанных между собой островов специализаций»³. В самом деле, трудно отказать в определенной автономности развития таких линий в советской социологической мысли: конкретные социальные исследования, математические экономисты, прикладная соци-

¹ См.: Марксистско-ленинская философия в СССР и европейских странах. Сборник. М., 1965; А.Ф. Окулов. Советская философская наука и ее проблемы. Краткий очерк. М., 1970; В.И. Клушин. Первые ученые-марксисты Петрограда. Историко-социологические очерки. Л., 1971; Б.А. Чагин. Очерк истории социологической мысли за рубежом. М., 1970.

² См., например: Энгельс и современные проблемы философии марксизма. М., 1971.

³ См.: Социологический журнал. 1995. № 2. С. 217.

ология, критика буржуазной социологии, теория научного коммунизма, претендовавшая на монополию на социологические исследования. Вряд ли корректным будет рассматривать, как это делает Г.В. Осипов, появление «социальных исследований», а несколько позже «социологических исследований» и их варианта «конкретно-социологических исследований», «прикладных исследований» в качестве выхода из запретного тупика, вынужденной альтернативы социологии как самостоятельной науки, а не в качестве этапов сложной и противоречивой эволюции самой социологии.

И почему же многие авторы не обращают внимания на то, что болезненность и противоречивость этого процесса порождались прежде всего общим состоянием развития этой научной дисциплины, отсутствием у многих обществоведов смелости взять на себя персональную ответственность за решение назревших проблем этой науки, приспособленчеством научного сообщества к господствовавшему догматизму и начетничеству, «одобрямсу»? Впрочем, для сравнения: над западными социологами не висел дамоклов меч партийного руководства, но, как они сами многократно заявляли, в том числе и на международных социалистических конгрессах, противоречия между, с одной стороны, теоретико-методологической нищетой и с другой – «ползучим эмпиризмом» ввергали буржуазную социологию в глубочайший кризис. А это означает, что в целом всей мировой социологии пришлось пережить сложный путь сомнений и поисков. Когда же к этому примешивалось еще и деление авторов не по принадлежности к научным школам и направлениям, а по политическому признаку, на либералов и консерваторов, то истинная картина приобретала до неузнаваемости искореженный вид, когда в явно преувеличенном плане рисовалась запретительная линия властей и «героизация» на этом фоне «истинных» борцов за науку. Впрочем, происходило это не по следам интеллектуальных сражений по ходу их развития, а значительно позже – в тиши кабинетов постсоветской мемуаристики. А тогда, по справедливому замечанию А. Левады, правил бал нравственно-этический дуализм.

Становление постсоветской мультипарадигмальной социологии, преодолевающей последствия советской монопарадигмальной социологии, выдвинуло ряд принципиально новых задач как в области внутренней институционализации (теоретико-методологический плюрализм социологических теорий и исследований, допущение разных социальных изменений, множественность перспектив ожидаемых и прогнозируемых результатов и т.д.), так и внешней институционализации (новые формы связи социологии с системой образования властными и управленческими структурами, институтами гражданского общества, политическими партиями и движениями, коммерческими структурами). К сожалению, по многим из названных проблем до сих пор так и не выработано достаточно четких новых методологических позиций, более того, проводимая ныне властями реструктуризация науки в России даже пополнила перечень сложных и плохо решаемых проблем.

На современную российскую социологию негативное влияние оказывает ее явная политизация, превращение ее в оружие политической борьбы. В практическом плане она нередко становится маргинальной социальной дисциплиной, подверженной деформациям рынка. К сожалению, разрушение, а затем и ликвидация советского механизма отношений власти и общественных наук не сопровождалось формированием нового типа отношений между ними. Речь, разумеется, идет о таких отношениях, которые служили бы эффективным решением насущных проблем выбирающегося из системного кризиса общества. Власть фактически ограничилась тем, сняв в

политико-идеологических отношениях с обществоведами директивно-руководящий стиль, отпустила их в свободное плавание. Однако на примере той же социологической науки можно убедиться, что такое упрощенное представление о свободе научного творчества ущербно. Ничем нельзя оправдать то, что в документах российских властей, как в период раннего постсоветизма (указ президента Российской Федерации от 13 июня 1996 года, Доктрина развития российской науки и др.), так и тех, которые были приняты в связи с начавшейся в 2014 реформой Российской академии наук, социологическая наука не представлена ни в концептуальном плане (какой власть хотела бы видеть социологию с точки зрения ее участия в реформировании общества), ни даже терминологически.

Результат – если деформации советской социологии были связаны с командно-административным вмешательством, то постсоветская социология оказалась без реальной (а не декларативной) государственной поддержки, став в ряде случаев жертвой рыночной стихии. Она в полной мере не востребована как в решении коренных внутренних проблем российского общества, недоучета его институциональных, социокультурных, эпигических особенностей, так и в контексте общемировых тенденций глобализации, интеллектуализации, информатизации, позволяющих формировать новейшее видение характера, направленности и механизмов социальных изменений в мире.

В этом контексте уместно сослаться на мнение германского предпринимателя, члена Римского клуба доктора Клауса Штальманна, которое было высказано в связи с создавшейся ситуацией в России в 90-е, но не потеряло своей актуальности и сегодня: «Присущие русскому народу духовность, гуманизм, идейность, альтруизм и многие другие ценности и значимые социокультурные качества неожиданно вытеснились на обочину общественного развития. Для экономики, основанной на системе конкуренции, и человека как рыночного агента главное заключается в том, чтобы быть лучше и сильнее других. В России ценностные ориентации стали заметно смещаться в индивидуалистическую и потребительскую сферы. Мотивом и мотором российской рыночной системы стали выступать эгоизм и жажда наживы. Но эгоизм, не заключенный в определенные рыночные условия, часто не останавливается ни перед чем. Современная российская рыночная действительность дает массу примеров, когда жажда наживы ведет к преступлениям и наносит огромный ущерб самой идее русского предпринимательства в глазах мировой общественности»¹.

В заключение – выводы, которые напрашиваются при анализе отношений между властью и обновляющейся социологией в период между ранним постсталинизмом и перестройкой. Прежде всего, необходимо подчеркнуть: все без исключения сюжеты возрождения и институционализации развивались в рамках описанного выше механизма взаимоотношений власти и социологии. И то, что в ходе горбачевской перестройки этот механизм был взорван, – все это не может перечеркнуть накопленный опыт именно в этих рамках, потенциал возрождавшейся социологии. Даже проявление оппозиционности и нигилизма со стороны отдельных ученых представляло собой своеобразную ответную реакцию – и опять-таки в рамках этого механизма.

Сказанное выше отнюдь не означает, что описанный нами механизм представляет собой безупречную модель взаимоотношений власти и науки. Механизм этот был дей-

¹ Штайльман К. Новая философия бизнеса. Т. 1. М.; Берлин, 1998. С. 32.

ствительно сильным, в ряде звеньев даже результативным, однако он (механизм) являлся составной частью административно-командной системы со всеми вытекающими негативными последствиями – директивными методами руководства, административным вмешательством партийных органов в жизнь научного сообщества, взятием партийными структурами на себя не свойственных им функций в вопросах научной деятельности, внедрение бюрократических форм и методов в деятельность академических и учебных структур, засилье цензуры и др. Однако переводить существовавшие сложности отношений власти и науки в русло антагонизма и политического противостояния, как это делают некоторые авторы, кстати, выступавшие активными действующими лицами функционировавшего механизма отношений власти и социологии, – это грубейшее нарушение исторической правды. Поэтому в сложной судьбе советской социологии неуместно искать простые ответы на сложнейшие проблемы, существовавшие как в рамках контекста «власть и наука», так и внутри ее (социологии) самой. В последующем мы и попытаемся ответить на многие из них.

§3. ИКСИ¹: свидетельства и мифы о рождении

В правомерности подчеркивания особой роли в институционализации отечественной социологии таких двух структур, как сектор новых форм труда и быта в Институте философии АН СССР, а также Институт конкретных социальных исследований АН СССР, – аргументов более чем достаточно. Действительно, без них невозможно представить в полном объеме социологический ренессанс, они были и остаются важнейшими этапами в истории отечественной социологии. Для социологического сообщества эта истина аксиоматична. Другое дело – как происходило учреждение названных структур, кто конкретно и какую роль сыграл в этом, то есть вопрос о том, как это было на самом деле, представляет несомненный интерес и сегодня. И здесь приобретают особое значение детали и нюансы, придающие свершившимся событиям и фактам особую силу достоверности и правдивости или, наоборот, – искаженный вектор.

Начнем с сектора новых форм труда и быта в Институте философии АН СССР. В научных публикациях, на социологических форумах постоянно декларируются два тезиса, призванные подтвердить персональную первопроходческую роль в этом деле Г.В. Осипова: 1) указанный сектор – первая социологическая структура в отечественной науке; 2) создатель сектора – лично он, Г.В. Осипов. Более того, как он заявил, «сектор был создан специально под меня»².

Предоставим слово самым справедливым свидетелям – фактам. Рассмотрим первый тезис – о хронологическом первенстве сектора новых форм труда и быта. Академик А.А. Кокошин утверждает: «В 1960 году Г.В. Осипов возглавил первое в стране после 1920-х годов (подчеркнуто нами. – А.К.) научное социологическое подразделение под названием сектор новых форм труда и быта»³. Об организации в 1960 году

¹ ИКСИ – Институт конкретных социальных исследований АН СССР.

² См.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб.: изд-во РХГИ, 1999. С. 99.

³ Кокошин А.А. Путь настоящего ученого и гражданина. В кн.: Академик Г.В. Осипов – патриарх социологии. М.: Наука, 2009. С. 70.

в Институте философии АН СССР «первого в стране» (подчеркнуто нами. – А.К.) социологического подразделения под названием сектор новых форм труда и быта»¹ пишет сам Г.В. Осипов. Правда, в другом месте он почему-то утверждает, что указанный сектор был создан в Институте социологии² СССР, которого, как нам хорошо известно, в 60-е годы XX столетия не было; академическая структура под названием «Институт социологии» появилась в 1988 году. Слова о том, что Г.В. Осипов – «основатель первичной» (подчеркнуто нами. – А.К.) социологической институции – сектора новых форм труда и быта», принадлежат академику Л.Н. Митрохину³. В свою очередь, профессор И.Б. Орлова пишет, что Осипов «был руководителем первой в СССР научной структуры» (подчеркнуто нами. – А.К.), получившей после периода жестких идеологических запретов право заниматься социологией (сектор новых форм труда и быта в Институте философии АН СССР)⁴.

Утверждения Г.В. Осипова о том, что упомянутый выше сектор стал первой социологической структурой в стране, построены на его же документально не подтвержденной версии о существовании в истории отечественной социологии целого «запретного периода», с 1929 по 1955 год. Эту сторону дела рассмотрим обстоятельно позже. А сейчас подчеркнем, что такими суждениями автор подводит читателя к выводу: преодоление существовавшего, по его утверждению, до 1955 года тотального запрета социологии началось с нуля, а первым после снятия запрета шагом стало создание, как он пишет, «специально под него» указанного сектора в Институте философии. Такой вывод продекларирован, с одной стороны, без фактов, подтверждающих, как это было на самом деле, а с другой – при полном игнорировании имеющейся на этот счет документальной базы. Тем не менее тезис о личном первопродолчестве в создании первой социологической структуры, провозглашенный Г.В. Осиповым в постсоветское время (до этого ничего подобного не говорилось) и повторенный многими авторами (прежде всего близкими к нему), прочно утвердился в общественном мнении в качестве непреложной и не подлежащей сомнению истины.

Правда же в том, что первым после Великой Отечественной войны социологическим подразделением в стране стал созданный к осени 1946 года в Институте философии АН СССР сектор социологии, руководил которым профессор М.П. Баскин. До создания сектора в этом же институте примерно год существовала группа по истории социологических учений. Именно на баскинских семинарах говорилось о социологии как научной дисциплине. А то, как сектор занимался также и критикой буржуазных социологических учений, дало основание некоторым авторам определять это как трансмиссию западных идей⁵.

В целом же критико-социологическая проблематика была признана важнейшим направлением научно-философского фронта. Заслуга М.П. Баскина и в том, что он рассматривал социологию уже не просто в качестве термина, введенного Контом, а как «буквальное учение об обществе», «научно обоснованное воздействие

¹ Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008; РХГА, 2008. С. 397.

² См.: История социологии. Учебник для вузов. Отв. ред. акад. Г.В. Осипов, доктор философских наук проф. В.П. Култычин. М.: Норма, 2009. С. 548.

³ Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 589.

⁴ Встречи с Питиримом Сорокиным / под ред. И.Б. Орловой. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2003. С. 3.

⁵ См.: Батыгин Г.С. Советская социология на закате сталинской эры // Вестник АН СССР, 1991, № 10.

на общественную жизнь»¹. К сожалению, дальнейшая научная судьба персонально М.П. Баскина и сектора социологии в целом оказалась печальной после разгрома книги Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии» и снятия в 1947 году ее автора с поста руководителя Отдела пропаганды ЦК партии. М.П. Баскин, будучи далеким от идеологических интриг того времени, тем не менее пострадал... за близость к Г.Ф. Александрову, которая проявилась в благожелательном отношении последнего к сектору социологии и его руководителю.

А 1960 год для возрождающейся социологии стал знаменательным четырьмя первопроходческими акциями, происшедшими самостоятельно и независимо друг от друга на разных исследовательских площадках. Речь идет о создании в этом году: а) на философском факультете МГУ межфакультетной социологической лаборатории; б) при философском факультете Ленинградского университета первой по названию и содержанию социологической структуры за пределами Москвы – социологической лаборатории; в некоторых авторитетных изданиях утверждается, что В.А. Ядов в ЛГУ «в конце 50-х (то есть еще до создания сектора новых форм труда и быта в Институте философии. – А.К.) организовал лабораторию социологических исследований для изучения трудовой мотивации»²; в) в Академии общественных наук лаборатории социологических исследований; г) формирование путем реорганизации некоторых структур внутри Института философии – сектора новых форм труда и быта, который, по мнению многих социологов, стал структурой с «непонятным несоциологическим названием», а по утверждению Г.В.Осипова, что не соответствует действительности, «первым в стране социологическим подразделением», причем якобы название сектора «новые формы труда и быта» – «такой псевдоним (подчеркнуто нами. – А.К.) был дан социологии»³. Кстати, тезис об упомянутом выше псевдониме для социологии невозможно подтвердить никакими официальными источниками (кто его автор, в каких публикациях он использован и т.д.). Да и зачем вообще надо было подыскивать для социологии какой-то псевдоним? Может быть, для того, чтобы оппонировать тем, кто назвал сектор новых форм труда и быта структурой с «непонятным несоциологическим названием», и убедить читателей, что возглавляемый Г.В. Осиповым сектор все же является социологическим?

Названные выше четыре социологические структуры были созданы с разрывом в несколько месяцев, но в рамках одного года. Для этого есть такие объяснения: первым и единственным импульсом, практически (в отличие от словесных инициатив), повлиявшим на их учреждение, явилась направленная 10 октября 1959 года в ЦК КПСС докладная записка делегатов IV Всемирного социологического конгресса директора Института философии АН СССР П.Н. Федосеева и председателя Советской социологической ассоциации Ю.Н. Францева «Об итогах IV Всемирного социологического конгресса». В ней предлагалось наряду с другими мерами, направленными на развитие социологической науки (широко организовать проведение социологических исследований и издание результатов исследования, в том числе и на иностран-

¹ Баскин М.П. Социология // Большая Советская Энциклопедия: ОГИЗ СССР, 1947. Т. 52.

² См.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 1999. С. 622.

³ См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 541.

ных языках, развернуть более энергичную деятельность Советской социологической ассоциации, обратив особое внимание на работу по связям с различными научными учреждениями, провести Всесоюзное совещание социологов и др.) создать: в Институте философии АН СССР группу социологических исследований, в Уральском университете сектор социологии, обсудить вопрос о возможности создания таких групп в Московском и Ленинградском университетах, создать социологические группы в институтах философии союзных республик¹.

Практически решение этих вопросов происходило в двух системах – в АН СССР (Президиум АН СССР принял 6 ноября 1959 года постановление, в котором определил задачи АН СССР, вытекающие из итогов IV Всемирного социологического конгресса, внося при этом некоторые изменения в предложения Федосеева и Францева²) и в системе Министерства высшего и среднего специального образования, которое действовало в русле инициативы АН СССР, подключившись к этой работе тогда, когда академическое руководство уже приняло свои решения, в том числе и о создании в составе Института философии упомянутой выше группы социологических исследований. Вот так и образовалась временная вилка в сроках создания социологических структур в разных системах. Следовательно, заниматься в этих условиях определением первенства какой-то из структур, да еще и лично первопроходцев – дело, может быть, для кого-то и забавное, но по существу бесплодное.

Создание же при философском факультете Ленинградского университета социологической лаборатории Г.В. Осипов, как правило, упоминает через слово «а также», при этом «уточняя» (не приводя документальных доказательств), что в ЛГУ социологическая лаборатория была организована только через полгода после создания сектора новых форм труда и быта³, акцентируя тем самым внимание на том, что именно возглавляемый им сектор был «первой» социологической структурой.

Что же касается межкафедральной социологической лаборатории в МГУ и лаборатории социологических исследований в АОН, то в этом контексте они, за малым исключением, не упоминаются. И это при том, что лаборатория социологических исследований в ЛГУ (в изданной в 1969 году «Истории Ленинградского университета» употребляется также и название «лаборатория социальных исследований»)⁴, созданная под руководством декана факультета, доктора философских наук, профессора В.П. Рожина, в которую вошли молодые исследователи А.Г. Здравомыслов, В.А. Ядов и В.Я. Ельмеев и др., уже в 1961–1964 годах осуществила первое в Советском Союзе эмпирическое социологическое исследование «Превращение труда в первую жизненную потребность», предметом изучения которого были отношения молодых рабочих Ленинграда к труду. Накопленный опыт эмпирического обследования на 25 ленинградских предприятиях был положен в основу исследования таких проблем, как престиж профессий и специальностей в общественном мнении, влияние бли-

¹ См.: Социология и власть. Сборник 1. Документы 1953–1968. М.: АCADEMIA, 1997. С. 47–53.

² Постановление Президиума АН СССР «Об участии советских социологов в работе IV Всемирного социологического конгресса». В сб.: Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: АCADEMIA, 1957. С. 52–53.

³ См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 541.

⁴ См. История Ленинградского университета, 1819–1969. Очерки / отв. ред. Мавродин В.Л. Л.: изд-во ЛГУ, 1969. С. 539–541.

жайшего окружения рабочего на его отношение к труду, мотивы трудовой деятельности молодых рабочих, их суточный бюджет времени. Большое значение имело то, что исследование сопровождалось теоретическими дискуссиями о роли технических и социальных факторов отношения к труду. Опубликованные результаты исследования получили в научном сообществе высокую оценку¹. Вне всякого сомнения – судя по тому, как лаборатория ЛГУ в первые годы развернула работу по социологическим исследованиям, она была несомненным лидером в этом деле.

Для созданной в том же 1960 году межкафедральной социологической лаборатории на философском факультете МГУ с самого начала приоритетными направлениями стали обучение под руководством опытных сотрудников студентов и аспирантов методике и технике конкретных социологических исследований, обеспечение тесной связи науки с практикой. В разные годы лабораторией руководили Р.И. Косолапов, В.И. Разин, А.И. Демидов, Ю.В. Арутюнян, В.Я. Нечаев. В ней работали опытные социологи – Л.Г. Квиткина, С.И. Нестерова, А.Ш. Агабеков, А.И. Долгоруков, В.Г. Кондратьев, В.Н. Макаревич. Накопленный опыт исследовательской работы послужил хорошей основой для создания в 1969 году кафедры методики конкретных социальных исследований, которую возглавила известный социолог, профессор Г.М. Андреева. Основными направлениями деятельности кафедры стали: специализация студентов по социологии, лекции по социологии не только для философов, но и юристов, и журналистов, разработка программ, учитывающих специфику факультетов, подготовка и издание одного из первых в стране учебных пособий по социологии. Вскоре на базе кафедры и лаборатории на философском факультете было открыто отделение прикладной социологии. Первая программа курса «Социология» (авторы В.И. Добренев, Н.И. Дряхлов, Е.И. Кукушкина, Ф.И. Минюшев, Н.М. Слепенков, В.Г. Харчев, Л.Г. Костюченко) была признана как образовательный стандарт для вузов России. Ректор МГУ академик А.А. Логунов подписал приказ № 500 об организации в МГУ социологического факультета 6 июня 1989 года.

А созданная в 1960 году не в Высшей партийной школе, как пишет Г.В. Осипов², а в АОН при ЦК КПСС по инициативе ее ректора Францева лаборатория социологических исследований на первых порах концентрировала свое внимание на исследованиях средств массовой информации. Со временем эта лаборатория стала частью кафедры научного коммунизма, руководители которой (сначала Ю.П. Францев, а затем В.Г. Афанасьев) исходили из принципиальной установки, что развитие теории научного коммунизма немыслимо без выхода на социологические исследования. Такой подход отличался от позиции тех, кто рассматривал развитие теории научного коммунизма в рамках концепции исторического материализма без опоры на конкретные исследования. Поэтому корректнее было бы не забывать, что одновременно созданными в 1960 году социологическими структурами были не только сектор в Институте философии, но и упоминаемая через формулировку «а также» социологическая лаборатория в ЛГУ, и межкафедральная социологическая лаборатория в МГУ, и лаборатория социологических исследований в АОН.

¹ Человек и его работа. Социологическое исследование / под ред. А.Г. Здравомыслова, В.П. Рожина, В.А. Ядова. М.: Мысль, 1967; См. также: Человек и его работа в СССР и после: Учебное пособие / под ред. А.Г. Здравомыслова и В.А. Ядова. 2-е изд. М.: Аспект-Пресс, 2003.

² См.: Осипов Г.В. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 512.

Но нельзя не помнить и о том, что в это же время социологические центры и группы создавались в структуре экономических, философских, юридических и этнографических учреждений. В том же 1960 году подобные социологические структуры были учреждены в различных государственных учреждениях: центр социологии образования при Министерстве высшего и среднего специального образования, центр социальных проблем медицины при Академии медицинских наук, центр социологии средств массовой коммуникации при Комитете по печати, центр социальных проблем научного планирования при Комитете по науке и технике Совета Министров СССР, социологическая лаборатория при Министерстве внутренних дел. Вслед за этим были созданы: центр социологии школьного образования при Академии педагогических наук СССР (1961), социологические лаборатории или группы при прокуратуре (1961), при КГБ (две) и при Министерстве обороны (две в 1961), центр социологии культуры при Министерстве культуры СССР (1962), центр социологии городского планирования при Государственном комитете по строительству (1962). Эти центры, лаборатории и группы хотя и ограничивались в своей деятельности прикладным утилитарно-прагматическим подходом, но они оказывали заметную помощь в социальном прогнозировании, подготовке рекомендаций в соответствии с указаниями и практическими потребностями заказчика.

Такова реальная, а не препарированная картина. Б.А. Грушин как активный участник возрожденческого процесса в 60-е годы XX века считает, что, с его точки зрения, социология «возникла одновременно в пяти центрах»: возглавляемый Г.В. Осиповым сектор новых форм труда и быта в Институте философии, лаборатория В.А. Ядова в ЛГУ, Институт общественного мнения «Комсомольской правды», исследования в Новосибирском академгородке В.А. Шубкина и на Урале Л.А. Когана. «Поэтому, – пишет он, – реальными пионерами эмпирической социологии в стране я считаю именно Осипова, Ядова, Шубкина, Когана и Грушина»¹.

И вот на фоне таких документально подтвержденных фактов в одном из вузовских учебников можно обнаружить однозначные утверждения, что «первым научным подразделением отечественной социологии стал сектор новых форм труда и быта Института социологии СССР»² (подчеркнуто нами. – А.К.). Подобные декларации не могут не вызвать удивления по двум соображениям: первое – на каком основании за пределами исторической правды оказались созданные одновременно с упомянутым выше сектором аналогичные социологические структуры в Московском университете имени М.В. Ломоносова и Академии общественных наук; второе – сектор новых форм труда и быта, как известно, был сформирован не в Институте социологии (создан в 1988 году), а двадцатью восемью годами раньше в Институте философии. Вот так преподносится история социологии для студентов вузов.

Борясь же за «первопроходчество», не следовало бы забывать и о тех неформализованных социологических группах, сотрудники которых еще до учреждения сектора новых форм труда и быта проводили большую работу как профессионалы-социологи. Профессор Орлова И.Б., однозначно определив, что Г.В. Осипов «был органи-

¹ См.: Российская социология шестидесяти лет в воспоминаниях и документах. СПб.: Российский Христианский гуманитарный институт, 1999. С. 213.

² История социологии. Учебники для вузов. Отв. ред. акад. Г.В. Осипов, доктор философских наук проф. В.П. Култыгин. М.: Норма, 2009. С. 548.

затормозивших первые эмпирические социологические исследования»,¹ не указывает при этом ни их тематику, ни время проведения. Вопреки истине, она ни малейшим образом не обозначила хотя бы в общем плане усилия в этом других исследователей. Как же можно не считаться, например, с тем неоспоримым фактом, что первым советским социологом, сочетавшим эмпирические исследования с теоретическими, был С. Струмилин. А в сентябре 1949 года, когда Геннадий Осипов был еще только студентом-третьекурсником МГИМО МИД СССР, опальный М.Т. Иовчук, возглавивший кафедру философии Уральского университета, поставил перед своим коллективом задачу систематически проводить социологические исследования на уральских предприятиях². Развернувшаяся зимой 1952 года работа со временем завершилась изданием книги в местном издательстве, которая при всем ее несовершенстве (не забудем об уровне социологической науки в 50-е годы) может претендовать на первую попытку возрождения социологических исследований в послевоенной России.

Абсолютно предан умолчанию историками отечественной социологии и факт организации в пятидесятые годы в МГИМО социологического кружка Францева, который был укомплектован лично выявленными ректором института студентами, у которых в условиях отсутствия институционализированной социологии как научной и учебной дисциплины проявился интерес к социологической науке. Со временем кружковцы Францева стали в социологии и политологии довольно крупными исследователями: один из первых учеников Ю.П. Францева – академик Г.А. Арбатов, а также Э.А. Араб-Оглы, Ю.А. Замошкин, Г.К. Ашин, Д.В. Ермоленко, представлять которых социологическому сообществу нет необходимости.

По воспоминаниям Г.К. Ашина, для которого Юрий Петрович был «одним из первых его учителей», члены созданного ректором МГИМО вокруг него социологического кружка «мечтали о том, что начнем заниматься конкретными социологическими исследованиями»³. Проведенные Арбатовым и Араб-Оглы в начале пятидесятых годов исследования проблем преступности в Горьком выявили несоответствие официальной статистики по изучаемому вопросу реальной картине. По словам Г.К. Ашина, он в 1959 году «тоже попытался, довольно неудачно, войти в эмпирическую социологию», опубликовав на страницах «Правды» материалы социологического исследования (была разработана программа и анкета) «движения за коммунистический труд на железнодорожном транспорте». В скандале, возникшем из-за слишком сильной критичности публикации, как он пишет, его «выручил тогда Ильичев»⁴.

А насколько корректным может быть, например, такое заявление: «Формально первое социологическое исследование (вернее, социально-философское) было инициировано группой свердловских ученых, в основном философов (рук. М.Т. Иовчук, члены исследовательской группы – Г.А. Пруденский, М.Н. Руткевич, Л.Н. Коган и

¹ См.: Встречи с Питиримом Сорокиным. Под ред. д. ф. н. И.Б. Орловой. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2003. С. 3.

² См.: Российская социология шестидесятых годов. СПб.: Российский христианский гуманитарный институт, 1999. С. 284.

³ «Очень не люблю элиту...» Интервью с Геннадием Константиновичем Ашиным // Журнал социологии и социальной астрологии. 2008. Том XI, № 1. С. 12.

⁴ «Очень не люблю элиту...» Интервью с Геннадием Константиновичем Ашиным // Журнал социологии и социальной астрологии. 2008. Том XI, № 1. С. 12–13.

др.)»?¹ В самом деле, по каким признакам первому социологическому исследованию, проведенному свердловскими учеными, приклеивается ярлык формального, потому что созданная группа аналитиков формально не значилась где-то в штатном расписании? Главное все же в другом – в том неоспоримом вкладе, который своим исследованием внесла свердловская исследовательская группа в историю отечественной социологии.

В свою очередь, сам Г.В. Осипов оценил проведенное в 60-е годы Г.А. Арбатовым исследование социальных процессов в Весьегонском районе после захвата власти большевиками как «первое сравнительное социологическое исследование в СССР»². В этом же плане необходимо сослаться и на проведенный в 1958 году в Ленинграде первый социологический семинар, организацией которого занималась еще неформализованная группа социологов во главе с деканом философского факультета ЛГУ В.П. Рожиным. И это произошло двумя годами ранее по сравнению со сроками создания сектора новых форм труда и быта. Эти факты свидетельствуют, кроме всего прочего, об энтузиазме многих социологов, которые, не ожидая, пока когда-то будут институционализированы официальные социологические структуры, инициативно создавали неформализованные группы и вершили благородные дела.

В научно-информационном пространстве циркулирует еще одна версия, призванная закрепить в общественном мнении представление о первой в системе АН СССР социологической структуре и о «первопроходстве» в этом будущего «патриарха социологии». Принадлежит эта версия И. Земцову – человеку хорошо информированному о процессах возрождающейся социологии, поскольку ему в прошлом довелось на правах подчиненного сотрудничать с Г.В. Осиповым в ИКСИ, а затем (после эмиграции) поддерживать тесные не только профессиональные, но и личные дружеские контакты. Вот эта версия: «В начале 1955 года Г. Осипов заручился поддержкой академика Константинова, чтобы убедить Хрущева одобрить проведение социологического исследования факторов, обуславливающих массовый исход молодежи из целинных земель»; «Константинов представил Осипова приемному сыну Хрущева А. Аджубею» (?), после чего «Осипов составил проект и программу исследования и положил документы прямо на стол Хрущева, минуя его секретариат»; Хрущев, понимающий «всю опасность социологических исследований», все же решился «пойти на риск и распорядился создать в Институте философии первый в Советском Союзе сектор, занимающийся социологией»; к концу 1955 года «социологическим исследованиям по проблемам рабочей силы и демографии был дан зеленый свет, а Ф.В. Константинов, ставший в это время новым заведующим Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС «в ходе сложной борьбы за власть и влияние в партийном аппарате», «решил поставить на Осипова и социологию»³ (!) (подчеркнуто нами. – А.К.).

Описание И. Земцова – «героическая эпопея», повествующая о настоящем «витязе в тигровой шкуре», но действующем в иной, чем его грузинский предшественник, обстановке: сумев повлиять на самые высокие властные кабинеты, Г.В. Осипов заставил пойти на риск даже генсека партии, который понимал всю «опасность социоло-

¹ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 21.

² См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА. С. 547–548.

³ И. Земцов. Советская социология. В кн.: Социология в СССР: взгляд изнутри и извне в работах Геннадия Осипова, Джорджа Фишера, Ильи Земцова, Алекса Симиренко. М.: Вече, 2008. С. 416.

гических исследований». И. Земцов пишет также о том, что «памятная записка с подписями Аджубея и Осипова долгое время циркулировала в аппарате Центрального Комитета», дважды (в апреле и июле 1955 года) обсуждалась на Секретариате ЦК, но когда она «достигла Бюро Центрального Комитета (имеется в виду Политбюро ЦК. – А.К.), подпись Аджубея была заменена подписью Ф. Константинова»¹. Чтобы понять всю масштабность этой чудовищной фальсификации, мы, не считая необходимым вступать в полемику с ее автором, ограничимся лишь уточнением тех моментов, которые помогут осмыслить истинную картину. Сделаем шесть таких уточнений.

Первое – о наличии объективных предпосылок для разработки Г.В. Осиповым проекта и программы социологического исследования по проблемам массового исхода молодежи с целинных и залежных земель. Если учесть, что правительственное постановление по целине было принято в 1954 году, то в начале 1955 года эта работа только разворачивалась: в районы, подлежащие освоению, из разных республик направлялась рабочая сила, в том числе комсомольские отряды целинников, необходимая техника, начала создаваться инфраструктура для жизнеобеспечения новоселов на неблагоустроенных степных просторах. Поэтому составление в это время Г.В. Осиповым для генсека проекта и программы исследования массового исхода молодежи из целины, большая часть которой (молодежи) еще не прибыла по назначению, а часть которой еще не успела даже обжиться, – это нечто: исследовать то, что еще не произошло и чего вообще не было.

Второе – о профессиональном и должностном статусе разработчика упомянутых проекта и программы исследования для генсека партии (!). Так вот, в начале 1955 года, когда, по словам И. Земцова, Г.В. Осипов лично положил упомянутые выше документы «прямо на стол Хрущева, минуя его секретариат», он был аспирантом третьего года обучения, которому еще только предстояло защитить кандидатскую диссертацию о технократических теориях в буржуазной социологии, которые по тематической близости с исследованиями исхода молодежи с целины могут измеряться расстояниями между Луной и Солнцем. Словом, перед нами сверхудивительный случай, когда еще не остепенившийся аспирант снабжает генсека проектом и программой исследований по той проблеме, которой он никогда не занимался. Фантастика!

В-третьих, утверждение о том, что аспирант Г.В. Осипов в начале 1955 года с целью прямого выхода на генсека (!) «заручился поддержкой академика Константинова», – дважды неверно. В это время Константинов академиком не был, им он стал только через девять лет, то есть в 1964 году. Совершенно нереалистичной является и версия о том, что В.Ф. Константинов, работавший до назначения заведующим Отделом пропаганды и агитации ЦК ректором Академии общественных наук при ЦК КПСС и не имевший никаких должностных отношений с Академией наук СССР, вдруг стал заниматься посреднической функцией по вопросам социологического проекта между аспирантом Института философии и генсеком, минуя при этом дирекцию института, Отделение общественных наук и Президиум АН СССР. Такого в природе не могло быть!

В-четвертых. О приемном сыне Хрущева А. Аджубее, через которого Ф.В. Константинов якобы обеспечил аудиенцию Г.В. Осипова к генсеку и подпись которого

¹ И. Земцов. Советская социология. В кн.: Социология в СССР: взгляд изнутри и извне в работах Геннадия Осипова, Джорджа Фишера, Ильи Земцова, Алекса Симиренко. М.: Вече, 2008. С. 416.

(Аджубея) вместе с подписью аспиранта Института философии стояла на документах, которые якобы несколько раз официально обсуждались в ЦК. В данном случае ограничимся напоминанием, что в описываемое время в советском обществе получил широкое хождение афоризм «не имей сто друзей, а женись как Аджубей», появившийся после того, как студент МГУ имени М.В. Ломоносова Алексей Аджубей женился на студентке этого вуза Раде Хрущевой. И для чего И. Земцову захотелось перевести зятя генсека в его приемного сына – сказать трудно. Может быть, для повышения семейного статуса подписанта совместно с Г.В. Осиповым документов в Секретариат ЦК. Все-таки сын есть сын, хоть и приемный, не то что зять, который в любое время может перестать им быть!

В-пятых. Абсолютно недостоверен пассаж о том, что разработанные социологический проект и программу Г.В. Осипов положил «прямо на стол Хрущева, минуя его секретариат». Попасть в кабинет генсека, минуя так называемый секретариат, состоящий из людей в погонах с высокими военными званиями, не всегда мог даже Л. Берия до его расстрела в декабре 1953 года! Помочь же аспиранту Института философии посетить генсека, минуя его секретариат, не мог и «приемный сын – зять» Н.С. Хрущева.

В-шестых. Ни один из фактов этой забавной истории – наличие составленных Г.В. Осиповым для генсека проекта и программы исследования, протоколов упомянутых заседаний Секретариата ЦК в апреле и июле 1955 года, а также на Политбюро и др. – документально не подтверждается. А ведь такие документы, обязательно пройдя в Общем отделе ЦК регистрацию с пометкой «секретно», попадали опять-таки в «секретное хранилище», откуда по истечении определенного времени должны были быть переданы в архив. Но их там нет. Чувствуя уязвимость такой версии, И. Земцов сделал к своему тексту сноску в конце страницы: «информация автора». Как же он стал хранителем секретной информации? Документов, которые легли на стол генсека? Протоколов заседаний Секретариата и Политбюро ЦК? Словом – налицо не информация автора, а его дезинформация.

Если бы эта чудовищная фальсификация была опубликована в какой-то желтой газетенке или журнальчике, пользующемся скандальной репутацией, ко всей этой истории можно было бы, дабы не пачкаться, вообще даже не прикасаться. Но дело-то в том, что этот пассаж освящен самым высоким академическим статусом: 1) он помещен в коллективной научной монографии (с участием крупнейших зарубежных социологов) с грифом академического института – Института социально-политических исследований РАН; 2) сама монография издана в рамках академического проекта «Вехи отечественной социологии»; 3) научным руководителем всего издательского проекта и автором одного из разделов упомянутой монографии (наряду с И. Земцовым и другими зарубежными исследователями) является Г.В. Осипов; 4) книга, как и все публикации серии «Вехи отечественной социологии», издана по единоличному решению Г.В. Осипова с грубейшими нарушениями установленного в Академии наук порядка издательской деятельности – без решения ученого совета или редакционно-издательского совета и без научных рецензий. 5) Эта книга выставлена на стендах института в числе образцовых изданий ИСПИ РАН. К этому добавим: раздел книги, подготовленный И. Земцовым, первоначально был опубликован отдельным изданием в США еще в годы горбачевской перестройки. Это, по замыслу И. Земцова, стало а) для Хрущева существенным дополнением в том числе

и к его зарубежному имиджу как не только инициатора массовой посадки кукурузы квадратно-гнездовым способом даже на севере страны, но и политика, осмелившегося решительно вторгнуться в преобразования социологии, понимая «всю опасность социологических исследований»; б) для аспиранта Г. Осипова «подтверждением» того, что он при посредничестве «академика» Ф.В. Константинова и «зятя – приемного сына» А. Аджубея создал первый в Советском Союзе «сектор, занимающийся социологией»! Словом, знай наших! Это был конец 1955 года.

Для окончательного же выяснения вопроса об основателе сектора новых форм труда и быта нам придется сделать экскурс в 1957 год, когда путем преобразования учрежденного в 1953 году сектора критики современной буржуазной философии и социологии Института философии АН СССР были созданы в рамках того же института три самостоятельные группы с уточнением в каждой из них конкретных направлений: 1) группа критики современной буржуазной философии; 2) группа критики современной буржуазной социологии; 3) группа современной буржуазной философии и социологии. Это означало, что путем такой внутриинститутской реорганизации в Институте философии были учреждены еще два после созданного в 1946 году баскинского сектора социологии легитимных социологических подразделения, значение которых неуместно принижать из-за того, что они на первых порах работали в жанре критики буржуазной социологии.

А в 1959 году в составе руководимого Ю.П. Францевым сектора исторического материализма Института философии АН СССР была создана группа социологических исследований для выполнения конкретной задачи – издания труда «Новые формы труда и быта» (такое название конкретной исследовательской программы вскоре и стало названием постоянной социологической структуры, названной сектором новых форм труда и быта). В конце же того самого 1959 года произошло событие, архивные материалы о котором в вопросе о генезисе сектора новых форм труда и быта и его истинных создателях помогают поставить все точки над *i*. Суть в том, что, как уже отмечалось выше, 10 октября 1959 года в адрес ЦК КПСС за подписью директора Института философии П.Н. Федосеева и председателя Советской социологической ассоциации Ю.П. Францева был направлен отчет делегации советских социологов «Об итогах IV Всемирного социологического конгресса» (авторы документа были активными участниками этого состоявшегося в Италии конгресса). Затем этот вопрос был рассмотрен на Президиуме АН СССР, который 6 ноября 1959 года принял на этот счет специальное постановление. Ценность подготовленного П.Н. Федосеевым и Ю.П. Францевым отчета заключалась не только в обстоятельном анализе обсуждавшихся на конгрессе проблем, но и в сформулированных ими предложениях, представляющих собой целый перечень мер по дальнейшему развитию советской социологии. Эти предложения были одобрены Президиумом АН СССР.

Об этом частично мы рассказали выше, а сейчас в контексте генезиса сектора новых форм труда и быта сошлемся на один из пунктов утвержденных мер: «2. Создать в составе Института философии АН СССР группу социологических исследований, поручив этой группе провести в 1959–1960 годах подготовку, в первую очередь, работ, освещающих рост культурно-технического уровня рабочего класса и колхозного крестьянства в СССР, дающих социологический анализ роста социалистических городов и колхозов, повседневной жизни рабочей и колхозной

семьи. Предусмотреть, чтобы лучшие из таких работ были затем изданы на иностранных языках»¹.

В соответствии с этим пунктом постановления Президиума АН СССР уже в 1960 году группа социологических исследований, созданная для подготовки исследования «Новые формы труда и быта», преобразовывается в сектор исследований новых форм труда и быта. То есть этот сектор появился не на пустом месте, а был сформирован путем преобразования состоявшей в составе сектора исторического материализма Института философии группы социологических исследований под руководством Ю.П. Францева, занимавшейся подготовкой издания «Новые формы труда и быта». А в 1960 году руководимая Ю.П. Францевым группа социологических исследований сектора исторического материализма Института философии, как справедливо отмечает И.А. Бутенко, «преобразуется в сектор исследования новых форм труда и быта»², а Г.В. Осипов назначается его руководителем. Таким образом, учрежденный в 1960 году сектор новых форм труда и быта своими корнями уходит, начиная с 1957 года, в различные исследовательские структуры Института философии АН СССР, затем благодаря личной инициативе П.Н. Федосеева и Ю.П. Францева и поддержке Президиума АН СССР институционализируется в самостоятельную структуру в рамках Института философии АН СССР.

Как же стали оцениваться события, связанные с созданием сектора новых форм труда и быта, в постсоветское время? Для того чтобы укрепить в общественном сознании тезис о том, что Г.В. Осипов стал руководителем первой в стране социологической структуры и тем самым заложил первый кирпичик в фундамент возрождающейся социологии, потребовалось немного. С одной стороны, на протяжении ряда лет продекларировать много-много раз (в монографиях, учебниках, публичных выступлениях) тезис о своем первопродчестве, избегая при этом деталей, как это происходило, а с другой – столько же много-много раз обойти молчанием все события, предшествовавшие созданию сектора, то есть использовать механизмы «информации умолчанием» – создание в 1957 году двух специализирующихся на критике буржуазной социологии групп в Институте философии, учреждение в 1959 году в рамках сектора исторического материализма института группы социологических исследований под руководством Ю.П. Францева, не говоря уже о созданной в 1946 году действительно самой первой в послевоенное время социологической структуре – секторе социологии в Институте философии.

При этом предать забвению личный вклад в описанные выше социологические акции М.К. Баскина, а также П.Н. Федосеева и Ю.П. Францева как авторов инициативной записки в ЦК по социологическим вопросам от 10 октября 1959 года. Об этих акциях в многочисленных публикациях Г.В. Осипова – ни слова! Забыл? Не знал? Наоборот – энергичный ученый секретарь института тех лет был хорошо посвящен во все кадровые перипетии и, конечно же, об упомянутых преобразованиях социологических структур был хорошо информирован. Но признать это сегодня – значит обрезать крылья своей собственной легенде о собственном первопродчестве.

¹ Постановление Президиума АН СССР «Об участии советских социологов в работе IV Всемирного социологического конгресса (Милан – Стресе, сентябрь 1959 г.)». В сб.: Социология и власть. Сборник 1. Документы 1953–1968. М.: АCADEMIA, 1997. С. 53.

² Бутенко И.А. К 50-летию Советской социологической ассоциации. В кн.: Вехи российской социологии. 1950–2000-е годы / отв. ред. Ж.Т. Тощенко, Н.В. Романовский. СПб.: Алетей, 2010. С. 117.

Вот так и выросла перед читателем (слушателем) версия о первой социологической структуре и ее первом руководителе. А В.И. Жуков пошел еще дальше: с трибуны учредительного съезда Союза социологов России 27 июля 2007 года он заявил (а затем размножил в научных публикациях), что Г.В. Осипов возглавил созданный в 1960 году в Институте философии «отдел социологии»¹, а не указанный выше сектор (в действительности же такой отдел был создан лишь через шесть лет после описываемых событий, то есть в 1966 году).

Еще один важный момент. Г.В. Осипов бездоказательно утверждает, что директор Института философии Ф.В. Константинов, обвинив его в идеологических прегрешениях, допущенных в книге «Социология в СССР», подготовил приказ о ликвидации сектора новых форм труда и быта. Но якобы вдруг за день до подписания приказа, с которым он (Г.В. Осипов) был ознакомлен, на заседании Президиума АН СССР выступил секретарь ЦК Л.Ф. Ильичев и перепутал директору Института философии все карты, заявив, что «социология имеет право гражданства». «После его выступления, – говорит Г.В. Осипов, – приказ о роспуске руководимого мною сектора был предан забвению. Ликвидация первого в стране социологического подразделения не состоялась»².

Обратим внимание на следующее: к высказыванию Л.Ф. Ильичева, «перепутавшего все карты» по ликвидации сектора, и о том, что «социология имеет право гражданства», приводится библиографическая сноска: «Методологические проблемы науки. М., 1964. С. 134–136». И возникает вопрос: как причиной возникшего в 1963 году инцидента могла стать книга «Социология в СССР», вышедшая в 1966 году? И как могло случиться, что карательный приказ по сектору новых форм труда и быта мог появиться как минимум тремя годами ранее публикации этой книги, когда, как говорит Г.В. Осипов, «за день до подписания приказа» Л.Ф. Ильичев произнес речь на Президиуме АН СССР, то есть опять-таки в 1963 году?³

Легенда о подготовке Ф.В. Константиновым приказа о ликвидации сектора новых форм труда и быта опровергается не только поразительной хронологической несостыковкой описываемых событий, но и стенограммой обсуждения помещенного во втором томе «Социологии в СССР» краткого словаря терминов, ставшего объектом критики дискуссии в Институте философии. Эта стенограмма зафиксировала кроме всего прочего такие два момента, дающие исчерпывающий ответ по существу о «запретном приказе» директора Института философии. Первый момент – выступление (а значит, и позиция) на дискуссии самого Г.В. Осипова, который фактически согласился с предъявленными ему на дискуссии замечаниями теоретико-методологического характера и с некритическим использованием некоторых идей и понятий буржуазной социологии и заявил: «Нет слов, чтобы выразить впечатления от данного обсуждения»; «Я думаю, что мы внесем в словарь все необходимые исправления»; «Я вполне поддерживаю предложения... о том, что нужно срочно готовить второе издание». Второй момент – реакция директора института Ф.В. Константинова: «Не надо охаивать Осипова, это разговор между нами, за дружеским столом. Мы дружно

¹ См.: Жуков В.И. Социология в современной России. В кн.: Вехи российской социологии. 1950–2000-е годы / отв. ред. Ж.Т. Тощенко, Н.В. Романовский. СПб.: Алетейя, 2010. С. 20.

² См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 510.

³ См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 397.

собрались, никого ни в чем не обвиняем, а говорим о том, как улучшить словарь»; «Я думаю, что Осипов учтет замечания и подготовит хорошее второе издание этой книги и словарь»¹. Вопрос – а где же запретный приказ Ф.В. Константинова по ликвидации социологического сектора? Так летопись постправды «обогадилась» еще одной «яркой» фальшивой страницей.

Впрочем, об одном и том же событии, то есть об «упразднении» сектора новых форм труда и быта, существует еще одна версия, распространенная тем же Г.В. Осиповым, но построенная на совершенно другом фактическом материале. На этот раз причиной конфликта стала не книга «Социология в СССР», а осуществленный сотрудницей Института философии Ниной Наумовой опрос общественного мнения по вопросу удовлетворенности своей работой. Как утверждает Г.В. Осипов, в институт «пришла директива осудить ее (Наумовой. – А.К.) поступок в партийном порядке вплоть до исключения из партии. А когда дискуссия обострилась, директор Института философии решил от греха подальше упразднить наш сектор. Меня уже приглашали в отдел кадров, чтобы ознакомить с приказом» (подчеркнуто нами. – А.К.). «Но, – продолжает он, – в это время (в какое это время – в день обсуждения на партсобрании Наумовой? – А.К.) на Президиуме Академии наук выступает секретарь ЦК по идеологии Леонид Федорович Ильичев», помощник которого «по нашей (то есть Г.В. Осипова. – А.К.) просьбе вставил в доклад Ильичева (фантастика! – А.К.) фразу “социология имеет право на существование”» (в первой версии – «имеет право на гражданство»). «Я, – продолжает он, – тоже там был. Смотрю – наш директор института после этой фразы незаметно исчез с заседания (подчеркнуто нами. – А.К.). Я возвращаюсь в институт и говорю кадровикам: “Дайте я распишусь за приказ”. – “А нет, – говорят, – такого приказа”»². В какую же версию верить читателю? Правильно – ни в какую.

Прояснив все детали, связанные с генезисом сектора новых форм труда и быта, остается лишь добавить, что только после всего этого судьба предоставила кандидату философских наук Г.В. Осипову возможность воспользоваться плодами старших коллег и работать в качестве руководителя этой завоевавшей признание в научном сообществе социологической структуры, со временем (в 1966 году) трансформировавшейся в отдел конкретных социологических исследований.

К сожалению, в социологической литературе факт преобразования сектора новых форм труда и быта в отдел социологических исследований подается как чисто организационная акция, к тому же проведенная по инициативе будущего заведующего этим отделом. Картина же выглядит совершенно по-иному, а именно – как этапная акция в развитии отечественной социологии вообще и создании социологического института в частности. Дело в том, что 25 февраля 1966 года Президиум АН СССР принял постановление «О мерах по улучшению организации и координации конкретных социальных исследований», которое адресовалось не какой-то структуре Института философии и даже не институту в целом, а всему научному сообществу. Инициатором принятия такого документа выступила Секция общественных наук Президиума АН СССР. При обсуждении этого вопроса на заседании Президиума

¹ См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 550–552.

² См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 542.

АН СССР отмечалось, что конкретные социальные исследования процессов развития экономической, политической, духовной жизни общества являются важной формой укрепления связи теоретической работы в области общественных наук с жизнью, практикой. Подчеркивалось, что выводы и рекомендации по итогам конкретных социальных исследований могут оказать существенную помощь в решении многих практических вопросов общественного развития, в определении путей и методов повышения эффективности общественного производства, в развитии науки об управлении, в принятии научно обоснованных решений в практике руководства жизнью общества.

В качестве положительного примера говорилось, что в последние годы стали более широко проводиться конкретные социальные исследования, появилась научная литература, освещающая их проблематику. Важно то, что с самого начала такие исследования приобрели комплексный характер, в них участвовали наряду с социологами экономисты, историки, юристы, этнографы, демографы, ученые других специальностей. Состоявшийся незадолго до принятия постановления АН СССР в Ленинграде симпозиум показал, что вопросами конкретных социальных исследований к тому времени занимались в различных научно-исследовательских институтах и вузах страны примерно две тысячи научных сотрудников. Однако, как отмечали участники дискуссии на Президиуме АН СССР, работа их должным образом не организована, не координируется; нередко допускаются упрощенчество и вульгаризаторство, недостаточна информационная база, не ведется подготовка необходимых специалистов. Признано было, что развитие социальных, в том числе социологических исследований в учреждениях Академии наук СССР и академий наук союзных республик, а также в высших учебных заведениях страны требует принятия согласованного плана работ и решения ряда важных организационных вопросов.

С этой целью и было принято упомянутое выше постановление, которое по масштабу и характеру содержательных проблем, поставленных в нем, по организационным мерам имело для того времени, да и позже, фундаментальное значение. Прежде всего, четко определялись такие основные направления конкретных социальных исследований: социальные, в том числе социологические, проблемы современной научно-технической революции и использования достижений технического прогресса в целях создания материально-технической мощи страны; социально-экономические и социально-психологические аспекты труда, его научной организации, оптимального использования трудовых ресурсов; эффективности социалистического соревнования и совершенствования его форм; проблемы преодоления существенных различий между умственным и физическим трудом, подъема культурно-технического уровня трудящихся; проблемы развития и совершенствования общественных отношений, изменения социальной структуры общества; социально-экономические, правовые и социологические проблемы подъема уровня жизни населения, быта и обслуживания, улучшения градостроительства и решения жилищного вопроса; проблемы внерабочего, в том числе свободного времени и его рационального использования; проблемы духовной жизни общества, социальной психологии и общественного мнения, эффективности идеологической работы, формирования всесторонне развитой личности; проблемы развития межнациональных отношений, культуры и быта народов СССР и дальнейшего сближения между ними; проблемы семейно-бы-

товых отношений, роста народонаселения, социальной гигиены; проблемы труда, быта, воспитания, образования, досуга молодежи.

Этим же решением при Секции общественных наук создавался научный совет по проблемам конкретных социальных исследований, председателем которого был утвержден член-корреспондент АН СССР А.М. Румянцев. Перед советом ставилась задача повышения теоретического уровня и практической эффективности конкретных социальных исследований, широкого внедрения математических и других научных методов в практику этих исследований. Совету предписывалось изучать и критически анализировать результаты, методiku и технику зарубежных эмпирических социальных исследований; наладить научную информацию, а также связи между научными учреждениями, высшими учебными заведениями и организациями, ведущими конкретные социальные исследования; осуществлять рациональное разделение труда по проблемам конкретных социальных исследований; разрабатывать предложения о проведении наиболее важных комплексных исследований и социальных экспериментов; рассматривать рекомендации по итогам социальных исследований и экспериментов; организовывать научные конференции, симпозиумы и дискуссии по обобщению опыта комплексных социальных исследований в стране и критике буржуазных социальных теорий. Поручалось также представить Президиуму АН СССР программу (тематику) конкретных социальных исследований, разработать совместно с ЦСУ СССР предложения о системе статистических данных, необходимых для развертывания таких исследований, изучить опыт конкретных социальных исследований прикладного характера и внести предложения о развитии этих исследований.

Крайне важно то, что Президиум признал необходимым в дальнейшем на базе отдела конкретных социологических исследований Института философии организовать самостоятельный социологический институт, который в документе именовался как Институт конкретных социологических и социально-психологических исследований. Было также рекомендовано редакциям журналов «Вопросы философии», «Философские науки», «Советское государство и право», «Вопросы экономики», «Экономика и математические методы», «Экономические науки», «Вопросы истории», «Советская этнография» и других журналов по гуманитарным наукам расширить публикацию статей, рецензий и других материалов о социальных, в том числе социологических исследованиях, проводимых в стране и зарубежных странах. В постановлении содержалось обращение к министерствам высшего и среднего специального образования СССР и РСФСР с просьбой рассмотреть вопрос о подготовке специалистов в области конкретных социальных исследований на философских и других гуманитарных факультетах ряда высших учебных заведений и о расширении аспирантуры по соответствующим специальностям¹.

Вот на фоне таких задач постановлением АН СССР сектор новых форм труда и быта Института философии преобразовывался в отдел конкретных социологических исследований. Наряду с этим для проведения конкретных социально-экономических исследований в Институте экономики организовывались лаборатория социально-экономических проблем технического процесса, лаборатория социально-экономических проблем труда и лаборатория социально-экономических проблем демографии. В Институте этнографии создавался сектор конкретных исследований

¹ См.: Развитие общественных наук // Вестник АН СССР, 1966, № 5. С. 15–17.

по проблемам культуры и быта народов СССР, в Институте государства и права – лаборатория конкретных социально-правовых исследований. На Центральный экономико-математический институт (лабораторию социологических моделей) возлагалась разработка количественных моделей и методов анализа социальных процессов. Ленинградской кафедре философии Академии наук СССР поручалась научная координация (совместно с Институтом комплексных социальных исследований при Ленинградском государственном университете) конкретных социальных исследований, проводимых в учреждениях Ленинграда.

Таким образом, начало возрожденческого процесса отечественной социологии, в том числе и создание первых социологических структур, отмечено усилиями не действовавших в условиях запретов социологии одиночек, а Президиума АН СССР, руководителей ряда академических институтов и высших учебных заведений, а в ряде случаев и некоторых государственных структур. Поэтому долг нынешнего поколения социологов – расчистить социологическое поле от разросшихся в постсоветское время сорняков-фальсификаций, придумок, субъективистских перекосов в оценке конкретных событий и действовавших в них персонажей. Имеющаяся сегодня документальная база, появившаяся в результате рассекречивания архивов, позволяет воспроизвести во всем объеме истинную картину возрожденческого процесса и вооружить подрастающие поколения социологов достоверным знанием о сложном этапе в развитии отечественной социологии.

Что касается создания Института конкретных социальных исследований, то в постсоветских интерпретациях четко обозначились две версии. Первая базируется на документальных источниках, в том числе и рассекреченных в последнее время архивных материалах, в которых содержится информация, достаточная для исчерпывающих и объективных выводов о роли и месте в организации социологического института не только официальных инстанций и органов (Секретариат и Политбюро ЦК КПСС, Отдел науки и учебных заведений ЦК, Президиум АН СССР, Секция общественных наук), но и конкретных лиц как из научного сообщества, так и из партийного аппарата. Вторая версия построена преимущественно на бездоказательных «аргументах» Г.В. Осипова со ссылкой на ряд нигде документально не зафиксированных мероприятий, достоверность которых невозможно проверить ни путем опроса участников этих мероприятий (которые давно ушли в мир иной), ни ввиду отсутствия архивных материалов на этот счет. Делается это как самим Г.В. Осиповым, так и наиболее близким ему окружением, чтобы «доказать» одно-единственное – его персональное первенство в создании ИКСИ как первого в истории отечественной науки академического института социологии.

Так, вспоминая в 2012 году об организации в 1991 году ИСПИ РАН, он пишет, что институт «мне пришлось создавать второй раз»¹, что означает – первый раз он это сделал при учреждении ИКСИ в 1968 году. О том, что Г.В. Осипов – инициатор создания двух институтов, Института конкретных социологических исследований (ныне Институт социологии РАН) и Института социально-политических исследований РАН (ИСПИ РАН)², пишет академик В.И. Жуков, введя при этом читателя в заблу-

¹ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 37.

² См.: Академик Г.В. Осипов – патриарх социологии. М.: Наука, 2009. С. 78.

ждение, утверждая, что в 1968 году был создан не Институт конкретных социальных исследований, а Институт конкретных социологических исследований, которым он стал в 1972 году путем преобразования его предшественника. О создании ИКСИ по инициативе Г.В. Осипова говорит академик Л.Н. Митрохин¹, обходя при этом молчаливой роль академиков П.Н. Федосеева, А.В. Румянцева, М.Б. Митина, А.Д. Александрова, Президиума АН СССР и президента Академии наук М.В. Келдыша в инициировании и создании Института конкретных социальных исследований.

М.Г. Пугачева же обращает внимание на то, что первые упоминания о создании социологического института относятся к середине 50-х годов XX столетия². По свидетельству Г.С. Батыгина, впервые в академических кругах стал обсуждаться вопрос о создании социологического института в Свердловске по инициативе М.Т. Иовчука, находившегося в «свердловской ссылке» в должности руководителя кафедры диалектического и исторического материализма Уральского университета³. Однако основные силы, которые могли бы практически решить эту проблему, находились, разумеется, в Москве. Есть свидетельства, что в 1966 году предпринимались попытки создания институтов социологии в Ленинграде (на базе философской кафедры Чагина) и в Свердловске; даже было решение Президиума Академии наук, которое осталось невыполненным⁴. Словом, одно дело – провозгласить на каком-то мероприятии лозунг о необходимости создания института, и совсем иная проблема его учреждения и организации. Ведь в свое время главное состояло не в том, что Колумб отправился открывать Америку, а в том, что он ее открыл и победно вернулся назад.

Так как же было на самом деле? Для начала нелишне напомнить совсем преданным историками социологии забвению факт, что первой официальной социологической структурой в формате «институт» стал ленинградский Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований (НИИКСИ). Создан он был в 1965 году, то есть тремя годами раньше образования ИКСИ приказом министра высшего и среднего образования СССР в составе ЛГУ. Его организационную структуру составили уже упоминавшаяся нами лаборатория социологических исследований ЛГУ (В.А. Ядов со временем заявил, что работники возглавляемой им лаборатории социологических исследований «...были очень активно вовлечены в создание НИИ комплексных социальных исследований... Наша лаборатория вошла в него»⁵), а также лаборатория дифференциальной психологии и антропологии (руководитель академик Б.Г. Ананьев), социальной психологии (руководитель профессор Е.С. Кузьмин), инженерной психологии (руководитель профессор Б.Ф. Ломов). Первым директором был назначен В.Я. Ельмеев⁶. С первых дней своего создания НИИКСИ с энтузиазмом

¹ Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РГХА, 2005. С. 589.

² См.: Социологический журнал. 1994, № 2.

³ См.: Социология в России / под ред. В.А. Ядова. Издание 2-е, перераб. и дополн. М.: изд-во Института социологии РАН, 1998. С. 35.

⁴ См.: Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: изд-во РХГИ, 1999. С. 51.

⁵ Ядов В.А. Мы все – самоучки в социологии. В кн.: Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: изд-во РХГИ, 1999. С. 51.

⁶ См.: История Ленинградского университета. 1819–1969. Очерки / отв. ред. Мавродин В.В. Л.: изд-во ЛГУ, 1969. С. 539–542.

развернул исследовательскую работу, в которой большую роль играла лаборатория социологических исследований. Однако острый и принципиальный конфликт между руководством института и социологической лабораторией завершился выходом в 1967 году коллектива лаборатории из состава НИИКСИ, после чего руководству лаборатории свою работу пришлось начинать с нуля.

Идея создания в системе АН СССР социологического института активно обсуждалась в академической среде и после этих событий. Однако все ограничивалось обменом мнениями и дискуссиями, не сопровождавшимися официальной постановкой этого вопроса перед инстанциями, которые (и только они) могли практически решить эту проблему. Даже после учреждения в 1958 году Советской социологической ассоциации, которой, как говорится, сам бог велел инициировать переводение этого вопроса в практическую плоскость (официальное обращение в Президиум АН СССР, Отдел науки и учебных заведений ЦК КПСС и т.д.), потребовалось десять лет, пока наконец блуждавшая в дискуссиях идея получила реальное воплощение, но, к сожалению, не по инициативе ССА, а, выражаясь языком Г.В. Осипова, нелюбимыми им «академиками-консерваторами» и «партократами».

В связи с этим возвратимся в 1965 год, на проходившее 15–18 ноября заседание Идеологической комиссии при ЦК КПСС, на котором рассматривался вопрос о развитии общественных наук. Выступивший на нем с докладом вице-президент АН СССР П.Н. Федосеев сделал два крайне важных заявления: первое – он отметил положительное значение развертывания в стране конкретных социологических исследований; второе – высказался за создание социологического института и социологического журнала, назвав при этом трудность – отсутствие необходимых помещений. Со стороны членов Идеологической комиссии возражений не последовало, а доброжелательная обстановка при обсуждении этого вопроса однозначно говорила о том, что теперь все дело в проработке конкретных деталей.

Позиция академика М.Б. Митина, поддержавшего на этом заседании предложение П.Н. Федосеева, сводилась к тому, что он, покритиковав вначале философию за оторванность от практики и посетовав на то, что в институтах идет работа «в основном на литературном материале, на базе библиографических источников» и что основным критерием такой работы «является часто их литературная продукция, выход довольно объемных, но не всегда читаемых книг»¹, однозначно высказался в пользу создания социологического института. «Социологические исследования, – заявил он, – получили широкое развитие и в странах народной демократии, в социалистических странах, и я уже не говорю о капиталистических странах. В США расходуются на организацию социологических исследований свыше 250 млн долларов в год, в стране работает 25 тысяч социологов. Даже сам Генри Форд II заинтересовался проблемой человеческих отношений на производстве и заявил, что в индустрии он считает эту проблему вторым после автоматизации средством, позволяющим удвоить и утроить производительность труда. Вопрос о создании института социологии созрел, и его во что бы то ни стало надо решать (подчеркнуто нами. – А.К.). Вот тут Петр Николаевич Федосеев говорил, что нет помещения. Когда мы вышли после

¹ См.: Пугачева М.Г. Институт конкретных социальных исследований Академии наук СССР, 1968–1972. В кн.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 507.

его доклада из зала заседания с некоторыми социологами, то говорили о том, может быть, собраться и снять в порядке общественном 3–4 комнаты для того, чтобы организовать такой институт»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.)

Впрочем, солидарность, которую проявил Б.М. Митин с П.Н. Федосеевым на заседании Идеологической комиссии, носила не спонтанный, а глубинный характер – корни такого взаимопонимания между ними, в том числе и по социологическим проблемам, уходят в 40-е годы. Что же касается самого П.Н. Федосеева, то в своей научной работе он не ограничивался жанром критики буржуазной социологии, а с учетом возможностей того времени немало делал для обеспечения доступа ученых к зарубежным источникам – создал в Институте философии специальное подразделение по переводу и реформированию зарубежной, в том числе социологической литературы, принимал самое активное участие в учреждении Института научной информации по общественным наукам АН СССР, содействовал включению трудов по социологии иностранных авторов в планы издательств, реферированию, переводу и ротاپринтному изданию западных книг и т.д.

Важно и то, что тогда, то есть в 1965 году, последовательным союзником П.Н. Федосеева и М.Б. Митина в создании института социологии стал и тогдашний директор Института философии АН СССР академик Ф.В. Константинов, о котором со временем, вопреки истине, Г.В. Осипов напишет: «Он с самого начала категорически выступал против конкретных социологических исследований, ибо, как человек умный, предвидел, что социологические исследования, развившись, неизбежно перерастут рамки прикладной научной деятельности, в которых их мыслил П.Н. Федосеев, станут самостоятельной наукой, потеснят и с неизбежностью опровергнут исторический материализм»² (подчеркнуто нами. – А.К.).

Второй (хронологически) важнейшей акцией по институционализации института стало принятие 14 декабря 1965 года постановления общего собрания АН СССР «О мероприятиях Академии наук СССР по расширению научно-исследовательской работы по проблемам экономического развития и технического прогресса». В нем, наряду с общим положением «Отделениям общественных наук Академии наук СССР усилить разработку проблем социального и культурного развития советского общества» содержится совершенно конкретный пункт о том, что «в целях развития конкретных экономико-социологических исследований и в целом конкретных социальных исследований считать целесообразным создать всесоюзный центр таких исследований. Поручить Секции общественных наук подготовить соответствующие предложения»³.

Принятию же такого решения предшествовала дискуссия на общем собрании, на которой академик А.Д. Александров остановился, как говорилось в направленном в адрес ЦК КПСС отчете Президиума АН СССР об этом мероприятии, «на необходимости усиления социологических исследований и предложил обеспечить их интен-

¹ См.: Пугачева М.Г. Институт конкретных социальных исследований Академии наук СССР, 1968–1972. В кн.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 507–508.

² См.: Пугачева М.Г. Институт конкретных социальных исследований Академии наук СССР, 1968–1972. В кн.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 510.

³ Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: ACADEMIA, 1997. С. 75–76.

сивное развитие в системе Академии наук за счет образования специального института (подчеркнуто нами. – А.К.) и подкрепления уже работающих в стране ячеек, координации исследований, подготовки кадров социологов, организации журнала по социологии»¹. Выступивший на общем собрании академик М.Б. Митин поддержал идею создания академического центра социологической науки и даже предложил название – Институт социологии в системе Академии наук СССР.

Третье событие, повлиявшее на создание социологического института в рамках АН СССР, – принятие уже упоминавшегося нами постановления Президиума АН СССР «О мерах по улучшению организации и координации конкретных социальных исследований» от 25 февраля 1966 года, в котором признавалась необходимость на базе отдела конкретных социологических исследований Института философии организовать такой институт под названием Институт конкретных социологических и социально-психологических исследований. Как видно, это произошло двумя годами ранее того документально неподтвержденного совещания в Отделе науки и учебных заведений ЦК КПСС в апреле 1968 года, на котором, по словам Г.В. Осипова², он якобы впервые инициировал создание института, и сентябрьского заседания Секретариата ЦК 1968 года, якобы утвердившего такое решение.

Можно только охнуть и ахнуть от следующего пассажа Г.В. Осипова, прозвучавшего в качестве вывода: «Постановка вопроса академиками П.Н. Федосеевым и М.Б. Митиным о конкретных социологических исследованиях и институте на ноябрьском (1965) заседании Идеологической комиссии ЦК КПСС никакого отношения к научному и гражданскому статусу социологии не имела»³. Спрашивается: а к чему имела отношение эта инициатива? Упомянуть же причастность академиков, которые, как уже отмечалось, почти тремя годами ранее инициировали постановку этого вопроса на самом высоком партийном и академическом уровне, по его мнению, означает «глумиться над историей социологической науки или не вникать в ее реальное содержание». О глумлении над историей сказано правильно, но не по адресу. И это при том, что даже один из самых, по мнению Г.В. Осипова, консервативных истматчиков М.Б. Митин на общем собрании АН СССР поддержал предложение по созданию научной структуры, обратим внимание, не по отдельному направлению социологии – конкретно-социологическим или социальным исследованиям, а, как информировал ЦК КПСС Президент АН СССР академик М.В. Келдыш, «центра по социологической науке – Института социологии Академии наук СССР»⁴ (подчеркнуто нами. – А.К.). Вот и возникает вопрос – в таких ли тонах и при такой ли аргументации должен идти заочный диалог с теперь уже ушедшими в мир иной нашими предшественниками?

Таким образом, официальное документальное оформление целесообразности учреждения в системе АН СССР социологического института связано с такими важнейшими событиями: заседание Идеологической комиссии ЦК КПСС 15–18 ноября 1965 года, на котором положительно было встречено предложение академиков П.Н. Федосеева и М.Б. Митина о создании в системе АН СССР социологического

¹ Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: ACADEMIA, 1997. С. 75–76.

² См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 522–523.

³ См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 505.

⁴ См.: Социология и власть. Сборник 1. Документы 1953–1968. М.: ACADEMIA, 1997. С. 75.

института; принятие в постановлении состоявшегося 14 декабря 1965 года общего собрания АН СССР специального пункта о создании в системе Академии наук социологического института и о поручении Секции общественных наук подготовить соответствующие предложения; принятие 25 февраля 1966 года постановления Президиума АН СССР «О мерах по улучшению организации и координации конкретных социальных исследований», в котором признавалась необходимость создания академической социологической структуры под названием Институт конкретных социологических и социопсихологических исследований, наконец, направление президентом АН СССР академиком М.В. Келдышем 14 декабря 1965 года докладной записки в ЦК КПСС об итогах работы общего собрания АН СССР и о принятом на нем решении создать институт социологии в системе АН СССР. И связывать, как это делает Г.В. Осипов, оформление инициативы по учреждению института не с описанными выше событиями 1965–1966 годов, за которыми стоят не только такие партийные и научные структуры, как Идеологическая комиссия ЦК КПСС и общее собрание АН СССР, но и крупнейшие фигуры советской науки академики А.Д. Александров, П.Н. Федосеев, Ф.В. Константинов и М.Б. Митин, а якобы состоявшимся тремя годами позже заседанием Отдела науки и учебных заведений, не оставившим после своего завершения никаких документальных подтверждений того, как же все на нем происходило (кто на нем председательствовал, кто выступал, что говорилось, велся ли протокол, да и что собой представлял доклад самого Г.В. Осипова, наконец, текст решения, если оно принималось), – все это, мягко выражаясь, постсоветские фантазии.

На направление же 26 октября 1967 года в адрес ЦК КПСС записки Президиума АН СССР за подписью президента АН СССР академика М.В. Келдыша и главного ученого секретаря Президиума АН СССР академика Я.В. Пейве о реорганизации Института философии АН СССР и создании на его базе Института конкретных социологических исследований и Института философских исследований повлияла в числе других факторов реакция АН СССР на принятое тогда постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и их роли в коммунистическом строительстве». «Академия наук СССР, – говорилось в записке, – в качестве одного из необходимых мероприятий по реализации постановления ЦК КПСС “О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и их роли в коммунистическом строительстве” вносит предложение о реорганизации Института философии АН СССР и создании на его базе Центрального института конкретных социальных исследований и Института философских исследований». Эта записка Президиума АН СССР в адрес ЦК КПСС стала четвертой после названных выше трех официальных акций по постановке вопроса об организации социологического института.

В записке предлагалось, в частности, также целесообразным, учитывая комплексный характер Центрального института конкретных социальных исследований, создать его не в рамках какого-либо отделения АН СССР, а непосредственно при Секции общественных наук Президиума АН СССР и возложить обязанности директора ЦИКСИ на вице-президента АН СССР А.М. Румянцева. О том, что такой вариант реорганизации Института философии и создания ЦИКСИ вызвал неоднозначную реакцию (и в академических кругах, и в партийных инстанциях), свидетельствует тот факт, что к записке было приложено два варианта проекта постановления ЦК КПСС – «Об организации Института конкретных социальных исследований Акаде-

мии наук СССР» и «О создании Центрального института конкретных социальных исследований Академии наук СССР»¹.

Подтверждением того, что после дискуссий победил первый вариант, то есть создание ИКСИ, а не ЦИКСИ, была направленная 27 марта 1968 года в ЦК КПСС записка Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС о поддержке предложения АН СССР об организации Института конкретных социальных исследований, которая с приложенным проектом постановления ЦК КПСС была рассмотрена 2 апреля 1968 года на заседании Секретариата ЦК. После состоявшейся дискуссии Секретариат принял постановление, в котором поручалось П.Н. Демичеву, Д.Ф. Устинову, И.В. Капитонову, Ф.Д. Кулакову, С.П. Трапезникову и А.М. Румянцеву доработать проект постановления с учетом обмена мнениями на заседании Секретариата ЦК, после чего считать его принятым. Но на этом дело не закончилось. 24 апреля 1968 года Секретариат ЦК еще раз рассмотрел свое решение по этому вопросу, принятое 2 апреля 1968 года, на предмет того, насколько в нем учтены высказанные в дискуссии замечания, после чего в Политбюро ЦК были направлены проект ЦК КПСС и записка за подписью П.Н. Демичева, Д.Ф. Устинова, И.В. Капитонова, Ф.Д. Кулакова, С.П. Трапезникова, А. М. Румянцева. А 22 мая 1968 года состоялось знаменательное, поистине историческое для советской социологии событие: Политбюро ЦК КПСС приняло постановление «Об организации Института конкретных социальных исследований Академии наук СССР»².

Первоначально в структуре ИКСИ было пять секторов: методологии, методики и техники социологических исследований; проблем развития социальных отношений города и села; проблем развития трудовых коллективов; социологии и социальных проблем личности; проблем общественного мнения и эффективности идеологической работы. Задачей вновь созданного института, как об этом говорилось в документе, предписывалось сосредоточение усилий на разработке актуальных социальных проблем развития общества, оказание научной помощи партии и государству в управлении социальными процессами, в повышении эффективности общественного производства, в культурном строительстве, совершенствовании системы воспитания и методов идеологической работы.

В числе приоритетов института в документе были названы разработка теории, методологии и методики конкретных социальных исследований; решение теоретических вопросов и выработка научно обоснованных рекомендаций по социальным проблемам труда и управления, экономической реформы и научно-технической революции, по проблемам социального развития города и деревни, общественно-политической жизни, вопросы формирования личности и воспитания молодежи, культуры, общественного мнения и идеологической работы, социальной психологии и демографии и другие проблемы. Намечалось проведение исследования по истории социологии. Значительное место отводилось критике буржуазных социологических теорий. Содержался порученческий пункт Академии наук СССР – в двухмесячный срок разработать и представить в ЦК КПСС предложения об основных направлениях работы, структуре и штатах Института конкретных социальных исследований. Исполкому Моссовета поручалось предоставить ИКСИ соответствующее помеще-

¹ Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: ACADEMIA, 1997. С. 137–138.

² Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: ACADEMIA, 1997. С. 142.

ние. Политбюро ЦК утвердило директором института вице-президента Академии наук СССР академика А.М. Румянцева.

Первым шагом А.М. Румянцева после утверждения его директором ИКСИ стала подготовка в соответствии с поручением Политбюро ЦК от 22 мая 1968 года предложений об основных направлениях работы, структуре и штатах ИКСИ. А 15 июля 1968 года записка АН СССР за его подписью с приложением «О структуре и организации работы Института конкретных социальных исследований АН СССР» (это приложение завизировано Г.В. Осиповым, что свидетельствует о его участии в подготовке этого конкретного документа) была направлена в ЦК КПСС, изучена в Отделе науки и учебных заведений, после чего вместе с проектом постановления по этому вопросу была рассмотрена на секретариате ЦК 15 октября 1968 года. По итогам дискуссии Секретариат поручил доработать проект постановления А.П. Кириленко, П.Н. Демичеву, Б.Н. Пономареву, А.М. Румянцеву и на следующем своем заседании 10 декабря 1968 года принял окончательное решение «Об основных направлениях Института конкретных социальных исследований Академии наук СССР».

Основными задачами ИКСИ, как говорилось в документе, были определены: разработка на основе диалектического и исторического материализма проблем социальной структуры общества, совершенствование управления социальными процессами, культурного строительства, воспитания трудящихся, социальной психологии, демографии; изучение общественного мнения по важнейшим вопросам внутренней и внешней политики государства и других актуальных социальных проблем, критика буржуазных социологических теорий. В числе задач – проведение конкретных социальных исследований и оказание методической помощи научным учреждениям АН СССР, академиям наук союзных республик, отраслевым академиям и высшим учебным заведениям, а также подготовка высококвалифицированных специалистов в области конкретных социальных исследований.

Один из ключевых вопросов – ИКСИ обязывался «в установленном порядке направлять в ЦК КПСС и соответствующие центральные ведомства и учреждения научно обоснованные предложения по актуальным социальным проблемам. Определение тематики научных исследований института и утверждение планов его работы проводить по согласованию с соответствующими отделами ЦК КПСС»¹. Поэтому постсоветские заявления Г.В. Осипова о вмешательстве, как он выражается, парткомратов в дела института и его «героической» борьбе с этим – все это выглядит смешно. Модель взаимоотношений института с ЦК КПСС была определена указанным постановлением, и Г.В. Осипов при назначении его заместителем директора института принял такие условия, постоянно демонстрируя неукоснительное выполнение партийных предписаний, направляя в том числе наверх докладные записки.

В документе определялось также, что основу организации научных исследований в институте должны составить проблемные группы на правах секторов и отделов. Определяя численный состав института в количестве до 250 человек с выделением в установленном порядке для этих целей необходимых ассигнований, Госплану и ЦСУ при Совете Министров СССР поручалось регулярно направлять в институт материалы в соответствии с поставленными перед ИКСИ задачами. ЦСУ поручалось также внести в ЦК КПСС предложения о единой государственной си-

¹ Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: ACADEMIA, 1997. С. 149.

стеме сбора, хранения и использования социально-статистической информации, включая результаты конкретных социальных исследований, проводимых научными учреждениями страны. Соответствующим общесоюзным ведомствам поручалось решить вопросы, связанные с подготовкой кадров специалистов для проведения конкретных социальных исследований, увеличения инвалюты для выписки иностранной литературы.

Академии наук СССР разрешалось издание журнала «Конкретные социальные исследования ИКСИ», а институту – издание закрытого бюллетеня информации о результатах научных исследований. В связи с созданием в системе АН СССР не только ИКСИ, но и ряда новых гуманитарных институтов Президиуму АН СССР поручалось рассмотреть вопрос о координации деятельности институтов гуманитарного профиля в целях устранения параллелизма и дублирования в их работе, повышения эффективности научных исследований.

Принятие 2 апреля 1968 года постановления Секретариата ЦК КПСС, одобдившего предложение АН СССР, поддержанное Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС, об организации Института конкретных социальных исследований и утверждение директором института вице-президента АН СССР А.М. Румянцева (аналогичное постановление № Ст – 50/265 гс было принято Секретариатом и 24 апреля 1968 года с учетом высказанных на предыдущем заседании Секретариата ЦК замечаний), затем утверждение этих предложений решением Политбюро ЦК КПСС от 22 мая 1968 года и последовавшее рассмотрение и утверждение на Секретариате ЦК 15 октября и 10 декабря 1968 года основных направлений работы Института конкретных социальных исследований Академии наук СССР, разработанных в соответствии с вышеупомянутым решением Политбюро ЦК, – все это и является ответом на вопрос об инициаторах и организаторах ИКСИ. Как говорится, все ясно как божий день, все подкреплено официальными документами, которые сегодня могут по-разному интерпретироваться, но по своей достоверности всегда остаются неопровержимыми фактами истории отечественной социологии.

И вот на фоне подтвержденных официальными документами фактов о зарождении идеи создания академического социологического института, этапах его организации, о задействованных в этом процессе властных партийных, государственных и академических структурах и конкретных личностях появилась в постсоветское время фактически альтернативная версия этого события. Принадлежит она Г.В. Осипову и изложена в наиболее полном объеме в беседе с ним академика Л.Н. Митрохина и частично – в некоторых других источниках. Ключевым элементом ее является абсолютное игнорирование и предание забвению всех изложенных выше документов и описанных событий, связанных с учреждением социологического института в системе АН СССР, и сочинение такого сюжета, в котором главным действующим лицом в столь знаменательном событии представлен сам автор этой версии и никто другой.

Основные штрихи, скажем прямо, не просто занимательного, а по-настоящему сюрреалистического повествования таковы. Для полной ясности он заявил, что «институт был создан не в соответствии с “выступлениями” академиков в ноябре 1965 года (речь идет о выступлениях на заседаниях Идеологической комиссии ЦК КПСС и общем собрании Академии наук. – А.К.), а как результат обсуждения доклада председателя Советской социологической ассоциации (то есть его – А.К.) в

Отделе науки и вузов ЦК КПСС (апрель 1968 года)»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.). Конкретно это подается так. Вдруг «в апреле 1968 года» к проходившему диспансеризацию в больнице сотруднику ИКСИ Г.В. Осипову «неожиданно приехал первый заместитель заведующего Отделом науки и вузов ЦК КПСС Е.М. Чехарин», чтобы, как он пишет, сообщить ему: «Завтра состоится расширенное заседание отдела, на котором будет обсуждаться мой доклад² – “Состояние и задачи дальнейшего развития конкретных социологических исследований в СССР”». Уже в этой завязке заложена интрига предполагаемого события: довольно высокого уровня работник аппарата ЦК КПСС вдруг «неожиданно» посещает в больнице работника Института философии для выполнения фактически курьерской функции, чтобы даже не посоветоваться, а просто сообщить о предполагаемом заседании в ЦК, на котором будут присутствовать «почти все социологи» (института? Москвы? Страны? – А.К.); собеседник, что называется, с ходу, без подготовки соглашается делать на следующий день доклад, «который произвел сильное впечатление на руководителей отдела». Выступивший же после докладчика заведующий отделом С.П. Трапезников настолько проникся аргументацией доклада, что сразу же якобы заявил: «Ясно, партии и государству социологические исследования нужны. Я предлагаю создать самостоятельный институт на базе отдела конкретных социологических исследований Института философии АН СССР, который возглавляет Геннадий Васильевич Осипов, – Институт конкретных исследований»³ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Такое «цитирование» Г.В. Осиповым С.П. Трапезникова является более чем странным прежде всего потому, что по его (С.Т. Трапезникова) записке в ЦК КПСС от 27 марта 1968 года, то есть до упомянутого выше совещания в отделе ЦК КПСС «в апреле 1968 года» (точная дата почему-то не указана), было поддержано предложение не Г.В. Осипова, а президента АН СССР академика М.В. Келдыша и главного ученого секретаря Президиума АН СССР академика Я.В. Пейве о создании Института конкретных социальных исследований на базе отдела конкретных социологических исследований Института философии АН СССР и об утверждении директором института академика, вице-президента АН СССР А.М. Румянцева. По этой записке Секретариат ЦК КПСС 2 апреля 1968 года, как нами отмечалось выше, принял решение, в котором внесенные в ЦК КПСС руководством АН СССР и поддержанные Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС предложения о создании Института конкретных социальных исследований и утверждении его директора в полном объеме были утверждены⁴ (оставалось только в соответствии с существовавшей процедурой утвердить это решение на Политбюро ЦК КПСС, что и произошло 22 мая 1968 года). Причем вопрос о создании Института конкретных исследований и утверждении его

¹ См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 513.

² См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 522–524.

³ См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 522.

⁴ См.: Записка Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС о поддержке предложений АН СССР об организации Института конкретных социальных исследований от 27 марта 1968 г.; Постановление Секретариата ЦК КПСС «Об организации Института конкретных социальных исследований Академии наук СССР». В сб.: Социология и власть. Сборник 1. Документы 1953–1968. М.: ACADEMIA, 1997. С. 140–141.

директором А.М. Румянцева, как уже отмечалось выше, ставился руководством АН СССР перед ЦК КПСС еще 26 октября 1967 года¹.

Конечно, проведение расширенного заседания Отдела науки и учебных заведений, на котором Г.В. Осипов якобы инициировал создание социологического института, «в апреле 1968 года», то есть тогда, когда вопросы об учреждении Института конкретных исследований и назначении его директора были практически (с принятием необходимых документов) решены на уровне Президиума АН СССР и ЦК КПСС, – это фантаси. Тем не менее Г.В. Осипов не останавливается и идет дальше. Он позиционирует себя в качестве непримиримого оппонента С.П. Трапезникова, который «в личной беседе» с ним, касаясь вопроса о характере института, якобы заявил: «Институт должен быть, во-первых, в составе Отдела науки и вузов ЦК КПСС и, во-вторых, носить закрытый характер»; а «я, – продолжает Г.В. Осипов, – категорически высказался против». И далее: работник института одерживает в этой дуэли победу над заведующим отделом ЦК (!), но в заключение беседы выслушивает такую его фразу: «Как вы смеете отказываться от такого престижного предложения, как работа в ЦК КПСС (подчеркнутые слова дают основание предполагать, что речь идет о руководстве институтом), как бы вы не пожалели об этом»².

Словом, в такой интерпретации Г.В. Осипов позиционирует себя не только в качестве инициатора создания социологического института, но и как непримиримого борца против того, чтобы «поставить деятельность института под жесткий контроль партии»³, и ради этого он готов даже отказаться от «престижного предложения» работы в ЦК КПСС. В этой ситуации он действовал абсолютно «самостоятельно», не имея не только официальных поручений АН СССР по решению названных выше вопросов, но и как руководитель созданной при Институте философии общественной структуры, которой была Советская социологическая ассоциация, не обладавшая никакими полномочиями для решения вопросов создания социологического института и определения его статуса (академического или в структуре партийного аппарата). Это было прерогативой Президиума АН СССР и директора Института философии, в структуре которого в то время находился отдел конкретных социологических исследований, на базе которого и создавался новый социологический институт. Более того, перед тем как руководитель Советской социологической ассоциации в разговоре с заведующим отделом ЦК КПСС «категорически высказался против» создания социологического института в составе Отдела науки и вузов ЦК и придания ему «закрытого характера», у него якобы состоялась беседа с А.М. Румянцевым, в которой (беседе) последний выглядел всего лишь консультантом-советчиком у «инициатора» создания института.

И это при том, что к указанному времени Алексей Матвеевич был не только вице-президентом АН СССР, курирующим общественные науки, но фактически уже утвержденным директором социологического института. Ведь еще до отправки в ЦК 27 марта 1968 года заведующим Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС

¹ Записка Президиума АН СССР о реорганизации Института философии АН СССР и создании на его базе Института конкретных социальных исследований и Института философских исследований от 26 октября 1967 г. В сб.: Социология и власть. Сборник 1. Документы 1953–1968. М.: АCADEMIA, 1997. С. 137–138.

² См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 523.

³ См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 523.

С.П. Трапезниковым записки о поддержке предложений АН СССР об организации Института конкретных исследований и о назначении А.М. Румянцева его директором Алексей Матвеевич в очередной раз подтвердил свое согласие баллотироваться на директорскую должность нового института (первый раз он это сделал перед отправкой 26 октября 1967 года письма Президиума АН СССР в ЦК КПСС о создании на базе Института философии двух самостоятельных структур – Института философских исследований и Института конкретных социальных исследований, директором которого предлагалось утвердить А.М. Румянцева), после чего и произошли описанные нами выше события, решившие судьбу ИКСИ, – заседания секретариата ЦК КПСС 2 и 24 апреля 1968 года и принятие 22 мая 1968 года постановления Политбюро ЦК КПСС «Об организации Института конкретных социальных исследований Академии наук СССР».

И вот на фоне перечисленных выше и подтвержденных официальными документами событий¹ Г.В. Осипов, «назначив» себя инициатором учреждения ИКСИ, занялся «в апреле 1968 года» его (института) созданием, преодолев сопротивление заведующего Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС при определении характера института (академический или в структуре партийного аппарата) и даже сделав его, ранее направившего в ЦК КПСС официальные записки по поддержке предложения Академии наук СССР об организации социологического института и назначении его директором вице-президента АН СССР А.М. Румянцева, своим сторонником в дальнейших шагах по реализации поставленной апрельской цели. Фантастика! Перефразировав название одной из популярных телепрограмм, можно было бы сказать: и неочевидное, и невероятное!

Столь же экзотичным выглядит описание и дальнейших событий вокруг проблем создававшегося социологического института. С одной стороны – заявление о том, что на указанном выше заседании Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС было принято решение (подчеркнуто нами. – А.К.) о необходимости создания на базе отдела конкретных социологических исследований Института философии АН СССР соответствующего научного института². И это при том, что такое решение не могло приниматься а) без согласования этого вопроса в Секретариате ЦК КПСС; б) без официальных документов Президиума АН СССР, направленных в ЦК КПСС в установленном порядке; в) при отсутствии в принципе у отдела ЦК при всем его аппаратном величии полномочий принимать решения по таким вопросам – его обязанностью было готовить то ли по предложению Президиума АН СССР, то ли по своей инициативе документы (в виде проектов постановлений, докладных записок и т.д.) для рассмотрения их в Секретариате или Политбюро ЦК КПСС. То есть в данном случае отдел ЦК обладал правом по итогам совещания обобщить предложения и

¹ Записка Президиума АН СССР о реорганизации Института философии АН СССР и создании на его базе Института конкретных социальных исследований и Института философских исследований от 26 октября 1967 г.; записки Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС о поддержке предложений АН СССР об организации Института конкретных социальных исследований от 27 марта 1967 г.; постановление Секретариата ЦК КПСС «Об организации Института конкретных социальных исследований Академии наук СССР» от 22 мая 1968 г. В сб.: Социология и власть. Сборник 1. Документы 1953–1968. М.: АCADEMIA, 1997. С. 137–138, 140–141, 141–142.

² Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 29.

в виде записки вносить на рассмотрение Секретариата, но отнюдь не принимать решения. Истина прописная! Аксиома! Но тем не менее, по версии Г.В. Осипова, Отдел науки и учебных заведений, как бы забыв на минутку, что его заведующий, как говорилось выше, еще 26 октября 1967 года и 27 марта 1968 года официально отправил для рассмотрения в Секретариате ЦК КПСС документы, в которых поддерживалось предложение АН СССР по созданию социологического института и назначению его руководителя, принимает свое решение на этот счет (?!).

С другой же стороны, утверждается, что наряду с принятием решения отдела ЦК об учреждении социологического института на том же заседании создается комиссия ЦК КПСС в составе первого заместителя заведующего отделом ЦК Е.М. Чехарина и председателя Советской социологической ассоциации Г.В. Осипова, а не представителя Президиума АН СССР, как это должно было быть (в некоторых публикациях в комиссию зачислен и инструктор ЦК КПСС Г.Г. Квасов), для... «подготовки решения о создании института» с последующей передачей проекта этого документа Президиуму АН СССР¹ (с учетом существовавшей субординации между ЦК КПСС и Президиумом АН СССР на протяжении всей истории «руководящей и направляющей» не было ни одного случая, чтобы структуры аппарата ЦК КПСС готовили и направляли проекты документов Президиуму АН СССР, все было ровно наоборот).

А далее, ничего не говоря о судьбе проекта документа, который якобы комиссия ЦК КПСС готовила для Президиума АН СССР, Г.В. Осипов в беседе с Л.Н. Митрохиным говорит: «Наступает время принятия решений», – он в начале сентября 1968 года, будучи «срочно» вызванным на заседание Секретариата ЦК КПСС, по предложению М.А. Сулова делает «краткий комментарий» проекта, но не указанного выше постановления о создании института, а... о программе основных направлений исследовательской деятельности Института конкретных социальных исследований, то есть той программе, разработку которой поручалось для уже созданного института осуществить в соответствии с решениями Секретариата ЦК КПСС от 24 апреля 1968 года и Политбюро ЦК КПСС от 22 мая 1968 года Академии наук СССР, но отнюдь не Отделу науки и учебных заведений, заседание которого состоялось «в апреле 1968 года». Заседание же секретариата ЦК КПСС в начале сентября 1968 года, как заявил Г.В. Осипов, завершилось тем, что после краткого обсуждения принимается решение: документ (то есть основные направления деятельности ИКСИ. – А.К.) утвердить...»² Вот на этом и ставится точка в учреждении ИКСИ по версии Г.В. Осипова, изложенной им в беседе с Л.Н. Митрохиным, – при полной неясности судьбы и содержания постановления о создании института, который якобы готовила «комиссия ЦК КПСС Чехарина – Осипова».

На этом фоне весьма любопытно заявление Г.В. Осипова о том, что подготовке решения о создании института Е.М. Чехарин не мог уделить «достаточного внимания» ввиду «загруженности другими делами». «Меня же, – жалуется Геннадий Васильевич, – Г. Квасов (инструктор ЦК. – А.К.) с самого начала отстранил, получив тем самым полную свободу действий³ (подчеркнуто нами. – А.К.). Если это так, то как Г.В. Осипов, будучи совершенно отстраненным от подготовки проекта документов

¹ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 29; Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 523.

² См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 523.

³ См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 524.

о создании института, мог докладывать об этом проекте на заседании Секретариата ЦК КПСС?!

Но, к удивлению, наряду с изложенной выше версией Г.В. Осипова о создании ИКСИ существует еще одна – коренным образом отличающаяся от первой версии, но принадлежащая тому же автору. Опять-таки отсекая все приведенные нами ранее официальные документы и конкретные меры Президиума АН СССР и ЦК КПСС по созданию ИКСИ, автор второй версии первым шагом учреждения института объявляет не доклад, сделанный им в Отделе науки и учебных заведений в апреле 1968 года, и не солидарность С.П. Трапезникова с докладчиком в реализации идеи об учреждении социологического института, а образование 25 февраля 1966 года Научного совета по проблемам конкретных социальных исследований при Президиуме АН СССР во главе с А.М. Румянцевым. «И вот, – говорит Г.В. Осипов, – с появлением Научного совета мы с Алексеем Матвеевичем стали двигать вопрос о создании института»¹. Причем как они «двигали», какие конкретные шаги осуществляли – об этом ни слова. Но зато при определении роли каждого из участников этого процесса Г.В. Осипов высказался не просто предельно конкретно, а «прицельно»: А.М. Румянцев «не был социологом», а в продвижении идеи о создании социологического института он «практически... выступал как определенное прикрытие»² – видимо, для каких-то действий председателя ССА или еще кого-то, но, следовательно, отнюдь не как академик, который нес всю полноту ответственности за работу Научного совета по проблемам конкретных социальных исследований и за деятельность в качестве вице-президента АН СССР. Нетрудно догадаться, какую роль себе определил в данном случае автор подобных утверждений. Эта версия отличается от первой всем – и местом события, и его временными параметрами, и задействованными в этом событии персонажами (кроме автора версии).

И, наконец, третья версия по этому же вопросу, и опять того же автора. Г.В. Осипов в одной из публикаций, повторив уже упоминавшийся нами его тезис об инициировании им на заседании Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС «в апреле 1968 года» вопроса об учреждении социологического института и создании комиссии ЦК КПСС для подготовки соответствующего проекта решения, вдруг заявил: «27 марта 1968 года проект о создании института был подготовлен и внесен Отделом науки и вузов в Президиум АН СССР. В свою очередь, президент АН СССР М.В. Келдыш официально внес представленный ему проект в ЦК КПСС»³, после чего Политбюро ЦК КПСС приняло 22 мая 1968 года постановление об организации ИКСИ.

Эта версия – фактически саморасстрел ее автора, так как она напрочь отвергает первую версию о якобы состоявшемся в апреле 1968 года совещании Отдела науки и учебных заведений и принятых на нем решениях (об учреждении социологического института, создании комиссии ЦК КПСС для подготовки проекта решения по этому вопросу). В самом деле, если 27 марта 1968 года, как говорится в последней версии, проект о создании института был подготовлен отделом ЦК, то зачем

¹ См.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / отв. ред. и автор предисл. Г.С. Батыгин; ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: изд-во РХГИ. С. 101.

² См.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / отв. ред. и автор предисл. Г.С. Батыгин; ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: изд-во РХГИ. С. 101.

³ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 29–30.

же ему через месяц вторично создавать для этой же цели специальную комиссию – только потому что на состоявшемся заседании отдела ЦК «обстоятельный доклад» председателя ССА, как он делает акцент, «произвел сильное впечатление на руководителей отдела»?

Далее, налицо искажение характера документов, датируемых 27 марта 1968 года: отдел подготовил не только проект постановления по этому вопросу, но и докладную записку «О поддержании предложений АН СССР об организации Института конкретных социальных исследований», к которой и приложил проект постановления. Причем этот пакет документов отдел ЦК направил не президенту АН СССР, для которого такие документы в соответствии с существующим порядком и, как говорится, по долгу службы должны были бы готовить не работники ЦК КПСС, а сотрудники аппарата Президиума АН СССР совместно с соответствующим отделением АН СССР. В данном же случае на титульном листе записки отдела значился адресат, куда направляли указанные документы, – ЦК КПСС. Сама же записка отдела ЦК представляла собой формулирование отношения ЦК КПСС к внесенным ранее предложениям президента АН СССР академика М.В. Келдыша и главного ученого секретаря Президиума АН СССР академика Я.В. Пейве по этому вопросу. В записке отдела ЦК, в частности, говорилось: «АН СССР имеет в виду организовать Институт конкретных социальных исследований на базе отдела конкретных социологических исследователей Института философии Академии наук СССР, который в настоящее время насчитывает 98 человек. Директором Института конкретных социальных исследований предлагается утвердить академика, вице-президента АН СССР Румянцева А.М... Отдел науки и учебных заведений ЦК КПСС поддерживает предложение Академии наук СССР. Считали бы целесообразным поручить АН СССР в двухмесячный срок разработать и представить в ЦК КПСС предложения об основных направлениях работы, структуре и штатах Института конкретных социальных исследований»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.).

И если учесть, что текст документов отдела ЦК, датированный 27 марта 1968 года, включил в себя в полном объеме все внесенные Президиумом АН СССР предложения в связи с созданием социологического института, что итогом рассмотрения этих документов Секретариатом ЦК КПСС 2 апреля 1968 года стало принятие постановления «Об организации Института конкретных социальных исследований Академии наук СССР» с последующим его утверждением на Политбюро ЦК КПСС 22 мая 1968 года, то как это корреспондируется с утверждением Г.В. Осипова, что датированный 27 марта 1968 года документ Отдела науки и вузов был представлен Президиуму АН СССР, а не, как мы рассказали выше, ЦК КПСС, после чего «президент АН СССР М.В. Келдыш официально внес представленный ему проект в ЦК КПСС»?² Абсурд! Таким же абсурдом является и версия об инициировании Г.В. Осиповым идеи о создании социологического института и учреждении специальной комиссии ЦК КПСС (с его участием!) для подготовки проекта документов по этому вопросу «в апреле 1968 года», то есть тогда, когда эта работа по линии Президиум АН СССР –

¹ Записка Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС о поддержке предложений АН СССР об организации Института конкретных социальных исследований. В сб.: Социология и власть. Сборник 1. Документы 1953–1968. М.: ACADEMIA, 1997. С. 140–141.

² Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 30.

Отдел науки и учебных заведений ЦК КПСС – Политбюро ЦК КПСС фактически выходила на финишную прямую.

Заключительный аккорд этой (третьей) версии: «10 декабря 1968 года Секретариат ЦК КПСС по докладу заместителя директора Института социологических исследований АН СССР Г. Осипова принимает опять же с грифом “совершенно секретно” решение “Об основных направлениях работы Института конкретных социальных исследований Академии наук СССР”»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.). Единственное, что соответствует правде в этой цитате, – неодолимое стремление ее автора за столбить за собой право считаться главной фигурой и этого события. Понять, как же было на самом деле, помогает прояснение таких моментов. Прежде всего, в интерпретации Г.В. Осипова событие 10 декабря пребывает в явном противоречии с описанным им же, но документально не подтвержденным заседанием Секретариата ЦК КПСС «в начале сентября 1968 года», на котором якобы рассматривался тот же вопрос, что и 10 декабря, – утверждение программы «основных направлений исследовательской деятельности Института конкретных социальных исследований»; на так называемом сентябрьском заседании был один и тот же докладчик, то есть сам автор этой версии; наконец, самое главное – после «краткого комментария предложенного проекта», подготовленного, как вытекает из контекста рассуждений Г.В. Осипова, комиссией ЦК КПСС в составе его и Е.М. Чехарина, принимается решение: «Документ утвердить»². Получается как в поговорке: «Наша песня (сентябрьская) хороша, начинай сначала (в декабре)». Причем в данном случае якобы состоявшееся «в начале сентября 1968 года» заседание Секретариата ЦК КПСС со «срочным» вызовом на него Г.В. Осипова даже не упоминается. Оно как бы растворилось в хронологии описываемых событий и для аргументации перестало существовать как реальность. Более того, даже не упоминается и заседание Секретариата ЦК КПСС от 15 октября 1968 года, который, одобрив предложения, внесенные в ЦК КПСС вице-президентом АН СССР А.Н. Румянцевым 15 июля 1968 года и поддержанные в записке Отдела науки и учебных заведений от 25 сентября 1968 года, принял 15 октября 1968 года положительное решение по этому вопросу, поручив при этом участникам заседания А.П. Кириленко, П.Н. Демичеву, Б.Н. Пономарову и А.М. Румянцеву «окончательно отредактировать проект постановления с учетом замечаний, высказанных на заседании Секретариата ЦК»³. И вот этот доработанный указанной выше комиссией документ, а не доклад Г.В. Осипова, как он пишет, и был включен для окончательного утверждения в повестку дня заседания Секретариата ЦК 10 декабря 1968 года, решение которого по этому вопросу в числе других лиц было направлено персонально А.М. Румянцеву как вице-президенту АН СССР, принимавшему непосредственно официальное участие во всех без исключения мероприятиях ЦК КПСС, связанных с прохождением документов о создании Института конкретных социальных исследований.

Впрочем, Осипов, претендуя на роль докладчика на декабрьском заседании Секретариата ЦК 1968 года, назвал себя заместителем директора Института социологиче-

¹ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 31.

² См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 523–524.

³ Постановление Секретариата ЦК КПСС «Об основных направлениях работы Института конкретных социальных исследований Академии наук СССР» от 15 октября 1968 г. В сб.: Социология и власть. Сборник 1. Документы 1953–1968. М.: АCADEMIA, 1997. С. 147.

ских исследований¹. Но дело в том, что в описываемое время такого института не было, в системе Академии наук функционировал Институт конкретных социальных исследований, в результате реформирования которого в 1972 году появился новый социологический институт (не только по названию, но и по новизне исследовательских задач), причем не под тем названием, что дал ему Г.В. Осипов, а как Институт конкретных социологических исследований АН СССР.

Наконец, самое забавное. Г.В. Осипов пишет о том, что подготовке решения о создании института заместитель заведующего Отделом науки ЦК Е.К. Чеханин не мог уделить «достаточного внимания», потому что он «был загружен другими делами». А «меня... – уточняет Геннадий Васильевич, – Г. Квасов (инструктор ЦК. – А.К.) с самого начала отстранил, получив тем самым свободу действий»² (подчеркнуто нами. – А.К.). Если это так, то как Г.В. Осипов, отстраненный от подготовки документа о создании института, мог докладывать на заседании Секретариата ЦК проект этого постановления?

Изложенные выше три версии первопродчества Г.В. Осипова в создании первого социологического института в стране – это своего рода «плюрализм трех неправд», в сути которых читателю, думается, нетрудно разобраться самому. Нам же остается в связи с альтернативными версиями Г.В. Осипова, не повторяясь с ранее высказанными комментариями, остановиться еще на нескольких вопросах, без пояснения которых невозможно представить себе точную и правдивую картину событий, о которых идет речь. И здесь не обойтись без анатомии фактов, которыми оперирует автор альтернативных версий создания социологического института.

Вопрос первый. Наше исследование не подтвердило наличие официальных документальных источников событий, на которых построена вся версия Г.В. Осипова о его личном первопродчестве в создании первого социологического института: а) апрельского совещания социологов 1968 года в Отделе науки и учебных заведений ЦК КПСС, на котором председатель Советской социологической ассоциации, как уже отмечалось, якобы спонтанно, без предварительной проработки этого вопроса в Президиуме АН СССР и без его (Президиума) официального письменного обращения в ЦК КПСС по этому вопросу (!) инициировал принятие решения о создании ИКСИ; б) о фактически конфронтационном диалоге между председателем ССА и заведующим отделом ЦК КПСС на так называемом апрельском совещании о характере создаваемого института (в структуре АН СССР или в составе аппарата ЦК КПСС) и о победе в этом споре руководителя ассоциации при том условии, что при обсуждении всех без исключения принятых до так называемого апрельского совещания документов Президиума и ЦК КПСС, под многими из которых стоит и виза С.П. Трапезникова, вопрос об учреждении социологического института в составе ЦК КПСС, а не в системе АН СССР, не ставился ни в какой форме вообще³.

Официальные документы, как мы показали выше, подтверждают проведение двух заседаний Секретариата ЦК по этому вопросу 15 октября и 10 декабря 1968 года, причем проводились они не по материалам якобы созданной на апрельском заседании комиссии ЦК КПСС от 22 мая 1968 года, в которых наряду с принятием положи-

¹ См.: Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 31.

² См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 524.

³ Социология и власть. Сборник 1. Документы 1953–1968. М.: ACADEMIA, 1997. С. 137–142.

тельного решения о создании ИКСИ и утверждении его директором А.М. Румянцева пунктом 2 поручалось Академии наук СССР «разработать и представить в ЦК КПСС предложения об основных направлениях работы, структуре и штатах Института конкретных социальных исследований»¹.

Кроме отсутствия документальных подтверждений указанных выше событий, связанных с «первопроходчеством» Г.В. Осипова в создании ИКСИ, для них (событий) характерно и то, что они ни по хронологии, ни по смыслу не вписываются в канву событий, подтвержденных официальными документами. К тому же не указаны точные даты и апрельского заседания Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС, и сентябрьского заседания Секретариата ЦК КПСС.

Второй вопрос – о дате создания ИКСИ. В своих комментариях к статье М.Г. Пугачевой «Институт конкретных социальных исследований Академии наук СССР, 1968–1972» Г.В. Осипов дату организации ИКСИ связывает опять-таки с документально неподтвержденным совещанием в Отделе науки и учебных заведений ЦК КПСС «в апреле 1968 года», через два месяца (!) после которого как по мановению волшебной палочки появился новый социологический институт – «реальная дата организации ИКСИ АН СССР – 14 июня 1968 года», «точная дата его (ИКСИ. – А.К.) организации – 14 июня 1968 года»². При этом предаст забвению все события и приведенные нами выше официальные документы, связанные с созданием ИКСИ (начиная от заседания Идеологической комиссии ЦК КПСС от 15–18 ноября 1965 года и вплоть до так называемого апрельского совещания социологов в Отделе науки и учебных заведений ЦК КПСС 1968 года). Свой же тезис о «реальной» и «точной» дате организации ИКСИ в полемике с М.Г. Пугачевой он не конкретизирует – что и как произошло 14 июня 1968 года.

А рассекреченные и ныне опубликованные архивные источники свидетельствуют, что в этот день Президиум АН СССР принял под № 509 постановление «Об организации Института конкретных исследований Академии наук СССР», но не на основе документально неподтвержденного апрельского совещания в отделе ЦК КПСС и не по документам якобы созданной на этом совещании комиссии ЦК КПСС Чехарина – Осипова. Президиум фактически продублировал в полном объеме принятое 22 мая 1968 года постановление Политбюро ЦК КПСС, в котором в качестве уже решенных были сформулированы вопросы о принятии предложения АН СССР о создании ИКСИ, о поручении АН СССР в двухмесячный срок представить в ЦК предложения об основных направлениях работы, структуре и штатах Института, об утверждении его директором А.М. Румянцева и др., то есть он адаптировал партийный документ применительно к жанру академического документа.

Но на этом институционализация ИКСИ не завершилась. Следующими этапами этой работы стали: подготовка Академией наук СССР в соответствии с поручением Политбюро ЦК КПСС от 22 мая 1968 года предложений по записке в ЦК и приложения к ней вице-президента АН СССР А.М. Румянцева на заседаниях Секретариата

¹ См.: Постановление Секретариата ЦК КПСС «Об организации Института конкретных социальных исследований Академии наук СССР» от 2 апреля 1968 г.; постановление Политбюро ЦК КПСС «Об организации Института конкретных социальных исследований Академии наук СССР» от 22 мая 1968 г. В сб.: Социология и власть. Сборник 1. Документы 1953–1968. М.: АCADEMIA, 1997. С. 141–142.

² Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 505, 513.

ЦК КПСС 15 октября и 10 декабря 1968 года, реализация приказа, изданного 29 октября 1968 года, об упразднении отдела конкретных социологических исследований в составе Института философии АН СССР и переводе его сотрудников в ИКСИ (само упразднение должно было произойти с 15 ноября 1968 года).

Таким образом, говорить о «точной» и «реальной» дате организации ИКСИ как разовой акции не только некорректно, но просто невозможно. Непосредственный процесс институционализации нового социологического института оказался растянутым во времени и включал такие три этапа. Первый этап – принятие постановления Политбюро ЦК КПСС 22 мая 1968 года, в котором по сути были приняты окончательные решения по всем вопросам создания ИКСИ (включая и поручение исполкому Моссовета предоставить институту соответствующее помещение), а формулировка п. 3 «утвердить директором Института конкретных социальных исследований Академии наук СССР т. Румянцева А.М.»¹ означала, что институт учрежден (что не означает «организован»), а Алексей Матвеевич обрел легитимный статус руководителя ИКСИ. Все это при некоторых оговорках может служить аргументом считать датой учреждения ИКСИ 22 мая 1968 года. Второй этап – постановление Президиума АН СССР № 509, принятое во исполнение постановления Политбюро ЦК и повторившее все его элементы, включая его название, то есть адаптировав его в качестве первого академического документа по этому вопросу, что тоже дает повод (не без оснований) считать 14 июня 1968 года (когда оно было принято) датой учреждения ИСПИ. Наконец, третий этап – постановление Секретариата ЦК КПСС от 10 декабря 1968 года «Об основных направлениях работы Института конкретных социальных исследований Академии наук СССР», которое вместе с изданным 29 октября 1968 года приказом об упразднении отдела конкретных социологических исследований в структуре Института философии и переводе сотрудников в ИКСИ фактически завершило процесс организации нового социологического института. Поэтому, на наш взгляд, некорректно определять 14 июня 1968 года в качестве «реальной» и «точной» даты организации ИКСИ, так как в данном случае в качестве одноразовой акции произошло учреждение института, которому с точки зрения организации, как процессу, растянутому во времени, предстояло решить ряд проблем, без чего он (институт) не мог считаться организационно оформленным: разработать и утвердить в инстанциях основные направления деятельности, определить организационную структуру института, укомплектовать его кадровый состав, обеспечив в том числе и упразднение с 15 ноября 1968 года отдела конкретных социологических исследований Института философии и перевод его сотрудников в новый институт (такая задача была поставлена в приказе от 29 октября 1968 года).

Для некоторых читателей приведенная выше терминологическая политика может показаться проявлением схоластики, так как с точки зрения социологии неважно, какой термин употребляется: институт «создан», «учрежден», «организован». Главное – он есть, лексические же особенности названных выше терминов – дело лингвистов. С такой постановкой вопроса тоже можно было бы согласиться, но при одном принципиальном условии – если бы, вопреки истине и официальным документам,

¹ Об организации Института конкретных социальных исследований. Постановление Политбюро ЦК КПСС от 22 мая 1968 г. В сб.: Социология и власть. Сборник 1. Документы 1953–1968. М.: АСА-DEMIA, 1997. С. 142.

«реальная» и «точная» дата организации ИКСИ АН СССР не объявлялась «как результат обсуждения доклада председателя Советской социологической ассоциации в Отделе науки и вузов ЦК КПСС (апрель 1968 года)»¹.

Третий вопрос – о сроках назначения руководителей нового социологического института. В одном случае утверждается, что после принятия 26 июля 1968 года решения Президиума АН СССР институт возглавили А. Румянцев, Г. Осипов и Ф. Бурлацкий², что дважды неверно – директором ИКСИ А.М. Румянцев был утвержден, как мы уже отмечали, решением Политбюро ЦК КПСС 22 мая 1968 года, а Ф.М. Бурлацкий в анализируемое время никакого отношения к ИКСИ не имел, он тогда после скандального освобождения из «Правды» был пристроен в ИМЭМО, а через год после создания ИКСИ, то есть в 1969 году, по приглашению А.М. Румянцева стал его заместителем в новом институте.

В другом же случае, по версии Осипова, новость о назначении директором нового института А.М. Румянцева он узнал якобы после возвращения из отпуска, которым он воспользовался после упомянутого выше (но документально не подтвержденного) сентябрьского заседания Секретариата ЦК 1968 года³. Но можно ли себе представить, что заведующий отделом Института философии, на базе которого создавался ИКСИ, председатель ССА не знал о том, что Алексей Матвеевич был утвержден директором нового института решением Политбюро ЦК еще 22 мая 1968 года, то есть задолго до описанных выше Осиповым событий?

Четвертый вопрос – о датах заседаний Секретариата ЦК. Дело в том, что официальных документов, подтверждающих рассмотрение в сентябре 1968 года Секретариатом ЦК, как пишет Г.В. Осипов, вопроса о программе основных направлений исследовательской деятельности ИКСИ, нет. Вопрос в такой постановке на Секретариате, как отмечалось выше, рассматривался дважды: 15 октября 1968 года и 10 декабря 1968 года⁴, причем после того, как Секретариат ЦК 2 апреля 1968 года, а Политбюро 22 мая 1968 года приняли решение о создании ИКСИ и поручили Академии наук СССР разработать и представить в ЦК КПСС предложения об основных направлениях работы, структуре и штатах ИКСИ.

Далее, на всех истинных, то есть действительно состоявшихся заседаниях в ЦК, где рассматривались вопросы создания ИКСИ и утверждения основных направлений его деятельности и его структуры, Академию наук официально представлял не Г.В. Осипов, а, как свидетельствуют архивные материалы, вице-президент АН СССР А.М. Румянцев, который, кстати, включался наряду с П.Н. Демичевым, Д.Ф. Устиновым, И.В. Капитоновым, Ф.Д. Кулаковым и С.П. Трапезниковым во все комиссии по доработке документов после состоявшихся на Секретариате дискуссий; ему же направлялись и принятые в ЦК документы⁵. Фамилия Г.В. Осипова во всех указанных выше документах не значится. Да и значиться вообще не могла – ведь официально

¹ См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть. М.: Экономика, 2008. С. 513.

² Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 30.

³ Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 513.

⁴ См. Социология и власть. Сборник 1. Документы 1953–1968. М.: АCADEMIA, 1997. С. 147, 149.

⁵ См.: Социология и власть. Сборник 1. Документы 1953–1968. М.: АCADEMIA, 1997. С. 141, 142, 147, 148.

представлять АН СССР на заседаниях Секретариата ЦК и Политбюро ЦК при рассмотрении такого вопроса, как создание института, могли только лица, наделенные для этого соответствующими полномочиями, то есть такого должностного ранга, как президент АН СССР, вице-президенты или директор нового института. Впрочем, это отнюдь не исключало того, что при рассмотрении отдельных вопросов (в том числе и рассмотрение основных направлений деятельности ИКСИ) на Секретариате мог присутствовать и Г.В. Осипов, но не в качестве главного лица от АН СССР или ИСПИ, а как приглашенный по согласованию с академиком А.М. Румянцевым как директором института и вице-президентом АН СССР. Действовать же в такой ситуации он мог только в рамках тех поручений, которые дало ему академическое начальство.

Пятый вопрос – о том, как член Политбюро, министр обороны Д.Ф. Устинов якобы на так называемом сентябрьском заседании секретариата ЦК 1968 года, «раздраженно» перебив доклад Г.В. Осипова, стал не только осуждать авторов внесенных на рассмотрение документов за включение в них «социальных проблем оборонного значения» (как же так – социологическое вмешательство в дела оборонного ведомства!), но и потребовал «строго наказать» составителей документа. Что можно сказать по поводу этого мифотворчества? Хотя это может показаться некорректным, тем не менее здесь не обойтись без элементарного просвещения и напомнить, что в 1968 году Д.Ф. Устинов не был ни членом Политбюро, ни министром обороны – этими высотами политической и военной карьеры он овладел в 1976 году. В описываемое же Г.В. Осиповым время он был рядовым секретарем ЦК (то есть не входил в состав Политбюро ЦК), отвечал по линии ЦК не за вооруженные силы и Министерство обороны, а за оборонную промышленность и при обсуждении на состоявшемся 15 октября 1968 года заседании (а не на неподтвержденном Секретариате ЦК) вопроса об основных направлениях деятельности ИКСИ он не только не заявлял, как это подает Г.В. Осипов, «что такой документ принимать не следует, а его составителей строго наказать»¹, а наоборот, принял активное участие в дискуссии, занял положительную позицию в пользу проекта внесенных на рассмотрение документов и даже был включен в созданную на заседании Секретариата ЦК КПСС 2 апреля 1968 года комиссию по доработке документов – вместе с А.П. Кириленко, П.Н. Демичевым, Б.Н. Пономаревым².

Объективный анализ позволяет сделать такие неоспоримые выводы.

Первый вывод. Выдающуюся роль в последующей работе по реализации принятого общим собранием АН СССР решения о создании социологического института сыграл вице-президент АН СССР академик А.М. Румянцев. Именно он, и никто другой, возглавил работу по подготовке всех без исключения документов для их рассмотрения в Президиуме АН СССР, а потом на всех уровнях ЦК КПСС – в Отделе науки и учебных заведений, в Секретариате и Политбюро ЦК; именно он был официальным представителем АН СССР на всех мероприятиях указанных выше структур ЦК КПСС; именно он решением Политбюро ЦК был утвержден директором ИКСИ как самая достойная кандидатура на этот пост.

Разумеется, на этапе подготовительной работы он мог привлекать и действительно привлекал для выполнения отдельных поручений работников, не исключая и

¹ Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: Изд-во РХГА, 2005. С. 523.

² См.: Социология и власть. Сборник 1. Документы 1953–1968. М.: АCADEMIA, 1997. С. 147.

Г.В. Осипова. И то, что к адресованной в ЦК КПСС вице-президентом АН СССР А.М. Румянцевым «Записке АН СССР с предложениями о структуре и организации Института конкретных социальных исследований» от 15 июля 1968 года было направлено и приложение «О структуре и организации работы Института конкретных социальных исследований АН СССР», в конце которого стояла помета Г.В. Осипова, – конкретное подтверждение этому. Однако понятия «создатель института» и «исполнитель каких-то конкретных поручений на рабочем уровне» – это две большие разницы, в народе они определяются выражением «и мы пахали».

Существенным дополнением к выше приведенным нами официальным документам по вопросу о создателях ИКСИ является мнение члена-корреспондента АН СССР Н.И. Лапина, который в свое время был приглашен Г.В. Осиповым на работу в сектор новых форм труда и быта в Институте философии АН СССР, активно способствовал созданию отдела социологических исследований и затем слаженно работал с его руководителем. Словом, нет никаких оснований заподозрить Николая Ивановича в предвзятых оценках своего коллеги. И тем не менее, как человек исключительно объективный и толерантный, он, говоря о причастности Г.В. Осипова к созданию ИКСИ, вынужден констатировать: «Осипов приложил большие усилия, готовилось по десять-пятнадцать вариантов различных проспектов, планов, проектов постановлений ЦК, но в последний момент все они отбрасывались. И только когда появился академик Алексей Матвеевич Румянцев в качестве вице-президента АН СССР и стал создавать один за другим институты экономического профиля, давая простор потребностям экономической науки того времени, – тогда у нас появилась надежда... Тогда Алексей Матвеевич имел значительный вес в ЦК, и это решило проблему: в 1968 году возник Институт конкретных социальных исследований АН СССР»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.). Он отметил также, что хотя Федосеев и Константинов поддерживали «рост» руководителя отдела, все же, «когда возникали сложные ситуации, они публично выступали в качестве критиков деятельности отдела и персонально Осипова»². Нужен «солидный человек» – такое блуждавшее в кулуарах суждение приводит Николай Иванович, говоря о возможных кандидатурах на пост директора института. Вот так выглядит реальная, а не мифологическая картина истинных создателей ИКСИ.

Вывод второй – на всех этапах создания ИКСИ отношения между Президиумом АН СССР и структурами ЦК КПСС отмечены полным взаимопониманием и заинтересованностью в создании новой академической структуры, отсутствием каких-либо (больших или незначительных) конфронтационных коллизий при высоком уважении различных точек зрения. Благодаря усилиям ЦК КПСС инициативе научного сообщества была оказана не только политическая поддержка на самом высоком общегосударственном уровне, но и включены все механизмы государственной машины в лице общесоюзных министерств и ведомств, на которые было возложено практическое решение многих организационных, координационных, материальных и финансовых вопросов, которые обеспечили бы успешное функционирование новой социологической структуры в системе АН СССР. Реализацию этого проекта без

¹ Лапин Н.И. Всегда побеждало желание заняться чем-то новым. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб.: изд-во РХГИ, 1999. С. 257.

² Лапин Н.И. Всегда побеждало желание заняться чем-то новым. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб.: изд-во РХГИ, 1999. С. 256–257.

всяких оговорок можно считать примером удачного сотрудничества власти и социологической науки. И то, что между принятием 14 декабря 1965 года постановления общего собрания АН СССР, одобдившего создание социологического института, и направлением в адрес ЦК КПСС записки Президиума АН СССР о реорганизации Института философии АН СССР и создании на его базе Института конкретных социальных исследований и Института философских исследований от 26 октября 1967 года прошел год – это не было результатом запретительной политики властей. Налицо бюрократическая протяжка с двух сторон – академической и партийной.

Третий вывод. Определив в качестве отправной точки в организации ИКСИ документально неподтвержденное апрельское совещание социологов в Отделе науки и учебных заведений ЦК КПСС 1968 года и демонстративно игнорируя роль в событиях 1965 года общего собрания АН СССР и Идеологической комиссии, делая при этом реверанс – «однако было бы крайне ошибочным принижать значение Идеологической комиссии ЦК КПСС»¹, Г.В. Осипов переводит стрелки против выступлений академиков. Он приписывает им чудовищные характеристики, например, то, что создание института академики ни в коей степени не связывали с возможным возрождением отечественной социологии как самостоятельной науки, что «постановка вопроса академиками П.Н. Федосеевым и М.Б. Митиным о конкретных социологических исследованиях и институте на ноябрьском (1965 год) заседании Идеологической комиссии ЦК КПСС никакого отношения к научному и гражданскому статусу социологии не имела» (?), что «ни П.Н. Федосеев, ни М.Б. Митин, ни тем более Ф.В. Константинов к становлению социологии как самостоятельной науки об обществе не имели никакого отношения. Более того, понимание социологии как теоретической науки было глубоко враждебно их мировоззрению»². Подчеркнутые нами слова – это не просто неприличная отсебятина, это сознательная клевета на людей, которые, к сожалению, сегодня лично не могут ответить на такие обвинения.

Основное же предназначение утверждений типа того, что «вопрос о создании специального института, который собирал бы и систематизировал конкретные факты для общественных наук»³ (ни в одном официальном документе АН СССР и ЦК КПСС функции создаваемого института не определялись так узко, как собирателя и систематизатора конкретных фактов для всех общественных наук. – А.К.), был поставлен якобы потому, что «конкретные социологические исследования не вписывались в структуру философского знания», цель подобных деклараций – углубить навязчивую идею Г.В. Осипова о том, что «академики-консерваторы» и «партократы» рассматривали конкретные социологические исследования (равно как и эмпирические исследования) в качестве средства для противопоставления социологии, ее непризнания как самостоятельной науки, но не в качестве этапов сложного пути ее становления. Впрочем, о противоречивости этого процесса свидетельствует не только история возрождения советской социологии, но и, например, противостоя-

¹ См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 505.

² См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 505.

³ См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 505.

ние теоретически неокрепшей социологии с «ползучим эмпиризмом» в западной (по терминологии описываемых времен буржуазной) социологии.

Следовательно, описанные коллизии – это не борьба ученых с властью (или наоборот), как это изображает Г.В. Осипов, а сложные и противоречивые процессы внутри социологического сообщества. Уточним при этом: проблема не политическая, а прежде всего научная, отражающая не конфликт власти и социологии, а уровень развития социологической науки на конкретном этапе ее становления. Такой вывод никак не может отрицать наличия и серьезных недостатков во взаимодействии социологии и власти – примитивного администрирования, непрофессионализма, идеологизации и др. Но злонамеренные сочинения об «альянсе» «академиков-консерваторов» и «партократов» в борьбе с социологией в это время – оставим на совести их мифотворцев.

Сейчас же подчеркнем, что состоявшееся со временем переименование Института конкретных социальных исследований в Институт социологических исследований не было актом формальным, как это представляется во многих публикациях, посвященных истории социологического ренессанса. Мотивировка Президиума АН СССР на этот счет была так изложена в специальной записке вице-президента АН СССР академика П.Н. Федосеева в ЦК КПСС: существовавшее наименование института широко и не отвечает специфике возложенных на него задач, так как конкретные социальные исследования этнографического, правового и экономического характера проводятся в соответствующих институтах, а ИКСИ должен выполнять головные функции в проведении в стране социологических исследований. Институт также должен, наряду с развертыванием эмпирических исследований, вести разработку теоретических и методологических проблем социологии, осуществлять критику буржуазных и реформистских социологических концепций¹.

Ответом на такую постановку вопроса последовала записка Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС (С. Трапезникова), в которой отмечалось: «Данный вопрос возник в связи с тем, что возложенные на институт теоретические задачи выходят за рамки конкретных исследований. С другой стороны, социологические исследования, которые выполняет институт, фактически составляют только часть конкретных исследований, осуществляемых учеными различных общественных наук. В целях установления большего соответствия с реальной программой института Академия наук СССР предлагает уточнить название института и впредь его именовать Институт социологических исследований АН СССР»². ЦК КПСС рассмотрел эту записку и в полном объеме поддержал все высказанные в ней предложения.

Обстоятельному анализу деятельности Института конкретных социологических исследований было посвящено состоявшееся в 1972 году заседание Президиума АН СССР. Отметив возросшее значение социологического изучения всех сторон жизни общества, Президиум АН СССР подчеркнул, что важные задачи в этой области были возложены на организованный в 1968 году ИКСИ. Деятельность института за истекший период оценивалась в очень сдержанных формулировках – «проведена некоторая работа по изучению ряда научных проблем», к которым были отнесены подготовленное советско-польское сравнительное исследование «Социальные про-

¹ См.: Социология и власть. Сборник 2. Документы 1969–1972. М.: ACADEMIA, 2001. С. 166.

² См.: Социология и власть. Сборник 2. Документы 1969–1972. М.: ACADEMIA, 2001. С. 166.

блемы труда и производства», серия выпуска «Социальные исследования», участие в подготовке и проведении VII Международного социологического конгресса в Варне.

В целом же, как указал Президиум АН СССР, возложенные на институт задачи не были выполнены. Конкретизация такой оценки в постановлении Президиума АН СССР выглядела так. По ряду основных направлений исследований не были достигнуты существенные научные результаты, а по некоторым из этих направлений работа не была начата. В центр работы института не был поставлен анализ социальных отношений, проблем воспитания и формирования личности, образа жизни советских людей. Институт не сосредоточил внимание на изучении социальных изменений, происходящих в обществе. Не были своевременно организованы изучение опыта и разработка научно-методических рекомендаций по прогнозированию и планированию социального развития. Не анализировались изменения социальной структуры общества. И на этом фоне многие сотрудники института были отвлечены на изучение вопросов, не соответствующих его профилю. Слабо осуществлялись функции головного учреждения по проведению конкретных социологических исследований. Его руководство не приняло необходимых мер к обеспечению высокого идейно-теоретического уровня всех изданий. В научных исследованиях, проводимых институтом, совершенно недостаточно применялись статистические материалы, не были налажены сбор, хранение и использование социально-статистической информации. Организация работы и структура института, подбор кадров не обеспечивали выполнение возложенных на него задач. Такова была оценка Президиума АН СССР.

Президиум Академии наук СССР постановил считать основными задачами института изучение социальных проблем общества, всесторонний анализ социальных отношений, перспектив их развития, социальной структуры общества, социального планирования и прогнозирования, совершенствования управления социальными процессами, проблем культурного строительства, воспитания трудящихся. Значительное внимание уделялось критике буржуазных социологических теорий. Важной задачей института была определена координация научных исследований по социологии в научных учреждениях Академии наук СССР и академий наук союзных республик, отраслевых академиях, высших учебных заведениях и других научных учреждениях страны, а также оказание этим учреждениям необходимой методологической помощи в проведении социологических исследований.

В числе приоритетов – подготовка высококвалифицированных научных кадров в области социологических исследований. Исходя из этого, Президиум утвердил такие главные направления научных исследований института: методологические проблемы марксистско-ленинской социологии, исторического материализма как общесоциологической теории, частных социологических наук, конкретных социологических исследований, социальные проблемы прогнозирования и долгосрочного планирования развития народного хозяйства и культуры; изменение социальной структуры социалистического общества в связи с научно-технической революцией, изменение структуры рабочего класса, процесс сближения классов и социальных групп, совершенствование взаимоотношений между общественными группами; социальные проблемы и обобщение опыта планирования развития городов, рабочих поселков, сельских населенных пунктов, урбанизации и миграции населения, проблемы социального развития коллективов промышленных и сельскохозяйственных предприятий, районов и городов; социологические проблемы образования, социаль-

ной и профессиональной ориентации молодежи, социальных перемещений; методы изучения общественного мнения и путей его формирования, воспитания трудящихся, всестороннего развития личности; методика и техника конкретных социологических исследований, сбора и хранения социально-статистической информации; история марксистско-ленинской социологии и критика буржуазных социологических теорий. Именно в этом контексте признано было также целесообразным уточнить название института и именовать его Институт социологических исследований Академии наук СССР. Намечался также ряд организационных мер, направленных на устранение выявленных Президиумом АН СССР недостатков в работе института.

Что же касается столь колоритно описанных в постсоветское время «разгромов» ИКСИ и позиции действующих лиц в них, об этом мы расскажем отдельно (см. главу III, §1 «О “запретах” возрождающейся социологии» и §2 «От “запретов” к “разгромам”»).

§4. Кто и как поставил точку в институционализации отечественной социологии?

Поставленный в заголовке вопрос может показаться риторическим ввиду не подлежащей сомнению очевидности непреложного факта – как известно, это связано с принятием постановления Политбюро ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества»¹. Состоявшаяся институционализация отечественной социологии как науки относится, без всякого сомнения, к событиям знаковым, этапным, более того – историческим. Ведь наконец-то свершилось то, вокруг чего на протяжении всего периода социологического ренессанса шел спор между философами-истматчиками и социологами, между консерваторами и либералами в науке. Но по причудливым нравам нашего времени, утвердившимся в том числе и в профессиональной научной деятельности, не ведомыми, а имеющими точный адрес силами это событие отодвинуто на задворки научного анализа. Причины понятны – у многих интеллектуалов упоминание не то что значимости каких-то положительных акций, осуществленных КПСС, но даже самой партийной лексики вызывает аллергию, неприятие, причем не по аналитическим соображениям, а в результате политизированного синдрома. Результат – отход от объективной оценки, нежелание за рядом уже действительно принадлежащих вчерашнему дню формулировок увидеть в этом событии главное, имеющее для социологии наряду с такими событиями, как учреждение Советской социологической ассоциации, интеграция советской социологии в международное научное сообщество, организация социологических институтов (ИКСИ, ИСИ, ИС, ИСПИ), институционализация социологического образования, историческое изменение.

Как же интерпретируется это событие в социологическом сообществе, в каких оценочных параметрах оно трансформируется на всю интеллектуальную среду? Плюрализм мнений: от игнорирования вообще (даже неупоминания) – до субъективистских трактовок отдельных частных. Так, например, если доктор философских

¹ Заседание Политбюро ЦК КПСС состоялось 12 мая 1988 г., а принятое на нем постановление после доработок в связи с высказанным на нем замечаниями М.С. Горбачев подписал 7 июня 1988 г.

наук, один из ветеранов социологического возрождения В.А. Ядов в предисловии к фундаментальному коллективному труду «Советская социология»¹, говоря об институционализации отечественной социологии в системе академических социальных наук, вообще избегает упоминания принятого документа ЦК КПСС, исходя при этом из либеральных позиций, то академик В.И. Жуков, излагая в своем докладе на состоявшемся в июне 2007 года Учредительном съезде по созданию ССР (Союза социологов России) в том числе и исторический сюжет о развитии социологии в Советском Союзе, поступил точно так же, но уже не как либерал, а как специалист по партийному строительству в бывшей Высшей партийной школе при ЦК КПСС. В коллективном труде «Вехи российской социологии» он, анализируя социологическую науку в современной России, не только ничего не говорит о партийном постановлении по вопросам социологии, но вообще уходит даже от упоминания о времени институционализации отечественной социологии и об обстоятельствах, в которых это происходило².

Некоторые авторы характеристику партийного постановления об институционализации советской социологии ограничивают только тем, что в номенклатуре научных специальностей социология была отделена от философии, что Институт социологических исследований АН СССР получил новое название Института социологии АН СССР, что такая смена названия рассматривалась как получение дисциплинарной автономии, хотя ситуация зависела от смены социологического руководства, и что назначение В.А. Ядова директором института «было одной из важных акций по реорганизации советской социологии, предпринятых либерально настроенными интеллигентами в Академии наук и в ЦК КПСС»³.

Событие же, о котором идет речь, было намного масштабнее описаний некоторых авторов, во многих деталях оно было необычным и не вписывающимся в существовавший тогда порядок принятия таких документов. Это четко просматривалось уже на начальном этапе подготовки проекта постановления ЦК. Назовем несколько (основных) моментов.

Первое – пожалуй, впервые в истории КПСС произошел случай, когда подготовка документов для рассмотрения в Политбюро, а затем и доработка их после заседания Политбюро поручалась не профильному отраслевому отделу ЦК, официально курирующему этот конкретный участок партийного руководства (в данном случае это должен был бы быть Отдел науки и учебных заведений), и не Отделу организационно-партийной работы или Отделу пропаганды, считавшимся общепартийными отделами, выступавшими в подобных случаях в качестве объединяющих усилия нескольких партийных структур. В данной ситуации руководством ЦК заглавным в этой работе был определен Экономический отдел ЦК КПСС, а руководителем комиссии по подготовке проекта документа – член Политбюро, секретарь ЦК Н.Н. Слюньков, курировавший в ЦК экономический блок. Докладывал же на заседании Политбюро ЦК заведующий Экономическим отделом ЦК В.П. Можин. И это при том, что на заседание Политбюро ЦК выносился крупнейший и сложнейший вопрос развития социологической науки, являвшийся служебной и профессиональной компетен-

¹ См.: Социология в России / под ред. В.А. Ядова. Изд. 2-е, перераб. и дополн. М., 1998. С. 7–22.

² См.: Жуков В.И. Социология в современной России. В кн.: Вехи российской социологии. СПб.: Алетейя, 2010. С. 18–29.

³ См.: Социология в России / под ред. В.А. Ядова. Издание 2-е, перераб. и дополн. М., 1998. С. 39.

цией Отдела науки и учебных заведений. Чем же объяснить такой поворот событий? Тем, что в названии предполагаемого документа, а затем и в повестке дня заседания Политбюро ЦК содержалось указание на «узловые социальные проблемы советского общества», за которые в соответствии с утвержденным в аппарате ЦК КПСС распределением обязанностей непосредственно ответственным был закреплен Экономический отдел. С определенными оговорками такое допущение было бы логичным. И все же надо считаться с тем, что социология как наука – функциональная прерогатива Отдела науки и учебных заведений.

Можно только предположить, что в условиях 1987–1988 годов противоречия между Н.А. Яковлевым и Е.К. Лигачевым, которые в ЦК официально и неофициально делили между собой курирование всей гуманитарной сферы, достигли такого уровня, что М.С. Горбачев вынужден был определить в качестве руководителя комиссии ЦК по подготовке социологического документа нейтральную фигуру. Ею и стал Н.Н. Слюньков. Впрочем, для этого был и маленький официальный повод – при Экономическом отделе ЦК, который был подопечен ему, существовал Центр обработки информации по вопросам экономической и социальной политики партии.

Второе. В рабочую группу по подготовке постановления ЦК КПСС вошли кроме Н.Н. Слюнькова академик П.Н. Федосеев, академик Т.И. Заславская, академик А.Г. Егоров, директор Института социологических исследований РАН В.Н. Иванов, доктор философских наук Ж.Т. Тощенко, заместитель заведующего Отделом науки ЦК КПСС В.В. Рябов и некоторые другие функционеры. Честь быть лично причастным к столь знаменательному событию в истории отечественной социологии партийным руководством страны Г.В. Осипову оказана не была, что, разумеется, не могло не отразиться на самочувствии амбициозного социологического члена-корреспондента РАН.

Третье. Скажем прямо, особая роль в пробивании документа отводилась академику Т.И. Заславской как президенту Советской социологической ассоциации, которая в это же время стала и народным депутатом СССР. Именно после ее личной встречи с М.С. Горбачевым была наконец прервана полуторагодичная тягомотина в подготовительной работе, когда дело двигалось черепашьими темпами. Свидетельствует академик Т.И. Заславская: «Каким... образом я могла оказаться президентом Советской социологической ассоциации? Это почти невероятно, а вот случилось же, и пять лет я на этом посту отработала. В действительности же дело объяснялось просто: в 1986 году я была единственной среди социологов академиком Большой академии. А это звание давало тогда некий вес и определенные возможности. Социологическая ассоциация избрала меня президентом не за великие профессиональные заслуги, а потому, что тогда очень надо было пробить постановление ЦК КПСС, возвратившее социологии статус нормальной науки...»¹

Состоявшееся 12 мая 1988 года заседание Политбюро ЦК началось с информации заведующего Экономическим отделом ЦК В.П. Можина о работе комиссии ЦК по подготовке проекта документа для рассмотрения на Политбюро ЦК, а также о его (документа) содержании. Выслушав докладчика, М.С. Горбачев сразу же задал вопрос, который был адресован всем участникам заседания: «Готовы ли мы к раз-

¹ Заславская Т.И. «Нам очень хотелось создать настоящую науку». В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 149–150.

вертыванию системы социологической службы в стране? Может быть, ограничиться политическим решением и рассмотрением каких-то узловых вопросов?»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.). За расширенный вариант сразу же высказались приглашенные на заседание министр высшего и среднего образования СССР Г.А. Ягодин и ректор АОН Р.Г. Яновский. Их поддержала академик Т.И. Заславская, попутно пожаловавшаяся на то, что к тому времени в стране было 6 тысяч социологов при потребности 60 тысяч. Сторонниками расширенного варианта стали главный редактор газеты «Правда» В.Г. Афанасьев, а также секретари ЦК В.А. Медведев, А.Ф. Добрынин и Н.Н. Слюньков. Секретарь ЦК Е.К. Лигачев посетовал на то, что «некоторые академики говорят, что реформа требует пересмотра. Здесь заключена большая опасность для перестройки. В ответ на тезисы о нарастании сопротивления перестройке людижимают плечами»². Секретарь ЦК В.И. Долгих был однозначен: «Надо создавать систему социологических служб»³. Компас дискуссии в зале заседания Политбюро ЦК четко указывал: историческому событию для отечественной социологии – официальной ее институционализации в качестве самостоятельной научной дисциплины – быть.

М.С. Горбачев, почувствовав общий настрой в зале заседания, заявил: «В условиях гласности и демократизации немисливо работать без использования всех имеющихся средств. Не должна выпадать и социология. Но она, прежде всего, должна познать сама себя. Раньше она вызывала сомнения и недоверие. Первые опыты были не всегда удачными. Социологические опросы противопоставляли другим источникам информации, но не давали убедительных ответов. Сказывались импровизации, низкая квалификация социологов, порой было трудно и переварить ее результаты. В постановлении надо четко сказать о нашем положительном, конструктивном отношении к социологии, о ее задачах в условиях демократии и гласности. Высказаться и в отношении системы социологических служб, но не обязывать делать это, чтобы не дискредитировать саму идею»⁴ (подчеркнуто нами. – А.К.).

В постановлении ЦК социологическая наука, сохранив за собой традиционное название советской социологии, марксистско-ленинской социологии, приобрела качественно новые теоретические, методологические и методические очертания, закрепившись в качестве «социологии как науки»⁵. Употребление же терминов, которыми в постановлении названа социологическая наука, выглядит так: «марксистско-ленинская социология» – 3 раза (один раз в констатирующей чести и два раза в повелевающей), «социология» (как наука) – 22 раза, «советская социология» – 1 раз. Причем в документе, как явствует из его контекста, на том конкретном этапе разви-

¹ См.: В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991). М., 2006. С. 360.

² См.: В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991). М., 2006. С. 360.

³ См.: В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991). М., 2006. С. 360.

⁴ См.: В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991). М., 2006. С. 360.

⁵ О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества. Постановление Политбюро ЦК КПСС от 7 июня 1988 г. В кн.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 382.

тия отечественной социологии эти термины по содержанию были идентичны, они означали одно и то же. 13 раз употреблен термин «социологические исследования». Принципиально важный элемент документа – впервые за всю историю социологического ренессанса в партийном документе не употребляется термин «исторический материализм», бывший на протяжении длительного времени «яблоком раздора» между некоторыми философами и социологами, что само по себе равносильно если уж и не революционному, то, по крайней мере, очень важному шагу в формировании нового облика отечественной социологии. Вместе с тем в постановлении вообще отсутствуют какие бы то ни было ссылки на какую-то «самостоятельную социологию» или «общую социологию».

В документе обеспечение органического сочетания единства целей и задач советской социологии связывалось «с разнообразием школ, направлений и методов работы»¹, что означало официальное признание плюрализма мнений в развитии социологии. Еще одно новшество – отсутствие в постановлении ЦК не только ставших ритуальными для всех партийных документов по общественным наукам критических пассажей в адрес «буржуазной социологии», но и вообще неупотребление этого термина даже в плане необходимости использования советской социологией, как раньше об этом говорилось, некоторых позитивных сторон зарубежной социологии. В документе терминологическое место «буржуазной социологии» заняла «немарксистская социология» (если в научной литературе этот термин стал употребляться несколько ранее, то в партийном документе это стало первым случаем), а также «критика реакционных социологических концепций»². Во всей совокупности указанные новации означали одно – официальное прощание с историческим материализмом и превращение отечественной социологии из монопарадигмальной в самостоятельную мультипарадигмальную общественную науку – наряду с философией, историей, экономической наукой, филологией и т.д.

Основной смысл постановления Политбюро заключался, прежде всего, в том, чтобы социологию как науку масштабно институционализировать в обществе и государстве, определив для нее достойное место в решении проблем перестройки, в проведении радикальной экономической реформы, в активной социальной политике, всесторонней демократизации общества, обновлении его духовно-нравственной сферы. Такие задачи предъявляли, как говорилось в партийном документе, «качественно новые требования к развитию социологии как науки (подчеркнуто нами. – А.К.), использованию результатов социологических исследований в практике управления общественными процессами». Реализовывать же все это надо было с установления точного диагноза состояния отечественной социологии, а он был неутешительным – «современное положение дел в социологии не отвечает потребностям общества»³.

¹ О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества. Постановление Политбюро ЦК КПСС от 7 июня 1988 г. В кн.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 384.

² О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества. Постановление Политбюро ЦК КПСС от 7 июня 1988 г. В кн.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 385.

³ О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества. Постановление Политбюро ЦК КПСС от 7 июня 1988 г. В кн.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 382.

Болевыми точками, как об этом говорилось в постановлении, являлись такие проблемы: социология еще не заняла должного места в творческом развитии обществоведения, формировании научного мировоззрения трудящихся, осуществлении социальной политики; отставание разработки многих фундаментальных теоретических и методологических вопросов; узкоэмпирический характер многих социологических исследований; упрощенное толкование вопросов общественного развития; отсутствие научно обоснованных рекомендаций и предложений. Постановление ЦК акцентировало внимание и на другой стороне проблемы: практически важные разработки социологов зачастую не встречают понимания и поддержки партийных комитетов, органов управления, общественных организаций, руководителей предприятий. Признавалось, что в стиле и методах организации научной деятельности в социологии имеются «крупные недостатки». ИСИ АН СССР адресуются такие претензии и недостатки: он «не стал на деле ведущим центром социологии в стране, плохо координирует работу социологических учреждений»¹. Отмечается также, что в целом в социологическом сообществе принижена роль научных дискуссий. Журналу «Социологические исследования» указывалось на отсутствие должного внимания освещению передового опыта работы советских социологов и пропаганде лучших достижений социологической мысли.

Самым существенным недостатком в работе Президиума АН СССР названо неприятие действенных мер по обеспечению научно-методического руководства социологическими исследованиями. Отмечалось также, что Советская социологическая ассоциация (ССА) слабо содействует развитию социологических исследований, внедрению их результатов в практику. Недопустимым названо отставание в изучении общественного мнения, практическое отсутствие в стране системы сбора и анализа современной объективной информации о настроениях различных слоев и групп населения, их отношении к важнейшим сторонам общественной жизни.

Сказано и о крайне слабом использовании социологических методов в изучении работы органов власти, эффективности законодательства, а также о неотработанности механизмов учета и использования общественного мнения в процессе подготовки и принятия управленческих решений. В документе указано на недостаточное распространение служб социального развития на предприятиях, в регионах страны и на отсутствие должного внимания к этому делу со стороны министерств и ведомств.

Наличие указанных недостатков в развитии социологии напрямую связывалось с кадровыми проблемами в этой сфере: нехваткой специалистов-социологов; несоответствием запросам практики и потребностям развития науки постановки социологического образования в высшей школе; неудовлетворительной подготовкой и повышением квалификации социологов; отсутствием налаженной системы социологического обучения руководящих кадров; недостатками в наличии социологической литературы, а также в освещении в массовой периодической печати, на телевидении и радио результатов социологических исследований, их применения в общественной практике.

В документе ЦК наряду с констатацией того, что в этих условиях «нельзя мириться с отставанием социологии», содержалась четкая установка программного характе-

¹ О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества. Постановление Политбюро ЦК КПСС от 7 июня 1988 г. В кн.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 382.

ра: «Необходимо принципиально изменить отношение к социологии (подчеркнуто нами. – А.К.) и преодолеть недооценку ее роли в решении важнейших проблем развития общества, добиться радикального улучшения организации всей работы по проведению и использованию социологических исследований»¹. Поднятие социологической науки на качественно новую ступень ее развития предусматривало осуществление системы мер, которые обеспечили бы комплексность и результативность социологических исследований, подготовку кадров социологов, развитие сети социологических институтов и центров, коренное улучшение социологического образования, создание научно обоснованной системы изучения общественного мнения, укрепление информационной базы социологии, организацию служб социального развития на предприятиях и в организациях, улучшение материально-технического и финансового обеспечения научных разработок, увеличение выпуска и повышение качества социологической литературы.

В постановлении выделены такие подлежащие социологической разработке основные проблемы внутренней и международной жизни: разработка научных основ целостной концепции социального развития перестраивающегося общества и путей достижения его качественно нового состояния, научное обеспечение целей и средств реализации социальной политики; социологический анализ экономических, политических, духовно-нравственных процессов перестройки общественных отношений, их противоречий, обоснование сущности и критериев социальной эффективности общественного производства, различных форм социальной активности трудящихся, изучение социально-классовой структуры общества, интересов и потребностей социально-демографических и профессиональных групп и слоев, проблемы социальной интеграции и дифференциации, региональная тематика по этим проблемам; исследование образа жизни, национальных и межнациональных отношений, проблематика социальной справедливости, мотивов и стимулов, социальных ценностей людей, изменения в содержании труда, быта, семейно-брачных отношений, негативных социальных явлений и процессов.

В этом же ряду: социологическое обеспечение законодательства, управленческих решений, разработка методологических и методических основ социального прогнозирования, планирования и проектирования, социальных экспериментов, обеспечение надежной обратной связи между руководящими органами и населением; социологическое обеспечение совершенствования политической системы, всесторонней демократизации общества, реализации принципов самоуправления, гласности, изучения общественного мнения, критики и самокритики; социология личности, социологические аспекты образования и воспитания; проблемы развития и утверждения идеологии обновления, состояния и развития общественного сознания, многообразия духовной жизни, плюрализм мнений; исследование международных аспектов политики и идеологии перестройки. Выделены также и такие проблемы: формирование нового политического мышления, повышение роли общечеловеческих ценностей, путей развития мировой цивилизации в современных условиях, проблем мира и предотвращения угрозы термоядерной войны; творческое освоение современного

¹ О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества. Постановление Политбюро ЦК КПСС от 7 июня 1988 г. В кн.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 383.

мирового опыта развития социологии, практики социологических исследований в различных странах.

В документе была постановлена также задача: центру обработки информации при Экономическом отделе ЦК КПСС, секторам и группам информации партийных комитетов систематически накапливать и анализировать данные по общественному мнению по вопросам партийной и государственной политики. А Госкомстату СССР предписывалось сосредоточить у себя сводную информацию по моральной статистике. В связи с этим Прокуратура СССР, Верховный суд СССР, Министерство внутренних дел СССР и Министерство юстиции обязывались систематически в специально установленном порядке представлять такую отчетность Госкомитету СССР.

Госкомстату СССР также вменялось в обязанность наладить регулярное информирование широкой общественности по вопросам моральной статистики. Госкомстату СССР и Академии наук СССР ставилась задача совершенствовать методологию и методику социально-статистических исследований, форм и способов получения и обработки информации, систему показателей социальной статистики. В связи с этим они (Госкомстат СССР и Академия наук СССР) обязывались сформировать единую межведомственную программу и согласовывать текущие планы проведения всесоюзных социологических исследований. Постановлением ЦК КПСС предписывалось создать Центральную лабораторию социальных и экономических измерений Академии наук СССР и Госкомтруда СССР.

В систему политической и экономической учебы трудящихся вводилось преподавание курсов социологии и социальной психологии, осуществлялись меры по обеспечению дальнейшего развития социологических факультетов университетов марксизма-ленинизма, в тематику которых включалась социологическая составляющая. В АОН при ЦК КПСС, Академии народного хозяйства при Совете Министров СССР, высших партийных школах, а также в учебных заведениях ВЦПС и ЦК ВЛКСМ вводилось обучение аспирантов и слушателей методике и технике социологических исследований и использование их на практике. ЦК ВЛКСМ было продолжено укрепить научно-исследовательский центр Высшей комсомольской школы как центр социологического изучения проблем молодежи; рекомендовано было по мере возможности создать в союзных республиках и крупных региональных центрах социологические лаборатории при местных комсомольских школах.

Весьма внушительными были одобренные постановлением ЦК меры по расширению и укреплению информационной и издательской базы социологии. Существенно расширялось издание научной, методической и популярной литературы по социологии. Решительные шаги были предприняты по подготовке и изданию учебников по социологии и конкретным социологическим дисциплинам для студентов социологических отделений вузов, системы повышения квалификации, политического и экономического образования.

С 6 до 12 номеров в год (с января 1990 года) увеличивалась периодичность журнала «Социологические исследования». ИС АН СССР и ССА получили возможность издавать ежегодник «Социология в СССР» для публикации в нем лучших теоретических научных работ каждого года, а также издавать необходимые методические материалы ротاپринтным способом за счет собственных и привлеченных средств. В основе одобренного в постановлении ЦК разделения труда между издательствами страны лежала идея: с одной стороны, максимально расширить тематику исследо-

вательского поля социологии, а с другой – по возможности избежать неоправданного дублирования. С этой целью предписывалось сосредоточиться: издательству «Мысль» на возобновлении публикаций серии «Социология и жизнь», издательству «Наука» увеличить издание теоретических, методологических и исторических трудов по социологии, Политиздату сосредоточиться на проблематике социальной политики и социологии политической и духовной жизни, идеологии, издательству «Юридическая литература» – на социологии государственного строительства и права, издательству «Экономика» – на социологии труда и экономических отношений, издательству «Профиздат» – на социальных проблемах трудовых коллективов и производственной демократии, издательству «Молодая гвардия» – на молодежных проблемах, издательствам «Педагогика» и «Знание» – на социологии семейных отношений и воспитания детей, издательству «Агропромиздат» – на социологии села.

Госкомстату СССР предписывалось с целью улучшения статистической базы социологии сосредоточиться на решении таких задач: расширение публикации статистических материалов в ежегоднике «Народное хозяйство СССР», в аналогичных ежегодниках союзных республик, издание массовым тиражом сборников по важнейшим вопросам социального развития страны; издание ежемесячного статистического пресс-бюллетеня для СМИ, научно-исследовательских и учебных учреждений, ученых-обществоведов и широкой общественности; улучшение обеспечения социологических центров и других пользователей статистической информации на базе современной компьютерной технологии, организация автоматизированных банков данных с оперативным доступом к ним, предоставление потребителям информации на современных технических носителях, проведение специальных статистических обследований и оказание других информационных услуг на договорной основе; расширение участия в международных статистических сопоставлениях, проводимых ООН и другими международными организациями, более широкое использование этих данных для анализа уровня жизни и социально-экономического развития страны; более активное распространение за рубежом статистической информации о перестройке социальной сферы страны, создание специализированного банка опубликованных данных для широкого использования зарубежными организациями.

В постановлении ЦК определены задачи для соответствующих общесоюзных министерств и ведомств (Госплана СССР, Госкомитета по науке и технике, Госстроя СССР, Госкомтруда СССР, Гостелерадио СССР, Госкомстата СССР, Госкомиздата СССР и др.), а также Советов министров союзных республик – осуществить материально-техническое и финансовое обеспечение намеченных мер по развитию социологии. В частности, решить вопросы о порядке финансирования проведения ежегодных сравнительных обследований на основе всесоюзных выборок постоянных групп населения для динамичного изучения важнейших проблем социального развития, а также оплаты труда интервьюеров; обеспечение необходимым специальным оборудованием, печатно-множительной, копировальной и вычислительной техникой, другими техническими средствами для проведения фундаментальных социологических исследований, а также для организации служб социального развития при объединениях и предприятиях и др.

В соответствии с постановлением ЦК соответствующие государственные органы обязывались обеспечить поэтапное формирование научных учреждений и подразделений социологического профиля (по мере необходимости и при наличии соответ-

ствующих кадров). Выполняя поставленные задачи, Государственный комитет СССР по народному образованию 25 августа 1988 года издал приказ «О формировании системы подготовки социологических кадров в стране», в котором изменил название специальности «прикладная социология» на «социология» и одобрил решение 13 вузов страны об организации в 1988–1989 годах социологических факультетов и отделений по подготовке, переподготовке и повышению квалификации специалистов народного хозяйства, одобрил меры по увеличению приема по специальности «социология» в аспирантуру и докторантуру с 1989 года. В свою очередь, Госплан СССР, обобщив заявки министерств и ведомств СССР и Советов министров союзных республик, определил потребность в специалистах с высшим образованием по специальности «социология» в количестве около 1 тысячи человек в год и представил эти предложения в Госкомобразование СССР. Одновременно с этим Госкомитет по науке и технике 4 ноября 1988 года утвердил новую номенклатуру специальностей научных работников, в соответствии с которой вместо специальности «прикладная социология» выделялась новая отрасль – социологические науки с соответствующими группами специальностей. Решено было ученую степень по данной отрасли присуждать также по отдельным специальностям экономических, политических и психологических наук.

В постановлении ЦК обращалось внимание Госкомитета по народному образованию СССР на необходимость усиления социологической подготовки преподавателей общественных наук, студентов и учащихся через системы как обязательных, так и факультативных спецкурсов по актуальным проблемам социологии. Соответствующим организациям и ведомствам (как общесоюзным, так и республиканским) предписывалось расширить переподготовку кадров на специальных факультетах социологии при ведущих вузах, а также организовать обучение по проблемам социологии, социальной психологии, управления социальными процессами руководящих работников и специалистов в отраслевых и межотраслевых институтах повышения квалификации.

Выделены проблемы социологического обеспечения изучения общественного мнения – теоретические, методологические и методические аспекты этой проблемы, определение наиболее актуальной тематики по вопросам внутренней и внешней политики страны, подготовка аналитических материалов и практических рекомендаций по учету и использованию общественного мнения при разработке, принятии и реализации управленческих решений и законодательных актов, систематическое информирование широкой общественности о результатах социологических опросов через СМИ, участие в сравнительных международных исследованиях.

В соответствии с постановлением ЦК Президиум ВЦСПС и коллегия Госкомтруда СССР своим постановлением от 12 декабря 1988 года образовали Всесоюзный центр изучения общественного мнения по социально-экономическим вопросам. Задача центра – исследования общественного мнения населения страны и его профессиональных, демографических, национальных и других групп по важнейшим социально-экономическим проблемам; его структура и организационное оформление – по территориально-административному принципу, предполагающему сочетание централизма (наличие центрального аппарата) и горизонтальных структур в виде 25 периферийных опорных пунктов (отделений), создаваемых во всех союзных республиках и ряде крупных регионов страны и являющихся структурными подразделениями центра.

Коллективным органом управления стал совет центра, в который вошли представители ВЦСПС, Госкомтруда СССР, АН СССР, Госкомстата СССР и других учреждений. Совместным постановлением ВЦСПС и Госкомтруда СССР от 7 января 1989 года директором Всесоюзного центра была утверждена академик Т.И. Заславская, которая стала выполнять новую работу, продолжая руководить Советской социологической ассоциацией (вплоть до проведения в 1991 году первого съезда социологов СССР).

Кстати, вряд ли корректно проводить строгую демаркационную линию между следовавшей в фарватере исторического материализма монопарадигмальной социологией в период до начала 90-х годов и мультипарадигмальной наукой без истмата, какой она стала в самом конце перестройки. Для того чтобы социология перешла в новое качество, недостаточно было политической воли в виде принятия партийного постановления, как это произошло в 1988 году. Принятие такого документа стало возможным не в последнюю очередь, наряду с другими факторами, потому, что к этому времени сама социологическая наука, не будучи официально институционализированной, накопила такой теоретический и методологический потенциал, приобрела такой опыт, в том числе и отрицательный, которые и позволили ей благодаря политической воле партийного руководства страны, действовавшего в крайне сложной общественно-политической обстановке, приобрести статус самостоятельной науки.

И все это произошло в рамках не какой-то виртуальной в доперестроечное время общей социологии, а советской социологии, которой судьбой было предписано в соответствии с диалектическим законом отрицания отрицания, с одной стороны, пережить отказ от истмата, а с другой – обрести независимость, опираясь на все положительное (в теории и методологии) в марксистской доктрине. Разумеется, при непременном использовании традиций отечественной социологии, в том числе до-революционной, а также зарубежного опыта. При этом необходимо учитывать, что монопарадигмальная социология в доперестроечное время обладала своеобразным внутридисциплинарным плюрализмом, то есть наличием многих концептуальных подходов, которые в одном случае выдержали испытание временем и в конечном итоге выступили в качестве стимула в становлении самостоятельной социологии, в другом же случае показывали свою непродуктивность, но опять-таки играли свою роль в познавательном процессе (для науки важны и отрицательные результаты).

Вот как представляет, например, Ж.Т. Тощенко многообразие оттенков толкования самостоятельного содержания социологической науки исходя из негласного, недекларируемого отказа следовать историческому материализму: а) скрытый компромисс, когда при неупоминании исторического материализма выделяется не только та часть социологической науки, которая имеет отличительные черты в виде теоретических и эмпирических исследований, и на основе опоры на эту специфику выводится понятие социологии; б) использование расширительной трактовки марксистской социологии как системы наук, при которой (трактовке) затруднительно отделить социологию от других общественных наук, а также определить ее специфику, остающуюся при этом амбициозной и определенной, но не расплывчатой и неопределенной, и на этом фоне придать социологии функции методологии всех общественных наук (В.П. Рожин, А.А. Зворыкин); в) рассмотрение социологии вне рамок философского знания (Г.М. Андреева), невозможность отождествления социальной

философии, исторического материализма и социологии; г) соотнесение социологии с теорией научного коммунизма и даже подчинение первой второй (А.М. Ковалев, И.М. Слепенков); д) представление социологии как прикладной науки и проведение на этой основе различий между социологией и историческим материализмом (И.С. Нарский, Ю.А. Левада)¹.

Институционализация социологии как науки в постановлении Политбюро ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества» и последовавшие за этим такие меры, как включение Высшей аттестационной комиссии социологии в номенклатуру специальностей научных работников (1988), а затем отмена обязательного изучения в вузах истории КПСС, исторического и диалектического материализма, политической экономии социализма и научного коммунизма, – все это происходило на фоне крупных политических процессов в советском обществе. К ним, в первую очередь, следует отнести: набравшую широкий размах деидеологизацию всех сторон общественной жизни, что, в конечном итоге, завершилось не только разгромом коммунистической идеологии, но и обретением (в соответствии с новой Конституцией РФ) статуса общества вообще без идеологии; переход от единомыслия к политическому плюрализму, переросшему в «плюрализм без берегов»; отмену ведущей роли КПСС в развитии общества (1989); принятие поправок к Конституции СССР о многопартийности (1990) и др.

В конечном итоге произошла не только институционализация отечественной социологии, но и завершение ее советского периода и трансформация ее в постсоветскую фазу развития – без исторического материализма, без классового подхода и без принципа партийности. Утверждение же плюрализма социологических теорий в постсоветской социологии после снятия с пьедестала исторического материализма как «единственно научной» опоры включало в себя и модели с оглядкой на прошлое (например, на начальном этапе обращение к концепции структурного функционализма), и новые прозападные подходы, адаптированные к российскому обществу, и неоднозначно воспринимаемые концепции «консервативной социологии», неким образом связанной с православием, и более адекватные современным реалиям инвайронментальные концепции, теории повышенных рисков, активистские подходы с ориентацией на деятельных субъектов, глобализационные проекты и др.

На этом фоне стал произрастать плюрализм мнений и по ключевым моментам истории советской социологии, в том числе и прежде всего – ее ренессанса. Коснулось это и одного из ключевых моментов – самого факта официальной институционализации отечественной социологии как науки. К сожалению, в этом деле не обошлось без того, чтобы этот «плюрализм» демонстрировал не торжество правдивой интерпретации событий, а выразался в различных формах фальсификации.

Г.В. Осипов, например, в беседе с академиком Л.Н. Митрохиным утверждает, что до принятия партийного документа по вопросам социологии «М.С. Горбачев собственноручно исправляет название постановления Политбюро. Первоначальное “О повышении роли социологии в решении социальных проблем советского общества” теперь выглядит так: “О повышении роли марксистско-ленинской социоло-

¹ См.: Тощенко Ж.Т. Эволюция теоретической социологии в России (1950–2000-е годы). Статья 1 // Социологические исследования. 2009, № 6. С. 18–19.

гии в решении узловых проблем советского общества»¹. Причем, по утверждению Г.В. Осипова, «правка, внесенная М.С. Горбачевым в постановление Политбюро об институционализации социологии, вовсе не случайна: теперь оно ориентирует на повышение роли “марксистско-ленинской социологии” в “коммунистическом строительстве”»². Более того, в трудной ситуации дезинтеграции страны, «озабоченный стремлением повысить свою популярность и столкнувшись с жестким выбором – форсированный переход к коммунизму или переход к товарно-денежным отношениям, – он под влиянием Т.И. Заславской и других принимает решение в пользу первого, как бы повторяя хрущевскую программу построения коммунизма для живущего поколения»³ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Не отклоняясь в сторону от основной линии повествования, остановимся на одной, с нашей точки зрения, весьма показательной детали. Дело в том, что слов о влиянии Т.И. Заславской в период перестройки на М.С. Горбачева в первоисточнике, которым является упомянутая беседа Н. Митрохина с Г.В. Осиповым как составная часть авторской монографии Льва Николаевича «Мои философские собеседники», – нет. Там говорится не «под влиянием Т.И. Заславской» а «под влиянием некоторых экономистов».

Помещая же эту беседу в изданной в 2008 году своей монографии «Социология и власть (как это было на самом деле)», Г.В. Осипов не только не сделал сноску, что это перепечатано из впервые опубликованной в 2005 году монографии Л.Н. Митрохина (имеющей, кстати, как и положено, копирайт со всеми вытекающими последствиями с точки зрения авторского права), но больше того – в ряде случаев внес свои содержательные изменения в нужном для себя варианте. Вот так Т.И. Заславская, отсутствующая в первоисточнике беседы Л.Н. Митрохина с Г.В. Осиповым, в труде последнего предстала не только как противник рыночных (товарно-денежных) отношений в годы перестройки, но и как ученый, активно влияющий в этом отношении на политическое руководство страны. Конечно, Лев Николаевич, обнаружив такие изменения в его беседе, не мог бы каким-то образом не отреагировать на это. Не мог бы, если бы тремя годами ранее, до публикации книги Г.В. Осипова, он не умер. И сегодня в информационном пространстве научного сообщества представлено две версии упомянутой беседы (случай с Татьяной Ивановной – не единственный) – версия А.Н. Митрохина в его монографии (первоисточник) и версия Г.В. Осипова (с собственноручно вписанными в первоисточник изменениями). Цель в данном случае – не только в таком свете представить перестроечные позиции генсека и одной из крупных академических фигур, но и дать понять постсоветскому общественному мнению – какие, мол, люди решали и судьбу возрождающейся социологии.

В интервью же еженедельнику «Коммерсантъ Власть» содержится безапелляционное утверждение о том, что принятое в 1988 году партийное постановление называлось «О развитии социологической науки», а не «О повышении роли социологии в решении социальных проблем советского общества» (это вопиющий факт фальсификации названий документальных источников), и повторено, что «правил его сам Горбачев» и в результате было изменено название. Здесь же содержится растиражи-

¹ См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 551–552.

² См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 555.

³ См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 457.

рованное в других его публикациях заявление: «Горбачев вписал также, что социология должна решать проблемы быстрого перехода к коммунизму»¹.

Такие пассажи, рожденные в постсоветское время, могут вызвать только удивление и недоумение из-за своей целенаправленной фальсификации. Ведь заявление еженедельнику «Коммерсантъ Власть» о том, что постановление «О развитии социологической науки» «было принято»², недоказуемо, поскольку документ с таким названием не принимался. А чем можно объяснить, что у Осипова название этого документа в упомянутом выше интервью еженедельнику «Коммерсантъ Власть» сформулировано совершенно по-иному, чем в беседе с академиком Л.Н. Митрохиным: «О повышении роли социологии в решении социологических проблем советского общества»³. Вот и возникает вопрос: какой же документ «правил... сам Горбачев»?

Что же касается подтекста фразы о личной правке генсеком документа по социологии, то иначе чем дурацкой ее (фразой) не назовешь. Дурацкой не только потому, что обычному факту работы генсека над документами придается негативно-обвинительный оттенок, но и потому, что по существовавшей практике работы Политбюро ЦК КПСС никто из членов Политбюро, включая и генсека, никогда самолично не менял проекты документов, а каждый раз, после самостоятельного (совместно со своими помощниками и референтами) изучения документа, высказывал свои замечания и предложения на заседании Политбюро, после чего группе товарищей поручалось с учетом обмена мнениями доработать проект и представить генсеку для подписания уже в качестве официального документа. Все ясно, как говорится, как божий день; и зачем наводить тень на плетень?

Далее, в указанном документе не содержатся не только взятые Г.В. Осиповым в кавычки фразы о том, что «социология должна решать проблемы быстрого перехода к коммунизму» и что генсек ориентировал на повышение роли марксистско-ленинской социологии в «коммунистическом строительстве», но и вообще отсутствуют такие термины и словосочетания, как «коммунизм», «коммунистическое строительство», «переход к коммунизму» и им подобные. Для внимательного и объективного исследователя не составляет никакого труда убедиться в том, что подобная лексика в официальных выступлениях генсека и партийных документах сошла на нет раньше описываемых событий – после его доклада на торжественном заседании по случаю 70-летней годовщины Октября, что, кстати, обстоятельно комментировалось, в том числе и зарубежными политиками и аналитиками. И говорить об ориентации М.С. Горбачева на «форсированный переход к коммунизму» в условиях 1988 года, когда «барометр перестройки» уже неотвратимо указывал на опасность «катастрофы» (А.А. Зиновьев) – все это вне реальности, за пределами правды.

Что же касается ориентации Т.И. Заславской на «коммунистическую перспективу» и ее влияния в этом ключе на перестроечное политическое руководство страны, то забывчивым людям нам остается напомнить о двух ее высказываниях, относящихся к перестроечному времени. Первое относится к 1988 году и изложено в книге-ма-

¹ См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 544–545.

² См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 544.

³ См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 455.

нифесте «Иного не дано»: «Предстоящее преобразование общественных отношений трудно назвать иначе как относительно бескровной и мирной (хотя в Сумгаите кровь пролилась) социальной революцией. Речь, следовательно, идет о разработке стратегии управления не обычным, пусть сложным, эволюционным процессом, а революцией (подчеркнуто автором. – А.К.), в корне меняющей остальные общественно-политические структуры, ведущие к резкому перераспределению власти, прав, обязанностей и свобод между классами, слоями и группами... Спрашивается, возможно ли революционное преобразование общества без существенного обострения в нем социальной борьбы? Конечно, нет...»¹ И для полноты картины – высказывание Т.И. Заславской из ее программного доклада, представленного ею в АН СССР в марте 1990 года: «Единственно разумной политикой является последовательный демонтаж тоталитарной государственно-монополитической системы в целях ее замены более эффективной системой “социального капитализма”»² (подчеркнуто нами. – А.К.). И где же «коммунистические перспективы»?

Относительно же утверждений о том, что генсек якобы собственноручно внес в название документа по институционализации социологии термин «марксистско-ленинская социология», – сам по себе этот факт не нуждался бы в особых комментариях (на этапах подготовки документа какие только не вносились поправки и новые формулировки – без этого творческий процесс подготовки постановления вообще немислим), если бы при этом не было одного «но». И это «но» заключается в том, что при помощи такого хода Г.В. Осипов пытается навязать читателю точку зрения о том, что побудительной причиной такого шага М.С. Горбачева было его якобы стремление придать постановлению ЦК коммунистическую направленность.

Как же можно подтвердить или опровергнуть достоверность этого факта? Ведь Г.В. Осипов не входил в состав комиссии ЦК по подготовке проекта документа, он ни в какой форме и ни на каком этапе подготовки проекта постановления не привлекался к работе над ним. Откуда же знание о таких совершенно конкретных деталях, как «собственноручное» внесение генсеком указанной поправки?

Свидетельствует В.Н. Иванов, который, как директор Института социологических исследований, был членом комиссии ЦК КПСС по подготовке проекта постановления о социологии (из беседы от 21 января 2013 года):

– Я был на всех без исключения заседаниях Комиссии ЦК и могу подтвердить, что первоначально сформулированное название документа «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества» в ходе работы над ним (документом) ни на заседаниях комиссии, ни в ходе всей подготовительной работы никаким изменениям не подвергалось. Что касается М.С. Горбачева, то на этапе подготовки проекта постановления он ни в какой форме не включался в эту работу, а занялся ею только после подготовленного проекта, всем же руководил и все координировал член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК Н.Н. Слюньков. Спорили о многом, но название документа ни у кого сомнения не вызывало.

¹ Заславская Т.И. О стратегии социального управления перестройкой // Иного не дано. М.: Прогресс, 1988. С. 40–41.

² См. более подробно: Заславская Т.И. Социализм, перестройка и общественное мнение // Социологические исследования. 1991, № 8. С. 3–21.

Возникает вопрос: что же стоит за вышеназванными утверждениями Г.В. Осипова? Незнание автором этих конкретных событий? Дефицит достоверной информации? Или еще что-то? Если попытаться докопаться до истины при помощи метода исключения нереальных вариантов, хочешь того или нет, но вывод напрашивается сам по себе: за всем этим стоит стремление принизить, а в ряде случаев и сфальсифицировать документ, с которым связан исторический факт институционализации социологии как науки. Почему? Да потому что человек, претендующий на особую, личную роль в институционализации социологии, оказался непричастен к этому ключевому и знаковому событию. Смириться ему с этим – ох как трудно! Возобладали амбиции.

И для того, чтобы обозначить и свое личное место в институционализации социологии, Г.В. Осипов предложил читателю составленный в постсоветское время довольно замысловатый сценарий. По поручению М.С. Горбачева «управляющим делами ЦК КПСС В.И. Болдиным» в беседе с Г.В. Осиповым якобы предлагается ему «возглавить Отдел социологических исследований, который предполагается создать в системе ЦК КПСС», от чего собеседник демонстративно отказывается из-за того, что «...перестроечные акции М.С. Горбачева... вызывали у меня (то есть Г.В. Осипова. – А.К.) сильный внутренний протест». После этого «отношение М.С. Горбачева ко мне (Г.В. Осипову. – А.К.) заметно портится»¹.

Зафиксировав свою оппозиционность генсеку и ничего не сказав о дальнейшей судьбе якобы предполагаемого социологического отдела в структуре ЦК КПСС, Г.В. Осипов сразу же сообщает, что до разговора с В.И. Болдиным он направил М.С. Горбачеву записку, в которой «детально обосновывалась идея о том, что развитие социологии в стране имеет не меньшее значение, чем становление атомной энергетики» и что «это развитие может состояться лишь в том случае, если социология будет признана в качестве самостоятельной науки»².

И вдруг как по мановению волшебной палочки «Политбюро ЦК КПСС оперативно принимает решение переименовать наш институт из Института социологических исследований в Институт социологии, а журнал “Социологические исследования” в “Социологию”». Здесь же повторяется тезис о том, что М.С. Горбачев собственноручно исправляет название постановления Политбюро с первоначального «О повышении роли социологии в решении проблем советского общества» на «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества»³. Так перед читателями и вырисовывалась фигура «настоящего инициатора» принятия оперативного партийного постановления, институционализировавшего социологию в качестве самостоятельной научной дисциплины.

От комментария этого забавного сценария мы воздержимся ввиду отсутствия документальных доказательств по крайней мере таких трех акций: а) обсуждение в руководстве ЦК КПСС вопроса о создании в аппарате ЦК КПСС Отдела социологических исследований в тот момент, когда специально созданная комиссия Политбюро уже больше года занималась подготовкой документа по проблемам социологии для официального рассмотрения на самом высшем уровне и в этом документе

¹ См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 551.

² См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 551.

³ См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 551–552.

предусматривалось не создание социологического отдела в партийном аппарате, а преобразование академического ИСИ в Институт социологии; б) якобы направление Г.В. Осиповым генсеку докладной записки, послужившей толчком для принятия постановления Политбюро ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества»; в) отсутствие документов, которые свидетельствовали бы о путях реализации предложений Осипова – кому поручалось генсеком изучить по существу внесенные предложения, подготовить проект постановления и т.д.

В таком случае нет предмета для спора. Поэтому мы ограничимся справкой по таким моментам, которые, по нашему мнению, помогут проявить суть вопроса. Прежде всего о том, что за всю историю существования аппарата ЦК КПСС в должности управляющего делами человека, как пишет Г.В. Осипов, по фамилии В.И. Болдин никогда не было, с начала и до конца правления М.С. Горбачева этот пост занимал Н.Е. Кручина. К тому же в соответствии с функциональными обязанностями управляющий делами ЦК КПСС занимался исключительно и только хозяйственными вопросами (состояние служебных помещений, жилье, санаторные путевки для партаппарата; работа закрытых спецраспределителей – продукты питания плюс дефицитные товары и т.д.) и, как говорится, по долгу службы не имел никакого отношения и никаких служебных полномочий по созданию таких структур, как отделы ЦК. Поэтому поручение М.С. Горбачева управляющему делами заняться подбором руководителя нового отдела ЦК КПСС (да еще и при условии, что этого отдела в природе не существовало) – это все равно, что в условиях академического института его директор поручил бы завхозу подбирать кадры руководителей отделов, центров, кафедр.

Документально не представляется возможным подтвердить такую коллизию, хронологически обозначенную ее автором: М.С. Горбачев поручает управляющему делами встретиться с Г.В. Осиповым «вскоре после прихода к власти», то есть предположительно наиболее вероятное время 1985 – начало 1986 года; Осипов же еще до этого разговора с управляющим делами направил генсеку упомянутую выше записку, то есть тоже 1985 – начало 1986 года; и, наконец, рождение под влиянием этой записки постановления «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества», которое было принято, по Осипову, оперативно вслед за его инициативой, следовательно, ближе к 1985 – началу 1986 года, а в действительности, как хорошо известно социологическому сообществу, оно произошло аж 7 июля 1988 года, то есть более чем через два года после его оперативного рассмотрения. В этой цепочке событий, если бы, конечно, они имели место, наиболее неопределенно воспринимается вопрос о времени направления Г.В. Осиповым записки М.С. Горбачеву: с одной стороны, это произошло до его разговора с В.И. Болдиным, который состоялся «вскоре после прихода к власти М.С. Горбачева», а с другой стороны – принятие Политбюро ЦК КПСС оперативного решения по вопросам социологии через два года после того, когда этот вопрос якобы инициировал Г.В. Осипов. Поверить в это трудно.

Дело в том, что в числе опубликованных Г.В. Осиповым докладных записок на имя генсека в период перестройки есть докладная записка от 14 мая 1985 года, в которой наряду с информацией о состоянии социологической науки содержится признание в общей форме того, что еще «не определены роль и статус социологии в обществе» и что вопросы решительного изменения отношения к социологии «могут быть реше-

ны только на самом высоком партийном и государственном уровне»¹. Предложения же о создании социологических структур в партийном аппарате или в системе Академии наук отсутствовали, равно как и был обойден вопрос о придании социологии статуса самостоятельной научной дисциплины, что говорило бы об активной позиции автора в решении действительно неотложных задач социологической науки.

Отсутствие таких предложений, да еще и не подкрепленная конкретикой апелляция, что вопросы социологии «могут быть решены только на самом высоком партийном и государственном уровне», превращали такую инициативу в популистское стремление отметиться перед начальством после прихода к власти нового генсека. В нашем случае майская докладная записка заведующего отделом ИСИ АН СССР 1985 года, кроме всего прочего, не имела никакого – ни прямого, ни косвенного – отношения к ситуациям, связанным с подготовкой и принятием партийного постановления по социологии в 1988 году. Других документов, подтверждающих направление Г.В. Осиповым записки генсеку с предложениями придать социологии статус самостоятельной науки, ни в его публикациях, ни в архивах не обнаружено.

Что же касается внутреннего протеста Г.В. Осипова против перестроечных акций М.С. Горбачева, якобы послуживших причиной отказа заведующего отделом ИСИ от предложения возглавить предполагаемый Отдел социологических исследований в структуре ЦК КПСС, то из множества аналогичных его высказываний приведем одно: «Перестройка, если относиться к ней серьезно, начинается с ломки старых стереотипов и социальных установок. В этом ее коренное отличие от всех предшествующих перестроек, которые поглотили большие материальные средства, а экономический и социальный эффект которых был ничтожен»². Налицо лицемерие оценок, когда одно и то же явление в разных общественно-политических условиях (советская перестройка и постсоветский период) имеет противоположную интерпретацию.

К серьезным искажениям содержания партийного постановления по социологии относятся и такие два момента. Первый – утверждение о том, что Политбюро ЦК КПСС принимало решение переименовать институт (что означало бы осуществление сугубо организационно-технической акции), в то время как была поставлена задача принципиального содержательного характера – преобразовать (именно этот термин употреблен в партийном постановлении) институт, «поручив ему разработку фундаментальных теоретических, методологических и методических проблем социологии, координацию социологических исследований в стране, осуществление главным образом международных, всесоюзных и межрегиональных исследований»³.

Второй момент – журнал «Социологические исследования» не переименовывался в журнал «Социология», а увеличивалась его периодичность с 6 до 12 номеров в год, в то же время разрешалось Институту социологии АН СССР и Советской социологической ассоциации издание ежегодника «Социология в СССР» для публикации в нем лучших социологических работ каждого года.

Такова интерпретация Г.В. Осиповым его личного участия в заключительном этапе институционализации отечественной социологии, осуществленной партийным

¹ См.: Осипов Г.В. Социология и политика. М.: Вече, 2009. С. 81, 83.

² См.: Осипов Г.В. Социология и политика. М.: Вече, 2009. С. 110.

³ О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества. Постановление Политбюро ЦК КПСС от 7 июня 1988 г. В кн.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 385.

постановлением в 1988 году. Создав свою реальность, он оставил за пределами внимания такие ключевые проблемы: как зарождалась и реализовывалась идея принятия постановления Политбюро ЦК КПСС, в соответствии с которым социология приобрела качественно новый статус; почему продолжительное время происходила пробуксовка в работе созданной комиссии Политбюро ЦК для решения поставленной задачи и почему ситуация резко изменилась только после того, как народный депутат, председатель Советской социологической ассоциации академик Т.И. Заславская добилась личной аудиенции к генсеку для обсуждения возникших социологических коллизий; как разрешались возникшие проблемы по линии Президиум Академии наук – ЦК КПСС; наконец, какой вклад в подготовку документа для Политбюро внес ИСИ, директор которого В.Н. Иванов входил в состав комиссии Политбюро и, судя по документам, занимал там активную позицию. Честный и объективный ответ на эти вопросы послужил бы существенным дополнением к описанию того, «как это было на самом деле» применительно к этому стратегическому решению.

Далее. В постсоветское время Г.В. Осипов вдруг обнаружил, по его мнению, «очередной парадокс»: «...институционализация разработанной российскими социологами в силу определенных обстоятельств марксистско-ленинской социологии произошла в тот момент, когда большинство социологов перешло на позиции общей социологии, вернее, социологии как науки, основополагающие принципы которой лишены субъективных пристрастий и ориентаций»¹. Не менее сомнительным является и тезис о том, что «в это время (время принятия постановления Политбюро ЦК. – А.К.) для признания социологии как важнейшей научной дисциплины не нужны были никакие партийные решения»² (подчеркнуто нами. – А.К.).

Такие утверждения действительно построены на парадоксах, но не привнесенных извне, как утверждает их автор, а на его ложных парадоксальных посылах. Скажем, чего стоит заявление о том, что к указанному времени большинство социологов перешло на позиции общей социологии? Ведь утверждение о существовании в то время общей социологии как науки – недоказуемо, ввиду отсутствия как соответствующих научных разработок (монографий, статей и т.д.), так и официальных документов (например, Президиума АН СССР, общего собрания АН СССР и др.), в которых бы хотя бы в какой-то форме говорилось о рождении в лоне отечественной науки такой новой научной дисциплины, как общая социология, заменившей советскую социологию.

Настоящим же парадоксом можно назвать и то, что при отсутствии институционализированной общей социологии на ее позиции уже перешло «большинство социологов» (?!). И это при том, что на той же странице самим автором сделана сноска: «...первая попытка систематического изложения общей социологии на основе использования первичной социальной информации предпринята в труде “Социология” (М., 1990)»³. То есть получается, что исследователи узнали о первой попытке систематического изложения общей социологии тогда, когда большинство социологов уже перешло на ее позиции?!

¹ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 39.

² Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 39.

³ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 39.

Когда в постсоветское время Г.В. Осипов пишет, что в 1988 году, то есть ко времени принятия партийного постановления, большинство социологов, к которым он относит и себя, с позиций марксистско-ленинской социологии перешло на позиции общей социологии, то настоящей иронией судьбы выглядит событие, происшедшее в том же 1988 году: тогда увидело свет учебное пособие под названием «Марксистско-ленинская социология», где одним из ответственных редакторов является сам он – Г.В. Осипов. В этом издании, в частности, заявлено, что «в основе здания социологической науки» лежат «философские принципы, разработанные К. Марксом, Ф. Энгельсом и В.И. Лениным», что «создание научной социологии – историческая заслуга К. Маркса и Ф. Энгельса», которые «дали материалистическое объяснение истории общества, открыли законы его развития»¹. Ленинские слова о том, что «сама по себе идея материализма в социологии была гениальная идея»², сопровождаются опять-таки ленинской цитатой о том, что эта идея, возникнув как гипотеза, «впервые возвела социологию на ступень науки»³. И здесь же провозглашение основного принципа марксистско-ленинской социологии – принципа партийности, посредством которого она неразрывно связана с философией марксизма-ленинизма – диалектического материализма. А слова «проводимые в нашей стране социологические исследования составляют информационную базу развития общей социологической теории марксизма»⁴ (подчеркнуто нами. – А.К.) – еще одно подтверждение, что их автор и в указанное время исповедовал концепцию не какой-то «общей социологии», а «общей социологической теории марксизма». После этого в рассуждениях о «самостоятельной социологии», якобы утвердившейся еще до 1988 года вместо марксистско-ленинской социологии, можно ставить точку.

Что же касается суждений о том, что социология не нуждалась в принятии указанного выше партийного решения, так как она, мол, располагала своими внутренними ресурсами для собственной трансформации, то их можно отнести к гаданиям на кофейной гуще. Надо говорить о свершившихся, а не предполагаемых событиях.

Во-первых, потому, что указанное событие как необратимый факт может оцениваться не в рамках абстрактной гипотетики, а через призму его (события) оправданности и полезности, что ни у кого не вызывает сомнения, а во-вторых, если действительно социологическое сообщество располагало достаточными ресурсами, чтобы собственными силами осуществить институционализацию своей научной дисциплины, то почему же это не было сделано до того? Президиумом Академии наук? Советской социологической ассоциацией? Где инициативные документы по данному вопросу названных структур социологического сообщества? Почему же пришлось в очередной раз ожидать манны небесной?

Существует точка зрения, согласно которой роль постановления Политбюро ЦК КПСС от 7 июня 1988 года в процессе институционализации отечественной социологии «относится прежде всего к тем аспектам, которые затрагивают решение организационных вопросов. Что же касается содержательных аспектов постановления, то есть методологических оснований социологии как марксистско-ленинской обще-

¹ См.: Марксистско-ленинская социология / отв. ред. Г.В. Осипов, В.Н. Иванов. М.: Наука, 1988. С. 3.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 136.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 137.

⁴ Осипов Г.В. Социология. Изд. 2-е. М.: изд-во ЛКИ, 2008. С. 5.

ственной науки, указания на проблемы, подлежащие социологическому изучению и разработке, и т.п., то после роспуска КПСС в начале 90-х годов они утратили свое значение». Сделанный же на этом основании вывод «процесс институционализации социологии при всех его позитивных моментах остался незавершенным»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.) вызывает по крайней мере три вопроса. Первый – этот процесс оказался незавершенным по вине социологии, или он был прерван деструктивными политическими силами? Второй вопрос – незавершенность касается советской социологии? Но это не так, все как раз наоборот – принятие постановления ЦК КПСС поставило окончательную точку в институционализации советской социологии как самостоятельной научной дисциплины, и в этой части сформулированная в партийном документе задача была решена в полном объеме. Вопрос третий – что же последовало за незавершенностью институционализации социологии – гибель марксистско-ленинской социологии и торжество какой-то новой «общей социологии» или трансформация советской социологии в новое состояние под воздействием как общественно-политических факторов, так и эволюционных процессов в развитии самой социологической науки?

Именно трансформация, базирующаяся на: а) отечественной социологической традиции; б) накопленном опыте (позитивном и негативном) в «социологическом строительстве» в период ренессанса; в) творческом использовании позитивного опыта зарубежной социологии; г) коренных социально-политических изменениях в стране. Сводить же содержательные аспекты постановления ЦК только к его «политико-идеологической направленности», со временем утратившей «свой директивный характер», – значит игнорировать такие ключевые содержательные элементы, сохранившие, как бы это ни было удивительно, свою значимость и для современной, постсоветской социологии, – отсутствие, как уже отмечалось, ссылок на истмат, переориентацию с критики «буржуазной социологии» на освоение опыта «основных направлений немарксистской социологии» и «критики реакционных социологических концепций» и др.

Значение постановления ЦК для истории отечественной социологии заключается в том, что, во-первых, рассмотрение вопроса об институционализации социологии как науки было поднято на самую большую политическую и общегосударственную высоту, что само по себе стало беспрецедентным фактом как для всей советской науки (за всю историю советского государства ни одной из общественных дисциплин отдельно не уделялось такого внимания), так и с точки зрения мирового опыта взаимоотношений власти с наукой в целом и с социологией особенно. Институционализация социологии на национальном уровне в западных странах проходила исключительно и только в рамках структур научного сообщества, прежде всего университетов; и история не знает фактов, когда, например, правительство или США, или Великобритании, или Франции, или любого другого государства приняло бы аналогичный документ, обязав его выполнять государственные структуры.

Во-вторых, для того, чтобы понять весь масштаб самого факта институционализации в СССР социологии как науки, нельзя не учитывать того, что это произошло в условиях крушения всей общественно-политической системы, многонациональ-

¹ Москвичев Л.Н. Этапы институционализации отечественной социологии. В кн.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 494.

ной государственности Советского Союза, коренного изменения геополитического положения страны, наконец, тотального крушения интеллектуальных, духовных и нравственных ценностей общества, что, разумеется, не могло не отразиться на жизнедеятельности научного сообщества. И то, что это случилось не при спокойном эволюционном развитии социологического сообщества, а при тотальной ломке всего общественного организма, – само по себе факт уникальный. В определенной мере это является своеобразным символом – торжество созидания на материке социологии при крушении всех основ предыдущей общественной жизни.

В-третьих, партийное постановление сочетает в себе органическое единство обновленческих содержательных аспектов социологии с функциональными переменами ее организационной структуры, с формированием нового ее имиджа во всем обществе.

В-четвертых, документ адресовался не только научному сообществу, а всем соответствующим структурам партийной и государственной власти, что, соответственно, и предопределило его (документа) судьбу как общегосударственной акции.

В-пятых, наконец, благодаря этому постановлению в системе АН СССР появилось новое научное учреждение – Институт социологии. По этому поводу Г.В. Осипов, сознательно принижая значимость документа, игнорируя многие его принципиальные содержательные аспекты, пишет, что в данном случае «речь... шла о смене вывески, и только»¹. Более того, назван и «виновник» такого действия: «В очередной раз по инициативе Т.И. Заславской состоялось переименование нашего научного подразделения в Институт социологии АН СССР»². И это при том, что новое название институт получил в решении Политбюро ЦК! Да и зачем упрекать Т.И. Заславскую за ее инициативность: ведь наконец сбылась мечта социологов – появился Институт социологии. Новые же масштабные задачи, содержащиеся в партийном постановлении, определяли то, что институт становился новым не только по названию, но, прежде всего, по новизне поставленных перед ним задач. И в этом суть вопроса. Таким образом, не только для ИСИ, но и для всего социологического сообщества знаменательным стало преобразование (а не переименование) ИСИ СССР в Институт социологии АН СССР, которому поручалась разработка фундаментальных теоретических, методологических и методических проблем социологии, координация социологических исследований в стране, осуществление главным образом международных, всесоюзных и межрегиональных исследований. Новые задачи требовали и нового подхода к их решению – в структурных, кадровых и управленческих областях.

Руководствуясь именно такими соображениями, Президиум АН СССР и счит необходимым в той конкретной ситуации пойти на учреждение в Институте социологии должности директора-организатора, утвердив в ней В.А. Ядова и отменив при этом ранее объявленный конкурс на замещение должности руководителя ИС. Такой шаг таил в себе возникновение конфликта между членом-корреспондентом АН СССР Г.В. Осиповым, который к этому времени пребывал в твердом убеждении в отсутствии реальной для него альтернативы на директорскую должность, и док-

¹ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 36.

² Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 35.

тором философских наук В.А. Ядовым, занявшим этот пост благодаря директивным указаниям сверху. Долго ждать беды не пришлось.

О ситуации до смены директорского поста в ИСИ и особенно после этого события свидетельствует В.И. Чупров – доктор социологических наук, профессор; в описываемое время был заведующим отделом ИСИ и руководителем профсоюзной организации (из нашей беседы с ним 7 марта 2013 года):

«Уход В.Н. Иванова по своему желанию с поста директора ИСИ для коллектива института оказался неожиданным. Сразу же обозначилось несколько кандидатов на высвобождающуюся должность, в том числе Г.В. Осипов, считавший себя главным претендентом. Все шло к выборам, но в день общего собрания вдруг приезжает инструктор Отдела науки ЦК КПСС Г. Квасов и сообщает, что решено отменить выборы и назначить директором-организатором В.А. Ядова. Дело в том, что, как нам потом стало известно, группа социологов обратилась к крупному и авторитетному ученому с предложением повлиять на ход событий не в пользу Г.В. Осипова (аргументы – допущенные им серьезные недостатки и прегрешения на предыдущих руководящих постах). Этот человек посетил А.Н. Яковлева и убедил его в нецелесообразности избрания Г.В. Осипова директором ИС РАН, после чего и последовала команда отменить выборы. В.А. Ядов был вызван в Москву, вступил в новую должность и сразу же получил квартиру. Возникшие после этого в коллективе коллизии не сводились к противостоянию только из-за обозначившихся двух научных программ нового коллектива (что действительно имело место), но и из-за того, что В.А. Ядов стал критиковать осиповское направление за консерватизм и “махровый марксизм”. Началось активное перемещение людей осиповских отделов в ядовские. Дошло до того, что директор объявил “юрьев день” и издал приказ о праве добровольного перехода людей в другие институтские структуры. Отделы рассыпались, в моем отделе из 32 сотрудников осталось 10–12. Народ почувствовал – где директор, там теплее. Отсюда – склоки между отделами и сотрудниками, свары, обвинения друг друга, слухи. Обстановка жуткая. Наибольшему разрушению подверглись осиповские отделы. И так продолжалось больше года. Вот в этих условиях и возник вопрос: как быть дальше? Что делать? Г.В. Осипов, после того как я не ответил на его приглашение прийти к нему в кабинет, сам пришел ко мне и предложил забыть старые обиды (они возникли еще в период затяжного конфликта между Г.В. Осиповым и Ф.М. Бурлацким) и призвал “сплотиться”. Он высказался в том духе, что так больше быть не может, В. Ядов посягает на святая святых, на марксизм, надо отстаивать чистоту науки и надо принимать какие-то меры. Еще раз призвав меня забыть все разногласия в прошлом, он обратился с предложением объединиться для реализации его идеи – отделения группы сотрудников от института и создания новой научной структуры. При этом высказывались и другие соображения (собрать актив института, руководителей партячеек и с участием В.А. Ядова обсудить создавшуюся ситуацию). В конце концов сошлись на том, что в секретном режиме с участием секретаря парторганизации А.К. Андреева, В.И. Староверова и других заняться подготовкой документов, необходимых для создания института.

Собирались в Сокольниках на квартире Г.В. Осипова каждый день. Обсуждали варианты документов, шлифовали формулировки – и так прошло две-три недели. Когда же бумаги обрели вид документа, приемлемого для обсуждения, возник вопрос, что с ним дальше делать, а точнее – куда с ним идти. Обращаться в Президиум АН

СССР, да еще через голову директора института, – как это будет воспринято: группа сотрудников захотела выйти из состава своего коллектива и создать новую структуру? Становилось совершенно очевидным: без поиска наверху реальных рычагов воздействия на эту ситуацию не обойтись. Долго думали, взвешивали. Так и родилось предложение использовать канал моей личной связи с заведующим Идеологическим отделом ЦК КПСС, (то есть с тобой, поскольку у нас давно, еще с комсомольских лет установились по-настоящему дружеские отношения). В ЦК я пришел один, даже без подготовленных проектов документов. Беседа прошла в предельно откровенной, дружеской обстановке, я почувствовал, что мой собеседник глубоко проникся пониманием ситуации, однако в конце ограничился кратким «надо серьезно подумать». Через какое-то время у нас состоялась вторая встреча – и на этот раз я привез проект документов, приложив к ним организованные Г.В. Осиповым несколько ходатайств от академиков. Обстановка в институте продолжала оставаться крайне напряженной. Мы с нетерпением ждали результатов моего посещения ЦК. И вдруг однажды раздался долгожданный звонок: «Володя, дело, кажется, сдвинулось. Состоялись плодотворные контакты с Гурием Ивановичем Марчуком. Так что дело будем двигать дальше». Я срочно позвонил Г.В. Осипову – радости не было предела. А после этого все вошло в русло обычного прохождения таких дел – официальное письмо в Президиум АН СССР, затем проработка всех вопросов, как это было установлено тогдашними порядками, в ЦК КПСС, без решения которого, разумеется, не могло быть и разговора, а не то что создания института. Времени тем не менее на подготовительную работу потребовалось довольно много. И само подписание документов о создании ИСПИ РАН состоялось тогда, когда ты уехал послом СССР в КНДР. Узнав о состоявшемся решении, я позвонил тебе в Пхеньян, проинформировал тебя о радостном событии и передал тебе благодарность за оказание содействия в решении нашего вопроса».

К этим свидетельствам В.И. Чупрова необходимы некоторые комментарии и пояснения. Первое – взятый сам по себе отдельно факт моих контактов с Г.И. Марчуком в связи с созданием ИСПИ РАН может быть превратно истолкован. Мол, как все просто – встретились, поговорили, и дело в шляпе. Суть же в том, что с Гурием Ивановичем у меня сложились, не побоюсь сказать, трогательные отношения еще с киевского периода моей жизни, когда мне было поручено как секретарю ЦК компартии Украины работать с прибывшей на Украину индийской делегацией во главе с Индирой Ганди, которую по поручению руководства страны сопровождал заместитель Председателя Совета Министров СССР Гурий Иванович Марчук. Во время же моей посольской работы на Кубе он вместе с делегацией прибыл в Гавану с официальной миссией по научной линии. Гости были тронуты организованными мной исключительно теплыми беседами с Фиделем, другими членами политического руководства Кубы, учеными Академии наук. А после завершения официальной части визита московские гости откликнулись на мое приглашение продолжить пребывание на Острове Свободы в качестве личных гостей советского посла. Благодаря этим встречам мои отношения с Гурием Ивановичем обрели новое качество. Когда же после завершения дипломатической миссии на Кубе я был назначен заведующим Идеологическим отделом ЦК КПСС, в структуру которого входил подотдел науки и учебных заведений, наши добрые человеческие отношения как бы переплелись

с основанным на высоком уровне взаимопонимания сотрудничеством в решении проблем науки по линии Президиума АН СССР – ЦК КПСС. Даже на Пленумах ЦК КПСС мы, как правило, садились рядом, каждый раз поглядывая на сидящего сзади (несколько ближе к окнам) Б.Н. Ельцина и комментируя его некоторые «поведенческие нюансы». Так что мои неоднократные беседы с Гурием Ивановичем о возникшей в Институте социологии ситуации можно расценить как очередной факт обмена мнениями по вопросам, представляющим общий служебный интерес, тем более что и после этого к теме об институте мы возвращались неоднократно.

Второе – всякие преувеличения моей роли в решении вопросов, связанных с созданием ИСПИ РАН, мне категорически чужды. Делал я все это в рамках моей компетенции как заведующего Идеологическим отделом ЦК, в структуре которого, о чем говорилось выше, был подраздел науки и учебных заведений. Решалось же все (в зависимости от важности и особенностей каждого вопроса) Секретариатом ЦК или Политбюро ЦК. Другое дело, что занятая мной позиция в этом вопросе и мои практические шаги не могли не влиять на ход дела. И в этой конкретной ситуации я поступал в соответствии с данным мной В.И. Чупрову обещанием. Нетрудно предположить, как бы развивались эти события в случае, если бы я занял отрицательную позицию.

Третье. На мое же стремление заинтересованно отнестись к решению вопросов, связанных с созданием ИСПИ РАН, не могло не повлиять и то, что еще с киевского периода моей жизни у меня складывались, а затем развивались деловые, а в ряде случаев и товарищеские связи с учеными АН СССР, и прежде всего Института философии и тех социологических структур, которые со временем выросли на его базе. Назову некоторые из значимых в этом контексте событий.

Мои многочисленные поездки в Москву включали обязательное посещение Института философии АН СССР и встречи с его директором П.В. Копниным, с которым в его бытность директором Института философии Академии наук Украины у меня сложились творческие, деловые и доверительные человеческие отношения: под его руководством мы создавали первые общественные социологические структуры на Украине, его подпись как председателя диссертационного совета Института философии АН Украины стоит в моем дипломе кандидата философских наук (диссертация явилась первым на Украине и одним из первых в стране исследований проблем социальной активности молодежи – на примере конкретных социальных исследований рабочей молодежи промышленных предприятий юга Украины). Став членом Советской социологической ассоциации (хранящееся удостоверение члена ССА подписано ее председателем Г.В. Осиповым), я получил прекрасные возможности поддерживать постоянные научные контакты с московскими социологами (В.И. Чупров, А.С. Кулагин, В. Васильев, Н.М. Блинов и др.), а также участвовать в создании и функционировании Киевского отделения ССА. Работая первым секретарем ЦК комсомола Украины, я создал за счет штатных единиц ЦК социологический сектор во главе с подававшим большие надежды молодым киевским социологом В.П. Култыгиным, который со временем вырос в крупного социолога Академии наук СССР.

Мне выпала честь быть в числе авторов изданного Институтом социологических исследований АН СССР двухтомника «Советская социология»¹. По мнению профес-

¹ См.: Советская социология. Т. 1. Социологическая теория и социальная практика. М.: Наука, 1982. С. 219–228.

сионалов-социологов, знаковым для социологической науки стало проведение по решению Политбюро ЦК КПСС Первого Всесоюзного научно-практического совещания по вопросам развития социологических исследований (ноябрь 1984, Киев), подготовка и проведение которого были возложены инстанциями на меня как секретаря ЦК компартии Украины.

Первой акцией подобного рода в истории возрождения социологической науки в СССР стала разработка руководимой секретарем ЦК компартии Украины по идеологии большой группой профессионалов-социологов и руководителей партийных и государственных органов документа «О перспективах создания единой социологической службы в республике (на примере Украины)» с двумя подсистемами – социологического обеспечения партийного руководства (СОПР) и социологического обеспечения государственного управления (СОГУ) (см. Приложение 3 настоящего издания).

Большой честью и высокой ответственностью стало для меня участие в подготовке и проведении (в рамках моих полномочий как посла СССР) VII совещания вице-президентов по общественным наукам академий наук социалистических стран (Куба, Гавана, 28 апреля – 3 мая 1968 года), в котором принимала участие советская делегация во главе с вице-президентом АН СССР академиком П.Н. Федосеевым. Назначение же меня в 1988 году заведующим Идеологическим отделом ЦК КПСС, в структуры которого входил подотдел науки и учебных заведений, хронологически совпало с развертыванием широкомасштабной и многоплановой работы по выполнению принятого Политбюро ЦК КПСС постановления «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества». В перечне новых проблем был кадровый вопрос, ставший приоритетом из всех приоритетов: кадры для академической науки, высшей школы, партийных комитетов всех уровней, в том числе и для руководимого мной Идеологического отдела ЦК. Будущий академик М.К. Горшков, которому я предложил в мае 1989 года перейти из Академии общественных наук на должность инструктора ЦК, курирующего социологию в секторе партийных научных и учебных заведений, обратил внимание на «приток в то время в ЦК новых молодых сил»¹.

Разумеется, предметом нашего постоянного внимания был и только что преобразованный Институт социологии, причем это «постоянное внимание» не означало использования Идеологическим отделом ЦК административно-командных методов во взаимоотношениях с социологическим сообществом. Как подчеркнул тот же Михаил Константинович, на его «удивление, работа в секретариате ЦК оказалась довольно интересной»². Словом, информация о состоянии дел в Институте социологии, изложенная во время двух встреч с В.И. Чупровым, новостью для меня не стала, равно как и не было никаких оснований не поддержать инициаторов создания ИСПИ РАН. Еще раз подчеркну – в рамках моей компетенции как заведующего Идеологическим отделом ЦК. И не более того!

Четвертое – Г.В. Осипов часто вспоминает об эпизодах, когда кто-то, в том числе и из партийных работников, как говорится, наступал ему на мозоли. О том же, «как это было на самом деле» с созданием ИСПИ РАН, ограничивается рассказом только

¹ Академик Михаил Горшков. Пути в социологию – исповедимы. М.: Весь мир, 2015. С. 46.

² Академик Михаил Горшков. Пути в социологию – исповедимы. М.: Весь мир, 2015. С. 47.

о том, как его, и только его смелые инициативы были поддержаны руководством академии, после чего «все пошло само собой». Заявление же Г.В. Осипова о том, что заслуга в создании ИСПИ РАН «столь необходимой тогда исследовательской социологической альтернативы» принадлежит не только ему, но также и академикам Г.И. Марчуку и Ю.С. Осипову, которые «активно поддерживали» его «в этом начинании»¹, – ставит Юрия Сергеевича как человека, якобы решавшего судьбу ИСПИ, в крайне неудобное положение. Не меньшее удивление вызывает и утверждение о том, что «если бы Президиум АН СССР во главе с Ю.С. Осиповым вовремя не принял неотложных мер, появление такой Академии (Российской академии наук. – А.К.) означало бы, что все члены АН СССР оказались бы за бортом, и им пришлось бы заново приобретать свои звания»² (подчеркнуто нами. – А.К.). Остается развести руками и напомнить: истории отечественной науки неведом «Президиум АН СССР во главе с Ю.С. Осиповым»; возглавлял Президиум АН СССР вплоть до прекращения ее (АН СССР) деятельности и образования РАН в декабре 1991 года Г.И. Марчук.

Постановление же Президиума АН СССР о создании ИСПИ РАН подписал не кто иной, как Г.И. Марчук, причем 26 марта 1991 года, то есть тогда, когда Ю.С. Осипов работал в структурах Уральского отделения АН СССР заведующим отделом дифференциальных уравнений, директором ИММ УрО Академии наук и к решению проблем социологической реконструкции в АН СССР не имел (в силу своих служебных обязанностей) никакого отношения, даже тогда, когда он был утвержден президентом-организатором РАН. Президентом же РАН он стал с 17 декабря 1991 года, то есть тогда, когда уже был создан ИСПИ.

Пятое – о побудительных причинах выделения из состава ИСИ осиповского подразделения и создания новой научной структуры. Сейчас получило хождение мнение о том, что такой шаг диктовался самыми высокими критериями научной деятельности – появилось, мол, новое направление научной деятельности, претендующее на самостоятельную научную школу, причем, как подчеркивалось при этом, альтернативную. Но так ли это?

Наличие двух научных концепций в научном коллективе – это не его слабость, а наоборот, его сила. И это отнюдь не повод для создания новой самостоятельной структуры – ведь это событие выпало на период расцвета плюрализма мнений во всех сферах жизни общества. Так почему же не процветает этому плюрализму и в Институте социологии? Суть сложных проблем, связанных с созданием ИСПИ РАН, которые мы неоднократно обсуждали с Гурием Ивановичем: раскол в коллективе ИС РАН, происшедший вскоре после того, как он обрел новый статус, охватывал не только непосредственно научную сферу деятельности института (особенно после того, как ученый совет поддержал исследовательскую концепцию нового директора Института социологии В.А. Ядова и отверг альтернативный вариант Г.В. Осипова), но, что очень важно, и всю систему внутриколлективных, профессиональных и нравственно-поведенческих отношений. Причем этот конфликт существенно отличался от разного рода конфликтных ситуаций, ранее имевших место в социологическом сообществе: на место борьбы между истматчиками и социологами пришло не менее

¹ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 3.

² См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 563.

ожесточенное противостояние – на этот раз между двумя крупными социологическими фигурами, за которыми стояли группы интересов.

Вот какой увидел ситуацию в те дни в Институте социологии журналист В. Львов: «Сегодня в институте двоевластие. Действуют два ученых совета. Не покладая рук работает разделительная комиссия. Делят все: деньги, машинисток, столы, стулья... Правда, остается еще общий профсоюз, но и профсоюзные средства тоже разделены. За внешней благопристойностью, с которой осуществляется этот интеллигентный развод, просматриваются, однако, и закулисные интриги. Некоторых наиболее опытных ученых из команды Ядова (редакции их имена известны) пытались купить, предлагая в случае “измены” и большие ставки, и солидные должности. Причем переговоры по поводу купли-продажи мозгов велись не в тесных комнатках института, а в роскошной обстановке Академии общественных наук. Забавно, но вышедших в свое время из КПСС пытались привлечь на свою сторону обещанием... немедленного восстановления в ее рядах. А тех, кто никогда в партии не состоял, обещали принять в нее чуть ли не мгновенно. Увы, не подействовало. Сейчас каждая из сторон убеждена в пользе происходящего раскола»¹.

Особую интригу придавало и то, что Г.В. Осипов, недавно ставший членом-корреспондентом АН СССР и являвшийся реальным претендентом на директорский пост, оказался обойденным тем человеком, который не только не имел формальных статусных преимуществ над своим конкурентом, но и в разное время был в его служебном подчинении. И в обмене мнениями с Гурием Ивановичем присутствовал вопрос: насколько оправданным является идти на поводу одной из конфликтующих на основе неприязненных межличностных отношений сторон. В наших беседах упоминался и факт невключения Г.В. Осипова в состав комиссии ЦК по подготовке постановления Политбюро ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества», что произошло, как я чувствовал, не только с учетом мнения П.Н. Федосеева, который вскоре высказался и против избрания его директором Института социологии, но и позиции некоторых влиятельных лиц, которые входили в комиссию ЦК по подготовке указанного выше постановления об институционализации отечественной социологии и имели выход на секретарей ЦК. И это при том, что, как отметил В.В. Колбановский, работавший вместе с Г.В. Осиповым на начальном этапе социологического возрождения, «директор института П.Н. Федосеев в ту пору (60-е годы. – А.К.) благоволил Осипову, стремительно проведя его за пять лет от секретаря комитета ВЛКСМ до ученого секретаря и своего заместителя»². Словом, на этапе моих консультаций с Гурием Ивановичем обсуждались довольно непростые и неоднозначные вопросы, которые служили препятствием тому, что Президиум АН СССР на определенном этапе воздерживался от внесения в ЦК КПСС соответствующих предложений на этот счет.

Шестое. Большая роль в директорской судьбе Г.В. Осипова принадлежит члену-корреспонденту Академии наук Р.Г. Яновскому, у которого сложились теплые и

¹ Львов В. Столкновение. Социологический развод: кому – налево, кому – направо? / Megapolis-express, 25 февраля 1991. № 17.

² Колбановский В.В. К истории постсталинской социологии: от ренессанса до реформации. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб.: изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1999. С. 27.

доверительные дружеские отношения с Г.И. Марчуком еще в период их совместной работы в Сибири – Гурия Ивановича в качестве руководителя Сибирского отделения Академии наук, а Рудольфа Григорьевича – первым секретарем райкома партии в Академгородке. Эти отношения получили закрепление в Москве, когда Г.И. Марчук стал заместителем Председателя Совета Министров СССР, председателем Госкомитета по науке и технике СССР, а Р.Г. Яновский – заместителем заведующего отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС. Исключительно высокий уровень доверия между ними, трудившимися на общем научном поле, не мог не влиять на принятие некоторых решений. Вот и в данном случае Гурий Иванович прислушался к совету Рудольфа Григорьевича как при выдвижении Г.В. Осипова в члены-корреспонденты АН СССР, так и позже директором ИСПИ РАН (в это время Р.Г. Яновский работал ректором АОН. – А.К.). Сам Гурий Иванович об этих взаимных консультациях вспоминает так: когда «началась очередная кампания по выборам в Академию», «я опять советуюсь с Яновским, так, мол, и так, как вы отнесетесь, если мы выдвинем Геннадия Васильевича Осипова в члены-корреспонденты? Он поддержал меня: «Да, я думаю, что это правильно, он поможет нам»¹.

Седьмое. Насколько оправданным оказалось создание ИСПИ РАН? На первый взгляд, вопрос бесспорный – создание еще одного института можно только приветствовать, тем более что удалось развести в разные стороны конфликтующие стороны. Но это на первый взгляд. А по сути со временем вырисовалось две проблемы. Первая – конфликт между Г.В. Осиповым и В.А. Ядовым не только не прекратился, а был доведен до такого состояния, что два директора академических институтов, бывшие соратники по ИСИ и ИС, стали выяснять свои отношения через суд. Вторая – для науки более значительная: в более чем двадцатилетнем развитии ИС и ИСПИ четко обозначилось два одинаковых направления – социологическое и политологическое, причем в обоих случаях с предпочтением социологического. Налицо – дублирование (не в конкретно-тематическом, а в принципиальном теоретико-методологическом плане) и отсутствие каких-либо альтернативных составляющих, которые оправдали бы параллельное существование таких двух институтов-клонов. И это на фоне отсутствия полноценного академического института политологии, о востребованности которого в условиях столь бурного и противоречивого политического процесса много говорить не приходится.

Восьмое. В контексте сложных межличностных отношений внутри коллектива ИКСИ, а также проблем, возникших в служебных отношениях Г.В. Осипова с руководством АН СССР, что отрицательно повлияло на его карьерное продвижение в свое время, уместно сослаться на то, как подобные явления проявились на новом (директорском) витке профессиональной деятельности Геннадия Васильевича в постсоветское время. Двадцатитрехлетняя совместная работа с ним, пребывание в составе Советской социологической ассоциации с 26 марта 1968 года, когда Геннадий Васильевич был ее председателем, поставившим свою подпись в удостоверении, подтверждавшем мое членство в ССА, – все это позволило мне сформировать довольно четкое и устойчивое представление о нем как руководителе научного коллектива. Именно об этом, на наш взгляд, уместно сказать несколько слов, не касаясь других граней его личности.

¹ См.: Академик Г.В. Осипов – патриарх социологии. М.: Наука, 2009. С. 144.

С одной стороны, Геннадий Васильевич – человек неумной энергии, заразной целеустремленности в достижении поставленной цели, непревзойденных бойцовских качеств в преодолении возникающих трудностей и преград, исключительной работоспособности и деятельностной активности, высокого уровня профессионализма в знании английского языка, что позволяло ему в исследованиях опираться на широкую источниковедческую базу. С другой же стороны – культ клановости и верноподданничества; приверженность закулисной, подкованной дипломатии (еще раз вспомним слова о нем академика Ю.П. Францева: «Умен-умен... Хитер-хитер... Диплома-а-ат! Ему бы еще ногу переломать – совсем бы Талейран был!»); потрясающий нюх на нахождение и установление прагматических контактов с нужными людьми (в науке, органах власти, особенно в сфере бизнеса); готовность (а часто и инициативность), разумеется, не без пользы для себя, какого-либо фельдфебеля вывести в Вольтеры, обогатив его имидж докторской степенью или академическим званием; по-своему понимаемая свобода в соблюдении моральных принципов и критериев в профессиональной деятельности (пример – скандальная история с лишением Министерством образования и науки РФ за плагиат степени липового доктора наук дочери академика В.И. Жукова Галины Васильевны, научным консультантом которой он был (о чем обстоятельно будет рассказано отдельно).

В этом же ряду нетерпимое отношение к мнению собеседника, если оно не совпадает с его мнением; гипертрофированное властолюбие (обладание всеми основными в социологии государственными и общественными руководящими титулами, позволявшими контролировать на определенном отрезке времени всю социологическую сферу); увлеченность созданием под себя различных структур (объединений, ассоциаций, фондов, советов и т.д.); неприкрытое честолюбие (обклеивание стен рабочего кабинета и коридоров служебных помещений не фотоматериалами о жизни коллектива института, а... своими личными портретами в паре с какой-то знаменитостью; установленный в институте крупномасштабный коллаж «Социологическая мистерия» (в духе «Мистерии XX века» и «Ста веков» Ильи Глазунова), композиционно выстроенный так, что Г.В. Осипов, как ангел, парит в небесах на фоне беспорядочно вмонтированных под ним на разных уровнях сюжетов о революции, войне, перестройке и т.д., возвышаясь над Лениным и Троцким, Хрущевым и Брежневым, Горбачевым и Ельциным с группой либералов, Медведевым и Бушем, Чубайсом и Жириновским, Абрамовичем и Березовским и т.д., и т.п.

И еще об одном удивительном качестве Геннадия Васильевича. С одной стороны, внешне в контактах с коллегами по работе, в дискуссиях по профессиональным проблемам, в повседневном общении с окружающими его людьми – казалось бы, непревзойденный образец неконфронтационности, толерантности и обходительности. А с другой – следующие на протяжении длительного времени один за другим затяжные острейшие конфликты внутри социологического сообщества, которые, как правило, являлись результатом «внутривидовой» корпоративной борьбы. Так, тотальное противостояние двух заместителей директора ИКСИ Г.В. Осипова и Ф.М. Бурлацкого и двух возглавляемых ими группировок сотрудников института завершились фактически разгромом всего коллектива и освобождением от должностей всей руководящей верхушки ИКСИ. А конфликт, завязавшийся между Г.В. Осиповым и В.А. Ядовым после преобразования Института социологических исследований в Институт социологии, не только не прекратился даже после создания нового Института кон-

кретных социологических исследований, но перерос в новую, непримиримую фазу, дело дошло даже до разбирательства в суде. Случай, когда два руководителя академических институтов выясняли свои отношения именно таким образом, – пожалуй, единственный за всю историю отечественной науки. Предметом специального разбирательства на Президиуме РАН стал и громкий скандал между новым директором ИСПИ РАН В.А. Кузнецовым и ставшим к этому времени научным руководителем института Г.В. Осиповым, которые за очень короткий период их сотрудничества стали непримиримыми антагонистами сугубо на личностной почве. И это при том, что благодаря настойчивому лоббированию со стороны Геннадия Васильевича появившийся из социологического «ниоткуда» (ни одного дня работы в вузе или академическом институте) и не имеющий базового социологического образования новый выдвиженец за неполную пятилетку совершил ошеломительное восхождение на академическую вершину – дважды «остепенившись» (кандидатская и докторская диссертации по социологии), получил звание профессора, стал директором Института социально-политических исследований и членом-корреспондентом РАН. Можно сказать безошибочно – никогда ни одному из обществоведов не удавалось совершить такого стремительного взлета. Рухнул же союз лоббиста и выдвиженца в одночасье, когда дал сбой, казалось бы, надежно разработанный механизм очередного продвижения восходящей звезды на новую высоту – избрание академиком.

§5. К вопросу об институционализации социологии как учебной дисциплины

В постсоветском 2008 году Г.В. Осипов руководителям Министерства высшего и среднего образования СССР В. Елютину и Н. Мохову предъявил, на чем делается акцент, персонально, такие обвинения: они «особенно много усилий» направили «на торможение развития социологической науки и подготовки соответствующих кадров», «теоретическая социология ими полностью отрицалась», «вновь понятие “социология” оказалось под запретом», так как «оно было заменено понятием “прикладная социология”»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.). Слов нет, недоработки министерства в области развития социологической науки были, причем серьезные. Но представлять это в виде целенаправленной антисоциологической деятельности – это значит сознательно искажать истину. Спорить с оформленными в таком звучании обвинениями нет смысла, поскольку они декларативны и бездоказательны – ведь нет документальных подтверждений того, что министерство и его руководители запрещали социологию, сознательно занимались торможением ее развития и т.д., и т.п.

В нашем случае нет необходимости детально анализировать весь приведенный выше пакет обвинений в адрес Министерства высшего и среднего образования СССР еще и потому, что ряд серьезных научных публикаций на эту тему, и прежде всего фундаментальное исследование М.Б. Булановой², напрочь опровергает подобные суждения. Мы же попытаемся прояснить всего лишь один вопрос, который в приведенном выше перечне обвинений является ключевым: как, говоря словами

¹ См.: Осипов Г.В. Социология и социализм. М.: Вече, 2008. С. 33.

² См.: Буланова Г.В. Социологическое образование в России: история и современность. М., 2011. С. 195–253.

Г.В. Осипова, благодаря «особенно многим усилиям» министра и его заместителя понятие «прикладная социология» заменило понятие «социология», которая, таким образом, «оказалась под запретом».

Сошлемся на два официальных документа, в которых выражена не только личная позиция авторов как исследователей, но и как руководителей социологического фронта. Первый из них относится к февралю 1966 года – доклад председателя научного совета по проблемам конкретных социальных исследований, вице-президента АН СССР академика А.М. Румянцева и председателя Советской социологической ассоциации Г.В. Осипова «Актуальные проблемы развития социологической науки в СССР», представленный на рассмотрение Президиума АН СССР и коллегии Министерства высшего и среднего социального образования СССР и переданный заведующему Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС.

Хотя в опубликованном виде в постсоветское время этот доклад оформлен так, что его трудно назвать официальным документом (не указано, кому он адресуется, отсутствует дата его отправки, и главное – нет никаких сведений о реакции на него тех инстанций, куда он мог быть направлен, для него вопреки логике и здравому смыслу почему-то не нашлось места и в трехтомном собрании документов «Социология и власть»), в нашем случае он важен прежде всего потому, что в нем зафиксированы позиции авторов по интересующим нас вопросам.

Так вот, в названном документе в числе одиннадцати приоритетов развития социологии под № 9 стоят «прикладные социологические проблемы». А в программе конкретных мероприятий, изложенной в этом же документе, даже предложено считать целесообразным организацию лабораторий прикладных социологических исследований не только в Академиях педагогических и медицинских наук, но и в союзных министерствах и комитетах Совета Министров¹. Вознесение прикладных исследований на столь высокий не только академический, но и государственный уровень (включение в этот процесс союзных министерств и комитетов Совета Министров!) вместе с тем не сопровождается выяснением не только параметров их взаимоотношений с общей социологией, но и хотя бы какими-то намеками о необходимости разработки прежде всего социологии как самостоятельной науки. Не определив четко предмет социологии как научной дисциплины, а ограничившись указанием, что социология есть конкретная эмпирическая наука², авторы ставили вопрос о создании соответствующей инфраструктуры – социологического института, социологических факультетов, кафедр и т.д. Как можно ставить телегу впереди лошади?

Заявление же о том, что вопрос о введении курса социологии в вузах созрел и что это приведет к перестройке преподавания других общественных дисциплин, сопровождалось несогласием с теми, кто считал, что «этот неизбежный процесс может привести к какому-то умалению значения исторического материализма и марксистского мировоззрения в общественных науках»³ (подчеркнуто нами. – А.К.). Свою защитную позицию по отношению к историческому материализму авторы доклада

¹ См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 603, 626.

² См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 588.

³ См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 599.

углубили так: «сам факт интенсивного развития конкретных общественных наук, опирающихся на марксистскую философскую методологию, – показатель плодотворной роли этой глубоко научной методологии»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.). Более того, высказано убеждение в том, что «освобождение... вузовских курсов исторического материализма от некоторой части конкретно-социологического материала, несомненно, окажет благотворное влияние на повышение уровня разработки принципиальных философско-методологических проблем исторического процесса и закономерностей его познания...»² (подчеркнуто нами. – А.К.). В приведенных суждениях налицо верность истматовской методологии, отсутствие постановки вопроса о социологии как самостоятельной научной и учебной дисциплине, никаких даже намеков на конфронтацию общей социологии с прикладными социологическими исследованиями, в которой (конфронтации) Г.В. Осипов обвинил руководство Минвуза.

А теперь обратимся ко второму документу – постановлению бюро Отделения философии и права АН СССР «О развитии социологического образования в СССР» от 24 октября 1972 года, которое было принято по докладу директора Института социологических исследований АН СССР, члена-корреспондента АН СССР М.Н. Руткевича. В постановлении заявлено об особом покровительстве истмата социологии: «Марксистская социология – это, прежде всего, общая теоретическая социология, исторический материализм»³. Формулировка же о том, что плодотворное развитие частных социологических теорий, изучающих отдельные стороны общественной жизни и прикладных социологических исследований, возможно «на этой мировоззренческой и методологической основе»⁴ (то есть на базе истмата. – А.К.), не оставляет никакого места для социологии как самостоятельной научной дисциплины. На этом фоне подчеркивается, что «для дальнейшего развития теории и для решения практических насущных задач» возрастает значение прикладных исследований.

В качестве же неотложных мер коренного улучшения подготовки социологических кадров в постановлении названы: а) подготовка не социологов широкого профиля, которые отвечали бы всем требованиям социологии как самостоятельной науки, а социологов – специалистов по историческому материализму и теории научного коммунизма, владеющих методикой и техникой прикладных исследований; б) введение на философских факультетах и отделениях научного коммунизма ряда университетов специализации по прикладной социологии, с поручением осуществления указанной специализации кафедрам исторического материализма и научного коммунизма, а также созданным к этому времени в некоторых университетах кафедрам прикладной социологии; в) создание не самостоятельных социологических факультетов и кафедр, а кафедр прикладной социологии, методики и техники конкретных социологических исследований на философских факультетах тех универси-

¹ См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 599.

² См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 599.

³ См.: Социология и власть. Сборник 3. Документы. 1973–1984. РИЦ ИСПИ РАН. М., 2003. С. 33.

⁴ См.: Социология и власть. Сборник 3. Документы. 1973–1984. РИЦ ИСПИ РАН. М., 2003. С. 33.

тетов, которым будет поручено это дело; г) в качестве эксперимента начать с 1 сентября 1973 года подготовку по специальности «экономист-социолог» в Московском инженерно-экономическом институте, в Ленинградском финансово-экономическом институте, с последующим расширением фронта этой работы. Симптоматичным является и то, что при определении задач в издательском деле в постановлении признано целесообразным более широкое издание литературы по теории исторического материализма, частным социологическим наукам, методике и технике социологических исследований и совсем обойдены проблемы социологии как самостоятельной дисциплины, общей социологии¹.

Что же касается «Рабочей книги социолога», к созданию которой постановление призвало привлечь ученых Академии наук, то, начиная с первого ее издания в 1977 году и включая переиздания, в том числе и в постсоветский период развития отечественной социологии, для всех ее публикаций оставался неизменным (даже после возведения в 1988 году институционализировавшейся социологии в качестве самостоятельной научной дисциплины в безыстматовский статус) такой теоретико-методологический ориентир: «Будучи общей социологической теорией, исторический материализм в то же время является общей теоретической основой всех других социальных и гуманитарных наук»². И социология в этом случае – не исключение.

Таким образом, сопоставление двух выше проанализированных документов в контексте обвинения Г.В. Осиповым руководителей Министерства высшего и среднего специального образования в их преднамеренном вытеснении при помощи прикладных социологических исследований социологии как самостоятельной научной дисциплины и ее запрете дает основание сделать несколько крайне важных выводов.

Во-первых, совершенно бессмысленно, как это делает Г.В. Осипов, говорить о замене руководителями Минвуза понятия «социология» понятием «прикладная социология» и о ее, таким образом, запрете. Ведь прямо скажем, в описываемое время нечего было ни заменять, ни запрещать: институционализированной социологии не было. То разгоравшиеся, то затухавшие затяжные диспуты по ключевым проблемам социологии, и прежде всего о ее предмете и ее отличии от исторического материализма, как правило, заканчивались лишь демонстрацией разных точек зрения без решения проблем самостоятельной социологии по существу. Такие дискуссии не без оснований зарубежными социологами были названы «семейной склокой»³. И трудно отрицать тот факт, что академическому сообществу, и прежде всего его социологическому институту, которым как законодателям теории принадлежала основная скрипка в создании теоретико-методологического фундамента социологии как самостоятельной дисциплины, не удалось вплоть до 1988 года перевести дискуссии в русло практической реализации этой задачи. Учебный же процесс в вузах потреблял то, что произведено большой наукой. К сожалению, некоторые участники возрожденческого процесса отечественной социологии сегодня не жалеют самых густых негативных красок в адрес кого угодно (партийных властей, Минвуза и т.д.), но только не в

¹ См.: Социология и власть. Сборник 3: Документы. 1973–1984. РИЦ ИСПИ РАН. М., 2003. С. 35–36.

² Рабочая книга социолога / под общ. ред. и с предисл. Г.В. Осипова. Изд. 5-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 458, а также с. 27, 29, 128.

³ Berger P. Marxizm and sociology. View from Eastern Europe. NY: Veredit Corporation, 1969, p. 59.

свой адрес. Дефицит самокритики – серьезное препятствие в объективном освещении истории науки.

Во-вторых, об утверждении о том, что якобы руководителями Минвуза «теоретическая социология... полностью отрицалась», откуда вытекал вывод о невозможности самостоятельного статуса социологии. Имеющиеся официальные документы, не подтверждая приведенное выше суждение, говорят совершенно о другом – препятствием на пути утверждения самостоятельного статуса социологии стало не Министерство высшего и среднего образования, а определенные круги академического сообщества, обладающие большим административным и руководящим ресурсом. Ведь, например, трудно не заметить влияния на уже упоминавшееся постановление бюро Отделения философии и права АН СССР «О развитии социологического образования в СССР», принятое по докладу директора ИСИ АН СССР М.Н. Руткевича, получившей в определенное время распространение так называемой трехуровневой модели, в которой историческому материализму, рассматриваемому в качестве общей теоретической социологии, отводилась роль методологического и теоретического обоснования социологии. Поэтому в данном случае не министерство, а бюро Отделения философии и права АН СССР фактически лишало социологию собственных, имманентных методологических и теоретических оснований, ее статуса самостоятельной науки. После принятого постановления социология продолжала оставаться вспомогательной, прикладной дисциплиной. Поэтому для подготовки социологов в вузах предлагалось создание не самостоятельных социологических факультетов и кафедр, а введение специализации по прикладной социологии на философских факультетах.

В-третьих. Можно ли поверить в то, что в условиях командно-административной системы руководители Минвуза по своей инициативе могли «особенно много усилий» направлять «на торможение развития социологической науки и подготовки соответствующих кадров»? Такое самовольство сразу же стало бы предметом специального рассмотрения на Секретариате или Политбюро ЦК. И, несомненно, виновники ощутили бы всего силу партийного карающего меча. Как же эта история выглядела на самом деле?

Не кто иной, как М.Н. Руткевич как инициатор принятия постановления бюро Отделения философии и права АН СССР о развитии социологического образования в СССР при обязательном истматовском покровительстве, минуя Президиум АН СССР, обратился лично к секретарю ЦК КПСС П.Н. Демичеву с просьбой ускорить рассмотрение указанного вопроса в его интерпретации. Финал впечатляющий: записка Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС была рассмотрена 28 апреля 1973 года на специальном совещании в ЦК, о широком представительстве которого свидетельствует состав его участников – руководство и другие работники Минвуза, представители АН СССР, Госплана СССР, ректоры инженерно-экономических вузов, декан философского факультета МГУ, научные работники и практики, занимающиеся прикладными социологическими исследованиями и организацией социального планирования на предприятиях, в масштабах отдельных районов, городов и областей страны. Эта записка была одобрена и, что очень важно, завизирована П.Н. Демичевым, что означало принятие присутствующими в зале директивных указаний к срочному и неукоснительному исполнению. И участвующему в совещании замминистра Н.И. Мохову, разумеется, ничего не оставалось делать, как заявить, что руководство Минвуза берет под козырек и выполняет в данном случае уже партийные указания.

А они, эти указания, были такими: поддержка подготовки специалистов по социологическим исследованиям на базе философского образования и специалистов по прикладной социологии на базе экономического образования; введение специализации по прикладной социологии на базе экономического образования; введение специализации по прикладной социологии в порядке эксперимента на философском факультете МГУ и других университетов, а также в группе экономических и финансово-экономических институтов¹. В этой рожденной в ИСИ РАН, одобренной бюро Отделения философии и права АН СССР и поддержанной Старой площадью урезанной версии развития социологической науки вопросы развития общей социологии, институционализации социологии как самостоятельной в данном случае учебной дисциплины оказались вне внимания как со стороны руководящих академических, так и партийных инстанций. И как на этом фоне выглядит заявление о том, что «теоретическая социология... полностью отрицалась» руководителями Минвуза?!

Наконец, в-четвертых – непосредственно о замене руководителями Минвуза «социологии» на «прикладную социологию». Обратимся к уже упоминавшейся записке Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС «О развитии социологического образования в стране», в которой Минвузу и, как подчеркивалось, «головному Институту социологических исследований АН СССР» [при этом указывались персонально фамилии руководителей всех инстанций (Н.И. Мохов и М.Н. Руткевич)] поручалось совместно решить двуединую задачу: создать учебные пособия по марксистской социологии и осуществить дальнейшую отработку учебных планов для подготовки специалистов по прикладной социологии². Налицо по крайней мере два вывода: с одной стороны, соотношение между социологией (в ее марксистской версии) и прикладной социологией в данном случае представлено не по принципу «или – или», то есть в качестве альтернатив, а как предполагающее одновременное и взаимодополняющее развитие двух направлений социологической науки; а с другой, совершенно невозможно совместить зафиксированную выше директивную ориентацию на совместное решение Минвузом и ИСИ РАН поставленной задачи с сегодняшним дистанцированием представителей академического сообщества, своеобразным откращиванием от своего дитяти и бездоказательным, задним числом объявлением коллег по общему делу душителями социологической науки.

Но история все же дама не только капризная, но и с хорошей, неувядающей памятью. И она убедительно свидетельствует, что Минвуз, никоим образом не противопоставляя общей социологии прикладные социологические исследования, сделал много для того, чтобы они не в ущерб таким конкретным направлениям, как конкретные социальные исследования, конкретные социологические исследования, эмпирические исследования и др., развивались более быстрыми темпами, обретая собственную инфраструктуру. Так, после введения на философском факультете МГУ в 1977 году учебной специальности «прикладная социология» (принципиальное решение было принято 28 апреля 1973 года) развернулась работа по созданию в вузах страны широкой сети отделений прикладной социологии – на философском факультете МГУ (1984) с одновременным открытием кафедр методики и техники конкретных социальных

¹ См.: Социология и власть. Сборник 3. Документы 1973–1984. РИЦ ИСПИ РАН. М., 2003. С. 3–37.

² См.: Социология и власть. Сборник 3. Документы 1973–1984. РИЦ ИСПИ РАН. М., 2003. С. 37.

исследований, кафедры истории социологии, кафедры социологии труда; на экономическом отделении Ленинградского государственного университета (1984); на философском факультете Киевского государственного университета (1986); в Московском институте управления (1987); на философско-экономическом факультете Казанского государственного университета (1988); на философском факультете Уральского университета (1988); на экономическом факультете Харьковского университета (1988); на философском факультете Тбилисского университета (1988).

Одновременно с этим осуществлялась специализация в области прикладной социологии в Ленинградском финансово-экономическом институте, на философских и экономических факультетах университетов прибалтийских республик, Белоруссии, Армении, Новосибирска. Специальные факультеты и отделения переподготовки по социологии лиц, имеющих высшее несоциологическое образование, были открыты в МГУ и Московском институте управления; специализированная переподготовка социологов стала осуществляться в институтах повышения квалификации в различных подразделениях городского хозяйства. В период с 1968 по 1983 год ежегодно работниками высшей школы по специальности «прикладная социология» защищались по 30–40 кандидатских и 2–4 докторских диссертации. Число научных и научно-педагогических работников в области прикладной социологии к 1976 году составило почти 900 человек, из них 20 докторов и более 240 кандидатов наук.

А к 1984 году в структуре кадров обществоведов в высшей школе страны имелось 600–700 кандидатов и до 80 докторов наук по специальности «прикладная социология»¹. Теоретико-методологический фундамент прикладной социологии составили труды В.А. Ядова «Методология и процедуры социологических исследований» (Тарту, 1968), его же «Социологические исследования. Методология, программа, методы» (Москва, 1972, неоднократно переиздавался); «Лекции по методике конкретных социальных исследований» под редакцией Г.М. Андреевой (Москва, 1972); Б.А. Грушина «Мнение о мире и мир мнений» (Москва, 1967); «Методика и техника статистической обработки первичной социологической информации» под редакцией Г.В. Осипова и В.П. Коваленко (Москва, 1968); А.Т. Здравомыслова «Методология и процедура социологических исследований» (Москва, 1969); В.Н. Шубкина «Социологические опыты» (Москва, 1970); С. Михайлова «Эмпирические социологические исследования» (перевод с болгарского, Москва, 1975); «Как провести социологические исследования» под редакцией М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги (Москва, 1985, переиздавалась в 1999). Сюда же примыкают работы более позднего времени: «Методы сбора информации в социологических исследованиях» (ответственные редакторы В.Г. Андреенков, О.М. Маслова. В 2 книгах. Москва, 1990); Ж.Т. Тощенко «Социология: общий курс» (Москва, 1994); Ю.Г. Волкова «Социология: лекции и задачи» (Москва, 2003); А.В. Дмитриева «Общая социология» (Москва, 2001).

Таким образом, есть все основания утверждать об авангардной роли прикладной социологии по отношению к другим конкретным социологическим направлениям. Именно она первой из всех социологических дисциплин была включена в перечень научных специальностей ВАК, а в августе 1988 года приказом Госкомитета СССР по народному образованию преобразована в специальность «Социология», в результате

¹ См.: Буланова М.Б. Социологическое образование в России: история и современность. М.: РГГУ, 2011. С. 212, 218.

чего в перечне научных специальностей социология впервые была отделена от философии. К завершающему этапу в 1988 году институционализации социологии как самостоятельной научной и учебной дисциплины прикладная социология как социальная инженерия, включающая в себя как теоретические, так и эмпирические инструментальные технологии и категориальный аппарат, сориентированные на социальную практику, разработку и решение практических проблем социального управления, накопила хороший опыт в создании собственной организационной инфраструктуры (пусть даже первоначально в рамках философских факультетов), подготовке высокопрофессиональных социологов, в обретении четких теоретико-методологических очертаний своего предмета как системы «методологических, методических и процедурных правил и приемов, направленных на изучение социальных фактов, требующих верификации»¹. Разумеется, в достижении этих результатов большая лепта и Минвуза. И приходится сожалеть, что вместо делового анализа работы министерства по развитию социологии в целом и прикладных социологических исследований в частности, объективной оценки плюсов и минусов в этом деле Г.В. Осипов запечатлел для будущих поколений портрет В.П. Елютина как ретрограда и душителя социологической науки. И это в адрес человека, который за 31 год своей деятельности в качестве министра много сделал не только для социологической науки, но и для того, чтобы в целом вся система советской высшей школы получила высокое признание, в том числе и за рубежом. Причем сделано это совершенно беспокзательно, огульно, видимо, только потому, что он был советским министром. Но дело-то в том, что, как показал анализ, прикладная социология в руках Минвуза была инструментом не подавления общей социологии, ее вытеснения и запрета, а наоборот – эффективным средством в прокладывании трудного и извилистого пути институционализации социологии как самостоятельной научной и учебной дисциплины. Таким образом, выводы реальной жизни и предвзятого критика запретительной политики Минвуза по отношению к социологии разошлись в противоположные стороны.

§6. Преодоление международного изоляционизма как составная часть возрождения отечественной социологии

Существенный аспект социологического ренессанса – международное научное сотрудничество, ставшее одной из точек пересечения интересов ЦК КПСС и Академии наук. К сожалению, в довольно большой литературе, посвященной проблемам отечественной социологии, меньше всего разработаны вопросы ее международной интеграции в период социологического ренессанса. Эта часть исследований фрагментарна, неконцептуализирована в качестве методологически оформленного направления исследовательской деятельности, в монографических исследованиях и учебной литературе не выделена в отдельные разделы. Она содержит некоторые неточности и искажения в изложении конкретных событий социологического возрождения, а также субъективные оценки некоторых участников возрожденного процесса, когда личная мемуаристика затмевает официальную документалистику. В оценке деятель-

¹ Горшков М.К., Шереги Ф.Е. Прикладная социология: методология и методы. Учебное пособие. М., 2009. С. 9.

ности созданной в 1958 году Советской социологической ассоциации допускается противопоставление ее внешних (международных) и внутренних (национальных) аспектов. Слабо исследуются проблемы эволюции международной интеграции отечественной социологии, прошедшей путь от ее непризнания за рубежом (до III Международного конгресса социологов в Амстердаме) до завоевания достойного места в международном социологическом сообществе.

В контексте нашего исследования уточним прежде всего понятийный аппарат институционализации международного социологического сотрудничества. Изоляционизм, существовавший до хрущевской оттепели, – это замкнутость и самоизоляция социологии от мирового научного сообщества, а значит, и неразвитость международных контактов, отсутствие творческих связей как с зарубежными национальными, так и с международными научными организациями.

Конвергенция – поиск объединительного потенциала двух противостоящих систем социальных наук в исследуемый период – марксистской и буржуазной.

Интеграция – взаимное обогащение достижениями социологической науки участников двустороннего и многостороннего научного сотрудничества.

Институционализация – заключительный этап эволюционного развития социологического знания, завершившегося официальным признанием социологии в качестве самостоятельной научной и учебной дисциплины; в международной интеграции отечественной социологии институционализация означала превращение Советской социологической ассоциации в равноправный субъект международного сотрудничества в области социологии.

Особенности институционализации международного сотрудничества отечественной социологии:

– на процесс международной интеграции отечественной социологии в период социологического ренессанса сильное воздействие оказывали разные по происхождению факторы: отрицательное воздействие глобальной идеологической борьбы в условиях биполярного противостояния и положительное – поиск в этих условиях наиболее конструктивно настроенными представителями двух систем социальных наук (марксистской и буржуазной) интеграционного потенциала, общих позиций взаимодействия в интересах развития социологической науки. И хотя декларируемые интегративные возможности со временем оказались преувеличенными (особенно в интерпретации П. Сорокина), сам факт поиска с неконфронтационных позиций объединительного потенциала двух часто противостоящих социологических систем имел для преодоления возрождающейся советской социологией международной изоляции существенное значение;

– преодоление международной изоляции как составная часть возрождения социологической науки в стране происходило при полном отсутствии институционализированной социологической науки на национальном уровне, при отсутствии не то что ее легитимизированной структуры, но и даже отдельных социологических структур – кафедр, факультетов и др.; поэтому преодоление международной изоляции происходило параллельно с формированием теоретико-методологического фундамента социологии и отработкой инструментария социологических исследований;

– активный процесс интеграции отечественной социологии в международное научное сообщество начался в условиях отсутствия каких-либо связей советской социологии как на уровне международных организаций (Международной социологи-

ческой ассоциации, Международного института социологии и др.), так и на уровне двусторонних связей с национальными организациями социологов западных стран;

– если функционирование западной социологии регулировалось университетскими структурами без вмешательства государственных органов, то процесс интеграции советской социологии в международное социологическое сообщество, как и весь процесс ее институционализации, проходил под постоянным и жестким контролем научно-партийного руководства, и это – принципиальное отличие советской социологии от западной в исследуемый период.

Своеобразие ситуации в этой сфере научной жизни заключалось в том, что, с одной стороны, международное научное сотрудничество никогда формально не запрещалось (хотя в настоящее время в публикациях, в том числе и научных, постоянно утверждается обратное), а с другой, в первое послевоенное время (прежде всего, с 1947 по 1954 годы) такие контакты практически были блокированы. Причины – до невозможности усложненная бюрократическая процедура оформления выездных документов, жесткий контроль со стороны спецслужб, существовавшая в то время опасность оказаться обвиненным в шпионских связях. В такой ситуации срабатывал принцип – от греха подальше. Инерцию борьбы за идеологическую чистоту науки во время дискуссий 1948–1950 годов не удавалось преодолеть ни в первые годы оттепели, ни продолжительное время и после нее. При С.И. Вавилове не исчезло стремление научно-партийного руководства давать жесткое, категоричное определение отличий советской науки от науки буржуазных стран.

Впрочем, такое положение дел – это не только порождение набиравшего силу в первые годы после войны идеологического противоборства. Корни противопоставления интернациональных аспектов в деятельности Академии наук ее внутренним задачам уходят в 1929 год, когда 8 марта того же года Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о создании комиссии «для рассмотрения предложений, внесенных фракций коммунистов-академиков, о дальнейшем направлении и организации АН СССР»¹. Такой шаг предпринимался с целью окончательно вразумить Академию наук, когда ее «приручение» вступило в завершающую стадию – процесс ее большевизации, идеологизации и огосударствления достиг крайнего напряжения.

В этой ситуации в эпицентре дискуссий оказалась представленная 13 октября 1929 года А.Е. Ферсманом правительственной комиссии записка с проектом реорганизации АН СССР. Ключевой вопрос указанного документа – подготовка нового устава Академии, ориентированного на еще большую, чем это было обозначено в принятом 18 июля 1927 года аналогичном документе, советизацию академии, на введение в ее деятельность политических критериев. Как предложение А.Е. Ферсмана, так и ряд положений доклада члена комиссии по выработке нового устава Н.И. Бухарина «Об основных положениях изменения Устава АН СССР»² вызвали серьезное возражение у многих ученых, особенно у академика В.И. Вернадского.

¹ См.: Орел В.М. Битва за здравый смысл. Как принимался Устав Академии наук 1930 года // Вестник РАН. 1994. Т. 64, № 4. С. 366–375.

² Комиссия по выработке нового устава АН была утверждена 18 февраля 1930 г. Комитетом по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР в составе 22 академиков (в том числе Н.И. Бухарина, В.И. Вернадского, А.Ф. Иоффе, Т.М. Кржижановского, А.В. Луначарского, Н.Я. Марра, С.Ф. Ольденбурга, М.Н. Покровского, А.Е. Ферсмана и др.) и 15 представителей разных организаций; председателем комиссии стал непременный секретарь академик В.П. Волгин.

Из множества проблем, поднятых тогда в дискуссиях и не потерявших своей значимости и ныне (что может быть предметом отдельного рассмотрения), выделим вопрос, имеющий прямое отношение к рассматриваемой нами теме, – об истоках международного научного изоляционизма в СССР. Тогда, уже на первом заседании комиссии 28 февраля 1930 года по вопросу о месте и роли АН СССР в международном научном сообществе, четко обозначились две не только не совпадающие, но и противоречащие друг другу позиции: первую олицетворял В.И. Вернадский, вторую – Н.И. Бухарин и А.В. Луначарский.

Позиция В.И. Вернадского (он ее изложил в специальной записке, переданной в Комиссию по выработке нового устава академии) включала выдвинутые им такие три основных принципа: автономию научной исследовательской работы, мощную исследовательскую организацию, равное с другими положение в мировой научной организации научных работников АН. Через эту призму он выстроил целую цепочку аргументов в пользу мирового научного интернационала с достойным местом в нем российской науки. Он подчеркивал, что российская Академия наук «составляет неизбежную часть того мирового научного интернационала, свободно открытого для всех научно мыслящих людей, который медленно, но неуклонно вырабатывается в XX веке»¹. По его мнению, приостановленный и даже искаженный потрясениями войны 1914–1918 годов «интернационал науки выдержал испытание, и сейчас темп его роста кажется мне подымающимся»². По его убеждению, «академия должна обладать мощной научно-исследовательской организацией, которая являлась бы видной и заметной в международном научном строе», поэтому необходимо, чтобы она «была признана интернациональным научным общественным мнением, чтобы ее организация не возбуждала в этом смысле сомнений, которые можно было бы реально подтвердить»³.

В записке В.И. Вернадского содержится предложение, чтобы в устав академии включить пункт о том, что научные работники Академии наук «должны находиться в равном положении с учеными Запада в смысле научных заграничных командировок и поездок и в свободном, не стесненном цензурой получении научной литературы». Внося такое предложение, он одновременно заметил: «Трудно сейчас даже учесть тот вред, который приносился научной работе в стране нашим неравноправным с коллегами Запада в этом отношении положением»⁴. Более того, он высказался за то, что «в настоящий момент истории мысли АН должна иметь возможность привлекать для работы в свою среду крупных и нужных иностранцев»⁵. Идеи В.И. Вернадского о научном интернационале мыслящих людей были составной частью более широкого комплекса его реформаторских предложений о максимальной автономизации акаде-

¹ Цит. по: Орел В.М. Битва за здравый смысл. Как принимался Устав Академии 1930 года / Вестник РАН. 1994. Т. 64, № 4. С. 369.

² Цит. по: Орел В.М. Битва за здравый смысл. Как принимался Устав Академии 1930 года / Вестник РАН. 1994. Т. 64, № 4. С. 369.

³ Цит. по: Орел В.М. Битва за здравый смысл. Как принимался Устав Академии 1930 года / Вестник РАН. 1994. Т. 64, № 4. С. 369–370.

⁴ Цит. по: Орел В.М. Битва за здравый смысл. Как принимался Устав Академии 1930 года / Вестник РАН. 1994. Т. 64, № 4. С. 370.

⁵ Цит. по: Орел В.М. Битва за здравый смысл. Как принимался Устав Академии 1930 года / Вестник РАН. 1994. Т. 64, № 4. С. 370.

мии, об отведении ей особого места в государстве как независимому мощному научному центру, который помогал бы стране в строительстве новой жизни, опираясь в том числе и на передовые достижения человеческой мысли, то есть международной науки.

Выдвигая столь масштабную программу обновления международного облика отечественной науки, В.И. Вернадский вместе с тем подчеркивал необходимость считаться с «обстоятельствами жизни», реалистично оценивать имеющиеся возможности реализации новых целей. Зная, что «полного осуществления всех этих необходимостей не было, нет и сейчас не может быть в полной мере в строе нашей академии», что «нет еще и того научного интернационала, который мне представляется в будущем неизбежным», он вместе с тем настаивал на том, что «вся задача академии заключается в том, чтобы эти основные принципы были обеспечены в максимально возможной мере, определяя эту максимальность не только реальной обстановкой нашей внутренней жизни, но и тем минимумом независимости научной организации, который принят в мировом научном мнении»¹.

Такие взгляды блистательного ученого с мировым именем для некоторых влиятельных в политическом отношении членов комиссии оказались не только неприемлемыми, но даже еретическими. А.В. Луначарский, например, назвав «научный интернационализм» В.И. Вернадского «умственной аристократией» «целостного человечества», сделал привязку этого тезиса к наличию еще двух интернационалов – буржуазного и пролетарского, «которые находятся между собой в острой борьбе»². Втиснув научное творчество в жесткое прокрустово ложе классово-идеологической доктрины, он отдал приоритет пролетарскому интернационализму, в рамках которого, по его мнению, и должны реализовываться принципы научного интернационала. Отсюда последовал и вывод: «Академия поэтому не должна рассматривать себя, прежде всего, как часть международного научного движения, которая случайно закинута в нашу страну и гораздо крепче спаяна с учеными других стран и с общенаучными задачами, стоящими перед культурой». По мнению А.В. Луначарского, в условиях несовпадения научного интернационала с разделением человечества на два лагеря В.И. Вернадский якобы не учитывал границы этого лагеря, а отсюда делал неоправданное «подчеркивание необходимости отстаивать за академией значение органической части мировой научной организации»³.

Свою же позицию А.В. Луначарский сформулировал так: «Мне кажется, что АН нашего Союза не столько должна стоять на точке зрения интернационала, в общем понимании этого слова, сколько на точке служения нашей стране, ее развитию, ее прогрессу, на тех чрезвычайно специальных путях, которые она себе избрала и которые ставят и науке совершенно специальные задачи»⁴. Такое утверждение выглядит более чем странным, прежде всего потому, что В.И. Вернадский никогда, в том чис-

¹ Цит. по: Орел В.М. Битва за здравый смысл. Как принимался Устав Академии 1930 года / Вестник РАН. 1994. Т. 64, № 4. С. 369–371.

² Цит. по: Орел В.М. Битва за здравый смысл. Как принимался Устав Академии 1930 года / Вестник РАН. 1994. Т. 64, № 4. С. 371.

³ Цит. по: Орел В.М. Битва за здравый смысл. Как принимался Устав Академии 1930 года / Вестник РАН. 1994. Т. 64, № 4. С. 369.

⁴ Цит. по: Орел В.М. Битва за здравый смысл. Как принимался Устав Академии 1930 года / Вестник РАН. 1994. Т. 64, № 4. С. 373.

ле в данном конкретном случае (то есть в записке «Об основных принципах нового Устава АН СССР»), не противопоставлял в деятельности академии ее внутренние и международные аспекты.

Что же касается Н.И. Бухарина, то он обратил внимание на то, что в записке В.И. Вернадского подняты вопросы стратегического характера. Касаясь проблемы «интернационала науки», он заявил, что, по его мнению, отношение к ней носит уклончивый характер – и да, и нет. «Если, – отметил он, – речь идет о том, должны ли мы максимально развивать нашу международную научную связь, то мы должны ответить предположительно. Если речь идет о том, должны ли мы стремиться к тому, чтобы в этом хоре (правда, нестройном) мировой научной мысли АН играла по возможности крупную роль в качестве пионера, застрельщика, инициатора новых идей, обогатительницы научных сокровищ человечества и т.п. (можно в очень высокопарных и патетических нотах об этом говорить), – да, безусловно. Должны ли мы всосать все продукты научного творчества Запада и Востока и всех существующих пяти частей света? Безусловно. Должны ли мы крепить связи с иностранными учеными? Да, должны. И в этом смысле мы должны быть составной частью того, что можно условно назвать интернационалом науки»¹. Но за столь привлекательным рассуждением последовал пассаж о том, что «у нас принципиальная борьба двух систем, которая, иногда, быть может, в более яркой форме, иногда в менее яркой, все время ведется». Отсюда и вывод – «с точки зрения динамики отношений это факт даже более существенный, чем факт связи, потому что основная линия развития – именно на взрыв, на победу какой-нибудь из этих систем»² (подчеркнуто нами. – А.К.).

Так круг замкнулся: идеям В.И. Вернадского о мировом научном интернационале и основанным на этом конкретным предложениям о совершенствовании международных связей Академии наук СССР была противопоставлена классово-идеологическая доктрина. Верх взяли ученые-идеологи, «провинившегося» В.И. Вернадского не включили даже в состав подкомиссии по подготовке проекта нового устава АН СССР. Болезненно восприняв такую новость, Владимир Иванович в тот же день направил в комиссию письмо, в котором, в частности, говорилось: «После состоявшегося обмена мнений по поводу внесенной мною записки я прошу вернуть ее мне и в дальнейшем не принимать к рассмотрению, как могущую вызвать извращенное толкование как политической платформы, противоположной основным положениям принятого комиссией проекта, что я не имел в виду и что считаю вредным»³.

Международный научный изоляционизм АН СССР, официально закрепленный в принятом в мае 1930 года втором в советские годы академическом уставе, еще больше усилился после провозглашения Сталиным в 30-е годы тезиса об обострении классовой борьбы по мере продвижения страны в строительстве социализма. Такое положение дел продолжалось и в первые послевоенные годы. Международный научный изоляционизм стал питательной почвой для борьбы с космополитизмом, «низкопоклонством перед Западом», да и лысенковщина не могла бы проявиться в такой уродливой форме, если бы отечественная генетика тех лет творчески использовала

¹ Цит. по: Орел В.М. Битва за здравый смысл. Как принимался Устав Академии 1930 года / Вестник РАН. 1994. Т. 64, № 4. С. 373.

² Цит. по: Орел В.М. Битва за здравый смысл. Как принимался Устав Академии 1930 года / Вестник РАН. 1994. Т. 64, № 4. С. 374.

³ ПФА РАН. Ф. 2.7. Оп. 1–1920. № 17.

мировой положительный опыт в этой сфере. К хрущевской оттепели АН СССР подошла при абсолютном отсутствии международных научных связей – на двустороннем или многостороннем уровнях.

В этом контексте заслуживают внимания два события из истории международных контактов отечественных социологов, которые на продолжительное время были фактически похоронены под тяжестью изоляционистского прессы. Важнейшее из них – участие российских социологов в создании и работе Международного института социологии (МИС), ставшего первой институциональной формой интернационального объединения профессиональных социологов. МИС был создан в 1893 году по инициативе французского социолога, политика, члена Государственного совета Франции Рене Вормса в виде достаточно элитарного и замкнутого объединения с весьма жесткими условиями вступления в него: чтобы стать членом МИС, надо было иметь рекомендации нескольких членов и получить стопроцентное одобрение остальных членов института.

МИС пользовался в международном научном сообществе высоким авторитетом – ведь он объединял ведущих социологов мира. С самого начала функционирования МИС российские социологи заняли в нем активные позиции, достойно представляя отечественную социологию. В 1894 году из 58 участников МИС восемь человек было из России (кроме того, девять британцев, по восемь человек из Франции и Испании, по четыре из Италии, Германии и Бельгии, по два из Австрии и из Венгрии, по одному из Португалии, Швеции и Чехии, двое из Южной Америки, по одному из Северной Америки и Японии). В числе первых членов института – российские социологи Г.Н. Вырубов, Я.И. Новиков, А.И. Чупров, Е.В. де Роберти и др. Пятеро российских ученых из примерно ста членов МИС были участниками IX конгресса в 1927 году. Высокой чести быть президентом МИС были удостоены такие российские социологи, как П.Ф. Лилиенфельд, М.М. Ковалевский, Н.И. Кареев, П.А. Сорокин. Вице-президентами в разное время избирались около двадцати наших соотечественников.

В начале 30-х годов прошлого века сотрудничество российских социологов с МИС прервалось, на что повлияли прежде всего внутривнутриполитические проблемы СССР. Претерпев существенные изменения, МИС функционирует и в настоящее время, уступив пальму первенства (по масштабам и демократичности деятельности) созданной после Второй мировой войны Международной социологической ассоциации (МСА).

Участие российских социологов в МИС – одна из самых первых попыток отечественной социологии интегрироваться в мировое научное сообщество на легитимных организационных принципах. И эта попытка оказалась плодотворной, она позитивно сработала в целом на международный имидж нашей науки в те годы, она является отражением тех научных традиций, которые не потеряли своей ценности и в нынешних условиях. Поэтому трудно найти объяснение тому прискорбному факту, что во многих трудах современных авторов по истории отечественной социологии и энциклопедических изданиях по социологии¹ деятельность МИС, и особенно участие в его работе русских социологов, фактически совсем обделена вниманием.

¹ Социологическая энциклопедия. В 2 т. Рук. научного проекта д. и. н. Г.Ю. Семигин. Т. 1–2. М.: Мысль, 2003; Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. акад. РАН Г.В. Осипова. М.: Норма-Инфра, 1998.

Недостаточно уделяется внимания вкладу М.М. Ковалевского в международную институционализацию социологии, в ее интеграцию в мировое социологическое сообщество; это сильно контрастирует с освещением в научных исследованиях его заслуг как зачинателя школы русских социологов, как одного из тех, кто стоял у истоков российской социологии. Научная деятельность М.М. Ковалевского не может быть объективно оценена без учета всего того, что он осуществил в этом плане за пределами России, – его участия в становлении Европейского социологического сообщества, его деятельности в качестве организатора и активного участника Международного социологического конгресса (1894), председателя Международного института социологии (1907), его научной и преподавательской деятельности в университетах Западной Европы и Северной Америки. В этом же ряду и его инициатива по созданию в 1901 году в Париже Русской высшей школы общественных наук.

Справочно. Этот, говоря сегодняшними словами, гуманитарный проект возник при несколько необычных обстоятельствах – на проходившей в 1900 году в Париже Всемирной выставке, в рамках которой была организована специальная международная школа с пятью отделениями – французским, английским, американским, немецким и русским. Успех русского отдела получил широкий резонанс среди французской общественности и особенно у многочисленной русской колонии в Париже. Так и возникла у руководителей русского отдела школы идея создания во французской столице Русской высшей школы общественных наук в качестве постоянно действующего просветительского учреждения; эта инициатива исходила от М.М. Ковалевского, изгнанного в 1887 году из Московского университета за его демократические взгляды и за критику царизма и продолжавшего свою профессиональную научную деятельность за пределами России.

В организации школы ему помогали бывший профессор Московского университета Ю.С. Гамбаров и отставной статский советник, бывший гласный Тверского губернского земского собрания Е.В. де Роберти. Из всех организационных вопросов, связанных с созданием высшей школы, самым сложным оказалось то, что, по существовавшим тогда законам Франции, правом открыть подобное учреждение обладали только французские граждане. Выход был найден. М.М. Ковалевскому благодаря его неформальным связям с влиятельными кругами французской столицы удалось решить эту проблему путем создания в высшей школе двух администраций – французской, в которую вошли многие видные общественные деятели Франции (Ш. Сеньобос, Э. Золя, Ф. Олар, Л. Буржуа), и русской – в составе инициаторов учреждения высшей школы и активных членов русской колонии в Париже.

Решению этого вопроса именно таким путем помогло неафишируемое участие М.М. Ковалевского, Ю.С. Гамбарова и Е.В. де Роберти в масонской организации. Большая роль М.М. Ковалевского в истории русского масонства начала XX века заключалась в том, что он еще в конце 1870 года стал членом одной из французских лож, подчиненных «Верховному Совету прошлого шотландского прежнего образа, признанного Францией»¹. А со временем, после эмиграции из России, он организовал в Париже масонскую ложу «Космос», главной задачей которой стал прием во французское масонство приезжающих в Париж русских. Ложа «Космос» и стала ру-

¹ Цит. по: Корнилов А.А., Селезнева И.Н. Русский университет в Париже // Вестник РАН. 1995. Т. 65, № 4. С. 358.

ководить Русской высшей школой общественных наук¹. Руководящим органом школы стал специально созданный совет профессоров, который избирал распорядительный комитет из пяти человек. Председателем комитета стал известный биолог И.И. Мечников (бывший профессор Новороссийского университета, эмигрировавший из России в 1882 году), вице-председателями – М.М. Ковалевский и Е.В. де Роберти, генеральным секретарем – Ю.С. Гамбаров.

Открывая высшую школу, М.М. Ковалевский подчеркнул в своем выступлении: «Большинство из нас, основателей школы, примыкает к позитивной философии Огюста Конта и ее широкому толкованию Ренаром, Пэнном, Литре и многими другими, которых, к моему удовольствию, я вижу здесь»². Проявляя свою приверженность позитивистской философии, М.М. Ковалевский при организации работы высшей школы исходил из необходимости учитывать в учебном процессе многообразие точек зрения, причем не только в философии, но и в других науках. Об этом свидетельствует и приглашение для чтения лекций профессионалов разных научных предметов и направлений.

Наряду с профессионалами в различных областях знания в качестве лекторов выступали и политики нескольких самых различных направлений, в том числе Э. Вандервельде, В.И. Ленин, П.Н. Милюков, Г.В. Плеханов, Ю.О. Мартов, Л.Д. Троцкий, В.М. Чернов и др.

О неоднородности политической ориентации лекторов школы свидетельствует и то, что в их числе были будущий большевик Ф.А. Артем (Сергеев), социал-демократически настроенный С.Г. Струмилин, который в 1931 году станет академиком, будущие видные меньшевики К.М. Ермолаев и Н.Н. Суханов. Весьма показательны, что слушателями школы были не только парижане, но и люди, приехавшие из самых разных районов России – Выборга, Оренбурга, Кутаиси, Витебска, Самары, Владикавказа.

Хотя школа просуществовала недолго (до 1905 года), она заняла заметное место в истории высших учебных заведений российской эмиграции как учреждение, где преподавание и научные исследования по социологии осуществлялись отечественными профессионалами.

После смерти Сталина картина стала резко меняться, на что сильное воздействие стал оказывать такой внешнеполитический фактор, как стремление нового политического руководства страны добиться разрядки международной напряженности. В этих новых условиях у Президиума АН СССР появилась возможность использовать развитие международных научных связей для обновления организационных форм и методов работы в самой академии, рассчитывая на поддержку партийных инстанций без риска встретить непонимание властей.

Первым после восьми лет практически полного отсутствия международных связей мероприятием, в котором приняли участие ученые капиталистических стран, в том числе и Соединенных Штатов Америки, была прошедшая 20–23 мая 1954 года сессия Отделения физико-математических наук АН СССР, посвященная открытию

¹ Цит. по: Корнилов А.А., Селезнева И.Н. Русский университет в Париже // Вестник РАН. 1995. Т. 65, № 4. С. 359.

² Цит. по: Орел В.М. Битва за здравый смысл. Как принимался Устав Академии 1930 года / Вестник РАН. 1994. Т. 64, № 4. С. 359.

восстановленной Главной астрономической обсерватории в Пулковке. Вслед за этим Президиум АН СССР поддержал предложения ученого секретаря Президиума АН СССР А.В. Топчиева разработать мероприятия по развитию международных связей, не ограничиваться при этом случайными приглашениями зарубежных ученых и продумать широкую программу развития международных отношений в академии¹.

При оценке эффективности работы Академии наук в академических отчетах стали в обязательном порядке учитываться международные научные связи. Результаты не заставили себя долго ждать: только в 1954 году утроилось число международных научных делегаций и удвоилось число единиц международного книгообмена.

Возрастала потребность использованием руководством страны возможностей науки для смены внешнеполитической концепции СССР, в чем наука призвана была сыграть исключительно большую роль прежде всего по таким двум направлениям: а) чисто в научном плане – научное обеспечение обновляющегося внешнеполитического курса страны; б) в общественно-политическом отношении – интеграция в международное научное сообщество. О том, как непросто протекали эти процессы, свидетельствует возникшая внутри самого политического руководства страны коллизия в связи с инициативой Г.М. Маленкова обсудить на заседании Президиума ЦК КПСС выводы доклада, подготовленного министром среднего машиностроения В.А. Малышевым при участии группы специалистов в области ядерной физики – И.В. Курчатова, А.И. Алиханова, И.К. Кикоина и А.П. Виноградова. Основная мысль доклада, с чем согласился Г.М. Маленков, – необходимость пересмотра постулатов классовой борьбы на международной арене ввиду того, что разрушительные последствия применения нового оружия, созданного к этому времени, исключают возможность ведения войны против классового противника. Но вскоре стало ясно: зерна такой научной истины были брошены на неблагоприятную почву – Маленков оказался непонятым своим политическим окружением, он был обвинен в «пораженческих настроениях», вошедших в противоречие с партийным принципом исторического оптимизма. И все же эта идея не только не была похоронена, но она вскоре восторжествовала после того, как в феврале 1956 года Н.С. Хрущев на XX съезде КПСС провозгласил в качестве приоритетного направления внешней политики СССР принцип мирного сосуществования с капиталистическими странами и отказ от конфронтации с ними. Разумеется, причиной такого резкого перелома во взглядах руководства страны стало признание того, что крайне опасно не считаться с новыми реалиями – с созданием оружия массового поражения и политической бесперспективностью открытого вооруженного столкновения с классовым противником.

В этом противостоянии Н.С. Хрущев одержал победу над своими политическими соперниками, и основу внешней политики СССР на новом этапе составил принцип мирного сосуществования². Для научного сообщества принципы мирного сосуществования означали, кроме всего прочего, появление новых, ранее неведомых возможностей для коренного изменения международного имиджа самой Академии наук и в целом всей науки. Уже 2 марта 1956 года, то есть менее чем через месяц после окончания XX съезда КПСС Президиум АН СССР принял постановление «О ме-

¹ См.: Стенограмма заседания Президиума АН СССР от 11 июня 1954 г. Московский филиал Архива РАН. Ф. 2. Оп. 3а. Ед. хр. 148. С. 26–28.

² См.: Молотов, Маленков, Каганович. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998.

рах по упорядочению международных научных связей Академии наук СССР и улучшению использования научных командировок». Первый пункт документа гласил: «Считать одной из основных задач, стоящих перед учреждениями и научными сотрудниками Академии наук, тщательное изучение положительного опыта зарубежных научных учреждений и отдельных ученых в различных областях науки»¹.

Знаковым стало согласие советского правительства в том же году включить главу атомного проекта И.В. Курчатова в состав делегации в Харуэлл, где он не только произнес получивший широкий резонанс доклад о работах советских ученых по управляемым термоядерным реакциям, но и предложил эти исследования рассекретить. И это стало не просто политической сенсацией на научные темы, а смелой демонстрацией нового взгляда на изменившийся мир, на новые угрозы, которые нависали над всем человечеством в результате изобретения и производства оружия массового уничтожения. И весьма примечательным является то, что многие видные зарубежные ученые, разрабатывавшие такую же тематику, перешагнули через барьер идеологических противоречий и однозначно поддержали советского академика. Первыми это сделали через год американцы и англичане, опубликовавшие часть своих работ на международной конференции в Венеции. А два года спустя в Женеве все страны полностью рассекретили осуществленные исследования по термоядерным реакциям².

К началу 60-х годов международное научное сотрудничество приобрело статус одной из важнейших задач АН СССР, его задачи и цели стали постоянно формулироваться в планах академии. В своем докладе на общем собрании академии 21 апреля 1965 года президент АН СССР М.В. Келдыш, например, отмечал, что цель академического сотрудничества – «укрепление влияния в международных организациях» и «пропаганда достижений советской науки»³. В контексте расширения инфраструктуры международного научного сотрудничества необходимо рассматривать и учреждение в это же время Института научно-технической информации, в число задач которого входило реферирование изданных за рубежом научных статей, а также создание издательства «Мир», которому было поручено публиковать переводы зарубежных научных книг. В 1953–1964 годах произошел небывалый рост числа международных научных организаций, членами которых становилась АН СССР: в 1953 году их было 2, в 1954 – 6, в 1955 – 18, в 1956 – 42, в 1957 – 61, в 1958 – 72, в 1959 – 82, в 1960 – 89, в 1961 – 90, 1962 – 95, в 1963 – 100, в 1964 – 108⁴.

И это при отсутствии институционализированной социологической науки на национальном уровне, при отсутствии не то что ее легитимной инфраструктуры, но даже отдельных социологических структур – кафедр, факультетов, институтов и др. В объяснении причин, почему и как это произошло, в научных публикациях господствует, к сожалению, неправдоподобная версия о том, что это случилось в результате

¹ Постановление Президиума АН СССР от 2 марта 1956 г. «О мерах по упорядочению международных научных связей Академии наук СССР и улучшению использования научных командировок». РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Ед. хр. 22. С. 42.

² Головин И.Н. И.В. Курчатова. М., 1967. С. 88, 89.

³ Келдыш М.В. Отчет о научно-исследовательской работе АН СССР за 1964 г. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Ед. хр. 208. С. 1.

⁴ См.: Иванов К.В. Как создавался образ советской науки в постсталинском обществе // Вестник Российской Академии наук, 2001. Т. 71, № 2. С. 103.

отмены властями (имеется в виду КПСС) якобы существовавшего тогда запрета на социологию. Этот аспект проблемы мы отдельно рассмотрим в других разделах книги. В данном же случае обратим внимание на то, что, как свидетельствуют факты, в том числе и обнаруженные в архивах многие документы, основной причиной отсутствия легитимных связей советских социологов с Международной социологической ассоциацией до III Международного конгресса социологов (Амстердам, Голландия, август 1956) были не внутрисударственные советские факторы, а обстоятельства внешнеполитического характера – неучастие СССР в ЮНЕСКО. Проблема эта к тому времени оказалась «многослойной», поэтому нам не обойтись без прояснения ряда существенных в данном случае нюансов.

Дело в том, что Международная социологическая ассоциация была учреждена ЮНЕСКО (по инициативе ее Департамента социальных наук) тогда, когда СССР не входил в состав этой международной организации. Советские социологи не принимали участия и в состоявшемся 14 октября 1948 года в Париже под председательством главы департамента ЮНЕСКО Арвида Бродерсена организационном совещании, на котором было провозглашено создание Международной социологической ассоциации¹. Без участия Советского Союза проходил и Учредительный социологический конгресс (Осло, сентябрь 1949)².

Совершенно понятно, что в силу именно этих причин советские ученые не приняли участие в работе как проходившего под девизом «Социологическое исследование и его влияние на международные отношения» I Международного социологического конгресса (Цюрих, 1950)³, давшего старт интеллектуальной деятельности МСА, так и II конгресса (Льеж, Бельгия, 1953), на рассмотрение которого был внесен вопрос о социальной структуре современного общества. И это при том, что двумя годами ранее советская делегация впервые приняла участие в XVI конгрессе Международного института социологии, а Отделение экономических, философских и правовых наук АН СССР активно занималось подготовкой докладов к этому международному форуму – и все это без каких-либо препятствий со стороны властей. Причина? Одна-единственная: Международный институт социологии не входил в структуру ЮНЕСКО, он был совсем независим, и желающие принимать участие в его мероприятиях не обязаны были согласовывать свои вопросы с ЮНЕСКО.

Вступление же СССР в ЮНЕСКО в 1954 году означало – открывалась дорога для оформления легитимного членства советских социологов в МСА, и как связанный с этим второй шаг – участие в международных социологических конгрессах в качестве официальных представителей советской науки, что и произошло уже на следу-

¹ На организационном совещании присутствовали представители Франции, Нидерландов, Швейцарии, США, Норвегии; приглашенный на совещание представитель Великобритании отсутствовал по уважительной причине.

² На Учредительном социологическом конгрессе была представлена 21 страна: Австрия, Бельгия, Великобритания, Дания, Египет, Израиль, Индия, Италия, Канада, Китай, Куба, Нидерланды, Норвегия, Польша, США, Турция, Уругвай, Франция, Швейцария, Швеция; от Германии в личном качестве присутствовал Леопольд фон Визе.

³ Первый (Цюрихский) Всемирный социологический конгресс был организован Рене Кенигом и проводился частично совместно с почти одновременно вновь созданной Международной ассоциацией политических наук; девиз конгресса «Социологические исследования и их влияние на международные отношения»; на конгрессе был избран первый полноправный исполнительный комитет.

ющем III Международном конгрессе социологов в Амстердаме. Весьма показательным является и то, что в это же время, в июне 1955 года, Секретариат ЦК КПСС по предложению Президиума АН СССР принял решение о направлении делегации советских ученых на III Международный конгресс политических наук, а также о вступлении в Международную ассоциацию политических наук. Так неинституционализированные в СССР социология и политология стали интегрироваться в курируемые Департаментом социальных наук ЮНЕСКО Международную ассоциацию политических наук (этому последовали аналогичные ассоциации юристов и экономистов), которые со временем объединились в Международный совет социальных наук (МССН), который в 1972 году был преобразован в Международную федерацию того же названия.

На учредительном собрании (19 сентября 1972) новый Международный совет социальных наук (МССН) образовали такие 11 международных организаций: Международная ассоциация юридических наук, Международная экономическая ассоциация, Международная ассоциация юристов, Международная ассоциация исследователей в области мира, Международная ассоциация политических наук, Международная социологическая ассоциация, Международный союз антропологических и этнологических наук, Международный союз психологии, Международный союз научного изучения населения, Международная ассоциация исследования общественного мнения, Международная федерация умственной гигиены. Весьма показательно, что до 1972 года во всех перечисленных организациях, кроме первой, у руководства стояли либо американцы, либо англичане, либо другие, но никто от СССР. Что же касается руководящих органов МССН, то до 1972 года кооперированными членами бюро МССН были академик А.М. Румянцев и член-корреспондент АН СССР Т.Т. Тимофеев.

Основу задач, решаемых МСА, а значит, и национальными организациями, составили предложения, сформулированные на состоявшемся 14 октября 1948 года организационном совещании: а) продвижение социологии как науки и как действия (формулировка резолюции – поддержка во всех странах социологического изучения, преподавания и исследований с упором на научный характер и практический вклад социологии); б) международные исследования (поддержка межнациональных работ и создание инструментария, пригодного для сравнительных исследований); в) обмен информацией (обзор международных тенденций, выпуск информационного бюллетеня, справочная служба, центр первичной документации, распространение микрофильмов наиболее важных источниковых материалов и поддержка переводных изданий); г) личные контакты (включая международные встречи, обмен преподавателями и студентами, поддержку исследований за пределами страны исследователя)¹.

Эти задачи были дополнены важными решениями Учредительного социологического конгресса: организация международного обмена преподавателей социологии, подготовка справочника существующих социологических центров и регистров текущих социологических исследований, подготовка и проведение социологической конференции в 1950 году. Предметом пристального внимания конгресса явилось изучение возможностей финансирования межнационального исследовательского

¹ См.: Култыгин В.П. Современные зарубежные социологические тенденции. М.: Союз, 2000. С. 21.

сотрудничества. Конгресс учредил Исследовательский комитет, задачей которого стало определение приоритетов и подготовка рекомендаций по сотрудничеству с различными международными организациями и по значимости различных исследовательских проектов.

Представляет интерес и динамика роста численного состава МСА до 1958 года, то есть до вступления в нее Советской социологической ассоциации. Ведь опыт создания первых национальных социологических ассоциаций представлял для советских социологов большой интерес в связи с учреждением Советской социологической ассоциации. Через полгода после Учредительного социологического конгресса национальные социологические ассоциации, ставшие членами МСА, функционировали только в восьми странах – Бельгии, Бразилии, Германии, Италии, Китае, Нидерландах, США и Японии. Кроме того, в четырех странах ассоциации были организованы совместно с другими обществоведческими дисциплинами; в десяти странах профессиональные социологические структуры работали в форме институтов; как минимум в десяти странах социологические исследования проводились в условиях отсутствия соответствующих структур (ассоциаций, институтов и др.). До 1950 года в целом существовало как минимум 16 ассоциаций; 11 национальных организаций были созданы в 1950 или 1951 году и присоединились к МСА в 1953 году. Помимо указанных выше 17 ассоциаций было создано и вступило в МСА в 50-е годы, а в 60-е годы это осуществило еще 12 ассоциаций.

В преодолении советскими учеными международного научного изоляционизма в области социологии исключительно большую роль сыграло их участие в организуемых под эгидой Международной социологической ассоциации Всемирных социологических конгрессах, которые до 1962 года проводились с интервалом в три года, а после 1962 года, то есть после V Всемирного социологического конгресса (Вашингтон, 2–8 сентября 1962), – через четыре года.

Первым после вступления СССР в ЮНЕСКО международным социологическим конгрессом, на котором советские ученые присутствовали в качестве официальной делегации, стал III Международный конгресс социологов (Амстердам, Нидерланды, 22–29 августа 1956). Ввиду того, что к этому времени еще не была создана Советская социологическая ассоциация, а значит, и не было у советских социологов никаких институционализированных связей с МСА, приглашение участников конгресса от СССР осуществлялось через дипломатические каналы: исполнительный секретарь МСА при ЮНЕСКО господин Т.Б. Боттомора соответствующее письмо в адрес Академии наук СССР отправил в октябре 1954 года через советское посольство в Лондоне.

Для отечественной науки этот конгресс имеет особое значение еще и потому, что на нем впервые возник вопрос о вступлении советских социологов в Международную социологическую ассоциацию, о чем ЦК КПСС официально информировали советские участники конгресса П.Н. Федосеев и М.Д. Каммари (о том, как это происходило и каким фальсификациям подверглась эта страничка советской социологии в постсоветское время, мы более подробно расскажем ниже). После этого официальные делегации советских ученых принимали участие во всех без исключения последующих Всемирных социологических конгрессах: IV (Стреза, Италия, 8–15 сентября 1959), V (Вашингтон, 2–8 сентября 1962), VI (Эвиан, Франция, 4–10 сентября 1966), VII (Варна, Болгария, 14–19 сентября 1970), VIII (Торонто, Канада, 19–24 августа 1974), IX (Упсала, Швеция, 14–19 августа 1978), X (Нью-Дели, Индия, 1986).

Представляют интерес наблюдения зарубежных социологов за тем, как менялась советская социология в описываемое время, как она соотносилась с зарубежной социологией, что было в этом процессе главным, а что – менее важным. В отличие от многих научных публикаций по истории социологии, ограничивающихся формальным упоминанием времени, места и темы социологических конгрессов, что является их существенным недостатком, в настоящем исследовании особое внимание уделено содержательной, сущностной стороне дела, то есть внутренним проблемам эволюционного процесса интеграции отечественной социологии в международную научную среду, доктринальному взаимодействию советской и западной систем социальных наук в крайне сложных условиях глобального идеологического противостояния, выявлению, о чем свидетельствуют и труды тогдашнего президента Американской социологической ассоциации П. Сорокина, конвергентного потенциала для нахождения общих точек соприкосновения между этими системами в интересах их конструктивного взаимодействия. Так, например, IV Международный социологический конгресс открылся провозглашением французским профессором Раймоном Ароном тезиса о том, что, несмотря на всякие оговорки, к тому времени было две наиболее влиятельных социологических школы – советская и американская. И это при том, что еще недавно на социологических конгрессах и международных совещаниях западные социологи вообще отрицали наличие социологических исследований в СССР.

А шведский социолог Руне Перссон, говоря об итогах Эвианского конгресса социологов, отметил: «Я лично был поражен тем фактом, что в настоящее время и советские, и западные социологи говорят на одном языке. На неофициальных встречах употреблялись в основном те же понятия, и, что касается моего личного опыта, не было идеологических препятствий, мешающих общению»¹.

К весьма интересным выводам о динамике изменений в советской идеологии по мере ее интегрирования в международное социологическое сообщество пришел известный французский социолог М. Доган. Если на конгрессе в Амстердаме в 1956 году делегат СССР представил доклад, в котором превалировала пропаганда, то на конгрессе в Стресе в 1959 году многие его участники заметили «изменение в поведении советских представителей»; на конгрессе в Вашингтоне же в 1962 году можно было наблюдать дальнейший прогресс, а на конгрессе в Эвиане в 1966 году, как отметил М. Доган, он «впервые ощутил, что диалог с социологами из советских университетов не только возможен, но и плодотворен и интересен»² (подчеркнуто нами. – А.К.). «В 1956 и 1959 годах, – продолжает он, – советские ученые, казалось, были скорее философами или историками, нежели социологами, в то время как в Эвиане я уже имел дело с замечательными социологами, владеющими труднейшими методами социологического исследования, осуществляемого ими с большой активностью. Вместе с другими я разделяю радость по поводу этой эволюции»³ (подчеркнуто нами. – А.К.).

На шведского социолога К.-Э. Вернерюда особенное впечатление произвело то, что российские социологи в разработку социологических проблем стали включать свои субъективные оценки, что проявилось, в частности, при обсуждении вопро-

¹ См.: Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: ACADEMIA, 1997. С. 109.

² См.: Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: ACADEMIA, 1997. С. 122.

³ См.: Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: ACADEMIA, 1997. С. 122.

сов массовой культуры и массовых средств коммуникаций с точки зрения известной системы ценностей. По его мнению, «дискуссия такого рода может быть поучительной, так как она вскрывает фундаментальные предпосылки, лежащие в основе работ социологов или социальных психологов, склонных к эмпиризму и применению количественных методов»¹. Другой шведский исследователь, М. Хедберг, обратил внимание на то, что в советской социологии стал приобретать очень большое значение растущий объем эмпирических социологических изысканий. По его мнению, весьма ценным является то, что «многие программы социологических исследований в СССР ведутся сравнительным методом и на базе схожих гипотез и целеполаганий», благодаря чему «легче понять различия, существующие между большими социальными системами современности»². Актуальной задачей, как он заявил, является забота о создании каналов, которые позволили бы усилить общение и обмен эмпирическими результатами.

Весьма интересным представляется заявление, сделанное после Эвианского социологического конгресса американским профессором Дж. С. Сомервилем: ему бросилось в глаза «не только продемонстрированное нам развитие техники, тематики работ и центров эмпирических социологических исследований в Советском Союзе, но и та жизненная связь, которая продолжается между этими эмпирическими факторами и факторами самой теоретической значимости»³. А для его соотечественника А. Этциони крайне важным оказалось то, что на Эвианском конгрессе социологов большая часть сообщений советских социологов «была на уровне самых высших требований, предъявляемых к социологической литературе в любой стране мира»⁴ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Бельгийский же профессор А. Жан резюмировал вклад советских социологов в Эвианский конгресс в таких пяти пунктах: 1) они познакомили участников конгресса со своими первыми результатами эмпирических исследований; 2) они показали, отчасти косвенно, влияние этих эмпирических исследований на их систему теоретических интерпретаций; 3) они интерпретировали свои результаты в рамках определенных теоретических положений, что не всегда делают западные социологи; 4) они показали более широкий объем компетенции в области западной социологии; 5) они занялись полезным критическим анализом этой западной социологии⁵.

В свою очередь, японский профессор М. Чибя отметил, что советские социологи в Эвиане показали «наличие и эффективность социологии в той же мере, как на Западе», что их сообщения «были интересны тем, что они отразили определенный взгляд на природу социологии, а именно, что социология может служить средством для достижения цели, в данном случае – реализации законов материалистической диалектики» (подчеркнуто нами. – А.К.), что этот взгляд «достойн особого внимания, так как западная социология не всегда определяет эту цель достаточно ясно»⁶.

Важный вывод сделал американский социолог Дж. С. Ниттл: «На меня произвела большое впечатление решительность советских социологов, с которой они стремят-

¹ См.: Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: ACADEMIA, 1997. С. 123–124.

² См.: Социология и власть. Сборник 1. Документы 1953–1968. М.: ACADEMIA, 1997. С. 124.

³ См.: Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: ACADEMIA, 1997. С. 110.

⁴ См.: Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: ACADEMIA, 1997. С. 111.

⁵ См.: Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: ACADEMIA, 1997. С. 111.

⁶ См.: Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: ACADEMIA, 1997. С. 113.

ся стать частью той международной среды, где происходит социологическое общение, и их стремление избегать таких дискуссий, которые позволяли бы подчеркивать какой бы то ни было фундаментальный разрыв между ними и западными социологами»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.). В этом контексте заслуживает внимания и высказывание бельгийского социолога Питера де Би: «Со времени конгресса в Амстердаме в 1956 году, когда советские ученые впервые появились на международном социологическом конгрессе, их участие все время возрастало в количественном и качественном отношении. Они постоянно выходили из своей первоначальной изоляции, становясь все более доступными, охотно вступали в диалог и недвусмысленно проявляли свою готовность к сотрудничеству и научному обмену. Эта готовность к сотрудничеству меня снова сильно поразила во время заседаний, на которых я председательствовал во время Эвианского конгресса»² (подчеркнуто нами. – А.К.).

Рассматривая изменения, происходившие в анализируемый период советской социологии через призму укрепления сотрудничества, американский социолог Р.К. Мертон писал: «За период, прошедший между двумя последними конгрессами (Вашингтонским и Эвианским), наши советские коллеги сделали большой шаг вперед в развитии серьезных эмпирических исследований, зачастую по вопросам, имеющим фундаментальный теоретический интерес. Этим, мне кажется, была создана солидная основа для продолжения интеллектуального общения между советскими социологами и их коллегами в Европе и США»³.

Французский же социолог А. Турен, говоря о том, что большинство международных социологических конгрессов посвящало значительную часть своих дебатов сравнению социологий на Западе и Востоке, диалогу между ними, задался целью проникнуть в суть таких сравнений и выявил, что «практически дело сводилось к противопоставлению идеологических документов, позволивших лишь лучше понять положение социологии в той или иной стране»⁴, и не более. Поэтому, по его мнению, «было бы слишком смелым утверждать, что дело шло о сравнении социологических исследований, проводившихся в обществах с различными структурами, – ведь исследования эти велись различными методами и инспирировались различными целями» (подчеркнуто нами. – А.К.). И для него встреча советских социологов с их западными коллегами представляла интерес лишь с того момента, когда «и те и другие начинают признавать не столько в своих декларативных заявлениях, сколько в своей практической работе – элементарное единство интеллектуальной процедуры, то есть соглашаются с тем, что эта процедура требует формулирования доказуемых положений и стремления представить необходимые доказательства»⁵ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Указав на то, что по мере этого сближения между социологической продукцией Запада и Востока становятся интересными и расхождения, он выделил два типа таких расхождений: а) тот тип, который проистекает из различий в наблюдаемой действительности; б) тот, который проистекает из различий в применяемых понятиях. При этом он выразил надежду, что «развитие метода анкетных вопросов в СССР не

¹ См.: Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: АCADEMIA, 1997. С. 113.

² См.: Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: АCADEMIA, 1997. С. 115.

³ См.: Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: АCADEMIA, 1997. С. 117.

⁴ См.: Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: АCADEMIA, 1997. С. 120–121.

⁵ См.: Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: АCADEMIA, 1997. С. 120.

остановится на элементарном уровне собирания фактов» и что «наблюдаемые различия в фактах приведут к выработке отличий в понятиях – не в случайных понятиях в глобальном понимании истории, а в концепциях, позволивших бы лучше описать реальные конкретные особенности»¹. «Я думаю, – подчеркнул он, – что поиск и применение соответствующих концепций, так сказать, среднего уровня поможет освободить современную социологию, почти исключительно построенную на опыте индустриальных стран Запада, от специфических особенностей, присущих социальной обстановке именно в этих странах»².

Выразив удовлетворение, что эпоха чисто идеологических споров уходит в прошлое, он высказал надежду, что «началась новая эпоха, в которой общение и общность не были бы лишь внешними, сводящимися к ограниченному уровню вульгарного эмпиризма. Все мы, социологи, остро нуждаемся не только в конкретных результатах, но и в полете социологического воображения, и в теоретической изобретательности советских социологов»³.

Разумеется, сказанное выше об оценке ведущими западными социологами интеграционных процессов советской социологии в период ее возрождения – это одна сторона проблемы, другая же заключается в наличии в указанное время многих нерешенных задач, серьезных упущений в институционализации социологии как самостоятельной научной дисциплины, в том числе и в сфере ее интеграции в международное научное сообщество. Например, японский социолог У.Г. Ньюэлл сделал такой вывод: «Сила советской социологии заключается в едином взгляде на мир, в ее организованности и способности учиться у Запада без повторения его ошибок. Ее слабость лежит в ее нынешнем прагматическом подходе, в разделенности на ряд дисциплин, в ее молодости»⁴. Вряд ли кто осмелился бы возражать и С.Л. Андрески – британскому социологу, который, отвечая на вопрос анкеты, заявил, что советские социологи «по-прежнему еще очень далеки по своему уровню от утонченности и независимости мысли, достигнутой такими дореволюционными авторами, как Максим Ковалевский и Ключевский»⁵.

В институционализации отечественной социологии большую роль сыграло также осуществление советскими учеными с зарубежными коллегами совместных международных научных проектов. Заметным явлением в этом отношении стало впервые проведенное в шестидесятые годы международное сравнительное исследование по проблемам труда и индустрии (СССР, Польша) под руководством Г.В. Осипова и Я. Щепаньского. Результаты этого исследования были опубликованы на русском, польском и итальянском языках в виде монографического издания⁶. Значение этих исследований для того времени определялось тем, что, как отмечалось во введении к монографии, «польской социологии они дали возможность познакомиться с уровнем развития в СССР общей социологической теории марксизма, в то время как советские социологи благодаря этим контактам получили возможность позна-

¹ См.: Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: ACADEMIA, 1997. С. 121.

² См.: Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: ACADEMIA, 1997. С. 121.

³ См.: Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: ACADEMIA, 1997. С. 121.

⁴ См.: Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: ACADEMIA, 1997. С. 115.

⁵ См.: Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: ACADEMIA, 1997. С. 110.

⁶ Социальные проблемы труда и производства. Советско-польское сравнительное исследование / под ред. Г.В. Осипова и Я. Щепаньского. М.: Мысль; Варшава: KSIAZKA I WIEDZA, 1969.

комиться с эмпирическими исследованиями, техникой сбора материалов и методами их обработки»¹.

Большой интерес у научной общественности вызвали также такие исследования, осуществленные советскими социологами совместно с коллегами из других стран: совместное советско-болгарское исследование по изучению социальных факторов, влияющих на эффективность научной деятельности (итогом исследования стало издание коллективной монографии «Ученый и научный коллектив: социальные аспекты деятельности»); осуществленное под руководством В.Г. Андриенкова советско-американское исследование жизни малых городов. Темой советско-германского исследования стало участие рядовых граждан в управлении и перестройке, по результатам которого в СССР и Германии была издана монография «*Deutsche Mittestimmung – russische Perestroika*». Ценный опыт многопланового научного (в разных форматах) сотрудничества – совместные исследования, конференции, симпозиумы, обмен информацией – накопили отечественные социологи совместно со своими коллегами из США, Германии, Франции, Финляндии.

К числу крупнейших советских социологических проектов относится международное обследование бюджета времени населения на примере Пскова. Проводилось оно осенью 1965 года после проведенного в сентябре 1964 года Европейским центром по координации исследований и документации в области общественных наук (президент профессор А. Шафф, Польша) международного совещания, на котором было принято решение провести по единой методике параллельное сравнительное обследование бюджетов времени в странах, участвовавших в совещании. Примечательным было то, что за образец была принята советская методика. Предполагалось, что объектом исследования в каждой стране будет выбран промышленный город с населением от 50 до 200 тысяч человек, а обследование будет проводиться национальными комиссиями без участия иностранцев. Академия наук СССР признала целесообразным принять участие в этом проекте, в качестве объекта исследования избрала город Псков, выбранный из числа других городов по совокупности лучших показателей. Выбор данного города поддержали ЦСУ РСФСР и Псковский обком партии. Отдел науки и учебных заведений изучил эти предложения, и заведующий отделом С. Трапезников направил 10 июля 1965 года записку в ЦК КПСС, после чего на ней появилась резолюция: «Согласиться. Б. Пономарев, М. Суслов, А. Шелепин, Д. Устинов».

Особое значение имели те формы двустороннего сотрудничества, которые не ограничивались представительско-делегационным обменом, напоминающим «научный туризм», а были сориентированы на целенаправленное и профессиональное изучение сторонами сотрудничества состояния в соответствующих органах социологической науки как в целом, так и отдельных ее направлений, программ, проектов. Подтверждение тому – самые ранние социологические советско-американские контакты. Состоявшийся в мае 1961 года визит в СССР делегации американских ученых-бихевиористов стал первым мероприятием такого рода, проведенным совместными усилиями Национальной академии наук США и АН СССР. В состав делегации

¹ Социальные проблемы труда и производства. Советско-польское сравнительное исследование / под ред. Г.В. Осипова и Я. Щепаньского. М.: Мысль; Варшава: KSIAZKA I WIEDZA, 1969. С. 5.

вошли два известнейших социолога – Р. Мертон из Колумбийского университета и Г. Рикен из Национального научного фонда, а также шесть психологов, один психиатр, один антрополог. Интерес американских социологов был прикован к таким проблемам тогдашней советской социологии: отношения возрождающейся социологии с историческим материализмом; марксистская доктрина и эмпиризм (Мертон и Рикен назвали эмпирическое познание общества «практическим эмпиризмом»); сущность нового на то время понятия «конкретные социологические исследования»; организация социологических центров в наиболее крупных городах страны – Москве, Киеве, Ленинграде, Тбилиси и др.

Обратив внимание на отсутствие в ряде случаев у советских исследователей многовариантного анализа, «сжатость со всех сторон официальной доктриной», «ценностными ориентациями» и «сложившимися убеждениями», американские социологи отметили: «И все же, не пытаясь брать на себя сомнительную роль пророков, мы склонны верить, повторяем, что по мере развития эмпирических исследований в советской социологии будет иметь место все большее сближение, по меньшей мере, методов, применяемых в СССР и США»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Другой американский социолог (и политолог) Дж. Фишер, совершивший несколько поездок в постсталинский Советский Союз, обратил внимание на интенсивную кристаллизацию советской социологии, чего, по мнению Б. Фирсова, не смогли в полной мере установить Мертон и Рикен во время их поездки в СССР в 1961 году². Основанием для такой оценки Дж. Фишера послужили его личные впечатления от контактов с советскими социологами, свидетельствующие о заметном росте числа активных разработчиков проекта советской социологии, об интенсивном росте публикаций по социологической проблематике, о крепнущей связи между государством и новой формирующейся отраслью научного знания, которая, по его мнению, не имела к тому времени прецедентов в анналах современной науки³.

Укреплению научных контактов между советскими и американскими учеными способствовал и визит в СССР видного американского социолога Т. Парсонса, результаты которого (визита) представляют несомненный интерес для социологического сообщества⁴. В центре его внимания оказались такие проблемы: планы создания новой науки в СССР (он их оценил как основательные); вопросы теории, а также техники и методов исследования; возрождение интереса к проблемам социальных изменений (принцип непрерывности естественной и социокультурной эволюции он рассматривал в качестве альтернативы детерминизму исторического процесса); роль субъективных факторов, социальной психологии в социологических исследованиях; обратная связь, дополняющая социальный контроль; роль социологии в социальной реконструкции общества.

¹ Цит. по: Фирсов Б.М. История советской социологии. 1950–1980-е годы. СПб., 2012. С. 280.

² Цит. по: Фирсов Б.М. История советской социологии. 1950–1980-е годы. СПб., 2012. С. 281.

³ См.: Фишер Дж. Наука и политика. Новая социология в Советском Союзе. Итака (штат Нью-Йорк: Центр по изучению международных проблем Корнеллского университета, 1964 // Социология в СССР: взгляд изнутри и извне в работах Геннадия Сипова, Джорджа Фишера, Ильи Земцова, Алекса Смирненко. М.: Вече, 2008. С. 350.

⁴ Parsons T. An American Expression of Sociology in the Soviet Union // American Sociological Review. February 1965. Vol. 30.

Особый научный интерес представляют работы видного американского социолога А. Гоулднера¹, прежде всего потому, что он, излагая ряд оригинальных идей по общесоциологическим проблемам, особенностям «академической социологии», «академического журнализма», выведения социологической дисциплины за пределы национальных границ, критике структурного функционализма Парсонса и др., осуществляет это не только путем привязки к советской социологии, но и ряда восточно-европейских стран (в 1965 году он осуществил ознакомительные поездки в Польшу и Югославию, а в 1966 году – в СССР). «Развитие отдельных социологических специальностей в Восточной Европе, – отмечал он, – не надо понимать как подтверждение “антисоциалистических” или “антипартийных” взглядов старой университетской интеллигенции старшего поколения. Во-первых, настоящая жизнестойкость восточноевропейской социологии часто проявляется среди молодых людей. Во-вторых, что еще более важно, новую социологию сегодня возглавляют люди, занимающие ответственные посты в коммунистических партиях своих стран и бесспорно им преданные. В самом деле, насколько я могу судить, лучшее в социологии – наиболее теоретически изощренная и эмпирически точная социология, даже по американским критериям, – создается членами коммунистической партии»². (подчеркнуто нами. – А.К.).

Важнейшими событиями в интеграции советской социологии в международное научное сообщество также стали: участие ученых СССР в проведенном в сентябре 1957 года Международном совещании социологов по вопросу о мирном сосуществовании, на которое были приглашены и выступили крупнейшие социологи мира Р. Арон, Ж. Фридман, А. Холландер, Э. Хьюз, Х. Шельски, Т. Боттомор; приезд в Институт философии АН СССР в 1961 году делегации польских социологов во главе с А. Шафаром в составе З. Баумана, М. Осовского, Л. Колаковского и др.; публикация знаковой статьи Юргена Кучинского «Социологические законы» в журнале «Вопросы философии» (1957, № 5); проведение по инициативе А. Соболева в журнале «Проблемы мира и социализма» в 1961 году обсуждения проблем социологии, в частности, социологического исследования общественных процессов.

Значимым стало участие президента МСА А. Мартинелли в работе первого Российского социологического конгресса в Санкт-Петербурге (1999). Он, подчеркивая свое высокое мнение о российской социологии, стал инициатором включения в программу XV Всемирного социологического конгресса (Брисбен, июль 2002) работы Русского форума, заседания которого проводились на русском языке.

Заслуживает также внимания инициативная записка А.М. Румянцева «О расширении контактов с представителями общественных наук США», адресованная 23 января 1969 года члену Политбюро, секретарю ЦК КПСС М.А. Суслову³. Подготовлена она по итогам посещения А.М. Румянцевым в декабре 1968 года ряда научных ассоциаций и крупнейших научно-исследовательских центров США. По своему содержанию записка представляет собой, с одной стороны, анализ американских исследований в области социологии и экономики, имеющих, по мнению автора записки,

¹ Гоулднер А. Наступающий кризис западной социологии. СПб.: Наука, 2003. Гл. 12: О кризисе марксизма и возникновении академической социологии в Советском Союзе.

² Гоулднер А. Наступающий кризис западной социологии. СПб.: Наука, 2003. Гл. 12: О кризисе марксизма и возникновении академической социологии в Советском Союзе. С. 520.

³ См.: Социология и власть. Сборник 2. Документы 1969–1972. М.: ACADEMIA, 2001. С. 61–70.

научный интерес для советских обществоведов, а с другой – предложения, которые целесообразно было бы осуществить советским ученым как с точки зрения изучения опыта американских коллег, так и расширения с ними профессиональных контактов. Весьма показательная деталь: А.М. Румянцев подписал документ не как академик и не как вице-президент АН СССР, а как член ЦК КПСС, что означало: документ возведен на самый высокий политический уровень. Обращаться члену ЦК КПСС напрямую в Политбюро ЦК КПСС с постановкой вопроса об усилении сотрудничества с американцами по наиболее скандальной отрасли науки, которой была тогда социология, да еще и в условиях неутраченного идеологического противоборства – это что-то да значило. Кстати, подобного не знала никакая другая область общественных наук в СССР – философия, история, экономическая наука и др. Это был, пожалуй, единственный такого рода случай за всю советскую историю.

Чем же ценен этот документ для историка социологии? В этом ключе и хотелось бы отметить несколько наиболее важных моментов. Прежде всего, автор записки обращает внимание на то, что общественные науки США все больше становятся важным инструментом политической власти, что проявляется в возрастании числа видных ученых страны, включенных в процессы формирования внешних политических решений, в разработку внутривнутриполитических и социальных программ развития, в росте авторитета новой технократической элиты, оказывающей реальное воздействие на законодательные и исполнительные органы власти. На исследования, связанные с политикой, американское правительство тратило тогда до 500 млн долларов в год, финансируя с этой целью крупнейшие университеты – Гарвардский, Колумбийский, Пристонский, Калифорнийский, Стэнфордский и др., а также на субсидирование полуправительственных научно-исследовательских центров Гудзоновского института, Бруклинского института, Института стратегических исследований и т.п., а также различным фондам, созданным монополиями Форда, Рокфеллера и др. И это все осуществлялось на фоне официальных деклараций о нейтралитете и независимости общественных наук от политики.

Наряду с этим автор документа обращает внимание на то, что значительная часть академической среды находится в оппозиции к правительству, что проявилось в росте либеральных, а подчас и левых настроений, вызванных недовольством внутривнутриполитическим курсом страны, вьетнамской войной, остротой внутренних социальных проблем. Указав на то, что представители общественных наук США оказались на переднем крае политической борьбы в стране, автор обращает внимание на то, что это сочетается с возросшим в послевоенные годы влиянием этих наук в политическом процессе, особенно несомненным повышением их прикладного значения.

Наиболее существенными достижениями общественных наук США он назвал: разработку методик и техники проведения выборочных исследований общественного мнения, применение количественных методов в социологии и экономике, математическое моделирование и социальную кибернетику, методы сбора и хранения первичной социологической информации на основе использования электронно-вычислительной техники, комплексные исследования социальных и социально-психологических факторов организации труда и производства в рамках отдельных предприятий и фирм. Обратил он внимание и на такие формы отношений науки и власти в США, как все более широкое привлечение ученых на правительственную службу

либо в качестве консультантов, либо непосредственно на административные должности, а также широкое распространение своеобразной системы ротации, при которой определенная устойчивая группа специалистов систематически чередует научную работу со службой в правительственных учреждениях (начало такому опыту было положено президентом Кеннеди, развито Джонсоном и, наконец, закреплено Никсоном).

Вот на этом фоне А.М. Румянцев и увидел необходимость в осуществлении новых мер по расширению объема и совершенствованию организационных форм связей советских ученых, прежде всего социологов, с представителями общественных наук США. При этом он отметил, что контакты с американцами к этому времени были минимальными, попытки налаживания их по линии посольства или других советских ведомств были по понятным причинам малоэффективными, а Академия наук СССР этому вопросу не уделяла должного внимания. Его вывод: «Такое положение нельзя признать нормальным». По его мнению, а) налаживание более эффективного советско-американского сотрудничества в области общественных наук способствовало бы расширению информационной базы, представляющей несомненное государственное значение с точки зрения анализа перспективных стратегических концепций в политике США; б) такие связи в определенной мере могли бы стать новым каналом воздействия на некоторые звенья аппарата формирования американской политики; в) несомненный интерес представлял бы опыт, который накоплен в США в области обслуживания политики со стороны науки; г) для разработки ответов и контрмер на политические инициативы США имело бы большое значение глубокое изучение методики подготовки таких материалов американской стороной, знакомство с логикой исследователей в условиях bipolarного противостояния.

В числе организационных мероприятий по реализации выдвинутых задач А.М. Румянцев предложил: поручить АН СССР разработать план обмена с соответствующими секторами американской науки, уделив особое внимание частным, прямо не связанным с правительством центрам; приоритет таких контактов – получение необходимой информации по методам работы американских научно-исследовательских учреждений, а также установление связей с учеными в целях оказания возможного влияния на интересующие советскую сторону органы; учредить при ООН пост представителя АН СССР, возложив на него задачу информирования центра по всем новым концепциям в области общественных наук и практике их использования, поддержания необходимых контактов с американскими учеными и научно-исследовательскими центрами, внесения предложений о дальнейшем развитии полезных связей; расширить изучение современных концепций и оттенков во взглядах американских левых и либеральных научных кругов, обеспечив их деловую критику и подбор аргументов для более обоснованных и доходчивых дискуссий; наладить практику персональных приглашений наиболее крупных либеральных и левых деятелей науки США на организуемые в Советском Союзе научные мероприятия. Предложения А.М. Румянцева были рассмотрены в ЦК КПСС, ряд из них получил поддержку, некоторые были мотивированно отклонены, в том числе было признано нецелесообразным учреждать при ООН пост представителя АН СССР для информации о новых концепциях в области гуманитарных наук США (в то время при ООН был представитель Госкомитета Совета Министров СССР по науке и технике, кото-

рый устанавливал контакты с учеными и собирал информацию о развитии науки в США)¹.

Разумеется, перечисленные выше конкретные шаги по реализации научного сотрудничества в области социологии обозначают лишь общие контуры этого сложного, в ряде случаев неоднозначного процесса. К тому же необходимо учесть, что сам социологический ренессанс представлял собой не плавное, размеренное течение, а крайне сложный процесс подъема и торможения, смелых поисков и заскорузлого консерватизма. И все же четко просматривалась доминирующая тенденция приобретения социологией статуса научной дисциплины, ее интеграции в мировое социологическое сообщество.

Таким образом, начав фактически с нулевой отметки в самом начале социологического ренессанса, советская социология пришла на завершающем его (ренессанса) этапе к 80-м годам XX столетия в качестве самостоятельного, содержательно и организационно оформившегося субъекта международного научного сообщества. Сливаясь воедино, два потока – внутренняя институционализация социологии как научной дисциплины и институционализация организационных и структурных форм и методов международной научной интеграции – определили масштабы и глубину нового научного знания, вошедшего в историю мировой и отечественной науки под названием «советская социология».

Сложившаяся ныне модель международного научного сотрудничества российских социологов включает в себя: а) многоплановое и постоянное участие в качестве официальных представителей в деятельности таких международных организаций, как Международная социологическая ассоциация, претендующая на все без исключения поле социологических исследований, Международный институт социологии, ставший немногочисленной, но элитной структурой, концентрирующей свое внимание прежде всего на политической социологии, на исследовании теории, практики и социальной реальности, Европейская социологическая ассоциация, деятельность которой сводится к превращению Европы в Европу социального качества и которая претендует на то, чтобы стать официальной структурой европейского общества (в Амстердамской декларации социального качества описан чрезвычайно высокий уровень социальных достижений, показателей, выраженных в социальных индикаторах); б) активное участие во всех без исключения Международных социологических конгрессах (после вступления ССА в МСА), проводимых МСА; в) делегирование от ССА (РОС) российских социологов для работы в руководящих и рабочих органах МСА; г) осуществление вне рамок МСА международных научных проектов на многосторонней и двусторонней основе; д) широко разветвленные и строящиеся на инициативной основе контакты российских и зарубежных социологов на индивидуальной основе; е) совместную издательскую деятельность в области социологии. В создание такой системы достойный вклад внесли как отцы-основатели советской социологии, так и новое поколение социологов.

¹ См.: Записка Е.М. Чехарина по поводу предложений А.М. Румянцева о расширении контактов с представителями общественных наук США. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 608–609.

§7. Этические «доспехи» институционализирующейся социологии

Поистине уникальным явлением в истории науки (причем не только отечественной) является то, что одновременно с институционализацией социологии как научной дисциплины происходило и формирование нового направления этических исследований – становление профессиональной этики социолога. Такого не знало ни одно национальное социологическое сообщество. И весьма знаменательным является то, что за год до официальной институционализации социологии как самостоятельной научной дисциплины, осуществленной в постановлении Политбюро ЦК КПСС от 7 июня 1988 года «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества», VI Всесоюзная конференция Советской социологической ассоциации в марте 1987 года приняла Профессиональный кодекс социолога. Созданное в 1991 году Российское общество социологов (РОС) подтвердило следование этому кодексу, исключив при этом 1-й раздел «Общие положения» как неадекватный новым общественным условиям. Создатели кодекса – М.Г. Лазар, Б.М. Фирсов и В.А. Ядов. Был учрежден также Совет по профессиональной этике при правлении ССА, куда первоначально вошли Г.М. Андреева, Л.А. Гордон, В.И. Герчиков, А.Г. Здравомыслов, Э.И. Кодуа, И.С. Кон, Н.И. Лапин, Ю.А. Левада, Н.Ф. Наумова, М.Э. Павельсон, И.М. Попова, В.Е. Хмелько, Б.М. Фирсов, В.Н. Шубкин, В.А. Ядов. Сегодня есть все основания говорить о сформировавшейся профессиональной этике социолога, о ее достойном месте в структуре как самой социологии, так и этики в целом.

«Этика социологического (социального) исследования» и «этика социолога» – понятия неравнозначные. Первый термин охватывает нравственно-этическую регуляцию при осуществлении исследовательских процедур и методик непосредственно в связи с соответствующим социологическим исследованием, то есть имеет более конкретный смысл. Вторым же термином обозначается более широкая совокупность нравственных отношений социолога – не только при реализации им исследовательских проектов и программ, но и в сфере корпоративного общения, в контактах со СМИ (в связи с публикацией результатов работы), с властными структурами общества (информирование их для принятия необходимых решений), со структурами бизнеса (научные консультации, снабжение необходимой информацией) и т.д. Следовательно, этика социологического исследования – составная часть этики социолога, она строится на ее основе, обогащая ее многообразной жизненной конкретикой.

О.Н. Запорожец указывает на такие обстоятельства, обуславливающие значимость этических вопросов в современной российской социологии: гуманизация социального знания, связанная с усилением влияния парадигм и методов научного познания, подчеркивающих особое значение и активную роль человека в конструировании социальности и знания о ней; увеличение опыта научных исследований в рамках новой качественной парадигмы и потребность ее осмысления; интенсификация международного научного сотрудничества, осуществляемого в рамках институционализированных этических форм¹. На становление этики социологии

¹ См.: Запорожец О.Н. Этические принципы социологической деятельности в современной России: опыт рефлексии. В кн.: «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и

стимулирующее воздействие оказало совокупное воздействие нескольких факторов, проявившихся как в социологической сфере, так и вне ее, то есть в сопредельных областях знания, а также различных видах деятельности, в том числе в международном правотворчестве.

Во-первых, речь идет о различных экспериментах над людьми с грубым нарушением человеческих прав и разными злоупотреблениями: гипотермическое изучение нацистскими «экспериментаторами» испытаний человеческой выживаемости в ледяной воде и другие испытания на физический и психологический шок; относящиеся к 60-м годам XX столетия эксперименты Милграма, объектом которых является «память» и которые путем обмана, под предлогом понять компоненты человеческой природы проводились по социальному заказу властей, принося при этом испытуемым сильную боль; междисциплинарная и транснациональная программа под кодовым названием «Проект “Камелот”», которая была широко инициирована военным ведомством США и проводилась с целью выработки «научно обоснованных» мер для успешного противодействия американской армии мятежам в странах Латинской Америки. Сюда же примыкают эксперименты 70-х годов XX столетия по изучению тайного гомосексуального поведения, когда в эпицентре нравственных оценок оказались такие проблемы, как оправданность знаний о подобном поведении, потенциальная опасность разоблачения этих серьезных отклонений, факты обмана, к которому прибегали экспериментаторы, первоначально представляясь участниками этих тайных актов, а потом путем всяких ухищрений добывая различные сведения об участниках экспериментов (их фамилии, адреса и т.д.).

Моральные коллизии, связанные с подобными экспериментами, а также с нравственным измерением ядерного омницида, клонирования человека, беспрецедентных актов геноцида, новых проблем, связанных с глобализацией, революцией в средствах коммуникаций, с созданием транснациональных торговых империй и т.д., – все это создавало общий фон кардинальной востребованности этики, настоятельно потребовало функционального развития специализированного этического знания в различных социальных науках, в том числе и в социологии.

Во-вторых, принятие различными органами международного сообщества документов, существенным образом повлиявших на развитие социального знания: Нюрнбергский кодекс (1945), давший правовое толкование различным экспериментам, которые осуществлялись нацистскими «экспериментаторами» над людьми; Всеобщая декларация прав человека (1948); Конвенция ООН о предотвращении и наказании преступлений геноцида (1948); Конвенция ЮНЕСКО о борьбе с дискриминацией в образовании (1960); Международная конвенция ООН об экономических, социальных и культурных правах (1966); Конвенция ООН о правах ребенка (1989); Конвенция Совета Европы о защите прав человека и достоинства человеческой личности в том, что касается применения биологии и медицины (1997), и др. Особенностью этих и подобных актов является то, что в них сформулированы важнейшие социальные проблемы, являющиеся предметом социологического анализа, а также высказаны рекомендации и предложения, имеющие непосредственное отношение к

альтернативы». Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе. В 3 т. Т. 1. М.: Альфа-М, 2003. С. 57–58.

нравственно-этической регуляции этих проблем (в адрес науки, национальных правительств, легитимно существующих органов международного сообщества, правозащитных, экологических, гуманитарных неправительственных общественных организаций и т.д.).

В-третьих, разработка нормативных документов (на национальном и международном уровнях), непосредственно посвященных этике социальных наук, – этических кодексов, правил поведения при осуществлении определенных исследовательских процедур и т.д. Авторы подготовленного ЮНЕСКО в 1999 году и изданного в Москве в 2002 году Всемирного доклада по социальным наукам выделили четыре этапа развития этики социальных наук.

В первый, поисковый, как они отмечают, «инкубационный» период (конец 30-х – середина 70-х годов XX столетия) проходило зарождение этики социальных наук¹.

Наиболее значимыми вехами для социологии этого периода стали: работы Роберта Линда (1939), посвященные изучению различий между учеными социальных наук и политиками и о потере академической свободы для ученых социальных наук в нацистской Германии и фашистской Италии; разработка в 1938 году Американской психологической ассоциацией своего первого профессионального кодекса (обновленный кодекс принят в 1973 году); разработка в 1948 году «правил игры» антропологами, а также принятие через шестнадцать лет кодекса социолога; в 1967 году увидело свет однотомное издание по этике, а в 1988 году осуществлено описание истории этики в ассоциациях социальных наук.

Второй период – конец 70-х годов – начало 80-х годов XX столетия; это этап закладывания фундаментальных основ и консолидации этики в социальных науках. Для этого времени характерно не только появление большого числа работ по этой проблематике (Риенкевич, Спрэдли, Барнс, Рейнольдс, Бумер, Слеберг, Богампа, Хэммет), но и создание специальных комитетов по соблюдению кодексов чести (в университетах, агентствах, больницах и т.д.). Именно в этот период были созданы, консолидированы и пересмотрены основополагающие правила (моральные границы экспериментов, цена научного успеха, ответственность исследователя как составная часть цены успеха, собственное инициативное самоограничение ученого и др.), которые были распространены социологией в международном масштабе. Именно в

¹ Такое утверждение справедливо, когда речь идет о подготовке нормативных документов (этических кодексов, правил поведения и т.д.); разработкой же разных аспектов этики в социальных науках многие исследователи занимались значительно раньше: П.А. Сорокин в 1913 г. опубликовал большое исследование «Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали», а осуществленная им в многотомной «Системе социологии» классификация поведенческих актов, «проводников» не утратила своего значения и в наши дни; социальный психолог, физиолог и психиатр В.М. Бехтерев в 20-е гг. XX в. создавал экспериментальные методики по исследованию социально-психологических особенностей коллективов и групп, нацеленных на решение общих задач с целью установить влияние общения на познавательные процессы, он широко применял статистический метод, использовал анкеты и вопросники; в это же время специалист по научной организации труда А.К. Гастев, разрабатывавший новую науку о поведении человека на производстве (социальную инженерию), обосновывал возможность применения объективно-рациональных методов этой науки в социологии, психологии и педагогике, он провозгласил единство методов управления механическими, биологическими и социальными процессами; Л.И. Мечников обосновывал научную нравственность социологии; Л.Е. Оболенский в начале XX в. обосновывал необходимость нравственных оценок всех общественных явлений как результат практической деятельности личностей.

это время, как отмечалось выше, то есть в 1987 году правление Советской социологической ассоциации (ССА) учредило совет по профессиональной этике и утвердило Профессиональный кодекс социолога; в 1994 году аналогичный кодекс был принят в Институте социально-политических исследований РАН.

Третий период – распространения и диверсификации (конец 1980-х и начало 90-х годов) – ознаменовался углублением этических исследований, более пристальным вниманием к специфическим проблемам исследования этики, усилением междисциплинарного этического взаимодействия, диверсификацией учебников и учебных пособий, ориентацией этических исследований в социальной науке на изучение взаимоотношений между исследователем и исследуемым, секретности и сокрытия правды, изучением деликатных тем девиантного поведения. Углублению теоретических и прикладных основ этики социолога способствовали Европейские социологические конференции, проведенные Европейской социологической ассоциацией в Амстердаме, Кракове и Хельсинки в 1997–2001 годах.

Четвертый этап назван периодом эпистолярной неопределенности и сопротивления. Характерная особенность этого периода – выдвигание на первый план принципиально новых проблем и кризис некоторых традиционных подходов в профессиональной этике и традиционного исследовательского знания, корректировка классических методов и приемов нравственной регуляции в социальных науках под воздействием таких факторов, как бесконтрольный прогресс технологий, злоупотребление властью правительств, опора в управлении на насилие, угнетение этносов, маргинализация, дискриминация¹.

С этической точки зрения заслуживают внимания работы, опубликованные российскими исследователями в 80-е–90-е годы XX столетия: общетеоретического, уставочного характера², работы, посвященные технике сенситивного исследования³, работы по методике исследований, в том числе и особым требованиям анонимности респондентов⁴ и др. Важные этические аспекты деятельности социолога содержатся в вышедшей в 1983 году и переизданной в 2003 и 2008 годах под редакцией Г.В. Осипова «Рабочей книге социолога» при изложении принципов проведения и организации социологических исследований, стратегического и рабочего плана исследования, основных методов и процедур.

Трудности начального этапа развития социологии – отсутствие четкого определения ее места в системе социальных наук, неопределенность ее приоритетов, принципов и методов – не могли не сказаться, что вполне объяснимо, и на становлении профессиональной этики социолога. Поэтому не случайно многие моральные конфликты, которые возникают у «добытчиков» и носителей социологического знания, длительное время не получали не только практического разрешения, но и хотя бы

¹ Всемирный доклад по социальным наукам. ЮНЕСКО. С. 219–220.

² Лазар М.Г., Фирсов Б.М., Ядов В.А. Профессиональная мораль в социологии // Социологические исследования. 1988, № 5.

³ Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. Уч. пос. Екатеринбург: изд-во Уральского ун-та, 1998.

⁴ Мягков А.Ю. Обеспечение анонимности в социологическом опросе (аналитический обзор зарубежных исследований) // Социологические исследования. 1999, № 5; Фоломеева Н.М., Шурыгина И.И., Новикова Т.В., Чекинева Т.В. Опыт применения биографического метода в исследовании проблем наркомании // Наркомания как форма девиантного поведения. М., 1997.

(для начала) аргументированного объяснения и профессиональной, гражданской интерпретации. А это, в свою очередь, приводило к тому, что у тех, кто «делал» науку, преимущественно преобладали личные интересы при отсутствии у них общественной ответственности и четкого понимания возможных (положительных или отрицательных) последствий своих исследований. Болезненное осознание этой реальности привело к утверждению таких нравственных императивов, как цена успеха в социологическом исследовании, значение этой цены для формирования социальной ответственности социолога, моральные границы быстро развивающегося социологического знания. Маневрирование социологии в поисках взаимосвязанности, теоретической мощи и общественного признания сопровождалось поиском соответствующих нравственно-этических опор, своего рода этических стандартов, которые выступали в качестве неотъемлемой части социологических проектов и программ, исследовательских процедур и технологий, распространения социологического знания в образовании и публикациях, при применении результатов социологических исследований на практике. Причем такие стандарты не только выступали и ныне выступают в роли нравственных регуляторов социологической науки, но и, как правило, создаются ею совместно с другими социальными дисциплинами.

Плюрализм истолкования (в том числе и с несовпадающих позиций) роли этики в социальных науках получил свое наиболее полное проявление в теоретико-методологическом противостоянии этического абсолютизма и этического релятивизма. Сторонники этического абсолютизма выступают в защиту исследуемых, однозначно и безоговорочно ратуют за установление для ученых, работающих в сфере социальных наук, неких единых, обязательных и незыблемых норм и правил, за нарушение которых виновных необходимо привлекать к ответственности, в том числе и подвергать дисквалификации. При этом не учитывается ряд факторов, в том числе и вероятность непредвиденных обстоятельств, что, разумеется, не может гарантировать этическую безупречность исследования.

Методология же этического релятивизма базируется на признании зависимости этичности действий от конкретных обстоятельств сообразно ситуации; на наличии в социальном взаимодействии потенциальных или актуальных конфликтов, питательной почвой которых являются постоянно присутствующие в жизни искаженная информация, обман, неполные ответы и односторонние оценки, неверные суждения, а часто и просто сознательная дезинформация. Да и сам исследователь не может быть застрахован от «внеплановых» этических погрешностей, не говоря уже о «плановых» искажениях. Поэтому Дж. Дуглас, например, считает, что в условиях, когда «социальные акторы прибегают ко лжи, мошенничеству, различным уловкам, хитростям и шантажу», социальный ученый имеет моральное право для достижения научной истины прибегать к использованию аналогичных средств¹. В пользу контролируемых мер обмана в ролевых отношениях, обеспечивающих защиту интересов субъекта и обеспечивающих производство хороших исследований, высказывается и М. Пунш, хотя при этом и дистанцируется от «конфликтной методологии» как неприемлемой модели в социальных исследованиях². В духе этического релятивизма Р. Боуэр и П. де Гаспаре высказываются в пользу взвешивания рисков и выгод

¹ Цит. по: Punch M. *The Politics and Ethics of Fieldwork*. Beverly Hills: Sage, 1993. P. 38–39.

² Цит. по: Punch M. *The Politics and Ethics of Fieldwork*. Beverly Hills: Sage, 1993. P. 43.

при проведении социальных исследований. С ними фактически солидаризируется Г. Маккракен, аргументирующий свою позицию на примере межролевых взаимоотношений интервьюера и респондента в качественном интервью¹.

Исследовательская культура социолога формируется в условиях противостояния утилитаризма и деонтологии, нормативизма и релятивизма, специфического и всеобщего, влияния постмодернизма и деструктивизма. Базовые ценности, определяющие содержание профессиональной этики социолога: проявляемые на всех этапах социологического исследования профессиональная компетентность и грамотность, от которых зависит авторитет социологии в общественном мнении, доверие к ней; недопустимость непрофессионализма и небрежности при осуществлении исследовательских процедур и методик; научная честность и корректность; максимальная достоверность и надежность анализируемой информации и сделанных на ее основе выводов; доверительность отношений между исследователем и респондентом; использование исследователем полученных сведений с соблюдением должной внимательности к интересам опрашиваемого и никоим образом не во вред этим интересам; недопустимость того, чтобы при анализе социальных проблем и процессов установлению научной истины препятствовали личные интересы ученого или другие посторонние влияния. В том же ряду личная ответственность социолога за полученные результаты, в том числе и те, которые достигнуты с использованием программ и методик других авторов и при использовании в собственных научных трудах чужих идей и результатов; забота о здоровых корпоративных отношениях, о гражданской и нравственной ответственности за достоверность и корректность предлагаемых обществу результатов исследований; долг добровольно и сознательно соблюдать перед лицом своего профессионального сообщества нравственно незапятнанные отношения внутри науки и отношения между социологом и обществом.

В числе важнейших аспектов этики социолога – особенности его деятельности в условиях рынка и особенно работы с заказчиками. Г.П. Щедровицкий, например, в схеме акта этой деятельности выделил два узла. Первый – «объемная» часть деятельности: продукт, получающийся в результате процедуры и производных его преобразований; исходный материал, из которого этот продукт производят действия, приложенные к материалу; орудия и вообще любые внешне выраженные средства, используемые в этих действиях, из числа которых (средств) особо выделяют знания. Второй узел схемы – «субъективная» часть деятельности – сам индивид, «табло» его сознания, внутренний потенциал его средств и способностей, необходимых в данном случае, в числе которых выступает цель деятельности, рассматриваемая как «объективным», так и «субъективным» ее элементом².

Дальнейшее повышение социальной ответственности социологов связано с преодолением таких появившихся ныне деформаций, как: а) коммерциализация социологической науки, что порождает конъюнктурность в исследованиях, искажение информации в угоду заказчику, депрофессионализацию таких «социологических исследований», которые фактически компрометируют социальную науку; б) дилетантизм, когда за социологические исследования берутся совершенно неподготовлен-

¹ См.: Веселкова Н.В. Об этике исследования // Социологические исследования. 2000, № 10.

² См.: Щедровицкий Г.П. «Естественное» и «искусственное» в социологических системах // Избранные труды. М., 1995. С. 267.

ные лица, не имеющие специального образования и опыта аналитической работы; в) социальная апологетика, подменяющая объективный научный анализ голословным одобрением принимаемых властными структурами решений; г) ничего общего не имеющая с плюрализмом мнений партийная заангажированность, когда на основе умело смоделированных эмпирических и статистических материалов по поводу одних и тех же социально-политических событий и явлений разными «социологами» делаются и разные выводы – в интересах определенных партий, политических деятелей, «групп давления» и т.д.

Детальное и целостное изучение социальных явлений как системы не может не привести непредубежденного исследователя к осознанию значимости таких родовых для демократического общества ценностей, как социальная справедливость, неприятие эксплуатации, необходимость гарантий основных прав личности. Вот почему, например, в западном обществоведении социология зачастую выступает ферментом социального брожения и демократизации, а существующие там стереотипы общественного сознания довольно прочно связывают представление о социологе как о левом, о «яйцеголовом интеллектуале», о «розовом».

Интерес в этом плане представляет то обстоятельство, в каком облике предстает социолог в общественном мнении. На состоявшейся в Москве серии лекций ведущих американских социологов видный обществовед Нейл Смелсер – один из руководителей Американской социологической ассоциации – выделил пять наиболее распространенных стереотипов восприятия социолога в общественном мнении США: 1) организатор конкретных исследований, опросов, обследований; 2) социальный статистик, имеющий дело с переработкой цифровой информации; 3) эксперт при различных организациях, учреждениях по конкретным социальным проблемам; 4) защитник, трибун, выразитель мнения социальных групп, находящихся в ущемленном положении; 5) политический радикал, занимающий левые позиции по политическим и социальным вопросам.

В числе важнейших нравственных ценностей социолога – его личное профессиональное достоинство, профессиональная совесть и долг, в которых отражаются личное отношение ученого к своей профессии, должный уровень профессионального сознания и социологического мышления. Его должны характеризовать социальная смелость и активность, неконфронтационное мышление и неконфронтационное поведение. Связующим звеном между социальными и личными ценностями выступает личная профессиональная честь; от нее во многом зависит выполнение профессионального, гражданского и человеческого долга в отношениях исследователя к предмету своего труда, в корпоративных отношениях, а также при определении места профессиональных этических норм в системе ценностей. Исследователи справедливо отмечают, что при всем несовпадении понятий о личной чести в разные эпохи и в различных общественных сословиях тем не менее логично отыскать в них общие элементы: а) установившееся в общественной среде представление о том, что честно, нравственно, благородно, почетно, – словом, кодекс общественной нравственности; б) соответствие нравственного облика личности и ее поведения (действий) нравственному кодексу; в) признание этого соответствия со стороны других – общественного мнения и личности¹.

¹ См.: Лазар М.Г., Фирсов Б.М., Ядов В.А. Профессиональная мораль в социологии // Социологические исследования. 1988, № 5. С. 99.

Ключевые проблемы, которые приобрели в последнее время особенную актуальность в этике социальных наук, – секретность, автономия, информированное согласие, оценка рисков и увязка данных, соотношение анализа, интерпретации и сотрудничества в социальных исследованиях, права собственности на результаты исследований (исследователя, исследуемого, заказчика, спонсора и т.д.). Этическим императивом является принятие социологом значительной ответственности по вопросам справедливости и беспристрастия, отражающей высокий уровень уважения им человеческих личностей, общества и культур и их автономности, недопущение им злоупотреблений в собственных эгоистических интересах. Это требование является одинаково важным на всех стадиях социального исследования: а) на первой стадии приоритетом выступает планирование и определение ответственности между участниками исследования; на второй – важнейшее значение приобретает этика предложенных методов и включение определенных оценок качественных показателей; на третьей – достижение согласия по вопросам информированности; на четвертой – сбор фактического материала с возможным использованием мониторинга; пятая, заключительная стадия – оценка и распространение полученных результатов¹.

В числе моральных обязанностей социолога – преумножение научных традиций, опора на научные достижения как своих прямых предшественников, так и других ученых, представляющих в том числе и сопредельные сферы науки. Исследовательская деятельность должна соотноситься с реальными познавательными возможностями методов и техники, используемых ученым, объемом имеющихся у него ресурсов, в строгом соответствии с условиями и договорными обязательствами, добровольно им принятыми на себя. Независимо от конъюнктуры и авторитетов социолог обязан отстаивать свои концепции и идеи, проявлять научную честность, инициативность и твердость, гражданскую позицию, четкие нравственные и мировоззренческие позиции. В основе полемики и критики как важнейших инструментов поиска и нахождения научной истины должны быть толерантность, уважение к другим идеям и их авторам или сторонникам, недопустимость расправы с оппонентами, навешивания ярлыков, сведения счетов, проявления мести и злопамятства.

Ценностями корпоративных отношений социологического сообщества являются высокая культура профессиональных отношений, уважение труда своих коллег и предшественников, солидарность в отстаивании истины и престижа своей профессии, тактичность, открытость, искренность в личностных отношениях, защита достоинства своего коллеги и авторитета социологической науки в обществе. Непременными этическими нормами являются также: соблюдение истинного (но не незаслуженного) соавторства на публикацию, обязательное упоминание доли и участия коллег в подготовке совместных научных трудов, благодарность за любую помощь коллег (особенно в тех случаях, когда она не дает права на авторство).

Для социолога особую значимость имеют нормы научного общения, в частности, связанные с использованием заимствованных методик. Недопустимы и несовместимы с профессией социолога плагиат и присвоение в любой форме чужих идей. Принципиальный вопрос, волнующий научное сообщество (в том числе и международное) и имеющий как моральный, так и правовой аспекты, – проблемы авторского права, его границы, право собственности на знания, добытые в процессе со-

¹ Всемирный доклад по социальным наукам. ЮНЕСКО. М., 2002. С. 221.

циальных исследований. В самом деле, кто является собственником нового знания? Только исследователь? А исследуемый (участник опроса, интервьюирования и т.д.), передавший материалы исследователю, который благодаря этим материалам пишет книги, защищает диссертации, завоевывает репутацию в интеллектуальных кругах, продвигается по служебной лестнице? Авторы Всемирного доклада по социальным наукам вполне резонно задаются вопросом: что это – одна из форм эксплуатации; да и как это увязывается с правами на интеллектуальную собственность? Вполне оправданной является постановка вопроса о том, что участники социальных исследований должны сохранять права собственности на переданные ими исследователям свои материалы.

Ключевые нравственные аспекты различных методов и процедур – от анкеты и интервью, документированного анализа, а также исследовательской процедуры вовлеченного наблюдения: определение границ научных полномочий социолога в области получения и использования информации о профессиональной и личной жизни исследуемых; желательность или неприемлемость этой информации для них; определение части этой информации, которая может быть включена в научную обработку; принятие исследователем-социологом таких мер, которые не позволили бы доверчивым и совершенно искренним участникам исследования, считающим его (социолога) своим коллегой по работе, думать и тем более подозревать о совершении против них актов предательства. Опираясь на общенаучные требования и на эмпирическую базу, социолог обязан дать такой итоговый материал своего исследования, который позволял бы профессионально оценить корректность постановки исследовательских задач и степень достоверности полученных результатов. В этих вопросах недопустимо поспешное предание гласности итогов исследования, особенно тогда, когда выводы и рекомендации требуют дополнительного обоснования, проверки и уточнения.

С этической точки зрения анкетирование (впервые оно было применено в Англии в 80-е годы XIX столетия) включает как вопросы объективного характера, не имеющие нравственного содержания (возраст, пол, образование, национальность, профессия, заработная плата респондента), так и вопросы субъективного плана, при помощи которых выявляются социально-психологические, оценочные, нравственно-этические особенности анкетированного, его отношение к условиям жизни, к определенным событиям, по отношению к другим людям, к самому себе. Критерии же построения анкеты имеют четко выраженный нравственный характер, они должны отражать максимально высокий уровень доверия между тем, кто производит опрос, и тем, кто является объектом этой процедуры. Основные и обязательные из них такие: заинтересованность опрашиваемого, предоставление ему возможности выбора открытого или закрытого анонимного вопроса (выбор одного из нескольких утверждений), соответствие формулирования вопроса образовательному уровню опрашиваемого, наличие возможных вариантов ответа на закрытые вопросы, логическая последовательность затронутых вопросов темы.

При этом необходимо иметь в виду, что анонимность в социологическом исследовании и анонимное поведение (анонимные письма, анонимно распространяемая информация и т.д.) – это далеко не одно и то же.

Если в первом случае анонимность является своего рода гарантией респонденту за его готовность откровенно и искренне сотрудничать с исследователем, то во втором

случае речь идет о негативных поведенческих актах, наносящих вред другому человеку (стремление его опорочить, нанести душевную травму, отомстить и т.д.).

Сама же процедура интервьюирования в социальных обследованиях – это сочетание предписаний-рекомендаций, содержащих этические, психологические и организационно-прикладные элементы: открытость диалога, доброжелательность, контакт и взаимопонимание между участниками; самораскрытие как проявление искренности респондентов; самововлечение участием; использование интервьюируемыми таких приемов, как сочувственный отклик, поощряющая реплика, реплика-резюме, акцентирующие реплики с повторным использованием предыдущих высказываний респондента; побудительные и уточняющие зондирующие высказывания. В том же ряду – поиск конкретности; фокусирующие замечания; изучение ожиданий; постановка цели; проведение разминки; обеспечение непрерывности; изменение направленности; внимательное отношение к непосредственным заботам и эмоциональному состоянию респондента; дополнительное сочувствие; интерпретация; умение нейтрализовать негативные эмоции респондента; достижение соответствия стимула и ответной реакции, адекватность реакции социолога сути дела; вербальная обратная связь, отражающая высокий уровень взаимопонимания и поддержание тесного психологического контакта между исследователем и респондентом. Сюда же примыкают проблемы структурирования информации, умение видеть приоритетные аспекты исследования и определять, какая модель или образ респондента может отрицательно повлиять на интервьюирование, свободный и непринужденный диалог. Немаловажное значение имеет умение использования элементов конфронтации с целью обеспечения корректирующей обратной связи и преодоление возможных негативных последствий последовательного поведения интервьюируемого.

Социолог в отношениях с респондентом (обследуемым) обязан строго соблюдать гарантии конфиденциальности, неразглашения сообщенных респондентом сведений (за исключением отдельных специально оговоренных случаев); он не может допускать использование исследовательских процедур, методов социологического инструментария, ущемляющих достоинство личности респондентов или их интересы. Информированное согласие предполагает обязательное осведомление субъекта о планировании исследования, его цели, форме его участия в этой работе. А Джоан Зибер изложила более широкое толкование категории информированного согласия, включив в него в качестве обязательных элементов правдивость, полную открытость, отказ от любого обмана и утаивания, уважительное и открытое общение с участниками и членами сообщества на всех этапах реализации проекта, информирование о содержании, месте нахождения и возможном распространении полезной информации, признание автономии участника исследования и уважительное отношение к его стилю жизни¹.

Многие процедуры социологического исследования требуют морального самоограничения даже тогда, когда их актуальное состояние не вызывает опасений и не требует немедленных решений. Немалое число чисто профессиональных ситуаций требует от социолога принятия совершенно четких моральных позиций, хотя для

¹ Sieber J.E. The Ethics and Politics of Sensitive Research // Researching Sensitive Topics. Newbury Park: Sage, 1993. P. 14–26.

правильного разрешения возникающих моральных проблем расчет на личную моральную культуру исследователя не всегда оказывается достаточным.

Четко выраженную нравственно-этическую направленность имеет применяемый в социальных исследованиях тест так называемой разделенной человечности. Его суть – это тест смены ролей и изучения поведения ученого в тех ситуациях, когда он сам стал бы объектом исследования. Такой подход способствует преодолению упрощений, которые довольно часто проявляются при нетворческом применении нравственных норм (пусть даже и фундаментально обоснованных в теоретическом плане).

При проведении исследований уже в начальных контактах большую значимость приобретают автономность и секретность. Социологические опросы в определенном смысле представляют собой своего рода переговоры по поводу секретности, когда в результате вторжения в интимную жизнь и благодаря тщательно продуманным воздействиям могут допускаться вредоносная откровенность, обольщение, замаскированные допросы, угрозы обмана. В этих условиях, как указывается во Всемирном докладе по социальным наукам, секретность приобретает характер собственности, подлежащей защите, а конфиденциальность и анонимность выступают непременным условием права человека на его индивидуальное нравственное самоопределение. Такая «самость» приобретает особую значимость при социологических опросах лиц отклоняющегося или чувствительного поведения (нарушителей закона, заключенных, физически или умственно неполноценных, психически травмированных лиц и т.д.). В связи с этим некоторые зарубежные наблюдательные советы по этике даже разработали поправки к этическим кодексам, в соответствии с которыми исследователю не разрешаются прямые контакты (личные или по телефаксу) с некоторыми категориями обследуемых, а рекомендуется прибегать к помощи третьих лиц и использовать письма для объяснения исследовательских проектов.

В числе требований – обязательность объяснения цели исследования в понятных для участников исследования терминах, четкое и недвусмысленное формулирование вопросов, возможность не отвечать на заданные вопросы, гарантированное право в случае необходимости выйти из проекта. Индивидуальные права на секретность и анонимность способствуют защите не только объекта исследования, но и его субъекта, они являются действенным инструментом в предотвращении своеобразных торговых сделок, искусственного подталкивания к согласию участвовать в исследовании. В числе непременных этических требований социального исследования – поиск информированного согласия, которое обеспечивает индивидуальную автономию, оценку риска, способствует тому, чтобы тщательно взвесить, оправдывают ли цели проекта порождаемые им риски для будущих участников. «Под зонтиком» информированного согласия легче осознаются конфликты интересов участников исследования, вырабатываются адекватные меры устранения потенциальных противоречий, предотвращаются потеря уважения и правовые риски будущих участников.

В этом контексте широко дебатированным в социологическом сообществе вопросом является отношение к обману: одни считают любой обман нарушением основанного на полноте информированности согласия, другие допускают его выборочное использование в тех случаях, когда открытым способом невозможно добыть какую-то часть данных. Проводимые при этом дополнительные брифинги и другие меры, целью которых является компенсация причиненного морального ущерба, далеко не всегда

оказываются эффективными. Многие аналитики видят выход из этой нравственной коллизии в вынесении своеобразного вердикта об этой социальной проблеме обмана и внесения соответствующих поправок в этические кодексы. Но при этом необходимо иметь в виду, что кодексы не всегда могут дать окончательные ответы на возникающие коллизии, тем более нередко они (кодексы) используются просто для прикрытия тех или иных проблем, скрывая при этом подлинное существо дела. Формула о том, что буква закона является либо неадекватной, либо должна быть опровергнута в пользу духа закона, в полном объеме может быть использована применительно к нравственному нормотворчеству в социальных науках. Информированное согласие влияет и на судьбу будущих данных, на использование этих данных в целях проведения нового исследования, а также другими исследователями. Потенциальным нарушением секретности является соединение данных из ряда файлов или банка данных. На регулирование многих из этих проблем направлена принятая в 1981 году Советом Европы Конвенция о защите личности ввиду автоматической обработки личных данных.

Серьезная этическая коллизия возникает и в тех случаях, когда становятся доступными результаты исследований, а его участники выражают неудовлетворение по поводу того, что предоставленные ими данные получили неверную интерпретацию или оказались неполными, выходящими за обусловленные рамки. Такое «вписывание» людей в исследовательские проекты и тексты наносит моральный вред не только участникам исследования, но и науке, подрывая ее авторитет и размывая истинные этические ценности научного творчества. Суть этической коллизии в данном случае заключается в том, что социолог фактически нарушает одно из главных этических требований – видеть в человеке цель, а не средство. Следовательно, как справедливо отмечает Н.В. Веселкова¹, такое исследование изначально содержит элемент неэтичности, в нем четко просматривается стремление социолога во что бы то ни стало добиться своей цели, решить свои задачи (часто личные, эгоистичные – добыть материалы для своей статьи, диссертации), опрашиваемый же от этого ничего не имеет, за исключением различных забот не в свою пользу, траты времени, а часто даже и неудобств. В таких случаях реальным является риск морального ущерба не только для респондентов, но и для социолога, который может превратиться из корректного и обходительного исследователя в навязчивого или отстраненного собеседника.

Моральный дискомфорт ощущает интервьюер при проведении так называемых скрытых наблюдений по поводу деятельности определенных должностных лиц, которая в обществе оценивается отрицательно, – взяточничества и коррупции; нарушений правопорядка работниками тех государственных структур, которые по служебному долгу обязаны бороться за укрепление этого правопорядка; участия депутатов в криминальных разборках и т.д. Отношение к скрытым наблюдениям, то есть их отрицание или принятие послужило своеобразным водоразделом между различными этическими школами и течениями. Так, например, принципиальное отрицание или принятие скрытого наблюдения – один из основных критериев размежевания между этическим абсолютизмом и релятивизмом. Если сторонники экзистенциального, интерпретативного феноменологического подхода оправдывают

¹ Веселкова Н.В. Об этике исследования // Социологические исследования. 2000, № 10.

и считают неизбежным использование обманных средств скрытой роли в полевых исследованиях, то чикагская школа выступает против таких скрытых и замаскированных приемов полевого работника.

Необходимость более детального формулирования моральных предписаний в части процедур социологического исследования, что существенным образом влияет на информированность согласия, диктуется невозможностью безусловной предсказуемости ситуаций исследования, стремлением исследователя в ряде случаев «не заметить» (то есть сознательно утаить) некоторые скрытые виды и элементы исследования, не полностью сообщить его цель. Сказывается также наличие в исследовательском поле внеплановых и плановых ситуаций, скрытых и открытых элементов, на соотношение которых воздействует меняющаяся в зависимости от обстоятельств тактика руководимой работы. В таких случаях особую актуальность имеет придание исследовательским приемам максимально конкретного нравственно-этического обоснования, разумеется, имея в виду при этом, что на каждый отдельный случай невозможно разработать отдельный этический кодекс.

Детализировав этические предписания применительно к опросным исследованиям, Ф. Фулер предложил своеобразные стандартные процедуры, регулирующие этическую ответственность ученого, проводящего социологические исследования, защиту интервьюируемого, их информированность и стимулирование к плодотворному сотрудничеству. Сформулированные им стандартные процедуры относительно, например, защиты респондентов таковы:

1) все лица, имеющие доступ к данным или занятые в сборе данных, должны дать расписку в сохранении конфиденциальности;

2) минимизировать привязку ответов к идентификаторам (в том числе фамилиям, адресам респондентов). Если фамилии и адреса совершенно необходимы, они должны храниться отдельно от опросников с ответами;

3) заполненные бланки интервью должны быть недоступны для лиц, не участвующих в проекте;

4) идентификаторы должны быть изъяты как можно быстрее после заполнения опросника (если не участвующие в проекте намерены ознакомиться с заполненным опросником, идентификаторы должны быть уже изъяты);

5) лицам, могущим идентифицировать респондентов по профилю ответов, нельзя позволить видеть ответы в опроснике;

6) файлы данных по каждому респонденту обычно снабжают идентификационным кодовым номером, а доступ к связи этого номера с адресом в выборке или идентификаторами должен быть строго ограничен;

7) при анализе данных исследователь должен быть осторожен в представлении данных о небольших группах людей, чтобы они не могли быть идентифицированы;

8) по окончании всего исследования либо этапа работы с опросниками исследователь несет ответственность за уничтожение заполненного инструментария или его безопасное хранение¹.

Моральные проблемы присутствуют также и при обработке полученных данных с целью превращения их в совокупную информацию: насколько корректно и оправдано, опираясь на статистическую совокупность мнений и оценок, делать предполо-

¹ Flower F.J. Survey Research Methods. Beverly Hills: Sage, 1986. P. 135–138.

жение о равнозначности (тем более полной) одной личности другой и высказывать на этом основании рекомендации относительно индивидуального поведения другой личности. Серьезные моральные коллизии возникают и в связи с публикацией материалов и результатов социологических исследований, тем более что на практике не отработан регламент, регулирующий предварительное согласование социологом публикуемых материалов с теми участниками исследования (индивидуальными и групповыми), интересы которых при этом затронуты.

В числе актуальных нравственных проблем – общественное доверие к социологической науке, оправдание возлагаемых на нее ожиданий и надежд. Бытующее на уровне обыденного сознания и не разделяемое самим социологом мнение о возможности непосредственного принятия социологией социальных решений лишнее подтверждает наличие таких завышенных ожиданий. И сложность моральной ситуации для социолога заключается в том, что своими объяснениями респондентам о том, что он не только не располагает такими возможностями для непосредственного управления социальными процессами, но не всегда в состоянии убедить результатами своих исследований и те органы, которые такими полномочиями обладают, он рискует получить сдержанную, а часто и отрицательную реакцию с их стороны. В таких случаях социолог скромно умалчивает о своих возможностях, эксплуатируя неоправданное доверие участников исследования и выжимая из них максимум приносимой ему пользы. Вторжение же социологического исследования в сферы, обоснованно рассматриваемые исследуемой личностью как неприкосновенные, да еще и с достаточно размытыми границами, зависит от самоопределения респондента, его готовности отвечать на задаваемые вопросы или оставлять их без ответа, характера поисковой информации и конкретной ситуации. Границы же эти определяет не исследователь, а сам респондент, который не считает себя обязанным считаться с установленными социологом самоограничениями. Подозрения в аморальности возникают и при использовании цитат-индексов, когда интенсивность и частота публикаций положительных оценок точно следует уровню социальной и научной иерархии.

Принцип репрезентативности основан на законах математической статистики. Он позволяет на основе опроса достаточно небольшого числа людей делать выводы об обществе в целом. При использовании этого метода важно строго соблюдать правила отбора так, чтобы все опрашиваемые имели равную возможность попасть в выборку. Академические структуры, ВЦИОМ, фонд «Общественное мнение» и другие структуры, занимающиеся социологическими опросами, чаще всего опрашивают 1600–2000 человек в разных регионах страны и разных типах поселений и считают полученные таким образом выводы достаточными для понимания предпочтений граждан всей России. При этом в каждом случае учитывается ожидаемая в таких случаях погрешность, так называемая ошибка выборки, допустимое колебание которой от 3 до 5%. С этической же точки зрения важно определить то, что обладающий многими секретами и тонкостями механизм репрезентативности довольно часто (а особенно в предвыборных кампаниях) используется для манипулирования общественным мнением, для создания своеобразных социологических ловушек при определении рейтингов партий и политических деятелей, для раскручивания соревнующихся за завоевание электората лидеров партий, блоков, движений и т.д. Препарированная социологическая информация стала для возникшей профессии демиурга эффективным средством управления народными мозгами. Кстати, обращает на

себя внимание, что «рейтинготворчество» наиболее популярно в политической сфере (выборы президента, депутатов органов законодательной власти) и практически не применяется в других человекоцентричных профессиях – среди врачей, учителей, работников органов правосудия и т.д.

Опросный метод стал неотъемлемым элементом многих аналитических программ телевидения. И ко многим таким программам довольно часто возникают вопросы со стороны общества не только политического, но и профессионального, этического характера: формирование телеведущим по своему усмотрению состава дискутирующих в студии групп при внешне показной демократии плюрализма мнений, некорректная постановка вопросов, выносимых на обсуждение, целенаправленная подтасовка фактов и аргументов, размывающих смысл и суть дела и разрушительно действующих на сознание неискушенных и не подготовленных к таким изощренным психологическим атакам людей. Один из распространенных методов – подмена тезиса.

Исследования, проводимые на слабой концептуальной базе, а зачастую и без нее, без апробированных методик, приносят недостоверную информацию, направляют научный поиск по ложному пути. Поэтому сегодня в ряду первоочередных задач стоит задача приращения теоретического социологического знания, включение всех ресурсов социологической науки в разработку современной концепции общественного развития.

ГЛАВА II.

Методология возрождающейся социологии в лабиринтах интеллектуального маневрирования

§1. От клятвоприношения истмату к его постсоветскому ниспровержению

Ключевой вопрос институционализации советской социологии – формирование наряду с созданием социологической инфраструктуры ее теоретического и методологического фундамента как решающей предпосылки в выявлении сущности и содержания социологии в качестве социальной науки, определении содержательных параметров объекта и предмета социологии, отработки ее категориального и понятийного аппарата, структуры и уровней социологического знания, его места и роли в системе общественных наук, в формировании методологических стратегий развития социологии. Названные проблемы, что следует отметить с особым удовлетворением, получили достаточно глубокое освещение в работах отечественных исследователей – как в советское время, то есть в период социологического ренессанса, так и в ходе постсоветской трансформации. Поэтому мы ограничимся более скромной и конкретной задачей – высказать свое мнение по некоторым острым вопросам в период между хрущевской оттепелью и горбачевской перестройкой, ныне оказавшимся спорными, дискуссионными, а в ряде случаев и трактуемыми с ложных позиций. Конкретнее говоря, речь идет об осуществлении сравнительного анализа позиций исследователей по ряду коренных вопросов социологии в период, с одной стороны, ее возрождения, а с другой – ее оценки в постсоветское время.

Первая проблема – трансформационные перипетии с историческим материализмом. Отношения между, с одной стороны, историческим материализмом, господствовавшим в качестве единственной указующей методологической и теоретической догмы для всех общественных наук, с неинституционализированной социологией, с другой стороны, – плюрализм самых разных, даже противоположных трактовок проблем социологического ренессанса, получивших распространение в постсоветское время.

Ныне некоторые участники социологического ренессанса демонстративно и резонансно позиционируют себя в качестве многострадальных жертв объединенного фронта партocrats, которые якобы только тем и занимались, чтобы найти новый повод для перекрытия кислорода социологической науке, и консервативных академиков-истматчиков, не признававших социологию как самостоятельную науку. Заголовок «Несовместимость социологии с теорией исторического материализма», который дан одной из глав вышедшей в 2012 году книги Г.В. Осипова «Возрожде-

ние социологической науки в России», четко и безальтернативно указывает на авторскую позицию по этому вопросу. Отстаивается же такая позиция по принципу «и нашим, и вашим»: «На словах социологи (автор, очевидно, имеет в виду себя. – А.К.) вынужденно признавали исторический материализм как высший уровень знания об обществе и законах его функционирования и развития, но их практическая деятельность носила прямо противоположный характер»¹. И далее: «Если исторический материализм без всяких оговорок объявлен знанием партийным, иными словами, выражал интересы правящей партократии, то социология с самого начала своего возникновения была наукой объективной и, следовательно, внепартийной»² (подчеркнуто нами. – А.К.).

По поводу выдвинутых аргументов ввиду их крайней противоречивости и субъективности можно было бы развернуть отдельную широкую дискуссию. Однако, стремясь не уйти в сторону от основной линии нашей темы, зададимся всего лишь несколькими вопросами. Если социологи на словах признавали исторический материализм в качестве высшего уровня знания об обществе, а на практике поступали прямо противоположно, то не является ли это прикрытым шулерством или, как минимум, беспринципностью и приспособленчеством? Употребляя же расширительно «социологи», автор транслирует не только свою личную позицию, но и как бы берет в свои союзники все социологическое сообщество. Не многовато ли? Утверждение же о том, что исторический материализм «выражал интересы правящей партократии», – этот «аргумент» из арсенала набившего оскомину антисоветизма, и он больше подходит для жанра политизированного журнализма.

Что же касается утверждения о внепартийности социологии, то напомним слова этого же автора из другого издания: «...партийность марксистско-ленинской социологии есть партийность осознанная и открытая», она «есть одновременно и залог ее научности». И далее: «В марксистско-ленинском классовом анализе общественных явлений воплощено единство партийности и научности социологии»³ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Приведем еще один из далеко не единственных подобного рода фактов, свидетельствующих о двух Осиповых в истории отечественной социологии. По словам Геннадия Васильевича, на одном из высочайших совещаний в ЦК КПСС он якобы убеждал присутствующих там работников Отдела науки ЦК КПСС и «почти всех социологов», что «социологию можно уподоблять точным наукам, она, как и физика, химия, биология, дает факты и не может быть партийной или классовой...» (подчеркнуто нами. – А.К.). При этом он уточнил: «Конечно, с такой точкой зрения не согласились, но вопрос реально стоял»⁴ (подчеркнуто нами. – А.К.). Эти слова, касающиеся событий 1968 года, получили научную презентацию не тогда, по ходу событий, а в постсоветском 1999 году, когда вопрос о партийности (или непартийности) не только социологии, но и всех общественных наук потерял научную актуальность.

¹ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 51.

² Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 53.

³ Рабочая книга социолога. М.: Наука, 1976. С. 11, 12.

⁴ См.: Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / отв. ред. и авт. предисловия Г.С. Батыгин; ред.-сост. С.Ф.Ярмолюк. СПб.: РХГИ, 1999. С. 102.

А теперь обратимся к тому же 1968 советскому году, когда в совместной статье Г.В. Осипова и А.М. Румянцева в академическом журнале «Вопросы философии» однозначно и безальтернативно было сформулировано то, что, как говорится, написано пером – не вырубишь топором: «Марксистская социология есть наука партийная, открыто противопоставляющая свои методологические позиции беспартийности и надпартийности позитивизма. Между социологией марксизма и буржуазной социологией лежит принципиальный и четкий рубеж – противоположность их социальных, политических и теоретических истоков, непримиримость идеалистического и материалистического понимания истории, научного конкретного исследования социальной жизни и эмпиризма»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.). Обратим внимание на то, что временной разрыв между упомянутым выше совещанием в ЦК (по утверждению Г.В. Осипова, оно якобы состоялось в апреле 1968 года) и опубликованной в июньском номере «Вопросов философии» статьей – полтора-два месяца! И какому же Осипову верить: тому, который в 1968 году клялся на верность партийности социологии, или тому, который в 1999 году, говоря о событиях 1968 года, писал, что социология «не может быть партийной»? Впрочем, нетрудно предположить, что было бы с автором, который в 60-е годы XX столетия провозглашал лозунги о беспартийности общественных наук.

Подчеркнем при этом, что во всех перечисленных случаях речь идет не о постсоветской социологии, а о периоде социологического ренессанса. Поэтому нам не остается ничего другого, как сопоставить постсоветский антиистматовский пафос с тем, как же оно было на самом деле в тех реальных исторических и социально-политических условиях, в которых происходило возрождение отечественной социологии. Для этого обратимся к тем трудам, которые, по мнению представителей первой волны возрождения советской социологии, считаются классическими и, следовательно, могут рассматриваться в качестве самого авторитетного и убедительного научного источника для установления истины. При этом подчеркнем еще раз: в нашу задачу не входит всесторонний анализ истмата и его взаимосвязи с социологией (это тема отдельного изучения). Нас же интересует проблема более конкретная в контексте нашего исследования – сопоставление точек зрения по этому вопросу одних и тех же авторов в период социологического ренессанса и в постсоветское время.

Для начала обратимся к 1969 году, когда после проведенного совместного советско-польского сравнительного исследования был опубликован на польском и итальянском языках фундаментальный труд «Социальные проблемы труда и производства». Ориентация на марксистскую доктрину в этом издании высказана хотя и в общей форме, но четко и безальтернативно. Во вступлении к книге, соавторами которого выступили Г.В. Осипов и польский социолог Я. Щепаньский, указывалось на большую важность того, что исследование – это «одна из первых попыток непосредственного осуществления совместной работы социологов-марксистов, представляющих два социалистических государства». Здесь же отмечается также, что тесные контакты между социологами двух стран «польской социологии... дали возможность познакомиться с уровнем развития в СССР общей социологической теории марксизма, в то время как советские социологи благодаря этим контактам получили воз-

¹ Румянцев А.М., Осипов Г.В. Марксистская социология и конкретные социальные исследования // Вопросы философии. 1968, № 6. С. 7.

можность познакомиться с эмпирическими исследованиями, техникой сбора материалов и методами их обработки»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Отмечая, что «совместный труд советских и польских социологов имеет большое значение как первый опыт, первый шаг к... международным комплексным исследованиям», авторы предисловия обращают внимание на то, что, несмотря на то, что при разработке программы сравнительного конкретно-социологического исследования пришлось учитывать как сохранявшиеся к тому времени между двумя странами социально-экономические различия (наличие в Польше неколлективизированного сельского хозяйства), так и различный уровень разработанности методики и инструментария исследования, тем не менее «определяющим при выборе проблем были единые теоретические и методологические принципы»² (подчеркнуто нами. – А.К.), то есть в рамках марксистской доктрины.

А теперь – к двухтомному изданию «Социология в СССР», ставшему «важным шагом на пути институционализации социологии в СССР»³ и обобщившему впервые на таком уровне опыт социологических исследований, проведенных к тому времени в различных сферах советского общества. Обращение «к подлинной истории марксизма и его социологии» (подчеркнуто нами. – А.К.), по мнению Г.В. Осипова, показывает, что «нет ничего нелепее и ошибочнее», чем настойчиво распространяемые буржуазными идеологами мифы «о марксизме как совокупности сухих, абстрактных теоретических формул, не отражающих действительности». Ссылаясь на работы В.И. Ленина, К. Маркса и Ф. Энгельса, он делает однозначный вывод о том, что «конкретное исследование конкретной социальной действительности является органически присущим марксистскому методу»⁴ (подчеркнуто нами. – А.К.). Назвав исторический материализм «теорией общественного развития, раскрывающей движущие силы исторических событий, объективные законы, по которым они развиваются», Г.В. Осипов отмечает, что исторический материализм «является вместе с тем методологией познания общественных явлений и процессов, ибо выявляет реальную связь между материальной и идеальной, объективной и субъективной сторонами жизни общества, позволяет в калейдоскопическом хаосе случайных явлений обнаружить их сущность, их необходимость, их закономерность, основную тенденцию их развития»⁵.

На этом основании он делает обобщающий вывод: «Поэтому исторический материализм представляет собой теоретическую и методологическую основу всех общественных наук». Опираясь на такое понимание теории и методологии общественных наук, он следующим образом определяет марксистскую социологию: «Марксистская социология – это наука о закономерностях становления, развития и смены обще-

¹ Социальные проблемы труда и производства. Советско-польское сравнительное исследование под ред. Г.В. Осипова и Я. Щепаньского. М.: Мысль; Варшава: KSIĄZKA I WIEDZA, 1969. С. 5.

² Социальные проблемы труда и производства. Советско-польское сравнительное исследование под ред. Г.В. Осипова и Я. Щепаньского. М.: Мысль; Варшава: KSIĄZKA I WIEDZA, 1969. С. 5.

³ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 22.

⁴ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 42.

⁵ Осипов Г.В. Основные черты и особенности марксистской социологии. В кн.: Социология в СССР. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1966. С. 43.

ственно-экономических формаций, закономерностях, формами которых выступают различные конкретные социальные (материальные и духовные) явления, процессы, факторы»¹. Словом, да здравствует формационный подход в его строго истматовской версии.

Линия на укрепление в возрождающейся социологии истматовской методологии четко просматривается и в приложенном ко второму тому труда «Социология в СССР» кратком (и первом) словаре социологических терминов. Для полной ясности своей научной позиции составители словаря сделали такую сноску: «Основные понятия и категории марксистской социологии получили обстоятельную разработку в трудах основоположников марксизма-ленинизма, в таких работах, как «Философская энциклопедия», «Краткий философский словарь», «Основы марксистской философии», и других пособиях по диалектическому и историческому материализму, изданных как в СССР, так и за границей»² (подчеркнуто нами. – А.К.).

По этой логике авторы построили весь словарь, разумеется, на прочном истматовском фундаменте. Вот как, например, определяется такая фундаментальная научная категория, как метод: «Метод в широком смысле означает способ научного подхода к действительности. В этом смысле общим методом всех наук является диалектический и исторический материализм – единственный подлинно научный метод»³ (подчеркнуто нами. – А.К.). Эта формула, звучащая как категорический императив, не оставляет никакого места не то что для альтернативы, но даже для бесконфликтного плюрализма мнений – «единственный подлинно научный метод» причем являющийся «общим методом для всех наук»! При определении понятия «теория» утверждается, что «целостное и обобщенное представление о законах развития общества» дает «социологическая теория, построенная на методологической основе диалектического материализма». Материалистическое понимание истории названо «научным основанием социологии и всех других общественных наук». А понятие «конкретно-социологические исследования» определяется как «научное изучение и систематизация на основе марксистской методологии (подчеркнуто нами. – А.К.) социальных фактов, относящихся к самым различным сферам жизни общества». Что же касается эмпирических исследований, то они определены как «наиболее широкое направление в развитии современной буржуазной социологии», поэтому «марксистская социология отвергает эмпиризм буржуазных исследователей и исходит из того, что эмпирический анализ – лишь этап к построению социологической теории, а именно теория составляет цель социологического исследования»⁴. С позиций марксистской социологии определены понятия «макросоциология», «отношения социальные», «социализация», «социометрия», «структурно-функциональная школа».

Обратимся еще к одному источнику, который наряду с «Социологией в СССР» отцы-основатели социологии называют классическим трудом, – к «Рабочей книге социолога»⁵. О том, к чему может привести отход социолога от доктрины истори-

¹ Осипов Г.В. Основные черты и особенности марксистской социологии. В кн.: Социология в СССР. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1966. С. 43.

² Социология в СССР. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1966. С. 484.

³ Социология в СССР. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1966. С. 495.

⁴ Социология в СССР. В 2 томах. Т. II. М.: Мысль, 1966. С. 505, 493, 492, 509.

⁵ Авторы книги: М.Н. Руткевич, Г.В. Осипов, С.Ф. Фролов, В.В. Колбановский, В.Г. Андреев, Г.М. Денисовский; ответственный редактор Г.В. Осипов.

ческого материализма, обращается внимание уже во введении к книге: некоторые советские ученые, «заимствуя опыт методик и техники прикладных исследований, накопленный к настоящему времени на Западе... стали заимствовать и идеи буржуазной социологии. Речь идет о попытках отрыва теоретической социологии от исторического материализма, преувеличении роли количественных методов в социологии, увлечении теориями “массовой культуры” и “массового сознания”, отступлениях от марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях и т.д.»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Говоря о значении истмата для социологии, авторы издания подчеркивают, что исторический материализм, с одной стороны, представляет собой «общую социологическую теорию», а с другой, является «методологией социального познания вообще, конкретно-социологического исследования – в частности»². Поэтому, по мнению авторов, «подход к пониманию общества с позиций исторического материализма – это, прежде всего, подход материалистический (подчеркнуто нами. – А.К.). Исторический материализм, объясняя социальные явления и их изменения, исходит не из божественного начала или абсолютной идеи, как объективный идеализм, не из сознания и воли отдельных личностей, как субъективный идеализм, а из реальных условий жизнедеятельности людей данной эпохи»³.

При этом обращается внимание на то, что «как методология познания и объяснения социальных явлений и процессов исторический материализм опирается на прочный фундамент фактов»⁴. Определяя же место истмата в системе всего общественнознания, авторы «Рабочей книги социолога» подчеркивают, что, «будучи методологией для всех областей общественнознания, исторический материализм как наука философско-социологическая одновременно выступает и как составная часть марксистско-ленинской философии, и как общая социологическая теория. В системе марксистского социологического знания исторический материализм занимает центральное место, являясь основой и стержнем всей научной социологии»⁵ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Именно поэтому «научность и глубина конкретных социологических исследований любой области общественной жизни определяются методологической и теоретической их направленностью, диалектико-материалистическим пониманием общества и его развития и одновременно диалектическим подходом к мышлению, использованием понятийного аппарата исторического материализма (подчеркнуто нами. – А.К.), умением привязать более частные понятия, выработанные в социологии, к системе основных понятий»⁶. Характеризуя процессы дифференциации и интеграции в социологической науке, авторы «Рабочей книги социолога», с одной стороны, признают правомерность возникновения в процессе дифференциации социологического знания новых направлений, которые можно, по их мнению, «с известной долей условности» назвать наукой («социология науки», «социология культуры», «социология труда» и т.д.), а с другой, спешат предупредить – «все специальные (частные)

¹ Рабочая книга социолога. М.: Наука, 1976. С. 3–4.

² Рабочая книга социолога. М.: Наука, 1976. С. 9.

³ Рабочая книга социолога. М.: Наука, 1976. С. 9.

⁴ Рабочая книга социолога. М.: Наука, 1976. С. 10.

⁵ Рабочая книга социологии. М.: Наука, 1976. С. 12.

⁶ Рабочая книга социолога. Изд-во «Наука». М., 1976. С. 12–13.

социологические теории опираются на общую теорию, рассматривают свой предмет через призму исторического материализма, имеют общую методологическую основу, в чем, несомненно, проявляется тенденция интеграции¹ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Дальнейшее укрепление статуса исторического материализма как методологической основы социологии, как философской теории общества осуществлено во втором издании «Рабочей книги социолога». «Особое место в структуре социологического знания, – отмечается в этом издании, – занимает исторический материализм. С одной стороны, он является философской теорией общества, а с другой – общей социологической теорией. Философское содержание исторического материализма – диалектико-материалистического понимания истории – раскрывается в философии марксизма, социально-научное, собственно социологическое – в марксистской социологии. Будучи социально-философской теорией общества, исторический материализм опосредует связь философии со всеми социальными и гуманитарными науками. Будучи общей социологической теорией, исторический материализм в то же время является общей теоретической и методологической основой всех других специальных и гуманитарных наук»² (подчеркнуто нами. – А.К.). Отсюда делается вывод о том, что в состав теоретического уровня знания входят: а) исторический материализм как общая социологическая теория; б) специальные (частные) социологические теории, которые «выполняют роль переходных звеньев от общей социологической теории к эмпирическим социологическим исследованиям, проводимым в различных областях социальной действительности»³.

Наконец, обратимся к источнику 2008 года – пятому изданию «Рабочей книги социолога», то есть к тому времени, когда после снятия в 1988 году исторического материализма с теоретического и методологического пьедестала отечественной социологии прошло ровно двадцать лет. В приложенном к книге кратком словаре терминов дается такое повторенное, начиная со второго издания книги, с некоторыми лексическими изменениями определение историческому материализму: «Исторический материализм – марксистско-ленинская теория общества и методология социального познания. С одной стороны, он является философской теорией общества, с другой – общей социологической теорией. Философское содержание исторического материализма – диалектико-материалистического понимания истории – раскрывается в философии марксизма, социально-научное, собственно социологическое – в марксистской социологии. Будучи социально-философской теорией, исторический материализм опосредует связь философии со всеми социальными и гуманитарными науками. Будучи общей социологической теорией, исторический материализм в то же время является общей теоретической основой всех других социальных и гуманитарных наук» (подчеркнуто нами. – А.К.)⁴.

Рассмотрение же в книге конкретных вопросов социологической науки пронизано особой заботой о соблюдении принципов исторического материализма: «исторический материализм предполагает внутреннее единство теоретического и эмпирического подходов к познанию социальной действительности»; гипотеза в социологиче-

¹ Рабочая книга социолога. Изд-во «Наука». М., 1983. С. 17.

² Рабочая книга социолога. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Наука, 1983. С. 27.

³ Рабочая книга социолога. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Наука, 1983. С. 27.

⁴ Рабочая книга социолога. Под общ. ред. и с предисл. академика РАН Г.В. Осипова. 5-е изд. М.: URSS, 2008. С. 458.

ском исследовании «должна соответствовать исходным принципам исторического материализма» (подчеркнуто нами. – А.К.), который служит общей теоретико-методологической основой научного познания социальных процессов»¹, социолог-марксист, «исходя из известного положения исторического материализма о всеобщей взаимозависимости и взаимообусловленности явлений общественной жизни», «не может ограничиваться изучением отдельно взятого явления изолированно от других процессов и событий, а должен стремиться по возможности охватить весь комплекс явлений, относящихся к тому или иному социальному процессу, и изучить существующие между ними зависимости»².

Необходимость сослаться на опубликованную в 1962 году в журнале «Вопросы философии» статью М.Г. Иовчука и Г.В. Осипова «О некоторых теоретических принципах, проблемах и методах социологических исследований» диктуется не столько тем, чтобы к перечисленным выше трудам, демонстрирующим преданность их авторов историческому материализму, добавить еще один, сколько тем, чтобы сопоставить трактовку исторического материализма в качестве методологии социологических исследований, ориентированную, с одной стороны, на внутреннее пользование, то есть на национальном уровне, а с другой – в международных научных контактах.

Дело в том, что в основу этой статьи положен совместный доклад указанных авторов «Природа и проблемы социологической теории» на V Международном социологическом конгрессе в США, в котором (докладе) для мировой социологической элиты были изложены «некоторые принципиальные положения марксистской социологии и показана их коренная противоположность буржуазной социологии, охарактеризованы основные проблемы, над которыми в настоящее время работает советская социологическая наука, и методы, используемые при проведении конкретных социологических исследований в СССР...»³.

Какие же идеи и суждения были предложены в данном случае? Отмечается, например, что «благодаря единству теории исторического материализма и конкретных исследований» марксистская социология обладает широкой возможностью исследования динамики социальных процессов в историческом развитии, глубокого познания особых исторических, то есть конкретных социальных ситуаций. Любой социальный факт может быть понят и научно оценен только при условии исторического к нему подхода, то есть на основе научного диалектического метода исследования, впервые примененного при проведении социологических исследований марксизмом»⁴ (подчеркнуто нами. – А.К.). Что же касается конкретных социологических исследований, проведенных марксистами, то они «представляют собой применение теории и метода научной социологии – исторического материализма – к раскрытию внутреннего механизма социальных явлений, закономерностей их развития, к ана-

¹ Рабочая книга социолога. Под общ. ред. и с предисл. академика РАН Г.В. Осипова. 5-е изд. М.: URSS, 2008. С. 34, 128.

² Рабочая книга социолога. Под общ. ред. и с предисл. академика РАН Г.В. Осипова. 5-е изд. М.: URSS, 2008. С. 172.

³ Иовчук М.Т., Осипов Г.В. О некоторых теоретических принципах, проблемах и методах социологических исследований // Вопросы философии. 1962. № 12. С. 23.

⁴ Иовчук М.Т., Осипов Г.В. О некоторых теоретических принципах, проблемах и методах социологических исследований // Вопросы философии. 1962. № 12. С. 27.

лизу конкретных социальных ситуаций, складывающихся в процессе общественной жизни»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Но авторы не ограничились только декларацией своих собственных позиций, а встали на защиту марксистской доктрины от нападок считавшего себя в прошлом марксистом А. Лефевра, который в своем докладе на конгрессе «искусственно рассекает на части философско-социологическую теорию марксизма», являющуюся «единым цельным и развивающимся учением»² (подчеркнуто нами. – А.К.). Отвергая утверждения А. Лефевра о том, что Маркс в 1844 году стоял на позициях философской антропологии (или социальной физиологии), затем отдал предпочтение истории и, наконец, в «Капитале» перешел к экономике, отступив от своего философского и социологического кредо, которым якобы была идея отчуждения, являвшаяся, по Лефевру, «проектом конкретной социологии», авторы совместного доклада критику марксизма-ленинизма ответили так: «В действительности же и в исторических, и в экономических работах Маркс развивал, только более всесторонне и аргументированно, свою выработанную уже в 1814–1845 годах философскую концепцию – диалектический и исторический материализм, – смысл которой состоит в преобразовании природного и социального мира общественным человеком»³ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Впрочем, с этой публикацией произошла довольно загадочная метаморфоза. Вскоре в научных изданиях совместный доклад двух авторов стал именоваться «доклад Г.В. Осипова», соавтор же, причем в ранге члена-корреспондента, куда-то улетучился, безвозвратно сошел со страниц научных изданий. Эту некрасивую историю не только мог бы, но и должен был прояснить человек, ставший единоличным автором указанного текста. Но он молчит, и это при том, что «доклад Осипова» фигурирует в нынешних постсоветских изданиях под грифом Института социально-политических исследований. Например, Дж. Фишер пишет: «Доклад Осипова Пятому всемирному социологическому конгрессу поднимает другой, более практический вопрос...» (подчеркнуто нами. – А.К.). А далее, цитируя доклад, он делает библиографические ссылки только как на «доклад Осипова»⁴.

В этом же плане – о статье А.М. Румянцева и Г.В. Осипова «Марксистская социология и конкретные социальные исследования» («Вопросы философии», 1968, № 6). В данном случае она имеет большое значение, наряду с другими обстоятельствами, еще и потому, что первый автор кроме самого высокого академического звания обладал в то время статусом вице-президента АН СССР и директора ИКСИ, а второй автор – председатель Советской социологической ассоциации, то есть более мощного объединения в одном тандеме потенциала административно-руководящего ресурса трудно было придумать.

Сказанное ими – это уже не просто их личное мнение как индивидуалов-исследователей, а четкий ориентир для всего социологического сообщества. А эти ориен-

¹ Иовчук М.Т., Осипов Г.В. О некоторых теоретических принципах, проблемах и методах социологических исследований // Вопросы философии. 1962. № 12. С. 24.

² Иовчук М.Т., Осипов Г.В. О некоторых теоретических принципах, проблемах и методах социологических исследований // Вопросы философии. 1962. № 12. С. 29.

³ Иовчук М.Т., Осипов Г.В. О некоторых теоретических принципах, проблемах и методах социологических исследований // Вопросы философии. 1962. № 12. С. 29.

⁴ См.: Социология в СССР: взгляд изнутри и извне в работах Геннадия Осипова, Джорджа Фишера, Ильи Земцова, Алекса Симиренко. М.: Вече, 2008. С. 350, 351, 354, 355, 358.

тиры таковы. «Социологические исследования, проведенные на базе исторического материализма и на основе научной методике и техники, дают объективную информацию о функционировании и развитии конкретных социальных процессов, институтов и групп. И тем самым способствуют научному руководству и управлению общественным развитием»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.). Словом, без истмата – «и ни туды, и ни сюды»! Вывод авторов? Надо руководствоваться тем, что «законы и категории исторического материализма являются ядром, сердцевинной, основой всей системы научной социологии, как и других общественных наук. Именно марксизм впервые разработал, дал точное определение и ввел в научный оборот такие важнейшие категории, как «экономическая и социальная структура», «социальная система», «социальные отношения и функции», «социальные группы и слои», «коллектив», «социальная роль» и многие другие»² (подчеркнуто нами. – А.К.).

Однако следование в фарватере исторического материализма сопровождалось и другой тенденцией – попытками анализа этой проблемы не с догматических позиций, а с учетом нарастающей потребности творчески подойти к определению предмета беспредельно господствующего истмата и новой возрождающейся социологии, установления между ними параметров интеграции и дифференциации. Уже на начальном этапе социологического ренессанса в вопросе о предмете марксистской социологии стали просматриваться такие три подхода: одни отождествляли марксистскую социологию с марксизмом в целом; другие полагали, что истмат одновременно реализует функции и философской, и социологической науки; третьи проводили различия между историческим материализмом и марксистской социологией по аналогии с теми научными дисциплинами, которые органично объединяли в себе теоретическую и прикладную области.

Продолжавшаяся в научном сообществе более десяти лет дискуссия о предмете социологии завершилась декларированием двух точек зрения: первая сводилась к призыву воссоздать социологию как научную дисциплину. В соответствии со второй позицией социология рассматривалась в качестве вспомогательного средства, питающего эмпирическими данными другие социальные дисциплины.

А предложенная А.М. Румянцевым и Г.В. Осиповым в их уже упоминавшейся нами совместной статье «Марксистская социология и конкретные социальные исследования» классификация системы научно-социологических исследований выглядела следующим образом: 1) общая социологическая теория (то есть исторический материализм) (подчеркнуто нами. – А.К.), исследующая наиболее общие законы становления, развития и смены общественно-экономических формаций, то есть наиболее общие законы общества; 2) теория социальной структуры общества; на этом этапе исследуются законы взаимодействия и функционирования различных социальных систем и организмов в рамках данной социальной структуры; 3) теория различных специальных систем, занимающаяся специфическими закономерностями функционирования отдельных сторон и явлений социальной жизни (социология семьи, социология деревни и т.д.); 4) эмпирический уровень – исследование социальных

¹ Румянцев А.М., Осипов Г.В. Марксистская социология и конкретные социальные исследования // Вопросы философии. 1968, № 6. С. 3.

² Румянцев А.М., Осипов Г.В. Марксистская социология и конкретные социальные исследования // Вопросы философии. 1968, № 6. С. 7.

фактов и их научная систематизация¹. Ключевой аспект в этой классификации – закрепление за историческим материализмом статуса общесоциологической теории.

Эту схему познания социальной действительности при некоторых лексических изменениях, не касающихся содержания (то есть сути дела), Г.В. Осипов воспроизвел в вышедшем в 1982 году двухтомнике «Советская социология», исключив при этом соавтора журнальной версии статьи академика А.М. Румянцева². А в постсоветское время он своему старшему коллеге по социологическому цеху, соавтору научных статей, демонстрирующих их общую теоретико-методологическую основу социологической науки, предъявил обвинение: «А.М. Румянцев, будучи человеком, далеким от социологии, расширил свой институт за счет политологов из в основном своего окружения, чем раздробил основной социологический замысел на два потока: социологический и политологический. От этого собственно социологи получили массу новых проблем...»³ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Публикация же в партийном журнале «Коммунист» статьи по этому вопросу Г.Е. Глезермана, В.Ж. Келле и Н.В. Пилипенко⁴, казалось, привела к желаемому компромиссу. Предложенная ими триада: высший уровень – исторический материализм, являющийся общесоциологической теорией в структуре социологического знания и призванный дать методологическое обеспечение социологических исследований; средний уровень (Р. Мертон называл это теориями среднего ранга); нижний уровень, включающий обширную область эмпирических исследований, стимулирующих развитие социологической теории, «избавления ее от умозрительности и абстрактности», – казалось, удовлетворяла все стороны диалога. Однако, как справедливо считают авторы монографии «Социология в России», «органического синтеза не произошло»⁵.

Позже, то есть в постсоветское время, Г.В. Осипов так описывает его, доктора философских наук, «непримиримую борьбу» с академиком П.Н. Федосеевым: «...П.Н. Федосеев категорически настаивал на сталинской догме: исторический материализм – это распространение принципов диамата на общество, а потому делал вывод, что наши работы по социологии не вписываются в марксистскую философию и, следовательно, являются враждебными этой философии... На это я обычно отвечал: если вы отождествляете исторический материализм и социологию и пытаетесь свести социологию к философии, то неизбежно скатываетесь к позитивизму, который включает конкретные науки в систему философского знания. А социология – это конкретная наука об обществе»⁶ (подчеркнуто нами. – А.К.). Такие пассажи можно было бы сравнивать с ранее приведенными высказываниями этого же автора

¹ См.: Румянцев А.М., Осипов Г.В. Марксистская социология и конкретные социальные исследования // Вопросы философии. 1968, № 6. С. 7.

² См.: Советская социология. Т. 1. Социологическая теория и социальная практика. М.: Наука, 1982. С. 8–9.

³ Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 511.

⁴ См.: Глезерман Г.Е., Келле В.Ж., Пилипенко Н.В. Исторический материализм – теория и методология научного познания и революционного действия // Коммунист. 1972, № 4.

⁵ См.: Социология в России / под ред. В.А. Ядова. Изд. 2, перераб. и дополн. М.: Изд-во ИС РАН. С. 54.

⁶ См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 534.

об истмате как теоретическом и методологическом фундаменте социологии, но и это лишено смысла по одной причине: столь серьезные заявления и оценки, содержащиеся в его постсоветской цитате, не подкреплены им, как это положено в науке, необходимыми ссылками на обязательные для таких случаев источники – научные публикации, документальные и архивные свидетельства, которые напоминали бы о его позиции по названным вопросам в советские 60–70-е годы. Он просто обходит их. Как в данном случае, так и во многих других его трудах. Вот и получается – ищите ветра в поле! Верить же на слово не приходится, так как сопоставление с другими – официальными – источниками подрывает доверие к «мемуарным изыскам», благодаря которым один и тот же исследователь меняет свои научные позиции под влиянием политической конъюнктуры.

В этом же ключе еще один занимательный сюжет. «В 1966 году, – говорит Г.В. Осипов, – на совещании в Отделе науки и вузов ЦК КПСС под председательством С.П. Трапезникова (заведующий Отделом науки и учебных заведений ЦК. – А.К.) П.Н. Федосеев заявил: “Здесь присутствуют социологи. Кому нужна такая социология, которая работает во вред советскому обществу, вскрывает нетипичные для нашего общества факты, подобные исследования ничего, кроме вреда, не приносят?” Я не удержался и в своем пространном выступлении, в частности, сказал: “Петр Николаевич, как вы можете это говорить? В свое время вы же сами утверждали, что исследования, названные вами “конкретные социальные исследования”, играют огромную позитивную роль, они служат партии и при разумном использовании помогут решать многие сложные социальные проблемы”. И впервые на заседании в отделе ЦК мне зааплодировали»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.). Нарисованная картина, конечно же, впечатляет: на таком высоком уровне (в ЦК!) происходит настоящая интеллектуальная дуэль между истматчиком вице-президентом АН СССР, отрицающим социологию, и оппонировавшим ему «настоящим социологом», заместителем директора ИСПИ РАН, которые выясняют свои научные позиции не там, где принято (Президиум АН СССР, заседание профильного отделения, ученый совет института, научный форум академического сообщества), а в политическом штабе КПСС. Академик, руководящий по линии Президиума АН СССР всей общественной наукой, терпит профессиональное поражение от находящегося по отношению к нему в служебном подчинении доктора наук, которому «впервые на заседании в отделе ЦК... зааплодировали», а заместитель заведующего Отделом пропаганды ЦК Г.А. Смирнов, встретившийся на следующий день с «победителем», даже заявил: «Твое выступление произвело потрясающее впечатление, все о нем только и говорят» (подчеркнуто нами. – А.К.).

Конечно, если бы упомянутые события и особенно цитирование их участников были, как и положено в научных публикациях, подкреплены необходимыми сносками, подтверждающими их документальную достоверность, все было бы на своих местах. Однако автор такие источники не указывает, их не удалось установить и нам в процессе изучения архивных материалов и тех изданий, в которых такие мероприятия обязательно получали освещение (Вестник АН СССР, журнал «Вопросы философии» и др.).

Выяснилось другое – несовпадение такого цитирования об одних и тех же событиях в разных публикациях одного и того же автора, в данном случае Г.В. Осипова.

¹ См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 520.

Сопоставим две его цитаты по поводу так называемого антисоциологического выступления П.Н. Федосеева на уже упоминавшемся нами совещании в 1966 году в Отделе науки и вузов ЦК – в опубликованной в 2005 году монографии Л.Н. Митрохина «Мои философские собеседники» и в увидевшей свет в 2012 монографии Г.В. Осипова «Возрождение социологической науки в России». В первом случае это звучит так (для сравнения придется повториться с приведенным выше текстом): «Я (то есть Г.В. Осипов. – А.К.) не удержался и в своем пространном выступлении, в частности, сказал: “Петр Николаевич, как вы можете это говорить? В свое время вы же сами утверждали, что исследования, названные вами “конкретные социальные исследования”, играют огромную позитивную роль, они служат партии и при разумном исследовании помогут решать многие сложные проблемы”»¹.

О том же, но во втором источнике: «Я резко, в присутствии ряда руководящих работников ЦК КПСС, возразил П.Н. Федосееву. «Как может, – сказал я, – вице-президент АН СССР выступать против социологических исследований, в результатах которых так нуждается партия»². Если автор позволяет многовариантное цитирование самого себя без указания официального первоисточника, то нетрудно представить, что собой представляет такое его документально неподтвержденное цитирование других авторов.

Поэтому в выяснении вопроса о том, мог ли Петр Николаевич в 1966 году отрицать социологию, да еще в такой пренебрежительной форме, назовем такие противостоящие осиповскому мифу документально подтвержденные аргументы:

а) 12 декабря 1956 года П.Н. Федосеев в подготовленной совместно с М.Д. Каммари записке о третьем Всемирном социологическом конгрессе в Амстердаме впервые в истории отечественной социологии инициативно внес предложение о создании в СССР социологической ассоциации и ее вступлении в Международную социологическую ассоциацию, и это предложение воплотилось в принятии положительных документов Президиума АН СССР и Комиссии ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных связей;

б) на состоявшейся 6–11 января 1958 года Международной конференции социологов в Москве он сделал доклад «Проблемы мирного сосуществования в социологических исследованиях и преподавание социологии»;

в) на состоявшемся 15–18 ноября 1965 года заседании Идеологической комиссии ЦК КПСС он не только положительно оценил развертывание конкретных социологических исследований в стране, но и высказался в пользу создания социологического института и социологического журнала;

г) на Международных социологических конгрессах – третьем (1956), четвертом (1959), пятом (1962) – он возглавлял делегации советских социологов и лично выступал с докладами по актуальным проблемам развития социологической науки.

Приведенные факты, а их перечень можно было бы продолжить, – убедительное свидетельство того, что, занимая такие позиции по отношению к социологии, П.Н. Федосеев никак не мог выступать на указанном выше совещании в ЦК КПСС ее противником. И здесь нет предмета для спора. Нам же остается лишь обратиться

¹ См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб: изд-во РХГА, 2005. С. 520.

² См.: Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 25.

внимание еще на один нюанс в пассаже «оппонента-победителя» дуэли в ЦК. Дело в том, что упомянутые выше два источника (беседа Л.Н. Митрохина с Г.В. Осиповым и монография Г.В. Осипова «Возрождение социологической науки в России») отличаются друг от друга не только отмеченным выше несовпадением текста цитат по поводу одного и того же события, но и тем, что во втором случае, то есть в монографии «Возрождение социологической науки в России», содержатся такие (отсутствующие в первоисточнике) пассажи, которые помогают докопаться в данном случае до истины. Вот они. «На том совещании (на котором якобы состоялась “социологическая дуэль” между вице-президентом АН СССР П.Н. Федосеевым и работником ИКСИ Г.В. Осиповым. – А.К.) мной (то есть Г.В. Осиповым) была допущена роковая ошибка, которая в дальнейшем оказала существенное влияние как на мою судьбу, так и на социологическое сообщество» (подчеркнуто нами. – А.К.). И далее: «Я тогда даже не предполагал, что вопрос об освобождении П.Н. Федосеева от должности вице-президента и замене его на этом посту А.М. Румянцевым был практически решен в партийных инстанциях, и я своим критическим высказыванием лишь добавил аргументов в пользу этого решения. С этого времени мои личные и деловые отношения с этим достойным ученым были испорчены на всю жизнь»¹.

Таким сделанным в 2012 году дополнением по отношению к первоисточнику, которым является опубликованная в 2005 году беседа Л.Н. Митрохина с Г.В. Осиповым, привносятся новые акценты в последствия «социологической дуэли» между вице-президентом АН СССР и работником ИКСИ. Г.В. Осипов в данном случае предстает в противостоянии с П.Н. Федосеевым уже не только «борцом» за социологию, но и «жертвой», поскольку его «личные и деловые отношения» с П.Н. Федосеевым «были испорчены на всю жизнь» из-за того, что он «своим критическим высказыванием» «добавил аргументов в пользу» решения инстанций об освобождении его от должности вице-президента. На Федосеева же падает тень как на одного из руководителей АН СССР, оказавшего «существенное влияние как на судьбу» Г.В. Осипова, «так и на социологическое сообщество», подтекст, как видно, негативный.

Такой трактовкой Г.В. Осипов дал понять научному сообществу, что П.Н. Федосеев сменил свое благосклонное отношение к нему на начальном этапе совместной работы в Институте философии на довольно критическое в последующий период не из-за допущенных им ошибок и недостатков в работе, а потому, что своим выступлением на якобы состоявшемся в 1966 году совещании в ЦК он «добавил аргументов» для лишения П.Н. Федосеева руководящего поста.

Таким образом, события, связанные с «социологической дуэлью» Г.В. Осипова и П.Н. Федосеева на совещании в отделе ЦК в 1966 году, – настоящая эпопея, в которой рельефно изображены действовавшие в той ситуации персонажи, четко расставлены акценты о «борцах» за социологию и их противниках, о печальных последствиях происшедшего в здании партийного штаба противоборства. Но дело в том, что эта эпопея – виртуальное представление того, чего хотел бы ее (эпопеи) автор. Официальные же источники не только не подтверждают эту легенду, а говорят совершенно о другом, о главном – без учета мнения вице-президента АН СССР П.Н. Федосеева, функционально отвечавшего за общественные науки, Президиум АН СССР не мог

¹ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 25.

бы направить письмо в ЦК КПСС с предложением разрешить Г.В. Осипову поездку в Финляндию в январе 1966 года для чтения лекций на тему «Советская социология сегодня»¹. А такая поездка состоялась. И мог ли Петр Николаевич в том же году, после осуществления Г.В. Осиповым указанной выше поездки в Финляндию (а перед этим в Норвегию), полемизировать с ним на совещании в ЦК КПСС, провозглашать лозунги против социологии – «кому нужна такая социология»? Мог бы только в одном случае: если он имел в виду недостатки каких-то конкретных исследований, но не социологии в целом. Но то, что Г.В. Осипов осуществил за рубежом чтение лекций о достижениях в развитии советской социологии, – все это ставит крест на его утверждениях об отрицательном отношении к социологии как П.Н. Федосеева, так и ЦК КПСС.

В этом контексте сопоставим сегодняшние оценки Г.В. Осипова, которые он выдал в социологии ученым, с которыми ему пришлось работать в годы социологического ренессанса. Например, Ф.В. Константинов в его (Г.В. Осипова) постсоветской интерпретации был «наиболее злобным противником социологии»², он относился к числу ученых, мировоззрению которых «понимание социологии как теоретической науки было глубоко враждебно»³. Такие формулировки человека убивают, как говорится, наповал. Но стоит вспомнить 1963 год, когда нынешний ниспровергатель авторитетов своих предшественников пережил настоящий исследовательский взлет. Вдуматься только: что значило для кандидата наук (которым он был в то время) опубликовать статью в самом престижном в то время партийном журнале «Коммунист» в соавторстве с членом-корреспондентом АН СССР (с 1964 – академиком), бывшим заведомо пропаганды и агитации ЦК КПСС, ректором АОН, главным редактором журналов «Вопросы философии» и «Коммунист» и в момент публикации статьи директором Института философии! Да еще и по какому вопросу – по теоретическим вопросам социологии⁴, по которым авторы продемонстрировали общность теоретико-методологических позиций, разумеется, в соответствии с марксистской доктриной. Такое соавторство для начинающего ученого – прямо скажем, редкостный подарок судьбы. И какова же сегодня память об этом у Г.В. Осипова, удостоенного в далекие 60-е годы такого подарка, – комментировать в моральном плане трудно.

Характеризуя же отношение академика Ф.В. Константинова к конкретным социологическим исследованиям, Г.В. Осипов в постсоветское время указывает и на то, что он якобы выступал «резко против конкретных социологических исследований», «с самого начала категорически выступал против конкретных социологических исследований, ибо... предвидел, что социологические исследования, развившись, неизбежно перерастут рамки прикладной научной деятельности... станут самостоятельной наукой, потеснят и с неизбежностью опровергнут исторический материализм»⁵ (подчеркнуто нами. – А.К.). Как же на фоне ничем не подкрепленных заявлений

¹ См.: Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: ACADEMIA, 1997. С. 76.

² Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М., Экономика. 2008. С. 422

³ Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М., Экономика. 2008. С. 505-506.

⁴ См.: Константинов Ф.В. Осипов Г.В. В поисках социологической теории // Коммунист. 1963. №2.

⁵ Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2008. С. 510.

Г.В. Осипова о «резких» и «категорических» выступлениях Ф.В. Константинова против конкретных социологических исследований, якобы угрожавших их перерастанием в самостоятельную науку (?!), выглядит позиция по этому вопросу самого Федора Васильевича в его научных публикациях? Обратимся к источнику аж 1950 года, когда он, развеивая сомнения некоторых исследователей, связавших появление «конкретных исследований» с угрозой «ползучего эмпиризма», писал: «Наоборот, общетеоретические и конкретные исследования будут питать друг друга. Получится своеобразное разделение труда»¹. То есть Федор Васильевич, вопреки сегодняшним утверждениям Г.В. Осипова, не только не боролся с конкретными исследованиями, а наоборот, был их сторонником, более того, он рассматривал их в органической связи с общетеоретическими исследованиями, которые, разумеется, в целом укрепляли теоретические основы социологической науки.

А мог ли академик Ф.В. Константинов, занимавший в далекие 60–70-е годы XX столетия, как об этом пишет сегодня Г.В. Осипов, «явно враждебную» позицию в признании научного статуса социологии, в это же время писать и издавать труды по социологии: статью «Социолог и его роль в общественной жизни» (Москва, ИСИ АН СССР, 1974), монографическое издание под редакцией Ф.В. Константинова «Социологические проблемы международных отношений» (Москва, «Наука», 1970). К этому добавим: он произнес блестящий доклад «Социология и политика» на пленарном заседании V Всемирного социологического конгресса в Вашингтоне, на котором он возглавлял делегацию советских социологов. Говоря о том, что в условиях насыщенности «событиями величайшей важности, приводящими в движение народы всех стран и континентов... гигантски возрастет роль политики и социологии», он отметил: «Политический деятель, выражающий коренные потребности и задачи нашей эпохи, должен понимать природу и сущность социальных явлений, природу движущих сил и законы общественного развития, его общее направление и характер, должен предвидеть ход событий. Отсюда особые требования, предъявляемые политикой и общественностью к научной социологии. Социология призвана верно указывать главное направление общественного развития и тем самым давать научную основу политики»² (подчеркнуто нами. – А.К.).

Кстати, приведенная выше цитата взята из уже упоминавшейся статьи, авторами которой являются высокостатусный ученый Ф.В. Константинов – директор Института философии АН СССР, член-корреспондент Академии наук (через год после этой публикации он станет академиком) – и молодой кандидат философских наук, заведующий сектором Института философии Г.В. Осипов, для которого соавторство с такой знаменитостью было не рядовым событием. И вот Г.В. Осипов, демонстрировавший в свое время общность теоретико-методологических позиций по вопросам социологии с Ф.В. Константиновым, в постсоветское время не только решил отгородиться от него китайской стеной, но и представил его как ученого с «явно враждебной» позицией по отношению к научному статусу социологии, только как проповедника догматического истмата. И это при том, что в другом своем труде тот же автор, говоря об обстоятельствах, имевших «принципиальное значение» для решения теоретических и практических социальных проблем в период возрождения отечествен-

¹ Константинов Ф.В. Против догматизма и начетничества // Вопросы философии. 1950, № 3. С. 11.

² Константинов Ф.В., Осипов Г.В. В поисках социологической теории // Коммунист. 1963, № 2. С. 97.

ной социологии, из четырех названных им важнейших направлений на первое место поставил то из них, которое связано с «определенными успехами, достигнутыми советскими учеными в исследовании проблем исторического материализма»¹, и только вслед за этим – творческое изучение наследия классиков марксизма-ленинизма, проведение конкретных социологических исследований и разработку проблем методики и техники таких исследований. Более того, Ф.В. Константинов возглавил приведенный Г.В. Осиповым список авторов, внесших особо большой вклад в разработку проблем исторического материализма.

Приходится напоминать и о том, что Ф.В. Константинов как академик – секретарь Отделения философии и права АН СССР 17 января 1968 года обратился в ЦК КПСС (к секретарю ЦК П.Н. Демичеву) с просьбой «для развития новых направлений научных исследований», «для расширения и улучшения социологических исследований и развертывания теоретической работы» оказать содействие в выделении для отделения вакансии члена-корреспондента по специальности «марксистская социология и научный коммунизм» в связи с предстоящими выборами в АН СССР в 1968 году². В качестве возможных кандидатов им были названы В.Ж. Келле, Г.В. Осипов и В.С. Семенов³. А теперь вопрос: мог ли академик – секретарь Отделения философии и права АН СССР, который якобы как догматик-истматчик вел борьбу с конкретными социологическими исследованиями в «резкой» и «категоричной» форме, проявить инициативу впервые в истории АН СССР предложить избрать в состав АН СССР социолога? Причем в этой ситуации в определенной степени проявил смелость – видимо, чувствуя, что на уровне Президиума АН СССР и даже соответствующего отдела ЦК в связи с обсуждением этого вопроса могут возникнуть какие-то проблемы, он фактически нарушил жесткую субординацию тех времен и, минуя названные выше инстанции, вышел напрямую на секретаря ЦК КПСС. Спрашивается, зачем же наводить тень на плетень? Может быть, в знак «благодарности» за то, что в свое время академик Ф.В. Константинов на Президиуме Академии наук выступил с предложением назначить его сегодняшнего критика (то есть Г.В. Осипова. – А.К.) заместителем директора академического института философии?

Престижными для Г.В. Осипова были и совместные научные публикации с членом-корреспондентом АН СССР М.Н. Руткевичем⁴, который сменил А.М. Румянцева на посту директора ИКСИ. Тональность же постсоветских публикаций Г.В. Осипова о таком сотрудничестве – поразительна. Можно лишь удивиться странной логике его утверждений о том, что М.Н. Руткевич «скомпрометировал себя в глазах социологической общественности страны тем, что, руководя какое-то время Институтом конкретных социальных исследований, как истинный коммунист беспрекословно

¹ Осипов Г.В. Теория и практика социологических исследований в СССР. В кн.: Социология в СССР: взгляд изнутри и извне в работах Геннадия Осипова, Джорджа Фишера, Ильи Земцова, Алекса Симиренко. М.: Вече, 2008. С. 18

² См.: Социология и власть. Сборник 1. Документы 1953–1968. Под ред. проф. Л.Н. Москвичева. М.: АCADEMIA, 1997. С. 153–154.

³ Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономист, 2008. С. 422.

⁴ См.: Осипов Г.В., Руткевич М.Н. Социология и современность. Вып. 2. М.: Знание, 1976; Ильичев Л.Ф., Осипов Г.В., Руткевич М.Н. Социологические исследования: результаты, проблемы, задачи // Политиздат, 1980, № 13.

выполнял решения отдела науки и вузов ЦК КПСС, МГК КПСС, Черемушкинского райкома КПСС, в результате чего возглавляемый им Институт подвергся жесточайшему разгрому»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.). Говорить о том, что Институт подвергся «жесточайшему разгрому» по той причине, что директор «беспрекословно выполнял» обязанности, возложенные на него руководящими органами, – настоящая абракадабра: наказание от тех, чьи предписания «беспрекословно выполнял» обвиняемый? К тому же директор выполнял решения Президиума АН СССР, Секретариата и Политбюро ЦК, а не отдела ЦК, который не обладал правом принятия решений, а осуществлял порученческую и контрольную функции.

Связывать же компрометацию человека в глазах всей социологической общности страны с тем, что он был «истинным коммунистом», – что это может означать? Требовать от человека отказаться от своего личного выбора, жизненной позиции и стать беспринципным перерожденцем? Или сидеть одновременно на двух стульях, как это делали некоторые: официально занимать руководящую должность в науке и быть свободным от выполнения возложенных на него обязанностей? Как не вспомнить бытовавшее в советское время деление в общественном мнении на «истинных коммунистов» и «членов КПСС», которые рассматривали пребывание в партии через призму личных интересов. Именно такие «члены КПСС» в драматичные дни развала СССР стали соревноваться друг с другом в том, кто первый выбросит партбилет, причем прилюдно, а еще лучше перед телеэкраном. Из числа таких «членов КПСС» и сформировался в постсоветское время корпус наиболее ретивых искаателей «исторической правды» в форме тотальной критики той жизни, в которой они пользовались всеми ее плодами – получением руководящих должностей, отличного образования, высоких академических званий и степеней, престижного партийного членства и т.д., и т.п.

Говоря о роли академиков П.Н. Федосеева, Ф.В. Константинова, Л.Ф. Ильичева, М.Б. Митина, А.Г. Егорова, С.В. Немчинова, А.М. Румянцева, Ю.П. Францева, Л.В. Кантаровича и др. в становлении отечественной социологии и организации Института конкретных исследований, Г.В. Осипов, как бы отгораживая их насильственным образом от функционирования социологического сообщества, безапелляционно заявляет: «практически мною их непосредственное общение с социологами и ограничивалось»² (подчеркнуто нами. – А.К.). Вот таким в собственных глазах предстает научный сотрудник ИКСИ, через которого все академики осуществляли «непосредственное общение с социологами»? Как говорится, знай наших! Вот такими «чужаками» в социологии были, по Г.В. Осипову, перечисленные выше академики, в числе которых – вице-президенты АН СССР, отвечавшие за общественные науки, в том числе и за социологию, создатели и первые руководители ИКСИ и Советской социологической ассоциации, руководители Отделения общественных наук.

Но не так думали и думают объективные социологи. Член-корреспондент Н.И. Лапин вспоминает довольно показательный факт, относящийся к середине 60-х годов: при подготовке издательством «Мысль» к печати двухтомника «Социология в СССР» оказалось, что сам термин «социология» был под большим вопросом, со-

¹ Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 512.

² См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 509.

мневались в дирекции издательства. И решающим фактором для судьбы книги как на уровне руководства издательства, так и ЦК стало то, что в качестве авторов этой книги были привлечены Ф.В. Константинов, П.Н. Федосеев и Ю.П. Францев¹.

В контексте дуализма оценок одних и тех же явлений социологического ренессанса, сделанных в разное политическое время, – картинки об отношениях Г.В. Осипова с куратором социологии из Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС Г.Г. Квасовым. Картинка первая, обобщающая отдельные штрихи этих отношений, изложена Г.В. Осиповым в постсоветское время прежде всего в уже упоминавшейся беседе с Л.Н. Митрохиным: Г.Г. Квасов вместе с П.Н. Федосеевым – открытый «главный идеолог» разгрома Института конкретных социальных исследований АН СССР; он «черный ангел» института, вооружавший партийное начальство компроматом на институт, полученным от «подонков» (так он называет посетителей отдела ЦК); Г.Г. Квасов сыграл «главную роль» в том, чтобы комиссия ЦК КПСС, МГК КПСС и Черемушкинского райкома КПСС доказала, что «деятельность руководства и сотрудников института (ИКСИ. – А.К.) враждебна линии партии и советской власти»; именно от Г.Г. Квасова якобы последовала угроза, что он (то есть Г.В. Осипов) в случае повторения ошибок, допущенных при публикации труда «Моделирование социальных процессов», будет освобожден от должности заместителя директора института и ему будет даже запрещено заниматься профессиональной деятельностью. Эти обвинения декларативны, бездоказательны, лишены документальной базы.

Картина вторая переносит нас в советский 1982 год, когда в жизни социологического сообщества произошло замечательное событие – вышел в свет двухтомник «Советская социология», авторами статей которого выступило более пятидесяти наиболее известных тогда социологов страны. Успех изданного двухтомника был обеспечен прежде всего четкой организационной и профессионально грамотной работой редколлегии, в которую, наряду с другими, вошли Г.В. Осипов как ответственный редактор и работник Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС Г.Г. Квасов в качестве члена редколлегии, которые выступили в этом издании и авторами собственных статей.

Вот и возникает вопрос: могут ли гармонично корреспондироваться между собой описанные две картинки? Исключено! Одна из них (первая) – недостоверна, вторая отражает событие, имевшее место в жизни. Причем в реализации этой задачи Г.В. Осипов и Г.Г. Квасов продемонстрировали не только совместную четкую организаторскую работу по подготовке и изданию двухтомника, но и общность теоретико-методологических позиций с опорой на исторический материализм как общесоциологическую теорию и партийное руководство социологической наукой. Вот позиция в этом вопросе самого Геннадия Васильевича: социологическая наука получила всемерное развитие при Коммунистической партии; большое значение имело постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» (август 1967), в котором, в частности, было проанализировано состояние социологии в стране и определены ее конкретные задачи, в частности, задача развития «исторического материализма как общесоциологической теории, конкретных социологических иссле-

¹ См.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб.: Российский христианский гуманитарный институт, 1999. С. 256.

дований»; «известные успехи достигнуты в развитии исторического материализма как общей социологической теории»; «в решениях высших органов партии... вопрос о дальнейшем развитии социологии в СССР и использовании результатов социологических и социальных исследований в практике коммунистического строительства был поднят до общепартийного и общегосударственного уровня»¹. Словом, в этом двухтомнике Г.В. Осипов предстает в широком плане как последовательный и преданный сторонник истмата, а Г.Г. Квасов как работник партаппарата, построивший с Институтом социологических исследований отличные деловые отношения при решении конкретной научной задачи. Поэтому личные неприязненные отношения, сложившиеся в силу неизвестных для читателя причин, разумнее было бы если и не отодвинуть в сторону, то хотя бы оставить только для себя.

Совершив личное сальто-мортале от клятвопринижения истмату к его постсоветскому ниспровержению, определив место в возрождении отечественной социологии «академиков-консерваторов» в извращенном для них и выгодном для себя свете, Г.В. Осипов создал такую историческую ретроспективу, которая, по его замыслу, ни у кого не должна вызывать сомнения в том, кто был «консерватором», а кто «революционером» в институционализации социологии как научной дисциплины. Постоянное же подчеркивание якобы существовавшего единого альянса «академиков-догматиков» и представляющих власть «партократов», «подавлявших» социологическое свободомыслие, – все это не только неправда, но и уход в сторону от объективного анализа сложнейших и крайне противоречивых проблем социологического возрождения.

На что хотелось бы обратить особое внимание, характеризуя интеллектуальное маневрирование в лабиринтах возрождающейся советской социологии? Конечно, важен результат. И каков же он? Доктор исторических наук Александр Молчанов, говоря о том, что в период разрушения Советского Союза, «казалось бы, не только партийные идеологи, но и наши философы должны были противостоять навязываемым антинаучным и иррациональным подтасовкам и суррогатам “объяснений” того, что в действительности произошло в XX веке в мире и в СССР – России», отмечает: «... среди философов почти поголовно стали выявляться деятели, которые “ухаживали” до перестройки за диаматом и истматом и вдруг чуть ли не все перешли на иные позиции. Не отставали и другие “бойцы” гуманитарно-социального фронта. Удивляла клоунская ловкость, с которой многие гуманитарии перескакивали с одной платформы на другую»². С ним солидаризировался и известный социолог Л.Н. Коган: «Сейчас те самые социологи, что раньше поминутно клялись в верности Марксу, считают неприличным даже упоминать его имя»³.

Г.К. Ашин, анализируя поведение отечественных элит в период перестройки, отмечает: «Конечно, мы расстались с гипертрофированным классовым подходом, кстати, настолько, что стали гораздо “революционнее”, чем сами американцы», «это мы стали более “правоверными”, чем буржуазные социологи». И далее: «Вообще, позорно к Марксу мы отнеслись... Мы всегда позорно относились: раньше лизали пятки, считали, что это начальство по идеологической линии. А потом вдруг стали

¹ См.: Советская социология. Том 1. Социологическая теория и социальная практика. М.: Наука, 1982. С. 5–9.

² Молчанов А. Москва молчала // Литературная газета. 26–31 декабря 2012. № 52 (6398). С. 3.

³ См.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб.: Российский христианский гуманитарный институт, 1999. С. 299.

оплевывать то, чему поклонялись. И главное, одновременно. Это случилось все в 1989–1990-е годы»¹.

О массовой теоретико-методологической перелицовке (а точнее, перерождении) отечественных обществоведов в период горбачевской перестройки член-корреспондент РАН Ж.Т. Тощенко, научная судьба которого связана как с советским, так и с постсоветским периодом развития отечественной социологии, пишет так: «Сложилась парадоксальная ситуация – почти все представители самой марксистской страны стали критиками марксизма, а отдельные – антимарксистами. Этот угар (иначе я не могу назвать его) привел к отказу от многих достойных разработок, образованию противоборствующих групп, неуважительной критике. Стало модным придерживаться различных концепций, не дополняющих и не развивающих друг друга. Сторонникам плюрализма мнений и теорий можно возразить, что многообразие не исключает общих принципов, которых должны придерживаться социологи»² (подчеркнуто нами. – А.К.).

Не ограничиваясь констатацией такого печального факта, он вместе с тем формулирует свою научную позицию – четко, однозначно, без каких-либо двусмысленностей или неопределенных намеков: «Я никогда не отказывался от марксизма. Это не значит, что я не вижу ограничений, устаревших положений, ошибочных выводов, присущих марксизму, особенно в его советской интерпретации. Свою позицию я называю неомарксистской. Для меня важны разработки раннего Маркса, в которых он большое внимание уделяет человеку, личности. Исходя из этого, я в трактовке предмета социологии придерживаюсь установки, что именно человек является началом и венцом общественного развития, которое предстает в виде реально функционирующего сознания, действий людей в определенных условиях общественной среды»³.

Многие советские обществоведы, выросшие на марксистской доктрине, в постсоветское время не просто отрешиваются от нее, но и позиционируют себя бескомпромиссными борцами с ней (марксистской доктриной), причем не только сегодня, но якобы и в период социологического ренессанса. Перелицовка с завидной легкостью некоторых теоретиков политической экономии социализма в последовательных борцов за воплощение в жизнь либерально-капиталистических моделей экономики, превращение истории в антиисторию только потому, что, к примеру, два доктора наук или даже два академика с советскими дипломами никак не могут прийти к единому мнению по совершенно бесспорным вопросам (кто первым и почему начал Вторую мировую войну, миссия Советской армии в этой войне была освободительной или экспансионистской и т.д.), альтернативное противопоставление социально-научного знания «внеаучному» социально-философскому знанию – все это (перечень можно продолжать), с одной стороны, результаты глубочайшего мировоззренческого ценностно-духовного разлома, в котором оказалось постсоветское общество, а с другой – проявление того системного кризиса, в котором продолжает пребывать теория и методология постсоветских общественных наук.

¹ «Очень не люблю элиту...» Интервью с Геннадием Константиновичем Ашкиным // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Том XI, № 1. С. 18–19.

² Тощенко Ж.Т. Социология возродилась в нашей стране сначала как политическая витрина // Социологический журнал. 2007, № 4. С. 169.

³ Тощенко Ж.Т. Социология возродилась в нашей стране сначала как политическая витрина // Социологический журнал. 2007, № 4. С. 169.

Когда же вдруг сверху (а не профессиональным социологическим сообществом) в форме своеобразной «коронации» Г.В. Осипов был объявлен единственным прижизненным социологическим пьедесталообладателем, выступавшим и выступающим под номером один, а также преемником М.М. Ковалевского, Е.В. де Роберти, К.М. Тахтарева, П.А. Сорокина¹ (то есть всех дореволюционных классиков), многие ученые, съевшие в социологии, как говорится, не один пуд соли, не могли не задать вопрос: в чем же суть продекларированной преемственности? В самом деле, как найти вот ту заветную линию преемственности, которая соединила бы научные школы и теоретические концепции упомянутых выше классиков с теоретико-методологическим дуализмом Г.В. Осипова? Ведь анализ его публикаций и руководящей деятельности в сфере социологии дает основание говорить о двух Осиповых.

С одной стороны, Осипов-первый, ставший проводником марксистской доктрины в целом и исторического материализма в частности как в своих исследованиях в советское время (о чем говорилось выше), так и в руководящей деятельности – достаточно вспомнить его карающую по отношению к Ю. Леваде формулировку – обвинение в том, что в его «Лекциях по социологии» не раскрыта роль исторического и диалектического материализма как основополагающей теории и методологии марксистско-ленинской социологии, принижен классовый и партийный подход к раскрытию явлений социальной действительности, не нашли должного отражения существенные аспекты идеологической борьбы, отсутствует глубокая критика буржуазных социологических теорий². Ведь эта формулировка определила содержание оценок и меру наказаний гонимого социолога в принятых документах на заседании партбюро ИКСИ АН СССР 9 декабря 1969 года, Черемушкинского РК КПСС, в докладной записке в ЦК КПСС первого секретаря МГК КПСС В.В. Гришина, наконец, при рассмотрении этого вопроса на заседании Секретариата ЦК.

С другой стороны, Осипов-второй, представший в условиях изменившейся политической конъюнктуры в результате разрушения СССР в качестве альтернативы самому себе – сменивший коленопреклонение перед истматом на антиистмат, не только отмежевавшийся от именитых в свое время исследователей (занимавших крупные руководящие посты в науке), с которыми он имел честь публиковать совместные статьи по советской социологии (Ф.В. Константинов, А.М. Румянцев, Н.М. Руткевич и др.), но и объявивший их в постсоветское время дремучими догматиками и непонимающими, а то и просто враждебно относящимися к социологии (подчеркивая при этом свою «первопроходческую» роль). В.Э. Шляпентох, касаясь этой проблемы, так высказался об Г.В. Осипове, с которым он сотрудничал на социологическом поприще еще в молодые годы: «Пожалуй, трудно найти другой пример в истории, по крайней мере русской, чтобы один и тот же человек в течение нескольких десятилетий возглавлял в одной и той же науке два абсолютно противоположных идеологических курса»³.

¹ Осипов Ю.С. Академик Г.В. Осипов в истории становления и развития социологии в России. В кн.: Академик Г.В. Осипов – патриарх социологии. М.: Наука, 2009. С. 22.

² См.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб.: Русский христианский государственный институт, 1999. С. 496.

³ См.: Интервью В.Э. Шляпентоха «Социология: здесь и там», помещено в его книге «Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал». М.: Центр социологического прогнозирования, 2006.

Следовательно, ни Осипов-первый, ни Осипов-второй никак не могут быть встроены в ряд преемников дореволюционной социологии. В первом случае он – сторонник марксистской доктрины, во втором – ее антипод, ревизор. Скажем, в чем проявилась преемственность научных трудов Г.В. Осипова, например, с интегральной методологией социального познания, историко-сравнительным методом и теорией факторов М.М. Ковалевского? Или есть ли доказательство, что Г.В. Осипов воспринял и дальше развивал идеи К.Н. Тахтарева, его так называемую генетическую социологию и другие его весьма оригинальные идеи? А как можно называться преемником Е.В. де Роберти, если в вышедшей под его (Г.В. Осипова) общей редакцией «Российской социологической энциклопедии» в числе статей-персоналий, посвященных знаменитым и известным социологам, вы не встретите фамилию Е.В. де Роберти, а в статье «Социология в России» (автор Г.В. Осипов) он только упомянут в длинном списке выдающихся представителей социально-политической мысли России разных эпох без каких-либо оценочных слов его деятельности не только как социолога, но и как ученого более широкого плана¹?

Что же касается преемственности по линии П. Сорокина, о чем более подробно расскажем позже, то в данном случае можно задать, к примеру, такие вопросы: трансформировались ли в трудах Г.В. Осипова, и если да, то в какой форме, сорокинские идеи о марксистской доктрине в контексте конвергенции двух философских и двух социологических систем (американской и советской)? Об учении о строении сложных социальных агрегатов? О его концепции психосоциальных, а не социальных наук? Подчеркнем лишь банальную вещь: упоминание авторов и их цитирование (даже самое обильное) еще не говорит о научной преемственности, тем более когда это строится не на научных критериях, а на общественно-политических конъюнктурных интересах и предпочтениях.

Назойливое акцентирование на личном первопродстве в социологическом возрождении, красной нитью проходящее во всех публикациях Г.В. Осипова, касающихся истории советской социологии, призвано, как можно понять, зарезервировать в общественном мнении четкое и не подлежащее сомнению представление о лидере-борце №1 в институционализации социологии в качестве самостоятельной научной дисциплины. Когда же президент РАН Осипов Ю.С. в 2008 году провозгласил, что Г.В. Осипов «выступил основоположником новой науки политологии, которой до этого в стране не было» (подчеркнуто нами. – А.К.), – политологическое сообщество было повергнуто в смятение. Вспомнилось не только то, как происходило описанное выше создание политологического направления в ИКСИ, но и та непристойная «внутривидовая» война между заместителями директора, которая в числе других факторов привела к кризисному состоянию в ИКСИ и в конечном итоге к кадровым изменениям в руководстве института.

Но главный вопрос: где научные труды, подтверждающие, что Г.В. Осипов – «основоположник новой науки политологии»? Ведь его первая заметная политологическая работа опубликована в 1995 году², то есть тогда, когда политология как наука уже была институционализирована, а политологическому сообществу пришлось к этому

¹ См.: Российская социологическая энциклопедия. Под общ. ред. академика РАН Г.В. Осипова. М.: Норма-ИНФРА, 1998. С. 489–491.

² См.: Список научных трудов Г.В. Осипова // Академик Г.В. Осипов – патриарх социологии. М.: Наука, 2009. С. 350–364.

времени пройти после создания в 60-е годы Советской ассоциации политических наук и вступления ее в Международную ассоциацию политических наук путь развития «неинституционализированной» науки на протяжении нескольких десятилетий.

§2. «Философское разоружение» постсоветской социологии

Коленопреклонение перед историческим материализмом в доперестроечное время Г.В. Осипов со временем, развернувшись в противоположную сторону, сменил на непримиримую критику этой позиции, объявив о несовместимости социологии с теорией исторического материализма¹, распространив свое негативное отношение не только на истмат, но в целом на всю философскую науку. Из теоретика и методолога советской социологии, базирующейся на марксистской доктрине, он превратился в постсоветское время в проповедника совершенно иной, противоположной доктрины. В самом деле, где торжествует научная истина – в постсоветских утверждениях о философии и социально-философском знании как «вненаучном» или в совершенно противоположного содержания суждениях, высказанных на заре возрождения отечественной социологии, то есть в советское время: «Имеется еще более высокий по сравнению с общетеоретическим уровень исследования общества, а именно социально-философский уровень»² (подчеркнуто нами. – А.К.).

Конечно, господствующий ныне плюрализм мнений позволяет каждому беспрепятственно декларировать любую точку зрения, даже если такое мнение лишено научно обоснованных, объективных и достоверных оснований. Но мы считаем неуместными какие-либо упреки в адрес носителей такого мнения, ибо в конечном итоге кристаллизация истины сопровождается очищением зерен от плевел, от всякой шелухи, от всего того, что построено на незнании, на искажении истины. Нас же интересует другой вопрос: насколько неприемлем с профессиональной и этической точки зрения «альтернативный плюрализм» в одном лице, когда конкретный исследователь в силу конъюнктурных политических или иных соображений меняет точку зрения по принципиальному вопросу, не объясняя при этом причин такого «интеллектуального зигзага». Пользуясь правом собственного мнения, рассмотрим это на примере отношения Г.В. Осипова к философии как науке, которое он сформулировал в разное время.

Вот одна сторона «личностного плюрализма»: во многих своих трудах он наделяет философию в целом и марксистскую философию в частности таким фундаментальным теоретико-методологическим, то есть в высшей степени научным потенциалом, который, как из этого делается вывод, позволяет успешно развиваться не только философии как научной дисциплине, но и другим наукам, в том числе и социологии. Во введении к книге «Социология. Основы общей теории» безоговорочно утверждает: «Разумеется, социальная философия и философия вообще должны быть одним из оснований социологии»³ (подчеркнуто нами. – А.К.). Более того, «что касается

¹ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в СССР. М.: Экономическое образование, 2012. С. 48.

² См.: Румянцев А.И., Осипов Г.В. Марксистская социология и конкретные социологические исследования // Вопросы философии. 1968, № 6. С. 7.

³ Социология. Основы общей теории: учебник / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма, 2009. С. 18.

марксистской социальной философии и марксистской философии в целом, то она, конечно же, наряду с другими направлениями может претендовать на научную эффективность и конкурировать с ними на равных основаниях¹ (подчеркнуто нами. – А.К.). Или: «Теоретизация эмпирического материала как раз и означает, что на его основе и на основе конструктивных философских концепций формируются именно теории в строгом научном смысле этого слова»² (подчеркнуто нами. – А.К.). В названных выше, а также других подобных случаях, которых в разных публикациях Г.В. Осипова предостаточно, возникает вопрос: могла ли объявленная им в постсоветское время «внеаучной» философская наука выполнять описанные им же выше созидательные теоретические и методологические функции в научном познании? Ответ очевиден.

Так выглядит одна сторона «личностного плюрализма». Что же касается второй его стороны, то мы видим свою задачу в том, чтобы максимально точно воспроизвести позицию автора, сравнивая эту «вторую сторону» с приведенными выше его же утверждениями о высоком теоретико-методологическом предназначении философской науки.

Фактически на уровне категорического императива звучит такое не подкрепленное научными аргументами утверждение Г.В. Осипова: «Философия не является ни наукой, ни искусством, ни даже дисциплиной»³. Он назвал несостоятельным такое понимание философии как науки, когда включенные в нее (философию) онтологические, гносеологические и аксиологические составляющие воздействуют на формирование основания других наук, что, по его мнению, «означает возведение априорного мышления в статус науки» (?!). Для лишения философии статуса науки неприемлемыми являются и аргументы о том, что «в настоящее время не существует единой философской системы» и что «множество философских концепций, теорий, направлений подходят к рассмотрению онтологических, гносеологических и аксеологических проблем с самых различных позиций»⁴. Но философия не только сегодня, а и на предыдущих этапах своего развития демонстрировала не «единую философскую систему», а их (систем) многообразие. И в этом ее особенность и ее общегуманистическое и общецивилизационное богатство.

Методологическим обоснованием исключения философии из перечня общественных наук является предложенная Г.В. Осиповым, но не всеми исследователями разделяемая «новая, отвечающая требованиям современной реальности система наук об обществе и человеке», соответствующая таким «основным формам жизнедеятельности человеческого общества – экономической, социальной, политической и духовно-нравственной (гуманитарной)», изучением которых занимаются соответственно конкретные науки – экономические, социальные, политические, гуманитарные. Выделение в качестве единиц классификации не научных дисциплин, что давно себя оправдало, а «основных форм жизнедеятельности человеческого общества», каждая

¹ Социология. Основы общей теории: учебник / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма, 2009. С. 18.

² Социология. Основы общей теории: учебник / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма, 2009. С. 19.

³ Осипов Г.В. Введение в социологическую науку. М., 2010. С. 14.

⁴ Осипов Г.В. Введение в социологическую науку. М., 2010. С. 13.

из которых (форм) «изучается конкретными науками»¹ – все это неизбежно загоняет проблему классификации научных дисциплин в тупик: ведь трудно представить, чтобы какая-то из основных форм жизнедеятельности общества изучалась только одной «конкретной наукой».

Такой подход приводит к размыванию границ объекта классификации (то есть научной дисциплины), своеобразному его расчленению, смещению внутри- и междисциплинарных связей. Так, например, в предложенной классификации к гуманитарным наукам отнесена антропология, а социальная антропология как субдисциплина – к социологии. Наука же, изучающая умственные способности человека, процессы мышления, мотивацию, эмоциональные проявления, расчленена таким образом, что психология как научная дисциплина отнесена к гуманитарным наукам, а социальная психология – к социальным. В предложенной классификации вообще отсутствует не только философия, но и культурология, этика, эстетика, то есть научные дисциплины, которые включены в перечень общественных наук в нормативных актах России и в образовательных стандартах (?!). В классификации не нашлось места и такой новой и утвердившейся науке, как экология, а ее такие два аспекта, как социальная экология и экологическая география, отнесены к социальным наукам.

Схема же движения от «внеаучного социально-философского» к «социально-научному» знанию, в результате которого, по мнению автора, философия стала по отношению к науке противоположной формой познания, выглядит так²: вначале (до становления научного знания в человеческом обществе) доминировали три различные формы внеаучного знания – мифологическое, религиозное и философское; затем из социально-мифологической, социально-религиозной и социально-философской мысли прошлого произрастало социально-научное знание. Потом социальная мысль в простейшей форме начинается с наблюдения дифференцированных явлений, существующих в рамках общества, когда «наблюдаемая социальная дифференциация находила объяснение в коллективных представлениях, в основе которых лежали мифологические или религиозные верования»; с возникновением же философии позднее «появляются первые социальные теории, пытающиеся объяснить существующий социальный порядок рациональным образом». Финал этого процесса: «С тех пор в системе знаний философия и наука рассматриваются как разные и в какой-то степени противоположные формы человеческого познания»³ (подчеркнуто нами. – А.К.).

С некоторыми выдвинутыми в этом многослойном построении положениями спорить трудно, потому что они поданы в форме декларации, а не в доказательной форме, и не содержат в себе элементов, раскрывающих сущностную сторону дела. Скажем, как упомянутая социально-религиозная мысль, выросшая из внеаучного религиозного знания, превращается в социально-научное знание. То же самое касается таких корней социально-научного знания, которыми (корнями) объявлены вначале (до становления научного знания) внеаучное знание, а потом получившее

¹ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в СССР. М.: Экономическое образование. С. 90, 95, 96, 99.

² Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 61.

³ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 62.

от него жизнь социально-мифологическое знание. Отсутствует четкое определение содержания употребляемых понятий (вненаучное философское знание в период становления научного знания, социально-научное знание, социально-мифологическое знание и др.) и особенно механизмов и научных методов перехода от социально-философского к социально-научному знанию.

Или если согласиться с тем, что произошло принципиальное размежевание между философией и социально-научным знанием, то какое место может отводиться в этой ситуации, например, альтернативной научному познанию общества ценностной социальной философии (от платоновских воззрений на государство до идеологии «Коммунистического манифеста» и историософии Ф. Ницше и Н.А. Бердяева)? Оставить ее в лоне философии в качестве одной из ее разновидностей – но тогда, по логике Г.В. Осипова, она становится составной частью всего вненаучного философского знания; включить ее во всем объеме в контекст социально-научного знания – значит лишить ее философской первоосновы. Парадокс!

А как можно объединять под одной теоретико-методологической крышей такие несовместимые трактовки: с одной стороны, утверждение о том, что якобы на смену «вненаучному» философскому знанию, которое «было господствующим вплоть до середины XVIII века»¹, пришло «научно-социальное знание» (в качестве его, то есть «вненаучного» философского знания, альтернативы), а с другой – положение о том, что «по мере развития человеческой цивилизации в рамках философского знания стало складываться знание научное»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.). Как видно, в одном случае философское знание объявляется вненаучным и ему на смену приходит научно-социальное знание, в другом случае – научное знание стало складываться «в рамках философского знания», что фактически отрицает первый тезис. Уместна аналогия Ницше, который как-то сказал, что совмещение под одним переплетом Нового и Ветхого Завета является примером высочайшей филологической безвкусицы. Добавим только, что в нашем случае речь идет о вещах более важных, чем «филологическая безвкусица», – о недопустимости совмещения в одном теоретико-методологическом «переплете» несовместимых философских и социологических истин.

Не менее серьезные вопросы вызывает и предложенная автором «система вненаучного знания». К ней, по его мнению, относятся такие десять элементов: «теология и философия, а также знание практическое, профессиональное, обыденное, знание мифологическое, знание утопическое, знание искусства, знание нравственное, знание правовое и т.д.»². Первое, что возникает по предложенной «системе», – что выступает в ней в качестве фактора, объединяющего включенные в нее элементы (ведь без этого система существовать не может), и насколько такие элементы методологически равновесны, чтобы быть выстроенными в один ряд без каких-либо объяснений и обоснований. В связи с этим – на основе каких научных критериев объявлены одинаково «вненаучными» теология, то есть богословие, представляющее собой совокупность религиозных доктрин о «вечных» (не подлежащих критическому анализу) постулатах о сущности и действиях Бога, и доктринально плюралистичная философия, эволюционный путь развития которой обозначен в том числе и периодами абсолютной несовместимости и антагонизма между ними.

¹ Осипов Г.В. Введение в социологическую науку. М.: Наука; Вече, 2010. С. 9–10.

² Осипов Г.В. Введение в социологическую науку. М.: Наука; Вече, 2010. С. 9.

А что может означать в контексте предложенной «системы вненаучного знания» «знание нравственное»? Если отбросить предположение (ввиду нечеткости содержания употребленного термина), что это не антитеза знанию «нравственному», то остается одно – речь, очевидно, идет об этике, представляющей собой особую систематизированную дисциплину, целью которой является не знание, а поступки. Поэтому втиснуть ее в систему «вненаучного знания» невозможно. Отнесение же к «вненаучному знанию» правового знания означает лишение научных основ права как научной дисциплины и как сферы правосознания, правовой культуры и правовой деятельности. А может ли быть «вненаучным» профессиональное знание, которое ввиду отсутствия четкой авторской интерпретации может указывать на разные смысловые оттенки: грамотное, то есть профессиональное знание чего-то вообще или знание конкретно своей профессии. Согласиться же с включением «знания искусства» в «систему вненаучного знания» – значит лишить научных основ такие исследовательские и учебные дисциплины, как эстетика и искусствоведение, которое, впрочем, автором безоговорочно отнесено тоже к «вненаучному знанию»¹.

Непродуктивным также является произвольное перечислительное включение в «систему вненаучного знания» таких с разными границами и условиями достоверности феноменов, как «знание мифологическое», «знание утопическое», «знание обыденное» и «знание практическое», с одной стороны, без дифференциации смысловых оттенков каждого из них, а с другой стороны, без определения у них общих, то есть интегральных элементов, собственно, и дающих право быть структурными компонентами системы, помогающими нахождению предельных оснований знания и деятельности.

Возникает и такой вопрос: если согласиться с вненаучным статусом философии, то возможно ли выполнение философским знанием такой, как пишет Г.В. Осипов, его социальной роли: «выработка мировоззрения, которое позволило бы человеку ориентироваться в естественной и социальной действительности и соответствующим образом строить свое поведение»². Нетрудно представить, какими могли бы быть ориентиры «в естественной и социальной действительности» и соответствующим образом построение поведения, если бы в их основе лежало «вненаучное философское знание». Или если «правомерно наличие таких философских областей философского знания, как философия науки, философия физики, философия биологии, философия политики, социальная философия, философия истории и многие другие»³, то как можно их представить без общей философии (ее методологии, понятийного аппарата и др.). Точно так же, как невозможно развитие таких конкретных направлений социологической науки, как эмпирические исследования, конкретные социальные исследования, социология труда, социология морали, социология политики и т.д. без опоры на теоретико-методологический потенциал общей социологии.

Предложенная Г.В. Осиповым модель вызывает немало вопросов и в случае ее применения при изучении генезиса национальных социологических школ. Ведь эта схема не дает возможности определить, например, место американской социологии, корни которой не в перечисленных различных видах «вненаучного» и «социаль-

¹ См.: Осипов Г.В. Введение в социологическую науку. М., 2010. С. 10.

² См.: Осипов Г.В. Введение в социологическую науку. М., 2010. С. 9.

³ См.: Осипов Г.В. Введение в социологическую науку. М., 2010. С. 10.

но-научного знания», а в социальной психологии; то же самое касается английской и немецкой социологии, генезис которой в экономике. Что же касается российской социологии, то она рождалась в лоне философии и потому на протяжении всего процесса институционализации не могла не развиваться вне философского контекста. И возникает закономерный вопрос: могла ли она (социология), рождаясь в лоне объявленной вненаучным знанием философии, обрести научный статус.

Исследовать же сегодня развитие социологи вне ее междисциплинарных связей и вне синтеза с другими науками, в том числе и философией, – значит искусственно противопоставить диалектически взаимосвязанные и взаимодействующие процессы научного познания – интеграции и дифференциации. И, наконец, интерпретация философии и науки в качестве противоположных форм человеческого познания не сопровождается соответствующими аргументами. В данном случае торжествует декларативный подход.

Рассматривая философию и науку как разные и «в какой-то степени»¹ противоположные формы человеческого познания, акцентируя внимание на использовании философией прежде всего априорного (то есть доопытного) мышления, односторонне постулируя тезис о том, что «понимание философии как основания науки... является несостоятельным» и что существующее в настоящее время множество различных философских концепций, теорий и направлений помещает науку в прокрустово ложе априорного мышления² – на фоне столь внушительного набора средств «философского разоружения» всей науки не остается места и для самой философии как научной дисциплины, которая в новых условиях, конечно же, изменяется и обновляется, сохраняя при этом свой достойный статус. Но, увы, ей в этом отказывается: она не может являться «системой научных знаний»³. Поэтому и в предложенной Г.В. Осиповым классификации наук в современном науковедении места для философии не нашлось.

Дело же в том, что отпочкование от философии как некогда единого и нерасчлененного теоретического знания о мире таких новых научных отраслей, как гносеология, онтология, социальная и политическая философия, этика, эстетика, философия истории, история философии, философия права, философия науки и техники и др., происходило не в виде полного вычленения из философской структуры какого-то получившего самостоятельность и независимость сегмента, а в виде более глубокой дифференциации и внутренней реорганизации самой философии. Для философии это означало прежде всего уточнение собственно философской проблематики, что позволило бы ей не раствориться в конкретных науках и предстать не в урезанном, а в обновленном виде. Для выделившихся из философии новых относительно самостоятельных научных дисциплин это означало необходимость определения предметного поля своего исследования, уточнение и выработку собственного понятийного аппарата. Но дифференциация философского знания происходила на фоне никогда не ослабевающей интеграционной функции философской науки, демонстрирующей

¹ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 62.

² Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 62.

³ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 62.

способность внутреннего теоретического движения именно на обновленном философском поле, формирования принципиально новых категориальных смыслов, ранее не свойственных ей (философии).

Для социологии же это, в свою очередь, означало: став самостоятельной научной дисциплиной, она может очень многое потерять и тогда, когда она порушила бы исторические связи с философией и прежде всего с социальной философией, и в случае «социологической экспансии». И когда тезис о том, что «в системе общественных наук социология занимает особое место», подкрепляется аргументом «все общественные науки, изучающие различные стороны жизнедеятельности общества, всегда включают в себя социальный аспект»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.), то при таком подходе нетрудно возвести в степень особых и другие общественные науки. Факт включения в общественные науки социальных аспектов еще не придает социологии какой-то особенности, исключительности, отличающей ее от других отраслей обществознания. Ведь политолог, например, в ответ на такую постановку вопроса ответит: а что, политический аспект не присутствует в экономике (экономическая политика), в науке (научная политика), в дипломатии (международная политика), в культуре (культурная политика) и т.д., и т.п., не говоря уже о социальной сфере (социальная политика) и политической социологии как научной дисциплине? Аналогичный ряд можно было бы выстроить и по отношению к экономике – начиная от экономики социальной сферы и кончая экономикой знания, экономикой культуры. А разве сама культура не обладает всепроникающим свойством по отношению к различным сторонам жизнедеятельности общества – культура политическая, культура производственная, культура научная, культура педагогическая, наконец, провозглашенная ООН и ЮНЕСКО «культура мира», «культура безопасности».

Продекларировав и многократно повторив тезис о «переходе от социально-философского к социально-научному знанию» (с четкой расстановкой акцентов – социально-философское знание вненаучное, а его альтернатива – социально-научное знание), Г.В. Осипов предлагает модель такого перехода, при которой отсутствует анализ того, как изменится модель междисциплинарных связей внутри всей системы общественных наук; он сосредотачивает весь пафос на доказательствах «вненаучности» социально-философского знания, философии в целом. Более того, на «вненаучность» философско-социального знания и мышления сваливаются многие социальные беды и общественные потрясения. По его мнению, «социальные науки в их социально-философском аспекте не только не способствовали решению назревших социальных, глобальных угроз современной эпохи, но и в значительной степени обострили их, доведя состояние экономики некоторых государств до состояния катастрофы» (подчеркнуто нами. – А.К.). И в качестве аргумента подверстывается сюжет о том, что материальные и человеческие потери России в процессе горбачевской перестройки и постсоветского реформирования произошли не в результате в одном случае преступной, а в другом – бездарной деятельности политиков, а потому, что они (потери) были спровоцированы «виртуальными реальностями, созданными не без участия властных структур» (?) и «по подсчетам специалистов, превышают

¹ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 102.

потери в Великой Отечественной войне»¹. Вывод очевиден – если бы общество опиралось не на социально-философское знание и мышление, а на социально-научное, наступила бы всеобщая благодать. Такое упрощенчество социально-политологической реальности делает невозможным рассмотрение подобных суждений в качестве научной истины.

Отказывая философии в праве быть системой научных знаний, он приписывает ей (философии) в качестве имманентно присущего свойства быть главным виновником создания виртуальной реальности, парализующей сознание людей и негативно мотивирующей их социальное поведение. Причем преподносится это в форме категорического императива: «Виртуальная реальность, создаваемая на базе социально-философского мышления, не имеет ничего общего с социально-научным мышлением и прокладывает дорогу в никуда» (подчеркнуто автором. – А.К.). Более того, именно философски ориентированные социальные мыслители, и только они, создают «в действительности теории постмодерна» и «прокладывают дорогу к разрушению человеческой цивилизации и ее культурных норм и ценностей, обосновывая объективный характер вступления человеческого общества в стадию неопределенности, непредсказуемости и хаоса»².

Словом, социально-философскому знанию вынесен смертельный вердикт. Подчеркнем – не конкретным носителям искаженной социальной реальности, а целому направлению научного познания и его научным категориям. Нелишне, однако, напомнить, что в современных условиях созданием виртуальной реальности занимаются люди таких профессий, которые вообще не имеют никакого отношения к социально-философскому знанию, – достаточно напомнить о концепциях виртуальных войн, кибернетических войн, которые стали ныне не только забавным занятием кибертеррористов-одиночек, а предметом деятельности генеральных штабов и новых специальных воинских формирований армий многих стран. Впрочем, как и в других подобных случаях, подвергнув сокрушительной критике социально-философское знание за создание виртуальной реальности, автор приведенных выше оценок в то же время создает себе запасную площадку, заявляя, что, оказывается, можно говорить «о соотношении или даже взаимодействии социальной и виртуальной реальности»³. После таких слов, по правде говоря, и на душе легче становится. И, может быть, все рассуждения о вредности виртуальной реальности с этого и надо было начинать?

Поэтому заниматься односторонним ранжированием общественных дисциплин – дело, по нашему мнению, непродуктивное. Ключевой вопрос в данном случае – в специфике объекта каждой общественной науки: у социологии – социальная сфера, социум в целом; у политологии – сфера политики, политических отношений и функционирования политических институтов; у экономики – экономическая сфера, без которой невозможно представить ни один аспект жизнедеятельности общества, и т.д. И суть в том, что все эти объекты настолько взаимно переплетены, что их всестороннее и объективное изучение возможно только на основе синтеза знаний разных наук, наличия не формальных, а устоявшихся глубинных внутри- и междисципли-

¹ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 8.

² См.: Академик Г.В. Осипов – патриарх социологии. М.: Наука, 2009. С. 342, 346.

³ См.: Академик Г.В. Осипов – патриарх социологии. М.: Наука, 2009. С. 346.

нарных связей, нахождения наиболее эффективной модели процессов дифференциации и интеграции научного знания. Именно в этом контексте изучение особых свойств каждой из наук будет плодотворным и востребованным.

Становление же самой социологии трудно представить без использования понятийного аппарата, методологии, техники, методов использования других наук, даже без ныне свергнутого с методологического пьедестала исторического материализма, научные категории которого (нация, семья, внутриклассовое сближение, межклассовое сближение, социальная общность, социальная структура, социально-экономические условия, социальный строй, труд и т.д. и т.п.) перекочевали в социологию.

Более того, есть ряд методологических проблем социологии, раскрытие которых вне философского поля вообще немыслимо: выяснение природы человека как общественного существа, отношение человека к объективному миру, проблемы личности и коллектива, определение общетеоретических и философских предпосылок познавательной деятельности человека, заданность теории самого процесса научного познания, познание мотивов познания мира и исследование природы познавательных возможностей природной и социальной реальности. Впрочем, о статусе социально-философского знания А.М. Румянцев и Г.В. Осипов, например, в 1968 году говорили ровно наоборот. Считая ошибочным утверждение о том, что отношения между общей социологической теорией и конкретными социологическими исследованиями не могут опосредоваться целым рядом звеньев, они со всей решительностью заявили: «Более того, имеется еще более высокий по сравнению с общетеоретическим уровень исследования общества, а именно социально-философский уровень»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Насколько же новой и оригинальной является сегодня постановка вопроса о вне-научности социально-философского знания как ключевой проблеме социологии? Возвратимся в 1970 год, когда в Киеве состоялось совещание редакторов философских и социологических журналов восточноевропейских стран. На нем в числе актуальных теоретических проблем оказались трактовки генезиса идей о вне-научности социально-философского знания и его роли в развитии социологии. Авторы опубликованной по итогам состоявшейся дискуссии совместной статьи М.Т. Иовчук, А.Г. Харчев, В.А. Ядов так изложили консолидированную позицию отечественных социологов по этому вопросу, которая была поддержана всеми без исключения зарубежными участниками совещания: «Известно, что позитивизм, в лоне которого преимущественно развивается буржуазная социологическая мысль, интерпретирует социологию как систему научных знаний, заменяющих собой так называемую социальную философию, которая объявляется знанием вне-научным» (подчеркнуто нами. – А.К.). И далее: «Противопоставление социологических исследований социально-философским учениям действительно имеет известные основания, если в качестве социальной философии фигурируют спекулятивные построения различных идеологических течений. Однако научность социологии в данном случае лишь декларируется позитивизмом, ибо классовые и гносеологические корни ее оказываются теми же, что и у идеалистических социально-философских систем». «Разрыв социологов-позитивистов с философией, – сделали авторы статьи вывод, – привел

¹ Румянцев А.М., Осипов Г.В. Марксистская социология и конкретные социальные исследования // Вопросы философии. 1968, № 6. С. 7.

буржуазную социологию на порог полного релятивизма в понимании самого предмета исследования»¹.

В этом контексте сошлемся на весьма странное, на наш взгляд, заявление доктора химических наук С.Г. Кара-Мурзы, который так переусердствовал в верноподданничестве Г.В. Осипову, что даже приписал ему то, чего в действительности вообще не было, а именно якобы он «уже в конце 1950-х годов пришел к выводу, что важнейшей задачей отечественного обществоведения стал “переход от гуманитарно-философского мышления к научно-социологическому”»². Весьма показательно: цитирование С.Г. Кара-Мурзой Г.В. Осипова не сопровождается ссылкой на первоисточник, откуда взята приведенная выше цитата. Это – не случайно, так как осуществленная нами экспертиза публикаций Г.В. Осипова «уже в конце 1950-х годов» не подтвердила наличие в его трудах названных выше С.Г. Кара-Мурзой проблем³. Разработка Г.В. Осиповым проблематики научно-социологического знания, причем в качестве альтернативы «вненаучному философскому знанию», относится к значительно более позднему постсоветскому периоду, когда автор уже отошел от признания теоретико-методологической важности философии и обозвал ее «не наукой»⁴.

Оставив в стороне комментарии некоторых принадлежащих ныне истории тезисов и терминов в приведенных высказываниях, обратим внимание на главный в данном случае вопрос: зачем сегодня понадобилось вытаскивать на свет божий пропавшую архивной пылью позитивистскую ересь, в отношении которой отечественная социология заняла столетия назад четкую научную позицию, и связывать с ней судьбу постсоветской социологии?

Утверждение о философии как вненаучном знании и противопоставление ему знания научного, которым в такой интерпретации выступает социология, – субъективно. Оппонируя такому подходу, выделим несколько моментов. Во-первых. Суть вопроса заключается не только в том, что для науки уже давно стало аксиоматичным отнесение к вненаучным формам знания мифов, обыденного сознания, религии, но и определение соотношения рациональных и образно-метафорических и символических смыслов в самой философии. Если мифологическое и религиозное мировоззрение опирается на фантастические представления о мире и вере, то философия в создании предельно обобщенной картины мира и человека в нем использует рациональные средства, опираясь на методологически выверенную и подтвержденную историческим опытом систему собственных категорий и собственного научного понятийного аппарата.

Построение целостной научной картины мира, как подчеркивает академик В.С. Степин, «предполагает синтез дисциплинарных онтологий различных наук об обществе и человеке, выделение в них инвариантного содержания с учетом их исторической эволюции. При взаимодействиях социальных и гуманитарных наук это содержание имплицитно представлено в различных предметных образах экономиче-

¹ Иовчук М.Т., Харчев А.Г., Ядов В.А. Актуальные теоретические проблемы марксистско-ленинской социологии в СССР // Философские науки. 1970, № 5. С. 5.

² См.: Кара-Мурза С.Г. ИПИ РАН дает ответ на вызовы времени // Социс. 2016, № 11 (390). С. 27.

³ См.: Список научных трудов Г.В. Осипова. В кн.: Академик Г.В. Осипов – патриарх социологии. М.: Наука, 2009. С. 350–364.

⁴ См.: Осипов Г.В. Введение в социологическую науку. М.: Наука; Вече, 2010; Он же. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012.

ского, социально-политического и культурологического знания» (подчеркнуто нами. – А.К.). Его вывод: «Таким образом выступают подсистемы интегральных системных характеристик картины социальной реальности. Задача состоит в их экспликации и системном синтезе. Такой синтез должен быть целенаправлен философскими и методологическими идеями»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.), в качестве которых выступают идеи философской антропологии и представления об обществе как о сложной саморазвивающейся системе.

Академик В.С. Степин, говоря о том, что философия давно изучает категориальные структуры, обеспечивающие рубрификацию и систематизацию человеческого опыта, обращает внимание на то, что она «исследует их в специфическом виде – как предельные общие понятия. В реальной же жизни культуры они выступают не только как формы рационального мышления, но и как категориальные формы, определяющие человеческое восприятие мира, его понимание и эмоциональные переживания»² (подчеркнуто нами. – А.К.).

Специфика же становления философии как науки проявилась в том, что в истоках формирования философии весьма четко прослеживалась тенденция, когда, как отмечает академик В.С. Степин, формами бытия философских категорий выступали не столько понятия, сколько смыслообразы, символы, метафоры и аналогии³. Так, например, в древнекитайской и древнеиндийской философии понятийные конструкции часто не отделялись от образной основы, когда главным средством постижения истины бытия выступали образы и символы, придавая всему процессу познания художественно-образную символическую форму. Печать символического и метафорического понимания мира несли в себе многие фундаментальные категории относительно развитых философских систем античности, примером чему могут быть Огнелогос Гераклита и Нус Анаксагора. Соединение логического и чувственного в древнекитайской философии через символику иероглифов содействовало организации структуры понимания.

Подобные примеры, во-первых, отнюдь не умаляют значение философии как науки, а лишь говорят о том сложном пути ее развития, который ей пришлось пройти, интегрируя в себе рационалистические и образно-метафорические средства. «На основе первичных “философем”, выражающих мировоззренческие идеи в образной и символической форме, – пишет академик В.С. Степин, – философия затем вырабатывает более строгий понятийный аппарат, где категории уже определяются как понятия в своих наиболее общих и существенных признаках. Универсалии культуры превращаются в рамках философского анализа в философские категории – особые идеальные объекты (связанные в систему), с которыми уже можно проводить мысленные эксперименты»⁴. И суть вопроса в нашем случае заключается в том, что, с одной стороны, «свойственная этапу зарождения философской мысли нагруженность философских категорий образно-метафорическими и символическими смыслами не

¹ Степин В.С. Картина социальной реальности как форма научного знания. В кн.: Академик Г.В. Осипов – патриарх социологии. М.: Наука, 2009. С. 261.

² Степин В.С. Картина социальной реальности как форма научного знания. В кн.: Академик Г.В. Осипов – патриарх социологии. М.: Наука, 2009. С. 276.

³ См.: Новая философская энциклопедия в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 2001. С. 195.

⁴ См.: Новая философская энциклопедия в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 2001. С. 196.

исчезает с развитием философии»¹, а с другой – «сохраняется в той степени, в какой она служит инструментом выявления смыслов универсалий культуры, а также переплавки новых идей, выработанных в теоретическом движении философии (подчеркнуто нами. – А.К.), в базисные культурные ценности (универсалии культуры)»².

Во-вторых. Особое свойство философии – ее предназначение быть теоретическим ядром мировоззрения во всех его формах – естественнонаучной, социально-политической, религиозной. Такая функция для социологии в полном объеме неподъемна, хотя, вне всякого сомнения, она дает для философских обобщений большой строительный материал о состоянии социума, тенденциях его трансформации, противоречиях развития и т.д. Формирующееся же в лоне философии мировоззрение, в свою очередь, складывается из убеждений (прогрессивных или реакционных, истинных или мнимых, научных или необоснованных, религиозных, нравственных и других), вырастающих на почве совокупных факторов философского мировоззрения, философского миропонимания, философской культуры и философского мышления. Социолог как профессионал может обладать высокой социологической культурой в проведении социологических исследований, но не иметь четких мировоззренческих позиций, в формировании которых решающую роль играет философия, устойчивых убеждений и системы человеческих знаний о мире и месте человека в нем, о сущности природного и социального мира.

Если качество жизни – объект социологического исследования, имеющий свои сферы изучения (уровень материальной обеспеченности, качество социальной защиты и медицинского обслуживания, удовлетворенность профессиональной деятельностью и т.д., и т.п.) и свой, ныне хорошо отработанный инструментарий социологического исследований, то смысл жизни – исследовательское поле философии. Чтобы обрести понимание себя в мире, человек задается вопросом: что такое добро, зло, жизнь, смерть, природа, вселенная, «связь времен» и др.? И на такие вопросы отвечает прежде всего философия, социальное предназначение которой в данном случае проявляется в том, чтобы путем рационального осмысления и критического анализа универсалий культуры формировать новые мировоззренческие идеи, мировоззренческие ориентиры и опоры. «В этом процессе, – отмечает академик В.С. Степин, – универсалии культуры из неосознанных оснований культуры и социальной жизни превращаются в предельно обобщенные категориальные структуры, на которые направлено сознание. Они выражаются посредством философских категорий, которые выступают их теоретическими схематизациями»³ (подчеркнуто нами. – А.К.).

В-третьих, неприемлемость придания термину «философствование» негативного оттенка с целью обвинения философии в ее абстрактной увлеченности, оторванности от социальной жизни. Дело в том, что отглагольная форма «философствовать» стала употребляться в античной культуре к концу V века до н. э., причем исключительно в положительном плане, находясь по смыслу в одном ряду с термином «философия», который, как свидетельствуют некоторые источники (Тераклит Понтийский и Диоген Лаэртий), впервые был употреблен Пифагором, а в IV веке до н. э. исполь-

¹ См.: Новая философская энциклопедия в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 2001. С. 196.

² См.: Новая философская энциклопедия в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 2001. С. 196.

³ См.: Новая философская энциклопедия в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 2001. С. 195.

зовался учениками Сократа. Впоследствии же термин «философствование» «закрепился для обозначения особого типа рационального познания, в рамках которого систематически формулируются и обсуждаются кардинальные проблемы человеческого бытия»¹. Со временем термин «философствование» стал широкого употребления на обыденном уровне и в массовом сознании, особенно в СМИ. Ныне этот термин отсутствует в философских энциклопедиях, словарях, справочниках, им не пользуются в качестве понятия, равнозначного термину «философия».

В-четвертых. Особенностью познавательного движения в процессе трансформации новых идей и смыслов философских категорий в базисные ценности культуры выступает идеал поиска истины даже тогда, когда отсутствуют (полностью или частично) в данное время реальные условия для реализации таких новаций. В таких случаях происходит выход за рамки господствующих мировоззренческих ориентаций, отдаление теоретических философских проблем от практических задач конкретного исторического отрезка времени, что дало повод некоторым аналитикам говорить о противоречиях «теоретической философии» и «практической философии». Однако история социально-философской мысли богата примерами, свидетельствующими о том, что некогда абстрактные идеи «теоретической философии» со временем выкристаллизовывались в новые жизненные смыслы, приближаясь к «практической философии», непосредственно содействующей решению кардинальных проблем социальной жизни, практическому применению приращенных знаний. Рожденный в лоне философии идеал поиска истины утверждается в науке, в жизни.

В этом контексте возрастает роль аксиологии как философской дисциплины, изучающей не только проблематику философского освоения ценностей, но и ценностные аспекты других философских, а также отдельных научных дисциплин, а в более широком смысле – весь спектр социальной, художественной и религиозной практики, человеческой цивилизации и культуры в целом². С другой стороны, на что обращается внимание в Новой философской энциклопедии, «возрастающая популярность прикладных и прагматических аспектов аксиологии в современной культуре компенсируется снижением ее статуса среди фундаментальных философских дисциплин»³. А вывод, имеющий прямое отношение к теме нашего разговора, звучит так: «Исследователи аксиологии констатируют серьезные проблемы, связанные с ее «теоретическими каркасами» и методологическим хаосом, который царит в определении самого понятия “ценность” и трактовке ценностных отношений, не говоря уже о попытках локализации в общей структуре философского дискурса»⁴. (подчеркнуто нами. – А.К.).

Поэтому «философское разоружение» науки вообще и социологии в частности, как и всей интеллектуальной и нравственно-духовной сферы, – одна из далеко не последних причин системного кризиса современного российского общества, безуспешного блуждания в поисках национальной идеи. Мировоззренческая разруха в головах, помноженная на отсутствие идеологии (не в ее искаженном, препарированном, а в позитивном научном значении) – это строительство нового общественного здания без «скрепов» и без устойчивого фундамента. Следовательно, философия и

¹ См.: Новая философская энциклопедия в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 2001. С. 195.

² Шохин В.К. Аксиология // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 1. М., 2010. С. 62.

³ Шохин В.К. Аксиология // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 1. М., 2010. С. 67.

⁴ Шохин В.К. Аксиология // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 1. М., 2010. С. 67.

социология свою высокую гуманистическую миссию могут выполнять, не противопоставляя себя друг другу, а на пути синтеза философского и социологического знания, интеграции интеллектуального ресурса науки при учете, разумеется, дифференциации и самостоятельного статуса каждой из них как научной дисциплины.

Свои отношения существуют между философией и политической философией, а также философией политики, в которую в свое время входила политическая наука. Д. Миронова обращает внимание на то, что, например, понимание политической философии располагается между двумя полярностями: с одной стороны, «ее понимают как науку, и в этом случае она, будучи хоть и специфической, но наукой, должна иметь свой особый предмет, методы исследования, выстраивать собственную систему обоснования»; с другой стороны, «поскольку философия не предметное знание, а личностное “мышление о предмете”, она вполне может размышлять и о политике, выстраивая в этом случае свои личностные размышления об этом виде социальной деятельности»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.). И, избегая крайностей («двух полярностей»), автор делает вывод: «По-видимому, истинное понимание политической философии находится где-то посередине между данными полярными воззрениями. Ее предметом выступает рефлексия над политикой, и она может вырабатывать наши общие методы исследования политической среды общественной деятельности. Вместе с тем она не может заменить конкретные политические исследования, но может задать для них гносеологические, аксиологические и проксеологические рамки»² (подчеркнуто нами. – А.К.).

Политическая философия, выявляя философские основания политики (систему предельных онтологических, гносеологических и аксеологических оснований политики как особого типа деятельности), в отличие от политики, «основывается на определенных политических принципах, конструирует конкретную политическую деятельность»; но данное деление «несколько искусственно, так как в философской рефлексии политики и области политического все же нет такого строгого разделения; области истории философии и актуального философского осмысления политических феноменов тесно переплетены, дополняют и обогащают друг друга»³ (подчеркнуто нами. – А.К.). И кристаллизация научной истины в этой области познания не может состояться, если согласиться с «вненаучным» статусом философии.

К сожалению, налицо факт: ныне эпоха идеалов, являющихся прерогативой прежде всего философии, сменилась эпохой интересов. В условиях реализации современного неолиберального проекта глобализации, радикально воздействующего на все сферы духовной жизни, в том числе, разумеется, и на научную культуру, триада «идеалы – ценности – интересы» приобрела крайне деформированный, дисгармоничный вид. Применительно к России ее культурно-цивилизационная матрица оказалась крайне неопределенной. Сама категория «идеал» оказалась «немодной» (для многих стало стеснительным даже ее употребление), ценности получили прагматическо-утилитарную окраску, а на вершине указанной триады оказался интерес, суживающий весь диапазон истинно духовных, возвышающих человека запросов и потребностей. В этой парадигме категория «интерес» не-

¹ Миронова Д. Политическая философия. М.: изд-во Московского университета, 2014. С. 26.

² Миронова Д. Политическая философия. М.: изд-во Московского университета, 2014. С. 26.

³ Миронова Д. Политическая философия. М.: изд-во Московского университета, 2014. С. 26.

редко теряет то позитивное значение, которое закрепилось за ней в предыдущие периоды, то есть произошла трансформация самих интересов в сторону их прагматизации. Многие традиционные ценности репрессированы, в частности, средствами массовой информации. Кризис воинствующего либерализма в социально-экономической сфере спровоцировал вал негатива в духовной области. Гедонистический пафос политических и художественных элит, многих СМИ деформировал всю шкалу ценностных установок и ориентации личности.

Идеал – это то, к чему человек стремится, чего он хочет достигнуть. Это отношение людей к окружающему миру, определяемое их общественными потребностями, интересами, стремлениями. Последние являются духовными побудителями и регуляторами всех их действий. Модель должного в идеале органично связана с развитием и включает представления субъекта о потребном будущем. В качестве отправного пункта здесь служат человеческие запросы, интересы, побуждения. Именно в силу этого идеал не только обнажает неудовлетворенные потребности, сигнализирует о необходимости определенных изменений, но и обобщает человеческие стремления. Императив изыскания должного состоит в выдвигании целей-стремлений, причем таких, которые непременно отражают желательность, нужность, значимость для субъекта тех или иных возможных грядущих событий и явлений.

Стремление к идеалу рождается из присущей человеку неудовлетворенности тем, что он имеет, из стремления к лучшему. Процесс этот бесконечен. Именно в стремлении человека к лучшему заключается движущая сила прогресса человеческого общества. Роль идеала в человеческой жизни состоит, в частности, в том, что он является мощным духовным стимулом практически преобразующей деятельности людей в их стремлении к лучшему будущему.

Идеал представляет собой проектируемый субъектами творческого процесса совершенный образ, наделенный ценностным измерением универсальности, абсолютности. Идеал обладает эталонным статусом и являет собой проекцию будущего, с позиций которой выносятся вердикт настоящему и прошлому. И значимым фактором развития науки и культуры является выдвигание разнообразных идеалов, глобальных образов будущего, имеющих под собой прочный фундамент ранее накопленного человеком опыта.

Определение же идеала на аналитическом уровне не поддается какой-то единой и универсальной формуле. Каждый мыслитель, творец по-своему трактует этот феномен, определяя при его помощи свой угол восприятия и понимания того, что может быть идеалом или хотя бы приближаться к нему. Гегель, например, считал, что «идеалом является всякая действительность в своей наивысшей истине». А по мнению В. Гюго, «идеал – не что иное, как кульминационный пункт логики, подобно тому, как красота – не что иное, как вершина истины». Ф. Достоевский же рассматривал идеал в качестве неотъемлемого фактора социального бытия: «Без идеалов, то есть без определенных хоть сколько-нибудь желаний лучшего, никогда не может получиться никакой хорошей действительности». Если Жан Поль писал, что «вечность – это время, когда существуют идеалы», то М. Ганди обращал внимание на то, что «ценность идеала в том, что он удаляется по мере того, как мы приближаемся к нему». В свою очередь, Д. Мур отметил, что «идеал состоит в реализации своего подлинного “Я”»¹.

¹ Цит. по: Разум сердца. М., 1989. С. 537–539.

Своеобразие же заключается в том, что наряду с вышеприведенными высказываниями об идеале можно без особого труда выстроить целый ряд не просто альтернативных, но и отрицательных оценок. Великому французскому писателю и философу XVI века Мишелю Монтеню, например, слово «идеал» чуждо, так как он убежден в несовершенстве мира и человека, а потому отличается таким драгоценным и по-своему совершенным качеством, как терпимость, то есть умеренность претензий и притязаний, где для идеала места нет. Со временем, в свою очередь, П. Валери заявил, что «идеал – это манера брюзжать».

Каждому виду идеалов свойственна своя генеральная доминанта, определяющая ее содержательный статус и место во всей системе идеалов: в общеупотребительном смысле – это наиболее высокая степень ценного и лучшего; для индивидуума – признаваемый образец личных достоинств человека; идеалом для науки является истина; для этики – это универсальный, абсолютный нравственный критерий о благом и должном (теоретический уровень), о совершенстве отношений между людьми в обществе (нормативный аспект), высший образец нравственной личности (индивидуальный уровень); эстетический идеал – прекрасное¹.

Идеал – это, прежде всего, отражение объективной действительности, наиболее существенных и значимых сторон общественной практики, основных закономерностей и реальных возможностей исторического развития. В то же время – это главная оценочная категория, определяющая сознательный стимул, высшая цель преобразующей деятельности людей. Главная особенность идеала состоит в том, что он не всегда является отражением того, что существует в действительности, чаще всего он отражает то, что может или должно быть, то есть основные закономерности общественного развития, которые еще не воплотились в определенные явления. Когда в основу представлений об идеале берутся абстрактные воззрения без учета основных тенденций исторического развития, возникает утопический, а иногда и просто ложный идеал. Преодолеть такие деформации можно в опоре на философию с использованием потенциала междисциплинарных связей.

Дальнейшую судьбу философской науки академик Т.И. Ойзерман связывает с концепцией метафилософии как «специфическим способом философского исследования, философией философии»² (подчеркнуто нами. – А.К.). Прежде всего, для него является неоспоримым (вопреки многим противоположным представлениям) тот факт, что философия может существовать как научная теория. Ее (философии) научность он связывает с характером историко-философского процесса, который в качестве особого образования включает в себя как концептуальную философию истории философии, так и некий существующий субстрат³. Эта точка зрения противостоит истории ушедших идей, которые, выполнив свою миссию, в одном случае были отброшены и навсегда забыты, а в другом – вошли в новейшую историю «в снятом виде». Рассматривая историю философии не как существующую отдельно, саму по себе научную дисциплину, а в качестве стержня, пронизывающего всю философию, он обращает внимание на то, что развитие и совокупность идей все

¹ См.: Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2001. С. 71.

² Ойзерман Т.И. Метафилософия. Теория историко-философского процесса. М.: Канон+, 2009. С. 13.

³ См.: Миронов В.В. Еще раз о специфике философии // Вестник Российской Академии наук. Том 81, № 3, 2011. С. 273.

время находятся во взаимопересечении, тем самым порождая многообразие трактовок.

Сам же термин «историко-философская наука» он рассматривает в значении особого интегрированного образования, структурными элементами которого являются конкретные философские концепции, их интерпретации и специфические способы философского исследования, используемые философией философии. В понимании Т.И. Ойзермана метафилософия – особый способ исследования, особая философская рефлексия, но отнюдь не отдельно существующая система готовых философских знаний. Предназначение метафилософии – пропускать через себя историко-философский материал, «чтобы открывать в философских учениях заключенные в них имплицитным образом выдающиеся идеи, гениальные прозрения, предвосхищения будущего знания, которые, однако, не были высказаны имплицитно самими создателями философских систем»¹.

При этом он не только не противопоставляет термин «метафилософия» понятию «метафизика», но подчеркивает, что последняя остается сердцевинной философии в качестве еще одного важнейшего компонента философского знания на всем протяжении ее развития, несмотря на неоднократные попытки, в том числе в современной философии, устроить для нее «пышные похороны»². Веским аргументом в данном случае выступает признание необходимости включения в предмет философского исследования системы беспредпосылочного знания, опирающегося на абсолютную истину (эта идея восходит еще к Платону и Аристотелю) и недопустимости выбросить его (беспредпосылочное знание) за пределы этого анализа. По его убеждению, объективная история философии может быть создана на понимании того, что сама философия выступает как особый род осознания бытия, а философия истории представляет собой описание историко-философского процесса, в котором каждая имевшая место в истории отдельная концепция становится этапом общего становления духовного и интеллектуального потенциала цивилизации. При этом он обращает внимание и на то, что «в философии постоянно существует множество принципиально несовместимых теорий; развитие философии характеризуется прогрессирующей дивергенцией философских учений, их поляризацией, которая приобретает рациональный характер вследствие необходимой и неизбежной конфронтации противоположных, как правило, исключаящих друг друга философских учений»³.

Определяя специфику отдельных сторон философии, Т.И. Ойзерман делает ряд выводов, имеющих принципиально важное значение не только для философии, но и для других наук. Так, анализируя отличие философии от так называемых положительных наук, он выступает противником попыток ограничения предмета философии и придания ей статуса частной науки. Крайне важен и такой вывод: «Особенности философского мышления не являются исключительным достоянием. Они в

¹ Ойзерман Т.И. Метафилософия. Теория историко-философского процесса. М.: Канон+, 2009. С. 13.

² См.: Миронов В.В. Еще раз о специфике философии // Вестник Российской Академии наук. Т. 81, № 3, 2011. С. 273–274.

³ Ойзерман Т.И. Метафилософия. Теория историко-философского процесса. М.: Канон+, 2009. С. 11.

той или иной степени присущи научно-теоретическому мышлению вообще»¹. Это означает: во-первых, сама философия возможна как наука в том случае, если она выступает в качестве подлинного теоретического мышления, не являющегося разновидностью частнонаучного или чисто спекулятивного мышления; во-вторых, такой подход позволяет выйти за пределы одного философского цеха и повлиять на приближение к нему представителей конкретных наук, существенным образом влияя на усиление интегративных процессов в научном познании.

Т.И. Ойзерман, позиционирующий себя критическим диалектическим материалистом, и сегодня считает, что марксизм, освобожденный от идеологической зависимости и догматизма, является одной из наиболее разработанных философских концепций, позволяющих ему выступать «адекватной теоретической основой исследования историко-философского процесса»². По его мнению, разработанное Марксом материалистическое понимание истории и диалектический материализм как наиболее развитые части марксистской философии не могут рассматриваться в качестве абсолютной величины, венчающей весь историко-философский процесс. Т.И. Ойзерман считает неправильным рассмотрение законов диалектики как некоего верховного класса законов, по отношению к которому другие законы пребывают в подчиненном состоянии. Эту позицию он формулирует так: «Допущение такого рода субординации означало бы возрождение традиционного противопоставления философии нефилософскому исследованию»³.

Попытки отлучить социологию от философии, причем не только в ее марксистской версии, но и вообще как таковой, – «научное открытие» не сегодняшнего дня. Корни таких «новаций» в отечественной науке восходят к 1920-м годам, когда предпринимались попытки растворить философию в конкретных науках, возродить натурфилософию, а саму философию ликвидировать как якобы разновидность буржуазной идеологии. Прямая аналогия с теми философами, которые в конце тех же 20-х годов, приклеив ярлык «буржуазная» всей социологии, объявили ее тоже лженаукой.

Сегодняшний квазисциентистский мотив «социология без философии» отчетливо синхронизируется с антифилософскими постулатами 20-х годов XX столетия: «нужна наука, только наука, просто наука», «наука – сама себе философия». Тогда профессор И. Боричевский писал: «Наука в ее всеобъемлющем целом самодовлеуща; она сама устанавливает свою философию, свою теорию познания, свое учение о сущем, свое учение о высшем благе». И как же перекликаются суждения Г.В. Осипова о философии как вненаучном знании, которое способно продуцировать только абстрактную виртуальность, с объяснением И. Боричевского философского знания «мнимостью», «метафизической блудницей», выброшенной за пределы положительной (то есть точной, естественной) науки. «Мнимая наука, – продолжает он, – под именем “философия”.. в действительности представляет собой разновидность религиозно-метафизической публицистики, весьма показательной для умирающей иде-

¹ Ойзерман Т.И. Метафилософия. Теория историко-философского процесса. М.: Канон+, 2009. С. 138.

² Ойзерман Т.И. Метафилософия. Теория историко-философского процесса. М.: Канон+, 2009. С. 215.

³ Ойзерман Т.И. Метафилософия. Теория историко-философского процесса. М.: Канон+, 2009. С. 215.

логии разлагающегося классового общества». Его вердикт – философия «совершенно не нужна ни положительной науке, ни научному коммунизму»¹.

Вслед за ним В. Миллер заявил, что «единственный способ спасти умственную культуру от грозящего ей развала – радикально концентрировать бунт всех прогрессивных элементов против самого принципа философии, решительно и во весь рост выставив лозунг суверенности специальных наук – точнее, единой положительной науки»².

В этом контексте следует обратить внимание на тот накат воинствующего антифилософского нигилизма, который произошел в начале 20-х годов, и особенно после высылки в 1922 году из страны целой плеяды знаменитых, но старорежимных мыслителей, с именами которых ассоциировалась философия как таковая. Спектр истоков и мотивов воинствующей антифилософии – от вульгарно-материалистических до сциентистски-позитивистских, от анархистско-оппозиционных до догматическо-упрощенческих. Инспирировался антифилософский нигилизм, как отмечает Л.А. Коган, «тогдашней атмосферой левацко-экстремистской эйфории и конъюнктурно трактуемого практицизма»³.

Следуя объявленной Прудоном войне с философией, анархист А.А. Боровой призвал к преодолению «культы разума». В основе же проникнутого иррационалистическим духом антитеоретизма братьев Гординых лежат постулаты о том, что гносеология – это абсурд, философия – юродивый, а науку они назвали лжемудростью, противопоставив ей пантехникализм⁴. А ректор Коммунистического университета имени Свердлова М.Н. Лядов, осуждая философию как «книжную премудрость», заявил, что «философия как отдельная дисциплина из наших программ должна быть решительным образом вычеркнута» и что «нам не до философии, не до того, как философами освещается тот или другой вопрос, если тактика правильна, если правильно понимается массовое действие»⁵.

Позиция же одного из самых воинствующих антифилософов, маргинала-анархиста Эммануила Енчмена (основатель целого течения под названием енчменизм) базировалась на замене философии придуманной им теорией «новой биологии» (или «исторической физиологии») и рассмотрения знания и познания лишь через призму физиологических реакций, без всякого участия психики. Эксплуаторской выдумкой он называет не только мировоззрение, но и диалектический материализм в целом, считая, что при диктатуре пролетариата он должен быть повержен, так как необходимость в логике исчезнет благодаря биологической тренировке, а мышление отмирает. Он заявил, что «вслед за низвержением эксплуататорских классов начи-

¹ Боричевский И. Введение в философию науки. (Наука и метафизика.) Пг., 1922. С. 107, 12; Идеалистическая легенда о Канте. Вестник социалистической академии, кн. IV, 1923. С. 286; К вопросу о путях науки будущего. Книга и революция, № 2 (20), 1923. С. 1; Механическое естествознание и диалектический материализм. Вологда, 1925. С. 53.

² Миллер В. К вопросу о философии наследства. (Об отношении научного социализма к философии.) Научные известия. Т. 2. Смоленск, 1924. С. 31, 71.

³ См.: Коган Л.А. На подступах к советской философии (первые «свердловцы», «соцакадемики», «икаписты») // Вопросы философии. 2002, № 5. С. 112–140.

⁴ См.: Братья Гордины. Анархизм в мечте. М., 1919. С. 15, 35, 69; Социология и социотехника. М., 1918. С. 15, 201, 144, 194, 225; Манифест пананархистов. М., 1918. С. 23, 40, 62.

⁵ См.: Правда, 15 августа 1923; там же, 8 января 1924; М. Лядов. Ленин и коммунизм. М., 1924. С. 22.

нается массовое ослабление, отмирание, а затем гибель, взрыв в воздух, уничтожение реакций “познания”». Э. Енчмен объявил кафедры философии и психологии орудием эксплуататорского обмана и призвал рабочих (!) их уничтожить. И далее: «Безвозвратно, полностью гибнут все теории логики, теории познания, научной методологии, все вообще теории социальные и социологические, фигурирующие еще под названием гуманитарных». Такую же судьбу он предписал, говоря его словами, и стершимся пятнам истории философии¹.

Позитивистскую, вульгарно-материалистическую направленность имела скандальная статья «Философию за борт», опубликованная С.К. Мининым в журнале «Под знаменем марксизма» с редакционным примечанием: «В редакцию поступило несколько писем, где ставился вопрос “Нужна ли нам философия?”» Его позиция: философия – оттиск буржуазии, и поэтому она несовместима с марксизмом, она является полуверой-полузнанием, она «не наше дело», она излишня и обречена. Его вердикт безальтернативен и категоричен: «Оборудуя и достраивая наш научный корабль, позаботимся в первую очередь с капитанского мостика вслед за религией без остатка выбросить за борт и философию». В опубликованной в том же журнале статье «Коммунизм и философия» он дальше закрепляет свою непримиримую антифилософскую позицию, заявляя, что «философия – это специфичное буржуазное воззрение на природу, общество и познание, которое в той или иной степени враждебно пролетариату и коммунизму»². В свою очередь, Б. Таль, солидаризируясь с С.К. Мининым, заявлял, что «пора отбросить расплывчатое и скомпрометированное связью с религией понятие “философия”». А для некоторых исследователей того времени даже формула М. Горького «человек – это звучит гордо» оказалась «совершенно негодна»³.

Реально нависшую над философией угрозу быть объявленной вне знания чувствовали крупные политические деятели и ученые того времени. А.В. Луначарский вынужден был признать: «Мы все чаще слышим в последнее время, что философия отмерла, что пролетариат заменит ее чем-то другим»⁴. Вслед за ним А.Я. Троицкий заявлял: «...кругом на все лады – от визгливого дисканта до солидного баса – раздается: “Большевик, бойся философии!”»

Как свидетельствуют архивные материалы, в учебных программах и темах научных исследований созданной в 1918 году Социалистической академии общественных наук философия не была представлена не только в качестве особой и тем более профилирующей дисциплины, но даже терминологически. Она не значилась ни в одном из четырех подразделений первой структуры этого учреждения: социально-историческом, политико-юридическом, финансово-экономическом и технико-экономическом. Даже диамат в форме исторического введения к нему и истмат преподавались на курсах по изучению марксизма.

Показателен такой пример. В соответствии с проектом устава Социалистической академии, датированным 1918 годом, в состав этого учреждения входили две секции – учебно-просветительская и научно-академическая. Курсы же лекций там читались

¹ См.: Правда, 15 августа 1923; там же, 8 января 1924; М. Лядов. Ленин и коммунизм. М., 1924. С. 22.

² См.: Под знаменем марксизма. № 5–6, 1922. С. 122, 123, 127; там же, № 11–12. 1922. С. 185, 195.

³ См.: Новый мир. 1928, № 5. С. 5.

⁴ Луначарский А.В. Беседы по марксистскому миросозерцанию. Одесса, 1924. С. 8; Большевик, № 17–18, 1925. С. 39.

по таким разделам: «история политических течений», «социальная психология», «генетическая социология», «пролетарская литература», «строительство социализма»; объявлялись претенденты на чтение курса активизма (история), и философии техники, и даже философии свободы в ее анархистском понимании. О философии же как таковой говорить было не принято, а если в отдельных случаях термин «философия» и употреблялся, то только в каком-либо специальном, прикладном контексте, например «философия науки», «философия техники» и т.п. Как правило, шел разговор не о философии, а о научном мировоззрении, методологии или об идеологии вообще.

Не только в Социалистической академии, но и во многих учебных заведениях читались курсы не по философии, а по «истории мировоззрений». А при утверждении в марте 1921 года планов организации факультетов общественных наук были названы такие отделения – правовые, экономические, общественно-педагогические (в Московском университете еще и историческое, филологическое, статистическое, художественно-литературное, внешних отношений), места же для философии там не нашлось¹.

Но наряду с философским нигилизмом в научной среде четко просматривался и возросший интерес к философии в обществе. Удовлетворяя запрос на философское знание, ряд научных и учебных структур, в отличие от Социалистической академии и ее сторонников, действовали в ином ключе: в созданном в 1918 году Коммунистическом университете успешно работала кафедра философии, а в учрежденном в 1921 году Институте красной профессуры в числе трех отделений (наряду с историческим и экономическим) было сформировано философское отделение.

Замедленный и болезненный путь кристаллизации предмета философии, уяснения ее специфики обозначен такими этапами, как сначала создание в той же Социалистической академии секции научной методологии (в 1924 году Социалистическая академия была переименована в Коммунистическую академию), затем преобразование через несколько лет этого подразделения в философскую секцию, а потом слияние этой секции с Институтом научной философии Российской ассоциации институтов общественных наук (РАНИОН) и образование в 1929 году Института философии Коммунистической академии, наконец, включение в 1936 году Института философии Комкадемии в систему Академии наук СССР.

Таковы основные штрихи к сюжету о действительно тернистом пути обретения философией статуса самостоятельной академической дисциплины в 20-е годы XX столетия. Осуществлялось это в условиях борьбы с философией как буржуазным пережитком. Авторы Новой философской энциклопедии отмечают: «Положительным можно считать развенчание в 1920-х годах нигилистических попыток ликвидации философии как якобы разновидности буржуазной идеологии, преодоление позитивистских стремлений растворить философию в конкретных науках и попыток возрождения натурфилософии»².

Впрочем, сказанное выше – лишь один из сюжетов той напряженнейшей драмы идей, которая развернулась в 20-е годы XX столетия. Дело в том, что в это время

¹ См.: Собрания узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства. № 19, 20 марта 1921. С. 111.

² Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 2010. С. 201.

всепоглощающей теорией научного социализма (или коммунизма) выступала не философия, а марксизм в советском формате (советский марксизм). Философии же даже в тех случаях, когда она признавалась, отводилась производная и подчиненная роль. В этом контексте Л.А. Коган выделил три основных момента: а) лобовой революционно-экстремистский натиск, прямой и открытый диктат, выдвижение на авансцену теории научного коммунизма и сведение к ней всех остальных аспектов в марксистской теории, включая философию; б) вычленение отсюда истмата с упором на его предельную политизацию и ущемление мировоззренческо-методологической составляющей; в) попытки обоснования общеполитического учения в форме диамата, при том что подлинной целостности гносеологического и социально-исторического моментов так и не удалось достичь¹.

Предстояло пройти сложный и противоречивый путь нахождения философией статуса самостоятельной научной дисциплины, своего места в системе наук. И вдруг в первом десятилетии XXI века давно развенчанная и пропахшая почти столетней пылью интерпретация соотношения философии и научного мировоззрения всплывает вновь, но в скорректированном варианте: теперь научное мировоззрение приравнено к философии, для которой, как и в 20-е годы XX столетия, в классификации наук, предложенной Г.В. Осиповым, не нашлось места. Философия и «внеаучное социально-философское знание» вынесены им за рамки науки. Уместно напомнить слова академика Т.И. Заславской: «Минимум на 80 процентов у советской социологии – философская генетика»².

А теперь о знаке равенства мировоззрения и философии, выраженном в формуле «философия – это не наука, а мировоззрение»³. Конечно, с плюрализмом мнений, в том числе и по этому вопросу, приходится считаться. Каждый автор волен излагать свою точку зрения так, как он считает нужным. Но все-таки любая интерпретация должна сопровождаться достоверной и объективной аргументацией. Ведь уравнение философии с мировоззрением означает, с одной стороны, сужение функций философии, предназначение которой не только в формировании мировоззрения личности, а в выполнении, как отмечает академик В.С. Степин, более широкой миссии в качестве особой формы общественного сознания и познания мира, выработки системы знаний об основаниях и фундаментальных принципах человеческого бытия, о наиболее общих сущностных характеристиках человеческого отношения к природе, обществу и духовной жизни⁴, а с другой – неоправданное возложение всего диапазона проблематики философии на мировоззрение. Конечно, мировоззрение – приоритет из приоритетов философии, но она (философия) помимо этого решает, что является фактом очевидным, более широкий круг задач.

В случае же, если согласиться с утверждением Г.В. Осипова, что философия как «не наука» представляет собой в одном случае внеаучное философско-социальное знание, а в другом – мировоззрение, то, сказав «а», надо называть и «б». Это означает, что, объявив философию не наукой, необходимо привести в соответствие с

¹ См.: Коган Л.А. На подступах к советской философии (первые «свердловцы», «соцакадемики», «иканисты») // Вопросы философии. 2002, № 5. С. 112–140.

² См.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб.: Российский христианский гуманитарный институт, 1999. С. 146.

³ См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 568.

⁴ См.: Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 4. М.: Мысль. С. 195.

этим и ее инфраструктуру, а также ее ваковскую специализацию. Ведь как при такой постановке вопроса может, например, называться ученая степень, полученная диссертантом после защиты докторской или кандидатской диссертации по философии? Доктор вненаучного знания?! Если же философия объявляется вненаучным философско-социальным знанием, значит, следующий шаг – изъятие философии из перечня общественных наук, утвержденного нормативными актами России, образовательными стандартами и государственными рубриками научно-технической информации. Вот до чего можно дойти в таких случаях. И еще: если между философией и мировоззрением ставится знак равенства, то по принципу вненаучности, следовательно, таковым, то есть вненаучным, следует считать и мировоззрение. Как говорится, дальше некуда.

В.А. Ядов, говоря о том, что «трудно более или менее строго вычленить философские и общесоциологические положения, с одной стороны, и, соответственно, общесоциологические, но не философские – с другой», в свое время отметил: «Чем глубже наши представления об окружающем мире, тем выше потребность в членении науки на относительно самостоятельные области. Дискуссия о предмете социологии ведется сегодня подчас с излишней нервозностью по поводу того, что следует оставить и что следует отделить от исторического материализма в область философии и в область социологии. Создается ложное представление о раздергивании по частям единого, целостного здания науки. Появляется опасность забвения, что такое диалектика в отличие от метафизики»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Определяя предмет социологии, он обращал внимание не только на то, что этот предмет «не может быть сведен к предмету социальной философии», но и указывал на то, что их различие состоит в том, что «социология рассматривает общество в более специфических категориях и понятиях, нежели социальная философия, а кроме того – в понятиях, соотносимых с эмпирически проверяемыми фактами, что обеспечивается развертыванием общесоциологической парадигмы в частносоциологические отрасли социологии»². Ратуя уже в перестроечное время за восстановление статуса социальной философии как органической составляющей философского знания, он обратил внимание на то, что «социальная философия анализирует общественный процесс в абстракциях наивысшего уровня; последние соотносятся не с эмпирическими данными, а имеют своей фактуальной основой конкретно-научные обобщения, развиваемые в частных науках об обществе, включая и социологию»³.

По его убеждению, «любая теоретическая концепция, относящаяся к истолкованию социального, так или иначе сопряжена с более общим мировоззренческим подходом, философским взглядом на человека и его бытие в этом мире... Утверждая самостоятельный статус социологии как нефилософской науки об обществе, мы должны четко осознавать, что это не означает провозглашения философского нигилизма»⁴. Говоря о том, что «философские идеи и принципы непосредственно включе-

¹ Ядов В.А. Размышления о предмете социологии // Социологические исследования. 1990. № 2. С. 76.

² Ядов В.А. Размышления о предмете социологии // Социологические исследования. 1990. № 2. С. 11.

³ Ядов В.А. Размышления о предмете социологии // Социологические исследования. 1990. № 2. С. 11–12.

⁴ Ядов В.А. Размышления о предмете социологии // Социологические исследования. 1990. № 2. С. 6–7.

ны в макросоциологический анализ», он обращал внимание на то, что они работают в то же время «и на уровне микросоциологического истолкования социального»¹.

По мнению В.А. Ядова, особенностью социологии с философской точки зрения является то, что она, опираясь на обобщение социальных фактов, исследует свой предмет на уровне макротейоретического анализа и в этом отношении тесно связана с социально-философским уровнем знания, каким у автора в данном случае выступает диалектико-материалистическое понимание социально-исторического процесса. Но помимо общетеоретического осмысления своего предмета социология включает также развитие частносциологических теорий, предметом которых является изучение особых состояний и форм бытия социальных общностей, что и делает ее (социологию) разветвленной наукой².

Отличительными особенностями отношений отечественной (русской) социологии и философии является то, что если к моменту возникновения западной социологии философия уже прошла длиннейший и многогранный путь своего развития, то начало активного развития социологии в России выпало на то время (вторая половина XIX века), когда философия сама переживала стадию становления. Как замечает А.А. Матешук, «дальнейшее развитие отношений между социологией и философией в России совершается в противоположном по сравнению с Западом направлении, а именно: не социология отпочковывается от философии, а наоборот, социальная философия если не прямо вызревает в лоне социологии, то развивается параллельно с ней»³. Он, говоря о том, что на фоне бурного развития социологической науки социальная философия выглядит «своеобразным атавизмом», с одной стороны, сохраняющим набор истматовских характеристик, а с другой – в определенной мере обновившим свой язык с использованием понятийного аппарата социологии, отмечает, что «в результате получился крайне эклектичный набор сведений, во многом дублирующий социологию». Поэтому «для преодоления своего состояния аморфного, эклектичного собрания фрагментов истматовского, социологического и культурологического материала» современная социальная философия «должна поставить перед собой проблему самоопределения (подчеркнуто нами. – А.К.), четко выразить специфику задач, которые она призвана решать», в чем, кроме всего прочего, большую роль может сыграть «переход к более активному освоению духовных исканий отечественной философии»⁴.

Можно согласиться и с мнением И.С. Утробина, который отмечает, что при философском подходе к изучению человека как единства общего, особенного и единичного за социологией остается как бы проблема особенного и единичного, которая

¹ Ядов В.А. Размышления о предмете социологии // Социологические исследования. 1990. № 2. С. 7.

² Ядов В.А. Размышления о предмете социологии // Социологические исследования. 1990. № 2. С. 14.

³ См.: Матешук А.А. Отношения социальной философии и социологии в истории российского обществознания. В кн.: Российское общество и социология в XXI в.: социальные вызовы и альтернативы. Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе. В 3 т. Т. 1. М.: Альфа-М, 2003. С. 137.

⁴ См.: Матешук А.А. Отношения социальной философии и социологии в истории российского обществознания. В кн.: Российское общество и социология в XXI в.: социальные вызовы и альтернативы. Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе. В 3 т. Т. 1. М.: Альфа-М, 2003. С. 137.

структурируется в границах современного философского подхода как три последовательно развертывающихся понятия индивида: а) индивид как единичное, данное отдельное образование; б) индивид как единичное вообще; в) индивид как множество, совокупность, как нечто целое¹.

Как отметил В.А. Ядов, теоретический дискурс современной социологии концентрируется на проблеме взаимосвязей, противоречивого единства онтологического (то есть объективного) и субъективного в понимании социальных процессов, так как «именно в этой точке противоплагается структурно-системная парадигма общества феноменологическому и культурологическому подходам»². По его мнению, на нынешнем этапе развития социологической науки как отечественные ученые, так и мировое социологическое сообщество озабочены такими проблемами, как возможность существования универсальной социологической теории, соотношение многообразных теоретических парадигм, объяснение полипарадигмальности социального знания самой его природой, влиянием социальных теорий на социальную жизнь.

Особенностью социологии как самостоятельной отрасли знания является ее разноуровневое функционирование: с одной стороны, она реализует все свойственные общественной науке функции – теоретико-познавательную, мировоззренческую, просветительскую, описательную, прогностическую, преобразовательную, а с другой – присущие ей прикладные функции, состоящие в объективном анализе социальной действительности, то есть в познании глубинных закономерностей социальных процессов и правдивом описании феноменологии социальной жизни³. То есть речь идет о том, что социология – наука синтетическая.

П.Н. Федосеев и Ю.П. Францев, например, в статье по итогам IV Международного социологического конгресса, активными участниками которого они были, определили социологию именно как синтетическую науку, сочетающую конкретные исследования различных сторон общественной жизни с научным познанием общих закономерностей исторического процесса. Они отметили также: «Социологические исследования настолько разветвились, настолько специализировались и детализировались, что синтетическая работа необходима более, чем когда-либо». «Человеческое общество, – по их словам, – как объект социологического исследования можно уподобить растущему живому дереву, которое в ходе развития все более разветвляется и обрастает мощной кроной, густой листвой. Каждая ветвь и веточка, даже каждый лист этого дерева социальной жизни подвергается социологическому описанию. Но за густой листвой из поля зрения многих буржуазных ученых исчезает само дерево как целый организм, описание отдельных веточек (к тому же нередко одностороннее) становится самоцелью, и социология как наука пропадает. Но ведь жизнь веток и листьев зависит от состояния растения в целом. А дерево социальной жизни имеет свои законы зарождения, роста и обновления. Нет и не может быть научной соци-

¹ См.: Утробин И.С. Философские основания «социологического человека». В кн.: Российское общество и социология в XXI в.: социальные вызовы и альтернативы. Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе. В 3 т. Т. 1. М.: Альфа-М, 2003. С. 63.

² См.: Социология в России / под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: изд-во Института социологии РАН, 1998. С. 12.

³ См.: Ядов В.А. Размышления о предмете социологии // Социологические исследования. 1990. № 2. С. 15.

ологии без исследования того, по каким законам развивается общество, что в нем зарождается и что отмирает, каковы тенденции и перспективы его развития»¹.

Деструктивное же методологическое маневрирование, не углубляющее и не развивающее теоретический фундамент научного знания, а его разрыхляющее и фрагментирующее, как использует некоторые идеи, пропахшие пылью и сданные в архив, так рядится и в новые одежды. Причем в разных науках это проявляется неодинаково. Что касается философии, то утверждение, что она «не наука», восходит к крикливому и радикальному антифилософскому нигилизму 20-х годов XX века, а объявление социальной философии в качестве вненаучного знания – к позитивизму, по поводу чего авторитетные отечественные профессионалы-социологи М.Т. Иовчук, А.Г. Харчев и В.А. Ядов совершенно четко высказывались в свое время на совещании редакторов философских и социологических журналов восточноевропейских стран (Киев, июнь 1970)². В социологии же постмодернисты занялись «упразднением» социально-научного знания, опираясь на набор постулатов типа «конца социального», «исчезновения социального», «атомизацию социального», отчуждения человека в виртуальную, а не социальную реальность. А некоторые историки, в том числе и отечественные, оказались в плену родившейся на Западе идеи о том, что история не может иметь статуса научной дисциплины. Еще в 1970-е годы Хейден Уайт и его сторонники-постмодернисты провозгласили идею о невозможности адекватно познать прошлое. Следовательно, по их мнению, история не существует, она (история) «всего лишь операция словесного вымысла», только воображение историков.

Постулирование предположений (а не научных аргументов) о том, что история не наука а, возможно, искусство, более близкое к литературе, художественному творчеству, привело к тому, что в западной классификации науки историю стали относить к категории Arts and humanities – «Искусство и гуманитарные знания»³. Трудно уйти от напрашивающегося вывода, что самоуничтожение некоторыми учеными своей собственной научной профессии – это не отдельные случайные эпизоды, а набирающая силу тенденция. И главное в этом – несоответствие теоретического уровня исследований новым требованиям развития науки и ее новым вызовам, когда после отказа от марксистской доктрины еще не удалось заполнить образовавшиеся пустоты новыми конструктивными идеями, концепциями и моделями развития общественных наук.

Далее в контексте дискуссий о дифференциации различных уровней социологического знания и особенно о соотношении фундаментальных и прикладных аспектов науки необходимо подчеркнуть такую, на наш взгляд, важную сторону дела. Все науки, в том числе общественные, а не только естественные и точные, в своей основе фундаментальны – наука не может называться таковой, если у нее нет основательной, хорошо развитой теоретической базы. Но в то же время они являются и прикладными. Ведь их главная задача – исследовать возникающие проблемы и давать ответ на вопрос, как эти проблемы решать. Прикладной же уровень у каждой науки свой. Так, у теоретической физики или теоретической химии этот уровень может

¹ Федосеев П.Н., Францев Ю.П. Буржуазная социология в тупике // Коммунист. 1959, № 17. С. 97.

² См.: Иовчук М.Т., Харчев А.Г., Ядов В.А. Актуальные теоретические проблемы марксистско-ленинской социологии в СССР // Философские науки. 1970, № 5. С. 5.

³ См.: А. Филюшкин. Мы ее теряем? Вызовы науке истории в XX в. // Литературная газета. № 17 (6551). 27 апреля – 3 мая 2016 г.

проявиться через многие годы после возникновения теории, а может и сразу. Значительно сложнее с общественными науками. В отличие от точных наук, теоретическая база которых универсальна (несмотря на наличие различных национальных школ), поскольку их объект исследования универсален, у социальных наук две компоненты теоретической базы – национальная и интернациональная, поскольку объекты их исследований различны. Хотя нечто общее также, конечно, имеется. С этим связан и уровень их прикладного значения. В науках тех стран, где национальная теоретическая база более развита и современна, этот уровень выше.

И еще один вопрос. Г.В. Осипов как последовательный защитник социологического наследия классиков марксизма-ленинизма в период социологического возрождения¹ позаботился о том, чтобы в постсоветское время отметиться в научных публикациях в качестве «одного из первых критиков» работ (!) К. Маркса, В.И. Ленина, И.В. Сталина, тем самым внести личный вклад в «разленинизацию» и «десталинизацию» тех доктрин, которым он сам служил. Сошлемся на один пример, извинившись перед читателем за, может быть, неэкономное использование бумажных площадей обильным цитированием. Но этого требуют конкретные обстоятельства, и чуть позже станет ясно почему.

Итак, цитата № 1: «В этот период (в период перестройки. – А.К.) Г.В. Осипов в ряде работ показал, что некоторые основные положения теории научного коммунизма К. Маркса требуют пересмотра в связи с практикой социалистических преобразований в нашей стране, но в силу недостаточности теоретических знаний руководителей партии прочно утвердились в качестве стереотипов. Им впервые были подвергнуты критике и отдельные положения В.И. Ленина о построении социализма в СССР, затем догматизированные И.В. Сталиным, практическая реализация которых привела у нас к построению, по мнению Г.В. Осипова, не научного, а государственно-бюрократического социализма. Все эти положения нашли отражение в монографии “Социология и социализм” (1990)».

Цитата № 2: «В этот период Г.В. Осипов в ряде работ показал, что некоторые основополагающие положения теории научного коммунизма К. Маркса вступили в противоречие с практикой социалистических преобразований в нашей стране, но в силу недостаточности теоретических знаний руководителей партии прочно утвердились в качестве стереотипов. Им были впервые подвергнуты критике и отдельные положения В.И. Ленина о построении социализма в СССР, затем догматизированные И.В. Сталиным, практическая реализация которых привела у нас к построению, по мнению ученого, государственно-бюрократического социализма. Все эти положения нашли отражение в его монографии “Социология и социализм” (Москва, “Наука”, 1990)».

Цитата № 3: «В этот период Г.В. Осипов в ряде работ показал, что некоторые основополагающие положения теории научного коммунизма К. Маркса вступили в противоречие с практикой социалистических преобразований в нашей стране, но в силу недостаточности теоретических знаний руководителей партии прочно утвердились в качестве стереотипов. Им были впервые подвергнуты критике и отдельные положения В.И. Ленина о построении социализма в СССР, затем догматизированные И.В. Сталиным,

¹ См.: Маркс и социология / под ред. Г.В. Осипова. М.: ИСИ АН СССР, 1968; Ленин и социология / отв. ред. Ф.М. Бурлацкий, Г.В. Осипов. М.: ИСИ АН СССР, 1970; Румянцев А.М., Осипов Г.В., Бурлацкий Ф.М. В.И. Ленин и социология. В кн.: Ленин и современная наука. М.: Наука, 1970, кн. 1, и др.

практическая реализация которых привела у нас к построению, по мнению ученого, государственно-бюрократического социализма. Все эти положения нашли отражение в его монографии “Социология и социализм” (Москва, “Наука”, 1990)».

Цитата № 4: «В этот период Г.В. Осипов в ряде работ показал, что некоторые основополагающие положения теории научного коммунизма К. Маркса вступили в противоречие с практикой социалистических преобразований в нашей стране, но в силу недостаточности теоретических знаний руководителей партии прочно утвердились в качестве стереотипов. Им были впервые подвергнуты критике и отдельные положения В.И. Ленина о построении социализма в СССР, затем догматизированные И.В. Сталиным, практическая реализация которых привела у нас к построению, по мнению ученого, государственно-бюрократического социализма. Все эти положения нашли отражение в его монографии “Социология и социализм” (Москва, “Наука”, 1990)».

Цитата № 5: «В этот период Осипов в ряде работ показал, что некоторые основополагающие положения теории научного коммунизма К. Маркса вступили в противоречие с практикой социалистических преобразований в нашей стране, но в силу недостаточности теоретических знаний руководителей партии прочно утвердились в качестве стереотипов. Им были впервые подвергнуты критике и отдельные положения В.И. Ленина о построении социализма в СССР, затем догматизированные И.В. Сталиным, практическая реализация которых привела у нас к построению, по мнению ученого, государственно-бюрократического социализма. Все эти положения нашли отражение в его монографии “Социология и социализм” (1990)».

Наконец, цитата № 6: «В этот период Г.В. Осипов в ряде работ показал, что некоторые основополагающие положения теории научного коммунизма К. Маркса вступили в противоречие с практикой социалистических преобразований в нашей стране, но в силу недостаточности теоретических знаний руководителей партии прочно утвердились в качестве стереотипов. Им были подвергнуты впервые критике и отдельные положения В.И. Ленина о построении социализма в СССР, затем догматизированные И.В. Сталиным, практическая реализация которых привела у нас к построению, по мнению ученого, государственно-бюрократического социализма. Все эти положения нашли отражение в его монографии “Социология и социализм” (Москва, “Наука”, 1990)».

Для читателя есть повод недоумевать – зачем же одно и то же пять раз! Но дело-то в том, что это «одно и то же» принадлежит пяти разным авторам, артикулировавшим этот пассаж в разное время и по разному поводу. Цитата № 1 «принадлежит» академику РАН В.Н. Страхову¹, этот же абзац вмонтирован в его вступительную статью к книге Г.В. Осипова «Социология и социальное мифотворчество»²; «автор» цитаты № 2 – академик РАН А.А. Кокошин³; цитата № 3 «принадлежит» члену-корреспонденту РАН В.Н. Кузнецову⁴, цитата № 4 – из вступительной (редакционной) статьи сборника

¹ Страхов В.Н. Патриарх российской социологии. В кн.: Академик Г.В. Осипов – патриарх социологии. М.: Наука, 2009. С. 82.

² См.: Осипов Г.В. Социология и социальное мифотворчество. М.: НОРМА, 2002. С. XVIII.

³ Кокошин А.А. Путь настоящего ученого и гражданина. В кн.: Академик Г.В. Осипов – патриарх социологии. М.: Наука, 2009. С. 72.

⁴ См.: Социологическая энциклопедия. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 2003, С. 121.

«Академик Г.В. Осипов – патриарх социологии»¹; цитата № 5 – из вступительной статьи М.И. Кодина в публикации «Патриарх отечественной социологии академик Российской академии Геннадий Васильевич Осипов»²; цитата № 6 – из предисловия М.И. Кодина к книге Г.В. Осипова «Россия: национальная идея. Социальные интересы и приоритеты»³.

Из этических соображений мы воздержимся как от определения жанра такого «творчества» – плагиат, использование чужого текста без ссылки на источник, непреднамеренная небрежность, недобросовестность тех, кто по заказу делает «болванки», то есть заготовки для статей и научных докладов начальства, – так и от выяснения, кто у кого... Авторы располагают возможностями самим в этом разобраться.

Мы же попытаемся всего лишь уточнить, кто в этой истории сказал первое «а», то есть выяснить первого автора текста. Помогает хронология названных публикаций: у самих истоков – статья за подписью М.И. Кодина, которая была опубликована в названной выше книге Г.В. Осипова в 1997 году и которая (статья) в социологическом сообществе вызвала, скажем мягко, удивление. Ведь ко времени подготовки книги к изданию М.И. Кодинов к науке вообще и социологии в частности не имел никакого отношения, его послужной список не был отмечен ни вузовской преподавательской, ни научной деятельностью. Занимаясь же организационной и административной работой в общественной структуре «Клуб Рыжкова», ему удалось установить личные контакты с Г.В. Осиповым, который благословил его на должность вице-президента Фонда содействия развитию социальных и политических наук, основной целью которого был поиск спонсорских финансовых источников. Будучи человеком целеустремленно-услужливым, он быстро втерся в доверие академика. А вскоре образовался тандем Осипов – Кодинов, построенный на четко выраженных прагматических интересах. Одним же из первых кирпичиков фундамента отношений внутри тандема и стала статья о Г.В. Осипове за подписью М.И. Кодина, которую он (М.И. Кодинов) самостоятельно подготовить не мог. Совершенно очевидно, что содержащуюся в статье характеристику научного пути академика, директора института, а также сложнейших процессов институционализации отечественной социологии как научной и учебной дисциплины мог осуществить профессионал из академической среды или коллега по работе в Институте социально-политических исследований, но отнюдь не человек, совершенно посторонний для академической науки и не имеющий соответствующей профессиональной подготовки, не говоря уже об отсутствии ученых званий и степеней.

А дальше все пошло в соответствии с заданной логикой – при мощной поддержке академика стремительное научное продвижение М.И. Кодина: защита ускоренными темпами кандидатской и докторской диссертаций, назначение заместителем директора ИСПИ РАН, наконец, выдвижение в члены-корреспонденты РАН, завершившееся поражением. Но как бы там ни было, со временем незакавыченный текст М.И. Кодина «загадочно» (!) стал гулять в публикациях многих статусных в науке ученых.

И это не единственный такого рода случай. Вот еще факт: цитата из уже упоминавшейся вступительной статьи М.И. Кодина в публикации «Патриарх отечественной

¹ См.: Академик Г.В. Осипов – патриарх социологии. М.: Наука, 2009. С. 11–12.

² См.: Патриарх отечественной социологии академик Российской академии Геннадий Васильевич Осипов. М., 2005. С. 9.

³ См.: Осипов Г.В. Россия: национальная идея. Социальные интересы и приоритеты. М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997. С. 10.

социологии академик Российской академии Геннадий Васильевич Осипов»: «В годы перестройки Г.В. Осипов одним из первых обосновал необходимость повышения роли закона стоимости и товарно-денежных отношений, введения научных основ социального управления. Он отстаивал социальную ориентированность экономического развития, добивался исследования большого круга проблем, связанных с деятельностью человека. Совместно с другими учеными Г.В. Осипов доказывал важность правового регулирования перехода к рынку, предупреждал об опасности правового беспредела, приведшего в конце концов к господству нынешней рыночной стихии, развалу СССР и возможному распаду России как единого государства»¹. О перечисленных в этой цитате особых заслугах ее автора много говорить не приходится, так как тезис о том, что он «одним из первых обосновал необходимость повышения роли закона стоимости и товарно-денежных отношений» не отвечает действительности (это на высоком профессиональном уровне значительно раньше обосновали ученые-экономисты).

Что же касается деклараций о социальной ориентированности экономического развития, правовом регулировании перехода к рынку, предостережении об опасности рыночной стихии, то в постановке этих вопросов он тоже не был одним из первых – перестроечная печать (научная и общественно-политическая) была избыточно переполнена такими призывами при крайнем дефиците реалистичных научно проработанных моделей реализации названных проблем. Так и в данном случае: за словами «отстаивал», «добивался», «доказывал» – одни лозунги, без малейших попыток ответить на вопрос, как же это осуществлялось. И вот этот текст значителен без кавычек и без указания на источник в упоминавшихся статьях А.А. Кокошина (в полном объеме) и В.Н. Страхова (в несколько укороченном виде)².

В стопроцентном объеме и без ссылок переключался на статьи А.А. Кокошина и В.Н. Страхова и такой текст М.И. Кодина: «На протяжении ряда лет Г.В. Осипов направлял генсеку ЦК партии докладные записки о необходимости учета значения человеческого фактора для ускорения социально-экономического прогресса в СССР, об основных тенденциях и противоречиях социального развития страны. В докладной записке президенту СССР он отмечал, что кризис, сложившийся в стране к концу 1989 года, приобрел в 1990 году тенденцию перерастания в национальную катастрофу, и предлагал пути выхода из этой ситуации – пути перехода к рынку. Г.В. Осипов подчеркивал, что в решении этих задач призвана играть большую роль социология, ее выводы и рекомендации»³.

Кстати, автор многочисленных трудов, да еще и в разных жанрах (монографии, научные статьи, доклады и т.д., и т.п.), о большом вкладе В.И. Ленина в признание социологии в качестве науки⁴ вдруг в период горбачевской перестройки фактически солидаризировался с теми авторами, которые в условиях плюрализма мнений стали

¹ См.: Патриарх отечественной социологии академик Российской академии Геннадий Васильевич Осипов. М., 2005. С. 8.

² См.: Академик Г.В. Осипов – патриарх социологии. М.: Наука, 2009. С. 72, 82.

³ См.: Академик Г.В. Осипов – патриарх социологии. М.: Наука, 2009. С. 72–73, 82–83.

⁴ См.: В.И. Ленин и социология // Ленин и современная наука. М.: Наука, 1970 (в соавторстве с Ф.М. Бурлацким, А.М. Румянцевым); В.И. Ленин и развитие марксистской социологии // Информационный бюллетень ССА и ИСИ АН СССР. № 42. Социологические исследования, 1970; Основы марксистско-ленинской социологии. М.: Прогресс, 1988 (отв. ред.); Предмет марксистско-ленинской социологии в свете опыта социологических исследований в СССР // Социологические исследования. 1977, № 3; Социология и социализм. М.: Вече, 2008 и др.

вообще отрицать какое-либо значение ленинских работ по социологии. При этом называются «аргументы». Мол, они, эти работы, были написаны В.И. Лениным тогда, когда «он был молодым марксистом» и «в социологии как следует не разбирался» (имеется в виду книга «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократии»); что же касается статьи «Статистика и социология», то, уходя от анализа того, что там сказано о социологии, делается акцент на том, что «статья осталась незавершенной» и она не может приниматься во внимание при определении вклада В.И. Ленина в признание социологии в качестве науки¹.

§3. Физикалистские забавы

Восходящий к контовской «социальной физике» физикализм (физицизм) как имитация социологии общественных наук представляет собой одно из исследовательских течений американской социологии, которому не суждено было получить сколько-нибудь заметную поддержку за пределами США. К нему не проявила интереса интеллектуальная Европа. Впрочем, не было оно популярным и в самом Новом Свете. Да и позиция самого О. Конта в отношении «социальной физики» дуалистична: ранний Конт как апологет этой идеи противостоит Конту позднему, фактически пересмотревшему свои взгляды.

Поэтому в определенной степени неожиданными оказались некоторые доктринально не оформленные, а декларативные «физикалистские забавы» в условиях постсоветской трансформации, которые говорят не о приращении нового знания, а о кризисе в поиске постистматовской теоретико-методологической доктрины социологии, когда идейный вакуум, образовавшийся в результате разрушения догматической марксистской парадигмы в общественных науках, не удалось в полной мере заполнить приемлемой альтернативой. Стремление наделить социологию способностью столь же точно измерять социальные явления и процессы по примеру физики, объектом исследования которой является неживая материя, и изменить в этом контексте ее (социологии) статус в системе общественных наук – таковы амбициозные «новации» современных «физикалистских забав». И поскольку это осуществляется под знаменем академической науки, не обратить внимание на это нельзя. Впрочем, о том, что «такой же точной наукой, как, скажем, биология» может стать «наука об истории общества», утверждал И.В. Сталин². Утопизм и противоречивость сталинских суждений о равнозначной точности исторической науки и биологии особенно выпукло проявились в условиях постсоветского безбрежного плюрализма мнений, когда некоторые авторы (в том числе и из исторического цеха) отказывают истории даже в праве называться историей. Не ставя задачу анализировать всего Конта, остановимся на некоторых аспектах трансформации американской версии физикализма на российскую почву.

Наука – отечественная и мировая – уже давно определила как место каждой научной дисциплины в системе наук, так и принципиальные вопросы связи и взаимо-

¹ См.: Молчали не все. Интервью с членом-корреспондентом АН СССР Г.В. Осиповым // Вестник Академии наук СССР. 1990, № 1. С. 120.

² История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1952. С. 109.

действия между общественными и социальными науками, с одной стороны, и естественными – с другой. Однако и в этой области в условиях безбрежного плюрализма мнений высказываются далеко не бесспорные истины. Остановимся на одной (разумеется, не единственной) позиции по этому вопросу: «есть социология как наука, которая, будучи независимой от идеологии и политики (?!), подобно естественнонаучной дисциплине (подчеркнуто нами. – А.К.), может использоваться как во благо, так и во вред обществу»¹. Это высказывание заслуживает внимания потому, что в нем содержится, пусть и в общей форме, важная заявка на определение автором взаимодействия социологии и естественных наук.

В другом месте эта идея обрела более конкретное воплощение: «Социология и социальные науки в целом ничем (подчеркнуто автором этой цитаты. – А.К.) по принципиальным вопросам не отличаются от естественных наук, если они являются науками»². Но тот же автор, то есть Г.В. Осипов, например, в 1963 году писал совершенно противоположное: «Сведение законов социальных явлений к математическим или физическим законам является весьма распространенной модой среди социологов-позитивистов, которые подражают языку и приемам естествознания и пытаются рассматривать социологические понятия и законы как соответствующие некоторым законам физики. Но при таком неправомерном сведении социального к физическому, несмотря на использование терминов “социальная физика”, “социальная энергетика”, дело практически не идет дальше психологии индивида. Представители так называемого методологического индивидуализма Хайек и Барфильд стали рассматривать самого индивида в качестве комплекса, который состоит из “предрасположений” как основных социологических атомов. Такого рода “психологический атомизм” является не чем иным, как реализацией принципа П. Лазарсфельда о сведении социальных явлений к элементарным, неразложимым свойствам»³ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Возникает вопрос: насколько корректным и логичным является столь категоричный вывод сегодня о том, что социология и, например, физика как науки «по принципиальным вопросам» ничем не отличаются друг от друга, но в то же время каждая из них имеет «свою научно обоснованную структуру» и свои законы – в одном случае физические, в другом социальные. Не ограничиваясь общей постановкой проблемы, автор предпринимает попытку конкретизировать свою аргументацию доказательством того, что якобы у общественных и естественных наук единая не только цель, но единый научный метод: «В настоящее время доминирует точка зрения, что по своим целям и методам общественные науки не отличаются от естественных»⁴.

Безальтернативная позиция по столь спорной формулировке объясняется так: «В обоих случаях используется единый научный метод, требующий объективности, доказательности и подтверждения гипотез. Тот факт, что многие генерализации в со-

¹ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 25.

² Осипов Г.В. О переходе от социально-философского к социально-научному знанию. В кн.: Академик Г.В. Осипов – патриарх социологии. М.: Наука, 2009. С. 345.

³ См.: Константинов Ф.В., Осипов Г.В. В поисках социологической теории // Коммунист. 1963, № 2. С. 101.

⁴ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 63.

циальных науках являются скорее вероятностными, чем детерминированными, скорее тенденциями, чем абсолютными законами, ничуть не делает их менее научными, поскольку отход от детерминистских подходов характерен также и для современных естественных наук¹ (подчеркнуто нами. – А.К.).

В этом контексте уместно сослаться на позицию по данному вопросу Макса Вебера, отрицавшего как доктрину позитивистов, утверждавших, что познавательные установки естественных и социальных наук по существу одинаковы (именно этой точки зрения придерживается и Г.В. Осипов как сторонник «единого научного метода» для общественных и социальных наук), так и противоположную ей немецкую доктрину историцизма, которая обосновывает невозможность сделать в области истории (сфера культуры и духа) обоснованные обобщения, «поскольку человеческие действия не подчиняются тем закономерностям, которые управляют миром природы»² (подчеркнуто нами. – А.К.). Аргументы М. Вебера против позитивистов: для понимания человека, в отличие от физических предметов, важны не только внешние проявления (его поведение), но и лежащие в основе внешнего поведения мотивации. Его же возражения сторонникам концепции историзма – «научный метод независимо от того, являются ли объектами изучения вещи или люди, всегда реализуется посредством абстракции и обобщения»³.

Отсюда и его вывод: различия между естественными и социальными науками определяются «не предполагаемой непримиримостью методов научного исследования и обращения к такому предмету, как человеческие действия», а «различиями в тех позитивных целях, которые ставит перед собой исследователь». Именно поэтому отличие естественных и социальных наук определяется «различиями не методов исследования, а различиями научных интересов и целей исследования»⁴ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Солитаризируясь с Максом Вебером, Л.А. Козер отметил, что для социального ученого любой научный метод обязательно предполагает выбор из бесконечного разнообразия граней эмпирической реальности. Выделяя же два метода – генерализующий метод, который абстрагируется от случайно выбранных и единственных в своем роде элементов действительности, и индивидуализирующий подход, «пребрегающий общими (родовыми) элементами» и «концентрирующий внимание на специфических особенностях явлений или конкретных исторических персонажей», – он подчеркивает, что оба метода оправданы при условии, что ни один из них не утверждается в качестве всеобъемлющего, способного охватить явления во всей их полноте». Более того «ни один из методов не обладает правом преимущественного использования или же по своей сути не считается превосходящим другой»⁵ (подчеркнуто нами. – А.К.).

¹ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 63.

² См.: Козер Л.А. Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте. М.: Норма, 2006. С. 72.

³ См.: Козер Л.А. Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте. М.: Норма, 2006. С. 72.

⁴ См.: Козер Л.А. Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте. М.: Норма, 2006. С. 72.

⁵ См.: Козер Л.А. Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте. М.: Норма, 2006. С. 73.

Если же поверить в якобы доминирующую в настоящее время эклектику об общности методов общественных и естественных наук, то возникает вопрос: почему же в этой аргументации отсутствует главное, чему подчинены не только цели, но и методы, – сравнение объектов исследования общественных и естественных наук. А они, эти объекты, принципиально разные. Не углубляясь в эту столь сложную проблему (это тема отдельного исследования), зададимся вопросом – какая параллель, аналогия или научно обоснованное сравнение может быть между объектами изучения физики (например, атомным ядром, которое само по себе всегда было и остается неизменным, меняются только научные представления о нем, путем научного поиска открываются новые его грани и взаимосвязи с другими элементами физического мира) и объектом социологии, который является не застывшим физическим слепком природы, а предстает перед исследователем как живой организм социальных личностей, действующий в сложнейших и постоянно меняющихся горизонтальных и вертикальных социальных связях. Питирим Сорокин, например, внутреннее содержание социологии в общем виде определил как «науку, изучающую поведение людей, живущих в среде себе подобных»¹. Если для физики, химии и т.д. объектом является неживая материя, то для социологии – социальный человек в контексте социальных групп, классов, общностей, в целом всего социума; и этот социальный человек во взаимодействии с социальной средой изменяется сам и изменяет эту среду.

К тому же природа и социальная сфера как объекты исследований соответственно естественных и социальных наук, с одной стороны, предполагают абстракцию, а с другой, как повторил вслед за М. Вебером исследователь его научного творчества Л.А. Козер, «содержат такое множество и разнообразие фактов, что их полное, всеобъемлющее объяснение в каждой из этих сфер обречено на неудачу». И «даже в физике невозможно предсказать будущие явления во всех их конкретных деталях. Например, никто не может заранее рассчитать рассеяние осколков разорвавшегося снаряда». Вывод: прогноз возможен «только в рамках концептуальной системы, исключающей интерес к тем конкретным формам, которые не включаются в сферу абстракций»².

На особенности объекта исследования социологии и его отличия от объекта изучения естественных наук в свое время обратил внимание и академик А.Д. Александров: «Социология, можно сказать, – самая трудная из наук, предмет ее чрезвычайно сложен. Это – общество людей, а не элементарных частиц, это – человеческая жизнь, человеческие отношения, а не одни абстрагированные “механизмы функционирования”. Поэтому в социологии тем более необходимо всемерно стараться следовать требованиям науки. Поэтому принципы социологии должны быть наполнены гуманизмом, пониманием того, что за всякими социологическими понятиями стоят, в конечном итоге, живые люди. И все это относится к науке не внешне, это самое ее существо»³ (подчеркнуто нами. – А.К.).

В.А. Ядов в свою очередь обратил внимание на то, что в силу чрезвычайной сложности исследования общества общественные науки по своей структуре отличаются

¹ Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 534.

² См.: Козер Л.А. Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте. М.: Норма, 2006. С. 72.

³ Александров А.Д. В защиту социологии. По поводу одной публикации // Вестник АН СССР. 1972, № 7. С. 64.

ся от строго «аксиологических наук (таких как математика)», поэтому соотношение между ними, а также различными уровнями обобщения в каждой из них «намного сложнее... чем в науках естественных, предметом которых являются более простые формы движения материи» (подчеркнуто нами. – А.К.). По его мнению, в силу того, что «ощутимый и предметно осязаемый прогресс» достигнут в таких областях знания, как математика, физика и биология, современная наука оказалась «зараженной», в лучшем смысле этого слова, «естественным стилем мышления». И поскольку общественные науки, в отличие от естественных наук, еще не подошли вплотную к анализу специфики познания социальных объектов» (подчеркнуто нами. – А.К.), то и, как он считает, «авторы, работающие в этой области, опираются на материалы естественных наук»¹.

А вот мнение академика О.Т. Богомолова об особенностях объекта исследования естественных наук и объекта исследования в общественных науках: «Познание законов природы помогает человеку воздействовать на нее, но не может даже на время отменить эти законы. Объект исследования находится вне нашего сознания, существует и развивается независимо от него. В обществе дело обстоит иначе. Законы общественного развития, формируемые учеными, даже тогда, когда их знание ложно, могут быть взяты на вооружение государственной политикой, растиражированы СМИ, стать официальной идеологией, подчинить себе поведение миллионов людей и изменить саму природу общества, по крайней мере, на какое-то время. Объект исследования оказывается в зависимости от господствующей идеологии и теоретических воззрений. Этим общественные науки отличаются от естественных, и поэтому их иногда называют в шутку противоестественными»² (подчеркнуто нами. – А.К.).

Полностью разделяя точку зрения по затронутому вопросу столь авторитетных исследователей, нам тем не менее не хотелось бы ограничиваться ссылкой только на их позицию – ведь каждый из них выражал свое собственное мнение, свое видение этой проблемы. Ключевой вопрос: в чем заключалась постмодернистская позиция в данном случае штаба академического сообщества – Президиума АН СССР? Ответом может служить состоявшееся 18 октября 1963 года в условиях разворота возрожденческого процесса в социологии расширенное заседание Президиума АН СССР с повесткой дня «Методологические проблемы естествознания и общественных наук». Позиция докладчика академика Л.Ф. Ильичева по вопросу о взаимодействии естественных и общественных наук и месте в нем социологии предельно ясна и конкретна. Заявив, что «буржуазные социологи пытаются довести противопоставление обществознания естествознанию до замены законов, действующих в обществе, законами, действующими в природе, и внедрить в обществознание специфические методы физики, биологии и других бурно развивающихся наук» (подчеркнуто нами. – А.К.), он задался вопросом: понимают ли такие социологи, «что, ища выход из тупика путем наклеивания естественнонаучных ярлыков на явления социальные, они лишь создают новые тупики, пускаются в схоластические бесполезные занятия?»³ И далее: «Чтобы стоять на

¹ См.: Ядов В.А. К вопросу о марксистской социологии как науке // Научные доклады высшей школы. Философские науки. 1968, № 2. С. 76–77.

² Богомолов О.Т. и др. Глобальная экономика и жизнеустройство на пороге новой эпохи. М.: Анкил, 2012. С. 380–381.

³ Ильичев Л.Ф. Методологические проблемы естествознания и общественных наук. Доклад на заседании Президиума АН СССР 18 октября 1963 г. // Вестник АН СССР. 1963, № 11. С. 9.

почве науки, мы должны напомнить, что одно дело использовать, скажем, математику, кибернетику в экономической науке, нечто совсем другое – поставить на место экономических законов законы математики (подчеркнуто нами. – А.К.). Такой путь ведет к стиранию качественных различий между природоведением и обществоведением, к сведению социальных закономерностей к законам природы. Между тем речь должна идти о творческом взаимодействии наук о природе и наук об обществе»¹.

При этом, указав, что «даже наши противники отдают себе отчет в том, что механическое подражание методам и терминологии естествознания не может дать социологии ничего, кроме конфуза», докладчик сослался в позитивном плане даже на мнение такого критикуемого в то время в СССР «буржуазного социолога», как Питирима Сорокина: «Заимствование терминов, понятий и формул из физических наук приводит к искажению того значения, которое они имели в физике, и к засорению социологии обломками бессмысленных паразитических терминов, понятий и утверждений»².

Позицию Л.Ф. Ильичева поддерживали выступавшие на заседании Президиума АН СССР академик М.В. Келдыш, академики В.А. Амбарцумян (Армянская ССР), П.Н. Федосеев (вице-президент АН СССР), Е.М. Жуков, В.С. Немчинов, В.А. Фок, М.Б. Митин, Е.К. Федоров, А.И. Берг, И.И. Минц, академик Академии наук Украины В.М. Глушков, члены-корреспонденты АН СССР Ю.П. Францев, Б.М. Вуд, Ф.В. Константинов. Дискуссия завершилась принятием развернутого постановления Президиума АН СССР, ставшего консолидированным методологическим ориентиром для всего академического сообщества.

Следовательно, особенностью социологического знания является то, что объект исследования постоянно изменяется, а значит, в процессе познания происходит не просто приращение знания, а приращение измененного знания об этом измененном объекте. В таких же точных науках, как физика, химия, приращение знания (а то и открытия) происходит при неизменном состоянии объекта исследования. Поясним на конкретном примере. В начале XX века ученым уже было известно, что в атоме есть ядро и вокруг этого ядра по своим орбитам вращаются электроны. Но ученым никак не удавалось понять, как электроны переходят с одной орбиты на другую; ведь для того, чтобы это сделать, надо было перейти и через середину расстояния, отделяющего одну орбиту от другой. И вдруг к Нильсу Бору пришла фактически безумная идея: электроны попадают с одной орбиты на другую, не проходя через середину, а пуская квант энергии. Так родилась квантовая физика. Настоящая революция в науке, в которой (революции) объект познания – ядро и вращающиеся вокруг электроны сами по себе – и сегодня остался неизменным.

И то, что «до сих пор социологи безуспешно пытаются определить предмет социологии через специфику ее объекта» и поэтому «среди бесконечного количества этих самых различных определений нет ни одного более или менее удовлетворительного»³, не может служить оправданием такой неопределенности. Это может свидетель-

¹ Ильичев Л.Ф. Методологические проблемы естествознания и общественных наук. Доклад на заседании Президиума АН СССР 18 октября 1963 г. // Вестник АН СССР. 1963, № 11. С. 9.

² Ильичев Л.Ф. Методологические проблемы естествознания и общественных наук. Доклад на заседании Президиума АН СССР 18 октября 1963 г. // Вестник АН СССР. 1963, № 11. С. 10.

³ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 47.

ствовать только об одном – о так называемых белых пятнах, то есть о недостаточной изученности целых пластов теоретической социологии. И в этой ситуации крайне важно не приумножать эту неопределенность путем непродуктивного интеллектуального маневрирования.

Методологически выверенной эта позиция была продемонстрирована на IV Всероссийском социологическом конгрессе в выступлении Н.Ю. Матвеева: «...социальные явления не состоят из физических процессов, таких как производство, выход людей на улицы, передвижение машин, строительство или разрушение зданий и т.п. Эти и другие процессы физического плана лишь сопутствуют социальным явлениям. Подлинное существо социального явления составляет его смысл, не имеющий к физическим процессам никакого отношения. Общественная жизнь в своем существе, то есть в тех признаках, которые констатируют явления в качестве социального, чувственно не воспринимаема, она не дана в опыте внешней, материальной жизни общества. Социальное явление образуется идеями и смыслами, то есть духовный жизнью людей. Социология в таком случае должна быть, по существу, наукой о духовном начале в общественной жизни, самопознанием человеческого духа и на понимании этого факта основывать свою методологическую базу»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Ничем иным, как, пользуясь языком формальной логики, подменной тезиса, можно объяснить утверждение о том, что «положение социологии по отношению к другим общественным дисциплинам напоминает: положение общей биологии по отношению к анатомии, физиологии, морфологии, систематике и другим социальным биологическим отраслям знания; положение общей физики по отношению к акустике, электронике, учению о свете и т.д.; положение общей химии по отношению к химии органической и т.п.»². Ведь в данном случае речь идет об установлении отношений общих биологии, физики и химии с родственными по генезису специальными отраслями знания, связь между которыми характеризуется не междисциплинарными, а внутридисциплинарными параметрами. Точно так же, как строятся отношения между общей социологией и ее многими конкретными направлениями: социологическими исследованиями, социальными исследованиями, социологией науки, социологией труда, социологией морали, социологией политики и т.д., и т.п. И подмена тезиса произошла именно в переносе внутридисциплинарной модели на междисциплинарную модель отношений научных дисциплин.

Поэтому строить отношения социологии со всеми общественными науками по внутридисциплинарной модели – значит рассматривать социологию фактически не в ряду этих общественных наук, а возвышать ее над ними. От такого ощущения невозможно отделаться даже после того, когда Г.В. Осипов свой тезис о том, что «социология занимает общее место среди общественных наук» (подчеркнуто нами. – А.К.), сопроводил уточнением – все это «не означает и не должно означать ее (социологии. – А.К.) превращение в науку философии»³. Если это так, то как же можно относиться

¹ См.: IV Всероссийский социологический конгресс «Социология в системе научного управления обществом». Материалы конгресса. Москва, 2–4 февраля 2012 г. ИСПИ РАН, 2012. С. 128.

² Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 103.

³ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 103.

к тому, что он же во вступительной статье к труду Н.А. Бухарина «Теория исторического материализма» пишет о все более занимающей его в постсоветское время мысли: «современная социология способна стать (и неизбежно станет!) в XXI веке для общественных наук и гуманитарных дисциплин тем существенным плацдармом идей и систематизированных фактов, каковой для науки минувших веков являлась философия»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Наивной гиперболой является и утверждение о том, что «в руках отдельных политиков» социологические исследования «становятся оружием более страшным, чем термоядерная бомба»². Закавычив же слова «социологическое знание может оказаться страшнее атомной и водородной бомбы»³, то есть придав этим словам вид цитаты, Г.В. Осипов заявил, что отечественными социологами был сделан именно такой вывод. Кем был сделан такой вывод? Кому принадлежит цитата и каков ее источник (документальный)? Возможно, самому автору этих рассуждений. Такие суждения могут быть частично поняты только в одном случае – как метафорическое проявление автором оборонного «социологического патриотизма». С точки же зрения науки измерение эффективности таких несовместимых для сравнения явлений, как социология и бомбы (атомные и водородные), осуществляется на основе абсолютно разных критериев. А утверждение о том, что «развитие социологии в стране имеет не меньшее значение (подчеркнуто нами. – А.К.), чем становление атомной энергетики»⁴, хотя звучит почти афористично, да якобы и симпатично, все же в устах ученого (а не журналиста, не обремененного точностью формулировок) – все же некорректно. Ведь подобными метафорическими изысками можно подвинуть философов, историков, психологов, специалистов по этике и др. к поиску подобных грозных аналогий.

Подобными суждениями Г.В. Осипов как бы подтверждает свою приверженность физикалистским теориям американской социологии, восходящим к раннему О. Конту, назвавшему социологию «социальной физикой». Впрочем, утверждение о том, что О. Конт в поисках науки об обществе «в качестве таковой в своей классификации наук после биологии назвал социологию», воспроизводит позицию французского ученого не в полном объеме. Ведь он разделял все науки на пять абстрактных теоретических дисциплин по степени усложнения предмета изучения – астрономия, физика, химия, биология, социология. И если О. Конт в таком подходе видел реальную «позитивную революцию», победу науки над схоластикой, то некоторые исследователи более позднего времени такую классификацию критиковали за то, что она базировалась на принципах координации, а не субординации и что на фоне структурных связей между науками остались незамеченными генетические связи.

Контовское понимание «социальной физики» достаточно полно изучено как отечественной, так и зарубежной наукой. В контексте нашего разговора мы лишь назовем основные элементы по-контовски понимаемой «социальной физики»: рассмо-

¹ См.: Бухарин Н.И. Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. М.: Вече, 2008. С. 6.

² Осипов Г.В. Социология и политика. М.: Вече, 2009. С. 129.

³ Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 17.

⁴ Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 551.

трение социальной физики в качестве части естественной философии, уподобление законов и теорий социологии законам и теориям естественных наук своего времени, рассмотрение ее через призму физиологии и как части органической физики, непризнание различий между теориями природы и теориями общества. Таким был ранний социолог О. Конт. И, как справедливо отмечает Г.В. Осипов, со временем французский мыслитель «переосмыслил предмет и методы исследования социальной физики», назвал ее «социологией»¹.

Казалось бы, развилка неопределенности в этом вопросе для науки пройдена. Однако, как нередко бывает в жизни, некоторые идеи прошлого реанимируются на новой исторической почве. Так произошло и с идеями О. Конта, когда во второй половине XX столетия в американской социологии появилось исследовательское течение, которое было обозначено терминами «физикализм», «физицизм», «физикалистское течение». Так, например, П. Сорокин констатирует в изданной в 1961 году работе «Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР в смешанный культурный тип», что за последние сорок лет в социальных науках США и Запада в противовес устоявшимся в них научным традициям появился ряд новых течений, в том числе и «физикалистских»². Причем он призывает не сомневаться в том, что «за последнее десятилетие» физикалистские концепции, наряду с марксистскими, фрейдистскими, бихевиористскими, кибернетическими, натуралистическими, сексологическими, рефлексологическими, биологическими, экономическими и различными формами количественной интерпретации «вторглись на территорию американской психологии, психиатрии, социологии, антропологии, истории, экономики, политической науки, этических, правовых и образовательных теорий и других психосоциальных дисциплин»³. В другом месте, в перечне объектов буржуазной социологии, подвергающихся критике со стороны советских ученых, он наряду с чрезмерной релятивизацией ценностей, моральным нигилизмом, эмпиризмом, позитивизмом называет и безудержный «физицизм»⁴. Весьма показательно и то, что подобные взгляды он распространяет и на философию, относя физикализм (в скобках уточняет – как имитацию философии естественных наук) к научным направлениям, которые, по его мнению, тяготеют «скорее к материалистическому, чем к нематериалистическому мировоззрению»⁵.

Президент же Международной социологической ассоциации Мишель Веверка свое видение связи социологии с естественными науками изложил на Всероссийском конгрессе социологов 21 октября 2008 года следующим образом: «Наш подход является научным (он говорит о социальной науке. – А.К.), но то, что мы изучаем, не принадлежит тому же порядку, которому принадлежат предметы естественных

¹ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 86.

² П. Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 353.

³ П. Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 353.

⁴ П. Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 353.

⁵ П. Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 358.

наук»¹. И далее: «Долгое время продолжается дискуссия, призванная разобраться в следующем: что же отличает нас, социологов, от представителей естественных наук? Определяющие отличия состоят в том, что мы изучаем живые существа, человеческие, и отношения между ними. Что доказывает: когда мы готовим публикации, проводим исследования, занимаемся анализом, то мы в действительности достигли того, о чем говорили. Можно сказать, будучи, например, представителем других наук: “Я десять раз воспроизвел опыт, и результат оказался тем же”. Нам, социологам, такая возможность недоступна. Поэтому обычно мы удовлетворяемся суждением и признанием наших коллег. Доказательство того, что наши результаты верны, состоит в том, что наши коллеги признали их верность. В противном случае наше знание не является научным»².

При этом он называет три свойственных только социологии способа представить результаты исследования: а) представление результатов исследования широкой неспециализированной публике (через печать, радио, телевидение), что позволяет благодаря широкой публике и комментариям, полученным исследователем от нее, установить, насколько данные являются оправданными и валидными; б) второй способ он называет «восстановлением» или «возвратом», когда результаты исследования представляются тем, кто был объектом изучения; ответная реакция позволяет социологу получить оценки более важные и дельные по сравнению с широким распространением их в СМИ; третий способ представления социологом своих результатов – «интерактивный способ» или «способ обсуждения», когда полученные им результаты адресуются такой среде и аудитории, которые способны не только просто воспринимать их, но и формулировать свои вопросы, обсуждать, сомневаться и, таким образом, непосредственно участвовать в проведении исследования, получении новых результатов. Эти три способа он рассматривает в качестве дополняющих «корпус моих результатов по отношению к тому, что могут сказать мои коллеги в качестве равных, кто судит мои результаты с научной точки зрения»³.

Так он определяет тонкие, по его мнению, моменты социальной науки, о которых применительно к естественным наукам не может быть и речи. От себя добавим: абсолютизация социологических методов исследования и их экспансия – это есть вульгарный социологизм, получивший в науке исчерпывающую характеристику. Апелляция к вульгарному социологизму – это из архива социологии, это дорога в прошлое. Социолог – не фармаколог, взвешивающий свою продукцию с точностью до миллиграмма; для него главное – тенденции развития социума, причинно-следственные связи в нем. Признание же в системе методов конкретно-социологического исследования так называемой среднестатистической погрешности, ошибки выборочной совокупности и некоторых других элементов лишней раз свидетельствует о невозможности аптекарской точности в оценке социальных процессов и явлений.

¹ Социология и общество: пути взаимодействия. М.: Вече, 2010. С. 20.

² Социология и общество: пути взаимодействия. М.: Вече, 2010. С. 20.

³ Социология и общество: пути взаимодействия. М.: Вече, 2010. С. 21.

§4. О самостоятельности возрождающейся социологии

А сейчас сосредоточим внимание на интерпретации двух резонансных в социологическом сообществе вопросов – об авторстве в придании термину «социология» положительного статуса и об авторстве концепции о самостоятельной социологии.

Итак, отвечает ли истине утверждение, например, о том, что первой публикацией, в которой понятие «социология» употреблено в позитивном смысле, стал вышедший в 1965 году под редакцией Г.В. Осипова с его статьями двухтомник «Социология в СССР»¹? Обратимся к фактам. В 1925 году исследователь М.П. Баскин в одной из своих брошюр ввел в словарь основных понятий марксизма термин «социология», определив ее как науку об обществе и законах его развития². А после идеологического разгрома деборинской группы, объявленной «меньшевистствующими идеалистами» (Н.А. Карев, Я.Э. Стэн, И.К. Луппол, И.П. Подволоцкий и др.), учиненного постановлением ЦК ВКП(б) «О журнале “Под знаменем марксизма”» от 25 января 1931 года, в лексиконе советского марксизма, как мы уже отмечали, термин «социология» был восстановлен. Очищенный от хулителей социологии – деборинцев журнал «Под знаменем марксизма» в 1936 году не только разъяснил, что марксистская и общественная наука – социология – основана на понимании общественного развития как естественно-исторического процесса, но и установил, что очень важно, что сомнительное слово «социология» употребил в положительном смысле И.В. Сталин³.

Приведем другие примеры. 1946 год – в Институте философии АН СССР функционировала, о чем говорилось выше, исследовательская структура, название которой в контексте нашего исследования говорило само за себя, – сектор социологии, а примерно за год до этого в институте существовала группа по истории социологических учений (руководитель профессор М.П. Баскин), на семинарах которой говорилось о социологии как научной дисциплине. 22 февраля 1946 года – в протоколе заседания группы социологии Института философии отмечено: «Теперь, когда введено слово “социология”, очень важно отбросить архивные категории социологии»⁴. 1947 год – в 52 томе Большой советской энциклопедии публикуется довольно пространная статья М.П. Баскина «Социология»; а в 1957 году (за минувшее десятилетие сменилась эпоха) статья «Социология» того же автора размещена в 40-м томе нового издания БСЭ. По утверждению А.Г. Здравомыслова, в Ленинграде «примерно с 1957–58 годов... начали употреблять слово “социология”»⁵.

Термины «социология», «социологи», «социолог» в их позитивном смысле присутствуют во всех, начиная с 1955 года, то есть за десять лет до того, как Г.В. Осипов, по его словам, впервые употребил термин «социология» в позитивном смысле, до-

¹ См.: Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 46.

² Баскин М.П. Как изучать политграмоту. Пособие для рабочих. М.: издание МГСПС «Труд и книга», 1925. С. 7.

³ См.: Батыгин Г.С. Советская социология на закате сталинской эры // Вестник АН СССР, 1991, № 10. С. 94.

⁴ Батыгин Г.С. Советская социология на закате сталинской эры // Вестник АН СССР, 1991, № 10. С. 100.

⁵ См.: Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах. СПб.: изд-во РХГИ, 1999. С. 159.

кументах Президиума АН СССР и ЦК КПСС, принятых по вопросам участия советских ученых в международных конгрессах социологов (особенно в докладных записках руководителей делегаций по итогам работы этих конгрессов). В этом же ряду – создание в 1960 году в Ленинградском государственном университете специальной структуры под названием «социологическая лаборатория» (с учетом характера ее работы она могла бы называться «лаборатория по социологии»), обсуждение в журнале «Проблемы мира и социализма» в 1961 году проблем социологии, постановка в докладе секретаря ЦК КПСС Л. Ильичева на Президиуме АН СССР в 1963 году вопроса о признании научного статуса марксистской социологии и т.д. К этому времени относятся публикации Г. Арбатова о конкретных эмпирических исследованиях и Э. Араб-Оглы «Социология и кибернетика: применение кибернетики в общественных науках»¹. Еще раз подчеркнем: все это относится по времени до 1965 года, с которым Г.В. Осипов связывает первое употребление, разумеется, им, слова «социология» в позитивном смысле.

Г.В. Осипов вспомнил и такую, по его словам, «многозначительную сцену»: во время одной неофициальной встречи в 60-е годы XX века Ю.П. Францев, якобы познакомивший Г.В. Осипова с новой своей статьей, поинтересовался мнением на этот счет своего собеседника и, получив ответ, «Хорошая статья», – проявил явное неудовлетворение, спросив: «А вы обратили внимание на то, что в ней самое главное?» «Главное, – передает Г.В. Осипов якобы произнесенные Юрием Павловичем слова, – то, – с очевидным раздражением сказал он, – что я упомянул понятие “социальная психология”. И поскольку, – продолжает Г.В. Осипов, – это понятие в то время в нашей научной литературе отсутствовало», Юрий Павлович «был весьма озабочен тем, чтобы выглядеть человеком творческим, свободомыслящим», для чего он и употребил якобы отсутствовавшее в то время в науке понятие «социальная психология». Более того, «поэтому он согласился (даже временно!) возглавить Советскую социологическую ассоциацию»².

Комментарий описанной выше «многозначительной сцены» может быть предельно кратким. Относительно отсутствия в отечественной науке понятия «социальная психология» нам остается лишь напомнить, что еще в 1920 году неокантианец В. Хвостов выступил в роли основателя и научного руководителя первого русского специального Института социальной психологии в Москве. И если Геннадию Васильевичу в молодые годы еще не удалось познать эту область науки, то зачем делать «незнайкой» маститого и авторитетного ученого? Что же касается объявления Ю.П. Францева «временщиком» на посту председателя Советской социологической ассоциации и самовыдвижения Г.В. Осипова на этот пост при успешно действующем руководителе ассоциации, то эта легенда с довольно некрасивым оттенком нами подробно рассматривается в других разделах этого издания.

А теперь – о самостоятельности социологической науки. И начнем с краткой исторической справки: утверждение о том что зарождение идей о самостоятельной социологии произошло в период социологического ренессанса, не только преувеличение, а искажение истины. К тому же искать среди отечественных социологов персонального первопроходца в утверждении идеи самостоятельности социологии в период ее

¹ См.: Вопросы философии. 1958, № 5, с. 138–151

² См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 513–514.

ренессанса в СССР – дело весьма деликатное и, на наш взгляд, рискованное. И вот почему.

Ведь задолго до этого такие идеи (в разной форме) высказывались многими учеными. Уже Э. Дюркгейм, преодолевая расширительную контовскую интерпретацию социологии, тождественной обществознанию, сконцентрировал внимание на необходимости изучения социальных явлений и социальных отношений общественной жизни, что, в конечном итоге, создавало предпосылки для формирования социологии как науки самостоятельной – наряду с философией, историей, политэкономией и др. Причем, предпринимая попытку обосновать социологию как самостоятельную науку, Дюркгейм проявил при этом завидную непоследовательность. Сперва на основе энциклопедического подхода определил социологию как систему общественных наук, в которой общественным наукам отводилась роль частей социологии. Со временем под воздействием справедливой критики он в опубликованной в 1895 году работе «Правила социологического метода» определил социологию как самостоятельную и специфическую науку, изучающую «социологические факты», которые надо рассматривать «как вещи». Более конкретно это означало: социология должна изучать социальные группы, которые «совершенно иначе мыслят, действуют и ощущают, чем если бы это делали их члены, будучи изолированными»¹. Налицо рассмотрение социологии как науки о социальных институтах, их генезисе и функционировании, включая глобальный уровень.

В основе же контовского определения социологии как глобальной науки об обществе – принцип «стабильного порядка» и принцип «постепенного прогресса», означающие разделение социологии соответственно на две разные части: социальную статику и социальную динамику. Не будучи последовательным в трактовке как статики, представляющей своеобразной анатомией общественного организма, предметом которой, по представлению О. Конта, является экспериментальное и рациональное исследование взаимных действий и противодействий всех элементов общественного прогресса, так и социальной динамики, предполагающей изменения в социуме, он понимал статику и динамику в одном случае как разные науки, в другом – как части одной и той же общественной науки. В противоречивой контовской интерпретации социологии как глобальной науки отразилось стремление ее автора определить предмет социологии с позиций современного ему общества, приоритетными атрибутами политической системы которого были порядок и прогресс.

В свою очередь, П.А. Сорокин считал, что социология становится самостоятельной наукой по мере того, как она освобождается от редуционизма, рожденного в лоне логического позитивизма. П.А. Сорокин в докладе «Разнообразие и единство в социологии» на VI Всемирном социологическом конгрессе в развернутой форме изложил свое видение «социологии вообще», в виде «великой интегральной системы социологии», «великого социологического синтеза». Причем, прослеживая генезис и становление этой системы социологии, он обращается к периоду 1925–1966 годов, который по его мнению, был не столько временем синтезирования, сколько подготовительным, аналитическим и скорее периодом поисков фактов.

¹ Цит. по: Маркович Д.Ж. Общая социология / пер. с сербско-хорватского С.А. Плева. М.: ИСПИ РАН, 1995. С. 36.

Выделение некоторыми исследователями (В. Атодорский, И. Разумовский и др.) в историческом материализме двух аспектов – философского (материалистическое понимание истории) и социологического (общая теория общества) социологами 20-х годов XX столетия рассматривалось двояко: максималистами сдержанно, поскольку социология, оставаясь в лоне философии, не получала самостоятельности; минималисты же считали для себя важным то, что при таком подходе за социологическим аспектом закреплялась возможность наращивания своего теоретического и методологического потенциала, что срабатывало бы в конечном итоге на обретение ею (социологией) в будущем более высокого статуса. Сторонники такого подхода не могли не учитывать, что в это же время для них нарастала угроза со стороны так называемого антисоциологического направления, представители которого предавали анафеме не только идею институционализации социологии как научной дисциплины, но и само понятие «социология». «Марксистская социология, – отмечал Д. Нагиев, – быть не может, она может быть только буржуазной»¹.

Что же касается отечественной социологии, то еще в 20-е годы защитниками социологии как науки самостоятельной и нефилософской выступали Н. Андреев, Г.К. Баммаль, Л.С. Садынский, С.Ю. Семковский². С.А. Оранский, разрабатывая теорию и структуру социологии, отмечал: «Как общая теоретическая социология, исторический материализм предполагает и возможность конкретной социологии, особенно конкретного социологического изучения социальных процессов...»³ С другой стороны, И.К. Луппол и некоторые сторонники так называемого антисоциологического направления отрицали не только право социологии на самостоятельный научный статус, но и сам термин «социология». Но в данном случае надо иметь в виду, что в послереволюционные годы это было всего лишь одно из многочисленных, причем не доминирующих (хотя и претендовавших на оригинальность) течений в отечественной социологии.

А дискуссия о статусе марксистской социологии, развернувшаяся в конце 1960-х годов на страницах журнала «Вопросы философии», и открывшаяся на страницах журнала «Социологические исследования» в 1980-е годы полемика о предмете социологии, ставшие важным этапом в институционализации социологической науки в стране, так и не разрешили спор между философами и социологами, между различными группами самих социологов по ключевому вопросу о самостоятельности социологии как научной дисциплины. Озабоченность возможностью существования универсальной социологической теории В.А. Ядов отнес к числу важных проблем развития и современной социологической науки – как отечественной, так и мировой.

В этом контексте есть необходимость остановиться на уже упоминавшейся нами статье Юргена Кучинского, опубликованной в свое время в журнале «Вопросы философии». К сожалению, в научных публикациях при упоминании этой дискуссии допускаются произвольные, не совпадающие по смыслу формулировки ее (дискуссии) основной темы. Вот, например, у одного и того же автора в разных его публикациях

¹ Нагиев Д., Луппол И. Ленин и философия // Вестник коммунизма. 1927. Кн. XIX. С. 249.

² См.: Семковский С.Ю. Проспект лекций по историческому материализму. М., 1925; Баммаль Т.К. Теория и практика диалектического материализма в избранных отрывках из произведений В.И. Ленина. М, 1928.

³ Оранский С.А. Основные вопросы марксистской социологии. М., 1929. С. 13–14.

это, в одном случае, «обсуждение проблем социологии и социологических исследований общественных процессов»¹, в другом случае – «обсуждение проблем социологии как самостоятельной, отличной от философии науки»², в третьем же случае говорится о дискуссии, на которой «впервые был поставлен вопрос о самостоятельности социологического знания»³.

Итак, статья Ю. Кучинского «Социологические законы», предложенная научному сообществу, как значится в сноске, «в порядке обсуждения». Суть его позиции в концентрированном виде сводится к таким элементам: а) существуют законы, общие для всех трех сфер действительности – природы, общества, мышления; наряду с этим есть законы, которые распространяются лишь на какую-либо одну из сфер или часть сферы, которыми являются, например, законы химии, политической экономии, диалектической логики (законом, действующим во всех трех сферах, является, например, закон «нет движения без противоречия»); эти самые общие законы – предмет изучения философии⁴; б) помимо того существует еще ряд законов, выражающих отношения между названными тремя сферами, а также отношения между частями этих сфер; при рассмотрении отношений между сферой общества в целом и сферами общества и мышления мы имеем дело, по мнению Ю. Кучинского с законами исторического материализма, в случаях же рассмотрения отношений между частями общественной сферы законы этих отношений надо называть социологическими⁵. Социологическими законами он называет законы, определяющие процесс развития общества в трех плоскостях – в производительных силах, производственных отношениях и надстройке.

Как видно, концепция автора выстроена и методологически, и терминологически в рамках марксистской доктрины со всеми ее плюсами и минусами. Всесторонне анализировать эту концепцию – не наша задача, в контексте же предмета нашего исследования подчеркнем: Ю. Кучинский, признавая наличие социологических законов, не наделял их статусом абсолютной независимости и самостоятельности, а рассматривал их в диалектической зависимости от общих законов всех трех сфер действительности (природы, общества и мышления), причем с позиций марксистской философии.

И еще один важный момент в позиции Ю. Кучинского. Экономическим законам он отводит решающую роль по сравнению с другими законами, и это, по его мнению, «означает, что экономические законы по своей действенной силе имеют преимущество по сравнению с социологическими законами»⁶. Сделав такое заявление, автор

¹ Осипов Г.В. Отечественная социология и современность. Доклад на Всероссийском социологическом конгрессе 21 октября 2008 г. В кн.: Социология и общество: пути взаимодействия. М.: Вече, 2010. С. 27.

² Осипов Г.В. Отечественная социология и современность. Доклад на Всероссийском социологическом конгрессе 21 октября 2008 г. В кн.: Социология и общество: пути взаимодействия. М.: Вече, 2010. С. 299.

³ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России: трудные пути – огромные перспективы. В кн.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 397.

⁴ Ю. Кучинский. Социологические законы // Вопросы философии. 1957, № 5. С. 95.

⁵ Ю. Кучинский. Социологические законы // Вопросы философии. 1957, № 5. С. 95.

⁶ Ю. Кучинский. Социологические законы // Вопросы философии. 1957, № 5. С. 96.

спешит сразу же уточнить: «было бы ошибочно считать, что политическая экономия подчинена социологии, так как предметом последней являются отношения между двумя или несколькими областями процесса развития общества, или, наоборот, рассматривать социологию как одну из отраслей политической экономии»¹. И, наконец, он делает вывод, ставящий все точки над I в его понимании самостоятельности социологии: «Социология является совершенно самостоятельной наукой. Более того, в процессе общественного развития бывают такие особые обстоятельства, когда социологические законы господствуют над экономическими законами»² (подчеркнуто нами. – А.К.).

Скажем прямо, такой постановкой вопроса о самостоятельности социологической науки Ю. Кучинский в 1957 году ушел значительно дальше «Лекций по социологии» Ю. Левады, разгромленных в 1969 году. Впрочем, небезынтересен вопрос: почему столь смелую статью Ю. Кучинского не постигла скандальная судьба опубликованных двенадцатью годами позже левадовских лекций по социологии. Может быть, потому, что ее величество история, как нередко бывает, преподнесла свой сюрприз, выпадающий из логики конкретной ситуации. Автором статьи был исследователь из ГДР, и затевать какие-то разборки (с возможностью смещения разговора в идеологическую плоскость) с зарубежным автором, да еще и из дружественного соцлагеря, видимо, никто не рискнул.

Во введении же первого тома «Социология в СССР»³ содержится утверждение о том, что социология впервые на научную основу была поставлена под воздействием материалистического понимания истории, являющегося, по определению В.И. Ленина, «синонимом общественной науки» и составляющего теоретическую и методологическую основу всех общественных дисциплин. «...Эта гипотеза (материалистическое понимание истории. – А.К.) – обращал внимание он, – впервые создала возможность научной социологии... только сведение общественных отношений к производственным и этих последних к высоте производительных сил дало твердое основание для предоставления развития общественных формаций естественно-историческим процессом»⁴.

Впрочем, скепсис по поводу придания социологии самостоятельного статуса проявлялся не только некоторыми советскими социологами, которые, по мнению нынешних ревизоров советского прошлого, делали это якобы из-за стремления выслужиться перед партаппаратом и академической номенклатурой. Так, например, с трибуны XXXI конгресса Международного института социологии (МИС), посвященного столетию этого института, известный западный социолог Э. Морен заявил, что обособление социологии в самостоятельную дисциплину привело к интеллектуальному обнищанию социолога, не ведающего философской рефлексии, не способного поместить свои данные в широкий исторический контекст⁵.

Сам Г.В. Осипов, объявив себя «борцом за самостоятельную социологию», что постоянно им постулируется как в публикациях, так и в публичных выступлениях, утверждает, что вопрос о самостоятельности социологической науки впервые был

¹ Ю. Кучинский. Социологические законы // Вопросы философии. 1957, № 5. С. 96.

² Ю. Кучинский. Социологические законы // Вопросы философии. 1957, № 5. С. 96.

³ См.: Социология в СССР. Т. 1. М.: Мысль, 1966.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 138.

⁵ См.: Социологический журнал. 1995, № 2. С. 220.

обозначен в рамках Советской социологической ассоциации, причем им лично в журнале «Социальные исследования» (1965), затем такая постановка вопроса якобы была «подхвачена американцами, которые, ссылаясь на журнал, подчеркивали значимость того факта, что социология в России признана самостоятельной наукой»¹.

Скажем прямо: факт установления личного первопродчества в утверждении самостоятельности социологии для истории науки не рядовой. Тем более что ему придано не только национальное, но и международное измерение. Как-никак, идея Г.В. Осипова была якобы подхвачена самими американцами, чьи социологические идеи в то время господствовали во всем мире. К тому же провозглашена она (идея) в тот период развития советской социологии, когда, по многочисленным заявлениям Г.В. Осипова, сделанным в постсоветское время, сама социологическая наука находилась под жестким прессом «запретов», «разгромов» и даже «репрессий» со стороны властей (?!).

В силу этих причин есть необходимость эту проблему рассмотреть более конкретно. И возвратимся к приведенной выше ссылке на журнал «Социальные исследования» (1965), в котором якобы впервые «был поставлен вопрос о самостоятельности социологической науки». Дело не только в том, что в указанном журнале такая ссылка отсутствует, но прежде всего в том, что нетрудно представить возможную реакцию на подобную постановку вопроса, если учесть, например, что произошло чуть позже с «Лекциями» Ю.А. Левады.

Впрочем, сам себе противореча, Г.В. Осипов, рассуждая об институционализации социологии в качестве самостоятельной дисциплины, позже написал о том, что первая попытка систематического изложения основ общей социологии на основе использования первичной социальной информации была предпринята в изданном в 1990 году его труде «Социология». И вдруг как гром среди ясного неба: «В начале 60-х годов по инициативе академика П.Н. Федосеева в стране впервые стали проводиться конкретные социологические исследования. Академик П.Н. Федосеев, Л.Н. Ильичев и другие советские ученые обосновали статус социологии как самостоятельной науки об обществе» (подчеркнуто нами. – А.К.). Такое утверждение содержится... где бы вы думали? В официальной докладной записке Г.В. Осипова на имя Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева!² Но такое признание на фоне разрабатываемых претензий на первопродчество в обосновании самостоятельного статуса социологии – это просто самоубийство. Комментировать это нет необходимости, остается лишь задаться вопросом: а сколько еще может обнаружиться вот таких «впервые»?

Остановимся на более существенном – как это «впервые», то есть инициирование Г.В. Осиповым вопроса о самостоятельности социологии, как он выразился, было «подхвачено американцами». В распоряжении исследователей есть важный на этот счет источник – вышедшая в 1969 году в Чикаго книга западного социолога А. Смирненко «Социальная мысль в СССР», в которой автор изложил ряд положений в привязке к 1965 году, то есть ко времени выхода указанного Г.В. Осиповым журнала «Социальные исследования», в котором якобы и была изложена идея самостоятель-

¹ Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб.: изд-во РХГИ, 1999. С. 96–97.

² См.: Осипов Г.В. Социология и политика. М.: Вече, 2009. С. 80.

ности социологии. Сам Г.В. Осипов в своих публикациях не без гордости ссылается на положительную оценку его работы, которую дал А. Симиренко. Приведем ее: «Сектор конкретных социальных исследований, возглавляемый Осиповым, осуществил за минувшие шесть лет важнейшую задачу утверждения в Советском Союзе социологии в качестве научной дисциплины»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Используя в своих публикациях эту цитату, Г.В. Осипов почему-то отрубил ее продолжение, которое четко указывает на то, что в данном случае речь идет не о самостоятельности социологии, а несколько о другом: «Он (то есть заведующий сектором) руководит как эмпирическими исследованиями, так и изданием основных советских публикаций в области социологии»² (подчеркнуто нами. – А.К.), и при этом идет ссылка на двухтомник «Социология в СССР», исследование проблем труда и быта в городе Горьком и Горьковской области и на совместное советско-польское исследование проблем индустриальной социологии, в которых проблематика самостоятельности социологии не просматривается, как говорится, ни в строках, ни между строчками.

Комментарий же Г.В. Осиповым приведенной выше цитаты А. Симиренко – «по мнению объективного западного коллеги, советская социология занималась тогда как чисто теоретическими исследованиями, так и исследованиями практическими»³ – нуждается в уточнении, по крайней мере, по двум вопросам: что собой представляли теоретические исследования с точки зрения взаимодействия социологии и истмата; высказывались ли и в какой форме идеи о самостоятельности социологии. Так вот, в трудах А. Симиренко о самостоятельности – ни слова. Наоборот, он в доброжелательных тонах говорит об Осипове Г.В. как профессионале марксистско-ленинской социологии, называя при этом наиболее удачной на то время такую формулировку советским социологом марксистской социологии: «Марксистская социология – это наука о закономерностях становления, развития и смены общественно-экономических формаций, закономерностях, формами проявления которых выступают различные конкретные социальные (материальные и духовные) явления, процессы, факторы»⁴.

Оценивая же в целом разработку теоретических основ социологии в описываемое время, А. Симиренко не находит никаких признаков наличия идей о ее самостоятельности или выхода за пределы марксистской доктрины. «Исторический материализм, – отмечает он, – все еще остается учением, которому советские социологи неизменно продолжают клясться в верности»⁵. И за такой констатацией последовало существенное дополнение: «Он (то есть исторический материализм. – А.К.) представляет собой, однако, очень широкую и общую теорию, и от советских социологов ожидают, что они

¹ Социология в СССР: взгляд изнутри и извне в работах Геннадия Осипова, Джорджа Фишера, Ильи Земцова, Алекса Симиренко. М.: Вече, 2008. С. 502.

² Социология в СССР: взгляд изнутри и извне в работах Геннадия Осипова, Джорджа Фишера, Ильи Земцова, Алекса Симиренко. М.: Вече, 2008. С. 502.

³ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 52.

⁴ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 52.

⁵ Социология в СССР: взгляд изнутри и извне в работах Геннадия Осипова, Джорджа Фишера, Ильи Земцова, Алекса Симиренко. М.: Вече, 2008. С. 506.

дополняют ее и вносят ясность во многие ее детали»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.). Назвав же эту задачу «весьма ответственной», он, передавая настроения в социологическом сообществе, отметил: ею «займется новая дисциплина»². Таким образом, западный социолог зафиксировал крайне важный в контексте нашего исследования вывод, сделанный им лично на основе анализа происходивших в советской социологии процессов: возрождающаяся социология в СССР выступала не в качестве альтернативы марксистской доктрине, а в контексте их взаимосвязи, дополнения друг друга. Такова была реальность того отрезка истории советской социологии.

Но А. Симиренко сделал еще один крайне важный вывод, помогающий понять истинную картину тогдашнего процесса развития социологии: «На данном этапе большинство советских социологов пренебрегает теоретическими анализами и с головой погрузилось в изучение советского общества методами всевозможных обследований»³ (подчеркнуто нами. – А.К.). Этим высказыванием западного социолога можно поставить точку в рассуждениях о том, как в 60-е годы американцы, ознакомившись с материалами журнала «Социальные исследования», стали подчеркивать, повторим еще раз, «значимость того факта, что социология в России признана самостоятельной наукой»⁴.

На этом фоне не может не возникнуть вопрос: а как же реально выглядела картина с признанием социологии в качестве самостоятельной научной дисциплины. Отвечая на него, обнаруживаешь одну тонкость этой проблемы, связанную с употреблением, скажем прямо, обворожительного в нашем случае слова «самостоятельный». Оказывается, одни авторы употребляют его применительно к научной дисциплине, которая, став самостоятельной, но равноправной с другими общественными и социальными науками, находится с ними в состоянии интеграции и взаимодействия; другие рассматривают социологию в качестве альтернативы историческому материализму; третьи – альтернативный подход распространяют в целом на всю философию, определяя, в частности, социально-философское знание «внеаучным» (префикс «вне» четко указывает, что этот вид знания находится вообще вне науки).

Справочно. Осипов Г.В. без какого-либо обоснования, а произвольно и декларативно, по личному усмотрению, всем академикам-философам послевоенного времени вынес своеобразный постсоветский вердикт, разделив их по критерию признания ими (или непризнания) научного статуса социологии на четыре группы: 1) признававших его (научный статус) – Л.Ф. Ильичев, С.В. Немчинов; 2) занимавших нейтральную позицию в этом вопросе – Ю.П. Францев, А.М. Румянцев; 3) занимавших половинчатую позицию – П.Н. Федосеев и М.Б. Митин; 4) «явно враждебную» позицию он закреплял за Ф.В. Константиновым⁵. Общий вывод: академики-фи-

¹ Социология в СССР: взгляд изнутри и извне в работах Геннадия Осипова, Джорджа Фишера, Ильи Земцова, Алекса Симиренко. М.: Вече, 2008. С. 506.

² Социология в СССР: взгляд изнутри и извне в работах Геннадия Осипова, Джорджа Фишера, Ильи Земцова, Алекса Симиренко. М.: Вече, 2008. С. 506.

³ Социология в СССР: взгляд изнутри и извне в работах Геннадия Осипова, Джорджа Фишера, Ильи Земцова, Алекса Симиренко. М.: Вече, 2008. С. 506.

⁴ Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб.: изд-во РХГИ, 1999. С. 97.

⁵ Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 506.

лософы к научному статусу социологии не имеют никакого отношения и не могут рассматриваться в качестве отцов-основателей социологии. Такая классификация осуществлена на фоне постоянно повторяемого Г.В. Осиповым утверждения, что последовательным борцом за научный статус социологии был не кто иной, как он. Им же, перечисленным выше академиком, пришлось пережить лишь драму снижения общественного значения, а затем и заката истмата. Приходится только удивляться по поводу того, почему автор, как было показано выше, постоянно поклонявшийся истмату на протяжении всего возрожденческого процесса социологии, не определил свое отношение к факту крушения марксистской доктрины – «забыл» или считает себя непричастным к использованию истмата в качестве теоретической и методологической базы своих социологических исследований.

Обратим внимание на такие нюансы. В предложенной классификации место «нейтралов» (без объяснения, о чем идет речь) отведено создателю и первому председателю Советской социологической ассоциации Ю.П. Францеву, занимавшему, кстати, очень активную позицию как в возрождении социологии на национальном уровне, так и в преодолении международного изоляционизма советской социологии, и создателю и первому директору ИКСИ А.М. Румянцеву. Объявлять нейтралами тех, кто в сложнейших условиях, по сути, поставил на ноги возрождающуюся социологию, – это чудовищно необъективно и по-человечески неблагодарно. Ведь каждый из них в свое время оказал высокую честь молодому выдвиженцу, предложив его кандидатуру в качестве своей правой руки – в одном случае заместителя председателя ССА, а в другом – заместителя директора ИКСИ.

А по каким законам профессиональной этики общность теоретико-методологических позиций, которую демонстрировал Г.В. Осипов в качестве молодого соавтора научных публикаций с маститыми обществоведами возрожденческого периода в социологии, не только превратилась в постсоветское время в альтернативную, но и стала сопровождаться ярлыками, унижающими их научную репутацию? Г.В. Осипов вдруг «обнаружил» через полстолетия, что А.М. Румянцев «о социологии имел весьма смутное представление», он был человеком «далеким от социологии»; один из наиболее прогрессивных обществоведов Ю.П. Францев «оставался на ортодоксальных позициях»; Ф.В. Константинов был «наиболее злобным противником социологии», его мировоззрению «было глубоко враждебно» «понимание социологии как теоретической науки», он, оказывается, «с самого начала категорически выступал против конкретных социологических исследований», в то время как на самом деле он еще в 1950 году, то есть когда Г.В. Осипов был студентом-третьекурсником МГИМО, в статье «Против догматизма и начетничества» в ответ на опасность «ползучего эмпиризма» занял четкую позицию – «общетеоретические и конкретные исследования будут питать друг друга», «получится своеобразное разделение труда» (журнал «Вопросы философии», 1950, № 3. С. 11).

А как можно увязать приписанную П.Н. Федосееву половинчатость в его отношении к социологии с прозвучавшей оценкой Г.В. Осипова в докладной записке Генеральному секретарю ЦК КПСС М.С. Горбачеву: «Академики П.Н. Федосеев, Л.Ф. Ильичев и другие советские ученые обосновали статус социологии как самостоятельной науки об обществе» и «по инициативе академика П.Н. Федосеева в стране впервые стали проводиться конкретные социологические исследования» (подчеркнуто нами. – А.К.)? (См.: Г.В. Осипов. Социология и политика. Москва, 2009. С. 80–81.)

А как соотносится объявленная «половинчатость» П.Н. Федосеева и М.Б. Митина с тем, что, кроме всего прочего, они были в числе инициаторов, поддержавших на заседании Идеологической комиссии ЦК КПСС идею создания академического социологического института, а М.Б. Митин еще и в выступлении на сессии общего собрания АН СССР предложил назвать эту новую структуру Институтом социологии (об этом более подробно говорилось выше)? И говорить о том, что в данном случае академики всего лишь «озвучили эту инициативу в ЦК КПСС», – это значит крайне предвзято выступать против непреложной истины¹.

Наконец, о коллизиях вокруг проблемы определения статуса первого академика-социолога возрожденческого периода социологической науки. Профессор И.Б. Орлова однозначно и безапелляционно объявила, что в 1991 году Г.В. Осипов стал «первым» и «единственным к тому времени академиком по социологии»², не вдаваясь при этом в детали, которые в данном случае являются существенными для установления истины. А эти детали хорошо известны социологическому сообществу: продолжительное время социология не была включена ни в ваковскую номенклатуру кандидатов и докторов наук, ни в перечень научных дисциплин для избрания членами-корреспондентами и действительными членами Академии наук.

Поэтому статус социолога-профессионала завоевывался под крышей других сохраняющих социологические аспекты дисциплин, главным образом философии, в меньшей степени экономической и юридической науки. И то, что ученые, сформировавшиеся как высококласные социологи-профессионалы, в том числе и все без исключения отцы-основатели возрожденческого процесса в социологии, имели дипломы докторов философских, экономических и других наук, – все это ни в коей мере не умаляло их первопреходческого социологического статуса. Подобные ситуации были своего рода издержками, когда развивались (и в ряде случаев успешно) теоретическая социология и конкретные социологические исследования в условиях неинституционализированной социологии как научной дисциплины.

В нашем же случае напомним, что в 1981 году академиком в ранге социолога-экономиста, избранного по квоте Отделения экономики, стала Т.И. Заславская. А ровно через десять лет, когда специальность «социология» была включена в перечень научных дисциплин, по которым избирались действительные члены Академии наук, академиком был избран Г.В. Осипов.

Так образовывалась своеобразная коллизия: по сущностному признаку первым в ранге академика социологом (экономистом) стала Т.И. Заславская, причем в условиях еще неинституционализированной социологии, что значительно повышает ее социологический рейтинг; по формальному признаку, как это делает И.Б. Орлова, статусом первого академика-социолога наделяется Г.В. Осипов на основании единственного критерия – к этому времени социология стала включаться в выборные процедуры Академии наук. И если следовать этой логике, то можно дойти до абсурда, лишив первопреходцев социологического ренессанса (в том числе и А.Г. Здравомыслова, Г.В. Осипова, В.А. Ядова) их высокого звания отцов возрожденческого

¹ Приведенные выше оценки академиков содержатся в кн.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 514.

² См.: Встречи с Питиримом Сорокиным / под ред. д. ф. н. И.Б. Орловой. М.: Норма, 2000. С. 3.

процесса только потому, что у них дипломы докторов философских наук. Впрочем, специального социологического образования не имели классики мировой социологии Макс Вебер, Эмиль Дюркгейм и Вильфредо Парето.

Можно было бы предположить, что при объявлении Г.В. Осипова первым академиком-социологом допущена досадная поспешность или оплошность. Но когда видишь, что из социологической фотогалереи состоящих в РАН членов-корреспондентов и академиков, выставленной в ИСПИ РАН, почему-то изъята фотография Т.И. Заславской, а галерею возглавляет (в нарушение и алфавитного принципа) Г.В. Осипов, когда в помещенной в Социологической энциклопедии обширной статье «Социология в России»¹ и в исторических разделах учебников по социологии для вузов² не только отсутствуют какие-то материалы о социологе Заславской, но даже вообще не упоминается ее фамилия, – после этого волей-неволей напрашивается аналогия с объявлением в постсоветское время первого президента Советской социологической ассоциации академика Ю.Т. Францева «несоциологом», а его заместителя Г.В. Осипова «настоящим социологом».

Приходится говорить не только о неджентльменском отношении к единственной женщине в обойме академиков-социологов (проблема этическая), но и о незаслуженном принижении ее достижений в отечественной социологии. Крупнейший специалист в области методологии социальных наук, экономической социологии, институциональной экономики, руководитель (с 1967 года) одного из ведущих социологических коллективов в Институте экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения академии наук, создатель новосибирской экономико-социологической школы, организатор (1988) и руководитель (до 1992) Всесоюзного центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), президент Советской социологической ассоциации (1986–1991), сопresident Междисциплинарного академического центра социальных наук (с 1993), член множества зарубежных академий наук, а также, что крайне важно, одна из инициаторов и самых активных участников подготовки и принятия постановления Политбюро ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества» (1988), официально наконец институционализировавшего социологию в качестве самостоятельной научной дисциплины и фактически завершившего многотрудный путь социологического ренессанса в стране, – за этим сухим перечнем деяний Т.И. Заславской фигура выдающегося академика-социолога, без творческого наследия которой невозможно в полном объеме представить отечественную социологию. Так по каким же критериям Т.И. Заславская, которую в одной из своих публикаций С.Г. Кара-Мурза назвал «главным социологом страны, советником генсека ЦК КПСС и президента»³, оказалась исключенной вообще из академического ареопага, представленного на стенде ИСПИ РАН?

Далее, если поверить многим постсоветским публикациям, посвященным освещению социологических дискуссий в период ренессанса отечественной социологии,

¹ Осипов Г.В. Социология в России. В кн.: Социологическая энциклопедия. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 2003. С. 505–509.

² Социология. Учебник для высших учебных заведений / Г.В. Осипов, А.В. Кабыша, М.Н. Тульчинский и др. М.: Наука, 1995. С. 40–47; Социология. Основы общей теории: учебн. пособие / Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев, А.В. Кабыша. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 55–63.

³ См. Кара-Мурза С.Г. ИСПИ РАН дает ответ на вызовы времени // Социс. № 11 (390), 2016. С. 32.

может сложиться впечатление, что все сводилось к выявлению сторонников и противников самостоятельной социологии, что оппоненты только и спорили о самостоятельном статусе социологии, так и не добившись в очередной раз окончательной победы в, как утверждается, «жуткой» и «трагической» борьбе. Причем спорили о самостоятельности в условиях, когда для нее (самостоятельности) еще не были созданы необходимые предпосылки – не был определен предмет, структура и понятийный аппарат возрождающейся науки, отсутствовала необходимая инфраструктура, существовал настоящий кадровый голод на социологов-профессионалов и т.д., и т.п. Обращение же к документальным источникам говорит совершенно о другом – каждая из дискуссий охватывала весь довольно широкий комплекс проблем неинституционализированной социологии – теоретических, методологических, методических, организационно-управленческих и т.д.

Разумеется, в этой проблематике находилось должное место и для проблем самостоятельной социологии. Ввиду того, что в подавляющем большинстве публикаций сюжет о борьбе указанных двух позиций искусственно вырывается из общего контекста дискуссий и преподносится как доминирующая линия этой борьбы (причем не путем предъявления конкретных аргументов – опубликованных книг, брошюр, статей, официальных документов, а в форме бездоказательной декларации), есть необходимость для установления истины обратиться к авторитетным источникам.

Показательной в этом отношении может быть состоявшаяся в мае 1968 года в МГУ дискуссия о структуре марксистской социологической теории, в которой приняли участие профессора и преподаватели университета, а также научные сотрудники других учреждений. Сегодня через призму этой дискуссии можно прочувствовать реальное состояние социологической науки и проблемы ее дальнейшего развития.

Так, при анализе соотношения философии и социологии были зафиксированы две несовпадающие позиции, причем с разным уровнем их научной разработанности и обоснованности. Первая позиция, выраженная во многих учебных пособиях, монографиях и научных статьях, основалась на том, что исторический материализм, будучи общесоциологической теорией, есть одновременно философская наука, часть марксистско-ленинской философии, неразрывно связанная с другой ее частью – диалектическим материализмом. Вторая, фактически альтернативная точка зрения сводилась к тому, что исторический материализм, будучи философской наукой, в то же время не является частью марксистской социологии, а выступает по отношению к ней лишь в качестве общей методологии. При этом социология рассматривается как особая наука, в состав которой исторический материализм не входит и которая отличается от него как своим предметом, так и методами исследования¹, то есть речь шла фактически о социологии как самостоятельной дисциплине. Но эту другую точку зрения, как было отмечено в ходе дискуссии, невозможно было подтвердить ввиду отсутствия хотя бы каких-то даже незначительных научных разработок. Она, эта другая точка зрения, «пока не нашла своего ясного выражения в печати. Однако ее отпечаток лежит на многих социологических статьях и сборниках. Она неоднократно высказывалась в ходе устных дискуссий»² (подчеркнуто нами. – А.К.).

¹ См.: Дискуссия о структуре марксистской социологической теории // Вестник Московского университета. 1968, № 5. С. 49.

² См.: Дискуссия о структуре марксистской социологической теории // Вестник Московского университета. 1968, № 5. С. 49.

В этих словах зафиксировано важное оценочное положение: разработанность вопроса о самостоятельном статусе социологии сводилась к неоднократным высказываниям в ходе устных дискуссий, не находившим «ясного выражения в печати», но накладывавшим определенный отпечаток на проводившиеся в стране социологические исследования. И вся сложность этой коллизии заключалась в том, что это было характерно не только для тех времен, когда проводилась указанная университетская дискуссия, а такое состояние продолжалось вплоть до завершившейся в 1988 году в соответствии с партийным постановлением институционализации социологии.

И виноваты ли в этом только «догматики-истматчики» и «партократы», как это изображают сегодня некоторые «правдоискатели»? Не вспомнить ли имеющую хождение в научном сообществе притчу о слепцах, описывавших слона: один, потрогав клык, заявил, что слон твердый и острый; другой, наткнувшись на ногу слона, сказал, что он высокий и круглый, как дерево; третий, ощупав хобот, определил, что слон длинный и теплый. Все сказали правду, но никто не воспроизвел картину в целом.

Атмосферу социологических дискуссий в период возрождения социологии как науки В.А. Ядов передал так: «...главный порок наших... дискуссий о предмете социологии – их целевая установка: не столько уяснить собственно предметную область науки, сколько доказать, что она не находится в противоречии с марксистской философией и марксистским мировоззрением. Отсюда и расстановка акцентов: как соотносится социология с историческим материализмом, с теорией научного коммунизма, а ее методы – с общей диалектико-материалистической методологией. По преимуществу это были дискуссии идеологического свойства, в которых понятия общественной науки и идеологии нередко смешивались»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Так вот, с позиций воспроизведения картины в целом, на фоне затяжных дискуссий, которые, как правило, не завершались каким-то результатом, следует выделить вопрос о том, что же кроме разговоров делалось для утверждения самостоятельной социологии. Конкретнее говоря, как срабатывал в этом отношении механизм руководства и управления процессом институционализации социологической науки. В самом деле, в чьих руках оказалась социология в указанное время, кто призван был не просто принимать участие в дискуссиях о самостоятельности социологической науки, а, выполняя свои обязанности и используя в том числе и властные возможности, практически решать назревшие вопросы?

Обратим внимание на то, что А.М. Румянцев, назначенный директором нового социологического института в системе АН СССР в ранге академика, обладал еще и статусом вице-президента АН СССР по общественным наукам, председателя общеакадемического научного совета по проблемам конкретных социологических исследований, да еще и члена ЦК КПСС. Г.В. Осипов, как заведующий единственным в системе АН СССР отделом конкретных социологических исследований, выполнял еще и функции заместителя директора института, отвечающего за его социологическое направление, а также заместителя председателя общеакадемического научного совета по проблемам конкретных социологических исследований и председателя Советской социологической ассоциации! То есть вся академическая социология оказалась в руках этого тандема, наделенного, насколько это было возможно, максимальной социологической властью.

¹ Ядов В.А. Размышления о предмете социологии // Социологические исследования. 1990, № 2. С. 3.

Как же срабатывал этот механизм? Анализ и оценка всей работы социологического тандема – задача не наша, это тема отдельного разговора. Мы же выделим такой аспект, который имеет прямое отношение к проблеме борьбы за самостоятельность социологической науки. И вопрос может быть поставлен прямо: насколько активной, последовательной, а в ряде случаев, может быть, и смелой была позиция тандема в постановке обсуждаемых в данном случае проблем перед Президиумом АН СССР, Секретариатом ЦК КПСС, Политбюро ЦК КПСС? Конкретнее говоря, были ли подготовлены и направлены для официального рассмотрения в установленном порядке докладные записки, аналитические письма, предложения содержательного и организационного плана по: а) анализу высказанных на разных научных мероприятиях предложений по вопросам самостоятельности социологической науки и вытекающих из этого выводов; б) теоретическому и методологическому обоснованию новых явлений в возрождающейся социологии в направлении обретения ею самостоятельного статуса; в) демонстрации директором ИКСИ и председателем Советской социологической ассоциации их личной позиции не только как ученых, но и как руководителей социологических структур по вопросу самостоятельного статуса социологии.

В распоряжении исследователей есть такие документы, которые помогают ответить на эти вопросы. 13 апреля 1967 года за подписью А.М. Румянцева как председателя научного совета АН СССР по проблемам конкретных социальных исследований и Г.В. Осипова как председателя ССА на имя секретаря ЦК КПСС П.Н. Демичева было направлено письмо «О развитии конкретных социологических исследований в СССР». Этот документ и сегодня производит большое впечатление как своей глубокой анализа социальных процессов, происходивших в то время в стране, так и оценкой состояния дел в сфере набравших широкий размах конкретных социологических исследований. Словом, в информационном плане, то есть как фактография дел по затронутой проблематике, он и сегодня для историка социологии представляет несомненную ценность. Что же касается постановочных содержательных вопросов, направленных на дальнейшее развитие социологии, в том числе ее самостоятельного статуса, чего логично было ожидать в документе такого высокого уровня, то все свелось к просьбе оказать со стороны ЦК содействие в ускорении получения для отдела конкретных социологических исследований, научного совета АН СССР и ССА рабочих помещений! Вот и все¹.

Другой пример. В адресованном в ЦК КПСС письме А.М. Румянцева как члена ЦК КПСС от 1 июля 1970 года «О методах руководства общественными науками» смело и принципиально поставлены вопросы, связанные, по мнению автора, с некоторыми неправильными методами партийного руководства общественными науками не без влияния со стороны работников Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС – необоснованные политические обвинения в адрес исследователей, нетерпимость к многообразию точек зрения по тому или иному вопросу, административное давление, мелочная опека и т.д.² И это говорило об активной позиции автора письма. Но почему в перечне проблем, обнаруженных им по теме «наука – власть», ни слова не говорится о трудностях в институционализации социологии в направлении обрете-

¹ См.: Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: АCADEMIA, 1997. С. 93–97.

² См.: Социология и власть. Сборник 2. Документы. 1969–1972. М.: АCADEMIA, 2001. С. 121–125.

ния ею самостоятельного статуса? Ведь письмо от имени члена ЦК обрело особый вес. А если учесть, что дело дошло до официального обсуждения письма с участием его автора на секретариате ЦК, то можно себе представить, какая представлялась возможность для постановки перспективных вопросов развития социологии как самостоятельной науки.

В этом контексте сошлемся еще на один документ – на уже упоминавшийся доклад А.М. Румянцева и Г.В. Осипова «Актуальные проблемы развития социологической науки в СССР»¹. И вот почему. В нем наряду с анализом состояния дел представлена широкая программа социологической науки в СССР. И в числе множества важнейших положений содержится констатация о статусе исторического материализма в системе общественных наук, что дает возможность определить: ставился ли перед инстанциями интересующий нас в данном случае вопрос о самостоятельной социологии, свободной от догматического истмата. Авторы названного материала, говоря о том, что «назрел вопрос о введении курса социологии в вузах» и что это приведет «к известной перестройке преподавания других общественных дисциплин», поспешили заявить: «Неверно считать, что этот неизбежный процесс может привести к какому-то умалению значения исторического материализма и марксистского мировоззрения в общественных науках... Поэтому сам факт интенсивного развития конкретных общественных наук, опирающихся на марксистскую философскую методологию, – показатель плодотворной роли этой глубоко научной методологии»² (подчеркнуто нами. – А.К.). А далее звучит как своеобразное заверение о недопустимости нанесения ущерба марксистской доктрине: «Освобождение же вузовских курсов исторического материализма от некоторой части конкретно-социологического материала, несомненно, окажет благотворное влияние на повышение уровня разработки принципиальных философско-методологических проблем исторического процесса и закономерностей его познания, поможет преодолению порочного, критиковавшегося еще В.И. Лениным способа изложения марксистской философии как суммы примеров»³ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Назвав не менее серьезным вопрос о соотношении социологии с такими философскими дисциплинами, как этика и эстетика, авторы документа делают акцент на том, что «существует настоятельная необходимость развития социологических исследований эстетического и нравственного сознания масс, призванных дополнить и конкретизировать многие положения соответствующих философских теорий»⁴ (подчеркнуто нами. – А.К.). И в этом документе нетрудно заметить отсутствие не только прямых, но и каких-то косвенных указаний на необходимость выведения социологических исследований за пределы марксистской философской методологии с целью придания социологии независимого статуса.

¹ См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 577–635.

² Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 599.

³ Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 599.

⁴ Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 599.

Следовательно, названные выше документы, подписанные А.М. Румянцевым и Г.В. Осиповым как руководителями академических социологических структур, не подтверждают предположения о том, что тандем, используя свой административно-управленческий ресурс, ставил в официальном порядке перед инстанциями (академическими или директивными) вопросы, связанные непосредственно со стимулированием процесса самостоятельности социологии. Но, может быть, руководители социологического фронта, избегая демонстрации своих взглядов по этому вопросу официально, то есть от имени возглавляемых ими легитимно существующих научных структур (дабы не навлечь беду на все социологическое сообщество), высказали приверженность социологии, свободной от пут истмата, в личностном качестве как ученые – в своих статьях, брошюрах, книгах, докладах на конференциях и симпозиумах? Этого тоже не было.

А как же решалась эта проблема Советской социологической ассоциацией? В.Н. Шубкин, например, пишет, что на заседании президиума Советской социологической ассоциации «произносилось много речей и аргументов в пользу ее (социологии. – А.К.) институционализации» и даже о том, что «социология – это одна из форм сопротивления тоталитаризму, господствующей марксистско-ленинской идеологии»¹. И вполне логично напрашивается: что же следовало после произнесения «многих речей»? Подготовка для Президиума АН СССР докладных или аналитических записок по вопросу институционализации социологии и укрепления ее статуса в качестве самостоятельной научной дисциплины? Разработка ассоциацией концепции самостоятельной социологической дисциплины? Подготовка и публикация трудов, в которых обосновывался бы тот новый антиистматовский подход к социологии, сторонниками которого стали в постсоветское время бывшие сладкопевцы истмата? История не запечатлела доказательств на этот счет. Рыцарский поступок – «Лекции» Ю.А. Левады, но об этом позже.

Ведь чем заканчивались дискуссии под крышей ССА по названным выше вопросам? Как правило, они отражали ситуацию сидения на двух стульях, когда перед принятием официального документа по итогам обсуждений бурная дискуссия о самостоятельности социологии уходила, как говорится, в свисток, а с принятым документом всегда происходило то, что, например, было зафиксировано в решении общего собрания ССА по отчетному докладу президиума ССА за период 1966–1972 годов. В этом документе существенное возрастание роли и боеспособности советских социологов на международных форумах (конгрессах и симпозиумах) напрямую связывалось с активной пропагандой исторического материализма как марксистско-ленинской общесоциологической теории. А важнейшим требованием членства в ССА объявлялось последовательное отстаивание основ марксистско-ленинского мировоззрения – диалектического и исторического материализма, творческое развитие марксистской социологии.

А могло ли быть тогда иначе, как это пытаются изобразить некоторые «корректировщики» истории социологии? О чем может идти речь, если в преамбулу устава ССА была включена опубликованная в партийном журнале «Коммунист» концепция трехуровневой структуры социологического знания – социально-философская

¹ См.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб.: изд-во РХГИ, 1999. С. 70.

общая теория (то есть исторический материализм) – частные социологические теории – эмпирический базис?¹ Наличие же в преамбуле устава ССА тезиса об историческом материализме в функции общесоциологической теории² даже гипотетически исключало постановку вопроса о самостоятельности социологической науки. Выход в этой ситуации мог быть один-единственный – в установленном порядке внести необходимые изменения в устав ССА. Однако такая инициатива не просматривалась ни со стороны руководителя ССА, ни членов ассоциации. Поэтому по поводу сегодняшних трактовок борьбы ССА, фундаментальным требованием деятельности которой было уставное положение строго придерживаться марксистской доктрины, за самостоятельный статус социологии, то есть без исторического материализма, можно лишь спросить у авторов таких мифов: как же удавалось бороться с историческим материализмом под знаменем того же истмата, возведенного на уровень уставного требования ССА?

Еще один пример на тему «борьбы» за самостоятельность социологии. Г.В. Осипов в мемуарном формате приводит якобы имевший место факт, когда по заданию ЦК КПСС Ф.В. Константинов, В.Ж. Келле и он готовили статью «Роль конкретных социологических исследований в советском обществе», основной идеей которой должно было быть положение «исторический материализм и социология есть нерасторжимое единство». Когда же, как он пишет, «под нажимом ЦК я был вынужден подписаться под этой статьей» (?!), Ф.К. Константинов увидел, что «я не согласен с изложенной в ней концепцией», и «снял мою подпись», и этот шаг «старшего коллеги не позволил скомпрометировать меня как борца за самостоятельность социологии»³ (подчеркнуто нами. – А.К.). Забавная история, не правда ли? Но на кого это рассчитано? Во всем этом главное – не только постсоветский антиистматовский пафос автора, но и его стремление при помощи документально не подтвержденных «аргументов» еще раз изобразить себя «борцом» за самостоятельную социологию.

Обратимся к другому, на этот раз официальному источнику – совместной статье академика А.М. Румянцева и доктора философских наук Г.В. Осипова «Марксистская социология и конкретные социальные исследования», которая была опубликована в журнале «Вопросы философии» с небольшим временным интервалом по сравнению со временем вышеописанной истории об отмежевании Г.В. Осипова от исторического материализма в пользу самостоятельности социологии. Так вот, желающим найти в этой статье положения, которые свидетельствовали бы о ее авторах как борцах за самостоятельную социологию, противостоящую историческому материализму, тратить время не стоит, так как ни в строках, ни между строк на эту тему невозможно ничего обнаружить. Все как раз наоборот – однозначные и не подлежащие сомнению суждения о том, что теоретико-методологическим фундаментом конкретных исследований и социологической науки в целом является именно исторический материализм.

Вот под какими положениями стоит подпись Г.В. Осипова как «борца» с историческим материализмом: исторический материализм имеет «методологическое значе-

¹ См.: Глезерман Г.Е., Келле В.Ж., Пилипенко Н.В. Исторический материализм – теория и методология научного познания и революционного действия // Коммунист, 1972, № 4.

² Решение, устав, руководящие органы Советской социологической ассоциации. М.: АН СССР; ССА, 1977.

³ См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 510.

ние для всех общественных наук», а не только для социологических исследований; «общая социологическая теория, то есть исторический материализм, исследует наиболее общие законы становления, развития и смены общественно-экономических формаций, то есть наиболее общие законы общества», «законы и категории исторического материализма являются ядром, сердцевиной, основой всей системы социологии, как и других общественных наук»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.).

К вопросу о самостоятельности возрождающейся социологии и ее институционализации примыкает проблема общей социологии. Вопрос об общей социологии стал предметом острых дискуссий еще на V Международном социологическом конгрессе в США (1962). Западногерманский социолог Рене Кениг, открывая пленарное заседание конгресса по вопросу «Природа социологической теории и ее проблемы», призывал участников форума заняться изучением возможного создания «единой социологической теории», отождествив ее с общей социологической теорией, без которой, по его мнению, социология не может быть научной.

П. Сорокин, Е. Гельнер, А. Саран и М. Крозье фактически солидаризировались с такой точкой зрения, признав, что буржуазная социология не поднялась до научного уровня, не стала практическим орудием решения важных социальных проблем современности и пребывает, по существу, в зародышевом состоянии. Отметив в докладе «Тезисы по вопросу о роли исторического метода в социальных науках», что американские социологи занимаются «исследованием всяких никому не нужных проблем»², П. Сорокин заявил, что социология может стать наукой в том случае, если она будет опираться на предложенный им «исторический метод исследования», который, кстати, уже на конгрессе был признан непродуктивным из-за его ориентации не на специальные факторы, а исключительно на так называемую концепцию интуиции.

Индийский социолог А. Саран, в свою очередь, в докладе «Некоторые критические заметки о позитивизме в социологии» подчеркнул, что, несмотря на претенциозность западной социологии, она не преодолела узких рамок позитивизма О. Конта, Г. Спенсера и других. Проанализировав современный функционализм, английский социолог Е. Гельнер пришел к выводу, что возведение функционализма в самостоятельную социологическую теорию делает его просто бесплодным. Непродуктивными оказались попытки французского социолога М. Крозье отождествлять марксизм и функционализм, а также максимально гуманизировать бюрократию, в руки которой, по его утверждению, переходят все рычаги управления обществом.

В поисках единой социологической теории американский социолог Т. Парсонс предложил социологическую концепцию, базирующуюся на так называемой теории социального действия, включающей, по его мнению, такие основные структуры социального процесса в целом: «структура личности», «социальные структуры», «структуры культуры», «суперструктуры»³. Общесоциологическая теория Парсонса была подвергнута на конгрессе серьезной критике ввиду субъективно-идеалистической интерпретации американцем процессов социального развития и особенно его

¹ Румянцев А.И., Осипов Г.В. Марксистская социология и конкретные социальные исследования // Вопросы философии. 1968, № 6. С. 5, 7.

² См.: Иовчук М.Т., Осипов Г.В. О некоторых теоретических принципах, проблемах и методах социологических исследований // Вопросы философии. 1962, № 12. С. 24.

³ См.: Иовчук М.Т., Осипов Г.В. О некоторых теоретических принципах, проблемах и методах социологических исследований // Вопросы философии. 1962, № 12. С. 27.

ориентации на неофрейдизм, на гипертрофированную роль инстинктов, на противопоставление «структуры личности», которую он считал первичной структурой общества и «социальной структуры».

Канадский социолог С. Кларк, обвинив в докладе «Исторический и социологический метод» Парсонса в ненаучности его общесоциологической теории, в том, что он в своих изысканиях всего лишь повторил выводы Э. Дюркгейма, а также находился под влиянием унаследованных от Г. Спенсера элементов биологизма, следующим образом определил дуализм парсоновской общесоциологической теории: то, что у Парсонса было разработано как теория социального порядка, в значительной степени опирается на Э. Дюркгейма, а то, что было сведено в теорию социального развития, претерпело огромное влияние Г. Спенсера¹. Обратив внимание на то, что теория Парсонса связана фактически с обоснованием «существующего социального порядка в американском обществе», С. Кларк отмечал: «Имеется большая и реальная опасность, что целое поколение американских социологов будет введено в заблуждение положением Т. Парсонса об американском обществе как о “единственном обществе”, способном поддержать существующую социальную систему»².

С. Кларк, а вслед за ним и П. Сорокин признали на конгрессе также несостоятельным так называемый социографический метод, воплощающий в себе узкий эмпиризм, выраженный психологическими фактами человеческого поведения в форме различных конфигураций цифр, таблиц, графиков³. Но оппоненты социографического метода, предложив в качестве альтернативы парсоновской теории исторический метод познания социальных явлений, сами допустили другую крайность, применив к анализу социальной действительности так называемую концепцию интуиции.

Неприемлемость предложенных на V Международном конгрессе версий единой социологической теории продемонстрировали советские делегаты: А.А. Зворыкин в докладе «Некоторые параллели между американской и советской общесоциологической теорией» и Н.В. Новиков в докладе «Марксизм и теория социального действия». Не признавая буржуазную концепцию единой социологической теории и выступая последовательными приверженцами марксистской доктрины, М.Т. Иовчук и Г.В. Осипов свою позицию по данному вопросу изложили так: «Марксистская социология как наука синтетическая, опирающаяся на совокупность достижений других общественных наук, исследует общие законы социального развития и современные формы их проявления в различных условиях. Конкретные социологические исследования, проводимые марксистами, представляют собой применение теории и метода научной социологии – исторического материализма (подчеркнуто нами. – А.К.) – к раскрытию внутреннего механизма социальных явлений, закономерностей их развития, к диалогу конкретных социальных ситуаций, складывающихся в процессе общественной жизни»⁴.

¹ См.: Иовчук М.Т., Осипов Г.В. О некоторых теоретических принципах, проблемах и методах социологических исследований // Вопросы философии. 1962, № 12. С. 28.

² См.: Иовчук М.Т., Осипов Г.В. О некоторых теоретических принципах, проблемах и методах социологических исследований // Вопросы философии. 1962, № 12. С. 28.

³ См.: Иовчук М.Т., Осипов Г.В. О некоторых теоретических принципах, проблемах и методах социологических исследований // Вопросы философии. 1962, № 12. С. 28.

⁴ Иовчук М.Т., Осипов Г.В. О некоторых теоретических принципах, проблемах и методах социологических исследований // Вопросы философии. 1962, № 12. С. 24.

Такое отношение к единой социологической теории советская социология сохранила вплоть до 1988 года, когда она была официально институционализирована как марксистско-ленинская социология. И сколько бы ни создавалось сегодня различных мифов на этот счет, факт остается фактом: периоду социологического ренессанса неведомы постановочные статьи, фундаментальные монографии, учебные пособия, официальные документы, в которых обосновывались бы теоретические и методологические параметры общей или единой социологии.

Подобная ситуация не претерпела существенных изменений и в постсоветское время, и это на фоне появившихся новых проблем гносеологического и социального характера. Размытость и неопределенность существуют даже при определении понятийного аппарата: бездоказательность отождествления общей социологической теории с единой социологической теорией; понимание общей социологии в одном случае как исключительно теоретической науки, а в другом – как теоретической и эмпирической дисциплины; трактовка общей социологии как глобального явления в жизни мирового сообщества, наподобие общей физики, общей химии, общей математики и т.д., с другой же стороны – такие интерпретации общей социологии, которые включают в себя в качестве составной ее (социологии) части национальные особенности социологической науки. Если же принять во внимание, что общая социологическая теория составляет фундамент социологической науки, ее теоретические параметры, концептуальную и категориально-понятийную основу социологии как науки в целом, то как это соотносится с широко декларируемой самостоятельностью социологии, и т.д. и т.п.

О многом говорит и то, что даже в таком наиболее авторитетном, фундаментальном издании «Социология в России» (под редакцией В.А. Ядова, Москва, 1988), состоящем из 30 глав, не нашлось места для освещения проблем общей социологической теории. Статьи, посвященные термину «общая социология», совершенно отсутствуют во всех энциклопедических изданиях: в Российской социологической энциклопедии (под редакцией академика РАН Г.В. Осипова, Москва: издательская группа «Норма», 1998), в Социологической энциклопедии в двух томах (руководитель научного проекта Г.Ю. Семигин, Москва, 2003), в Социологической энциклопедии (под редакцией А.Н. Данилова, Минск, 2003). Опубликованные же учебные пособия под названием «Общая социология» строятся, как правило, по принципу объединения теоретической социологии с отраслевыми социологическими дисциплинами и частными теориями и по своей теоретико-методологической аргументации существенно не отличаются от тех изданий, которые названы просто «Социология»¹.

К ситуации, сложившейся вокруг большого числа дефиниций предмета общей социологии, применимы слова Хантингтона, едко заметившего, что социология – это то, что под этим термином понимают называющие себя социологами. И когда теоретики, занимающиеся определением предмета общей социологии, подчеркивают, что «общая социология как наука должна изучать общество как целостность общественных отношений», «что предметом ее изучения должно выступать общество как общая категория, которая обнаруживает себя в самых различных направлениях социальной жизни людей», что «общая социология должна раскрывать внутренние связи и закономерности, которые эту жизнь определяют и придают ей характерную

¹ См.: Култыгин В.П., Кузнецова А.Т. Общая социология. Учебное пособие / под ред. проф. З.Т. Голенковой. М.: Гардарины, 2005.

структуру», наконец, что социология, приобретая «характер общей теории об обществе», «получает название общей социологии»¹ – неотступно напрашивается вопрос: чем же, в таком случае, отличается наука под названием «общая социология» от уже институционализированной науки социологии, для которой приемлемы все без исключения характеристики общей социологии?

«Общая социология» и «социология» – это одно и то же, или они чем-то отличаются, не будучи разделенными демаркационной линией, – исследователи, широко пользуясь названными терминами, обходят этот вопрос. Вот один из примеров определения предмета общей социологии на основе аккумуляции многих теоретических наработок по этому вопросу: «Общая социология есть наиболее общая теоретическая наука о человеческом обществе, которая выясняет специфику общественных явлений и их отношения в структуре социальной действительности, открывая социологические законы структуры и развития общественных явлений, более узких структурных целостностей и общества в целом»². Перед нами типичный пример определения общей социологии как исключительно теоретической дисциплины без указания на синтез теоретической и эмпирической составляющих, на ее отношения с отдельными (отраслевыми) социологическими дисциплинами. Не случайно перед этой цитатой автором сделано признание, что «делать точное определение предмета этой науки в единой дефиниции трудно»³.

Трудность в определении предмета общей социологии: отсутствие единой научно-теоретической и методологической основы; различия в общей теоретико-методологической ориентации исследователей; применение различных критериев при разграничении предметов социологии и других наук; размытость теоретико-методологических критериев в определении общего и особенного в отношениях теоретической социологии и ее конкретных направлений; различие в интерпретации социальных феноменов и процессов, что затрудняет конституирование общей социологии как единой науки с общепринятым предметом и методом и в конечном итоге приводит к появлению различных дефиниций общей социологии.

§5. Эволюция отношения буржуазной социологии к марксизму

В столь масштабной и многоплановой проблеме, какой является так называемая буржуазная социология, которая по названию постепенно трансформировалась в одном случае в «западную социологию», а в другом в «немарксистскую социологию», подразумевая одно и то же содержание, выделим те ее сегменты, которые пребывают в прямой привязке к трансформировавшейся советской социологии. Постановку вопроса уточним так: всегда ли российские социологи рассматривали буржуазную социологию с альтернативных позиций и как они оценивают эту проблему в постсоветское время, какова эволюция отношений буржуазной социологии к марксизму,

¹ См.: Маркович Д.Ж. Общая социология: пер. с сербско-хорватского С.А. Плима. М.: ИСПИ РАН, 1995. С. 42, 44.

² Маркович Д.Ж. Общая социология: пер. с сербско-хорватского С.А. Плева. М.: ИСПИ РАН, 1995. С. 43.

³ Маркович Д.Ж. Общая социология: пер. с сербско-хорватского С.А. Плева. М.: ИСПИ РАН, 1995. С. 42.

наконец, всегда ли эти отношения определялись параметрами борьбы и предпринимались ли какие-то шаги по конвергентному взаимодействию буржуазной и марксистской социологий.

Разумеется, в нашем случае не обойтись без уяснения генетических корней как самого понятия «буржуазная социология», так и ее содержания как одного из направлений в развитии общественной мысли. Хронологическим рубежом начала немарксистской социологии следует считать конец 60-х годов XIX века, когда, по мнению первого русского историографа русской социологии Н. Кареева, «позитивизм и социология вошли в русский умственный обиход»¹. Появление буржуазной социологии связано со стремлением набиравшей силы буржуазии произвести такие изменения в надстройке, которые укрепляли бы позиции нового класса буржуазии и способствовали бы разрушению патриархальных форм экономической, политической и духовной жизни.

Многие буржуазные и мелкобуржуазные идеологи увидели в социологии – науке об обществе – наиболее надежного помощника в борьбе с разлагающимся феодальным строем, в разрушении дворянской монополии на государственное управление, на высшее образование, в известном ограничении самодержавия. Позитивизм, к которому они стали обращаться, на первых порах «давал право своим адептам одинаково отрицательно относиться к догматически-религиозному мирозерцанию, державшему так долго в оковах русскую мысль, и к идеалистической философии»².

Таким образом, возникнув в русле позитивистской традиции, немарксистская социология в России выступала, с одной стороны, критикующей, оппозиционной царскому правительству силой, одним из элементов складывающейся буржуазной демократии в стране, а с другой, вначале вступила в полемику с марксизмом, а потом стала по отношению к нему носителем, как отмечали многие исследователи, откровенной «буржуазной реакционности» после социалистической революции. И тем не менее объективности ради необходимо отметить, что дооктябрьская социология в России добилась внушительных результатов не только в национальном, но и в мировом масштабе. Подтверждением этому является то, что по ряду направлений западная буржуазная социология практически следовала в фарватере русской: О. Шпенглер и отчасти А. Тойнби идейно повторили культурную типологию Н. Данилевского, концепции В. Огборна под названием «культурное отставание» предшествовала попытка П. Струве, М. Туган-Барановского обосновать дихотомию общественных процессов, создание П. Сорокиным теорий социальной мобильности и стратификации, критика социодарвинизма и организма субъективной школой более ранние, чем у Г. Тарда, к числу первопроходческих относится описание Н. Михайловским феномена подражания, и др.

К первой половине 20-х годов в качестве альтернативы господствовавшему в то время синтезу социологического знания, получившему наиболее полное отражение в историко-социологических работах, была выдвинута концепция бескомпромиссного противопоставления марксистского (пролетарского) общественнознания немарксистскому (буржуазному). Как отмечают исследователи истории отечественной социологии, именно в это время «была предложена и своеобразная вульгаризованная методология выявления социальных и гносеологических корней буржуазной фило-

¹ Цит. по: Голосенко И.А. Процесс институционализации буржуазной социологии в России конца XIX – начала XX в. // Социологические исследования. М., 1978, № 2. С. 170–179.

² См.: Русское богатство. 1889. № 3. С. 10.

софии и социологии, а классовая нетерпимость породила весьма упрощенный способ их ликвидации»¹. И исследователь В. Сергеев, положив в основу классификации историко-социологических исследований классовый признак, предложил дифференцировать все направления современной западной социологии на три большие группы в соответствии с тремя основными классами тогдашней Европы – пролетарскую, буржуазную и мелкобуржуазную². А один из рациональных диалектиков Н.А. Карев, с одной стороны, выступил против рассмотрения исторического материализма в качестве социологической теории, поскольку ее (социологии) объективистский характер не соответствует духу марксизма³, а с другой, он предпринял попытку квалифицировать социологию как буржуазную науку⁴.

Что же может означать, если принять его за истину, такое сделанное в постсоветское время заявление Г.В. Осипова: «Постепенно до кремлевского начальства стало доходить, что все большее распространение получает подозрительная установка (я всегда настаивал на ней): нет социологии буржуазной и социологии марксистской, имеется одна социология как наука, которая, подобно физике, может служить как во вред обществу, так и к его благу. Надо ли разъяснять, что в ЦК она была встречена в штыки и обозначена как антимарксистская и антипартийная»⁵? Оставив в стороне сюрреалистические утверждения о том, что «постепенно (когда? – А.К.) до кремлевского начальства стало доходить», что нет социологии буржуазной и марксистской (начиная с хрущевской оттепели и вплоть до перестроечного 1988 года все происходило ровно наоборот – постулат не только о наличии буржуазной и марксистской социологии, но и о непримиримой борьбе между ними был одним из основных элементов доктрины возрождающейся социологии), посмотрим на то, насколько отвечают истине слова автора цитаты о том, что он «всегда настаивал» на отсутствии указанных направлений в отечественной социологии.

Отказ в постсоветское время от той части теоретического наследства, без которой научная биография одной из основных фигур социологического ренессанса просто будет кастрирована, – один из примеров «перелицовочного синдрома». Ведь борьбой с буржуазной социологией с позиций марксистской доктрины пронизана вся его не только научная, но и руководящая деятельность. И об этом говорят такие факты.

Во-первых, как социолог Г.В. Осипов формировался на критике буржуазной социологии с самого начала, о чем свидетельствуют защищенные им кандидатская⁶ и докторская⁷ диссертации. Во-вторых, предъявленные им 3 декабря 1969 года

¹ См.: Социология в России / под ред. В.А. Ядова. М.: изд-во Института социологии РАН, 1998. С. 51.

² См.: Социология в России / под ред. В.А. Ядова. М.: изд-во Института социологии РАН, 1998. С. 52.

³ См.: Карев Н.А. Исторический материализм как наука // Под знаменем марксизма. 1927, № 12.

⁴ Итоги работы и задачи в области теории исторического материализма // Под знаменем марксизма. 1930, № 5.

⁵ См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 519.

⁶ Осипов Г.В. О «технократических» теориях в современной буржуазной социологии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. М.: Институт философии АН СССР, 1955.

⁷ Осипов Г.В. Марксистская и буржуазная философия о месте и роли техники в современном общественном развитии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. М.: Академия наук СССР; Институт философии, 1964.

на заседании партбюро института (его выступление было на заседании первым) претензии к «Лекциям по социологии» Ю.А. Левады за то, что в них «отсутствует глубокая критика буржуазных социологических теорий»¹, легли в основу официально сформулированного в решении партбюро обвинения, которое затем было дословно продублировано на всех уровнях партийной вертикали – от райкома партии до ЦК КПСС. Эти же обвинения явились и обоснованием для тех наказаний, которые понес Ю.А. Левада. И то, что в данном случае Г.В. Осипов выступал не просто как ученый, а как использующее руководящий ресурс лицо высокого должностного уровня (замститель директора института, заведующий отделом, в котором работал Ю.А. Левада, председатель Советской социологической ассоциации!), нетрудно представить, какой вес имели его формулировки для партийных инстанций. Не случайно все заседание партбюро прошло под знаком торжества его оценок, завершившись единогласным антилевадовским решением. В этой ситуации Г.В. Осипов выглядел как исправный исполнитель воли верхов, проявив при этом двоедушие – на первом заседании партбюро (при отсутствии представителей вышестоящих партийных органов) он занимал совершенно противоположную позицию по сравнению со вторым заседанием с участием первого секретаря райкома партии.

В-третьих, согласиться с тем, что Г.В. Осипов всегда отрицал наличие буржуазной и марксистской социологии, – это означает из библиографии его научных работ изъять то, без чего он перестанет быть социологом-марксистом. Причем издавались эти труды на протяжении всего возрожденческого процесса отечественной социологии, включая и перестройку – с 1964 по 1999 годы².

За активность же в борьбе с буржуазной философией и социологией Г.В. Осипов удостоился высокой похвалы директора Института философии, академика Ф.В. Константинова, который, говоря «об уровне нашей работы (в Институте философии. – А.К.) по критике буржуазной философии и социологии», отметил, что «за последние два года только мы в Москве выпустили более десяти серьезных монографий», в числе авторов которых назван и Г.В. Осипов³.

В-четвертых, а как можно увязать отмежевание Г.В. Осипова от критики буржуазной социологии с позиций марксистско-ленинской социологии с тем, что в соответ-

¹ Протокол заседания партбюро ИКСИ АН СССР 3 декабря 1969 г. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб.: изд-во РХГИ, 1999. С. 496.

² См.: Современная буржуазная социология. М.: Наука, 1964; Проблемы молодежи в буржуазной социологии. М.: Знание, 1969 (в соавт. с В.С. Языковым); Кризис теоретико-методологических основ буржуазной социологии // Критика современной буржуазной социологии. М.: Наука, 1977; Буржуазная социология в поисках общей теории // Социология и современность. М.: Наука, 1977; Критика современной буржуазной теоретической социологии. М.: Наука, 1977 (отв. ред.); Современный эволюционизм // Критика современной буржуазной теоретической социологии. М.: Наука, 1978 (отв. ред.); История буржуазной социологии в странах Западной Европы и Америки первой половины XX в. М.: Наука, 1978 (член ред. колл.); Вопросы теории и критики буржуазной социологии. М.: ИСИ АН СССР, 1983 (отв. ред.); Марксистская и буржуазная социология сегодня. Навстречу XI Всемирному социологическому конгрессу. Нью-Дели, Индия. 18–22 августа 1986 г. М.: ИСИ АН СССР, 1986 (отв. ред. совм. с С.Г. Голенковой); История социологии в Западной Европе и США. М.: Наука, 1993 (отв. ред.); История социологии в Западной Европе и США. Учебное пособие для вузов. М.: НОРМА-ИНФРА, 1999 (отв. ред.).

³ Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 508.

ствии с приказом директора института № 146 от 20 ноября 1972 года на него было возложено заведование сектором марксистско-ленинской социологии и критики буржуазной социологии при сохранении за ним должности заместителя директора института, а приказом № 48 от 12 января 1973 года в соответствии с решением ученого совета ИСИ по итогам конкурса он был утвержден в качестве руководителя упомянутого сектора на постоянной основе?

В-пятых, позиционирование себя на международных и общесоюзных социологических форумах в качестве критика буржуазной социологии с позиций марксистской доктрины, классового, партийного подхода. За такой подход, например, на V Всемирном социологическом конгрессе 1962 года он удостоился положительной оценки в официальном отчете по итогам конгресса, который за подписью руководителя советской делегации Ф.В. Константинова был направлен в ЦК КПСС и получил там полное одобрение.

В-шестых, проблемы борьбы с буржуазной социологией занимали большое место в работе руководимой им Советской социологической ассоциации, а также Научного совета по конкретно-социологическим исследованиям, где он выполнял руководящую функцию заместителя председателя этого совета.

Чтобы поставить точку в вопросе о непричастности Г.В. Осипова к разработке проблем буржуазной социологии и его борьбе с ней, приведем один из множества фактов. Рецензируя книгу Г.В. Осипова «Современная буржуазная социология. Критический очерк», С. Эпштейн в 1965 году писал: «Осипов поставил перед собой нелегкую задачу – представить в систематическом виде все направления современной буржуазной социологии. Автор не ограничился разбором буржуазных теорий, он приводит фактический, в частности, цифровой материал. Причем эти данные он берет главным образом из работ самих буржуазных ученых, которых подчас сама логика исследований толкает к правильным выводам. Тот, кто прочтет книгу, а прочтут ее многие: научные работники, студенты, деятели идеологического фронта, – получат представление о западной социологии»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.).

На этом фоне не может не вызывать удивления и такой момент. Напоминая давно известное в науке суждение о том, что слово «буржуазное», имеющее французское происхождение, может в переводе на русский язык означать «гражданское», Г.В. Осипов утверждает, что именно на этом основании в восприятии зарубежными социологами трудов советских авторов по проблемам борьбы с буржуазной социологией «не было никакого отторжения и конфронтации: моя монография по социологии, как и другие наши публикации, воспринималась зарубежными учеными как книга не по буржуазной (в нашем понимании), а по гражданской социологии»² (подчеркнуто нами. – А.К.). Какая трогательная сказка! Пусть она для автора остается несбывшейся сказкой, а для науки важно было уточнить, что же собой представляет упомянутая «гражданская социология». Ведь французы употребляли термин «гражданское» применительно к обществу, то есть общественному устройству, механически же переносить термин «гражданская» на науку социологию некорректно, тем более что это не соответствует истине.

¹ См.: Эпштейн С. Ученые приказчики капитала // Новый мир. 1965, № 6.

² См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 519.

Эволюция отношений буржуазной социологии к марксизму – от полного его отрицания до ее попыток теоретически спорить с марксизмом. Например, III Всемирный социологический конгресс по теме «Проблемы социальных изменений в XX веке» прошел под знаком выпячивания двух, как говорилось, главных подразделений социологии – буржуазной американской и буржуазной европейской социологии – и упорного замалчивания, а в ряде случаев агрессивной критики марксизма. В записке АН СССР в ЦК КПСС о третьем Всемирном социологическом конгрессе в Амстердаме от 12 декабря 1956 года обращалось внимание, кроме всего прочего, на то что председательствовавший на конгрессе американский профессор Энджелл похвалил доклад польского профессора Оссовского «за то, что он выдержан в западном духе, а обо всех докладах с Востока сказал, что они мало дают нового, построены с позиций ограниченного марксизма»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.). На конгрессе прошла в духе постулатов холодной войны дискуссия на тему «Марксистская интерпретация социальных изменений XX века», которая была организована известным французским социологом Р. Ароном вместе с группой троцкистов и крайне правых социалистов. Руководством МАС и, прежде всего, ее президентом Анджеллом предпринимались не увенчавшиеся успехом попытки даже не допустить выступления советских ученых с докладами на пленарных заседаниях и ограничить их участие краткими выступлениями в секциях. Вот такими коллизиями сопровождалось первое на официальном уровне участие советских социологов в международных конгрессах, проводимых МАС.

А следующий IV Всемирный социологический конгресс (Стреза, Италия, 8–15 сентября 1959 года) продемонстрировал существенные изменения, происшедшие за последние три года в настроениях западной интеллигенции по отношению к общественной науке в СССР. Это проявилось, прежде всего, в признании западной и марксистской социологии в качестве двух главнейших направлений социологии в мире, хотя и шел спор между эмпирической буржуазной социологией и теоретической марксистской социологией.

Тот же самый Р. Арон, автор книги «Марксизм – опиум интеллигенции», ранее, в том числе на III Всемирном социологическом конгрессе, зарекомендовавший себя воинствующим антимарксистом, на конгрессе в Стрезе «старался быть несколько более умеренным в своих оценках марксизма и даже призвал найти точки соприкосновения и общие темы для западной и советской социологии»²; его обзорный доклад на пленарном заседании был посвящен сопоставлению советской и американской социологии.

И совсем другая тональность была в дискуссиях на V Всемирном социологическом конгрессе (Вашингтон, 2–8 сентября 1962 года): буржуазные социологи стремились убедить участников конгресса, что и в теоретической области буржуазная наука не уступает марксизму, важность которого в качестве научной теории уже под сомнение не бралась. Весь пафос буржуазных социологов был направлен, с одной стороны, на всемерное афиширование развития теории в буржуазной социологии, а с другой – на поиск изъянов марксистской доктрины и умаление ее значения. V Международный социологический конгресс отразил наличие серьезного разрыва между западной общей научной теорией социального развития и исследованиями буржуазных социологов-эмпириков.

¹ Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб.: РХГИ, 1999. С. 577.

² Из отчета делегации советских социологов «Об итогах IV Всемирного социологического конгресса». В кн.: Социология и власть. Сборник 1. Документы 1953–1968. М.: Academia, 1997. С. 48.

Предпринимавшиеся на конгрессе попытки выйти из этого тупика успехом не увенчались, а лишь продемонстрировали наличие разных точек зрения на этот счет.

На основе анализа продемонстрированных западными социологами на конгрессе позиций по проблемам общесоциологической теории советские социологи сделали такой вывод: «Вообще современную буржуазную социологию характеризуют две полярности. С одной стороны, многим буржуазным социологическим концепциям присуще отрицание значения общесоциологической теории и уход в узкий эмпиризм, а с другой – попытки создания умозрительных, схоластических схем и моделей социальной действительности, не опирающихся на всестороннее изучение этой действительности»¹.

На разрыв буржуазных социологических теорий и эмпирических исследований повлияли в том числе и такие факторы, как перенесение на социологические исследования опыта экспериментальных наук без учета качественной стороны специфики своего объекта, что, по мнению Г.В. Осипова, вело к тому, «что выбор проблемы изучения определяется тем, насколько она соответствует указанному опыту, а не ее социальной значимостью»². Перенесение же акцента «на методическую область исследования, на обоснование того, что изучаемые переменные и получаемые данные соответствуют критериям надежности, применяемым в естественных науках», «создает обычно лишь иллюзию строгой научности», так как в таких случаях «изучаются главным образом те социальные явления и процессы, которые, с точки зрения социологов, поддаются прямому наблюдению и квантификации»³. Но в общественных отношениях не все поддается такому наблюдению. Выведенные же из скрытых переменных эмпирические теории среднего уровня анализируют не всю единую социальную целостность, а отдельные элементы социальной реальности, и в силу этого они (эмпирические теории) нередко не поддаются обоснованию их соподчинения по социальной значимости, они допускают произвольный их выбор при описании одного и того же явления, а значит, они не могут быть генерализованы в одну социологическую теорию⁴.

Не конструктивным плюрализмом мнений, позволяющим выработать консенсусную позицию по такому принципиальному вопросу, как общесоциологическая теория, а кризисом теоретико-методологических основ буржуазной социологии можно объяснить тот факт, что, как показал анализ трудов американских социологов, изданных в США за двадцать лет 16 учебных пособий, ввиду отсутствия однозначного понимания предмета социологии было выявлено восемь разных подходов к этой проблеме: социальное взаимодействие, социальные отношения, групповая структура, социальное поведение, социальная жизнь, социальные процессы, социально-культурные явления, человек в обществе.

А в ходе осуществленного Р. Яветцом опроса 150 крупнейших американских социологов оказалось, что социологи США проводят исследования преимущественно в рамках таких девяти основных социологических теорий: структурного функционализма,

¹ Иовчук М.Т., Осипов Г.В. О некоторых теоретических принципах, проблемах и методах социологических исследований // Вопросы философии. 1962, № 12. С. 28.

² Осипов Г.В. Кризис теоретико-методологических основ буржуазной социологии // Социологические исследования. 1975, № 4. С. 189.

³ Осипов Г.В. Кризис теоретико-методологических основ буржуазной социологии // Социологические исследования. 1975, № 4. С. 189.

⁴ См.: Осипов Г.В. Кризис теоретико-методологических основ буржуазной социологии // Социологические исследования. 1975, № 4. С. 190.

программного эклектизма, символического интеракционизма, теории конфликта, социального бихевиоризма, эволюционизма, экологизма, математического моделирования, социального обмена¹. Впрочем, такое многообразие позиций допускало возможность конкретному исследователю исповедовать несколько теорий: З. Бжезинский одновременно ориентировался и на структурный функционализм, и на концепцию конвергенции; а сторонники описательной теории структурного функционализма в то же время опирались в своих исследованиях на теорию индустриального общества.

Осознание буржуазными социологами отсутствия единой методологической и теоретической социологической системы и единого понятийного аппарата стимулировало начало с середины 50-х годов развертывания критики эмпиризма. Это же произошло и с претендовавшим на роль общесоциологической теории структурным функционализмом, в котором вдруг оппоненты обнаружили механическое объединение органистических и механических элементов. Родившийся на основе конвергенции функционализма с идеологией общей теории систем неопункционализм тоже не смог выполнить миссию создателя единой социологической теории не в последнюю очередь из-за его ориентации на традиционный позитивизм, трактовавший социальные отношения и структуры с близких к естественнонаучному подходу позиций.

Эклектичность методологических и теоретических основ буржуазной социологии еще больше усиливалась по мере включения в научный оборот таких новых на то время подходов, как поиск объяснения кризисного состояния в социологии на философском уровне, возросший критицизм представителей франкфуртской школы естественнонаучной методологии социологии, соединение философских и методологических положений феноменологической философии с социологией и другими теоретическими схемами, влияние лингвистической философии, позволяющей выявлять социально-структурные черты лингвистического действия, и др.

Большой знаток американской социологии В.А. Ядов обратил внимание на то, что традиционно присущая европейской социологии классическая парадигма макротеоретического социологического знания в США «под воздействием склонной к прагматизму социально-культурной ориентации и под влиянием прямого социального запроса модифицировалась в иную парадигму, суть которой – многообразие частносоциологических подходов к исследованию общества и социальных процессов»². По его мнению, «начиная с 60-х годов, доминирующий интерес американской социологии перемещается в область комплексного изучения социальных проблем с использованием общесоциологического и частносоциологического теоретического знания. Аналогичный процесс в послевоенные годы захватывает западноевропейскую социологию»³. Двойное объяснение этого процесса заключается, как он считает, в том, что, с одной стороны, «существует такой уровень внутринаучного, собственно развития социологической теории (или теорий), который позволяет развернуть прикладные функции социологии, что, в свою очередь, отвечает социальному запросу и соответствует современным формам организации и субсидирования науки в странах Запада», а с другой – обнаружение кризисного состояния современной социальной теории «в том смысле, что макротеоретический анализ мало или совсем не

¹ Осипов Г.В. Кризис теоретико-методологических основ буржуазной социологии // Социологические исследования. 1975, № 4. С. 190.

² Ядов В.А. Размышления о предмете социологии // Социологические исследования. 1990. № 2. С. 15.

³ Ядов В.А. Размышления о предмете социологии // Социологические исследования. 1990. № 2. С. 15.

согласуется с микротеоретическим», а «общетеоретическое социологическое знание, в существенной мере связанное с социально-философской ориентацией, плохо согласуется с развитием частносоциологических теорий среднего уровня»¹.

Особенность буржуазной социологии 60-х годов XX столетия – разрыв между социологической теорией и методологией. Идею Дж. Маккинни о том, что теория и методология представляют собой разные вещи, поддерживали тогда многие западные исследователи. Вот как представлял себе это П. Лазарсфельд: «Если социологи изучают человека в обществе, то методологи изучают социолога за работой»². Оппоненты такой концепции увидели в ней, с одной стороны, неправомерное отождествление разделения труда исследователями, изучающими один и тот же объект, с разделением самого объекта, а с другой – неверную интерпретацию природы и функций социологической теории.

Фактом разрыва эмпирических исследований с социальной теорией (социальной наукой) были озабочены многие западные социологи. Р. Мертон, например, в беседе с советскими социологами весной 1961 года с сожалением констатировал, что к этому времени в американской социологии не было «общей, всеохватывающей» социологической теории. В свою очередь, П. Лазарсфельд в докладе на IV Всемирном социологическом конгрессе сделал неутешительное для социологов заявление о том, что дело соединения эмпирических исследований с подлинной теорией – только еще задача, которая стоит перед американской социологией³.

Поэтому социологическое сообщество самым внимательным образом реагировало на малейшие признаки начавшегося сближения эмпирики и теории. «Современная тенденция в общей социологии, – писали тогда Престон и Бонита Вэлиен, – заключается в сближении теории и эмпирических исследований, она идет к тому, чтобы превратить здоровую социальную теорию в основную базу практической работы, и к разработке такой теории и систематизации фактических исследований»⁴. В свою очередь, А. Томарс обращал внимание на то, что «...имеются признаки, что сближение уже не за горами, причем эмпирики все больше осознают необходимость более широкой теории, а теоретики все больше сосредотачиваются на возможностях эмпирического подтверждения»⁵.

Картину поисков сближения эмпирических исследований фактов и построения объяснительной теории Р. Мертон нарисовал в своей книге «Социальная теория и социальная структура» следующим образом: «Стереотип социального теоретика, парящего высоко в эмпириях чистых идей, не запятнанных низкими фактами, так же быстро устаревает, как и стереотип социолога-исследователя, вооруженного анкетой и карандашом, который, высунув язык, гонится за изолированными и бессмысленными статистическими данными. Ибо при построении здания социологии за последнее десятилетие теоретик и эмпирик научились работать совместно. Более того, они научились разговаривать сами с собой, поскольку все больше и больше один человек занимается и теорией, и исследованием»⁶.

¹ Ядов В.А. Размышления о предмете социологии // Социологические исследования. 1990. № 2. С. 15.

² Lazarsfeld P. Methodological Problems in Empirical Social Research. Transactions of the Fourth World Congress of Sociology, vol. II, N.Y., 1960. P. 232.

³ Lazarsfeld P. Methodological Problems in Empirical Social Research. Transactions of the Fourth World Congress of Sociology, vol. II, N.Y., 1960. P. 232.

⁴ См.: Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М., 1961. С. 110.

⁵ См.: Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении». М., 1961. С. 584.

⁶ Merton R. Social Theory and Social Structure. N.Y., 1957. P. 102.

Однако этот процесс проходил крайне медленно. Поэтому и на V Всемирном социологическом конгрессе (Вашингтон, 1962), хотя в некоторых докладах и предпринимались попытки постановки общетеоретических и методологических проблем, все же превалировало узкоэмпирическое, социографическое описание исследований. Многие исследования зарубежных социологов продолжали оставаться эмпирическими и описательными в худшем значении этих слов. Шведский социолог Т. Мюрдаль такую ситуацию охарактеризовал при помощи метафоры: буржуазная социологическая теория – это своего рода пустой ящик, который набивают эмпирическим материалом, и в такой ситуации теории разных рангов выглядят как ящики разных размеров, вложенные друг в друга.

§6. Доктринальное сближение противоборствующих систем социальных наук – по Сорокину

Обращение в контексте нашего исследования к работе П.А. Сорокина «Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР в смешанный социокультурный тип»¹ диктуется, по крайней мере, двумя такими обстоятельствами: во-первых, Питирим Сорокин как никто другой из зарубежных авторов обстоятельно и глубоко охарактеризовал изменения, происшедшие в социальных науках в СССР к моменту социологического ренессанса; во-вторых, для многих и сегодня может показаться невероятным, что в условиях продолжавшейся холодной войны (даже при внутриполитической оттепели в СССР) один из ведущих на то время западных социологов, президент Американской социологической ассоциации занялся поиском путей доктринального сближения двух противоборствующих общественно-политических систем, уделив в этих поисках исключительно большое внимание науке вообще и социальным наукам в частности. Для неопозитивиста П. Сорокина весьма показательным является признание, сделанное им с позиций интегрализма, о «здоровом ядре марксизма»², о чем он заявил еще в 1922 году в рецензии на книгу Н.И. Бухарина «Теория исторического материализма».

На основе анализа перемен в советской науке, происшедших за последние к тому времени десятилетия, и изучения крайне противоречивых процессов в науке США он обосновал тенденцию растущей схожести и взаимной конвергенции систем социальных наук двух стран в смешанный промежуточный тип. В поисках аргументов для обоснования своей концепции он определил семь категорий доказательств о сущностных изменениях в советских социальных дисциплинах.

Тезисно эти семь категорий доказательств выглядят так: 1) советское правительство опубликовало миллионными тиражами тексты дореволюционных авторов, которые или были оппонентами коммунистического режима (Г. Плеханов), или имели весьма мало общего с официальной доктриной диалектического материализма (например, биологические, психологические и неврологические теории «одного из самых откровенных критиков коммунистического режима» И. Павлова); 2) уже в послереволюци-

¹ Сорокин П.А. Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР в смешанный социокультурный тип. В кн.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 339–384.

² См. более подробно: Экономист. 1922, № 4, 5. С. 143–148.

онное время советскими учеными было опубликовано, причем в государственных издательствах, много первоклассных работ по истории, психологии, психиатрии, этике и другим дисциплинам, которым (работам) были абсолютно чужды «линии диалектического или любого иного материализма»¹; 3) наряду с работами русских ученых, радикально отличающимися от официальной линии марксистско-ленинской идеологии, значительно и постоянно росло число зарубежных немарксистских и нематериалистических работ по истории, социологии, политике, психологии, экономике, психиатрии, праву, этике; 4) несмотря на то, что советская социология официально объявлена социологией диалектического материализма, «фактически под этим названием советские социологи развивают различные теории, в ряде аспектов являющиеся более идеалистическими, чем многие господствующие западные социологические теории»²; 5) дополнительный симптом существенных перемен в социальных науках – публичное несогласие даже коммунистических лидеров (Н. Хрущев) с некоторыми взглядами классиков марксизма-ленинизма; 6) выработка в публичных и в особенности в частных встречах советских и зарубежных ученых единого языка дискуссий, научных проблем и взаимоотношений; 7) проявлением «скрытого идеализма» П. Сорокин называет резкую критику советскими учеными буржуазных социальных и психологических наук за чрезмерную релятивизацию ценностей, за моральный нигилизм, за буржуазный физический эмпиризм и позитивизм, за преследование преимущественно материально-утилитарных интересов³.

Основываясь на этих категориях доказательств, он отмечает: «Всегда весьма критически относясь к базовым принципам материалистической философии и социологии всех сортов, в современной советской социологии я нахожу, под покровом официальной диалектико-материалистической социологии, течения “интегральной” или “идеалистической” социологической мысли»⁴ (подчеркнуто нами. – А.К.).

На фоне именно такой трансформации социальных наук в России он отмечает, что в США и на Западе в целом движение наблюдалось «скорее в противоположном направлении», что проявилось в появлении «и росте марксистских, “экономистских”, “физикалистских”, кибернетических, бихевиористских, рефлексологических, сексологических, биологических и иных форм того, что можно было бы назвать разновидностями материалистической интерпретации человека, общества, культуры и ценностей в их структурных и динамических аспектах»⁵ (подчеркнуто нами. – А.К.), то

¹ Сорокин П.А. Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР в смешанный социокультурный тип. В кн.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 350.

² Сорокин П.А. Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР в смешанный социокультурный тип. В кн.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 351.

³ Сорокин П.А. Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР в смешанный социокультурный тип. В кн.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 352.

⁴ Сорокин П.А. Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР в смешанный социокультурный тип. В кн.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 351.

⁵ Сорокин П.А. Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР в смешанный социокультурный тип. В кн.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 353.

есть такие нарастающие тенденции в американской социальной науке «в их теориях, идеологиях и методах, так или иначе, являются осязаемо материалистическими»¹.

Отмечая, с одной стороны, подъем материалистических тенденций в США в рассматриваемый период, а с другой – то, что в это же время различие между американскими и советскими социальными науками ощутимо слабее, чем это было ранее, он утверждал, что, по его мнению, социальные дисциплины в обеих странах «конвергировали в сторону промежуточной позиции, отличной от той, на которой они находились по отношению к позициям, на которых они находились в начале коммунистической революции»².

В таком же ключе он рассматривает процессы конвергенции и в философской сфере. Обличение многими евроамериканскими политиками, профессорами, журналистами материалистической философии СССР, проведение ими глубокой пропасти, отделяющей ее от преимущественно нематериалистических философий Запада, выпячивание различий между советской и евроамериканской философской мыслью – все это, по его мнению, результат поверхностного подхода, «без серьезного анализа реального характера советской философии диалектического материализма»³. Не отрицая того факта, что «официальной советской философией до сих пор является марксистско-ленинский диалектический материализм», он в то же время задает вопрос: «Но понимают ли его обличители, что современные советские философы постоянно выступают против разных видов “вульгарного материализма”? Знают ли эти критики, что даже в работе Ленина “Материализм и эмпириокритицизм”... а особенно в современных комментариях советских философов к новому изданию этой работы само понятие материи определено таким образом, что если заменить в этом определении “материю” гегелевским “духом”, то это определение соответствовало бы понятию духа столь же хорошо, как и материя»⁴.

И далее следует вывод: «...диалектический материализм не представляется столь ужасным, столь отличным и столь противоречащим гегелевской и другим формам объективного идеализма западной философии». Кроме того, по его мнению, «в толкованиях современных советских философов “скрытый идеализм” диалектического материализма и его сходство с объективным идеализмом проявляются еще ярче», а содержащая в себе много «скрытых идеалистических черт» господствующая советская философия диалектического материализма, несмотря на использование ею материалистической терминологии, значительно ближе не к различным формам «вульгарного материализма», а к «философии Платона – Аристотеля – Эригены – Аквината – Кузанского – Гегеля»⁵.

¹ Сорокин П.А. Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР в смешанный социокультурный тип. В кн.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 354.

² Сорокин П.А. Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР в смешанный социокультурный тип. В кн.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 354.

³ Сорокин П.А. Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР в смешанный социокультурный тип. В кн.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 354.

⁴ Сорокин П.А. Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР в смешанный социокультурный тип. В кн.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 354–355.

⁵ Сорокин П.А. Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР в смешанный социо-

Что же касается таких течений современной западной философии, как скептицизм, агностицизм, крайний эмпиризм и релятивизм, прагматизм, логический позитивизм, инструментализм, экзистенциализм, конструктивизм, натурализм, физикализм, которые «все более проникали в советскую философию диалектического материализма»¹, то по отношению к ним, по мнению П. Сорокина, советская философия во многих отношениях «менее материалистична или более идеалистична»². В конечном итоге, в поисках интегративного потенциала советской философии, ее конвергентных возможностей он приходит к выводу: «...нет никаких серьезных оснований опасаться конца идеалистической философии под давлением диалектического материализма; и нет никаких оправданных причин развязывать разного рода крестовые походы для уничтожения “атеистической и материалистической” советской философии. В своей настоящей форме она куда более идеалистична, чем многие из идеологий крестоносцев. Предоставленная своему собственному имманентному развитию, философская мысль России в форме все более умножающихся нематериалистических философий движется и, есть основания полагать, будет двигаться в сторону разных форм идеалистических, интегральных и иных вариантов философии»³.

Причем для П.А. Сорокина главным результатом такого изучения становилось понимание того, что «материалистическая философия и идеология занимают значительное место в общей системе национальных философий и идеологий»⁴. На фоне сопоставления двух философских систем – советской и американской – он определял такие особенности американской философии. Первое – наличие в среде американских профессоров философии сторонников марксистской диалектики и других форм философского материализма. Второе – большинство философов США объединены в школы, которые лишь с трудом можно отнести к идеалистическим, рационалистическим или интегральным; многие же направления скорее тяготеют к материалистическому, чем к нематериалистическому мировоззрению. К философским течениям, отмеченным материалистическими, механистическими, физикалистскими, номиналистскими, релятивистскими и иными чертами он относит инструментализм, прагматизм, натурализм, физикализм (как имитацию философии естественных наук), различные формы эмпиризма и позитивизма, бихевиоризм, утилитаризм, агностицизм, скептицизм, фрейдизм и психоанализ (как философскую систему), «атеистический экзистенциализм», культовый квантитатизм, крайний релятивизм и социальные философии экономических, сексологических, эндокринологических, рефлексологических,

культурный тип. В кн.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 355, 357.

¹ Сорокин П.А. Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР в смешанный социокультурный тип. В кн.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 357.

² Сорокин П.А. Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР в смешанный социокультурный тип. В кн.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 357.

³ Сорокин П.А. Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР в смешанный социокультурный тип. В кн.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 357.

⁴ Сорокин П.А. Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР в смешанный социокультурный тип. В кн.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 358.

инстинктивных и иных интерпретаций поведения человека и социокультурного мира. Третье: вульгарные формы материалистической идеологии, особенно в их экономической разновидности, – почитаемое дело многих профессоров, преподавателей, торговых палат, корпораций, политиков, журналистов и других зажиточных и невысокого социального уровня групп; публично декларируя приверженность высокоидеалистическим философиям и ценностям, они в своих «социальных и экономических философиях» – самые энергичные пропагандисты вульгарных экономических и материалистических интерпретаций человека, человеческого поведения и социокультурных фактов и ценностей. Четвертое: философия значительной части рядовых американцев – «практический материализм» в форме чрезмерной погони за материальными ценностями богатства, жизненного комфорта, чувственных удовольствий и т.д.¹

П. Сорокин указывает также и на наличие в американской социокультурной жизни, наряду с материалистическими течениями, широкого пласта идеалистических, рационалистических, интегральных и нематериалистических философий: в академической философии – ряда объективистских и субъективистских философий, а также таких течений философской мысли, как критический реализм, неотомизм, феноменология, интуитивизм, неоведаизм, неодаосизм, интегрализм, неогегельянство, неоплатонизм, мистицизм и др.; в религиозной сфере – практически все ортодоксальные теологические философии, представляющие различные философии народных масс (христианство, индуизм, буддизм, иудаизм, магометанство, даосизм и др.); в социальной и культурной жизни – идеалистические и нематериалистические силы, начиная от множества социальных движений и вызванных высокими бескорыстными и идеалистическими мотивами актов благотворительности и заканчивая множеством высокогуманных социальных институтов и ценностей².

Говоря о ведущей между материалистическими и нематериалистическими направлениями бесконечной идеологической, социальной и культурной войне «за доминирование на американской сцене», П. Сорокин выступает сторонником сдерживания крайних форм такого противостояния и обеспечения растущего примирения ценных компонентов каждого течения, добываясь, в конечном итоге, формирования своего рода идеалистически-материалистической или интегральной философии. Общий же его вывод сводится к тому, что реальные различия между советской и американской философией куда меньше тех интерпретаций, которые рождены в условиях идеологического противоборства.

И какую бы область философии ни взяли – университетскую, официальную, популярную философию масс, практическую философию повседневного обихода, философию социальных институтов, культуру социальных движений, систем ценностей и человеческого поведения – никто, по его мнению, «не может вынести однозначного вердикта о том, которая из двух стран является более идеалистической, а которая – материалистической»³. Но такой констатацией П. Сорокин не ограничи-

¹ См.: Сорокин П.А. Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР в смешанный социокультурный тип. В кн.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 358–359.

² См.: Сорокин П.А. Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР в смешанный социокультурный тип. В кн.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 358–359.

³ См.: Сорокин П.А. Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР в смешанный соци-

вается. Для него на первом месте – вывод стратегического значения: переплетение двух тенденций – очевидный подъем в Советской России идеалистических и материалистических течений даже на уровне официальной философии диалектического материализма, с одной стороны, и примирение, о чем говорилось выше, двух противостоящих философских систем в США, – все это выступает у него в качестве аргумента для доказательства того, что «обе страны очевидным образом движутся к промежуточной философской позиции и становятся все более близкими друг другу в этой весьма важной сфере»¹.

Распространив подобный подход на анализ других сфер – естественные науки и технику, этику и уголовное право, образование, спорт и досуг, искусство, религию, семью и брак, экономическую систему, социальные отношения, политическую систему, – он рисует новую интегральную систему (социальную, культурную, личностную), представляющую собой эклектическую смесь характеристик обеих стран, конвергирующих в «смешанный тип не коммунистической и не капиталистической, не тоталитарной и не демократической, не материалистической и не идеалистической, не религиозной и не атеистически-агностической, не чисто индивидуалистической и не коллективистской, не слишком святой и не слишком преступной»².

Разумеется, с позиций сегодняшних реалий, как говорится, задним числом легко можно было бы разложить по полочкам провозглашенные П. Сорокиным идеи и их толкование, справедливо упрекнуть его во многих вещах – сценарий конвергенции двух общественно-политических систем и двух философий и социологий оказался на практике утопичным (эта же судьба постигла и повторенные вслед за П. Сорокиным предложения академиком А.Д. Сахаровым в период горбачевской перестройки о конвергенции социалистической и капиталистической общественно-политических систем). Рассмотрение П. Сорокиным социальных наук и социальных отношений преимущественно через психологическую призму, а также постулирование тезиса о психосоциальных, а не социальных науках оказалось непродуктивным, декларируемые интегральные возможности философии и социологии со временем оказались преувеличенными и др. Вместе с тем надо признать, что П. Сорокин как никто другой из немарксистских социологов глубоко с неконфронтационных позиций подошел к поиску объединительного потенциала двух философских и социологических доктрин, с одной стороны – марксистской, материалистической, а с другой – западной, прежде всего американской. И это обстоятельство является существенным и крайне важным элементом преодоления возрождающейся советской социологией международного изоляционизма в период социологического ренессанса. Не надо забывать, что дата публикации работы П.А. Сорокина «Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР в смешанный социокультурный тип» – 1961 год.

окультурный тип. В кн.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 360.

¹ Сорокин П.А. Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР в смешанный социокультурный тип. В кн.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 360.

² См.: Сорокин П.А. Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР в смешанный социокультурный тип. В кн.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 383.

Глава III.

Фальсификации как проявление постправды

§1. О «запретах» возрождающейся социологии

Оценочные термины «запрет» и «погром», которые якобы имели место в период социологического ренессанса (да и раньше), настолько прочно овладели умами в социологическом сообществе, что их неупоминание в публикациях на исторические темы (разумеется, в контексте развития советской социологии) может быть расценено как нарушение исторической правды. Но насколько непредвзята и объективна такая позиция, в полном ли объеме такие оценки охватывают те действительно сложные перипетии, с которыми были связаны взаимоотношения социологии и власти? Ввиду неоднозначности и крайней противоречивости в освещении этой проблемы (особенно в научной литературе) возникает необходимость прояснения ряда аспектов, имеющих существенное значение не только для восстановления истины о прошлом, но и для решения задач будущего – формирования у новых поколений социологов правдивых и достоверных представлений о своих предшественниках, о корнях своей научной профессии.

Что же собой представляли «запреты» и «погромы»? Рассмотрим каждое из этих явлений отдельно. Интерпретация запретов представлена двумя исключительными друг друга точками зрения: 1) запретов на социологию как науку в прямом смысле этого слова не было; 2) запреты представлены как неотъемлемый элемент во взаимоотношениях власти с социологией, как постоянная целенаправленная партийная политика в этой сфере науки.

Итак, точка зрения об отсутствии запретов на социологию как инструмента того, что в практике КПСС именовалось партийным руководством наукой. Речь в таких случаях может идти о двух правдах – «большой правде», то есть официально проводимой партийной и государственной научной политике, и «маленькой правде» – неполитическом и непрофессиональном вмешательстве отдельных партийных функционеров, государственных чиновников в тематику исследований, оценку отдельных научных работ, распространение анкет и т.д. И весь вопрос заключается в том, о каких же в таком случае запретах идет речь: о запретах всей социологии как науки или о критике конкретных исследований, неграмотно составленных анкет, а также совершенно надуманных выводов и рекомендаций по итогам опросов, как это имело место, например, даже в фундаментальном двухтомном труде «Социология в СССР», вроде того, что: «...настало время, когда охрану материнства надо дополнить

охраной отцовства... В нашей стране имеются тысячи женских консультаций... Но наряду с ними должны быть основаны мужские консультации, которые принесут огромную пользу стране»¹.

Вот мнение Г.С. Батыгина, автора глубоких исследований по социологии вообще и в том числе по истории отечественной социологии: «Вообще положение социологии в теоретическом лексиконе советского марксизма достаточно двусмысленно. Нет никаких серьезных свидетельств, что социология запрещалась (подчеркнуто нами. – А.К.), – социологические формулы раннего Ленина всегда были каноническими»². А «Социологический журнал» в ответ на прозвучавшее на юбилейной научной сессии РАН в связи с годом социологии в России (26 марта 2008 года, Москва) заявление о якобы имевших место в прошлом запретах социологии в редакционной статье по этому поводу дал такую справку: «Официально... запрету со стороны советской власти российская социология не подвергалась (подчеркнуто нами. – А.К.) ни в этот период (1929–1955 годы. – А.К.), ни в какой-либо другой»³.

В свою очередь, член-корреспондент РАН Ж.Т. Тощенко, ссылаясь на личный опыт, в том числе и в организации конкретных социологических исследований на ряде промышленных предприятий, с одной стороны, обращает внимание на такие позорные страницы в истории нашей социологии, как расправа над Ю.А. Левадой, различные санкции против В.А. Ядова, административное вмешательство местных чиновников в процессы анкетирования, тематического планирования социологических исследований, а с другой – отмечает: «Но в то же время я не согласен с заявлениями о “репрессиях против социологов”, особенно часто звучавшими в начале 1990-х годов»⁴ (подчеркнуто нами. – А.К.). Свой тезис о том, что слово «социология» не было полностью запрещено, он подтверждает ссылкой на работы Г.Ф. Александра, в которых этот термин «можно встретить... неоднократно»⁵.

Н.В. Пилипенко с позиций человека, биография которого отмечена сочетанием научной профессиональной деятельности с работой в партийных структурах, занимавшихся курированием общественных наук, указывает на то, что развитие социологии в СССР «в 1960–1970-е годы (и позже)», использование социологических исследований в практике «было поднято до общегосударственного уровня» и что «со стороны органов советской власти никакого запрета или торможения развития разных уровней социологического знания, как иногда утверждается в печати, не допускалось» (подчеркнуто нами. – А.К.). Но, говорит он, «факты не востребованости данных социологических исследований были. Это объяснялось либо невысоким научным уровнем самих исследований, либо отсутствием финансовых средств на их внедрение в практику общественной жизни»⁶. М.Г. Пугачева, в свою очередь, отме-

¹ Социология в СССР. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль. С. 478.

² Батыгин Г.С. Советская социология на закате сталинской эры // Вестник АН СССР, 1991, № 10. С. 93.

³ См.: Юбилейная научная сессия РАН (26 марта 2008 г., Москва) // Социологический журнал. 2008, № 9. С. 152.

⁴ Тощенко Ж.Т. Социология возрождалась как политическая витрина // Социологический журнал. 2007, № 4. С. 157.

⁵ См.: Тощенко Ж.Т. Социология. 3-е изд., перераб. и дополн. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. С. 29.

⁶ Пилипенко Н.В. Институт конкретных социальных исследований. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 345.

чает, что на фоне, когда некоторые социологи стремились создать себе репутацию свободомыслия, в целом «никаких признаков диссидентского движения в ИКСИ не наблюдалось, по крайней мере явно. Поэтому утверждения И.Г. Земцова, эмигрировавшего в Израиль, об арестах сотрудников, которые он приводит в своем докладе о состоянии советской социологии, кажутся преувеличением»¹.

Прозвучавшие же в свое время (еще в 20-е годы XX столетия) призывы некоторых авторов отказаться от термина «социология» на том основании, что он был опошлен буржуазными учеными, несостоятельны, потому что несмотря даже на то, что трактовки о «ненаучности» и «реакционности» буржуазной социологии иногда переносились на марксистскую социологию, возможность последней в качестве советской социологической альтернативы, даже не выходящей за рамки канонических установок «Краткого курса...», никогда не отрицалась. Если же опошление буржуазными исследованиями термина «социология» принимать в качестве аргумента для его (термина) отмены и запрета, то, например, В.Ф. Константинов еще в далеком 1936 году заметил: «Если исходить из этого, то надо отказаться и от названия диалектического материализма философией марксизма, ибо слово “философия” не менее опошлено, чем слово “социология”»².

Точка зрения о запретительной партийной политике (не путать всю политику с реакцией чиновников на отдельные факты жизни социологического сообщества) представлена некоторыми исследователями в форме категорического императива, однозначно и безальтернативно. Особенно впечатляет тиражирование некоторыми правдоискателями якобы существовавшего множества запретов (один в 1929 году, по два в 1930 и 1931 годах, по одному – в 1938, 1953 и др.) и создание, таким образом, картины, когда каждый новый запрет объявлялся в условиях якобы ранее объявленных запретов. И что же каждый раз вкладывалось в термин «запрет»? Как известно, лексемы «запретить», «отменить», «упразднить» означают осуществление конкретного действия субъектами руководства (управления), наделенными легитимным правом осуществлять такие меры.

Так, например, запрет уже вышедшего в 1944 году третьего тома «Истории философии» (авторский коллектив даже получил Сталинскую премию) был осуществлен не просто в ходе нескольких дискуссий философов с участием руководящих деятелей ЦК, а принятием постановления ЦК ВКП(б) «О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX веков». Таким же образом наносился удар по Институту философии путем принятия 1 мая 1944 года постановления ЦК ВКП(б) «О недостатках в научной работе в области философии» (№ 1143/110), в котором не только обвинялось руководство Института философии в неудовлетворительной подготовке томов «Истории философии», но подводилась черта под влиятельным в философии митинско-юдинским альянсом. Фактически завершался целый период в истории отечественной философии – с разгрома в 1931 году «меньшевиствующего идеализма» до запрета в 1944 году третьего тома «Истории философии».

¹ Пугачева М.Г. Институт конкретных социальных исследований Академии наук СССР, 1968–1972. В кн.: Осипов В.Г., Москвичев Л.А. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 522.

² Константинов Ф.В. Социалистическое общество и исторический материализм // Под знаменем марксизма. 1936. № 12. С. 47.

Такой же пример и из художественной литературы: писатель М.М. Зощенко был официально объявлен клеветником на советскую действительность в постановлении ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» (1946), которое, кстати, было отменено в период горбачевской перестройки тем же органом, который принимал это решение.

Что же касается социологии, то за весь советский период не было ни одного подобного случая. Призывы же некоторых радикалов упразднить социологию, объявить ее только буржуазной наукой – это лишь проявление плюрализма мнений, которое, как показала жизнь, не всегда является истиной. В основе такой позиции не документальные подтверждения запрета социологической науки как таковой (еще раз подчеркнем – науки, а не отдельных элементов ее функционирования), а интерпретация тех или иных фактов с субъективных, нередко политизированных позиций. Причем «запретная» картина рисуется как историческая драма, в которой предстают, с одной стороны, темные силы объединившихся догматических философов-истматчиков и партократов-инквизиторов, которые только тем и озабочены, чтобы постоянно подавлять социологическое свободомыслие, а с другой – герои, разрывающие цепи доктринерской политики и идеологии, действующие «вопреки, но во благо».

На этом фоне появляются и герои-одиночки, болеющие манией единоличного первопродчества в поисках социологической истины и стремящиеся предстать в научном сообществе то ли в роли ледокола, рассекающего оледеневшие толщи научного пространства, то ли в роли прикованного к скале Прометея, разрывающего цепи, сковывающие дерзновенный полет научной мысли. А авторы одного из документальных изданий по проблемам социологии и власти пошли еще дальше: титульную обложку книги оформили в виде тюремной решетки, за которую они посадили отечественную социологию 1953–1968 годов¹.

Впрочем, при отсутствии документально подтвержденных запретов социологии сочинители различных легенд на этот счет запускают в информационное пространство такие придумки, от примитивности которых уши вянут. Вот одна из них. По словам уже упоминавшегося нами мастера фальсификаций И.Г. Земцова, эстонский социолог Войкленд был «исключен из партии только за то, что он посмел на основе проведенных им исследований дать рекомендации, как нужно печь хлеб в Таллине», то есть «выпекать его не целиком утром, а по частям, чтобы он весь день оставался свежим». «Но, – продолжает он, – кому-то из боссов в партийном аппарате Эстонии это не понравилось, будут тут всякие советовать нам!»²

Узнав об этом, Г.В. Осипов (вместе с автором этой легенды И.Г. Земцовым!) срочно, несмотря на то, что на его плечах «была огромная ассоциация, десятки изданий, институт, которым практически он руководил, хотя номинально директором числился академик А.М. Румянцев» (?!), «все равно бросился в Таллин, чтобы помочь коллеге, попавшему в беду человеку». Минувя все руководящие инстанции республики (?), московские ходоки напрямую якобы попали в кабинет первого секретаря ЦК КП Эстонии И.Г. Кэбина, убедили его в том, что действительно хлеб, выпекаемый по частям, а не целиком утром, предпочтительнее (!), и добились у собеседника обещания, «что ошибка будет исправлена». В заключение И.Г. Земцов подчеркивает: социолога

¹ См.: Социология и власть. Сборник 1. Документы 1953–1968. М.: ACADEMIA, 1997.

² См.: Академик Г.В. Осипов – патриарх социологии. М.: Наука, 2009. С. 160–161.

в партии восстановили – «формально партийные органы Эстонии», а «по существу – Геннадий Васильевич Осипов»¹.

Героизируя в 2009 году именно таким образом события, якобы имевшие место в начале января 1970 года, автор этой фальшивки исходил, видимо, из того, что проверить их почти через четыре десятилетия, да еще и после коренных геополитических изменений, когда Эстония поменяла Советский Союз на Евросоюз, – практически невозможно. Но примитивизм и глупость обладают таким свойством, что они хорошо узнаваемы в разных временных и политических координатах. Только печальным является то, что эта ересь сегодня публикуется под академическим грифом.

Когда же советский специалист по партстроительству КПСС В.И. Жуков в постсоветское время пишет о том, что «свою научную деятельность Г.В. Осипов начал тогда, когда социология в партийно-административном порядке практически была запрещена»² (подчеркнуто нами. – А.К.), то появляется естественное профессиональное желание попросить такого исследователя показать конкретные документы, подтверждающие партийно-административный запрет социологии. Против советских социологов, пишет также И. Земцов, «были развернуты репрессии. Десятки из них были арестованы, многие изгнаны из своих университетов и лишены возможности проводить свои исследования общества»³, более того, в Институте конкретных социальных исследований (ИКСИ) была даже «обнаружена подпольная ячейка, и несколько сотрудников были арестованы»⁴ (и это при том, что ни сам автор, ни кто бы то ни было не имел и сейчас не имеет ни одного конкретного факта, подтверждающего такие репрессии). А вице-президент РАН академик А.Д. Некипелов с трибуны юбилейной сессии РАН по случаю проводившегося в 2008 году Года социологии в России, драматизируя «сложный и трудный процесс возрождения социологической науки в нашей стране», в течение которого социология была, по его словам, запрещена, заявил, что даже само слово «социология» без добавления эпитетов «буржуазная» или «реакционная» произносить было небезопасно⁵.

А Г.В. Осипов в одном из интервью свое утверждение «судьба советской социологии была... намного трагичнее, чем генетики» «аргументировал» заявлениями не только о том, что «некоторым социологам в административно-партийном порядке запрещали заниматься» социологией (запрет в «административно-партийном порядке» означает наличие соответствующих документально оформленных или решений, или письменных указаний академическим (вузовским) структурам, или директив, высказанных в докладах и выступлениях партийных руководителей страны, – но этого ничего нет и в помине ни в архивах, ни в опубликованных сборниках документов!), но некоторые из них зачислялись «в число уголовных преступников» и даже «были физически уничтожены»⁶. Безапелляционные же заявления о том, что

¹ См.: Академик Г.В. Осипов – патриарх социологии. М.: Наука, 2009. С. 161.

² См.: Академик Г.В. Осипов – патриарх социологии. М.: Наука, 2009. С. 209, 77.

³ Социология в СССР: взгляд изнутри и извне. М.: Вече, 2008. С. 406.

⁴ Социология в СССР: взгляд изнутри и извне. М.: Вече, 2008. С. 476.

⁵ См.: Юбилейная научная сессия РАН (26 марта 2008 г., Москва) // Социологический журнал. 2008, № 2. С. 151.

⁶ См.: Молчали не все. Интервью с членом-корреспондентом АН СССР Г.В. Осиповым // Вестник Академии наук СССР. 1990, № 1. С. 119–121.

в период времени, о котором в данном случае идет речь, термин «социология» практически «оказался запретным»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.), что даже в начальный период горбачевской перестройки социология, которая могла бы заняться исследованием социальных проблем, «была в СССР практически запрещена»² (подчеркнуто нами. – А.К.), – все это из арсенала антисоветизма (но не импортного, а нашего – доморощенного), построенного на тотальной критике, как говорится, всего и вся, на превращении СССР в черную дыру отечественной истории, в данном случае в области социологии. Дорисовывает же он свой гулаговский облик возрождающейся социологии, на наш взгляд, в высшей степени безответственным и бездоказательным утверждением о том, что социологов не только репрессировали, но и «расстреливали»³.

Если на каком-то этапе в своих рассуждениях о политической борьбе между социологами и властью (?!), о противостоянии официальной идеологии и социологии как науки Г.В. Осипов ограничивается личными и документально не подтвержденными высказываниями, то со временем он, пользуясь директорским статусом, стал осуществлять это через некоторых сотрудников института. Так приказом № 2 от 24 апреля 2016 года в связи с подготовкой публикаций к 25-летию организации Института социально-политических исследований доктору химических наук С.Г. Кара-Мурзе предписывалось представить проект статьи на основе концепции, как определялось директивно, – «противостояние официальной идеологии и социологии как науки. Борьба с партийной номенклатурой. Основные линии борьбы». При этом указывалось также, какие источники должен использовать автор при подготовке проекта статьи, – посвященную научному и жизненному пути самого Г.В. Осипова монографию «Академик Г.В. Осипов – патриарх социологии» и беседу академика Л.Н. Митрохина с Г.В. Осиповым, в которой «тернистые пути социологии» рассматриваются через личностную призму самого Г.В. Осипова.

Результат – субъективная «объективность»: не разобравшись в сути дела и явно искажая события, связанные с роспуском Советской социологической ассоциации, автор не нашел ничего лучшего, чем просто привести в качестве аргумента цитату из Г.В. Осипова: «В трагические дни для нашего Отечества, дни величайшей геополитической катастрофы XX века, дни крушения великого государства – СССР решение о роспуске вполне еще дееспособной социологической ассоциации было продекларировано инициаторами этого роспуска предельно цинично: ничто, что хоть как-то напоминает о советском периоде (даже слово “ассоциация”), не должно сохраняться в новой России. Парадоксально, но факт: одни социологи создавали социологическую ассоциацию страны, другие – прекратили ее деятельность»⁴. Но картина выглядела совершенно иначе, и исследователь, обратившись к этому неоднозначному сюжету, обязан был использовать официальные документы, а не ограничиваться цитированием своего начальника. (Как в действительности выглядела ситуация с последними днями существования Советской социологической ассоциации и созданием Россий-

¹ Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 401.

² Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 460.

³ Осипов Г.В. Социология и политика. М.: Вече, 2009. С. 129.

⁴ См.: Кара-Мурза С.Г. ИСПИ РАН дает ответ на вызовы временем // Социс. № 11 (390), 2016. С. 32.

ского общества социологов, мы рассказываем в главе V настоящего издания «Советская социологическая ассоциация: создатели, преемники, «приватизаторы».)

В этом контексте небезынтересен вопрос: когда же Г.В. Осипов стал жаловаться на свою судьбу гонимого и преследуемого властью? Так вот: за весь советский период пребывания Геннадия Васильевича в социологии (с 1953 по 1991 годы) в его публикациях вы не найдете даже малейших намеков на существование каких-либо проблем в его отношениях с властью – то ли партийной, то ли академической. И вдруг в одной из первых публикаций постсоветского времени (в октябре 1992 года), когда научное сообщество еще пребывало в состоянии шока от гибели многонационального государства и такой же многонациональной Академии наук СССР, Геннадий Васильевич в этих условиях решил впервые определить отношение к своему советскому социологическому прошлому. Заявив, что при Брежневe он был «фигурой умолчания» (?!), он так уточнил эту оценку: «Тогда было гораздо серьезнее. Речь шла об увольнении с работы, исключении из партии. За границу долго не пускали... Даже уголовное дело собирались завести. И делалось все это по указаниям из самых высоких кабинетов»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.). По ходу нашего изложения мы, основываясь на документах, дали пояснения по каждому из упомянутых фактов. Сейчас же лишь обратим внимание на то, что «фигура умолчания», которая за весь период научной деятельности ни одного дня не проработала на рядовых научных должностях, все время перемещалась только по руководящим кабинетам, завоевав в последние месяцы существования Академии наук СССР высоты директора института и звание академика. И это «фигура умолчания»?

Какая же «репрессивная» картина по отношению к Г.В. Осипову вырисовывается из его высказываний, как правило, не подкрепленных конкретными фактами: «длгое время я подвергался жесточайшему прессингу»; директор Института философии Ф.В. Константинов якобы приглашает к себе его жену Лену для того, чтобы предупредить: «Если Осипов не изменит своих взглядов (якобы проталкивание буржуазной науки. – А.К.), то через год вы окажетесь с ним в Сибири»; инструктор Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС Г. Квасов, обвиняющий его в том, что он «проводник буржуазной идеологии, он не выражает интересы партии», делает «последнее» предупреждение: «Если еще раз повторится нечто подобное (замечания по книге «Моделирование социальных процессов». – А.К.), то будет принято решение об освобождении вас (то есть Г.В. Осипова. – А.К.) от должности заместителя директора института и запрещение заниматься профессиональной деятельностью» (подчеркнуто нами. – А.К.); вице-президент АН СССР П.Н. Федосеев обращается к следователю суда с просьбой дать сотруднику института Г.В. Осипову «года два условных – чтобы другим было неповадно»² (?!). Г.В. Осипов в постсоветских публикациях, по-своему трактуя факты и события, стремится позиционировать себя как постоянно преследуемого властями в период социологического возрождения, как, с точки зрения официоза, политически неблагонадежного, как носителя «буржуазной идеологии».

«Не избежал репрессий и я»³, – утверждает Г.В. Осипов, комментируя постановление Президиума АН СССР, которое, по его словам, было «инспирировано» П.Н. Фе-

¹ См.: Осипов Г.В. С утопией по топям. Интервью газете «Поиск». № 41 (179), 3–9 октября 1992 г.

² Все факты взяты из кн.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 488–594.

³ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 34.

досеевым. Но в документе шел разговор о служебных наказаниях за допущенные недостатки в работе – о каких-то репрессиях в нем ни слова не было сказано, да и быть этого не могло – репрессии никогда не входили в функцию Президиума АН СССР. Заявление, сделанное Г.В. Осиповым в постсоветское время на Всероссийском социологическом конгрессе 21 октября 2008 года и повторенное в ряде научных публикаций, о том, что после его освобождения от должностей заместителя директора института и председателя ССА «был поставлен вопрос о запрещении... мне заниматься научной деятельностью»¹, не подтверждается никакими официальными документами и свидетельствами участников тех событий.

Не придумки, а факты говорят совершенно о другом: Президиум АН СССР, приняв 28 декабря 1972 года постановление № 1150 об освобождении Г.В. Осипова от должности заместителя директора института с 15 января 1973 года (причем по личной просьбе), предоставил ему возможность, оставаясь в предыдущей должности, пройти конкурс на замещение вакантной должности заведующего сектором истории марксистско-ленинской социологии и критики буржуазной социологии. По итогам конкурса он был утвержден ученым советом института в новой должности 12 января 1973 года, таким образом, пересел из одного кабинета в другой не только без перерыва в стаже, но пребывая несколько дней в двух должностях. Вот так выглядит запрет заниматься профессиональной деятельностью доктору философских наук Г.В. Осипову.

Далее сопоставим два события разных лет – 1962 и 2008 годов. М.Т. Иовчук и Г.В. Осипов в совместном докладе «О некоторых теоретических принципах, проблемах и методологии социологических исследований в СССР» на V Международном социологическом конгрессе, говоря о неблагоприятной обстановке для конкретных социологических исследований в период с середины 30-х годов до 1953 года, в то же время заявили, как говорится, на весь мир: «Но и в период культа Сталина вопреки его догматической окостенелости Коммунистическая партия Советского Союза и руководимые ею советские ученые разрабатывали важные вопросы марксистской социологии – исторического материализма, обобщали практический опыт строительства социалистического общества, помогая находить смелые теоретические решения важнейших социальных проблем общества»² (подчеркнуто нами. – А.К.). Так было сказано в 1962 году. Причем авторы доклада, изложив свои позиции по данному вопросу перед представителями международного социологического сообщества, позаботились о том, чтобы довести такую точку зрения до сведения отечественной научной общественности, опубликовав материалы своего доклада на конгрессе в журнале «Вопросы философии».

А теперь переместимся из советского 1962 года в постсоветский 2008 год, когда на состоявшейся под эгидой Президиума РАН юбилейной сессии Академии наук (!), посвященной 50-летию со дня создания Советской социологической ассоциации и 40-летию Института социологии РАН, Г.В. Осипов в официальном докладе заявил: «С 1929 по 1955 годы не только сама наука (социология. – А.К.), но и само слово “социология” оказалось под запретом». Вопрос: кому должны верить историки социоло-

¹ См.: Вехи российской социологии. 1950–2000-е гг. / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко, Н.В. Романовский. СПб.: Алетейя, 2010. С. 12.

² Иовчук М.Т., Осипов Г.В. О некоторых теоретических принципах, проблемах и методах социологических исследований // Вопросы философии. 1962, № 12. С. 25–26.

логии, ищущие истину, студенты, зарубежные исследователи, стремящиеся понять «трагическую» судьбу российской социологической науки? Ведь две несовместимые друг с другом позиции одного и того же автора освящены высоким академическим авторитетом, и презентованы они на самых престижных научных форумах. А как можно совместить такие факты? С одной стороны, одним из трех направлений созданного Института конкретных социологических исследований стал возглавляемый И.С. Коном проект «История социологии» – это реальное, вошедшее навсегда в летопись истории отечественной социологии событие. С другой стороны, сегодняшние абсолютно бездоказательные заявления Г.В. Осипова о том, что после создания ИКСИ «социология оставалась под запретом».¹

Свою версию развития социологии Г.В. Осипов изложил как «опыт полувекowego противоборства социологов-шестидесятников и партийных функционеров, социологии и власти»². В сотворенной в постсоветское время двухполюсной модели непримиримого противоборства и противостояния власти и социологии по одну сторону баррикад оказались социологи, которым «в условиях партokratического режима... удалось создать не только свою неповторимую систему социологического знания, но и добиться признания социологии как науки», а с другой – противостоящая им (социологам) «объединенная единая армия философов-марксистов» и система институтов государственной и партийной власти³. Но как в условиях командно-административной системы социологи, пребывая в противоборстве с властями, могли самостоятельно решать вопросы создания Советской социологической ассоциации, социологического института, профессионального журнала и т.д., и т.п.? В этой «трагической» борьбе почему-то не оказалось места для объективного анализа плюсов и минусов сотрудничества Президиума АН СССР с органами партийной и государственной власти, без чего просто невозможно представить в полном масштабе возрожденческий процесс отечественной социологии.

Говоря об итогах проводимого в 60-е годы XX столетия с его участием исследования рабочих в Горьковской области, он почти через полвека сообщил читателям еженедельника «Коммерсантъ ВЛАСТЬ», что за несовпадение результатов исследования о сближении умственного и физического труда с распространенной в те годы точкой зрения по этому вопросу коллектив исполнителей (и в первую очередь он) были объявлены, ни много ни мало, «пособниками империализма». И кто же это содейл? «Сразу же против нас резко выступили философы»⁴, – в этой абстрактной фразе сплошной туман. Кто конкретно эти философы, в какой форме они выступили – опубликовали научные статьи, обратились в печать с опровержением, поставили вопросы перед директивными органами? Штука-то серьезная, даже очень – обнаружили «пособники империализма». Искажая фактическую суть дела, в этом же интервью он заявил: «Меня пытались исключить из партии и подвести под уголов-

¹ См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 514.

² Осипов Г.В. Как это было на самом деле: о возрождении социологии в России. В кн.: Вехи российской социологии. 1950–2000-е гг. СПб.: Алетейя, 2010. С. 13.

³ См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 7.

⁴ См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 542.

ное дело». А за то, что, встретившись в коридоре института с зарубежным коллегой, он (то есть Г.В. Осипов. – А.К.). «сказал несколько вежливых фраз», его «обвинили в том, что беседовал с иностранцем без разрешения руководства, и снова объявили выговор»¹.

Вызывает недоумение и пассаж о том, что в «период господства партократии руководство страны крайне подозрительно относилось к общественным наукам» (о каком периоде идет речь? что означает подозрительное отношение, да еще и не только к социологии, а ко всем общественным наукам?), подкрепленный столь же бездоказательной и абстрактной фразой «Ряд наук, например социология и политология, был запрещен, а для других – таких, как психология или социальная психология, были созданы невыносимые условия для развития»² (подчеркнуто нами. – А.К.).

За пределами не только логики, но и здравого смысла можно рассматривать и утверждение о том, что «несмотря на пятидесятилетний запрет, социальные и гуманитарные науки благодаря самоотверженности российских ученых не только развивались, но и в кратчайший срок преодолели отсталость и встали в один ряд с естественными и техническими науками»³ (подчеркнуто нами. – А.К.). Вдумаемся еще раз в подчеркнутые нами слова в приведенной выше цитате: оказывается, под «пятидесятилетним запретом» находилась не только социология, а все «социальные и гуманитарные науки».

Заявление же в постсоветское время, что «с точки зрения плюралистической в идейном плане современности курьезом выглядит тот факт, что такие понятия и методы как гипотеза, наблюдение, социальный эксперимент, опросы и многие другие, в период господства партократии были изъяты из арсенала социальных наук как не соответствующие методологии исторического материализма» (подчеркнуто нами. – А.К.), нуждается в том, чтобы его сопоставить с подготовленным Г.В. Осиповым словарем терминов, приложенным к книгам «Социология в СССР» и «Рабочая книга социолога». В них все выглядит ровно наоборот: историческому материализму воздана определяющая научно-методологическая ценность, а подчеркнутые в приведенной выше цитате слова не только не запрещены, а сформулированы как научные категории и понятия, выросшие на благодатной почве истмата⁴. Автор же этих «диаметральных противоположностей» один и тот же, только тексты написаны им в разное политическое время.

А в учебнике «История социологии» утверждается, что «резкую критику со стороны приверженцев исторического материализма, отрицавших социологию как самостоятельную науку», вызвало то, что в словарь ко второму тому книги «Социология в СССР» «впервые вошли термины, использование которых в СССР было запрещено: “отчуждение труда”... “первичные и вторичные социальные группы” и др.»⁵ Чтобы понять суть такого «смелого» и «дерзновенного» поступка, есть необходимость по приведенному выше тексту сделать три уточнения. Первое – утверждение о запрете

¹ См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 544.

² Осипов Г.В. Академия наук – три века служения Отечеству. М., 2013. С. 158.

³ Осипов Г.В. Академия наук – три века служения Отечеству. М., 2013. С. 159.

⁴ См.: Социология в СССР. Том II. М.: Мысль, 1966. С. 484–509; Рабочая книга социолога. Под общ. ред. и с предисл. акад. Г.В. Осипова. RU: URSS, 2008. С. 457–468.

⁵ История социологии. Учебник / отв. ред. Осипов Г.В., Култыгин В.П. М.: Норма, 2009. С. 553.

упомянутых социологических терминов документально не подтверждено и голословно; факт полемики (порой острой) по содержанию этих понятий и обоснованности (или необходимости) их употребления свидетельствовал о плюрализме мнений, но отнюдь не о запретах. Второе – позиционирование Г.В. Осипова в опубликованной в постсоветское время «Истории социологии» в качестве противника истмата никак не вяжется с его позицией по этому вопросу, которую он изложил в упомянутом же словаре в 1966 году: «Общим методом всех наук является диалектический и исторический материализм – единственный подлинно научный метод»¹. Третье – как могли вызвать «резкую критику со стороны приверженцев исторического материализма» указанные выше термины, если они, увы (!) ...в тексте словаря вообще отсутствуют². Получается: резко критиковалось то, чего в природе не существовало (!!).

Для установления же истины относительно утверждений Г.В. Осипова о том, что в СССР включение в книгу по социологии таких категорий, как «общество», «класс», «нация», «личность», «даже несмотря на перестройку, административно каралось»³, обратимся... к самому Геннадию Васильевичу, а точнее, к упомянутому выше словарю социологических терминов, приложенном к книге «Социология в СССР». Наличие в нем упомянутых выше терминов (кроме понятия «нация») свидетельствует о том, что в 1966 году никаких карательных акций в связи с использованием этих терминов в научных публикациях не было. Более того, при довольно критичном обсуждении этого словаря после его публикации (прежде всего касаясь таких понятий и категорий, как «группа социальная», «групповое сознание», «гуманизация труда», «логика науки», «социальный закон» и др.) по поводу категорий «общество», «класс», «личность» никаких негативных суждений не было высказано, то есть они были одобрены⁴. Более того, словарь с этими понятиями включался (в разной модификации, в том числе и с добавлением категории «нация») в многократно изданную «Рабочую книгу социолога». Причем содержание некоторых категорий, например «нация», механически переключало из издания советского периода в постсоветский 2008 год. Таким образом, включенные Г.В. Осиповым в словарь социологических терминов такие категории, как «общество», «класс», «нация», «личность», никогда и никем не объявлялись такими, за которые надо применять административно-карательные меры. Может быть, автор таких «страшилок» решил попутать... сам себя?

Абсолютно бездоказательны утверждения и о том, что «...многие научные понятия, например, такие как “социальная экология”, “социальная статика”, “социология труда”, “социология семьи”, “социология религии”, “социология культуры” и другие, даже в период признания прикладной социологии оказались под запретом. Используя их ученые могли быть зачислены в разряд последователей и пропагандистов реакционной буржуазной социологии»⁵ (подчеркнуто нами. – А.К.).

¹ См.: Социология в СССР. Т. II. М.: Мысль, 1966. С. 484–509.

² См.: Социология в СССР. Т. II. М.: Мысль, 1966. С. 483–509.

³ Осипов Г.В. Социология и общество. Социологический анализ российской службы. М.: Норма. 2007. С. 582–583.

⁴ Стенограмма обсуждения краткого словаря терминов. В кн.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 548–552.

⁵ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 21.

Просто невозможно поверить в то, что эти слова принадлежат социологу-профессионалу. Ведь научные понятия, которые, по утверждению Г.В. Осипова, оказались под запретом, не только никогда никем не исключались из исследовательского оборота, а, наоборот, составили понятийный аппарат оригинальных теоретико-методологических и научно-прикладных трудов по важнейшим проблемам так называемой отраслевой отечественной социологии. Нет также никаких документальных свидетельств того, что исследователи этих проблем зачислялись в разряд реакционных буржуазных социологов.

Дело в том, что какое-то время, прежде всего в начальный период социологического ренессанса упомянутые выше термины вообще не употреблялись, но не по причине их запрета, а из-за фактического отсутствия самой так называемой отраслевой социологии, когда ей еще только предстояло пройти путь становления. Налицо трудно отрицаемый факт – будущие направления отраслевой социологии формировались в недрах неинституционализированной социологии – спонтанно, стихийно, без какой-либо координации и без определения теоретико-методологических параметров отношения с теоретической социологией. То есть если бы кто-то и захотел ее запрещать, то не было что запрещать, равно как и не было исследователей, которые могли бы оказаться последователями реакционной буржуазной социологии. Каждому из направлений отраслевой социологии пришлось пройти свой путь обретения себя благодаря личному выбору отдельных исследований тематики этих исследователей.

Следовательно, в данном случае мы имеем дело не с запретно-репрессивной практикой, а с уровнем и состоянием развитости этих конкретно-отраслевых направлений социологической науки. Со временем же отраслевая социология приобрела динамику своего развития, расширилось ее исследовательское поле, стал формироваться соответствующий кадровый корпус профессионалов, а значит, и появились труды, обогатившие историю возрождения отечественной социологии. Так, например, в ответ на объявление запретным понятия «социология семьи» можно вспомнить крупнейшего специалиста-социолога в этой области А.Г. Харчева, не только защитившего две диссертации по социологии семьи (кандидатскую и докторскую), но и ставшего автором фундаментальных научных исследований в этой области: «Брак и семья в СССР. Опыт социологического исследования», «Современная семья и ее проблемы. Социально-демографическое исследование», «Семья как объект философского и социологического исследования» и т.д. В научном сообществе он получил заслуженную известность исследователя, находившегося у истоков социологического возрождения.

Что касается «запрета» термина «социология религии», то из множества публикаций «запретного времени», опровергающих подобные суждения, можно привести труд работавшего в ИКСИ под началом Г.В. Осипова настоящего рыцаря социологии Ю.А. Левады «Социальная природа религии», а также исследования Ч. Глюка «Социология религии», И.И. Яблокова «Социология религии» и т.д. А мог ли при запрете термина «социология труда» осуществиться еще в начальный период социологического ренессанса проект ленинградских социологов во главе с В.А. Ядовым «Человек и его работа (социологическое исследование)». Нельзя не вспомнить в этом контексте проведенное впервые по инициативе советских социологов международное сравнительное социологическое исследование по проблемам труда и индустрии (СССР, Польша), результатом чего стала публикация в 1970 году на русском, поль-

ском и итальянском языках монографии под общей редакцией Г. Осипова и Я. Щепаньского «Социальные проблемы труда и производства».

Как до неузнаваемости можно исказить исторические факты, придав им прямо противоположный смысл, свидетельствует также весьма важное по политическому весу утверждение из монографического исследования Г.В. Осипова «Социология»: «На этот процесс (искусственный перерыв в развитии социологической науки. – А.К.) особое влияние оказал июньский (1984) Пленум ЦК КПСС, на котором институт был подвергнут суровой критике, в результате чего было принято решение... преобразовать Институт социологических исследований в Центр опросов общественного мнения (подчеркнуто нами. – А.К.). И вновь социологам пришлось вести борьбу за сохранение социологической науки»¹.

Для установления истины обратим внимание на такие четыре момента. Первое – в истории КПСС вообще не было события под названием «Июньский (1984) Пленум ЦК КПСС». Второе – за период существования Института социологических исследований (и его предшественника) ни на каких Пленумах (или других форумах) ЦК КПСС вопрос о ликвидации этого академического института или преобразовании его в какую-то новую структуру вообще не ставился и не обсуждался; научному сообществу известен июньский Пленум ЦК КПСС, состоявшийся в 1983 году, на котором были приняты политические решения и конкретные меры по коренному улучшению социологических исследований и созданию на базе Института социологических исследований Всесоюзного центра по изучению общественного мнения (а не Центра опроса общественного мнения) при обязательном условии улучшения работы, а не ликвидации самого ИСИ. Третье – утверждение автора приведенной выше цитаты о том, что «на этот процесс (искусственный перерыв в развитии социологии) особое влияние оказал июньский (1984) Пленум ЦК КПСС», надо воспринимать ровно наоборот, разумеется, при уточнении, что речь идет все же о событии не 1984, а 1983 года, которое было направлено не на искусственный перерыв в развитии социологической науки, которого, кстати, в указанное время вообще не было, а на коренное улучшение дел в отечественной социологии. И в этом суть вопроса!

Четвертое – в ответ на слова, сказанные в контексте якобы существовавшего в исследуемое время, по мнению Г.В. Осипова, противостояния власти и науки по вопросам социологии, о том, что после Пленума ЦК КПСС «вновь социологам пришлось вести борьбу за сохранение социологической науки», можно всего лишь уточнить, о какой реальной борьбе идет речь и кто ее вел. Факты налицо: уже 23 августа 1983 года, то есть через два месяца после Пленума ЦК КПСС исполняющий обязанности президента АН СССР В.А. Котельников и исполняющий обязанности главного ученого секретаря Президиума АН СССР А.В. Фокин направили в адрес ЦК КПСС записку о мерах по этому вопросу, принимаемых Президиумом АН СССР, секцией общественных наук, общим собранием естественных и общественных наук, сессией общего собрания АН СССР. 1 сентября 1983 года министр В.П. Елютин докладной запиской информировал партийные инстанции о проводимой работе в этом направлении в системе высшей школы. Аналогичную записку в адрес ЦК КПСС направило 27 сентября 1983 года руководство Академии общественных наук. Словом, развернулась не борьба социологов с властью, как это изображает Г.В. Осипов, а многоплано-

¹ Осипов Г.В. Социология. Изд. 2-е. М.: изд-во ЛКИ, 2008. С. 15.

вая работа партийной и государственной власти по оказанию помощи социологическому сообществу в придании социологии нового качества.

В этом контексте заслуживает внимания рассмотрение Президиумом АН СССР вопроса о научной деятельности Института социологических исследований АН СССР после июньского (1983) Пленума ЦК КПСС. Доклад директора института В.Н. Иванова, содоклад члена-корреспондента АН СССР Г.Л. Смирнова, возглавившего комиссию по проверке деятельности института, участие в дискуссии на Президиуме АН СССР (выступления, вопросы, реплики) академиков Е.П. Велихова (он же вице-президент АН СССР), Б.Б. Пиотровского, Г.К. Скрыбина (он же главный ученый секретарь Президиума АН СССР), В.Н. Вонсонского, А.Т. Егорова (он же академик-секретарь Отделения государства и права АН СССР), И.И. Лукинова (он же вице-президент АН Украины) и др., принятие развернутого постановления Президиума АН СССР по этому вопросу, наконец, обстоятельное освещение этого мероприятия в монографии В.Н. Иванова «Социология в СССР. Записки директора института» – во всех перечисленных случаях прозвучало признание правильности и объективности сформулированных как на Пленуме ЦК, так и на заседании Президиума АН СССР оценок деятельности института, конструктивности одобренных мер по исправлению выявленных недостатков, уважительного отношения к институтскому коллективу, веры в его научный потенциал. И никаких не то что «преобразований ИСИ в Центр опроса общественного мнения», запретов социологии, а даже каких-то частных замечаний, которые негативно влияли бы на честь и достоинство институтского коллектива¹.

И вот вопреки консолидированной и официально зафиксированной позиции политического руководства страны, Президиума АН СССР, большой группы академиков АН СССР, наконец, только приступившего к выполнению директорских функций В.Н. Иванова руководитель одного из отделов института в описываемое время Г.В. Осипов «обогащает» современное «плюралистическое» понимание возрожденческих процессов отечественной социологии своей ничем не подкрепленной версией о том, что после июньского Пленума ЦК КПСС происходило «новое административно-приказное “вторжение” в социологическую науку», что «вновь понятие “социология” оказалось под запретом. Оно было заменено понятием “прикладная социология”. Теоретическая социология полностью отрицалась»² (подчеркнуто нами. – А.К.). И это написано в учебнике для вузов?! Спорить в данном случае – все равно что включиться в дискуссию на тему, вокруг чего вертится Земля. Остается лишь вспомнить комментарий для подобных ситуаций профессора В.Э. Шляпентоха, который много лет сотрудничал с Г.В. Осиповым на социологической ниве: «Даже в 1986 году, когда перестройка делала первые шаги, он (Г.В. Осипов. – А.К.) выступал на конгрессе американских социологов, где был и я, как... беспардонный вун, даже совершая добрые дела для социологии»³.

¹ См. более подробно: О научной деятельности Института социологических исследований АН СССР // Вестник Академии наук СССР. 1985, № 2. С. 12–22; Иванов В.Н. Социология в СССР. Записки директора института. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2014. С. 11–22.

² Осипов Г.В. Социология. Изд. 2-е. М.: изд-во ЛКИ, 2008. С. 15.

³ См.: Интервью В.Э. Шляпентоха «Социолог: здесь и там», помещено в его книге «Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал». М.: Центр социального прогнозирования, 2006.

В самом деле, как можно совместить заявления Г.В. Осипова о полном отрицании теоретической социологии и вообще о новом ее запрете после июньского Пленума ЦК КПСС с такими адресованными институту положениями, например, постановления Президиума АН СССР «О научной деятельности Института социологических исследований АН СССР» по выполнению решений упомянутого выше партийного Пленума: «разработка теоретических, методологических и методических проблем социологических исследований, развитие и углубление исследований по истории марксистской социологии, критика буржуазной социологии», «следует также внедрять новые средства и методы повышения заинтересованности сотрудников в осуществлении всего цикла социологического исследования – от теоретических и методологических изысканий, сбора и обработки эмпирических данных до внедрения разработанных рекомендаций в практику», широко использовать организационные формы работы для объединения усилий «научных коллективов нескольких отделов, секторов, проблемных групп для реализации крупных исследовательских проектов и общеинститутских творческих работ, а также различные формы кооперации с другими институтами секции общественных наук»; журналу «Социологические исследования» предложено поднять роль «в решении актуальных теоретических и методологических проблем социологии, в организации дискуссий, в повышении научно-теоретического уровня и эффективности социологических исследований, в обеспечении тесной связи с научными учреждениями, вузами, заводскими социологами»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Какой же вывод можно сделать из описанной выше истории? Как человек, входивший в то время в состав ЦК КПСС и принимавший участие в работе июньского (1983) Пленума ЦК КПСС, свидетельствую о следующем. Ее (истории) сочинитель, преднамеренно фальсифицируя суть принятых на партийном пленуме решений по вопросам социологических исследований, превращает это событие из позитивного факта для социологии, каким оно было на самом деле, в запретно-разрушительную акцию, которая, по его замыслу, должна вписываться в концепцию социологических разгромов, «ожесточенной борьбы» социологов с властью за свое профессиональное существование. И в том, что в качестве силы, разрушающей социологию, избран Пленум ЦК КПСС, – особый смысл. Ведь этот орган, в который в качестве членов ЦК и кандидатов в члены ЦК входили представители всех союзных республик и областей страны, а также руководители Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР, союзные министры и председатели государственных комитетов, руководители иных структур, в том числе и Академии наук СССР, – по своей силе возвышался и над Секретариатом ЦК и над Политбюро ЦК, выше был только партийный съезд. И вот этот орган якобы принимает (как считает автор этой легенды) решение преобразовать академический институт в Центр по опросу общественного мнения (что означало фактически его ликвидацию), даже не поинтересовавшись позицией на этот счет президента и Президиума АН СССР. Конечно же, звучит это ужасающе: какая артиллерия брошена на борьбу с социологией! И доверчивый читатель, особенно тот, который получил приличную дозу антисоветской «радиации», наверняка проглотит эту наживку. Но к чему может привести дорога в храм

¹ О научной деятельности Института социологических исследований АН СССР // Вестник Академии наук СССР. М., 1985. С. 22.

науки, вымощенная такими чудовищными фальсификациями? К интеллектуальному опустошению.

В заключение этой истории – еще один существенный момент. Говоря о том, что на Пленуме ЦК «институт был подвергнут суровой критике», Г.В. Осипов умалчивает о том, была ли эта «суровая критика» справедливой, а значит, полезной, или необъективной, то есть предвзятой и направленной, как он пишет, на «искусственный» перерыв в развитии социологической науки. (Ответ на этот вопрос содержится в параграфе «Информация умолчания» настоящего издания.)

И вот возникает вопрос принципиального плана: откуда выросла концепция «запретов» социологии властями? Кто доказал это, положив, как говорится, на стол необходимые документальные аргументы? Мы начнем с того, что Г.В. Осипов в докладе на юбилейной научной сессии РАН по случаю Года социологии в России представил такой собственный вариант историографии российской социологии, выделив в ней целый «запретный» исторический период: зарождение, обозначенное книгой В.В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России: наблюдения и исследования» (1869); институционализация, которая связывается с организацией первой кафедры социологии в открывшемся в 1907 году частном психоневрологическом институте; период запрета (1929–1955); проторенессанс (1956–1957); собственно возрождение и повторная институционализация – создание ИКСИ, ССА, первых социологических факультетов¹. Рассмотрим выделенный в предложенной классификации период запрета более обстоятельно, обратившись прежде всего к документальной и фактологической сторонам дела.

Обозначение автором этого «запретного» периода хронологическими рамками 1929–1955 годов говорит, очевидно, о том, что за неокругленными датами (обычно в подобных случаях такая аптекарская точность не соблюдается) автор этой концепции имел в виду какие-то конкретные знаковые события, позволяющие четко определить в историко-временном пространстве начало и завершение названного им периода запрета. Из всех предположений наиболее реалистичным было бы в этой ситуации поставить на первое место два конкретных события: начало этого периода – дискуссия по, как пишет Г.В. Осипов, проблемам философии и социологии в Институте философии Коммунистической академии в 1929 году, и конечная точка этого периода – рассмотрение в ЦК КПСС по ходатайству АН СССР в 1955–1956 годах предложений о первой после «запретных лет» официальной поездке советской социологической делегации на III Международный конгресс социологов в Амстердаме. Вот и посмотрим, как же выглядит социологическое поле между этими двумя событиями.

Несколько нарушив хронологию событий «запретного» периода, обратимся к конечной его части, то есть к 50-м годам XX столетия. Как утверждает Г.В. Осипов, ответом на приглашение от Международной социологической ассоциации Академии наук СССР принять участие во Втором Всемирном конгрессе социологов (Льеж, Бельгия, август 1953 года) стало то, что «секретарем ЦК КПСС П. Поспеловым было принято решение о «нецелесообразности» участия ученых АН СССР во II Всемирном конгрессе социологов в Бельгии (1953)»². Слово «нецелесообразность», взятое

¹ См.: Юбилейная научная сессия РАН (26 марта 2008 г., Москва) // Социологический журнал. 2008, № 2. С. 152.

² См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н.. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 396.

автором цитаты в кавычки, призвано еще больше (кроме самой цитаты) подчеркнуть авторство «запретной акции». Вот кто стал преградой в поездке советских ученых на социологическое мероприятие международного уровня! Вот конкретный пример «удушения» социологической науки партийной властью!

Как же это было на самом деле? Официальные документы позволяют проследить всю цепочку рождения запретительного решения: получение Академией наук СССР приглашения на II Всемирный конгресс социологов – поручение руководства Академии Отделением истории и философии (Панкратова) и экономики и права (Качалов) изучить этот вопрос и внести в Президиум АН СССР соответствующее предложение – рассмотрение вопроса указанными отделениями Академии наук – направление предложений в Президиум АН СССР – рассмотрение их Президиумом – направление официальной записки за подписью главного ученого секретаря Президиума Академии наук СССР академика А.В. Топчиева в ЦК КПСС заведующему Отделом науки и культуры А.М. Румянцеву. О чем же говорилось в записке А.В. Топчиева на имя А.М. Румянцева? «Программа конгресса, – писал ученый секретарь Президиума АН СССР, – насыщена вопросами, не представляющими интереса для советских ученых: результаты исследований социального происхождения определенных профессиональных групп, например, преподавателей, чиновников и т.п.; проекты эмпирических исследований в области социального состава населения, общественного положения и социального изменения, юридическая техника разрешения конфликтов и др.»¹ После этого вывод автора записки: «Таким образом, тематика конгресса не является актуальной, так как оторвана от насущных проблем современной жизни в борьбе за мир во всем мире»². И далее: «Запрошенные в связи с этим Отделение истории и философии и Отделение экономики и права АН СССР полностью подтвердили указанную точку зрения в отношении тематики Конгресса и сообщили о нецелесообразности участия советских ученых в упомянутом Конгрессе»³ (подчеркнуто нами. – А.К.). И, наконец, общий вывод: «Президиум Академии наук СССР также полагает нецелесообразным (подчеркнуто нами. – А.К.) принимать участие во II Всемирном конгрессе социологов»⁴.

После этого записка АН СССР была по установленному тогда порядку рассмотрена в Отделе науки и культуры ЦК КПСС и получила там одобрение в полном объеме, включая и высказанную руководством АН СССР «нецелесообразность» направления делегации советских ученых на указанный конгресс. Теперь уже записка Отдела науки и культуры ЦК КПСС адресуется секретарю ЦК П.Н. Поспелову, который после ее рассмотрения учинил резолюцию: «Согласен. П. Поспелов. 7.09.56 г.» И, наконец, на этом документе появляется помета завсектором отдела А. Лихолата, которому руководством ЦК было поручено проинформировать АН СССР о принятом решении: «Т.Т. Топчиеву, Панкратовой и Качалову сообщено о согласии тов. Поспелова с их предложениями»⁵ (подчеркнуто нами. – А.К.). Таким образом, формулировка о «нецелесообразности» участия советских ученых во II Всемирном конгрессе социологов, родившаяся в недрах руководящих органов АН СССР, совершив занима-

¹ См.: Социология и власть. Сборник 1. Документы 1953–1968. М.: ACADEMIA, 1997. С. 15.

² См.: Социология и власть. Сборник 1. Документы 1953–1968. М.: ACADEMIA, 1997. С. 15.

³ См.: Социология и власть. Сборник 1. Документы 1953–1968. М.: ACADEMIA, 1997. С. 15.

⁴ См.: Социология и власть. Сборник 1. Документы 1953–1968. М.: ACADEMIA, 1997. С. 15.

⁵ См.: Социология и власть. Сборник 1. Документы 1953–1968. М.: ACADEMIA, 1997. С. 16.

тельное путешествие по лабиринтам партийного делопроизводства, возвратилась со Старой площади к ее (формулировки) сочинителям без каких-либо не то что смысловых, но и стилистических правок или изменений. Итак, ее авторство принадлежит руководству Президиума АН СССР и двум отделениям АН СССР, а П. Поспелов, демонстрируя уважительное отношение к светлым научным умам, после апробации академической записки в Отделе науки и культуры ЦК КПСС написал: «Согласен». Как отмечает Б.М. Фирсов, «прежде чем отказаться от участия в конгрессе, законопослушная академия заручилась согласием ЦК КПСС на то, чтобы социологи “остались дома”»¹, то есть не поехали на конгресс. Значит, в истории с осиповской версией запрета выглядит все ровно наоборот: не ЦК запрещал выезд в Льеж, а руководство академии просило ЦК поддержать ее (академии) несогласие на поездку. Вот и возникает необходимость вместо вопроса «где же здесь запрет секретаря ЦК?» спросить у автора «запретной версии» – на кого рассчитаны такие фальшивки?

Но в этой истории есть еще один чрезвычайно важный аспект, связанный с аргументацией, содержащейся в записке АН СССР в ЦК. Трудно поверить, что приведенный в академической записке перечень проблем академиками и членкорами мог быть назван «не представляющим интереса для советских ученых». Возникает и другой вопрос: почему на такую, скажем мягко, неадекватную высокому академическому статусу аргументацию не последовало со стороны ЦК адекватной реакции? Нетрудно предположить, что за академической аргументацией о «нецелесообразности» и за молчаливым согласием цеховских функционеров скрывается другая, пожалуй, основная причина указанных выше перипетий.

Дело в том, что II Всемирный социологический конгресс проводился Международной ассоциацией социологов, которая была утверждена и действовала при ЮНЕСКО. Но к этому времени СССР по политическим соображениям не являлся ни учредителем, ни, разумеется, членом этой организации. Поэтому фраза, содержащаяся в записке АН СССР о том, что «Конгресс созывается Международной ассоциацией социологии, которая является детищем ЮНЕСКО, в деятельности которой, как известно, Советский Союз участия не принимает»² (подчеркнуто нами. – А.К.), и объясняет истинную причину отклонения предложений о поездке советских ученых в Льеж. И достаточно было в следующем после II Всемирного конгресса социологов году Советскому Союзу в условиях наступающей оттепели вступить в ЮНЕСКО, чтобы уже в 1956 году в ответ на письмо исполнительного секретаря Международной ассоциации социологов Томаса Боттомора с приглашением советской делегации на Третий Международный конгресс социологов по теме «Проблемы социальных изменений в XX столетии» в ответных документах советской стороны на этот счет появилась формулировка о целесообразности участия советских ученых в указанном международном мероприятии. А 8 мая 1956 года Секретариат ЦК КПСС по предложению президиума Академии наук СССР принял решение о направлении на Амстердамский конгресс социологов советской делегации в составе П.Н. Федосеева (руководитель делегации), А.Н. Кузнецова, Ф.Ю. Деглава, М.Д. Каммари, С.Ф. Кеченьяна, И.С. Кравченко, В.С. Немчинова, А.М. Румянцева, Х.С. Сулаймановой, Н.С. Шлепакова, секретаря делегации и двух переводчиков.

¹ Фирсов Б.М. История советской социологии. 1950–1980-е гг. СПб., 2012. С. 20.

² См.: Социология и власть. Сборник 1. Документы 1953–1968. М.: ACADEMIA, 1997. С. 15.

На этот раз за принятие такого документа проголосовали М.А. Сулов, Д.Г. Шепилов, А.Б. Аристов, Н.И. Беляев, Е.А. Фурцева. Исторически важное событие для социологии – первое официальное участие советских ученых в конгрессе, проводимом Международной социологической ассоциацией, – состоялось! Таким образом, путь от «нецелесообразности» участия советских ученых в Льежском конгрессе до «целесообразности» этого на следующем – Амстердамском – конгрессе следует рассматривать не в плоскости придуманных фальсификаторских притеснений социологии партократами, а в контексте крупнейших поворотов в сфере большой политики – наступившей оттепели и изменении внешнеполитического курса страны, что проявилось в том числе и во вступлении СССР в ЮНЕСКО, а это, в свою очередь, открывало путь советским ученым для вступления в Международную социологическую ассоциацию. Поэтому существует настоятельная необходимость «запретную историю», связанную со II Всемирным конгрессом социологов, очистить от всяких придумок и спекуляций. В нашем же случае это означает: отклонение предложения о поездке советских социологов на II Всемирный социологический конгресс не может, как это делает Г.В. Осипов, рассматриваться в качестве конечной историко-временной отметки придуманного «периода запрета 1929–1955 годов».

А теперь вернемся на рубеж 20–30 годов XX столетия, с которыми связывается «переворот» в социологии и ее «запрет» и обозначается начало «периода запрета 1929–1955 годов». В постсоветских публикациях разных авторов получили хождение такие основные точки зрения, которые, впрочем, изложены в документально не подкрепленной, декларативной форме: 1) тотальный «переворот» в социологии и ее «строжайший запрет» произошел на дискуссии в Институте философии и естественных наук Коммунистической академии в 1929 году; 2) решающую роль в анти-социологической кампании сыграла дискуссия в Институте красной профессуры в 1929 году; 3) объявление социологии «буржуазной» в принятом 25 января 1931 года постановлении ЦК ВКП(б) «О журнале “Под знаменем марксизма”»; 4) причастность к «запрету» социологии Института В.И. Ленина и представителей тогдашнего политического руководства страны секретаря ЦК ВКП(б) В.М. Молотова и члена Политбюро ЦК Н.И. Бухарина; 5) «строжайший запрет» не только на социологические методы, но и на само понятие «социология», утрата социологией гражданского и научного статуса на государственном уровне по вине непосредственно ЦК ВКП(б) и лично И.В. Сталина.

Рассмотрим отдельно эти позиции. И начнем с первой – оценки дискуссии в Институте философии. По утверждению Г.В. Осипова, на рубеже 30-х годов «строжайший запрет» был наложен не только «на социологические методы исследования общества, на изучение конкретных процессов и явлений социальной жизни», но и на само понятие «социология»; сама же социология «была объявлена буржуазной лженаукой, не только не совместимой с марксизмом, но и враждебной ему»¹. Как бы расставляя все точки над *i*, он пишет: «Оформила этот переворот, вернее запрет, дискуссия в Институте философии Коммунистической академии по проблемам философии и социологии (1929), в ходе которой был сделан категорический вывод: “Социология – это лженаука, выдуманная французским реакционером Огюстом Кон-

¹ См.: Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 18.

том, само это слово (то есть социология) не должно использоваться в марксистской литературе»». «Социология, – продолжает он, – на государственном уровне утратила гражданский и научный статус. Более чем на два десятилетия развитие отечественной социологии было приостановлено»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.). Эти постулаты растиражированы во многих публикациях. В полном объеме они оглашены и на Всероссийском социологическом конгрессе 21 октября 2008 года.

А когда на Всероссийском социологическом конгрессе (24–24 октября 2008 года) президент РАН академик Ю.С. Осипов для подтверждения произнесенного им тезиса о «трагических событиях» отечественной социологии заявил о том, что она (социологическая наука) «была в течение нескольких десятилетий просто запрещена»² (подчеркнуто нами. – А.К.), стало ясно: на основе разрозненных высказываний в опубликованных работах некоторых социологов, их заявлений на различных форумах о «перевороте» и «запрете» не только социологии как науки, но даже самого термина «социология» – произошла своеобразная официальная институционализация «запретной концепции». Ведь как-никак, но такая позиция была закреплена оценкой президента РАН, да еще и на мероприятии, проводившемся под эгидой Президиума РАН и в соответствии с постановлением № 51 от 12 февраля 2008 года Президиума Российской академии наук «О проведении юбилейных научных мероприятий, посвященных 50-летию создания первой социологической ассоциации и 40-летию первого социологического института». Подчеркнем еще раз – если до этого тезис о запрете социологии в 1929 году эксплуатировался некоторыми авторами в качестве их личного мнения, то на Всероссийском социологическом конгрессе это положение было возведено в степень официальной позиции руководства РАН, причем впервые за всю историю социологической науки – никто из предшественников Ю.С. Осипова на посту президента Академии наук этого не делал. И произошло это в присутствии 1286 человек – социологов из 77 субъектов РФ, а также многочисленных зарубежных гостей, включая президента Международной социологической ассоциации Мишеля Веверку.

К тому же, по Ю.С. Осипову, «запретному» периоду советской социологии предшествовал «яркий период в развитии социологии в стране», когда «до 1917 года социологическое знание в России находилось на очень высоком уровне, бурно развивалось в едином русле со становящейся европейской социологической наукой»³ (подчеркнуто нами. – А.К.). Не вдаваясь в углубленный анализ общего состояния социологической науки в дореволюционной России (это не входит в нашу задачу), ограничимся уточнением лишь одного важного момента: действительно ли «тернистому пути» советской социологии предшествовал «яркий» и бесконфликтный в контексте «социология и власть» период дореволюционного развития социологической науки в стране.

Академик М.К. Горшков, например, отмечает: «...существует устойчивый стереотип, что все неприятности у отечественной социологической науки начались при Сталине. Это не так»⁴. И он напоминает исторический, документально подтверж-

¹ См.: Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 18.

² См.: Социология и общество: пути взаимодействия. М.: Вече, 2010. С. 8.

³ См.: Социология и общество: пути взаимодействия. М.: Вече, 2010. С. 8.

⁴ Академик Михаил Горшков. Пути в социологию – исповедимы. М.: Весь мир, 2005. С. 55.

денный факт: «...коренная – так ее можно назвать – реакция власти на социологию проявлялась еще в досоветское время, при Николае II. Это выразилось в его отношении к созданию по инициативе Михаила Ковалевского и его единомышленников в Париже в 1901 году первой Русской школы общественных наук, которую некоторые видные умы этого времени назвали одним из первых в мире социологических факультетов. Слушателями оказались многие впоследствии известные политические оппозиционеры царского режима. Так вот, Николай II потребовал закрытия этой школы под угрозой лишения ее слушателей российского гражданства, что и случилось в 1906 году»¹. И это при том, что устав школы согласно законам был представлен на санкцию французского правительства.

К этому мы со своей стороны добавим, что выдающийся историк, социолог и этнограф М.М. Ковалевский в 1887 году за свои демократические взгляды, критику царизма был изгнан из Московского университета и с тех пор занимался научно-педагогической деятельностью в западноевропейских и североамериканских университетах. А в Париже он вместе с оказавшимся за рубежом бывшим профессором Московского университета Ю.С. Тамбаровым и ответственным статским советником, бывшим гласным Тверского губернского земского собрания Е.В. де Роберти организовали упомянутую выше Русскую высшую школу общественных наук², деятельность которой получила в интеллектуальных кругах Европы оценку³, а по личной оценке Николая II эта деятельность была признана вредной. Полицейские акции по отношению к школе завершились ее закрытием, а ее основателям было настоятельно предложено вернуться в Россию под страхом лишения русского подданства. Позже М. Ковалевский вспоминал, что при его встрече в 1906 году с главой русского правительства С.Ю. Витте последний поинтересовался судьбой школы и, получив ответ о ее закрытии, «с улыбкой заметил, что причина закрытия ему хорошо известна»⁴.

Возвратясь на родину, М. Ковалевский предпринял попытку создать аналогичную школу в Москве, однако реализовать эту идею не позволили чиновники Министерства просвещения. И все же в 1908 году первая русская социологическая кафедра во главе с М. Ковалевским была учреждена, но не на университетской или академической базе, что было бы логично, а в только открывшемся психоневрологическом институте, частный статус которого позволил обойти чиновничьи преграды всех государственных органов.

История с закрытием Русской высшей школы общественных наук в Париже – факт подобного рода не единичный, а отражающий общую тенденцию отношений между властью и социологией в дореволюционное время, которые (отношения) отмечены такими имевшими место на разных исторических отрезках акциями: высочайшие

¹ Академик Михаил Горшков. Пути в социологию – исповедимы. М.: Весь мир, 2005. С. 55–56.

² См.: Гамбаров Ю., Ковалевский М. Русская высшая школа общественных наук в Париже. Ростов-на-Дону, 1903; Ковалевский М. О задачах школы общественных наук // Вестник воспитания, 1903, № 6; Отчет Русской высшей школы общественных наук в Париже. М., 1903; Русская высшая школа общественных наук в Париже. Лекции профессоров. СПб., 1905.

³ См.: Гамбаров Ю., Ковалевский М. Русская высшая школа общественных наук в Париже. Ростов-на-Дону, 1903; Ковалевский М. О задачах школы общественных наук // Вестник воспитания, 1903, № 6; Отчет Русской высшей школы общественных наук в Париже. М., 1903; Русская высшая школа общественных наук в Париже. Лекции профессоров. СПб., 1905.

⁴ Ковалевский М.М. Моя жизнь // История СССР. 1969, № 4. С. 60.

распоряжения Павла I и Николая I по запрету официального использования терминов «общество», «прогресс», «революция»; сознательное вытравливание в пору крепостного права любого возможного обсуждения в публикациях социально-политических проблем; преграды объективному рассмотрению социальных проблем, которые исходили после реформ от абсолютизма и православного провиденциализма; многократные категорические отказы Министерства просвещения на ходатайства Московского и других университетов о создании профессиональной социологической кафедры или факультета, в результате чего невозможно было получить в стране профессиональное социологическое образование (поэтому многие социологи получали образование и приобретали ученые степени за рубежом).

Полицейский произвол, грозные предупреждения, увольнения, тюрьмы, вынужденная эмиграция – из этого арсенала выпало каждому свое таким крупным фигурам отечественной науки, как М. Ковалевский, Б. Кистяковский, П. Лавров, Л. Мечников, Я. Новиков, Л. Оболенский, Л. Петражицкий, Е.В. де Роберти. А с известным органицистом П. Лилиенфельдом произошла история, которую можно отнести к жанру занимательной социологии: в изданном им первом томе «Мысли о социальной науке будущего» под криптонимом «П... Л.» царская администрация усмотрела в качестве автора народника П. Лаврова. Последовало разбирательство, затем запрет издания и, наконец, приказ об изъятии книги из общественных библиотек. И вот П. Лилиенфельд, который в описываемое время был не только сенатором, но еще и губернатором Курляндии, получив высочайшее распоряжение, вынужден был изъять собственный научный труд за... мнимую крамолу!

Вот такими были реальные, а не вымышленные и отретушированные некоторыми исследователями отношения между властью и социологией в дореволюционной России. Причиной долгой вражды социологии с царской администрацией были не научные аспекты этой проблемы, а политические и идеологические факторы. Прежде всего следует обратить внимание на то, что вплоть до начала XX века в научных кругах и массовой печати понятия «социология», «социальная жизнь» и даже «социализм» довольно часто отождествлялись, в результате чего происходило смещение акцентов – с чисто научных на политические. К тому же даже не сформировавшаяся в качестве самостоятельной научной дисциплины российская социология конца XIX века выступала одним из элементов складывающейся буржуазной демократии в России и, следовательно, представляла собой силу, противостоящую патриархально-традиционным элементам старого общества и культуры, в конечном итоге – царскому режиму. Социология в ее позитивистском жанре с первых ее шагов выступала оппозиционной и критикующей устои царского самодержавия силой, являясь идейным оружием буржуазных кругов. Отсюда и объединение усилий царской охраны и Министерства просвещения в борьбе с «крамольным позитивизмом».

А как не вспомнить судьбу русского перевода второго тома «Динамической социологии», автором которой был один из прогрессивных основоположников американской социологии Лестер Уорд. Центральная идея этого исследования – искусственность классовых различий и наивная вера автора в возможность ее (искусственность) устранить путем уравнивания образовательных возможностей. И вот по специальному решению царского комитета, который счел содержание книги Лестера Уорда подрывным и вредным, этот труд в 1891 году был сожжен. Вот такие «яркие» примеры из истории дореволюционной социологии.

Для выяснения же вопроса, как запрещалась социология в СССР, возвратимся к приведенному выше отрывку из книги Г.В. Осипова, в котором он и описал исторический акт «переворота» и «запрета» советской социологии, который якобы произошел в 1929 году на дискуссии в Институте философии Комкадемии. Приведенный текст (см.: Г.В. Осипов Возрождение социологической науки в России. Москва, издательство «Экономическое образование», 2012. С. 18) – пример научной неопределенности, когда, с одной стороны, казалось бы, речь идет о весьма важных конкретных вещах, а с другой стороны, эта «конкретика» лишена реальной конкретности, ее, как говорится, пощупать невозможно. В самом деле, если дискуссия «оформила переворот, вернее запрет» социологии, объявила ее «лженаукой», то эти слова, не подкрепленные ссылками, кем и в какой форме это было осуществлено, остаются пустым звуком. Слова «переворот» и «запрет» означают не лозунги и не декларации в ходе дискуссии, а реально совершившиеся и документально закрепившиеся официальные акции. Из обезличенной и декларативной цитаты совершенно непонятно, по чьей инициативе конкретно, в какой форме и в каких легитимных документах был оформлен переворот в социологии и ее запрет – в принятии участниками дискуссии обращения к научному сообществу, в решении ученого совета Института философии по итогам состоявшейся в его стенах дискуссии, в изложении руководством института официальной позиции по этому вопросу в научных или общественно-политических изданиях?

Эти слова – из принятого на дискуссии документа? Или они принадлежат конкретному оратору? Или, может быть, эти слова произнес спорящий в духе плюрализма мнений непримиримый оппонент? Или из журнального (газетного) отчета об этом мероприятии? Ведь в каждом из перечисленных случаев – разный вес сказанного, когда речь идет о перевороте в социологической науке.

Далее, взятые в кавычки слова «социология – это лженаука, выдуманная французским реакционером Огюстом Контом» и «само слово “социология” не должно использоваться в марксистской литературе» однозначно говорят, что это обрывки чьих-то цитат. Чьих? Или из каких документов? Указывать документальный источник – элементарное требование исследовательского процесса. В противном случае – это игра в жмурки. Или какими аргументами можно подкрепить заявление «более чем на два десятилетия развитие отечественной социологии было прервано»? Наконец, о дате оформления «переворота» и «запрета» социологии. Автор цитаты ограничился указанием только года – 1929. А если в указанном году было проведено в Институте философии несколько дискуссий, то о какой идет речь?

В поисках ответа на эти вопросы обратимся к сноске к приведенной Г.В. Осиповым цитате о якобы сделанном на дискуссии в Институте философии категорическом выводе о том, что «социология – это лженаука, выдуманная французским реакционером Огюстом Контом, само это слово (то есть социология) не должно использоваться в марксистской литературе». Сноска адресует читателя: «См. подборку журнала “Под знаменем марксизма” за 1929 год» – и все это без указания обязательных в таких случаях библиографических данных¹, какой номер журнала, страница, фамилия автора, название опубликованного материала. Все равно что ищи ветра в поле.

¹ См.: Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 18.

Как показала проведенная нами экспертиза журнала «Под знаменем марксизма» за 1929 год, а также других материалов, проведение Институтом философии в указанное время мероприятия под названием дискуссии по проблемам философии и социологии, на котором принимались официальные решения об объявлении социологии лженаукой и ее запрещении, документально не подтверждается. Никакой подборки о дискуссии с такой формулировкой не обнаружено и в журнале «Под знаменем марксизма», куда адресует читателя Г.В. Осипов. Не содержит информации на этот счет и такой конкретный источник, как опубликованное в последнем за 1929 год номере журнала «Под знаменем марксизма» содержание всех 12 его номеров за указанный год¹. И это при том, что деятельность Института философии и журнала «Под знаменем марксизма» отмечена крупными и резонансными научными акциями – дискуссиями по общеполитическим проблемам, особенно в контексте острых противоречий между диалектиками и сторонниками механистического метода. И если в ходе этих дискуссий затрагивались какие-то отдельные социологические аспекты, то это было выражение лишь какой-то одной из многих позиций, у которой обязательно были убежденные оппоненты-профессионалы. И могла ли вообще научная дискуссия, по определению, по своему жанру не наделенная функцией принимать запретные решения, оформлять переворот в социологии? Дискуссия могла инициировать принятие каким-то органом (ученым советом института, президиумом Академии наук, сессией Академии наук и др.) решений по таким вопросам, да и то не в форме запрета (истории вообще неизвестны запретительные решения ни в системе Академии наук, ни в системе высшего образования, даже в тех случаях, когда в оценочном плане некоторые явления научной деятельности характеризовались самыми резкими негативными выражениями).

Если же говорить о легитимной стороне дела, то анализ показал, что сведения о запрете и упразднении социологической науки и самого термина «социология», утрате ею на государственном уровне гражданского и научного статуса совершенно отсутствуют в: а) официально принятых в это время документах на проводимых Институтом философии научных мероприятиях²; б) в опубликованных аналитических и отчетных материалах, характеризующих деятельность Института философии в указанный период³; в) в материалах о философских дискуссиях, состоявшихся в то время не только непосредственно в Институте философии (кстати, некоторые из них

¹ См.: Под знаменем марксизма. 1929. Декабрь, № 12.

² Резолюция I Всесоюзного совещания обществ воинствующих материалистов-диалектиков // Под знаменем марксизма: 1929, № 5; Резолюция II Всесоюзной конференции марксистско-ленинских учреждений // Под знаменем марксизма. 1929, № 5; Положения о работе групп и кружков, примыкающих к обществу воинствующих материалистов-диалектиков // Под знаменем марксизма. 1929, № 5; Резолюция об очередных задачах ОВМД // Под знаменем марксизма. 1929, № 5; Итоги философской дискуссии. Резолюция бюро ячейки ИКП ФиЕ от 29 декабря 1930 г. // Под знаменем марксизма. 1930. № 10; Об итогах и основных задачах на философском фронте. Резолюция института Комкадемии и Московской организации ОВМД от 24 января 1930 г. // Под знаменем марксизма. 1930, № 4.

³ Первое всесоюзное совещание обществ воинствующих материалистов-диалектиков // Под знаменем марксизма. 1929, № 5; К итогам II Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений // Под знаменем марксизма. 1929, № 5; Деборин А.М. Итоги и задачи на философском фронте // Под знаменем марксизма. 1930, № 6; Митин М.Б. К итогам философской дискуссии // Под знаменем марксизма. 1930, № 10; Ник. Карев. Итоги работы и задачи в области исторического материализма // Под знаменем марксизма. 1930, № 5.

проходили под эгидой не Института философии, а Комакадемии, в которую институт входил в качестве ее структурного подразделения), но и за его пределами¹.

Прояснению вопроса о позиции официальных органов науки (Академии наук СССР и Коммунистической академии) по отношению к социологии, то есть ее запрете или поддержке, помогают обнаруженные в постсоветское время архивные материалы, связанные с научной и общественной деятельностью Д.Б. Рязанова – директора Института К. Маркса и Ф. Энгельса. В своем выступлении на заседании Совнаркома 5 февраля 1929 года при обсуждении причин конфликта, случившегося в АН СССР в связи с провалом на выборах новых академиков в Отделении гуманитарных наук, он обратил внимание на то, что в четвертом параграфе устава АН СССР при упоминании Отделения гуманитарных наук (ОГН) наряду с историей и филологией следуют слова «экономика, социология», которые «приводят в весьма и весьма раздражительное состояние, выражающееся в целом ряде безусловных рефлексов, особенно почтенных представителей Отделения физико-математических наук (ОФМН), людей, для которых и социология, и история – это не наука, а так себе – времяпровождение»² (подчеркнуто нами. – А.К.).

Анализировать все аспекты этого конфликта – не наша задача, хотя на напряженные отношения между представителями гуманитарных наук, с одной стороны, и физиками и математиками, с другой, следует обратить внимание не только в данном конкретном случае, но и в другие времена. Мы же отметим другой момент, имеющий принципиальное значение в контексте «запретной концепции» социологии: Д.Б. Рязанов напоминает о том, что в 1929 году, то есть тогда, когда, по утверждению некоторых постсоветских ревизоров истории, социология «как лженаука» была объявлена вне закона, научный статус социологии был закреплен в Уставе АН СССР. Кто же из официальных органов или официальных лиц мог в этих условиях объявлять антисоциологический поход на несколько десятилетий?

В другом месте – в рукописи о задачах академиков-коммунистов (конец февраля 1929) – он пишет: «Надо вспомнить, что в новом, весьма неудачном, но выработанном нами в комиссии под председательством вице-председателя Комакадемии В. Милютина уставе мы взяли на себя ряд обязательств по отношению Академии наук. Мы навязали Отделению гуманитарных наук разработку вопросов экономики и социологии и на этом основании потребовали введения в состав академии марксистов»³ (подчеркнуто нами. – А.К.). Как же можно совместить описанный Г.В. Осиповым якобы осуществленный в Институте философии Комакадемии переворот в социологии, упразднение ее, запрет употреблять даже слово «социология» в марксистской литературе, объявление ее (социологии) лженаукой и потерю ею на государственном уровне гражданского и научного статуса с тем, что вице-председатель той же Комакадемии В. Милютин, возглавлявший комиссию по выработке нового

¹ О последнем выступлении механистов // Под знаменем марксизма. 1929, №№ 10, 11, 12; Вышинский П., Левин Я. Еще раз о механистах и о новой путанице тов. Сараянова // Под знаменем марксизма. 1930, № 1. Митин М.Б. К итогам философской дискуссии (обработанная стенограмма доклада, прочитанного на заседании фракции ОВМД в Комакадемии 1 января 1931 г. // Под знаменем марксизма. 1931, № 10; Новиков С. Воинствующая путаница (философские подарки тт. Ральцевича и Митина // Под знаменем марксизма. 1930, № 7–8.

² ЦПА ИТIS. Од. 301, оп. 1, д. 80, л. 24–37.

³ ЦПА ИТIS, од. 301, оп. 1, д. 80, л. 57–69.

устава АН СССР, вместе с другими членами комиссии, как пишет Д.Б. Рязанов, в это же время навязывал Отделению гуманитарных наук АН СССР «разработку вопросов экономики и социологии», да еще и добивался «введения в состав академии марксистов» по этим специальностям.

Наконец, о письме Д.Б. Рязанова в президиум Коммунистической академии (первая половина февраля 1931 года), в котором он высказал свое мнение о трех резолюциях президиума Комакадемии о «современных задачах марксистско-ленинской философии» (первая – от 2 ноября 1930 года, вторая приходится на отрезок времени от 2 ноября 1930 года до конца января 1931 года и третья – от 11 января 1931 года), принятых по итогам философских дискуссий в Комакадемии и дающих четкое представление об их содержании. Если первая и вторая резолюции говорили о борьбе с формалистической опасностью, о системе формалистических ошибок, то внимание в третьей резолюции акцентировалось на том, что речь идет об идеалистической ревизии материалистической диалектики, что «система идеалистических антимарксистских и антиленинских ошибок философского руководства (во главе с директором Института философии А.М. Дебориным. – А.К.) представляет собой на деле, по существу меньшевистский идеализм. Это своеобразная, завуалированная, прикрытая марксистско-ленинской терминологией идеалистическая ревизия диалектического материализма»¹.

Самые страшные обвинения в адрес философских учреждений, сформулированные в резолюциях Комакадемии на основе доклада В.П. Милютина на заседании президиума Комакадемии от 18 октября 1930 года², заключаются, по мнению Д.Б. Рязанова, в совершенно недостаточной разработке философского наследия Ленина, вытекающей из недооценки его роли и значения в развитии философии марксизма, из непонимания того, что ленинизм есть целое и ценное мировоззрение, а марксизм не может быть ограничен только политикой и тактикой³.

Обратим внимание на то, что ни в письме Д.Б. Рязанова, ни в упомянутых трех резолюциях Комакадемии – ни одного слова не только о запретных акциях по отношению к социологии, но и вообще о каких-либо социологических дискуссиях. Почему? Да потому, что их (дискуссий по социологии) в 1929 году просто не было, а в центре общеполитической дискуссии были совершенно другие проблемы.

Этот вывод, вытекающий из письма Д.Б. Рязанова и упомянутых выше трех резолюций Комакадемии, подтверждается и такими официальными источниками: а) резолюцией пленума Комакадемии от 18 июня 1930 года по докладу М. Покровского, ключевыми элементами которой стали разоблачение механистических концепций, критика методологических корней правого оппортунизма, борьба против идеализма, разработка новых философских проблем «на основе идейного наследия Маркса, Энгельса, Ленина» – и все это без малейших даже намеков о каких-либо социологических сюжетах (в любом – положительном или отрицательном – варианте)⁴; б) резолюцией «Об итогах и новых задачах на философском фронте», принятой на

¹ См.: Доклад В.П. Милютина на заседании президиума Комакадемии от 18 октября 1930 г. // Вестник Коммунистической академии. 1930. № 40–42. С. 12–23.

² См.: Доклад В.П. Милютина на заседании Президиума Комакадемии от 18 октября 1930 г. // Вестник Коммунистической академии. 1930. № 40–42. С. 12–23.

³ ЦПА ИТИС, ф. 301, оп. 1, д. 184, л. 2–8.

⁴ ЦПА ИТИС, ф. 301, оп. 1, д. 184, л. 2–8.

объединенном заседании фракций Института философии Комакадемии и московской организации Общества воинствующих материалистов-диалектиков (ОВМД) 24 апреля 1930 года, в которой наряду с обстоятельным анализом состоявшейся общеполитической дискуссии и формулированием задач по усилению борьбы на два фронта (против механистов и против идеалистических шатаний) уделено внимание и дискуссиям по политической экономии (особенно по проблемам вульгарного экономического материализма) и литературоведению (критика бергсонских и фрейдистских, а также формалистических течений); и на этом фоне никаких упоминаний о социологах, даже необходимость преодоления «вульгарного эмпиризма» адресуется не им, а историкам; в) резолюцией бюро ячейки Института красной профессуры (ИКП) от 29 декабря 1930 года «Итоги философской дискуссии»¹, в которой ИКП выступил оппозирующей по отношению к Комакадемии стороной и ударной силой по реализации идей И.В. Сталина, высказанных им на съезде аграриев-марксистов в декабре 1929 года и на беседе в бюро ячейки ИКП по вопросу о положении на философском фронте 29 декабря 1930 года. В последнем документе главными опасностями для всего философского фронта названы механистическая ревизия диалектического материализма (Бухарин, Перов, Варьяш, Сарабьянов, Тимирязев, Аксельрод и др.), богдановская механистическая ревизия исторического материализма (Бухарин и др.), ставшая на путь антимарксизма идеалистическая ревизия материалистической диалектики и меньшевистствующий идеализм деборинской группы (Деборин, Карев, Стэн, Подволоцкий, Левин и др.). При абсолютном отсутствии непосредственно социологических сюжетов в документе названы (без детального раскрытия) некоторые проблемы, имеющие какое-то отношение к социологии: необходимость преодоления грубого, вульгарного механистического материализма с его ползучим эмпиризмом, позитивизма с его теорией сведения и теорией равновесия, усиление борьбы с ползуче-эмпирической системой взглядов махистов, отрицающих теорию вообще, материалистическую диалектику в особенности и др.

В этом плане целесообразно, на наш взгляд, сослаться и на две статьи, посвященные итогам философской дискуссии, – «Итоги и задачи на философском фронте»² (автор А.М. Деборин) и «К итогам философской дискуссии»³ (автор М.Б. Митин). Их значение заключается не только в том, что они написаны представителями двух противостоящих друг другу в философской дискуссии группировок, что позволяет сопоставить разные точки зрения, но и в том, что в них объектом исследования являются события на философском фронте, прошедшие не только в 1929 – начале 1930 года, но и несколькими годами ранее. И чем же можно объяснить, что в этой острой полемике двух оппозирующих друг другу авторов по сути отсутствуют даже скрытые попытки анализа процессов, касающихся социологии?

И, анализируя события в Комакадемии 1929 года, где якобы состоялся разгром и запрет социологии, могли ли обойти эту тему в своих статьях набравший на критике деборинщины и борьбе за «большевизацию на философском фронте» не столько научный, сколько политический вес сталинист М.Б. Митин и подвергавшийся жесточайшей критике лидер «философского руководства» А.М. Деборин? Просто не-

¹ См.: «Под знаменем марксизма», 1930, № 10. С. 17–24.

² См.: «Под знаменем марксизма», 1930, № 6. С. 1–32.

³ См.: «Под знаменем марксизма», 1930, № 6. С. 25–26.

возможно представить, чтобы по поводу столь резонансного для всего научного сообщества события смог (если бы даже захотел) отмолчаться А.М. Деборин – как директор Института философии, в стенах которого якобы, по словам Г.В. Осипова, был осуществлен крестовый поход против социологии, и как главный редактор журнала «Под знаменем марксизма», якобы давший дорогу публикациям на эту тему. Кстати, А.М. Деборин, для которого общеполитическая дискуссия в конечном итоге завершилась освобождением от должностей ответственного редактора журнала «Под знаменем марксизма», директора Института философии и запретом по личному распоряжению Сталина печататься по философским вопросам, ни в письме на имя Н.С. Хрущева после XX съезда КПСС с просьбой о его реабилитации, ни в появившихся в постсоветское время воспоминаниях¹ при описании научных мероприятий в Комакадемии в 1929–1930 годах совершенно ничего не говорит ни о социологических дискуссиях, ни тем более о запретных акциях по отношению к социологии.

В этом контексте особо выделяется философская дискуссия, состоявшаяся в Комакадемии во второй половине 1930 года, когда по уже, казалось бы, достигшим успеха над «механицистами» деборинцам был нанесен удар – но со стороны не «механицистов», а членов Общества воинствующих материалистов-диалектиков М. Митина, В. Ральцевского и П. Юдина, опубликовавших в «Правде» 7 июня 1930 года статью «О новых задачах марксистско-ленинской философии» («статья трех»), к которой редакция сделала примечание: «Редакция солидаризируется с основными положениями настоящей статьи». В октябре 1930 года на президиуме Комакадемии после докладов вице-председателя академика Милютин и директора Института философии Деборина состоялась инициированная верхами и «статьей трех» дискуссия о положении дел на философском фронте. Докладчики продемонстрировали противоположность позиций по ряду проблем, что позволило перевести дискуссию в русло борьбы с «философским руководством» во главе с Дебориным. Это особенно ярко продекларировали командированные на конференцию верхами в качестве наиболее активной антидеборинской силы М. Митин, Н. Скрыпник и Е. Ярославский.

Дискуссия в президиуме Комакадемии, продолжившаяся затем на других дискуссионных площадках, а также в печати, характеризовалась тремя основными особенностями: а) нарастающей критикой «философского руководства» за профессиональные просчеты в научной деятельности и нежелание самокритично посмотреть на это, что особенно выпукло проявилось в публикации в журнале «Под знаменем марксизма» (№ 5 за 1930 год) «статьи-реформы 10» (Деборин, Карев, Стэк и др.), представляющей собой «манифест об амнистии ошибок»; б) отсутствием «ликвидаторских» мотивов против социологии и концентрацией критики представителей философского руководства за сведение истории как науки к простому описанию исторических фактов, лишенных внутренней объективной необходимой связи, превращение исторического материализма в подлинную социологическую схоластику, в систему голых абстракций и предпосылок, «исторической особенности» форм, тем не менее якобы позволяющих «изучать реальный исторический процесс во всем своеобразии и во всех его конкретных проявлениях»²;

¹ См.: Воспоминания академика А.М. Деборина // Вопросы философии. 2009, № 2. С. 113–133.

² См.: За поворот на философском фронте. Сборник статей. Вып. 1. ОГИЗ; Московский рабочий, 1931. С. 69.

в) приданием «большевизации работы на философском фронте» все более и более политического характера в направлении усиления борьбы с «врагами народа» в философской науке.

Справочно о том, как со временем оценил борьбу с «философским руководством» тогдашний директор Института философии, академик А.М. Деборин, ставший основным объектом критики: «Мои ученики Митин, Юдин и Ральцевич предъявили мне от имени Сталина – имя Сталина при этом, правда, не было произнесено, но это было очевидно и так, без слов, – ультиматум: чтобы я на публичном собрании объявил других своих учеников – талантливых философов, преданнейших членов партии, врагами народа, троцкистами и террористами, чтобы моими руками уничтожить огромный коллектив научных работников (речь идет о Я.Э. Стэне, Н.Ф. Кареве, И.К. Лупполе, Б.М. Гессене, И.Я. Вайнштейне, Г.С. Тымянском, А.К. Столярове. – А.К.). Я, зная, чем рискую, отверг ультиматум, отказался стать предателем и палачом. Не знаю, почему Сталину понадобилось мое благословение на задуманное им злодеяние.

Но для маскировки необходимо было еще провести дискуссию, чтобы показать перед общественностью наш “демократизм”! Решили инсценировать публичную дискуссию, на которой перед всем миром продемонстрировать зловерные действия Деборина и его школы, показать этих “врагов” народа и марксизма воочию, чтобы все убедились в их опасности для страны. Эта “дискуссия”, на которую решено было откомандировать трех видных членов ЦК (В.П. Милютина, Е.М. Ярославского и Н.А. Скрыпнина) для того, чтобы положить Деборина и его друзей на обе лопатки, вылилась в настоящий балаган. Большинство присутствующих на дискуссии состояло из людей, не имевших никакого отношения к философии или марксизму. Сочли нужным собрать сброд из людей, способных кричать во все горло: изменники, предатели, враги народа и проч. В моих ушах по сей день звучит это дикое улюлюканье, с которым нас приняли на собрании.

Все кончилось как полагается: осуждением Деборина и его единомышленников как “меньшевствующих идеалистов”. После этого началось странное гонение на всех нас. Немедленно нас изгнали отовсюду, поставив, в сущности, вне закона. Весь коллектив был репрессирован. Труды наши оказались столь зловерными, что были изъяты из обращения, были строго запрещены к исследованию, а авторы их скоро были преданы полному забвению». Так написал А.М. Деборин в пролежавшем в семейном архиве почти полвека предисловии к его воспоминаниям, которые увидели свет только в 2009 году¹. В них ни малейшего намека на якобы осуществленный в период его директорства в Институте философии переворот в социологии, ее запрет, упразднение. И кто же может быть более авторитетным свидетелем событий 1929–1931 годов, чем академик А.М. Деборин?

С широко растиражированными в научных изданиях (!) запретно-антисоциологическими мероприятиями в Институте философии Комакадемии не корреспондируется и одна из первых акций этого созданного по постановлению Президиума ЦИК СССР от 12 апреля 1929 года института (путем слияния учрежденной в 1927 году в структуре Комакадемии философской секции и Института философии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук – РАНИОН)

¹ Воспоминания академика А.М. Деборина // Вопросы философии. 2009, № 2. С. 124.

– разработка и утверждение плана подготовки и издания Философской энциклопедии. Можно ли поверить в то, что в условиях якобы объявленного крестового антисоциологического похода руководство только созданного института включило в план Философской энциклопедии такие разделы: общий историко-социологический очерк 40-х и 50-х годов, с выделением отдельных сюжетов по Германии, Франции и Англии (второй отдел); анализ буржуазной социологии – органической школы, психологической школы, современной социологической школы в Германии, социологические взгляды Дюркгейма, а также М. Вебера¹? Все сказанное выше означает одно: версия об официальном оформлении переворота в социологии, установлении на нее строжайшего запрета на мероприятиях 1929 года в Институте философии Комкадемии документально не подтверждается.

В связи с этим не может не возникнуть вопрос: а звучали ли в указанное время на каких-то других мероприятиях ликвидаторские голоса по отношению к социологии? Да! И не только по отношению к ней. Не надо забывать, что раскрученный в начале 20-х годов XX столетия и действовавший на протяжении многих лет маховик антифилософского нигилизма охватил фактически все области общественно-научного знания: еще не была искоренена мининщина (выше мы говорили о С.К. Минине – авторе статьи «Философию за борт!»²); в эстетике распространялись идеи растворения искусства в жизни и замены его прикладным производственным мастерством³; в искусстве получали распространение пантехникалистские идеи⁴; теория отмирания школы нашла пристанище в левацкой педагогике и педологии, ликвидаторские тенденции стали просматриваться уже в первых учебных пособиях по диамату; анахронизмом объявлялась поэзия⁵, звучали призывы выбросить Пушкина за борт истории. Но артикуляция ликвидаторских идей отдельными радикально настроенными авторами тем не менее не приводила к осуществлению научными или властными структурами официальных акций по запрету или упразднению какой-то из названных выше научных дисциплин, в том числе и социологии.

В перечне резонансных дискуссий 20-х годов XX века, приведенных в Новой философской энциклопедии, – дискуссии в естественно-научных кругах о философском значении теории относительности и квантовой механики, полемика вокруг теории А. Эйнштейна, широкий спектр дискуссионных проблем у биологов, от неodarвинизма до неоламарксизма, споры от механики развития до витализма, идеологически окрашенная полемика между «механистами» и «диалектиками» и др. – дискуссия в Комкадемии по проблемам взаимоотношений между философией и социологией, якобы завершившаяся официальным объявлением социологии лженаукой и ее запретом, не значит⁶.

В указанное время, при отсутствии специальных комплексных общесоциологических дискуссий, на разных площадках (общенаучных, особенно философских) глубоко и полемически обостренно, нередко в духе воинственной нетерпимости, в

¹ См.: В Коммунистической академии // Под знаменем марксизма. 1929, № 8. С. 203–211.

² См.: Минин С.К. Философию за борт! // Под знаменем марксизма. М., 1922, № 5–6.

³ См.: Н. Лунин. Взорвать, разрушить, стереть с лица земли старые художественные формы. «Искусство коммуны», 7 декабря 1918.

⁴ Н. Татаркин. От мольберта к машине. М., 1923.

⁵ А. Лейтес. Поэзия как анахронизм. «Грядущий мир». 1922, № 1.

⁶ См.: Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 2010. С. 201.

том числе и с призывами обходиться без термина «социология», обсуждались многие отдельные социологические проблемы: о бухаринском истмате как социологической теории марксизма, о противоречиях между теоретиками-марксистами и социологами-эмпириками, о критическом (созидательном) и нигилистическом подходах к социологии, о классификации социологических работ по классовому признаку, о буржуазной социологии, об историко-социологической характеристике основных проблем социологии, о вкладе Г.В. Плеханова и В.И. Ульянова (Ленина) в развитие марксистской социологической теории.

При отсутствии специальных дискуссий по социологии в 1929 году в Комкадемии, Институте красной профессуры и других научных и учебных заведениях страны выделяется состоявшаяся на открытом заседании социологической секции Общества историков-марксистов 22 февраля 1929 года дискуссия «О марксистском понимании социологии», материалы которой были опубликованы в журнале «Историк-марксист» в № 12 за тот же год. Она дает интересный материал по вопросу о «запретах» или «незапретах» социологии в 1929 году.

Эту дискуссию ее участники не случайно назвали «терминологической», поскольку несовпадающие, а часто и противоположные позиции демонстрировались не только при определении предметного поля социологии, ее (социологии) соотношения с историческим материализмом, рассмотрении его (истмата) как теории общественного развития, то есть в качестве общей социологии, противопоставлении его буржуазному социологическому методу и др., но и, как отмечалось, при рассмотрении «спорного и не вполне разрешимого вопроса» – уточнения понятийного аппарата социологической науки – толкования самой социологии, ее категорий, включая правомерность употребления термина «социология». Воспроизведем мозаику разномыслия в этой дискуссии, в которой, на наш взгляд, было продемонстрировано не состязание завершенных подходов, а их фрагментарность, противоречивость, отсутствие консенсусного потенциала.

Определяя содержание понятия «социология», В.Н. Максимовский, сделавший на дискуссии не доклад, а «введение в дискуссию», выделил «несколько различных этапов» – старое контовское понимание, дальше которого многие социологи «вплоть до наших дней» не пошли, трактуют социологию как абстрактную науку об обществе, имеющую целью открытие законов общества в целом, и в такой «первоначальной контовской формулировке это определение социологии имеет формальный и механический характер»¹. Контовской трактовке он противопоставил спенсеровское толкование – «социология не абстрактная наука, а конкретная», так как, по его мнению, «она не изучает общих форм и элементов», а «изучает сами явления в целом», причем «свойственные только человеческому обществу». По заявлению оратора, понимание социологии, которое «обычно распространено», представляет собой «какое-то механическое соединение социологии в контовском смысле с социологией в другом смысле, или в смысле генетической социологии, или теории общественных форм, одним словом, с какой-то еще социологией, определение которой представляет собой, по-видимому, дальнейшую ступень спенсеровского определения, то есть исходит из некоторых конкретных элементов»². Сопоставляя «старую философию истории» с

¹ Дискуссия о марксистском понимании социологии // Историк-марксист. 1929, № 12. С. 190.

² Дискуссия о марксистском понимании социологии // Историк-марксист. 1929, № 12. С. 190.

социологией, В.Н. Максимовский не видит разницы между ними и полагает, что старая философия истории «представляла собой мистифицированную форму той же социологии в контовском смысле».

В контексте уточнения содержания понятия «социология» представляют интерес еще и такие положения введения в дискуссию В.Н. Максимовского: выдвигание К. Марксом против социологии Конта конкретного изучения «своеобразных процессов развития человеческого общества, изучение их исторического движения»; признание Лениным заслуг Маркса, который «возвел социологию на степень науки», вводя в нее «общенаучный критерий повторяемости», и не совсем убедительные на этом фоне утверждения о том, что «Маркс и Ленин в большинстве случаев не пользовались термином “социология”», что Ленин употреблял слово «социология» «в начале своей деятельности», а позднее якобы «этот термин... теряет значение для Ленина»; критика тех сторонников марксистской социологии, которые «в конце концов провозят кстади под марксистским флагом кое-какой и немарксистский товар»¹.

Затем выступивший П.И. Кушнер, дав общую оценку о том, что о «социологических» понятиях, о «социологических» взглядах и т.д. говорят часто, но когда дело заходит до определения, что такое «социология», то все идут на попятную» (подчеркнуто нами. – А.К.), обвинил В.Н. Максимовского за то, что он, «как и многие другие марксисты, употребляет социологические понятия, но боится это понятие выразить в стойких терминах»² (подчеркнуто нами. – А.К.).

Отвечая на вопрос, поставленный им самим, «о какой социологии можно говорить», он выделил два вида наук, которые «можно назвать социологией»: обобщенную теорию законов общественного развития, которая для марксистов совпадает с учением исторического материализма, и исторический материализм, который понимается не только как теория общественного развития, но и как метод. «Об этой второй “социологии”, – заявил оратор, – говорил К. Маркс, писал о ней и Ленин, и только т. Максимовский не желает ее замечать. Это теория общественных формаций»³. И последовал вывод: «Таким образом, высказывания Ленина о социологии – в связи с учением об общественных формациях – явление вовсе не случайное, это не обмолвка. Нужна ли вообще такая социология, о которой писал Ленин? Я думаю, что необходима и мы этой социологией постоянно пользуемся, хотя и боимся ее называть настоящим термином»⁴. Оратор также призвал участников дискуссии не отмахиваться от стоящих «во всей остроте» вопросов социологии под тем предлогом, «что слово “социология” изобретено буржуазией и поэтому не должно применяться марксистами». «Пусть, – продолжил он, – социологию изобрел Конт, но ведь этим словом пользовался и Энгельс. Или это тоже буржуазный исследователь?»⁵

В свою очередь, В.Б. Аптекарь, сделав акцент на том, что «марксистская социология представляет собой нечто качественно отличное от того, что преподносилось раньше под этим самым именем, – социологии», призвал участников дискуссии «не бояться употребления термина». При этом он провел параллель с философией периода наступления воинствующего материализма, когда ставили вопрос «возможна ли

¹ Дискуссия о марксистском понимании социологии // Историк-марксист. 1929, № 12. С. 189–196.

² Дискуссия о марксистском понимании социологии // Историк-марксист. 1929, № 12. С. 196.

³ Дискуссия о марксистском понимании социологии // Историк-марксист. 1929, № 12. С. 196–197.

⁴ Дискуссия о марксистском понимании социологии // Историк-марксист. 1929, № 12. С. 196–197.

⁵ Дискуссия о марксистском понимании социологии // Историк-марксист. 1929, № 12. С. 198.

марксистская философия». «...Вопрос о социологии, – подчеркнул он, – находится в аналогичном положении», и «точно так же, как марксистская философия очень мало имеет общего со старыми философиями, снимая эти предыдущие формы, так же и марксистская социология является качественно отличной от других, существовавших ранее форм социологии». Вывод: «хотя отличие марксистской социологии от других социологических учений существует, оно все-таки не делает необходимым отказ от термина “социология”»¹. В ответ же на «незакономерные» попытки некоторых исследователей «заменить социологию этнологией» он заявил «мы опять сталкиваемся лицом к лицу с фактом борьбы с социологией, причем эта борьба направлена не только против марксистской социологии, а вообще против социологии как таковой»².

И.П. Разумовский, признав приемлемость того, что на дискуссии речь идет о двух вещах – о том, что понимает марксизм под социологией, под буржуазной социологией как общественным явлением, с одной стороны, а с другой – «какое содержание в отличие от этого вкладывается марксизмом в исторический материализм, и в каком отношении об историческом материализме можно говорить о социологии», в то же время призвал полемистов «не доходить до такого пуризма, чтобы бояться употреблять слово “социология”»³.

Выступивший в дискуссии А.Д. Удальцов не соглашался с мнением В.Н. Максимовского о том, что «социология в настоящее время принимает такой оттенок, что, пожалуй, лучше воздержаться от употребления этого термина». При определении же исторического материализма он посчитал возможным считать, что, с одной стороны, это теория общества, а с другой – методология общественных наук. Что же касается термина «социология», то, по его мнению, употреблять его по отношению к историческому материализму не следует, так как «исторический материализм шире, чем социология, он шире, чем теория общественного развития». «Под социологией, – продолжил он, – все-таки мы понимаем всегда только теорию общественного развития, когда она употребляется в правильном смысле этого слова. Поэтому, если употреблять термин “социология”, можно было бы его оставить только по отношению к известной части исторического материализма»⁴. Высказавшись за разграничение исторического материализма и социологии, он назвал термин «исторический материализм» «наиболее правильным», а марксистскую социологию приравнял к группе вопросов марксистской методологии истории⁵ (?!).

Заключительное слово В.Н. Максимовского свелось фактически к прояснению деталей в его толковании термина «социология», которые подвергались критике на дискуссии. «Я, – пояснил он, – говорил о понимании социологии прежде всего, конечно, в смысле очищения термина»⁶ (подчеркнуто нами. – А.К.). По его мнению, нецелесообразность употребления термина «социология» объясняется соображениями «точности терминологии»: «То утверждение по существу, которое я выдвигаю против использования термина “социология”, заключается в том, что это понятие

¹ Дискуссия о марксистском понимании социологии // Историк-марксист. 1929, № 12. С. 189.

² Дискуссия о марксистском понимании социологии // Историк-марксист. 1929, № 12. С. 201.

³ Дискуссия о марксистском понимании социологии // Историк-марксист. 1929, № 12. С. 205.

⁴ Дискуссия о марксистском понимании социологии // Историк-марксист. 1929, № 12. С. 206–207.

⁵ Дискуссия о марксистском понимании социологии // Историк-марксист. 1929, № 12. С. 210.

⁶ Дискуссия о марксистском понимании социологии // Историк-марксист. 1929, № 12. С. 212.

связывается обыкновенно с представлениями о законах, общих для всех исторических формаций»¹.

Общий итог дискуссии для сегодняшнего исследования звучит экзотично: разброс мнений от «термин “социология” употреблять можно» до «в принципе он и не нужен». Но главное то, что на дискуссии не было никаких лозунгов или призывов «запретить» социологию, объявить ее «буржуазной лженаукой» даже при том условии, что не выступили те находившиеся в зале заседаний, кто был «против понимания социологии как теории или как науки, а стоят за то, что исторический материализм нужно понимать только как метод»².

Возникает и такой резонный вопрос: редакция журнала «Историк-марксист», публикуя материалы дискуссии в последнем за 1929 год номере, то есть тогда, когда, по утверждению Г.В. Осипова, после социологического «переворота» в Институте философии Комакадемии на социологию как науку, на само понятие «социология» «был наложен строжайший запрет», сделан «категорический вывод»: «социология – это лженаука, выдуманная французским реакционером Контом», и социология, таким образом, «на государственном уровне (подчеркнуто нами. – А.К.) утратила гражданский и научный статусы»³, – могла ли она (редакция журнала) фактически вступить в крайнее противоречие с установками «переворота», не поместив, как это принято в таких случаях, хотя бы краткую справку от редакции, тем самым высказав свою позицию по этому вопросу?

Сам факт публикации журналом «Историк-марксист» материалов дискуссии, фактически отрицающей все элементы многослойной «запретной» версии Г.В. Осипова, – подтверждение неправдоподобности утраты социологией «на государственном уровне» «научного и гражданского статуса». Впрочем, хотелось бы знать также, что означает часто употребляемый Г.В. Осиповым термин «гражданский статус социологии», какими «гражданскими» качествами характеризуется социология и какие критерии применяются при лишении ее «гражданства». Не является ли все это кабинетными упражнениями?

Кстати, заслуживает внимания освещение «запретов» социологии на дискуссии в Институте философии в 1929 году в современных наиболее авторитетных научных изданиях, которые никак не могли бы пройти мимо этого события и не высказать к нему свою позицию. Ведь «переворот» в социологии, ее запрет – не тот случай, чтобы объективному исследователю отмолчаться, как говорится, отсидеться в окопе. Начнем с фундаментального, единственного в своем роде труда «Социология в России», изданного Институтом социологии РАН. Что в нем можно прочитать относительно событий 1929 года в Институте философии? Борьба на философском фронте между махистами и материалистами-диалектиками, победа вторых над первыми, перенесение полемики не без влияния верхов с победителями, то есть «философским руководством», наконец, его разгром как «меньшевиствующих идеалистов». И ни слова о растиражированной Г.В. Осиповым дискуссии «по проблемам философии и социологии». А вместо «переворота» и «запрета» социологии, объявления ее лженаукой в этом издании можно прочитать, что после разгрома «меньшевиствующих идеали-

¹ Дискуссия о марксистском понимании социологии // Историк-марксист. 1929, № 12. С. 212.

² Дискуссия о марксистском понимании социологии // Историк-марксист. 1929, № 12. С. 212.

³ См.: Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 18.

стов», то есть деборинцев, социология восстановила свои позиции в теоретическом лексиконе марксизма»¹.

И еще: З. Голенкова и Ю. Гридчин вполне обоснованно обращают внимание на то, что в 30-е годы «на первый план выдвинулась полемика представителей официальной идеологии с группой “механицистов” во главе с Н.И. Бухариным и “меньшевиствующих идеалистов” во главе с А.М. Дебориным. Уже сам характер полемики, связанный с обвинениями в антипартийной и раскольнической деятельности, достаточно ясно определил судьбу социологии»² (подчеркнуто нами. – А.К.). Вывод крайне важный: «достаточно ясно определил судьбу социологии» характер политической полемики, а, как можно продолжить мысль, не характер внутрисоциологических дискуссий.

А Новая философская энциклопедия, даже не упоминая о якобы состоявшейся в Институте философии дискуссии «по проблемам философии и социологии», ограничилась положительной оценкой развенчания в 1920-х годах «нигилистических попыток ликвидации философии как якобы разновидности буржуазной идеологии»³. Не упоминает об указанной выше дискуссии и двухтомная Социологическая энциклопедия⁴. Сам Г.В. Осипов в изданной под его общей редакцией Российской социологической энциклопедии свое декларативное утверждение о том, что «к концу 30-х годов социология была объявлена буржуазной лженаукой и “упразднена”»⁵, не сопровождает указанием, когда, кем и при каких обстоятельствах это было осуществлено, тем самым уходит даже от упоминания дискуссии «по проблемам философии и социологии». Это, впрочем, не помешало закреплению за ним имиджа самого последовательного пропагандиста созданной им же самим версии о «перевороте» и «запрете» социологии, объявлении ее лженаукой на дискуссии в Институте философии в 1929 году.

Вот на этом можно было бы и завершить рассмотрение первой версии о «запрете» и «упразднении» социологии в Институте философии в 1929 году. Остается лишь добавить: в это время прорастали и набирали ход такие тенденции, как идеологизация обществоведения, превращение его в инструмент пропаганды и аналитического официоза, насаждение догматизма и комментаторского стиля в исследованиях.

Однако радикализм, отражавший протекающие внутри научного сообщества процессы, не завершился принятием запретных мер, сформулированных в официальных партийных или государственных документах. И тот факт, что после многих дискуссий и идеологических кампаний 20-х годов XX столетия термин «социология» определенное время связывался с эпитетом «буржуазия» («немарксистская»), отнюдь не означал ее (социологии) запрета. Поэтому совершенно неуместна сегодняшняя реанимация крикливого радикализма, равно как и безосновательное притя-

¹ См.: Социология в России / под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: изд-во Института социологии РАН, 1998. С. 30.

² См.: Социология в России / под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: изд-во Института социологии РАН, 1998. С. 53.

³ См.: Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 2010. С. 201.

⁴ Култыгин В.П. Советская социология. В кн.: Социологическая энциклопедия. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 2003. С. 426–429.

⁵ См.: Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. акад. РАН Г.В. Осипова. М.: Издательская группа Норма-Инфра, 1998. С. 489.

гивание за уши придуманной дискуссии по проблемам философии и социологии в Комакадемии для обозначения начальной точки «периода запрета 1929–1955 годов». К тому же как на этом фоне можно воспринимать коллективно выраженное мнение возглавляемого тем же Г.В. Осиповым редакционного совета сборника документов «Социология и власть» о том, что в 20-е – 30-е годы «официально социология не находилась под запретом»?¹ А это, в свою очередь, означает, что выделение Г.В. Осиповым этого «запретного» периода в качестве отдельного этапа в историографии отечественной социологии не имеет никаких оснований.

Что касается второй позиции о «запрете» социологии, то она изложена членом-корреспондентом РАН В.Н. Кузнецовым и связана с другой дискуссией, состоявшейся в Институте красной профессуры. «После известной дискуссии в Институте красной профессуры (в начале 30-х годов), – пишет он, – социология была объявлена антимарксистской, буржуазной наукой. Теоретические и конкретные исследования в области социального знания в СССР были практически прекращены. Общественные процессы и явления рассматривались на крайне абстрактном, философском уровне»² (подчеркнуто нами. – А.К.). Так что же представляла собой дискуссия в Институте красной профессуры? Отличительными ее чертами были: а) ее проведение стало своеобразным ответом на поставленный в декабре 1929 года на конференции аграрников-марксистов И.В. Сталиным в острой форме вопрос о необходимости ликвидации отрыва теоретической работы от задач социалистического строительства; б) она имела более масштабный и более представительный характер по сравнению с дискуссией в Институте философии; в) основным объектом массовой критики стала группа «философского руководства» (Деборин, Карев, Стэн и пр.), которая в конечном итоге была идеологически разгромлена; г) в отличие от дискуссии в Институте философии, власть в данном случае выступила активным действующим лицом – на решающем этапе борьбы на два фронта (как с механистической ревизией марксизма как главной опасностью современного периода, так и с идеалистическим извращением марксизма группой Деборина, Карева, Стэна и др.) 9 декабря 1930 года произошла встреча И.В. Сталина с бюро ячейки ВКП(б) Института красной профессуры философии и естествознания, а 25 января 1931 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О журнале “Под знаменем марксизма”». Установки, данные Сталиным на встрече в ИКП, нашли отражение в резолюции ячейки ИКП философии и естествознания³.

Дискуссия под эгидой Института красной профессуры проходила в несколько этапов. Этап первый – выступление И.В. Сталина в декабре 1929 года на конференции аграрников-марксистов, на которой он в острой форме поставил вопросы о необходимости ликвидации отрыва теоретической работы от задач социалистического строительства. Он заявил: «Надо признать, что за нашими практическими успехами не поспевает теоретическая мысль, что мы имеем некоторый разрыв между практическими успехами и развитием теоретической мысли. Между тем необходимо, чтобы теоретическая работа не только поспевала за практической, но и опережала ее, вооружая наших практиков в их борьбе за победу социализма»⁴.

¹ См.: Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: ACADEMIA, 1997. С. 5.

² См. Социологическая энциклопедия. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 2003. С. 120.

³ См.: Правда, 26 января 1931 г.

⁴ И.В. Сталин. Том 12. М.: Изд-во политической литературы, 1949. С. 142.

В ответ на выступление вождя партийная организация Института красной профессуры общую сталинскую постановку вопроса перевела в конкретное русло, поставив задачу о необходимости решительного перехода к актуальным задачам и на философском фронте. И если к лету 1930 года продолжались споры по общим вопросам такого перехода, то с лета того же года «философское руководство» (Деборин, Карев, Стэн и др.) все больше и больше стало демонстрировать свою оппозиционность переменам, фактически выступало против поворота на философском фронте, против самокритики, искажая существо этого поворота и, как официально трактовалось, по-троцкистски подходу к ряду политических вопросов. Все более вырисовывались расхождения так называемого философского руководства с марксизмом-ленинизмом.

Этап второй – публикация, как уже упоминалось выше, в июне 1930 года в газете «Правда» «статьи трех» (М. Митина, В. Ральцевича, П. Юдина), в которой были сформулированы пункты теоретических расхождений так называемого философского руководства с марксизмом-ленинизмом, особенно по вопросу о марксистско-ленинском понимании проблем теории и практики. Отчетливо ставился вопрос о новых задачах в области разработки теории материалистической диалектики. Выступившие со стороны «философского руководства» Карев, Стэн, Луппол, Подволоцкий и другие с критикой не соглашались и обвиняли своих оппонентов в антимарксизме, ревизионизме, воинствующем эклектизме и др. В конечном итоге на этом этапе «философское руководство» вышло битым, бюро ячейки ВКП(б) ИКП приняло резолюцию, которая, впрочем, четкостью не отмечалась.

Этап третий – публикация статьи М. Митина, в которой более четко формулировались уже поставленные вопросы и выдвигались новые – о недооценке и игнорировании так называемым философским руководством Ленина как теоретика, о непонимании ленинского этапа в развитии философии марксизма.

Этап четвертый – полемика, состоявшаяся в октябре 1930 года в Институте красной профессуры на отделениях философии и естествознания и на президиуме Комкакадемии. Ключевая тема дискуссий на этом этапе – наиболее развернутая и всесторонняя критика деборинской школы.

Этап пятый – решающий и высший этап дискуссии. Итог ее – беседа 9 декабря 1930 года И.В. Сталина с бюро ячейки ВКП(б) ИКП отделений философии и естествознания и принятие постановления ЦК ВКП(б) «О журнале “Под знаменем марксизма”» от 25 января 1931 года, в котором деборинская группа подверглась идеологическому разгрому.

Линии противостояния и разногласий, обнаружившиеся в ходе этой философской дискуссии: необходимость и характер поворота на философском фронте, о ленинизме в философии как о новой ступени в развитии диалектического материализма, о необходимости развернутой борьбы на два фронта, о партийности философии, естествознания и всей теории вообще, о задачах марксистско-ленинской философии в контексте новых задач в социалистическом строительстве. Ключевые проблемы – защита и более углубленная разработка проблем материалистической диалектики, критика ошибочной ревизионистской сущности механистов, преодоление образовавшегося отрыва философской мысли от актуальнейших политических вопросов, усиление борьбы на философском фронте с формалистической идеалистической опасностью, выяснение соотношения диалектического материализма, истории и

исторического материализма, усиление борьбы единого фронта марксистов-диалектиков против механистического мировоззрения, борьба с вульгарным материализмом, актуальность разработки ленинского философского наследия.

В этом же ряду – борьба с идеалистической ревизией марксизма-ленинизма со стороны деборинской группы (Деборин, Карев, Стэн, Луппол, Франкфурт), критика и разоблачение богдановско-механистической теории Бухарина, меньшевистско-струвистской концепции переверзевщины, открыто меньшевистствующей позитивистско-кантианской ревизии марксизма (Сарабьянов, Варьяш, Тимирязев, Аксельрод) и др. Особенностью дискуссии было тесное переплетение теоретических вопросов с обострившимися к тому времени политическими проблемами – философская оценка «левых ошибок», философских основ троцкистской (и троцкистско-зиновьевской) методологии, разоблачение и критика теоретических основ правого уклона как главной опасности на тот момент, предотвращение сколачивания блока между механистами и представителями идеалистической ревизии марксизма и др.

Обратим внимание: за весь период этой дискуссии никакой поход против социологии и ее запрет не объявлялся. Более того, сама социология в дискуссиях находилась на далекой-далекой периферии, причем не в виде каких-то полемических теоретических положений, а как упоминание совершенно конкретных деталей о «ползучем эмпиризме», позитивизме и др. Поэтому позиция В.Н. Кузнецова в данном случае декларативна и бездоказательна.

Нет сомнений в том, что дискуссия в Институте красной профессуры во многом определила отношение научного сообщества и властей к дискуссии в Институте философии. В этом плане – весьма показательный факт: на 224 страницах опубликованных материалов о состоявшихся дискуссиях¹ – выступлениях участников дискуссии Е. Ярославского, М. Митина, П. Юдина, В. Ральцевича, М. Каммари, Ф. Константинова, Н. Скрыпника, С. Пичугина, Ф. Путинцева, И. Тащилина, В. Тимошко, принятых по ходу дискуссий резолюций бюро ячейки ВКП(б) ИКП «Очередные задачи ячейки философского отделения ИКП», «К вопросу о положении на философском фронте», «Об итогах дискуссии и очередных задачах марксистско-ленинской философии», наконец, в постановлении ЦК ВКП(б) от 25 января 1931 года «О журнале “Под знаменем марксизма”» – об объявлении, как об этом пишет Г.В. Осипов, социологии лженаукой, о «перевороте» и «строжайшем запрете» социологии нет ни одной строчки. Говорилось же на дискуссиях о недопустимости «ползучего эмпиризма», о подмене Каревым исторического материализма этим «ползучим эмпиризмом» и сведении им истории как науки «к простой эмпирии», о превращении Каревым истмата в «систему предпосылок», о том, что он «путает истмат с той самой социологией», которую он взялся опровергать в 1926 году и не опроверг даже в конце 1929 года, и др.² Таким образом, и вторая «запретная» версия, связанная теперь уже с дискуссией в ИКП, не подтверждается никакими официальными источниками.

А теперь о третьей запретной версии по отношению к социологии, которая некоторыми авторами связывается с постановлением ЦК ВКП(б) «О журнале “Под знаменем марксизма”», который оказался в руках так называемого философского

¹ См.: За поворот на философском фронте. Сборник статей. Вып. 1. М. – Л.: ОГИЗ, 1931.

² См.: За поворот на философском фронте. Сборник статей. Вып. 1. М. – Л.: ОГИЗ, 1931.

руководства – А.М. Деборина, Н.А. Карева, Я.Э. Стэна и др. Сыграв большую роль в разгроме бухаринской социологической школы, «философское руководство» (деборинцы) развернуло на страницах журнала «Под знаменем марксизма» ожесточенную борьбу с философскими воззрениями механицистов. Но вскоре вектор противоборства и полемики сместился в направлении борьбы официальной идеологии как с механицистами-бухаринцами, так и с меньшевистствующими идеалистами-деборинцами. В конечном итоге обе группировки стали жертвами взаимной борьбы. Но это тема для отдельного разговора.

В нашем же случае важно обратить внимание на то, что группа «философского руководства» в это время демонстрировала свою оппозиционность происходящим переменам как на философском поприще, так и в политической сфере, а сам журнал «Под знаменем марксизма» превратился в трибуну узкой группы деборинцев, часто печатая материалы, которые со временем будут названы «ересью». Выступая в ходе философской дискуссии в Комакадемии, Ем. Ярославский обратил внимание на то, в каком виде проявлялась групповщина в журнале «Под знаменем марксизма»: журнал выражал лишь точку зрения Деборина и Стэна, причем Деборин играл «роль зам. Энгельса», а Стэн – «зам. Маркса»¹. Закончилось же все это, как отмечалось выше, принятием 25 января 1931 года разгромного постановления ЦК ВКП(б) «О журнале “Под знаменем марксизма”». Поэтому вряд ли есть достаточно оснований для того, чтобы факт публикации в этом журнале хода дискуссии в Институте философии Коммунистической академии рассматривать в качестве убедительного аргумента объективности публикуемых в нем материалов, подтверждения о якобы объявленном антисоциологическом походе.

На наш взгляд, ответ на вопрос об отношении политического руководства страны к деятельности журнала «Под знаменем марксизма», публиковавшего, согласно утверждению Г.В. Осипова (см. уже упоминавшуюся библиографическую сноску), в том числе якобы и материалы дискуссии об объявлении социологии вне закона и ее запрете, надо искать не путем предположений, гадания на кофейной гуще, а основываясь на официальных источниках. В данном случае таким документом и является названное выше постановление ЦК ВКП(б).

Справочно о постановлении ЦК ВКП(б) от 25 января 1931 года «О журнале “Под знаменем марксизма”». В констатирующей части отмечены такие крупнейшие недостатки: журнал не сумел осуществить основных указаний Ленина, данных им в статье «О значении воинствующего материализма»; «не стал боевым органом марксизма-ленинизма»; работа журнала была оторвана как от задач строительства социализма в СССР, так и от задач международного революционного движения; «ни одна из проблем переходного периода, теоретически разрабатываемых и практически решаемых партией, журналом не была поставлена»; журнал исходил «из совершенно ошибочной установки, вытекающей из непонимания ленинского этапа как новой ступени в развитии философии марксизма, что было обусловлено позицией группы Деборина, Карева, Стэна и др., фактически превратившей журнал, особенно в последнее время, в свой групповой орган; возглавлявшая журнал группа, отрывая философию от политики, не проводя во всей работе принцип партийности философии и естествознания, воскрешала одну из вреднейших традиций и догм II Интернационала – раз-

¹ См.: За поворот на фронте. Сборник статей. Вып. 1. ОГИЗ; Московский рабочий, 1931. С. 122.

рыв между теорией и практикой, скатываясь в ряде важнейших вопросов на позиции меньшевистствующего идеализма».

В постановляющей части перед журналом ставились такие задачи: журнал должен быть боевым органом марксизма-ленинизма; вести решительную борьбу за генеральную линию партии, против всяких уклонов от нее, проводя последовательно во всей своей работе ленинский принцип партийности философии; в области философии неуклонная борьба должна вестись на два фронта – как с механистической ревизией марксизма как главной опасностью современного периода, так и с идеалистическим извращением марксизма группой Деборина, Карева, Стэна и др.; в числе важнейших задач – разработка ленинского этапа развития диалектического материализма, беспощадная критика всех антимарксистских и, следовательно, антиленинских установок в философии, общественных и естественных науках, разработка теории материалистической диалектики, вопросов исторического материализма в тесной связи с практикой социалистического строительства и мировой революции. Для выполнения поставленных задач журнал обязывался объединить «воинствующих материалистов-диалектиков», систематически «выращивая большевистски выдержанные философские кадры»¹. К этому надо добавить: постановлением ЦК вместо прежнего состава редакции журнала была утверждена новая редакция в составе М.Н. Покровского, Адоратского, М.Б. Митина, Э. Кольмана, П. Юдина, А.А. Максимова, А.М. Деборина, А.Б. Тимирязева.

А теперь поставим вопрос: если бы по итогам дискуссии в Комакадемии были осуществлены какие-то действия, подчеркнем, не лозунги, произнесенные в ходе обмена мнениями, а конкретные акции (резолуции, постановления, опубликованные доктрины) по объявлению социологии буржуазной лженаукой и ее «строжайшему запрету», могло ли обойти этот вопрос приведенное выше постановление ЦК ВКП(б)? Нет – не могло бы! А это может означать одно: крайне радикальные ликвидаторские по отношению к социологии выступления, надо полагать, научным сообществом рассматривались не как официальная позиция Комакадемии и Института философии, в нее входившего, а как частное мнение отдельных лиц, относящихся к ведомству «воинствующего эклектизма». А такие «воинствующие эклектики» в то время активно проявили себя не только на философском фронте, но и в дискуссиях по политэкономии, литературоведению, в области истории, права, педагогики и даже в либеральном понимании этики. Сам термин «воинствующий эклектизм» постоянно использовался в дискуссиях как в стенах Комакадемии, так и Института красной профессуры.

Словом, ликвидаторские призывы некоторых «воинствующих эклектиков» в те годы не были возведены в степень событий, определяющих судьбу социологии. Это с большим успехом осуществили сегодняшние искатели «исторической правды», вырвав неблагоприятные деяния «воинствующих эклектиков» из общего контекста сложнейших дискуссий в Комакадемии и Институте красной профессуры и возвысив их (неблаговидные деяния) в качестве злодейского по отношению к социологии действия властей. В этой компании подверглось фальсификации и приведенное

¹ О журнале «Под знаменем марксизма». Постановление ЦК ВКП(б) от 25 января 1931 г. В сб.: За поворот на философском фронте. Сборник статей. Вып. 1. М. – Л.: ОГИЗ, 1931. С. 223–224.

выше постановление ЦК ВКП(б) от 25 января 1931 года. Вот о чем пишут сегодня, например, З. Голенкова и Е. Игитханян: «Постановлением ЦК ВКП(б) от 25 января 1931 года “О журнале “Под знаменем марксизма”” ученым-обществоведам инкриминировались две наиболее важные ошибки: во-первых, недостаточное внимание к проблемам разработки ленинского этапа развития марксистской философии и, во-вторых, недостаточно критичное отношение к антимарксистским и антиленинским установкам в философии, в общественных и естественных науках. Социология была объявлена “буржуазной наукой”»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.). В подчеркнутых нами словах приведенной выше цитаты содержатся положения, до неузнаваемости изменяющие суть постановления ЦК ВКП(б).

Первое – в документе ошибки инкриминировались не вообще «ученым-обществоведам», а, что крайне важно, конкретно руководству журнала «Под знаменем марксизма», превратившему это издание в «свой групповой орган»; разумеется, выводы из оценок деятельности журнала представляли несомненный интерес для всего общества «ученых-обществоведов», но это отнюдь не означает, что это сообщество должно было нести ответственность за работу журнала, в состав редакции которого, кстати, входило руководство Института философии во главе с его директором А.М. Дебориным. Второе – авторы приведенной выше цитаты необоснованно сузили перечень недостатков, за которые журнал подвергся в постановлении ЦК ВКП(б) серьезной критике; по отношению к названным авторам в цитате недостаткам не менее важными являются и те, которые они опустили, – «ни одна проблема переходного периода, рарабатываемых и практически решаемых партией, журналом не была поставлена», «работа журнала была оторвана как от задач строительства социализма, так и от задач международного революционного движения.

Третье – положение «недостаточно критическое отношение к антимарксистским и антиленинским установкам» в числе обвинений обществоведов не значит, оно (это положение) содержится в постановляющей части документа и звучит не как обвинение или критика, а как постановка задачи, причем в совершенно иной оценочной интонации, чем у З. Голенковой и Е. Игитханяна, – задачей журнала является «беспощадная критика (подчеркнуто нами. – А.К.) всех антимарксистских и, следовательно, антиленинских установок в философии, общественных и естественных науках, как бы они ни маскировались». Четвертое – в постановлении ЦК ВКП(б) формулировка об объявлении социологии «буржуазной наукой» вообще отсутствует, более того, в документе ни разу не употреблено даже слово «социология».

В свою очередь, Б.М. Фирсов в своем труде «История советской социологии. 1950 –1980-е годы», солидаризируясь с авторами приведенной выше цитаты З. Голенковой и Е. Игитханяном и ограничившись ее стопроцентным воспроизведением (без малейших попыток сопоставления с первоисточником, то есть с журналом «Под знаменем марксизма»), добавил: «Было подтверждено, что теорией общественного развития является истмат – он и станет выполнять функции общей социологии»². Это более чем странно. Ведь что касается «подтверждения» того, что в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) истмат «станет выполнять функции общей социоло-

¹ См.: Социология в России / под ред. В.А. Ядова. Изд. 2, перераб. и дополн. М.: изд-во Института социологии РАН, 1998. С. 109.

² Фирсов Б.М. История советской социологии: 1950–1980-е гг. Очерки. 2-е изд., испр. и дополн. СПб., Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С. 82.

гии», то в тексте партийного постановления вы не найдете как никаких суждений о функциях истмата, так и даже упоминаний самого термина «общая социология». Приходится искренне сожалеть, что такое глубокое и серьезное исследование, каким является монография «История советской социологии: 1950–1980-е годы», содержит досадные изъяны, избежать которых можно было бы прямым обращением к первоисточнику, то есть к тексту постановления ЦК ВКП(б).

Еще одна, четвертая «запретная» версия по отношению к социологии, связанная с якобы причастностью Института В.И. Ленина при ЦК ВКП(б) и входивших в состав главной редакции 2-го издания ленинских сочинений секретаря ЦК ВКП(б) В.М. Молотова и члена Политбюро Н.И. Бухарина к официальному объявлению на уровне властей социологии псевдонаукой, содержащемуся в XXIII томе указанного издания. Эта версия изложена в приложении № 2 «Этапы институционализации отечественной социологии» (автор Л.Н. Москвичев) к совместной монографии Г.В. Осипова и Л.Н. Москвичева «Социология и власть (как это было на самом деле)». Свой тезис «к концу 20-х – началу 30-х годов возникают оценки, отражающие отрицательное отношение власти к социологии вообще»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.) он подкрепил такими аргументами: «Так, в примечаниях, подготовленных Институтом В.И. Ленина при ЦК ВКП(б) к XXIII тому 2-го издания сочинений В.И. Ленина (этот том опубликован в 1930 году. – А.К.), говорится, что П.А. Сорокин в 1919–1920 годах был “преподавателем псевдонаучной “социологии”” в Петроградском университете и других вузах» (подчеркнуто нами. – А.К.). А после этого последовал неожиданный вывод: «Так фактически на официальном уровне социология была объявлена псевдонаукой»² (подчеркнуто нами. – А.К.).

Если к этому добавить, что упомянутое издание ленинских сочинений осуществлялось по постановлению высших органов власти (советской – II съездом Советов СССР, партийной – XIII съездом партии), а исполнителем был работавший под началом ЦК ВКП(б) Институт В.И. Ленина³, то вырисовывается удручающая картина активной вовлеченности в объявление социологии лженаукой самых мощных политических и государственных сил. Ссылка же на ленинские сочинения в такой форме, как это представлено в монографии «Социология и власть (как это было на самом деле)», может означать только одно: и В.И. Ленина сделать косвенным (заочным) сторонником изложенной выше интерпретации социологии.

Предложенная Л.Н. Москвичевым версия об официальном объявлении социологии лженаукой, несмотря на, казалось бы, внушительное ее (версии) обоснование (названы конкретные факты, фамилии, события), не может не вызывать ряд вопро-

¹ См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 489.

² См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 489.

³ Институт В.И. Ленина был создан в соответствии с решением пленума МК РКП(б) от 31 марта 1923 г., 28 сентября 1923 г. перешел в ведение ЦК РКП(б) на правах отдела, 20 августа 1928 г. Президиум ЦИК СССР путем объединения Института Ленина с Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса (создан по решению Оргбюро ЦК ВКП(б) от 11 января 1921 г. на базе ранее созданного Кабинета марксизма, преобразованного в Музей марксизма) создан Институт Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б), в 1954–1956 гг. – Институт Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина при ЦК КПСС, с июля 1991 г. – Институт теории и истории социализма ЦК КПСС, в ноябре 1991 прекратил свое существование.

сов, требующих более аргументированных ответов. На наш взгляд, начинать надо с уточнения жанра источника, содержащего тезис о П.А. Сорокине как преподавателе «псевдонаучной “социологии” в Петроградском университете и других вузах». У Л.Н. Москвичева таким источником названы примечания к XXIII тому 2-го издания сочинений В.И. Ленина, что не отвечает действительности. Дело в том, что особенностью подробного научно-справочного анализа как 2-го, так и 3-го издания сочинений В.И. Ленина (их выпуск начался одновременно в 1925 году и завершился в 1932 году, одинаковых по содержанию и отличающихся только полиграфическим исполнением и тиражом) является наличие в них отдельно выделенных приложений, комментариев и примечаний, на которые ссылается Л.Н. Москвичев, но которые, как показало исследование нами архивных материалов РГАСПИ (именно там находятся все документы и материалы, связанные с публикацией сочинений В.И. Ленина) не содержат приведенной выше формулировки о П.А. Сорокине. Эта фраза имеется в отдельно изданном словаре-справочнике имен, который по стилю изложения отличается от приложений, комментариев и примечаний, допускающих рассуждения, дискуссионность и др., строгой констатацией основных биографических сведений о человеке. Эта деталь (примечания или словарь-указатель имен) может показаться второстепенной, но в нашем случае она сыграет ключевую роль в дальнейшем анализе событий, связанных, как считает Л.Н. Москвичев, с объявлением социологии псевдонаукой. Более подробно об этом – чуть позже.

А сейчас обратим внимание на то, что фраза о П.А. Сорокине как преподавателе «псевдонаучной “социологии”», выдернутая из общего контекста описываемых событий и без дополнительных пояснений, позволяет двоякое ее толкование: а) расширительное – за кафедрой Петроградского университета в 1919–1920 годах стоял лектор, читавший курс общей социологии, которую в те годы (беспрецедентные масштабы борьбы со всем буржуазным, в том числе и «буржуазной социологией») некоторые радикальные исследователи именовали не иначе как «буржуазной лженаукой»; б) или перед нами более узкое толкование, связанное не с общей социологией, а конкретно с одним из ее направлений, то есть концепцией социолога-неопозитивиста, которым был в те годы П.А. Сорокин, научная концепция которого на фоне существовавшего тогда плюрализма социологических школ (марксистской, органической, социально-юридической, субъективной, то есть этико-социологической, географической) была оппозиционной по отношению к марксистской доктрине, сторонники которой не ограничились даже крайне негативным эпитетом «псевдонаучная», а еще и взяли слово «социология» в кавычки, давая понять, что кроме нее есть социология другая, которая не заслуживает того, чтобы о ней говорилось в пренебрежительно-иносказательном тоне.

Если же, следуя логике Л.Н. Москвичева, в 30-е годы получило новую жизнь официальное (на уровне властей) объявление на примере сорокинских лекций в 1919–1920 годах социологии псевдонаукой (что означало бы ее фактический запрет), то как это можно увязать с тем, что на протяжении целого десятилетия после чтения Сорокиным якобы осужденных лекций увидели свет такие труды представителей разных направлений социологии: 1921 год – Н.И. Бухарина «Теория исторического материализма: популярный учебник по социологии» (переиздавался многократно); 1922 год – П.А. Сорокина «Основы социологии»; 1923 год – Е.А. Энгеля «Очерки материалистической социологии»; 1923 год – Л.С. Садынского «Социальная жизнь

людей. Введение в марксистскую социологию»; 1926 год – З.Е. Чернякова «Социология в наши дни»; И. Андреева «К вопросу о понимании закономерности в истории: социологический этюд»; С.З. Каценбогена – «Марксизм и социология»; 1929 год – С.А. Оранского «Основные вопросы марксистской социологии» и др.

Следовательно, возникает следующий вопрос – в каком контексте употреблена формулировка о П.А. Сорокине как преподавателе «псевдонаучной “социологии”». Контекст же этот довольно своеобразен: она вместе с другими несколькими строчками биографического характера привязана не к какому-то конкретному событию, а предложена как универсальная и общая для всех случаев употребления В.И. Лениным фамилии П.А. Сорокина по разным случаям и в разных томах.

Что касается XXIII тома сочинений В.И. Ленина, в котором, по утверждению Л.Н. Москвичева, благодаря приведенной выше формулировке «фактически на официальном уровне социология была объявлена псевдонаукой», то здесь на поверхности двойной парадокс. Первый – ленинские работы в этом томе, к которым дана общая биографическая справка о П.А. Сорокине («Ценные признания Питирима Сорокина» и «Речь на собрании 20 ноября 1918 года»), не содержат вообще никаких социологических сюжетов, и речь в них идет не о Сорокине-социологе, а о Сорокине-политике, разорвавшем по политическим соображениям связи с эсерами и решившим сотрудничать с новой советской властью. Второй парадокс – 2-е издание XXIII тома охватывает ленинские работы 1918–1919 годов (этот том завершается работой «Проект договора с Буллат», датированной 6 февраля 1919 года), а работы, к которым в именном указателе имеется ссылка на чтение П.А. Сорокиным лекций о «псевдонаучной “социологии”» в 1919–1920 годах, были первоначально опубликованы в «Правде» в... 1918 году (20 и 24 ноября). Если же учесть, что XXIII том 2-го издания ленинских сочинений увидел свет в 1930 году, то как можно согласовать воспроизведенную выше хронологическую и содержательную «чересполосицу», чтобы обосновывать объявление на официальном уровне социологии псевдонаукой после 1930 года?

Неправдоподобность предложенной версии усиливается и тем, что для придания большей убедительности в причастности политических верхов страны к появлению в XXIII томе сочинений В.И. Ленина приведенной выше антисоциологической формулировки автор добавил: «Любопытно отметить (подчеркнуто нами. – А.К.), что это собрание сочинений В.И. Ленина выходило под редакцией Н.И. Бухарина, В.М. Молотова, М.А. Савельева»¹. Подчеркнутыми нами словами автор как бы усиливал акцент: мол, посмотрите, какие фигуры стоят за объявлением социологии псевдонаукой.

Однако, как показал осуществленный нами анализ архивных материалов, слова «любопытно отметить» высказаны в данном случае не по адресу, их следовало бы отнести прежде всего к характеристике той настоящей чехарды, которая происходила с персональным составом главной редакции издания сочинений В.И. Ленина. Вот основные линии этой коллизии. В.М. Молотов приступил к исполнению обязанностей члена главной редакции издания в 1931 году после освобождения от этих функций по политическим соображениям Л.Б. Каменева, редактировавшего 1-е издание ле-

¹ См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 489.

нинских сочинений, предварявшееся его вступительной тридцатидвухстраничной статьей, и под руководством которого (Л.Б. Каменева) в качестве директора Института В.И. Ленина осуществлялась вся подготовительная организационная работа, а затем и выпуск части тиража 2-го и 3-го издания ленинских трудов. То есть замена в составе главной редакции Л.Б. Каменева на В.М. Молотова произошла тогда, когда XXIII том уже стоял на читательских полках.

Далее, сама главная редакция издания сочинений В.И. Ленина подвергалась постоянным реконструкциям: в редакцию 2-го издания кроме указанной Л.Н. Москвичевым тройки (что не соответствует действительности) вошли И.И. Скворцов-Степанов и В.В. Адорадский; в редакцию 3-го издания, по содержанию стопроцентно идентичного 2-му изданию, дополнительно был включен только В.В. Адорадский, но без Н.И. Бухарина; параллельно вышедшее 3-е издание сочинений (в красном тевеом переплете, меньшего формата) опубликовано под редакцией В.М. Молотова.

Разумеется, роль первой скрипки в редактировании социологических сюжетов в XXIII томе в ситуации, когда членом главной редакции еще не был утвержден В.М. Молотов, мог сыграть Н.И. Бухарин как один из популярных (хотя и неоднозначно воспринимаемых) в то время социологов. Но к моменту завершения работы над XXIII томом (конец двадцатых годов) и временем выхода этого тома (1930) в жизни Н.И. Бухарина произошли серьезные изменения: в постановлении ЦК ВКП(б) «О группе Бухарина» от 17 ноября 1929 года, в совместном постановлении объединенного пленума ЦК и ЦК ВКП(б) и резолюции о Бухарине, принятой X пленумом ИККИ в июле 1929 года, Н.И. Бухарин был обвинен в «правом уклоне», либеральном толковании нэпа, в пессимизме и безверии в силы рабочего класса, в повторении «троцкистских задов» в оценке положения в ВКП(б), в приверженности антимарксистским теориям, в частности реформистской теории гильфердинговской концепции оздоровления капитализма, в попытке заключения за спиной партии беспринципного блока с бывшими троцкистами для борьбы с ВКП(б) и Коминтерном. Результат – исключение из состава членов Политбюро ЦК ВКП(б) и Исполкома Коминтерна, освобождение от должности главного редактора газеты «Правда» с последующим назначением существенно менее влиятельным членом Президиума ВСНХ СССР. Вот и возникает вопрос: могла ли в роли официальной власти объявлять социологию псевдонаукой такая организационно рыхлая, постоянно меняющаяся и не пользующаяся мандатом доверия верховного руководства страны главная редакция издания и, в частности, такой ее представитель, как Н.И. Бухарин, который находился под таким прессом властей, что для него все завершилось трагическим 1937 годом – репрессией и расстрелом.

Таким образом, миф о том, что в начале 30-х годов XX столетия на официальном уровне социология была объявлена псевдонаукой, построен в содержательном плане на притягивании за уши из именного указателя сочинений В.И. Ленина констатирующей фразы о П.А. Сорокине как преподавателе «псевдонаучной “социологии”», а в руководяще-организационном отношении на причастности таких могущественных в то время фигур, как В.М. Молотов (секретарь ЦК ВКП(б)) и Н.И. Бухарин (член Политбюро ЦК ВКП(б)), к «запретным» акциям. То есть все построено на подтасовках, полуправде отдельных фактов и их произвольной трактовке, искажении общей ситуации вокруг 2-го издания XXIII тома ленинских сочинений, а в конечном итоге на преднамеренной фальсификации. Приведенная нами выше аргументация позволяет поставить точку в этом деле.

Однако после выхода в свет XXIII тома (2-е и 3-е издание) произошли события, коренным образом повлиявшие как на судьбу этого издания в целом, так и, что для нас очень важно, на содержащиеся в нем формулировки об объявлении социологии «псевдонаукой». Дело в том, что описанная нами выше неразбериха с составом главной редакции издания, недостаточный, как выяснилось позже, профессионализм непосредственных исполнителей из Института Маркса – Энгельса – Ленина, недопустимой поспешности в одновременном параллельном выпуске 2-го и 3-го тридцатитомных изданий абсолютно идентичного содержания (в 1925 году начался их выпуск и в 1932 одновременно завершился) – все это привело к серьезным недостаткам этих изданий и, следовательно, к ожидаемой критике со стороны официальных властей и научной общественности. Например, в свое время БСЭ, оценивая выпуск 2-го и 3-го изданий сочинений В.И. Ленина, обратила внимание на то, что «в приложениях и комментариях к некоторым томам были допущены ошибки фактического и политического характера» (подчеркнуто нами. – А.К.). А ЦК ВКП(б) в своем постановлении «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском “Краткого курса истории ВКП(б)”» от 14 ноября 1938 года, отметив «грубейшие политические ошибки, содержащиеся в приложениях и примечаниях к сочинениям В.И. Ленина»¹, обязал Институт Маркса – Энгельса – Ленина «в кратчайший срок исправить их, а также искажения, допущенные в переводах сочинений Маркса – Энгельса на русский язык» и «ускорить переиздание сочинений Маркса – Энгельса и В.И. Ленина»² (подчеркнуто нами. – А.К.).

Исправляя ошибки, допущенные во 2-м и 3-м изданиях ленинских произведений, Институт Маркса – Энгельса – Ленина при подготовке по, как отмечалось выше, заданию ЦК ВКП(б) четвертого издания этих сочинений в своем предисловии к нему отметил, кроме всего прочего, «существенные недостатки» предыдущих изданий и в развернутой форме охарактеризовал их: «В ленинском труде допущены отдельные пропуски, отступления от первоисточников. Разбивка ленинских произведений по темам произведена часто по внешним и случайным признакам. Письма Ленина расположены без определенного порядка и последовательности. Все тома перегружены различными приложениями и редакционными справочными материалами, которые занимают от одной пятой до одной трети их состава, а в отдельных случаях превышают по своему объему половину ленинского текста. В этих изданиях имели место также грубейшие политические ошибки вредительского характера в приложениях, примечаниях и комментариях к некоторым темам сочинений В.И. Ленина»³ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Какой же оказалась в этих перипетиях судьба формулировки XXIII тома 2-го издания (повторенной в 3-м издании) о П.А. Сорокине как преподавателе «псевдонаучной “социологии”» в 1919–1920 годах? Институт Маркса – Энгельса – Ленина пошел по самому простому и для него, казалось, безопасному пути: он поступил по принципу, который, если перефразировать один из широко распространенных афоризмов, мог бы прозвучать так: нет текста – нет проблемы. Было решено в новом именном указателе от всех формулировок содержательного плана к персоналиям отказаться

¹ См.: Всесоюзная Коммунистическая партия (большевики) в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Изд. 6, дополн. Ч. II. Госполитиздат, 1941. С. 687.

² См.: Всесоюзная Коммунистическая партия (большевики) в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Изд. 6, дополн. Ч. II. Госполитиздат, 1941. С. 687.

³ Ленин В.И. Соч. Изд. 4. Т. 1. Гос. изд-во политической литературы, 1951. С. VII–VIII.

и ограничиться указанием только страниц ленинских работ, в которых упоминается та или иная фамилия. В нашем случае в именном указателе четвертого издания произведений Ленина напротив фамилии П.А. Сорокина были указаны лишь страницы ленинских работ.

Однако и на этот раз жизнь перехитрить не удалось. Вопрос о кратких содержательных характеристиках в именных указателях обострился при подготовке 5-го издания сочинений В.И. Ленина. На этот раз решили вместо слишком расширенных текстов именных указателей дать тексты более лаконичные, приведенные в соответствие с документальной базой и очищенные от различных искажений. В результате в именном указателе к 5-му изданию сочинений В.И. Ленина фраза из XXIII тома 2-го издания о том, что П.А. Сорокин «был преподавателем лженаучной “социологии”», подверглась реконструкции: кавычки к термину «социология» были сняты, а негативный эпитет к ней (социологии) «лженаука» удален.

Таким образом, эта фраза из негативной в XXIII томе 2-го издания превратилась в пятом издании сочинений в свою противоположность: П.А. Сорокин «преподавал социологию»¹, то есть исключительно положительного плана как по отношению непосредственно к П.А. Сорокину, так и к социологии в целом. Так в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском “Краткого курса истории ВКП(б)”» от 14 ноября 1938 года наконец была исправлена ошибка, содержащаяся в XXIII томе 2-го и 3-го издания, допущенная не по команде властей, как полагает Л.Н. Москвичев, а в результате непрофессионализма (или субъективизма) непосредственных исполнителей из сектора В.И. Ленина Института Маркса – Энгельса – Ленина.

Необходимо учитывать также и то, что Сорокин как автор покаянного признания 1918 года в последующие годы продолжал оставаться оппонентом как в политике по отношению к новым властям, так и в социологической науке по отношению к марксистской доктрине: он входил в состав издательства «Колос», большинство книг которого были посвящены борьбе с марксистской философией и защите позиций так называемой субъективной школы; а журнал «Утренники», представленный именами Сорокина, а также Изгоева, Лутохина и др., имел определенно антиреволюционную, антисоветскую направленность. И сотрудники Института Ленина, готовившие XXIII том сочинений, могли, проявляя идеологическую бдительность, включить строчку о П.А. Сорокине как преподавателе «псевдонаучной “социологии”». Но время внесло предельную ясность в эту историю.

Казалось бы, истина восторжествовала. И вдруг в постсоветское время в академическом институте в качестве единственного факта вытаскивается, как говорится, на божий свет препарированная в вышедшем в 1930 году XXIII томе 2-го издания сочинений В.И. Ленина, но исправления в 5-м издании формулировка именного указателя о чтении П.А. Сорокиным в 1919–1920 годах лекций по «псевдонаучной “социологии”» и используется в качестве веского доказательства наличия в 30-е годы XX столетия (!) отрицательного отношения власти к социологии вообще, более того – об объявлении на официальном уровне социологии псевдонаукой. В качестве ударной силы названы входившие в состав главной редакции издания представители политического руководства страны, но, как отмечалось выше, не имевшие к тому времени

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5. М., 1970. Т. 44. С. 650; т. 45. С. 652.

по разным причинам фактически никакого влияния на выпуск в свет XXIII тома 2-го издания: секретарь ЦК ВКП(б) В.М. Молотов, который вошел в состав главной редакции издания тогда, когда XXIII том был опубликован, и член Политбюро ЦК ВКП(б) Н.И. Бухарин, лишившийся к этому времени не только этого партийного статуса, но и руководящих должностей. И при этом совсем в стороне оказался, пожалуй, настоящий виновник всего происходящего – Л.Б. Каменев, при директорстве которого в Институте В.И. Ленина произошло «зачатие», а затем и лексическое оформление тезиса о П.А. Сорокине как преподавателе «псевдонаучной “социологии”» в 1919–1920 годах, чудовищным образом препарированное Л.Н. Москвичевым применительно к событиям начала 30-х годов.

Словом, перед нами блестящий пример для учебного пособия по методике фальсификации: из мухи сделать слона, но, как оказалось, слона сделали из сдохшей мухи. Нельзя не обратить внимание и на несостыковку опубликованных в одной и той же совместной монографии Г.В. Осипова и Л.Н. Москвичева «Социология и власть (как это было на самом деле)» двух версий о месте и времени так называемого официального объявления социологии псевдонаукой: у Г.В. Осипова (она растиражирована и во многих других его работах) это Институт философии Комкадемии, 1929 год; у Л.Н. Москвичева, как показано выше, – Институт Маркса – Энгельса – Ленина, 1930 год. Подзаголовок же к этой монографии «как это было на самом деле» еще больше подчеркивает чудовищность фальсификаторских упражнений. Как оказалось, власть на самом высоком политическом уровне (ЦК ВКП(б)) не только не объявляла социологию лженаукой, а, напротив, сыграла решающую роль в исправлении ошибок, в том числе и относительно толкований о социологии как «псевдонауке», которые были допущены сотрудниками Института В.И. Ленина при публикации XXIII тома 2-го и 3-го изданий ленинских сочинений.

Наконец, пятая позиция – о причастности к «антисоциологическому походу» официальных органов центральной власти, прежде всего ЦК ВКП(б), и лично И.В. Сталина. Ведь без выяснения их позиции определение содержания самой формулы «социология и власть» становится невозможным. Так вот – что касается ЦК ВКП(б), то в исследуемый период никаких решений, касающихся не только непосредственно социологии, но и общественных наук в целом, где содержались бы социологические сюжеты, не принималось. Каких-то общественно-политических или научных мероприятий, на которых бы партийным и государственным руководством провозглашались доклады или выступления с сюжетами о судьбе социологической науки, – тоже ничего этого не было.

Что касается И.В. Сталина, то, оставив для последующего более основательного анализа версию Г.В. Осипова о том, что с выходом в свет его работы «О диалектическом историческом материализме» произошло «упразднение» социологического знания «даже в форме исторического материализма», а рассмотрение теории и методологии, понятийного аппарата «науки об обществе» стало осуществляться только с абстрактных философских позиций и т.д. (этому вопросу посвящается специальный параграф 3 этой главы «Как академик “прочитал” генсека»), остановимся на двух научных акциях, состоявшихся на рубеже 20–30-х годов с участием вождя.

Первая, о чем уже частично говорилось, – его речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 года, в которой он в развернутой форме коснулся вопросов развития политэкономии в условиях переходного периода и, в частности, преодоления

разрыва между уровнем развития экономической теории и новым подходом к проблемам экономики переходного периода. «Беда в том, – отметил он, – что мы начинаем хромать именно... в области теоретической разработки вопросов нашей экономики»¹. В конкретном плане он остановился на шести, по его мнению, «узловых вопросах» политэкономии в условиях переходного периода – анализ и оценка таких «не имеющих ничего общего с марксизмом» «буржуазных и мелкобуржуазных теорий по вопросам нашей экономики», как теория равновесия секторов народного хозяйства, теория самотека в деле социалистического строительства, теория устойчивости мелкокрестьянского хозяйства, а также новые аспекты проблем «город и деревня», «о природе колхозов», «классовые сдвиги и поворот в политике партии». Для разработки проблем экономики переходного периода в новой их постановке он даже предложил создать из числа марксистов-экономистов специальную исследовательскую группу. Речь вождя, несмотря на ее конкретный политэкономический адрес, оказалась резонансной для всего научного сообщества, именно под ее воздействием, как отмечалось выше, Институтом красной профессуры была инициирована общеполитическая дискуссия. И вот на этом фоне столь острых проблем, поднятых И.В. Сталиным, для социологии не нашлось ни одной строчки – ни в положительном, ни в критическом плане. Более того, в его выступлении социология отсутствовала даже терминологически, то есть вообще не употреблено само это понятие. Следовательно, в ней нет ни прямых, ни косвенных призывов, ни рекомендаций объявлять «антисоциологический поход».

Вторая научная акция, связанная со Сталиным в то время, – его беседа с членами бюро партийной ячейки Института красной профессуры 8 декабря 1930 года о положении на философском фронте². В отличие от относительно толерантной по форме речи на конференции аграрников-марксистов, беседа в Институте красной профессуры отличалась двумя принципиальными моментами: первое – она была направлена на разгром «философского руководства», возглавленного директором Института философии, главным редактором журнала «Под знаменем марксизма», руководителем Общества воинствующих марксистов-диалектиков А.М. Дебориным; второе – по своей тональности она представляла собой набор жестких и конкретных указаний, как надо расправляться с деборинской группой, занимающей, по словам Сталина, «господствующие позиции в философии, естествознании и в некоторых тонких вопросах политики»³. «Надо, – продолжил он, – разворошить, перекопать весь навоз, который накопился в философии и естествознании. Надо все разворошить, что написано деборинской группой, разбить все ошибочное»⁴. Как явствует

¹ И.В. Сталин. Сочинения. Т. 12. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1949. С. 142.

² Стенограмма беседы не велась, ее запись сделал присутствовавший на беседе М.Б. Митин, которому по ряду причин не удалось опубликовать свои мемуары, которые включали и запись встречи со Сталиным 9 декабря 1930 г. Г.Г. Квасов, по роду своей деятельности многократно встречавшийся с М.Б. Митиным, заполучил ксерокопии записи этой беседы, которую он опубликовал в постсоветское время.

³ См.: Квасов Г.Г. Документальный источник об оценке И.В. Сталиным группы академика А.М. Деборина. В сб.: Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры, исследования. Вып. 10. XX в. Незвестное, забытое... / редкол.: А.И. Володин и др. М.: Российская академия управления, 1999. С. 193–194.

⁴ См.: Квасов Г.Г. Документальный источник об оценке И.В. Сталиным группы академика А.М. Деборина. В сб.: Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры, исследования. Вып. 10. XX в. Незвестное, забытое... / редкол.: А.И. Володин и др. М.: Российская академия управления, 1999. С. 193–194.

из этого тезиса, главной опасностью, по И.В. Сталину, в философии и естествознании стало деборинское течение, названное им «меньшевистствующим идеализмом». Конкретизируя критику деборинцев, Сталин заявил: «Деборин и его участники в области гносеологии – плехановцы. Меньшевистски мыслящие люди... Они меньшевистствующие идеалисты»¹.

В ходе беседы прозвучали и такие его суждения: необходимость поднятия диалектического материализма «на новую ступень» при том понимании, что «раньше был материализм атомистический»; деборинцы – это антимарксисты, отрывающие философию от политики, теорию от практики; для деборинцев термин «формалисты» – «мягкий, профессорский», его «надо усилить»; большую опасность представляют «механисты», имеющие «более серьезные корни в жизни», выступление формализма под левацким прикрытием, под левым соусом, в чем «эти господа – повара хорошие», а «мы в этом деле запоздали, а они слишком вышли вперед»; в качестве приоритета – разработка теории материалистической диалектики. Сталин призвал также: «Плеханова надо разоблачать, его философские установки. Он всегда свысока относится к Ленину, а также Юшкевич, Валентинов, Базаров и др. Перерывать надо все их работы, как они критиковали Ленина, как они относились к нему, к “материализму и эмпириокритицизму”. У Плеханова в вопросах исторического материализма географический уклон от марксизма» («Основные вопросы марксизма»)². Досталось и Бухарину: «Разворошить надо основательно также Бухарина. Его надо крепко критиковать, ибо по истмату он здорово и основательно напугал. Критика по этим вопросам Бухарина, которая была в печати, неверна. Тут и ПЗМ (журнал “Под знаменем марксизма” – А.К.) наворотил всяких ошибок и глупостей. Все это надо основательно разворошить»³ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Что же касается естествознания, то деборинцы, по мнению Сталина, «черт знает что делают, пишут о вейсманизме и т.д., и т.п. – и все это выдается за марксизм»⁴. На заданный одним из участников дискуссии вопрос: «Каковы наши теоретические задачи в области естествознания?» – Сталин ответил: «Я не естественник. Правда, в молодости я много читал Ламарка, Вейсмана, увлекался неоламаркизмом. У Вейсмана много мистики. То, что у нас пишется по вопросу теоретического естествознания, имеет много виталистического. Материалы в БСЭ по этой линии по меньшей мере сумбур. И здесь перед нами большие задачи критического порядка»⁵.

¹ См.: Квасов Г.Г. Документальный источник об оценке И.В. Сталиным группы академика А.М. Деборина. В сб.: Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры, исследования. Вып. 10. XX в. Неизвестное, забытое... / редкол.: А.И. Володин и др. М.: Российская академия управления, 1999. С. 193–194.

² См.: Квасов Г.Г. Документальный источник об оценке И.В. Сталиным группы академика А.М. Деборина. В сб.: Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры, исследования. Вып. 10. XX в. Неизвестное, забытое... / редкол.: А.И. Володин и др. М.: Российская академия управления, 1999. С. 194.

³ См.: Квасов Г.Г. Документальный источник об оценке И.В. Сталиным группы академика А.М. Деборина. В сб.: Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры, исследования. Вып. 10. XX в. Неизвестное, забытое... / редкол.: А.И. Володин и др. М.: Российская академия управления, 1999. С. 195.

⁴ См.: Квасов Г.Г. Документальный источник об оценке И.В. Сталиным группы академика А.М. Деборина. В сб.: Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры, исследования. Вып. 10. XX в. Неизвестное, забытое... / редкол.: А.И. Володин и др. М.: Российская академия управления, 1999. С. 193.

⁵ См.: Квасов Г.Г. Документальный источник об оценке И.В. Сталиным группы академика А.М. Деборина. В сб.: Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры, исследования. Вып. 10. XX в. Неизвестное, забытое... / редкол.: А.И. Володин и др. М.: Российская академия управления, 1999. С. 196.

И, наконец, на вопрос, надо ли связывать борьбу в области теории с непосредственно политическими уклонами в партии, Сталин сделал категорическое и безальтернативное заявление: «Можно и должно связать, ибо всякие отклонения от марксизма, даже в самых абстрактных вопросах теории, приобретают политическое значение в обстановке обостренной классово-борьбы»¹.

Разумеется, такое фронтальное наступление на деборинское течение в философии и естествознании не могло не повлиять и на другие научные дисциплины, в том числе и на социологию. Однако еще раз подчеркнем: весь огонь критики Сталин сосредоточил на философии и естествознании. Что же касается социологии, то он в беседе в Институте красной профессуры о ней вообще словом не обмолвился. Поэтому и эта акция не может подтвердить версию о запрете социологии в описываемое время, о лишении ее «гражданства», о придании ей статуса незаконного явления в науке. Объективной оценкой философских дискуссий до встречи Сталина в Институте красной профессуры и после нее может служить вывод, который сделал И. Яхот: «Это был сигнал, что научная продукция деборинцев (в области социологии и естествознания. – А.К.) как бы поставлена вне закона. То есть поставлена вне закона не вся социология и не вся философия, а деборинское направление меньшевистствующего идеализма»² (подчеркнуто нами. – А.К.).

В этом контексте никак нельзя согласиться еще с одним выводом Г.В. Осипова о том, что после «оформления запрета» социологии в описываемое время «...был сделан крутой поворот от социально-научного к социально-философскому пониманию общества, что означало понимание общества и руководство им на основе общих рассуждений и предложений, иначе говоря – на основе болтологии»³. Имеющаяся в настоящее время документальная база, в том числе и открывшиеся архивные материалы, напрочь отвергает суждения об осуществлении на рубеже 20–30-х годов «крутых поворотов» от социально-научного к социально-философскому пониманию общества. Ведь в это время социально-научное знание не способно было осуществлять «крутые повороты», так как его развитие пребывало в плачевном состоянии. Что же касается социально-философского знания, то в ходе философской дискуссии и особенно после нее оно двигалось в сторону «митинизма-юдинизма», представлявшего собой своеобразную модификацию сталинской мифологизации теории в версии марксизма-ленинизма с четкой установкой на большевизацию философской теоретической работы. Разгром «философского руководства» во главе с академиком А.М. Дебориным в 1931 году сопровождался выдвиганием в качестве главных фигур в диалектическом и историческом материализме (после Сталина и других руководителей партии) М.Б. Митина и П.Ф. Юдина, в руках которых оказались журнал «Под знаменем марксизма», Институт философии, центральные издательства. Именно М.Б. Митин и П.Ф. Юдин составили то ядро партийной молодежи Института красной профессуры, которое стало подручным партийного руководства

¹ См.: Квасов Г.Г. Документальный источник об оценке И.В. Сталиным группы академика А.М. Деборина. В сб.: Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры, исследования. Вып. 10. XX в. Неизвестное, забытое... / редкол.: А.И. Володин и др. М.: Российская академия управления, 1999. С. 194.

² Яхот И. Подавление философии в СССР (1920–1930-е гг.) // Вопросы философии. 1991, № 10. С. 88.

³ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 9.

и лично Сталина в борьбе за придание философии вульгарной политизации, за насаждение в учебной философии гносеологического редукционизма, вульгарного социологизма и узкого прагматизма, абстракций, оторванных от жизни. Но все это, еще раз подчеркнем, происходило на философском поле при отсутствии каких-то существенных социологических сюжетов.

Наконец, существует версия и о том, что «начало процессу институционального свертывания социологии как самостоятельной академической дисциплины было положено выходом в свет в 1931 году работы Сталина “Основные вопросы марксистской социологии”»¹. К сожалению, установить, в чем суть этого начала процесса «институционального свертывания социологии», не представляется возможным, так как в тринадцатом томе сочинений Сталина, в котором опубликованы все его работы за 1931 год, об упомянутом труде по социологии не только ничего не говорится в подготовленном Институтом Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б) предисловии, и не только для него (труда по социологии) не нашлось места в довольно расширенной биографической хронике вождя, в которую включены все даже мало-мальски значимые его деяния в указанное время, но, как оказалось, сама работа «Основные вопросы марксистской социологии» в этом издании отсутствует вообще. О чем спорить?!

А теперь сделаем общие выводы по поводу «запретов» социологии в 1929–1931 годах, которые названы некоторыми исследователями началом в социологии отдельного так называемого запретного периода 1929–1955 годов. Ложный ликвидаторский посыл уводит в сторону от раскрытия истинных причин, по которым отечественная социология оказалась действительно в плачевном состоянии. А этих причин несколько, и хотя они по происхождению разные, тем не менее их общий баланс – кризис социологии. Что же это за причины?

Первая причина – к концу 20-х годов еще не были преодолены последствия шока 1922 года, когда не успевшая институционализироваться молодая советская социология была обезглавлена в результате высылки за рубеж инакомыслящих философов и социологов, в числе которых оказался П. Сорокин и др. Вторая причина – непринятие нужных мер по восстановлению торпедированной в начале 20-х годов организационной инфраструктуры социологии (кафедр, обществ и др.), отсутствие социологических подразделений во влиятельных в то время и являющимися первыми очагами советской теоретической мысли Коммунистическом университете имени Свердлова, Институте красной профессуры, Социалистической академии (в 1924 году она была переименована в Коммунистическую академию). Поэтому к рубежу 1920–1930-х годов социология в организационном отношении подошла в таком состоянии, что нечего было «свертывать» и «валить».

Третья причина. По еще не сформировавшемуся методологическому и теоретическому фундаменту общественных наук в период так называемого философского нигилизма был нанесен такой сокрушительный удар, от которого в том числе и социология продолжительное время вообще не могла прийти в себя, – особенно в определении ее предмета, места в системе общественных наук, отношений с истматом и др. Четвертая причина связана с той, прямо скажем, беспощадной борьбой с бухаринским историческим материализмом, когда, как справедливо подметил Г.С. Батыгин,

¹ Култыгин В.П. Классическая социология. М.: Наука, 2000. С. 457.

атака на бухаринскую ересь на протяжении нескольких лет заставляла обществоведов избегать даже социологической терминологии, «чтобы не попасть в какую-нибудь историю»¹. Напомним при этом, что бухаринская версия истмата, изложенная в его труде «Теория исторического материализма», на две трети посвящена социологии и имеет подзаголовок «Популярный учебник марксистской социологии». Если же учесть, что сокрушительная критика бухаринского истмата напрямую связывалась с его оппозиционной политической борьбой, закончившейся полным разгромом, нетрудно представить весь драматизм ситуации и для социологии. Пятая причина – на рубеже 1920–1930-х годов (особенно после беседы с И.В. Сталина с членами Института красной профессуры 9 декабря 1930 года) стали четко просматриваться новые ориентиры в общественных науках, которые вскоре приведут к установлению научной диктатуры сталинского исторического материализма. Совокупность именно этих, а не придуманных факторов и привела к плачевному состоянию отечественной социологии в анализируемое в данном случае время.

Считая необоснованным определять 1929 год началом, а 1955 год концом отдельно существующего так называемого запретного периода в истории отечественной социологии, зададимся вопросом: а что же собой представляло социологическое исследовательское поле между этими двумя четко обозначенными пограничными столбами? Демаркационную линию? Мертвую полосу? Социологическую пустыню?

Действительно, правда в том, что были фактически прекращены эмпирические исследования советской политики, аналогичные процессы происходили в области демографии, изучения общественного мнения, изучения различных форм отклоняющегося поведения. Хотя появившиеся в это время некоторые работы в области социологии науки и отличались новизной (Б.М. Гессен, И.С. Самохвалов)², в целом эта отрасль социологии пребывала в запущенном состоянии, более того, она нередко интерпретировалась с идеологизированных позиций как концепция буржуазной науки. Результатом этого стало, в частности, и то, что законченное в 1935 году оригинальное и пионерское исследование К.Р. Мегрелидзе, посвященное проблемам социологии мышления, дождалось своей публикации лишь в 1965 году³.

С конца 30-х до конца 50-х годов образовался разрыв в проведении исследований в области социологии религии, на чем сказались годы войны и трудное послевоенное время. И это при том, что во второй половине 20-х – начале 30-х годов был накоплен определенный опыт применения многообразных методик анкетирования, интервью, сбора статистических и документальных материалов в области социологических и демографических аспектов, например, сектантства. Одна из сложнейших для социологии коллизий 30-х годов – как разгром бухаринской версии исторического материализма (названного «ересью») перерос вначале в борьбу «абстрактного социологиз-

¹ См.: Батыгин Г.С. Советская социология на этапах советской эры // Вестник АН СССР. 1991. № 10. С. 34.

² Гессен Б.М. Социально-экономические корни механики Ньютона. 1-е изд. М., 1933; 2-е изд. М., 1934; Самохвалов И.С. Научно-исследовательские учреждения СССР. Научные кадры и научно-исследовательские учреждения СССР // Социалистическая реконструкция и наука. 1934. Вып. 1–2; Он же: Численность и состав научных работников СССР // Социалистическая реконструкция и наука. 1934. Вып. 1.

³ Мегрелидзе К.Р. Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1965.

ма» и «механицизма», а затем в новый исторический материализм в его сталинском понимании.

Или взять такой вопрос. Вплоть до середины 30-х годов широко применялись опросы по проблемам быта рабочих, крестьян, студенчества. Исчезновение их со страниц печати интенсифицировалось наращиванием потенциала закрытой информации – партийной и государственной. По решению ЦК ВКП(б) была сформирована охватывающая все уровни партийной структуры «информационная вертикаль», основной целью которой был сбор информации о настроениях населения, состоянии общественного мнения, высказываниях различных групп населения по наиболее острым общественно-политическим вопросам. Обобщающие данные по этим вопросам для руководящих органов включали в себя не только съём информации, но и рекомендации к практическим действиям.

А вот как выглядела картина в области отраслевой социологии. Как свидетельствуют основанные на архивных источниках исследования В.Э. Хазановой, после принятия постановления ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта» (1930) почти на 30 лет было прервано развитие социальной урбанистики¹. С конца 30-х годов прекратились конкретные исследования села², их место заняли труды, обосновывающие «социальную однородность» городского и сельского населения, стирание граней между городом и деревней. Практически не развивалась социология труда, система НОТ осталась без применения.

На долгий период прекратила свое существование в качестве позитивной науки социология педагогики. Борьба с буржуазной социологией отразилась и на развернувшейся в 1931 году дискуссии по педагогической проблематике, целью которой (дискуссии) стало политическое разоблачение «меньшевистско-идеалистического эклектизма» педологов и последовавшее в октябре 1934 года закрытие журнала «Психотехника» и 29 научно-исследовательских педологических учреждений.

На отставание теоретической мысли от потребностей общества обращалось внимание на XVIII съезде ВКП(б) (1939), а затем и на совещании философов в 1947 году постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 февраля 1936 года ввиду нецелесообразности параллельного существования двух академий, Академии наук и Коммунистической академии, и в целях объединения в одном государственном центре деятелей науки было признано целесообразным ликвидировать Коммунистическую академию и передать ее учреждения, институты и основных работников в Академию наук СССР. Крупным событием для всей науки явилось открытие в 1947 года журнала «Вопросы философии». Однако все возрастающий культ личности Сталина вообще и торжественное шествие сталинского истмата в частности затрудняли постановку новых проблем в области социологии, сдерживали развитие теоретической мысли в целом.

Вместе с тем отмеченные выше отрицательные процессы в социологии в рассматриваемый период, названный запретным, – это одна сторона медали. Но есть еще и другая, не вписывающаяся в концепцию «запрета» социологии. Чем же характеризовалась эта вторая сторона? Уже на следующий год после объявленной Г.В. Осиповым

¹ Хазанова В.Э. Советская архитектура первой пятилетки: Проблемы города будущего. М.: Наука, 1980.

² См.: Арутюнян Ю.В. Опыт социалистического изучения села. М.: изд-во МГУ, 1968.

«запретной» по отношению к социологии дискуссии в Институте философии Коммунистической академии увидел свет третий том Малой советской энциклопедии (а завершено это десяти томное издание в 1931 году¹), в котором представитель «старой профессуры», социолог Н.И. Карев был назван «историком-идеалистом, противником марксизма». В декабре 1930 года на методологической секции Общества историков-марксистов состоялась научная дискуссия, на которой произошла проработка Н.И. Карева как противника ортодоксального марксизма. Поводом для такой проработки послужило то, что он во-первых, отказывался рассматривать исторический материализм как социологию, поскольку, по его мнению, ее объективистский характер не соответствует духу марксизма, а во-вторых, пытался обосновывать социологическую буржуазную науку².

В письме в редакцию Малой советской энциклопедии (январь 1931) он позиционировал себя в качестве «конкретного историка», «социолога-теоретика исторического знания, методолога»³. Признав, что для сторонников ортодоксального марксизма он действительно является «противником, еретиком, не экономистом»⁴, вместе с тем отметил, что «это не значит, что я противник тех марксистских тезисов, которые воспринял с самого начала моего знакомства с учением Маркса»⁵. Что касается своего кредо по затронутому вопросу, то он изложил его так: «Самый отказ некоторых марксистов от обозначения их социологического учения экономическим материализмом, замена у них этого прилагательного другим (исторический, диалектический), был воспринят мною за признак более широкого понимания исходного пункта марксистской социологии, чем то, которое мы находим у некоторых вульгаризаторов экономического материализма»⁶ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Ситуация с Н.И. Каревым примечательна тем, что, во-первых, после дискуссий в Институте философии Коммунистической академии 1929 года никакой «запретный период» для социологии не наступил, а во-вторых, он (Н.И. Карев) продемонстрировал смелую позицию в разгроме бухаринской школы, солидаризируясь в этом с А.М. Дебориным, возглавлявшим в то время Общество воинствующих материалистов-диалектиков и журнал «Под знаменем марксизма». А опубликованная в 1929 году книга С.А. Оранского «Основные вопросы марксистской социологии» была фактически направлена против механистического метода, резко критиковавшегося «диалектиками». Завязавшаяся в это время на страницах журнала «Под знаменем марксизма» дискуссия между «механицистами» и сторонниками А.М. Деборина (деборинцами), стремившимися скорректировать социальные и философские воззрения «механицистов», проходила с переменным успехом (если все происходившее можно было называть этим словом) и отличалась агрессивностью и разоблачительством.

Посещение же 9 декабря 1930 года И.В. Сталиным Института красной профессуры и его беседа с членами партбюро ИКП философии означали активное вмешательство в

¹ Малая советская энциклопедия. В 10 т. М., 1928–1931.

² Карев Н.А. Исторический материализм как наука // Под знаменем марксизма, 1927, № 12. С. 23; его же: Итоги работы и задачи в области теории исторического материализма // Под знаменем марксизма. 1930, № 5.

³ См.: Историк-марксист. 1931. Т. 2. С. 44–86.

⁴ См.: Историк-марксист. 1931. Т. 2. С. 44–86.

⁵ См.: Историк-марксист. 1931. Т. 2. С. 44–86.

⁶ См.: Историк-марксист. 1931. Т. 2. С. 44–86.

обострившуюся ситуацию верховного политического руководства страны. В конечном итоге, как отмечалось ранее, дело закончилось принятием 25 января 1931 года постановления ЦК ВКП(б) «О журнале “Под знаменем марксизма”», направленного на разгром деборинцев, которые стали именоваться «меньшевиствующими идеалистами»¹.

А после завершившегося в 1929 году разгрома бухаринского истмата развернулась продолжавшаяся несколько лет активная борьба против «механицизма» и «абстрактного социологизма», подтолкнувшая к более осмотрительному использованию социологической терминологии. В это же время в теоретическом лексиконе советского марксизма восстанавливается понятие «социология», журнал «Под знаменем марксизма», очищенный от хулителей социологии деборинцев, разъясняет, что марксистская и общественная наука – это и есть социология, основанная на понимании общественного развития как естественно-исторического процесса, и что нет никаких оснований считать данное слово опошленным буржуазными учеными², наконец, устанавливается, что И.В. Сталин понятие «социология» употреблял «в положительном смысле»³. Однако Г.С. Батыгин вместе с тем обращает внимание и на то, что хотя И.В. Сталин и употребил сомнительное слово «социология» в положительном смысле, он об этом предмете ничего конкретного не говорил⁴, поэтому, по его (Г.С. Батыгина) мнению, важна другая «удивительная» формулировка вождя – о том, что «наука об истории общества... может стать такой же точной наукой, как, скажем, биология, способной использовать законы развития общества для практического применения»⁵. По нашему мнению, именно в 1936 году можно было бы авансом исполнить похоронный марш по предложенной Г.В. Осиповым в постсоветское время историографической модели отечественной социологии, в которой выделен период запрета (1929–1955). Заслуживает внимания и тот факт, что после разгрома «пригожинско-дмитриевской группы врагов народа» в ИФЛИ там в 1937 году читался курс социологии. Приобретенный опыт позже (после войны) был использован в преподавательской работе на философском факультете МГУ.

Социологическое измерение имели обследования бюджетов времени различных групп населения, впервые проводимые органами государственной статистики по инициативе С.Г. Струмилина. К этой проблеме он подходил с широких социальных позиций и учитывал экономическую сущность не только труда в общественном производстве, но и домашнего труда, он придавал большое значение положению об общественной стоимости воспроизводства рабочей силы, подчеркивал значение «свободного труда», то есть самовоспитания и общественной деятельности, а также отдыха для развития человека.

Для социологии педагогики большое значение имели опубликованная в 1934 году С.Л. Рубинштейном программная методологическая статья, посвященная раскры-

¹ См.: Социология в России / под ред. В.А. Ядова. М.: изд-во ИС РАН, 1998. С. 30.

² Константинов Ф.В. Социалистическое общество и исторический материализм // Под знаменем марксизма, 1936, № 2. С. 110.

³ См.: Социология в России // под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: издательство Института социологии РАН, 1998. С. 30.

⁴ Батыгин Г.С. Советская социология на закате сталинской эры // Вестник АН СССР, 1991, № 10. С. 94.

⁵ Сталин И.В. О диалектическом и историческом материализме (сентябрь 1938 г.). М.: Госполитиздат, 1953. С. 14.

тию новаторской идеи о деятельностном подходе в педагогике, базирующаяся на признании того, что человеческая деятельность предметно и общественно опосредуется, а также подготовленная в 1934 году работа А.Н. Леонтьева, в которой четко проведена идея о решающей роли деятельности в формировании личности. Социологическая тематика нашла отражение в работах по демографии, в частности, по проблемам смертности и продолжительности жизни¹, а также рождаемости в СССР².

К числу событий «предренессансного» послевоенного периода, заслуживающих быть отмеченными в истории отечественной социологии, как мы уже отмечали, следует отнести создание к осени 1946 года в Институте философии АН СССР сектора социологии, чему предшествовало почти годичное функционирование в этом же институте группы по истории социологических учений. Не повторяясь с тем, что мы отметили выше об этом секторе, сейчас обратим внимание на такие моменты. Со временем Г.С. Батыгин назвал М.П. Баскина «первым несостоявшимся советским социологом послевоенного периода».

Однако как человек, не обладавший сильными позициями в философско-политической иерархии, хорошо знавший социологические перипетии 20-х годов, М.П. Баскин в своей деятельности был предельно осмотрительным, «опытным канатоходцем». Это особенно ярко проявилось при подготовке им статьи «Социология» для двух изданий Большой советской энциклопедии – 1947 года и повторного 1957 года.

В первом случае его позиция изложена так: «Социология – это термин, введенный Огюстом Контом для обозначения науки об обществе, его закономерностях и движущих силах и получивший распространение в буржуазной науке»³. (Г.С. Батыгин считает, что такое определение по сути эквивалентно определению исторического материализма, но, «принятое в буржуазной науке», оно дает социологии шанс на существование⁴.) Говоря же о том, что «единственно правильной и подлинно научной теорией общественного развития является созданный Марксом и Энгельсом и развитый Лениным и Сталиным исторический материализм»⁵, он обращал внимание и на то, что «именно исторический материализм впервые возводит социологию на уровень науки»⁶. Такие формулировки в тех конкретных социально-политических условиях Г.С. Батыгин считает «филигранными», не имеющими «ничего общего с техникой фразы», «они прочитываются и входят в сознание как знаки-криптограммы на стенах лабиринта, где за каждым поворотом может оказаться пропасть»⁷.

Во втором случае, то есть в энциклопедии, изданной через десять лет, он определяет социологию как «буквально учение об обществе», то есть речь идет не прос-

¹ Новосельский С.А., Паевский В.В. Смертность и продолжительность жизни населения СССР (1926–1927 гг. Таблицы смертности). М. – Л., 1930.

² Струмилин С.Г. К проблеме рождаемости в рабочей среде // Струмилин С.Г. Избр. произв. М.: Политиздат, 1963–1965. Т. 3.

³ Баскин М.П. Социология // Большая Советская Энциклопедия. М.: ОГИЗ СССР, 1947. Т. 52.

⁴ Батыгин Г.С. Советская социология на закате сталинской эры // Вестник АН СССР, 1991, № 10. С. 97.

⁵ Баскин М.П. Социология // Большая Советская Энциклопедия. М.: ОГИЗ СССР, 1947. Т. 52.

⁶ Баскин М.П. Социология // Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. М.: Государственное издательство «Большая Советская Энциклопедия», 1957. Т. 40.

⁷ Батыгин Г.С. Советская социология на закате сталинской эры // Вестник АН СССР, 1991, № 10. С. 97.

то о термине, введенном Контом, а об учении об обществе, научно обоснованном воздействии на общественную жизнь¹. Нельзя не обратить внимание на стремление М.П. Баскина в изданной в 1949 году книге «Англо-американская социология» несколько отделить анализ содержания социологических идей от необходимых отличительных приемов.

Активность в развитии критико-социологического направления в советском марксизме в это время проявляли Г.Ф. Александров, Ю.П. Францев и П.Н. Федосев при поддержке академика-секретаря Отделения истории и философии В.П. Волгина. Но «втянутость» в операции на философском фронте у каждого из них проявлялась по-разному: Ю.П. Францев, например, как ректор МГИМО, обладавший значительным влиянием в области международной информации, отдавал предпочтение публикациям установочного характера, демонстрируя при этом глубокую осведомленность с новейшими западными публикациями (достаточно назвать его статью в «Большевике» о концепциях буржуазного национализма²); у Г.Ф. Александра социологическая специализация просматривалась более отчетливо; разоблачая, например, Дж. Дьюи, он называл его как социолога³, но зато о марксистской социологии нет даже упоминания ни в одном из его многочисленных официальных выступлений. Неожиданным для многих оказался пассаж о социологии марксизма в «большевистской» статье М.И. Калинина о работе В.И. Ленина «Что такое «друзья народа»». А вслед за статьей М.И. Калинина с цитатой о социологии из «Друзей народа» – актуализация в публикации М. Леонова проблем соотношения теории и эмпирии в марксистско-ленинском научном предвидении, в чем некоторые исследователи увидели признаки формирующегося альянса социологии с «живой жизнью», который со временем станет основой ее многолетней сепаратистской деятельности вплоть до победы над истматом в 1988 году⁴.

Особенностью опубликованной летом 1946 года в «Большевике» программной статьи Г.Ф. Александрова, подготовленной на основе стенограммы доклада на сессии АН СССР 4 июля 1946 года, было не только то, что, пожалуй, впервые в советской науке была представлена широкая панорама западных социологических концепций, но и содержалось подчеркивание значительных критических возможностей социологии применительно к оценке современного империализма⁵. Обращает на себя внимание и то, что в это время фигурирующая в протоколах Института философии группа по истории социологических учений как бы выходит за рамки критики и проводит работу фактически по реабилитации статуса социологии как научной дисциплины. Например, в протоколе заседания группы от 22 февраля 1946 года отмечалось: «Теперь, когда введено слово «социология», очень важно отбросить архивные

¹ Баскин М.П. Социология // Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. М.: Государственное издательство «Большая Советская Энциклопедия», 1957. Т. 40.

² См.: Францев Ю.П. Идеология буржуазного национализма на службе империалистической реакции // Большевик. 1947, № 8. С. 39–49.

³ См.: Александров Г.Ф. Философствующие оруженосцы американской реакции // Большевик. 1947, № 11. С. 23–51.

⁴ См.: Батыгин Г.С. Советская социология на закате сталинской эры // Вестник АН СССР, 1991, № 10. С. 99.

⁵ Александров Г.Ф. О современных буржуазных теориях общественного прогресса // Большевик. 1946, № 11–12. С. 11–39.

категории социологии. Нужно взять плоть и кровь материалов по социологическим учениям, теориям, раскрыть связи со всей породившей эти теории экономической и социальной обстановкой»¹.

Нарастающая частота употребления в это время термина «социология», да еще иногда и со ссылкой на Сталина, служила поводом для выводов о появившихся признаках корректировки установочных акцентов в социологии, однако до сих пор пока не установлено, кто он – этот конкретный человек, разрешивший в указанное время ввести слово «социология». Г.С. Батыгин делает допущение о том, что «вряд ли данная инновация шла с самого верха»². По его предположению, отношение к этой инновации имел избранный в октябре 1946 года действительным членом Академии наук Г.Ф. Александров, от которого М.П. Баскин и его команда могли получить «недвусмысленную установку» относительно социологии (автор этой гипотезы не исключает возможность согласования такой установки с А.А. Ждановым)³. К этому надо добавить ссылку А.А. Жданова в докладе на торжественном заседании Моссовета 6 ноября 1946 года по случаю 29-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции на опросы, осуществленные Институтом общественного мнения в США и содержащие отрицательные выводы американских граждан по ряду проблем советской жизни (избирательное право, религия и др.) Впервые сделанная ссылка на американские социологические опросы на таком высоком официальном уровне не могла не вызвать в научном сообществе соответствующей реакции. Это проявилось прежде всего в целенаправленных усилиях партийного журнала «Большевик» в развитии социологической проблематики. На его страницах за очень короткий промежуток времени были опубликованы статьи: Г.Ф. Александрова – с анализом взглядов М. Адлера, Л. Бернардо, Дж. Дьюи, У. Липпмана, В. Кроче, Г. Ласки⁴; Ю.П. Францева – с критикой Э. Росса, А. Тойнби, К. Беккера, У. Отгерна; П.Н. Федосеева – о буржуазных социологических концепциях войны и мира⁵.

У Г.С. Батыгина были достаточные аргументы сделать на основе изучения трудов указанных авторов выводы о том, что 1) на фоне трактовки буржуазной социологии как ненаучной и раскрученной ими никогда не отрицалась возможность марксистской научной социологии, а речь шла скорее о создании не выходящей за рамки формулировок «Краткого курса истории ВКП(б)» советской социологической альтернативы; 2) изученный в это время советскими авторами обширный социологический материал создавал неплохие предпосылки для дальнейшего наращивания усилий по разработке социологической проблематики. Что касается «социологии в ее критической версии», то Г.С. Батыгин имел основания считать, что ее (критическую социологию) «ввел в жизнь журнал «Большевик» во главе с П.Н. Федосеевым»⁶.

¹ Цит. по: Батыгин Г.С. Советская социология на закате сталинской эры // Вестник АН СССР, 1991, № 10. С. 100.

² Цит. по: Батыгин Г.С. Советская социология на закате сталинской эры // Вестник АН СССР, 1991, № 10. С. 100.

³ Цит. по: Батыгин Г.С. Советская социология на закате сталинской эры // Вестник АН СССР, 1991, № 10. С. 100.

⁴ Александров Г.Ф. О советской демократии // Большевик. 1946, № 22.

⁵ Францев Ю.П. Буржуазная социология на службе реакции // Большевик. 1946, № 23–24.

⁶ Батыгин Г.С. Советская социология на закате сталинской эры // Вестник АН СССР, 1991, № 10. С. 101.

В контексте «предренессансных» социологических исследований можно рассматривать и такие акции этого времени: публикацию в начале 1947 года в журнале «Большевик» подготовленных М.П. Баскиным обзоров «Американского социологического обозрения» и «Американского журнала по социологии» за 1941–1946 годы¹; регулярный доклад по социологии в университетской группе профессора М.П. Баскина; обсуждение в этой же группе трудов Л. Уорда, Ф. Гиддинга, Л. Бернарда; инициирование М.П. Баскиным вопроса об открытии в только что открывшейся в соответствии с обещанием И.В. Сталина Академии общественных наук при ЦК ВКП(б), а также в Московском и Ленинградском университетах кафедр и аспирантуры по новейшей буржуазной философии и социологии.

В это же время в качестве важнейшего направления научно-философского фронта в Институте философии под покровительством Г.Ф. Александрова разрабатывалась критико-социологическая проблематика в рамках программы под названием «Проблема V», предполагавшая изучение истории и критики социологических учений. Однако вскоре судьба этой программы и всей группы М.П. Баскина оказалась под большим вопросом в связи с дискуссиями, а точнее с разгромом книги Г.Ф. Александрова «История западноевропейской социологии». В этих разборках большие репутационные потери понесли многие сторонники Г.Ф. Александрова, в том числе и, как отмечалось выше, М.П. Баскин, а также подвергшийся серьезной критике «за попустительство» П.Н. Федосеев. После повторного обсуждения книги Г.Ф. Александрова под председательством А.А. Жданова (первая дискуссия проходила в январе 1947 года в Институте философии АН СССР и была признана ЦК партии «бледной», «куцей», «неэффективной» и в конечном итоге – неудовлетворительной) Г.Ф. Александров был снят с должности начальника управления пропаганды и переведен в Институт философии. Положение сектора социологии оказалось неопределенным, сам М.П. Баскин оказался отстраненным от активной работы на философском фронте, а с приходом новых людей наступили и новые времена для социологии.

На начало 1950 года выпадает появление в лексике советского марксизма словосочетания «конкретные исследования». О возникшей в связи с этим озабоченности по поводу возможной угрозы «ползучего эмпиризма» Ф.В. Константинов писал: «Наоборот, общетеоретические и конкретные исследования будут взаимно питать друг друга. Получится своеобразное разделение труда»². Опубликованная в 1958 году книга Г.Ф. Александрова «История социологии как наука» хотя, по мнению некоторых исследователей, и выдержана «в традиционных идеологических тонах» и «весьма неприятельна по содержанию», тем не менее она «может быть отмечена только потому, что в ней социология и ее история вполне легально появились в сочетании с понятием науки»³.

Постановка вопроса о самостоятельном развитии социологии в ее инженерно-социологической интерпретации как альтернативы постулатам исторического материализма содержалась в опубликованной в 1955 году на страницах журнала «Вопросы философии» статье крупного экономиста и статистика академика В.С. Немчинова, а также в сделанном им 23 декабря 1955 года докладе по этому вопросу на Президиуме

¹ См.: Баскин М.А. Американский социологический журнал // Большевик, 1947, № 1. С. 56–64.

² Константинов Ф.В. Против догматизма и чужденчества // Вопросы философии. 1950, № 3. С. 11.

³ См.: Социология в России / под редакцией В.А. Ядова. Изд. 2, перераб. и дополн. М.: изд-во Института социологии РАН, 1998. С. 54.

АН СССР. Суть его идеи сводилась к превращению при социализме социологов и экономистов в своеобразных «социальных инженеров». Опираясь на такие ключевые для него статистические понятия, как «индивидуальная величина» и «статистический факт», он выделил «общие законы развития общества» и «индивидуальные элементы общества», тем самым разграничив сферы влияния в общественных науках, определив, что объектом внимания ученых должны быть массовые процессы, а для идеологов – «общие закономерности»¹.

Значимость для социологической науки идей В.С. Немчинова определяется не только инновационной инициативностью их автора в довольно сложных общественно-политических условиях, но и его (В.С. Немчинова) как многолетнего руководителя Отделения экономических, философских и правовых наук АН СССР активной позицией по дальнейшему углублению этих исследований, что, впрочем, со стороны определенной части научного сообщества, особенно философов, вызывало отрицательную реакцию. Поэтому в самом начале социологического ренессанса Василий Сергеевич был удостоен чести быть включенным в состав официальных делегаций советских ученых и выступать с докладами на первых после создания Советской социологической ассоциации международных конгрессах социологов – на III конгрессе в Амстердаме (тема его доклада – «Изменения в классовой структуре населения СССР») и на IV конгрессе в Италии (тема доклада «Социологический аспект планирования»). Следовательно, ограничивать оценку участия В.С. Немчинова в социологическом возрождении, как это делают некоторые авторы, только словами «он активно поддерживал социологические исследования и социологию как науку»² – несправедливо. Он не только поддерживал социологию, что справедливо, но и лично созидал ее, что было крайне важно. Со временем, опираясь на опыт математических экспериментов немчиновской команды, А.Г. Аганбегян, Ю.Н. Гаврилец, Ф.М. Бородкин и др. развернули активную работу по развитию математической социологии, которая вскоре завершилась знаковым событием – изданием фундаментального труда ведущих отечественных и зарубежных авторов по математической социологии³.

Таким образом, осуществленный нами анализ не дает никаких оснований объявлять 1929 год временем переворота в социологии и начала ее «запретного периода 1929–1955 годов». В этом контексте правомерно выделить такие два ключевых момента: с одной стороны, несостоятельность «запретных» версий, их антинаучный характер, уводящая в сторону от объективного анализа бездоказательность; с другой стороны, – серьезные негативные явления в этой сфере, причину которых необходимо искать как в издержках командно-административной системы руководства наукой, неразработанности демократических механизмов отношений социологии и власти, так и в факторах, кроющихся внутри самого социологического сообщества, – нерешенность основных теоретико-методологических проблем развития социологической науки (отсутствие четкого определения предмета социологии, ее места в системе общественных наук, ее функций и понятийного аппарата); отсут-

¹ Немчинов В.С. Социология и статистика // Вопросы философии. 1955, № 3. С. 22–23, 26.

² См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 5.

³ Математика и социология: Моделирование и обработка информации / под ред. А.Т. Аганбегяна, Х. Блейлока, Ф. Бородкина, Р. Будока, В. Капекки. М.: Мир, 1997.

ствие необходимой координации, что порождало стихийность, спонтанность, а в ряде случаев и самодеятельность в деятельности социологов; настоящий «голод» на социологов-профессионалов и т.д.

Залог объективной оценки деятельности социологического сообщества в «предренессансный» период – в учете всей совокупности причин тех или иных явлений, лежащих как в плоскости властных, так и внутрикорпоративных отношений социологического сообщества. То есть речь идет о давно оправдавшем себя комплексном, системном подходе. К сожалению, некоторые исследователи пошли по иному пути: с целью демонстрации преемственности разрушительных действий советских властей по отношению к социологии в «предренессансный» (1929–1955) и возрожденческий периоды (после 1955) целенаправленно внедряют «запретную» версию в истории социологии, основанную на таких элементах: а) на документально не подтвержденном «перевороте» в социологии, ее «строжайшем запрете», «упразднении» и т.д., и т.п. в ходе таких мероприятий – дискуссии в Институте философии Коммунистической академии в 1929 году; дискуссии в Институте красной профессуры в 1929 году, в Институте В.И. Ленина (в связи с публикацией XXIII тома сочинений вождя), в постановлении ЦК ВКП(б) «О журнале “Под знаменем марксизма”», в связи с выходом в свет сталинского труда «О диалектическом и историческом материализме» (об этом будет рассказано более подробно); б) на совершенно бездоказательном, сфальсифицированном выделении в качестве отдельного периода тотального запрета социологической науки с 1929 по 1955 годы; в) на чудовищной фальшивке, содержащейся в том числе и на стендах «Возрождение и институционализация социологической науки в России (история и современность)», размещенных в рабочих зданиях Института социально-политических исследований РАН, где под 1953 годом обозначено: «Согласно принятой ЦК КПСС концепции социология в СССР была объявлена лженаукой» (подчеркнуто нами. – А.К.) (такая концепция не принималась ЦК КПСС не только в 1953 году, но вообще за всю историю партии, это в полной мере касается и Президиума АН СССР. – А.К.); г) в интерпретации отношений власти и социологии в период социологического ренессанса через призму непримиримого антагонизма с четко выраженным политическим подтекстом.

Утверждения же о принятии ЦК КПСС концепции, объявляющей социологию лженаукой, об официальных запретах социологической науки – это даже не фальсификация фактов (обычно фальсифицируется то, что имело место в тех или иных случаях), а преднамеренный политический поклеп с опорой на несуществующие, придуманные факты. Сделано это сознательно, обставлено «аргументами», в которые могут поверить только творцы этих легенд. Налицо – создание почти гуглаговского представления о жизни социологического сообщества, на фоне которого, как говорят сами о себе некоторые участники начального возрожденческого периода, якобы им приходилось действовать по принципу «вопреки, но во благо». Только маленькая деталь – искать такие откровения в их трудах времен возрождения социологии, то есть с хрущевской оттепели до горбачевской перестройки, – бесполезно. Подобная мифология – плод постсоветского «правдоискательства».

§2. От «запретов» к «разгромам»

А теперь от «запретов» перейдем к «разгромам» социологии. Поставим вопрос конкретно: что является причиной деформаций в социологии, что служит поводом для «разгромов» и насколько корректно в данном случае употребление термина «разгром». И начнем с «разгрома № 1». В.В. Колбановский (научный сотрудник ИКСИ и ученый секретарь ССА в период директорства А.М. Румянцева, со временем – эмигрант), говоря о рабочем и морально-психологическом состоянии коллектива Института конкретных социальных исследований, позже написал: «Весь генералитет и офицерский корпус ИКСИ был расколот войной между двумя заместителями директора за власть в институте, за ставки, помещения, влияние на директора. Сам А.М. Румянцев не мог повседневно руководить институтом, заместители же (Г.В. Осипов и Ф.М. Бурлацкий. – А.К.) сработаться не могли и не хотели... вместо того чтобы сесть за один стол, поучиться друг у друга, образовать единую команду против весьма враждебного внешнего окружения, мы все – и политологи, и социологи – не нашли ничего лучшего и более достойного, как вслед за нашими лидерами начать вражду “из рода в роды” и смотреть друг на друга как на соперников».

Конечно, эта вражда подогревалась и разжигалась опытными и умелыми мастерами дворцовой интриги. Когда-то едкий Ю.П. Францев сказал об Осипове: «Умен-умен... Хитер-хитер... Диплом-а-ат! Ему бы еще ногу переломать – совсем бы Талейраном был!» Талейраны и макиавелли местного масштаба пускали в ход все возможные ухищрения, дабы натравить одну часть института на другую. В этом смысле институт стал «градом обреченных» – «лишился своих защитников раньше... врагов»¹. Как это перекликается со словами крупного ученого Зураба Мамардашвили о философской среде примерно того же времени: «Мы не участвовали в чужих войнах, мы вели свои».

Такая институтская картина нарисована густыми и колоритными красками человеком, которого с Г.В. Осиповым связывало, как В.В. Колбановский сам говорит, «около тридцати пяти лет очень сложных отношений»² (подчеркнуто нами. – А.К.), включая и такой позитивный момент, как публикация совместной статьи о книге Райта Миллса «Властвующая элита»³. И может показаться, что В.В. Колбановский – автор таких утверждений – перешел грань объективного анализа и допускает оценочные перекосы. Поэтому для сопоставления приведем наблюдения И. Земцова, который в описываемое время тоже был сотрудником института и который уже в постсоветское время получил из рук Г.В. Осипова серебряную медаль имени П. Сорокина «За большой вклад в социологическую науку». Он вспоминает, например, о «директорских декадах», когда Осипов и Бурлацкий сменяли друг друга в качестве исполняющего обязанности директора через каждые десять дней.

И дабы не смикшировать колорит «директорских декад», не будем отбирать хлеб у И. Земцова и предоставим ему слово: «Каждый из них (Г.В. Осипов и Ф.М. Бурлацкий. – А.К.) в свой черед проталкивал собственные решения и программы через

¹ Колбановский В.В. К истории постсоветской социологии. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1991. С. 38–39.

² Колбановский В.В. К истории постсоветской социологии. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1991. С. 26.

³ См.: Вопросы философии. 1957, № 5.

ученые советы и административные каналы и старался затормозить продвижение решений и программ другого заместителя директора. Создавалась удушливая атмосфера интриг, недоверия, сплетен и инсинуаций. Возникали бесконечные споры и обиды, большинство из которых должен был улаживать Румянцев (директор института. – А.К.). Разделение института на многочисленные фракции – Осипова и Бурлацкого, промежуточные и нейтральные – практически парализовало его работу»¹. При этом И. Земцов уточняет, что он вкладывает в содержание термина «удушливая атмосфера», – это «лишь приблизительно описывает гнетущую обстановку, затрагивающую практически всех сотрудников во время “директорских декад”»².

«Когда Румянцева не было в институте (а его почти никогда не было), – продолжает И. Земцов, – на доске объявлений висело расписание, где было написано, что “с... по... исполняющим обязанности директора является Бурлацкий”, потом снова Осипов и снова Бурлацкий. Расписание служило сигналом для проталкивания проектов каждого из них: во время “директорских декад” издательский совет одобрял и рекомендовал к публикации труды лишь тех отделов, которые находились под покровительством действующего директора. Эти дни и недели означали зеленый свет для сотрудников действующего директора в том, что касалось командировок и представления счетов по ним. Затем следовал спад озабоченности у одних сотрудников и ее прилив у других, который свидетельствовал о том, что власть перешла к другому директору»³.

Свидетельствует непосредственный участник анализируемых событий И.В. Бестужев-Лада: «Институт разделился на два враждебных лагеря с двумя учеными советами, двумя редиздатами и прочими аксессуарам. Социология и политология отошли далеко на задний план, началась война, со всем присутствием каждой войне... мы не вели себя как порядочные люди. Мы вели себя как самые дикие рюриковичи, дравшиеся насмерть меж собой, даже когда над ними нависала рука батыев и мамеев»⁴ (подчеркнуто нами. – А.К.). В другом месте И.В. Бестужев-Лада, характеризуя «внутривидовую» борьбу в институте, обращает внимание на то, как «шустрые нефиты» оттеснили на задний план А.А. Зворыкина – инициатора «второго рождения» советской социологии (после сталинщины), унизив его, как и некоторых других, «штатными единицами», помещением и т.д. По его мнению, в ИКСИ понятия «социолог» и «член дирекции» или «завсектором» могли «не только не совпадать, но даже быть антонимами»; среди же тех, кто «сделал» «социологию 50–60-х... не было ни одной (фамилии. – А.К.), принадлежащей “членам редколлегии”». У каждого из представителей институтской номенклатуры «была в этом смысле своя роль, но никак не подходившая под параметры “собственно социолога”»⁵.

¹ Земцов И. Советская социология. В кн.: Социология в СССР: взгляд изнутри и извне. М.: Вече, 2008. С. 462.

² Земцов И. Советская социология. В кн.: Социология в СССР: взгляд изнутри и извне. М.: Вече, 2008. С. 462.

³ Земцов И. Советская социология. В кн.: Социология в СССР: взгляд изнутри и извне. М.: Вече, 2008. С. 462.

⁴ Бестужев-Лада И.В. Прогнозирование было изначально обречено на провал. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 419–420.

⁵ См.: Бестужев-Лада И.В. Почему я не написал «Историю института социологии» // Социологический журнал. 1995, № 4. С. 184.

А вот как воспринималась обстановка в ИКСИ ленинградскими социологами, свидетельствует В.А. Ядов, который в те далекие годы начала возрождения социологии поддерживал самые тесные творческие связи со своими московскими коллегами, а со временем стал директором Института социологии. «Институт (ИКСИ. – А.К.), – отметил он, – можно сказать, был действительно расколот на два совершенно самостоятельных института. Свои ученые советы, свои квоты на публикации, свои аспирантуры. Кабинеты Бурлацкого и Осипова имели одну большую приемную, налево и направо – их кабинеты, и заседания часто шли параллельно, причем Осипов, любитель розыгрышей, иногда предлагал членам своего совета, куда входили и Левада, и Грушин, и Лапин, позвонить Бурлацкому и на что-то там спровоцировать... Да, шла активная война – за аспирантов, за какие-то там деньги, за публикации»¹. «Как политолог я знаю, что происходит в социальных институтах, но как социолог я выучил одно – люди живут шайками»², – таково видение внутрикorporативных отношений социологов одного из заместителей директора ИКСИ Ф.М. Бурлацкого (справедливы или предвзяты такие оценки – на суд читателей).

Б.А. Грушин же, говоря об институтской ситуации в 60–70-е годы, со временем признал: «Я тоже чувствую себя в какой-то степени виноватым, потому что Алексей Матвеевич (Румянцев – А.К.) не справился с внутренней ситуацией в институте и очень мучился из-за конфликта между Осиповым и Бурлацким. Этот конфликт принимал подчас тяжелые формы, причем прав был то один, то другой, в зависимости от предмета спора. Поэтому наша армия (я имею в виду работавших там людей, а не начальствовавших) старалась не принимать участия в том конфликте. Он очень мешал делу, а мы считали, что просто должны работать»³ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Небезинтересно мнение и научного сотрудника Института социологии РАН М.Г. Пугачевой – совсем уж нейтрального человека, то есть не принимавшего участия в социологических перипетиях конца 60-х годов, а исследовавшего проблему «социология и власть» в постсоветское время. Как и другие авторы, она указывает на то, что в описываемые годы «институт был расколот на два враждебных лагеря, возглавлявшихся двумя заместителями директора – Осиповым и Бурлацким»⁴. И для подтверждения сказанного приводит просто экзотический документ – приказ № 1 от 8 июля 1968 года о возложении исполнения обязанностей директора во время отсутствия А.М. Румянцева «одновременно на Ф.М. Бурлацкого и Г.В. Осипова». И далее она продолжает: «Шла война за ставки, помещения, влияние на директора. Информационный бюллетень имел две редколлегии, возглавляемые заместителями директора, сам редакционно-издательский отдел состоял из двух информационных секторов. Даже распоряжения по институту подписывались одновременно двумя

¹ Ядов В.А. Мы все – самоучки в социологии. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: РХГИ, 1999. С. 52–53.

² См.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: РХГИ, 1999. С. 52.

³ См.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб.: РХГИ, 1999. С. 222.

⁴ Пугачева М.Г. Институт конкретных социальных исследований Академии наук СССР. 1968–1972 гг. В кн.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 526.

заместителями директора, иначе документ считался недействительным. Одной из причин такого положения можно считать личную неприязнь Осипова и Бурлацкого (подчеркнуто нами. – А.К.)... В результате ИКСИ был фактически поделен на два самостоятельных института, каждый со своей внутренней дирекцией, поскольку заместители директора полностью контролировали свои ученые советы, имели свои квоты на публикации, свою аспирантуру... заседания часто шли параллельно. Все это сказывалось и на отношениях сотрудников»¹.

Со ссылкой на фонограмму Историко-социологического архива она приводит весьма показательное свидетельство: «Осипов всегда считал директором института себя... В 1966 году в журнале “American Sociologist” Т. Парсонс написал, что в СССР создан Институт социологии, а его директор – Осипов. Видимо, Осипов сам говорил об этом»².

А представитель политологического направления ИКСИ А.А. Галкин не ограничился указанием на двоевластие в институте: «Ф. Бурлацкий... поспорил с Г.В. Осиповым... они не могут поделить власть... каждый хочет быть начальником»³, но и передал реакцию А.М. Румянцева на такую ситуацию – «он был очень огорчен тем, что такие умные, хорошие люди, как его заместители, не могут жить мирно, и старался не обострять эти отношения. Как можно было снять остроту? Простых рецептов не было. С Осиповым работать было не просто. На самые главные места (кадры, главный бухгалтер и т.д.) он взял людей, обязанных ему лично, и широко использовал это обстоятельство. Формально договорились, что штаты института будут разделены – столько-то ставок одному, столько-то другому. Хочешь взять сотрудника в свою половину, готовишь приказ, и тут выясняется, что ставка занята. “Как занята? Она же наша”. А Геннадий Васильевич Осипов прибрал ее к рукам. Все это вносило дополнительный элемент раздражения...»⁴ (подчеркнуто нами. – А.К.).

А М.Н. Руткевич, сменивший А.М. Румянцева на посту директора института, отметил: «Что касается положения в ИКСИ, то в 1971 году обнаружилось, что там царит полный раздор между Осиповым и Бурлацким при бездействии Румянцева. Было совершенно неясно, чем эта организация занимается»⁵.

Впрочем, сам Осипов, в свою очередь, подтверждает: «...после создания института между социологами и политологами сразу же обострилась борьба за власть, в которой использовались все средства – вплоть до доносов и клеветы»⁶ (подчеркнуто нами. – А.К.). Так выглядели внутрикорпоративные отношения но-

¹ Пугачева М.Г. Институт конкретных социальных исследований Академии наук СССР. 1968–1972 гг. В кн.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 526.

² Пугачева М.Г. Институт конкретных социальных исследований Академии наук СССР. 1968–1972 гг. В кн.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 526.

³ См.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб.: изд-во РХГИ, 1999, с. 323.

⁴ См.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб.: изд-во РХГИ, 1999, с. 328.

⁵ См.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб.: изд-во РХГИ, 1999, с. 243.

⁶ Осипов Г.В., Москвичев Л.Н.. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 436.

вого, формирующегося социологического института. И хотя, как говорится, факты – вещь упрямая, тем не менее у читателя может возникнуть вполне ожидаемый вопрос: а зачем сегодня ворошить дела давно минувших дней? Ведь столько воды утекло с тех пор. Да и жизнь существенно «отредактировала» многие страницы социологической молодости. И все же... Можно ли быть честным перед будущим, если ты не являешься таковым перед прошлым, в том числе и своим личным? Вот и возникает в данном случае вопрос, что же послужило поводом для «разгрома № 1» – линия властей на подавление социологии, зловерные действия «партократов» или крупные недостатки в функционировании научного коллектива – просчеты в подборе кадров, удушающая обстановка в коллективе, конфронтационные межличностные отношения, уродливая организация труда, безответственность в выполнении обязанностей и т.д., и т.п. Факты – налицо, и они сами о себе убедительно говорят.

Что обнаружила, например, работавшая в 1971 году в ИКСИ комиссия отделов ЦК партии, МГК КПСС и Черемушкинского РК КПСС? Оценки «существенных недостатков», вскрытых в ходе проверки, звучали так: «Слишком велики сроки исследовательских работ, ни одно фундаментальное исследование не завершено, недостает исследований, имеющих практическое значение в общесоюзном масштабе, в особенности исследований по проблемам социального планирования и прогнозирования, некоторые подразделения серьезно нарушали сроки плановых заданий, ученый совет функционировал нерегулярно и не стал центром научной жизни института»¹. За каждым из перечисленных просчетов института – соответствующие подтверждающие материалы, которые никем не были и не могли быть оспорены ввиду их убедительности и доказательности. Но в постсоветское время в интерпретации Г.В. Осипова они стали рассматриваться в качестве «бездоказательных», а выводы комиссии – «предвзятыми» и «заранее спланированными»². Более того, инициированная комиссией перестройка работы института – упорядочение структуры института, начавшаяся с упорядочения структуры научных подразделений, направленная на упразднение малочисленных и не отвечающих профилю института отделов и секторов и др. – преподносится как стремление властей учинить очередной «разгром перспективной новаторской научной организации».

Предав забвению выявленные комиссией недостатки в работе института, Г.В. Осипов перевел стрелки на то, что якобы перестройка структуры института осуществлялась с единственной целью – убрать из него «те кадры, которые, по мнению партийных органов, скомпрометировали себя так называемой антисоветской деятельностью»³. Более того, он сделал заявление, которое не может не вызывать ни удивления, ни недоумения: «Сокращению подверглись те научные подразделения, которые осмелились четко выступить за самостоятельность социологической науки, ее автономию, руководители и научные сотрудники которых ставили вопросы перед партийными органами о принятии конкретных и кардинальных мер по решению

¹ См.: О деятельности Института конкретных социальных исследований // Вестник АН СССР. 1972, № 10. С. 9–10.

² См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.А. Социология и власть (как это было на самом деле) М.: Экономика, 2008. С. 536.

³ См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.А. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 537.

многочисленных социальных проблем советского общества»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.). Остается лишь спросить: может ли ложь иметь хотя бы какие-то ограничения? В качестве убедительного аргумента, призванного подтвердить беспрецедентность масштаба «разгрома» института, приводится получивший с легкой руки Г.В. Осипова широкое хождение в СМИ «факт» о разовом изгнании из института ста и даже более сотрудников.

Представленная в таком виде трагическая картина «разгрома» может означать для советской социологии своеобразный, говоря словами А.С. Пушкина, употребленными по другому поводу, «последний день Помпеи». И при этом не может не возникнуть желание узнать, какой же кистью и какими красками рисовалась эта картина, ведь приведенные выше голые утверждения без необходимых конкретных доказательств затуманивают суть происшедшего. Итак, наш краткий комментарий.

Указанное событие произошло после того, как член-корреспондент М.А. Руткевич сменил на посту директора ИКСИ А.Н. Румянцева и приступил к выполнению своих обязанностей с реализации тех мер по наведению порядка в институте, которые были определены решением Президиума АН СССР. В числе этих мер, а не в результате своеволия нового директора, как это изображается, была и крупномасштабная реорганизация структуры ИКСИ, и уточнение направлений научно-исследовательской деятельности коллектива. Такая операция оказалась, как нетрудно было предположить, крайне болезненной. Что же она представляла собой конкретно, свидетельствуют сохранившиеся приказы по личному составу института о реорганизации ИКСИ АН СССР в 1972–1974 годах². Прежде всего, целое направление института (политологическое), а это почти пол-института, решением Президиума АН СССР было передано в другие академические институты с полным сохранением должностного статуса: а) группа сотрудников на правах сектора вместе с заместителем директора института Ф.М. Бурлацким, отвечавшим за политологическое направление, а также основная часть сотрудников отдела теории и методологии управления большими социальными системами в составе сектора методов исследования больших социальных систем и лаборатории проблем управления – в Институт государства и права АН СССР; б) часть сотрудников отдела проблем социально-политической динамики в условиях научно-технической революции – в Институт международного рабочего движения. Большая часть сотрудников была перемещена на другие должности внутри самого ИКСИ в связи с изменениями его структуры, часть прошла в установленном порядке конкурс на замещение вакантных должностей.

Были и такие, кто решил в этой ситуации оставить институт и по личному заявлению перешел на работу в другие научные учреждения в соответствии с их специальностями, среди них были и такие, кто не захотел работать с новым директором. При этом подчеркнем – не было ни одного человека, лишившегося работы. За бортом института оказались единицы как не прошедшие по конкурсу (приказ по личному составу института от 15 декабря 1972 года), причем в ранге младшего научного сотрудника. Сокращение тех, кто «осмелился четко выступить за самостоятельность социологической науки и смело выдвигал перед партийными органами поставлен-

¹ См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.А. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 537.

² См.: Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах. СПб.: изд-во РХГИ, 1999. С. 556–573.

ные вопросы», документально не подтверждается. Остается лишь подчеркнуть, что легитимность всех мер по кадровой реорганизации института подтверждается официальными документами тех академических инстанций, в компетенцию которых входили обязанности решать тот или иной кадровый вопрос – в одном случае это был Президиум АН СССР, в другом случае приказ директора, в третьем случае – решение конкурсной комиссии. И ни одно принятое решение в судебном порядке не рассматривалось, равно как и профсоюз оказался по этим вопросам стопроцентно безразличным.

Впрочем, некоторые авторы, описывая «вмешательство» властей в деятельность только что созданного в 1968 году Института конкретных социальных исследований АН СССР, а также ССА, ограничиваются указанием только на то, что, по их мнению, они находились «под чрезвычайно сильным партийным давлением»¹. Но почему-то даже не упоминается, что в том же году 16 июля Госкомитетом Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы было принято секретное постановление № 208-с «Об отнесении Института конкретных социологических исследований Академии наук СССР к первой категории по оплате труда руководящих и научных работников», а 11 февраля 1969 года по этому пункту постановления Секретариата ЦК КПСС было принято соответствующее распоряжение Совета Министров СССР за № 322р. Вот так выглядел «разгром» института. На этом о разгроме № 1 можно поставить точку.

Разгром № 2 связан с «Лекциями по социологии» Ю. Левады. В интервью еженедельнику «Коммерсантъ ВЛАСТЬ» Г.В. Осипов заявил, что власть (имеется в виду ЦК КПСС. – А.К.) в отместку за то, что, по словам Г.В. Осипова, руководители ИКСИ (он в их числе) фактически стали бойкотировать выполнения поручений партийного руководства и «решили не заниматься социальной апологетикой» (!!) – за все это последовал ответ – «после выхода в 1968 году книги профессора Юрия Левады “Лекции по социологии” нас начали громить»² (подчеркнуто нами. – А.К.). «В книге, – продолжает автор этой версии, – была фраза, за которую зацепились: “Там, где не срабатывает идеология, срабатывают танки”». «Имелся в виду, – утверждает Г.В. Осипов, – ввод войск в Чехословакию. К этому придрались»³ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Словом, конфликту между борцами с «социальной апологетикой» ИКСИ и партийным штабом придана самая высокая политическая тональность. Осуществленная же нами экспертиза показала, что перед нами в данном случае – фальшак. Наши аргументы:

– аргумент первый: утверждение о том, что «нас (то есть руководителей ИКСИ. – А.К.) начали громить» после выхода в 1968 году книги профессора Юрия Левады, не отвечает действительности, так как они (лекции) в двух книгах были изданы в 1969 году (первая была подписана к печати 2 марта 1969 года, вторая 16 мая того же года), то есть уже после чехословацких событий, что имеет в данном случае принципиальное значение;

– аргумент второй: в «Лекциях по социологии» фраза «Там, где не срабатывает идеология, срабатывают танки», за которую якобы и зацепилось партийное началь-

¹ Бутенко Н.А. К истории создания первой социологической ассоциации // Социологические исследования. 2008, № 6. С. 55.

² См.: Еженедельник «Коммерсантъ ВЛАСТЬ», 19 февраля 2003 г.

³ См.: Еженедельник «Коммерсантъ ВЛАСТЬ», 19 февраля 2003 г.

ство, вообще отсутствует, это придумка, поэтому неслучайно, приводя ее как цитату, Г.В. Осипов не делает библиографическую ссылку, ее просто нет в природе;

– аргумент третий: сам Ю. Левада этот эпизод в его научно-преподавательской деятельности описывает совершенно по-иному, а именно: «Была одна популярная лекция на тему о сложности личности и примитивности общества... И там содержалась фраза, которая жутко цепляла, вела к скандалу, что в наше время личность подвергается разного рода давлению – со стороны власти, массового общества, рынка, и танками пытаются ее задавить» (подчеркнуто нами. – А.К.). И далее принципиальное уточнение: «Фраза эта была сказана в 1966 году (то есть до чехословацких событий 1968 года. – А.К.) и не заключала политического смысла (подчеркнуто нами. – А.К.). Но в 1969 году она была расшифрована как “чехословацкая” фраза»¹. Читателю не трудно увидеть пропасть между авторскими признаниями Ю. Левады и подтасовками Г.В. Осипова, до неузнаваемости искажающими суть дела. Расшифровывая «чехословацкий след» в левадовских лекциях, Г.В. Осипов выстроил совершенно иную (виртуальную) реальность. Если произнесенные Ю. Левадой в 1966 году слова «о сложности личности и примитивности общества» и о том, что «личность подвергается различного рода давлению – со стороны власти, массового общества, рынка и танками пытаются ее задавить», были высказаны в общефилософском плане и не имели непосредственной событийной привязки, то Г.В. Осипов придал этому факту максимальную конкретность, прямую связь с чехословацкими событиями, по своему усмотрению сдвинув хронологические рамки описываемого события с 1966 на 1969 год (когда были опубликованы «Лекции по социологии»). Причем если Ю. Левада не то что ничего не говорил об идеологии, но даже не употреблял этот термин, то Г.В. Осипов приписал Юрию Александровичу пассаж о «несрабатывающей идеологии» как главной причине ввода советских войск в Чехословакию;

– аргумент четвертый: приведенные выше слова Ю. Левады – из статьи, опубликованной им в одобренном ученым советом Института социологии РАН к печати сборнике «Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах», год издания – 1999. О содержании этой статьи Г.В. Осипов не мог не знать, так как вслед за ней (статьей Ю. Левады) в этом же сборнике стояла и статья Г.В. Осипова. Вопрос: почему же через четыре года после публикации Ю. Левады появляется в интервью директора ИСПИ РАН еженедельнику «Коммерсантъ ВЛАСТЬ» неправдоподобная версия о левадовской лекции 1966 года;

– аргумент пятый: то, что после чехословацких событий 1968 года в СССР последовал идеологический зажим, отрицать невозможно. Но нельзя согласиться и с версией Г.В. Осипова применительно к «Лекциям по социологии» Ю. Левады. Гипотетические предположения, что «это могло бы быть», применительно к Юрию Александровичу не могут компенсировать отсутствие конкретных доказательств на этот счет. Именно поэтому официально (при обсуждении «Лекций по социологии» в АОН при ЦК КПСС, в ИКСИ РАН, в направленных в инстанции документах по этому вопросу и др.) сюжет о прямой связи высказывания «Там, где не срабатывает идеология, срабатывают танки» с вводом войск в Чехословакию вообще даже не упоминается, да и упоминаться не мог, ввиду того, что он не имел места в реальности;

¹ Левада Ю.А. «Научная жизнь была семинарская жизнь». В кн.: Российская социология шестидесятых годов. СПб.: изд-во РХГИ, 1999. С. 86–87.

– наконец, аргумент шестой, пожалуй, самый главный: почему Г.В. Осипов, изложив неправдоподобную версию № 2 о «Лекциях по социологии», ни слова (!) не сказал об истинных и, главное, документально подтвержденных причинах зарождения дела Левады, роли задействованных в него персонажей, принятых на этот счет решениях, позиции самого обвиняемого. Результат: вместо правды – личные авторские фантазии и интерпретации. О том, как же это было на самом деле, – наш подробный рассказ в главе III настоящего исследования: §6 «Поза обиженного человека?».

А теперь о «разгроме № 3» – истории с специфическим научным обществом под названием Советская ассоциация научного прогнозирования (САНП). Имеющиеся ныне в распоряжении исследователей архивные материалы позволяют полностью реконструировать развитие событий вокруг этой организации, внести ясность в ту путаницу и в те фальсификации в этом вопросе, которые исходят в том числе, а может быть, и в первую очередь, от непосредственных участников этих событий.

Мы же начнем реконструкцию с напоминания прописной истины: создание подобных структур – как в советские, так и в нынешние времена – должно осуществляться в соответствии с установленным в государстве порядком учреждения организации, включая и юридическую институционализацию. Как же создавалась САНП? Учреждалась она группой лиц во главе с кандидатом технических наук, работником НИИ Министерства цветной металлургии СССР Б.А. Тардовым путем сознательного нарушения официального порядка подготовительной работы и регистрации ассоциации.

Встав в 1966 году на симпозиуме по тематическому патентно-информационному поиску во главе организационного комитета для созыва очередного совещания по вопросам прогнозирования и заручившись поддержкой и согласием некоторых работников Советской социологической ассоциации, Научного совета по конкретным социальным исследованиям АН СССР, Всесоюзного общества «Знание», Центрального научно-исследовательского института Министерства путей сообщения СССР, Б.А. Тардов сумел провести в мае 1967 года симпозиум по информации и прогнозированию научно-технического прогресса. Тот симпозиум фактически был превращен в съезд, который принял решение создать постоянный координационный комитет для «осуществления необходимых мер по организации всесоюзного симпозиума или конференции» и разрешил (?) этому комитету иметь свой бланк, текущий счет и печать. А уже в следующем, то есть 1968 году в январе проводится очередной симпозиум по научному прогнозированию. Причем Тардову благодаря его «хитроумным многоходовкам» (вел переговоры он не с официальными руководителями возможных учредителей, а на личной основе с отдельными лицами этих организаций) удалось провести этот симпозиум от имени научного совета АН СССР по проблемам конкретных социальных исследований, Советской социологической ассоциации, Всесоюзного общества «Знание», Координационного комитета по информации и прогнозированию научно-технического прогресса и его социальных последствий, Центрального бюро философских методологических семинаров научных учреждений АН СССР, Института истории естествознания и техники АН СССР, Совета Ассоциаций пользователей электронно-вычислительных машин «Урал», «Минск», «Наири» при Главном управлении вычислительных работ ЦСУ СССР. Созданное в январе 1968 года явочным путем всесоюзное общество в 1969 году было переименовано в Советскую ассоциацию научного прогнозирования.

Используя популярную область научных знаний для саморекламы и самовозвеличивания, группа авантюристов превратила созыв симпозиумов, издание сборников «Вопросы научного прогнозирования» по существу в арену бесконтрольной и безответственной деятельности. Самовольно учредили руководящие органы – оргправление, его президиум с президентом и вице-президентом, собственным уставом. Обманным путем изготовили круглую печать, типографские бланки, абонировали почтовый ящик, на который шла корреспонденция, накапливали средства от издательской и другой деятельности, создали центр межотраслевых системно-прогностических исследований.

Принятым уставом САНП предусматривалось даже обсуждение и оценка диссертаций, присуждение негосударственных ученых степеней, организация научно-исследовательского института и высшей школы по подготовке и повышению квалификации прогнозистов, награждение грантами, дипломами, медалями и почетными знаками, а также издание специального журнала. Было утверждено штатное расписание, которым предусматривалось создание центрального аппарата в количестве 82 человек. В планы самовольно созданной организации входила координация научно-исследовательской деятельности в области прогнозирования, выходящей за рамки научно-технических и социально-экономических проблем и включающей международные отношения и даже «военную ситуацию» (нетрудно представить, какой создавался канал для утечки ценных научных данных по широкому кругу проблем, затрагивающих жизненно важные государственные интересы). Были осуществлены конкретные шаги по установлению контактов с учреждениями, исследователями, специалистами, работа которых была связана с тематикой исследований, составляющих военную тайну. Ассоциация собрала около трех тысяч регистрационных анкет с подробнейшими сведениями о лицах и организациях, в которых они работают, в том числе о 1436 работающих в научно-исследовательских институтах, конструкторских бюро и проектных организациях, 154 – в учреждениях АН СССР и академий союзных республик, 129 – на закрытых предприятиях и 111 – в воинских частях и организациях Министерства обороны. Как регистрационные листы участников симпозиумов, так и составленная на основе полученных анкет картотека составляли служебную тайну. Предпринимались попытки создать отделения ассоциации в 11 союзных республиках и 25 областях и провести под эгидой ассоциации международный конгресс.

Лично Б.Н. Тардов и его окружение пользовались недозволенными методами, часто прибегая к уловкам и обману. Некоторым ученым и специалистам, привлекаемым в ассоциацию, давались ложные заверения, что вопросы создания и деятельности ассоциации «согласованы в ЦК», а член-корреспондент АН СССР В.И. Сифоров был избран президентом общества научного прогнозирования без его согласия. Кроме того, в составе САНП и ее руководства оказалось много людей, не имеющих вообще никакого отношения к проблемам научного прогнозирования. Группа Тардова занималась незаконной издательской деятельностью, а издаваемый ассоциацией сборник «Вопросы научного прогнозирования» содержал уязвимые в научном отношении материалы.

Вот так выглядела ситуация с САНП после того, как 21 октября 1970 года Отдел науки и учебных заведений и Отдел пропаганды ЦК КПСС, выполняя поручение руководства ЦК, направили в ЦК КПСС записку «О грубых нарушениях установ-

ленного порядка при создании Всесоюзного общества научного прогнозирования»¹. Записка была доложена кандидату в члены Политбюро, секретарю ЦК П.Н. Демичеву, который внес предложение о рассмотрении этого вопроса на Секретариате ЦК, который 12 ноября 1970 года принял такое постановление: «поручить тт. Демичеву, К. Гришину, Кириллину, Трапезникову, Николаевой, Миллионщикову, Г. Смирнову (несколько позже к ним присоединился Ю.В. Андропов. – А.К.) рассмотреть вопрос и соответствующие предложения внести в ЦК КПСС»². Затем последовало создание специальной комиссии ЦК КПСС в составе П. Демичева, К. Грошина, В. Кириллина, С. Трапезникова, Т. Николаева, М. Миллионщикова и Г. Смирнова. Результат проведенной работы – два документа под одинаковым названием «Записка Комиссии ЦК КПСС о грубых нарушениях установленного порядка при создании Всесоюзного общества научного прогнозирования» от 8 января 1971 года и от 5 марта 1971 года³.

В документах комиссии ЦК дана оценка указанным злоупотреблениям в деятельности САНП и вскрыты причины случившегося. В конечном итоге этот вопрос был рассмотрен 21 апреля 1971 года на заседании секретариата ЦК КПСС под председательством Л.И. Брежнева, и после доработки документ был принят Секретариатом ЦК КПСС 12 мая 1971 года. В принятом постановлении названо недопустимым «беспечное и неразборчивое отношение к этому делу» председателя Научного совета АН СССР по конкретным социальным проблемам А.М. Румянцева, заместителя председателя Всесоюзного общества «Знание» В.И. Сифорова, заместителя председателя Госплана СССР М.Е. Раковского, директора института АН СССР Т.Т. Тимофеева. В постановлении отмечалось, что академик А.М. Румянцев, являясь директором Института конкретных социальных исследований АН СССР, не воспрепятствовал активной деятельности заведующего сектором этого института Бестужева-Лады по созданию ассоциации, в январе 1968 года представил через него свой доклад, который был зачитан на симпозиуме, а затем опубликован; член-корреспондент АН СССР В.И. Сифоров явился одним из организаторов ряда симпозиумов, был избран в члены правления и президиума ассоциации; М.Е. Раковский дал согласие на избрание его в члены правления и от имени Госплана СССР направил приветствие симпозиуму. Указано также на прямое содействие группе Тардова ее незаконной деятельности должностных лиц Главного управления по охране государственных тайн в печати при Совмине СССР, редакции журнала «Коммунист», редакций газет «Социалистическая индустрия» и «Вечерняя Москва», руководства издательства «Правда» и других лиц, широко рекламировавших ассоциацию.

В постановлении предписывалось союзным и республиканским органам, кого это касается, обеспечить строгий контроль за соблюдением установленного порядка создания добровольных обществ и упорядочения в проведении всесоюзных и республиканских конференций, научно-технических совещаний, конференций, семинаров и симпозиумов. Поручалось Комитету партийного контроля при ЦК КПСС рассмотреть вопрос о партийной ответственности Б.Н. Тардова (решением КПП от 19 мая 1971 года он был исключен из партии, а в 1990 году восстановлен в членах КПСС), И.В. Бестужева-Лады (ему был вынесен «строгач») и др. А.М. Румянцеву,

¹ См.: Социология и власть. Сборник 2. Документы 1969–1972. М.: ACADEMIA, 1997. С. 91–93.

² См.: Социология и власть. Сборник 2. Документы 1969–1972. М.: ACADEMIA, 1997. С. 91–93.

³ См.: Социология и власть. Сборник 2. Документы 1969–1972. М.: ACADEMIA, 1997. С. 98–102, 108–111.

В.И. Сифорову, М.Е. Раковскому были объявлены выговоры «за безответственный подход к деятельности незаконно созданного общества по прогнозированию и допущенную бесконтрольность при организации и проведении симпозиумов». Было принято к сведению, что в результате принятых мер незаконно созданное оргправление и так называемая ассоциация научного прогнозирования «прекратила свою деятельность».

К этому надо добавить, что в материалах комиссии ЦК КПСС содержится указание на то, что «одним из участников группы Тардова» был заведующий сектором ИКСИ АН СССР И.В. Бестужев-Лада, являющийся руководителем Исследовательского комитета по социальному прогнозированию при ССА, созданного в феврале 1967 года Советской социологической ассоциацией. Этот комитет и принял активное участие в подготовке и проведению II Всесоюзного симпозиума по научному прогнозированию; сам же оргкомитет этого симпозиума со временем был преобразован в координационный комитет во главе с Тардовым. А в мае 1968 года на базе Исследовательского комитета по социальному прогнозированию решением руководимого Г.В. Осиповым президиума ССА был создан Общественный институт по социальному прогнозированию, директором которого был утвержден Бестужев-Лада. А дальше произошел обмен «должностными любезностями»: Бестужев-Лада включает в состав общественного института «группу Тардова» и все время с ней сотрудничает, а Тардов, в свою очередь, вводит в состав правления Всесоюзного общества научного прогнозирования Бестужева-Ладу. В материалах комиссии ЦК КПСС отмечается также, что Бестужев-Лада на состоявшемся в 1967 симпозиуме, переросшем в учредительный съезд по созданию ассоциации, выступил с приветственной речью от имени председателя Научного совета по конкретным социологическим исследованиям АН СССР академика А.М. Румянцева и от Всесоюзного общества «Знание». Бестужев-Лада назван также в числе других лиц активным участником подготовки и проведения в 1968 году очередного симпозиума тардовской организации.

В этом контексте нелишне напомнить, как со временем оценивал деятельность Всесоюзного общества научного прогнозирования И.В. Бестужева-Лады, который в качестве заведующего сектором Института конкретных социальных исследований оказался втянутым в эту скандальную историю: «Нашлись умельцы и среди новоявленных футурологов. Они открыли способы собирать в складчину конференции в самых престижных аудиториях, издавать журналы потолще “Вопросов философии”. Этого показалось мало. Родилась Советская ассоциация научного прогнозирования с делением ее членов на действительных, корреспондентов, соревнователей и сочувствующих (меня включили в список последних, так как я протестовал против внесения в наше движение академической косности). И наконец как венец – общественная (!) Академия прогностических наук, первая среди более чем полусотни таких же организаций, появившихся четверть века спустя. Я восстал против такой авантюры. Мне достаточно было подкрепить свой протест письменным заявлением, чтобы выйти сухим из воды. Но это представлялось непорядочным. А раз не донес – значит, соучастник»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.). Мнение И.В. Бестужева-Лады об авантюре-

¹ Бестужев-Лада И.В. Прогнозирование было изначально обречено на погром. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: изд-во РХГИ, 1999. С. 420.

ности Всесоюзного общества научного прогнозирования и его сожаление, что он не смог от этого отмежеваться, – прямая противоположность утверждениям Г.В. Осипова о необоснованности «разгрома» незаконно созданного и противоправно действующего общества.

Вот так выглядела реальная история с Советской ассоциацией научного прогнозирования. И были ли принятые ЦК меры «погромом социологии» или спасением науки от авантюристических дельцов и безответственных должностных лиц, проявивших в описанных ситуациях фантастическую беспомощность, головотяпство и управленческую несостоятельность, – ввиду абсолютной очевидности мы судить не будем. Читатель, разумеется, сам разберется в этом блюде. Нам же остается только добавить одно: как же описывают события, связанные с САПП, некоторые участники тех событий.

Г.В. Осипов, например, вопреки реальным фактам утверждает, что Ассоциация научного прогнозирования была создана после того, как доктору исторических наук И.В. Бестужеву-Ладе удалось убедить А.М. Румянцева в том, что Институт конкретных социальных исследований должен заняться проблемой социального прогнозирования, после чего он (Бестужев-Лада) вместе с академиком А.Л. Яншиным и организовал указанную ассоциацию и наладил издание журнала «Научное прогнозирование»¹ (в действительности журнал назывался «Вопросы научного прогнозирования»). Как же это можно соотнести с поступками главного действующего лица в этой истории Тардова, который, как свидетельствуют приведенные нами выше документы, был и идейным вдохновителем, и организатором № 1 САПП и который вовлек в эту авантюру и Бестужева-Ладу? И почему же, несмотря на то, что, как пишет Г.В. Осипов, «нетрудно догадаться, что такое начинание должно было закончиться поркой», он не предпринял никаких мер, чтобы предотвратить нелегитимное участие в этом мероприятии руководимой им Советской социологической ассоциации?

Или, может быть, он знал об этом и совершил «смелый» поступок по утверждению науки о социальном прогнозировании именно таким путем? А зачем придумывать начало этой истории якобы с того, что однажды президент АН СССР М.В. Келдыш случайно услышал по радио об очередном заседании Ассоциации научного прогнозирования и в недоумении позвонил заведующему отделом ЦК КПСС С.П. Трапезникову узнать хоть что-то на этот счет, после чего последний ответил – «будем разбираться»? Но началось-то все, как свидетельствуют архивные документы, с записки Тардова от 4 июля 1970 года на имя Л. Брежнева и А.Н. Косыгина с просьбой помочь САПП в решении ряда ее вопросов, после чего у руководителей страны и возник вопрос, что же это за ассоциация, о которой никто ничего не знает, после чего и появилась записка двух отделов ЦК «О грубых нарушениях установленного порядка при создании Всесоюзного общества научного прогнозирования»².

А дальше есть необходимость привести цитату Г.В. Осипова не в изложении, а в нетронутом первоизданном виде (дабы сохранить все «изящество» искусного манипулирования), подвергнув затем приведенные факты своеобразной анатомии. Гово-

¹ Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 444.

² Записка Советской ассоциации научного прогнозирования Л.И. Брежневу и А.Н. Косыгину об оказании помощи ассоциации в ее деятельности. В сб.: Социология и власть. Сборник 2. Документы. 1969–1972. М.: ACADEMIA, 1997. С. 91–93.

ря о заседании Секретариата ЦК КПСС по этому вопросу, он пишет: «Председательствующий М.А. Суслов на заседании Секретариата резко спрашивает, как Ассоциация научного прогнозирования могла быть создана без соответствующего решения партийных инстанций. А.М. Румянцев пробует объяснить, что Ассоциация занимается важным и полезным делом. Суслов грубо прерывает его и вносит предложение вывести А.М. Румянцева из состава членов ЦК, исключить из партии и освободить от должности вице-президента АН СССР и директора института. Так бы и решились, но у Алексея Матвеевича были хорошие отношения с одним из секретарей ЦК (видимо, с А.П. Кириленко), который предложил ограничиться строгим выговором и освобождением от должности директора»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.).

По этому тексту возникает несколько вопросов, в том числе и вызывающих недоумение. Первый – М.А. Суслова можно обвинить и в сухости, и в «кардинальской обходительности», и в других вещах, но никак не в грубости в обращении с людьми, да еще и на официальных заседаниях, он даже в самых сложных ситуациях всегда был корректен и обходителен; поэтому приписываемые ему обвинения – «резко спрашивает», «грубо прерывает» – это фантазия для нагнетания страстей и желание подчеркнуть: вот с кем приходилось «воевать». Второй. Утверждение о предложении М.А. Суслова «вывести А.М. Румянцева из состава членов ЦК» – чуть несусветная: выведение или исключение из состава ЦК не являлось прерогативой не только Секретариата ЦК, но и Политбюро ЦК, это – компетенция Пленума ЦК КПСС. Третий. Предложение о наказании А.М. Румянцева, а одновременно с ним В.И. Сифорова (заместителя председателя Всесоюзного общества «Знание») и Е.М. Раковского (заместителя председателя Госплана СССР) выносилось не в ходе заседания Секретариата ЦК, а в проекте постановления Секретариата ЦК, заранее подготовленном М.А. Сусловым, А.П. Кириленко, Я.П. Пельше, Ф.Д. Кулаковым, Г.И. Вороновым, П.Н. Демичевым, Ф.Д. Устиновым, И.В. Капитоновым, М.С. Соломенцевым на основе записки специально созданной комиссии ЦК КПСС по этому вопросу, возглавляемой П.А. Демичевым. Мера наказания виновных – не «строгий выговор», как пишет Г.В. Осипов, а просто «выговор». Четвертый. Председательствующим на заседании Секретариата ЦК 21 апреля 1971 года был не М.А. Суслов, а, как свидетельствуют архивные документы, Л.И. Брежнев, черновик его заметок в качестве кратких фраз напротив каждого выступившего на Секретариате обнаружен в фондах Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ)². Пятый, как можно приписывать А.П. Кириленко предложение о наказании А.М. Румянцева, если перед этим был пассаж предположительного характера о хороших отношениях вице-президента «с одним из секретарей ЦК», «видимо, с А.П. Кириленко»? Ведь в заметках Л.И. Брежнева на заседании Секретариата ЦК напротив фамилии А.П. Кириленко стоят такие произнесенные им на заседании фразы: «организация вредная, политически опасная», «вовлекли ряд ученых», «использовали авторитет», «в течение трех лет никто, кто должен следить, не замечал», «притуплена политическая бдительность»³. Необходимости в комментариях нет. Вопрос шестой – о представительстве на Се-

¹ См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 537.

² Заметки Л.И. Брежнева на заседании Секретариата ЦК КПСС 21 апреля 1971 г. Социология и власть. Сборник 2. Документы. 1969–1972. М.: АCADEMIA, 2001. С. 112.

³ Заметки Л.И. Брежнева на заседании Секретариата ЦК КПСС 21 апреля 1971 г. В сб.: Социология и власть. Сборник 2. Документы. 1969–1972. М.: АCADEMIA, 2001. С. 112.

кретариате ЦК официальных лиц от Президиума АН СССР. Версия Г.В. Осипова: «многоопытный» вице-президент АН СССР М.Д. Миллионщиков, функционально отвечавший за связь АН СССР с общественными научными организациями, узнав о том, что скандальная история с созданием Ассоциации научного прогнозирования выносится на рассмотрение Секретариата ЦК и по этому вопросу срочно готовится проект постановления (в действительности разбирательство этой, по выражению И.В. Бестужева-Лады, «авантюры» было осуществлено не срочно, а с 4 июня 1970 года по 12 мая 1971 года), в котором предполагается наказание и его, предпринимает меры, чтобы не присутствовать на предполагаемом заседании.

Далее следует такая расшифровка этой версии: «чувствуя опасность», М.Д. Миллионщиков звонит А.М. Румянцеву, «который к созданию ассоциации никакого отношения не имел», и, «ссылаясь на ухудшение здоровья», просит коллегу по Президиуму АН СССР присутствовать на Секретариате ЦК, где будут обсуждаться «чисто формальные вопросы». «Доверчивый» и якобы не имеющий «к созданию ассоциации никакого отношения» А.М. Румянцев удовлетворяет просьбу М.Д. Миллионщикова и идет на заседание Секретариата ЦК, которое для него заканчивается вынесением партийного взыскания, а затем и лишения всех руководящих должностей в АН СССР¹. Словом, перед нами – картина чудовищной расправы над невинным человеком, фактически случайно оказавшимся на заседании Секретариата ЦК, что в конечном итоге и послужило разрыванию и разгрома социологии № 3, именуемого Г.В. Осиповым еще и «делом Румянцева».

На чем же основывается эта версия? Ни один из ее эпизодов документально не подтверждается. Истинную картину помогают восстановить неопровержимые аргументы – опубликованные в последнее время архивные материалы, в том числе и издание Институтом социально-политических исследований сборника документов «Социология и власть». Прежде всего утверждение о том, что вице-президент АН СССР М.Д. Миллионщиков якобы в целях самосохранения фактически обманном путем (имитация ухудшения здоровья) ушел от ответственности за безобразия, творившиеся под крышей Ассоциации научного прогнозирования, и подставил своего коллегу по Президиуму АН СССР А.Н. Румянцева, уговорив его пойти на заседание Секретариата ЦК, где «будут обсуждаться чисто формальные вопросы», – это не просто неправда, это преднамеренный поклеп на крупнейшего ученого и организатора науки, которому были чужды приписываемые ему Г.В. Осиповым принципы профессиональной этики.

Михаил Дмитриевич так поступить не мог аргіоі, равно как и не было абсолютно никаких оснований ему, как пишет Г.В. Осипов, чувствовать «опасность» быть названным на Секретариате ЦК. Да и ничего неожиданного для него в надвигавшемся разбирательстве авантюры, связанной с Ассоциацией социального прогнозирования, не было. Ведь он как вице-президент АН СССР, отвечавший за связь Президиума АН СССР с общественными научными организациями, решением Секретариата ЦК от 12 ноября 1970 года был включен в состав возглавляемой секретарем ЦК П.Н. Демичевым комиссии, которой поручалось рассмотреть внесенную в ЦК КПСС по этому вопросу записку Отдела науки и учебных заведений и Отдела пропаганды ЦК КПСС от 21 октября 1970 года и «соответствующие предложения внести в ЦК

¹ См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГИ, 2005. С. 537.

КПСС»¹. Этой комиссией было подготовлено и передано на рассмотрение Секретариата две записки (от 8 января 1971 года и 5 марта 1971 года), под которыми стояли подписи не только председателя комиссии П.Н. Демичева, но и персонально каждого члена комиссии, в том числе и вице-президента АН СССР М.Д. Миллионщикова.

На основе этих записок и было принято соответствующее постановление на заседании Секретариата ЦК КПСС, которое состоялось 21 апреля 1971 года под председательством Л.И. Брежнева, а затем было окончательно отредактировано Секретариатом ЦК 12 мая 1971 года. А это означает, что с самого начала и до конца разбирательства скандальной истории, связанной с Ассоциацией научного прогнозирования, М.Д. Миллионщикову отводилась роль не обвиняемого, который, по версии Г.В. Осипова, должен был нести ответ на заседании Секретариата ЦК, а наоборот – официального представителя Президиума АН СССР, включенного в состав комиссии ЦК КПСС по подготовке предложений для принятия соответствующих решений. И чем являются на фоне этой документально подтвержденной ситуации утверждения об «опасности», которая якобы нависла над Михаилом Дмитриевичем, имитации им «ухудшения здоровья», чтобы избежать «привлечения к ответственности»? Фальшив-ка (!).

То же самое, то есть о замене правды на ложь, можно сказать и о роли в этой истории А.М. Румянцева. Г.В. Осипов изображает дело таким образом, что А.М. Румянцев, якобы не имевший никакого отношения к созданию Ассоциации научного прогнозирования, ничего не знал, даже за что ему «объявили строгий партийный выговор» и «предложили написать заявление с просьбой освободить от должности директора». Но дело-то в том, что Алексей Матвеевич предстал на указанном заседании не в качестве отвечающего по линии Президиума АН СССР за связь с общественными научными организациями, на чем делает акцент Г.В. Осипов, а в качестве виновного за причастность возглавляемых им института и научного совета АН СССР по проблемам конкретных социальных исследований, а также руководства Советской социологической ассоциации к грубым нарушениям при создании незаконным путем Ассоциации научного прогнозирования. Обоснование же этих грубых нарушений содержится в уже упоминавшихся нами двух записках комиссии ЦК КПСС, подписанных, как уже отмечалось, персонально каждым ее членом, в том числе и М.Д. Миллионщиковым, функционально отвечавшим за связь АН СССР с общественными научными организациями.

Столь же ложной является и «неожиданность», в которой якобы оказался А.М. Румянцев, идя на заседание Секретариата ЦК. Все выглядело как раз наоборот. Ведь он не просто был хорошо информирован о ходе разбирательства скандальной авантюры, но и еще до драматичного для него заседания Секретариата ЦК (12 мая 1971 года) вынужден был письменно, да еще и за подписью не вице-президента АН СССР, а члена ЦК КПСС объясняться перед ЦК КПСС по поводу некоторых предъявленных обвинений на состоявшемся под председательством Л.И. Брежнева Секретариате ЦК 21 апреля 1971 года².

¹ Постановление Секретариата ЦК КПСС «О грубых нарушениях установленного порядка при создании Всесоюзного общества научного прогнозирования» от 21 октября 1970 г. В сб.: Социология и власть. Сборник 2. Документы 1969–1972. М.: АCADEMIA, 2001. С. 93.

² Письмо А.М. Румянцева об организации исследования актуальных проблем долгосрочного экономического и социально-политического прогноза от 4 мая 1971 г. В сб.: Социология и власть. Сборник 2. Документы. 1969–1972. М.: АCADEMIA, 2001. С. 113–117.

Таким образом, этой реальной, подтвержденной официальными документами истории с Ассоциацией научного прогнозирования Г.В. Осипов противопоставил свою декларативную и абсолютно недоказуемую версию, определив ее как «разгром социологии» № 3. За скобками этой версии оказались все без исключения вскрытые комиссией серьезные недостатки, допущенные Институтом конкретных социальных исследований, Научным советом АН СССР по проблемам конкретных социальных исследований, Советской социологической ассоциацией. Результат – виновные изображены жертвами произвола властей, вполне логичная реакция на антизаконную деятельность авантюристов объявлена очередным «разгромом» социологической науки (в котором принял участие и вице-президент АН СССР М.Д. Миллионщиков (?)), характеристика руководителей Президиума АН СССР в недопустимо примитивизированном, даже оскорбительном плане – президент АН СССР М.В. Келдыш узнает о скандальной истории с Ассоциацией научного прогнозирования не от вице-президента АН СССР, отвечающего за связь Академии с общественными научными организациями, а «однажды... случайно услышал по радио», вице-президент АН СССР М.Д. Миллионщиков фактически обманным путем определяет А.М. Румянцева вместо себя на скамью ответчика за тот участок работы, за который он лично отвечает по функциональным обязанностям в Президиуме АН СССР, а Алексей Максимович предстает на Секретариате ЦК как «не имеющий никакого отношения» к истории с Ассоциацией научного прогнозирования, в то время как еще до этого он письменно объяснялся со Старой площадью по некоторым проблемам ее незаконного учреждения и грубым нарушениям в ее деятельности.

Наконец, последний вопрос – самый забавный. Рассказ Г.В. Осипова о заседании Секретариата ЦК содержит детали, дающие повод думать о присутствии рассказчика на этом мероприятии (председательствующий «грубо прерывает», «резко спрашивает» и т.д.). Но дело в том, что в этом же тексте, но несколько ниже есть фраза – «меня (то есть Г.В. Осипова. – А.К.) на Секретариате не было»¹. Таким был «разгром» № 3. Выводы – за читателем.

«Разгром» № 4 – событие, которое приравнивается к целому этапу наступления «партократического режима» на всю социологическую науку, связано с изданием ИКСИ книги «Моделирование социальных процессов». Не будем много говорить, насколько неуместным является приравнивание одной раскритикованной (независимо от того, справедливо или предвзято) книжки к целому этапу в истории социологической науки. Скажем о другом: книга опубликована под редакцией Г.В. Осипова, А.Г. Аганбегяна и Н.Н. Моисеева. Но почему в разразившемся в связи с выходом ее в свет конфликте А.Г. Аганбегян и Н.Н. Моисеев отмежевались от нее и, как пишет сам Г.В. Осипов, «неожиданно» для него при обсуждении книги по поручению ЦК КПСС после сделанного якобы Г.В. Осиповым доклада заявили, «что к этой книге они прямого отношения не имеют»?² Более того, в этой ситуации руководящие органы «не трогают А.Г. Аганбегяна, который в это время делает быструю карьеру, оставляют в покое Н.Н. Моисеева – он избирается в это время в академики»³ (подчеркнуто нами. – А.К.). Такая интерпретация «разгрома» – настоящие сюрреалистические упражне-

¹ См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 538.

² См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 530.

³ См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 530.

ния со многими неизвестными. Если А.Г. Аганбегян и Н.Н. Моисеев действительно были утверждены, как это предусмотрено издательскими процедурами, в качестве редакторов научного труда, а после выхода книги отказались от этого – то это должно было стать предметом специального разбирательства в установленном порядке. Если же их фамилии в качестве редакторов появились в книге без согласования и они узнали об этом после выхода книги – опять-таки должен был бы состояться необходимый разбор. Более того, почему два ученых отказались от редакторского авторства не после появления книги, а позже – когда началась разборка? Словом, недосказанность порождает новые вопросы.

Не может не вызывать удивления и финальная часть этой истории. По версии Осипова, после того как книга обсуждалась на Пленуме МК КПСС, на котором присутствующие члены Политбюро ЦК «дружно» аплодировали секретарю горкома В. Ягодкину, с «пафосом» зачитывавшему фразы из книги и якобы заявившему, что «линия института противоречит линии партии»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.), – после всего этого «резюме формулирует вездесущий Г. Квасов»² (инструктор ЦК. – А.К.). В какой форме он резюмирует – в официальном документе, частной беседе и, главное, от своего имени или по чьему-то поручению – ничего не говорится. Ведь дальше приводится принадлежащая якобы Г. Квасову (разумеется, без документальных сносок) цитата: «Если еще раз повторится нечто подобное, то будет принято решение об освобождении вас (то есть Г.В. Осипова. – А.К.) от должности заместителя директора Института и запрещении заниматься профессиональной деятельностью»³ (подчеркнуто нами. – А.К.).

А теперь зададимся вопросом: почему же после столь грозных обвинений – «линия института противоречит линии партии» – не последовали более серьезные выводы? И мог ли Г. Квасов (рядовой инструктор ЦК) выдавать Г.В. Осипову вексель на будущее не только освободить его от руководящей должности в институте, но и запретить заниматься профессиональной деятельностью? А может быть, это просто банальная история с неудачной книгой, на которую и должна была последовать какая-то реакция. Но ведь такие случаи – явление, периодически имевшее место не только у социологов, но и у историков, экономистов и т.д., и т.п. И если каждый подобный случай возводить в степень «трагического этапа» в истории всей науки – во что превратится эта история? Осипов же описывает свою историю в контексте своих же «героических деяний» на поприще борьбы с партократическим режимом.

Ведь в это же время резонансными оказались книга Б.В. Ракитского «Формы хозяйствования руководства предприятием», А.Я. Гуревича «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе», коллективная монография Института философии АН СССР «Ленинизм и диалектика общественного развития» и др. Ведь они тоже стали предметом не только острых споров в научном сообществе, но и сопровождалась обращением в том числе и в ЦК. А.М. Румянцев даже подписал письмо в ЦК КПСС, причем не как должностное лицо АН СССР, а как член ЦК КПСС. Чего еще больше?⁴

¹ См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 530.

² См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 530.

³ См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 530.

⁴ Письмо А.М. Румянцева о методах руководства общественными науками. В сб.: Социология и власть. Сборник 2. Документы. 1969–1972. М.: АCADEMIA, 2001. С. 121.

Тем не менее никто из авторов вышеназванных трудов не стал возносить свои нашумевшие издания в ранг знаковых поворотов в «угнетении науки».

А завершив повествование о проблемах моделирования социальных процессов, Г.В. Осипов сразу же рисует просто ужасающую картину очередного «разгрома», который мог бы иметь № 4, когда перед комиссией ЦК КПСС, МГК КПСС и Черемушкинского райкома КПСС по проверке деятельности ИКСИ в связи с коллективным письмом гуманитарных институтов АН СССР секретарю ЦК КПСС М.А. Суслову «О недостатках в работе Института конкретных социальных исследований» была поставлена задача не просто проверить выдвинутые в письме вопросы, а, по словам Г.В. Осипова, «доказать, что деятельность руководства и сотрудников института враждебна линии партии и советской власти» (подчеркнуто нами. – А.К.). И, по его словам, «эту задачу комиссия успешно выполнила»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Что же обнаружилось после того, как М.А. Сулов поручил Отделу науки и учебных заведений ЦК совместно с МГК КПСС и Академией наук разобраться с этим делом? Подтвердились такие недостатки в работе ИКСИ: неудовлетворительное выполнение постановления ЦК КПСС «Об основных направлениях работы Института конкретных социальных исследований АН СССР» от 10 декабря 1968 года; наличие серьезных теоретических ошибок в ряде изданий, опубликованных работниками института; зачисление сотрудников на работу без учета их деловых качеств; проявление семейственности в подборе кадров, нарушения правил конкурсного зачисления на работу; серьезные недостатки в организации научной работы, в стиле руководства отделами и секторами института. Обращено также внимание партийной организации на недостатки в стиле руководства отделами и секторами института, на отсутствие настойчивости в преодолении имеющихся ошибок, на отсутствие должного контроля за принимаемыми решениями, на слабую воспитательную работу среди сотрудников института.

Выводы комиссии были обсуждены на партийном бюро института и не вызвали никаких возражений ни со стороны руководства института, ни со стороны сотрудников. Завершающим этапом стало рассмотрение материалов комиссии и обсуждение их в коллективе института и в президиуме АН СССР президентом АН СССР Келдышем и вице-президентом Федосеевым, которые полностью, без малейших оговорок подтвердили справедливость высказанных замечаний в адрес института и согласились с принимаемыми мерами по улучшению работы и решению ряда кадровых вопросов научного коллектива.

Вот так происходил очередной, по версии Г.В. Осипова, «разгром» отечественной социологии. Банальная история, преподносимая в постсоветское время как поиск в ИКСИ «враждебной линии партии и советской власти», завершилась разработкой в институте пятилетнего плана, который обсуждался и был одобрен вице-президентом АН СССР П.Н. Федосеевым с участием членов Секции общественных наук президиума АН СССР, начальника ЦСУ при Совете Министров СССР В.Н. Старовского. Были уточнены направления научных исследований института, определены меры по повышению их научного уровня и практической эффективности.

¹ Письмо А.М. Румянцева о методах руководства общественными науками. В сб.: Социология и власть. Сборник 2. Документы. 1969–1972. М.: ACADEMIA, 2001. С. 121.

Еще один «разгром» социологии – его можно было бы назвать «Разгром № 5» – неназначение Г.В. Осипова на должность директора Института социологии. Обидчиком этот факт возведен в ранг этапного явления в наступлении объединенных сил консерваторов-истматчиков и партократов на социологического «первопроходца». Как же это было на самом деле, свидетельствует член-корреспондент РАН В.Н. Иванов.

Справочно. Из беседы В.Н. Иванова с вице-президентом АН СССР П.Н. Федосеевым, во время которой обсуждался вопрос о возможных кандидатурах на должность директора ИСИ АН СССР после завершения работы Вилена Николаевича в этой должности: «Стали перебирать возможные кандидатуры на этот пост. Я назвал в качестве таковых д. ф. н. Ж.Т. Тощенко и члена-корреспондента АН СССР Г.В. Осипова. По первой кандидатуре П.Н. Федосеев сказал, что его вряд ли отпустят партийные органы (работал он в Академии общественных наук при ЦК КПСС и значился в числе талантливых и исключительно полезных преподавателей академии. – А.К.), по второй он отметил, что Г.В. Осипов уже занимал руководящую должность в институте, и этот опыт оказался неудачным»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Проще говоря, руководство Президиума РАН выставило Г.В. Осипову за его руководящую деятельность на предыдущих постах такую оценку, которая в тех конкретных условиях стала преградой в дальнейшем его карьерном продвижении. По времени это совпало с подготовкой рабочей группой ЦК КПСС постановления ЦК о развитии социологии, когда обсуждался вопрос и об объявлении конкурса по замещению должности директора Института социологии. Однако, хотя конкурс действительно был объявлен, события стали развиваться (неожиданно) по другому сценарию: конкурс академическое начальство отменило, В.А. Ядов был назначен директором-организатором АН СССР, а через год в соответствии с уставом АН СССР был избран директором Института социологии. Претендовавший на эту должность Г.В. Осипов оказался вне игры.

Конечно, отмена уже объявленного конкурса на должность директора института дает основания говорить об ущербности принятого решения. Однако факт неизбрания Г.В. Осипова на директорский пост из-за позиции Президиума АН СССР по отношению к нему лично (и только!) никак не может рассматриваться в качестве целого запретного этапа в истории отечественной социологии. Да и выбор, который сделал Президиум АН СССР, поручив руководство институтом В.А. Ядову, оказался удачным.

Какие же напрашиваются выводы из истории с «запретами» и «разгромами» социологии? Во-первых, природа и корни всех описанных выше коллизий – не в воздействии каких-то внешних по отношению к конкретному научному коллективу разрушительных сил, а в крайне противоречивых и болезненных процессах, протекавших внутри него (коллектива): несовершенство управления, вызывающий неприятие стиль руководства коллективом, нездоровые межличностные отношения, постоянная «внутривидовая» борьба, «сражения» за свое пространство, групповщина, отсутствие профессиональной сплоченности и целеустремленности в решении общих задач и др.

¹ Иванов В.Н. Моя эпоха. Люди и события. М., 2009. С. 120.

Вот мнение о причинах глубокого внутриинститутского кризиса в ИКСИ члена-корреспондента РАН, директора института в 1983–1988 годах В.Н. Иванова, пользующегося в научном сообществе репутацией исключительно честного и объективного исследователя: «Вполне понятно, что создавшие институт инстанции (Президиум АН СССР, ЦК КПСС. – А.К.) должны были как-то реагировать на сложившуюся явно ненормальную ситуацию в институте» (подчеркнуто нами. – А.К.). И эта реакция последовала. «Они (руководители ИКСИ. – А.К.) наладить дело не смогли, и их “ушли”. В книге (Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев, “Социология и власть (как это было на самом деле)” – А.К.) это называется “разгром Института конкретных социальных исследований”, учиненный партийными верхами руками нового директора института члена-корреспондента АН СССР М.Н. Руткевича... Можно, конечно, сетовать на суровость реакции власть предержащих, но нельзя забывать, что “разгрому” предшествовал развал. Руководство института в лице А.М. Румянцева, Г.В. Осипова и Ф.М. Бурлацкого с поставленными перед ними задачами не справилось (подчеркнуто нами. – А.К.). Это “упрямый факт”, также как и решительная реакция на это со стороны власти»¹. «Не секрет, – отмечает он в другом месте, – что в годы застоя мы многое списывали на условия, на непонимание и нежелание руководителей разных рангов прислушиваться к голосу социологов и сами порой, не замечая того, понижали требования к собственной работе, довольствовались локальными исследованиями, прощали себе тривиальные выводы и не вполне обоснованные предложения. Двойная, если не тройная мораль, необязательность, граничащий с цинизмом эгоизм, низкий профессионализм – все это не обошло нас стороной»² (подчеркнуто нами. – А.К.). Вот такой развал и предшествовал «разгрому».

Во-вторых. Невозможно не обратить внимание на то, что все так называемые запреты и погромы, преподносимые Г.В. Осиповым чуть ли не в жанре следственных дел – дело Румянцева, дело Левады, дело Осипова, дело подписантов, дело шахматного клуба, – объединены несколькими взаимосвязанными элементами: а) адрес всех этих дел один и тот же – Институт конкретных социальных исследований; б) основные фигуранты дел – одни и те же (руководство и сотрудники института); в) время возникновения и разборки перечисленных дел – период, когда у руководства институтом стояли А.М. Румянцев, Г.В. Осипов, Ф.М. Бурлацкий. И вот все эти дела, происходившие на одной и той же площадке (ИКСИ) с участием одних и тех же персонажей и объединенные одним и тем же временным интервалом, подаются как «тернистые пути» всей советской социологии. Но позволительно ли все беды конкретного коллектива перекладывать на все социологическое сообщество, как говорится, с «больной головы на здоровую», да еще и при том, что институт, как ключевое академическое звено по социологии, не мог не воздействовать (положительно или отрицательно) на всю социологическую сферу? Причем без малейших признаков самокритики, самоанализа и объективной самооценки. Трудно возразить В.Н. Иванову – человеку с незапятнанной профессиональной репутацией, который хорошо знает историю ИСПИ РАН и отмечает, что «некоторая доза самокритики в описании своего социологического пути только прибавила бы ему (Г.В. Осипову. – А.К.) ува-

¹ Иванов В.Н. Моя эпоха. Люди и события. М.: Современная экономика и право, 2009. С. 239–240.

² Иванов В.Н. Социология в СССР. Записки директора института. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2014. С. 100.

жения коллег. Но, увы, этого не произошло. Правда, как говорится, еще не вечер. И у Геннадия Васильевича всегда есть такая возможность. Иначе “как это было на самом деле” не получится»¹. С момента написания этих строк, как говорится, воды утекло много. Однако воз и ныне там, а может быть, оказался еще дальше от надежд Вилена Николаевича...

В-третьих, во всех делах («разгромах») на первый план выдвинуты в препарированном виде «магические силы» подавления социологии в лице «партократов», «академиков-догматиков», власти вообще и совершенно не то что отодвинуты на задний план, а вообще преданы забвению персональная ответственность сотрудников за порученное дело, без которой трудно даже представить существование нравственно и организационно сплоченного научного коллектива, забота об установлении таких контактов с внешней научной средой, которые максимально срабатывали бы на положительный имидж института, наконец, налаживание таких внутривузских связей, которые обеспечивали бы настоящее сотворчество, не омраченное подковерной борьбой и закулисными играми.

Уместно в связи с этим сослаться на воспоминания В.В. Колбановского о состоявшейся весной 1962 года первой встрече Г.В. Осипова и В.А. Ядова. «К этому времени Ядов получил солидную социологическую подготовку в Англии, разработал серьезнейшую программу и инструментарий для своего исследования. Он искренне предлагал сотрудничество и объединение сил. Осипов выслушал его весьма сдержанно, инстинктивно угадал будущего возможного соперника и конкурента и от сотрудничества отказался»² (подчеркнуто нами. – А.К.).

В-четвертых, каждому запрету как конкретной акции должны быть присущи три элемента: кто запретил (в нашем случае это мог быть или ЦК КПСС, или Президиум АН СССР), в какой форме (решение Секретариата ЦК, Политбюро ЦК или постановление Президиума АН СССР) и когда, то есть точное хронологическое обозначение состоявшегося события. Но дело-то в том, что такого события, как официальный запрет социологии как науки, вообще не было – ни в 1929 году после дискуссии в Институте философии Комкадемии, ни в 30-е – 50-е годы, названные Г.В. Осиповым «запретным периодом» советской социологии, ни в 1953 году, когда, по его же утверждению (равнозначному политической клевете), «согласно принятой ЦК КПСС концепции социология в СССР была объявлена лженаукой».

В этом контексте уместно сослаться на историю создания социологического подразделения в структуре ЦК ВЛКСМ. Тогда, в условиях начавшейся оттепели, первый секретарь ЦК ВЛКСМ С.П. Павлов лично обратился к Н.С. Хрущеву с просьбой поддержать инициативу по развитию социологии молодежи и дать согласие на создание социологической группы в ЦК ВЛКСМ. Для Хрущева постановка такого вопроса оказалась неожиданной. Он подумал-подумал и ответил: «Не знаю, нужна ли социология, но пусть комсомол попробует. Ваше дело молодое, получится – распространим опыт, а не получится – выдерем»³. Этот пример показателен тем, что в отношениях социологии и власти (в том числе и верховной) не всегда существовали четкие «берега» одобрения или неодобрения социологических инициатив и принци-

¹ Иванов В.Н. Моя эпоха. Люди и события. М., 2009. С. 246.

² Колбановский В.В. К истории постсталинской социологии: от ренессанса до реформации. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 28.

³ Цит. по: Лисин Б.Ю. Кадровая политика КПСС. Социологические очерки. М., 2010. С. 16.

пом «получится – поддержим, не получится – выдерем» руководствовался не только партийный лидер страны. В данном же случае необходимость в «выдерем» отпала: в 1964 году в ЦК ВЛКСМ, как отмечалось выше, была создана социологическая группа в составе ставших первыми застрельщиками социологии молодежи В.И. Чупрова, А.С. Кулагина, В. Васильева. Со временем они выросли в крупных социологов, завоевав в научном сообществе имидж высококлассных профессионалов.

В-пятых, различного рода «запреты», «разгромы», «дела», построенные на преднамеренно ложных аргументах и сфальсифицированных оценках, поданы в постсоветское время Г.В. Осиповым в качестве доминирующих факторов в истории возрождающейся социологии, а отношения между властью и социологией интерпретируются исключительно через призму непримиримого антагонизма с политическими акцентами, тем самым препятствуя объективному анализу в том числе и действительно имевших место деформаций партийной политики в области социологии. Создание автопортрета бойца невидимого фронта в сочетании с необоснованными претензиями на свою персональную первопроходческую роль во всех основных событиях социологического возрождения при демонстративном принижении тех, кто действительно был инициатором не только провозглашения лозунгов о необходимости развития социологии, но и практически решал эти вопросы, – все это является проявлением неумного прижизненного пьедесталовосхождения.

И на этом пути пригодилось все – произвольная трактовка основных событий возрожденческого процесса советской социологии, конкретных действующих лиц в нем, гипертрофированное самомнение, непомерная амбициозность, вера в свое особое предназначение. Легенды о прямо-таки героических делах и стоическом противоборстве с объединенными противостоящими силами «академиков-догматиков» и «партократов» широко растиражированы им самим и его ближайшим окружением.

Они, эти легенды, как карма, звучат на социологических конгрессах, научных конференциях, в студенческих аудиториях. И не случайно – ведь они освящены самым высоким академическим авторитетом, когда президент РАН Ю.С. Осипов, назвав сочинения Г.В. Осипова на тему «как это было на самом деле» «замечательным творением», заявил: «Я настойчиво рекомендовал бы прочитать всем начинающим российским социологам и историкам. Она (книга. – А.К.) может послужить чем-то вроде лоции. В книге скрупулезно отмечены опасные “риффы” и “мели”, возникавшие на пути “социологического корабля”, указаны безопасные, ведущие в чистые глубокие воды проходы и маршруты и по достоинству воздано за труды и рвание заслуженным членами команды отечественных социологов-первопроходцев»¹.

Метафоричный пафос этих слов на первый взгляд подкупает, особенно непросвещенного молодого читателя. Но люди, принадлежащие к старшему поколению социологов, как свидетели и участники многих описываемых событий, могут сказать: историкам социологии предстоит сделать еще очень много, чтобы подрастающие поколения отечественных ученых знали истинную, а не препарированную и приспособленную к интересам отдельных личностей историю и о «риффах» и «мелях» на социологическом поле, и о «социологическом корабле», а также о тех, кто на нем оказался, и о «команде отечественных социологов-первопроходцев», которая (коман-

¹ Осипов Ю.С. Академик Г.В. Осипов в истории становления и развития социологии в России. В кн.: Академик Г.В. Осипов – патриарх социологии. М.: Наука. 2009. С. 21.

да), впрочем, никогда (ни в период раннего ренессанса, ни в постсоветское время) единой не была. Да еще не забывать справедливое замечание Н. Бердяева о том, что от неблагодарности к духовной работе предшествующих поколений наука не только страдает в данное время, но и теряет ясные перспективы.

Впрочем, за щедро раздаваемыми в постсоветское время с субъективных позиций ущербными оценками в адрес академиков-обществоведов, которые, по мнению Г.В. Осипова, якобы в разной форме блокировали процесс институционализации социологии как самостоятельной научной дисциплины, директоров ИКСИ, которым он адресовал колкости в несовершенстве их социологического профессионализма на его (Осипова) фоне как «настоящего социолога», работникам государственного и партийного аппарата, видимо, только за то, что им волей судьбы пришлось трудиться в этой сфере управленческой деятельности, – за всем этим четко просматривается абсолютное отсутствие у Геннадия Васильевича самокритичности, объективной (а не гиперболизированной) оценки несомненных положительных результатов его научной деятельности, честного признания допущенных (и документально подтвержденных) ошибок и даже их (ошибок) интерпретации с позиций так называемых разгромов социологии.

В этом контексте уместно сослаться на одного из активных участников социологических дискуссий 70-х годов XX столетия академика А.Д. Александрова: «Наука требует критичности и, стало быть, в первую очередь – самокритичности, с которой связано такое свойство, как скромность. Самокритичность не позволит утверждать в качестве чего-то установленного в науке свои не получившие еще серьезного обоснования точки зрения, одевать мысли в помпезные словесные одежды, не строить свои выводы на фундаменте фактов и не проверять их строжайшей логикой; заранее представлять свои проекты, гипотезы и схемы в виде чего-то особенно значимого и сопоставлять их с великими научными теориями, изображая эти теории в искаженном виде, как это покажется подходящим автору» (подчеркнуто нами. – А.К.). И далее: «Когда же дело доходит до вульгаризации серьезной теории с целью оттенить свои собственные непродуманные настроения... то это уже не только не наука, а просто неприличие. Наука не обязывает преклоняться ни перед авторитетами, ни перед великими теориями». «Наука, – подчеркнул он, – требует прежде всего безусловной, непререкаемой, скрупулезной добросовестности в отношении к истине, к факту, к аргументу, безусловной, скрупулезной вдумчивости»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.).

...Г.В. Осипов, полемизируя с В.Э. Шляпентохом, предложившим взять на вооружение новый термин – «индекс умолчания как его (то есть Осипова. – А.К.) весьма удачный вклад в социологию», со своей стороны предложил добавить и индекс некомпетентности для тех, кто фальсифицирует и извращает историю науки «исходя из личных пристрастий, групповых, товарищеских предпочтений»², имея в виду своего оппонента. Не претендуя на оригинальность, мы, в свою очередь, предлагаем учредить и индекс постправды, которая в цивилизованном XXI веке как чума проникла во все поры нашего бытия, включая, как бы это ни звучало парадоксально, и научную среду.

¹ Александров А.Д. В защиту социологии. По поводу одной публикации // Вестник АН СССР. 1972, № 7. С. 63, 62.

² См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 644.

§3. В плену ложного сознания

И еще один, на наш взгляд, важный аспект: в своем постскрипту к беседе с Г.В. Осиповым о «тернистых путях» отечественной социологии академик Л.Н. Митрохин, явно стремясь героизировать деяния своего собеседника, отметил, что он «неоднократно подвергался недоброжелательной критике таких могущественных деятелей, как М.А. Суслов и Д.Ф. Устинов, С.П. Трапезников и В.Н. Ягодкин, не говоря уже о П.Н. Федосееве, М.Д. Миллионщикове и других руководящих деятелях академии, каждый из которых был способен сломать карьеру любому ученому»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.). Более того, при подготовке «принципиальных решений» и «постановочных докладов» в ЦК КПСС и Президиум АН СССР ему приходилось преодолевать «постоянное сопротивление и подозрительность» со стороны бдительных стражей партийности и чистоты сталинской философии»² (подчеркнуто нами. – А.К.). Словом, перед нами почти эпическое противостояние, с одной стороны, новатора-одиночки, а с другой – объединенных сил «могущественных деятелей» из состава политического руководства страны и руководителей Академии наук.

Но кто может поверить в то, что «принципиальные решения» и «постановочные доклады» Г.В. Осипова вызывали почему-то «постоянное сопротивление и подозрительность» у партийных и академических руководителей (!!). Чего это вдруг положительные акции вызывают отрицательную реакцию? А может быть, вопрос надо поставить более конкретно: о каких реальных решениях и докладах идет речь – ведь, как говорил один классик, истина конкретна.

Что же касается названной Л.Н. Митрохиным целой обоймы «могущественных деятелей», априори наделенных автором способностью «сломать карьеру любому ученому», которые якобы подвергали Г.В. Осипова «недоброжелательной критике», то здесь совершенно неуместен «валовый подход», то есть зачисление под общую гребенку в число недоброжелателей лиц не только с разным руководящим статусом (а значит, и с разным потенциалом воздействия на решение научных проблем), но и отличающихся разной степенью вовлеченности в социологический процесс. В этом контексте, строго опираясь на текст беседы Л.Н. Митрохина с Г.В. Осиповым и не отступая от него ни на йоту, посмотрим, как «недоброжелательность» к последнему проявлялась не вообще, а конкретно со стороны каждой из указанных выше «могущественных фигур».

Итак, по порядку. М.А. Суслов упоминается в беседе двух академиков в качестве председательствовавшего на состоявшемся якобы в сентябре 1968 года Секретариате ЦК по рассмотрению, как пишет Г.В. Осипов, «программы основных направлений исследовательской деятельности Института конкретных социальных исследований». Но дело в том, что, как нами доказано выше, сентябрьское заседание Секретариата 1968 года по рассмотрению названного вопроса документально не подтверждается и не может рассматриваться в качестве легитимного мероприятия. Суть в данном случае в том, что если даже поверить в достоверность версии о проведении этого заседания, то «воспроизведенные» на нем Г.В. Осиповым реплики М.А. Суслова не содержат абсолютно никаких по отношению к нему недоброже-

¹ Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 589–590.

² Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 589–590.

лательных проявлений. Главное, что просматривается в стремлении Г.В. Осипова, – зафиксировать сам факт прямого общения члена Политбюро и секретаря ЦК с заведующим отделом академического института. Другие факты, которые свидетельствовали бы о контактах М.А. Суслова с Г.В. Осиповым (с любыми последствиями – положительными или отрицательными), в беседе двух академиков и в других публикациях не приводятся. Так выглядит недоброжелательность могущественного партийного идеолога по отношению к научному сотруднику академического института.

То же самое можно сказать и о Д.Ф. Устинове, который свою «недоброжелательность» по отношению к Г.В. Осипову якобы проявил на том же документально не подтвержденном сентябрьском заседании Секретариата ЦК репликой о нецелесообразности включения в текст обсуждавшегося документа пункта о «социальных проблемах оборонного значения». Если бы такая реплика была произнесена, то при чем здесь недоброжелательность к Г.В. Осипову? И в данном случае – стремление обозначить сам факт диалога с элементами конфронтационности, исходящей от члена Политбюро Д.Ф. Устинова, который членом Политбюро в описываемое время (1968), как мы отметили выше, не был. Другие факты о недоброжелательности Д.Ф. Устинова к Г.В. Осипову в беседе академиков отсутствуют.

Что касается С.П. Трапезникова и В.Н. Ягодкина, отношения которых с научным сообществом действительно нельзя в ряде случаев назвать конструктивными, то нельзя не считаться и с тем фактом, что Г.В. Осипов (и это четко просматривается в беседе двух академиков) нередко пытается трансформировать критические замечания лично в его адрес через призму отношения партийных руководителей к социологической науке в целом. Словом, налицо перенос критических оценок служебной деятельности на несложившиеся личностные отношения между партфункционерами и научным сотрудником.

Относительно же «недоброжелательной» критики со стороны П.Н. Федосеева в данном случае надо ответить на основной вопрос: почему П.Н. Федосеев как директор Института философии демонстративно благоволил начинающему молодому научному сотруднику Г.В. Осипову, назначив его даже ученым секретарем института и оказав решающее воздействие на его избрание секретарем институтской комсомольской организации, но со временем в ранге вице-президента АН СССР не поддержал предложение о назначении директором института уже сформировавшегося социолога, члена-корреспондента АН СССР, мотивируя тем, что предыдущий опыт руководящей деятельности Г.В. Осипова оказался неудачным. То есть дело отнюдь не в «недоброжелательности» П.Н. Федосеева.

Наконец, почему в списке Л.Н. Митрохина в числе «недоброжелателей» Г.В. Осипова оказался М.Д. Миллионщиков? Можно только двинуть плечами: сфера научной и служебной деятельности академика М.Д. Миллионщикова как специалиста в области теории турбулентности, фильтрации и прикладной газовой динамики никогда не пересекалась с профессиональной и административно-руководящей деятельностью социолога Г.В. Осипова, никакие документальные источники не содержат каких-либо фактов, которые свидетельствовали бы о негативных коллизиях в отношениях двух ученых. Включение же академика М.Д. Миллионщикова в состав возглавляемой секретарем ЦК КПСС П.Н. Демичевым комиссии ЦК КПСС по изучению грубых нарушений установленного порядка при создании Всесоюзного общества науч-

ного прогнозирования никак не может рассматриваться в качестве повода для его обвинений в недоброжелательной критике Г.В. Осипова, так как в данном случае мы имеем дело с консолидированными выводами комиссии ЦК, адресованными, впрочем, целой группе ответственных работников, причем не только Института конкретных социальных исследований АН СССР, но и ряда общесоюзных организаций и ведомств (проблемы, связанные с грубыми нарушениями установленного порядка при создании Всесоюзного общества научного прогнозирования, нами рассматриваются в этом труде отдельно).

Но для полноты картины о «недоброжелательности» М.Д. Миллионщикова по отношению к Г.В. Осипову уместно привести еще одну версию последнего, изложенную в жанре подковерной интриги и состоящую из нескольких эпизодов. Эпизод первый: президент АН СССР М.В. Келдыш лично рекомендует работника ИКСИ Г.В. Осипова возглавить комиссию по проверке научно-исследовательской деятельности ГипроНИИ АН СССР, причем делает это в обход должностных лиц, через которых в силу их функциональных обязанностей должна была осуществляться эта работа, – вице-президента АН СССР академика М.Д. Миллионщикова и главного ученого секретаря академии Г.К. Скрыбина. Причем М.В. Келдыш, как пишет Г.В. Осипов, «специально просил меня передать подготовленные по итогам проверки документы непосредственно ему»¹.

Эпизод второй: М.Д. Миллионщиков и Г.К. Скрыбин, болезненно воспринявшие их изоляцию от проверки курируемого ими участка работы, обращаются к Г.В. Осипову «с настойчивым предложением: их первыми информировать о результатах проверки, а они уже подумают, что стоит делать»². Эпизод третий: интрига закручивается еще сильнее – материалы проверки, содержащие «целый ряд хозяйственных упущений и злоупотреблений», Г.В. Осипов передает вопреки «настойчивым предложениям» М.Д. Миллионщикова и Г.К. Скрыбина не им, а лично М.В. Келдышу. Эпизод четвертый: заседание Президиума АН СССР по рассмотрению итогов проверки «проходит весьма критично, кого-то освобождают, кому-то объявляют выговор»³. Эпизод пятый: фактически в отместку Г.В. Осипову за игнорирование просьбы М.Д. Миллионщикова и Г.К. Скрыбина передать им материалы проверки подопечного им научного подразделения они «буквально через неделю» инициативно создают комиссию по проверке деятельности возглавленной Г.В. Осиповым Советской социологической ассоциации. А дальше – «был подготовлен и принят проект разгромного постановления Президиума АН СССР»: Г.В. Осипова снять с поста председателя ассоциации, освободить от должности заместителя директора института и даже возбудить уголовное дело⁴. Эпизод шестой: пострадавшему «так и не удалось получить полный текст этого позорного постановления Президиума АН СССР, так как после его избрания членом-корреспондентом АН СССР «по указанию П.Н. Федосеева оно было изъято и уничтожено»⁵.

Мы воздержимся от того, чтобы брать на себя ответственность анализировать и оценивать столь многослойную, драматически окрашенную коллизию отношений

¹ См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РГХА, 2005. С. 540.

² См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РГХА, 2005. С. 540.

³ См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РГХА, 2005. С. 540.

⁴ См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РГХА, 2005. С. 540.

⁵ См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РГХА, 2005. С. 541.

работника ИКСИ со столь могущественными руководителями Академии наук в силу того, что ни один из вышеописанных эпизодов автором не подкреплен документальными аргументами, к тому же интерпретация некоторых из них находится в явном противоречии с существовавшей в то время в Академии наук практикой решения подобных проблем. Поэтому мы ограничимся справочными пояснениями, которые, на наш взгляд, помогут читателю самому определить, что к чему.

Начнем же мы с последнего эпизода сценария Г.В. Осипова об отмене и уничтожении по указанию П.Н. Федосеева «позорного постановления» Президиума АН СССР о снятии Г.В. Осипова с постов председателя Советской социологической ассоциации и заместителя директора института. Сам Геннадий Васильевич утверждает, что это произошло после его избрания членом-корреспондентом АН СССР, не называя при этом дату столь знаменательного и победного для него события. Мы же, напомнив, что он стал членом-корреспондентом АН СССР в 1987 году, используем эту хронологическую отметку в качестве легитимной отправной точки для таких справочных пояснений.

а) Факт принятия Президиумом АН СССР постановления о лишении Г.В. Осипова должностей председателя Советской социологической ассоциации и заместителя директора института и последовавшее «изъятие и уничтожение» П.Н. Федосеевым этого документа после избрания «пострадавшего» членом-корреспондентом АН СССР, то есть в 1987 году (или позже), документально не подтверждается. Архивные материалы, а также все без исключения научные публикации на этот счет однозначно и безальтернативно свидетельствуют о том, что Г.В. Осипов был освобожден от должности заместителя директора института постановлением Президиума АН СССР №1150 28 декабря 1972 года; с небольшим интервалом он лишился и поста председателя Советской социологической ассоциации.

Произошло это тогда, когда к допущенным ранее недостаткам в деятельности института и Советской социологической ассоциации были фактически присовокуплены новые, обнаруженные в ходе скандального почти годичного разбирательства вопроса о незаконной деятельности так называемого Всесоюзного общества (Советской ассоциации) научного прогнозирования (это нами рассмотрено отдельно). Именно тогда, то есть 12 мая 1971 года, на заключительном заседании Секретариата ЦК КПСС под председательством Л.И. Брежнева (этому предшествовали несколько прошедших на протяжении целого года заседаний Секретариата ЦК по этому вопросу) вице-президенту АН СССР, директору ИКСИ А.М. Румянцеву было объявлено партийное взыскание «за безответственный подход к деятельности незаконно созданного общества по прогнозированию и допущение бесконтрольности при организации симпозиумов».

В конечном итоге все закончилось тем, что вся руководящая верхушка лишилась своих постов: А.М. Румянцев – кресел вице-президента АН СССР и директора института; Г.В. Осипов и Ф.М. Бурлацкий – должностей заместителей директора. Не вдаваясь в оценку справедливости или несправедливости объявленных Г.В. Осипову взысканий (в данном случае это не наша задача), которые он сам не отрицает, обратим внимание лишь на то, что эти взыскания он получил задолго до 1987 года, то есть это означает, что разбирательство указанного дела тогда, когда виновник стал членом-корреспондентом АН СССР, – никем и ничем не подтвержденный миф. Если же согласиться с версией Г.В. Осипова, то получается, что его лишали руководящих

должностей дважды – в 1971 году и накануне избрания его в 1987 году членом-корреспондентом АН СССР.

б) Увязка Г.В. Осиповым создания М.Д. Миллионщиковым и Г.Н. Скрыбиным комиссии по проверке деятельности возглавляемой им Советской социологической ассоциации, как он пишет, «буквально через неделю» после того, как Президиум АН СССР рассмотрел представленные им лично президенту АН СССР М.В. Келдышу материалы о деятельности ГипроНИИ вопреки «настойчивым предложениям» М.Д. Миллионщикова и Г.К. Скрыбина первыми информировать о результатах проверки их, а затем принятие тем же Президиумом АН СССР решения теперь уже о снятии Г.В. Осипова с должностей замдиректора института и председателя Советской социологической ассоциации «за допущенные недостатки» в работе – за всем этим неприкрытое стремление изобразить дело таким образом, что он лишился руководящих должностей, став жертвой подковерной борьбы академического начальства, но отнюдь не из-за серьезных недостатков в его работе, которые, впрочем, интерпретируя по-своему, он никогда не отрицал – незаконная коммерческая деятельность через шахматный клуб, просчеты, допущенные при публикации лекций Левады, которым, несмотря на ряд изъянов (признаваемых самим Г.В. Осиповым), был дан ход для публикации, скандальная история с защитой И.Г. Земцовым докторской диссертации и его якобы недостойным поведением, порочащим институт, и др. (в данном случае мы не считаем нужным вступать в полемику, а ограничимся лишь констатацией фактов, которые имели место). Словом, классический пример превращения виновника в жертву.

в) Только одна фраза из якобы, по версии Г.В. Осипова, принятого разгромного постановления Президиума АН СССР – «Г.В. Осипова снять с поста председателя ассоциации» – дает основания считать, что весь воспроизведенный нами выше его сценарий, состоящий из шести эпизодов, – фальсификация. Ведь такое решение Президиум АН СССР в принципе не мог, то есть не имел права принимать. Освобождение от должности председателя социологической ассоциации, как и назначение на нее – прерогатива не Президиума АН СССР, а общего собрания ассоциации, функционирующей в соответствии с ее уставом как общественная организация. И если гипотетически предположить, что кто-то в Президиуме АН СССР внес на заседание подобный проект решения, фактически фиксирующий незнание правовых основ взаимодействия государственных и общественных структур, то, вне всякого сомнения, правовое управление АН СССР наложило бы вето даже на включение вопроса в повестку дня заседания Президиума АН СССР.

г) Весьма странным является и то, что воспроизводимая Г.В. Осиповым формулировка якобы принятого разгромного постановления Президиума АН СССР содержит почему-то только карательные меры (освобождение от руководящих должностей и даже возбуждение уголовного дела). А за что такое наказание? В постановлении – ни слова. Но так не бывает. Противоестественным является и то, что, как следует из текста Г.В. Осипова, еще до принятия постановления Президиума АН СССР «всю многостороннюю деятельность Советской социологической ассоциации комиссия объявляет незаконной»¹. Но проверочные комиссии не наделены правом выносить вердикт по обнаруженным недостаткам, тем более объявлять незаконной

¹ Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РГХА, 2005. С. 540.

деятельность ССА. Для этого существуют другие наделенные соответствующими полномочиями инстанции, задача же комиссии – изучить вопрос и внести необходимые предложения в тот орган, который учредил эту комиссию. Истина прописная, равно как и азбучной является в данном случае необходимость приводить обоснование объявления незаконной ССА. Но этого ничего нет.

д) Вдумаемся и в такую фразу Г.В. Осипова: «После моего избрания членом-корреспондентом АН СССР по указанию П.Н. Федосеева оно (постановление Президиума. – А.К.) было изъято и уничтожено»¹. Если расшифровывать этот пассаж на языке конкретики, то это выглядит так: документ, подписанный Президентом АН СССР, прошедший регистрацию во всех звеньях академического делопроизводства и преданный гласности в академическом сообществе, изымается и уничтожается не после необходимого в таких случаях повторного официального рассмотрения на Президиуме АН СССР (что в данном случае является обязательным), а по указанию лично вице-президента АН СССР, который в этой ситуации, с одной стороны, вместе с вовлеченными в этот процесс работниками АН СССР фактически совершает должностное нарушение (злоупотребление), а с другой – демонстрирует просто немыслимый стиль служебных отношений в верхушке академического руководства – один вице-президент (М.Д. Миллионщиков) инициирует снятие Г.В. Осипова с руководящих постов в институте и социологической ассоциации и даже требует привлечь виновного к уголовной ответственности, а другой (П.Н. Федосеев) – минуя Президиум АН СССР и никому ничего не объясняя, изымает и уничтожает документы, принятые на его официальном заседании, тем самым как бы реабилитируя пострадавшего, то есть отменяя карательные меры. И кто поверит в эти фантези?

е) К сожалению, вопреки элементарным требованиям к научным публикациям такие описанные Г.В. Осиповым эпизоды, как создание по инициативе М.Д. Миллионщикова и Г.К. Скрыбина комиссии по проверке деятельности Советской социологической ассоциации, подготовка и принятие Президиумом АН СССР разгромного постановления о лишении всех руководящих должностей Г.В. Осипова и привлечении его к уголовной ответственности, наконец, невозможность, по его словам, получить полный текст этого позорного постановления Президиума АН СССР, – хронологически не обозначены. Но они своим содержанием и своей внутренней логикой прочно привязаны в соответствии с замыслом автора к заключительному эпизоду – изъятию и уничтожению постановления Президиума АН СССР после избрания Г.В. Осипова членом-корреспондентом АН СССР, то есть, придется повториться еще раз, после 1987 года. Вот и возникает вопрос: как в хронологию подготовки и принятия карательного постановления, а затем и его отмены можно вписать инициатора и организатора этого процесса – умершего в 1973 году вице-президента АН СССР М.Д. Миллионщикова? Или, может быть, начатое при его жизни разбирательство длилось полтора десятка лет?

Столь же неправдоподобным является назначение по инициативе президента АН СССР М.В. Келдыша руководителем комиссии по проверке ГипроНИИ АН СССР Г.В. Осипова, над которым уже висел дамоклов меч лишения руководящих должностей в институте и Советской социологической ассоциации, о которых никак не мог не знать президент Академии наук. Впрочем, по сложившейся практике в академии

¹ Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: Изд-во РГХА, 2005, с. 541.

подобные проверочные комиссии всегда формировались и возглавлялись учеными по профессиональному принципу, то есть проверять структуры гуманитарного профиля поручалось представителям гуманитарных наук, биологов проверяли специалисты этой отрасли знания, кибернетиков – соответственно кибернетического направления и т.д.

Словом, это азбука академической жизни. И вдруг президент АН СССР лично поручает проверку научно-исследовательской деятельности ГипроНИИ АН СССР доктору философских наук, да еще фактически и в обход главного ученого секретаря академии, без которого подобные вопросы вообще не могли решаться в силу распределения в Президиуме АН СССР функциональных обязанностей, да еще и при изоляции вице-президента АН СССР, в компетенцию которого входило курирование отделения, в которое входил ГипроНИИ, – все это больше из научной фантастики, но отнюдь не из установленной практики руководства академическими структурами (и их проверки). Что же касается фактически отмены П.Н. Федосеевым карательного постановления Президиума АН СССР в той форме, как это изображает Г.В. Осипов, то инициатор его принятия, то есть вице-президент АН СССР М.Д. Миллионщиков, вряд ли в этой ситуации мог отмолчаться и безропотно проглотить такую пилюлю. Опять – абсурд.

Хитро закрученная интрига с вовлечением в нее президента АН СССР, главного ученого секретаря академии, двух вице-президентов призвана формировать у читателя представление, на каком статусном уровне боролся и побеждал Г.В. Осипов. Но за всем этим – ни одного документального подтверждения, ни одной даты события, о котором он пишет, да еще и такая фрагментарность и нелогичность текста, что просто невозможно понять, когда что происходит и почему именно так поступают действующие лица в вытекающем из повествования временном интервале – с 1971 по 1987 годы. В целом же так выглядит и все противостояние Г.В. Осипова с могущественными политическими и академическими фигурами, напоминающее мыльный пузырь, который лопается при малейшем к нему прикосновении. В изложении же Л.Н. Митрохина в этом так называемом противостоянии Г.В. Осипов поднят на такую победную высоту, когда, «несмотря на постоянное сопротивление и подозрительность» со стороны «могущественных» политических и академических руководителей, он «с миссионерской убежденностью» боролся «за легализацию новой общественной науки»¹.

В духе пафосного самовозвеличения построен растиражированный во многих изданиях виртуальный сюжет о якобы состоявшейся накануне очередного съезда КПСС по инициативе президента АН СССР М.В. Келдыша встрече с кандидатом философских наук Г.В. Осиповым, проработавшим к этому времени менее года заведующим сектором новых форм труда и быта Института философии, с целью «посоветоваться» о подготовке некоторых материалов к отчетному докладу ЦК КПСС партийному съезду. Скажем прямо, для начинающего ученого оказание такой высокой чести – событие неординарное. Обратимся, однако, к трем версиям (!) этой встречи, принадлежащим одному и тому же автору и опубликованным в разных изданиях.

Версия первая. Определяя свое место в «тернистом пути» отечественной социологии, Г.В. Осипов описывает эпизод, когда накануне XXI съезда КПСС (1961) прези-

¹ См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: РХГА, 2005. С. 590.

дент АН СССР академик М.В. Келдыш пригласил его и поинтересовался, насколько важно с научной точки зрения будет включить в раздел о науке отчетного доклада партийному съезду фразу о том, что «все большее значение приобретает развитие конкретных социальных исследований»¹. А дальше разговор пошел фактически в жанре консультации Г.В. Осиповым президента АН СССР: «Я (то есть Осипов. – А.К.) посоветовал (подчеркнуто нами. – А.К.) понятие “социальных” заменить на “социологических” и дать трактовку этого понятия с позиций возрождения социологического знания».

Затем по просьбе Мстислава Всеволодовича Г.В. Осипов якобы рассказал ему «о социологии, о ее понятийном аппарате, предмете и методе исследования, о трудностях ее становления»². Отметив, что все рассказанное собеседником «очень интересно», президент АН СССР, как бы забыв, зачем он пришел к Г.В. Осипову (целесообразность употребления в отчетном докладе XXI съезду термина «социальные» или «социологические исследования»), вдруг якобы перевел разговор в другое русло, заявив, что «последнее время я занимался очищением от мракобесия биологической науки» и что «настала очередь общественных наук», для чего он приложит «все силы, чтобы социология заняла достойное место в системе АН СССР»³. Заканчивается беседа, как это подает Г.В. Осипов, не итогами обмена мнениями по терминологическому вопросу о целесообразности в отчетном докладе ЦК употреблять слова «социальные исследования» или «социологические», а фразой с совершенной другой целевой установкой: «К великому сожалению, свое обещание (то есть очистить общественные науки от мракобесия и поднять социологию на “достойное место в системе АН СССР”. – А.К.) М.В. Келдыш выполнить не смог в связи с болезнью и трагическим уходом из жизни»⁴.

Оставив в стороне алогичность построенной Г.В. Осиповым конструкции его беседы с Келдышем М.В. – начало изложения беседы за здравие (то есть уточнение формулировки для отчетного доклада ЦК), а ее окончание за упокой (невыполнение президентом АН СССР М.В. Келдышем «обещания» поднять социологию на «достойное место в системе АН СССР»), – остановимся на более существенных ее (беседы) моментах.

Прежде всего, XXI съезд КПСС проходил не в 1961 году, как указывает Г.В. Осипов, а 27 января – 5 февраля 1959 года. Приглашение же президентом АН СССР М.В. Келдышем собеседника накануне этого съезда вообще не могло состояться, так как в это время президентом АН СССР был не он, а академик А.Н. Несмеянов.

Вторая версия. В более раннем первоисточнике (в беседе Л.Н. Митрохина с Г.В. Осиповым, опубликованной в 2005 году) содержание беседы М.В. Келдыша с Г.В. Осиповым воспроизводится в расширенном формате (без изменения существа дела), но с некоторыми важными дополнениями и изменениями: встреча состоялась

¹ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 26.

² Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 26.

³ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М., Экономическое образование, 2012, С. 26.

⁴ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М., Экономическое образование, 2012, С. 26.

накануне не XXI съезда КПСС, а XXII, причем год его проведения указан тот, что и в предыдущем случае по отношению к XXI съезду, то есть 1961-й. Во второй версии вместо обезличенного заказчика сюжета в отчетный доклад ЦК о социальных исследованиях (Отдел ЦК? Комиссия ЦК по подготовке проекта доклада?) содержится утверждение о персональном заказчике – генсеке ЦК: «Я (то есть М.В. Келдыш – А.К.)... готовлю для отчетного доклада Н.С. Хрущева раздел о науке». Финал же беседы – обескураживающий: президент АН СССР не принял предложение Г.В. Осипова поменять «не совсем» верную формулировку о социальных исследованиях на «верную» («советую написать “социологических исследований”» – Осипов) и на XXII съезде КПСС «в своем выступлении привел собственную формулировку»¹. А где же раздел о науке для отчетного доклада Н.С. Хрущева, ради чего и проводилась встреча двух собеседников?

Третья версия по этому вопросу одного и того же автора текстуально полностью повторяет вторую версию, в том числе и утверждения о том, что встреча М.В. Келдыша с Г.В. Осиповым состоялась «накануне XXII съезда КПСС (1961 год)», но с существенным изменением: раздел о науке президент АН СССР готовил «для отчетного доклада Л.И. Брежнева»² (а не Н.С. Хрущева, как утверждалось во второй версии. – А.К.). Как Л.И. Брежнев, ставший первым секретарем ЦК КПСС в 1964 году, мог появиться с отчетным докладом ЦК на (по утверждению Г.В. Осипова) состоявшемся в 1961 году XXII съезде КПСС – комментарий оставим на усмотрение читателя.

Мы же обратим внимание на такие моменты. Первый момент – весьма сомнительное воспроизведение слов М.В. Келдыша, поданных как его заковыченная цитата: «Я последнее время занимался очищением от мракобесия биологической науки. Сейчас, видимо, настала очередь общественной науки» (в том числе и социологии. – А.К.). Дело в том, что Мстислав Всеволодович стал президентом АН СССР 19 мая 1961 года, то есть за пять месяцев до проведения 17–31 октября 1961 года XXII съезда КПСС. Если же учесть, что, как пишет Г.В. Осипов, его встреча с М.В. Келдышем состоялась «накануне XXII съезда КПСС», то это означает, что его президентство к моменту указанной встречи измерялось сроками еще меньшими, чем пять месяцев. Вопрос: что же мог осуществить президент АН СССР за такой срок для очищения «от мракобесия биологической науки» и перейти к такой же работе в сфере общественных наук? Утопия!

Второй момент – своим заявлением, что М.В. Келдыш «свое обещание (приложить “все силы, чтобы социология заняла достойное место в системе АН СССР”) не смог выполнить в связи с болезнью и трагическим уходом из жизни», Г.В. Осипов вошел в кричащее противоречие с реальными, подтвержденными официальными документами свидетельствами. Ведь лично М.В. Келдыш и руководимый им президиум сыграли решающую роль в создании первой в истории отечественной науки социологической структуры – Института конкретных социальных исследований.

Подпись М.В. Келдыша как президента АН СССР стоит на таких официально направленных в ЦК КПСС документах: материалы отчета Президиума АН СССР и общего собрания Академии наук СССР от 14 декабря 1965 года, в которых был

¹ См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб: изд-во РХГА, 2005. С. 521–522.

² См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 434.

поставлен вопрос о создании академического социологического института; записка Президиума АН СССР о реорганизации Института философии АН СССР и создании на его базе Института конкретных социальных исследований от 26 октября 1967 года. Руководимый М.В. Келдышем Президиум АН СССР подготовил и внес в ЦК КПСС предложения о структуре и организации работы Института конкретных социальных исследований АН СССР, которые дважды (15 октября и 10 декабря 1968 года) рассматривались и были одобрены Секретариатом ЦК КПСС. Президент АН СССР солидаризировался со всеми положениями относительно оценки состояния и развития социологии и мер по ее дальнейшему развитию, которые содержались в докладе секретаря ЦК Л.Ф. Ильичева «Методологические проблемы естествознания и общественных наук» на расширенном заседании Президиума АН СССР¹. Корректно ли в таком случае говорить о том, что М.В. Келдыш не выполнил свои обещания относительно развития социологии?

Третий момент. Архивные материалы, а также научные публикации последнего времени не подтверждают версию Г.В. Осипова о каких-либо формах участия М.В. Келдыша в подготовке материалов для отчетного доклада XXII съезду КПСС. Его фамилия отсутствует как в образованной 11 апреля 1961 года постановлением Секретариата ЦК КПСС постоянной комиссии по подготовке материалов к отчетному докладу XXII съезду партии², так и в списке лиц, которые в разное время на индивидуальной основе привлекались постоянной комиссией для выполнения отдельных поручений в связи с подготовкой отечественного доклада ЦК, в числе этих лиц – представители от науки директор Института философии академик П.Н. Федосеев и ректор Академии общественных наук при ЦК КПСС, член-корреспондент Ю.П. Францев³. Как видно, М.В. Келдыш, ставший президентом АН СССР за несколько месяцев до XXII съезда КПСС, по понятным причинам вообще ни в какой форме не привлекался в качестве руководителя Академии наук к подготовке материалов к партийному съезду.

Наконец, момент четвертый, помогающий поставить окончательную точку над *i* в этой многослойной и снабженной недостоверными фактами и различного рода придумками фантазмагории. Если даже поверить в невероятное, то есть принять за правду утверждения Г.В. Осипова, что после беседы с ним М.В. Келдыш не направил по назначению готовившиеся материалы для комиссии ЦК, а непосредственно на XXII съезде КПСС «в своем выступлении привел собственную формулировку», отдав предпочтение не «социологическим исследованиям», как ему «советовал» за сектором новых форм труда и быта Института философии, а «социальным исследованиям», то и эту версию напрочь опровергают официальные документы. Речь на XXII съезде партии М.В. Келдыша, опубликованная в стенографическом отчете съезда, не содержит не только якобы готовившегося им текста о соотношении «социальных» и «социологических» исследований, но вообще каких-либо упоминаний

¹ См.: Вестник АН СССР. 1963, № 11. С. 56–60.

² РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 4. Л. 3. См. также: Бой с «тенью» Сталина. Продолжение. Документы и материалы об истории XXII съезда КПСС и второго этапа десталинизации / гл. ред. Н.Г. Томилина; сост. И.В. Казарина, Т.Ю. Конова. М.; СПб.: Нестор-История, 2015.

³ РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 172. Л. 112. См. также: Бой с «тенью» Сталина. Продолжение. Документы и материалы об истории XXII съезда КПСС и второго этапа десталинизации / гл. ред. Н.Г. Томилина; сост. И.В. Казарина, Т.Ю. Конова. М.; СПб.: Нестор-История, 2015.

о социологической науке, равно как и о других общественных науках, кроме экономических¹. Явная ложь!

Итог: перед нами – мастерски сочиненный сюжет о «том, чего не было» в натуре. Странно, не правда ли? Но это на первый взгляд. Истинный же замысел этого сценария четко прочитывается, если обратить внимание на такие содержащиеся в нем две детали. М.В. Келдыш пригласил к себе для консультаций по подготовке материалов к XXII съезду КПСС не, что было бы логично в контексте высокого уровня заказчика материалов (ЦК!), вице-президента АН СССР, по долгу службы отвечающего за общественные науки, и не директора Института философии, сотрудники которого в описываемое время в ограниченном объеме занимались социологической проблематикой, а заведующего сектором новых форм труда и быта, который к этому времени, как свидетельствует опубликованный уже в постсоветское время список его научных публикаций, не имел сколько-нибудь значимых трудов по социологии², чтобы выступать в качестве советника академика и президента АН СССР. Самовозвеличивание при помощи создания виртуальной реальности. А то, что в ходе описываемых событий, как подчеркивает Г.В. Осипов, «к великому сожалению, вмешались неведомые мне силы» и повлияли на то, что президент АН СССР не использовал в выступлении на съезде более «правильную» формулировку заведующего сектором Института философии, – еще один пример распространения Г.В. Осиповым навязчивой идеи о существовании антисоциологических властных сил, перед которыми не мог устоять даже только недавно избранный президент АН СССР.

В конечном итоге этот сценарий вписывается в ряд других подобных описаний несуществующих событий, о которых мы расскажем отдельно: о придуманной встрече Г.В. Осипова на Эвианском социологическом конгрессе с «другом» П.А. Сорокиным, который из-за болезни вообще отсутствовал на этом конгрессе (см. глава IV, §2 настоящего издания «Сорокинские встречи: виртуально и наяву»); о «координации» действий Г.В. Осипова с академиком, ректором МГУ И.Г. Петровским по защите перед заведомо науку ЦК КПСС С.П. Трапезниковым якобы бездоказательно обвиненного социолога Ю.А. Левады и загадочной в этой ситуации смерти ректора МГУ (См. глава III, §6 «Поза обиженного человека?») и др.

И, наконец, еще один вопрос в контексте «Социология и власть», касающийся якобы демонстративного игнорирования политическим руководством страны и лично М.С. Горбачевым вносимых Г.В. Осиповым предложений по разрешению назревших социально-экономических, политических и других проблем. Как правило, такие суждения сопровождаются категорическим утверждением: мол, если бы Горбачев учел эти предложения, страна была бы непременно спасена и Советский Союз не разрушен. Учитывая особую серьезность этого вопроса, попытаемся конкретизировать суть дела на конкретных примерах.

Пример первый. С трибуны IV Всероссийского социологического конгресса Г.В. Осипов так охарактеризовал реакцию первых лиц страны, и прежде всего М.С. Горбачева, на направленные им документы, «в которых содержалось предупреждение о серьезных рисках и угрозах принятого курса реформирования»: «К сожа-

¹ Келдыш М.В. Выступление на XXII съезде КПСС. В кн.: XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет. Т. 1. С. 406–414.

² См.: Академик Г.В. Осипов – патриарх социологии. М.: Наука, 2009. С. 350–353.

лению, рекомендации социологов, которые позволили бы избежать многих ошибок, не были приняты во внимание, и в результате развитие России пошло по курсу, который не отвечал национальным интересам страны и ее народа. Диалог между властью и социальной наукой не состоялся. Культура власти и культура науки не нашли общего языка для плодотворного взаимодействия»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Аргументами для таких столь грозных выводов стали показанные на экране для участников конгресса слайды документов, которые со временем были опубликованы в итоговых материалах этого мероприятия. Под документом с названием «Социология и социально-политическая ситуация в СССР. Состояние и прогноз» текстовка, читая которую, не веришь своим глазам: «Доклад ИСПИ АН СССР, представленный президенту СССР М.С. Горбачеву в 1989 году»². В самом деле, о каком докладе ИСПИ, то есть Института социально-политических исследований, могла идти речь в 1989 году, если учесть, что в указанное время в системе АН СССР такого института вообще не было, а функционировал возглавляемый В.А. Ядовым Институт социологии (ИС). А ИСПИ АН СССР образован решением Президиума АН СССР 26 марта 1991 года. Столь же нелепой выглядит часть текстовки о том, что доклад был представлен в 1989 году президенту СССР М.С. Горбачеву, – ведь Михаил Сергеевич осуществил восхождение на президентский пьедестал в... 1990 году.

Что же показало ознакомление с этим документом? Увы, но он не обладает никакими признаками официального документа, то ли обращенного к какому-то властному органу, то ли конкретному лицу – в данном случае президенту страны. Это... брошюра, подготовленная группой научных сотрудников Института социологии, представляющая собой отчет «Итоги социально-политического развития» за 1989 год объемом 56 страниц. Опубликована Московским университетом по заказу хозяйственного научно-исследовательского центра Советской социологической ассоциации тиражом 58 000 экз. Издана в 1990 году. И как она могла быть отправлена президенту в 1989 году? К тому же трудно предположить, что советские лидеры занимались усердным чтением брошюр университетских изданий, общества «Знание» и т.д. Словом, в данном случае никакого документа, адресованного Горбачеву, нет. Налицо – подтасовка и ответ, почему в данном случае «диалог между властью и социальной наукой не состоялся» и почему «культура власти и культура науки не нашли общего языка для плодотворного взаимодействия».

Второй пример. Говоря о нарастании в условиях горбачевской перестройки деструктивных, центробежных тенденций, угрожавших целостности страны, Г.В. Осипов пишет: «мы (кто такие “мы” и когда конкретно это происходит, автор не указывает. – А.К.) готовим и направляем в Политбюро ЦК КПСС принципиальный документ “Социально-политическая ситуация в СССР”», в котором предлагается «позитивная программа», в частности, «обосновывается необходимость перехода к конфедерации, сочетания принципов федерализации и конфедерализации»³.

Нам придется напомнить: в период подготовки союзного договора (так называемый Ново-Огаревский процесс) при выборе пути выхода из тяжелейшего кризиса

¹ См.: IV Всероссийский социологический конгресс «Социология в системе научного управления обществом». Материалы конгресса. Москва, 2–4 февраля 2012 года. ИСПИ РАН, 2012. С. 21.

² См.: IV Всероссийский социологический конгресс «Социология в системе научного управления обществом». Материалы конгресса. Москва, 2–4 февраля 2012 года. ИСПИ РАН, 2012. Рис. 1.

³ См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 554.

развернулось жесточайшее противостояние двух концепций – «союзное государство», то есть обновленная и реформированная федерация в рамках единого, целостного государства, или «союз государств», то есть конфедерация самостоятельных государств (даже «без союзной конституции» – были и такие предложения), при которой СССР перестал бы существовать как государство.

Первую концепцию отстаивал М.С. Горбачев (при всей его непоследовательности), вторую Б.Н. Ельцин, который не ограничивался только дискуссиями в комиссии по подготовке союзного договора, а вместе со своими сторонниками занимался практической политикой в этой сфере: стимулирование «парада суверенитетов» союзных республик, «войны законов», культивирование приоритета республиканского законодательства над общесоюзным, ожесточенная конфронтация с центром, то есть общесоюзными государственными структурами, разрушение единого экономического пространства и т.д., и т.п., что в конечном итоге и привело к Беловежским соглашениям¹. Поэтому совершенно очевидно, что предложенная Г.В. Осиповым «позитивная программа» конфедеративного устройства страны в тех конкретных социально-политических условиях (!) вписывалась в политику и практику тех возглавляемых Б.Н. Ельциным политических сил, которые вели дело к «уничтожению СССР» – эта формулировка принадлежит бывшему (1987–1991) послу США в Москве Дж. Мэтлоку.

Конечно, в условиях безбрежного плюрализма мнений никто не имеет права лишать каждого человека возможности высказывать свою точку зрения и быть услышанным. Но при обязательном условии – при доказательности своей позиции и последовательности ее соблюдения. Г.В. Осипов же, продекларировав в якобы направленном в Политбюро ЦК КПСС документе свою приверженность идее конфедеративного устройства страны, в другом случае, то есть в докладной записке президенту СССР М.С. Горбачеву (без указания даты направления по назначению), как бы сам себя ревизует, фактически отказываясь от ранее заявленной позиции. На этот раз вместо конфедерации он предлагает создание минифедераций «на базе отдельных республик, которые имели бы высшие органы власти, состоящие из двух палат: палаты республики и палаты национальностей... мог бы встать вопрос о создании Грузинской федерации, Молдавской, Латвийской и т.д.»². Благодаря такому подходу, писал Г.В. Осипов генсеку, «в основе перехода к рынку будет лежать принцип не федерации, как в программе Рыжкова, не конфедерации, как в программе Шаталина, а принцип экономических регионов»³ (подчеркнуто нами. – А.К.).

По каким мотивам эти предложения не были приняты М.С. Горбачевым – документов нет. Выскажем на этот счет наши соображения, подчеркнув прежде всего: а) «конфедерация», «минифедерация» и «принцип экономических регионов», провозглашенные абстрактно, без учета конкретной социально-политической (а в ряде случаев и геополитической) обстановки, – лишь внешне привлекательные атрибуты, не дающие ответа на главный вопрос – настолько в конкретных условиях их применение целесообразно и оправдано; б) каким конкретным смыслом они наполняются и каковы причины вытеснения ими концепции федерации.

¹ См. более подробно: Сазонов А.А. Кто и как уничтожил СССР? Архивные документы. М., 2010.

² См.: Осипов Г.В. Социология и политика. М.: Вече, 2009. С. 137.

³ См.: Осипов Г.В. Социология и политика. М.: Вече, 2009. С. 138.

Что же собой представляет в этом контексте конфедерация? В отличие от многочисленных вариантов, возникших путем объединения ранее сформировавшихся отдельных государственных образований, а значит, имевших прогрессивный, восходящий характер и игравших роль цементирующего фактора по отношению к ранее разрозненным образованиям (Ганзейская лига, Республика Соединенных провинций, возникшая в ходе голландской буржуазной революции и включавшая 7 нидерландских провинций, и др.), конфедерация, предлагавшаяся в годы горбачевской перестройки, имела нисходящий, регрессивный характер, она была направлена на тотальное разрушение уже существовавшего продолжительное время единого правового, социально-политического и оборонного пространства СССР. Если мировая практика давала множество примеров движения от конфедерации к федерации, тем самым укрепляя интеграционный и консолидационный потенциал государства (даже несмотря на то, что швейцарские конституции 1848 и 1874 годов сохранили официальное название Швейцарская Конфедерация, они установили по сути федеральное государственное устройство), то конфедеративные проекты перестроечных времен были направлены в противоположную сторону – на ликвидацию единого многонационального государства, обладающего правом субъекта международного права, и создание совершенно новых государственных образований со всеми вытекающими из этого международно-правовыми, геополитическими, интеграционными (и дезинтеграционными) процессами.

Конфедерации, как правило, недолговечны. Их аморфная, рыхлая структура, ограниченность преимущественно функцией координации действий в определенных целях (прежде всего внешнеполитические и военные проблемы) при полной независимости и суверенитете входящих в конфедерацию государств, как правило, ведут то ли к трансформации в федерацию (Швейцария), то ли к распаду (Конфедерация Сенегамбия, образовавшаяся в свое время благодаря объединению Сенегала и Гамбии).

Что же касается тезиса Г.В. Осипова о переходе к такой конфедерации, при которой принципы федерации и конфедерации сочетались бы¹, то подобные суждения, на наш взгляд, в условиях перестройки были очень далеки от реального политического процесса и государственного строительства. Конечно, по отдельным элементам соприкосновение федеративных и конфедеративных моделей может быть. Но это частности. В принципиальном же плане – это совершенно разные образования: федерация – это самостоятельное государство со своей политической, правовой, экономической системой; конфедерация же – это союз самостоятельных, независимых, суверенных государств, которые объединяются лишь для координации действий в определенных целях. В условиях перерастания перестройки в «катастрофику» (А.А. Зиновьев) ориентация определенных сил страны на конфедеративное переустройство страны оказалась для Советского Союза гибельной.

А что означала идея минифедерации, желательность которой, в частности, для Грузии, Молдовы и Латвии предложил Г.В. Осипов в условиях разросшегося там оголтелого агрессивного национализма? Совершенно очевидно – лучшего подарка для сепаратистов не придумаешь! Призывать создавать минифедерацию, например, в Грузии в ситуации, когда общественно-политическая обстановка там накалилась до такой степени, что оказалось невозможно предотвратить широкомасштабную войну, – это

¹ См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 554.

означало в тех конкретных условиях дальнейшее стимулирование центробежных тенденций в федеративном государстве, доведение идеи суверенитета до абсурда.

В этом же плане пассажи о минифедерации из книги Г.В. Осипова «Социология и политика», которая, по словам С.Г. Кара-Мурзы, «представила в главных чертах целостный образ сдвига влиятельной части общества к иррациональной антигосударственности»¹. Такое утверждение потребовалось его автору, чтобы обосновать то, что «ответом на это аномально разрушительное мироощущение стала книга Г.В. Осипова “Социология и политика”» и что «Г.В. Осипов был первым социологом, который накануне краха СССР открыто и в рамках научного дискурса заявил протест против кампании разрушения государственности»². Странно, и весьма! Оставив в стороне бессмысленный разговор о том, был ли Г.В. Осипов первым, вторым или третьим в объявлении протеста «против кампании разрушения государственности», обратим внимание на другое.

Неужели автор этих рассуждений в самом деле верит в то, что альтернативой «иррациональной антигосударственности» в условиях крушения многонационального государства могло стать создание на базе отдельных республик СССР минифедераций с двумя палатами – палатой республики и палатой национальностей? Для дискуссии напрашивается другой вопрос: а не являлась ли идея создания минифедераций на территории СССР в тех конкретных условиях проявлением «иррациональной антигосударственности»?

Относительно же «принципа экономических регионов» как, по утверждению Г.В. Осипова, альтернативы федерации Рыжкова и конфедерации Шаталина, нам остается лишь напомнить, что в описываемое время эта концепция наполнялась деструктивными силами таким пониманием, когда в прямых экономических отношениях регионов в настойчивой форме внедрялось так называемое управление по горизонтали, в котором центр (Правительство СССР, Госплан СССР, Верховный Совет СССР, союзные министерства) стал лишним. Вскоре лишним оказался и президент страны.

Причем установление горизонтальных связей союзных республик путем заключения двусторонних договоров осуществлялось тоже без участия центра. Еще при «живом» Советском Союзе при заключении подписанного 19 ноября 1999 года межреспубликанского договора между РСФСР и УССР предлагалось записать в преамбуле документа формулировку: «...развивать содружество независимых государств»³. Не только упомянутая Г.В. Осиповым Латвия, но все три прибалтийские республики, выдвинув как чисто экономическую идею регионального хозрасчета, так соединили ее с проводимыми ими правовыми преобразованиями (провозглашение примата республиканского законодательства над общесоюзным) и изменениями в политике (объявление незаконным их вхождения в СССР), что фактически первыми пробили пробоину в, казалось бы, непотопляемом советском корабле.

Наконец, надо подчеркнуть, что концепции конфедерации и минифедерации, а также «принцип экономических регионов» не в их абстрактном декларировании, а в контексте конкретной общественно-политической ситуации в стране (системного кризиса, охватившего все сферы общества) – все это произрастало и буйно распуска-

¹ Кара-Мурза С.Г. ИСПИ РАН дает ответ на вызовы времени // Социс. № 11 (390), 2016. С. 29.

² Кара-Мурза С.Г. ИСПИ РАН дает ответ на вызовы времени // Социс. № 11 (390), 2016. С. 29, 28.

³ См.: Сазонов А.А. Кто и как уничтожил СССР? Архивные документы. М., 2010. С. 36.

лось не потому, что к тому времени система национально-государственного устройства СССР исчерпала свой потенциал (ценный опыт СССР как многонационального государства объективный исследователь не станет отрицать и сегодня), а потому, что вопросы государственного и межнационального строительства, как и многие другие проблемы, оказались в плену той ожесточенной борьбы за власть, которая развернулась между теряющим управление страной центром и региональными сепаратистскими элитами, между сторонниками обновленного и реформированного СССР, с одной стороны, и с другой – его разрушителями.

Именно по этому принципу произошел раскол в советском обществе – от самой политической верхушки (конфликт между Горбачевым и Ельциным, острейшие противоречия в самом Политбюро ЦК) до регионов. И в этих условиях единственной альтернативой различных вариантов конфедерации, минифедерации и др. была обновленная и реформированная федерация с сильной центральной властью, с единым правовым, социально-политическим, оборонным пространством, с экономически развитыми, демократически окрепшими регионами.

Нам остается предположить, что именно по этим соображениям предложения Г.В. Осипова о минифедеративном или конфедеративном устройстве страны не получили отклика у политического руководства страны. Если идея конфедерации наносила сокрушительный удар по вершине федеративного устройства, то есть вела фактически к упразднению общегосударственных органов управления, к распаду единого государства и созданию на этих развалинах новых государств, наделенных правом субъекта международного права, то минифедерация подрывала основы единого государства снизу. Вспомним, как в период так называемого парада суверенитетов, следуя примеру союзных республик, многие субъекты РСФСР в условиях существования СССР добивались придания им статуса союзной республики, переделывая в этом ключе свою законодательную базу.

А Республика Коми пошла еще дальше. Принятая 29 августа 1990 года Декларация Верховного Совета Коми АССР о государственном суверенитете провозгласила автономную республику, с 22 августа 1922 года входившую в состав РСФСР (с XIV века Коми была зависимой от Московского княжества, в 1478 году вошла в состав Русского государства), «суверенным национальным государством» (!), устанавливалось «верховенство Конституции и законов Коми СССР над законодательными актами РСФСР и СССР» (!). Верховный совет Коми СССР объявлялся «единственным полноправным выразителем воли народа республики» (без какого-либо упоминания о роли и месте в этой сфере общесоюзных органов власти), провозглашалось «самостоятельное», то есть без участия центра, осуществление внешнеэкономической деятельности и заключение договоров об экономическом и культурном сотрудничестве с другими государствами, объявлялось о создании таможенной службы и др. Словом, дальше некуда!

§4. В русле воинственного социолингвистизма

«Советский политический язык – язык-агрессор. Он подчинил Восточную Европу, распространился на Азию, захватил часть Африки, приступил к освоению Американского континента. Он стал лингвистической маской всех, кто верил в светлое

будущее. Влияние его было универсальным. В сферу его магии попадали и народы Запада: сказывались бесконечное повторение лозунгов о стремлении СССР к миру, пропагандистские заверения о миролюбии советских руководителей, восторженные вопли о любви народа к партии, о благополучии советских людей. Прочерченный советскими словами путь исторического развития навязывал всем и каждому представление о неизбежности советской геополитической модели, парализовал любое сомнение в справедливости и разумности политики Кремля¹, – описания вот в таких тонах исторически глобальной миссии русского языка ранее не знала ни отечественная, ни зарубежная наука, хотя социолингвистика и языкознание, как и другие научные дисциплины, в своем извилистом и часто противоречивом развитии нередко подвергались различного рода макро- и микродеформациям, преднамеренным фальсификациям, агрессивной политизации.

В данном же случае – разговор особый: суждения о советском политическом языке как языке-агрессоре освящены самым высоким академическим авторитетом. И коль о таком научном «открытии» заявлено впервые, разумеется, вполне закономерно возникает необходимость в точном определении места этого «открытия» в истории отечественной науки, в рассмотрении доказательств и аргументов автора, позволивших ему подняться на такую высоту познания «истины», наконец, задаться вопросом – какие же выводы напрашиваются из этого для науки и социальной практики.

Итак, по порядку. И вначале несколько предварительных конкретных пояснений. Приведенная в самом начале цитата – из текста Г.В. Осипова «Советский язык как формула жизни», который (текст) значится в качестве предисловия к книге И. Земцова² «Советский язык – энциклопедия жизни»³. Особенностью же предисловия Г.В. Осипова является то, что оно отличается от текстов подобного жанра тем, что его автор выходит за рамки только представления самой книги И. Земцова и в развернутой форме постулирует свое доктринальное толкование рассматриваемых в книге проблем, во многом как бы предопределяя вектор движения мысли автора самого сочинения.

Какой же теоретико-методологический каркас предлагает Г.В. Осипов для анализа советского языка как «формулы жизни», каким содержанием он наполняет конкретные лексемы, выступающие в качестве конкретного строительного материала, заполняющего все соты и ниши указанного каркаса?

Вполне логично вначале разобраться с понятийным аппаратом исследования, и прежде всего с трактовкой самого словосочетания «советский политический язык». По Г.В. Осипову, советский политический язык «нельзя свести ни к политическому лексикону русского языка, ни к одной из разновидностей бюрократизмов и канцеляризмов, несмотря на то, что исторически он возник и сложился на основе комму-

¹ См.: Осипов Г.В. Советский язык как формула жизни. В кн.: Земцов И.Г. Советский язык – энциклопедия жизни. М.: Вече, 2009. С. 12.

² И.Г. Земцов сотрудничает с Г.В. Осиповым начиная с 60-х гг. XX столетия на поприще социологии, подчеркивает свою дружбу и близость с ним; в 1973 г. эмигрировал в Израиль, позиционирует себя в качестве непримиримого советолога; автор изданного «Транзэкшн» труда «Горбачев: человек и система», в США издал труды «Советская социология»; «Черненко: последний большевик» и др.; редактор журнала «Кроссроудс».

³ Земцов И.Г. Советский язык – энциклопедия жизни. М.: Вече, 2009.

никативных и директивных практик бюрократической власти»¹. Из этого следует, что все богатство советского политического языка, которым пользовались многие субъекты политического процесса, дипломаты, исследователи политических отношений, наконец, рядовые члены общества, так или иначе включенные в политическую жизнь общества, – все это подменяется ссылкой на коммуникативные и директивные практики «бюрократической власти».

Автор не оставляет никакого места для определения роли в развитии лексических и фразеологических средств советского политического языка таких факторов, как социальные условия, в которых функционирует и изменяется язык, динамика политического процесса трансформирующегося общества, в котором наиболее ярко проявляется процесс консервации старых понятий, утверждение новых и появление неологизмов, возросшая диалогизация международного сообщества и особенно прогресс в научно-технических сферах. И при этом безапелляционно заявляется, что «целиком сотворенный государством (?), советский язык культивировался партократами и насаждался ими как универсальный заменитель русского языка»² (подчеркнуто нами. – А.К.).

Как явление универсальное он (советский политический язык) наделяется автором такими характеристиками: он, хотя и однозначен, в то же время и двусмыслен, так как делит мир «на полярные субстанции добра и зла»; его семантика отражает «не социальную реальность, а идейное мифотворчество»; его слова и выражения действуют на уровне бессознательной психики и превращаются «в сжатые пружины политического манипулирования», когда с их помощью «в человека вгонялись заряды должной и “правильной”... идеологической энергии»³; проектирование реального «по законам вымысла» и переводение социальной реальности в виртуальную; наличие в таком языке многообразных психологических «ловушек» для «духовного захвата человека»; его действия – подобно железной клетке, когда он (политический язык) «ограничивал свободное движение тех, кто находился (мысли, действия) внутри нее»; непроявленность, закодированность одних понятий («распределитель», «вертушка») и перегруженность информацией других («коммунизм», «оппортунизм», «антисоветизм»); чрезмерная эксплуатация приемов риторики, содействующей переведению людей «в состояние социальной экзальтации» (например, «активная жизненная позиция», «гвардейцы труда» и пр.)⁴.

Столь щедро наделив советский политический язык такими многоцветными оценками, Г.В. Осипов делает потрясающей силы обобщение: «Возникла своеобразная лингвистическая галлюцинация: стало казаться, что достаточно изобрести и ввести в массовое сознание новые названия, как сразу же возникнут желанные и новые явления»⁵. У кого возникла лингвистическая галлюцинация? – у автора этих суждений?

¹ Осипов Г.В. Советский язык как формула жизни (в качестве предисловия). В кн.: Земцов И.Г. Советский язык – энциклопедия жизни. М.: Вече, 2009. С. 6.

² Осипов Г.В. Советский язык как формула жизни (в качестве предисловия). В кн.: Земцов И.Г. Советский язык – энциклопедия жизни. М.: Вече, 2009. С. 6.

³ Осипов Г.В. Советский язык как формула жизни (в качестве предисловия). В кн.: Земцов И.Г. Советский язык – энциклопедия жизни. М.: Вече, 2009. С. 6–7.

⁴ См.: Осипов Г.В. Советский язык как формула жизни (в качестве предисловия). В кн.: Земцов И.Г. Советский язык – энциклопедия жизни. М.: Вече, 2009. С. 6–8.

⁵ Осипов Г.В. Советский язык как формула жизни (в качестве предисловия). В кн.: Земцов И.Г. Советский язык – энциклопедия жизни. М.: Вече, 2009. С. 11.

у читателей? у всего народа? Но, оказывается, и это еще не все – «неизбежным результатом отчуждения советского языка от действительности явилось разрушение двусигнальной системы человеческого восприятия»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.) – здесь для анализа нужен психиатр. А дальше вообще ужас – «общественное сознание перестало откликаться на политические сигналы властей, отказалось вырабатывать на них социальные рефлексии»². И чем дальше, тем больше: «В итоге произошел разлом в человеческом поведении: в своем общественном проявлении оно оставалось политически приемлемым, а в частном выражении – не укладывалось в систему коммунистических ценностей»³.

Фундаментом же осиповской модели советского политического языка является рассмотрение отнюдь не с научных социолингвистических, а с разоблачительно-советологических позиций двух определяющих компонентов: «фикций», якобы провозглашенных в советских условиях реальностью, и «реалий», представляемых в виде «фикций». На этом основании конструируются и два разных, но «не противоположных» пласта в советском языке⁴: а) слова-явления, «опирающиеся пусть и на искажаемые, но существующие факты» (в качестве примера называются «очковтирательство», «встречный план», «доска почета», «анонимное письмо»; при этом высказывается сожаление по поводу не только «затруднений», но и часто невозможности «безгранично домысливать» социальные факты, лежащие в основе слов-явлений), «привязанность» слов-явлений к конкретному социальному опыту – фактор, ограничивающий манипулирование ими; б) слова-фикции, к которым Г.В. Осипов относит, например, «дружбу народов» (?!), «горизонты» (?!), «идейность» (?!), «авангард», «внутрипартийную демократию», которые, по его мнению, передают понятия, «лишенные всякого социального смысла» (?), и являются «в известном смысле» (?) духовными «полуфабрикатами», задающими лишь направление для работы воображения. Но в силу своей «абстрактности, подвижности и продуктивности» слова-фикции «представляли советской пропаганде практически неограниченные возможности, хотя и они отнюдь не всегда являлись искусственными образованиями»⁵.

Искусственно ограничивая весь словарный фонд советского политического языка только «словами-явлениями» в их негативном контексте и «словами-фикциями», автор этих конструкций делает следующий шаг – устанавливает «диалектическую» взаимозависимость между этими лексическими образованиями: уходя от аргументации, он ограничивается декларацией о том, что «при определенных условиях» (когда явление полностью изживало себя) «слова-явления исчезали или превращались в слова-фикции» (?), а слова-фикции «в ходе идеологического конструирования действительности начинали отражать реальность».

¹ Осипов Г.В. Советский язык как формула жизни. В кн.: Земцов И.Г. Советский язык – энциклопедия жизни. М.: Вече, 2009. С. 11.

² Осипов Г.В. Советский язык как формула жизни. В кн.: Земцов И.Г. Советский язык – энциклопедия жизни. М.: Вече, 2009. С. 11.

³ Осипов Г.В. Советский язык как формула жизни. В кн.: Земцов И.Г. Советский язык – энциклопедия жизни. М.: Вече, 2009. С. 11.

⁴ Осипов Г.В. Советский язык как формула жизни. В кн.: Земцов И.Г. Советский язык – энциклопедия жизни. М.: Вече, 2009. С. 7.

⁵ Осипов Г.В. Советский язык как формула жизни. В кн.: Земцов И.Г. Советский язык – энциклопедия жизни. М.: Вече, 2009. С. 7–8.

Но и это еще не все: оказывается, что в конечном итоге слова-явления и слова-фикции различались всего лишь «ракурсом идеологического манипулирования», когда при помощи первых, то есть слов-явлений, «действительность накладывалась на идеологию», а при помощи вторых, то есть слов-фикций, «идеология накладывалась на действительность»¹.

Пытаясь осмыслить суть подобных «откровений», волей-неволей задаешься вопросом: а каков же в таком случае словарный фонд и фразеологический арсенал того советского политического языка, на котором провозглашались внешнеполитические документы (договоры, соглашения, декларации, заявления), писались акты о капитуляции фашистской Германии и милитаристской Японии, оглашалась советская Конституция, создавались научные труды советских ученых в самых различных областях общественных наук, включая и самого Г.В. Осипова, написанные им лично или под его редакцией в период господства по-осиповски трактуемого советского политического языка, в частности, его кандидатская диссертация по борьбе с буржуазной идеологией, книги «Социология и идеология» (1969), «Социология и социализм» (1990), «Социология и проблемы социального развития» (1978)? Наконец, на каком политическом языке и с использованием какой политической лексики писал Геннадий Васильевич заявление о вступлении в комсомол и КПСС?

В исследовании Г.В. Осипова выделен «особый и своеобразный лексикон – лексикон гласности». По его мнению, в этой ситуации «произошла переоценка сущности советского языка»². Новым в появившихся словах «перестройка», «ускорение», «демократизм» и других оказалось «не только содержание, но и принцип конструирования (!). Они создавались не умозрительно, а по уже существовавшим моделям, брались из экономической сферы и переносились в социальную плоскость (“перестройка”, “ускорение” и т.д.) или складывались путем суживания, ограничения общепринятого смысла понятий (“демократизм”, “новое политическое мышление” и т.д.)»³.

Но опять-таки не все было просто – делу мешали слова-полуфикции. И в этих условиях новый лексикон «вступил во взаимодействие с основной массой слов советского языка, взаимодействие сложное и опасное», и он (о ужас! – А.К.) «стал уничтожать слова-фикции и сам оказался под угрозой быть уничтоженным словами-фикциями»⁴. В итоге – похороны не только перестройки, но «лексикона гласности» советского политического языка.

Говоря о «временном» и «тематическом» пластах советского политического языка, Г.В. Осипов рассматривает этот язык «в его наложении на действительность» и одновременно анализирует «советскую действительность в ее наложении на язык», что, по его мнению, и дает представление о путях и средствах воздействия такого

¹ Осипов Г.В. Советский язык как формула жизни. В: Земцов И.Г. Советский язык – энциклопедия жизни. «Вече». М., 2009. С. 8.

² Осипов Г.В. Советский язык как формула жизни. В: Земцов И.Г. Советский язык – энциклопедия жизни. «Вече». М., 2009. С. 10.

³ Осипов Г.В. Советский язык как формула жизни. В кн.: Земцов И.Г. Советский язык – энциклопедия жизни. М.: Вече, 2009. С. 11–12.

⁴ Осипов Г.В. Советский язык как формула жизни. В кн.: Земцов И.Г. Советский язык – энциклопедия жизни. М.: Вече, 2009. С. 11.

языка на население страны¹. Бездоказательные утверждения о том, что «насилие над русским языком» не только меняло семантику слов, но «ревизовало общечеловеческие и нравственные категории, которые они выражали», используются для не менее сфальсифицированного вывода: «Мистификация подлинного значения слов, подмена их реального смысла, разрыв традиционных значений в угоду коммунистической пропаганде – все это вело к омертвлению языка. Русский язык, отличающийся богатством, образностью, гибкостью, яркостью, зажатый в мертворожденные советские штампы, скудел, нищал, деградировал»². Более того, «многие советские люди теряли способность воспринимать социальные явления и нравственные категории вне понятий советского языка»³ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Какаясь источников пополнения лексического фонда советского политического языка, Г.В. Осипов даже не упоминает ни науку, ни культуру, ни собственно сферу политики, а выделяет, как он выражается, «любопытное явление» – «экспансию военной лексики в политический язык», цель которой – «внушить представление об СССР как о едином находящемся в осаде военном лагере, в котором советские люди должны вести себя по-военному». А наряду с этим еще и «добавочное назначение военной, особенно морской лексики в советском языке»... Г.В. Осипов солидаризируется с теми социологами и политиками, которые сетуют на то, что и в постсоветское время существует «стойкое сохранение элементов “советскости” в менталитете и психологии соотечественников, рожденных в СССР»⁴ и, что «совсем удивительно» – «воспроизводство этой психологической модели у тех молодых россиян, кто по молодости лет никак не мог испытать на себе влияние советского воспитания»⁵.

Упомянутая выше концепция русского языка советского периода как языка-агрессора корреспондируется с утверждением некоторых прибалтийских авторов (см. материалы дискуссии в журнале «Политическая лингвистика», 2011), обосновывающих сегодня необходимость ограничения русского языка в Прибалтике тем, что «русский ассоциируется с оккупацией и насилием, в то время как английский язык, все более явственно проникающий на латвийскую территорию (особенно в области лексики), рассматривается как язык свободного мира»⁶ (?!). В свою очередь, часть политической элиты современной Украины, включая высшие эшелоны власти, объявив поход против русского языка, как и против всего русского, разжигает руссофобию, сеет разнь между двумя народами. Порожденный политизированностью «лингвонарцисизм» тиражируется как в научной литературе, так и в СМИ, что дискредитирует и опошляет культуру, сферу межнациональных отношений, духовную жизнь в целом.

¹ Осипов Г.В. Советский язык как формула жизни. В кн.: Земцов И.Г. Советский язык – энциклопедия жизни. М.: Вече, 2009. С. 11.

² Осипов Г.В. Советский язык как формула жизни. В кн.: Земцов И.Г. Советский язык – энциклопедия жизни. М.: Вече, 2009. С. 14.

³ Осипов В.Г. Советский язык как формула жизни. В кн.: Земцов И.Г. Советский язык – энциклопедия жизни. М.: Вече, 2009. С. 15.

⁴ Осипов Г.В. Советский язык как формула жизни. В кн.: Земцов И.Г. Советский язык – энциклопедия жизни. М.: Вече, 2009. С. 15.

⁵ Осипов Г.В. Советский язык как формула жизни. В кн.: Земцов И.Г. Советский язык – энциклопедия жизни. М.: Вече, 2009. С. 15.

⁶ Braselmann, Petra. Language Policies in East and West. National Language Policies as a Response to the Pressures of Globalization // Gardt, A.; Hiippauf, B. (eds). Globalization and the future of German. Berlin, Monton de Gruyter, 2004. S. 111.

Вот тут бы и задуматься серьезно над тем, почему же именно таково состояние современного российского социума, какие выводы из этого напрашиваются и для науки, и для политики. Вместо профессионального ответа следует солидарность с автором книги И. Земцовым в такой (трудно поверить. – А.К.) рекомендации: «Для начала надо хотя бы постараться говорить по-новому. Тогда, быть может, станет легче по-новому мыслить и, самое главное (!), трудиться по-новому в обновленном социальном мире...» Вот так – после безуспешных почти тридцатилетних поисков национальной идеи – предлагается с помощью искусно препарированных социолингвистических кульбитов... «постараться говорить по-новому»; но о чем? для чего? и кому с кем? – на эти вопросы не дают ответа ни Г.В. Осипов, ни автор «виртуозно выстроенного лексикона».

Сама же книга И. Земцова по форме претендует на энциклопедическое издание: расположенные в алфавитном порядке около 280 терминов призваны обозначить или раскрыть какую-то черточку, деталь, явление или действие, негативно характеризующие советскую действительность. Анализировать эти термины с позиций какой-то конкретной научной дисциплины невозможно: к социологии это не имеет никакого отношения, так как содержащиеся в книге термины лишены социологического содержания, хотя она издана в серии «Вехи отечественной социологии»; к социолингвистике – тем более, так как ее понятийный аппарат в книге вообще отсутствует; еще большее расстояние – до языкознания (если вообще можно говорить о каком-то расстоянии от границ несуществующих вещей); не может претендовать этот труд и на политологическое издание типа имеющихся у научного сообщества словарей политических терминов или политической энциклопедии¹.

Скорее всего, это издание можно отнести к жанру политизированного журнализма, так как собранные в нем из различных сфер жизни (политики, экономики, обычной жизни) термины, понятия, словосочетания систематизированы и выстроены в алфавитном порядке по единственному критерию – их наполненности антисоветским содержанием. Можно без преувеличения сказать, что это искусно сконструированное пособие по фальсификации советской действительности – с использованием субъективистских оценок и интерпретаций, преднамеренных подтасовок, пропитанных ненавистью к исторической памяти России и российского народа. Достаточно сказать, что все без исключения материалы книги не содержат даже малейших намеков на что-то положительное в советской действительности – и этим все сказано.

Исследование советского политического языка Земцовым не ставило в качестве задачи выявления всех пластов советского языка, а «двойной угол зрения» призван, как солидаризируется Г.В. Осипов, «наглядно выявить противоречия между жизнью и языком». Если в таком подходе совершенно отсутствует научная задача исследования, то установка на политическую – налицо: использовать поданный именно в такой интерпретации советский политический язык в качестве «путеводителя» по советскому обществу. Поэтому он (Г.В. Осипов) открыто одобряет две поставленные И.Г. Земцовым цели: а) «предоставить ученым-политологам, политическим деятелям, журналистам и всем, кто интересуется изучением советского общества,

¹ См., например: Политическая энциклопедия. В 2 т. Руководитель научного проекта доктор политических наук Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 1999.

политический словарь, раскрывающий подлинное значение приведенных слов и словосочетаний (?!), а также в существенной мере механизм советской пропаганды»; б) «раскрыть – на основе истолкования некоторых единиц – политические, официальные, философские, этические и психологические аспекты советской реальности, завуалированные этим языком»¹.

Остается лишь добавить, что первоначально книга, идею которой автору подсказал президент США Р. Рейган, была издана (и переиздана) на Западе, стала своеобразным социально-лингвистическим феноменом в борьбе с «империей зла» и сыграла заметную роль в тотальном пропагандистском и информационном наступлении на СССР, особенно в период горбачевской перестройки. Нелучайно поэтому сам Рональд Рейган 6 июня 1985 года направил автору книги письмо, в котором, в частности, говорилось: «Я хотел бы выразить глубокую благодарность за Вашу книгу “Лексикон советского политического языка”, которую Вы презентовали мне. Это наиболее запоминающееся и интересное собрание понятий, которые, как я надеюсь, будут восприняты и осмыслены людьми свободного мира». В свою очередь, глава делегации США на переговорах о запрещении атомного и ракетного оружия Макс Капельман с восхищением отметил: «Очень интересная и познавательная книга... Она поможет нам в наших переговорах с Советским Союзом». А премьер-министр Израиля Менахем Бегин, ставший одним из самых первых читателей сочинения И. Земцова, отметил: «... Эта книга – чрезвычайно важная работа, и я надеюсь, что не только советологи смогут достойно оценить ее...»²

Отклики весьма показательны – их авторы политики, и говорят они о политике, причем конкретно – в контексте советологии; что же касается социологии, а книга заявлена как социологическая, то тут, как говорится, и конь не валялся. Остается лишь задаться вопросом: по каким соображениям возникла необходимость переиздания этой, казалось бы, отыгравшей свою партию в холодной войне книги в современной России. Ведь ныне не та формула жизни, которая характеризовала советский язык, а значит, и «Энциклопедия жизни» ныне иная. Но не тут-то было. Не является случайностью то, что версия книги И. Земцова на русском языке увидела свет в период очередной беспрецедентной борьбы определенных сил внутри страны с историческим наследием советского прошлого.

И в этих условиях прозвучала «озабоченность», что с развалом Советского Союза советский язык «не ушел из жизни и продолжает определять мысли и поведение людей на посткоммунистическом пространстве: их восприятие действительности, настрой чувств, нравственные предпочтения». И далее автор приведенных выше слов постулирует еще одно «открытие», претендующее на уровень доктринального: «Язык, сходный с советским, заявляет о себе в каждой стране, как только в ней начинается попирается и подавляться независимость и права человека»³ (подчеркнуто нами. – А.К.). Это так говорится уже о сегодняшнем дне. Как все-таки живуч дух оголтелой холодной войны!

¹ Осипов Г.В. Советский язык как формула жизни. В кн.: Земцов И.Г. Советский язык – энциклопедия жизни. М.: Вече, 2009. С. 12.

² См.: Земцов И.Г. Советский язык – энциклопедия жизни. М.: Вече, 2009. С. 3–4.

³ См.: Осипов Г.В. Советский язык как формула жизни. В кн.: Земцов И.Г. Советский язык – энциклопедия жизни. М.: Вече, 2009. С. 6, 7, 15.

По убеждению Г.В. Осипова, говоря его словами, выстроенный «незаурядным социолингвистом» «виртуозно исследованный лексикон»¹, «словно доброжелательный умелый психоаналитик, поможет людям преодолеть семантическое отчуждение советских словесных стереотипов и вернет их восприятие к общечеловеческим и социальным ценностям...»² (подчеркнуто нами. – А.К.). Посмотрим более конкретно, в чем же ценность «виртуозных» земцовских лексических построений советского политического языка. И сделаем это при одном принципиальном уточнении: термины, понятия и словосочетания, включенные в земцовскую «энциклопедию жизни», не поддаются какой-либо научно обоснованной классификации, такой, например, какая применяется то ли в специализированных энциклопедиях и словарях (у таких изданий свой пласт лексических единиц, характеризующийся с позиций определенной конкретной науки – политологии, социологии, философии и т.д.), то ли в общих, универсальных изданиях типа энциклопедического словаря, где свои критерии составления словника издания. У И. Земцова этого ничего нет. Его словник представляет набор произвольно надерганных лексем из разных сфер жизни – политики, идеологии, бытового общения и т.д., и т.п., но при непереносимом условии: насколько предоставляется возможным путем искажений, субъективистских интерпретаций, смещения акцентов, утонченной нюансировки и т.д. придать этим словам антисоветский, разоблачительный вектор.

Обратимся к конкретным фактам. Так, раскрывая содержание понятия «агрессия», И. Земцов демонстративно уходит от устоявшихся в международном сообществе определений этого термина, включая и международно-правовые документы, он не считает возможным назвать своими словами не только агрессию, например, США против Вьетнама, Кампучии, некоторых латиноамериканских стран, но и нападение фашистской Германии на Советский Союз. Наоборот, весь его интеллектуальный пафос направлен на доказательство агрессивности СССР, его «захватнической политики» на всех этапах его истории; у него, как говорится, перевернуты вверх дном вся предвоенная внешняя политика СССР и послевоенное мироустройство. И на этом фоне – миролюбивый, благодостный «демократический» Запад, но ни слова об агрессивной блоковой политике, об изменении политической карты Европы с использованием военной агрессии (Югославия, да и не только).

Причем агрессивный антисоветизм нередко граничит с неприкрытой политической провокацией. Известно, например, какую остроту в российско-японских отношениях приобрела проблема Курильских островов и Южного Сахалина. Всему миру известна и позиция по этому вопросу нынешнего российского руководства, отстаивающего национальные интересы России и выступающего против ревизии Второй мировой войны. Что же можно найти по этому вопросу в труде, идею которого автору подсказал американский президент Рейган и который (труд) получил самую восхитительную оценку российского академика? Для подтверждения тезиса о том, что «в ходе Второй мировой войны СССР стал всемирной империей» приводится чудовищный «аргумент» о том, что СССР «оккупировал Курильские острова и Южный

¹ См.: Осипов Г.В. Советский язык как формула жизни. В кн.: Земцов И.Г. Советский язык – энциклопедия жизни. М.: Вече, 2009. С. 6, 7.

² См.: Осипов Г.В. Советский язык как формула жизни. В кн.: Земцов И.Г. Советский язык – энциклопедия жизни. М.: Вече, 2009. С. 15.

Сахалин»¹. Тезис о «захвате» коммунистами после Второй мировой войны Курильских островов присутствует также в качестве «аргумента» в негативном контексте, характеризующим понятие «дружба народов».

Кроме того, возврат в состав Украины и Белоруссии захваченных в 20-е годы поляками Западной Украины и Западной Белоруссии назван советской «аннексией», а при упоминании о послевоенном мироустройстве акцент делается на том, что в сферу советского политического, экономического и социального влияния попали страны Восточной Европы и Юго-Восточной Азии, и ни слова о зонах влияния соперников СССР по антигитлеровской коалиции.

Содержание категории «антисоветизм» рассматривается суженно, урезанно, только как «идеология и деятельность, противоречащие интересам и целям советского руководства», а не всему «советскому» (в постсоветской России антисоветизм имеет место, хотя советского руководства уже давно нет). А определение И. Земцовым содержания словосочетания «борьба за мир» – один из злобных реликтов периода холодной войны: «форма советской политики, эксплуатирующая страх перед мировой войной в целях шантажа и вмешательства в дела независимых государств». При утверждении, что официально борьба за мир была провозглашена советским правительством в период холодной войны, история искажается до неузнаваемости. В таком случае куда же девались ленинский декрет о мире, предвоенное и послевоенное движение сторонников мира, миротворческие инициативы СССР в ООН? Кошунственно звучат утверждения о том, что с 50-х годов борьба за мир преследовала такие цели, как скрытие наращивания советского военного потенциала, провоцирование коммунистических настроений в «свободных странах», разжигание очагов войны в стратегически важных для Запада регионах. «Гвардейцы труда», – по И. Земцову, – это не те, кто удостоен этой чести за свой доблестный многолетний труд, а «советские трудящиеся, объявляемые (подчеркнуто нами. – А.К.) наиболее передовыми, сознательными, дисциплинированными представителями рабочего класса и крестьянства». Понятием «главарь» охватывается только государственный лидер или общественный деятель, «вызывающий неприятие советского руководства». А лидер банды? А нацистский руководитель, вызывавший «неприятие» не у советского руководства, а у жертв освенцимов, бухенвальдов? Почему же определение «главарь» не распространяется на этих лиц? Содержание широко употребляемого слова «доносительство» сведено только к форме «узаконенного и романтизированного предательства», выросшего из «мироощущения большевиков, которые, выработав в условиях подполья психологию “осадного положения” и “враждебного окружения”, придя к власти, перенесли его на общественную жизнь».

А понятие «дружба народов», имеющее общепланетарный гуманистический контекст, трактуется как «один из декларируемых принципов коммунистического интернационализма, противоречащий реальному политико-экономическому укладу советской жизни, ее духовным и нравственным основам». Лишено общелингвистического контекста и слово «зримый», который рассматривается только как «оценка политических, идеологических, социальных явлений советской действительности, которые представляются значительными, очевидными и бесспорными».

¹ Земцов И.Г. Советский язык – энциклопедия жизни. М.: Вече, 2009. С. 20.

Общелингвистического контекста лишено и понятие «мнения», которое в анализируемом труде квалифицируется как «тайные инструкции, негласные распоряжения партийных руководителей, не апеллирующие к закону и не опирающиеся на идеологию». И как не восхититься «научной фантастикой» автора, утверждающего, что о мнениях в СССР говорили «вполголоса, многозначительно, подобострастно и с оттенком загадочности, наделяя их (часто не без амбиций) мистическим смыслом». Понятие же «оголтелый» трактуется как «характеристика политики свободных стран и их государственных деятелей, неугодных советскому руководству»; отщепенец – человек, вступивший в борьбу с советской властью. Объявление же «поджигателями войны» государственных и политических деятелей, противодействующих советской экспансии, – типичный пример того, что в формальной логике называется подменой тезиса. Комментировать же определение понятия «прогрессивный» как «отвечающий советским интересам или коммунистическому мировоззрению» нет необходимости ввиду его абсолютно глупой интерпретации. «Решительный протест» рассматривается только как «категорическое возражение против действий или высказываний, затрагивающих советские интересы». Вопреки истине, «специальные школы» подаются не как специализированные по различным областям (музыкальные, художественные, математические и т.д.), а как «элитарные средние учебные заведения», то есть для детей начальства.

А вот как обходится И. Земцов с наполнением содержания понятий совершенно нейтральных в политическом отношении, причем не только из словарного фонда современного русского языка, но даже тех, которые В. Далем еще в XIX веке были включены в его «Толковый словарь живого великорусского языка». Приведем такие сравнения: а) слово «горизонт» у В. Даля означает окраину земной поверхности, круг наблюдателя, где примыкает небо; небосклон, кругозор, закат неба; у Земцова – это линия соприкосновения советской действительности с ее идеологическим представлением будущего (социального, научного, художественного); б) дисциплина: у В. Даля – послушание, порядок подчиненности, чинопочитание, воинское повиновение и др.; у И. Земцова – беспрекословное подчинение социалистическому правопорядку; в) достойный: у В. Даля – стоящий, заслуживающий, надлежащий, должный, приличный; у И. Земцова – универсальная характеристика явлений и людей, ценность, социальные позиции и поведение которых соответствуют требованиям коммунистической морали; г) душа: у В. Даля – бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею, в общем значении – человек с духом и телом, в более тесном – человек без плоти, бестелесный и др.; у И. Земцова – духовный мир человека, воспринимаемый сквозь призму коммунистического сознания; д) мудрый: у В. Даля – основанный на добре и истине, праведный, соединяющий в себе любовь и правду, в высшей степени разумный и благонамеренный; у И. Земцова – «постоянное определение коммунистических руководителей и их политики»; е) небывалый: у В. Даля – новый, впервые виденный; у И. Земцова – широко распространенное определение, подчеркивающее «исключительность» всего, что происходило в советской действительности.

В то же время в энциклопедии, по Осипову, «виртуозного» социолингвиста не нашлось места для многих лексических единиц, без которых вообще невозможно представить советский политический язык: антигитлеровская коалиция, День Победы, космонавт, народовластие, Герой Советского Союза, Герой Социалистического Тру-

да, антимилитаризм, безопасность, благотворительность, благосостояние, блоковая политика, политическое бытие, диалог, гражданственность, вестернизация, многополюсное мироустройство, власть (государственная, законодательная, исполнительная, судебная, местная), гражданский долг, качество жизни, национализм, паксология, пацифизм, права человека – все это незначительная частичка не вошедшего в «Энциклопедию жизни» И. Земцова словарного фонда советского политического языка.

Итак, предложенная И. Земцовым трактовка советского политического языка, как и концепция некоторых историков о советском периоде России как «исторической дыре», органично вписывается в беспрецедентно широкую кампанию внутренних и внешних антиросийских сил по дискредитации духовного и интеллектуального наследия народа, фальсификации его идентификационных характеристик. Цель проникновения в подсознание человека при помощи лексем и фразеологизмов с измененным или «откорректированным содержанием» – навязывание советолого-фальсификаторского постулата о том, что «советский язык не выражал мысли – он делал ее выявление невозможным»¹ и что он (этот язык) формировался идеологией вымысла, выдаваемого за действительность, и самой действительности, которая подается под прикрытием вымысла.

Современная совершающаяся антисоветская социолингвистическая «гимнастика», как и ущербное законотворчество в ряде стран постсоветского пространства, определяющее статус русского языка как языка нацменьшинств, четко вписываются в историческую канву злонамеренных акций по фальсификации цивилизаторской роли русского языка, его гуманистических функций, наконец, его вклада в развитие международного межкультурного диалога. Напомним о некоторых страницах этой печальной летописи. Например, на VII Всемирном конгрессе социологов в Варне (1970) предметом острых дискуссий стал труд некоего Элиота Р. Гудмана «Мировое государство и мировой язык», в котором он, извращая цели и задачи создания письменности для ранее бесписьменных народов СССР, назвал это «русификацией» языков в Советском Союзе. Можно вспомнить и о давно покрывшемся архивной пылью десятке томов нашумевших процессов начала XX века – так называемых венских русских процессов. На скамье подсудимых в Австро-Венгрии оказался тогда... русский язык. Да, именно русский язык и люди, наши соотечественники, которые на нем говорили. «Первый венский русский процесс» с семью смертными приговорами, как писали современники, был точной копией с бесчисленного количества других подобных дел.

В этой летописи – и языковые войны в период горбачевской перестройки. В новых исторических условиях, когда обострение межнациональных отношений выросло в самую большую опасность перестройки, язык опять оказался на скамье подсудимых. Языковое строительство превратилось в то время из чисто академической проблемы в острейшую политическую и законотворческую. Проблема языка переместилась в эпицентр социального противостояния, на свое вооружение ее взяли фактически все фронты в национальных республиках, она стала предметом самых ожесточенных споров на съезде народных депутатов и в парламентах – союзном и республиканских. Именно в это время набирали стремительную силу два процесса,

¹ См.: Земцов И.Г. Советский язык – энциклопедия жизни. М.: Вече, 2009. С. 5.

которые по гуманистическим цивилизованным меркам должны были бы исключать друг друга, но которые в условиях тотального разрушения всего и вся не только взаимно переплетались, но часто и питали друг друга. Первая тенденция – утверждение исторического права людей возродить свои языки, возвысить их историческую роль в становлении новой государственности, формировании национального самосознания, духовности каждого народа. Ведь язык – одна из основ, один из корней духовной культуры, потерять его – значит потерять нацию с ее неповторимым своеобразием. И хорошо, что тогда митинговые лозунги-требования пересмотра языковой политики, написанные на знаменах многих народных движений, довольно быстро из элементов уличной демократии начали переплавляться в законодательных органах в правовые акты, а сам процесс языкового строительства в государственно-правовую основу.

Но наряду с этим набирала силу и другая тенденция – пышным цветом разрасталась языковая нетерпимость, перерастающая в настоящий «лингвицид». Этот перестроечный феномен в условиях существования уже самостоятельных государств, как бульдозер, раздавливал людские души, отравлял человеческий мозг, придавал развитию межнациональных отношений новый, невиданный виток махрового национализма, который стал сродни апартеиду. Именно языковой фактор в таких случаях становился определяющим для того, чтобы считаться человеку «гражданином» или «мигрантом», иметь выборное право или лишаться его, получить достойную конкретного человека работу или довольствоваться ожиданиями услуг биржи труда – и только потому, что ты не коренной житель. Пламя этого языкового костра коснулось и детских душ, причем не только в школе, но и в детском садике...

На вопрос же «был ли советский политический язык?» ответ, на наш взгляд, может быть только положительным. Да он не только был, он вошел в историю как один из ключевых элементов советской цивилизации. Только не в том виде и не в той разоблачительно-антисоветской упаковке, в которой его подает И. Земцов, опекаемый высоким академическим авторитетом.

Уместно в связи с этим сослаться на неологизм «русский языковой союз», принадлежащий академику АН СССР О.Н. Трубачеву – выдающемуся русскому ученому-слависту, настоящему патриоту, родившемуся на Украине и получившему самое высокое академическое звание в Москве, в Институте русского языка. Идею о русском языковом союзе Олег Николаевич впервые публично высказал на страницах газеты «Правда» в 1971 году, а со временем эта одна из принципиальных позиций была детально разработана в его книге «В поисках единства». Трубачев подчеркивал: «Ни одна подлинно великая страна не кончается там, где кончается ее территория. Значительно дальше простирается влияние культуры великой страны, и это влияние идет практически всегда через ее язык»¹. О русском языковом союзе он писал так: «...крушение материального Союза ССР не означает полного и бесповоротного его крушения, ибо последнее, смею надеяться, все же не затронуло лучшую, в полном смысле слова нетленную часть нашего Союза, о которой я имею кое-что сказать уже профессионально как языковед, ибо это языковой Союз, Русский языковой Союз»²

¹ См.: Наталья Масленникова. Где сокровище ваше – там и сердце ваше / Литературная газета. № 44–45 (6531). 12–18 ноября 2015 г. С. 11.

² См.: Литературная газета. № 52 (6398). 26–31 декабря 2012 г. С. 3.

(подчеркнуто нами. – А.К.). Русский языковой союз – это и сегодняшняя могучая духовная скрепа, собирающая воедино для общего созидательного труда не только русских людей, но и всех на Руси и за ее пределами, кто любит русскую речь, красоту и благородство русской литературной классики.

Вспомним и 1945 год, когда «советский политический язык» стал одним из основных языков созданной Организации Объединенных Наций, а чуть позже он приобрел такой же статус и в ЮНЕСКО. Став в те годы официальным и рабочим языком международного политического, дипломатического, научного и культурного общения (наряду с английским, арабским, испанским, китайским и французским языками), он остается таковым и сегодня в соответствии с правовой преемственностью между СССР и Российской Федерацией. Более того, политический язык – это государственный язык, следовательно, он не только язык межнационального общения, но и язык всех юридических и финансовых документов, правовых международных и социальных актов.

И какой же убогой выглядит агрессивность «хуторянского» права и «хуторянской» политики, когда правительство некоторых современных претендующих на «образцовую демократичность» стран объявляют русский язык языком национальных меньшинств. Это один из чудовищных анахронизмов XXI века, процветающий с молчаливого согласия гуманитарных структур ООН, ЮНЕСКО, национальных правительств. Языки ООН и ЮНЕСКО – это общецивилизационное достояние, и такой их статус должен обеспечиваться как международными правовыми ресурсами (принятие ООН соответствующих деклараций, резолюций и т.д.), так и практическими делами всего международного сообщества, особенно национальных правительств.

В заключение остается возвратиться к началу этого параграфа, где советский политический язык характеризуется как язык-агрессор, как «лингвистическая маска», и сравнить это с позицией О.Н. Трубачева о русском языковом союзе. Какая пропасть разделяет эти две позиции! Какое разное понимание интеллектуальных и духовных ценностей России, накопленных ею в действительно драматическом социально-политическом водовороте! И такое происходит в одном и том же научном (академическом!) сообществе! O tempora, o mores!

§5. «Поза обиженного человека»?

Слова, вынесенные в заголовок этого параграфа, – о Ю.А. Леваде, принадлежат они Г.В. Осипову и сказаны в связи с тем, что Юрий Александрович якобы недооценил осиповские усилия по его «спасению» в условиях разгоревшегося дела Левады, которое приравнивается к одному из первых «разгромов» социологии. Из материалов, опубликованных в постсоветское время, то есть через несколько десятилетий после самого события, когда, казалось бы, все покрылось пылью, а многие участники событий ушли из жизни, развернулась захватывающая дух картина противостояния между силами «добра» и «зла» в философско-социологическом сообществе, так сказать – между мрачными консервативно-догматическими силами в общественных науках и «прометеями»-первопроходцами, жертвующими собой в борьбе за утверждение научной истины.

Сказанное в данном случае касается расстановки сил и особенно позиций, которые были заняты участниками социологических баталий на двух событиях – ставшем и ныне остающимся таким же резонансным двухдневном объединенном заседании кафедр философии Академии общественных наук и Высшей партийной школы при ЦК КПСС (проходило 20–21 ноября 1969 года в Академии общественных наук при ЦК КПСС) и фактически преданным забвению, но имеющим не меньшее значение для правильного понимания сложившейся тогда ситуации заседании партийного бюро ИКСИ АН СССР 9 декабря 1969 года, на котором слушался вопрос «Об ошибках секретаря партбюро ИКСИ Ю.А. Левады в “Лекциях по социологии”».

К сожалению, ответ на поставленный Г.В. Осиповым вопрос «как это было на самом деле» требует, на наш взгляд, если и не добавления к провозглашенной формуле частицы «не» (что звучало бы – «как это не было на самом деле»), то в крайнем случае приведения в строгое соответствие фактологического материала о дискуссии в Академии общественных наук и партбюро ИКСИ АН СССР с нынешними постсоветскими интерпретациями этих событий.

Так, на основе утверждений Г.В. Осипова можно сделать вывод о том, что действующие лица этого мероприятия, названного им «разгромом», как бы составляли треугольник, в котором одной стороной был критикуемый автор лекций по социологии, второй стороной – ортодоксальные философы-истматчики, в числе которых «главные ревнители партийной чистоты»¹ (о какой «партийной чистоте» идет речь, непонятно. – А.К.) Ф.Н. Константинов, Х.Н. Момджян и Ц.А. Степанян; и третья сторона, олицетворяемая прежде всего лично самим Г.В. Осиповым, – «бескомпромиссные борцы» с историческим материализмом, героические защитники Юрия Александровича. Как пишет Г.В. Осипов, «погром» начинался с того, что «выступающие стараются перещеголять друг друга в злобных нападках на автора, благо о социологии они серьезного представления не имеют»² (подчеркнутые нами слова – прием примитивного журнализма, ничего общего не имеющего с культурой полемики, диалога в серьезном научном сообществе. – А.К.)

Ну а дальше – настоящий социологический детектив, и, чтобы сохранить всю «экзотику» события, дословно процитируем Г.В. Осипова:

«Ф.В. Константинов патетически восклицает: “Какую пользу эта книга (имеются в виду лекции Ю.А. Левады. – А.К.) может принести борьбе рабочего класса Латинской Америки против засилья империализма?” Тут я (то есть Г.В. Осипов) не выдержал: “А какое значение, Федор Васильевич, ваш “Исторический материализм” имеет в борьбе рабочего класса за свержение существующего капиталистического строя?” Молчание. Ф.В. Константинов буквально с кулаками набрасывается на меня. И.Д. Панцхава с трудом разнимает нас»³ (подчеркнуто нами. – А.К.)

Нам не хотелось бы говорить о том, в каком глупом и неприглядном свете Г.В. Осипов стремится представить Ф.В. Константинова, воздержимся также и от комментариев о самом «кулачном социологическом диалоге»: если кто-то поверит, что это могло произойти между шестидесятивосьмилетним академиком и сорокалетним

¹ См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 528.

² См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 528.

³ См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 528–529.

замдиректора академического института, – дело личное. В данном случае важно другое: стремление Г.В. Осипова продемонстрировать читателю его неодолимую страсть бороться не только с историческим материализмом как теорией, но и с ее конкретными носителями, причем с использованием даже приемов кулачного боя. Эта констатация крайне важна для дальнейшего изложения рассказа о развернувшейся дискуссии, и главное – для поиска ответа на вопрос: так все-таки как же «это было на самом деле»?

Заявление, сделанное Г.В. Осиповым в постсоветское время, в котором он назвал себя «основным докладчиком» на этом мероприятии (в действительности же на этом совещании ему была отведена роль не «основного докладчика», а одного из руководителей института, который должен был объяснить присутствующим причину допущенных институтом недостатков) и объявил, что он как социолог и председатель ССА бросил вызов философу-академику Ф.В. Константинову¹, – ложь, как говорится, чистейшей воды. После краткого вступительного слова Х.Н. Момджяна и информации автора «Лекций по социологии» Ю.А. Левады первым, выражаясь терминологией Г.В. Осипова, «погромщиком» выступил Ф.М. Бурлацкий – заместитель директора Института конкретных социальных исследований АН СССР, который (институт) наряду с Научным советом АН СССР по проблемам конкретных социальных исследований и Советской социологической ассоциацией был ответственным за публикацию лекций в «Информационном бюллетене».

Для присутствующих в зале крайне важным было узнать мнение одного из руководителей института, коллеги автора лекций не только о том, как были опубликованы лекции, но и как они готовились в институте – рецензирование, обсуждение, рекомендация в установленном порядке к печати, словом, какова ответственность дирекции за допущенные просчеты. Что же услышали участники дискуссии? Сказав, что во время обсуждения лекций Ю.А. Левады в рамках Социологической ассоциации «амплитуда оценок была довольно широкой», оратор заявил: «Наше мнение (надо полагать – не только его личное, но и руководства института) такое: работа Левады – это первая, весьма несовершенная попытка изложения социологической теории среднего уровня, она фрагментарная, в ней опущены многие важные проблемы и разделы социологической теории, без которых трудно говорить о едином курсе» (подчеркнуто нами. – А.К.). Далее он продолжил, что лекции Ю.А. Левады «мы рассматриваем как повод для серьезного разговора о назревшей потребности усилить вооружение социологии марксистской методологией и методикой».

Вывод – указанные лекции написаны «без учета всей сложности и остроты идеологической борьбы на современном этапе, им свойственен абстрактный подход к анализу социальной действительности, известная оторванность от тех реальных проблем и процессов, которые характеризуют наше социальное развитие»². Налицо – признание допущенных в лекциях методологических и методических просчетов, гимн диалектическому и историческому материализму как единственной (!) методологической базе всех (!) общественных наук на любом (!) уровне познания, и в заключение выступления – пожелание в перспективе обсуждать такие работы в ши-

¹ См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 533.

² См.: Козловский В. Е., Сычев Ю.А. Обсуждение курса лекций Ю.А. Левады по социологии // Философские науки. Научные доклады высшей школы. 1970, № 3. С. 178.

роком кругу, что уж никак не вяжется с распространенной позже версией «погрома» социологической науки на дискуссии в Академии общественных наук при ЦК КПСС.

Нарушив очередность выступлений, предоставим слово другим коллегам Ю.А. Левады по институту, поскольку это поможет разобраться с «погромщиками» – как внешними, то есть неинститутскими, так и внутренними, то есть из ИКСИ. Мнение Г.В. Осипова, выступившего в качестве еще одного замдиректора института и председателя Советской социологической ассоциации, однозначно: лекции Ю.А. Левады «незрелы, не отражают уровня развития социологической мысли в стране и не характеризуют содержание работы института»¹. Дискуссия в АОН – «весьма плодотворна» (позже, в постсоветское время, именно Г.В. Осиповым она будет названа «погромом», «делом Левады»). Он выразил удовлетворение тем, что в дискуссии «участвуют представители различных областей марксистской социологической науки в широком смысле слова: исторического материализма, научного коммунизма и конкретных социальных исследований» и что «сейчас почти все признают необходимость развития социологии как марксистско-ленинской науки об обществе, которая разрабатывается на трех основных уровнях социологических исследований при неперемennom условии, что исторический материализм является единственно научной общесоциологической теорией и методологией социологии (подчеркнуто нами. – А.К.), но нельзя свести все социологическое знание только к историческому материализму: имеется уровень специфических теорий и уровень эмпирических обобщений»².

При этом оратор посетовал на то, что лекции Ю.А. Левады, как и некоторые работы в области исторического материализма, страдают тем недостатком, что отправным пунктом исследования берутся абстрактные понятия; в них отсутствует содержательный анализ социальной действительности³. Прозвучал упрек и о том, что Ю.А. Левада сделал «неудачную попытку расширить понятийный аппарат нашей социологии», что он хотел этого добиться «не на основе обобщения результатов конкретных социальных исследований», хуже того, «часть понятий он не всегда критически и не всегда удачно берет из буржуазной социологии. В результате – теоретизирование, нет опоры на систему фактов»⁴. В заключение своего выступления Г.В. Осипов заверил присутствующих в том, что итоги данной дискуссии будут проанализированы на заседании дирекции для принятия соответствующего решения.

А теперь можно сравнить сделанные выше заявления Г.В. Осипова на дискуссии АОН в ноябре 1969 года о значении исторического материализма как единственно научной общесоциальной теории и такой же единственной методологической базы всех общественных наук, причем «на любом уровне познания», с тем, как он почти через четыре десятка лет, сделав в оценке своей же позиции в той дискуссии разворот на сто восемьдесят градусов, представил дискуссию с Ф.В. Константиновым в

¹ См.: Козловский В.Е., Сычев Ю.А. Обсуждение курса лекций Ю.А. Левады по социологии // Философские науки. Научные доклады высшей школы. 1970, № 3. С. 183.

² См.: Козловский В.Е., Сычев Ю.А. Обсуждение курса лекций Ю.А. Левады по социологии // Философские науки. Научные доклады высшей школы. 1970, № 3. С. 183.

³ См.: Козловский В.Е., Сычев Ю.А. Обсуждение курса лекций Ю.А. Левады по социологии // Философские науки. Научные доклады высшей школы. 1970, № 3. С. 183.

⁴ См.: Козловский В.Е., Сычев Ю.А. Обсуждение курса лекций Ю.А. Левады по социологии // Философские науки. Научные доклады высшей школы. 1970, № 3. С. 183.

жанре «кулачного боя» из-за разного понимания ими именно роли исторического материализма в развитии социологической науки. По новому, сочиненному уже в постсоветское время сценарию, «солидаристы» на дискуссии в АОН превратились в настолько непримиримых антагонистов, что для выяснения истины им пришлось прибегнуть к чуждому научному сообществу способу диалога – кулачному бою. И автор этой легенды рассчитывает на простаков, которые в нее поверят?

Что же говорили другие участники дискуссии? Доктор философских наук В.Н. Шубкин (Институт конкретных социальных исследований АН СССР) главным недостатком «Лекций» назвал то, что в них нет методологического введения, раскрытия структуры, методики и техники социологического исследовательского процесса, отсутствуют многие важные разделы социологической науки. В отличие от некоторых ораторов, он отметил и ряд положительных моментов в лекциях Ю.А. Левады.

Завсектором Института конкретных социальных исследований Ю.Н. Семенов остановился прежде всего на, с его точки зрения, положительных сторонах лекций, отметив, что они сыграли свою роль на пути к созданию полноценного учебника по марксистско-ленинской социологии, что в лекциях много сделано для разработки и введения нового понятийного аппарата в конкретной социологии, использования результатов западной эмпирической социологии. К существенным недостаткам работы Ю.А. Левады он отнес просчеты структурного плана и, прежде всего, отсутствие главы об историческом материализме как общесоциологической теории и раскрытие противоположности буржуазной и марксистской социологии, упрощенное изображение первобытного общества и преувеличение застойности добуржуазных обществ, абсолютизацию процессов конформизма и шаблонизации личности в современном обществе¹.

Согласившись с некоторыми замечаниями по «Лекциям» Ю.А. Левады, доктор философских наук Б.А. Грушин, в отличие от своих институтских руководителей Г.В. Осипова и Ф.М. Бурлацкого, стал активно защищать своего коллегу, считая, что критикующие упускают из виду тот факт, что автор «взял на себя смелость удовлетворить острую потребность в развитии системы категорий для социальных исследований»². «Стоять в стороне, – заявил он, – бесспорно безопаснее, но необходимо действительно обеспечить поступательное движение конкретной социологической науки и марксистской теории, даже если при этом и предполагается, что результаты работы будут подвергнуты критике»³.

В начале своего выступления кандидат философских наук В.В. Колбановский (Институт конкретных социальных исследований) назвал два критерия, по которым, по его мнению, должна оцениваться работа по социологии: какому уровню социального знания она соответствует и какое место занимает в конкретных социологических исследованиях. На его взгляд, «Лекции» Ю.А. Левады соответствуют этим двум критериям. Свое мнение о прозвучавшем на дискуссии высказывании, что «марксистской общесоциологической теорией является исторический материализм, и всякий,

¹ См.: Козловский В.Е., Сычев Ю.А. Обсуждение курса лекций Ю.А. Левады по социологии // Философские науки. Научные доклады высшей школы. 1970, № 3. С. 181.

² См.: Козловский В.Е., Сычев Ю.А. Обсуждение курса лекций Ю.А. Левады по социологии // Философские науки. Научные доклады высшей школы. 1970, № 3. С. 182.

³ См.: Козловский В.Е., Сычев Ю.А. Обсуждение курса лекций Ю.А. Левады по социологии // Философские науки. Научные доклады высшей школы. 1970, № 3. С. 182.

кто от этого величайшего завоевания научной мысли отойдет, не будет применять его как исходную базу для своей работы, тот явится ретроградом»¹ он сформулировал так: «Спор должен идти не по вопросу о том, от какой общесоциологической теории мы отправляемся, а о том, какой должна быть специальная социологическая теория»². Отсутствие критических замечаний в адрес «Лекций» Ю.А. Левады со стороны В.В. Колбановского дало повод авторам опубликованных по итогам дискуссии материалов предъявить ему такие претензии: «Необходимо отметить, что можно было бы ожидать от В.В. Колбановского как ответственного редактора выпусков «Информационного бюллетеня» более обстоятельного и самокритичного анализа причин методологических и теоретических изъянов и ошибок, допущенных в «Лекциях» Ю.А. Левады»³.

Высоким уровнем критицизма, в ряде случаев с довольно односторонним перефразированием, отличались выступления ораторов, не представлявших Институт конкретных исследований: Г.Е. Глезерман (АОН), А.А. Амвросов (ВПШ), И.А. Крывелев (Институт этнографии АН СССР), М.В. Яковлев (АОН), Г.М. Гак (АОН), П.С. Черемных (АОН), С.И. Попов (ВПШ), Ф.В. Константинов, Л.А. Гордон (Институт международного рабочего движения), М.А. Процько (АОН), Ц.А. Степанян, Е.Д. Морджинская, Х.Н. Момджян⁴.

Выступивший с заключительным словом Х.Н. Момджян указал, прежде всего, на такие, по его мнению, «основные пороки» «Лекций» Ю.А. Левады: попытка сконструировать социологию, стоящую над классами; отсутствие деления социологии по классовому признаку и невозможность найти понятия и термины «буржуазная социология», «марксистская социология», «материалистическая социология», «идеалистическая социология» и т.п.; социология, возвышенная «над формациями и классиками» и, по сути, «нейтральная к классовый борьбе, борьбе идеологий»⁵; претензии (несмотря на то, что социология названа как будто эмпирической) на самые широкие философские обобщения, не укладывающиеся в рамки эмпирического знания; уравнение в правах по научной значимости буржуазной и марксистской социологии и отнесение к научной социологии на первом этапе ее развития как возникновение материалистического понимания истории, так и появление научной программы социологов-позитивистов О. Конта и Г. Спенсера, а также якобы признание марксизма «убежденными врагами марксизма» Э. Дюркгеймом и М. Вебером (что объективно означало бы соединение марксистской и буржуазной социологии); отсутствие раскрытия внутренней связи между социологией и философией.

Ю.А. Леваде поставлено в упрек и то, что он не упоминает о производительных силах и производственных отношениях, историческом определении способа произ-

¹ См.: Козловский В.Е., Сычев Ю.А. Обсуждение курса лекций Ю.А. Левады по социологии // Философские науки. Научные доклады высшей школы. 1970, № 3. С. 182.

² См.: Козловский В.Е., Сычев Ю.А. Обсуждение курса лекций Ю.А. Левады по социологии // Философские науки. Научные доклады высшей школы. 1970, № 3. С. 182.

³ См.: Козловский В.Е., Сычев Ю.А. Обсуждение курса лекций Ю.А. Левады по социологии // Философские науки. Научные доклады высшей школы. 1970, № 3. С. 182.

⁴ См.: Козловский В.Е., Сычев Ю.А. Обсуждение курса лекций Ю.А. Левады по социологии // Философские науки. Научные доклады высшей школы. 1970, № 3. С. 178–185.

⁵ См.: Козловский В.Е., Сычев Ю.А. Обсуждение курса лекций Ю.А. Левады по социологии // Философские науки. Научные доклады высшей школы. 1970, № 3. С. 182.

водства, о базисе и надстройке, общественно-экономической формации, стремясь оперировать при этом, как считает Х.Н. Момджян, более модными определениями и прослыть «независимым» мыслителем-новатором, предлагающим свои дефиниции¹.

По мнению Х.Н. Момджяна, слова Ю.А. Левады о том, что «фундаментальная особенность общества заключается в обеспечении преемственности организации»², означают, что не труд, не общественное производство характеризуют общество, а обеспечение преемственности, и по этой логике «сначала существует человек, а потом возникает общественный человек, озабоченный мыслью хранить и передавать информацию»³. Что касается трактовки проблем личности, то Ю.А. Леваде в упрек поставлено то, что он отказывается от известного определения сущности человека как совокупности общественных отношений и превращает личность в нечто стоящее над обществом. Подвергнуты критике утверждения о том, что «человек глубже и сложнее, чем наличное общество», что «человеческое общество глупее, чем отдельный человек» и что «объем памяти у общества меньше, чем у отдельного человека»⁴. Неприемлемым названо объяснение устойчивости малых групп не столько действием более широких социальных связей, сколько спецификой межличностных отношений.

Упрек Х.Н. Момджяна о том, что в центре внимания «Лекций» оказались механизмы внутригрупповых отношений, межиндивидуальные отношения людей при нераскрытии связи и детерминированности этих отношений классовыми условиями существования, сочетается с признанием того, что «никто не склонен все многообразие позиций людей, их ценностных ориентаций механически выводить только из их классовой принадлежности. Это упрощало бы действительное содержание человеческих взаимоотношений»⁵. Как заявил Х.Н. Момджян, выпадение из поля зрения Ю.А. Левады материальных общественных отношений приводит его к утверждению, что группа представляет индивиду свои нормы поведения и социальные роли, а это приводит к тому, что у него общество предстает как совокупность ролей, которые должен играть человек, как список действующих лиц некоей пьесы. В заключение последовал вывод Х.Н. Момджяна – резкий и однозначный: идеи Ю.А. Левады «ошибочные» и «порочные», и они «должны быть подвергнуты серьезной и обстоятельной критике»⁶.

Вот такими были выступления оппонентов Ю.А. Левады на дискуссии в АОН. Излагая их содержание, мы сознательно ушли от их комментария (даже при наличии в этих выступлениях экзотичных по сегодняшним меркам элементов-формулиро-

¹ См.: Козловский В.Е., Сычев Ю.А. Обсуждение курса лекций Ю.А. Левады по социологии // *Философские науки. Научные доклады высшей школы.* 1970, № 3. С. 184.

² См.: Козловский В.Е., Сычев Ю.А. Обсуждение курса лекций Ю.А. Левады по социологии // *Философские науки. Научные доклады высшей школы.* 1970, № 3. С. 184.

³ См.: Козловский В.Е., Сычев Ю.А. Обсуждение курса лекций Ю.А. Левады по социологии // *Философские науки. Научные доклады высшей школы.* 1970, № 3. С. 184.

⁴ См.: Козловский В.Е., Сычев Ю.А. Обсуждение курса лекций Ю.А. Левады по социологии // *Философские науки. Научные доклады высшей школы.* 1970, № 3. С. 184.

⁵ См.: Козловский В.Е., Сычев Ю.А. Обсуждение курса лекций Ю.А. Левады по социологии // *Философские науки. Научные доклады высшей школы.* 1970, № 3. С. 185.

⁶ См.: Козловский В.Е., Сычев Ю.А. Обсуждение курса лекций Ю.А. Левады по социологии // *Философские науки. Научные доклады высшей школы.* 1970, № 3. С. 185.

вок, понятий, методологических приемов и т.д.) с единственной целью – максимально сохранить их документальную точность, показать, «как это было на самом деле». Как к этому относиться сегодня – другой вопрос. Обратим внимание только на одно чрезвычайно важное обстоятельство: использованный нами отчетный материал об обсуждении курса лекций Ю.А. Левады по социологии, опубликованный в «Философских науках», дает представление о содержании выступлений, перечне поднятых проблем и их комментариев, сути критических замечаний в адрес автора лекций, что дает возможность конкретно почувствовать, «как это было на самом деле». Однако этого нельзя сказать о выступлении самого «виновника» мероприятия – Ю.А. Левады, что является, без всякого сомнения, ключевым моментом дискуссии. Его выступлению авторы «Философских наук» посвятили дежурные девять строчек, дабы обозначить, что такое событие имело место. Вот и все. Таким образом, наличие опубликованной информации о содержании выступлений оппонентов Ю.А. Левады и отсутствие сведений о том, что же конкретно (и во всем объеме) говорил сам Юрий Александрович, – все это породило ситуацию, когда продолжительное время (вплоть до постсоветского периода) продолжавшиеся дискуссии вокруг «Лекций» проходили в духе известной формулы «не читали, но свое мнение высказали».

Этот информационный вакуум удалось заполнить лишь тогда, когда Институт социологии РАН издал книгу воспоминаний и документов о российской социологии шестидесятых годов, в которой содержатся как документы о деле Левады, так и воспоминания самого Юрия Александровича, особенно выдержки из его выступления на объединенном заседании кафедр в АОН (представлены Н.И. Лапиным из его личного архива)¹. Неоценимым источником стали публикации Ю.А. Левады в научных журналах, в частности, его интервью «Социологическому журналу»² и комментарии к этому интервью известных российских социологов, хорошо знавших Юрия Александровича и работавших с ним³. Большую ценность представляет полуторачасовое интервью с Ю.А. Левадой, подготовленное профессором кафедры социологии Университета Невады (Лас-Вегас), директором Центра демократической культуры Д.И. Шалиным в рамках онлайн-проекта «Международная биографическая инициатива» (МБИ)⁴. К сожалению, направленная стенограмма дискуссии в АОН до сих пор остается достоянием только архива⁵. Самой высокой похвалы заслуживает Институт социально-политических исследований, издавший «Лекции»⁶.

Так о чем же говорил Ю.А. Левада в АОН? Ведь уже к моменту дискуссии вокруг «Лекций» кипели такие страсти, что легко было сбиться на скандальный тон, на своеобразную разборку. Ситуация для Юрия Александровича была мало сказать острой – критической. Тем не менее в своем выступлении он не концентрировался на своей персоне, а предстал перед участниками дискуссии человеком, оценивающим создав-

¹ Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999.

² Левада Ю.А. Я считал, что было бы неестественно вести себя как-то иначе // Социологический журнал. 2008, № 1. С. 155–174.

³ См.: Социологический журнал. 2008, № 2.

⁴ См.: Шалин Д.Н. Человек общественный: Гарвардское интервью с Юрием Левадой // Социологический журнал. 2008, № 1. С. 126–154.

⁵ РИХИДН И. Ф. 606. Оп. 1. Д. 513, 514.

⁶ Левада Ю.А. Лекции по социологии. Семенов Ю.Н. Киноискусство и массовая аудитория. М.: Вече, 2008. С. 11–216.

шуюся ситуацию с широкими позиций – научных, общественно-политических, человеческих. Как позже отметил Д.Н. Шалин, «это историческое событие, и распределение ролей между его участниками заслуживает детального социологического анализа»¹. Как выполнили свою роль находившиеся в зале оппоненты Ю.А. Левады, мы рассказали выше. Что же касается «обвиняемого», то он был предельно четким во всех элементах дискуссии: в оценке критики в свой адрес, в прояснении своих научных позиций по проблемам, оказавшимся в эпицентре полемики, в признании ошибок и просчетов, допущенных им на этапе подготовки «Лекций», их чтения в МГУ и особенно после их публикации.

Перед тем как ответить на критические замечания, он заявил, что об уровне критики можно судить по нескольким критериям: 1) по ее компетентности (противное – некомпетентности), 2) по ее обоснованности (или поспешности), 3) по ее непредвзятости (противное самоочевидно)². И для него, как для социолога, всякий тип критики, в том числе и обозначенный выше, – это «интересный и поучительный феномен», даже несмотря на то, что на дискуссию в зале «с самого ее начала, с первого дня, повлияли некоторые совершенно посторонние научной атмосфере элементы, налет какого-то сенсационного разоблачительства», который сказался в ряде выступлений³. В связи с этим он отмечал, что «в целом дискуссия... содержит много интересного и поучительного. Если бы ее записать и издать, распространить, получился бы ценный материал в помощь изучающим проблемы социологии, может быть, он вызвал бы не меньший интерес, чем “Лекции”»⁴. Говоря же о своем личном отношении к критическим замечаниям, он заявил о разграничении их (критических замечаний) на: а) квалифицированную, деловую, содержательную критику, с которой тоже не всегда можно согласиться сразу, но которую надо учитывать и обдумывать, и б) порой осторожные по форме, а порой и крайне резкие упреки в идеологических и едва ли не политических срывах, которые, как считает Ю.А. Левада, ему «приписывали, без должного обоснования, некоторые оппоненты»⁵. При этом он отметил, что на деловую критику отвечать «приятнее, хотя и труднее», и труднее потому, что отвечать надо конкретными делами. Что же касается бесосновательных упреков, то он «как ученый и как коммунист» не намерен их обходить молчанием, так как, по его мнению, они иногда «основывались на недоумениях» и иногда «превращались в совершенно недостойные».

Принципиальное значение имеют уточнения Ю.А. Левадой вызвавших дискуссию теоретических проблем. Прежде всего – о соотношении социологии как эмпи-

¹ См.: Шалин Д.Н. Человек общественный: Гарвардское интервью с Юрием Левадой // Социологический журнал. 2008, № 1. С. 130.

² Из выступления Ю.А. Левады на объединенном заседании кафедр философии Академии общественных наук ЦК КПСС и Высшей партийной школы при ЦК КПСС. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 486.

³ Из выступления Ю.А. Левады на объединенном заседании кафедр философии Академии общественных наук ЦК КПСС и Высшей партийной школы при ЦК КПСС. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 486.

⁴ Из выступления Ю.А. Левады на объединенном заседании кафедр философии Академии общественных наук ЦК КПСС и Высшей партийной школы при ЦК КПСС. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 485.

⁵ Из выступления Ю.А. Левады на объединенном заседании кафедр философии Академии общественных наук ЦК КПСС и Высшей партийной школы при ЦК КПСС. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 486.

рической, конкретной дисциплины и исторического материализма. Его позиция: действительно, в «Лекциях» об этом сказано мало; в конкретных исследованиях не всегда можно непосредственно применять категории исторического материализма; в рамках разного типа специально-социологических теорий (иногда называемых теориями среднего уровня) нужна специфическая разработка категориального и понятийного аппарата. Касаясь содержания термина «теории среднего уровня» он, сделав оговорку, что это термин, «придуманый для иных задач», отнес его к тем видам социологической работы, которые «занимают как бы промежуточное место между социально-философскими обобщениями исторического материализма и собственно эмпирическими исследованиями»¹. На этом основании он, называя исторический материализм «фундаментом», обращает внимание на то, что на фундаменте «надо строить здание, наподобие того, как строятся целые кварталы зданий исторических, юридических, экономических и прочих наук», так как «на одном “фундаменте” жить нельзя, да и сам он, без “крыши”, может начать портиться»².

При этом наивным и неверным назвал он бытующее мнение, будто средняя по уровню социологическая теория является теорией среднего по масштабам явления (например, город, личность и пр. – средний уровень, а все общество – высший, социально-философский, истматовский уровень). И эту мысль он уточняет так: суть вопроса не в масштабе, а в подходе – ведь и личность, и отдельные стороны ее деятельности «могут быть предметом самого высокого, философского анализа»³. Что же касается «Лекций по социологии», то Ю.А. Левада обращает внимание на то, что в них представлены воззрения на общество и культуру в рамках среднего уровня, при том условии, что речь идет не о «разрыве», «противопоставлении разных уровней познания», а о «разделении труда» между «конкретными социологами и товарищами, работающими... в привычных рамках историко-материалистического анализа», о своего рода «органическом» единстве (подчеркнуто Ю.А. Левадой. – А.К.), основанном на разделении труда и сотрудничестве⁴.

Все сказанное, по его мнению, не представляет ничего опасного «для нашей единой марксистской науки», к тому же по этому поводу в научном сообществе существуют разные точки зрения. Следовательно, для монополии и «отлучения» кого-либо от истины нет никаких оснований.

Отвечая на упреки о недостаточной выраженности в «Лекциях по социологии» партийности и классовости, Ю.А. Левада подтвердил важность роли социологии в идеологической борьбе и признал, что в его работе оказалось трудным «учесть ее

¹ Из выступления Ю.А. Левады на объединенном заседании кафедр философии Академии общественных наук ЦК КПСС и Высшей партийной школы при ЦК КПСС. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 487.

² Из выступления Ю.А. Левады на объединенном заседании кафедр философии Академии общественных наук ЦК КПСС и Высшей партийной школы при ЦК КПСС. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 487.

³ Из выступления Ю.А. Левады на объединенном заседании кафедр философии Академии общественных наук ЦК КПСС и Высшей партийной школы при ЦК КПСС. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 487.

⁴ Из выступления Ю.А. Левады на объединенном заседании кафедр философии Академии общественных наук ЦК КПСС и Высшей партийной школы при ЦК КПСС. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 487.

полностью». Но при этом он обратил внимание на то, что в разных его печатных работах освещены различные аспекты этой сложной проблемы – история, критика отдельных концепций, разоблачение фальсификаций, сервилизма и т.д. Сослался он и на то, что в его лекциях говорится о необходимости отделять научное от ненаучного и реакционного в методах и результатах социологов США и других буржуазных стран. И подтвердил также, что к выводам и «даже к терминам, взятым из чужих рук», нужно «относиться осторожно, критически, проверять, брать лишь стоящее»¹. Что же касается реакции Ю.А. Левады на критические замечания на его «Лекции по социологии», то он, заявив, что он рассматривает их (лекции) как «несовершенный, во многом неудачный опыт популярного рассказа о социологии», выделил три разных признанных им типа недостатков.

Во-первых, подлежащих обязательному устранению при подготовке стенограммы к изданию, что касается как более тщательной сверки фактов, цифр, цитат, вычитки текста, так и переработок, что в конечном итоге позволило бы раскрыть и развить те или иные положения, примеры, сравнения, снабдить работу должным аппаратом. При этом прозвучало признание, что он «необоснованно занижил требования к тексту, ссылаясь на ограниченность задач самих лекций перед студентами», что он «недостаточно учел, что книжка будет восприниматься и оцениваться без всякой связи с условиями университетского образования в 1967 году»². Особенно важным он назвал также то, что надо было, не доверяя никаким ссылкам, никаким «критическим» работам, обстоятельно на конкретных примерах, на «разборе идей» раскрыть место социологического знания и роль отдельных школ в сложном идеологическом противоборстве.

Во-вторых, недостатки, связанные с наличием разных подходов к отдельным проблемам отечественной социологии, с которыми, по признанию автора лекций, он «попытался слишком легко разделаться... отослав читателя к литературе, к дискуссионным статьям». Поэтому, заявил он, «нужно было изложить точки зрения, обстоятельно обосновать свою позицию, больше использовать марксистскую литературу и данные советских исследователей»³.

В-третьих, группа недостатков, которые он назвал главными, – отсутствие в лекциях системы социологического знания, что не может оправдываться даже тем обстоятельством, что такую логическую систему трудно было обнаружить в традиционных курсах общественных и философских наук, которые в то время читались и изучались в стране, а разные зарубежные пособия по социологии не обладали такой системой вовсе.

Для полноты картины – недостатки лекций, которые признал Ю.А. Левада в своей объяснительной записке на имя проректора МГУ имени М.В. Ломоносова про-

¹ См.: Из выступления Ю.А. Левады на объединенном заседании кафедр философии Академии общественных наук ЦК КПСС и Высшей партийной школы при ЦК КПСС. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 488.

² См.: Из выступления Ю.А. Левады на объединенном заседании кафедр философии Академии общественных наук ЦК КПСС и Высшей партийной школы при ЦК КПСС. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 488.

³ См.: Из выступления Ю.А. Левады на объединенном заседании кафедр философии Академии общественных наук ЦК КПСС и Высшей партийной школы при ЦК КПСС. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 490.

фессора И.А. Хлябича от 7 декабря 1969 года: чтение лекций без предварительного обсуждения текста в среде преподавателей МГУ, что помогло бы улучшить текст и яснее провести разграничение между научными и чисто учебными задачами в курсе основ социологического знания; ссылка в предисловии книги на читавшийся в МГУ курс не сопровождалась указанием на то, что текст там не утверждался, а план курса вызвал критические замечания; в предисловии также не оговорено, что программа позже была изменена. Всем этим, по признанию Юрия Александровича, он «неволь-но дал повод возлагать на университет известную ответственность за разосланный текст, а также судить по нему о моей (Ю.А. Левады. – А.К.) нынешней преподаватель-ской деятельности»¹.

Итак, на дискуссии в АОН, в объяснительной записке Ю.А. Левады на имя про-ректора МГУ все вопросы, казалось бы, были прояснены: суть претензий к автору «Лекций о социологии», его отношение к критическим замечаниям; его сделанное в конце выступления заявление о желании и готовности ответить на критику «пре-жде всего делом», то есть учесть ее в научной работе, в дальнейшей доработке лек-ций. О степени его ответственного отношения к данной ситуации говорят такие слова: «Я ни на кого не могу и не хочу перекладывать ответственность за недостат-ки своей работы – хотя я не считаю ее своим вполне законным научным детищем. Не советская социология, к которой я себя причисляю, не институт, где я работаю, не ассоциация, в которой я состою, – а лишь автор отвечает за то, что сделал и что не сделал»².

Однако, как оказалось, слова Х.Н. Момджяна из его заключения на дискуссии в АОН о том, что «ошибочные, порочные идеи Ю.А. Левады должны быть подвергну-ты серьезной и обстоятельной критике»³, содержали в себе не только констатацию уже состоявшейся на указанном заседании «серьезной и обстоятельной» критики, но и продолжение этого скандального дела.

Вторым этапом разборок стало заседание партбюро ИКСИ АН СССР с экзотич-ной для данного случая повесткой дня: «Об ошибках секретаря партбюро ИКСИ Ю.А. Левады в “Лекциях по социологии”». Экзотика формулировки заключалась в том, что в таком случае виновник столь печального события рассматривался в качестве не автора лекций, ученого, а руководителя институтской партячейки. Но на журфаке МГУ лекции читал не партийный секретарь, а доктор философских наук, а на дискуссии в АОН претензии предъявлялись Ю.А. Леваде как исследователю и преподавателю. Но главное, конечно же, не в этом. Суть – содержание партийного разговора и ролевая установка участников дискуссии. Ведь в отличие от совмест-ного заседания кафедр философии в АОН, где все завершилось только разговора-ми – острыми, с «перекосами», со справедливыми замечаниями и откровенными, порой политизированными нападками и т.д., и т.п., – в данном случае висящий над Ю.А. Левадой дамоклов меч должен был в определенной степени определить его дальнейшую научно-профессиональную судьбу.

Так что же произошло на состоявшемся 9 декабря 1969 года заседании партбю-ро ИКСИ АН СССР? Первым (после краткого вступительного слова секретаря Че-

¹ Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 495.

² Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 491.

³ См.: Козловский В.Е., Сычев Ю.А. Обсуждение курса лекций Ю.А. Левады по социологии // Философские науки. Научные доклады высшей школы. 1970, № 3. С. 185.

ремушкинского райкома партии Б.С. Чаплина) взял слово Г.В. Осипов. По своей «марксистско-ленинской твердости», «принципиальной последовательности» его оценка «Лекций по социологии» ничем не отличалась от прозвучавших в АОН суждений его самого, а также Х.Н. Момджяна, Г.Е. Глезермана, Ф.В. Константинова и других, кого со временем Г.В. Осипов отнес к числу «погромщиков» в деле Левады, а за собой закрепил роль «защитника гонимого коллеги». «В «Лекциях» не раскрыта роль исторического и диалектического материализма как основополагающей теории и методологии марксистско-ленинской социологии; принижен классовый и партийный подход к раскрытию явлений социальной действительности; не нашли должного отражения существенные аспекты идеологической борьбы»¹ – такая сформулированная Г.В. Осиповым оценка задала самую высокую критическую планку не в последнюю очередь и потому, что она прозвучала из уст человека, воплощавшего в себе единый «властный треугольник» – председатель ССА, замдиректора института и член партбюро института. Все выступавшие (без исключения) поддержали такую позицию, добавив к ней свои личные критические штрихи. По заявлению же В.В. Колбановского, «в книге мало содержательных материалов», она «плохо обращена к практике», «не решены многие серьезные вопросы» – прежде всего соотношения социологии и исторического материализма, периодизации истории социологии и роли марксистской социологии, отношения к разным сторонам буржуазной социологии. А Н.И. Лапин, указав на то, что рассматриваемый вопрос имеет «две главные стороны» (идейно-теоретическую и организационную), не мог оправдать «практически полное отсутствие» в лекциях упоминания о принципах исторического материализма. По его мнению, оправдание такого подхода аргументами о том, что «этот вопрос в науке решен» и он не дискуссионен, неприемлемо, так как «в изданиях в этот вопрос надо постоянно вносить полную ясность»². К этому он добавил неряшливость формулировок, допускающих двусмысленные толкования не только у людей, которые стоят на марксистских позициях, но и у тех, кто не стоит на этих позициях³.

С тем, что в книге много ошибок, согласился и В.Г. Васильев, а А.А. Галкин, солидаризировавшись с названными в проекте решения партбюро критическими замечаниями, отметил бросившиеся ему в глаза «абстрактный характер и неряшливость оформления лекций». Я.С. Капелюшный, поддержав критический тон предыдущих ораторов, повел разговор о требованиях к социологической литературе, об отсутствии в ряде случаев в работе Ю.А. Левады ответа на интерпретации результатов исследований, о проблеме соотношения исторического материализма и социологии, которая может «возникнуть вновь», так как этот вопрос в выходящих трудах «не рассматривается». В.Я. Нейгольдберг, назвав рассматриваемый вопрос чрезвычайно серьезным, подчеркнул, что его принципиальная оценка очень важна для партийной организации и всего института. По его мнению, «беспечность самого Ю.А. Левады и отсутствие должного порядка

¹ Протокол заседания партбюро ИКСИ АН СССР 9 декабря 1969 г. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 496.

² Протокол заседания партбюро ИКСИ АН СССР 9 декабря 1969 г. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 498.

³ Протокол заседания партбюро ИКСИ АН СССР 9 декабря 1969 г. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 498.

в редакционном отделе – все это в совокупности и проявилось в факте выхода курса лекций»¹.

Ф.М. Бурлацкий как один из заместителей директора признал вину руководства института за все, что связано со скандалом вокруг «Лекций по социологии», что коллектив и партийная организация проходят «проверку на зрелость» и что «стоит задача – дать оценку лекциям». Что касается критических замечаний, то его позиция такова: лекции не отражают уровень исследований в ИКСИ, не отражают позиции института по многим принципиальным вопросам, они содержат «много серьезных ошибок». При этом было указано на необходимость «всегда подчеркивать», что исторический материализм всегда будет основой общей социологической теории, а категории и понятия истмата «должны пронизывать все наши исследования». Последовало также напоминание: «самое важное – классовый, партийный подход», и «необходим содержательный подход к социологии, овладение всем арсеналом инструментария социологии, марксистско-ленинский подход к анализу действительности»². Акцентировалось внимание и на том, что «требования партийности особенно остро должны предъявляться к конкретным социальным исследованиям, так как мы даем ориентиры практике»³. В качестве выводов было названо два урока, которые, по его мнению, необходимо сделать из истории с «Лекциями по социологии»: первый, названный им «принципиальным», – «каждое исследование должно быть пронизано марксистско-ленинским духом и исходить из задач партии на данном этапе»⁴; второй вывод – воспитательная работа в коллективе, проведение «большой работы» по разъяснению в коллективе принятого решения партбюро, развитие коллегиальности и персональной ответственности в работе сотрудников института.

Заседание партбюро завершилось принятием решения, в котором кроме констатирующей части и ряда конкретных пунктов исполнительного характера содержалась такая принципиальная оценка книги Ю.А. Левады: «В «Лекциях» не раскрыта роль исторического и диалектического материализма как основополагающей теории и методологии марксистско-ленинской социологии; принижен классовый и партийный подход к раскрытию явлений социальной действительности (подчеркнуто нами. – А.К.); отсутствует содержательный анализ ряда процессов и явлений общественной жизни, свойственный марксистско-ленинской науке; недостаточно освещена роль классов и классовой борьбы как решающей силы развития общества»⁵. Подчеркнутые в этом абзаце слова – стопроцентно воспроизведенный текст из выступления Г.В. Осипова, который в таком же звучании был зафиксирован в стенограмме заседания партийного бюро. А это означает, что такая оценка оказалась судьбоносной

¹ Протокол заседания партбюро ИКСИ АН СССР 9 декабря 1969 г. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 498.

² Протокол заседания партбюро ИКСИ АН СССР 9 декабря 1969 г. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 501.

³ Протокол заседания партбюро ИКСИ АН СССР 9 декабря 1969 г. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 501.

⁴ Протокол заседания партбюро ИКСИ АН СССР 9 декабря 1969 г. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 501.

⁵ Решение партийного бюро ИКСИ АН СССР об ошибках секретаря партбюро ИКСИ Ю.А. Левады в «Лекциях по социологии». В: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 503.

не только для документа, но и для самого Ю.А. Левады, так как именно она – такая оценка – перекочевала в решение бюро Черемушкинского райкома партии, оттуда в информацию райкома партии по этому вопросу в Московский горком партии, затем в документ за подписью московского партийного руководителя В.В. Гришина в ЦК КПСС и, наконец, стала предметом обсуждения на заседании Секретариата ЦК КПСС. Скажем прямо, даже для сильно забюрократченной системы прохождения сложных дел в КПСС этот случай оказался в какой-то степени уникальным: партийная оценка конкретного человека, прозвучавшая в самом низу партийной иерархии (даже не на общем партийном собрании коллектива, а на заседании партбюро), как бы пронизала всю «партийную вертикаль» и навсегда оказалась зафиксированной в архивных источниках по истории отечественной социологии¹. Факт знаменательный как для социологической науки, так особенно и для самого Г.В. Осипова, определившего как вектор оценок «Лекций по социологии» в духе требований исторического материализма и классового подхода, так и принятие решения партбюро не только об освобождении Ю.А. Левады от обязанностей секретаря партбюро института, но и о выведении его из состава партбюро.

Продолжение эта история получила на заседании Черемушкинского райкома партии, которую (историю) Г.В. Осипов излагает, опять-таки задним числом, внося в нее свои коррективы: по его версии, на рассмотрение бюро райкома партии вносилось не принятое официальное решение партбюро от 9 декабря 1969 года (?!), а подготовленный «быстро собранной» им (Г.В. Осиповым) «группой сотрудников» проект постановления, в котором якобы издание книги осуждается, но политические обвинения снимаются, и таким образом Юрий Александрович спасается. Диву даешься, на каких простофиль рассчитаны эти фэн-те-зи! Само же обсуждение, как пишет Г.В. Осипов, «проходит спокойно, фактически принимается наш проект»². Но так ли это? Ведь к тому, что было принято на партбюро института, райком партии добавил вынесение Ю.А. Леваде строгого выговора с занесением в личное дело и направление вверх официальной докладной записки, оценки которой оказались зафиксированными всеми без исключения партийными инстанциями, включая Секретариат ЦК КПСС. Что это означало лично в те времена для ученого – ввиду абсолютной очевидности говорить не приходится. Нам же хотелось бы, как говорится, открутить пленку назад и восстановить картину того, как же завязывалась интрига драматической коллизии «Лекций по социологии».

По версии Г.В. Осипова, изложенной им задним числом уже в постсоветское время, ситуация выглядит так. Ю.А. Левада по завершении чтения лекций по социологии на факультете журналистики МГУ обращается как сотрудник ИКСИ в дирекцию института с предложением опубликовать их в качестве учебного пособия для студентов. Для определения судьбы рукописи она попадает к должностному лицу, которому и положено решать этот вопрос, – Г.В. Осипову как заместителю директора ИКСИ и председателю Советской социологической ассоциации. «Когда я прочитал рукопись, – говорит Г.В. Осипов, – то, признаюсь, почувствовал себя нехорошо... я ясно видел, что в стенограмме лекций Левады немало идеологически уязвимых и просто

¹ Записка в ЦК КПСС первого секретаря МК КПСС В.В. Гришина об ошибках, допущенных в курсе лекций по социологии, прочитанных Ю.А. Левадой. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 506–507.

² Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 529.

опасных формулировок» (подчеркнуто нами. – А.К.). Когда же, по словам Г.В. Осипова, эти сомнения были высказаны Ю.А. Леваде, тот якобы стал настаивать на публикации лекций: «Да, я все понимаю, но прошу не трусить и издать их»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.). «Ничего другого, – продолжает Г.В. Осипов, – кроме как идти на риск, мне не оставалось. И я дал санкцию на издание»² (подчеркнуто нами. – А.К.). К этому Г.В. Осиповым добавляется сюжет о том, что якобы «как только лекции увидели свет, какой-то доброхот накатав письмо в ЦК» с целью показать – «вот она, марка института», тем более что «поводов для доносов на меня (Г.В. Осипова – А.К.) хватало»³. Донос в инстанции и послужил якобы поводом для начала «погрома».

В столь замысловатом сценарии выделим ключевые моменты, которые помогут понять при дальнейшем изложении происшедшего, как же все это было «на самом деле»: Г.В. Осипов лекции читал и видел, что в них содержатся уязвимые и просто опасные формулировки, тем не менее пошел на риск и дал санкцию на их публикацию. Словом, речь идет уже не столько об авторе «Лекций по социологии», а о своеобразной героизации позиции Г.В. Осипова на фоне зловредных действий темных сил доброхотов-доносчиков. Что же произошло на самом деле, свидетельствует официальный документ, относящийся к 9 декабря 1969 года, в котором запротоколировано признание Г.В. Осиповым двух допущенных им ошибок: 1) он не выполнил просьбу Ю.А. Левады о прочтении его рукописи; 2) поставил на неп прочитанный текст гриф ИКСИ и ССА: «Рукопись не рецензировалась и не рассматривалась дирекцией института»⁴. Работа под грифом института. А кто дал этот гриф? Неизвестно. По чьему разрешению? Неизвестно. Работа, которая в плане института не имела места и вместе с тем имеет гриф института. Разве это не говорит о безответственности?.. Такая легкость и такое отношение приводит к чрезвычайно неприятным последствиям⁵.

К этому остается добавить, что на первом заседании партбюро 4 декабря 1969 года Г.В. Осипов отвергал «необоснованные выпады против книги», ссылаясь при этом на «мнение дирекции и А.П. Румянцева, что различные политические нападки на Ю.А. Леваду должны быть полностью отмечены»⁶. И вдруг – разворот в противоположную сторону?! Четко обозначилось одновременное проявление «двух принципиальностей»: открытой, честной и последовательной автора «Лекций по социологии» и лавирование «спасателей» Юрия Александровича, которое со временем будет подаваться как смелый и рискованный партийный и гражданский поступок.

Как же оценили операцию по «спасению» Ю.А. Левады в коллективе института? Ответ можно найти в протоколе заседания партбюро ИКСИ АН СССР от 16 декабря 1969 года, на котором заслушивались информации партгрупп о принятом ранее решении партбюро по Ю.А. Леваде. «Присутствовал в четырех партгруппах, – докла-

¹ Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 527.

² Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 527.

³ Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 527.

⁴ См.: Протокол заседания партбюро ИКСИ АН СССР от 9 декабря 1969 г. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 496.

⁵ Цит. по: Пугачева М.Г. Институт конкретных социальных исследований Академии наук СССР. 1968–1972 гг. В кн.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 530.

⁶ См.: Протокол заседания партбюро ИКСИ АН СССР от 9 декабря 1969 г. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 492.

дывал В.Я. Нейгольдберг, – выступившие говорили, что в решении ничего не сказано о положительной деятельности Ю.А. Левады как ученого. Почему?» (подчеркнуто нами. – А.К.). А о группах, где были парторганами Г.С. Лисичкин и В.И. Козлов, в информации А.А. Галкина говорилось: «Вопросов было много, много выступлений. Сидоров, Амбарцумов и другие говорили жестко – против решения партбюро, что партбюро отошло от принципиальных позиций»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Весьма интересным представляется артикулируемое Ю.А. Левадой уже в постсоветское время заявление о том, что «я не стеснялся того, что я занимал там партийную должность (секретаря партбюро Института конкретных социальных исследований. – А.К.), потому что это немножко связывало руки таким людям, как Осипов, и немножко помогало что-то делать. И я тогда мог бы чуть-чуть похвастаться, хотя и ничего особенного, что ни в какие трудные времена у нас только не уволили ни одного подписанта и ни одного еврея, а наоборот, изо всех сил брали на работу»² (подчеркнуто нами. – А.К.). Подчеркнутая часть цитаты, пусть и не конкретизированная деликатным Юрием Александровичем, имеет совершенно четкую оценочную окраску и волей-неволей побуждает рассуждать о причинах необходимости связывать при помощи партийного влияния руки одному из руководителей ИКСИ, что «немножко помогало что-то делать».

Наконец, еще об одном эпизоде в истории «защиты» Г.В. Осиповым как «гонимого властями» Ю.А. Левады, так и социологии в целом. Этот эпизод он описывает в выступлении перед студентами СП(б)ГУП так: «Расскажу еще об одном характерном случае. Когда начался процесс против социологии и, в частности, критика лекций Ю.А. Левады, я координировал свою деятельность по решению этого вопроса вместе с ректором МГУ И.Г. Петровским. Мало кто знает, что трагический уход из жизни Ивана Георгиевича в январе 1973 года был косвенно связан с травлей социологии, которую развязали партийные органы, и с той борьбой за науку, которую он вел. Накануне трагического дня у меня состоялся с ним телефонный разговор. «Сегодня встречаюсь с С.П. Трапезниковым, – сказал он. – Надеюсь, что мне удастся убедить его прекратить травлю социологии и социологов. О результатах встречи перезвоню». И.Г. Петровский мне не перезвонил – после разговора с чиновником он умер от сердечного приступа в его приемной»³ (подчеркнуто нами. – А.К.). В другом месте (в академической публикации!) можно прочесть в том же духе: причиной смерти И.Г. Петровского, который «отстаивал социологию как науку, настаивал на прекращении травли социологов», стал сердечный приступ, который с ним случился сразу же «после тяжелого разговора с заведующим отделом ЦК КПСС С.Н. Трапезниковым»⁴.

Рассказанные истории не смогут не тронуть душу и разум даже заостренного черствого человека: вот, мол, чем заканчивалась борьба за прекращение «травли социологии и социологов» (в данном случае Ю.А. Левады) даже для академика и ректора

¹ Из: Протокола заседания партбюро ИКСИ АН СССР от 16 декабря 1969 г. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 505.

² Левада Ю.А. Я считал, что было бы неестественно вести себя как-то иначе // Социологический журнал. 2008, № 1. С. 160–161.

³ Осипов Г.В. Возрождение социологии в России: как это было на самом деле. СПб.: СПбГУП, 2010. С. 16.

⁴ Осипов Г.В. Введение в социологическую науку. М.: Наука; Вече, 2010. С. 13; он же. Академия наук: три века служения Отечеству / изд. доп. и перераб. М.: ИСПИ РАН, 2013. С. 161.

МГУ, вот мол, каково нравственное лицо партийных чиновников, произволом которых в их приемных доводились до инфаркта посетители даже такого высокого общественного, научного и государственного статуса, которым обладал И.Г. Петровский (кроме вышеназванных регалий – он был еще и членом Президиума Верховного Совета, членом Президиума АН СССР, Героем Социалистического Труда, лауреатом Государственных премий). Наконец, вот какие силы координировал Г.В. Осипов в противостоянии с могущественным партийным аппаратом. Словом, не в переносном, а в прямом смысле слова борьба не на жизнь, а на смерть! Эти сюжеты изложены в стиле трагической сценарной разработки, в которой конкретные детали и штрихи призваны придать тексту особую убедительность и достоверность.

Множественно перечитывая эту резонансную историю, мы задались вопросом, почему она стала достоянием общественного мнения только почти через четыре десятилетия, в постсоветское время, и почему источником такой информации стал не кто-то из старожилов МГУ, а он, Г.В. Осипов, который в те годы никак не был связан с Московским университетом – ни на просветительской ниве, ни на исследовательском поприще. Изучение архивных материалов и личные беседы с профессорами МГУ старшего поколения позволили нам прояснить несколько важных моментов, позволяющих понять описанную выше историю.

Момент первый – хронологическая несостыковка (причем существенная) между сроками рассмотрения дела Левады и временем, когда ректор МГУ при «координирующей» роли Г.В. Осипова якобы решал вопросы Ю.А. Левады с С.П. Трапезниковым. Воздержимся от комментариев вызывающего легкий юмор несурзадного ребуса, когда ректор МГУ сообщает своему собеседнику в разговоре с ним «накануне трагического дня» (это означает – 14 января, причем в воскресенье), что он «сегодня» (то есть 15 января) встречается с С.П. Трапезниковым. Зафиксируем другое, более важное: между 15 января 1973 года (день посещения ректором МГУ С.П. Трапезникова) и временем подведения официальной черты в деле Левады – принятием решения партбюро ИКСИ АН СССР 9 декабря 1969 года, с последующим рассмотрением этого вопроса на бюро Черемушкинского РК КПСС, а затем направлением первым секретарем МГК КПСС В.В. Гришиным записки в ЦК КПСС и ее рассмотрением на Секретариате ЦК, – прошло целых три года.

За это время по делу Левады все улеглось: из ИКСИ его никто не увольнял, дирекция предоставила ему продолжительный отпуск для переработки книги, его сектор сохранился, как он позже написал, «непосредственно трогать нас в институте не решались – пока не ушел Румянцев»¹; после назначения директором ИКСИ М.Н. Руткевича он «сразу ему сказал, что думаю уйти», а тот «ответил, что уже договорился с Федосеевым о том, что я уйду»², наконец, при помощи замдиректора ИЭМИ С.С. Шаталина он устроился старшим научным сотрудником этого института, где и проработал 16 лет. Спрашивается: за что мог 15 января 1973 года до смерти сражаться И.Г. Петровский с С.П. Трапезниковым по делу Левады, которое было закрыто еще в 1969 году, а сам Юрий Александрович уже давно значился ушедшим из Института конкретных социальных исследований?

¹ Левада Ю.А. Научная жизнь была – семинарская жизнь. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 88.

² Левада Ю.А. Научная жизнь была – семинарская жизнь. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 88.

Момент второй. Мог ли вообще идти И.Г. Петровский к С.П. Трапезникову убеждать его прекратить травлю лично Ю.А. Левады и социологов вообще, если учесть, что еще 7 декабря 1969 года в объяснительной записке на имя проректора МГУ профессора И.А. Хлябича Ю.А. Левада сам признал серьезные ошибки, допущенные им не только в ИКСИ при написании «Лекций о социологии», но и при их чтении в МГУ: «...считаю своей ошибкой (подчеркнуто Ю.А. Левадой. – А.К.), что я не добился предварительного обсуждения записанного текста в среде преподавателей МГУ, что, несомненно, помогло бы улучшить текст и яснее провести разграничение между научными и чисто учебными задачами в курсе основ социологических знаний. Другую очевидную ошибку (подчеркнуто Ю.А. Левадой. – А.К.) я совершил, сославшись в предисловии на читавшийся в МГУ курс и не указав, что текст там не утверждался, а план курса вызвал критические замечания; не оговорено также, что программа позже была изменена. Тем самым я невольно дал повод возлагать на университет известную ответственность за разосланный текст, а также судить по нему о моей нынешней преподавательской работе»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.) Можно ли предположить, что ректор МГУ не знал об этой объяснительной записке оскандалившегося лектора? Исключается! Если же знал, то мог ли бы он в этой ситуации идти в ЦК защищать непонятно от чего Ю.А. Леваду, да еще и через три года после печального инцидента?

Поэтому в ответ на бездоказательную декларацию Г.В. Осипова в постсоветское время о том, что И.Г. Петровский «не поддался на уговоры политических интриганов от науки устроить судилище над Ю.А. Левадой»², хотелось бы услышать: о каких интригах идет речь? Как увязать «судилище над Ю.А. Левадой» с его признанием своих ошибок в объяснительной записке на имя проректора МГУ? Могло ли вообще случиться такое, чтобы проректор МГУ занимался разбором допущенных Левадой-лектором ошибок при чтении лекций в МГУ, а ректор как бы ему в пику боролся (до смерти!?) за признание научной и преподавательской деятельности Юрия Александровича безупречной, в то время как сам виновник официально признал свои ошибки?

Момент третий. Как можно понять фразу Г.В. Осипова «Я координировал свою деятельность по решению этого вопроса (о Ю.А. Леваде и по социологии в целом) вместе с ректором МГУ И.Г. Петровским», если еще 4 декабря 1969 года на заседании партбюро ИКСИ АН СССР, одоббившем решение дирекции института от 28 ноября 1969 года «О мерах по повышению идейно-теоретического уровня материалов, публикуемых в “Информационном бюллетене”» (в контексте выводов из дела Левады), было поддержано предложение выступившего первым на заседании Г.В. Осипова «поставить на партбюро вопрос о повышении ответственности коммунистов за идейно-политический уровень работы» и после этого были в установленном порядке разработаны и утверждены меры содержательного, организационного и координационного плана по выведению института из кризисного состояния, вызванного «Лекциями по социологии» Ю.А. Левады³. И что же координировал через три года Г.В. Осипов «вместе с ректором МГУ»?!

¹ Левада Ю.А. Научная жизнь была – семинарская жизнь. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 494–495.

² Осипов Г.В. Введение в социологическую науку. М.: Наука; Вече, 2010. С. 303.

³ Из протокола заседания партбюро ИКСИ АН СССР 4 декабря 1969 г.; Решение партийного бюро ИКСИ АН СССР «Об ошибках секретаря партбюро ИКСИ Ю. Левады в “Лекциях по социологии”» 9 декабря 1969 г. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб.: изд-во РХГИ, 1999. С. 82–94.

Момент четвертый, который, думается, поможет окончательно прояснить эту историю. В качестве кого выступал «координатор» Г.В. Осипов, а точнее, каков был его должностной статус в 1973 году, который позволил бы ему в соответствии с существовавшей субординацией осуществлять координационную функцию по вопросам социологии вообще и по делу Левады на уровне треугольника «ректор МГУ – заведующий отделом ЦК – Академия наук СССР» (Ю.А. Левада был штатным работником академического института)? Ведь в соответствии с постановлением Президиума АН СССР от 28 декабря 1972 года № 1150 Г.В. Осипов был освобожден от обязанностей заместителя директора ИКСИ (за допущенные в работе серьезные недостатки). А до 15 января 1973 года, когда он якобы осуществлял «координирующую» функцию между ректором МГУ академиком И.Г. Петровским и заведующим Отделом науки и учебных заведений ЦК С.П. Трапезниковым, он вообще пребывал в подвешенном состоянии, то есть без какой-либо должности. Лишившись должности замдиректора института, да еще и поста председателя Советской социологической ассоциации, да еще с официально объявленным взысканием за допущенные в работе серьезные недостатки, он в тревоге ожидал 12 января 1973 года, когда ученый совет института должен был утверждать его заведующим сектором истории марксистско-ленинской социологии и критики буржуазной социологии.

А теперь читатель может представить визуальную картину: в прямом смысле слова бездолжностной (то есть не имеющий никаких руководящих должностей в институте) и с большими имиджевыми потерями, но числящийся в штате ИКСИ сотрудник, ожидающий конкурса на замещение вакансии завсектором, ведет в выходные дни телефонные (!) переговоры с ректором МГУ, академиком И.Г. Петровским, который информирует обанкротившегося работника института, к которому (институту) он (ректор МГУ) не имеет никакого отношения, о предполагаемой встрече с руководителем Отдела ЦК, высказывает ему (Осипову) убеждение, «что мне удастся убедить его (С.П. Трапезникова. – А.К.) «прекратить травлю социологии и социологов», и обещает: «О результатах встречи перезвоню» (!).

Как тут не восхититься таким уровнем отношений в треугольнике, решавшем судьбу социологии в целом и Ю.А. Левады особенно: бездолжностной работник академического института Г.В. Осипов – академик, член Президиума Верховного Совета, ректор МГУ Петровский – заведующий Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС Трапезников. И в эту легенду, рожденную в постсоветское время под воздействием крайне гипертрофированного тщеславия и самовозвеличивания, сам Г.В. Осипов уверовал так, что стал ее усиленно публично пропагандировать – в лекциях и выступлениях перед профессорами и студентами Санкт-Петербургского ГУП, Российского государственного социального университета, МГУ имени М.В. Ломоносова и др. Более того, эта чудовищная, но одетая в академический мундир ложь прозвучала и на проведенном под эгидой Президиума РАН Всероссийском социологическом конгрессе (21–24 октября 2008 года) в присутствии 2500 участников со всех концов России, зарубежных гостей, в том числе президента Международной социологической ассоциации Мишеля Веверки и высокого государственного и академического представительства России – президента РАН Ю.С. Осипова, а также руководителя Администрации Президента РФ С.Е. Нарышкина, президента Совета ректоров России, ректора МГУ имени М.В. Ломоносова вице-президента РАН В.А. Садовниченко¹.

¹ См.: Социология и общество: пути взаимодействия. М.: Вече, 2010. С. 31.

Но дело-то в том, что выше расписанный Г.В. Осиповым под свою персону сценарий не имеет никакого отношения к тому, что произошло на самом деле в тот трагический день 15 января 1973 года, когда скоропостижно скончался Иван Георгиевич. Опубликованные в 2006 году «Воспоминания» академика Андрея Сахарова дают исчерпывающий ответ на этот вопрос: в тот трагический день произошло два события, которые между собой никак не связаны, но которые в конечном итоге могли повлиять на случившееся.

Первое событие, к которому Андрей Дмитриевич имел прямое и непосредственное отношение, – его посещение ректора МГУ (не первое) в связи с отчислением из университета его дочери Тани за причастность к демонстрации протеста у ливанского посольства в Москве в связи с убийством израильских спортсменов на Мюнхенской олимпиаде. Как пишет А.Д. Сахаров, переговоры по этому вопросу с ректором университета начались еще в 1972 году и «были очень трудными для обоих», потому что «он (И.Г. Петровский. – А.К.) не был при этом до конца искренен со мной, ни разу не сказал, что не может ничего сделать в этом деле, хотя понимает, что Таня отчислена несправедливо», но намекал, что «может быть, ему удастся что-то сделать», а это «заставляло меня приходиться к нему вновь и вновь, все больше и больше нервничая»¹. Во время предпоследней встречи вызванный на нее декан факультета журналистики Засурский откровенно подтвердил, что основная причина отчисления Тани – требование арабских студентов, а повод – ее причастность к указанной выше демонстрации (об этом избегал говорить И.Г. Петровский с А.Д. Сахаровым). О последней встрече Андрей Дмитриевич пишет так: «На последнюю встречу Петровский вызвал секретаря парторганизации и проректора, человека явно гебистского вида. Разговаривая с ними – а они возмутительно лицемерили и одновременно (косвенно) угрожали, – я был резче, чем я обычно себя держу, и два раза ударил кулаком по столу. Петровский фактически не принимал участия в разговоре и грустно молча сидел в конце стола. Встреча была опять же безрезультатной»² (подчеркнуто нами. – А.К.). Нетрудно представить психологическое состояние Ивана Георгиевича в этом «диалоге двух академиков», который в очередной раз завершился безрезультатно для А.Д. Сахарова и в ходе которого последний даже «два раза ударил кулаком по столу».

И вот в таком состоянии он поехал в ЦК КПСС на встречу с С.П. Трапезниковым, где состоялось второе событие, о котором А.Д. Сахаров пишет так: «На встрече решался вопрос о передаче МГУ от провинциальных университетов каких-то функций по подготовке аспирантов (а не проблем социологии и профессиональной судьбы Ю.А. Левады, как пишет об этом Г.В. Осипов. – А.К.). Петровский придавал этому большое значение, написал специальную докладную записку. С.П. Трапезников, однако, отнесся к его докладной отрицательно и при встрече высказал свое мнение, быть может, как это часто бывает, в иронической форме. Петровский очень разнервничался, вышел во двор ЦК, там упал и умер»³.

Какое из двух упомянутых событий было наиболее болезненным для Ивана Георгиевича, сказать трудно. Несомненным является то, что оба они очень остро коснулись сердца этого тонкого и ранимого интеллигента. О том, как эти события развива-

¹ Сахаров А.Д. Воспоминания. Т. 2. М., 2006. С. 91–93.

² Сахаров А.Д. Воспоминания. Т. 2. М.: Время, 2006. С. 91–93.

³ Сахаров А.Д. Воспоминания. Т. 2. М., 2006. С. 91–93.

лись дальше, А.Д. Сахаров пишет так: «Вскоре в его (И.Г. Петровского. – А.К.) смерти обвинили меня. Я получил сначала письмо от одной секретарши Петровского с этим обвинением, потом узнал о выступлении академика Понтрягина (тоже математика) на президиуме академии, в котором он требовал привлечь меня к ответственности за мои действия, повлекшие якобы смерть Петровского (стучал кулаком и т.д.). Затем я получил письмо от другого математика, тополога, академика П.С. Александрова с теми же обвинениями»¹. Вот и все, что документально подтверждается о трагическом дне 15 января 1973 года. Растиражированные же сюжеты Г.В. Осипова о его координирующей роли по защите Ю.А. Левады и социологической науки, о посещении И.Г. Петровским руководителя Отдела науки и учебных заведений с целью решения социологических задач – плод буйной фантазии. К тому же ректор МГУ погиб во дворе ЦК, а не в приемной С.П. Трапезникова.

Кстати, двадцатидвухлетнее ректорство Ивана Георгиевича не нуждается в искусственной героизации, в придумывании легенд. В самых острых ситуациях беспартийный ректор-академик не только занимал четкую позицию, но твердо и последовательно ее отстаивал. Он смело осуществлял линию на десталинизацию истории МГУ, не одобрял известных акций властей против Солженицина. Когда же на рубеже 50-х годов был раскручен маховик борьбы с космополитизмом, под него наряду с кибернетикой, объявленной «продажной девкой империализма», генетикой, микробиологией, а также делом врачей попала и теоретическая физика, прежде всего физико-технический факультет МГУ, судьба которого, по словам академика О.М. Белоцерковского, висела на волоске и стоял вопрос о его ликвидации. И.Г. Петровский поддержал идею выведения факультета из состава университета и осуществления многоходовых структурно-организационных мер по преобразованию его в новый самостоятельный институт. Принятие 17 сентября 1951 года положительного решения ЦК КПСС и Совета Министров свидетельствовало о большой победе – угроза теоретической физике была отодвинута. Московский физико-технический институт (МФТИ) со временем вписал славную страницу в историю отечественной науки и высшей школы.

Стоит вспомнить и борьбу с кибернетикой, когда политическое руководство страны, обслуживаемое многими учеными-обществоведами, в том числе из Академии наук, не только недооценивало сущность электронно-вычислительной техники, но фактически попустительствовало созданию вокруг нее обстановки идеологического отторжения, несовместимости методологических проблем вычислительной математики и вычислительной техники с диалектическим материализмом. Позиция Ивана Георгиевича в этой ситуации проявилась в создании максимально благоприятных условий для развития кибернетики, вычислительной математики и вычислительной техники как научного направления (создание соответствующей инфраструктуры, наращивание кадрового потенциала, укрепление связей по этим вопросам с АН СССР).

К сожалению, в постсоветское время в тени незаслуженно оказалась инициатива ректора МГУ имени Ломоносова академика И.Г. Петровского по созданию на факультетах проблемных лабораторий. Эта оригинальная и новаторская идея сразу же получила горячую поддержку со стороны всего профессорско-преподавательского

¹ Сахаров А.Д. Воспоминания. Т. 2. М., 2006. С. 91–93.

состава вуза. Результат – в одном ряду с такими отражающими новейшие направления науки лабораториями, как лаборатории теории вероятностей и математической статистики, ядерной и атомной спектроскопии, строения молекул, экспериментальной цитологии раковой клетки, радиобиологии, космической радиометрии, была создана и проблемная лаборатория социологических исследований на философском факультете МГУ.

Кстати, что касается социологии, то создание при его ректорстве межфакультетской социологической лаборатории и кафедры методики конкретных социальных исследований, заложивших хорошую основу для организации в 1989 году социологического факультета, – эти знаменательные для всего социологического сообщества события происходили естественным путем, то есть без преодоления каких-то запретов или обострений с вышестоящими руководящими структурами. Относительно же перипетий, связанных с делом Ю.А. Левады, и защитой социологии от нападков со стороны ЦК КПСС и, в частности, завотделом науки и учебных заведений С.П. Трапезникова нам может помочь еще один авторитетный источник – книга Е.В. Ильченко «Академик И.Г.Петровский – ректор Московского университета».

Уникальность этого издания в том, что в нем скрупулезно собраны из разных архивов документы как самого Ивана Георгиевича, так и о нем. В нашем случае особый интерес представляют его официальные записки в ЦК, научные доклады в Министерстве высшего образования, на ученых советах и общих собраниях МГУ, выступления в печати (в том числе и фрагменты неопубликованных материалов) – словом, все документальное наследие академика. В нем в полном объеме и исчерпывающе воспроизведен поистине героический путь этого человека, который он прошел от студента МГУ до его ректора. В этих документах представлены в том числе и свидетельства о сложных отношениях с властью, Академией наук, внутри университета. Но на 560 страницах этой книги читатель не найдет ни одной строчки ни о судилище над Ю.А. Левадой, ни о борьбе с партийной властью по защите социологии вообще. Мог ли автор книги просмотреть такие события? Конечно, нет! Пройгнорировать – тем более. Словом, чего нет, того нет. Повторимся и вспомним слова незабвенного Виктора Степановича: «Ничего не было, но опять то же самое».

...Ошибка, допущенная из-за неосмотрительности, исправляется искренним ее признанием и стремлением впредь не допустить подобного, последствия ошибки по незнанию компенсируются восполнением необходимого знания и соответствующей информации. Возвращение же на могилах предшественников по искусно распisanному сценарию чертополоха собственного возвеличивания и возвышения собственной персоны – никогда не смываемое пятно крайнего цинизма по отношению к светлой памяти тех, кто уже не может своим собственным словом защитить правду.

В заключение еще раз зададимся вопросом, содержащимся в заголовке этого параграфа: действительно ли Ю.А. Левада обиделся, и если да, то за что? Как свидетельствуют публикации Юрия Александровича более позднего времени¹, на историю с его лекциями он смотрел с позиций социолога, используя оправдавший себя в этой науке прием включенного наблюдения, четко различая как открытых «погромщи-

¹ Левада Ю.А. Научная жизнь была – семинарская жизнь. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 82–94; Левада Ю.А. От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993–2000. М., 2000. С. 17, 23.

ков», так и «лавирующих спасателей». Преимущества такой своей позиции он объяснил следующим образом: «Я посмотрел на этих, скажем так, маневрирующих моих добрых приятелей, и я им ни в какой степени не завидовал. Им же приходится то ли мучиться, то ли избавляться от каких-то регуляторов. Им нужно было бегать, светиться, изображать из себя и в меру критичных, и в меру верноподданных, чтобы понравиться, скажем, таким, а с другой стороны, не порвать с этими»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Такой анализ и самоанализ привел Ю.А. Леваду в постперестроечное время к разработке целой концепции «принципиальной двойственности» («двоемыслия») человека как социально-антропологического типа «государственного, тоталитарного социализма»². Анализируя ценностные ориентации и поведенческие гамбиты в постсоветской социологии, Ю.А. Левада отмечал: «Действительно, чувства-перевертыши, аттитюды-обманки, декларации-розыгрыши изобилуют в постсоветской России»³.

Но уроки истории «Лекций по социологии», разумеется, имеют не только личностную, то есть левадовскую призму преломления. Налицо выводы более широкого плана. Во-первых, лекции (при всех их недостатках, признанных в том числе и автором) имеют, без преувеличения, историческое измерение, это был первый и оставшийся единственным в истории отечественной социологии шаг такого масштаба: по смелости поставленных проблем, по масштабному общественно-политическому резонансу, по последствиям – ближайшим со скандальным налетом и долгосрочно перспективным в институционализации социологии. Во-вторых, не вызывает сомнения то, что разразившийся скандал вокруг лекций не произошел бы, если бы должностные лица ИКСИ грубо не нарушили свои должностные обязанности (не позаботились о соблюдении элементарных требований по подготовке рукописи к публикации – обсуждение в институте, рецензирование, принятие решения и рекомендаций к публикации, согласование вопроса о грифе издания и пр.); а это означает, что руководство ИКСИ и ССА просто подставило своего сотрудника. В-третьих, Президиум АН СССР, ИКСИ и ССА по своей вине понесли на этом деле невосполнимые репутационные потери, так как на этапе нарастания остроты вокруг лекций не предприняли упредительных шагов, чтобы обеспечить обсуждение лекций на таком широком уровне, как это произошло, то ли под эгидой института, то ли Президиума АН СССР, то есть в академической среде, к которой по своим функциональным обязанностям принадлежал автор лекций. Однако для «воспитательной проработки» автора лекций, да и института, потребовалась Академия общественных наук при ЦК КПСС, которая ни структурно, ни административно в состав АН СССР не входила.

В-четвертых, если при анализе истории с «Лекциями по социологии» пользоваться столь полюбившимся некоторым авторам термином «погром», то, само собой разумеется, возникает вопрос о том, а кто же эти «погромщики» и по каким критериям они определяются. Как известно, из всех обвинений в адрес Ю.А. Левады ключевое

¹ Цит. по: Шалин Д.Н. Человек общественный: Гарвардское интервью с Юрием Левадой // Социологический журнал. 2008. № 1. С. 138.

² Левада Ю.А. Общественное мнение в год кризисного перелома // Левада Ю.А. От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993–2000. М., 2000. С. 17, 23.

³ Левада Ю.А. Я считал, что было бы неестественно вести себя как-то иначе // Социологический журнал. 2008, № 1. С. 146.

место занимают: недостаточное раскрытие роли исторического и диалектического материализма как основополагающей теории и методологии марксистско-ленинской социологии, принижение классового и партийного подхода к раскрытию явлений социальной действительности, отсутствие глубинной критики буржуазных социологических теорий, недостатки в должном отражении существенных аспектов идеологической борьбы.

И, как свидетельствует осуществленный нами выше анализ, позиции таких «главных ревнителей партийной чистоты» (по формулировке Г.В. Осипова), как Ф.В. Константинов, Х.Н. Момджян и Ц.А. Степанян, абсолютно ничем не отличаются от оценок Г.В. Осипова и Ф.М. Бурлацкого на объединенном заседании кафедр философии в АОН при ЦК КПСС. Более того, как заместители директора ИКСИ они провели эти формулировки в решении партбюро института, после чего те стали достоянием всех, какие только существовали в то время, ступенек партийной вертикали, включая ее самую вершину – Старую площадь.

В-пятых (связано с «в-четвертых»), навязывание общественному мнению бывшими институтскими активными участниками «погрома» различного рода версий и мифов об их же («погромщиков») гражданской и научной смелости в защите Ю.А. Левады (что фактически означает выгораживание себя) – в комментариях не нуждается, ввиду абсолютно очевидных и документально зафиксированных доказательств. В этом контексте приведем один пример. О двуличии руководства ИКСИ свидетельствует такой факт. Как отмечает М.Г. Пугачева, уже после обсуждения «Лекций» Ю.А. Левады в Академии общественных наук «было предпринято все, чтобы отмежеваться от Левады», и «Г.В. Осипов явно вдогонку посвятил свой доклад доказательству того, что «Лекции» Левады – его личная инициатива, не имеющая прямого отношения к деятельности института»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.). И это при том, что еще 26 сентября 1968 года в приказе № 4 директора института отмечалось: «В 1967/68 учебном году на факультете социологических исследований Вечернего университета марксизма-ленинизма при МПС КПСС с большим успехом выступили с чтением лекций научные сотрудники Института конкретных социальных исследований. Лекции были прочитаны на высоком профессиональном и идейно-теоретическом уровне и восприняты слушателями с большим интересом... Приказываю объявить благодарность д. ф. н. Леваде Ю.А.»² (подчеркнуто нами. – А.К.).

§6. «Информация умолчания»

Какое значение имеет каждый новый документальный, архивный источник для науки – аксиоматично. Снятие запрета со многих архивных источников предоставило возможность аналитикам, журналистам, всем, кому дорога историческая правда, вскрыть новые, ранее неведомые обществу целые пласты документально зафиксиро-

¹ Пугачева М.Г. Институт конкретных социальных исследований Академии наук СССР. 1968–1972 гг. В кн.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 529.

² Пугачева М.Г. Институт конкретных социальных исследований Академии наук СССР. 1968–1972 гг. В кн.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 529.

ванной истории. И можно ли поверить в то, что историческим источникам, получившим после их рассекречивания широкий общественный резонанс, вновь уготована судьба замалчивания и игнорирования? Поверить в это трудно, но приходится согласиться с тем, что и в условиях «абсолютной гласности» каток сознательного информационного умолчания срабатывает. Именно так произошло с итогами Первого Всесоюзного научно-практического совещания по вопросам развития социологических исследований, проведенного в Киеве в ноябре 1984 года. Оно проходило через десять лет после состоявшегося в Москве в марте 1974 года по инициативе ИСИ РАН и Советской социологической ассоциации совещания по кодификации социологических исследований в научных учреждениях Академии наук СССР и республиканских академий и стало, по всеобщему признанию, важнейшей вехой в процессе возрождения социологической науки в СССР. Перипетии же, связанные с этим событием, заслуживают того, чтобы о нем рассказать поподробнее и выделить некоторые моменты, весьма поучительные и для нынешних времен.

Итак, по порядку. Киевское совещание проводилось в соответствии с внесенным 11 мая 1984 года Академией наук предложением в ЦК КПСС, которое 12 июня 1984 года было поддержано Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС и передано на рассмотрение руководства ЦК КПСС 13 июня 1984 года. На его проведение дали согласие и официально завизировали документ секретари ЦК М.С. Горбачев, В.И. Долгих, И.В. Капитонов, Е.К. Лигачев, Б.Н. Пономарев, Г.В. Романов, Н.И. Рыжков (М.В. Зимянин и К.В. Русаков отсутствовали). 26 июня 1984 года их согласие было официально оформлено. О широком представительстве и высоком статусном уровне этого мероприятия свидетельствовал состав его участников: ответственные работники ЦК компартий союзных республик, областных и городских партийных комитетов, Минвуза, ЦСУ и Госкомтруда СССР, представители социологических учреждений и научных центров страны, вице-президенты республиканских Академий наук, руководители (директора) и сотрудники научно-исследовательских учреждений, ведущие ученые и социологи-практики, работники научных учреждений и социологических подразделений в системе партийной учебы, руководители территориальных отделений Советской социологической ассоциации.

Честь открытия совещания вступительным словом была предоставлена вице-президенту Академии наук УССР академику И.И. Лукинову. В 7 докладах на совещании была представлена вся та теоретическая и научно-практическая проблематика, которой жила в то время научная и партийная элита: определение основных направлений социологических исследований, практические вопросы их координации, связь социологических служб с партийными, государственными и хозяйственными органами, методическое и информационное обеспечение этой сферы. Глубокому и обстоятельному анализу состояния социологической науки в стране и раскрытию перспектив ее дальнейшего развития был посвящен доклад вице-президента АН СССР академика П.Н. Федосеева. Тема доклада секретаря ЦК Компартии Украины А.С. Капто – состояние развития социологической науки в республике и повышение ее роли в решении социальных проблем. С большим интересом был встречен доклад директора Института социологических исследований АН СССР, доктора философских наук, профессора В.Н. Иванова (восторженные оценки его доклада прозвучали на следующий день и на страницах прессы) на тему «Актуальные проблемы социологических исследований в свете июньского (1983) и последующих пленумов ЦК КПСС». Круг

проблем доклада директора Института философии АН УССР, члена-корреспондента АН СССР В.И. Шинкарука – опыт организации социологических исследований, проводимых академическими учреждениями Украины, обществоведческими кафедрами вузов, социологическими службами предприятий, ведомств, министерств.

В докладе секретаря ЦК компартии Грузии Г.Н. Енукидзе нашли глубокое отражение вопросы методологии и практики изучения общественного мнения, было рассказано о функционировании в республике Центра по изучению, формированию и прогнозированию общественного мнения при ЦК компартии Грузии, об использовании рекомендаций по результатам социологических опросов в целях совершенствования идейно-воспитательной работы среди различных категорий населения, проводимой партийными и общественными организациями, соответствующими министерствами и ведомствами. Руководитель кафедры идеологической работы Академии общественных наук при ЦК КПСС, доктор философских наук, профессор Ж.Т. Тощенко посвятил свой доклад рассмотрению вопросов использования результатов социологических исследований в практике партийной работы, обобщению опыта работы ряда партийных комитетов по внедрению результатов социологических исследований в идейно-воспитательном процессе, формулированию конкретных предложений по повышению методологического и методического уровня проводимых исследований, особенно усилению их практической эффективности. Актуальные проблемы функционирования и развития социологической службы промышленной отрасли, различные аспекты совершенствования ее структуры, улучшение кадрового обеспечения, положительное влияние социологических служб ряда отраслей на формирование здорового морально-психологического климата в трудовых коллективах, более полное использование социальных факторов повышения эффективности общественного производства – все это стало предметом обстоятельного анализа в докладе первого заместителя председателя Госкомтруда СССР, доктора экономических наук, профессора Л.А. Костина.

Развернувшуюся после докладов дискуссию существенно обогатили выступления вице-президента АН Узбекской ССР, академика АН УзССР Э.Ю. Юсупова, академика-секретаря Отделения общественных наук АН Литовской ССР, члена-корреспондента АН ЛитССР И.А. Мацкявичуса, директора Института философии и права АН Белорусской ССР, члена-корреспондента АН БССР Е.М. Бабосова, директора Института социально-экономических проблем АН СССР, доктора экономических наук И.И. Сигова, старшего научного сотрудника Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, доктора философских наук А.Г. Здравомыслова, начальника Главного управления преподавания общественных наук Минвуза СССР, кандидата философских наук Г.Г. Квасова. В выступлениях секретаря Днепропетровского горкома компартии Украины Л.М. Топюк, секретаря парткома киевского завода «Арсенал» А.С. Долбилова речь шла о наиболее эффективных путях использования социологических опросов в практике партийной работы. Теоретические, методологические и методические проблемы развития социологической науки рассматривались в выступлениях президента Советской социологической ассоциации АН СССР, доктора философских наук, профессора Х.Н. Момджяна.

Много ценных мыслей о проблемах промышленной социологии содержалось в выступлениях начальника отраслевой лаборатории социологических исследований Днепропетровского машиностроительного завода Л.В. Овчинского и директора Ти-

распольского производственного швейного объединения Героя Социалистического Труда В.С. Соловьевой.

Большую научную и общественную значимость проведенному совещанию придавали принятые на нем рекомендации по дальнейшему повышению эффективности социологических исследований, а также разработанные актуальные направления развития социологической науки, улучшения координации деятельности научных учреждений и органов планирования, совершенствования подготовки и переподготовки кадров социологов, улучшения информационной деятельности в социологической сфере.

Итоги совещания были всесторонне обсуждены на дирекции и ученом совете ИСИ АН СССР, Президиуме Советской социологической ассоциации, материалы обсуждения были опубликованы в информационном бюллетене, издаваемом совместно Советской социологической ассоциацией и ИСИ АН СССР. О реакции ЦК КПСС и руководства АН СССР на киевское совещание социологов свидетельствуют три официальных документа, оригиналы которых хранятся ныне в фондах Российского государственного архива новейшей истории: информационная записка в ЦК КПСС секретаря ЦК компартии Украины А.С. Капто «О научно-практическом совещании по вопросам развития социологических исследований» от 28 ноября 1984 года, записка вице-президента АН СССР П.Н. Федосеева «Об итогах научно-практического совещания по развитию социологических исследований в свете решений июньского (1983) и последующих Пленумов ЦК КПСС» от 6 декабря 1984 года и записка Отдела науки и учебных заведений и Отдела пропаганды ЦК КПСС от 4 января 1985 года по поводу первых двух записок в ЦК КПСС. Считаю целесообразным не в изложении, а дословно и во всем объеме (то есть без сокращений) предложить читателю эти документы.

Информация секретаря ЦК КП Украины А.С. Капто «О научно-практическом совещании по вопросам развития социологических исследований»

28 ноября 1984 года

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС

20–21 ноября 1984 года в Киеве состоялось научно-практическое совещание по вопросам развития социологических исследований. В нем приняли участие ответственные работники ЦК КПСС, ЦК компартий союзных республик, областных и городских партийных комитетов, Минвуза, ЦСУ и Госкомтруда СССР, ведущие ученые и социологи-практики. С докладами выступили вице-президент Академии наук СССР П.Н. Федосеев, секретарь ЦК компартии Грузии Г.Н. Енукидзе, директор Института социологических исследований АН СССР В.Н. Иванов, директор Института философии АН УССР В.И. Шинкарук, первый заместитель председателя Госкомтруда СССР Л.А. Костин, руководитель кафедры Академии общественных наук при ЦК КПСС Ж.Т. Тощенко. В обсуждении приняли участие 25 человек.

На совещании внесен ряд предложений, направленных на совершенствование социологических исследований и подготовки кадров, более широкое внедрение достижений науки в общественную практику. В частности, предложено расширить

исследования закономерностей становления бесклассовой структуры общества, изучение образа жизни классов, этнических, профессиональных, социально-демографических, внутриклассовых групп, разработку социальных проблем повышения эффективности труда, возрастания роли человеческого фактора на производстве. Высказаны соображения о более активном использовании результатов социологических исследований в идейно-воспитательной работе, в подготовке практических рекомендаций для партийных, советских и хозяйственных органов.

Внесены предложения развернуть исследования актуальных социальных проблем: широкомасштабного экономического эксперимента; развития аграрно-промышленного комплекса; совершенствования распределительных отношений; функционирования сферы обслуживания, здравоохранения и культуры; осуществления реформы общеобразовательной школы; прогнозирования и моделирования общественных процессов.

Предлагалось также утвердить типовое положение о социологической службе предприятия, объединения, отрасли, разработать концепцию всесоюзной социологической службы. Высказаны конкретные предложения о разработке учебной программы для вузов, готовящих специалистов по прикладной социологии, повышении квалификации социологов-практиков на специальных курсах и факультетах, расширении сети подготовки и переподготовки кадров.

Подчеркивалась необходимость ускорить создание учебников и учебных пособий по социологии, решить вопрос об издании специализированного журнала «Промышленная социология», увеличить периодичность издания журнала «Социологические исследования».

Совещание приняло рекомендации, направленные на дальнейшее развитие социологии в стране.

Секретарь ЦК компартии Украины
А. Капто¹

Записка вице-президента АН СССР П.Н. Федосеева «Об итогах научно-практического совещания по развитию социологических исследований в свете решений июньского (1983) и последующих Пленумов ЦК КПСС»

6 декабря 1984 года
ЦК КПСС

В порядке подведения итогов по выполнению решений июньского (1983) Пленума ЦК КПСС 20–21 ноября сего года в Киеве с согласия ЦК КПСС проведено Всесоюзное научно-практическое совещание по развитию социологических исследований в стране. В работе совещания приняли участие ответственные работники ряда ЦК компартий союзных республик, областных и городских партийных комитетов, ЦСУ СССР, Госкомтруда СССР, Минвуза СССР, вице-президенты республиканских академий наук, сотрудники научно-исследовательских учреждений, преподаватели вузов, руководители территориальных отделений Советской социологической ассоциации,

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 90. Д. 172. Л. 89–91. Подлинник.

заводские социологи. Всего в работе совещания приняло участие 350 человек из 30 городов страны.

На совещании выступили секретарь ЦК компартии Украины тов. Капто А.С., секретарь ЦК Компартии Грузии тов. Енукидзе Г.Н., руководители ряда ведомств и предприятий, ученые. В докладах и выступлениях участников совещания был проанализирован накопленный опыт социологических исследований в стране и в отдельных регионах, рассмотрены проведенные после июньского Пленума ЦК КПСС мероприятия по повышению эффективности и качества социологических исследований, методы, формы и опыт внедрения в практику партийной, государственной и хозяйственной работы разработанных на их основе рекомендаций.

На совещании отмечалось, что важнейшим условием успеха и действенности социологических исследований является их связь с партийными комитетами и организациями, работа по их заказам и при их активной поддержке. Об этом, в частности, свидетельствует проведенное Институтом социологических исследований АН СССР в тесной связи с партийными органами союзных и автономных республик, а также ряда областей РСФСР всесоюзное социологическое исследование образа жизни советских людей, в результате которого получена ценная информация как о типичных чертах жизнедеятельности различных социально-демографических групп населения, так и об имеющихся проблемах и недостатках. Социологические центры и службы в республиках, выполняя задания партийных комитетов, провели ряд представительных исследований общественного мнения. Наиболее успешно поставлена эта работа в Грузии, где создан при ЦК компартии Центр по изучению, формированию и прогнозированию общественного мнения. Подобная работа успешно ведется также на Украине, в Азербайджане, Белоруссии, Литве и в других республиках. Хороший опыт функционирования территориальной социологической службы накоплен в Ленинградской области, где она сложилась и работает при активной поддержке областного комитета партии.

В некоторых республиках и областях проведена большая работа заводскими социологами, работающими под руководством партийных комитетов предприятий. На совещании был широко представлен опыт использования социологических исследований для улучшения морально-политического климата в трудовых коллективах на предприятиях Днепропетровска, Тирасполя и других городов.

В докладах и выступлениях партийных работников и руководителей предприятий отмечалась полезность использования данных социологических исследований в решении вопросов социального планирования на уровне предприятий, отраслей, регионов. Поставлен вопрос о более широком применении наряду с социальным прогнозированием социального проектирования, в частности, жилищно-бытовых комплексов городов и сельских поселений, о необходимости расширения социологической подготовки руководящих хозяйственных кадров. С этой целью признано целесообразным чтение специальных курсов по социологии в инженерных вузах, в институтах повышения квалификации руководящих работников. Вместе с тем на совещании были выявлены недостатки и нерешенные проблемы развития социологических исследований.

К числу проблем, требующих своего первоочередного решения, относится уточнение и быстрее завершение юридического оформления функционирования социологических служб и статуса социологов на предприятиях, в отраслях и регионах.

В рекомендациях совещания и в выступлениях участников был поставлен вопрос о необходимости разработки Госпланом СССР соответствующих нормативов обеспечения промышленного и сельскохозяйственного производства социологами разного профиля и организации подготовки их в нужном количестве в системе высшего образования на базе экономических факультетов.

Другая назревшая проблема – расширение подготовки и особенно переподготовки кадров социологов. По данным Госкомтруда СССР, сейчас в различных отраслях народного хозяйства на предприятиях работают около 10 тыс. социологов. Однако большинство из них не имеют соответствующего образования. Масштабы же развития недавно введенного социологического высшего образования в Московском и Ленинградском университетах пока весьма скромны. Назрела необходимость открыть отделения социологии в Киевском и Тбилисском университетах, где уже имеются необходимые для этого условия. В нынешнем году при Институте социологических исследований АН СССР создан центр повышения квалификации заводских социологов г. Москвы и Московской области. Требуется принятие дополнительных мер для быстреего повышения квалификации социологов, не имеющих базового образования, на республиканских или межобластных краткосрочных курсах.

Как показало совещание, весьма острой остается проблема совершенствования координации работы академических и ведомственных научных центров, объединение их в единую систему всесоюзной социологической (или социолого-психологической) службы, укрепление деловых взаимосвязей социологических подразделений с органами Госплана СССР, ЦСУ СССР, Госкомтруда СССР, с органами планирования и управления союзных республик, краев и областей. В настоящее время только в рамках Академии наук СССР и академий наук союзных республик существует около 70 социологических отделов, секторов и лабораторий, в которых работает более 1 тыс. сотрудников, в том числе 40 докторов наук и около 280 кандидатов. Более 150 социологических подразделений организовано в вузах. Постоянно увеличивается сеть социологических служб в системе отраслевых министерств и ведомств. Социологические исследования проводятся органами печати, радио и телевидения, учреждениями культуры и комсомольскими организациями. Поэтому столь важное значение приобретает задача поэтапного формирования целостной системы социологических исследований в стране. В этой связи была положительно оценена разработка Госкомтрудом СССР «Типового положения о социологической службе отрасли». В то же время на совещании подчеркивалась необходимость аналогичного положения для региональной (территориальной) социологической службы.

На совещании была выражена озабоченность слабой технической и информационной обеспеченностью действующих социологических центров и подразделений, недостаточным развитием социальной статистики. Остается неудовлетворенной потребность в методической литературе и в первую очередь в учебниках и учебных пособиях по социологии. Требуется также увеличить издание переводной социологической литературы, более широко знакомить научную общественность с состоянием социологических исследований в братских социалистических странах.

Во многих выступлениях ставился вопрос об увеличении периодичности издания журнала «Социологические исследования», который выходит пока 4 раза в год.

Совещание в целом прошло успешно и показало возможность значительного улучшения социологических исследований и использования их результатов в практической работе.

Вице-президент Академии наук СССР
академик П.Н. Федосеев¹

По поводу этих двух направленных в ЦК КПСС документов заведующий Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС В. Медведев и заведующий Отделом пропаганды ЦК КПСС Б. Стукалин подготовили документ «О записках тт. Капто А.С. и Федосеева П.Н.» и 4 января 1985 года официально представили его руководству ЦК КПСС, причем не ограничились констатацией в целом положительной оценки итогов киевского совещания по социологии и особенно ряда предложений о расширении подготовки кадров социологов, ускорении создания учебников и учебных пособий по социологии, увеличении периодичности издания журнала «Социологические исследования» и др. Наряду с этим они предложили ряд мер, направленных на закрепление итогов киевского совещания и дальнейшее развитие социологической науки, более активное ее участие в преобразовательных процессах общества: направление для опубликования в Информационный бюллетень ЦК КПСС материалов по итогам совещания; об открытии в текущем учебном году в Московском и Ленинградском государственных университетах отделений прикладной социологии; о начале подготовки в МГУ на специальном факультете специалистов-социологов, работающих в различных отраслях народного хозяйства; о проработке Министерством высшего и среднего специального образования СССР вопроса об открытии в 1985 году отделения социологии также в Киевском университете; о рекомендации Минвузу СССР и Академии наук СССР ускорить работу по созданию учебников и учебных пособий по социологии; о внесении Академией наук СССР в установленном порядке предложений в ЦК КПСС об увеличении периодичности журнала «Социологические исследования».

Что касается предложения о создании журнала «Промышленная социология», то отделы ЦК его не поддержали, считая это нецелесообразным. Заключительный абзац записки отделов ЦК гласил: «Отделами науки и учебных заведений, пропаганды ЦК КПСС осуществляется контроль за ходом реализации замечаний, высказанных на данном совещании»² (подчеркнуто нами. – А.К.). А 5 января 1985 года пакет документов был рассмотрен секретарем ЦК КПСС М.В. Зимяниным и, пройдя существовавшую тогда процедуру оформления беспроточного постановления (в таких случаях согласие секретарей ЦК КПСС приравнивалось к решению ЦК КПСС), приобрел силу документа, обязательного для выполнения партийными комитетами и государственными органами, которых это касается. На эту акцию ЦК КПСС активно отреагировали соответствующие министерства и ведомства, разработав и утвердив комплексные мероприятия по их участию в работе по совершенствованию социологических исследований в стране.

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 90. Д. 172. Л. 92–96. Подлинник.

² Социология и власть. Сборник 3. Документы. 1973–1984. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2003. С. 308.

Эффективным импульсом в дальнейшем развитии социологии в стране, наращивании ее теоретического потенциала и организационно-структурной базы стало принятие Секцией общественных наук Президиума АН СССР 22 января 1985 года постановления о реализации рекомендаций 1-го Всесоюзного совещания по совершенствованию социологических исследований в стране, состоявшегося в ноябре 1984 года (Киев). По докладу директора ИСИ АН СССР В.Н. Иванова секция разработала и утвердила такие подлежащие совместному решению с другими общесоюзными органами мероприятия: создание четко действующей системы подготовки и переподготовки высококвалифицированных кадров социологов; открытие в 1985–1986 годах отделений прикладной социологии в Киевском и Тбилисском университетах, а в последующие годы в некоторых других университетах; в качестве основной формы подготовки кадров социологов на промышленных и агропромышленных предприятиях реализовать идею создания спецфакультетов, аналогичных созданному к тому времени на философском факультете МГУ; организовать на базе региональных отделений ССА постоянно действующие школы подготовки штатных и нештатных работников социологических служб предприятий; разработать положение о «Школе социологов», а также соответствующую программу обучения.

В постановлении секции определены и такие меры: использование возможностей ИПК для повышения социологической подготовки хозяйственных кадров, разработка для ИПК спецкурса по прикладной социологии; регулярное проведение «Дня директора» в региональных отделениях ССА с целью обмена опытом деятельности социологических служб; принятие более действенных мер по подготовке и изданию учебников и учебных пособий по прикладной социологии, в том числе по спецкурсам, читаемым на отделении прикладной социологии в МГУ имени М.В. Ломоносова. ИСИ поручалось разработать предложения по обеспечению унификации методик, используемых при проведении социологических исследований в разных регионах страны, для чего обеспечить экспертизу исследовательских методик, используемых в региональных исследованиях, создать экспертные комиссии по методикам социологических исследований; обеспечить такой порядок, когда не разрешалось бы проведение социологических исследований любого уровня, не имеющих визы экспертных комиссий соответствующих социологических учреждений; привлечь к процессу унификации и экспертизы исследовательских методик отделения и филиалы ССА, а также региональные научно-исследовательские секции ССА; разработать предложения поэтапной организации Всесоюзной социологической службы; завершить и утвердить в Госкомитете по труду и социальным отношениям Положение о социологической службе промышленного предприятия; разработать ИСИ и ССА предложения о создании сети интервьюеров и банка эмпирических данных и др.

Таким образом, 1-е Всесоюзное совещание по совершенствованию социологических исследований в стране, состоявшееся в ноябре 1984 года (Киев), реакция на его итоги отделов ЦК КПСС, Президиума АН СССР и Секции общественных наук Президиума АН СССР позволяют сделать принципиальный вывод о том, что советская социология входила в перестройку в активно действующем режиме. И оно (совещание) стало еще одной ступенькой в движении к ее (социологии) институционализации в 1988 году наряду с такими ранее осуществленными акциями, как Всесоюзное совещание по координации социологических исследований в научных учреждениях АН СССР (Москва, март 1971), Всесоюзная научно-практиче-

ская конференция по проблемам совершенствования практики социологических исследований и др.

Со временем же пакету документов о киевском научно-практическом совещании социологов пришлось пройти путь от широкой гласности до преднамеренных акций по его игнорированию и преданию его забвению. Дело в том, что уже в постсоветские времена ИСПИ РАН совместно с Российским государственным архивом новейшей истории был реализован весьма ценный в научном отношении проект «Социология и власть», представляющий собой издание трех (небольших по объему) сборников документов и материалов об отношениях власти и социологии в период так называемого ренессанса социологической науки в СССР, включающий три временных отрезка: 1) 1954–1968 годы; 2) 1969–1972 годы; 3) 1973–1984 годы. Исследователи, да и читатели, интересующиеся историей отечественной науки, получили ценнейший информационный источник о событиях, процессах и конкретных личностях периода социалистического ренессанса в стране – то, что до этого находилось под архивными замками. Можно было бы радоваться и тому, что вскоре под таким же названием, но теперь уже в версии авторского издания, да и еще значительно большим объемом был издан труд, включивший в себя не только архивные материалы предыдущих трех сборников, но и авторские статьи, интервью, справочные материалы, которые призваны были существенно углубить знание и понимание процессов, происходивших в советской социологии, начиная от хрущевской оттепели до горбачевской перестройки¹.

Но, как оказалось, интригующий подзаголовок книги «Как это было на самом деле» не нашел полного подтверждения в авторских материалах (что уже отмечалось) и отражал во многом вещи, которых на самом деле даже не было, или если и были, то выглядели совсем не так, как это преподносилось авторами нового издания. А для некоторых важных документов, как бы это ни было удивительно, вовсе не оказалось места. В их числе – и пакет документов о киевском научно-практическом совещании по социологии. Это нонсенс! С точки зрения профессиональной этики подобные приемы недопустимы!

Так какие же побудительные мотивы перекрытия пути для публикации документов, скажем без преувеличения, не рядового масштаба – и в научном, и в общественно-политическом плане? Один из двух: первый – признание Г.В. Осиповым значимости проведенного партийными органами мероприятия (по терминологии «партократами») не вписывалось бы в концепцию «тотального угнетения» социологической науки этими «партократами»; вторая – он сам неоднократно действовал по принципу: значимо то, в чем он принимал участие лично. Как говорится, и я там был, и медя пил. На данное же мероприятие он не приглашался. Какому из указанных мотивов отдавалось предпочтение – гадать не будем. Каждый из них нравственно ущербный, к тому же в данном случае вполне возможен и их симбиоз в индивидуальном исполнении.

Член-корреспондент РАН В.Н. Иванов, который был активным участником этого мероприятия, выступал на нем с докладом, недоумевает по этому поводу и справедливо отмечает: «Конечно, – пишет он, – обо всем написать нельзя, но умолчать о первом знаковом для науки и социологов столь масштабном и представительном

¹ См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть. М.: Экономика, 2008.

мероприятии (подчеркнуто нами. – А.К.) равнозначно тому, что, говоря о развитии социологии в демократической России, не сказать о Первом социологическом конгрессе, проведенном в Санкт-Петербурге в 2000 году»¹.

Как же отреагировал Геннадий Васильевич на мою просьбу объяснить случившееся? «Я к этому не причастен, меня подвели», – перевел он стрелку на других. Но эти «другие» подтвердили информацию о том, что пакет документов о киевском совещании по социологии был включен в рукопись готовящейся к переизданию книги, и исчез он после окончательного ее рассмотрения Геннадием Васильевичем перед передачей рукописи в издательство, то есть был применен механизм информационного умолчания.

Но произошел парадокс: в первом издании, выполненном под руководством Л.М. Москвичева, указанные материалы о киевском совещании были помещены, а само совещание в предисловии к сборнику документов получило самую высокую оценку: оно «было, как представляется, самым значительным форумом такого рода за всю историю советской, марксистско-ленинской социологии»² (подчеркнуто нами. – А.К.), на нем «фактически были продемонстрированы основные достижения советской социологии за три десятилетия, 1954–1984 годы, намечены пути и ориентиры ее дальнейшего развития»³. И, наконец, как можно увязать эту оценку с «объяснениями» в новом издании «Социологии и власти» причин невключения во второе издание важнейших материалов о киевском совещании социологов: оказывается, «они касаются частных эпизодов и малоинтересных для научного общества, широкой публики событий»⁴.

Таковыми же «малоинтересными для научного сообщества» и недостойными включения в сборник документов «Социология и власть» оказались и другие крупные события научной жизни – научная конференция в декабре 1986 года в Баку, конференция в Тбилиси в ноябре 1987 года и др. Между тем совещание социологов в Киеве в 1984 году можно правомерно считать этапным в развитии отечественной социологии. С одной стороны, оно проходило спустя десять лет после проведенного в 1974 году ИСИ АН СССР и Советской социологической ассоциации совещания по координации социологических исследований в стране, и его документы стали, пожалуй, основным официальным источником, в котором был оценен десятилетний опыт развития советской социологии, участия отечественных социологов в двух прошедших за это время Всемирных социологических конгрессах. А с другой, оно (киевское совещание) прошло в канун крупного цивилизационного зигзага в развитии страны под воздействием перестройки (напомним, что документы совещания социологов в Киеве были одобрены секретарем ЦК КПСС М.В. Зимяниным 5 января 1985 года, а в марте того же года Пленум ЦК КПСС избрал М.С. Горбачева Генеральным секретарем), во время которой было принято, как уже отмечалось, решение, институционализировавшее социологию в качестве самостоятельной научной дисциплины, – постановление Политбюро ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества» (1988).

¹ Иванов В.Н. Моя эпоха. Люди и события. М., 2009. С. 241.

² См.: Социология и власть. Сборник 3. Документы. 1973–1984. М.: ИСПИ РАН, 2003. С. 27.

³ См.: Социология и власть. Сборник 3. Документы. 1973–1984, М.: РИЦ, ИСПИ РАН, 2003. С. 7.

⁴ Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 4.

Без рассмотрения в динамике и взаимосвязи трех важнейших акций в развитии советской социологии – московского совещания 1974 года по координации социологических исследований, киевского научно-практического совещания по вопросам развития социологических исследований 1984 года и принятия в 1988 году постановления Политбюро ЦК КПСС по вопросам социологии – невозможно объективно оценить процессы, происходившие в социологической науке, выделить проблемы, определившие судьбу этой науки, объективно охарактеризовать трудности, встречавшиеся на этом пути, отсеять все наносное, субъективное, второстепенное.

Кстати, после официального завершения киевского совещания по вопросам развития социологических исследований обсуждение его проблематики получило продолжение и на следующий день, когда П.Н. Федосеев перед отъездом в Москву высказал просьбу нанести визит члену Политбюро ЦК КПСС, первому секретарю ЦК компартии Украины В.В. Щербицкому. Визит задумывался как протокольный, как визит вежливости, однако прошел он по иному сценарию, превратившись в глубоко содержательную дискуссию по актуальным проблемам развития отечественной социологии. Участниками этой встречи были В.В. Щербицкий, П.Н. Федосеев, Б.Е. Патон, А.С. Капто – лица, избранные XXVI съездом КПСС в состав Центрального Комитета и в качестве таковых принимавшие участие в июньском (1983) Пленуме ЦК КПСС, на котором впервые на таком уровне состоялся обстоятельный обмен мнениями по развитию социологической науки. А разработанные мероприятия по реализации решений этого пленума включали в том числе и проведение киевского социологического совещания. Поэтому и разговор в кабинете лидера Украины начался с воспоминаний о событии годичной давности, ставшем крупной вехой в сюжете «социология и власть». И это, как нам представляется, может быть хорошей и поучительной иллюстрацией к тому, как в действительности, а не по получившим широкое хождение мифам, строились деловые отношения между наукой и властью.

Итак, начавшийся разговор в кабинете первого секретаря ЦК компартии Украины перенес нас в 14 июня 1983 года, в Москву, Кремль, в отделанный карельской березой зал заседаний Пленумов ЦК КПСС. И что же из значимого для социологов произошло на самой вершине партийного Олимпа? Вначале предоставим слово не участнику этого события, а Г.В. Осипову, который уже в постсоветское время предложил свою версию «как это было на самом деле». Сделав совершенно не отвечающее истине заявление о том, что «постепенно становится все очевиднее, что ЦК КПСС крайне недоволен пристальным вниманием социологов и экономистов, во-первых, к проблеме качества жизни и, во-вторых, широким применением математических методов», он пишет: «В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС К.У. Черненко на очередном пленуме ЦК КПСС вставляют фразу с резкой критикой Института экономико-математических методов и Института социологических исследований, как не оправдавших доверие партии. Больше того, вносится предложение на базе нашего института создать Центр социологических опросов общественного мнения, что фактически означало бы его ликвидацию. Однако смерть К.У. Черненко помешала реализации такого намерения»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Сопоставление высказываний Г.В. Осипова и К.У. Черненко по одному и тому же поводу свидетельствует о полнейшем содержательном и оценочном несоответствии.

¹ Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб., изд-во РХГА, 2005. С. 547.

Приведенная выше цитата Г.В. Осипова полностью могла бы отвечать названию «декларация пяти неправд». Доказательства? Они – налицо! Первое: утверждение о том, что ЦК КПСС проявлял крайнее недовольство пристальным вниманием социологов и экономистов к проблемам качества жизни и широкого применения математических методов, настолько само по себе несостоятельно, что нет необходимости его комментировать.

Второе – о докладчике К.У. Черненко как Генеральном секретаре ЦК КПСС. Зачем же так «досрочно» лишать генсекского пьедестала Ю.В. Андропова, находившегося на нем с 1982 по 1984 год, и возводить в самый высокий партийный ранг К.У. Черненко, опережая время, – ведь Константин Устинович стал Генеральным секретарем ЦК КПСС 23 февраля 1984 года, то есть ровно через восемь месяцев после того, как он сделал доклад на упоминавшемся пленуме ЦК в качестве члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС.

Третье – о том, что кто-то (?) вставил в доклад К.У. Черненко «фразу с резкой критикой» двух академических институтов. В данном случае нам остается лишь напомнить: каждый доклад на пленуме ЦК обсуждался на заседаниях Политбюро, где не «вставляли фразы», а члены Политбюро обстоятельно анализировали поднятые в докладе проблемы и вносили нужные, по их мнению, предложения.

Четвертое: К.У. Черненко говорил о том, что «помощь партии со стороны научных учреждений могла бы быть более основательной», у Г.В. Осипова это подается как упрек институтам и приводятся отсутствующие в докладе слова «не оправдавших доверие партии», – что является грубейшей фальсификацией.

Пятое – не было и нет никаких доказательств, что предложение создать Центр социологических опросов общественного мнения «фактически означало» ликвидацию ИСИ. Это опять-таки тот случай, когда все было ровно наоборот: в постановлении Пленума ЦК КПСС поручалось Академии наук СССР и Академии общественных наук при ЦК КПСС подготовить и внести для рассмотрения в установленном порядке предложения о повышении роли социологических исследований в постановке воспитательной деятельности и об организации на базе Института социологических исследований АН СССР Всесоюзного центра по изучению общественного мнения¹.

В докладе же К.У. Черненко «Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии» прозвучали такие суждения: «Разумеется, в своей теоретической деятельности КПСС опирается на лучшие труды советских философов, экономистов, историков, социологов, юристов, психологов. И все-таки помощь партии со стороны научных учреждений могла бы быть более основательной. Приведу конкретный пример. Много мы ожидали от созданных еще в 60-х годах Института социологических исследований и Центрального экономико-математического института Академии наук СССР. Но до сих пор так и не дождалось обстоятельных конкретных исследований социальных явлений и актуальных экономических проблем. В деятельности этих институтов наглядно проявились недостатки, в той или иной степени свойственные и некоторым другим научным учреждениям: замыкание в собственных диссертационных и групповых интересах, мелкотемье, слабость в них партийного влияния. Отделу науки и учебных заведений ЦК, президиуму и секции общественных наук АН СССР, партийным организациям следует уделять большее

¹ См.: КПСС в резолюциях... Т. 14. 1981–1984. М., 1987. С. 426.

внимание вопросам планирования и организации исследований, стиля и методов работы научных коллективов»¹.

Какая же последовала реакция со стороны членов ЦК на прозвучавшие в докладе вопросы? Скажем прямо, все происходившее в зале заседаний напоминало не партийный официоз, а дискуссию профессионального научного сообщества, не только озабоченного сложившейся ситуацией в социологии, но и предлагающего конструктивные решения по ее дальнейшему развитию. Вот отдельные фрагменты этой дискуссии. Украинский лидер В.В. Щербицкий, выступивший на пленуме в числе первых ораторов, внес предложение о создании единой социологической службы и о координации всей работы в области социологии. Материалы к этому выступлению В.В. Щербицкого на пленуме ЦК КПСС по идеологическим вопросам готовила группа аналитиков во главе с секретарем ЦК компартии Украины А.С. Капто, который по распределению обязанностей в Политбюро ЦК компартии Украины отвечал за этот участок работы. Ставя задачу перед этой группой, украинский лидер ознакомил ее руководителя с текстом проекта доклада К.У. Черненко, который он как член Политбюро получил еще до Пленума ЦК для внесения в соответствии с существовавшей практикой замечаний и предложений по окончательной доработке доклада. Таким образом, группа аналитиков по подготовке выступления В.В. Щербицкого была сориентирована по тем социологическим проблемам, которые выносились докладчиком на трибуну Пленума ЦК КПСС, в том числе и по критике деятельности двух академических институтов – Института социологических исследований и Центрального экономико-математического института.

«Мы поддерживаем это предложение как весьма своевременное»², – так отреагировал на речь В.В. Щербицкого выступивший на пленуме ЦК вице-президент АН СССР П.Н. Федосеев. А уже 23 августа 1983 года руководство АН СССР официально информировало ЦК КПСС, что указанные предложения «будут обсуждены Секцией общественных наук и сессией общего собрания АН СССР»³. Такова была реакция академического сообщества на предложение ЦК компартии Украины о неотложной целесообразности создания единой социологической службы (ЕСС). Поэтому начатая на Украине работа по реализации идеи ЕСС еще до июньского пленума ЦК КПСС сразу же после его завершения, получив общесоюзное одобрение, приобрела широкий резонанс и уже к концу 1983 года воплотилась в разработанный документ «О перспективе создания единой социологической службы в республике» (см. Приложение 3).

В этих условиях Президиум АН СССР в соответствии с решениями июньского (1983) Пленума ЦК КПСС, рассматривая состояние работы в научных учреждениях социологического профиля, счел целесообразным в повестку дня намеченного научно-практического совещания «Опыт социологических исследований в стране и задачи их дальнейшего развития» включить наряду с другими и такую тему: «Об опыте социологических исследований в разработке проекта социологической службы в Украинской ССР»⁴. На этом же совещании был заслушан также доклад первого

¹ См.: Пленум Центрального Комитета КПСС, 14–15 июня 1983 г.: стенографический отчет. М., 1983. С. 10–11.

² См.: Социология и власть. Сборник 3. Документы. 1973–1984. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2003. С. 333.

³ См.: Социология и власть. Сборник 3. Документы. 1973–1984. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2003. С. 241.

⁴ См.: Социология и власть. Сборник 3. Документы. 1973–1984. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2003. С. 336.

заместителя председателя Госкомтруда СССР Л.А. Костина «Социологическая служба отрасли». Вице-президент АН СССР П.Н. Федосеев, информируя ЦК КПСС об итогах киевского совещания по социологии, к числу проблем, «требующих своего первоочередного решения», отнес «уточнение и быстрее завершение юридического оформления функционирования социологических служб и статута социологов на предприятиях, в отраслях и регионах»¹.

Но возвратимся все же к июньскому пленуму ЦК. Первый секретарь ЦК партии Казахстана Д.А. Кунаев на нем высказал озабоченность по поводу того, что в общественных науках, прежде всего в философии, социологии, правоведении, демографии, слабо отражаются социально-экономические вопросы и перемены в различных сторонах общественной жизни и что научные результаты обществоведов недостаточно реализуются на практике.

Озабоченность развитием экономической науки прозвучала в выступлении члена ЦК КПСС А.П. Филатова, который высказался за то, чтобы она (экономическая наука) в большей мере содействовала подготовке решений по экономическим вопросам, в частности по ценообразованию, и о создании более эффективной системы, обеспечивающей взаимодействие общественных наук и практики социального управления. Член ЦК КПСС В.С. Чичеров говорил о необходимости усилить воспитание уважительного отношения к труду, в том числе к профессиям, связанным с физическими нагрузками и сменным режимом работы.

Предложение эстонского партийного лидера А.Э. Восса – усиление методической и методологической помощи в повышении эффективности контрпропаганды. Первый секретарь ЦК партии Армении К.С. Демирчян высказался за разработку научно обоснованных рекомендаций по вопросам формирования разумных потребностей. Руководитель компартии Узбекистана Ш.Р. Рашидов обосновал вопрос о необходимости творческой разработки актуальных проблем функционирования общественного мнения, теории наций и национальных отношений, усиления борьбы против фальсификации национальных отношений!²

На пленуме ЦК выступил и П.Н. Федосеев. Признав недостатки, допускаемые системой АН СССР в развитии социологии, в том числе мелкотемье, абстрактный характер многих работ и низкую их эффективность, и рассуждая о путях преодоления недостатков в этой сфере, вице-президент АН СССР заявил: «Социологические обследования, изучение общественного мнения – это дело сугубо политическое, его невозможно наладить вне связи с системой партийной информации, без непосредственного руководящего участия партийных органов, опирающихся на сотни тысяч первичных партийных организаций, работающих в самой гуще масс». Вот вам и «партийный диктат» над социологией!

Когда же в ходе дискуссии в кабинете В.В. Щербицкого с его стороны прозвучало предложение о том, чтобы руководство АН СССР официально проинформировало ЦК КПСС об итогах киевского совещания по социологии (что было бы вполне ло-

¹ Записка вице-президента АН СССР П.Н. Федосеева «Об итогах научно-практического совещания по развитию социологических исследований в свете решений июньского (1983 г.) и последующих пленумов ЦК КПСС». В сб.: Социология и власть. Сборник 3. Документы. 1973–1984. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2003. С. 305.

² См.: Социология и власть. Сборник 3. Документы 1973–1984. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2003. С. 241–242.

гично, проводилось-то оно с благословения Старой площади), Петр Николаевич, не спеша с ответом, какое-то мгновение, как это внешне было заметно, порассуждал сам с собой и вдруг внес предложение о том, чтобы документ в ЦК КПСС имел две подписи – руководства Президиума АН СССР и партийного руководства Украины. В ходе живого обмена мнениями и этот вариант оказался непроходным. В.В. Щербицкий внес новое предложение: направить в ЦК КПСС два документа – один от АН СССР, а второй – от ЦК компартии Украины, поручив подписать его А.С. Капто как секретарю ЦК и непосредственному организатору этого мероприятия. Реакция Петра Николаевича на этот раз была мгновенной: он заявил, что такой вариант более предпочтительный, так как итоги киевского совещания по социологии будут поддержаны авторитетом компартии Украины, чему Президиум АН СССР, как отметил ее вице-президент, придает исключительно большое значение.

§7. Когда же социологи вспомнят об Александре Зиновьеве?

Ренессансная широта А. Зиновьева в области отечественной социологической науки, его пафос социологической истины (А.А. Гусейнов), страсть социолога-новатора проявились в разработке пионерских по новизне и оригинальных по содержанию направлений социологии – отечественной и мировой. Речь идет прежде всего о создании на основе собственных исследований в области логики и методологии науки нового направления теоретической социологии – теории логической социологии, изложенной в ряде работ и особенно в обобщающем труде «На пути к сверхобществу» (2000).

Если некоторые социологи, получившие в советское время дипломы докторов философских наук, сегодня тщатся отгородиться от философии как от якобы вненаучного знания, то А.А. Зиновьев последовательно выступает за междисциплинарный синтез, в котором четкое определение предмета каждой из научных дисциплин, обладающих самостоятельным статусом, сочетается с взаимопроникновением и взаимообогащением интегрированного знания. В данном случае он, вошедший еще в советские времена в тройку выдающихся логиков мира (ни одному из советских и постсоветских обществоведов России не удавалось достичь такого признания), осуществил такое переосмысление содержания логики, чтобы она могла служить потребностям эмпирических наук и создавать логический аппарат для изучения социальной реальности.

Отдавая приоритет в социальном познании методу наблюдения, он считал, что такие методы, как эксперимент и моделирование, в социальной реальности могут быть только мыслимыми, а их эффективность напрямую связана с тем, насколько они применимы к достоверным данным. В исследовательском арсенале логической социологии также заложенные им теории определений, расширенные теории индукции, теории доказательства, такие его разработки оригинальной концепции комплексной логики, как непротиворечивость исследования, его полнота и разрешенность.

Он обстоятельно исследовал методологические и логические основы его логической социологии, разработал необходимый для анализа исторического процесса категориально-понятийный аппарат, построил научную теорию реального коммунизма и дал научное описание социальной организации сверхобщества (предложил

термин «западнизм»), описал постсоветскую социальную организацию, вскрыв при этом сущность, причины и последствия «катастрофы», завершившейся антикоммунистическим переворотом в России («целились в коммунизм, а попали в Россию»).

Научной новизной и оригинальностью характеризуется введение им в качестве ключевых понятий законов социальности («законы экзистенциального эгоизма»). По его убеждению, законы социальности в отличие от зоологического индивидуализма базируются на способности людей к познанию мира, на рациональной организации их деятельности, на функционировании больших масс людей, при котором (функционировании) индивиды выступают в социальных объединениях в качестве социальных субъектов. Одним из основополагающих законов социальности он определяет размежевание социальных объединений по их месту во властной иерархии – на осуществляющих командные функции и подчиненных по такому распределению благ, которое соответствовало бы месту субъекта в этой иерархии. Под воздействием закона социальности определяется и собственная социальная позиция индивида как активно действующего субъекта, который способен не только сохранить эту позицию, но и по возможности укрепить ее, завоевав более высокий статус.

В социальных объединениях как социальных субъектах А.А. Зиновьев, положив в основу характеристики отношений между ними такие критерии, как деловая эффективность, место в иерархической социальной структуре и ментальные представления, выделил три основных аспекта: а) деловой (сфера действий людей и формы их организации по созданию материальной культуры и обеспечению средств существования); б) коммунальный, охватывающий поведенческие акты в условиях большого и пребывающего вне зависимости от своих интересов количества индивидов; в) ментальный (идеологический) аспект, охватывающий среду сознания. В качестве общества с преимущественно деловыми отношениями он назвал ставшее экономическим капиталистическое общество; советское же общество, по его мнению, трансформировавшись из общесоциальных законов в специальные закономерности функционирования общества коммунистического типа, опиралось преимущественно на коммунальные отношения, на отношения между людьми в трудовых коллективах, между коллективами в обществе.

Для характеристики человеческих объединений он ввел понятие «человеиника», действующего как целостный и достаточно долговечный феномен, обладающего внешней и внутренней идентификацией, имеющего сложное внутреннее строение с разделением функций, занимающего определенную территорию. Эволюция «человеиников» – предобщество, общество и сверхобщество, ставшее в XX веке основной тенденцией общественного развития. По его мнению, переход к сверхобществу эволюционировал по двум линиям: одной – опиравшейся на коммунальный аспект жизнедеятельности и воплотившейся в советском «человеинике» коммунистического типа, вторая – западная, характеризующаяся развитием преимущественно делового аспекта и развившаяся в наиболее чистом виде в Западной Европе и США. Победа в этой борьбе второй линии привела после Великой Отечественной войны к становлению сверхобщества с господством Запада и постепенным исчезновением ранее существовавших разнообразных глобальных «человеиников». Как считают некоторые социологи (А. Фурсов), научный поиск А. Зиновьева вписывался в оформившийся к 1970 году принципиально новый дискурс социально-исторических исследований, противостоящих как либеральной, так и марксистской доктрине.

Быть в советское время критиком коммунизма, не превращаясь в антикоммуниста и антисоветчика, разрабатывать научную теорию реального коммунизма, не становясь его апологетом, – в этом суть научной позиции А.А. Зиновьева. Он действительно был апологетом, но не коммунизма, не антикоммунизма, а, по его собственному признанию, апологетом истины о коммунизме. Ему были одинаково чужды фальсификации коммунизма, исходящие как от его догматиков-апологетов, так и от антикоммунистов. Назвав крушение СССР крупнейшей социальной катастрофой XX века, эпохой исторического предательства, он назвал Советский Союз вершинным периодом тысячелетней российской истории.

Яркой гранью таланта социолога А.А. Зиновьева является создание им нового жанра художественной литературы – социологического романа, который по объекту художественного исследования является «родственником» социального романа, но существенно отличается от него использованием научных методов и глубоким профессиональным знанием философии, истории, логики, математики, не говоря уже о теории и методологии социалистической науки. Академик А.А. Гусейнов имел все основания назвать разработанный А.А. Зиновьевым жанр социологического романа «основным открытием в художественной литературе».

Характерная особенность зиновьевского социологического романа – ориентация прежде всего на социальные типы его героев, на становление в рамках социальности и вопреки им индивида как личности, организация жизни больших масс людей («человейников») по законам экзистенциального эгоизма. Образцом социологического романа стали «Зияющие высоты» А.А. Зиновьева, изданные в 1976 году в швейцарском издательстве «La Age d'Homme» и ставшие мировым бестселлером, переведенным более чем на 20 языков. За несоответствие идеологическим нормам роман был признан антисоветским, и автор лишился всех научных званий, военных наград и был изгнан с работы, а затем в августе 1978 года выслан из СССР в ФРГ. Жанр социологического романа получил свое дальнейшее развитие в таких произведениях А.А. Зиновьева, как «В преддверии рая» (1979), «Желтый дом» в двух томах (1980), «Гомо советикус» (1982), «Пара беллум» (1982), «Нашей юности полет» (1983).

А социологическая эссеистика А.А. Зиновьева – это образец социолого-политического синтеза в познании социальной реальности, убедительное доказательство плодотворности интеграции социологического и политологического знания в углублении и взаимообогащении междисциплинарных связей. Зиновьевское социологическое эссе – это отражение прежде всего социально значимых аспектов жизни людей в данном обществе, описание типичных для социума явлений и качеств социальных типов людей. В отличие от многих советских социологов, занимавшихся простой социальной критикой, не желая системно изучать общество, автором была предпринята попытка предложить целостную социологическую картину советской социальной системы (Н.Ф. Наумова). Научные эссе, как и литературные произведения, возникшие, по признанию самого А.А. Зиновьева, на основе публицистики, по сути включены в социологические рассуждения автора, являются их источником (а часто и поводом для формулирования научных взглядов и истин), они выступают в одном случае в качестве дополнений неких общих социологических тенденций, а в другом – важнейшим феноменом, целостной картиной мира.

Велики заслуги А.А. Зиновьева и в разработке и углублении теоретического и методологического фундамента социологии как учебной дисциплины, подготовке кадров

социологов в высшей школе. Он – разработчик и преподаватель в вузах курсов «Введение в методологию социологии», «Логическая социология», «Основы методологии социальных исследований», «Идеология будущего», «Общество и сверхобщество».

Так выглядит в общих чертах социологическое наследие А.А. Зиновьева, которое вместе с не менее выдающимися успехами в философии и логике позволяет говорить об энциклопедическом масштабе великого мыслителя. Он, как отмечалось выше, еще в советское время вошел в тройку крупнейших логиков мира. Как основатель советской логической школы он одновременно с физиком П.Л. Капицей стал действительным членом Финской академии наук, президент которой фон Вригт выделил ее (школу) за новизну, результативность и смелость. Он – единственный российский ученый-социолог, получивший престижную премию имени французского социолога XIX века Алексиса де Токвиля за исследование «Коммунизм как реальность», победив серьезнейшего по мировым меркам конкурента Карла Поппера. Выдающийся социолог Раймон Арон, настоявший на том, чтобы премию дали именно А.А. Зиновьеву, обосновал свою позицию тем, что, по его мнению, Зиновьев является первым социологом, который выработал научное понимание реального коммунизма. Он действительный член Итальянской академии наук (1978), Баварской академии изящных наук (1984), удостоенный за успехи в изобразительном искусстве, лауреат Европейской премии Шарля Вейонна за эссеистику и за роман «Зияющие высоты», лауреат французской литературной премии Медичи в номинации для иностранных писателей (1978). В 1988 году стал почетным профессором Сантьяго-де-Чили.

Словом, для научного, да и интеллектуального сообщества в целом А.А. Зиновьев – крупный ученый мирового масштаба, исследователь-энциклопедист, обогативший науку оригинальными трудами во многих областях социальных и гуманитарных наук, в том числе и в социологии. И как же современное социологическое сообщество относится к этому добытому в тяжелейших испытаниях и общественно признанному национальному интеллектуальному капиталу? Ответ – на поверхности: он печальный, просто удручающий.

В самом деле, чем объяснить, что в вышедших в России социологических энциклопедиях и энциклопедических справочниках об А.А. Зиновьеве как социологе и о его социологическом наследии – ни слова?! В учебниках и учебных пособиях для вузов – такая же абсолютная пустота. Даже не упоминается его имя в научных исследованиях по истории отечественной социологии. Ни разу (в буквальном смысле) имя Александра Александровича не прозвучало ни на одном из прошедших за все постсоветское время Всероссийских социологических конгрессов. Налицо еще один пример явления, получившего название «информация умолчанием», то есть сознательного забвения тех страниц отечественной социологии, которые представляют особую ценность.

...Однажды друживший с семьей Зиновьевых знаменитый швейцарский драматург и прозаик Фридрих Дюрренматт, находясь у них в гостях, в ходе продолжительных разговоров о житье-бытье вдруг произнес: «Наверное, Россия очень богатая страна, если может спокойно разбрасываться такими людьми, как ты, Александр». Когда же наши отечественные дюрренматты обратят внимание на такое разбрасывание интеллектуального богатства страны?

§8. Как академик «прочитал» генсека

В постсоветской мистификации запретительной по отношению к социологии политики властей в конкретный исторический период конца 30-х годов XX столетия большая роль отводится подготовленному И.В. Сталиным для «Истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)» разделу «О диалектическом и историческом материализме». Этот факт преподносится в качестве веского аргумента для обоснования существования целого «разгромного» этапа в отечественной социологии не только в трудах Г.В. Осипова, канонизировавшего такой подход, но и некоторых других авторов, действующих в этом фарватере. Не включаясь в продолжающуюся в обществе дискуссию об «изъянах» или «достоинствах» сталинизма (это не входит в нашу задачу), мы обратимся к разделу о диамате и истмате не как к преданному анафеме тексту, а как к документу истории, послужившему единственным основанием для обоснования сталинских «запретов» социологии в конце 30-х годов XX столетия.

Для начала сошлемся на такое освященное самым высоким академическим авторитетом суждение: «Будучи дилетантом, Сталин не только “упразднил” ее (социологию. – А.К.) в административно-приказном порядке практически, но и теоретически обосновал свое действие. В разделе “О диалектическом и историческом материализме”, написанном им для краткого курса “Истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)” (1938), целая область научного знания – исторический материализм – была “возвращена” в лоно философского знания. С тех пор (то есть с 1938 года. – А.К.) важнейшие части социологии, ее теории и понятийный аппарат стали рассматриваться только на философском уровне. Социологические методы конкретного исследования общества были изъяты из обращения. На конкретное изучение процессов, явлений социальной жизни был наложен строжайший запрет»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Причин для того, чтобы относиться к приведенным выше словам как к истине, казалось бы на первый взгляд, более чем достаточно: принадлежат они академику Г.В. Осипову как автору раздела «Исторические судьбы отечественной социологии после 1917 года» учебника «Социология»; это издание одобрено в 1995 году существовавшим тогда Государственным комитетом РФ по высшему образованию, процензировано докторами философских наук В.Б. Ольшанским и В.Н. Шубкиным, публикация осуществлена в рамках программы «Обновление гуманитарного образования России», куратором которой выступил Стратегический комитет во главе с председателем Государственного комитета РФ В. Кинелевым, ответственный редактор – Г.В. Осипов. Словом, более высокого статуса лиц, задействованных в подготовке и издании этого учебника, просто не может быть. Следовательно, и в объективности и научной обоснованности приведенных выше суждений, казалось бы, не может быть никаких сомнений. Но глаголет ли в данном случае истина устами высокопоставленных лиц? Анатомия приведенной выше цитаты из учебника «Социология» дала на этот счет четкий и исчерпывающий ответ, имеющий важное значение в том числе и потому, что приведенный выше сюжет из учебника «Социология» растира-

¹ Социология. Учебник для высших учебных заведений / Г.В. Осипов, А.В. Кабыща, М.Р. Тульчинский и др. М.: Наука, 1995. С. 41–42.

жирован в многочисленных публикациях Г.В. Осипова – монографиях, материалах социологических конгрессов, наконец, в других его учебниках.

Разумеется, для подтверждения заявлений о том, что Сталин «упразднил» социологию и что этот запрет сопровождался «в административно-приказном порядке», нужны официальные документальные свидетельства о конкретных действиях и акциях на этот счет – принятие по указанию Сталина каких-то директив, партийных решений, его выступлений на общественно значимых мероприятиях, на страницах научных изданий или в печати. Исследование же нами официальных документов, архивных материалов, соответствующей литературы, изданной до и после публикации сталинского труда «О диалектическом и историческом материализме», не позволило выявить ни одного факта, подтверждающего «упразднение» Сталиным социологии в «административно-приказном порядке» в названном выше его труде. Гипотетические же предположения, что в условиях существования в стране командно-административной системы такие факты возможны, при отсутствии убедительных подтверждающих доказательств остаются всего лишь предположениями, и не более того, но отнюдь не аргументами для серьезного научного разговора.

Что же касается утверждений о том, что Сталин в данном случае не ограничился административно-приказными мерами, но и «теоретически обосновал свое действие», то здесь требуется прояснение ряда содержательных вопросов. И поскольку Г.В. Осипов, как в данном случае, так и в других своих публикациях, базируется на одном-единственном источнике – «Кратком курсе истории ВКП(б)» и сталинском труде в нем о диалектическом и историческом материализме – то и нам не обойтись без обращения к этим текстам. Ведь «Краткий курс», принадлежащий перу группы безымянных авторов¹ (кроме Сталина), стал концентрированным олицетворением коллективной памяти созданной системы, он занял в ней место Священного Писания.

Прежде всего об историческом контексте рассуждений Сталина о диалектическом и историческом материализме. Факт издания «Краткого курса» в 1938 году послужил для Г.В. Осипова единственным основанием рассматривать сталинские суждения о диамате и истмате применительно к тем процессам, которые происходили в общественно-политической и научной среде в конце 30-х годов XX столетия. Но дело-то в том, что в данном случае рассуждения Сталина имеют содержательную привязку не к советским 30-м годам, о которых он вообще не упоминает, а рассматриваются в контексте начала еще царского XX века, когда после Пражской конференции РСРДП (январь 1912) происходило оформление большевиков в самостоятельную марксистскую партию и возникла необходимость в формировании теоретических, мировоззренческих и идеологических основ новой партии для борьбы с изгнанными из партии меньшевиками, отзовистами и организованным Троцким так называемым августовским блоком.

Именно это послужило единственной причиной, повлиявшей на то, что структурно по замыслу Сталина текст о диамате и истмате не был выделен в отдельную главу в качестве стержня всего «Краткого курса» и включен не в его XII главу, по-

¹ К моменту выхода в свет «Краткого курса» ряд авторов его текста попал под подозрение в качестве «чужих» официальным властям. Поэтому «изъятие» органами НКВД кого-то из авторов могло бы привести к неизданию всего «Краткого курса».

священную проблематику второй половины 30-х годов, когда могли бы происходить описываемые Г.В. Осиповым события, а в качестве отдельного параграфа 2 главы IV, очерченной временным интервалом 1908–1912 годов. Своим содержанием он (параграф 2) не выходит за рамки хронологически конкретного отрезка в истории партии, когда, как утверждает первоисточник, «в тяжелой обстановке поражения революции (имеется в виду революция 1905 года. – А.К.), распада оппозиционных течений, разочарования в революции и усиления ревизионистских взглядов отошедших от партии интеллигентов (Богданов, Базаров и др.) против теоретических основ партии большевики оказались единственной силой в партии, которые не свернули партийное знамя, сохранили верность программе партии и отбили атаки “критиков” марксистской теории»¹. Кстати, журнал «Под знаменем марксизма», опубликовав на своих страницах отдельно только сталинский параграф 2 «О диалектическом и историческом материализме», счел необходимым указать, что он взят именно из главы IV «Краткого курса»², название которой предельно четко указывает на хронологическую привязку ее содержания – «Меньшевики и большевики в период столыпинской реакции. Оформление большевиков в самостоятельную марксистскую партию (1908–1912 годы)».

В этом контексте заслуживает внимания содержащаяся в принятом 14 ноября 1938 года постановлении ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском “Краткого курса” истории ВКП(б)» (на значении которого для пропагандистской и идеологической деятельности партии в указанное время остановимся более обстоятельно позже) такая директива-рекомендация, которая, кроме всего прочего, определяет из методологических и методических соображений место сталинского раздела о диамате и истмате в установленной этим же партийным постановлением трехзвенной структуре учебного процесса в системе партийной учебы. Документом устанавливалось для низшего, наименее теоретически подкованного звена изучение истории партии по таким трем этапам: первый – в сокращенном виде под названием «Борьба за создание большевистской партии» – охватывает I–IV главы «Краткого курса», разумеется, с §2 о сталинском диамате и истмате; второй этап – «Партия большевиков в борьбе за диктатуру пролетариата» (V–XII главы) и третий этап – «Партия большевиков у власти» (VIII–XII главы) без включения в них параграфа о диамате и истмате³ – еще одно подтверждение, что, по замыслу Сталина, этот параграф касался именно периода борьбы за создание большевистской партии в 1908–1912 годах и непосредственно не имел прямого отношения как к событиям истории партии второй половины 30-х годов вообще, так и к ее (партии) руководяще-управленческим делам с наукой, в частности, социологией.

Да и адресуется этот параграф не мудрецам академического или профессорско-преподавательского сообщества, а политикам и бунтующим массам, вовлеченным в революционный процесс в четко очерченный временной период. Более того, Сталин не претендует и на то, чтобы дать всеобъемлющую и всестороннюю характеристику диамата и истмата как научного явления в целом, он сознательно уходит от рассмотрения ряда аспектов, прежде всего теоретико-методологических, которые

¹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1992. С. 138.

² См.: Под знаменем марксизма. 1938, № 9.

³ См.: Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 6, дополн. Ч. II. Госполитиздат, 1941. С. 654.

в классическом научном труде должны были бы быть обязательно: место диамата и истмата в системе наук и их понятийный аппарат, принципы взаимоотношений с философией, социологией, политэкономией, определение степени зависимости от них и т.д., и т.п.

Для Сталина же приоритетом является рассмотрение диамата и истмата в качестве теоретических основ политической и мировоззренческой доктрины большевиков в период формирования партии нового типа. Вот каков теоретико-методологический вектор этих суждений: «Диалектический материализм есть мировоззрение марксистско-ленинской партии»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.) – так заявлено в первом абзаце сталинского текста. И здесь же рядом: «Исторический материализм есть распространение положений диалектического материализма на изучение общественной жизни, применение положений диалектического материализма к явлениям жизни общества, к изучению общества, к изучению истории общества»². Далее: изучение положений философского материализма имеет «громадное значение» для применения этих положений «к истории общества, к практической деятельности партии пролетариата»³ (подчеркнуто нами. – А.К.); «связь науки и практической деятельности, связь теории и практической деятельности, связь теории и практики, их единство должны стать путеводной звездой партии пролетариата»⁴ (подчеркнуто нами. – А.К.); «практическая деятельность партии пролетариата должна основываться не на добрых пожеланиях “выдающихся лиц”, не на требованиях “разума”, “всеобщей морали” и т.п., а на закономерностях развития общества, на изучении этих закономерностей»⁵.

Бездоказательно утверждение Г.В. Осипова и о том, что сталинским трудом «О диалектическом и историческом материализме» «целая область научного знания – исторический материализм – была возвращена в лоно философского знания», после чего «важнейшие части социологии – ее теории и понятийный аппарат – стали рассматриваться только на философском уровне». Как говорится, весь фокус в том, что в анализируемом труде Сталина вообще отсутствуют сюжеты, не только ориентирующие на возвращение исторического материализма в лоно философского знания, но и на любые иные отношения между ними. Это и объяснимо: перед нами в данном случае не исследователь, изучающий с академических позиций теоретико-методологические аспекты взаимодействия исторического материализма с философией или социологией, а политик, обосновывающий необходимость более настойчивого и последовательного освоения партией нового типа и вовлеченным в революцию пролетариатом марксистской доктрины в условиях мировоззренческого и идеологического кризиса российского общества в первое десятилетие XX века. Следовательно, в данном конкретном случае это не возвращение исторического материализма в «лоно философского знания», о чем пишет Г.В. Осипов, а ровно наоборот – превращение марксистской философской концепции в основу идеологии массового энтузиастического движения. На радость отнюдь не философии, а... политикам.

В этом отношении не может не обратить на себя внимание и использование автором понятийного аппарата. В сталинском труде вообще отсутствуют термины «фи-

¹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиком). Краткий курс. М., 1952. С. 99.

² История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиком). Краткий курс. М., 1952. С. 100.

³ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиком). Краткий курс. М., 1952. С. 109.

⁴ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиком). Краткий курс. М., 1952. С. 109.

⁵ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиком). Краткий курс. М., 1952. С. 109.

лософия» (этот термин содержится только в используемых цитатах К. Маркса, Ф. Энгельса и других авторов), «философское знание» и другие понятия, которые могли бы характеризовать соотношение философии, истмата и диамата, а также социологии. Базовые категории в анализируемом труде – «диалектический материализм», «марксистский диалектический метод», «исторический материализм», «марксистский философский материализм». Через призму именно этих категорий он рассматривает и ряд философских проблем: диалектический метод Маркса и Энгельса и его отличие от гегелевского понимания; соотношение между марксистским и фейербаховским материализмом; противоположность диалектики метафизике, «идеализм», «фидеизм», «утопизм» и др. При этом он постоянно подчеркивает значимость этих проблем для теоретической доктрины партии нового типа и пролетариата, совершенно не касаясь научного анализа внутри- и междисциплинарных связей философии и социологии.

Фактом является и то, что на фоне абсолютного отсутствия в сталинском сочинении хотя бы каких-то ссылок на взаимосвязь его труда с философией и социологией, из всех научных дисциплин имеющими, по его мнению, большое значение для изучения исторического материализма, вождь выделил только историю (здесь Сталин следует строго в фарватере К. Маркса, писавшего: «Мы знаем только одну-единственную науку – науку истории»¹). Это можно объяснить, на наш взгляд, такими двумя обстоятельствами: первое – Сталин в данном случае выступает не в качестве классического исследователя, всесторонне изучающего свой предмет (исторический материализм), а как политик, который использует те срезы марксистской доктрины, которые нуждались в защите от политических противников партии нового типа; второе – именно таким путем автор стремился вписаться в исторический контекст «Краткого курса», что, впрочем, привнесло в определенной степени диссонанс в структурно-методологическую архитектуру издания, так как сталинский параграф, имеющий для марксистской доктрины и для теоретической деятельности партии в целом общеметодическое значение, оказался «пристегнутым» к одному революционному отрезку времени.

Вот каковы исторические ориентиры Сталина в изучении и развитии исторического материализма. Например, при характеристике марксистского философского материализма он особо выделяет историю: «...наука об истории общества, несмотря на всю сложность явлений общественной жизни, может стать такой же точной наукой, как, скажем, биология, способной использовать законы развития общества для практического применения»² (подчеркнуто нами. – А.К.).

С исторических, а также, говоря современным языком, политологических позиций Сталиным рассматривается и сама доктрина исторического материализма, прежде всего такие ее слагаемые, как условия материальной жизни, окружающая общество природная среда, географическая среда, народонаселение, производительные силы общества, производственные отношения людей. Для него важным является рассмотрение истмата не с гносеологической точки зрения, а для выяснения, как говорится уже в первом абзаце текста об истмате, «что следует понимать с точки зрения исторического материализма под “условиями материальной жизни общества”, которые

¹ Немецкая идеология. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Кн. 1. С. 214.

² История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1952. С. 109.

определяют в конечном счете физиономию общества, его идеи, взгляды, политические учреждения и т.д.»¹

Раскрывая же зависимость общества, его идей и теорий, политических взглядов и учреждений, образа мыслей людей от их (людей) образа жизни, автор апеллирует опять-таки и не к философии, и не к социологии, и даже не к политэкономии, а к истории. Вот как это выглядит. История развития общества есть, с одной стороны, «прежде всего, история развития производства, история способов производства, сменяющих друг друга на протяжении веков», с другой – это «история самих производителей материальных благ, история трудящихся масс, являющихся основными силами производственного процесса и осуществляющих производство материальных благ, необходимых для существования общества»². Поэтому «...первейшей задачей исторической науки является изучение и раскрытие законов производства, законов развития производственных сил и производственных отношений, законов экономического развития общества». И «...историческая наука, если она хочет быть действительной наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям “завоевателей” и “покорителей” государств, а должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов»³. Вопрос не риторический: могла ли историческая наука решать перечисленные задачи без опоры на философию, экономическую науку, социологию, антропологию и т.д.? Ответ – очевиден.

Отправная точка, теоретический фундамент сталинской интерпретации исторического материализма – прежде всего его (истмата) формулировка, содержащаяся в предисловии К. Маркса к его книге «К критике политической экономии». Для сохранения документальной точности приведем ее в том объеме, в котором она была использована Сталиным в «Кратком курсе»:

«В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением этого – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей огромной постройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественнонаучной точ-

¹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1952. С. 112.

² История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1952. С. 116.

³ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1952. С. 116.

ностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче – от идеологических форм, в которых люди сознают этот конфликт и борются с ним. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, высшие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже существуют или по крайней мере, находятся в процессе становления»¹.

Назвав приведенную выше формулировку «гениальной», книгу К. Маркса, откуда эта формулировка взята, «знаменитой», а предисловие к книге «историческим», Сталин подтвердил «незыблемую» правильность теоретических положений основателя марксистской доктрины, ни на йоту не выходя в своих суждениях за рамки Марксовой версии. Имея в виду эту формулировку, а также «Философские тетради» Ленина и свои суждения, высказанные в ее духе, Сталин в конце своего труда подчеркивает: «Так обстоит дело с марксистским материализмом, если взять его в применении к общественной жизни, в применении к истории общества. Таковы основные черты диалектического и исторического материализма»².

Нетрудно заметить: Сталин в данном случае предстает перед нами, подчеркнем еще раз, не как аналитик-новатор, выдвигающий на основе анализа новые проблемы развития истмата, а как усердный систематизатор и популяризатор разработанной Марксом доктрины, ее самоотверженный защитник. Причем он уходит от раскрытия не только новых и актуальных проблем истматовской и диаматовской проблематики, созревших к моменту выхода в свет «Краткого курса», но и тех аспектов Марксовой доктрины, которые к этому времени устарели и не выдержали испытания временем. А то, что Сталин свою источниковедческую базу ограничил только дореволюционными изданиями – «Избранные произведения К. Маркса и Ф. Энгельса», «Капитал» К. Маркса и особенно его послесловие ко второму немецкому изданию, «Манифест Коммунистической партии», а также такие ленинские труды, как «Материализм и эмпириокритицизм», «Философские тетради» и др., – оставив за бортом своего внимания целые пласты дискуссий по философии и социологии в 20-е и 30-е годы (в том числе и коллизии вокруг исторического материализма Бухарина), еще раз свидетельствует о том, что он не ставил перед собой задачу вторгаться в философско-социологический процесс конца 30-х годов, а стал последовательным защитником марксистской доктрины в условиях разразившегося после революции 1905 года идейного и мировоззренческого кризиса в России.

¹ Маркс К. К критике политической экономии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 13. С. 6–7.

² История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). М., 1952. С. 127.

Объективности ради необходимо признать и то, что Сталин не только не обогатил марксистскую доктрину, но подверг ее большому упрощению, сведя ее к немногим понятным для политической элиты положениям. Вне его внимания оказались проблемы отчуждения, демократии, праксиса, гуманизма, «всестороннего человека», гражданского общества. Руководствуясь формационным подходом и не выделяя общецивилизационные аспекты, он повторил сложившееся к тому времени в литературе выделение пяти основных типов производственных отношений: первобытнообщинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический и социалистический. Но при этом он не учел очерченный К. Марксом в его предисловии «К критике политической экономии» цивилизационно-формационный подход, в соответствии с которым были выделены азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный способы производства. Сталин допустил также извращение марксистско-ленинской диалектики. Он противопоставил свои четыре черты диалектики шестнадцати элементам диалектики В.И. Ленина. Что же касается одного из существенных законов, которому К. Маркс, Ф. Энгельс и В.И. Ленин придавали особое значение, – закона отрицания отрицания – то он его вообще выбросил за борт. Адаптированное же И.В. Сталиным латентное развитие социологического образования в форме марксистской модели было ориентировано прежде всего на такие стороны марксизма, как экономизм, технологизм и индустриализм, в ряде случаев входившие в противоречие с наследием русской социологической школы, обращенной к внутреннему миру человека, его интеллектуальному и духовному развитию.

И вот Г.В. Осипов использует так называемый сталинский истмат, построенный на пересказе и систематизации Марксова истмата образца 1859 года, защищенного большевиками в период жесткого идейного и мировоззренческого противостояния политических сил после революции 1905 года, для обоснования наступления после публикации «Краткого курса» целого «запретного» периода в истории отечественной социологии и даже ее «упразднения». Но по существу, по теоретико-методологическим установкам истмата, о котором говорил Сталин в «Кратком курсе», – это не столько сталинский, сколько Марксов истмат, причем урезанный, обедненный. Поэтому справедливости ради в числе «виновников» антисоциологических акций после «Краткого курса» можно было бы назвать истинного разработчика, основоположника той доктрины, о которой говорил Сталин применительно к 1908–1912 годам, но никак не привязанной к событиям на социологическом фронте конца 30-х годов. Привлечение к ответственности К. Маркса стало бы неповторимой экзотикой в истории отечественной социологической науки. Вот до какого абсурда могут привести в научном поиске нарушения конкретно-исторического подхода, объективности, правдивости, отсебятина и фальсификация.

Зададимся и таким вопросом. Каковы побудительные причины написания Сталиным труда о диалектическом и историческом материализме? Стремление разграничить зоны компетенции философии и истмата? Лишить социологию ее самостоятельного статуса и вернуть в философское лоно? Обосновать необходимость изъятия из обращения социологических методов изучения общества? То есть обозначить, как это делает Г.В. Осипов, существование в отечественной науке целого «запретного периода» в социологии, начиная с конца 30-х годов и до хрущевской оттепели. Внести ясность в подобные рассуждения помогает параграф 1 главы IV «Краткого курса истории ВКП(б)», который предшествует в нем («Кратком курсе»)

сталинскому тексту о диамате и истмате. Этот параграф был подготовлен не Сталиным, а другими авторами и одобрен, как и весь «Краткий курс», специальной комиссией ЦК ВКП(б). В нем, кроме всего прочего, обращается внимание на то, что в развернувшейся критике «одновременно против фальсификации теоретико-философских основ марксизма, то есть против диалектического материализма, и против его научно-исторических основ, то есть против исторического материализма»¹ марксистам необходимо было «дать должную отповедь этим перерожденцам в области теории марксизма, сорвать с них маску, разоблачить их до конца и отстоять, таким образом, теоретические основы марксистской партии»².

Следовательно, весь пафос сталинских аргументов в его параграфе «Краткого курса» направлен не на определение статуса социологии, философии или истмата в системе наук, а на защиту «теоретических основ марксистской партии». И адресовались эти аргументы не академическому или профессорско-преподавательскому сообществу, а политикам и партийной массе, задействованной в исторически конкретном революционном процессе в условиях наступившего в стране после 1905 года общественно-политического кризиса.

Вместе с тем несомненным является и то, что сталинское прочтение Марксова истмата в привязке к политической жизни России 1909–1912 годов отнюдь не означает, что это не имело никаких последствий для общественных наук после выхода «Краткого курса». Ведь сталинскому диамату и истмату продолжительное время отводилась роль общеметодологического ориентира в познании мира и социально-политической реальности даже несмотря на несовершенство и на то, что они были втиснуты в строгие хронологические рамки одного из еще дореволюционных периодов в истории большевистской партии. Сам же факт, что это было провозглашено на самом высоком политическом уровне, причем вождем, означал для «бойцов идеологического фронта» (не только партийного аппарата, но и академических структур, системы высшего образования, СМИ) команду на беспрекословное воплощение в жизнь «мудрых установок» – с явными перекосами, административным диктатом в проведении партийной линии.

И задача исследователя заключается не в том, чтобы, находясь под гипнозом тотальной критики прошлого, подстраиваясь под моду, придумывать различные мифы в надежде на то, что благодаря безбрежному плюрализму все сойдет с рук. Противоречивость исследуемых проблем не может служить мандатом для субъективизма, произвольного обращения с историческими фактами, проталкивания под предлогом плюрализма мнений лженауки. В нашем случае если бы был строго соблюден принцип правдивости, подкрепленный документальными, архивными источниками, то вместо придуманных сталинских «ударов» по социологии и ее «упразднения» вождем в центре исследования оказались бы реальные, очень важные, но малоизученные проблемы, имеющие принципиальное значение и для сегодняшней общественной науки.

«Упразднение» Сталиным социологии как науки после публикации труда «О диалектическом и историческом материализме», несомненно, принадлежало бы к числу тех событий, которые, если бы они имели место, со временем обязательно получили

¹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1952. С. 97.

² История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1952. С. 97.

бы отражение в каких-то источниках: в директивных документах властей, руководящих органов академического и профессорско-преподавательского сообщества, выступлениях государственных и партийных деятелей, в научных публикациях, наконец, в педагогической печати. То ли в информационном плане, то ли оценочно (положительно или отрицательно), то ли в научно-исследовательской аналитике. Однако осуществленный нами анализ соответствующих источников, начиная с 1938 года, то есть со времени публикации «Краткого курса», не позволил подтвердить достоверность приведенных выше утверждений Г.В. Осипова о том, что именно издание сталинского труда якобы привело к целому каскаду «запретов» и «упразднений» в социологической науке – теоретическому «упразднению» социологии как науки, к возвращению исторического материализма в лоно философского знания и лишению его социологического статуса, к рассмотрению теории и понятийного аппарата социологии только на философском уровне, к изъятию из обращения социологических методов конкретного исследования общества, наконец, к наложению «строжайшего» запрета на конкретное изучение процессов и явлений социальной жизни. Подобные утверждения – «фольклор» постсоветского времени, взятый на вооружение в кампаниях по десталинизации и десоветизации советского прошлого, составной частью которого стала и наука.

И все же наряду с радикальными «запретными» версиями, якобы характеризующими состояние социологии после выхода в свет «Краткого курса», в исследованиях отечественных ученых представлены и другие точки зрения – альтернативные по отношению к «запретным». Их суть: каждая из них, по-своему освещая негативные последствия влияния сталинского истмата на развитие общественных наук, тем не менее не содержит никаких прямых или косвенных признаков, которые могли бы расцениваться в качестве доказательств «запрета» или «упразднения» какой-то из наук, в том числе и социологии.

Вот они. «Написанная Сталиным глава “О диалектическом и историческом материализме” в “Кратком курсе истории ВКП(б)” (1938) стала официальным каноном философии»¹ – этим ограничились авторы одного из наиболее авторитетных научных трудов, Новой философской энциклопедии. Вряд ли кто осмелится доказывать, что сталинская глава о диамате и истмате, ставшая «официальным каноном философии», может рассматриваться в качестве запретительной антисоциологической акции. Ведь, как показал анализ, в упомянутой главе социология отсутствует вообще – и содержательно, и терминологически. В свою очередь, в двухтомной Политической энциклопедии при анализе сталинских теоретических работ глава «О диалектическом и историческом материализме» даже не упоминается². А Ж.Т. Тощенко, которому в научной объективности просто невозможно отказать, в учебнике «Социология» для студентов вузов при характеристике советской и российской социологии тоже на это не сослался, и, думается, не потому, что забыл³. А вот слова из еще одного пользующегося высоким научным доверием издания: «Написанный И.В. Сталиным очерк “О диалектическом и историческом материализме” завершил канонизацию

¹ См.: Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2010. С. 202.

² См.: Политическая энциклопедия. М.: Мысль, 1999. С. 467.

³ Тощенко Ж.Т. Социология: учебник для студентов вузов. 3-е изд., перераб. и дополн. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. С. 28–31.

марксизма-ленинизма»¹. Конечно же, «канонизация марксизма-ленинизма» отнюдь не означает запрет социологии, взгляды о которой К. Маркса и В.И. Ленина являются составной частью доктрины марксизма-ленинизма. При наличии такого разнообразия оценок, в том числе и взаимоисключающих, возникает закономерный вопрос: это плюрализм мнений, в основе которого лежат документально подтвержденные источники информации, или это «сочинения на свободную тему», построенные на субъективной основе при пренебрежительном отношении к достоверному факту?

Так как же «это было на самом деле» после публикации «Краткого курса»? Исторические факты, официальные документы раскрывают совершенно иную картину, чем та, которую изображают некоторые искатели исторической правды: после публикации «Краткого курса» произошли такие события, которые по замыслу партийного руководства страны должны были знаменовать кардинальную перестройку всей идеологической и пропагандистской работы, составной частью которой стала и система преподавания марксистско-ленинской теории в вузах. Речь идет о том, что сразу же после публикации «Краткого курса» в сентябре 1938 года было принято постановление ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 года, определившее новый вектор развития марксистско-ленинской теории и обновленный научно-методический инструментарий ее преподавания.

Не касаясь многих вопросов, имеющих существенное значение для всей идеологической, пропагандистской работы того времени (создание трехзвенной системы партийной пропаганды, преодоление разрыва между кружковыми формами устной пропаганды и печатным словом, а также индивидуальной работы, преодоление теоретической и политической отсталости кадров и т.д., и т.п.), остановимся на тех, которые имеют прямое отношение к нашему исследованию. Конкретнее говоря, попробуем выяснить: при отсутствии, как показано выше, малейших признаков наличия в «Кратком курсе» не только запретительных установок по отношению к социологии, но вообще каких-либо упоминаний о ней, может быть, на этот счет содержится что-то в постановлении ЦК ВКП(б).

Положения партийного постановления, на наш взгляд, являются ключевыми как для понимания документа в целом, так и для поиска ответа на вопрос о связи его (документа) с проблемами развития социологии. «Создавая “Краткий курс истории ВКП(б)”, – говорится в постановлении, – ЦК ВКП(б) ставил своей задачей ликвидировать вредный разрыв в области пропаганды между марксизмом и ленинизмом, который образовался за последние годы и который привел к тому, что ленинизм стали преподавать как самостоятельное учение в отрыве от марксизма, в отрыве от диалектического и исторического материализма, в отрыве от истории партии (подчеркнуто нами. – А.К.), забывая, что ленинизм вырос и развился на основе марксизма, что марксизм есть основа ленинизма, что, не зная этой основы ленинизма, нельзя понять ленинизм»².

В связи с этим ставилась задача «дать такое руководство по теории и истории ВКП(б), в котором были бы воссоединены в одно целое искусственно расщепленные составные части единого марксистско-ленинского учения – диалектический и

¹ Социология в России / под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: изд-во Института социологии РАН, 1988.

² См.: Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 6-е, дополн. Госполитиздат, 1941. С. 678–679.

исторический материализм и ленинизм, а исторический материализм был бы связан с политикой партии, – руководство, в котором было бы показано неразрывное единство, целостность и преемственность учения Маркса и Ленина, единство марксизма-ленинизма, и изложено то новое, что внесено Лениным и его учениками в марксистскую теорию на основе обобщения нового опыта классовой борьбы пролетариата в эпоху империализма и пролетарских революций»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.).

А теперь сопоставим приведенные выше партийные установки, которые вступили в силу сразу же после публикации «Краткого курса», с утверждениями Г.В. Осипова о том, как это отразилось на теории и практике социологии, имея в виду, что, как мы установили выше, в самом «Кратком курсе» эти сюжеты и их эхо вообще отсутствуют. Так вот, у Осипова объект исследовательского внимания – «упраздненная» социология, в партийном же постановлении – «руководство по теории и истории ВКП(б)»; исторический материализм под воздействием «Краткого курса» возвращается, по версии академика, «в лоно философского знания», а в соответствии с постановлением ЦК – «для воссоединения «в одно единое целое» «искусственно» расщепленных составных частей «единого марксистско-ленинского учения» – диалектического и исторического материализма и ленинизма и для его (исторического материализма) связи с политикой партии. Утверждения же о том, что «важнейшие части социологии – ее теории и понятийный аппарат – стали рассматриваться только на философском уровне» и что «социологические методы были изъяты из обращения», не имеют никакого отношения ни к тексту, ни к контексту постановления Политбюро, равно как и к самому «Краткому курсу».

Что же касается заявления о том, что «на конкретное изучение процессов и явлений социальной жизни был наложен строжайший запрет», то здесь разговор один – будьте добры, положите на стол документ, подтверждающий этот строжайший запрет. Наконец предметом внимания постановления Политбюро ЦК ВКП(б) стали такие учебные и исследовательские дисциплины, как ленинизм, марксизм-ленинизм, исторический материализм, история в формате «История ВКП(б)» и политэкономика при абсолютном (терминологическом и содержательном) отсутствии социологии и философии, на сюжетах которых замешан весь миф Г.В. Осипова об «упразднении социологии».

Ощущение искусственного «пристегивания» версии о «запрете» и «упразднении» социологии к ситуации после публикации «Краткого курса», о чем пишет Г.В. Осипов, еще больше усиливается предложенными в партийном постановлении конкретными мерами по реализации поставленной стратегической задачи. Прежде всего, с целью ликвидации разрывов в преподавании между самостоятельными курсами – марксизмом и ленинизмом, диалектическим и историческим материализмом и историей партии – в вузах вводился единый курс «Основы марксизма-ленинизма». Вместо существовавших отдельно кафедр диалектического и исторического материализма, ленинизма и истории ВКП(б) в вузах создавались единые кафедры марксизма-ленинизма. Предписывалось в университетах и институтах, где имелись философские, исторические и литературные факультеты, сохранить

¹ См.: Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 6-е, дополн. Госполитиздат, 1941. С. 679.

преподавательские курсы диалектического и исторического материализма. Поручалось Отделу пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), Всесоюзному комитету по делам высшей школы отобрать к началу учебного 1939–1940 года руководителей кафедр марксизма-ленинизма и представить их на утверждение ЦК ВКП(б), а нижестоящим партийным комитетам отобрать теоретически подготовленных и политически проверенных преподавателей основ марксизма-ленинизма. На Высшую школу марксизма-ленинизма возлагалась задача организации шестимесячных курсов переподготовки преподавателей марксизма-ленинизма. Ввиду важности пропаганды марксизма-ленинизма Институт Маркса – Энгельса – Ленина передавался в ведение Отдела пропаганды и агитации ВКП(б). В штаты партийных комитетов всех уровней от ЦК до горкомов вводились (впервые за всю историю партии) должности специальных секретарей, занимающихся исключительно вопросами организации и содержания пропаганды и агитации.

Постановлением ЦК ВКП(б) определялось, что преподавание основ марксистско-ленинской теории в вузах должно начинаться с «Краткого курса», с одновременным изучением первоисточников марксизма-ленинизма. Преподавание же политэкономии предписывалось проводить только «после изучения курса “История ВКП(б)”». Ответственнейшие задачи ставились перед исторической наукой: приведение ее содержания, в первую очередь, в соответствие с целями марксизма-ленинизма, борьба с вульгаризацией и опошлением в толковании ряда вопросов теории марксизма-ленинизма (роль личности в истории, неправильные трактовки роли государства, проблем войны и мира, приукрашивание истории вместо правдивого ее изложения и др.). В числе существовавших до последнего времени извращений и вульгаризаторства в исторической науке названа находившаяся тогда под жесткой критикой школа Покровского, «которая толковала исторические факты извращенно, вопреки историческому материализму освещала их с точки зрения сегодняшнего дня, а не с точки зрения тех условий, в обстановке которых протекали исторические события, и тем самым искажала действительную историю»¹. Осуществлялось же все это в контексте выдвинутого после публикации «Краткого курса» лозунга «Овладеть большевизмом!», что предполагало воспитание большевистской сознательности, когда в политическом дискурсе даже «приобретение культурности» постепенно растворялось в более широкой концепции политического самообразования.

Теоретические установки и конкретные меры по реализации постановления ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском “Краткого курса истории ВКП(б)”» получили полную поддержку в провозглашенном 10 марта 1939 года «Отчетном докладе товарища Сталина на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б)»². А в 1941 году в Москве состоялось первое широкопредставительное Всесоюзное совещание только что назначенных заведующих кафедрами марксизма-ленинизма, засвидетельствовавшее институционализацию новой, сформировавшейся на основе синтеза марксизма, ленинизма, диалектического и исторического материализма и истории ВКП(б) научно-учебной дисциплины, призванной,

¹ См.: Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 6-е, дополн. Госполитиздат, 1941. С. 679.

² См.: Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 6-е, дополн. Госполитиздат, 1941. С. 717.

по замыслу инициаторов такой перестройки, продемонстрировать преимущество марксизма и ленинизма.

Марксизм-ленинизм как учебная дисциплина вытеснил преподававшийся в 30-е годы в высшей школе СССР курс ленинизма, основу которого составляли сталинские труды «Об основах марксизма» и «К вопросам ленинизма», содержательно отражавшие не все стороны жизни общества, а лишь политическую теорию, и прежде всего такие ее аспекты, как генезис и политическая сущность ленинизма, проблемы диктатуры пролетариата и пролетарской революции, национального и крестьянского вопросов, обоснование организационных основ партии, ее стратегии и тактики. В курсе марксизма-ленинизма марксистские формулировки были лишены самостоятельного значения, они просто подгонялись под ленинские.

Справочно о ленинизме. Совокупность взглядов и действий, определяемых термином «ленинизм», продолжительное время ни у кого, даже за рубежом у его идейных противников, не вызывала сомнения. Сегодня же именно по почину отечественных критиков Ленина и ленинизма поставлен вопрос о правомочности самого термина, да и всего, что им определялось.

Исходная посылка отказа – введение термина в оборот Сталиным, который под названием «Об основах ленинизма» издал в середине 20-х годов сборник своих лекций, прочитанных в начале апреля 1924 года в Свердловском университете. Утверждают, что, мол, Сталин впервые дал развернутое определение ленинизма, поставил его в один ряд с марксизмом, образовав словосочетание «марксизм-ленинизм».

Не пускаясь в этимологический экскурс понятий «ленинизм» и «марксизм-ленинизм», справедливости ради мы вынуждены заметить – не Сталину принадлежит первенство в их выдвигании. Хотя именно его усилиями эти термины действительно были канонизированы, превращены в своего рода иконописный символ, о котором не рассуждают, а которому лишь поклоняются. Термин «ленинизм» широко использовался уже после победы Октября. Первыми, кто стал его употреблять, были тогдашние противники Ленина – меньшевики, Троцкий и другие. Причем они использовали этот термин исключительно в негативном смысле, для обозначения, как им казалось, самых вопиющих недостатков и слабостей в российском революционном движении. Вот как это делалось, скажем, Троцким. В письме от 1 апреля 1913 года лидеру меньшевистской фракции в IV Государственной думе Н.С. Чхеидзе, впервые опубликованном М.С. Ольминским в 1921 году, Троцкий писал: «Все здание ленинизма в настоящее время построено на лжи и фальсификации и несет в себе ядовитое начало собственного разложения». После победы Октября в партии первостепенное внимание стало уделяться исследованию ленинского теоретического наследия. И опять-таки первым, кто обратился к термину «ленинизм», оказался не Сталин. 6 сентября 1918 года на расширенном заседании Петроградского совета в многочасовой речи тогдашний председатель совета Г.Е. Зиновьев использовал указанный термин, определив им новое, современное содержание ленинизма как системы революционных взглядов и метода революционного действия.

Зиновьев произнес такие слова, которые затем – в особенности после смерти Ленина – станут повторяться, приобретая ритуальный смысл: «Мы, ученики и последователи Ленина, мы можем прямо и открыто сказать: да, мы стремимся к тому, чтобы хоть немного походить на этого пламенного трибуна международного коммунизма,

на величайшего вождя и апостола социалистической революции, какого когда-либо знал мир. Да здравствует же товарищ Ленин!»¹

Впоследствии Зиновьев монополизировал среди партийных руководителей трактовку понятия «ленинизм». 30 августа 1923 года на страницах «Ленинградской правды» в статье «Пять лет», приуроченной к дате покушения Каплан на Ленина, Зиновьев дал ленинизму такое расширительное толкование: «Ленинизм есть высшее достижение революционного марксизма в применении к эпохе непосредственной борьбы пролетариата за власть. Ленинизм есть то несравненное оружие в руках пролетариата, с помощью которого он будет непобедим. Ленинизм на целую историческую эпоху, как гигантский факел, будет освещать пути молодой фаланги пролетарской армии всего мира. Ленинизм – величайшая броня против каких бы то ни было идейных шатаний и уклонов. Ленинизм – евангелие того мирового пролетариата, которому история предназначила быть могильщиком буржуазного общества»². В октябре 1924 года в статье «Большевизм или троцкизм», опубликованной в «Правде», Зиновьевым же была дана формулировка ленинизма как марксизма «эпохи империалистических войн и мировой революции, непосредственно начавшейся в стране, где преобладает крестьянство»³.

Для сравнения приведем определение Сталина: «Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности»⁴.

Различие, конечно, имеется. И по поводу него в 20-е годы было сломано немало копий. Отстаивание зиновьевской формулы выражалось скорее не в содержании, а в некоторых словесных тонкостях.

И второе. Все-таки, несмотря на временной зазор – Сталин сказал свою формулу в апреле 1924-го, Зиновьев в октябре, – полагаем, что именно Зиновьеву принадлежит тут пальма первенства. Хотя бы потому, что именно с его подачи термины «ленинизм», «марксизм-ленинизм» вошли в документы Коммунистического Интернационала. Ими широко пользовались на V конгрессе Коминтерна в июне 1924 года. А затем на пятом пленуме Исполкома Коминтерна (март–апрель 1925 года) определение ленинизма прошло именно в зиновьевской редакции: «Ленинизм есть марксизм эпохи монополистического капитализма (империализма), империалистических войн и пролетарских революций»⁵.

В этом определении чувствуется компромисс, сочетание сталинской с зиновьевской формулировок. Он был еще более закреплен в итоговой оценке пятым пленумом ИККИ: «Неверен взгляд, будто марксизм есть только теория, а ленинизм только практика. Ленинизм есть теория и практика марксизма для периода империализма, империалистических войн и пролетарских революций, открывшихся диктатурой пролетариата в России»⁶.

¹ Зиновьев Г., Ульянов (Ленин) В. Л., 1924. С. 50.

² Зиновьев Г., Ульянов (Ленин) В. Л., 1924. С. 77.

³ За ленинизм. М., Л., 1925. С. 121.

⁴ Сталин И. Вопросы ленинизма. М., 1946. С. 2.

⁵ Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919–1932 / под ред. Б. Куна. М., 1933. С. 479.

⁶ Коммунистический интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919–1932. Под редакцией Бела Куна. М., 1933, с. 480.

Именно в таком виде определение ленинизма и вошло затем во все учебники и труды советских и зарубежных марксистских обществоведов. Хорошо оно или плохо – вопрос другой. Это тема другого исследования.

Здесь же мы заметим, что стремление руководства РКП(б) и Коминтерна определиться с ленинизмом было обусловлено не только теоретическими поисками, но и сугубо конкретными политическими обстоятельствами. В развернувшейся с осени 1923 года ожесточенной внутрипартийной и внутрикоминтерновой борьбе против Троцкого и троцкизма было важно провести принципиальное идейно-политическое размежевание по ключевым вопросам развития революции и социалистического строительства. И это было сделано. И не вина Ленина и ленинизма, что взявшие их на свои знамена Зиновьев, Сталин и другие затем мумифицировали их, превратив в иконостас.

Институционализация марксизма-ленинизма как учебно-научной дисциплины, осуществленная в постановлении ЦК ВКП(б) о постановке партийной пропаганды, потребовала и соответствующих терминологических уточнений: а) в более широком плане термином «марксизм-ленинизм» обозначалось название претендующего на универсальность «единственно верного» учения о познании и революционном преобразовании мира, о законах развития общества, человеческого мышления, о классовой борьбе и формах перехода к социализму, о созидательной деятельности трудящихся; марксизм-ленинизм как разновидность идеологии был положен в основу программ многих партий международного рабочего движения; Конституцией 1977 года марксизм-ленинизм был объявлен официальной идеологией СССР; б) в более конкретном плане термином «марксизм-ленинизм» стала называться и учебно-научная дисциплина, подлежащая обязательному изучению во всех советских учреждениях, начиная со старших классов средней школы и кончая вузами, а также предполагавшая публикацию научных трудов, посвященных толкованию марксистско-ленинского учения. В свое время даже была создана в системе партийной учебы широкая сеть университетов марксизма-ленинизма, кстати, сыгравших позитивную роль в «социологическом всеобуче» в период возрождения социологии как науки.

Таким был вектор развития общественных наук после публикации «Краткого курса» и принятия постановления ЦК ВКП(б) о постановке партийной пропаганды от 14 ноября 1938 года. И все же подчеркнем еще раз: сказанное выше (отсутствие в названных акциях прямых или косвенных свидетельств «упразднения» социологии, ее «запрета» и т.д.) отнюдь не означает, что для развития социологии были созданы комфортные условия. И было бы большой ошибкой не видеть возросшее в конце 30-х годов давление на общественные науки административно-командной системы, особенно те деформации, которые нес с собой «новый поворот» в обществоведении, связанный с институционализацией марксизма-ленинизма как учебно-научной дисциплины. И долг исследователя – дать объективную оценку этих новых явлений, строго опираясь на документально подтвержденные источники.

И в заключение об обстоятельствах и последствиях появления в постсоветское время учебника «Социология» с, как мы показали выше, не отвечающими действительности сюжетами о сталинских «запретах» и «упразднении» социологии в конце 30-х годов XX столетия. Дело в том, что спонсором программы «Обновление гуманитарного образования в России», в рамках которой издан названный учебник, был

небезызвестный Джордж Сорос – американский биржевой делец и финансовый киллер, снискавший славу главы спецназа теневого мирового правительства, ведущего финансовые войны, и одновременно освоивший в рамках собственной концепции гражданского общества новую технологию «бархатных революций» и немало сделавший для их практической реализации – финансирование сербской оппозиции по свержению Слободана Милошевича, инвестирование государственного переворота в Грузии (после победы «революции роз» лично Саакашвили, члены кабинета министров и генеральный прокурор, а также пять тысяч государственных чиновников с приоритетом сотрудников силовых ведомств стали получать кроме государственной зарплаты еще и солидную добавку из созданного Соросом совместно с Программой развития ООН Фонда развития реформ). Гуманитарная деятельность Сороса в России проявилась в осуществлении при помощи созданного им в 1995 году фонда «Открытое общество» «революции» в учебном процессе, то есть в издании учебников и учебных пособий, основанных на тотальной десоветизации, составной частью которой была и десталинизация.

Теоретико-методологические установки и изложение конкретных фактов в таком обновлении гуманитарного образования призваны были утвердить в общественном сознании мысль о советском времени как черной дыре в отечественной истории. Объективность, правдивость, честность и достоверность как базовые категории в установлении истины нередко оказывались за пределами исследовательского инструментария. И хотя России со временем пришлось отказаться от услуг такого «миссионера-гуманиста», все же мавр, перед тем как убраться восвояси, успел сделать свое дело, которое стало продолжать жить в лекциях профессуры, в студенческих поисках истины, в коммерциализированной издательской деятельности.

Кстати, скандалами закончилась бурная деятельность Сороса и в других странах постсоветского пространства: в Узбекистане Фонд Сороса был запрещен ввиду того, что он «противоречил национальным интересам страны»; в республике Беларусь он свернул свою работу из-за конфликта с властями; в Казахстане против фонда было возбуждено уголовное дело за неуплату налогов и т.д.

Сам же автор учебника «Социология», ставшего, как отмечается в аннотации, одной из первых попыток начать работу по изданию современной литературы по социологии, воспользовался услугами Сороса, который уже в год учреждения своего фонда успел издать упомянутый выше учебник «Социология» для высших учебных заведений, авторский коллектив которого возглавил директор ИСПИ РАН, то есть Г.В. Осипов. Затем он проявил завидное усердие и постоянство, чтобы сюжет о сталинском «упразднении» социологии в конце 30-х годов XX столетия присутствовал в многочисленных его постсоветских публикациях разного жанра – в учебниках, научных монографиях, энциклопедических изданиях, докладах на социологических форумах. И вот как это выглядит.

а) Обоснование в учебниках якобы имевших место сталинских антисоциологических действий в конце 30-х годов путем совершенно некорректных в научном отношении ссылок на его текст о диамате и истмате, который Сталиным был вписан, как отмечалось выше, в контекст 1908–1912 годов и никак не мог рассматриваться в качестве партийных указаний после выхода в свет «Краткого курса истории партии». Уже на следующий год после публикации издательством «Наука» упомянутой «Социологии» другое издательство («Аспект-Пресс») опубликовало этот учебник не как

второе его издание, а как новое произведение, добавив к этому тексту главу «Анализ и интерпретация эмпирических данных» и внося некоторые другие изменения, но фактически дословно и во всем объеме перенеся из первоисточника обвинительный сюжет в адрес Сталина. Сюда же, то есть в конец 30-х годов, оно подтянуло и пассаж о том, что в 1929 году на дискуссии в Институте философии «социология была объявлена буржуазной лженаукой, не только не совместимой с марксизмом, но и враждебной ему»¹. Дословно эти сюжеты перенесены и еще в один учебник².

б) Положения о сталинском «упразднении» социологии, сформулированные в самом первом учебнике «Социология», растиражированы во всех изданных в разное время монографических трудах Г.В. Осипова³.

в) Бездоказательным разоблачительством сталинских «ударов» по социологии пронизаны и тексты, помещенные в энциклопедических изданиях. Со ссылкой на труд Сталина «О диалектическом и историческом материализме» повторено уже упоминавшееся утверждение, что «Сталин не только практически “упразднил” социологию в административно-приказном порядке, но и теоретически обосновал это “упразднение”», что «на конкретное изучение процессов, явлений социальной жизни был наложен строжайший запрет...» (подчеркнуто нами. – А.К.), что «социология была объявлена буржуазной лженаукой, не только не совместимой с марксизмом, но и враждебной ему» (в других своих трудах этот тезис автор относит ко времени философских дискуссий 1929 года), что «само слово “социология” оказалось вне закона» и было «изъято» из научного обихода»⁴. О том, что «к концу 30-х годов социология была объявлена буржуазной лженаукой и “упразднена”», говорится в другом издании – Российской социологической энциклопедии⁵.

г) Для тиражирования деклараций о сталинских «упразднениях» и «запретах» социологии использовались и трибуны различных социологических форумов, в том числе и самого высокого уровня. Например, на состоявшемся в Москве 21–24 октября 2008 года Всероссийском социологическом конгрессе по теме «Социология и общество: пути взаимодействия» в докладе Г.В. Осипова получил презентацию такой пассаж: «С выходом в свет работы И. Сталина “О диалектическом и историческом материализме” исторический материализм был возвращен в лоно философского знания, а социологическое знание даже в форме исторического материализма, как знание нефилософское, было “упразднено”»⁶ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Общий вывод. Ни в «Кратком курсе истории ВКП(б)» и содержащемся в нем сталинском разделе о диалектическом и историческом материализме, ни в постановле-

¹ См.: Социология. Основы общей теории. Учеб. пособие / Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев, А.В. Кабыща и др. / под ред. Г.В. Осипова, Л.Н. Москвичева. М.: Аспект-Пресс, 1986. С. 57–58.

² См.: Осипов Г.В. Социология. Изд. 2-е. М.: изд-во ЛКИ, 2008. С. 11.

³ См.: Социология и социальное миротворчество. М.: Норма, 2002. С. 76–77; Введение в социологию. М.: Наука; Вече, 2010. С. 297; Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 18; коллективная монография «Вехи российской социологии / отв. ред. Ж.Т. Тощенко, Н.В. Романовский. СПб.: Алетейя, 2010. С. 8.

⁴ Осипов Г.В. Социология в России. В кн.: Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 2. Рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин; гл. ред. В.Н. Иванов. М.: Мысль, 2003. С. 507.

⁵ Осипов Г.В. Социология в России. В кн.: Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. акад. РАН Г.В. Осипова. М.: НОРМА-ИНФРА, 1998. С. 489.

⁶ См.: Социология и общество: пути взаимодействия. М.: Вече, 2010. С. 24.

нии ЦК ВКП(б) о постановке партийной пропаганды от 14 ноября 1938 года, ни в последовавших вслед за этим мерах политического руководства страны по реализации разработанных новых установок в области общественных наук – во всем этом никаких (ни прямых, ни косвенных) доказательств того, что благодаря именно перечисленным выше акциям якобы осуществлялись в конце 30-х годов XX столетия «запрет» и «упразднение» социологии, возвращение исторического материализма (как «области социального знания») в «лоно философского знания», рассмотрение теории и понятийного аппарата социологии «только на философском уровне». Следовательно, перед нами еще одна преднамеренная подтасовка фактов и их фальсификация.

ГЛАВА IV.

Вымыслы вперемешку с правдой

§1. «Расстрельное дело» Питирима Сорокина

Версия о намерениях В.И. Ленина расстрелять П. Сорокина получила широкое хождение после того, как подобное заявление сделал Г.В. Осипов на одном из социологических форумов, и особенно после его публикаций на эту тему¹. «В 1966 году, – пишет он, – я по своей инициативе обратился в Отдел науки и вузов ЦК КПСС с письменным обоснованием такого предложения (приглашение П. Сорокина в Москву. – А.К.). Мне пришлось описать также и нашу встречу в доме Сорокина, и его мечту побывать на родине. Сразу же был задан вопрос: кто и когда разрешил эту встречу? Как это ни удивительно, но работник ЦК КПСС, бывший тогда в руководстве советской делегации в Вашингтоне, подтвердил, что действительно давал согласие на нашу встречу в Бостоне (в Бостон была совершена поездка туристической группы, принимавшей участие в Вашингтонском конгрессе социологов. – А.К.) Более того, даже поддержал предложение о приглашении П.А. Сорокина в СССР»². И далее: «Казалось, что препятствий со стороны директивных органов для приглашения в СССР Питирима Александровича уже практически не было. Оставалась последняя инстанция – Л.И. Брежнев. Прежде чем решить вопрос о приглашении, он запросил все документы, связанные с высылкой П. Сорокина из СССР. И на одном из этих документов была обнаружена резолюция В.И. Ленина о том, что П.С. Сорокин в случае появления на территории СССР подлежит немедленному расстрелу» (подчеркнуто нами. – А.К.). Затем воспроизводится цитата: «Вы что, – сказал Л. Брежнев, – хотите столкнуть меня с В.И. Лениным?! Его распоряжения я отменять не могу. И если кто-то информированный об этом решении вознамерится его исполнить, я этому не воспрепятствую» (подчеркнуто нами. – А.К.).

К этому надо добавить эпизод, имевший место в 1962 году во время V Всемирного социологического конгресса в Вашингтоне, когда туристическая часть советской делегации по приглашению П. Сорокина посетила его трехэтажный особняк в пригороде Бостона в Винчестере (штат Массачусетс). Тогда на приеме в честь советских го-

¹ См.: Встречи с Питиримом Сорокиным / под ред. И.Б. Орловой. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2003; Осипов Г.В. Три встречи с Питиримом Сорокиным. В кн.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009.

² Осипов Г.В. Три встречи с Питиримом Сорокиным. В кн.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 18.

стей, когда, по словам Г.В. Осипова, «беседа уже приняла неформальный характер», произносивший ответный тост А.Ф. Окулов (замдиректора Института философии. – А.К.) неожиданно спросил П. Сорокина: «Питирим Александрович, скажите, за что же вас выслали из России? Правда ли, что вы участвовали в подготовке покушения на В.И. Ленина?» Как утверждает Г.В. Осипов, дословный ответ был таким: «Да, это было. Но мне не хотелось бы об этом вспоминать. Нет людей, которые не совершали бы в своей жизни ошибок»¹.

«В 1918 году... меня арестовали и приговорили к смерти. Ежедневно в течение шести недель я ожидал расстрела...» – такие признания П. Сорокина содержатся в предисловии, предпосланном его книге «Пути проявления любви и сила ее воздействия»².

Факты, приведенные выше, настолько резонансные (достаточно «расстрельной» резолюции В.И. Ленина и готовности Л.И. Брежнева не препятствовать «немедленному» расстрелу П. Сорокина в случае его возвращения в СССР), что ограничиться только декларациями нельзя, нужны доказательства. В их прояснении ключевой является проблема «Ленин – Сорокин». Поэтому мы поставили перед собой задачу исследовать все, что касается этой темы: архивные документы, публицистическое и научное наследие В.И. Ленина, особенно его политическую полемику с П. Сорокиным, мемуарные источники, беседы с участниками двух международных социологических конгрессов (Вашингтонского 1962 года и Эвианского 1966 года), на которых сюжеты о контактах советских социологов с Питиримом Александровичем приобрели личностное очертание. Итак, по порядку.

Приведенные выше слова, принадлежащие, по версии Г.В. Осипова, Л. Брежневу, о том, что из-за П. Сорокина его хотят «столкнуть» с Лениным и что он не будет препятствовать тому, кто вознамерится осуществить расстрел социолога-эмигранта, подаются не в свободном изложении, а как цитата. Но кому это было сказано? Где это зафиксировано? От кого получил эту информацию сегодняшний ее носитель? Каково документальное подтверждение? Ничего этого нет! Ведь речь идет о расстреле человека! То же самое и в отношении резолюции В.И. Ленина «на одном из этих документов» о немедленном расстреле П. Сорокина «в случае появления на территории СССР». Что это за документ? Если он есть, то каков его источник? И что крайне важно – где официальные (архивные) документальные ссылки на него, без которых он не может восприниматься как аргументированное доказательство?

Какова же вырисовывалась картина после проведенного нами изучения данного вопроса? И здесь приходится говорить о двух Сорокиных – Сорокине-политике и Сорокине-социологе. Поэтому начнем с материалов о политической полемике В.И. Ленина с П. Сорокиным в надежде получить информацию о характере возможного конфликта между двумя антагонистами, побудительных причинах их противостояния. Ленинское наследие по этому вопросу небольшое – всего лишь четыре статьи. Наибольший резонанс получила статья «Ценные признания Питирима Сорокина», поводом для написания которой послужило, как пи-

¹ Осипов Г.В. Три встречи с Питиримом Сорокиным. В кн.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 18, 16.

² См.: Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: ACADEMIA, 1997. С. 97.

шет В.И. Ленин, «интересное письмо Пителима Сорокина»¹, опубликованное в «Правде» 10 ноября 1918 года².

Кстати, указанная статья, по большому счету, является не столько полемической, сколько констатирующей факт добровольного выхода П. Сорокина из партии правых эсеров, о сложении им с себя звания члена Учредительного собрания и о тех исторических уроках, которые можно сделать на основе политического анализа этой акции. Письмо П. Сорокина, которого В.И. Ленин называет представителем «чрезвычайно широкого общественного и политического течения, меньшевистско-эсеровского», заслуживает внимания как чрезвычайно интересный «человеческий документ». В ленинской статье отмечается, что «не очень часто встречается такая искренность и прямота, с которой П. Сорокин признается в ошибочности своей политики. Едва ли не в большинстве случаев политики, убедившиеся в неправильности занятой ими линии, пытаются прикрыть свой поворот, затушевать его, “выдумать” какие-нибудь более или менее посторонние мотивы и т.д.» Поэтому «открытое и честное признание своей политической ошибки само уже по себе является крупным политическим актом...». И далее: «Честное признание политической ошибки приносит очень большую политическую пользу многим людям, если дело идет об ошибке, которую разделяли целые партии, имевшие в свое время влияние на массы»³.

По мнению В.И. Ленина, такой поворот П. Сорокина «отнюдь не случайность, а проявление неизбежного поворота целого класса, всей мелкобуржуазной демократии». Из этого он делает вывод: «Тот не марксист, тот плохой социалист, кто не сумеет учесть и использовать этого»; затем уточняет: «суметь учесть и использовать этот поворот среди меньшевистской и эсеровской демократии от враждебности большевизму сначала к нейтральности, потом и поддержке его есть одна из насущных задач текущего момента»⁴.

Вот и все, что касается высказанных в статье В.И. Лениным принципиальных оценок в адрес П. Сорокина. Остается только подчеркнуть, что в этих высказываниях не содержится никаких ни прямых, ни косвенных угроз давнишнему политическому противнику, нет никаких признаков конфронтации, предвещающей опасность для социолога, который решил отойти от политики и всецело заняться наукой. Единственное, что вызвало у В.И. Ленина возражение, – такие слова П. Сорокина: «Истекший год революции, – пишет Пителим Сорокин, – научил меня одной истине: политики могут ошибаться, политика может быть общественно полезна, но может быть и общественно вредна, работа же в области науки и народного просвещения всегда полезна, всегда нужна народу...» «Пителим Сорокин, – возразил В.И. Ленин, – неправ, когда пишет, что работа в области науки “всегда полезна”. Ибо ошибки бывают и в этой области, примеры упорной проповеди реакционных, скажем, философских взглядов людьми, заведомо не реакционными, есть и в русской литературе»⁵.

¹ Ленин В.И. Ценные признания Пителима Сорокина // Полн. собр. соч. Т. 37. С. 188.

² Статья была перепечатана из газеты Северо-Двинского исполнительного комитета «Крестьянские и рабочие думы» 29 октября 1918 г., а не из «Известий Северо-Двинского исполнительного комитета», как пишет В.И. Ленин.

³ Ленин В.И. Ценные признания Пителима Сорокина // Полн. собр. соч. Т. 37. С. 188–189.

⁴ Ленин В.И. Ценные признания Пителима Сорокина // Полн. собр. соч. Т. 37. С. 191, 188.

⁵ Ленин В.И. Речь на собрании 20 ноября 1918 г., посвященная чествованию В.И. Ленина // Полн. собр. соч. Т. 37. С. 188–189.

Письмо П. Сорокина в «Правду» стало основным содержанием и выступления В.И. Ленина на собрании 20 ноября 1918 года, посвященного его чествованию (собрание было организовано Московским комитетом РКП(б) и Пресненским районным комитетом партии, состоялось оно в помещении «Кино-Арс» – ныне Московский драматический театр имени К.С. Станиславского). В заявлении П. Сорокина о том, что он слагает с себя звание члена Учредительного собрания и отказывается от всякого участия в политике, Ленин увидел «крупный поворот, перелом, который происходит в среде, до сих пор резко враждебно относившейся к советской власти». И далее: «Если он говорит, что во многих случаях политика некоторых деятелей бывает общественно вредной, то это доказывает, что Питирим Сорокин открыто и честно признает наконец, что вся политика правых эсеров была общественно вредна». Существенными являются также слова о том, что «письмо Сорокина доказывает, что в целом ряде враждующих с нами групп мы можем рассчитывать в данный момент, по крайней мере, на их нейтральное отношение к советской власти... До настоящего времени многие слепцы шли за Учредительным собранием, мы же всегда говорили, что Учредительное собрание является лозунгом помещиков, монархистов, всей русской буржуазии во главе с Милюковым, который продает Россию направо и налево – кто даст подороже»¹.

Речь Ленина, как и его статья «Ценные признания Питирима Сорокина», выдержана тоже в спокойных, неконфронтационных тонах, она не содержит в себе не только каких-то неприятностей для Питирима Сорокина, но, наоборот, сориентирована на сотрудничество (или хотя бы на нейтралитет) в отношениях с идейным противником. В этом контексте необходимо указать еще на два ленинских источника, касающихся П. Сорокина: а) план статьи «Заметки публициста», в котором высказано намерение изложить сюжет «буржуазно-демократическая революция» («развод и крепостник П.А. Сорокин»); б) статья «О значении воинствующего материализма», к содержанию которой мы вернемся позже. С точки зрения отношения В.И. Ленина к П. Сорокину как политику она не содержит ничего нового по сравнению с предыдущими ленинскими публикациями. Другое дело обвинения Ленина в «контрреволюционной» позиции П. Сорокина после публикации его статьи в первом номере за 1922 год журнала «Экономист», что и послужило поводом для включения социолога в список высылаемой за границу группы интеллигентов (об этом более подробно – ниже).

Как же соотносятся ленинские оценки деятельности Сорокина-политика, где же те точки соприкосновения, которые породили сорокинское «расстрельное дело»? В поисках ответа на этот вопрос недостаточно ограничиться указанием на общественно-политический статус и на многообразную деятельность П. Сорокина, которые непосредственно предшествовали признанию им своих ошибок и констатации фиаско его политической судьбы, хотя эта деятельность говорит о неординарности этого политика – активный функционер Государственной думы, Временного правительства, личный секретарь А.Ф. Керенского, организатор Всероссийского крестьянского съезда (в противовес радикальному Совету рабочих), редактор эсеровских газет «Воля народа» и «Дело народа».

Наконец, активная борьба с большевиками в годы Гражданской войны, когда, собственно, непосредственно и завязывалось «расстрельное дело» П. Сорокина: арест

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. М., 1969. С. 199.

в начале января 1918 года в редакции редактируемой им антибольшевистской газеты, после отбытия двухмесячного срока ареста переезд вместе с женой в Москву с намерением заняться объединением антибольшевистских групп, начало работ по изданию новой газеты и разгром типографии вскоре после появления первого номера газеты, возвращение после этого на свою северную родину и подпольная деятельность под вымышленным именем с надеждой, что с помощью базировавшихся в Архангельске британских экспедиционных сил большевики могут быть разгромлены. Однако ввиду того, что британская помощь антибольшевистским силам оказалась ограниченной, антиреволюционные силы, несмотря на некоторые начальные успехи, потерпели сокрушительное поражение. В этих условиях странствующий из деревни в деревню П. Сорокин оказался в «розыскных списках» новых властей в качестве контрреволюционера. После странствий в лесах на протяжении нескольких месяцев он возвратился в родной Великий Устюг, где укрылся со своей семьей, но вскоре, убедившись, что подпольный образ жизни может плохо закончиться для всей семьи, решил сдать себя местному отделению ЧК, и, оказавшись заключенным в тюрьму в Великом Устюге и чувствуя тяжесть совершенных им поступков, был уверен, что его ожидает расстрел.

В воспоминаниях одного из советских участников V Всемирного социологического конгресса Э.А. Баграмова содержится важная информация о том, кто спас П. Сорокину жизнь в 1918 году, и о том, каким, по мнению П. Сорокина, было его отношение к России. «Он, – пишет Эдуард Александрович, – сам подошел ко мне как члену делегации советских ученых на конгрессе, уже выступившему на одной из секций и прочитавшему на пленарном заседании на английском языке доклад одного из наших философов, который не смог приехать в США, и сказал: “Мой русский язык, к сожалению, подпорчен длительным пребыванием в США, но и английским я как следует не овладел, – стал объясняться профессор. – Но хотелось бы, чтобы вы по приезде на родину рассказали советскому правительству о моей истинной позиции по отношению к вашей стране... Я был и остаюсь русским патриотом. Вы сейчас живете не в той России, которую я критиковал, осуждая установленный тогда режим, и которую пришлось покинуть. Россия из страны разрушающей стала страной созидательной. А современную Россию я поддерживаю и искренне желаю ей успехов на пути мира и созидания. Кстати, я благодарен Ленину, который спас мне жизнь в 1918-м, приказав освободить из тюрьмы, куда я был заключен по нелепому обвинению (подчеркнуто нами. – А.К.), и предоставил возможность продолжить преподавательскую деятельность в Петербурге. А в сентябре 1922 года, когда тучи вновь сгустились над профессурой, находившейся в оппозиции к режиму, мне было оказано содействие в отъезде из Москвы за границу»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.).

В вопросе о распоряжении В. И. Ленина расстрелять П. Сорокина помогает свидетельство А.А. Громыко времен его дипломатической деятельности в Вашингтоне, когда он выполнял высокую миссию посла СССР в США. Вспомнил же он эту историю на заседании Политбюро ЦК КПСС 27 октября 1986 года, на котором в числе

¹ Баграмов Э.А. Встречи с Ю.П. Францевым, Питиримом Сорокиным и другими интересными людьми // «Старый дом у Москвы-реки...» Наш МГИМО (1948–1953). Воспоминания выпускников 1953 г. М., 2003. С. 51.

прочих обсуждался вопрос, как надо строить отношения между властью и художественной интеллигенцией в период перестройки, когда, по словам председательствовавшего на заседании М. Горбачева, Запад провоцирует политическое руководство СССР «на то, чтобы мы влезли в спор с художественной интеллигенцией, чтобы ЦК диктовал, какое произведение удачно, а какое нет»¹.

Итак, свидетельствует А.А. Громько: «У меня был такой случай в Вашингтоне давно, где-то в конце войны, когда наши войска были уже под Берлином. Во время приема в нашем посольстве ко мне подошел человек и сказал, что он Питирим Сорокин. Как известно, этот Питирим Сорокин – известный философ – был начальником секретариата в правительстве Керенского, заядлым контрреволюционером, который был приговорен советским судом к смертной казни. Но Ленин, как мне заявил Сорокин, его помиловал»² (подчеркнуто нами. – А.К.).

К теме о «расстрельном деле» П. Сорокина А.А. Громько возвратился еще раз – когда, уже будучи председателем Президиума Верховного Совета СССР, издал книгу воспоминаний «Памятное». Опять вспоминая о вашингтонском периоде своей посольской деятельности, он рассказал о том, как проживающие в США Керенский и Сорокин, каждый действуя самостоятельно, пытались наладить контакт с советским посольством. Для решения этой задачи (это было в самом начале Великой Отечественной войны) Керенский попытался использовать посреднические услуги заместителя Государственного секретаря США Адольфа Берли. «Чего он хочет? – задался вопросом А.А. Громько, когда в телефонном разговоре Берли передал просьбу Керенского встретиться с поверенным в делах СССР. – Позлорадствовать? Его наши товарищи сразу же выставят за дверь и прогонят. Будет неприятный инцидент. А может, хочет посочувствовать? Смешно. Кто сочувствует и кому? Политический банкрот, пропахший нафталином. Нет, по всем выкладкам не получалась у меня встреча с Керенским. Все это я прикинул в голове и сказал спокойным тоном в трубку: “Господин Берли! Принимать Керенского я не собираюсь. Думаю, вы меня правильно поймете”»³. О своем решении Андрей Андреевич сообщил в Москву. «Мое решение, – пишет он, – приняли как должное. Никакой реакции на него из Москвы не последовало. Да разве до Керенского было в Москве в июле 1941 года?»⁴

По-иному развивался сюжет с посещением советского посольства в Вашингтоне П. Сорокиным. Очевидно, не веря в официальные возможности контактов с совпосольством, он решил, в отличие от своего патрона, прибегнуть к обходному варианту, воспользовавшись ситуацией, когда, по словам А. Громько, на приемы в советское посольство всеми правдами и неправдами проникали иногда и непрошенные посетители, использовавшие официальные приглашения, которые адресовались нашими товарищами, ведавшими протоколом, естественно, не им, а их знакомым. Выклянчив такую пригласительную карточку, они оказывались в здании посольства СССР в Вашингтоне. Видимо, подобным образом и очутился в наших стенах известный

¹ В Политбюро ЦК КПСС... По записям А. Черняева, В. Медведева, Г. Шахназарова 1985–1991. М., 2006. С. 101.

² В Политбюро ЦК КПСС... По записям А. Черняева, В. Медведева, Г. Шахназарова 1985–1991. М., 2006. С. 101–102.

³ Громько А.А. *Памятное*. Кн. 1. М., 1988. С. 156.

⁴ Громько А.А. *Памятное*. Кн. 1. М., 1988. С. 156.

эмигрант Питирим Сорокин¹. «Когда ко мне на приеме привели Сорокина, – вспоминает Андрей Андреевич, – я крайне удивился. Откуда взялся этот человек? Из какого паноптикума? В прессе его имя не фигурировало, а в российских эмигрантских кругах он совсем не пользовался авторитетом. Его попросту не хотели знать, если не считать отъявленных врагов советской власти. Я не стал, как, впрочем, и другие советские товарищи, спрашивать Сорокина, как он попал на прием. Об этом мы и без разъяснений догадывались. Задал я ему другой вопрос: “Не скучаете ли вы по родине?” Ответ П. Сорокина был лаконичным и весьма показательным: “Мне очень трудно дать ответ, учитывая мое прошлое. Но Ленину я, конечно, глубоко благодарен за все, что он лично для меня сделал. Ведь он мне сохранил жизнь”»² (подчеркнуто нами. – А.К.).

Таким образом, возникает вопрос: что же повлияло на то, что Сорокину, ожидавшему расстрела в тюрьме, судьба уготовила другой путь? Определил эту сорокинскую судьбу не кто иной, как большевистский вождь В.И. Ленин, по прямому указанию которого П. Сорокин вместо ожидаемого расстрела был освобожден из тюрьмы. А выглядело это так: в соответствии с объявленными В.И. Лениным важными переменами в политике правительства в отношении интеллигенции стали реализовываться меры, направленные на то, чтобы прекратить преследования лояльно настроенных по отношению к новой власти людей и попытаться превратить их в союзников коммунистов (это произошло за несколько дней до освобождения П. Сорокина, когда об этой акции Ленина было сообщено на страницах «Правды»). И в это время, как пишет американский исследователь Льюис Козер, «оказалось, что один из его (П. Сорокина. – А.К.) студентов, ставший теперь комиссаром, ходатайствовал за него перед членами правительства Ленина. Они согласились переговорить с ним. Ленин был ими убежден, как писалось в «Правде», «отменил смертный приговор Сорокину и приказал его освободить»³.

Со временем П. Сорокин в одном из интервью канадскому радио сослался на такую телеграмму В.И. Ленина, позволившую ему избежать казни: «Приказываю немедленно препроводить профессора Сорокина в распоряжение центральной ЧК в Москве с надежной охраной, но с гарантией его жизни»⁴ (подчеркнуто нами. – А.К.). Приказ Ленина был исполнен с предельной четкостью, и уже через два дня бывший узник получил от наркома просвещения А.В. Луначарского приглашение на работу комиссаром народного образования северо-восточной части России.

Реакция вчерашнего узника на такое предложение наркома просвещения для последнего была явно неожиданной. Ее изложил со временем П. Сорокин в интервью канадскому радио следующим образом: «Я конечно, был польщен, но затем сказал: вы же знаете, ваши идеи и мои идеи совершенно различны. Если я займу этот пост и буду проводить то, что я считаю настоящей политикой в области образования, вы арестуете меня на следующий же день и тогда, конечно, меня расстреляете. С другой стороны, ваш путь я не могу принять. Поэтому все, чего я сейчас желаю, – это чтобы мне позво-

¹ Громько А.А. Памятное. Кн. 1. М., 1988. С. 157–158.

² Громько А.А. Памятное. Кн. 1. М., 1988. С. 157–158.

³ Л. Козер. О Питириме Сорокине. См.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 57.

⁴ См.: Баграмов Э.М. Несколько штрихов к характеристике социально-политических воззрений Питирима Сорокина // Социологические исследования. 2016, № 1. С. 138.

лили вернуться в Петербургский университет, занять кафедру социологии и продолжить профессорскую деятельность»¹. Пожелание Сорокина было удовлетворено – без каких-либо препятствий или негативных комментариев наркома просвещения, несмотря на явно конфронтационную мотивировку просьбы вчерашнего узника.

А вот как воспроизвел сорокинский рассказ о «предрасстрельном» времени Питирима Александровича работавший продолжительное время в советском посольстве в США под дипломатическим прикрытием руководящий сотрудник внешней разведки КГБ СССР А.С. Феклисов (был советским резидентом в США и Англии в 1940–1960-е годы), которому удалось установить с социологом-эмигрантом продолжительные, даже дружеские отношения.

Справочно. «Сорокин дважды арестовывался большевиками...» В 1918 году его посадили в вологодскую тюрьму. Местный трибунал приговорил к расстрелу. Чекисты ему сказали, что через десять дней приговор приведут в исполнение. Он писал письма Ленину, Луначарскому и Карахану (с последним вместе учился в Петербургском университете). В письмах просил о помиловании, указывал, что лично никогда не вел вооруженную борьбу против большевиков, а лишь идеологическую. Он не надеялся, что в то сложное время письма дойдут до адресатов, и каждый день ждал смерти. Прошло десять, двадцать, сорок дней, а его не расстреливали. Однажды явились чекисты и приказали одеваться. Сорокина перевезли в Москву, на Лубянку. После непродолжительного допроса его доставили к народному комиссару просвещения Луначарскому. Выслушав еще раз просьбу и доводы Сорокина, нарком сообщил, что смертный приговор отменяется и он освобождается. Неожиданно Луначарский предложил Сорокину быть представителем Наркомпроса в северной части России. Сорокин не согласился. Тогда нарком отправил его деканом исторического факультета в Петроградский университет, где он проработал до конца 1922 года...»² (подчеркнуто нами. – А.К.).

Так вместо исполнения расстрельного приговора Сорокину не только даровали жизнь, но и предложили, причем на выбор, вначале руководящую работу в органах Наркомпроса, а затем деканом в прославленном университете.

И здесь на политической деятельности П. Сорокина можно было бы поставить точку. Получив свободу, он всецело погружается в университетскую научно-преподавательскую жизнь; поступает сперва на службу в Первый Петроградский университет, затем – во Второй; читает регулярные курсы лекций во вновь открывшемся университете, а также в ряде других учебных заведений, на всеобучах и ликбезах, осуществляет ряд серьезных литературных проектов, издает два учебника по основам права и социологии, в 1919 году организывает первый в России социологический факультет и становится первым его деканом. А 22 апреля 1922 года – открытый диспут в здании Петроградского университета по поводу выхода в свет его книги с участием именитых ученых, завершившийся тем, что «многочисленная публика наградила диспутанта долгими нескончаемыми аплодисментами»³. Затем получение в

¹ См.: Баграмов Э.М. Несколько штрихов к характеристике социально-политических воззрений Питирима Сорокина // Социологические исследования. 2016, № 1. С. 138.

² См. подробнее: Фетисов А.С. За океаном и на острове. Записки разведчика. Издательский дом ДЭМ, 1994.

³ Л. Козер. О Питириме Сорокине // Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный

1922 году докторской степени (в возрасте всего тридцати трех лет). Словом, новая научная и педагогическая жизнь П. Сорокина была, что называется, ключом.

Его планы на этом поприще были грандиозны и оптимистичны. Однако... обрушившаяся в 1922 году волна арестов представителей петроградской некоммунистической интеллигенции внесла коренной перелом и в судьбу П. Сорокина.

Справочно. Чтобы понять поведение П. Сорокина в этой крайне осложнившейся политической обстановке, необходима короткая историческая справка. В 1922 году в стране резко обострилась политическая ситуация, вызванная множеством разных факторов: возросшие экономические трудности, небывалый по размерам голод в Поволжье, недовольство аграрной политикой правительства и стихийные выступления в ряде районов крестьян, беспорядки в Московском высшем техническом училище, сопровождавшиеся требованиями профессуры более широкой автономии, инициирование некоторыми преподавателями вузов Петрограда студенческих забастовок, широкая кампания по изъятию церковных ценностей (под предлогом помощи голодающим Поволжья), приведшая к кровавым событиям в городе Шуе Ивановской области и к беспорядкам в городе Саратове, отречение патриарха Никона как реакция на судебный процесс над священнослужителями, сопротивлявшимися изъятию церковных ценностей, раскол в рядах клерикалов и развертывание широкой кампании борьбы с инакомыслием под предлогом обострения классовой борьбы после перехода страны к новой экономической политике. Вот в этих условиях В.И. Ленин и Политбюро РКП(б) обосновали необходимость применения насилия как ответной меры против противников советского строя. Одной из мер в этом отношении явилось принятие проходившей с 4 по 7 августа в Москве XII Всероссийской конференцией РКП(б) по предложению Г.Е. Зиновьева решения «Об антисоветских партиях и течениях», в котором, в частности, говорилось: «При правильной тактике РКП(б) сможет... в сравнительно короткий срок окончательно ликвидировать партии эсеров и меньшевиков как политические факторы»¹. Конференция призвала все партийные организации страны и карательные органы не ограничиться только пропагандистской работой, а применять репрессии «не только по отношению к эсерам и меньшевикам, но и по отношению к политиканствующим верхушкам мнимо-беспартийной буржуазно-демократической интеллигенции»².

Одной из мер такой борьбы явилось выселение из Москвы, Петрограда, других крупных городов тех представителей так называемой буржуазной интеллигенции, которая занималась контрреволюционной деятельностью или подозревалась в этом. Причем выселения производились дифференцированно – кого за границу, а кого в отдаленные уголки страны.

На основе архивов в постсоветское время удалось установить, что с августа по декабрь 1922 года из страны было выслано в несколько приемов 300–400 видных деятелей отечественной науки и культуры³.

и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 57.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. 9-е изд., дополн. и испр. М., 1983. С. 591.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. 9-е изд., дополн. и испр. М., 1983. С. 593.

³ См.: Гак А.М., Масальская А.С., Селезнева И.Н. Депортация инакомыслящих в 1922 г. (Позиция В.И. Ленина) // Кентавр. 1993, № 5.

Особое внимание в этих компаниях было уделено бывшим эсерам и меньшевикам. Зиновьев в докладе на XII партийной конференции заявил: «Мы нанесли эсерам и меньшевикам сокрушительные удары... Задача нашей партии заключается в том, чтобы политически ликвидировать эти организованные антисоветские партии в России»¹. В 1922 году вопрос об эсерах рассматривался на Политбюро 13 раз, а о мерах против членов партии меньшевиков – 11 раз. И для этого были достаточные основания. Дело в том, что с 8 июня по 7 августа 1922 года длился судебный процесс над эсерами, к суду было привлечено 218 членов этой партии. И на судебном процессе были представлены конкретные факты террористической деятельности лидеров и активистов правых эсеров против красных вождей, что подтвердили прежде всего перешедшие на сторону большевиков бывшие руководители боевой группы ПСР Г. Семенов и Л. Коноплева. В изданной Г. Семеновым в 1922 году в Берлине брошюра «Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917–1918 годы» (ее перепечатали «Известия» в нескольких номерах) рассказывалось, что автор брошюры и его люди вели охоту на советских руководителей. Достаточно сказать, что Г.И. Семенов² (1891–1937) организовывал убийство в Питере комиссара по делам печати Совета коммун Северной области В. Володарского, покушения на В.И. Ленина, готовил убийство председателя питерской ЧК М. Урицкого, а Каплан, Каннгисер и Сергеев были всего лишь исполнителями этих акций.

Краткие свидетельства самого П. Сорокина о его поведении в 1922 году сводятся к тому, что он, находясь в августе в Москве, узнал о начавшихся в Петрограде арестах профессуры и студенчества и о том, что в питерских газетах появились статьи с угрозами в его адрес, а чекисты приходили в его квартиру. Возвратясь домой, он, опасаясь расправы со стороны Гришки III (Зиновьева) и его команды, принял решение снова уехать в Москву, предпочитая иметь дело с центральной властью (можно предположить, что, принимая такое решение, он учитывал то, что в 1918 году Ленин даровал ему жизнь, отменив расстрельный приговор). По прибытии в Москву он не стал ожидать применения к нему со стороны властей каких-то акций, а добровольно, по своей инициативе, как он пишет, «пришел в Чека с тюремным мешком, и через некоторое время меня принял человек, занимавшийся делом высылаемых ученых. “Моя фамилия Сорокин, – сказал я. – Ваши товарищи в Петрограде приходили арестовывать меня, а я был здесь, в Москве. Я пришел узнать, что вам от меня надо и что вы собираетесь со мной делать”. Чекист, молодой человек с бледным лицом кокаинового наркомана, махнул рукой и сказал: “У нас много людей в Москве, с которыми мы не знаем, что делать. Поезжайте обратно в Петроград, и пусть Чека там решит вашу судьбу”. – “Спасибо, – сказал я. – Я не вернусь в Петроград. Если вы хотите арестовать меня, вот я здесь. А если нет, то я, как свободный гражданин, хочу жить в Москве или любом другом городе России, но не в Петрограде”. “Это невозможно, – сказал он, но, подумав минуту, добавил: – Ладно, все арестованные из университета будут высланы за границу. Подпишите две бумаги, и через 10 дней вы должны покинуть территорию РСФСР...” Выйдя из Чека, я послал жене телеграмму, попросил

¹ Правда. 8 августа 1922 г.

² После прощения Г.И. Семенов служил в советской разведке – по линии то ГПУ, то Разведупра РККА (добывал на Западе промышленные секреты, крутил лихие дела в Китае, Испании). Расстрелян во время «большого террора».

продать ее все вещи и приехать в Москву. Продавать было особенно нечего, кроме остатков моей библиотеки...»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.).

А далее на «добровольно арестованного» П. Сорокина заводится дело, которое ныне хранится в Центральном архиве Министерства безопасности Российской Федерации и которое во многом отличается от дел других лиц, подлежащих высылке. Прежде всего, нет протокола допроса, в то время как его (допроса) процедуре подвергалось абсолютное большинство подозреваемых (причем по несколько раз). Нет и ордера на арест, который обязательно оформлялся на каждого подлежащего аресту и имел стандартную и одинаковую для всех арестантов форму – применительно, например, к Н.А. Бердяеву он звучал так: «Ордер № 1722 августа 16 дня 1922 г. Выдан сотруднику Оперативного отдела ГПУ Соколову на производство ареста и обыска гр. Бердяева Николая Алексеевича (так в тексте – вместо «Александровича». – А.К.) по адресу Б. Власьевский, д. 14, кв. 3. Зам. председателя ГПУ. Начальник оперотдела».

В отличие от многотомных дел подозреваемых, сорокинское дело уместилось всего лишь на 6 листах, включая такие два итоговых документа: 1) «Подписка. Дана сия мною, гр. Сорокиным Питиримом Александровичем, Государственному политическому управлению в том, что обязуюсь не возвращаться на территорию РСФСР без разрешения советской власти. Ст. 71-я Уголовного кодекса РСФСР, карающая самовольное возвращение в пределы РСФСР высшей мерой наказания, мне объявлена, в чем я и подписываюсь» (подчеркнуто нами. – А.К.); 2) заключение «Выслать бессрочно», утвержденное Г. Ягодой². Подчеркнем при этом: подпись, которую дал П. Сорокин, – стандартная для всех отъезжающих в данном случае за границу, каждому конкретному лицу оставалось только вставить свою фамилию, имя и отчество в готовый текст. Для сравнения приведем подписку Н.А. Бердяева: «Подписка. Дана сия мною, гражданином Бердяевым Н.А. Главному политическому управлению в том, что обязуюсь не возвращаться на территорию РСФСР без разрешения органов советской власти. Статья 71-я Уголовного кодекса РСФСР, карающая за самовольное возвращение в пределы РСФСР высшей мерой наказания, мне объявлена, в чем и подписываюсь» (подчеркнуто нами. – А.К.). Повтор с подпиской П. Сорокина – сто процентный.

В контексте блуждающих в информационном пространстве версий о расстрельных в этой ситуации распоряжениях В.И. Ленина обращают на себя внимание такие моменты, связанные с подготовкой проекта упомянутого выше Уголовного кодекса РСФСР и, в частности, его статьи 71. Первое – Уголовный кодекс РСФСР был утвержден III сессией ВЦИК IX созыва (12–26 мая 1922 года), постановление ВЦИК о введении его в действие подписано М.И. Калининым и А.С. Енукидзе 1 июля 1922 года³, то есть это событие произошло тогда, когда В.И. Ленин после инсульта потерял работоспособность и лежал на больничной койке в Горках в крайне тяжелом состоянии (первое после болезни официальное мероприятие В.И. Ленина – его выступление на заключительном заседании IV сессии ВЦИК 31 октября 1922 года). Второе – за десять дней до приступа, свалившего В.И. Ленина в постель, он запросил у народного комиссара юстиции Д.И. Курского проект Уголовного кодекса РСФСР, который дол-

¹ Leaves from a Russian Diary. By Pitirim Sorokin. N. Y., 1924. P. 303–304.

² Центральный архив МБ РФ. Дело 1525, л. 1, 4.

³ Центральный архив МБ РФ. Дело 1525, л. 1, 4.

жен был рассматриваться на III сессии ВЦИК, и уже в ходе начавшегося заседания сессии внес существенные поправки во вводный закон Уголовного кодекса РСФСР.

Так, после слов «впредь до установления условий, гарантирующих Советскую власть от контрреволюционных посягательств на нее, революционным трибуналом» он наряду с предложенным авторами проекта документа текстом «предоставляется право применения как высшей меры наказания – расстрела по преступлениям», предусмотренным соответствующими статьями (подчеркнуто нами. – А.К.), дал такую свою формулировку, которая и была учтена при принятии указанного кодекса: предоставить «право замены расстрела высылкой за границу, по решению Президиума ВЦИК, на срок или бессрочно»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.). Конечно, высылка гражданина за пределы родины не относится к актам гуманизма, но в контексте растражированных расстрельных версий внесение В.И. Лениным предложения о включении в Уголовный кодекс пункта о праве замены расстрела высылкой за границу в данном конкретном случае имеет существенное значение.

Что же касается статьи 71-й Уголовного кодекса о возможности применения к подлежащим высылке за границу всеобщей меры наказания, то ее использование предполагалось не в качестве универсальной высшей меры, а в строго очерченных случаях – за самовольное возвращение в РСФСР», «без разрешения советской власти», что не закрывало дорогу для тех, кто в будущем хотел бы при соблюдении установленного законом порядка посетить Россию. О том, что именно так выглядела эта ситуация, свидетельствуют два несостоявшихся разрешенных советскими властями, но заблокированных официальным Вашингтоном визита в Москву П. Сорокина в 1962 и 1964 годах, о чем конкретно мы расскажем ниже. Далее – В.И. Ленин до болезни успел направить Ф. Дзержинскому 19 мая 1922 года обращение: «Вопрос о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции... подготовить тщательнее. Без подготовки мы наглупим. Прошу обсудить такие меры»². И со своей стороны предложил некоторые из таких мер. Основная же фаза подготовки к высылке и ее непосредственное осуществление выпали на время нахождения парализованного В.И. Ленина на лечении в Горках, когда он не мог не только писать какие-либо резолюции, а просто удержать в руках ручку.

Сами же события развивались в рамках принятого постановления Политбюро ЦК РКП(б) об утверждении списка высылаемых из России интеллигентов от 10 августа 1922 года, в котором, в частности, говорилось: «Предложить ГПУ подвергнуть обыску всех (речь идет о списке, в котором в числе антисоветских интеллигентов Петрограда назван и П. Сорокин), арестовать же только тех, относительно которых имеются опасения, что они могут скрыться, остальных подвергнуть домашнему аресту»³ (подчеркнуто нами. – А.К.). Такой дифференцированный подход в подготовке к высылке под кодовым названием «Операция», которой руководила специально созданная комиссия Политбюро ЦК РКП(б) в составе Каменева, Курского, Уншлихта, Манцева и Решетова, означал: одних, наиболее неблагонадежных, – под конвой; для других – домашний арест, для третьих – освобождение ввиду не-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 45. С. 189.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 266.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 3. 175. Л. 45–58.

обоснованности обвинения. Для некоторых депортация вообще приостановилась (по разным мотивам).

Для П. Сорокина эти события повернулись таким образом, что, как пишет американский профессор Л. Козер, которому принадлежит интереснейшее исследование «О Питириме Сорокине», он беспрепятственно, не ожидая возможного применения к нему таких санкций, «добровольно явился в ЧК и после обычных проволочек получил паспорт. 23 сентября 1922 года он покинул Россию, чтобы никогда не возвращаться»¹. Через многие годы в беседе с Э.А. Баграмовым в ходе V Всемирного социологического конгресса П. Сорокин отметил: «В сентябре 1922 года, когда тучи вновь сгустились над профессурой, находившейся в оппозиции к режиму, мне при содействии друзей удалось безболезненно выехать из Москвы за границу»² (подчеркнуто нами. – А.К.). Такую «дружескую» услугу приговоренному к высылке ученому оказали друзья студенческих лет в Санкт-Петербурге Георгий Пятаков и Лев Карахан³.

Еще один вопрос, вызывающий не то что сомнение в его достоверности, а крайнее недоумение и недоверие, – это ленинская резолюция о расстреле П. Сорокина. Сопоставим некоторые факты. В одном случае Г.В. Осипов указывает на то, что когда Л.И. Брежнев «запросил все документы, связанные с высылкой П. Сорокина из СССР», он обнаружил, что «П.А. Сорокин в случае появления на территории СССР подлежит немедленному расстрелу»⁴. Другой источник – выступление Г.В. Осипова на Всероссийском социологическом конгрессе 21 октября 2008 года – гласит: «...когда доложили Брежневу (дело Сорокина. – А.К.), он попросил материалы. И в материалах была резолюция Ленина: “При возвращении в Советский Союз расстрелять”⁵ (подчеркнуто и в первой, и во второй цитате нами. – А.К.). Хотя эти два источника, казалось бы, по содержанию абсолютно идентичны, все же между ними есть одно существенное различие: если в первом случае требование В.И. Ленина появившегося П. Сорокина на территории СССР расстрелять дано в авторском (то есть Г.В. Осипова) изложении, то во втором – ленинские слова подаются не в изложении, а как написанная его (В.И. Ленина) рукой резолюция, гласящая, повторим еще раз, «при возвращении в Советский Союз расстрелять».

А теперь, оставив в стороне документально не подтвержденное требование «расстрелять», да еще и «немедленно» (зададимся лишь вопросом: на кого это рассчитано?), добавим к цитатам две даты: 23 сентября 1922 года, когда на основе заключения СО ГПУ, утвержденного Ягодой, П. Сорокин получил разрешительные документы на выезд за границу, что он сразу же и сделал, и 30 декабря 1922 года, когда был образован Советский Союз. Сопоставление этих дат говорит об одном: П. Сорокин эмигрировал не из Советского Союза, а из провозглашенной еще в январе 1918 года

¹ Л. Козер. О Питириме Сорокине // Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М., 2009. С. 59.

² См.: Баграмов Э.А. Несколько штрихов к характеристике социально-политических воззрений Питирима Сорокина // Социологические исследования.

³ См. более подробно: Сорокин П.А. Дальняя дорога. Автобиография / пер. с англ., общ. ред., предисл., примеч. А.В. Липского. М.: Моск. рабочий; ТЕРРА, 1992.

⁴ См.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 18.

⁵ См.: Социология и общество: пути взаимодействия. М., «Вече», 2010, с. 142.

Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР), а в момент его отъезда за границу ни на политической карте мира, ни в политическом и юридическом лексиконе страны под названием Советский Союз (СССР) не было. И как же в этих условиях В.И. Ленин мог учинить так называемую расстрельную резолюцию с упоминанием в одном случае Советского Союза, а в другом территории СССР?

Но, может быть, есть какие-то другие (не расстрельные) ленинские резолюции в связи с высылкой П. Сорокина за границу? Рассекреченные ныне архивные документы позволяют реконструировать прохождение документов с упоминаниями П.А. Сорокина – от начала и до конца всей кампании по высылке инакомыслящих за рубеж. Итак, перед нами цепочка событий. 10 августа 1922 года принимается постановление Политбюро ЦК РКП(б) об утверждении списка высылаемых из России антисоветски настроенных интеллигентов, в котором от Петрограда значится в числе других фамилия Питирима Сорокина¹. 18 августа 1922 года Н.С. Уншлихт (входил в состав комиссии по высылке) сообщает В.И. Ленину: «Согласно Вашего распоряжения посылаю списки интеллигенции по Москве, Питеру и Украине»², утвержденные Политбюро ЦК РКП(б). Ознакомившись с ними, В.И. Ленин отправляет их И.С. Уншлихту, не сделав никаких письменных пометок, но 17 сентября 1922 года вновь обращается к нему: «Будьте любезны распорядиться: вернуть мне все принадлежащие бумаги с заметками, кто выслан, кто сидит, кто (и почему) избавлен от высылки. Совсем краткие пометки на этой же бумаге»³. В возвращенных В.И. Ленину списках напротив каждой фамилии с правой стороны работниками ГПУ были сделаны письменные пометки; например, Лосский Н.А. – арестован, высылается, на свободе до ликвидации дела; Булгаков С.Н. – не разыскан; Замятин Е.И. – арестован, высылка отсрочена вплоть до особого распоряжения. Напротив фамилии П.А. Сорокина – арестован, высылается (никаких расстрельных угроз нет).

Подчеркнем еще раз: такие пометки сделаны работниками ГПУ на основании нами уже упоминавшегося постановления Политбюро ЦК РКП(б) от 10 августа 1922 года, принимавшегося без участия находящегося на лечении В.И. Ленина. После ознакомления с пометками на списках В.И. Ленин вновь их возвратил в комиссию по высылке, не сделав никаких пометок или замечаний. Это еще один ответ на вопрос о расстрельной резолюции. А 5 сентября 1922 года Ф. Дзержинский после разговора с В.И. Лениным сделал на документах о высылке свои пометки, но в них не было ничего такого, что касалось бы конкретных кандидатов на высылку, а содержались общие указания Уншлихту, как лучше организовать эту работу (более компетентная проверка, грамотное составление списков, преодоление в этом деле «рвачества» и «кустарничества» и т.д.).

О самих же последних днях перед выездом П.А. Сорокина за границу свидетельствует такой хранящийся в Центральном архиве ФСБ документ (сохраним не только орфографию первоисточника, но и чисто технические элементы, включая построченное размещение текста):

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 175. Л. 45–58.

² РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2603. Л. 1–1.

³ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1245. Л. 1.

Заключение СО ГПУ в отношении П.А. Сорокина от 20 сентября 1922 г.

Заключение по делу № 15962 о гр. Сорокине Питирим Александровиче. Арестован 19/9 1922 года, находится на свободе. По наведенным справкам о прежней судимости в Уч(етно)-Р(егистрационном) О(тделе) ГПУ не проходит. 1922 года Августая – дня. Я, сотрудник для поручения IV отделения СО ГПУ – Шешкин, рассмотрев дело за № 15962 нашел. С момента Октябрьского переворота до настоящего времени не только не примирился с существующей в России в течении 5 лет Рабочее-крестьянской властью, но ни на один момент не прекращал своей анти-советской деятельности, причем в моменты внешних для РСФСР затруднений, свою контр-революционную деятельность усиливал.

А посему, на основании п.2 лит(еры) Положения о ГПУ от 6/11 с. 2: В целях пресечения дальнейшей антисоветской деятельности Сорокина полагаю выслать его из пределов РСФСР ЗАГРАНИЦУ БЕССРОЧНО. Принимая во внимание заявление поданное гр-ом Сорокиным в Коллегию ГПУ с просьбой разрешить ему выезд за границу за свой счет, для устройства личных и служебных дел дать 7 дней, с обязательством явки в ГПУ по истечении указанного срока и после явки немедленно выехать за границу.

Пом(ощник) Нач(альника) IV
Отделения Шешкин. 20/9(19)22.
Согласен Зарайский.
Утверждаю Ягода 23/9-19(22)¹.

Обратим внимание на такие нюансы заключения СО ГПУ от 20 сентября. После ареста 19 сентября П.А. Сорокин следственными органами не изолировался, а сразу же был отпущен на свободу, что произошло в день ареста, то есть 19 сентября, или 20 сентября, в день составления заключения. Документ, составленный помощником начальника IV отделения ГПУ Шешкиным, был утвержден Ягодой 23 сентября, то есть в день отъезда П. Сорокина за границу, как нами было отмечено раньше, без допроса. Наконец, на заключении от 20 сентября стоит виза Ягоды «Утверждаю» – такая же, как и на ранее сделанной П.А. Сорокиным подписке о его ознакомлении со статьей 71-й Уголовного кодекса РСФСР и обещании не возвращаться в пределы РСФСР без разрешения властей. И никаких – ни в первом, ни во втором случаях – расстрельных резолюций ни Ягоды, ни тем более Ленина. Что же касается карательной статьи 71-й Уголовного кодекса, то ее применение, еще раз подчеркнем, предполагалось лишь в случае возвращения высланных в 1922 году за границу оппозиционных интеллигентов «без разрешения властей», «самовольно».

Вот на этом в исследовании о ленинской «расстрельной резолюции» и о человеке, «приговоренном в России к смертной казни»², можно поставить точку. Ее (резолюции) просто нет! Кроме приведенных нами архивных источников вывод об отсутствии расстрельной резолюции подкрепляется и опубликованной в 1999 году книгой «В.И. Ленин. Неизвестные документы», в послесловии к которой доктор историче-

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. 47804, № 4.

² См.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 14.

ских наук В. Логвинов отметил, что после этого издания «засекреченного Ленина» больше не существует»¹. Следовательно, на поисках расстрельной резолюции можно поставить еще один большой крест.

Добавим лишь: член-корреспондент РАН В.Л. Шульц, возглавляющий в ИСПИ РАН один из его отделов и узнавший о том, что Г.В. Осипов обращался в ЦК КПСС с просьбой разрешить Питириму Сорокину приехать в СССР, на что генсек якобы ответил, что в случае реализации такого приглашения он «должен его расстрелять, ибо такое решение было в свое время принято Лениным», заинтересовался этой историей и провел собственное расследование. И что же он обнаружил? «Я поднял в архиве все относящиеся к этой истории документы, и оказалось, что на самом деле никакой расстрел П. Сорокину не грозил (подчеркнуто нами. – А.К.), что это была мрачная легенда, которая преследовала Питирима Александровича всю жизнь»². Приведенные слова в данном случае имеют большое значение, потому что если бы среди всех поднятых в архиве документов по этому вопросу была обнаружена ленинская расстрельная резолюция, то, вне всякого сомнения, Владимир Леопольдович об этом сказал бы. Но, увы, оказалось, что по этому вопросу сказать нечего.

Вот так выглядит «расстрельное дело» П. Сорокина. Как оно интерпретируется некоторыми авторами сегодня – один из примеров. Авторы учебника «История социологии», указывая на то, что «2 января 1918 года Сорокин в очередной раз был арестован, однако уже революционным большевистским правительством по обвинению в покушении на Ленина», ограничиваются конкретизацией: «Если жизнь в период красного террора для простого человека была полна ужаса и трагизма, то нетрудно представить себе перипетии человека, встретившего Октябрьский переворот в штаны и, по его собственному выражению, игравшего в кошки-мышки с советской властью»³, совершенно обходят молчанием факт ленинского распоряжения отменить вынесенный не по инициативе В.И. Ленина смертный приговор Сорокину и сохранить ему жизнь. Вот так некоторые современные «правдоискатели» из всей совокупности сложных событий выдергивают те, которые служили бы нужной версии, отсекая при этом те аргументы, без которых правда превращается в свою противоположность – ложь. А это уже не игра в кошки-мышки.

К описанной выше «расстрельной» версии П. Сорокина примыкает еще один во многом вызывающий ряд вопросов сюжет – о приглашении Г.В. Осиповым философа-эмигранта посетить Россию. Почему? Отметим несколько существенных моментов. Первое – бытующее мнение о том, что П. Сорокин якобы обратился к советской делегации на Вашингтонском социологическом конгрессе с просьбой оказать ему содействие в организации поездки в СССР, голословно, оно ничем не подтверждается: в отчете руководителя советской делегации на этом конгрессе Ф.В. Константинова нет ни одной строчки не только об обсуждении вопроса о приглашении П.Сорокина в СССР, но и вообще о каких-то других договоренностях между американским социологом и официальной советской делегацией⁴. Что же касается группы ученых,

¹ См.: Ленин В.И. Неизвестные документы. М., 1999. С. 581.

² См.: Академик Г.В. Осипов – патриарх социологии. М.: Наука, 2009. С. 155.

³ История социологии. // отв. ред. Осипов Г.В., Култыгин В.П. М.: Норма, 2009. С. 512.

⁴ Об итогах работы советской делегации на V Всемирном социологическом конгрессе (Вашингтон, 2–8 сентября 1962 г.). Отчет руководителя делегации члена-корреспондента АН СССР Ф.В. Константинова. В сб.: Социология и власть. Сборник 1. Документы 1953–1968. М.: АCADEMIA, 1997. С. 62–67.

прибывших на конгресс по линии научного туризма (Э.А. Баграмов, Г.В. Осипов, О.Ф. Окулов и др.), то руководитель этой туристической группы Э.А. Баграмов в беседе с нами подтвердил, что прямых обращений П. Сорокина к туристам-ученым с просьбой пригласить его в СССР не было, а по ходу разговора высказывались ностальгические рассуждения типа «хотелось бы осуществить такую поездку». Какими могли быть полномочия туристической группы при участии в конгрессе официальной делегации, разговор лишней.

Второе – Г.В. Осипов «гордится» тем, что его «знакомство с выдающимся социологом, русским по происхождению, американцем по стране пребывания, лауреатом Нобелевской премии Питиримом Сорокиным» переросло «в настоящую крепкую дружбу на долгие годы»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.). Воздерживаясь от комментария по поводу нобелевского лауреатства П. Сорокина, чего никогда не было, скажем о другом. Если поверить, что Г.В. Осипов подружился с П. Сорокиным в 1962 году во время Вашингтонского социологического конгресса и что в Москве его (Г.В. Осипова) «не покидала мысль о необходимости во что бы то ни стало попытаться организовать приезд П. Сорокина в Советский Союз», то почему же к реализации этой идеи он приступил только в 1966 году, то есть через четыре года после первого контакта с П. Сорокиным на Вашингтонском конгрессе?

Насколько достойным является именно такой ответный шаг на винчестерское гостеприимство социолога-эмигранта? Что же касается их «настоящей и крепкой дружбы на долгие годы», то, не вторгаясь по этическим соображениям в выяснение причин того, что после Вашингтонского конгресса и вплоть до самой смерти Питирима Александровича в 1968 году, то есть на протяжении шести лет, «настоящие друзья» ни разу не встретились (в том числе и на Эвианском социологическом конгрессе 1966 года – об этом мы расскажем позже), ограничимся напоминаниями, что они вообще не осуществляли какие-либо шаги в налаживании взаимного профессионального сотрудничества, которые стали бы известны научному сообществу (если такие контакты имели бы место, они, несомненно, нашли бы отражение в изданном ИСПИ РАН сборнике документов «Социология и власть»).

Третье. При отсутствии документальных подтверждений сотрудничества (и даже «крепкой дружбы») между президентом Американской социологической ассоциации и социологами Института философии АН СССР раскритикованные в постсоветское время архивы свидетельствуют о том, с кем же из советских ученых действительно поддерживал контакты П. Сорокин в те годы. В записке председателя научного совета АН СССР по истории мировой культуры академика П.Ф. Юдина в ЦК КПСС по вопросу приглашения П. Сорокина в Москву от 3 февраля 1967 года говорится: «В связи с разработкой проблем критики современных буржуазных теорий культуры и культурно-исторического процесса между сектором философских проблем культуры Института философии АН СССР и президентом Американского социологического общества Питиримом Сорокиным возникла переписка по научным проблемам и происходит обмен мнениями»² (подчеркнуто нами. – А.К.). С учетом этого

¹ Осипов Г.В. Российская академия наук – три века служения Отечеству. М.: ИСПИ РАН, 2013. С. 145.

² См.: Записка Научного совета АН СССР по истории мировой культуры о приглашении в СССР президента Американского социологического общества П.А. Сорокина. В сб.: Социология и власть. 1953–1968. Сборник 1. Документы. М.: ACADEMIA, 1997. С. 91.

П.Ф. Юдин и обращается в ЦК с предложением заняться этим вопросом Институтом философии или научному совету АН СССР по истории мировой культуры. Указанный документ официально подтверждает наличие научных контактов П. Сорокина с сектором философских проблем культуры, но не с возглавляемым Г.В. Осиповым с 1966 года отделом конкретных социологических исследований. И можно ли допустить, что советский ученый, отношения которого с президентом Американского социологического общества якобы характеризовались «настоящей и крепкой дружбой на долгие годы», мог в данном случае оказаться изолированным от подготовки визита в Москву высокого гостя? Ведь отдел, возглавленный Г.В. Осиповым, и сектор философских проблем культуры структурно входили в один и тот же Институт философии.

Четвертое – что означают слова: «Я по своей инициативе обратился в отдел науки и вузов ЦК КПСС»? По своей инициативе, как частное лицо? Или по своей инициативе, но как сотрудник института или председатель ССА? Обратился, не учитывая мнение директора Института философии, Президиума АН СССР? Ведь надо учитывать, что при всех указанных выше вариантах в те времена для решения подобных вопросов существовал обкатанный, то есть официально установленный порядок, который Г.В. Осипову, проработавшему ряд лет руководителем Советской социологической ассоциации и руководящим работником института, был хорошо известен: в данном случае институт должен обратиться с письмом в Президиум АН СССР с обоснованием правомерности приглашения в страну зарубежного гостя, после этого документы рассматриваются в соответствующем отделе ЦК и затем попадают на стол Секретариата ЦК для окончательного решения. К тому же для приглашения в АН СССР зарубежных гостей в описываемое время существовал четкий порядок – ежегодное планирование институтами международных связей, которое утверждалось Президиумом АН СССР и обеспечивалось финансовыми ресурсами. И все выглядело довольно просто: вовремя поданная и аргументированно обоснованная заявка всегда удовлетворялась, и потребности в поиске каких-то особых путей не было.

Конечно, это в том случае, если визит зарубежного ученого совершается с четко поставленной научной целью и обеспечение его (визита) никак не может происходить без решающего участия в этом деле международного отдела Президиума АН СССР, не говоря уже о руководстве Академии наук. В данном же случае ни в беседах в ходе социологического конгресса, ни в инициативе Г.В. Осипова по приглашению эмигранта-социолога в Москву такая цель не просматривается. Главный мотив – помочь ностальгирующему ученому «хотя бы перед смертью побывать на родине»¹. И при чем здесь ЦК КПСС? Для осуществления таких поездок существовал «Интурист», еще могло бы быть и Общество дружбы и культурных связей с зарубежными странами, занимавшееся гуманитарными и культурными связями за границей. Осипов, сообщая о том, что он обратился в отдел ЦК «с письменным обоснованием такого предложения», никаких документов не приводит, в том числе и в сборнике «Социология и власть», в котором имеющиеся документы о других подобных ситуациях помещены. Поэтому «инициативное» приглашение Г.В. Осиповым П.А. Сорокина напоминает написанную вилами по воде историю.

¹ См.: Сорокин П. Кризис нашего времени. Социологический и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 3.

Пятое. Во всех без исключения случаях – и когда Москва дважды подтвердила готовность принять П.А. Сорокина в СССР, но визиты не состоялись из-за политического давления на социолога со стороны администрации президента США и Госдепартамента (об этом расскажем более подробно позже), и когда Питирим Александрович в частном порядке многократно высказывал своим собеседникам из СССР желание посетить родину, – он всегда избегал как вручения им официальных письменных обращений, так и устных просьб на этот счет, ограничиваясь, о чем говорилось выше, ностальгическими суждениями типа «очень хотелось бы посетить родную землю», не обращаясь в какие бы то ни было соответствующие общесоюзные структуры, включая Президиум АН СССР. Поэтому при отсутствии официально высказанных просьб о разрешении визита в СССР по определению не могло быть и никаких официальных запросов, ответы давались тем конкретным лицам или организациям, которые выступали в качестве ходатаев-посредников в организации подобных визитов.

Как же сам Питирим Александрович оценивал применяемые к нему «запреты», свидетельствует такой факт. Когда в ходе уже упоминавшейся беседы Э.А. Баграмова с П. Сорокиным на V Всемирном социологическом конгрессе социолог-эмигрант пробросил фразу: «Мое самое заветное желание – приехать в Россию, поцеловать родную землю», сразу же последовал ответ Э.А. Баграмова: «Почему не сделать это?» Как же на него отреагировал Питирим Александрович? Он заявил: «Да, с советской стороны препятствий нет. Недавно я подавал заявку на участие во Всемирном конгрессе за разоружение в Москве. Но, вот незадача, мне в Госдепартаменте разъяснили: конечно, никто не вправе помешать мне, Сорокину, выехать на конгресс, но “учтите, мол, конгресс – это пропагандистская затея”. Представляете, – продолжал Сорокин, – эти чиновники из Госдепа пытаются учить меня уму-разуму. Помнится, Джон Кеннеди у меня в Гарвардском университете имел по социологии четверку, но Дину Раску (со временем ставшему госсекретарем США. – А.К.) я больше тройки никогда не ставил. Конечно, я мог бы плюнуть на все и выехать, но, скажу вам честно, не хочется портить карьеру своим сыновьям»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.). Оказывается, одному из сыновей, поведал Питирим Александрович, предложили работу в лаборатории атомной физики, где он мог получать оклад, в три раза превышающий его профессорское жалованье. И последовал вывод П. Сорокина: «Если я поеду в СССР, я могу сорвать этот переход и потом не прощу себе этого»² (подчеркнуто нами. – А.К.).

К этим признаниям П. Сорокина можно лишь добавить такие документально подтвержденные факты. Что касается его участия в Московском конгрессе по разоружению, то он имел на руках приглашение, полученное от президента Всемирного совета мира Джона Бернала. С советской стороны не только не было препятствий для поездки П. Сорокина на конгресс, а наоборот, было официальное подтверждение

¹ Баграмов Э.А. Встречи с Ю.П. Францевым, Питиримом Сорокиным и другими интересными людьми // «Старый дом у Москвы-реки...» Наш МГИМО (1948–1953). Воспоминания выпускников 1953 года. М., 2003. С. 58; его же: Несколько штрихов к характеристике социально-политических воззрений Питирима Сорокина // Социологические исследования. 2016, № 1. С. 139.

² Баграмов Э.А. Встречи с Ю.П. Францевым, Питиримом Сорокиным и другими интересными людьми // «Старый дом у Москвы-реки...» Наш МГИМО (1948–1953). Воспоминания выпускников 1953 года. М., 2003. С. 58.

желательности его участия в этом мероприятии. Кроме того, в уже упоминавшемся письме председателя научного совета АН СССР по истории культуры П.Ф. Юдина, направленном в Секретариат ЦК КПСС 3 февраля 1967 года, содержится также информация о том, что он (П. Сорокин) «пытался посетить Советский Союз в качестве туриста, но получил отказ от Госдепартамента США» (подчеркнуто нами. – А.К.)¹.

Для полноты картины с приглашениями П.А. Сорокина в Москву существенное значение имеют свидетельства уже упоминавшегося нами советского дипломата-разведчика А.С. Феклисова, контакты которого с социологом и обсуждение вопросов о его московской поездке состоялись задолго до описанных нами документально подтвержденного сюжета с участием П.Ф. Юдина и В.А. Карпушина, а также декларативной, не подтвержденной никакими официальными источниками версии Г.В. Осипова. Первый эпизод, о котором поведал А.С. Феклисов, относится к августу 1963 года, когда он, находясь в отпуске, узнал, что вопрос о приглашении П.А. Сорокина рассматривается в Международном отделе ЦК КПСС и что «руководство отдела колебалось, говоря: “Как мы его пригласим, когда в Советском Союзе защищены два десятка диссертаций по теме “Критика социологических теорий П. Сорокина”»². Решено было немного повременить, появилась даже опасность подзабыть это. Однако вскоре ситуация несколько изменилась, что дало основания А.С. Феклисову сообщить П. Сорокину, что «в Москве положительно воспринято желание Сорокиных (то есть самого Питирима Александровича и его супруги Елены Павловны) приехать в СССР и что реально их приглашение может состояться в 1964 году»³.

Увидев же (вместо радости от приятной новости), что профессора «что-то мучает», он «чем-то обеспокоен», дипломат-разведчик вдруг услышал: «Да, вы правы, у меня действительно неприятность». И рассказал, что «утром у него была встреча с одним из своих бывших учеников, занимающим важный пост в администрации президента Кеннеди. Сорокин поинтересовался у него, как отнесется Госдепартамент к его намерению совершить поездку в СССР. Дипломат порекомендовал ему не делать этого, так как Москва использует, мол, эту поездку в своих пропагандистских целях. Профессор возразил: во время поездки он будет делать только заявления, способствующие установлению взаимопонимания и дружественных отношений между США и СССР, что соответствует политике Белого дома. Несмотря на это, представитель администрации все же настойчиво уговаривал его отказаться от своего намерения»⁴ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Продолжая рассуждать на эту тему, П.А. Сорокин сообщил А.С. Феклисову еще об одном подобного рода эпизоде, фактически повторив ранее описанную нами версию, изложенную Питиримом Александровичем Э.А. Баграмову в ходе Вашингтонского социологического конгресса: «Это уже второй раз мне не советуют ехать в СССР.

¹ Записка Научного совета АН СССР по истории мировой культуры о приглашении в СССР президента Американского социологического общества П.А. Сорокина // Социология и власть. Сборник 1. Документы. М., 1997. С. 91.

² См. подробнее: Феклисов А.С. За океаном и на острове. Записки разведчика. М.: Издательский дом ДЭМ, 1994.

³ См. подробнее: Феклисов А.С. За океаном и на острове. Записки разведчика. М.: Издательский дом ДЭМ, 1994.

⁴ См. подробнее: Феклисов А.С. За океаном и на острове. Записки разведчика. М.: Издательский дом ДЭМ, 1994.

Первый раз такое было летом 1962 года. Тогда президент Всемирного совета мира профессор Бернал пригласил меня в качестве гостя в Москву на Всемирный конгресс за всеобщее разоружение и мир. Тогда я не поехал, потому что получил письмо из Госдепартамента за подписью Дина Раска (госсекретаря. – А.К.), в котором рекомендовалось отказаться от приглашения. И теперь мне ясно, что я должен оставить свои надежды до лучших времен¹ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Таким образом, документальные источники – ни ранее опубликованные, ни рассекреченные из архивов в последнее время – не содержат никакой информации, свидетельствующей о запрете сорокинских приездов в Советский Союз в период «социологического ренессанса». Однако в начале 1967 года произошло событие, которое не вписывалось в обозначенный выше ход событий. Дело в том, что 4 января 1967 года П. Сорокин написал письмо заместителю председателя научного совета АН СССР В.А. Карпушину, в котором он, высказав сожаление, что по состоянию здоровья ему не удалось побывать на состоявшемся в 1966 году Эвианском социологическом конгрессе, выразил тем не менее надежду до своей кончины «посетить мою родину и встретиться там с Вами и другими советскими учеными»² (эти слова Г.В. Осиповым искажены и звучат так: ему, то есть П. Сорокину, не удалось ни «сслужить службу русским ученым», ни «посетить родину до своей кончины»)³. И хотя вопрос о поездке в Москву П. Сорокина в его письме прозвучал, как и до этого в аналогичных ситуациях, не в форме прямой просьбы, а ностальгического суждения, В.А. Карпушин, поддерживавший продолжительные, в том числе и письменные контакты с социологом-эмигрантом (о чем свидетельствует его богатая переписка), среагировал по максимуму и занялся практическими вопросами организации сорокинского визита.

В отличие от ничем не подтвержденных утверждений Г.В. Осипова о его выходе по этому вопросу на Генерального секретаря ЦК КПСС, В.А. Карпушин пошел по установленному тогда порядку: вначале он проинформировал по существу дела председателя Научного совета АН СССР по истории мировой культуры академика П.Ф. Юдина, который (совет) в данном случае мог бы выступить в качестве официальной академической структуры, обеспечивающей приглашение и программу пребывания в стране зарубежного гостя, затем по договоренности со своим руководством подготовил проект письма в Секретариат ЦК КПСС за подписью председателя указанного научного совета, после чего 13 апреля 1967 года документ был направлен по назначению – в ЦК (с приложением письма П. Сорокина и справки на него). Кстати, Г.В. Осипов вопреки истине подает получение письма В.А. Карпушиным от П. Сорокина и затем отправку ходатайства по этому вопросу П.Ф. Юдина в адрес Секретариата ЦК КПСС как две последовавшие в разное время акции, которым предшествовало его (Г.В. Осипова) личное обращение в ЦК по этому вопросу. Но это далеко от истины: во-первых, письмо П. Сорокина и документ за подписью П.Ф. Юдина в секретариат ЦК КПСС – это элементы одного и того же события, а во-вторых, что касается документов, связанных с приглашением П. Сорокина, то шаги в этом направлении Юдина – Карпушина подтверждаются архивными доку-

¹ См. подробнее: Феклисов А.С. За океаном и на острове. Записки разведчика. Издательский дом ДЭМ. М., 1994.

² См.: Социология и власть. Сборники 1. Документы. 1953–1968. М.: АCADEMIA, 1997. С. 92.

³ Осипов Г.В. Три встречи с Питиримом Сорокиным. В кн.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 19.

ментами, в то время как со стороны Г.В. Осипова – словесной и ничем не подкрепленной отсебятиной.

Какова же мотивировка документа Научного совета АН СССР по истории мировой культуры по организации визита П. Сорокина? П. Сорокин «является самым крупным буржуазным социологом, работающим в области проблем культуры», он – «ключевая фигура в среде деятелей современной буржуазной философии и социологии, хотя и подвергается критике со стороны своих учеников» (Т. Парсонса, Р. Мертона и др.), которые недовольны «политическими выступлениями своего старшего коллеги, осуждающего холодную войну, критикующего американский образ жизни, протестующего против американских колониальных войн в Сан-Доминго, Вьетнаме и др.». В документе обращается внимание и на то, что в последнее время П. Сорокин «воздерживался от каких-либо выпадов против СССР и мировой системы социализма, проявлял интерес к успехам своей родины и следил за советской социологической литературой»¹.

Казалось бы, что на этот раз для П. Сорокина обстановка складывалась благоприятно. Но, увы, новая неприятность не заставила себя долго ждать: службы Главного управления по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР на границе задержали книгу П. Сорокина «Путь проявления любви и сила ее воздействия», посланную автором с дарственной надписью профессору И.С. Кону. Хранители государственных тайн обратили внимание, прежде всего, на ряд антисоветских пассажей в книге, даже сравнение СССР с фашизмом, и особенно на такие слова в предисловии к ней: «В 1918 году я периодически подвергался преследованиям со стороны русского коммунистического правительства. Наконец меня арестовали и приговорили к смерти (подчеркнуто нами. – А. К.). Ежедневно в течение шести недель я ожидал расстрела и видел, как расстреливали моих друзей и заключенных. В течение следующих четырех лет моего пребывания в коммунистической России я подвергался другим мучительным переживаниям и наблюдал с разрывающей сердце болью бесчеловечные ужасы человеческого скотства, смерть и разрушение»². Как это расходится с его «чистосердечными признаниями» в 1918 году, когда он отрекся от членства в партии эсеров и в Учредительном собрании!

Итог, как письменно доложил 15 мая 1967 года в ЦК КПСС начальник Главного управления по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР П. Романов, – конфискация книги и ее недопущение адресату. Б. Фирсов не без оснований предполагает, что именно конфискация книги П. Сорокина бдительными охранителями государственной тайны в печати помогает объяснить тайные причины отказа социологу-эмигранту на этот раз побывать в СССР³. Аргументы цензоров – веские (по тем временам), и их оказалось более чем достаточно для вынесения неблагоприятного для П. Сорокина вердикта.

Впрочем, некоторые сегодняшние исследователи пытаются несколько «приглушить» антисоветский тон письма П. Сорокина В.А. Карпушину. Например, М.Б. Бу-

¹ Записка Научного совета АН СССР по истории мировой культуры о приглашении в СССР президента Американского социологического общества П.А. Сорокина // Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М., 1997. С. 91.

² Записка Главного управления по охране государственных тайн о задержании книги П. Сорокина «Пути проявления любви и сила ее воздействия». В сб.: Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: Academia, 1997. С. 97.

³ См.: Фирсов Б.М. История советской социологии. 1950–1980-е гг. СПб., 2012. С. 270.

ланова считает, что фразы, характеризующие советский строй как «диктаторский», «тиранический», «невыносимый», когда он (советский строй) ставится на одну доску с фашизмом, а жизнь советского народа представлена «как апатичная покорность безжалостному подавлению», якобы «сами по себе... не передают контекста, в котором они упоминаются»¹. Спрашивается: а что еще надо было для тогдашних властей для обостренного восприятия ими антисоветских политических настроений эмигранта?

Итак, какие же выводы можно сделать из «расстрельного дела» П. Сорокина и об истинных причинах несостоявшегося его визита в СССР.

Первое – о «расстрельной» по отношению к П. Сорокину резолюции В.И. Ленина. Для полноты картины нам в данном случае остается лишь свести воедино разрозненные аспекты этой проблемы, подкрепленные в нашем исследовании архивными и другими легитимными источниками.

Обобщенно – эта картина выглядит так.

а) Действительно в 1918 году П. Сорокин был арестован органами ЧК и, находясь в заключении, ожидал, как ему было обещано, смертного приговора. Ленин же не только не предпринимал никаких «расстрельных» шагов, но наоборот, как нами доказано выше, лично занимался освобождением П. Сорокина из тюрьмы, его помилованием и даже трудоустройством через А.В. Луначарского. О «глубокой благодарности» В.И. Ленину за то, что он «спас ему жизнь», П. Сорокин заявил в беседах, состоявшихся в разное время и при разных условиях советскому послу в Вашингтоне А.А. Громько, участнику V Вашингтонского социологического конгресса Э.А. Багратову и советскому разведчику А.С. Феклисову, работавшему в Вашингтоне под прикрытием дипломата.

б) Наличие же в материалах дела Сорокина, в соответствии с которым Питириму Александровичу надлежало 23 сентября 1922 года покинуть страну, резолюции Ленина расстрелять (да еще и «немедленно!») П. Сорокина «в случае его появления на территории РСФСР» документально не подтверждается. И в этом легко может убедиться каждый исследователь, ознакомившись с находящимся в Центральном архиве МБ РФ делом Сорокина², в котором при отсутствии «расстрельных» резолюций можно познакомиться только с подпиской П. Сорокина, в которой он не обязался «не возвращаться» на территорию РСФСР без разрешения советской власти и подтвердил, что ознакомился со статьей 71 Уголовного кодекса РСФСР, карающей «за самовольное возвращение в пределы РСФСР высшей мерой наказания».

в) В указанном деле Сорокина есть еще один документ – утвержденное членом президиума ВЧК Г.Г. Ягодой предельно краткое заключение: «Выслать бессрочно», без каких-либо «расстрельных» обоснований.

г) «Расстрельные» резолюции Ленина или любые его пометки подобного содержания отсутствуют во всех исследованных нами официальных документах – в утвержденных постановлением Политбюро ЦК РКП(б) от 10 августа 1922 года списках высылаемых из России интеллигентов, которые в период подготовки «Операции» передавались Ленину многократно Уншлихтом (по просьбе находившегося на больничной койке вождя революции) для изучения и возможных замечаний и которые

¹ Буланова М.Б. Социологическое образование в России. История и современность. М., 2011. С. 197.

² Центральный архив МБ РФ. Дело 1525, л. 1, 4.

(списки) каждый раз возвращались назад не то что без «карающих» П. Сорокина резолюций, а вообще без каких-либо пометок просто уточняющего характера, как это применялось к абсолютному большинству «неблагонадежных». «Расстрельные» указания отсутствуют также и в письменных и устных контактах по этому вопросу, которые осуществлял В.И. Ленин с председателем ГПУ Ф.Э. Дзержинским и его заместителем И.С. Уншлихтом, а также членами созданной комиссии Политбюро ЦК РКП(б) по подготовке и высылке под кодовым названием «Операция».

Наконец, последнее – как мог Л.И. Брежнев, по версии Г.В. Осипова, при отсутствии в деле Сорокина «расстрельной» ленинской резолюции, заявлять о том, что «если кто-то информированный об этом решении вознамерится его выполнить, я этому не воспрепятствую»? К тому же как фамилия того собеседника Л.И. Брежнева, которому адресовались слова? А если учесть, что, как мы показали выше, первое приглашение П. Сорокину посетить Москву для участия во Всемирном конгрессе по разоружению было вручено ему летом 1962 года, а вопрос о его визите в СССР вместе с женой в 1964 году был решен в 1963 году (разумеется, все эти дела решались только в ЦК и ни в какой другой инстанции), то это может означать только то, что описанные события произошли в то время, когда во главе партии и государства стоял не Л.И. Брежнев, а Н.С. Хрущев, которому в таком случае и могло докладываться дело Сорокина.

И если поверить Осипову, что он через четыре года после Вашингтонского конгресса, на котором произошло его первое знакомство с П. Сорокиным, то есть в 1966 году стал в обход установленного порядка (дирекция института, Президиум АН СССР и др.) напрямую через отдел ЦК КПСС с выходом на Л. Брежнева решать вопросы визита в СССР социолога-эмигранта, то трудно поверить, что в аппарате ЦК ничего не знали о перипетиях по этому вопросу, происшедших несколько ранее. А если даже и в это они не были посвящены, то в представленной новому лидеру партии папке под названием «Дело Сорокина», с которым сегодня может ознакомиться в Центральном архиве МБ РФ каждый желающий, никаких «расстрельных резолюций» В.И. Ленина он обнаружить не мог бы. Он мог бы прочитать всего лишь навсего подписку П. Сорокина, в которой ознакомился с требованиями Уголовного кодекса РСФСР к лицам, которым предстояло эмигрировать за границу. Таким образом, объявление В.И. Ленина автором расстрельной в отношении П. Сорокина резолюции, а Л.И. Брежнева в соответствии с этой резолюцией возможным соучастником физического уничтожения социолога-эмигранта (если бы тот появился бы на территории СССР) – это чудовищная, построенная на лжи политическая провокация.

Второе – об истинных причинах несостоявшихся поездок П.А. Сорокина в Москву. Осуществленный нами анализ показал, что ответы надо искать не в документально не подтвержденных утверждениях профессора И.Б. Орловой о «не увенчавшихся успехом попытках (Г.В. Осипова. – А.К.) организовать официальное приглашение Питирима Александровича в СССР» из-за несогласия политического руководства страны, а в неоднократно в разное время проявленной по этому вопросу негативной позиции Госдепартамента и администрации президента США – самых высоких внешнеполитических и государственных ведомств США. Правда состоит в том, что упредительные акции названных выше американских государственных структур по блокированию поездки П.А. Сорокина в Москву были предприняты задолго до того, как Г.В. Осипов через четыре года после Вашингтонского социологического конгресса стал «по своей инициативе» реализовывать идею московской поездки социолога-эмигранта, которую

якобы «даже поддержал» «работник ЦК КПСС, бывший тогда в руководстве советской делегации»¹ (почему-то фамилия этого работника не называется). Ведь письмо госсекретаря США Дина Раска с рекомендацией П.А. Сорокину «отказаться от приглашения» президента Всемирного совета мира приехать в Москву на Всемирный конгресс по разоружению (которое было, разумеется, согласовано с советскими властями), как свидетельствует А.С. Феклисов, профессору было вручено летом 1962 года, то есть еще до проведения осенью, со 2 по 8 сентября того же года, V Международного социологического конгресса, на котором произошли первые контакты на таком уровне американских ученых с советскими социологами. Именно после письма Раска, повторим еще раз упомянутую выше фразу П.А. Сорокина, ему стало ясно, что он «должен оставить свои надежды до лучших времен». А через год, в тот день, когда А.С. Феклисов сообщал профессору новость о том, что Москва положительно восприняла желание Сорокиных посетить СССР и готова организовать визит в 1964 году, настойчивыми уговорами не делать это занимался в ходе личной встречи с Питиримом Александровичем один из бывших его учеников, занимающий «важный пост в администрации президента Кеннеди» (подчеркнуто нами. – А. К.).

Так два поддержанных Москвой, но несостоявшихся под американским белодомовско-госдеповским политическим прессом визита социолога-эмигранта в Москву в интервале 1962–1963 годов плюс нерешительность, а может быть, даже боязнь самого П.А. Сорокина не навредить такими поездками карьере своих сыновей (что по-человечески понятно и объяснимо) – все это в совокупности и стало основной причиной невыездного статуса профессора, который он приобрел не по злой воле Москвы, а в лоне по-американски трактуемых прав человека и демократии. Именно в 1963 году (и ни в какое другое время) благодаря Вашингтону (и никому другому) на дороге П. Сорокина на родину был выставлен шлагбаум. Осипов же заявляет: «...путь Сорокину на родину оказался навсегда закрыт», так как «в представлении партийных чиновников Сорокин всегда оставался безусловным врагом советской системы»². Так перевернуть историю вверх ногами, как говорится, надо уметь! Факт налицо – Г.В. Осипов и И.Б. Орлова назвали виновниками несостоявшегося визита в Москву П.А. Сорокина не Госдеп и администрацию президента США, а советское руководство.

Третье. Процедура официально установленного порядка приглашения Питирима Александровича в Москву впервые была применена только после получения В.А. Карпушиным письма от П. Сорокина (о чем рассказано выше), и единственная в данном случае предполагаемая причина несостоявшегося визита – задержание цензорами направленной П. Сорокиным И. Кону книги с антисоветским предисловием.

Четвертое – недостоверность утверждения о высылке за границу П. Сорокина на «философском пароходе». На юбилейной сессии РАН по случаю празднования 50-летия возрождения социологии в России Г.В. Осипов, например, однозначно и безапелляционно заявил, что «в 1922 году из страны на нескольких пароходах был выслан 161 деятель науки и культуры, среди которых и был Питирим Сорокин, выдающийся русско-американский социолог»³ (подчеркнуто нами. – А.К.). Как отправка П. Сорокина

¹ См.: Сорокин П. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 18.

² Осипов Г.В. Три встречи с Питиримом Сорокиным. В кн.: Сорокин П. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 19.

³ <http://www.polit.ru/article/2008/05/28/soc50/print>

«философским пароходом», так и его титул в то время «выдающегося русско-американского социолога» (он за ним закрепился позже, после многих лет проживания в США, а в момент отъезда из России он был не русско-американским, а русским социологом) – фальсификация бесспорных и недискуссионных исторических фактов. Ведь открытые в последнее время архивные документы свидетельствуют о том, что в списках отправленных за границу инакомыслящих – 29 сентября 1922 года из Петрограда пароходом «Обербургомистр Хакен» (прибыл в Штеттин 30 сентября 1922 года), 16 ноября 1922 года из Петрограда пароходом «Пруссия» (прибыл в Штеттин 18 ноября 1922 года), а также в середине сентября 1922 года на пароходе из Одессы в Константинополь – фамилия П.А. Сорокина не значится. После того как Сорокину, о чем он заявил позже, «было оказано содействие в отъезде из Москвы за границу»¹, он вместе с супругой уехал самостоятельно поездом с Рижского вокзала 23 сентября 1922 года (а не 1923 года, как утверждает в своих исследованиях Г.В. Осипов)², взяв с собой в соответствии с разрешением властей одно старое пальто, пять рубашек, пять пар брюк, два полотенца, две простыни, и после непродолжительного пребывания в Европе (Берлин, а также Прага – по приглашению президента Чехословакии Масарика) переехал в США.

Пятое – формулировки (в журналистских публикациях и научных исследованиях) об изгнании из СССР П. Сорокина как выдающегося ученого, крупнейшего социолога, основателя отечественной социологии и т.д., и т.п. несут в себе серьезное смещение оценочных акцентов личности этого человека. Ведь надо учитывать, что П. Сорокин предстает, как отмечалось выше, как бы в двух ипостасях: с одной стороны, как крупнейший ученый-социолог, которого советские власти поддержали в его профессиональной деятельности; с другой – Сорокин-политик, в биографии которого сложнейшие, поистине драматические страницы борьбы, противостояния с новым режимом. Поэтому абсолютно некорректным является рассматривать высылку П.А. Сорокина за границу в контексте «запретной» политики по отношению к социологии со стороны советских властей.

В данном случае все происходило ровно наоборот: сообщая П.А. Сорокину решение В.И. Ленина отменить ему смертный приговор, А.В. Луначарский даже предложил ему несколько вариантов трудоустройства. И Питирим Александрович однозначно отдал предпочтение профессиональной деятельности в качестве социолога, чем он успешно занимался вплоть до того момента 1922 года, когда в его судьбе произошел новый крупный поворот – и опять не по научным соображениям, а под воздействием политики. И если, в который раз повторяя истину о том, что история не любит сослагательного наклонения, задаться вопросом, что было бы, если бы П. Сорокин после отмены В.И. Лениным его расстрела не воспользовался предоставленной советскими властями возможностью эмигрировать, не пришлось бы нам сегодня говорить еще об одном, реальном расстрельном деле П. Сорокина – образца 1937 года?

¹ См.: Баграмов Э.А. Встречи с Ю.П. Францевым, Питиримом Сорокиным и другими интересными людьми // «Старый дом у Москвы-реки...» Наш МГИМО (1948–1953). Воспоминания выпускников 1953 года. М., 2003. С. 51.

² См.: Осипов Г.В. Социология и социализм. М.: Вече, 2008. С. 19; его же: Социология и социальное мифотворчество. М.: НОРМА-ИНФРА, 2002. С. 19.

§2. Сорокинские встречи: виртуально и наяву

Один из занимательных сюжетов возрождающейся отечественной социологии – макиавеллизм в оценке личности П. Сорокина. В политическом плане из человека, приговоренного в России к смертной казни за террористическую деятельность и за попытку убить В.И. Ленина, он превратился в безвинного изгнанника с родной земли. В научном плане – нередко от уничтожающей критики некоторыми советскими философами и социологами П. Сорокина как крупного представителя «враждебной» буржуазной социологии до сплошной апологетики в постсоветское время, более того, превращения его в «гения, выдающегося русского социолога»¹(?!). И весь парадокс в том, что на «маятниковых качелях» – нередко одни и те же исследователи, которые в далекие 60-е годы были «бескомпромиссными хулителями» сорокинских сочинений, а при переходе возрождающейся советской социологии в ее посткоммунистическую трансформацию превратились в «безапелляционных хвалителей».

Приведем конкретный пример. В официальном отчете руководителя советской делегации на V Всемирном социологическом конгрессе (Вашингтон, 2–8 сентября 1962 года) тогда еще члена-корреспондента АН СССР Ф.В. Константинова в числе прочих проблем говорится о том, что при обсуждении на конгрессе темы «Природа и проблемы социологической теории» попытки «всемерно пропагандировать значение буржуазных социологических теорий и найти “изъяны” в марксистской социологии» были предприняты буржуазными социологами и ренегатами от марксизма П.С. Сорокиным², А. Лефевром, М. Крозье и др., выступившими с докладами на пленарных заседаниях. В их докладах проводилась мысль о том, что современная социология, в том числе и марксистская социология, якобы еще находится в утробном состоянии, не достигла научного уровня (подчеркнуто нами. – А.К.), и что пройдет еще много времени, прежде чем она сможет подойти к реальному решению серьезных социальных проблем»³. В свою очередь В.С. Семенов обращает внимание на то, что «Сорокин давал понять, что именно с его исторического метода начинается наука о социологии»⁴.

Какова же была реакция на такие утверждения со стороны находившихся в зале советских ученых? Ответом явился совместный доклад Г.В. Осипова и М.Т. Иовчука «Природа и проблемы социологической теории», в котором «антимарксистские, антинаучные тезисы буржуазных социологов были подвергнуты критическому анализу»⁵. При этом Ф.В. Константинов конкретизирует: «В докладе советской делегации

¹ См.: Основы социологии. Курс лекций. Отв. ред. д. ф. н. А.Г. Эфендиев. М.: общ-во «Знание» России, 1993. С. 69.

² Надо: П.А. Сорокиным – ошибка допущена как в первом издании: Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: АCADEMIA, 1997. С. 64, – так и в повторном издании: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 76; правильно дано в кн.: Семенов В.С. На V Всемирном социологическом конгрессе // Вопросы философии. 1962, № 11.

³ Об итогах работы советской делегации на V Всемирном социологическом конгрессе (Вашингтон, 2–8 сентября 1962 г.). Отчет руководителя делегации члена-корреспондента АН СССР Ф.В. Константинова // Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: АCADEMIA, 1997. С. 64.

⁴ Семенов В.С. V Всемирный социологический конгресс // Вопросы философии. 1962, № 11. С. 32.

⁵ Об итогах работы советской делегации на V Всемирном социологическом конгрессе (Вашингтон, 2–8 сентября 1962 г.). Отчет руководителя делегации члена-корреспондента АН СССР Ф.В. Константинова // Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: АCADEMIA, 1997. С. 64.

была показана неразрывная связь марксистской социологии с практикой коммунистического строительства, показана великая преобразующая роль, которую играет марксистская социология в изменении, преобразовании социальной действительности, вскрыта роль конкретных социологических исследований в развитии марксистско-ленинской социологии и в решении конкретных социальных проблем»¹.

А дальше – Ф.В. Константинов письменно информирует ЦК КПСС об итогах работы советской делегации на конгрессе, о решительных действиях критиков П. Сорокина. Эти материалы ложатся на стол секретаря ЦК КПСС Б.Н. Пономарева, который не только одобрительно отнесся к такой информации, но и для учета ее в практической деятельности направил в Международный отдел ЦК КПСС и Отдел науки, вузов и школ.

Словом, буржуазная социология развенчана, марксистская социология защищена, а «буржуазным социологам и ренегатам от марксизма», в числе которых оказался и П. Сорокин, дан решительный отпор. Позиция Г.В.Осипова, как и М.Т. Иовчука, – четкая, однозначная, в духе классового подхода в борьбе с буржуазной социологией. Их наступательная марксистско-ленинская позиция нашла отражение и в итоговой публикации о конгрессе В.С. Семенова: «В докладе М.Т. Иовчука и Г.В. Осипова были также подвергнуты критике теоретические концепции П. Сорокина (подчеркнуто нами. – А.К.), попытки Лefевра исказить марксистское понимание социологии»².

Критика Г.В. Осиповым «антинаучных» взглядов П.А. Сорокина продолжилась и в одной из первых после V Международного социологического конгресса публикаций. В частности, речь идет о доказательствах несостоятельности предложенного Сорокиным в докладе на конгрессе исторического метода познания социальных явлений, основанного на так называемой концепции интуиции, противопоставленной диалектико-материалистической теории познания. Позиция Сорокина выражена так: в основе социального познания лежит «первоначальная» идея, которая «выражается сверхсознательной или сверхлогической интуицией или гением, путем, существенно и значительно отличным от умственного наблюдения или логического размышления, в то время как существо открытия, изобретения и достижения первичной идеи часто представляется как результат умственного наблюдения, логического мышления или просто счастливого случая»³. На это в совместной статье М.Т. Иовчука и Г.В. Осипова последовал ответ с позиций марксистской доктрины: «Марксистская социология всегда исходила из исторического метода в познании социальной действительности, но в противоположность социологической концепции П. Сорокина она дает историческому методу научно-материалистическую интерпретацию. Исторический метод Маркса – Ленина опирается не на интуицию, а на диалектико-материалистическую теорию отражения. Метод марксизма-ленинизма есть материалистическая диалектика, единство логического и исторического методов, при котором отбрасываются

¹ Об итогах работы советской делегации на V Всемирном социологическом конгрессе (Вашингтон, 2–8 сентября 1962 г.). Отчет руководителя делегации члена-корреспондента АН СССР Ф.В. Константинова // Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: ACADEMIA, 1997. С. 64.

² Семенов В.С. На V Всемирном социологическом конгрессе // Вопросы философии. 1962, № 1. С. 32.

³ Цит. по: Иовчук М.Т., Осипов Г.В. О некоторых теоретических принципах, проблемах и методах социологических исследований // Вопросы философии. 1962, № 12. С. 29.

всякие случайности и детали, исследуется глубинная сущность социальных процессов и явлений, их взаимосвязи и закономерности»¹.

Напомним, это опубликовано в 1962 году. А что же хулители Сорокина времен господства в советской социологии марксистско-ленинской методологии пишут в наше время – в условиях посткоммунистической трансформации? Обратимся к одной из публикаций, относящейся к 2009 году: «Питирим Сорокин – социолог и философ, чье научное наследие выходит далеко за пределы его времени, оно носит вневременной, пророческий характер; и с течением лет глубина и справедливость его научных обобщений становится все более и более очевидной»² (подчеркнуто нами. – А.К.). Эти строки принадлежат тому же, кто с трибуны V Всемирного социологического конгресса давал отпор П. Сорокину за «антимарксистские, антинаучные» тезисы его доклада.

Но еще более забавные вещи произошли при освещении уже в постсоветское время некоторыми российскими социологами их встреч с П. Сорокиным. И начать стоит, на наш взгляд, с Эвианского социологического конгресса (9–10 сентября 1966 года), в работе которого приняли участие более 2500 социологов из 50 стран, в том числе более 500 человек из Франции, около 200 – из США, крупными были делегации из ФРГ, Италии и других стран.

Обращение к Всемирному Эвианскому социологическому конгрессу оправдано по нескольким соображениям: впервые делегация советских социологов (глава делегации академик П.Н. Федосеев, его заместитель – Ф.В. Константинов) выглядела достаточно впечатляюще в количественном отношении – 83 человека³, конгресс продемонстрировал возросший (после начала оттепели) уровень взаимопонимания между социологами Запада и СССР, существенно возрос интерес западных социологов к наращиванию темпов развития советской социологии, не осталось незамеченным и то, что на Эвианском конгрессе присутствовали ученые не только, как до этого было, главным образом из Москвы и Ленинграда, но и из многих регионов страны. Свои впечатления от Эвианского конгресса, например, академик Т.И. Заславская передала так: «Появление советских социологов вызвало огромный интерес. На нас смотрели как на какое-то чудо. В 1962 году на V конгрессе в Вашингтоне наших было всего пять человек, да и то в качестве наблюдателей. И вдруг советская делегация – 80 человек! (Татьяна Ивановна допускает неточность: на Вашингтонском конгрессе-

¹ Цит. по: Иовчук М.Т., Осипов Г.В. О некоторых теоретических принципах, проблемах и методах социологических исследований // Вопросы философии. 1962, № 12. С. 29.

² Осипов Г.В. Три встречи с Питиримом Сорокиным. В кн.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 11.

³ В делегацию входили Г.М. Андреева, Э.А. Араб-Оглы, А.И. Арнольд, Р.Х. Абдушукуров, Э.А. Баграмов, И.Ф. Балакина, И.В. Блауберг, Ю.Е. Волков, А.А. Гершензон, Г.Е. Глезерман, Н.В. Гончаренко, Б.А. Грушин, М.С. Джунусов, В.Я. Ельмеев, Д.В. Ермоленко, П.А. Жилин, Т.И. Заславская, А.А. Зворокин, А.Г. Здравомыслов, М.Т. Иовчук, Г.Д. Карпов, В.Ж. Келле, М.Я. Ковальзон, Ф.Т. Константинов, Ю.А. Красин, И.С. Кон, И.С. Куликова, Н.И. Лапин, Ю.А. Левада, Н.С. Мансуров, А.Н. Маслин, Е.Д. Морджинская, Н.В. Новиков, А.Ф. Окулов, Г.В. Осипов, В.Д. Патрушев, И.Г. Петров, Ю.П. Петрова-Аверкиева, М.И. Петросян, Э.М. Розенталь, М.Н. Руткевич, В.С. Семенов, Г.А. Слесарев, Г.Л. Смирнов, Л.В. Сохань, Д.М. Угринович, Б.Ц. Урланис, А.Г. Харчев, Б.А. Чагин, И.И. Чангли, Д.И. Чесноков, Е.В. Шорохова, В.А. Штейнберг, В.Н. Шубкин, П.Ф. Юдин. В.А. Ядов и др. На конгрессе были представлены также доклады и выступления В.Я. Аболтина, Ю.А. Замошкина, М.Б. Митина, Х.Н. Момджяна, Г.А. Пруденского и др.

се советская делегация состояла из 10 человек, на Эвианском – 83. – А.К.). Каждый спрашивал меня: “Вы из Москвы?” – “Нет, я из Сибири”. И сразу толпа вокруг – такая экзотика! И начинался разговор...»¹

И, разумеется, нельзя не вспомнить о сорокинских сюжетах на Эвианском конгрессе. О том, в какой форме принимал участие в работе VI Всемирного социологического конгресса П. Сорокин, свидетельствует отчет о его (конгресса) работе, опубликованный сразу же после его окончания доктором философских наук, в то время главным редактором журнала «Вопросы философии» В.С. Семеновым. Он указывает, в частности, на то, что на первой пленарной сессии конгресса (затем в 8 рабочих группах, а также на других заседаниях) обсуждались ставшие центральными на конгрессе вопросы о месте марксистской и буржуазной социологии в современном мире, об их роли в обществе, о направленности их развития, о взаимоотношениях и борьбе между ними, об их связи с политикой и идеологией.

Вступительное слово произнес Раймон Арон, а затем были заслушаны четыре доклада: Ф.В. Константинова (СССР) – «Социология и идеология»; Ж. Пиаже (Швейцария) – «Проблема общих механизмов в науке о человеке»; П. Сорокина (США) – «Разнообразие и единство в социологии»; Э. Шилза (США) – «Главные тенденции в социологических исследованиях». Все происходило по классическому регламенту: автор оглашал текст своего доклада, следовали вопросы к докладчику, а затем обсуждение в ходе дискуссии – частично прямо на пленарной сессии, а также на заседаниях рабочих групп. Но здесь нужно сделать важнейшее уточнение, о котором пишет В.С. Семенов: «П. Сорокин отсутствовал на конгрессе (подчеркнуто нами. – А.К.), и его доклад был зачитан О. Клайнбергом»².

В свою очередь, свидетельствует доктор философских наук, участник Эвианского конгресса Э.А. Баграмов (из нашей беседы, состоявшейся 22 декабря 2012 года): П. Сорокин очень хотел быть на конгрессе, готовился к нему в качестве одного из основных докладчиков, однако по состоянию здоровья в Эвиан приехать не смог; его доклад, переданный в секретариат конгресса, был, как и практиковалось в таких случаях, зачитан одним из участников конгресса. То, что текст доклада П. Сорокина на Эвианском конгрессе «прочитал его коллега», отметил и Э.А. Баграмов в одной из своих публикаций³.

Отсутствие П. Сорокина на конгрессе подтверждается и таким косвенным аргументом, как сопоставление опубликованных в соответствующих изданиях фотоснимков, зафиксировавших встречи советских ученых с выдающимися зарубежными социологами на Вашингтонском и Эвианском социологических конгрессах: в первом случае они сфотографировались с Т. Парсонсом и П. Сорокиным, во втором – с Р. Мертоном⁴. Закономерный вопрос: почему же не нашлась возможность, чтобы во втором случае запечатлеть встречу с П. Сорокиным, с которым, по словам Г.В. Осипова, у последнего установилась после предыдущего, то есть Вашингтонско-

¹ См.: Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах. СПб.: изд-во РХГИ, 1999. С. 139.

² Семенов В.С. VI Всемирный социологический конгресс // Вопросы философии. 1967, № 8. С. 122.

³ См.: Баграмов Э.А. Несколько штрихов к характеристике социально-политических воззрений Питирима Сорокина // Социологические исследования. 2016, № 1. С. 193.

⁴ См.: Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 106, 167.

го социологического конгресса «личная дружба»? И понятно почему! В это время он находился по другую сторону океана – на больничной койке.

И тем не менее неодолимое желание Г.В. Осипова документально зафиксировать факт его личной встречи с П. Сорокиным на Эвианском социологическом конгрессе завершилось тем, что в размещенной на институтских стенах фотогалерее появился фотоснимок с текстовкой, свидетельствующей о том, что он вместе с некоторыми другими советскими участниками конгресса сфотографировался с П. Сорокиным и Т. Парсонсом на V Всемирном социологическом конгрессе, якобы прошедшем во Франции в Эвиане в 1966 году. Такой документ не мог не вызвать желание осуществить его экспертизу. И что же она показала? К фото, сделанному на Вашингтонском конгрессе (на котором П. Сорокин присутствовал), дана текстовка со ссылкой на проведенный четыремья годами позже Эвианский конгресс, на котором он отсутствовал. Так монтаж двух разных событий в одно целое позволил превратить отсутствовавшего на Эвианском конгрессе президента Американской социологической ассоциации в его участника. Подтасовка! Не говоря уже о явной фальсификации: Эвианскому конгрессу присвоен тот номер, под которым проходил Вашингтонский конгресс, – V.

Наконец, еще один документ – письмо П. Сорокина заместителю председателя Научного совета по истории мировой культуры В.А. Карпушину от 4 января 1967 года, то есть написанное через 4 месяца после окончания VI Всемирного социологического конгресса. «Я, – писал П. Сорокин (орфография письма сохранена), – очень жалею, что не смог лично быть на Социол. Конгрессе и встретиться там с Советскими учеными, но состояние моего здоровья лишило меня этой радости (подчеркнуто нами. – А.К.). Я все же надеюсь до моей кончины посетить мою родину и встретиться там с Вами и другими Советскими учеными (Мне ведь 78 лет и организм начинает сдавать!)»¹

Таким образом, разные документальные источники однозначно указывают на то, что П. Сорокин на Эвианском конгрессе отсутствовал. Но вопреки этому Г.В. Осипов в растирозированных публикациях утверждает обратное, акцентируя внимание на личных контактах с социологом-эмигрантом. Как же он описывает эту виртуальную встречу? Сценарий – мастерски выстроенный, со множеством совершенно конкретных штрихов, которые, по замыслу его автора, призваны сыграть роль убедительных аргументов. «Третья моя встреча с П. Сорокиным произошла (подчеркнуто нами. – А.К.) во Франции в г. Эвиане на VI Всемирном социологическом конгрессе в 1966 году»², – пишет Г.В. Осипов. Здесь же в подзаголовке уточнение – встреча «очная», то есть с глазу на глаз. Цитирование П. Сорокина сопровождается словами «говорил Питирим Александрович», чем подчеркивается эффект живого общения оратора с аудиторией. В ходе дискуссии, как пишет Г.В. Осипов, П.А. Сорокин на один вопрос отвечает, на другие нет. Впечатляет и конкретика якобы произнесенных в зале заседания сорокинских суждений.

Приведем цитаты, по версии Г.В. Осипова, произнесенные П. Сорокиным на конгрессе, – далее это пригодится. Первая: «Социология не может считаться наукой,

¹ Цит. по: Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: АCADEMIA, 1997. С. 92.

² Осипов Г.В. Три встречи с Питиримом Сорокиным. В кн.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 19.

если она занимается только сбором и обработкой эмпирических данных. Эмпирические данные нужны для верификации социологических теорий, концептуальных построений, теоретико-методологического объяснения прошлого, настоящего и, возможно, будущего человеческого общества. Истинный ученый не только занимается построением теоретических моделей, но, используя самый разнообразный социологический инструментарий, сам проникает вглубь социальной реальности, получая при этом факты, которые, кроме него, никто получить не в состоянии». «В качестве примера, – продолжает Г.В. Осипов, – он (то есть П. Сорокин. – А.К.) привел свой труд “Социальная и культурная динамика”, а также работу Эмиля Дюркгейма “Самоубийство”, с которой, как он считает, начинается подлинно научная социология»¹.

На этом этапе П. Сорокин, как свидетельствует Г.В. Осипов, якобы остановился, а потом продолжил: «В этом исследовании Э. Дюркгейма органически сплетена гениальная теоретическая мысль и мощная эмпирическая база, исследовательский процесс, связанный с получением и анализом конкретных фактов. Социологи, которые действительно занимаются наукой, – продолжил свою мысль Питирим Александрович (так излагает Г.В. Осипов. – А.К.), – не столько используют в своих трудах факты, добытые другими, сколько сами выявляют, открывают данные, создавая в этих целях порой самые изощренные социологические инструменты и методы. Интерпретация чужих фактов никогда не дает ученому достаточную базу для серьезного научного исследования. В науке нет деления на белую и черную кость, когда одни строят чистую теорию, а другие ищут для нее подтверждения».

Когда же, по словам Г.В. Осипова, во время дискуссий, то есть уже после докладов, стал обсуждаться «еще один, не менее важный вопрос о соотношении социологии и философии истории» и «может ли исследование в области философии носить доказательный характер, характер истины»², то «вместо ответа Питирим Сорокин рассказал нам о своих встречах с Арнольдом Тойнби»³ (подчеркнуто нами. – А.К.). И далее идет опять прямая речь, то есть «рассказ» якобы стоявшего на трибуне П. Сорокина сидящим в зале участникам конгресса о его (П. Сорокина) встрече с Тойнби: «С Тойнби мы встречались в Австрии, в Зальцбурге, на Первом съезде Международного общества сравнительных исследований цивилизаций в октябре 1961 года (Сорокин был избран первым президентом этого общества). Мы были знакомы с работами друг друга, но личная встреча превзошла все ожидания. Случайно мой гостиничный номер и номер доктора Тойнби с супругой оказались рядом. Ежедневно мы завтракали, обедали и ужинали вместе. Я буквально восхищался этой четой, их искренностью, цельностью характеров и добротой, их простотой в общении и отсутствием фальши и претенциозности, не говоря уже об из ряда вон выходящей творческой энергии доктора Тойнби. Так вот, об истинности и доказательности, – продолжал Сорокин. – Оказалось, что мы с Тойнби работали параллельно над одними и теми же проблемами цивилизаций, человеческой культуры, мы получали одни и те же результаты, приходили к одним и тем же выводам. В Зальцбурге мы прого-

¹ См.: Осипов Г.В. Три встречи с Питиримом Сорокиным. В кн.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 19.

² Осипов Г.В. Три встречи с Питиримом Сорокиным. В кн.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 20.

³ Осипов Г.В. Три встречи с Питиримом Сорокиным. В кн.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 20.

ворили буквально два дня и две ночи и пришли к полному духовному единению и абсолютному совпадению наших взглядов. Вот вам: два человека живут на разных континентах, работают над одними и теми же проблемами и приходят к одним и тем же выводам. Это ли не есть доказательство истинности наших с Арнольдом Тойнби исследований? Жаль только, что мы познакомились слишком поздно, на закате нашей жизни¹», – заметил Питирим Сорокин.

На столь расширенное цитирование версии Г.В. Осипова о якобы произнесенном П. Сорокиным докладе на VI Всемирном социологическом конгрессе мы пошли сознательно, чтобы сопоставить, как соотносятся между собой в содержательном плане сотворенное Г.В. Осиповым в конце 2010 года и приписываемое П. Сорокину фактически «сочинение на вольную тему» с тем, что сообщал господин Клайнберг с трибуны конгресса по поручению больного Питирима Александровича. Как говорится, слава богу, у нас в руках документ, дающий исчерпывающий ответ на вопрос о содержании сорокинского доклада, – опубликованная сразу же после окончания конгресса итоговая статья члена официальной советской делегации на конгрессе доктора философских наук В.С. Семенова². Причем крайне важно то, что если в статье каждому из ораторов на конгрессе (и зарубежным, и отечественным) уделено по несколько строчек (независимо от ранга и статуса докладчика), то доклад П. Сорокина представлен в широком формате с сохранением и характеристикой всех его основных идей и положений.

Начнем со сравнений. Г.В. Осипов в качестве отправной точки для изложения якобы произнесенного П. Сорокиным доклада избрал собственный пассаж о том, что якобы на конгрессе при обсуждении вопроса о том, какой наукой является социология (эмпирической или теоретической), произошло резкое размежевание на «эмпириков» и «теоретиков» и что это в определенной степени «объяснялось идеологическими мотивами». И при этом он вкладывает в уста П. Сорокина такие слова: «Марксисты, главным образом из Советского Союза, традиционно отождествляли социологию с истматом и считали ее наряду с диалектическим материализмом – частью философии как чисто теоретической науки. На Западе, напротив, активно начинали развиваться коммерческие эмпирические исследования»³. Такое утверждение стало в описываемые времена уже настолько банальным, что в любых дискуссиях социологов оно не подвергалось сомнению. Это прекрасно понимали и все участники одной из трех тем дискуссии, где был представлен доклад П. Сорокина («Проблемы развития и борьбы марксистской и буржуазной социологии»).

Но суть вопроса в том, что П. Сорокин ставил эту проблему совершенно в ином ракурсе. Он пошел не по пути раскрытия борьбы между марксистскими и буржуазными социологами, а сосредоточил свое внимание на оценке состояния тогдашней буржуазной социологии, кстати, как точно подметил В.С. Семенов, нередко соглашаясь «с той оценкой состояния буржуазной социологии и причин ее кризиса, которая

¹ Осипов Г.В. Три встречи с Питиримом Сорокиным. В кн.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 20.

² См.: Семенов В.С. VI Всемирный социологический конгресс // Вопросы философии. 1967, № 8. С. 121–132.

³ Осипов Г.В. Три встречи с Питиримом Сорокиным. В кн.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 18.

дается советскими учеными»¹. Объект критики П. Сорокина – две крайности, свойственные буржуазной социологии: эмпиризм в ходе «сингуляристско-атомистических теорий и сверхабстрактные общие теории»².

Позиция П. Сорокина в оценке эмпирической тенденции в буржуазной социологии предельно ясна, бескомпромиссна и прозрачна: она «все больше тратит свою творческую энергию на исследование сравнительно тривиальных, с познавательной точки зрения маловажных проблем», «социология сегодняшнего дня раскопала так много фактов, что часто не знает, что с ними делать». Кстати, Сорокин свое отношение к замешанной на мелкотемье эмпирике выразил едкой иронией в адрес авторов классической монографии «Американский солдат» так: ну «какое значение имеет скрупулезный подсчет того, сколько раз в день мочится солдат, неужели нет реальных проблем жизни военных, требующих анализа?»³ В докладе же, представленном на конгрессе социологов, он называет и причину, почему большая часть этих исследований «дала чисто локальный, временный, “информационный” материал, лишенный познавательной ценности, – отсутствие компетентной теории в этом виде эмпирических исследований». Поэтому, делает он вывод, «дальнейшее исследование в этих рамках не принесет большего и лучшего научного урожая, а скорее приведет к меньшим результатам, не к движению вперед, а к застою социологии»⁴. Такова оценка П. Сорокиным эмпирической ветви буржуазной социологии, какой она была к моменту проведения Всемирного Эвианского социологического конгресса.

Касаясь же второй крайности – исследований некоторых крупных социологов Запада, построенных на сверхабстрактных общих теориях, – они, как говорится в докладе П. Сорокина, отличаются «отходом от эмпирических социокультурных реальностей. Эти абстрактные схемы представляют собой специфическую смесь тех “призрачных” моделей социальных систем, которые лишены эмпирического содержания и часто “проперчены” механическими аналогиями с “эквilibriumом”, “инерцией”, “термодинамическими законами” и спекулятивными предпосылками самосохранения систем. Ячейки абстрактных сетей являются столь крупными, что практически вся эмпирическая рыба проскальзывает сквозь них, ничего не оставляя в руках рыбака-исследователя.» (подчеркнуто нами. – А.К.). И далее он делает вывод: «...ни одна значительная теория не может быть чисто абстрактной и лишенной соответствующего эмпирического содержания, точно так же, как не может она состоять из простого набора эмпирических фактов, лишенных соответствующей объясняющей теории»⁵. Усиление же разрыва между эмпиризмом и теорией, преобладание эмпирии в социологических исследованиях и в схоластичности общих теорий – все это, по мнению П. Сорокина, и является подтверждением кризиса буржуазного социологического позитивизма, переживаемого западной социологией в 60–70-е годы XX столетия.

¹ См.: Семенов В.С. VI Всемирный социологический конгресс // Вопросы философии. 1967, № 8. С. 123.

² См.: Pitirim A. Sorokin. Sociological Theories of Today. N.Y. and London, 1966, p. 43–44.

³ См.: Баграмов Э.А. Несколько штрихов к характеристике социально-политических воззрений Питирима Сорокина // Социологические исследования. 2016, № 1. С. 140.

⁴ Цит. по: Семенов В.С. VI Всемирный социологический конгресс // Вопросы философии. 1967, № 8. С. 123.

⁵ Цит. по: Семенов В.С. VI Всемирный социологический конгресс // Вопросы философии. 1967, № 8. С. 123.

Каким же виделся П. Сорокину выход из создавшегося в западной социологии в те годы тупика в преодолении и схоластичности абстрактных теорий и эмпиризма? Ключ в разрешении возникшей кризисной ситуации, по П. Сорокину, – создание «великой интегральной системы социологии», «великого социологического синтеза», который он напрямую связывал с его еще более широкой концепцией – конвергенции противостоящих общественных систем, включая и конвергенцию всех социологических направлений, школ и школок, существующих в мире, в «интегральную систему социологии». «Нравится нам это или нет, – говорилось в докладе П. Сорокина, – но социология сегодняшнего дня стоит на распутье: одна дорога ведет к новой вершине великого синтеза и более компетентным системам социологии, другая – к банальным, штампованным, крайне механистическим наборам догм, лишенных творческой сути и познавательного роста»¹. Обращает на себя внимание и то, что в данном случае он не разделял марксистскую и буржуазную социологию, а говорил о социологии вообще. Делая исторический экскурс в генезис «великого синтеза» именно через такую призму, он считает, что период 1925–1966 годов был периодом «подготовительным, аналитическим и скорее периодом поисков фактов, чем синтезирования». Причем, по его мнению, с точки зрения создания «широких социологических систем и грандиозных систем социологии этот период оказался значительно беднее, чем период второй половины XIX и начала XX века»².

Ко времени же проведения Эвианского социологического конгресса социология была подобна двуликую Янусу – с одной стороны, она казалась простым ансамблем различных и взаимно противоречащих социологических теорий, а с другой – скрытая единая социология, формирующаяся на фоне огромного разнообразия теорий, методов и методик. По версии П. Сорокина, социологи независимо от принадлежности их к тем или иным «социологическим вероисповеданиям» придерживаются определенных общих принципов в социологической науке. Ущербность же сорокинской теории «общих принципов» проявляется, прежде всего, в том, что он не распространяет ее на идейно-политические, гносеологические, методологические основы, то есть на то самое существенное, что, собственно, и характеризует основные социологические направления.

Кроме того, в его трехуровневой социальной реальности не нашлось места такому компоненту, как «взаимодействие человеческих индивидов». Противоречивым и бездоказательным является и такое рассуждение П. Сорокина: «Рассматривая многообразие измерений общей социологической действительности, следует отметить, что каждое течение социологической мысли должно подчеркивать различные его аспекты. Поскольку эти аспекты являются реальными и научно описываются в различных теориях, постольку каждая теория является здоровой и примиримой со здоровыми частями других теорий»³.

Подобные суждения вызывают много вопросов. Все ли социологические направления и течения изучают разные аспекты социокультурной действительности,

¹ Цит. по: Семенов В.С. VI Всемирный социологический конгресс // Вопросы философии. 1967, № 8. С. 124.

² Цит. по: Семенов В.С. VI Всемирный социологический конгресс // Вопросы философии. 1967, № 8. С. 124.

³ Цит. по: Семенов В.С. VI Всемирный социологический конгресс // Вопросы философии. 1967, № 8. С. 124.

которые «являются реальными»? Насколько научно различные теории описывают реальные аспекты социологической действительности? Что делает существенно различными и даже противоположными разные течения, направления и школы? Да и вообще, возможно ли описание социокультурной реальности разными школами и течениями вне зависимости от гносеологических, методологических, идейно-политических факторов? П. Сорокин в данном конкретном случае не только не дает убедительного ответа, но, наоборот, стремится вписать в свою концепцию конвергенции, которая, как показала жизнь, оказалась утопической и неосуществимой как в сфере большой политики (конвергенция социализма и капитализма), так и в сфере идеологии (конвергенция буржуазной идеологии и коммунистической идеологии).

Таким предстал оглашенный О. Клайнбергом доклад П. Сорокина на Эвианском социологическом конгрессе. И что же дает сопоставление этого доклада с приведенными выше интерпретациями его (доклада) содержания Г.В. Осиповым? Ни по набору идей, ни по содержательному вектору, ни по содержащимся выводам – никаких точек соприкосновения, это тексты, принадлежащие разным лицам. В заключение остается лишь задать два конкретных вопроса: первый – чем объяснить, что Г.В. Осипов, столь объемно цитирующий якобы сделанный П. Сорокиным доклад на Эвианском социологическом конгрессе, даже не указывает наименование и тему доклада (что же это за наука); и второй – зачем притянут за уши в привязке к П. Сорокину сюжет о том, что на конгрессе «обсуждался вопрос о соотношении социологии и философии истории»¹. Ведь на конгрессе этого просто не было. «Центральным пунктом»², как отметил В.С. Семенов, дискуссий в социологическом сообществе стал вопрос о связи социологии с идеологией, что и нашло отражение на конгрессе: для обсуждения этой проблемы была организована работа специальной рабочей группы «Идеология и социология», а на пленарном заседании в качестве одного из основных докладчиков выступил заместитель главы советской делегации академик Ф.В. Константинов (тема доклада «Социология и идеология»).

Вот из таких искусно сотканных деталей и тонкостей и кочует в информационном пространстве виртуальная легенда о встрече на Эвианском социологическом конгрессе Г.В. Осипова и П.А. Сорокина. И представлена эта легенда освященными высоким академическим авторитетом утверждениями – в научных публикациях, в мемуарной литературе, в выступлениях на социологических конгрессах и симпозиумах. Как плод личного мифотворчества она плотно внедрялась в общественное сознание, и иногда создается впечатление, что даже сам автор этой легенды поверил в ее достоверность и реальность. Но сам он, автор легенды, ставит себя в неприглядное положение, когда, описывая так называемую третью очную встречу с социологом-эмигрантом, ограничивается только воспроизведением якобы произнесенного П. Сорокиным доклада и его поведением на трибуне. И ни единого слова о личном контакте «друзей», которые, если следовать легенде Г.В. Осипова, после Вашингтонского конгресса не виделись целых три года, не поддерживая в это время никакой переписки.

¹ Осипов Г.В. Три встречи с Питиримом Сорокиным. В кн.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 20.

² Цит. по: Семенов В.С. VI Всемирный социологический конгресс // Вопросы философии. 1967, № 8. С. 123.

А теперь, нарушая хронологический принцип, возвратимся в 1950 год, когда у студента Московского государственного института международных отношений МИД СССР Г.В. Осипова состоялось «первое знакомство» с П. Сорокиным. Оно было, как специально обозначено в подзаголовке его публикации, «заочным», можно было бы сказать точнее – «семинарским». На этот раз сценарий «заочного знакомства» в форме семинарского занятия по основам марксизма-ленинизма, на котором Г.В. Осипов якобы делал доклад по работе В.И. Ленина «О значении воинствующего материализма», которая была посвящена широкому кругу философско-религиозных проблем. В конце же ленинской работы содержались полемические замечания по поводу того, что в опубликованной журналом «Экономист» (№ 1, 1922) статье П. Сорокина «О влиянии войны», по мнению В.И. Ленина, была помещена спорная статистика о браках и разводах. Этот небольшой абзац в самом конце статьи и послужил поводом для обстоятельного знакомства Г.В. Осипова с будущим социологом-эмигрантом на семинарском занятии. Выделим наиболее важные элементы этого знакомства.

Первое. Г.В. Осипов пишет, что якобы после его успешного доклада преподаватель заявил: «Вы довольно подробно изложили суть выдающегося произведения В.И. Ленина, и это похвально. Но почему вы не остановились на том, как Ленин оценивал роль воинствующего материализма в борьбе с философской реакцией и с философскими предрассудками? Почему ничего не сказали о разоблачении Лениным таких реакционеров, как П. Сорокин?»¹ В этом пассаже налицо три казуса: а) обвинение в том, что докладчик на семинаре не остановился на оценке ленинской роли «воинствующего материализма в борьбе с философской реакцией и философскими предрассудками» находится в явном противоречии с рядом стоящими похвальными словами «вы довольно подробно изложили суть выдающегося произведения В.И. Ленина»; б) монтаж в один смысловой блок слов о роли «воинствующего материализма в борьбе с философскими предрассудками», которые В.И. Ленин употребил не применительно к П. Сорокину, а в широком контексте – в адрес «материалистов» из лагеря некоммунистов, так называемого образованного общества, ссылаясь при этом на Дитцгена-отца, но не на Сорокина², с якобы замечанием преподавателя о том, что докладчик (то есть Г.В. Осипов. – А.К.) на семинаре ничего не сказал «о разоблачении Лениным таких реакционеров, как П. Сорокин», представляет собой образец искусной манипуляции – ведь в ленинском тексте П. Сорокин не присутствует ни текстуально, ни между строк вообще; в) в 50-е годы имя П. Сорокина было в СССР предано забвению, он не упоминался ни в учебниках, ни в вузовских программах, и в то, что обсуждение сорокинской проблематики стимулировалось в 1950 году преподавателями МГИМО, – может поверить только автор таких «откровений».

Второе. Ленинские слова о журнале «Экономист» как органе «современных крепостников, прикрывающихся мантией научности, демократизма и т.п.»³ Г.В. Осипов

¹ Осипов Г.В. Три встречи с Питиримом Сорокиным. В кн.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 12.

² В.И. Ленин имел в виду то, что Дитцген-отец «выразил правильно, метко и ясно основную точку зрения марксизма на господствующие в буржуазных странах и используемые среди их ученых и публицистов вниманием философские направления, сказавши, что профессора философии в современном обществе представляют из себя в большинстве случаев на деле не что иное, как “дипломированных лакеев поповщины”» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45. С. 24).

³ Ленин В.И. О значении воинствующего материализма. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45. С. 31.

использует для того, чтобы критиковать В.И. Ленина, который якобы тем самым «ругает и автора (то есть автора статьи П. Сорокина. – А.К.), и журнал»¹. Но это явный перебор – приведенное в данном случае суждение относительно того, что Ленин «ругает» автора: добросовестному человеку нетрудно при чтении ленинской статьи убедиться в том, что в этом конкретном месте нет ничего такого, что определялось бы словом «ругань», разговор ведется в рамках приемлемой полемики. Вот эти слова: «Некий г. П.А. Сорокин помещает в этом журнале («Экономист». – А.К.) обширное якобы социологическое исследование “О влиянии войны”. Ученая статья пестрит учеными ссылками на “социологические” труды автора и его многочисленных заграничных учителей и сотоварищей»². И где же ругань? Ведь оппонент ограничился всего лишь констатацией факта, и не более того. Зачем же преднамеренно нагнетать страсти?

Третье. Г.В. Осипов утверждает, что В.И. Ленин «о самом Сорокине (подчеркнуто нами. – А.К.) говорит, что тот годится для просвещения юношества «не больше, чем заведомые растлители годились бы для роли надзирателей в учебных заведениях для младшего возраста»³. Но дело-то в том, что вложенные Г.В. Осиповым в уста В.И. Ленина слова «тот (то есть П. Сорокин. – А.К.) годится» в ленинском первоисточнике звучат иначе – «они годятся», то есть речь идет о современных «образованных» крепостниках, немалая часть которых «получает у нас даже государственные деньги и состоит на государственной службе для просвещения юношества, и с которыми марксистскому журналу («Экономист» – А.К.) придется вести войну»⁴. И дальше идут ленинские слова о том, что для просвещения юношества «они (образованные крепостники. – А.К.) годятся не больше, чем заведомые растлители» (подчеркнуто нами. – А.К.) годились бы «для роли надзирателей в учебных заведениях для младшего возраста»⁵. После перелицовки Г.В. Осиповым ленинских слов об «образованных крепостниках» они получили личностное звучание и касались теперь уже не этих крепостников, а конкретно П. Сорокина.

Четвертое. Опять-таки, продолжая говорить «о самом П. Сорокине», по словам Г.В. Осипова, В.И. Ленин якобы заявил, что «рабочему классу в России нужно» (подчеркнуто нами. – А.К.), и дальше приводятся ленинские слова – «подобных преподавателей и членов ученых обществ вежливо препроводить в страны буржуазной “демократии”. Там подобным крепостникам самое настоящее место»⁶. Если же обратиться к ленинскому тексту, то нетрудно убедиться, что и в этом абзаце «о самом П. Сорокине» нет никаких даже упоминаний, а речь идет о преподавателях и ученых обществах «образованных крепостников». Кроме того, в ленинском тексте отсутствует требование о том, что «рабочему классу в России нужно» (еще раз подчеркнем. – А.К.) препровождать таких лиц в страны буржуазной «демократии». У В.И. Ленина эта мысль имеет совершенно иной содержательный оттенок: «Рабочий

¹ Осипов Г.В. Три встречи с Питиримом Сорокиным. В кн.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 12.

² Ленин В.И. О значении воинствующего материализма. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45. С. 31.

³ Осипов Г.В. Три встречи с Питиримом Сорокиным. В кн.: Питирим Сорокин. Критика нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 12.

⁴ Ленин В.И. О значении воинствующего материализма. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45. С. 33.

⁵ Ленин В.И. О значении воинствующего материализма. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45. С. 33.

⁶ Ленин В.И. О значении воинствующего материализма. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45. С. 33.

класс в России сумел завоевать власть, но пользоваться ею еще не научился, ибо, в противном случае, он бы подобных преподавателей и членов ученых обществ...»¹ и далее идет текст о возможной высылке в другие страны.

Пятое. В.И. Ленин словосочетанием «дипломированные лакеи поповщины» характеризовал «то русское техническое общество», которое издавало журнал «Экономист», и автора помещенной в нем статьи «О влиянии войны». Г.В. Осипов же по своему усмотрению изъясил из ленинской цитаты ссылку во множественном числе о крепостниках, реакционерах, «дипломированных лакеях поповщины» (то есть «русском техническом обществе») и подал ее персонально – только по отношению к П. Сорокину. В результате получилось, что В.И. Ленин назвал П. Сорокина «дипломированным лакеем поповщины», да еще и с припиской совершенно отсутствующих в ленинской статье слов о том, что якобы он (В.И. Ленин) сказал, что «отмеченное им явление (распад семьи в условиях революций. – А.К.) – закономерно в условиях революционных потрясений, когда старая мораль рушится, а новая еще не сложилась»².

Кстати, склонность Г.В. Осипова препарировать высказывания других авторов, изменять чужие тексты и придавать им иные смысловые оттенки, сохраняя при этом авторство сфальсифицированного источника, проявлялась и в последующем, когда он стал заниматься научной деятельностью, в частности, при анализе трудов зарубежных социологов. Об этом пишет, например, И. Земцов, который в молодые годы работал вместе с Г.В. Осиповым в одном институте и дружеские отношения с ним поддерживает до сих пор: «Он (Г.В. Осипов. – А.К.) ездил в Европу, бывал в Соединенных Штатах, в совершенстве знал труды зарубежных ученых, много писал по социологии, в основном согласно... принципу: сначала концепции его западных “оппонентов” упрощались, после чего они служили основой убедительных аргументов самого автора. В действительности он анализировал не идеи, а выдуманные фразы и вырванные из контекста куски... Г.В. Осипов был непревзойденным мастером этой игры»³ (подчеркнуто нами. – А.К.)

При этом И. Земцов сделал довольно любопытную сноску, суть которой сводится к тому, что, занимаясь такими манипуляциями, Осипов «не особенно рисковал», так как такие труды «не поступали в продажу, нельзя их было найти и в библиотеках», если же некоторые из таких книг попадали в частные библиотеки, то ими могло пользоваться крайне ограниченное количество людей, так как в то время лишь немногие владели иностранными языками». Поэтому, пишет И. Земцов, «не знаящим иностранных языков человеком легче манипулировать (подчеркнуто нами. – А.К.), так как он имеет доступ лишь к той информации, которая подготавливается для него на родном языке»⁴. Приведенные высказывания И. Земцова содержатся в его труде «Советская социология», который опубликован вместе с работой Г.В. Осипова «Теория и практика социологических исследований в СССР» в монографии «Социоло-

¹ Ленин В.И. О значении воинствующего материализма. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45. С. 33.

² Осипов Г.В. Три встречи с Питиримом Сорокиным. В кн.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 13.

³ И. Земцов. Советская социология // Социология в СССР: взгляд изнутри и извне. М.: Вече, 2008. С. 439.

⁴ И. Земцов. Советская социология // Социология в СССР: взгляд изнутри и извне. М.: Вече, 2008. С. 439.

гия в СССР: взгляд изнутри и извне». И логично было бы ожидать от обвиняемого какой-то реакции на столь нелюбимые характеристики, высказанные И. Земцовым. Как-никак, но речь идет о профессиональной чести. Ведь книга издана под грифом ИСПИ РАН, и о негативном резонансе в общественном мнении говорить не приходится. Однако никаких комментариев не последовало. Что это может означать – демонстративное игнорирование? Молчаливое согласие?

Так выглядит первая (заочная) встреча студента Г.В. Осипова с П. Сорокиным – построенная на забавном сюжете из перелицованных и сфальсифицированных ленинских цитат. Спрашивается – зачем все это? Замысел – в последних строчках воспоминаний Г.В. Осипова: забыв о сделанном в самом начале своего сочинения заявлении о «воинствующем материализме», он стремится подвести читателя к выводу о том, как «социология и ее яркие представители попали под карающий меч пролетарской революции». Да еще и для того, чтобы в уста безымянного преподавателя, который якобы проводил семинарское занятие, вложить такие с привкусом иронии слова: «Теперь, я надеюсь, вы понимаете мудрость нашей партии и ее вождя В.И. Ленина, изгнавших из науки буржуазную лженауку социологию, а таких лжеученых, как П. Сорокин, за пределы нашей страны»¹.

Перед нами еще один жанр фальсификации: смещение акцента с Сорокина-политика, который властями был выслан за границу по политическим событиям, на Сорокина-социолога, якобы ставшего жертвой «нашей партии и ее вождя В.И. Ленина» за научную деятельность. Но вспомним уже упоминавшийся нами эпизод, когда ожидавший расстрела Питирим Сорокин был выпущен из тюрьмы по указанию В.И. Ленина, а его трудоустройством в один из престижных университетов страны занимался по распоряжению вождя лично А.В. Луначарский.

Подводя итоги своего «первого заочного», то есть семинарского знакомства с Питиримом Сорокиным, Г.В. Осипов делает обобщение о «гнетущих моральных условиях, в которых приходилось учиться, работать и жить...». «И не удивительно, – продолжает он, – что социология и ее яркие представители попали под карающий меч пролетарской революции» (подчеркнуто нами. – А.К.). И опять смещение акцента: под «карающим мечом» – «социология и ее яркие представители». Как же проявились эти «гнетущие моральные условия» в работе и жизни Геннадия Васильевича, свидетельствует член-корреспондент Академии наук В.Н. Иванов, который по затронутому вопросу рассуждает не по газетным статьям и не по чьей-то мемуаристике, а как активный участник творческого процесса в Институте социально-политических исследований: «Самому Г.В. Осипову на всем протяжении его работы на социологическом поприще постоянно оказывалось доверие и поддержка и в руководстве Советской социологической ассоциацией, и в рекомендации его в состав руководящих органов Международной социологической ассоциации, да и членом-корреспондентом Академии наук и директором института он стал в советское время. Не будь доверия к нему, это было бы в принципе невозможно».

В заключение о «семинарской встрече» – еще одна незадача: «документально» воспроизводя семинарское занятие и свой доклад на нем, Г.В. Осипов, как и положено в таких случаях, делает ссылки на цитаты из ленинской работы «О значении

¹ Осипов Г.В. Три встречи с Питиримом Сорокиным. В кн.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 13.

воинствующего материализма». Но, что странно, доклад готовился и произносился, как уже отмечалось, в 1950 году, а ссылки на ленинские высказывания приводятся по пятому изданию Полного собрания сочинений вождя, сорок пятый том которых, где и помещена указанная выше статья В.И. Ленина, увидел свет в 1970 году, то есть ровно через двадцать лет после описанных событий. И как же можно было пользоваться в 1950 году книгой, которая издана в 1970 году?

И все-таки, в отличие от придуманной эвианской встречи Г.В. Осипова с П. Сорокиным и «заочного знакомства» на семинарском занятии, реальный контакт социолога-эмигранта с советскими социологами состоялся. Произошло это на V Всемирном социологическом конгрессе, который проходил со 2 по 8 сентября 1962 года в Вашингтоне. Поскольку он стал знаменательным для советской социологии по многим соображениям, на наш взгляд, важно было бы отметить существенные аспекты этого важнейшего международного социологического мероприятия. По сравнению с предыдущими Всемирными социологическими конгрессами показатели их (участников) численного состава выглядели так: первый конгресс в Цюрихе (1950) – число участников 124 из 30 стран (СССР участия не принимал), второй конгресс в бельгийском Льеже (1953), соответственно 281 и 34 (СССР участия не принимал), третий – Амстердамский конгресс (1956) – 524 и 54 (в нем впервые приняла участие делегация советских ученых), четвертый конгресс в Милане-Стрезе (1959) – 980 и 52.

В работе Вашингтонского социологического конгресса приняло участие более 1000 делегатов из 57 стран мира. Наибольшими были делегации США (550 человек), Франции (40 человек), Италии (35 человек) и других стран. Официальная советская делегация была утверждена 11 августа 1962 года Секретариатом ЦК КПСС в таком составе: Ф.В. Константинов (руководитель делегации), Г.М. Андреева, Э.А. Араб-Оглы, Т.Е. Глезерман, Д.В. Ермоленко, М.Т. Иовчук, К.С. Кузнецова, А.Н. Маслин, Ц.А. Степанян, В.А. Штейнберг, секретарь делегации и переводчик. Кроме того, Секретариат ЦК КПСС поддержал просьбу АН СССР о направлении группы советских ученых (6–7 человек) в США на время работы V конгресса социологов по линии научного туризма, имея в виду, что оформлением данной группы за полный счет ее участников будет заниматься Общество дружбы и культурных связей с зарубежными странами¹.

Содержание Вашингтонского конгресса определялось обсуждением трех основных тем: 1) социология, политические деятели и общественность; 2) социология развития; 3) сущность и проблемы социологической теории. Серьезные дискуссии состоялись на таких мероприятиях, как открытая сессия исследовательских подкомитетов Международной социологической ассоциации (МСА); на объединенном заседании по социальной стратификации и социальной мобильности и по городской и сельской социологии; по индустриальной социологии; политической социологии; социологии семьи, социологии религии; социологии массовых средств связи; социологии массовой культуры и досуга; социологии медицины; психиатрической социологии.

Как же выглядели контакты советских социологов с П. Сорокиным на этом конгрессе? Э.А. Баграмов отмечает прежде всего то, что «взволнованная и эмоциональная речь ученого и его непреодолимое желание довести до сознания со-

¹ См.: Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: ACADEMIA, 1997. С. 61.

ветских граждан правду о человеке сложной судьбы (то есть о себе, П. Сорокине. – А.К.) до сих пор остается в моей памяти как пример того самого патриотизма, о котором писал В.И. Ленин, и не где-нибудь, а именно в статье “Ценные признания Питирима Сорокина”¹. В.С. Семенов, в свою очередь, отмечает, что «Питирим Сорокин был согласен с его критической оценкой превалирования эмпирической тенденции в развитии американской социологии. В его докладе “Разнообразии и единство в социологии” на следующем конгрессе в Эвиане говорилось о мизерных результатах эмпирической социологии из-за отсутствия компетентной теории.

Ведь Питирим Сорокин был талантливым теоретиком в области социокультуры, прекрасным аналитиком, и его раздражала господствовавшая тенденция сбора нужных и ненужных фактов без их дальнейшего обобщения и осмысления»². Г.В. Осипов же делает акценты на элементах внимания американского социолога к отдельным персонам из состава советских участников конгресса, выставляя себя впереди всех. «И вот представьте себе мое изумление и радость, – пишет он, – когда в перерыве пленарного заседания конгресса ко мне, сидящему в первом ряду вместе с советской делегацией (Г.В. Осипов не входил в состав официальной делегации советских социологов на Вашингтонском социологическом конгрессе, а был членом туристической группы. – А.К.) подошел высокий, стройный, элегантно одетый человек и представился: “Я Питирим Сорокин. Может быть, вы меня заочно знаете...” На свой страх и риск я ответил, что рад этому знакомству»³.

Почему П. Сорокин вступил в контакт не с членами присутствующей на социологическом конгрессе официальной советской делегации и не с ее руководителем членом-корреспондентом АН СССР Ф.В. Константиновым, а с совершенно незнакомым ему к этому времени сотрудником института, входящим в состав туристической группы, – все это осталось за скобками. Более того, явно героизируя свой поступок, Г.В. Осипов пишет, что он пошел на контакт с «человеком, высланным из нашей страны и приговоренным в России к смертной казни»⁴, несмотря на то, что «нам было строжайше запрещено по собственной инициативе вступать в контакт с иностранцами», и что «без разрешения руководства делегации нельзя было разговаривать один на один с зарубежными участниками конгресса, дозволялось только в присутствии третьего лица. Причем дисциплина в нашей делегации была железной»⁵.

У людей, побывавших за границей в советские годы, в том числе и на Вашингтонском конгрессе, и лично соприкоснувшихся с различными предписаниями со-

¹ Баграмов Э.А. Встречи с Ю.П. Францевым, Питиримом Сорокиным и другими интересными людьми // «Старый дом у Москвы-реки...» Наш МГИМО (1948–1953). Воспоминания выпускников 1953 года. М., 2003. С. 54.

² Семенов В.С. Наука – выше политики // Российская социология шестидесятых годов в документах и воспоминаниях. СПб., 1999. С. 429.

³ Осипов Г.В. Три встречи с Питиримом Сорокиным. В кн.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 14.

⁴ Осипов Г.В. Три встречи с Питиримом Сорокиным. В кн.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 14.

⁵ Осипов Г.В. Три встречи с Питиримом Сорокиным. В кн.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 14.

ответствующих органов о поведении советских граждан за рубежом, тем не менее утверждения Г.В. Осипова о запрете на конгрессах «по собственной инициативе» встречаться с иностранцами, да еще и разговаривать только «в присутствии третьего лица» могут вызвать только снисходительную улыбку. Он же, Г.В. Осипов, не только пошел на прямой контакт с одиозным эмигрантом, но «представил» его члену туристической группы, заместителю директора Института философии АН СССР А.Ф. Окулову, после чего они оба дали согласие поехать в гости к П. Сорокину в пригород Бостона в Винчестере. Забавно, не правда ли? С одной стороны, по Осипову, как отмечалось выше, «без разрешения руководства делегации нельзя было разговаривать один на один с зарубежными участниками конгресса, дозволялось только в присутствии третьего лица», а с другой – члены туристической группы без разрешения главы официальной делегации Ф.В. Константинова отправляются в свободное плавание в далекий от Вашингтона пригород Бостона к гонимому в СССР социологу-эмигранту. Что здесь правда и что нагнетание страстей – разобраться нетрудно.

В заключение рассказа о второй встрече Г.В. Осипова с П. Сорокиным все же возникает необходимость возвратиться к ее началу: к первому перерыву пленарного заседания, когда выдающийся российско-американский социолог, минуя всех членов советской официальной делегации, подошел якобы прежде всего к молодому кандидату философских наук, члену туристической делегации Г.В. Осипову и после вышеописанного диалога, делясь впечатлениями об уже состоявшихся на конгрессе выступлениях, вдруг «очень хорошо отозвался о только что закончившем доклад Б.Ц. Урланисе, который говорил конкретно, приводил многочисленные примеры, статистические данные (подчеркнуто нами. – А.К.). И далее Г.В. Осипов продолжает: «Сорокин сказал, что Урланис даже тех, кто предвзято относился к России, заставил изменить свое мнение в лучшую сторону»¹.

В этих высказываниях подкупает все: и искренность Питирима Александровича в оценке сделанного на конгрессе доклада Б.Ц. Урланиса, и его ссылки на конкретность рассуждений оратора, и сила воздействия его слов на американское общественное мнение. Но... все дело в том, что социолог Б.Ц. Урланис не значится ни в списке официальной советской делегации на V Международном социологическом конгрессе, который был представлен Президиумом АН СССР для утверждения на Секретариате ЦК КПСС, ни в списке докладчиков на Вашингтонском конгрессе, ни в группе, прибывшей на этот конгресс по линии научного туризма, ни затем в докладной записке в ЦК КПСС руководителя советской делегации на конгрессе Ф.В. Константинова, в которой были охарактеризованы все доклады и выступления на нем делегатов от СССР, ни в итоговой публикации в журнале «Вопросы философии» о работе конгресса доктора философских наук В.С. Семенова.

И понятно почему – он просто не был на конгрессе. Ему посчастливилось только через четыре года поехать на Эвианский социологический конгресс, где он принял активное участие в рабочей группе «Междисциплинарные исследования и общие механизмы», выступив по теме «Социология и демократия»². Но

¹ Осипов Г.В. Три встречи с Питиримом Сорокиным. В кн.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 14–15.

² См.: Семенов В.С. VI Всемирный социологический конгресс // Вопросы философии. 1967, № 8. С. 126.

на Эвианском конгрессе, как уже отмечалось, отсутствовал П. Сорокин. Вот, по Г.В. Осипову, и получается: на Вашингтонском конгрессе П. Сорокин «слушал» и «высоко оценивал» отсутствующего Б.Ц. Урланиса, а присутствующий на Эвианском конгрессе Б.Ц. Урланис вместе с Г.В. Осиповым «слушали» неприсутствующего П. Сорокина.

Словом, настоящая фантастика, которая в устах доктора философских наук, профессора И.Б. Орловой получила такую восхитительную оценку: «Это яркое и эмоциональное повествование, точно (подчеркнуто нами. – А.К.) передающее атмосферу того времени. Г.В. Осипов с юмором описывает ситуации, в которых иногда оказывались советские ученые за рубежом; рассказывает о ностальгии П. Сорокина, мечтавшего хотя бы перед смертью побывать на родине; о своих не увенчавшихся успехом попытках организовать официальное приглашение Питирима Александровича в СССР»¹. А ее фраза «Г.В. Осипову довелось общаться с живым Сорокиным дважды»² представляет собой своеобразную смесь правды (встреча с живым Сорокиным на Вашингтонском конгрессе социологов) и неприкрытой лжи (придуманная встреча во французском Эвиане с лежащим на больничной койке в пригороде американского Бостона Сорокиным).

К какому конфузу может привести ложь, запущенная в информационное пространство, свидетельствуют такие факты. Академик А.А. Кокошин, например, полностью доверяя первоисточнику (по-иному быть не могло) пишет: «Осипов в своих воспоминаниях о второй встрече с П.А. Сорокиным (то есть той встрече, которой не было. – А.К.) обратил внимание на его выступление по вопросу о том, какой наукой является социология – “эмпирической” или “теоретической” (о чем велась в тот момент активная дискуссия на VI Всемирном социологическом конгрессе в Эвиане (Франция) в 1966 году)»³. А президент Академии наук России академик Ю.С. Осипов, говоря о двух очных встречах Г.В. Осипова и П.А. Сорокина (вашигтонской в 1962 году и в Эвиане в 1966 году. – А.К.) и ссылаясь на книгу «Три встречи с Питиримом Сорокиным» (которая почему-то у него названа «Встречи с Питиримом Сорокиным»), отмечает: «...Геннадий Васильевич тонко и мудро, как человек, с годами накапливающий жизненный опыт и профессиональную силу, правдиво рассказал о том влиянии, которые эти встречи оказали в научном плане на него, к тому времени уже известного советского ученого»⁴ (подчеркнуто нами. – А.К.). «Тонко и мудро», а также «правдиво» о том, чего не было?

В заключение зададимся вопросом: каков же сухой остаток от встреч советских социологов с Питиримом Сорокиным? Прежде всего, встреча была одна – во время Вашингтонского социологического конгресса, и носила она обычный для таких случаев характер знакомства участников конгресса друг с другом. По завершении конгресса группа советских социологов, прибывшая на конгресс по линии научного туризма и не входившая в состав официальной делегации, по приглашению П. Сорокина погостевала у него дома.

¹ См.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 3.

² См.: Встречи с Питиримом Сорокиным / под ред. д. ф. н. И.Б. Орловой. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2000. С. 3.

³ См.: Академик Г.В. Осипов – патриарх социологии. М.: Наука, 2009. С. 69–70.

⁴ См.: Академик Г.В. Осипов – патриарх социологии. М.: Наука, 2009. С. 22–23.

Впрочем, Г.В. Осипов в своих публикациях по своему усмотрению сузил число участников домашнего обеда у П. Сорокина с советской стороны, заявив: «Совершенно неожиданно Питирим Александрович пригласил нас, меня (то есть Г.В. Осипова. – А.К.) и А.Ф. Окулова (подчеркнуто нами. – А.К.), к себе домой в гости»¹. Но, как пишет участник этого застолья Э.А. Баграмов, гостями П. Сорокина были пять человек: кроме уже упомянутых А.Ф. Окулова и Г.В. Осипова, а также Э.А. Баграмова еще и Н.И. Гращенков и А.Д. Макаров². Сам П. Сорокин в своей автобиографической книге «Дальняя дорога» (вышла в свет в США в 1963 году, в России опубликована в 1992 году), как обращает внимание Э.А. Баграмов, «говоря о приглашенных на обед пяти советских делегатах конгресса... предусмотрительно не называет нас поименно, отметив, что “встречи проходили дружески, а беседы носили весьма откровенный характер”»³.

Как вспоминает об этом Э.А. Баграмов⁴, общение с П. Сорокиным проходило в жанре знакомства впервые встретившихся людей. Весьма показательны впечатления Г.В. Осипова о встрече советских социологов с П. Сорокиным в его домашней обстановке. Воспроизведем в той последовательности, как это излагает Г.В. Осипов: трехэтажный особняк на красивом пологом склоне, оформление дома в русском стиле, знакомство с очаровательной женой хозяина Еленой, знакомство с приглашенными на ужин русскими эмигрантами, тосты, воспоминания о России и пользе конвергенции между США и СССР.. И ни слова о социологии – даже термин «социология» за всю беседу ни разу не назывался. Никаких конкретных договоренностей о налаживании научного сотрудничества не было.

Словом, милая и приятная для воспоминаний встреча, которая в практическом плане не переросла в конкретные формы научного сотрудничества. И то, что в официальном отчете об итогах работы советской делегации на V Всемирном социологическом конгрессе глава советской делегации Ф.В. Константинов даже не упомянул об этой встрече, – все это говорит само за себя. Не то что ни одной строчки, но ни одного слова об этом нет и в опубликованном в «Вопросах философии» отчетном материале о Вашингтонском конгрессе⁵.

Но случилось так, что для истории международных связей советских социологов крупным событием стал не сам Вашингтонский социологический конгресс, на котором впервые в американской столице, как говорится, лицом к лицу встретились марксистская и буржуазная социология и состоялась профессиональная дискуссия на нем, а сугубо приватный, частный эпизод личного знакомства туристов-социологов с президентом Американского социологического общества. Возведенный в ранг исторического события, этот эпизод вмонтирован в обоймы придуманного сюжета

¹ Осипов Г.В. Три встречи с Питиримом Сорокиным. В кн.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 15.

² См. Баграмов Э.А. Несколько штрихов к характеристике социально-политических воззрений Питирима Сорокина // Социологические исследования. 2016, № 1. С. 122.

³ См.: Баграмов Э.А. Несколько штрихов к характеристике социально-политических воззрений Питирима Сорокина // Социологические исследования. 2016, № 1. С. 123

⁴ См.: Баграмов Э.А. Встречи с Ю.П. Францевым, Питиримом Сорокиным и другими интересными людьми. В кн.: Старый дом у Москвы-реки... Наш МГИМО (1948–1953). Воспоминания выпускников 1953 года. М., 2003; его же: Несколько штрихов к характеристике социально-политических воззрений Питирима Сорокина // Социологические исследования. 2016, № 1.

⁵ См.: На V Всемирном социологическом конгрессе // Вопросы философии. 1962, № 11.

об эвизанской встрече Г.В. Осипова и П. Сорокина и выстроенного на препарировании ленинских цитат рассказа о первом, заочном, то есть семинарском знакомстве с социологом-эмигрантом – за всем этим стоит не только гипертрофированная амбициозность и стремление придать своей персоне особую значимость (вот с кем произошла встреча! С самим Сорокиным!), но и стремление навязать свою точку зрения на процессы, происходившие в советской социологии.

ГЛАВА V.

Советская социологическая ассоциация: создатели, преемники, «приватизаторы»

§1. Борьба за социологические истоки

«Исторический факт: Г.В. Осипов явился инициатором создания Советской социологической ассоциации в системе научных учреждений АН СССР (13 февраля 1958 года), а В.А. Ядов прекратил ее деятельность (22 января 1992 года)» (подчеркнуто нами. – А.К.)¹ – эти слова Г.В. Осипова, высказанные о самом себе в форме категорического императива, да еще и подкрепленные декларативной ссылкой на «исторический факт», призваны, по замыслу их автора, безоговорочно и однозначно утвердить его право называться единоличным первопроходцем-творцом ССА.

В другом месте он высказывается еще более определенно, закрепляя за собой роль не только «инициатора» создания ССА, но и персонально ее «создателя»: «Я практически создавал Советскую социологическую ассоциацию», а М.Н. Руткевич «резко сузил ее деятельность»². А член-корреспондент РАН В.Л. Шульц не ограничился констатацией того, что Г.В. Осипов «создал Советскую социологическую ассоциацию», но и представил «создателя» «в качестве выдающегося организатора науки»³. О том, что Г.В. Осипов был «первым социологом», занявшим пост председателя ССА, сменив в этом качестве «престарелого философа Ф. Константинова»⁴, пишет И. Земцов. И это при том, что Федор Васильевич вообще никогда не был руководителем ССА. Дорисовала портрет «первопроходца» профессор И.Б. Орлова, заявившая, что он был «первым председателем Советской социологической ассоциации»⁵, тем самым лишив этого статуса настоящего создателя и первого руководителя ССА Ю.П. Францева. Суммирование приведенных высказываний приводит к, на первый взгляд, не подлежащему сомнению, выводу: Г.В. Осипов – создатель ССА, более того, он ее настоящий первый председатель.

Свою версию о том, как это происходило, Г.В. Осипов излагает следующим образом: вернувшийся в Москву с проходившего в 1956 году Всемирного социологи-

¹ Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 643.

² См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 548.

³ См.: Академик Г.В. Осипов – патриарх социологии. М.: Наука, 2009. С. 156.

⁴ Социология в СССР: взгляд изнутри и извне в работах Геннадия Осипова, Джорджа Фишера, Ильи Земцова, Алекса Симиренко. М.: Вече, 2008. С. 436.

⁵ Встречи с Питиримом Сорокиным / под ред. д. ф. н. И.Б. Орловой. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2003. С. 3.

ческого конгресса в Амстердаме П.Н. Федосеев, «будучи уже вице-президентом АН СССР, спросил меня, как в дальнейшем нам стоит принимать участие в подобных конгрессах... Я ответил: может быть, назрело время создать соответствующую общественную организацию. И тут кому-то (не то ему, не то мне – не помню) пришла в голову идея: а не учредить ли советскую социологическую ассоциацию? Идея показалась разумной, и мы принялись за дело»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.).

При всей неопределенности того, как встретившиеся кандидат философских наук, ученый секретарь института Г.В. Осипов и вице-президент АН СССР академик П.Н. Федосеев сразу же после фразы молодого ученого о наступлении времени «создания соответствующей общественной организации» «принялись за дело», – во всем этом совершенно четко просматривается не только стремление обозначить ту самую первую точку в истории ССА, когда вдруг спонтанно одному из двух собеседников «пришла в голову идея» учреждения ССА, но также закрепить авторство самого первого шага по реализации этой показавшейся собеседникам «разумной» идеи, что и содержится в якобы высказанном предложении Г.В. Осипова: «Назрело время создать соответствующую организацию».

А вот еще одна версия зарождения Советской социологической ассоциации, принципиально отличающаяся от первой, хотя и изложенная одним и тем же автором в другой публикации: «Действительно, вся история нашей науки (имеется в виду социология. – А.К.) того периода прошла, как говорится, через мои руки... Все началось с конференции Международного института социологии по проблемам мирного сосуществования, которая проходила здесь, в Москве (практически я организовывал эту конференцию). Я считаю, что именно тогда собравшиеся ученые заставили задуматься того же П.Н. Федосеева, что все же есть общественная наука, отличная от философии и научного коммунизма (автор имеет в виду социологию. – А.К.). Затем последовали приглашения на Международный социологический конгресс (III Международный конгресс социологов. – А.К.), состоялась сама поездка (несмотря на сопротивление ЦК), а потом встал вопрос и о создании Советской социологической ассоциации – мы обсуждали его с Юрием Павловичем Францевым»² (подчеркнуто нами. – А.К.).

Единственное, что роднит этот абзац с первой версией, – это произнесенные в явно гиперболизированной форме сентенции о личном первопродстве («вся история нашей науки (!?) того периода прошла через мои руки», «практически я организовал» международную конференцию) даже без понимания того, что мероприятия, о которых идет речь, вообще не могли состояться без Президиума АН СССР, структур академического сообщества, наконец, без директивных органов и прежде всего Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС. Остальное же во второй интерпретации – полнейшее несовпадение с первой версией. В подтверждение этого выделим такие элементы первой версии.

Первое – поразительная вольность в изложении последовательности событий, когда, как говорится, все подается головой вниз, а ногами вверх. Ведь с хронологической точки зрения слова «все началось» следует отнести не, как это делает Г.В. Осипов, к

¹ Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 511.

² Осипов Г.В. Мы хотели жить наукой. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / отв. ред. и автор предисл. Г.С. Батыгин; ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: изд-во РГХИ, 1999. С. 95.

Международному московскому совещанию социологов, которое проходило с 6 по 11 января 1958 года, а к участию советских социологов в проходившем в Амстердаме с 22 по 29 августа 1956 года III Международном конгрессе социологов, по итогам которого делегаты конгресса П.Н. Федосеев и М.Д. Каммари направили в инстанции официальный отчет, в котором впервые был инициирован вопрос о создании Советской социологической ассоциации и ее вступлении в Международную социологическую ассоциацию (об этом более подробно будет рассказано ниже).

В данном же случае подчеркнем, что участие советских социологов в Амстердамском конгрессе было настолько эффективным и плодотворным, что ЮНЕСКО, под эгидой которой функционировала Международная социологическая ассоциация (МСА), обратилась в Президиум АН СССР и в созданную к этому времени Комиссию СССР по делам ЮНЕСКО с предложением провести международное совещание социологов по вопросам мирного сосуществования. Причем в письме Секретариата ЮНЕСКО высказывалось пожелание, чтобы такое мероприятие прошло именно в Москве.

Второе – если в соответствии с первой версией идея создания Советской социологической ассоциации родилась впервые, как уже отмечалось, в разговоре Г.В. Осипова с возвратившимся с III Международного конгресса социологов П.Н. Федосеевым, то по второй версии этот вопрос, как пишет Г.В. Осипов, «мы обсуждали... с Юрием Павловичем Францевым», который, кстати, как и Г.В. Осипов, не был участником III Международного конгресса социологов¹, к тому же к этому времени он не состоял ни в каких структурах АН СССР, а работал заместителем главного редактора «Правды».

Третье – если поверить в сопровождаемую заявлением «я считаю» версию о том, что ученые, собравшиеся на Международное московское совещание, «заставили задуматься» П.Н. Федосеева о том, что кроме философии и научного коммунизма «все же есть общественная наука», отличающаяся от них, то есть социология, то как же могло случиться, что заранее подготовленный и провозглашенный Петром Николаевичем на указанном совещании доклад называется «Проблемы мирного сосуществования, социологические исследования и преподавание социологии», а термин «социологические исследования», как отмечают многие историки социологии, директором Института философии был освящен на академическом уровне?

Четвертое – что же касается утверждения Г.В. Осипова о существовании ко времени проведения Международного московского совещания социологов в системе общественных наук научного коммунизма, то нам остается одно: не вдаваясь в комментарии, ограничиться хронологической справкой – как уже отмечалось, названное выше московское совещание проходило с 6 по 19 января 1958 года, а специальность «научный коммунизм» была официально введена в 1963–1964 годах.

И, наконец, пятое – об утверждении о том, что советская делегация приняла участие в Амстердамском конгрессе «несмотря на сопротивление ЦК». Так ли это? Позиция ЦК в этом вопросе – четкая, однозначно позитивная, одобрительная, без каких-либо малейших замечаний – отражена в таких официальных документах: записка Отдела науки и культуры ЦК КПСС от 11 августа 1955 года, записка Отдела

¹ См.: Постановление Секретариата ЦК КПСС «О составе делегации советских ученых на III Международном конгрессе социологов». В сб.: Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: ACADEMIA, 1997. С. 23.

науки и учебных заведений ЦК КПСС от 3 мая 1956 года, постановление Президиума ЦК КПСС от 3 декабря 1955 года, постановление Секретариата ЦК КПСС от 8 мая 1956 года¹.

А как же все это было на самом деле? Начнем с уточнения некоторых деталей. Прежде всего вызывает удивление утверждение Г.В. Осипова о том, что П.Н. Федосеев имел с ним беседу по вопросу учреждения Советской социологической ассоциации, как отмечалось выше, «будучи уже вице-президентом АН СССР». Но сопоставим хронологические данные: П.Н. Федосеев стал вице-президентом АН СССР (первый раз) в 1962 году, следовательно, упомянутая встреча произошла как минимум через 6 лет со времен участия Петра Николаевича в Амстердамском социологическом конгрессе 1956 года (сам Г.В. Осипов время встречи не указывает). Здесь можно только развести руками. К тому же в 1956 году П.Н. Федосеев не мог быть вице-президентом АН СССР по причине «объективки» – отсутствия у него звания академика, не позволявшего ему занять эту должность (академиком он стал в 1960 году). Но все это детали на фоне вещей более важных и более серьезных.

И поскольку в самом начале этого параграфа претензии Г.В. Осипова на его личную первопрородческую роль в создании ассоциации подкрепляются ссылкой на декларацию об «историческом факте», то, разумеется, и нам не обойтись без исторического экскурса. И для начала возвратимся на несколько месяцев назад по отношению ко времени описанной выше якобы состоявшейся беседы П.Н. Федосеева и Г.В. Осипова, в ходе которой впервые возникла идея создания социологической ассоциации, – к 22–29 августа 1956 года, когда в Амстердаме проходил III Международный конгресс социологов по теме «Проблемы социального развития в XX столетии». Напомним, что решением Секретариата ЦК КПСС от 8 мая 1956 года по предложению президиума Академии наук СССР на этот конгресс была утверждена делегация советских ученых в составе П.Н. Федосеева (руководитель делегации), А.И. Кузнецова, Ф.Ю. Деглава, М.Д. Каммари, С.Ф. Кечекьяна, И.С. Кравченко, В.С. Немчинова, А.М. Румянцева, Х.С. Сулаймановой, Н.С. Шлепакова, секретаря делегации и двух переводчиков.

В ходе же контактов советской делегации с руководством конгресса со стороны последнего (руководства конгресса) был инициирован вопрос о вступлении советских ученых в МСА. В подготовленной П.Н. Федосеевым и М.Д. Каммари записке АН СССР о Третьем Всемирном социологическом конгрессе в Амстердаме от 12 декабря 1956 года было указано: «Руководством конгресса в частных беседах перед нами был поставлен вопрос о вступлении в Социологическую ассоциацию, которая существует под покровительством ЮНЕСКО. При этом обращалось внимание на то, что в международные организации могут входить, как правило, социологические общества, а не отдельные лица или учреждения. У нас соответствующего общества нет. Целесообразно было бы обсудить этот вопрос и при Отделении экономических, философских и правовых наук АН СССР организовать такое общество, которое могло бы вступить в Международную социологическую ассоциацию»² (подчеркнуто нами. – А.К.).

¹ См.: Социология и власть. Документы и материалы. 1953–1958 / под ред. Л.Н. Москвичева. М.: АCADEMIA, 1967. С. 18–23.

² Записка АН СССР о Третьем Всемирном социологическом конгрессе в Амстердаме. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1990. С. 578.

Авторы записки высказали свое мнение и по такому вопросу: «Учитывая, что социология в капиталистических странах стремится охватить не только общее учение об обществе, но и в значительной мере конкретные вопросы экономики, права, культуры, следовало бы при создании социологического общества в СССР привлечь в его состав не только философов, занимающихся вопросами исторического материализма, но и тех экономистов, юристов, этнографов и работников культуры, которые интересуются социологическими вопросами и исследованиями, связанными с их специальностью»¹. В записке говорилось и о том, что советской делегации было предложено выделить представителей СССР в два созданных при МСА комитета для предварительной подготовки планов выпуска сборников статей через ЮНЕСКО по вопросам: а) экономические и культурные взаимоотношения между странами; б) роль печати и радио в формировании общественного мнения в отношении мирного сосуществования.

Совершенно очевидным является тот факт, что руководство конгресса не могло самостоятельно приглашать СССР вступить в Международную социологическую ассоциацию. Оно должно было получить от кого-то на этот счет полномочия, что означало: без соответствующего импульса со стороны секретариата ЮНЕСКО, не говоря уже о руководстве МСА, подобный шаг вообще исключался. И «эластичный» зондаж руководством конгресса (в форме неофициального обмена мнениями) послужил своеобразной завязкой занимательного сюжета вхождения советской социологии в международное научное сообщество. Произошло это в условиях либеральной оттепели во внутренней жизни СССР, с одной стороны, и в условиях разрастающейся глобальной холодной войны между двумя общественно-политическими системами.

Так выглядит первый шаг в истории создания Советской социологической ассоциации. Именно названная выше записка П.Н. Федосеева и М.Д. Каммари послужила первым импульсом официального рассмотрения этого вопроса в Президиуме АН СССР и ЦК КПСС (об этом позже. – А.К.). Увы, Г.В. Осипов во всех своих многочисленных публикациях и выступлениях на социологических форумах с завидным упорством игнорирует этот документально зафиксированный факт, для него он не существует, он вообще ни разу на него не сослался за весь период начиная с появления упомянутой записки от 12 декабря 1956 года по сей день.

Но в это время произошел ряд других мероприятий, так или иначе повлиявших на актуализацию проблемы создания и расширения плацдарма международного социологического сотрудничества. Важным в этом отношении стало участие советских ученых в прошедшей в рамках Третьего социологического конгресса в Амстердаме с 24 по 27 августа 1956 года конференции – круглом столе «Социологические аспекты мирного сотрудничества». Она проводилась по просьбе ЮНЕСКО, ее участниками были представлены США, Англия, Франция, Польша, Югославия; советских социологов представляли П.Н. Федосеев и А.М. Румянцев. В ходе дискуссии обнаружилось, с одной стороны, разное понимание ключевых аспектов этой проблемы, а с другой – искреннее стремление спорящих сторон найти общие точки соприкосновения в выработке конструктивных предложений для ЮНЕСКО.

Для советской стороны это мероприятие стало значимым, прежде всего, тем, что ученым СССР была оказана такая высокая честь в условиях отсутствия официально

¹ Записка АН СССР о Третьем Всемирном социологическом конгрессе в Амстердаме. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1990. С. 578–579.

оформленных отношений с Международной социологической ассоциацией. Одобренная конференцией программа включала пункты: а) связанные с приглашением социологов на мероприятия, проводимые Международной ассоциацией юридических наук для обсуждения тем, которые рассматривались конференцией; б) о предложениях, чтобы МСА в сотрудничестве с ЮНЕСКО создали семинар по темам, которые обсуждались на конференции, для чего организовать небольшой комитет для организации этого семинара; в) о необходимости подготовки указанным комитетом плана, содержащего предложения по организации исследований влияния литературы, прессы, кино и радио на народы других стран. В сформированный комитет по подготовке семинара от СССР вошел до утверждения постоянного представителя П.Н. Федосеев, а в комитет по разработке проекта исследований – А.М. Румянцев.

В числе значимых мер, предшествовавших учреждению Советской социологической ассоциации, выделяется проведение по инициативе ЮНЕСКО в Москве с 6 по 11 января 1958 года Международного совещания социологов по вопросу мирного сосуществования. Особенностью его было то, что к этому времени СССР стал членом ЮНЕСКО (1954), но в Международную социологическую ассоциацию, работающую под ее эгидой, еще не вступил. В этой ситуации секретариат ЮНЕСКО обратился через советника представительства СССР при ЮНЕСКО А.В. Жукова с просьбой информировать советскую сторону о намерении провести в соответствии с одобренной IX конференцией ЮНЕСКО международное совещание социологов по вопросу о мирном сосуществовании, куда пригласить 12 специалистов по этим проблемам из СССР, тогдашних стран народной демократии и западных стран. При этом высказывалось пожелание, чтобы такое совещание было создано именно в Москве. Предложение было рассмотрено Министерством иностранных дел СССР, Президиумом АН СССР и Комиссией СССР по делам ЮНЕСКО и получило поддержку.

12 марта 1957 года секретариат ЦК КПСС рассмотрел этот вопрос, после чего за проголосовали М.А. Суслов, Н.И. Беляев, Л.И. Брежнев, П.Н. Поспелов, Д.Т. Шепилов и Е.А. Фурцева. В соответствии с поручением Секретариата ЦК Комиссия СССР по делам ЮНЕСКО 10 августа 1957 года внесла в ЦК КПСС развернутые предложения на этот счет, которые были рассмотрены в соответствующих отделах ЦК, после чего 23 сентября 1957 года состоялось окончательное решение вопроса о проведении указанного совещания социологов. С советской стороны участниками совещания и ответственными за доклады на нем решением Секретариата ЦК КПСС были вице-президент АН СССР К.В. Островитянов, директор Института философии АН СССР П.Н. Федосеев и заместитель директора Института философии В.Ф. Берестнев. Зарубежными участниками конференции были президент Международной социологической ассоциации Ж. Фридман, Р. Арон (Франция), ден Холландер (Голландия), Э. Хьюз (США), Х. Шельски (ФРГ), исполнительный секретарь МСА Т. Боттоморе (Великобритания), Саксена (Индия), В. Малински (Румыния), Л. Свобода (Чехословакия) и Р. Лукич (Югославия).

На фоне обстоятельно обсуждавшихся вопросов повестки дня (вопросы образования, неравенства доходов и т.д.) состоялась содержательная в духе плюрализма мнений дискуссия по таким проблемам, как предмет социологии, соотношение общих теоретических вопросов и конкретных социальных исследований, место и роль социологии в системе других общественных наук.

Есть все основания утверждать, что Московская международная конференция социологов по проблемам мирного сосуществования, с одной стороны, еще больше закрепляла позиции советской социологии в международном научном сообществе после III Международного конгресса социологов в Амстердаме, а с другой – она создавала новые импульсы на перспективу, причем не только на дальнюю, но и ближайшую – ведь в это время в ЦК КПСС уже изучалась внесенная АН СССР записка о создании Советской социологической ассоциации (об этом подробнее – позже). Несомненная ценность конференции для советских социологов заключалась и в том, что для них представилась хорошая возможность углубить свои представления о состоянии зарубежной социологии, более конкретно прочувствовать ее аргументы в диалоге с марксистской социологией, закрепить деловые и личные контакты с авторитетными на Западе социологами и, наконец, что очень важно, продемонстрировать перед участниками конференции высокий уровень организации советской стороной такого первого на уровне ЮНЕСКО мероприятия. Для руководства же МСА это имело особое значение еще и потому, что ей вскоре пришлось решать вопросы, связанные с вступлением советских социологов в МСА.

Отражением нарастающей потребности расширения международного сотрудничества советской социологии является записка А.М. Румянцева и П.Н. Федосеева на имя первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева о необходимости улучшения международного сотрудничества социологов (направлена в ЦК не ранее сентября 1956 года). Этот документ правомерно рассматривать в общем контексте с запиской П. Федосеева и М. Каммари по итогам III Всемирного социологического конгресса в Амстердаме уже хотя бы потому, что ее авторы в своей аргументации о необходимости расширять международное сотрудничество социологов отталкивались именно от Амстердамского конгресса, участие в котором советской делегации оказало свое положительное влияние на работу конгресса (подчеркнуто нами. – А.К.) в силу принципиальности позиции советских ученых¹. Вместе с тем в этом документе обращалось внимание на то, что к тому времени начала проявляться, например, со стороны социологов тогдашних стран народной демократии «большая склонность к сотрудничеству с буржуазными социологами в духе мирного сосуществования идеологий²». При этом отмечалось, что в ходе контактов на Амстердамском конгрессе большинство стран народной демократии «отмечали недостаточность научных связей в области общественных наук»³ между учеными их стран и СССР.

И поскольку такая картина объяснялась не столько недостатками в работе АН СССР, сколько причинами более высокого уровня (прежде всего, развернувшимся идеологическим противостоянием двух систем, нарастанием плюрализма мнений по коренным проблемам марксистско-ленинской теории), авторы записки и обратились напрямую к партийному лидеру страны. «Мы, – писали они, – считали бы целесообразным рекомендовать Академии наук СССР и другим научным учреждениям нашей страны при проведении научных сессий по общественным наукам

¹ См.: Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 586.

² См.: Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 586.

³ См.: Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 586.

приглашать представителей соответствующих научных учреждений стран народной демократии, проводить международные, в пределах главным образом социалистических стран, семинары и симпозиумы по вопросам марксистско-ленинской теории, выпускать при соответствующем согласии научных учреждений стран народной демократии совместные научные сборники, вести совместные научные исследования по тем или иным социологическим вопросам»¹. На первый взгляд казалось, что для решения названных в записке конкретных вопросов достаточно было бы использования статуса ее авторов (П.Н. Федосеев – директор Института философии АН СССР, а А.М. Румянцев – главный редактор журнала «Коммунист»), чтобы решать их в рамках Президиума АН СССР. Но поднятие этих проблем на такую политическую высоту было не только объяснимо, но и вполне оправдано.

В контексте усиления внимания к международным аспектам советской социологии следует рассматривать еще одну, хотя и менее масштабную, чем предыдущие, но тоже важную акцию – инициативную записку директора Института философии АН СССР П.Н. Федосеева от 10 июня 1957 года в ЦК КПСС «Об организации научно-реферативной работы по современной зарубежной философии и социологии». В документе неудовлетворительно оценивалось состояние дел по указанной проблеме, говорилось о том, что эта работа ведется «распыленно и в значительной степени кустарно»: Издательство иностранной литературы ограничивалось изданием и переводом книг зарубежных авторов по философии и социологии для опять-таки закрытого пользования в научных библиотеках; осуществляемые ТАСС переводы отдельных книг, представляющих интерес для ученых, попадали даже не во все закрытые фонды научных библиотек; существовавшая с начала 1956 года в Институте философии АН СССР библиотека работала неэффективно, без должного кадрового и материально-технического обеспечения. Внесенные П.Н. Федосеевым предложения были изучены в Отделе науки, высших учебных заведений и школ ЦК КПСС². Специальная записка на этот счет была рассмотрена секретарем ЦК КПСС П.Н. Поспеловым, который поставил «за» под такими мерами: 1) разрешить Институту философии АН СССР издавать информационный бюллетень по современной зарубежной философии и социологии; 2) обязать руководство Института философии обеспечить тщательный отбор иностранной литературы, информация по которой будет даваться в бюллетене, обеспечить рассылку бюллетеня по современной буржуазной философии и социологии в АН союзных республик и на наиболее крупные кафедры вузов.

Таким образом, записка П. Федосеева и М. Каммари по итогам III Всемирного социологического конгресса, в которой впервые был поставлен вопрос о вступлении советских социологов в МСА, участии советской делегации в конференции – круглом столе «Социологические аспекты мирного сотрудничества» в рамках Амстердамского конгресса, проведении в Москве в 1958 году по инициативе ЮНЕСКО международного совещания социологов по вопросу о мирном сосуществовании, записка А.М. Румянцева и П.Н. Федосеева на имя первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева о необходимости улучшения международного сотрудничества социологов, а также

¹ См.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 587.

² См.: Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: ACADEMIA, 1997. С. 37–38.

такие более конкретные меры, как одобрение ЦК КПСС внесенных П.Н. Федосеевым предложений об организации научно-реферативной работы по современной зарубежной философии и социологии, – все это создало очень благоприятные условия для выхода пребывающей в кризисном состоянии советской социологии на новый – международный – уровень. Остается лишь подчеркнуть, что перечисленные выше акции были осуществлены за очень короткий промежуток времени: конец 1956 – конец 1957 годов. И на этом фоне – направление в ЦК КПСС записки АН СССР о создании Советской социологической ассоциации от 26 декабря 1957 года. Факт такой концентрации мер, касающихся развития советской социологии, – беспрецедентный, ранее ничего подобного даже в приближенном виде не было.

Общий вывод: осуществленный выше анализ позволяет выделить, по крайней мере, два важнейших вопроса. Во-первых, притязания Г.В. Осипова на первопрородческую роль «инициатора» и «создателя» Советской социологической ассоциации абсолютно безосновательны. Истоки учреждения ССА – записка П. Федосеева и М. Каммари по итогам III Всемирного социологического конгресса, а также осуществленные Президиумом АН СССР в самом начале политической оттепели крупномасштабные международные мероприятия советских социологов, позволившие в условиях отсутствия институционализированной социологии как научной дисциплины заложить прочный фундамент для возрождающейся и обновляющейся социологической науки.

Разумеется, в этом большом деле наряду с инициаторами идеи создания ССА, а также с теми, кто решал ключевые вопросы институционализации ассоциации (на уровне Президиума АН СССР и директивных органов), были и исполнители конкретных поручений, в числе которых в этой ситуации был Г.В. Осипов. И стремление исполнителя конкретных поручений превратиться задним числом в инициатора-создателя ССА – как минимум некорректно. Столь же беспочвенными являются и без устали повторяемые Г.В. Осиповым утверждения о якобы продолжавшемся в это время подавлении «партократической властью» социологии. Ведь в данном случае речь идет о взаимоисключающих вещах. Поэтому применяемый Г.В. Осиповым девиз «О том, как это было на самом деле» приходится употреблять с обязательным добавлением приставки «не». Впрочем, не только в данном случае – но об этом впереди.

§2. Кем и как создавалась ССА?

Как же непосредственно происходило создание Советской социологической ассоциации, какие силы обеспечивали ее учреждение – герой-одиночка в ранге сотрудника института, рожденная «снизу» инициатива группы энтузиастов? Достаточно ли было для этого усилий научной общественности? Сразу же подчеркнем: все решалось на самом, насколько это было возможно, высоком уровне: на международном – через Министерство иностранных дел СССР и Комиссию СССР по делам ЮНЕСКО, за которыми было дипломатическое обеспечение связей со штаб-квартирой ЮНЕСКО, на уровне научного сообщества – Президиум АН СССР, готовивший исходные предложения для инстанций; на решающем этапе – ЦК КПСС (вначале рассмотрение вопроса в Отделе науки, вузов и школ, включая координацию с различными ведомствами, а затем рассмотрение в обладавшей в то время исчерпывающими полно-

мочиями для решения подобных вопросов постоянно действующей Комиссией ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей¹.

Вице-президент АН СССР академик К.В. Островитянов и главный ученый секретарь Президиума АН СССР академик А.В. Топчиев направили 26 декабря 1957 года в ЦК КПСС записку о создании Советской социологической ассоциации, в которой со ссылкой на то, что «участие СССР в работе ЮНЕСКО требует усиления роли советских научных учреждений в деятельности международных научных организаций, работающих под руководством ЮНЕСКО, в частности, в Международной социологической ассоциации»², были сформулированы цели и задачи ассоциации. К записке были сделаны приложения по организационным вопросам: о названии ассоциации, об учредителях ассоциации, о повестке дня собрания учредителей ассоциации, проект устава ССА, предложения о кадровых вопросах (об этом будет более подробно рассказано ниже), а также содержалась просьба рассмотреть предложение о создании ССА и о разрешении этой ассоциации вступить в члены Международной социологической ассоциации (речь в дано случае шла о принятии политического решения, после чего «члены-учредители могли бы официально оформить создание этой ассоциации путем принятия устава ассоциации»³. Чуть больше чем через месяц, то есть 5 февраля 1958 года Отдел науки, вузов и школ, изучив по поручению руководства ЦК записку АН СССР, направляет соответствующие предложения в ЦК КПСС; и всего лишь через одну неделю (!), 11 февраля, Комиссия ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей принимает окончательное решение. С момента направления руководством Академии наук записки в ЦК и до принятия окончательного решения – всего полтора месяца! Нетрудно представить, какой объем работы пришлось осуществить всем задействованным в этом деле партийным, государственным и научным звеньям. Комплекс же проблем, которые при этом пришлось решать, заслуживает более внимательного рассмотрения.

Итак, первая проблема – нормативная база создания новой организации. Она сочтала в себе уставные положения Международной социологической ассоциации как неправительственной организации, с одной стороны, и специфику того порядка учреждения подобных общественных организаций (объединений), который существовал в то время в СССР и который, на что надо обратить внимание как на объ-

¹ Эта Комиссия в качестве постоянно действующего органа была образована на заседании Президиума ЦК КПСС 3 января 1958 г. в составе 5 человек: М.А. Суслев – председатель, П.Н. Поспелов, Н.А. Мухитдинов, О.В. Куусинен, Е.А. Фурцева. Задача комиссии – изучение и обсуждение проблем международной научной пропаганды и теоретических вопросов международного рабочего движения, контроль за политической направленностью Совинформбюро в радиопередачах на границу и работой других органов Государственного комитета по культурным связям с зарубежными странами, кроме того – выполнение отдельных поручений Президиума и Секретариата ЦК КПСС. На заседании комиссии решались вопросы о направлении за границу и приглашении в СССР специалистов, деятелей науки, культуры, искусства, журналистов, ведущих спортивных и художественных коллективов, а также решались вопросы в области науки, литературы, искусства и др. Первое заседание состоялось 14 января 1958 г., последнее – 13 марта 1961 г.

² Записка АН СССР о создании Советской социологической ассоциации от 26 декабря 1957 г. В сб.: Социология и власть. 1953–1968. Сборник 1. Документы. М.: ACADEMIA, 1997. С. 38.

³ Записка АН СССР о создании Советской социологической ассоциации от 26 декабря 1957 г. В сб.: Социология и власть. 1953–1968. Сборник 1. Документы. М.: ACADEMIA, 1997. С. 39.

ективный фактор, существенно отличался от опыта других стран, где создавались национальные социологические организации.

Вторая проблема – о названии организации и ее статусе. В приложении к записке АН СССР в ЦК КПСС о создании ССА отдавалось предпочтение названию «Советская социологическая ассоциация». Обосновывалось это тем, что уставом Международной социологической ассоциации предусмотрено, что членами организации, как правило, могут являться «только социологические организации», тогда как организации и учреждения, занимающиеся проблемами, связанными с социологией, могут вступить в ассоциацию в порядке «присоединенного членства», которое не позволяло таким членам обладать правом на выделение своего специального представителя в совет ассоциации и не обеспечивало право голоса в совете.

В данном же случае отсутствие в СССР «только социологической организации», как это гласил устав МСА, затрудняло установление связей советских ученых с зарубежными социологами и, прежде всего, было непреодолимым препятствием для вступления в МСА. Этим определялся статус ССА как неправительственной организации, объединявшей на добровольных началах научные и учебные институты, занимающиеся исследованиями социологических проблем. При этом необходимо подчеркнуть, что, в отличие от созданных к тому времени в других государствах национальных социологических ассоциаций как организационно самостоятельных структур, создававшаяся Советская социологическая ассоциация не наделялась правом автономии и самостоятельности – в той же записке АН СССР о создании ССА предписывалось, что ее деятельность будет контролировать Отделение экономических, философских и правовых наук, а текущую ее работу будет выполнять Институт философии АН СССР¹.

Третья проблема – об учредителях ассоциации. Отправным моментом в решении этой задачи были требования устава МСА о том, что МСА создана «для чисто научных целей» и что, повторим еще раз, ее членами являются «только социологические организации». В адресованной ЦК КПСС записке АН СССР указывалось также и на то, что «вступление в ассоциацию какого-либо одного советского института не обеспечило бы наше всестороннее участие в ее работе»², так как ассоциация охватывает такие широкие вопросы: общие проблемы общественного развития, социальная структура, вопросы собственности, национальный вопрос, социологический аспект международных отношений, проблемы права, морали, семьи, образования, а также методы социологических исследований и обучения социологии.

С учетом этих объяснений учредителями ассоциации были определены Институт философии АН СССР, Научно-исследовательский институт труда при Комитете по труду и зарплате при Совете Министров СССР, Институт экономики АН СССР, Институт права АН СССР, Институт этнографии АН СССР, Институт философии АН Украинской ССР, Институт философии и права Белорусской ССР, ученый совет философского факультета Московского государственного университета, кафедра диалектического и исторического материализма Академии общественных наук при ЦК КПСС, кафедра философии Института международных отношений, то есть те

¹ См.: Записка АН СССР о создании Советской социологической ассоциации от 26 декабря 1957 г. В сб.: Социология и власть. 1953–1968. Сборник 1. Документы. М.: ACADEMIA, 1997. С. 39.

² См.: Записка АН СССР о создании Советской социологической ассоциации от 26 декабря 1957 г. В сб.: Социология и власть. 1953–1968. Сборник 1. Документы. М.: ACADEMIA, 1997. С. 39.

академические и учебные структуры, в работе которых была представлена хотя бы в каком-то уменьшенном виде социологическая проблематика. Такой единственно правильный и реальный в тогдашних условиях подход стал в постсоветское время подвергаться необоснованным и политизированным оценкам.

Так, например, И.А. Бутенко пишет: «В отличие от ассоциаций, созданных “снизу” самими заинтересованными социологами, Советская социологическая ассоциация (ССА) была учреждена, как и другие общественные организации и объединения страны той полосы истории, “сверху” – решением КПСС и Президиума АН СССР в 1958 году» (здесь допущены две существенные неточности: первая – во всех случаях решения принимались не КПСС, а такими ее органами, как Секретариат ЦК, Политбюро ЦК, Пленум ЦК или съезд КПСС; вторая неточность – в данном случае решение принималось Комиссией ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных связей на основе внесенных Президиумом АН СССР предложений. – А.К.). И далее продолжает: «Во всем мире профессиональные ассоциации – результат добровольного объединения ряда лиц, вкладывающих свои усилия и некоторые средства для институционализации и защиты общих интересов. Эти объединения открыты для индивидов и групп. Особенность СССР состояла в том, что ученые не могли функционировать сами по себе, а всегда были “представителями” учреждений и институтов. В ССА на начальном этапе могли вступать только коллективные члены»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.). В этих высказываниях акценты расставлены так, что все это подходит лишь для того, чтобы лишний раз попинать давно раскритикованную административно-командную систему, но не для выявления реальной и конкретной ситуации, в которой можно было бы действовать только таким способом.

Почему? Прежде всего потому, что: а) к моменту постановки вопроса о создании ССА не было ни институционализированной социологической системы, ни дипломированных профессионалов-социологов, не говоря уже о том, что сама социологическая наука пребывала в плачевном состоянии. Поэтому рассуждения о том, создавать ССА «снизу», «сверху» – или позволим вольность и скажем «сбоку» – это из сферы абстрактной демократии, не учитывающей реальную ситуацию, в которой, говоря словами Спинозы, «надо не плакать, не смеяться, но понимать»; б) на сетования же о том, что в учреждении ССА могли принимать участие только коллективные члены и что в созданной ССА «ученые не могли функционировать сами по себе» (как они могли бы действовать сами по себе – оставим без комментариев), можно ответить кратко – в данном случае использовался уже накопленный к этому времени опыт создания национальных социологических ассоциаций, да и самой Международной социологической ассоциации, учредителями, которыми на начальном этапе их функционирования были только коллективные члены. И только через двенадцать лет после создания МСА на VII Международном конгрессе социологов (Варна, Болгария, 1970) впервые за историю организации в ее устав были внесены радикальные изменения – был введен статус индивидуального члена, а также институционализация статуса исследовательских комитетов и введение механизма выборности при формировании всех структур; в) вступление советских социологов в МСА могло, как того требовали ее уставные документы, осуществиться только через общенацио-

¹ Бутенко И.А. К истории создания первой социологической ассоциации // Социологические исследования, 2008. № 6. С. 52, 53.

нальную организацию, путь же ее учреждения также был единственным – внесение Президиумом АН СССР предложений в ЦК КПСС. Факт остается фактом: именно ЦК КПСС, опираясь на мнение Президиума АН СССР решил все ключевые вопросы учреждения ССА – принял политическое решение, одобрил все предложения, связанные с подготовкой и проведением учредительных мероприятий, скоординировал действия в этом плане Министерства высшего образования, Комитета по труду и заработной плате при Совете Министров СССР, Министерства иностранных дел СССР, а также соответствующих органов Украины и Белоруссии, учебные заведения и научно-исследовательские институты которых выступили в качестве учредителей ассоциации.

Четвертая проблема – определение целей ССА. В постсоветское время этот аспект получил искаженное отражение. Это проявилось, прежде всего, в попытках представить вхождение советской социологии в международное научное сообщество в пропагандистских идеологических целях за рубежом. И.А. Бутенко вслед за некоторыми другими авторами, вопреки официальным документам Президиума АН СССР и директивных органов, утверждает, что «цель создания ССА – не развитие дисциплины (социологии. – А.К.) или защита интересов социологов, не выработка стандартов исследований и не просвещение населения, а пропаганда за рубежом»¹. А отсюда и вызывающий удивление тезис об институционализации социологии «на экспорт». И даже несущую положительную оценку фразу из постановления о том, что участие советских ученых во Всемирном социологическом конгрессе позволило бы «ознакомить зарубежных социологов с нашей позицией по важнейшим вопросам общественного развития и помешало распространению клеветнической информации в отношении СССР», она истолковала в качестве одного из основных «аргументов» – обвинений во внешнеполитической экспансии советской социологии. Отсюда выводится идея об использовании канала международного сотрудничества для наращивания экспансии марксизма-ленинизма и о «двойственном предназначении» социологической науки: «Для КПСС частичная интеграция в мировое сообщество означает, прежде всего, попытку расширить сферу влияния марксизма-ленинизма. Осуществлять это предполагалось и через существующие в капиталистическом обществе институты, в том числе через профессиональные объединения социологов. Поэтому социология (и ССА в придачу) спешно институционализируется на экспорт; для внутреннего пользования существует исторический материализм»².

Утверждение же Г.В. Осипова о якобы имевшем место в учредительных документах по созданию ССА противопоставлении внешних и внутренних задач («ассоциация планировалась утверждаться руководством Президиума АН СССР как своеобразная витрина советской социологии, ориентировалась на зарубежные контакты. Однако нам удалось решить при помощи ССА многие животрепещущие вопросы внутренней жизни»³) находится в кричащем противоречии с установками на этот счет, содержащимися не только в документах АН СССР и ЦК КПСС,

¹ Бутенко И.А. К истории создания первой социологической ассоциации // Социологические исследования, 2008. № 6. С. 53.

² Бутенко И.А. К истории создания первой социологической ассоциации // Социологические исследования, 2008. № 6. С. 53.

³ Г.В. Осипов, Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 514.

но и в уставе ССА, за принятие которого в свое время голосовал автор приведенной выше цитаты и под знаменем которого (устава) он на протяжении многих лет руководил ССА.

Суть проблемы заключалась в том, что ни в директивных документах ЦК КПСС, ни в постановлениях Президиума АН СССР, ни в практической деятельности указанных органов внешний и внутренний аспекты советской социологии никогда не противопоставлялись и при всех сложностях и перипетиях подпитывали друг друга, способствуя тем самым продвижению советской социологии вперед по извилистому пути. Выдвижение же в деятельности ССА на ключевое место международного аспекта диктовалось самим фактом ее вступления в Международную социологическую ассоциацию. Именно поэтому в качестве задач ССА было определено: представительство советских научных учреждений, разрабатывающих вопросы социологии, в Международной социологической ассоциации и других зарубежных организациях социологов; укрепление связей советских ученых, работающих в области социологии, с зарубежными социологами, а также с их международными и национальными организациями в интересах развития социологии; распространение за рубежом материалов о развитии социологии в СССР.

Если речь идет об участии ученых в формировании за рубежом положительного образа своей страны – можно только приветствовать такие патриотические устремления. А как же может быть иначе? Для того и устанавливались международные научные контакты, которые в условиях холодной войны призваны были противостоять конфликтности, враждебности, агрессивным формам мышления и поведения людей. Были ли во вступлении СССР в Международную социологическую ассоциацию интересы руководства страны? Отрицательный ответ означал бы неприкрытое лукавство. Такие интересы не только были, но они и не могли не быть, только не в такой утрированной и искаженной форме, как это изображают в наше время некоторые авторы.

Не надо забывать в данном случае, что одновременно с оттепелью внутри страны Н.С. Хрущев стал проводить и либерализацию внешнеполитической деятельности, как он ее понимал. И он в этих условиях почувствовал острую нужду в получении дополнительной информации и дополнительных средств влияния на международную сферу не только через существовавшие до этого классические каналы (МИД, внешняя разведка), но и в использовании новых, прежде всего, научных каналов интеграции в мировое пространство. И первой попыткой в этом деле стало создание Н.С. Хрущевым Института мировой экономики и международных отношений в структуре Академии наук СССР. Об этом академик А.Д. Дынкин пишет так: «Его (ИМЭМО РАН. – А.К.) создал Никита Сергеевич Хрущев. Почему он его создал? Простая вещь. Когда Хрущев решил как-то открыться миру, он почувствовал, что информации о внешнем мире, которую он получал по каналам МИДа и разведки, ему недостаточно. И это понятно, потому что и МИД, и разведка – это государственные ведомства, которые не всегда, но стремятся каким-то образом уловить то, что начальство ожидает от них. Хрущеву же хотелось третьего источника с неким научным анализом этой информации. И тогда решено было создать Институт мировой экономики и международных отношений в структуре Академии наук СССР»¹.

¹ См.: НГ Наука. Приложение к «Независимой газете». № 3 (241). 27 февраля 2013 г. С. 10.

Но все сказанное применительно к ССА отнюдь не означает преуменьшение социологических задач внутреннего порядка. В принятых документах со всей определенностью говорится о том, что создание ССА должно содействовать развитию в СССР научно-исследовательской работы в области социологии; проведению научных совещаний по проблемам социологии; содействовать изданию научных трудов, подготовленных совместно научными учреждениями – членами ассоциации; подготовке и проведению мероприятий, связанных с участием советских ученых в международных социологических конгрессах и конференциях; информированию советской общественности о работе МСА и национальных ассоциаций социологов зарубежных стран; содействовать постановке советскими научными учреждениями вопросов в связи с подготовкой или итогами работы международных социологических конгрессов, конференций и других международных совещаний; содействовать развитию книгообмена и обмена библиографической информацией между советскими и зарубежными учеными, работающими в области социологии.

Таким образом, открывались все возможности как для международного, так и внутреннего развития советской социологии, гармонизации и органичной взаимосвязи этих направлений. И если возникали какие-то перекосы и нарушения этой гармонизации или конкретные недостатки в каждом из направлений, то это происходило не в силу установочных положений при создании ССА, а совершенно по иным причинам – в последующей организации дела, в умении или неумении использовать созидательный потенциал документов, в соответствии с которыми была учреждена и стала разворачивать свою деятельность ССА.

Наконец, пятая проблема – кадровый вопрос, касающийся, прежде всего, руководства Советской социологической ассоциации. Обеспокоенность тем, кто станет у руля новой организации и как этот человек поведет корабль, – оправдана во всех случаях, в нашем же – особенно. В самом деле, в условиях, когда социология не институционализирована, не имеет своей инфраструктуры и официальных связей со структурами международного сообщества, вдруг одновременное решение двух знаковых проблем – создание ССА фактически на голом месте и сразу же вступление из этого голого места в Международную социологическую организацию. Как же решали эту задачу Президиум АН СССР и ЦК КПСС, у которых (и только у которых) находились «ключи от счастья» для будущего лидера ассоциации?

Забегая вперед, посмотрим, как это подается сегодня, по истечении более полувека со времени создания ССА. Распространенная точка зрения – председателем правления ССА избирался «несоциолог» Г.П. Францов¹, причем «временно» (?), его же заместителем – «настоящий социолог» Г.В. Осипов, который в самое ближайшее время должен был сменить «истматчика» на посту руководителя ССА.

Вот как пишет об этом сам Г.В. Осипов: «Председателем временно (поскольку он был ректором Академии общественных наук при ЦК КПСС) был избран Ю.П. Францев, а я его первым и единственным заместителем»². Чтобы добавить красок к портрету Ю.П. Францева как «ученого-несоциолога», Г.В. Осипов приводит такой якобы

¹ Работы Георгия Павловича Францова, а также ссылки на него публиковались и под именем: Ю.П. Францов, Ю. Францев, а также под различными псевдонимами – И. Александров, Ю. Павлов, Обозреватель. Мы будем пользоваться «Г.П. Францов»; в цитатах других авторов нами никакие изменения на этот счет не вносятся.

² Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 511.

состоявшийся, но никем и ничем не подтвержденный диалог между ними в то время, когда Юрий Петрович уже тяжело болел: «Когда я последний раз встретил его в Доме ученых, он как-то брезгливо (подчеркнуто нами, такое отношение к собеседнику со стороны Юрия Петровича, как настоящего толерантного интеллигента, вообще исключено, с кем бы он ни беседовал. – А.К.) спросил: “Чем сейчас занимаешься?” – “Занимаемся социологией”. – “А, вводите народ в заблуждение, жульничеством занимаетесь”, – повернулся и ушел»¹. В другом же месте с восклицательным знаком утверждается, что Юрий Петрович под воздействием якобы состоявшегося между ними обмена мнениями о не употреблявшемся тогда понятии «социальная психология» согласился «даже временно!» (подчеркнуто нами. – А.К.) возглавить Советскую социологическую ассоциацию, «чтобы выглядеть человеком творческим, свободомыслящим»².

Воздержимся от комментариев в отношении того, что при создании новой социологической ассоциации, да еще при том, что одновременно был решен вопрос о ее вступлении в МСА, ее руководитель мог избираться временно. Абсурдом является и ссылка о его временном избрании по той причине, что он был ректором АОН при ЦК КПСС. Все как раз наоборот. Ученый-руководитель такого ранга – самая подходящая кандидатура для поста председателя правления ССА. Это – аксиома! Сам же Г.В. Осипов позже совмещал посты руководителя ССА и заместителя директора академического института. Если же поверить в версию о заранее спланированном краткосрочном и временном исполнении обязанностей председателя ССА Ю.П. Францевым, то тогда надо ответить на вопрос: зачем же вскоре после создания ССА он на IV Всемирном социологическом конгрессе (Милан – Стреза, сентябрь 1959 года) был рекомендован Президиумом Академии наук СССР по согласованию с ЦК КПСС членом Совета Международной социологической ассоциации на период 1959–1961 годов?

Временщиков в такую международную структуру никогда не избирали, как, впрочем, не избирают и теперь. Да и у Президиума АН СССР и директивных органов не было никаких причин и мотивов временно решать этот вопрос – о том, как избирался Ю.А. Францев на пост главы ССА, расскажем позже. Растиражирована также придумка и о том, что Ю.П. Францев, «не занимаясь социологией... однако, принял решение возглавить эту ассоциацию (ССА. – А.К.), разумеется, при условии, что его заместителем станет действительный социолог Г.В. Осипов»³ (подчеркнуто авторами. – А.К.).

А теперь перенесемся в конец декабря 1957 – середину февраля 1958 года. В приложении к записке АН СССР в ЦК КПСС «О создании Советской социологической ассоциации» от 26 декабря 1957 года содержится пункт о целесообразности избрать председателем президиума ССА академика М.Б. Митина. Но после изучения этого вопроса в Отделе науки, вузов и школ ЦК КПСС кандидатура М.Б. Митина одобрения не получила, и после согласования с Президиумом АН СССР (К.В. Островитянов) в качестве кандидата в председатели правления ССА был назван Ю.П. Францев. В конечном итоге это предложение 11 февраля 1958 года было одобрено Комиссией

¹ Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 515.

² Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 513–514.

³ См.: Академик Г.В. Осипов – патриарх социологии. М.: Наука, 2009. С. 49.

ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей, то есть в принципиальном плане этот вопрос был решен, и впереди оставались только формальности – учредителям проголосовать за кандидатуру, поддержанную Президиумом АН СССР и ЦК КПСС. При этом обратим внимание на то, что такое решение принималось единодушно, без всяких оговорок, тем более без предварительных условий о статусе Ю.П. Францева как временного руководителя ССА.

Что же касается вопроса о заместителях (заместителе) председателя правления СССР, то официальных решений или рекомендаций на этот счет на начальном этапе прохождения документов в Президиуме АН СССР и ЦК КПСС не принималось. Единственный вопрос в этом плане, который стал предметом обмена мнениями, а затем и принятия решения, – это вопрос о количестве заместителей председателя: Президиум АН СССР внес предложение о трех заместителях, в соответствии же со скорректированными Отделом наук, вузов и школ ЦК КПСС и поддержанными Комиссией ЦК КПСС предложениями количество заместителей председателя было сокращено до одной единицы. И только после этого, когда несколько позже надо было проводить учредительные мероприятия, в повестку дня был поставлен вопрос о кандидатурах в состав президиума ассоциации – заместителя председателя, членов президиума и ученого секретаря. На этом этапе подбором и согласованием кандидатур в состав руководящего органа ассоциации занимался получивший от инстанций карт-бланш на свободу своих действий Ю.П. Францев. Именно ему, Ю.П. Францеву, и никому другому, должен быть благодарен Г.В. Осипов за оказанную ему честь войти в состав руководства ССА.

А теперь зададимся вопросом: может быть, при решении кадровых вопросов Советской социологической ассоциации была допущена необъективность и несправедливость в том, что у руля ССА, как изображают это некоторые авторы, стал не «настоящий социолог», а «истматчик-несоциолог»? И, может быть, оказался неценным управленческий и общественный статус молодого конкурента?

Словом, в нашем случае надо ответить на вопрос: в этой ситуации «кто есть кто»? Начнем с «недооцененного» Г.В. Осипова. Его общественный статус – опыт секретаря комсомольской ячейки института, молодого члена КПСС, чем он не только гордился, но и умело пользовался в своем самоутверждении; научные достижения – кандидат философских наук, занимавшийся на философском поле критикой зарубежной социологии. Вот и все, кроме амбиций.

А кто же Ю.П. Францев? Для установления правды о Францеве-социологе большое значение имеют глубокие, всесторонние и объективные публикации известного социолога Н.В. Романовского¹. Слышать же сегодня, да еще в научном сообществе, что он «несоциолог», – это означает не знать или сознательно игнорировать то, что: а) еще в конце 40-х годов Ю.П. Францев, Г.Ф. Александров и П.Н. Федосеев составляли, как пишет Г.С. Батыгин, «невный “социологический триумvirат”» и прикладывали много усилий для развития критико-социологического направления в советском марксизме²; б) что в те же годы Ю.П. Францев публиковал статьи по социологиче-

¹ См.: Романовский Н.В. Историческая социология. М., 2009; его же: Вехи российской социологии. 1950–2000 гг. СПб., 2010 (соавтор и отв. ред.).

² Батыгин Г.С. Советская социология на закате сталинской эры // Вестник АН СССР, 1991, № 10. С. 98.

ским проблемам¹; в) что позже (но до избрания руководителем ССА) он опубликовал в «Правде» ряд работ, посвященных критике зарубежных социологических теорий и политической идеологии; г) что он создал социологическую лабораторию, будучи ректором АОН при ЦК КПСС, для того, чтобы и это партийное учебное заведение принимало участие в возрожденческом процессе советской социологии, но отнюдь не в качестве, как утверждается в некоторых публикациях, «отдушины» в «душной атмосфере этого номенклатурного заведения»²; д) что он автор фундаментальных трудов по социологии: «Исторические пути социальной мысли» (1965), «Философия и социология» (1971) и т.д.

Он еще в молодые годы, владея английским и французским языками, знакомился с построенными в значительной части на результатах социологических изысканий того времени исследованиями проблем становления религиозного сознания (Э. Дюркгейм, М. Вебер). В статье «Буржуазная социология на службе реакции» («Большевик», 1946, № 23–24) он не ограничился ритуальной критикой буржуазной социологии, а продемонстрировал свой профессиональный интерес как социолога к новым исследованиям американских, английских, немецких, французских и швейцарских социологов и историков.

Став после 1953 года заместителем главного редактора газеты «Правда», а также членом редколлегии журнала «Вопросы философии» и редколлегии многотомного научного издания «Всемирной истории», он многое сделал для развития отечественной философии, социологии, истории и других научных дисциплин, сочетая это с постоянными выступлениями в научной и партийной печати (1953–1956), со статьями, анализирующими зарубежную социологию. В опубликованной в нескольких номерах журнала «Вопросы философии» (1953–1956) работе, задуманной как развернутый анализ теоретических позиций зарубежных социологов, автор существенно расширил объект своего исследования, прежде всего, за счет включения в этот анализ работ ключевых фигур западных социологов.

В период хрущевской десталинизации, в том числе и в общественных науках, он сблизился с О.В. Куусиненом – ветераном Коминтерна, знавшем о вкладе в так называемые немарксистские школы европейской социологии, который лично или косвенно внесли А. Грамши, К. Корш, Д. Лукач. Выступив с 1958 года за обновление общественной науки в СССР, за преодоление сталинской версии марксизма-ленинизма, академик АН СССР О.В. Куусинен (до этого занимавший посты члена Президиума ЦК КПСС и секретаря ЦК КПСС) возглавил авторский коллектив по подготовке учебного пособия «Основы марксизма-ленинизма». После его издания была отмечена «ценная помощь» при подготовке 25-й главы пособия членом-корреспондентом АН СССР Ю.П. Францевым. Юрий Петрович принимал участие в подготовке после внеочередного XXI съезда КПСС новой программы партии, став соавтором ее раздела, посвященного борьбе против буржуазной и реформистской идеологии. На IV Международном социологическом конгрессе (8–15 сентября 1959 года, Италия) выступил с докладом на секции исторической социологии.

¹ Францев Ю.П. Буржуазная социология на службе реакции // Большевик, 1946, № 23–24.

² Осипов Г.В., Москвичев Л.Н.. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 428.

Став в 1959 году ректором АОН при ЦК КПСС, он, наряду с руководством кафедрой научного коммунизма и исследованиями по религиоведению, уделял неослабное внимание социологии: на руководимой им кафедре создал группу по изучению методов конкретных социологических исследований, в 1963–1964 годах руководил социологическим семинаром в АОН, поддерживал аспирантов в проведении конкретных социологических исследований, что нашло отражение в научных публикациях¹.

В 1960 году в сборнике статей, изданном обществом «Знание», он публикует свой труд «Кризис современной буржуазной социологии». В статье «Исторический материализм и современная буржуазная социология»² он осуществил сравнительный анализ концепций буржуазной социологии и основополагающих проблем марксистско-ленинской социологии. Для вышедшего в 1962 году вузовского учебника по основам марксистской философии написал главу «Основные направления современной буржуазной философии и социологии». Основным содержанием его доклада, сделанного на проходившем в феврале 1961 года собрании ССА, стали актуальные проблемы советских социологических исследований; работа же самого собрания показала возросшую активность советских социологов в формировании своего профессионального сообщества.

Публиковавшиеся в это время сборники социологических работ, как правило, открывались статьями первого председателя ССА о методологических вопросах конкретных социологических исследований, о связи методологии и методики проводимых исследований. Как отмечает Н.В. Романовский, Ю.П. Францев в таких случаях не выходил за рамки того, что, говоря сегодняшним языком, можно было бы назвать проблемами «макросоциологии», и «такую позицию можно сейчас рассматривать, с одной стороны, как попытку “дисциплинировать” исследователей-эмпириков, стремившихся сказать правду о полученных ими результатах. Они, естественно, часто не укладывались в стандарты представлений ортодоксов от научного коммунизма и истмата. С другой – имя академика и ректора АОН при ЦК КПСС обеспечивало зеленую улицу выходу в свет первых и достаточно уязвимых в обстоятельствах того времени работ первопроходцев советской социологии»³.

Совместные выступления Ю.П. Францева и П.Н. Федосеева по методологическим вопросам истории были опубликованы в 1964 году академическим издательством «Наука» в виде сборника «История и социология». На состоявшемся в 1964 году расширенном заседании Президиума АН СССР Ю.П. Францев принял активное участие в обсуждении проблем взаимодействия социологии с исторической наукой. К сожалению, монография Ю.П. Францева «Исторические пути социальной мысли», сданная 22 июня 1964 года в набор в издательстве «Мысль» (посвящена проблемам критического анализа зарубежной социологии, раскрытию этапов развития социологической мысли за рубежом, становлению ряда специальных социологических дисциплин и направлений исследования и др.), в условиях новых веяний сменившейся верховной власти свет не увидела. Ю.П. Францев принимал участие в планировании и подготовке вышедших в 1965 году академических трудов «Социология в СССР» и «Опыт и методика конкретных социологических исследований».

¹ См.: Вопросы философии. 1961. № 5. С. 44.

² Вестник Академии наук СССР. 1961. № 8.

³ Романовский Н.В. Первый президент Советской социологической ассоциации академик Г.П. Францев. В кн.: Вехи российской социологии. 1950–2000-е гг. СПб.: Алетейя, 2010. С. 102.

А теперь сопоставим перечень заслуг Ю.П. Францева, прежде всего перед социологией, с той характеристикой, которую дал ему Г.В. Осипов уже в постсоветское время: «Его (Ю.П. Францева. – А.К.) заслуги перед отечественной социологией состоят в том, что он согласился возглавить в качестве первого председателя Советскую социологическую ассоциацию, всячески поддерживал конкретные социологические исследования, в то же время оставался на ортодоксальных позициях исторического материализма»¹.

«Согласился» возглавить ССА и «поддерживал» конкретно-социологические исследования – ограничить только этим характеристику Францева-социолога, первые работы которого в этой области относятся еще к тому периоду, когда «настоящий социолог» был школьником, не учитывать, что в год создания ССА Юрий Павлович стал членом-корреспондентом АН СССР, а в 1964 году и академиком, – все это чистейшей воды субъективизм и преднамеренное принижение авторитета крупного ученого.

Уместно напомнить в связи с этим, что, о чем говорилось выше, после отклонения в ЦК КПСС кандидатуры академика М.Б. Митина на пост руководителя ССА в документах, подготовленных Отделом науки, вузов и школ ЦК КПСС и согласованных с руководством АН СССР (К.В. Островитянов) для принятия ЦК КПСС соответствующего решения значилось: «Председателем Советской социологической ассоциации считали бы целесообразным утвердить доктора исторических наук Г.П. Францева, являющегося видным специалистом по современной зарубежной социологии» (подчеркнуто нами. – А.К.)². Такая формулировка и учитывалась Комиссией ЦК КПСС при принятии решения «О создании Советской социологической ассоциации и вступлении ее в Международную социологическую ассоциацию». В конечном итоге вырисовывается неприличная картина, когда отсебятина некоторых исследователей, называющих Ю.П. Францева «несоциологом» и «временным» руководителем ССА, сочетается фактически с ревизией официального, теперь уже исторического документа с формулировкой о нем как о видном специалисте по социологии.

Но социология – это только часть поистине энциклопедической деятельности Ю.П. Францева как крупного исследователя в области гуманитарных наук. В научной деятельности он зарекомендовал себя человеком огромной эрудиции. Он оставил большое и ценное научное и литературно-публицистическое наследие. Впечатляющим является диапазон тематической проблематики исследований Ю.П. Францева: изучение проблем ранних форм развития религии в связи с развитием сознания и мышления (после завершения в 1924 году аспирантуры на факультете общественных наук Ленинградского университета); участие под руководством академика В.В. Струве в исследованиях истории народов Древнего Востока, их языков и памятников (опубликованные по этим проблемам работы получили в свое время высокую оценку³); изучение под руководством профессора В.Г. Богораза-Тана проблем разви-

¹ См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 512.

² Записка Отдела науки, вузов и школ ЦК КПСС о поддержке предложения АН СССР о создании Советской социологической ассоциации. В сб.: Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: АCADEMIA, 1997. С. 44.

³ См.: Поставская Н.М. Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе (1917–1959). М., 1961.

тия духовной жизни первобытного общества; исследование проблем исторического материализма.

В числе его научных приоритетов было также изучение научного знания, переходящего в конфликт с религией и мифом, исследование на конкретном материале ранних форм постановки вопроса об отношении сознания к бытию, формирование представлений об отделимой от тела душе, об отражении в религии процесса перехода от бессилия человека при первобытном строе к ощущению своего бессилия перед общественными силами (эксплуататорами), изучение различных форм клерикализма. Названные проблемы нашли обобщающее отражение в фундаментальной книге «У истоков религии и свободомыслия» (Москва, 1959), а также при подготовке и редактировании первого тома «Всемирной истории» и в отдельном разделе книги «Общество и религия» (Москва, 1967).

До избрания председателем правления ССА Ю.П. Францев завоевал заслуженную известность и уважение как общественный деятель, организатор научной деятельности и подготовки кадров: с 30-х годов активной пропагандист и популяризатор научных знаний; член президиума Ленинградского областного совета Союза воинствующих безбожников; научный сотрудник, а затем директор Музея истории религии в Ленинграде (научная группа сотрудников музея являлась ленинградским сектором истории религии и атеизма Института философии АН СССР), преподавание с 1931 года в ленинградских вузах (атеизм, диалектический и исторический материализм); с 1945 года, после перевода в Москву, – директор Института международных отношений, игравшего ключевую роль в подготовке необходимых для страны кадров международных работников; с 1949 по 1952 год заведующий отделом печати МИД СССР; с 1953 года – член редколлегии, а затем – заместитель главного редактора «Правды». Председателем правления ССА он избирался, будучи ректором АОН при ЦК КПСС. А позже ему выпала честь быть шеф-редактором «Проблем мира и социализма» в Праге (как органа зарубежных коммунистических партий), заместителем директора Института марксизма-ленинизма.

Таким был Юрий Петрович для политической элиты, науки, общества. Для В.С. Семенова, который продолжительное время поддерживал с Ю.П. Францевым не только постоянные профессиональные контакты, но и добрые личные человеческие отношения, Юрий Петрович был «возможным» президентом страны, «возможным» генеральным секретарем. «Самое главное в нем, – продолжает дальше автор воспоминаний, – знание мира и духа Запада и Востока, и эти знания он хотел бы обратить на пользу России. Он был величайшим эрудитом. Я это знаю и как редактор книги его избранных произведений (посмертный), и по личным беседам у него дома, во время его тяжелой болезни. Францев, по-моему, человек, незаслуженно обделенный за ум»¹.

Столь обстоятельно мы остановились на характеристике Ю.П. Францева отнюдь не для того, чтобы «доказать доказанное» о правомерности его избрания руководителем ССА не в качестве временщика, а как одной из самых достойных кандидатур на указанный пост – крупнейшего ученого-энциклопедиста, умелого организатора науки, человека, обладающего ценными знаниями по проблемам международной жизни

¹ См.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб.: изд-во РХГИ, 1999. С. 438–439.

и имеющего широкие международные связи, что было крайне важным для создаваемой ССА. Здесь все ясно. Нам бы хотелось обратить внимание на другое. Речь идет о восстановлении исторической справедливости, что в конкретном плане означает – извлечь добрую память о личности Ю.П. Францева от ярлыка «несоциолога», временного председателя правления ССА, четко и ясно подтвердить в научных трудах и публицистике, что именно он, и только он является ключевой фигурой при зарождении и учреждении Советской социологической ассоциации.

Благодарными и справедливыми шагами могло бы также стать присвоение Российскому обществу социологов (РОС) как законному правопреемнику Советской социологической ассоциации имени академика Ю.П. Францева как основателя ССА, учреждение в одном из учебных заведений (может быть, в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, ученый совет которого стал одним из учредителей ССА) стипендии имени Ю.П. Францева, проведение Францевских чтений и др.

В заключение подчеркнем: окончательная точка в проработке всех политических и научно-организационных вопросов, включая в том числе выбор в качестве кандидатуры на пост руководителя ССА, была поставлена 11 февраля 1958 года в постановлении Комиссии ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей «О создании Советской социологической ассоциации и вступлении ее в Международную социологическую ассоциацию», в котором было объединено два взаимосвязанных вопроса: создание ССА и вступление ее в МСА. Руководство ассоциацией возлагалось на Академию наук СССР. И только после принятия этого документа, содержащего политическое решение принципиальных вопросов создания ССА и одобрявшего все без исключения конкретные содержательные, структурно-организационные и кадровые вопросы будущей организации, наконец открылась дорога для проведения собрания представителей научных учреждений – учредителей ассоциации.

Повесткой дня этого собрания предусматривалось рассмотрение таких вопросов: 1) об организации Советской социологической ассоциации; 2) принятие устава ассоциации; 3) выборы исполнительного органа – президиума ассоциации в составе председателя, заместителя, членов президиума и ученого секретаря; 4) о вступлении в члены Международной социологической ассоциации. Собрание учредителей поддержало подготовленные Президиумом АН СССР и санкционированные Комиссией ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей меры по учреждению ССА и вступлению ее в МСА и утвердило инициированные и предложенные Ю.П. Францевым кандидатуры в состав Президиума ССА, в том числе, разумеется, и заместителя председателя правления ССА. Датой избрания на учредительном собрании Г.В. Осипова заместителем руководителя ССА и обозначена официальная документальная отметка о начале его личного участия в работе ССА. Но это случилось значительно позже по отношению к тому времени, когда в ходе его случайной встречи с П.Н. Федосеевым он якобы стал инициатором и создателем ССА.

В октябре 1958 года Советская социологическая ассоциация вступила в Международную социологическую ассоциацию. Примечательным является то, что еще до учреждения ССА советские ученые принимали участие в руководящих и рабочих органах МСА (III Всемирный социологический конгресс, Амстердам, Голландия, 1956),

и это начинание было затем закреплено на постоянной основе – советские ученые стали участниками всех международных социологических конгрессов. Но участие в конгрессах – это лишь одна из большого перечня форм деятельности МСА. Став же ее членом, ССА приняла на себя обязанности во всем объеме выполнять те цели, которые определены в ее уставе: содействие международным исследованиям в области социологии, установление и развитие контактов между социологами, обеспечение обмена социологической информацией, содействие в проведении международных социологических исследований. Эти задачи ССА осуществляла, участвуя в рабочих органах МСА – исследовательских комитетах, которые занимаются разработкой основных проблем современной социологии, таких как этнические и расовые проблемы, социология образования, досуга, социология миграции и пр. В 1976 году руководство АН СССР с одобрения ЦК КПСС рекомендовало Т.И. Заславскую для избрания в качестве члена комитета № 31 «Социология миграции», И.С. Кона вице-президентом Комитета № 8 «История социологии», В.Д. Патрушева членом комитета № 13 «Социология досуга», Ю.П. Петрова-Аверкина вице-президентом комитета № 2 «Этнические, расовые отношения и отношения меньшинств», Ф.Р. Филиппова членом комитета № 4 «Социология образования».

К сожалению, со временем, особенно после разрушения СССР, внешние и внутренние функции ССА стали противопоставляться друг другу. Внешне эффектная метафора-фальшивка о том, что АН СССР создала Советскую социологическую ассоциацию в качестве своеобразной витрины советской социологии, ориентированной на зарубежные контакты¹, вскоре стала неотъемлемым элементом многих публикаций, своеобразным штампом. Утверждение же о том, что после избрания председателем ССА М.Н. Руткевича «ее деятельность свелась к первоначальным замыслам П.Н. Федосеева – к подготовке и участию во всемирных социологических конгрессах»², – напоминает скорее очередной далекий от истины ритуальный акт критики своих оппонентов. Не может не вызвать удивления, например, и такой пассаж Г.В. Осипова: «Постепенно все отчетливее стало выявляться, что я и П.Н. Федосеев по-разному понимаем суть и задачи Советской социологической ассоциации. П.Н. Федосеев с самого начала считал, что она (ассоциация. – А.К.) должна осуществлять преимущественно представительские функции, заниматься приемом иностранных ученых, отбором и оформлением выездов за границу делегаций и отдельных социологов. Я же стремился сделать ее работающим органом, координирующим и стимулирующим социологические исследования во всей стране»³. Вот таким смелым новатором, противостоящим в качестве антипода вице-президенту АН СССР П.Н. Федосееву, нарисовал сам себя Г.В. Осипов в постсоветское время. При этом он «забыл», что в уставе ССА, за который он голосовал при учреждении ассоциации, четко и без всяких оговорок сформулированы положения о единстве двух функций в деятельности ассоциации – внешней, направленной на интеграцию советской социологии в международное научное сообщество, и внутренней, призванной придать

¹ См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 514.

² Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 27.

³ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 430.

развитию социологической науки новый мощный импульс (содействие развитию в стране научно-исследовательских работ в области социологии, издание научных трудов по социологии, проведение научных совещаний в области социологии и др.).

И еще об одном моменте, на которой нельзя не отреагировать: утверждение о том, что «вопреки ожиданиям партийного руководства (!) Советская социологическая ассоциация развернула активную деятельность по самым разным проблемам становления и развития социологического знания и его практического применения»¹, – предназначение и бездоказательное «обоснование» того, чего в действительности не было. Выглядит это довольно смешно и примитивно: оказывается (по Осипову), Идеологическая комиссия ЦК КПСС принимала решение о поддержке внесенного Президиумом АН СССР предложения по созданию Советской социологической ассоциации и ее вступлении в Международную социологическую ассоциацию «вопреки ожиданиям» ее (ассоциации) плодотворной работы. Вот из таких перлов и создается пропитанная ложью «концепция непримиримости» отношений между властью и социологией в период ее возрождения.

§3. Трансформационные перипетии социологической ассоциации

В сложной судьбе ассоциации отечественных социологов было немало объективных трудностей и субъективного своеволия, прорывных решений и организационной несостоятельности, новаторских проектов и нарушения элементарных требований профессиональной культуры. Каждое из таких проявлений имеет свое конкретное объяснение, основанное на непредвзятой, объективной, но справедливой оценке. Крайне важно, чтобы история ССА представляла в восприятии как социологов старшего поколения, так и подрастающей научной смены в истинном виде – не приукрашенной и не оклеветанной.

Начать придется, что логично, с самого первого шага ССА – установления дня ее рождения. Так, в записке вице-президента АН СССР П.Н. Федосеева и исполняющего обязанности главного ученого секретаря Президиума АН СССР Г.К. Скрыбина в ЦК КПСС «О вступлении советских ученых в рабочие органы Международной социологической ассоциации» датой принятия решения ЦК КПСС, одобрявшего предложения АН СССР по этому вопросу, названо не 11 февраля, как это было на самом деле, а 13 февраля 1958 года². Г.В. Осипов в докладе на Всероссийском социологическом конгрессе 21 октября 2008 года заявил, что днем рождения ССА можно считать 13 июня 1958 года, когда в соответствии с постановлением Комиссии ЦК КПСС было принято решение Президиума АН СССР о ее создании. В другом месте он же утверждает совершенно другое: учреждение ССА осуществлено Президиумом АН СССР 18 февраля 1958 года³. Ему же принадлежат слова о создании ССА 13 февраля 1958 года⁴. Poleмизуя же с В.Э. Шляпентохом о генезисе консолидационных процессов в социоло-

¹ Осипов Г.В. Введение в социологическую науку. М.: Наука, Вече. 2010, с. 298

² См.: Социология и власть. Сборник 3. Документы. 1973–1984. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2003. С. 140.

³ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 19.

⁴ См. Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (о том, как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 643.

гическом сообществе, Г.В. Осипов пишет: «Наверняка не позабылась и дата, впервые объединившая советских социологов в единую профессиональную ассоциацию, – 11 февраля 1958 года. В этот день решением Президиума Академии наук СССР (в этот день было принято решение не Президиума АН СССР, а Комиссии ЦК КПСС. – А.К.) была образована Советская социологическая ассоциация»¹ (решение Президиума АН СССР по этому вопросу принималось 26 июня 1958 года, и в нем шла речь о признании необходимости учредить ССА при том условии, что это должно произойти на собрании учредителей. – А.К.) (подчеркнуто нами. – А.К.).

А президенту РАН Ю.С. Осипову принадлежит утверждение о том, что постановление об учреждении ССА было принято 11 февраля 1958 года Президиумом АН СССР, а не Комиссией ЦК, более того, по его заявлению, тогда же состоялось заседание учредителей ССА (что не соответствует действительности)².

Не меньшая путаница и в вопросе о времени проведения учредительного собрания ССА. В одном случае Г.В. Осипов называет дату 19 декабря 1957 года³, тем самым дает понять, что учредительное собрание состоялось сразу после его ранее описанной нами случайной встречи с вернувшимся с Международного социологического конгресса П.Н. Федосеевым, когда якобы в разговоре между ними неожиданно и родилась идея создания ассоциации. Но как могло состояться учредительное собрание 19 декабря, если АН СССР внесла предложения в ЦК КПСС о создании Советской социологической ассоциации 26 декабря (в предложениях был в том числе список будущих учредителей и проект повестки дня учредительного собрания), Отдел науки, вузов и школ ЦК КПСС рассмотрел их 5 февраля 1958 года, после чего Комиссия ЦК КПСС приняла на этот счет положительное решение 11 февраля, в котором одобрила все меры на этот счет, в том числе и список учредителей ССА, и дала согласие на проведение учредительного собрания? Не может не вызывать недоумение и то, что на одной и той же странице книги Г.В. Осипова наряду с утверждением, что «19 декабря 1957 года состоялось учредительное собрание Советской социологической ассоциации», абзацем ниже можно прочесть: «18 февраля 1958 года принимается... постановление Президиума АН СССР. Состоялось заседание учредителей ССА, на котором был избран президиум ССА в составе председателя, заместителя председателя, трех членов и ученого секретаря»⁴.

Ограничившись констатацией факта о разночтениях в датах, связанных с учреждением ССА (устранение таких небрежностей – дело самих авторов при последующих публикациях на эту тему), мы все же сосредоточимся на содержательной стороне дела: к какому мероприятию привязывать дату основания ССА. По фактической (документальной) стороне дела на такой статус, по нашему мнению, могут претендовать три события, обладающие разной степенью учредительной легитимности – сущностный, формальный и нормативно-правовой: а) сущностный – принятие без преувеличения судьбоносного постановления Комиссии ЦК КПСС по

¹ См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (о том, как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 642.

² См.: Академик Г.В. Осипов – патриарх социологии. М. Наука. 2009, с. 22.

³ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 23; Социология и общество: пути взаимодействия. М.: Вече, 2010. С. 25.

⁴ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 23; Социология и общество: пути взаимодействия. М.: Вече, 2010. С. 23.

вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей от 11 февраля 1958 года, в котором на самом высоком политическом уровне, по сути, были поставлены все точки над *i* по всем принципиальным содержательным, организационным, кадровым и процедурным вопросам, связанным как с учреждением ССА, так и с ее вступлением в МСА; б) формальный – постановление Президиума АН СССР от 13 июня 1958 года, в котором были формализованы и продублированы ранее одобренные Комиссией ЦК КПСС мероприятия, что с формальной точки зрения не препятствовало академическому документу претендовать на учредительный статус; в) нормативно-правовой – состоявшееся уже после принятия партийных и академических решений собрание учредителей ассоциации: несмотря на то, что оно не было актом «чистой демократии» (проводилось по двум одобренным сверху решениям – партийным и академическим), именно оно стало волеизъявлением учредителей, оно опиралось на набор соответствующих нормативно-правовых процедур: официально организационно институционализировалась ССА, принималось решение о ее создании, утверждался ее устав, были осуществлены выборы исполнительных органов, наконец, было одобрено ее вступление в Международную социологическую ассоциацию.

Когда же спустя пятьдесят лет было решено праздновать полувековой юбилей ассоциации, то в выборе отправной точки организационной институционализации ССА его (празднования) организаторы отдали предпочтение той академической акции, которая, с одной стороны, формализовала партийное предписание на этот счет, а с другой – представила возможность собранию представителей самостоятельно осуществить соответствующие учредительные нормативно-процедурные действия. Почему при этом не была избрана дата 11 февраля – понятно: в условиях постсоветской политической конъюнктуры любое положительное событие, связанное с КПСС, вызывает неоднозначную реакцию. Но почему за отметку основания ССА не взята дата проведения учредительного собрания – объяснить трудно. Словом, для будущих дискуссий на социологические темы наряду с многими содержательными проблемами остается и тема о дне рождения ССА.

Разумеется, при всей важности установления дня основания ассоциации, главное все же – конкретные результаты ее работы, грамотное решение профессиональных задач, которые вытекали как из ее устава, так и из тех партийных и академических документов, которые открыли ССА путь в большую научную жизнь. И сегодня есть все основания утверждать, что история уже выставила самую высокую оценку создателям ССА – за их поистине титанические усилия по осуществлению уникального научного проекта, который навсегда обогатил традиции не только российской социологии, но всей отечественной науки. Благодаря своему организаторскому мастерству, непререкаемому научному авторитету, высокому общественно-политическому статусу Ю.П. Францеву в относительно короткий срок удалось с опорой на подобранные кадры развернуть работу по всему фронту – определение конкретного содержания деятельности ССА, создание необходимой организационной структуры (в центре и в регионах), осуществление необходимых шагов по интеграции в международное социологическое сообщество. Эту работу энергично продолжил избранный на пост председателя ССА молодой и громко заявивший о себе ученый Г.В. Осипов.

Важным шагом стало создание в 1966 году на общем собрании ССА исследовательских комитетов по широкому кругу социологических проблем – социальным

проблемам познания, проблемам общественной психологии, методике и технике социальных исследований, количественным методам в социологии, проблемам труда и управления, градостроительству, социальным проблемам этнографии, демографии, семье, быту, нерабочему времени, исследованиям личности, культуры, молодежи, сельского населения, анализу зарубежной социологии. На этом же собрании решено было создать филиалы в Ленинграде, Новосибирске, Свердловске, в Белоруссии, Украине, Латвии, Эстонии. Уже на начальном этапе было сформировано 20 региональных отделений ССА, активно проявили себя многие созданные с учетом профессиональных интересов исследовательские комитеты, организовывались научные мероприятия и готовились публикации.

На V Всесоюзной отчетно-выборной конференции остро были поставлены проблемы дальнейшего развития социологической науки и образования в стране, усиления координирующей роли Советской социологической ассоциации в деле повышения методического уровня исследований, вопросы необходимости создания центральных и региональных архивов социологической информации для повторного и обобщающего их использования. Вносились предложения об обеспечении целевого краткосрочного финансирования и обеспечения лимитами по труду специальных исследовательских программ под контролем Советской социологической ассоциации; о введении в вузах специальности «социология» или «прикладная социология»; утверждения положения о социологической службе на предприятии.

К середине 1970 года ССА объединяла 400 коллективных и 15 тысяч индивидуальных членов. К этому времени только в рамках АН СССР функционировало 40 социологических подразделений, а в вузах за 5 лет число социологических лабораторий и секторов увеличилось в 4 раза, значительно возрос объем работ, выполняемых вузовскими социологами по заказу заводов и других организаций. Почти 900 научных и научно-педагогических работников было занято в прикладной социологии. К 1983 году в ССА было создано 35 центральных и 150 региональных научно-исследовательских секций, работавших над острыми социальными проблемами совместно с партийными и государственными органами.

К началу 1990-х годов в ССА состояло около шести тысяч индивидуальных и 1,3 тысячи коллективных членов, состоявших в 20 республиканских и региональных отделениях. Наиболее крупными отделениями ССА были Московское, Сибирское, Азербайджанское, Уральское, Украинское, Прибалтийское, Поволжское, Белорусское, Северо-Западное. Широкий размах получила заводская социология, недостатком которой было не то, что совершенно необоснованно называет И.А. Бутенко, – «руководить заводскими службами или даже просто работать в них могли лишь члены КПСС»¹, – а ее низкий профессиональный уровень. Одно дело заболевшие «анкетоманией» самодеятельные энтузиасты, не имеющие четких представлений о социологии как науке, и другое дело – заводские социологи, действующие в союзе с социологами-профессионалами.

В качестве положительного примера можно сослаться на созданную в 60-е годы руководством Львовского телевизорного завода совместно с Институтом философии Академии наук Украины социологическую службу. О том, что она собой пред-

¹ См.: Бутенко И.А. К истории создания первой социологической ассоциации // Социологические исследования, 2006. № 6. С. 56.

ставляла и чем занималась, директор Института философии АН УССР В. Шинкарук в адресованной в ЦК КПСС записке «О работе в области конкретно-социологических исследований» (не позднее 24 октября 1968 года) написал так: «Отдел методологии, методики и техники конкретно-социологических исследований функционирует с ноября 1967 года. Его задача – обработка и применение методик для анализа социальной структуры производственных предприятий, общественной активности трудящихся, этических и эстетических норм. На Львовском телевизионном заводе работает подчиненная отделу группа на хозяйственно-договорных началах (подчеркнуто нами. – А.К.). Результаты исследования во Львове позволяют шире развернуть конкретно-социологические исследования, непосредственно связанные с практикой работы хозяйственных, государственных и общественных организаций республики»¹.

Крупным событием для советской социологии стало проведение в 1962 году в соответствии с программой МСА выборочного исследования по социальной стратификации в восьми крупных советских городах. Выборка, насчитывавшая 26 тысяч человек, осуществлялась силами 62 социологов и стала одним из самых крупных на то время исследований в Советском Союзе.

Большой заслугой ССА является перевод таких книг американских социологов по общим прикладным проблемам и математическим методам, как «Математические методы в современной буржуазной социологии» (1966), «Математические методы в социальных науках» (1973) и др. Стремясь восполнить пробел, существовавший по этим проблемам в то время в отечественной социологии, ассоциация в сотрудничестве с математиками подготовила собственные коллективные издания – «Методика и техника статистической обработки первичной социальной информации» (1968) и «Количественные методы в социологии» (1976). Предметом пристального внимания стало изучение опыта американских исследований по проблемам структурно-функционального анализа, формирования выборочной совокупности, применения математических методов и моделей, факторного анализа.

Говоря о несомненных больших достижениях ССА, в то же время неуместным было бы все изображать в виде торжественного парада, затушевывая сложные и острые ситуации, порожденные как объективными причинами роста, так и недостатками личностного порядка, то есть просчетами конкретных людей, включенных в сферу деятельности ССА. И начнем с трудностей объективного порядка: ССА в отличие от национальных социологических ассоциаций других стран не обладала в полном объеме самостоятельностью и независимостью. Контроль за ее деятельностью первоначально был возложен соответствующими документами на Отделение экономических, философских и правовых наук АН СССР, а текущая работа – вначале на Институт философии, а затем на ИКСИ/ИСИ АН СССР. Все без исключения мероприятия в рамках международных связей, и, прежде всего, с МСА, могли осуществляться только после того, как подготовленные ССА предложения проходили апробацию и одобрение Президиумом АН СССР и ЦК КПСС. Даже после учреждения ССА на проводимые МСА всемирные социологические конгрессы направлялись делегации не Советской социологической ассоциации, являющейся членом МСА, а «делегации советских ученых», предложенные Президиумом АН СССР и одобренные ЦК КПСС (в состав официальной делегации на V Международный кон-

¹ Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: ACADEMIA, 1997. С. 154.

гресс не был включен даже председатель ССА¹, он поехал туда по линии научного туризма); одновременное совмещение постов директора института и руководителя ССА фактически приводило к тому, что ССА функционировала как его подразделение (проводились даже ежегодные координационные совещания, осуществлялся совместный контроль за публикациями, подбор делегаций на международные научные мероприятия, совместные издания социологического бюллетеня и др.).

В качестве примера можно было бы привести один сюжет из сферы международных контактов ССА. 17 июля 1962 года директор Института философии АН СССР Ф.В. Константинов, ссылаясь на договоренность с директивными органами, обратился к заведующему отделом США МИД СССР М.Н. Смирнову с просьбой дать указание посольству СССР в США подобрать и в ближайшее время выслать в адрес института такие необходимые для выезжающей на V Международный социологический конгресс советской делегации материалы: доклады и выступления участников конгресса; краткую характеристику руководящего состава конгресса и ведущих участников конгресса; рекомендации посольства СССР в США о том, на что следовало бы обратить внимание членов советской делегации в своих официальных выступлениях и при общении с представителями других делегаций конгресса, а также материалы, которые, по мнению посольства, будут полезны для работы советской делегации. Интересная деталь: уже 18 июля, то есть на следующий день после отправки письма из института, М.Н. Смирнов предписал сотруднику мидовского отдела Л.Д. Емельянову – «на исполнение», а 20 июля Л.Н. Смирнов поручил тому же Л.Д. Емельянову: «Прошу проконтролировать получение»; и в тот же день на институтском письме появилась запись: «В Вашингтон сообщено»². Но ведь к этому времени ССА уже была полноправным членом МСА, и логично было бы Академии наук обращаться не в МИД, а напрямую в Международную социологическую ассоциацию.

Рисуя исключительно в негативных тонах начальный этап социологического возрождения, когда «была изнурительная, длившаяся десятилетиями борьба социологов 60-х годов за становление и утверждение гражданского и научного статуса первоначально “эмпирических” исследований, а затем социологии как науки», возложив ответственность за все беды в этом деле на «академиков-консерваторов» и «партократов», Г.В. Осипов единственным «спасателем» социологии на «тернистом» ее пути определил ССА, которая «превратилась в своего рода генеральный штаб “социологического движения” в стране»³.

Явно гиперболизируя деяния ССА и отодвинув в сторону Президиум АН СССР и соответствующие структуры ЦК КПСС, он заявил, что именно «под ее (ССА. – А.К.) руководством в СССР создавалась система социологических центров и исследовательских комитетов по различным направлениям социологической науки»⁴ (подчеркнуто нами. – А.К.): первые в стране социологические научные подразделения

¹ Постановление Секретариата ЦК КПСС «О направлении делегации советских ученых в США на Конгресс социологов». В кн.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 72–73.

² Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 129, оп. 48, папка № 147, д. 65. Л. 58–59.

³ См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 506–507.

⁴ См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н., Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 507.

– сектор новых форм труда и быта в Институте философии АН СССР и лаборатория социологических исследований в ЛГУ; Научный совет по проблемам конкретных социальных исследований АН СССР и преобразование сектора новых форм труда и быта Института философии в состоящий из пяти секторов отдел социологических исследований того же института; учреждение на базе отдела социологических исследований ИФ АН СССР Института конкретных социологических исследований АН СССР. То, что ССА не имела никаких полномочий руководить созданием таких структур, – это элементарная, не требующая никаких доказательств аксиома; она «как добровольное объединение (из записки АН СССР о создании Советской социологической ассоциации в ЦК КПСС от 26 декабря 1957 года) научных и учебных институтов» имела право инициировать постановку таких вопросов перед академическими и партийными инстанциями.

Главное же в том, что в данном случае социологической ассоциации приписаны те функции, которые в тех конкретных условиях были прерогативой или дирекции института, или Президиума АН СССР, или инстанций (Секретариат или Политбюро ЦК), что нами освещено выше. И даже не смешно от того, что, например, упомянутый выше в перечне Научный совет по проблемам конкретных социальных исследований создавался под руководством ССА, в то время как официальный документ свидетельствует о другом – решение на этот счет принимал Президиум АН СССР 25 февраля 1966 года; причем научный совет создавался не при Институте философии, а при Президиуме АН СССР. А «вся текущая работа по ассоциации» поручалась Институту философии, как отмечено в записке Отдела науки, вузов и школ ЦК КПСС о поддержке предложения АН СССР и создании Советской социологической ассоциации от 5 февраля 1958 года. И в такой структурной субординации ССА выступала не в качестве руководителя создаваемой системы социологических структур, а элементом, частицей этой системы, формирование которой находилось в руках академических и партийных властей.

Серьезными недостатками в функционировании ССА как общесоюзной организации были, с одной стороны, сверхцентрализация в ее деятельности, а с другой, то, что статус региональных отделений четко не был определен, что вносило в отношения ССА и региональных отделений неразбериху и организационную рыхлость. Как это сказывалось, например, на подготовке и распространении изданий ССА? В данном случае преобладали фактически труды столичных исследователей в ущерб публикациям работ представителей отделений (что предусматривалось соответствующими документами ССА). Распространяться такие труды должны были по всей стране, монополия же на выручку закреплялась за состоявшим из москвичей центральным аппаратом ССА.

Или взять такой вопрос: региональные отделения, в принципе имевшие возможность выполнять заказы предприятий на исследования, а значит, и формировать свой бюджет, имели право на собственные средства содержать штатных ученых секретарей, но в то же время они были лишены возможности оплачивать конкурсы, командировки и т.п. Такие неурядицы привносили напряженность не только по вертикали, то есть между социологическим центром (Москвой) и региональными отделениями, но и внутри самих региональных структур. То, как это практически выглядело, можно было бы показать на примере даже сильных региональных отделений. Свидетельствует Л.Н. Коган – социолог, известный не только трудами по социологии

культуры, но и как умелый организатор в качестве руководителя авторитетного в то время Уральского отделения ССА:

«Казалось бы, главной задачей ассоциации должно было стать объединение социологов страны, их социальная защита, организация их профессионального обучения. Увы, этим никто не занимался. Первое время выпускалось довольно много литературы, в том числе и ценной для социологов-практиков. По решению съезда ассоциации в этих сборниках должны были публиковаться работы из всех отделений. Мы дважды составляли и отправляли в Москву наши уральские сборники (один из них – труды заводских социологов), но они так и погбили где-то в шкафах. Скоро стало ясно, что публикуются почти исключительно работы москвичей. Постепенно качество сборников ухудшалось, реализовывать их становилось все труднее, к тому же вся выручка от продажи забиралась в Москву. Впоследствии выпуск сборников стал неперiodическим, а затем и вообще прекратился. Люди законно задавали вопрос – что им дает членство в ассоциации. Ответить на него было нелегко. Мы провели девять Уральских социологических чтений, но ни одно из них, несмотря на многочисленные наши просьбы, так и не увидело кого-либо из президентов ССА. С 1972 года, когда я возглавил Уральское отделение, на каждом съезде, на заседаниях президиума и правления в довольно резкой форме я говорил об этом, меня поддерживали руководители других региональных отделений, но, увы, наши слова никакого эффекта не имели. Ассоциация требовала от нас одного – регулярного отчисления значительного процента членских взносов на содержание ее аппарата. Она сама губила себя. Современное плачевное состояние Российского общества социологов, его распад на враждующие друг с другом группы являются, таким образом, неизбежными и закономерными»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Что же касается коллизии, связанной с освобождением от обязанностей председателя ССА, то трудно отрицать накопившийся за два президентских срока шлейф недостатков – и проколы ассоциации в связи с публикациями лекций Левады, и доказанную причастность к деятельности незаконно созданной ассоциации по прогнозированию, наконец, нездоровое, конфликтное состояние в коллективе института, за что должен был отвечать в рамках своей компетенции и заместитель директора. За всем этим стояли проверки авторитетных органов, прежде всего Президиума АН СССР, и каждый раз недостатки признавались. Заниматься же опровержениями всего этого через многие десятилетия, да еще и в кардинально изменившихся политических условиях – дело непродуктивное.

Например, факт остается фактом: Советская социологическая ассоциация использовалась (вначале отделом конкретных социологических исследований Института философии, а позже – ИКСИ) для оформления через свой расчетный счет хозяйственных работ. Как общественная организация она на это не имела никаких прав – ни по своему уставу, ни по каким-либо нормативным документам, регулировавшим в то время такую деятельность. Поэтому вскрытые ревизией в августе-сентябре 1972 года факты однозначно и убедительно свидетельствовали о серьезных финансовых нарушениях. Конкретно шел разговор о том, что научно-исследовательские работы

¹ Коган Л.Н. Неповторимая романтика социологии. В кн.: Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 291–292.

по темам «Прогнозирование социально-политической картины мира до 2000 года» и «Прогнозирование средств и методов автоматизации управления предприятием» оформлялись как якобы проведенные Московским шахматным клубом.

Как говорится, надо было долго думать, чтобы «изобрести» модель проведения социологических исследований шахматным клубом. В этом нетрудно увидеть неумело замаскированную финансовую махинацию. Вот эта некрасивая история и стала официальным поводом для лишения Г.В. Осипова поста президента ССА и принятия решения о том, что «за допущенные нарушения... бывшему председателю Советской социологической ассоциации, заместителю директора Института социологических исследований АН СССР д. ф. н. Осипову Г.В. объявлен строгий выговор, с него взыскана сумма в размере одной трети месячного должностного оклада»¹.

Со временем Г.В. Осипов стал характеризовать такие решения не с позиций самокритичного признания справедливой оценки имевших место и доказанных злоупотреблений, а как якобы хорошо подвернувшийся властям повод для совершения акта несправедливости по отношению к постоянно преследуемому энтузиасту социологического фронта. Но если это повод, то возникает вопрос – зачем же давать такой повод? Да еще и преподносить итоги финансовой ревизии как формирование возведенного в ранг политического «дела Осипова», как еще один акт «разгрома» социологической науки.

Давал ли повод для критики или замечаний сам председатель ССА, послушаем И.Г. Земцова – человека, как отмечалось выше, близкого к Г.В. Осипову как в описываемое нами время, так и сейчас. Он, в частности, пишет: «Осипов, который в качестве председателя ССА держал в руках многие, если не все, рычаги власти в социологии... полагал, что, продвигая вперед социологию, он сможет одновременно продвигаться вперед сам. Будучи на вид простым человеком, он на самом деле был совсем не прост. Его крайне противоречивый характер вышел наружу, когда он стал председателем социологической ассоциации. Осипов мечтал о дипломатической карьере: он с энтузиазмом учился в Институте международных отношений, но ему не суждено было стать дипломатом. Волевой, темпераментный, свободный от моральных барьеров (подчеркнуто нами. – А.К.), он готов был идти на риск. Во время учебной поездки за рубеж на последнем курсе института он ознакомился с работой американских социологов. Ему пришла мысль пересадить западные социологические идеи в СССР. Естественно, он не мог указывать в качестве своих источников западные авторитеты. Тогда он стал вводить и обосновывать западные социологические концепции под видом их анализа. Эксперимент удался, так как хрущевская Россия испытывала в это время потребность социологических идей...»² И далее: «Самоуверенность Осипова была обусловлена не только его личными качествами. Он обладал поразительным знанием не только собственных сил и потенциала, но также слабых и сильных сторон тех, с кем ему приходилось иметь дело»³.

¹ См.: Пугачева М.Г. Институт конкретных социальных исследований Академии наук СССР. 1968–1972 гг. В кн.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 528.

² См.: Социология в СССР: взгляд изнутри и извне в работах Геннадия Осипова, Джорджа Фишера, Ильи Земцова, Алекса Самиренко. М.: Вече, 2008. С. 438–439.

³ См.: Социология в СССР: взгляд изнутри и извне в работах Геннадия Осипова, Джорджа Фишера, Ильи Земцова, Алекса Самиренко. М.: Вече, 2008. С. 439–440.

После освобождения Г.В. Осипова от обязанностей руководителя ССА ее стали поочередно возглавлять М.Н. Руткевич, Х.Н. Момджян, Т.И. Заславская, а затем в 1991 году в результате очередных перевыборов ССА сопредседателями стали В.А. Ядов, А.Г. Здравомыслов, Ж.Т. Тощенко, вице-президентом З.Т. Голенкова, главным ученым секретарем Э.Н. Фетисов. В марте 1989 года на пленуме ассоциации Н.И. Лапин предложил создать в рамках ССА Российское общество социологов (РОС), что вскоре и было сделано. Произошло это не столько под влиянием эволюционных процессов внутри самого социологического сообщества (хотя это тоже нельзя сбрасывать со счетов), сколько в контексте общеполитических процессов горбачевской перестройки, когда нарастала борьба за суверенитет союзных республик СССР, охватывающая как политическую и экономическую сферы, так и структуры общественно-политических, научных и других организаций – в конце перестройки самостоятельный статус приобрели КПРФ, РАН, РОС, а «парад суверенитетов» союзных республик завершился развалом СССР. В 1991 году РОС объявляется правопреемником ССА¹ (сопрезиденты, члены президентского совета: В.С. Дудченко, Ю.Р. Вишневыский, В.А. Ядов, ученый секретарь В.М. Малова). В 1993 году возникают новые социологические объединения; созрела необходимость вносить изменения в устав РОС.

РОС, продолжая традиции в качестве правопреемника ССА, концентрировало свое внимание как на выполнении внутренней функции по консолидации российского социологического сообщества, по дальнейшему развитию отечественной социологии, так и по углублению и обогащению ее интеграции в мировое научное сотрудничество. Традиционными стали ежегодные общенациональные и региональные научные конференции, симпозиумы, семинары, круглые столы. Большое внимание уделялось выращиванию подрастающей смены – проведение школ молодых социологов, конкурсы студенческих научных работ по социологии, научные публикации начинающих ученых. Регулярно проводились Всероссийские социологические конгрессы – первый в 2000 году, второй – в 2003 году, третий – в 2008, четвертый – в 2012 году. Налаживанию сотрудничества социологов, информационному обеспечению деятельности ассоциации служит «Вестник РОС».

РОС – национальный член Всемирной социологической и Европейской социологической ассоциаций; оно обеспечивает участие своих членов и других российских социологов в международных мероприятиях и организациях. Делегация РОС в составе 80 российских исследователей приняла активное участие в Международном конгрессе в Монреале (1998), в Европейской конференции в Амстердаме (РОС подготовило и распространило среди зарубежных ученых подготовительный специальный выпуск докладов). Сегодня Российское общество социологов представляет собой организационно четкую структурированную систему, включающую свыше 4000 официально оформленных членов организации, 74 региональных отделений и 29 исследовательских комитетов.

РОС и по истечении почти трех десятилетий после его создания остается единственным официальным представителем отечественных социологов в Международной социологической ассоциации, представители РОС на протяжении многих лет постоянно избираются в состав руководящих и рабочих органов МСА, РОС – единственная из всех социологических организаций, представленных в списке ВАК для

¹ Зарегистрирован Министерством юстиции РСФСР 23 октября 1991 г., свидетельство № 552.

обязательной рассылки авторефератов диссертаций по этой социологической специальности. РОС после III Всероссийского социологического конгресса заключило договор о сотрудничестве с Индийским социологическим обществом, делегацию которого на конгрессе представлял его президент Ишвар Прасад. Осуществляется сотрудничество с социологами стран БРИКС.

По нашему убеждению, при оценке легитимности (или нелегитимности) принятых в свое время решений о прекращении деятельности ССА и принятии РОС на себя права быть ее правопреемницей необходимо учитывать несколько факторов.

Во-первых, правовая сторона дела. Утверждение о том, что принятое в 1992 году решение о прекращении деятельности ССА было нелегитимным в силу того, что «ССА учредил Президиум АН СССР как структурное подразделение АН СССР (подчеркнуто нами. – А.К.), и только решением РАН как правопреемницы АН СССР Советская социологическая ассоциация могла быть упразднена»¹, – это еще один пример подтасовки фактов. Дело в том, что в соответствующих документах Президиума АН СССР, одобренных ЦК КПСС, ставился вопрос об учреждении ССА не в качестве структурного подразделения АН СССР, а как организации, которая могла бы функционировать «как добровольное объединение научных и учебных институтов, занимающихся исследованием социологических проблем»². Единственным документом, определяющим правовую процедуру прекращения деятельности ССА, был ее устав (§14), который гласил, что решение о роспуске ассоциации может быть принято общим собранием ее членов – 2/3 голосов. Своеобразие же сложившейся к январю 1992 ситуации сводилось к тому, что в результате прекращения в конце 1991 года деятельности АН СССР все документы, связанные с учреждением и функционированием ССА, стали лишь фактом истории.

Воссозданная же Российская академия наук не приняла никаких документов, регулирующих ее отношения с РОС, которое было создано в советское время на учредительном съезде еще в сентябре 1989 года в рамках ССА как республиканская организация и которое руководствовалось, разумеется, документами ССА. Вопросы, связанные с регулированием отношений между РАН и РОС, не были отражены и в документах подготовительного этапа учреждения РАН – указе Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 января 1990 года «Об учреждении Академии наук Российской Федерации», постановлении Верховного совета РСФСР от 15 февраля 1991 года «О дальнейшей работе по организации Российской Академии наук», указе президента РФ «Об организации Российской Академии наук» от 21 ноября 1991 года.

Утверждение же о том, что для прекращения деятельности ССА необходимо было решение Президиума РАН, в структуру которого якобы «автоматически вошла ССА в форме РСА после объединения РАН и АН СССР»³, не выдерживает никакой критики по таким соображениям: никаких документов об объединении РАН и АН СССР не принималось, в указе Президента РФ «Об организации Российской Академии наук» от 21 ноября 1991 года говорилось о «восстановлении» ее как «выс-

¹ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 28.

² Записка АН СССР о создании Советской социологической ассоциации. В кн.: Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. М.: ACADEMIA, 1997. С. 39.

³ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 28.

шего научного учреждения России» (п. 1 указа), как общероссийской организации, действующей на основе законодательства РСФСР и собственного устава¹. Поэтому о каком-то «автоматическом» (?) вхождении ССА в структуру РАН в «форме РСА» говорить не приходится, тем более что уже в декабре 1991 года не осталось не только АН СССР, но и СССР как геополитической реальности.

Во-вторых, указанные выше правовые изъяны – это не результат противоречий эволюционно развивающегося правового процесса в сфере функционирования общественных организаций, а последствия цивилизационного слома всей общественно-политической системы, на развалинах которой оказалось расчлененное многонациональное государство и все его институты. Ведь не по недосмотру и не по злему умыслу, а в результате отсутствия четко отработанной правовой базы для формирования РАН были допущены ошибки учредительным общим собранием РАН. Скажем, как избирались академики РАН? Члены-корреспонденты АН СССР превращались в академиков РАН, не проходя существовавшей до этого системы отбора и альтернативного избрания, то есть заполняли объявленные 160 вакансий. Острословы назвали это «ельцинским набором академиков», сравнив с «ленинским призывом в партию». Поэтому академик Е.П. Велихов, говоря об итогах выборов в РАН, на учредительном общем собрании обратил внимание на то, что «вызывали сомнения внеуставные выборы»². Вдумаемся – внеуставные выборы! В свою очередь, академик А.А. Гончар, которому комиссией по интеграции АН СССР с вновь избранным составом РАН было поручено открыть общее собрание и вести его до избрания президента РАН, указал на то, что решение о проведении выборов в члены-корреспонденты принималось комиссией по интеграции (а не президиумом или общим собранием академии) и что оргкомитет РАН «вынужден был скорректировать процесс выборов», выйдя за рамки ранее принятых правил³.

О какой в данном случае легитимности, включая и легитимность избрания академиков, может идти речь? На этот счет президент РОС, профессор В.А. Мансуров с трибуны Всероссийского социологического конгресса 21 октября 2008 года заявил: «...если мы говорим о легитимности или нелегитимности преемственности РОС на том основании, что не было решения Президиума АН СССР о роспуске ССА, так ведь и президиума не было, и академии не было, да и государства не было. При чем тут легитимность? Тогда можно поставить вопрос и о легитимности новой российской академии. Откуда она появилась? Можно тогда поставить вопрос и о легитимности статуса новых академиков, которые там появились, не

¹ На начальном этапе в документах российского руководства относительно создания РАН (постановления Верховного Совета РСФСР, указы президента РФ) употреблялись термины «учреждение», «организация» РАН. Однако последующие события в корне изменили первоначальную схему действий в целом, что коснулось и употребляемых в документах понятий – в октябре 1991 г. общее собрание Академии наук СССР поддержало предложение Президиума АН СССР о необходимости возвращения того самого статуса, который принадлежал ей до 1923 г., то есть исторического названия Российской Академии наук. Наряду с термином «восстановление» в дискуссиях широко употреблялось «формирование РАН», предполагавшее не «объединение РАН и АН СССР», а включение в новую РАН не АН СССР как организации, а членов Академии наук СССР и вновь избранных членов РАН.

² См.: Учредительное общее собрание Российской Академии наук // Вестник Российской академии наук. 1992, № 3. С. 16.

³ См.: Учредительное общее собрание Российской Академии наук // Вестник Российской академии наук. 1992, № 3. С. 22.

проходя обычной, ординарной, понятной всем системы выборов»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.).

В этом контексте – одна деталь, мимо которой нельзя пройти. В своих публикациях Г.В. Осипов не без гордости обращает внимание читателя на то, что при избрании его действительным членом РАН его «активно» поддержал Л.Ф. Ильичев. Конечно, поддержка при избрании в академики со стороны такого человека, как Л.Ф. Ильичев, – факт весомый, знаменательный прежде всего по имиджевым соображениям по отношению к тому, кому адресуются такие жесты. Ведь Леонид Федорович не только академик, но и представитель высшей партийной элиты КПСС, который продолжительное время был идеологом всей страны, секретарем ЦК КПСС. В научном сообществе он пользовался высокой репутацией за умение строить отношения между наукой и властью конструктивно и созидательно. Что же касается социологии, то, как хорошо известно научному сообществу, он много сделал для того, чтобы содействовать развитию социологической науки и ее защите на самом высоком уровне – на уровне Политбюро ЦК КПСС. Словом, Леонид Федорович стремился доказать несправедливость оценки, высказанной в его адрес Сталиным на заседании Бюро Президиума ЦК КПСС 27 октября 1952 года: «Редактор “Правды” Ильичев слаб. Он просто мал для такого дела. Надо бы назначить главным редактором “Правды” по сильнее этого, а этот пусть поучится»².

И как же конкретно, в каких формах такой крупный ученый и партийный деятель, как Леонид Федорович, оказывал поддержку Г.В. Осипову в предвыборный период и во время работы общего собрания Академии наук? Увы, но к моменту проведения общего собрания Академии наук, на котором Г.В. Осипов избирался академиком (это был декабрь 1991 года), со дня смерти Леонида Федоровича (18 августа 1990 года) прошло почти полтора года. К тому же Г.В. Осипов избирался академиком РАН, то есть Российской академии наук, которой при жизни Л.Ф. Ильичева, как говорится, в природе не существовало, она была создана в самом конце 1991 года.

Как это выглядит в данном случае, дает сравнение текстов беседы академика Л.Н. Митрохина с академиком Г.В. Осиповым, которые были опубликованы в разных изданиях в постсоветское время. Впервые эта беседа была помещена в вышедшем в 2005 году сборнике трудов Л.Н. Митрохина «Мои философские собеседники», и в ней о поддержке Л.Ф. Ильичева в решении академической судьбы Г.В. Осипова, как и о других каких-то творческих или личностных контактах, – ни слова³. И вдруг через пять лет публикуется труд Г.В. Осипова и Л.Н. Москвичева «Социология и власть», в котором беседа из сборника Л.Н. Митрохина «Мои философские собеседники» помещена в полном объеме, но без ссылки на первоисточник (копирайт которого принадлежит Л.Н. Митрохину) и с добавлением Г.В. Осипова об «активной» его поддержке Л.Ф. Ильичевым при избрании академиком РАН. Внес это изменение Г.В. Осипов собственноручно, чтобы подчеркнуть, каким он доверием пользовался у самых высокопоставленных лиц страны. В конечном итоге произошел казус похлеще чем у Гоголя, – если у писателя «мертвые души» представлены как художественные образы, то у Г.В. Осипова умерший 18 августа 1990 года Л.Ф. Ильичев появился в

¹ См.: Социология и общество: пути взаимодействия. М.: Вече, 2010. С. 133.

² Сталин И.В. Сочинения. Т. 18. Тверь: Информационно-издательский центр «Союз», 2006. С. 588–590; Вопросы истории. 1998. № 7. С. 33–34.

³ См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 488–595.

декабре 1991 года (то есть через полтора года после смерти) для поддержки Г.В. Осипова в реальной жизненной ситуации, причем академиком фактически уже не существующей АН СССР для участия в выборах в только что созданную РАН, членом которой он не был (?!).

Не менее экзотично выглядит еще одно выдвижение в члены академии, на этот раз Г.В. Осиповым – Ю.П. Францева. Сам Геннадий Васильевич, заявив, что он «приложил руку к избранию» Ю.П. Францева «в члены академии», так отмечает это знаменательное событие: «Однажды на ученом совете Института философии происходило выдвижение в члены-корреспонденты АН СССР. Все желающие уже высказались. В это время в зал вошел Францев. Я поднял руку и сказал: “У меня есть предложение выдвинуть кандидатом в члены-корреспонденты АН СССР Ю.П. Францева...”

Ученый совет поддержал мое предложение, и на Отделении философии и экономики (в указанное время функционировало Отделение экономических, философских и правовых наук. – А.К.), несмотря на большое число конкурентов, он был избран членом-корреспондентом АН СССР, а затем утвержден общим собранием Академии наук»¹ (подчеркнуто нами. – А.К.).

Ключевая мысль в этом пассаже – решающая роль в избрании Ю.П. Францева членом-корреспондентом АН СССР принадлежит Г.В. Осипову, а не 23 членам ученого совета, принимавшим участие в этом заседании. Ведь никто из них, и прежде всего мэтры советской философии П.Н. Федосеев (председатель ученого совета), Ф.В. Константинов, П.В. Копнин, М.Т. Иовчук, М.Я. Каммари, Б.М. Кедров, М.М. Розенталь и др., не нашли нужным внести на собрании кандидатуру Ю.П. Францева – заведующего кафедрой АОН при ЦК КПСС, ректора МГИМО, готовившегося сменить это амплу на пост ректора Академии общественных наук. «Справедливость восстановил» кандидат философских наук Г.В. Осипов, вдруг (!) якобы увидев заходящего в зал в конце заседания Юрия Павловича, поднятием своей руки решительно развернул ситуацию в противоположную сторону и открыл «растерявшемуся от неожиданности Юрию Павловичу» («Да что вы, зачем?» – якобы произнес он) путь в Большую Академию.

Словом, произошло знаменательное событие, вышедшее за обычные рамки академических процедур, применяемых в таких случаях, и потребовавшее настоящей отваги и смелости «борца за справедливость». Однако хранящийся в Архиве РАН протокол № 6 заседания ученого совета Института философии от 29 апреля 1958 года в целом и в деталях отвергает эту легенду, сочиненную, как нами установлено, на фактах, не имевших места в жизни.

Прежде всего, абсолютно неправдоподобно утверждение о том, что вопрос о кандидатуре Ю.П. Францева как кандидата в члены-корреспонденты возник в самом конце заседания ученого совета, когда, по словам Г.В. Осипова, «все уже выступили», а он выдвинул кандидатуру Юрия Павловича и фактически исправил «ошибку» сидящих в зале заседаний 23 членов ученого совета института, включая и его председателя П.Н. Федосеева. Правда же состоит в том, что до так называемого выдвижения Г.В. Осиповым кандидатуры Ю.П. Францева в зале заседаний произошли такие события: включение в повестку дня первым пунктом вопроса о выдвижении кандидатов в члены-корреспонденты АН СССР, в числе которых значилась и кан-

¹ См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 514.

дидатура Ю.П. Францева; обсуждение внесенных кандидатур (выступило всего 10 человек); проведение голосования (кандидатура Ю.П. Францева получила 100% голосов). И вот Г.В. Осипов пытается изобразить дело таким образом, что ничего этого не было, что именно он своим выступлением решил судьбу Юрия Павловича. Но, как свидетельствует уже упоминавшийся нами протокол № 6 заседания ученого совета, в списке лиц, выдвигавших кандидатуры в члены-корреспонденты и принимавших участие в их обсуждении, фамилия Г.В. Осипова вообще отсутствует (?!). Причем указанный протокол скреплен подписью в том числе и ученого секретаря ученого совета Института философии АН СССР, кандидата наук Г.В. Осипова (!!!).

В конечном итоге – и по сей день в информационном пространстве гуляют две версии описанных выше событий – достоверная, изложенная в протоколе № 6, подписанная Г.В. Осиповым¹, и сочиненная тем же Г.В. Осиповым в постсоветское время легенда, не имеющая ничего общего с реальностью. И если первая версия до сих пор покрыта архивной пылью, то вторая растиражирована в разных публикациях ее автора и взята на вооружение исследователями, студентами, соискателями ученых степеней, всеми доверчивыми читателями.

Возвратимся все же к проблеме легитимности РОС. Ставить вопрос через два десятилетия о том, что в условиях такого тотального паралича государственной власти на всех уровнях и фактически разрушенного единого и общего правового поля, в том числе и в системе академической науки, необходимо было для прекращения деятельности Советской социологической ассоциации соблюдение таких условий, как решение учредителей и решение общего собрания членов ССА², – значит совершенно не учитывать общественно-политические реалии тех дней и оказаться в плену абстрактного искателя «исторической правды». Ведь к моменту прекращения деятельности ССА союзные республики, представители которых в свое время были учредителями ССА, стали самостоятельными государствами; такой же статус приобрели и все остальные бывшие республики СССР, каждая из которых была представлена в ССА и ее органах. Клиническая же смерть распространялась на все общесоюзные структуры – политические, экономические, управленческие, общественных организаций и объединений. И вот на таких развалинах спасением для социологического сообщества оставалась общероссийская структура – РОС как единственный на то время легитимный и безальтернативный правопреемник ССА на территории России. Точно так же, как и в новообразованных странах СНГ бывшие республиканские отделения ССА стали опорными точками в создании в этих странах самостоятельных социологических структур.

Став в 1991 году правопреемником ССА, РОС оказалось в ситуации существования двоевластия в социологии, когда до 1993 года параллельно функционировали две профессиональные социологические ассоциации – только родившееся Российское общество социологов и доживающая последние дни уже развалившаяся Советская социологическая ассоциация, – руководимые отдельными органами во главе с тремя сопрезидентами каждая. И если в этих условиях ССА, будучи фактически парализованной развернувшейся в стране борьбой против всего советского, суще-

¹ АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 944. Л. 1–2.

² Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 28.

ствовала до 1992 года чисто формально, то РОС, используя ранее накопленный опыт в качестве члена ССА и опираясь на сохранившиеся социологические структуры в субъектах РФ, постепенно, но целеустремленно стало наращивать мускулы как уже самостоятельная и легитимная общенациональная социологическая организация при Российской Академии наук, взяв на себя обязанности в том числе и оплачивать в зарубежных организациях членские взносы Российского общества социологов. В это же время к РОС переходят от ССА все международные связи и обязанности, и, разумеется, в первую очередь с Международной социологической ассоциацией, членство РОС в которой в качестве правопреемника ССА было в 1992 году оформлено официально.

В период с 1991 по 1993 годы, который сами же социологи называли «периодом двоевластия», РОС отошло от сложившейся в ССА практики избрания руководителя ассоциации на трехгодичный срок и установило новый порядок – один год. Поэтому избранного в 1990 году первого президента РОС Н.И. Лапина в 1991 году сменил на этом посту А.Н. Зайцев, создавший в это же время Калужский институт социологии и ставший его директором; а в 1992 году его сменил В.С. Дудченко. На этом однолетняя система президентства прекратила свое существование, и все возвратилось на круги своя, то есть к многолетней системе.

Отражением поиска новых форм жизнедеятельности социологического сообщества явилось создание в феврале 1993 года Профессиональной социологической ассоциации на базе старых связей, а в июне 1993 года принятие на конференции «Мнообразие интересов и институты власти» декларации о создании Содружества социологических ассоциаций, президентом которого был избран А.Г. Здравомыслов, а вице-президентами – представитель Армении Г.А. Погосян и Кыргызстана К. Исаев. В 1993 году президентом РОС стал В.А. Ядов, совместивший по советскому опыту выполнение этой функции с директорством в Институте социологии РАН.

В-третьих, почему вопрос о нелегитимности РОС в качестве правопреемника ССА возник по истечении более чем двадцатилетнего периода, а не тогда, когда в условиях развалившейся правовой системы страны наиболее авторитетные представители социологического сообщества, стоявшие у истоков возрождения отечественной социологии в 50–60-е годы, проявив высокую гражданскую и профессиональную ответственность, не только уберегли, но и укрепили институциональную основу отечественной социологии? Кто и как может оспорить легитимность таких не подлежащих ревизии, взаимосвязанных и базирующихся на праве, а в отдельных случаях и на логике, реально сложившейся в условиях правового нигилизма социально-политической ситуации, событий, как: а) состоявшийся в сентябре 1989 года учредительный съезд РОС; б) превращение РОС в 1991 году под воздействием, прежде всего, политических факторов распадающегося общества, а не классических правовых процедур нормального времени, в самостоятельную организацию, выполняющую функции ССА на территории РСФСР; в) прекращение Советской социологической ассоциацией своей деятельности не только в стране, которой уже фактически не было, но и в качестве национальной организации в составе Международной социологической ассоциации; наконец, г) переход полномочий ССА в качестве члена МСА и координатора региональных отделений, действующих на территории России, мог произойти только к Российскому обществу социологов. – кого-то или чего-то другого в данном случае просто не было.

Такова неотвратимая и не подлежащая мифотворчеству историческая реальность. Это тот максимальный потолок правового обеспечения легитимности РОС, который мог быть в конкретных исторических условиях перехода России от одного общественно-политического устройства к другому. Все остальное, в том числе и абстрактное и отстраненное отступление от реальной ситуации, произвольное толкование отдельных нормативных положений, переключение внимания с основных факторов на частности и уточнение «исторических запятых», да еще и вдогонку за далеко ушедшим вперед временем, – все это не имеет никакого отношения к объективному анализу прошлого, не говоря уже о нарушении научных принципов социологического и политологического исследования.

Следовательно, на первое место выдвинулся вопрос не столько научный, сколько нравственный – о мотивах такого прочтения «исторической правды»: действительно ли за этим стоит стремление обогатить историю отечественной социологии новыми изысканиями, или это закамуфлированная ревизия в каких-то далеких от развития науки интересах – групповых? личных? Прояснить истину может помочь только честный ответ на поставленный вопрос.

Один из первых в постсоветское время масштабных конфликтов в социологическом сообществе – проведение 26–27 июня 2007 года учредительного съезда по созданию новой общественной организации – Союза социологов России (ССР). Сам факт создания наряду с РОС и Сообществом профессиональных социологов еще одной социологической ассоциации «третьего сектора» (то есть и не государственной, и не коммерческой) на одном и том же профессиональном пространстве с участием одних и тех же социологов вызвал в социологическом сообществе непонимание.

И это умножилось тем, что процесс создания ССР начал осуществляться без консультаций с ведущими социологами, с другими общественными организациями, в частности, с правопреемником ССА, Российским обществом социологов – коллективным членом Международной социологической ассоциации и Европейской социологической ассоциации, имевшим в то время в исполкомах этих международных организаций своих представителей (профессор В.А. Мансуров – член исполкома ЕСА, вице-президент РОС профессор Н.Е. Покровский – член исполкома МСА). Разумеется, такой подход однозначно таил в себе опасность дезорганизации профессиональной деятельности социологов, ничем не ограниченного дублирования в работе, создания очагов внутрикорпоративного противостояния. Реакции на такую «консолидацию» долго ждать не пришлось.

В открытом письме группы петербургских социологов коллегам-социологам России, под которым поставили подписи около 40 сотрудников разных научных учреждений Санкт-Петербурга, в том числе и входящие в состав РАН, было заявлено, что учредительный съезд ССР к социологии как науке имеет весьма косвенное отношение, если не сказать – никакого. А действия инициаторов создания ССР названы «рейдерскими». Еще до начала учредительного съезда ССР к его инициаторам с открытым письмом обратились члены Сообщества профессиональных социологов Т.И. Заславская, Н.Е. Покровский, Н.И. Лапин, А.Г. Здравомыслов, О.Н. Шкаратан, В.А. Ядов, Н.Г. Скворцов, Н.Е. Тихонова, М.А. Шабанов, А.Ю. Чепуренко, А.Г. Эфендиев. Они обращали внимание учредителей ССР, в частности, на то, что проведение такого мероприятия без серьезных консультаций и без вовлечения в процесс подго-

товки этого съезда ведущих социологических организаций страны на равноправных началах приведет не к консолидации социологического сообщества, а скорее к его дальнейшему расколу.

В письме говорилось и о недопустимости предпринимаемых попыток присвоить ряд функций РОС, действующего в соответствии с законодательством и уставом под эгидой РАН, наделенного правами национального координатора, имеющего свои отделения во всех регионах России. Высказывалась также озабоченность, что возникшая правовая коллизия негативно скажется на и без того снизившейся к тому времени репутации российских социологов в стране и за рубежом. Сообщество профессиональных социологов заявило не только о необоснованности учреждения в предложенном варианте ССР, но и публично отказалось от участия в учредительном съезде.

На обострившуюся конфронтацию в социологическом сообществе, вызванную созданием ССР, отреагировала рабочая группа комиссии Общественной палаты РФ по вопросам интеллектуального потенциала науки специальным обращением от 23 июня 2007 года. В этом документе подчеркивалось, что при подготовке к учредительному съезду были нарушены элементарные процедуры научной коммуникации: в состав оргкомитета не были включены представители действовавших в то время социологических учреждений и сообществ, было проигнорировано мнение признанных российских социологов; проект устава вновь создаваемой организации, названный документом «нового типа», ни в какой форме не был публично опробован и оценен в существующих профессиональных объединениях социологов; на этапе подготовки к съезду оставались неизвестными имена инициаторов этого мероприятия – какое-то время они фигурировали как «группа социологов, академиков и членов-корреспондентов РАН».

В документе обращалось внимание и на то, что декларируемая цель съезда – «консолидация социологического сообщества России» и создание новой общественной организации «Союз социологов России» – вошла в противоречие со способами и методами его подготовки, что вело к противоположному результату, а именно – к расколу научного сообщества. Рабочая группа комиссии Общественной палаты РФ не прошла и мимо того факта, что в проекте устава создаваемой организации, с одной стороны, воспроизводится ряд целей, которые традиционно входят в уставы уже существующих объединений социологов (создание и распространение социологических знаний, поддержка молодых исследователей, организация научных и просветительских мероприятий и др.), а с другой – включены пункты, свидетельствующие о попытках учредителей взять на себя государственные и политические функции (охрана российского культурного наследия за рубежом, обеспечение безопасности РФ и др.). Неприятие вызвал отказ организаторов ССР от принципа выборности и назначение напрямую руководителей региональных подразделений, что являлось принципиальным отличием создаваемой организации от всех действующих научных объединений.

При таком подходе, как считали авторы обращения, целью организаторов ССР становится не столько обсуждение профессиональных проблем, сколько создание новой общественно-политической структуры, берущей на себя защиту «целостного российского мировосприятия» (п. 19, раздел 2 устава). Авторы обращения увидели в этом попытку установить административный и идеологический контроль

в сфере исследования и преподавании. Позиция рабочей группы комиссии Общественной палаты РФ, сформулированная в заключительной части ее обращения, предельно определенная и четкая: существующие социологические общественные организации со своими обязанностями справляются и содействуют исследованиям и преподавательской деятельности в той области знания, которая по своей природе основана на началах светского мировосприятия и публичного участия в общественной жизни. ССР, отмечали авторы обращения, вместо консолидации социологического сообщества стимулирует конфронтацию между двумя позициями в организации социологической науки – проводниками единого и консолидированного общенационального представительства российских социологов в международном научном сообществе и сторонниками самоизоляции российской общественной мысли и российского образования. Рабочая группа посчитала своим долгом указать на то, что подобные действия наносят ущерб интеллектуальному потенциалу науки.

Второй этап противостояния в социологическом сообществе: вызвало недоумение произвольное, основанное на чисто субъективистском подходе деление Г.В. Осиповым «героев» возрождения отечественной социологии на «перворядных», «второрядных» и даже «третьерядных». Сделано это было крайне некорректно на собравшем около полутора тысяч социологов со всех концов России Социологическом конгрессе, проведенном под эгидой Президиума РАН 21–24 октября 2008 года в рамках мероприятий, посвященных 50-летию первой социологической ассоциации и 40-летию создания первого института социологии. Свидетельствует участник конгресса, член-корреспондент РАН В.Н. Иванов: «Такого рода “смелость” была воспринята отнюдь не всеми участниками конгресса. Конечно, как один из тех, кто активно воссоздавал социологию в СССР, он (Г.В. Осипов. – А. К.) имел, наверное, на это право, но был ли он при этом достаточно объективен в своих оценках? Этот вопрос задавали многие участники конгресса. Очевидно, он не был случаен. Очевидным сегодня является и то, что в оценке деятельности некоторых социологов-ветеранов сложились устойчивые стереотипы, не всегда достаточно обоснованные. Отсюда появилась некоторая однозначность, деление на “хороших” и “плохих”. Причем это относится не только к социологам, но и к партийным работникам, курировавшим в разное время Институт социологии»¹.

Конечно, не надо было обладать особым даром предвидения, чтобы не понимать, какими могут оказаться последствия такого сюрприза, да еще и в праздничные, юбилейные для отечественной социологии дни. Такая новость, как молния, пронизала все социологическое сообщество страны, охватив также и широкие круги российской научной эмиграции. Весьма показательно, что завязавшаяся бурная дискуссия пошла не по руслу научного диалога, который способствовал бы углублению знаний об истории отечественной социологии, а стала очередным поводом для определения диспутантами своего личного места в этом процессе и для выяснения межличностных отношений, имевших место в период социологического ренессанса.

По единству и консолидации социологических сил был нанесен сильный удар, подпитку получила своеобразная «внутривидовая» борьба и межгрупповая кон-

¹ Иванов В.Н. Моя эпоха. Люди и события. М., 2009. С. 234.

фронтация. И беда в том, что вскоре социологам не только не удалось погасить или хотя бы приглушить возникшие между ними очаги напряжения и перевести ситуацию в русло уважительного сотрудничества, но пришлось выяснять свои отношения на новых витках противостояния.

Третий этап противостояния – история, связанная с проведением двух социологических конгрессов под номером IV. Дело выглядело так. После окончания III конгресса, как и положено, президиум РОС подвел итоги проведенного мероприятия и решил вопрос о проведении следующего (четвертого) конгресса осенью 2012 года в Башкирии, с руководством которой были предварительно согласованы все необходимые вопросы. Но вдруг как снег на голову: Президиум РАН принимает решение о проведении уже после состоявшегося Третьего социологического конгресса нового, но тоже Третьего социологического конгресса в Москве в феврале 2012 года. Ответом на такой поворот событий стало обращение в мае 2011 года группы ведущих социологов Института социологии РАН, Высшей школы экономики, «Левада-центра», ВЦИОМ, ФОМ к президенту РАН Ю.С. Осипову пересмотреть принятое решение. Результат – просьба авторов обращения была удовлетворена, конгресс был переименован – не с третьего на четвертый. И это при том, что, как отмечалось выше, руководство РОС к этому времени не только объявило широкой научной общественности о принятом Президиумом этой ассоциации еще в ноябре 2011 года решении по проведению Четвертого социологического конгресса, но и развернуло полномасштабную содержательную и организационную работу по его подготовке. Парадокс этот преодолеть не удалось, развернулась подготовка к одновременному проведению двух четвертых конгрессов социологов – одного в феврале 2012 года в Москве, рассматриваемого социологами из РОС как нелегитимный, хотя его значимость подчеркивалась местом его проведения – в Колонном зале, а другого – по решению РОС, но без поддержки руководства РАН, в Уфе в октябре того же года. Аналогичная ситуация произошла и с двумя всероссийскими конгрессами под одним номером V, проведенными с месячным интервалом между ними в 2016 году: под эгидой РОС в Екатеринбурге по теме «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость» и под эгидой ИСПИ РАН, РГСУ и др. в Москве по теме «Россия в системе современной социальной реальности».

Четвертый этап противостояния – создание новой «академической» Социологической ассоциации (САР), фактически альтернативной, наделенной решением Президиума РАН от 22 ноября 2011 года статусом единственного легитимного представителя отечественной социологии в соответствующих международных организациях и фактически претендующей на правопреемственность с Советской социологической ассоциацией. И это – после 20 лет с момента легитимизации в статусе национальной ассоциации российских социологов РОС после прекращения деятельности ССА.

Весьма показательно, что члены РАН, инициировавшие создание САР, создавали в свое время и Союз социологов России (ССР) примерно с той же целью. Учредителями же Социологической ассоциации России стали такие учреждения РАН, как Институт государства и права, Институт психологии, Институт экономики, Институт социально-политических исследований, Институт социально-экономического развития территорий, МГИМО, МГУ имени М.В. Ломоносова, Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ряд других научных и

учебных заведений, Российская академия социальных наук, общероссийская общественная организация – общество «Знание» России.

В практическом же плане создание еще одной (параллельной) национальной социологической ассоциации и наделение ее статусом единственного легитимного представителя социологов РФ в международных организациях фактически означало узурпацию статуса РОС, вытеснение его с занимаемых им позиций в российском и международном сообществах социологов. К тому же, как отмечалось в открытом письме президенту РАН Ю.С. Осипову, подписанному более чем 80 учеными, в том числе ветеранами РОС Т.И. Заславской, В.А. Ядовым, В.А. Мансуровым, Н.И. Лапиным, в отличие от РОС и других профессиональных научных обществ, действующих в российской социологии, САР стремится объединить академические научно-исследовательские институты, другие научные и научно-образовательные учреждения, социологические кафедры, социологические объединения и отдельных ученых для создания своего рода ассоциации научных и учебных заведений, а не сообщества российских социологов в качестве самостоятельных субъектов своей профессиональной организации.

Осуществлялось же все это в худших образцах давно осужденных административных методов в научной жизни: без обсуждения этого вопроса в социологическом сообществе и при игнорировании мнения РОС, официальные обращения которого к соответствующим должностным лицам в РАН в связи с возникшей ситуацией оказались гласом вопиющего в пустыне. И это при том, что речь шла фактически о нарушении статьи 30, п. 1 Конституции РФ, гласящей: «Каждый имеет право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов. Свобода деятельности общественных объединений гарантируется». В данном случае – гарантии РОС оказались под угрозой, хотя это и прикрывалось заявлениями, что, как писал, отвечая профессору В.А. Покровскому на его письмо президенту РАН Ю.С. Осипову, вице-президент РАН А.Д. Некипелов, «этот шаг не направлен против уже существующих объединений социологов».

Но как же не направлен? Ведь по уставу МСА каждая страна может быть представлена в ее составе лишь одной наделенной национальным статусом социологической ассоциацией. Значит, первый шаг для оформления членства САР в МСА – лишение этого статуса РОС. Сложность же правовой коллизии заключается еще и в том, что РОС и САР – генетические «близнецы», но рожденные в разное время: РОС родилась в недрах Советской социологической ассоциации, учрежденной постановлением Президиума АН СССР, правопреемственность от которой со временем перешла к РАН, которая не только признала легитимность РОС, но и сотрудничала с ней на протяжении двух десятилетий; и та же самая РАН, как правопреемница АН СССР (в том числе и во взаимоотношениях с РОС) создает еще одну, идентичную по характеру своей деятельности организацию – Российскую социологическую ассоциацию (академическую) в качестве правопреемника традиций Советской социологической ассоциации, наделяя ее также статусом единственного легитимного представителя российских социологов в международных организациях.

Следовательно, в этой ситуации единственным легитимным представителем за рубежом одновременно выступают... две национальные конфликтующие структу-

ры, имеющие одних и тех же «родителей» – АН СССР и ее правопреемницу РАН. Фольклор? Не только! Выявление того, чье властолюбие восторжествовало в данном случае, для социологического сообщества трудности не составило. Все происшедшее В.А. Ядов назвал «рейдерством» и точно определил как главное действующее лицо в создании «бутафорского образования» – Социологической ассоциации России (академической) – так и цель, которая при этом преследуется: «поставить под собственный контроль развитие социологической науки как целостного института и социологическое сообщество страны, монополизировать право выступать от имени всех российских социологов»¹.

В таком мнении с ним солидаризировался и знаток истории отечественной социологии не по книжкам Б.М. Фирсов, связав нравственные аспекты этой ситуации с оценками, которые в свое время Г.В. Осипову дал В. Колбановский, отметивший, что его гипертрофированное властолюбие стало источником «самых кричащих противоречий в отношении и к науке, и к коллективу, и к товарищам»². В данном же случае все стало на свои места после того, как он был избран почетным президентом САР.

А это означало: Г.В. Осипов, снятый в свое время с поста руководителя Советской социологической ассоциации, да еще и с взысканием за недостатки в работе ССА, в постсоветское время, в очередной раз, говоря словами И. Земцова, продемонстрировав свободу от «моральных барьеров», вначале предал анафеме действительно великие деяния создателей РОС (соратников по борьбе за институционализацию социологии!), затем взошел на почетный трон САР, произвольно объявленной в качестве правопреемницы ССА. Пьедесталовосхождение «единственного» первопроходца в организационной институционализации отечественной социологии состоялось. Стратегическая цель такого шага налицо: теперь каждый говорящий или пишущий о рождении Советской социологической ассоциации как первом шаге социологического ренессанса непременно должен вспомнить и почетного «первопроходца».

Трагуемая по Осипову «историческая справедливость» восторжествовала: сначала первый председатель ССА, ее организатор, крупнейший ученый и общественный деятель Ю.П. Францов был объявлен (после его смерти) не настоящим, а «временным» руководителем ССА, «несоциологом» на фоне «единственно настоящего социолога», затем серьезные недостатки, которые, в конечном итоге, послужили поводом для снятия Г.В. Осипова с занимаемых постов, в том числе и председателя правления ССА, благодаря манипулированию общественным мнением превратились в злонамеренные действия партократов и академиков-истматчиков, покушавшихся на социологическую науку. В таких случаях хочешь того или нет, но вопрос напрашивается сам по себе: моральные кодексы социологов (а их сейчас аж два) предназначены, видимо, только для аспирантов и младших научных сотрудников?

Сегодня вести дискуссии с создателями САР трудно по той причине, что спорить можно при наличии серьезных аргументов оппонентов, а их нет – рассуждения о необходимости консолидации социологического содружества неубедительны, так как, с одной стороны, РОС никогда не было источником внутрикорпоративной конфронтации, а с другой – для желающих укреплять социологическое единство дверь РОС всегда была и остается открытой. Мы же поставим вопрос по-другому. Что дало

¹ Ядов В.А. Скверная история // Троицкий вариант. 2011. 6 декабря, № 93. С. 8.

² См.: Фирсов Б.М. История советской социологии. 1950–1980-е гг. СПб., 2012. С. 148–149.

создание двух параллельных структур с аналогичным внутренним (национальным) и внешним (международным) статусом? Оставив в стороне частности и детали, спор вокруг которых может привести к бесконечной демонстрации «плюрализма мнений», выделим главные, ключевые проблемы.

Итак, первое: укрепил ли единство и консолидацию социологического сообщества возникший в его рядах «организационный дуализм»? Реальность налицо – все как раз наоборот. Если до создания ССР (Союза социологов России) можно было говорить только об определенной организационной рыхлости российского социологического сообщества без какого-либо межгруппового противостояния, то после создания ССР между ним и РОС начался настоящий раздрай, переросший со временем в конфронтацию. Торжеством «социологического сепаратизма» явилось, например, проведение в 2012 году упоминавшихся нами двух параллельных и под одним и тем же порядковым номером IV Всероссийских съездов социологов, созванных в одном случае Российском обществом социологов, являющимся национальной организацией российских социологов, представляющим профессиональное сообщество в МСА, а в другом – учрежденной фактически альтернативной САР, которой директивным путем присвоены права преемника традиций ССА, а на проведение конгресса распоряжением президента РАН даже выделены бюджетные средства Российской академии наук. Тема одного съезда – «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие»; другого – «Социология в системе научного управления обществом». Вот как оценил платформы этих съездов В.А. Ядов: «Можно и должно в деталях анализировать платформы обоих съездов, тем более что за этими платформами стоят принципиально различные, иногда диаметрально противоположные позиции в отношении смысла, задач и целей социологии вообще и, в частности, в современной России. Если первые, связанные с РОС, видят в социологии прежде всего науку, предлагающую обществу реальную картину того, что в нем происходит и как относятся к происходящему различные слои населения, то вторых в основном заботит включенность социологии в аппарат власти и стремление непосредственно участвовать в управлении социальными процессами. Согласимся, это достаточно разные подходы к пониманию места и задач социологии в обществе, равно как и к пониманию гражданской позиции социолога»¹.

Второе. Внутрикorporативная конфронтация принесла отечественной социологии большие и совершенно неоправданные имиджевые потери в международном социологическом содружестве. Ведь одновременное представительство, например, в МСА двух общенациональных организаций невозможно – это противоречит ее уставу. В данном же случае речь идет именно о такой ситуации – о двух национальных ассоциациях, учрежденных одной и той же государственной структурой – АН СССР (РОС в рамках ССА) и ее правопреемницей РАН. Вопросов при таком повороте событий – множество: кто должен представлять российскую социологию в руководящих и рабочих органах Международной социологической ассоциации и Европейской социологической ассоциации (две делегации – абсурд), то же самое – с участием в международных социологических конгрессах и т.д.

Третье. Создание и эффективное функционирование таких общественных (негосударственных) структур, как РОС, – конкретное проявление формирования эле-

¹ Российское общество социологов (<http://www.ssa-rss.ru.ru>).

ментов гражданского общества. Действуя на самостоятельных общественных началах, опираясь на созидательную гражданскую позицию социологов, совершенно не пользуясь финансированием из госбюджета, такие организации в партнерстве с государством выступают активными субъектами создания новой интеллектуальной и духовно-нравственной реальности в различных сферах профессиональной деятельности. Создавать же в пик таких организациям новые структуры под эгидой государственных структур (в данном случае РАН), да еще и избирательно (таким вниманием обойдена, например, Ассоциация политической науки) – это путь в огосударствление общественной инициативы. Кстати, все это находится в явном противоречии не только с реалиями демократизирующегося российского общества, но и с базовыми принципами Международной социологической ассоциации, в которой РОС представлено в качестве правопреемника ССА. Напомним, что в направленной в ЦК КПСС записке АН СССР о создании Советской социологической ассоциации в самом начале содержится ключевая в этом отношении формулировка: «Международная социологическая ассоциация – одна из так называемых неправительственных организаций»¹. И если в условиях 1955–1957 годов, когда в СССР не было не то что никакой социологической инфраструктуры, но и самой специальности «социология», единственным создателем ССА мог вынужденно выступить только Президиум АН СССР, то сегодня картина совершенно иная – гражданское общество уже располагает собственным потенциалом для решения подобных вопросов.

Четвертое. Волей-неволей невозможно уйти от ощущения одной прямо-таки мистической аналогии, понять которую можно через вопрос: как же могло случиться, что по выдающимся социологам, стоявшим у истоков социологического ренессанса и сегодня заслуженно имеющим репутацию «золотого фонда» отечественной социологии, было нанесено два сокрушительных удара: первый, когда в нарушение объективности и справедливости они оказались вне состава Академии наук (ни членами-корреспондентами, ни тем более академиками), второй – когда фактически рейдерским путем, с помощью созданных без особой надобности для социологического сообщества альтернативных структур (ССР, САР) осуществлялась своеобразная «приватизация» прошлого и настоящего Российского общества социологов?

Конечно, на такую постановку вопроса можно услышать ожидаемый ответ: все делалось и делается по правилам – выборные процедуры соблюдены, бумагопоток – легитимен, механизмы объективности – налицо (декларативно!), гласность при решении названных вопросов – хоть отбавляй! Словом, не подкопаться! Но социологическому сообществу хорошо известно, что часто стоит за «тишь и гладь да божьей благодатью»: внутрикорпоративная борьба, закулисная подковерная дипломатия, групповые пристрастия, а нередко и личная неприязнь.

Вот на этом фоне, например, В.А. Ядов, один из ярчайших представителей не только первой волны социологического ренессанса, но в целом всех этапов развития социологии в России, не прошел в состав РАН даже в ранге директора ИС РАН, причем неоднократно, да еще и при поддержке его вице-президентом РАН В.Н. Кудрявцевым, по распределению обязанностей отвечавшим за общественные науки. Кто перекрыл ему дорогу? «Партократы», которые к этому времени сошли с исторической

¹ Записка АН СССР о создании Советской социологической ассоциации от 26 декабря 1957 г. В сб.: Социология и власть. 1953–1968. Сборник 1. Документы. М.: ACADEMIA, 1997. С. 38.

арены? Догматики-истматчики, которые по части своей научной дисциплины оказались безработными? Нет! Свое слово сказали антагонисты по социологическому цеху, некоторые из которых со временем инициировали и кампанию против детища социологов «золотого фонда» – РОС.

Прижизненное распределение Г.В. Осиповым персональных мест в истории отечественной социологии в сочетании с заявлением В.И. Жукова в одном из интервью в связи с созданием Союза социологов России (ССР) о том, что «Ядов и Здравомыслов не представляют академическую социологию» («Кентавр», 27 сентября 2007), – все это вовлекло социологическое сообщество в непристойную разборку по выяснению, «кто есть кто в истории социологии».

В список ученых, которые, по мнению В.И. Жукова, внесли особый вклад в развитие отечественной социологии, он включил 45 имен – себя, шесть имен из руководимого им в то время Российского государственного социального университета и многих малоизвестных не только широкой, но и социологической общественности. Но в этом списке не нашлось места для тех, без кого просто невозможно представить возрожденческий процесс отечественной социологии, символом которой они стали: Б.А. Грушин – основатель изучения общественного мнения в России, снискавший имя русского Геллапа, создатель первой негосударственной фирмы по изучению общественного мнения; Ю.А. Левада – настоящий герой социологии, отражавший в конце 1960-х годов атаки на возрождающуюся социологию, в то время как Г.В. Осипов, по словам В.Э. Шляпентоха, «мгновенно поменял свои взгляды, принявшись помогать ЦК превращать социологию в свою служанку»¹; А.Г. Здравомыслов, который множеством своих книг завоевал право быть в числе отцов-основателей отечественной социологии. Мимоходом, в числе малоизвестных исследователей названо имя В.А. Ядова – одного из самых образованных социологов мирового класса, автора учебников, по которым учились все поколения российских социологов после 1960-х годов, умелого организатора науки, достойно, без каких-либо приключений, которые время от времени потрясали социологическое сообщество, на протяжении целого десятилетия бывшего у штурвала Института социологии.

Но в ходе дискуссий выяснилось, что автора столь вызывающей оценки научной деятельности В. Ядова и А. Здравомыслова не оказалось в числе тех, кто работал на протяжении нескольких десятилетий в социологии, кто занимался (и успешно) разработкой теоретических и методологических проблем новой науки, имея по 10–15 монографий по социологической специальности, кто проводил всероссийские (всесоюзные) социологические исследования, кто готовил учебники и учебные пособия для вузовских курсов по социологии, кто утверждал высокий статус отечественной социологии на международных конгрессах, кто вносил хотя бы какой-то вклад в работу Советской социологической ассоциации, кто, наконец, привел возрождающуюся отечественную социологию к ее институционализации в 1988 году.

Когда же В.И. Жуков с трибуны Всероссийского социологического конгресса пафосно и высокопарно объявил И.Г. Земцова «выдающимся социологом России», добившимся «личных достижений» в развитии фундаментальной социологической

¹ См.: Интервью В.Э. Шляпентоха «Социолог: здесь и там», помещено в его книге «Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал». М.: Центр социального прогнозирования, 2006.

науки, поставив его в один ряд с Г.В. Осиповым, Т.И. Заславской, Н.И. Лапиным, Ж.Т. Тощенко, Ю.А. Левадой, Б.А. Грушиным, В.А. Ядовым, А.Г. Здравомысловым, И.Г. Бестужевым-Ладой, И.С. Коном¹, зал оторопел. Приехали! Такое заявление профессионально несостоятельно, оно далеко от исторической правды о возрожденческом процессе отечественной социологии и представляет собой преднамеренную и целенаправленную фальсификацию ее (правды).

В период цивилизационного слома страны и государства В.И. Жуков спешно «перелицевался» из исследователя, обосновывающего научные основы истории КПСС и партстроительства, вначале в социального историка, а с 2002 года – в социолога. А дальше – настоящий космический взлет: в 2003 году он избирается членкомом (по социологии), а затем и академиком. И вот возникший из небытия социолог, да еще и в ранге академика, стал не только лишать права отцов-основателей социологии быть причастными к академической социологии, но и устанавливать правопреемственность между искусственно созданной ССР и Советской социологической ассоциацией, лишая этого права РОС. При этом обратим внимание на то, что сам он никогда не имел никакого отношения к созданию ни ССА, ни РОС, не говоря уже о том, что за весь возрожденческий период отечественной социологии вплоть до восхождения в постсоветское время на ректорский пост вначале в МГСУ, а потом в РГСУ о социологии им не написано ни одной строчки.

Благодаря покровительству Г.В. Осипова вместо автора «научного открытия» в период господства КПСС под названием «историография понятия коллективного партийного руководства» (тема докторской диссертации) на научном небосклоне в постсоветское время засверкала новая научная звезда: как значится в разных справках – биографических и автобиографических – «основоположник ряда новых направлений, теории и концепций в социологической науке». Позаботился Василий Иванович и о том, чтобы, максимально используя служебное положение ректора РГСУ, создать для себя и для всего родового гнезда комфортный уровень жизненного благополучия и процветания. Он занял одно из ведущих мест в списке самых богатых по ежемесячному окладу ректоров России (достигал таких высот тогда, когда доктора наук и профессора получали несчастные гроши).

Во вверенном ему вузе он создал порочную систему семейственности и фаворитизма, превратил РГСУ в просторное родовое гнездо, своеобразное матримониальное предприятие Жуковых-Федякиных: сам он стал почетным ректором РГСУ, его жена Галина Севастьяновна Жукова – проректор, старшая дочь Лидия Васильевна Федякина получила от отца по наследству пост ректора университета, ее муж Виталий Федякин – должность проректора, младшая дочь Галина Васильевна возглавила управление молодежной политики вуза, а племянник жены Дмитрий Сумской стал начальником правового управления. Словом, куда ни кинь глазом – сплошные свояки и свояченицы, настоящий семейный подряд во главе со специалистом по «коллективному партийному руководству».

А еще – в учебном заведении действовала настоящая диссертационная фабрика по производству «фальшака», в чем пример показало прежде всего «семейное гнездо». Докторские диссертации обеих дочерей В.И. Жукова, защищенные в родном РГСУ, содержали большой объем плагиата. Старшая дочь Лидия Васильевна за плагиат в диссертации была освобождена от ректорской должности, а экспертный совет ВАК

¹ См.: Социология и общество: пути взаимодействия. М.: Вече, 2010. С. 78.

в своем заключении по этому вопросу записал: «Экспертный совет считает поступок Л.В. Федякиной несовместимым с нравственным обликом ученого, рекомендует Президиуму ВАК РФ принять решение об этическом осуждении поступка Л.В. Федякиной и об ознакомлении с этим решением научно-педагогической общественности».

Докторство же младшей дочери, Г.В. Жуковой, как отмечалось в направленном общественной организацией «Диссернет» в Министерство образования и науки РФ письменном заключении по ее диссертации, «оказалось обыкновенным диссертационным мошенничеством, организованным со сноровкой и хваткой взрослого сложившегося афериста». Осипов же, как говорилось в этом заключении, «недрогнувшей рукой подписал наглую и бессовестную лажу в качестве научного руководителя этого мошеннического фортеля. Прикрыл. Исполнил. Не отказал маме, папе (то есть самому преданному другу В.И. Жукову).

Остается лишь добавить: в данном случае Г.В. Осипов выступил в качестве научного консультанта по специальности 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит», по которой из его более 360 трудов, опубликованных за всю многолетнюю научную деятельность, нет ни одной работы (даже в приближенном виде). А ведь наличие у научного консультанта трудов по теме диссертации соискателя – элементарное требование нормативных документов Министерства образования и науки и ВАКа. Консультант (это в равной степени касается любого консультанта независимо от его статуса: доктора наук, члена-корреспондента или академика) должен быть признанным в научном сообществе специалистом по той теме, по которой осуществляется защита диссертации, в данном случае «Функционирование инвестиционно-инновационных процессов в условиях интеграции национальной финансовой системы в мировую». И это тот случай, когда отсутствие компетентности по конкретной специальности не может компенсироваться никакими самыми высокими научными знаниями по другим отраслям науки.

Финал же этой истории: приказом Министерства образования и науки РФ от 17 июля 2014 года № 447/нк Г.В. Жукова была лишена ученой степени доктора экономических наук, а выданный ей диплом доктора экономических наук признан недействительным. Министерство по предложению ВАК также приостановило деятельность диссертационного совета РГСУ, где происходила защита этой диссертации. Вот такие «художества» на nive докторского остепенения произошли в РГСУ, когда ректором был глава «корпорации» Жуковых-Федякиных Василий Иванович Жуков, который, будучи в свое время членом Президиума ВАК и курируя там общественные и гуманитарные науки, поучал научно-педагогическое сообщество самым высоким критериям исследовательской деятельности.

Судьба же со временем по-своему расставила все на свои места: вынырнувшая в первые постсоветские годы из социологического ниоткуда звезда историографа по партстроительству КПСС, достигнув на научном небосклоне, казалось бы, космических высот при помощи не небесных, а земных сил, вдруг сгорела в нижних слоях академической и вузовской атмосферы – в беславии, при профессиональном и гражданском крушении и при нанесении всему социологическому сообществу нравственно-престижного ущерба. Сегодня В.И. Жуков значится в списках академиков-социологов, но его имя даже не упоминается на страницах научных изданий, на ученых советах, на научных конференциях и круглых столах.

Откуда же у В.И. Жукова в постсоветское время появилась такая исключительная «проходимость» как при овладении самыми высокими академическими званиями, так

и при обретении столь сильного веса в социологическом сообществе, формирование которого в годы возрождения отечественной социологии было для него *terra incognita*? Почему же членом академии стал он, а не, например, тот же В.А. Ядов? Ведь к 2002 году, когда пятидесятидвухлетний В.И. Жуков начал делать первые шаги на социологическом поприще, В.А. Ядов прожил такую социологическую жизнь, которой для признания исключительных заслуг перед наукой хватило бы не одному человеку – от создания в 60-е годы в Ленинграде первой социологической лаборатории, разработки теоретико-методологического фундамента возрождающейся социологии, изучения зарубежной социологии не по книжкам, а продолжительными (в несколько лет) зарубежными научными стажировками до директорства в созданном в 1988 году Институте социологии и личного участия в подготовке партийного документа, институционализировавшего в 1988 году социологию в качестве самостоятельной научной дисциплины.

Суть же проблемы проста и банальна: много времени не понадобилось, чтобы владеющие огромным административным ресурсом два руководителя – директор ИСПИ РАН и ректор РГСУ – наладили между собой, кроме всего прочего, своеобразный «интеллектуальный бартер»: за Г.В. Осиповым – лоббирование через высокие академические каналы прохождения своего партнера в члены академии (выбивание вакансий, организация прямо-таки виртуозных закулисных предвыборных игр при показной демонстрации неукоснительного соблюдения процедурных формальностей), назначение ректора РГСУ руководителем одного из научных подразделений ИСПИ РАН, дабы обозначить для общественного мнения его принадлежность к Академии наук (и это при том, что на протяжении многих лет он только значился на этой должности). В свою очередь, Жуков не оставался в долгу. Но это – отдельная тема... Это пример той «корпоративной солидарности», которая в условиях современных прагматизированных служебных отношений проникла и в академическую среду, нанося непоправимый вред науке, нравственному состоянию научного сообщества.

В свое время академик Т.И. Заславская так ответила корреспонденту на заданный ей вопрос: «Как бы вы прокомментировали итоги выборов в РАН? Довольны ли вы их итогами?» – «Недовольна, потому что, на мой взгляд, в Отделении общественных наук сосредоточилось очень много разных наук, и каждая наука представлена очень малым количеством людей. В данном случае по социологии решает фактически один человек, Геннадий Васильевич Осипов (комментарий по состоянию на февраль 2012 года. – А.К.), и он формирует... Сначала он был один, затем он постепенно формирует свое лобби, которое представляет лишь одно направление социологической науки у нас, на мой взгляд, далеко не самое лучшее, неперспективное и непринципиальное. Конечно, я радоваться этому не могу... Не имеет морального права ни один ученый, включая академика, назначать. А это по существу назначение, а не выборы. Конечно, уже время прошло моих ровесников, но тот факт, что Владимир Александрович Ядов не был даже членкором избран и ему был закрыт туда путь, – это просто позор для социологии, и сейчас у нас есть очень яркие, молодые социологи, достойные избрания в академию, а такой ручной подбор – это просто вырождение»¹.

Поэтому когда в связи с созданием ССР в социологическом сообществе раздался голоса о перевороте в социологии, эмоционально возбужденные обидчики не увидели главного: происшедшее свидетельствовало не о перевороте, а о гласном, публичном

¹ http://polit.ru/article/2012/02/14/elections_ras/

закреплении ранее установленного узкой группой лиц, но без участия отцов-основателей, тотального владения рычагами влияния в социологической сфере. К этому времени Г.В. Осипов взял реванш за все карьерные неудачи, которые ему пришлось пережить вплоть до того времени, когда он в свои 62 года наконец овладел директорским креслом. От окружающих его людей нельзя было скрыть, с каким рвением он стремился наверстать упущенное и утолить жажду руководящего честолюбия.

Став академиком и пользуясь колоссальной поддержкой президента РАН Ю.С. Осипова (о близких связях с которым он нередко давал понять окружающим), он стал обладать фактически неограниченными возможностями влиять на ситуацию в социологии в выгодном для себя направлении – в продвижении в состав РАН нужных ему людей, в создании без всякой надобности, но в угоду себе различных структур, в собирании вокруг себя жаждущих «остепениться» или получить для своего имиджа академическое звание высококоранжированных чиновников и даже в отдельных случаях криминально запятнанных личностей и т.д., и т.п. – достаточно вспомнить о П. Лазоренко, ставшем академиком Академии социальных наук сразу же после утверждения его премьером Украины, многолетнее пребывание которого в американской тюрьме за преступную деятельность согрелось дипломом академика за подписью Г.В. Осипова.

В заключение хотелось бы сослаться на такое мнение академика М.К. Горшкова: «Многих проблем в истории возрождения и становления социологической науки можно было бы избежать, какие-то смягчить, сгладить, если бы формирующееся в стране социологическое сообщество отличалось большей сплоченностью. Под сплоченностью понимается не единомыслие, а умение и желание различать в своей профессиональной деятельности личный научный интерес и решение общих задач повышения престижа социологической науки в обществе и во властных структурах. Безусловно, отрадный факт, что на всех этапах развития отечественной социологии, в особенности в нынешний период, ее отличает многообразие научных школ, приверженность социологов разным теоретическим концепциям и взглядам, методологическим подходам. Печально другое, когда различия в научных позициях становятся причиной личного неприятия оппонента, что, в конечном счете, оборачивается разобщенностью профессиональных связей, слабостью корпоративного научного духа. Особенно неприемлемо, когда выяснение личных отношений и большей-меньшей правоты происходит не в ходе дискуссий на семинарах и конференциях, а через масс-медиа, в которых эмоциональное явно доминирует над рациональным. В этой связи рискну предложить еще одно: плюрализм, многообразие в отстаивании социологических взглядов и концепций в сочетании с внутрикорпоративным единством в понимании значимости и роли своей профессиональной и гражданской миссии в обществе – это и есть научное кредо современного социолога»¹.

В свою очередь, Санкт-Петербургские социологи, справедливо обратив внимание на то, что «в организационном плане российская социология сегодня представляет собой совокупность разрозненных обществ и ассоциаций регионального и национального уровня», отметили: «Порой складывается впечатление, будто не последнюю роль в поддержании и воспроизводстве расколотости играет негативная идентичность»².

¹ Горшков М.К. Уроки возрождения и перспективы отечественной социологии. В кн.: Вехи российской социологии. СПб.: Алетей, 2010. С. 31–32.

² Бороноев А.О., Ломоносова М.В., Миронов Д.В., Скворцов Н.Г. Сохраняя отечественные традиции: возрождение социологического общества им. М.М. Ковалевского // Социс. 2016, № 11. С. 143.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В неутрачивающих дискуссиях по истории возрождения отечественной социологии на фоне многих спорных вопросов о предмете социологии, характеристике отдельных этапов ее развития, оценке вклада конкретных действующих лиц в ее становление и т.д. есть несколько принципиальных ключевых моментов, имеющих безальтернативный, аксиоматический характер. Такими моментами является то, что на крутом повороте истории страны, общества, а значит, и науки, советская социология передала свой пост-советскому социологическому сообществу, будучи официально институционализированной в качестве самостоятельной научной дисциплины, обладающей своей в основном устоявшейся инфраструктурой, интегрированной в международное социологическое сообщество, определившей основные контуры социологического образования через государственную систему учебных заведений и общественные структуры (курсовая подготовка заводских социологов, факультеты общественных профессий в вечерних университетах марксизма-ленинизма, школы молодых социологов и т.д.), развернувшей в научной деятельности и вузовском учебном процессе поэтапную работу по формированию корпуса профессиональных социологов.

Несомненным завоеванием возрождавшейся социологии явилось и то, что в недрах этой еще не институционализированной научной дисциплины родился ряд выходящих за рамки доктринализма и ортодоксии оригинальных идей, которые во многом определили теоретико-методологический вектор в завоевании ею (социологией) статуса самостоятельной научной дисциплины, в нахождении ею достойного российской социологической традиции места в мировом научном сообществе. Речь идет, прежде всего, о диспозиционной концепции саморегуляции социального поведения личности (В.А. Ядов), об инициировании вопроса о двух парадигмах социологической теории – марксистской и структурно-функционалистской (Ю.А. Левада), об информационно-коммуникационной концепции общества (Ю.А. Левада, Б.А. Грушин), трансформации структурно-функционалистских идей в отечественной социологии (А.Г. Здравомыслов, Ю.А. Левада), о моделях системных подходов в изучении социальной реальности (Н.И. Лапин), интеграции ряда веберовских и неомарксистских теоретических разработок в возрождающуюся социологию (Ю.Н. Давыдов), роли различных вариантов социального мышления в освоении многогранной и многоаспектной социальной действительности (В.Н. Шубкин), соотношении монизма и плюрализма в социологии (В.А. Ядов, М.Н. Руткевич) и др.

В постсоветское время при незавершенности некоторых процессов внутри социологического сообщества, связанных с закреплением позиции социологии как самостоятельной научной дисциплины, нехватке кадров для развертывания работы широким фронтом с обеспечением его высокого уровня, при отсутствии практического опыта, позволявшего дальше развивать социологию на высоком профессиональном уровне, все же главной трудностью в переходный период явилось отсутствие после крушения марксистской доктрины внятного теоретико-методологического фундамента социологии. Истмат оказался поверженным, причем не в результате внутренней эволюции общественных наук, а под воздействием крутых поворотов в политике. Взамен же ничего не возникло. Да и как оно могло возникнуть само по себе?

Неготовность к такому повороту событий привела научное сообщество в продолжительное оцепенение. И по тому, как обществоведы в ответ на призыв еще президента РФ Б.Н. Ельцина до сих пор продолжают искать и никак не могут найти национальную идею, можно судить и о поисках и обосновании адекватных социально-политическим реалиям и уровню накопленного социологического знания доктринальных очертаний современной социологии.

После более чем двадцатилетних споров о том, какое общество мы строим, социологическая наука не предложила таких концепций социально-политического развития России, которые были бы официально одобрены и приняты к реализации органами управления страной и которые были бы приняты если и не всем обществом, то хотя бы большей ее частью. То есть речь в данном случае идет о тех научных разработках, которые на деле были бы прорывными и адекватными требованиям выходящего из системного кризиса российского общества. Более того, социологическое сообщество до сих пор не смогло в полном объеме реализовать на практике современную модель своего собственного организационно-структурного функционирования, лишенного «внутривидовой» борьбы, деформаций внутрикорпоративной солидарности, разобщенности усилий ставшего к настоящему времени довольно внушительным корпуса профессиональных социологов.

Возрождавшаяся социология в интерпретации некоторых исследователей напоминает слоеный пирог – где-то строили дружелюбный социализм, доросший до гласности и перестройки, где-то слышалось вербальное, кулуарно демонстрируемое несогласие с истматом при официальном следовании ему, кто-то якобы боролся с партократами и победил их только через два десятилетия после крушения СССР, и т.д., и т.п. Живописание тоталитарного режима в стиле «запретов», «разгромов», стремление нынешних либерализовавшихся и демократизировавшихся социологов представить себя невинными жертвами несправедливых притеснений, более того, даже репрессий (придуманых задним числом), сознательное замалчивание не только тех собственных недостатков, которые могут проявляться в любом деле, но и непристойных поступков, злоупотреблений, нарушений правил и норм жизни научного сообщества – все это результат отсутствия у некоторой части социологов чувства личной ответственности и профессиональной чести. Такие участники социологического процесса стремятся навязать общественному мнению интонацию и оптику взглядов на «вчера», при которых фактически трудно связать их с «сегодня». «Перелицевавшись» в условиях изменившейся политической конъюнктуры, такие лица стремятся представить себя научному сообществу немножко и антимарксистами, и антиленинистами, и антисоветчиками, а порой даже и почти советскими диссидентами.

Но, как известно, диссидентство наиболее четко проявилось не в социологическом сообществе, а в среде художественной интеллигенции, правозащитников, других срезах социума. Даже либерал Б.Н. Фирсов вынужден признать, что «профессиональные социологи не огорчали ЦК КПСС диссидентскими выходками» и «им было разрешено собраться под крышей ИКСИ АН СССР», более того, «социология не была оппозиционной наукой и активно соучаствовала в строительстве зрелого социализма, попав в плен нормативного знания». Поэтому, поняв «вред... благонамеренности, пронизанной мечтами о близком и счастливом будущем», он, судя по

всему, искренне «не ради запоздалого покаяния» заявил: «Не хочу оказаться в толпе, неистово топчущей ногами прошлое»¹.

В свою очередь, Ю.А. Левада, характеризуя «отчаянных диссидентов», писал: «Вы знаете, это был замкнутый круг. К сожалению, дело свелось к тому, что они (советские диссиденты. – А.К.) защищали не права граждан, а права друг друга. Их сажали, они друг за друга боролись, тех сажали, и так далее. Эта организация так вот и работала»².

Оценивая же состояние постсоветской социологии и политологии, Г.В. Осипов заявил: «...Если было бы можно вернуться к 60-м годам, то я, наверное, стал бы первым, кто высказался бы против развития социологии в России, потому что она начинает играть вредную роль, плодя огромное количество дилетантов и невежд, которые получают степени, берут данные или в домоуправлениях, или на заводах, в пожарных и таможенных службах, “научно” обобщают эти данные и представляют их в качестве диссертаций»³. По его мнению, «термин “социология” сегодня глубоко скомпрометирован, потому что масса очевидных конъюнктурщиков и невежд выдает себя за социологов. В своих публикациях они нередко фальсифицируют действительность в угоду как политическим, так и коммерческим интересам»⁴. Сюда же он добавляет партийную ангажированность, социальную апологетику, депрофессионализацию многих социологических исследований, свидетельствующих о дилетантизме и невежестве псевдоученых, коммерциализацию науки, продажность социологов. Словом, «то, что произошло в социологии сейчас, – это новая трагедия»⁵.

Вполне обоснована тревога по поводу представляющих особую опасность нарушений, моральных принципов социологической науки: заказные опросы общественного мнения, широко растиражированные рейтинги ведущих политических деятелей, не отражающие реальную ситуацию по тому или иному вопросу, но используемые как средство психологического давления на людей, как своеобразное прикрытие для формирования «нужного имиджа политического деятеля».

Конечно, такие заявления из уст вырвавшегося, как он считает, из «партократических оков» человека производят шокирующее впечатление. Но возникает вопрос: почему же это стало возможным? Ведь «угнетавшие» социологию партократы давно канули в лету, на место цензуры пришел плюрализм мнений, над исследователем не висит дамоклов меч партийного взыскания за отход от идеологических догм. В ответе на такие вопросы автор приведенных выше оценок упоминает «либералов». Словом, виновниками такой печальной картины являются именно они, как в советские времена – партийная номенклатура. И ни слова о том, а какова же ответственность в таких делах самих социологов и политологов, что они конкретно делают, чтобы не допускать подобных явлений. И всегда ли их светлый ум гармонирует с чистыми

¹ Фирсов Б.Н. Как добивались послушания социологии. В кн.: Российская социология 60-х годов в воспоминаниях и документах / отв. ред и авт. предисл. Г.С. Батыгин. СПб., изд-во РХГИ, 1999. С. 348.

² Левада Ю.А. Я считал, что было бы неестественно вести себя иначе // Социологический журнал. 2008. № 1. С. 161.

³ См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 580.

⁴ См.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. Санкт-Петербург. Изд-во Русской Христианской гуманитарной академии, 2005, с. 581.

⁵ См.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). Экономика, М., 2008. С. 545.

руками? Ведь коррупция и мздоимство расплодилось как в академической, так и в вузовской среде – достаточно вспомнить затянувшийся ныне кризис всей ВАКовской системы, в котором четко высветился личный вклад в это дело многих докторов наук и профессоров, членкоров и академиков, заведующих кафедрами, директоров институтов и ректоров вузов. Куда уж больше!

И все же при всей несомненной важности названных выше вопросов существует острая необходимость обратить особое внимание на такие влияющие на дальнейшую судьбу современной социологии проблемы: дефицит таких новых общих социологических теорий, которые могли бы стать инструментом в разработке конкурирующих моделей развития преодолевающего системный кризис общества; неопределенность фундаментальных закономерностей и системно-функциональной векторной предопределенности будущего (процессов и явлений, а также их свойств, качественных и количественных параметров); фрагментарность социологии, когда на фоне слабого развития фундаментальных исследований, отсутствия адекватных современному научному знанию теоретических концепций размножаются некоторые отраслевые социологии, в которых теоретические подходы не дифференцированы, понятийный аппарат слабо концептуализирован, а их предметная область не определена; все возрастающий разрыв между лавинообразным ростом объема эмпирической информации и темпами ее аналитической обработки и теоретического осмысления; явный перекос в условиях плюрализма мнений в сторону примитивно понятого разномыслия (не всякое мнение достоверно и объективно) при отсутствии (полном или частичном) объединительных, консенсусных идей и моделей поведения.

Необходимость расширения самого предмета социологического знания, разработки нового теоретико-методологического инструментария и новых моделей «социологического воображения» диктуется не абстрактными и банальными сентенциями типа «дальше развивать социологическую теорию», а тем, что в результате обретения социумом, культурой, технологиями, человеком новой реальности своего существования произошла, как отмечают социологи, легитимизация «поворота сложности» в социологии. По мнению С.А. Кравченко, ответом на этот вызов явилась наряду с другими теоретическими разработками и концепция «нелинейно-гуманитарного социологического воображения, которая включает учет сложности социокультурной динамики, всевозможных парадоксов, дисперсий и турбулентности социума; поиск новых форм гуманизма, функциональных в космополитическом сетевом обществе; оценку общества по критериям гуманизации социума»¹.

Рефлексией на коренные изменения в социально-культурной сфере явились такие бросившие вызов классической социологии зарубежные теории и концепции: «космополитизация социума и переход человечества к мировому обществу риска» (У. Бэж), концепция информационализма, интерпретирующая социум как динамическую сеть (М. Кастельс), концепция комплекса взаимозависимых поворотов (Дж. Урри), культурная социология, объект изучения которой – усложняющееся производство явных и латентных смыслов (Дж. Александер) и др.

Что же касается переломных моментов в развитии советской социологии, особенно дискуссии о преемственности или перерыве ее отдельных периодов, то здесь, к со-

¹ См.: IV Всероссийский социологический конгресс «Социология в системе научного управления обществом». Материалы конгресса. Москва, 2–4 февраля 2012 г. М.: ИСПИ РАН, 2012. С. 126.

жалению, нередко превалирует разномыслие без четко выверенной и документально подтвержденной, консолидированной позиции социологического сообщества. В этом контексте нельзя не прислушаться к мнению президента Международной социологической ассоциации Мишеля Веверки, который, выступая на Всероссийском социологическом конгрессе 21 октября 2008 года, обратил внимание на одно из важных изменений, происшедших в социологии за последние 20 лет: «Эти изменения в социологии касаются того, что можно было бы назвать превращением критики в гиперкритику. Социолог, который занимается гиперкритикой, нацелен на то, чтобы подозревать, расследовать, разоблачать»¹. Как и положено гостю, оратор высказывал такие оценки в адрес не российских социологов, а ученых той страны, из которой он приехал (то есть Франции. – А.К.), в которой такое измерение социологии очень развито. Но вряд ли кто-то мог усомниться в значимости этих слов и для современной российской социологии.

Кардинальный вопрос – преодоление нынешнего раскола в академической социологии, происшедшего не просто на глазах активных участников возрожденческого процесса в социологии, но и с их прямым участием. Дифференциация причин этого раскола показывает, что в нем нередко превалируют не соображения, связанные с необходимостью сохранения различных подходов освоения социологической проблематики, а явления, находящиеся за пределами собственно социологического исследовательского поля и представляющие собой эрозию корпоративной этики. И это происходит при наличии двух кодексов, которые, как надеялись их разработчики, призваны обеспечивать должный уровень нравственно-этических отношений в социологическом сообществе, – Профессионального кодекса социолога, разработанного в 1987 году и утвержденного ССА (со временем были внесены некоторые конъюнктурные изменения), и принятого позже Морального кодекса социолога ИСПИ РАН. Особый разговор об академической социологии, которой предстоит преодолеть не только отмеченные выше недостатки, но и сделать очень многое для того, чтобы найти свое новое место в условиях осуществляющейся ныне реформы Российской Академии наук.

¹ См.: Социология и общество: Пути взаимодействия. М.: Вече, 2010. С. 19.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ОСНОВНЫЕ И НАИБОЛЕЕ КРУПНЫЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ВОЗРОЖДАВШЕЙСЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Версия, получившая широкое публичное распространение	Результаты экспертизы, подтвержденные приведенными в настоящем издании легитимными источниками, официальными документами, архивными материалами, беседами с непосредственными участниками возрожденческого процесса социологии
--	--

1

«Советский политический язык – язык-агрессор. Он подчинил Восточную Европу, распространился на Азию, захватил часть Африки, приступил к освоению Американского континента. Он стал лингвистической маской всех, кто верил в “светлое будущее”. Влияние его было универсальным. В сферу его магии попадали и народы Запада: сказывались бесконечное повторение лозунгов о стремлении СССР к миру, пропагандистские заверения о миролюбии советских руководителей, восторженные вопли о любви народа к партии, о благополучии советских людей. Прочерченный советскими словами путь исторического развития... парализовал любое сомнение в справедливости и разумности политики Кремля» – эти суждения о советском политическом языке-агрессоре принадлежат Г.В. Осипову, и артикулированы они в постсоветское время (см.: Земцов И.Г. Советский язык – энциклопедия жизни. М.: Вече, 2009. С. 12).

а) Описания Г.В. Осиповым вот в таких тонах исторически-глобальной миссии русского языка ранее не знала ни отечественная, ни зарубежная наука (подчеркнем – наука, а не политиканство), хотя социолингвистика и языкознание, как и другие научные дисциплины, в своем извилистом и противоречивом развитии нередко подвергались различного рода макро- и микродеформациям, преднамеренным фальсификациям, агрессивной политизации.

б) Фундаментом предложенной социологической модели советского политического языка является рассмотрение отнюдь не с научных социолингвистических, а с разоблачительно-советологических позиций двух определяющих компонентов: «фикций», якобы провозглашенных в советских условиях реальностью, и «реалий», представляемых в виде «фикций». На этом основании конструируются и два пласта в советском политическом языке: а) слова-явления, «опирающиеся пусть и на искажаемые, но существующие факты»; б) слова-фикции, к которым Г.В. Осипов относит, например, «дружбу народов», «горизонты», «идейность», «авангард», которые, по мнению автора, передают понятия, «лишенные всякого смысла» и являющиеся духовными «полуфабрикатами». «Такой язык, – продолжает автор, – содержит многообразные психологические “ловушки” для духовного захвата человека», он «охотно эксплуатировал приемы риторики, стремясь привести людей в состояние социальной экзальтации» (подкрепляется ссылкой на словосочетания «активная жизненная позиция», «гвардейцы труда» и др.). Более того, как утверждается, «неизбежным результатом отчуждения советского языка от действительности явилось разрушение двусигнальной системы человеческого восприятия», «общественное сознание перестало откликаться на политические сигналы», «возникла своеобразная лингвистическая галлюцинация», и «в конечном итоге произошел разлом в человеческом поведении», и т.д., и т.п. (!?)

в) Г.В. Осипов, касаясь источников пополнения лексического фонда советского политического языка, даже не упоминает ни науку, ни культуру, ни собственно сферу политики, а выделяет, как он выражается, «любопытное явление» – «экспансию военной лексики в политический язык», цель которой – внушить представ-

ление об СССР как о едином, «находящемся в осаде военном лагере».

г) Концепция советского политического языка изложена во вступительной статье Г.В. Осипова «Советский язык как формула жизни» к книге бывшего сотрудника Института конкретных социальных исследований АН СССР, ныне проживающего в США, социолога-эмигранта И.Г. Земцова «Советский язык – энциклопедия жизни». Книга «доброжелательного умелого психоаналитика», как представил Г.В. Осипов читателю И.Г. Земцова, первоначально в 1985 году была опубликована в США и как злобное антисоветское издание получила «восхитительную» оценку в определенных зарубежных кругах, в том числе и у президента США Р. Рейгана, который, с «глубокой благодарностью» принял книгу от ее автора, заявил: «Это наиболее запоминающееся и интересное собрание понятий, которые, как я надеюсь, будут восприняты и осмыслены людьми свободного мира». В 2009 труд Земцова был переиздан в Москве Институтом социально-политических исследований, причем без отзывов рецензентов и без решения ученого совета (или редакционного совета), со вступительной статьей Г.В. Осипова в рамках издательского проекта «Веги отечественной социологии», руководителем которого является Г.В. Осипов.

д) Анализировать же термины из книги самого Земцова, претендующей на энциклопедическое издание, с позиций какой-то конкретной научной дисциплины невозможно: к социологии это не имеет никакого отношения, так как содержащиеся в книге термины лишены социологического содержания; к социолингвистике – тем более, так как ее понятийный аппарат в книге вообще отсутствует; еще большее расстояние – до языкознания; не может претендовать этот труд и на политологическое издание типа словарей политических терминов или политической энциклопедии.

Скорее всего, это издание относится к жанру политизированного журнализма, так как собранные в нем из разных сфер жизни (политики, экономики, обычной жизни) термины, понятия, словосочетания (около 280 единиц) систематизированы и выстроены в алфавитном порядке по единственному критерию – переформатированию их истинного содержания в антисоветский штамп: возвращение СССР Курильских островов и Южного Сахалина – это осуществленная Москвой «оккупация», а не решение стран-победительниц во Второй мировой войне; «борьба за мир» – это не насущная глобальная потребность цивилизации, а «форма советской политики, эксплуатировавшая страх перед мировой войной в целях шантажа и вмешательства в дела независимых государств»; «мнения» – «тайные инструкции, негласные распоряжения партийного руководства»; «ветеран» – «опора режима» и т.д., и т.п. То есть это искусно сконструированное пособие по фальсификации советской действительности – с использованием субъективистских оценок и интерпретаций,

преднамеренных подтасовок, пропитанных ненавистью к исторической памяти России и российского народа. Материалы книги не содержат малейших намеков на что-то положительное в советской действительности – и этим все сказано.

Упомянутая выше «концепция» русского языка советского периода как «языка-агрессора» коррелирует с утверждениями некоторых прибалтийских авторов (см. материалы дискуссии в журнале «Политическая лингвистика», 2011), обосновывающих сегодня необходимость ограничения русского языка в Прибалтике тем, что «русский ассоциируется с оккупацией и насилием», в то время как английский язык, все более явственно проникающий на постсоветскую территорию (особенно в области лексики), рассматривается как язык свободного мира». Порожденный политизированностью «лингварциссизм» тиражируется как в научной литературе, так и в СМИ, что дискредитирует и опшляет культуру, сферу межнациональных отношений, духовную жизнь в целом.

В свою очередь, часть политической элиты современной Украины, включая высшие эшелоны власти, объявив поход против русского языка, как и против всего русского, разжигает руссофобию, сеет рознь между двумя народами.

е) В нашем случае уместно сослаться на неологизм «русский языковый союз», принадлежащий академику АН СССР О.Н. Трубачеву – выдающемуся русскому ученому-слависту, настоящему патриоту, родившемуся на Украине и получившему самое высокое академическое звание в Москве, в Институте русского языка. Идею о русском языковом союзе впервые он публично высказал на страницах «Правды» в 1971 году, а со временем эта принципиальная позиция была детально разработана в его книге «В поисках единства». Вот его позиция: «...крушение материального Союза ССР не означает полного и бесповоротного его крушения, ибо последнее, смею надеяться, все же не затронуло лучшую, в полном смысле нетленную, часть нашего Союза, о которой я имею кое-что сказать уже профессионально как языковед, ибо это языковой Союз. Русский языковой Союз. «Русский языковой союз» – это и сегодняшняя могучая духовная скрепа, собирающая воедино для общего созидания не только русских людей, но и всех на Руси и за ее пределами.

2

На Всероссийском социологическом конгрессе Г.В. Осипов заявил о наличии в материалах о высылке из страны социолога П.А. Сорокина резюльции Ленина: «При возвращении в Советский Союз расстрелять» («Социология и общество: пути взаимодействия». М.: Вече, 2010. С. 142). В некоторых других публикациях

Экспертиза имеющихся по этой проблеме материалов (они приведены в нашем издании) не подтвердила наличие расстрельной резолюции Ленина – ни в «выездном» деле Сорокина, с которым сегодня может ознакомиться в архивах каждый желающий, ни на списках высылаемых за границу, которые Ленин, находившийся в парализованном состоянии на лечении в Горках, запрашивал для ознакомления у Уншлихта и Дзержинского, ни на заключении о высылке от 20 сентября 1922 года, где стоит виза Ягоды «Утверждаю» (согласие П.А. Сорокина на условия высыл-

этого же автора ленинская «резолуция» звучит еще более устрашающе: «П. Сорокин в случае появления на территории СССР подлежит немедленному расстрелу» (подчеркнуто нами. – А.К.). (См.: Встречи с Питиримом Сорокиным. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2003. С. 18; Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 18).

В данном случае «расстрельная» резолюция используется аргументом в объяснении причин неудавшихся попыток Г.В. Осипова «по своей инициативе» пригласить П. Сорокина «посетить родину до своей кончины»; потенциальным косвенным соучастником реализации ее (резолюции) представлен генсек Л.И. Брежнев (см. п. 9 настоящего Приложения 1).

ки). Все вопросы о высылке решались не ленинской резолюцией, а в соответствии с утвержденным III сессией ВЦИК IX созыва Уголовным кодексом РСФСР, введение которого в действие подписали Калинин и Енукидзе. Этим кодексом предусматривалось применение высшей меры наказания в том случае, если бы высылаемые за границу при возвращении их в будущем домой осуществили это «без разрешения органов Советской власти», «самовольно». К тому же, как в выездном деле П. Сорокина могла быть расстрельная резолюция с упоминанием терминов «Советский Союз» и «СССР», если к моменту пересечения Сорокиным границы 23 сентября 1922 года страны под таким названием на политической карте мира не было (СССР образовался в декабре 1922 года), а существовала РСФСР? Ленин не только не писал расстрельных резолюций по отношению к Сорокину, но, по признанию самого Питирима Александровича, он в 1918 году спас ему жизнь, отменив смертный приговор за контрреволюционную деятельность, предписав при этом препроводить его «в распоряжение центральной ЧК в Москве с надежной охраной, но с гарантией его жизни». «Ленину я, конечно, глубоко благодарен за все что он лично для меня сделал. Ведь он мне спас жизнь», – заявил П. Сорокин советскому послу в США А.А. Громыко, позже повторив то же самое руководящему работнику внешней разведки КГБ СССР А.С. Феклисову, работавшему продолжительное время в советском посольстве в США под дипломатическим прикрытием (ему удалось установить дружеские отношения с социологом-эмигрантом), а также советскому участнику V Всемирного социологического конгресса (Вашингтон, 2–8 сентября 1962 года) Э.А. Баграмову.

3

Г.В. Осипов: «Третья моя встреча с П. Сорокиным произошла во Франции в г. Эвиане на VI Всемирном социологическом конгрессе в 1966 году». При этом указывается – встреча «очная», то есть с глазу на глаз, излагается содержание доклада П. Сорокина и подчеркивается высокий эффект живого общения оратора с аудиторией. «Для меня, – пишет Г.В. Осипов, – было важно услышать мнение Питирима Сорокина» (подчеркнуто нами. – А.К.) по важнейшим вопросам социологической науки (см.: Встречи с Питиримом Сорокиным. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2003. С. 19–21). В свою очередь, профессор И.Б. Орлова с восхищением пишет, что «Г.Осипову довелось общаться с живым Сорокиным дважды», имея в

Официальные источники не подтверждают не только факт этой очной встречи Г.В. Осипова с П.А. Сорокиным, но даже и присутствие социолога-эмигранта на Эвианском конгрессе. По свидетельству участника этого конгресса и автора итоговой статьи об участии советских социологов в нем В.С. Семенова, доклад П.А. Сорокина с трибуны конгресса по поручению больного Питирима Александровича огласил «господин Клайнберг» (Вопросы философии. 1967, № 2). Позже П. Сорокин свое отсутствие на конгрессе сам пояснил в письме заместителю представителя Научного совета АН СССР по истории мировой культуры В.А. Карпушину: «Я очень жалею, что не смог быть на социологическом конгрессе и встретиться там с советскими учеными, но состояние моего здоровья лишило меня этой радости». Представляя же читателю книгу «Встречи с Питиримом Сорокиным», профессор И.Б. Орлова отмечает: «Этой книгой мы (то есть Институт социально-политических исследований. – А.К.) открываем научную серию “Из архива Г.В. Осипова”, таящего «неизвестные до сих пор документы, письма, фотографии, записи бесед с учеными и политиками» (см.: Встречи с Питиримом Сорокиным.

виду встречи на Вашингтонском социологическом конгрессе в 1962 году и на Эвианском социологическом конгрессе в 1966 году (см. там же, с. 3).

М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2003. С. 3). Но где же документы – новые, да и не новые, подтверждающие участие П.А. Сорокина в Эвианском социологическом конгрессе и, как уточняет Г.В. Осипов, его второй очной встрече с социологом-эмигрантом? Их, документов, нет и быть не может, так как сюжет о второй очной встрече Г.В. Осипова с П.А. Сорокиным и об Эвианском социологическом конгрессе – искусно сочиненная легенда вокруг не имевших места в жизни событий. И вот эта легенда, опубликованная в двух изданиях (причем без решения ученого совета и без рецензентов), а также неоднократно оглашенная с трибун социологических конгрессов и теоретических конференций, гуляет на широких просторах современного информационного пространства.

4

Г.В. Осипов: «...когда решался вопрос об избрании меня действительным членом РАН, Татьяна Ивановна (Заславская. – А.К.) вместе с академиком Л.Ф. Ильичевым (подчеркнуто нами. – А.К.) активно поддерживали мою кандидатуру, и я был избран» (см.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 452).

Для сравнения приведем эту же цитату из первоисточника, каким является беседа Л.М. Митрохина с Г.В. Осиповым, опубликованная в 2005 году в монографии Л.М. Митрохина «Мои философские собеседники»: «...когда решался вопрос об избрании меня действительным членом РАН, Татьяна Ивановна (Заславская. – А.К.) активно поддержала мою кандидатуру, и я был избран». Подтасовка налицо: в первоисточнике фамилии Л.Ф. Ильичева нет, а в перепечатанном Г.В. Осиповым тексте для его монографии она появилась. Издавая в 2008 году (когда Л.М. Митрохин умер) свою собственную (в соавторстве с М.Н. Москвичевым) монографию «Социология и власть», Г.В. Осипов собственноручно вписал (?) в приведенный выше текст фамилию Л.Ф. Ильичева, чтобы подчеркнуть, каким он доверием пользовался у самых высокостатусных лиц страны, в данном случае у члена Политбюро и секретаря ЦК КПСС, которым продолжительное время был Леонид Федорович. При этом, перепечатывая в своей монографии первоисточник, копирайт которого принадлежит Л.М. Митрохину, он в своей книге не указал, что это взято из другого издания. В конечном итоге произошла история похлеще, чем у Гоголя, – если у писателя «мертвые души» представлены как художественные образы, то у Г.В. Осипова умерший 18 августа 1990 года Л.Ф. Ильичев появился в реальной жизненной ситуации в декабре 1991 года (то есть через полтора года после своей смерти) для поддержки Г.В. Осипова в его избрании академиком РАН, членом которой он (Л.Ф. Ильичев) не был, оставаясь академиком уже фактически не существующей АН СССР.

5

Не менее экзотично выглядит и изложенная Г.В. Осиповым ситуация, когда, по его словам, он в свое время приложил руку к избранию Ю.П. Францева «в члены академии»: «...однажды (в советском 1958 году. – А.К.) на ученом совете Института филосо-

Для осуществления экспертизы описанной Г.В. Осиповым истории по выдвижению Ю.П. Францева членом-корреспондентом АН СССР обратимся к хранящемуся в Архиве РАН протоколу № 6 заседания ученого совета Института философии от 29 апреля 1958 года, который в целом и в деталях отвергает эту легенду, сочиненную на фактах, не имевших места в жизни.

фии происходило выдвижение в члены-корреспонденты АН СССР. Все желающие уже высказались. В это время в зал вошел Францев. Я поднял руку и сказал: «У меня есть предложение выдвинуть кандидатом в члены-корреспонденты АН СССР Ю.П. Францева...» Ученый совет поддержал мое предложение, и на Отделении философии и экономики (в указанное время функционировало Отделение экономических, философских и правовых наук. – А.К.), несмотря на большое число конкурентов, он был избран членом-корреспондентом АН СССР, а затем утвержден общим собранием Академии наук» (подчеркнуто нами. – А.К.) (см.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 514). Ключевая мысль в этом пассаже – решающая роль в избрании Ю.П. Францева членом-корреспондентом АН СССР принадлежит Г.В. Осипову, а не 23 членам ученого совета, принимавшим участие в этом заседании. Ведь никто из них, и прежде всего мэтры советской философии П.Н. Федосеев, Ф.В. Константинов, П.В. Копнин, Б.М. Кедров, М.М. Розенталя и др., не нашли нужным внести на обсуждение кандидатуру Ю.П. Францева – заведующего кафедрой АОН при ЦК КПСС, бывшего ректора МГИМО, готовившегося сменить это амплу на пост ректора Академии общественных наук. «Справедливость восстановил» кандидат философских наук Г.В. Осипов, который, вдруг (!) якобы увидев заходящего в зал в конце заседания Юрия Павловича, поднятием своей руки решительно развернул ситуацию в противоположную сторону и открыл «растерявшемуся от неожиданности Юрию Павловичу» («Да что вы, зачем?» – якобы произнес он) путь в Большую Академию.

Прежде всего, абсолютно неправдоподобно утверждение о том, что вопрос о кандидатуре Ю.П. Францева как кандидата в члены-корреспонденты возник в самом конце заседания ученого совета, когда, по словам Г.В. Осипова, «все уже выступили», а он выдвинул кандидатуру Юрия Павловича и фактически исправил «ошибку» сидящих в зале заседаний 23 членов ученого совета, включая П.Н. Федосеева, Ф.В. Константинова, П.В. Копнина, М.Т. Иовчука, М.Я. Каммари, М.М. Розенталя и др. Правда же состоит в том, что до так называемого выдвижения Г.В. Осиповым кандидатуры Ю.П. Францева в зале заседаний произошли такие события: включение в повестку дня первым пунктом вопроса о выдвижении кандидатов в члены-корреспонденты АН СССР, в числе которых значилась фамилия Ю.П. Францева; обсуждение внесенных кандидатур (выступило всего 10 человек); проведение голосования (кандидатура Ю.П. Францева получила 100% голосов). И вот Г.В. Осипов пытается изобразить дело таким образом, что ничего этого не было, что именно он своим выступлением решил судьбу Юрия Павловича. Но, увы, – в упоминавшемся нами протоколе № 6 заседания ученого совета в списке лиц, выдвигавших кандидатуры в члены-корреспонденты и принимавших участие в их обсуждении, фамилия Г.В. Осипова вообще отсутствует (?!). Весьма показательно и то, что указанный протокол скреплен подписью в том числе и ученого секретаря ученого совета Института философии АН СССР, кандидата философских наук Г.В. Осипова (!!!).

Результат – и по сей день в информационном пространстве гуляют две версии описанных выше событий – и достоверная, изложенная в протоколе № 6, подписанном Г.В. Осиповым (см.: АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 944. Л. 1–2), и сочиненная тем же Г.В. Осиповым в постсоветское время легенда, не имеющая ничего общего с реальностью.

Оценка Г.В. Осиповым вклада в социологию директора Института философии, многолетнего вице-президента АН СССР по общественным наукам, академика П.Н. Федосеева, которую он дал в постсоветском 2005 году: «Ясного представления о социологии как самостоятельной науке (подчеркнуто нами. – А.К.) со своим уже сложившимся категориальным аппаратом у него (то есть П.Н. Федосеева. – А.К.) не было. Причем, когда оно появилось, он все настойчивее стал тормозить мою инициативу» (?!) (см.: Митрохин Л.М. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 503). В другом месте он говорит о «половинчатой позиции» Федосеева в признании научного статуса социологии, о том, что «он сыграл негативную роль в судьбе Института социально-политических исследований, практически санкционировав его разгром» (см.: Осипов Г.В. Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 506, 509).

Для сравнения – Г.В. Осипов в докладной записке Генеральному секретарю ЦК КПСС М.С. Горбачеву от 14 мая 1985 года писал: «В начале 60-х годов по инициативе академика П.Н. Федосеева в стране впервые стали проводиться конкретные социологические исследования. Академики П.Н. Федосеев, Л.Ф. Ильичев и другие советские ученые обосновали статус социологии как самостоятельной науки об обществе» (подчеркнуто нами. – А.К.). Это – далеко не единственный случай, когда Г.В. Осипов в разное политическое время свои оценки коллег, в том числе и тех, с кем тесно сотрудничал, менял на противоположные, как правило, с плюса на минус.

Так, своим соавторам научных публикаций в 60–70-е годы, с которыми он демонстрировал общность марксистско-ленинских теоретико-методологических позиций в социологии, в том числе и в признании исключительной роли истмата, в постсоветское время он приклеил такие ярлыки: Ф.В. Константинов занимал по отношению к социологии «явно враждебную позицию», он был «наиболее злобным противником социологии», имевшим о ней «весьма смутное представление» (?!). Создатель же и первый председатель Советской социологической ассоциации Ю.П. Францев объявлен «несоциологом», «нейтрально» относящимся к социологии, он «ревниво относился к людям, которые всерьез занимались наукой», более того, председателем ССА он избирался «временно», так как якобы заранее предполагалось, что его в ближайшее время на этом посту должен заменить «настоящий социолог» Г.В. Осипов.

Что касается преднамеренного «торможения» П.Н. Федосеевым инициатив Г.В. Осипова в области социологии, то экспертиза показала: если, как свидетельствует его коллега по институту, академик П.Н. Федосеев в ту пору благоволил Осипову, стремительно проведя его за пять лет от секретаря комитета ВЛКСМ до ученого секретаря и своего заместителя, даровав с барского плеча сектор в Институте философии (см.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб.: изд-во РХГИ, 1999. С. 27), то со временем при обсуждении возможных кандидатур на пост директора института вице-президент академии наук академик П.Н. Федосеев заявил: «Г.В. Осипов уже занимал руководящую должность в институте, и этот опыт оказался неудачным» (см.: Иванов В.Н. Моя эпоха. Люди и события. М., 2009. С. 120). Между этими двумя событиями – целая полоса многолетних довольно сложных служебных отношений, завершившихся освобождением Г.В. Осипова от должностей заместителя директора института и председателя ССА за серьезные недостатки в работе (см. §1 и §2 главы III настоящего исследования).

По постсоветским утверждениям Г.В. Осипова, академик Ф.В. Константинов с самого начала возрожденческого процесса в социологии «резко», «категорически» выступал против конкретных социологических исследований, ибо якобы предвидел, что социологические исследования, развившись, неизбежно перерастут рамки и прикладной научной деятельности... станут самостоятельной наукой, потеснят и с неизбежностью опровергнут исторический материализм» (?) (см.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 510). Более того, он (то есть Ф.В. Константинов) занимал в целом по отношению к социологии «явно враждебную» позицию (там же, с. 506).

1. Для прояснения вопроса о «резких», «категорических» выступлениях Ф.В. Константинова против социологии обратимся к источнику аж 1950 года, когда Федор Васильевич, развеивая сомнения некоторых исследователей, связавших появление «конкретных исследований» с угрозой «ползучего эмпиризма», писал: «Наоборот, общетеоретические и конкретные исследования будут питать друг друга. Получится своеобразное разделение труда» (подчеркнуто нами. – А.К.) (см.: Константинов Ф.В. Против догматизма и начетничества. Вопросы философии. 1950, № 3. С. 11). То есть он не только не боролся против конкретных исследований, а наоборот, был их сторонником, более того, он рассматривал их в органической связи с общетеоретическими исследованиями, которые, по его мнению, в целом укрепляли теоретические основы социологической науки.

2. Что же касается утверждений Г.В. Осипова о «явно враждебной» позиции Ф.В. Константинова в признании научного статуса социологии, то у объективного ученого не может не возникнуть вопрос: мог ли исследователь с такими взглядами быть одновременно автором таких трудов по социологии, как «Социолог и его роль в общественной жизни» (М.: ИСИ АН СССР, 1974), а также докладчиком от СССР на пленарном заседании V Всемирного социологического конгресса в Вашингтоне (тема доклада «Социология и политика»), на котором он возглавлял делегацию советских социологов. Наконец, факт, имеющий не только научное, но и нравственно-этическое измерение, – цитата о том, что политический деятель «должен понимать природу и сущность социальных явлений, природу движущих сил и законы общественного развития, его общее направление и характер, должен предвидеть ход событий. Отсюда особые требования, предъявляемые политикой и ответственностью к научной социологии. Социология призвана верно указывать главное направление общественного развития и тем самым давать научную основу политики» (подчеркнуто нами. – А.К.).

Приведенные выше слова – из статьи, авторами которой являются высокостатусный ученый Ф.В. Константинов, директор Института философии АН СССР, член-корреспондент Академии наук (через год после этой публикации он станет академиком) и молодой кандидат философских наук, завсектором Института философии Г.В. Осипов, для которого соавторство с такой знаменитостью было не рядовым событием. (См.: Константинов Ф.В., Осипов Г.В. В поисках социологической теории. // Коммунист, 1963, № 2). И вот Г.В. Осипов, демонстрировавший в свое время общность теоретико-методологических позиций по вопросам социологии с Ф.В. Константиновым, в постсоветское время решил не только отгородиться от него китайской стеной, но и представил его как ученого с «явно враждебной» позицией по отношению к научному статусу социологии, только как проповедника догматического истмата. И это в знак благодарности за то, что в свое время Ф.В. Кон-

стантинов на Президиуме Академии наук поддержал предложение назначить его сегодняшнего критика (то есть Г.В. Осипова. – А.К.) заместителем директора академического института.

8

Г.В. Осипов в своих воспоминаниях о дискуссии, состоявшейся в 1969 году в Академии общественных наук при ЦК КПСС по поводу «Лекций по социологии» Ю.А. Левады, так рисует якобы возникшее столкновение между ним, замдиректора ИКСИ, доктором философских наук, и академиком АН СССР Ф.В. Константиновым: «Ф.В. Константинов патетически восклицает: “Какую пользу эта книга (“Лекции по социологии” Ю.А. Левады. – А.К.) может принести в борьбе рабочего класса Латинской Америки против засилья империализма?” Тут я (то есть Г.В. Осипов. – А.К.) не выдержал: “А какое значение, Федор Васильевич, ваш “Исторический материализм” имеет в борьбе рабочего класса за свержение существующего капиталистического строя?” Молчание. Ф.В. Константинов буквально с кулаками набрасывается на меня. И.Д. Панцхава с трудом разнимает нас» (подчеркнуто нами. – А.К.) (см.: Осипов Г.В. Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 439).

Приведенный пассаж – стремление его автора продемонстрировать постсоветскому читателю свою неодолимую страсть бороться не только с историческим материализмом как теорией, но и с ее конкретными носителями (в данном случае с академиком Ф.В. Константиновым), причем даже в жанре «кулачного боя» – между 68-летним академиком и 40-летним замдиректора академического института (!). Но, как свидетельствует опубликованный отчет об этом мероприятии, перед нами в данном случае придумка – примитивная, но с большими амбициями автора. В отчете – ни слова о приведенном выше сюжете, в нем нет не только диалога между Ф.В. Константиновым и Г.В. Осиповым, но даже хотя бы каких-то кратких реплик между ними. Назвав себя в постсоветское время «основным докладчиком» на этом мероприятии (в действительности же на этом совещании ему была отведена роль одного из руководителей института, который должен был объяснить присутствующим причину допущенных в институте недостатков), Г.В. Осипов в своем выступлении ближе к концу дискуссии назвал лекции Ю.А. Левады «незрелыми», обратил внимание на некритическое использование автором «Лекций по социологии» понятийного аппарата «буржуазной социологии», на отсутствие содержательного анализа социальной действительности и абстрактность понятий; дискуссию назвал «весьма плодотворной» (в постсоветское время он назовет ее «погромом»), заверил аудиторию, что институтом будут проанализированы ее итоги и будут приняты соответствующие решения, и заявил при этом, что исторический материализм является единственно научной общесоциологической теорией и методологией социологии.

9

Г.В. Осипов, говоря о его встрече с П. Сорокиным на Вашингтонском социологическом конгрессе, пишет, что социолог-эмигрант «стал делиться впечатлениями о выступлениях на конгрессе, очень хорошо отозвался о только что закончившем доклад Б.Ц. Урланисе, который говорил конкретно, приводил многочисленные статистические данные. Сорокин сказал, что Урланис даже тех, кто предвзято относился к России, заставил изменить свое мнение» (см.: Встречи с Питиримом Сорокиным. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2003. С. 14).

Документальными источниками не подтверждается не только восхитительный комментарий П. Сорокина к докладу Б.Ц. Урланиса, но и присутствие последнего на конгрессе: его фамилия отсутствует в списке состава официальной делегации советских ученых на Вашингтонском конгрессе, утвержденном решением Секретариата ЦК КПСС 11 августа 1962 года; не значится он и в направленном в ЦК КПСС главой советской делегации на конгрессе Ф.В. Константиновым официальном отчете о работе конгресса, в котором (отчете) указаны не только докладчики, но и выступающие от СССР.

По утверждению Г.В. Осипова, когда при рассмотрении вопроса о приглашении социолога-эмигранта Сорокина в Москву показали генсеку Брежневу «расстрельную» резолюцию Ленина, тот заявил: «Вы что, хотите столкнуть меня с В.И. Лениным?! Его распоряжение я отменить не могу. И если кто-то... вознамерится его выполнить, я этому не воспрепятствую» (см.: Встречи с Питиримом Сорокиным / под ред. д. ф. н. И.Б. Орловой. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2003. С. 18).

Л.И. Брежнев никак не мог солидаризироваться с ленинской расстрельной резолюцией, которой, как доказано в ходе исследования, вообще не было (см. п. 2 Приложения 1). Этот сюжет – зловещая придумка. Слова же «о немедленном расстреле» призваны придать фальшивке еще больший драматизм. Но как ленинская расстрельная резолюция, так и цитата, якобы принадлежащая Л.И. Брежневу, не имеют документальных подтверждений.

Из заявления Г.В. Осипова на сессии РАН в связи с 50-летием возрождения социологии в России: «В 1922 году из страны на нескольких пароходах был выслан 161 деятель науки и культуры, среди которых и был Питирим Сорокин, выдающийся русско-американский социолог» (подчеркнуто нами. – А.К.).

1) В списках отправленных за границу инакомыслящих – 29 сентября 1922 года из Петрограда пароходом «Обербургомистр Хакен», 16 ноября 1922 года из Петрограда пароходом «Пруссия», в середине сентября 1922 года на пароходе из Одессы в Константинополь – фамилия социолога П.А. Сорокина не значится. Он вместе с супругой самостоятельно уехал поездом с Рижского вокзала 23 сентября 1922 года (а не 1923 года, как утверждает Г.В. Осипов) и после непродолжительного пребывания в Европе (Берлин, Прага) переехал в США.

2) В момент отбытия за границу П.А. Сорокин был российским, а не «русско-американским» социологом. Для того чтобы получить право называться американским социологом, ему пришлось не только ждать до 1930 года натурализации, но и изрядно потрудиться в американских университетах.

Г.В. Осипов, описывая прямо-таки «героические» усилия, проявленные им перед властью (ЦК КПСС!) по приглашению социолога-эмигранта П.А. Сорокина в Москву, завершил: «...путь П. Сорокина оказался навсегда закрыт. В представлении партийных чиновников (имеется в виду ЦК КПСС. – А.К.) Сорокин всегда оставался безусловным врагом советской системы». В свою очередь, солидаризируясь с Г.В. Осиповым, профессор И.Б. Орлова говорит о «неудавшихся попытках (Г.В. Осипова. – А.К.) организовать официальное приглашение Питирима Александровича в СССР».

По свидетельству самого П. Сорокина, основной и единственной причиной не состоявшихся в 60-е годы его поездок в Москву были препятствия, чинимые американскими властями. Первое приглашение посетить Москву для участия во Всемирном конгрессе по разоружению ему было вручено летом 1962 года, а вопрос о его визите в СССР вместе с женой в 1964 году был решен советскими властями в 1963 году, то есть задолго до того, как, по словам Г.В. Осипова, он занялся «по личной инициативе» организацией визита социолога-эмигранта. Упомянутые же выше два визита не состоялись по двум причинам: а) беспрецедентное давление администрации президента США и Госдепа, вынудивших Сорокина отказаться от поездок по политическим соображениям. П. Сорокин подтверждает, что, когда он получил от госсекретаря США А.Д. Раска письмо с «рекомендацией» отказаться от второго приглашения, «мне стало ясно, что я должен оставить свои надежды до лучших времен». В публикациях при-

При этом и в первом случае, и во втором авторы не подтверждают свои утверждения никакими официальными документами (см.: Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 3, 19; Встречи с Питиримом Сорокиным. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2003. С. 19).

водятся признания самого П. Сорокина о том, что он отказался от поездки в Москву, чтобы не навредить карьере своих сыновей, которая к этому времени у них хорошо складывалась. На этом фоне утверждения Г.В. Осипова о том, что путь на родину Сорокину закрыли навсегда партийные инстанции, – чудовищная фальсификация. Основной же (и единственной) причиной несостоявшегося визита П. Сорокина в Москву по предложению Научного совета АН СССР по истории мировой культуры (3 февраля 1967 года) явилась обнаруженная Главным управлением по охране государственных тайн при контроле поступающей из-за границы литературы книга П. Сорокина, в которой по отношению к СССР допущены «различные враждебные высказывания», он (Советский Союз) ставится на одну доску с фашизмом, а жизнь советского народа представлена как «апатичная покорность безжалостному подавлению» и т.д. То есть на этот раз поездку в Москву перекрыл П. Сорокин сам себе.

По широко растиражированному утверждению Г.В. Осипова, в 1929 году в Институте философии Коммунистической академии на дискуссии «по проблемам философии и социологии» произошел переворот и запрет социологии, она была объявлена якобы лженаукой, придуманной реакционером Контом, социология «на государственном уровне утратила гражданский и научный статус. Более чем на два десятилетия развитие отечественной социологии было приостановлено». При этом сделана ссылка: материал об этой дискуссии опубликован в журнале «Под знаменем марксизма» в 1929 году.

Анализ всех имеющихся ныне и приведенных в нашем исследовании источников не подтвердил не только наличие документов, в которых социология официально запрещалась бы и объявлялась лженаукой, но и проведение в 1929 году в Институте философии Коммунистической академии самой дискуссии по проблемам социологии. В 1929–1931 годах в Комакадемии, Институте красной профессуры и на других площадках, как свидетельствует вышедший в 1931 году сборник статей «За поворот на философском фронте», состоялось несколько общеполитических дискуссий, в которых социологическая проблематика была на периферии внимания участников дискуссий при полном отсутствии запретительных или ликвидаторских мер по отношению к социологии. Г.В. Осипов в качестве источника публикации оглашенной им социологической дискуссии дал только название журнала и год его издания (1929), не указав фамилию автора, название статьи, номер журнала. Анализ же содержания всех 12 номеров журнала «Под знаменем марксизма» за 1929 год не подтвердил наличия таких материалов. Не указано и авторство цитированного текста – решение ЦК? Министерства? Президиума Комакадемии? Ученого совета Института философии? Или это выдержки из выступлений конкретных авторов как демонстрация плюрализма мнений?

Несколько акций, состоявшихся после так называемой дискуссии в Институте философии, свидетельствуют об отсутствии официального запрета социологии в период 1929–1955 годов.

а) Так, в журнале «Историк-марксист» № 12 за 1929 год, то есть уже после объявленного, по Г.В. Осипову, «запрета» социологии, опубликованы материалы состоявшейся в этом же году дискуссии на открытом заседании социологической секции Общества историков-марксистов «О марксистском понимании социологии», которые своим содержанием полностью отрицают какие-либо запретительные акции.

б) В 1929 году руководство Института философии Комкадемии при планировании многотомной Философской энциклопедии предусмотрело публикацию в ней: общего историко-социологического очерка 40-х и 50-х годов с выделением отдельных сюжетов по Германии, Франции, Англии; материалов по критике буржуазной социологии, по «преодолению буржуазной социологии» и «дальнейшему развитию марксистских общественных наук».

в) Публикация в журнале «Под знаменем марксизма» обширной положительной статьи, посвященной увидевшей свет в 1929 году фундаментальной монографии С.А. Оранского «Основные вопросы марксистской социологии».

г) Уже на следующий год после объявленной Г.В. Осиповым «запретной» по отношению к социологии дискуссии вышел третий том Малой советской энциклопедии, в которой нашла отражение социологическая проблематика, в том числе критика социолога Н.И. Карева.

д) В декабре 1930 года на методологической секции Общества историков-марксистов состоялась дискуссия, поводом для которой послужило то, что Н.И. Карев, во-первых, отказался рассматривать исторический материализм как социологию, а во-вторых, «пытался обосновать социологическую буржуазную науку». В свою очередь, Н.И. Карев в письме в редакцию Малой советской энциклопедии (9 января 1931 года) позиционировал себя в качестве «конкретного историка», «социолога-теоретика исторического знания, методолога».

е) В 1936 году журнал «Под знаменем марксизма» разъяснил, что нет никаких оснований считать термин «социология» опознанным буржуазными учеными, что марксистская общественная наука и есть социология. Было также установлено, что И.В. Сталин употребил слово «социология» в «положительном смысле».

ж) В вышедшем в 1947 году 52 томе Большой советской энциклопедии опубликована фундаментальная статья профессора М.П. Баскина «Социология»; такая статья была помещена и во 2-м издании (1957).

з) Г. Батыгин в коллективной монографии «Социология в России» (1998) отметил, что после разгрома деборинцев в 1931 году «социология» восстановила свои позиции в теоретическом лексиконе советского марксизма».

и) Возглавляемый Г.В. Осиповым редакционный совет сборника документов «Социология и власть» во вступлении к нему (сборнику) отметил, что в 20–30-е годы «официально социология не находилась под запретом, но была трансформирована».

Г.В. Осиповым растражировано утверждение, что председателем правления Советской социологической ассоциации избирался «несоциолог» Ю.П. Францев, причем «времен-

Подобные пассажи – личные устремления их автора закрепить за собой особое место в учреждении Советской социологической ассоциации, отодвинув на второй план ее истинных инициаторов и создателей. Документально подтверждается:

но», его же заместителем – «настоящий социолог» Г.В. Осипов, который в самое ближайшее время должен был сменить «кистматчика» на посту руководителя ССА. В информационном пространстве циркулирует и такое утверждение: Ю.П. Францев, «не занимаясь социологией... однако, принял решение возглавить эту ассоциацию (ССА – А.К.), разумеется, при условии, что его заместителем станет действительный социолог Г.В. Осипов (подчеркнуто в первоисточнике: Академик Г.В. Осипов – патриарх социологии. М.: Наука, 2009. С. 49).

а) если Г.В. Осипов считает Ю.П. Францева «несоциологом», то в записке Отдела науки, вузов и школ ЦК КПСС от 5 февраля 1958 года, внесенной для рассмотрения в Комиссию ЦК КПСС, говорилось: «Председателем Советской социологической ассоциации считали бы целесообразным утвердить доктора исторических наук т. Францева Г.П., являющегося видным специалистом по современной зарубежной социологии» (подчеркнуто нами. – А.К.). Если к моменту создания ССА (1958) «настоящий социолог» Г.В. Осипов не имел ни одной солидной работы по социологии (о чем свидетельствует опубликованный им же список его научных трудов), то за плечами «несоциолога» Ю.П. Францева – участие в конце 40-х годов в «социологическом триумвирате» (Ю.П. Францев, Г.Ф. Александров, П.Н. Федосеев), публикация статей по социологии в журнале «Большевик» (1946) и чуть позже в «Правде» по проблемам буржуазной социологии и политической идеологии. Он автор фундаментальных монографий «Исторические пути социальной мысли» и «Философия и социология».

б) Вопрос о временном исполнении Ю.П. Францевым обязанностей председателя ССА в ЦК КПСС не рассматривался, а Президиумом АН СССР в инстанции он в такой постановке не вносился. Более того, по рекомендации указанных органов он уже в ранге председателя ССА на IV Всемирном социологическом конгрессе был рекомендован и избран членом совета Международной социологической ассоциации на период 1959–1961 годов. «Временщиков» туда не избирали!

в) Утверждение о том, что «несоциолог» Ю.П. Францев согласился возглавить ССА при обязательном условии, что его заместителем «станет действительный социолог Г.В. Осипов», – красивая придумка. Кадровая судьба Г.В. Осипова тогда решилась только после того, как 11 февраля 1958 года (о чем свидетельствуют официальные документы) Комиссия ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей по докладной записке Отдела науки, вузов и школ ЦК КПСС от 5 февраля приняла постановление о создании Советской социологической ассоциации, ее вступлении в МСС и об утверждении председателем ССА Ю.П. Францева, который только после этого как уже утвержденный руководитель новой организации внес предложение об избрании Г.В. Осипова на предстоящем учредительном собрании своим заместителем.

Постсоветские оценки Г.В. Осиповым отношений социологии и власти в советское время: «С самого начала вокруг нас (социологов. – А.К.) сложилась атмосфера подозрительности и недоверия»; «социологию лишили права гражданства, она была объявлена чуждой советской власти буржуазной наукой»; произошли

В советское же время отношения социологии и власти Г.В. Осипов оценивал так: «Характерную черту деятельности советских социологов составляет тесная и все укрепляющаяся связь с партийными и другими организациями», «помощь партийным, советским, хозяйственным и другим практическим работникам, а в конечном счете народу» – «эта цель сознательно преследуется советскими социологами, в этом состоит их коммунистическая партийность». Утверждалось и о предпосылках «для превращения советских социологов в передовой отряд социоло-

«неприятие социологической науки и борьба парткратического режима с конкретными носителями социологического знания». Версию развития социологии Г.В. Осипов изложил как «опыт полувекового противоборства социологов-шестидесятников и партийных функционеров, социологии и власти». Ему же принадлежит и такой вывод: «Вопреки воле партийного руководства в стране стихийно сложилось мощное социологическое движение». Для того чтобы подсчитать объявленные им, но документально не подтвержденные версии о «запретах», «упразднениях», «разгромах» социологии – без бухгалтера не обойтись.

гов-марксистов всего мира» (см.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 577–634).

16

Г.В. Осипов: «Озабоченный стремлением повысить свою популярность и столкнувшись с жестким выбором – форсированный переход к коммунизму или переход к товарно-денежным отношениям, он (М.С. Горбачев. – А.К.) под влиянием Т.И. Заславской и других (подчеркнуто нами. – А.К.) принимает решение в пользу первого (то есть “форсированного перехода к коммунизму”. – А.К.), как бы повторяя хрущевскую программу построения коммунизма для живущего поколения». Этот пассаж используется для того, чтобы подтвердить, что М.С. Горбачев якобы вносил в готовящийся проект принятого 7 июля 1998 года постановления Политбюро ЦК КПСС по социологии поправки, ориентирующие на повышение роли «марксистско-ленинской социологии» в «коммунистическом строительстве» (см.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 457).

Эта многослойная фальшивка включает несколько элементов.

1) Г.В. Осипов, перепечатывая текст беседы с ним Л.Н. Митрохина из монографии «Мои философские собеседники», поступает точно так же, как и в случае с Л.Ф. Ильичевым (см. п. 4 настоящего приложения). В подготовленную им вместе с Л.Н. Москвичевым книгу «Социология и власть» он, не указывая на факт перепечатки из книги Л.Н. Митрохина «Мои философские собеседники» (копирайт принадлежит Л.Н. Митрохину), в фразе митрохинской версии беседы о том, что Горбачев «под влиянием некоторых экономистов принимает решение» не в пользу «перехода к товарно-денежным отношениям», а к «форсированному переходу к коммунизму», слова «под влиянием некоторых экономистов» собственноручно и преднамеренно правит на «под влиянием Заславской и других» (подчеркнуто нами. – А.К.). Фальсификация – налицо!

2) Имеющаяся в распоряжении исследователей стенограмма обсуждения проекта постановления по социологии и свидетельства членов комиссии, готовившей его, не подтверждают внесение Горбачевым упомянутых выше правок. Подтасовка!

3) Говорить о том, что в 1988 году под влиянием Т.И. Заславской Горбачев ориентировал социологию на «форсированный переход к коммунизму», – абсурд: Горбачев в 1987 году в докладе на торжествах, посвященных Октябрю, ярко продемонстрировал отказ от коммунистической риторики, а труды Т.И. Заславской этого времени однозначно отмечены рыночными приоритетами.

4) Цель в данном случае – компроментационный подтекст в адрес и Горбачева, и Заславской.

Г.В. Осипов: «Когда начался процесс против социологии и, в частности, критика лекций Ю.А. Левады, я координировал свою деятельность по решению этого вопроса вместе с ректором МГУ И.Г. Петровским. Мало кто знает, что трагический уход из жизни Ивана Георгиевича в январе 1973 года был косвенно связан с травлей социологии, которую развязали партийные органы, и с той борьбой за науку, которую он вел. Накануне трагического дня у меня состоялся с ним телефонный разговор. «Сегодня встречаюсь с С.П. Трапезниковым (завотделом науки ЦК КПСС. – А.К.), – сказал он. – Надеюсь, что мне удастся убедить его прекратить травлю социологии и социологов. О результатах встречи перезвоню». И.Г. Петровский мне не перезвонил – после разговора с чиновником он умер от сердечного приступа в его приемной» (см.: Осипов Г.В. Возрождение социологии в России: как это было на самом деле. СПб.: СПбУП, 2010. С. 16; Социология и общество: пути взаимодействия. М.: Вече, 2010. С. 31).

Ни один из эпизодов этого трагического сюжета документально не подтверждается. Экспертиза всех имеющихся на этот счет источников показала: а) по свидетельству академика А.Д. Сахарова, в первой половине дня 15 апреля 1973 года у него состоялась острая (стучали даже кулаками по столу) очередная и безрезультатная встреча с Г.И. Петровским в связи с отчислением из университета его дочери Тани; пребывая в крайне возбужденном состоянии от эмоционального диалога двух академиков, ректор МГУ поехал к завотделом ЦК С.П. Трапезникову решать вопрос о передаче МГУ от провинциальных университетов некоторых функций по подготовке аспирантов, но не проблем социологии и профессиональной судьбы Ю.А. Левады, как об этом пишет Осипов; С.П. Трапезников отнесся к докладной записке И.Г. Петровского отрицательно, тот, как пишет А.Д. Сахаров, «очень разнервничался, вышел во двор ЦК, там упал и умер» (Осипов пишет, что это произошло в приемной чиновника); б) как пишет А.Д. Сахаров, виновным в случившемся с И.Г. Петровским коллегами по АН СССР был обвинен он, то есть Андрей Дмитриевич; в) крайне существенная хронологическая нестыковка событий: черта под делом Левады была подведена в конце 1969 года, а ректор МГУ (после «координации» действий с Осиповым!) вдруг решил заняться этим вопросом 15 января 1973 года, когда бури вокруг левадовских лекций давно отгремели и ситуация вошла в приемлемое русло; г) совершенно невозможно совместить то, что 9 декабря 1969 года по предложению Г.В. Осипова вынесено Ю.А. Леваде партийное взыскание с формулировкой, которая прошла все без исключения партийные инстанции (от партийного бюро института до ЦК КПСС), с тем, что в январе 1973 года он «объединенными» силами с ректором МГУ стал бороться за профессиональную честь Ю.А. Левады; д) объективному человеку, даже в случае если его посетила буйная фантазия, невозможно представить такую ситуацию, когда профессиональная судьба оскандалившегося сотрудника академического института (Ю.А. Левады) решалась бы Г.В. Осиповым не с директором этого института (академиком А.М. Румянцевым) и не с президиумом АН СССР (в котором А.М. Румянцев был вице-президентом), а путем координации действий с ректором МГУ (?), да еще и в условиях, когда в описываемое время сам Г.В. Осипов оказался «бездолжностным» работником института. Еще 28 декабря 1972 года в соответствии с постановлением Президиума АН СССР № 1150 он был освобожден от обязанностей заместителя директора ИКСИ за допущенные в работе серьезные недостатки, и в период, когда, по его словам, он осуществлял «координирующую» функцию между ректором МГУ и заведующим отделом ЦК, он пребывал в подвешенном состоянии, в тревоге ожидая дня 12 января 1973 года, когда ученый совет института должен был утвердить его заведующим сектором ИКСИ; е) невозможно представить и такую ситуацию, когда ректор МГУ «на смерть» защищает Ю.А. Леваду в ЦК, а проректор этого же вуза

И.А. Хлябич разбирается с объяснительной запиской Ю.А. Левады, в которой последний признает серьезные недостатки в прочитанных в МГУ его лекциях; ж) утверждение Г.В. Осипова о борьбе И.Г. Петровского с партийной властью по защите социологии вообще и Ю.А. Левады в частности не подтверждается ни одним легитимным источником, прежде всего официальными документами, архивными материалами, наконец, уникальным изданием Е.В. Ильченко «Академик И.Г. Петровский – ректор Московского университета», в котором скрупулезно собрано все документальное наследие самого академика, а также материалы о нем других авторов.

Общий вывод: треугольник Петровский – Сахаров – Трапезников «реконструирован» на треугольник Петровский – Осипов – Трапезников с полной заменой содержания происшедших в его (треугольника) рамках событий, в которых Г.В. Осипов сам для себя определил ключевую роль координатора... не имевших места событий (!).

Версии о создании сектора новых форм труда и быта: «В 1960 году Г.В. Осипов возглавил первое в стране после 1920-х годов научное социологическое подразделение» (академик А.А. Кокошин); Осипов «был руководителем первой в СССР научной структуры, получившей после периода жестких запретов право заниматься социологией (профессор И.Б. Орлова); Г.В. Осипов «основатель первичной социологической институции – сектора новых форм труда и быта» (академик Л.Н. Митрохин); об организации в 1960 году «первого в стране социологического подразделения под названием “Сектор новых форм труда и быта”» пишет сам Г.В. Осипов. Во всех перечисленных выше случаях внимание акцентируется на личном «первопроходчестве» Г.В. Осипова в этом деле и совершенно игнорируется роль Президиума АН СССР, руководства Института философии в осуществлении социологических преобразований, а также работа в этом направлении, проводившаяся тогда по линии разных научных организаций, вузов, государственных организаций; совершенно замалчиваются пусть и скромные, но имевшие место акции в социологии до 1960 года.

1) Первым после Великой Отечественной войны социологическим подразделением в стране стал созданный к осени 1946 года в Институте философии АН СССР сектор социологии под руководством профессора М. Баскина.

2) В 1953 году в Институте философии АН СССР создан сектор критики буржуазной философии и социологии.

3) Двумя после баскинского сектора социологии легитимными социологическими структурами стали созданные путем реорганизации сектора критики современной буржуазной философии и социологии Института философии АН СССР: а) группы критики современной буржуазной социологии; б) группы современной буржуазной философии и социологии.

4) В 1959 году в составе руководимого Ю.П. Францевым сектора исторического материализма Института философии была создана группа социологических исследований для выполнения конкретной исследовательской программы «Новые формы труда и быта», опыт работы которой и ее название были использованы при создании сектора новых форм труда и быта.

5) Решающим условием одновременной организации в 1960 году четырех социологических структур (социологической лаборатории в ЛГУ, межкафедральной социологической лаборатории на философском факультете МГУ, лаборатории социологических исследований в АОН при ЦК КПСС и сектора новых форм труда и быта в Институте философии) стала докладная записка участников IV Всемирного конгресса социологов П.Н. Федосеева и Ю.П. Францева с постановкой перед ЦК КПСС вопросов решения назревших содержательных и структурных проблем социологии. В этих условиях искать и определять единственного «первопроходца» – занятие крайне непродуктивное и бессмысленное, не говоря уже о его нравственно-этической некорректности.

Версия И. Земцова о создании первого в стране сектора социологии: в начале 1955 года (то есть тогда, когда Г.В. Осипов был аспирантом Института философии. – А.К.) Геннадий Васильевич якобы «заручился поддержкой академика Константинова, чтобы убедить Хрущева (!) одобрить проведение социологического исследования факторов, обуславливающих массовый исход молодежи из целинных земель»; «Константинов представил Осипова приемному сыну Хрущева А. Аджубею» (?); Хрущев, понимающий «всю опасность социологических исследований», решился «пойти на риск и распорядился создать в Советском Союзе сектор, занимающийся социологией»; «Осипов (не имевший в это время никакого отношения к социологии. – А.К.) составил проект и программу исследования и положил документы прямо на стол Хрущева, минуя его секретариат» (см.: Социология в СССР: взгляд изнутри и извне. М.: Вече, 2008. С. 416).

Эта легенда относится к тому жанру фальшивок, которые вообще нет смысла проверять. Информацию типа того, что аспирант третьего курса обучения, минуя секретариат генсека, кладет ему на стол проект и программу социологического исследования об исходе из целины молодежи (которая, как свидетельствует хронология описываемых событий, туда еще не приехала!), включение в качестве посредников между Осиповым и Хрущевым «приемного сына Хрущева А. Аджубея» (?) и заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС Ф.В. Константинова – все это плод больного воображения, к которому человек со здравым рассудком не должен даже прикасаться. Суть – в другом: как такая ересь могла быть опубликована в издании с грифом академического института?

Г.В. Осипов: «Институт (ИКСИ. – А.К.) был создан не в соответствии с “выступлениями академиков” в ноябре 1956 года (речь идет о выступлениях на заседаниях Идеологической комиссии ЦК КПСС и общем собрании Академии наук. – А.К.), а как результат обсуждения доклада председателя Советской социологической ассоциации (то есть его. – А.К.) в Отделе науки и вузов ЦК КПСС (апрель 1968 года)». В другом месте он пишет, что институт «мне пришлось создавать второй раз», что означает – первый раз он это сделал при учреждении ИКСИ в 1968 году. Об Г.В. Осипове как инициаторе «создания двух институтов» говорит

В ходе исследования версия о создании ИКСИ как результате обсуждения доклада председателя ССА, состоявшегося в Отделе науки и вузов ЦК КПСС в апреле 1968 года, как и о проведении в указанное время упомянутого заседания отдела ЦК, которое было якобы инициировано докладом А.М. Румянцева и Г.В. Осипова, направленным в феврале 1966 года для рассмотрения в АН СССР и Министерство среднего и специального образования (в другом месте Г.В. Осипов указывает, что документ был передан завотделом ЦК КПСС С.П. Трапезникову), – документального подтверждения не получила. Официальные документы АН СССР, отделов ЦК КПСС, Секретариата и Политбюро ЦК говорят о другом. Ключевую роль в создании в системе АН СССР самостоятельного социологического института сыграли такие акции: одобрение Идеологической комиссией при ЦК КПСС (15–18 ноября 1965) предложения докладчика на этом заседании вице-президента АН СССР П.Н. Федосеева о создании социологического института (идею докладчика поддержал выступивший в прениях академик М.Б. Митин); постановление общего собрания

В.И. Жуков; инициатором создания ИКСИ назвал Г.В. Осипова Л.Н. Митрохин.

АН СССР «О мероприятиях Академии наук СССР по расширению научно-исследовательской работы по проблемам экономического развития и технического прогресса» (14 декабря 1965), в котором содержится отдельный пункт о создании всесоюзного социологического центра и о поручении Секции общественных наук подготовить соответствующие предложения; направление президентом АН СССР академиком М.В. Келдышем 14 декабря 1965 года докладной записки в ЦК КПСС об итогах общего собрания АН СССР и о принятом на нем решении создать в системе АН СССР Институт социологии (по предложению академиков А.Д. Александрова и М.Б. Митина); постановление Президиума АН СССР «О мерах по улучшению организации и координации конкретных социальных исследований» от 25 февраля 1966 года, в котором ставилась задача создания самостоятельного института конкретных социологических и социально-психологических исследований. Длившаяся на протяжении многих лет работа самых высоких академических и партийных структур еще до описанного Г.В. Осиповым совещания в отделе ЦК в апреле 1968 года завершилась такими акциями: направление 26 октября 1967 года записки Президиума АН СССР в ЦК КПСС с предложением о создании социологического института (название потом уточнялось) и утверждении его директором А.М. Румянцева; передача проекта постановления ЦК для принятия решения по этому вопросу; повторное постановление Президиума АН СССР по этому вопросу; направление отделом ЦК записки руководству ЦК и принятие по этой записке решения Секретариата ЦК КПСС от 2 апреля 1968 года, которым одобрялось создание ИКСИ и назначение А.М. Румянцева его руководителем. Эти решения приняты задолго до упоминавшегося выше так называемого апрельского заседания отдела ЦК 1968 года, на котором Г.В. Осипов якобы инициировал создание института; затем они были подтверждены решением Политбюро ЦК 22 мая 1968 года.

21

И.Г. Земцов: Г.В. Осипов был «первым социологом», занявшим пост председателя ССА, сменив в этом качестве «престарелого философа» Ф. Константинова.

Федор Васильевич Константинов никогда не рассматривался и не избирался председателем правления Советской социологической ассоциации. Г.В. Осипов сменил на этом посту Ю.П. Францева.

22

Г.В. Осипов: «В марте 1991 года Верховный Совет Российской Федерации принимает решение о создании Российской академии наук, заранее зная, что Советский Союз будет ликвидирован. Если бы Президиум АН СССР во главе с Ю.С. Осиповым во-

Автор этой версии сослужил Ю.С. Осипову медвежью услугу, поставив его в крайне неудобное положение: в описываемое время Президиум АН СССР возглавлял академик Г.И. Марчук, а Ю.С. Осипов в это время в качестве президента-организатора РАН возглавлял оргкомитет по ее (РАН) будущему учреждению, и он стал президентом РАН после того, как АН СССР прекратила свое существование. Кроме того, в тексте не проведено четкое

время не принял необходимых мер. появление такой академии означало бы, что все члены АН СССР оказались бы за бортом...» (подчеркнуто нами. – А.К.) (см.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 563).

разграничение двух разных Российских академий наук (РАН), что вносит путаницу в их восприятие: РАН, которая замышлялась в начале 1991 года как структура, входящая в состав АН СССР, и созданная в конце 1991 – начале 1992 годов самостоятельная РАН, заменившая АН СССР после развала СССР. Бездоказательны утверждения и о том, что Верховный Совет Российской Федерации, создавая в марте 1991 года РАН, заранее знал о ликвидации Советского Союза.

23

В.И. Жуков с трибуны учредительного съезда Союза социологов России 27 июля 2007 года заявил, а затем размножил в научных публикациях информацию, что Г.В. Осипов возглавил созданный в 1960 году в Институте философии АН СССР «отдел социологии».

Научного подразделения под названием «отдел социологии» в структуре Института философии АН СССР никогда не было. Не в 1960 году, а 25 февраля 1966 года Президиум АН СССР преобразовал сектор новых форм труда и быта в отдел конкретных социологических исследований Института философии АН СССР.

24

Г.В. Осипов: в 1987 году «в Российской академии наук введена специальность социологии. Действительным членом РАН по социологии избран Г.В. Осипов» (Осипов Г.В. Социология и социальное мифотворчество. М.: Норма, 2002. С. 577).

Специальность «социология» была введена 7 июня 1988 года вместо существовавшей ранее специальности «прикладная социология» в соответствии с принятым постановлением Политбюро ЦК КПСС; вводилась она в Академии наук СССР, а не в Российской академии наук, которой в это время не было; Г.В. Осипов не мог стать членом РАН в 1987 году по указанным выше причинам, этот статус он получил в декабре 1991 года.

25

Профессор И.Б. Орлова: Г.В. Осипов был «первым председателем правления Советской социологической ассоциации» (Встречи с Питиримом Сорокиным / под ред. д. ф. н. И.Б. Орловой. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2003. С. 3).

При учреждении Советской социологической ассоциации кандидатура Г.В. Осипова в качестве председателя ССА не рассматривалась ни в Президиуме АН СССР, ни в ЦК КПСС. Первоначально внесенная АН СССР кандидатура на этот пост М.Б. Митина в ЦК КПСС не была поддержана. Первым председателем правления ССА был утвержден Ю.П. Францев Комиссией ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных отношений 11 февраля 1958 года по записке Отдела науки, вузов и школ ЦК КПСС от 5 февраля 1958 года.

26

Г.В. Осипову принадлежат такие сделанные в постсоветское время заявления: «Не избежал репрессий и я»; «был поставлен вопрос о запрещении... мне заниматься научной деятельностью» (даже не только социологией, а всей научной деятельностью. – А.К.); а вице-президент АН СССР П.Н. Федосеев якобы обра-

логику таких ничем не подкрепленных деклараций можно проиллюстрировать на примере расшифровки тезиса «Не избежал репрессий и я», который провозгласил Г.В. Осипов, комментируя постановление Президиума АН СССР, «инспирируемое», по его словам, вице-президентом АН СССР П.Н. Федосеевым. Но дело в том, что в документе шел разговор о служебных наказаниях за допущенные недостатки в работе; о каких-то «репрессиях» в нем ни слова не было сказано, да и быть этого не могло – репрессии никогда не входили в функцию Президиума АН СССР. В таком

щался к следователю суда с просьбой дать сотруднику института Г.В. Осипову «года два условных – чтобы другим было неповадно»; директор института Ф.В. Константинов якобы приглашал его жену Лену для того, чтобы предупредить: «Если Осипов не изменит своих взглядов, то через год вы окажетесь с ним в Сибири». Постсоветские публикации Г.В. Осипова насыщены ссылками на то, что он подвергался гонениям со стороны советских властей и руководства АН СССР за якобы его неверные политические взгляды, за приверженность «буржуазной социологии» и т.д., и т.п.

же духе (но со своей спецификой) можно было бы прокомментировать и остальные названные Г.В. Осиповым заявления, представляющие собой не что иное как «фэнтези самогероизации». Кто может поверить в то, что, например, вице-президент АН СССР обращается к следователю районного суда с просьбой дать сотруднику академического института «года два условных»?

27

Л.Н. Москвичев: тезис «к концу 20-х – началу 30-х годов возникает оценка, отражающая отрицательное отношение власти к социологии вообще» он подкрепил такими «аргументами»: «Так, в примечаниях, подготовленных Институтом В.И. Ленина при ЦК ВКП(б) к XXIII тому 2-го издания сочинений В.И. Ленина (этот том опубликован в 1930 году. – А.К.) говорится, что П.А. Сорокин в 1919–1920 годах был «преподавателем псевдонаучной “социологии” в Петроградском университете и других вузах». А после этого последовал неожиданный вывод: «Так фактически на официальном уровне социология была объявлена псевдонаукой». И, наконец, заключительные слова этого пассажа: «Любопытно отметить, что это собрание выходило под руководством Н.И. Бухарина, В.М. Молотова, М.А. Савельева» (см.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 489).

Объявление «на официальном уровне» социологии псевдонаукой в 1930 году на основе примечаний к XXIII тому 2-го издания сочинений В.И. Ленина, куда вошли его работы за 1918–1919 годы, – некорректно. К тому же после выхода в свет этого тома он был подвергнут серьезной критике со стороны научного сообщества и официальных властей за недостатки, касающиеся как содержательных проблем, так и вспомогательного справочного аппарата. ЦК ВКП(б) в своем постановлении «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском “Краткого курса истории ВКП(б)”» от 14 ноября 1938 года, отметив «грубейшие политические ошибки, содержащиеся в приложениях и примечаниях к сочинениям В.И. Ленина» в названном выше томе, обязал Институт Маркса – Энгельса – Ленина «в кратчайший срок исправить их» и ускорить переиздание. Итог – в очередном переиздании ленинских произведений вместо негативной формулировки о Сорокине как «преподавателе псевдонаучной “социологии”» появилась новая, позитивная: «преподавал социологию». Что касается причастности членов Политбюро ЦК ВКП(б) к изданию в 1930 году XXIII тома сочинений В.И. Ленина, то надо иметь в виду, что секретарь ЦК ВКП(б) В.М. Молотов вошел в состав главной редакции издания тогда, когда указанный том был опубликован. А член Политбюро ЦК ВКП(б) Н.И. Бухарин к этому времени лишился не только этого партийного статуса, но и руководящих должностей.

28

В.Н. Кузнецов: «После известной дискуссии в Институте красной профессуры (в начале 30-х годов) социология была объявлена антимарксист-

Такое заявление голословно, оно не подтверждается ни одним официальным документом, и прежде всего опубликованными материалами всех философских дискуссий за 1929–1931 годы («За поворот на философском фронте». Сборник статей.

ской, буржуазной наукой. Теоретические и конкретные исследования в области социального знания в СССР были практически прекращены».

М., 1931), беседой И.В. Сталина 9 декабря 1930 года с бюро ячейки ВКП(б) Института красной профессуры, публикациями в журнале «Под знаменем марксизма» за 1929–1931 годы и др.

З. Голенкова и Е. Игитханян: «Постановлением ЦК ВКП(б) от 25 января 1931 года «О журнале “Под знаменем марксизма”» ученым-обществоведам инкриминировались две наиболее важные ошибки: во-первых, недостаточное внимание к проблемам разработки ленинского этапа развития марксистской философии и, во-вторых, недостаточно критичное отношение к антимарксистским и антиленинским установкам в философии, в общественных и естественных науках. Социология была объявлена «буржуазной наукой» (подчеркнуто нами. – А.К.) (см.: Социология в России / под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: изд-во Института социологии РАН, 1998. С. 109).

1) В постановлении ЦК ошибки инкриминировались не вообще «ученым-обществоведам», а конкретно руководству журнала, превратившему его в «свой групповой орган».

2) Формулировка об объявлении социологии «буржуазной наукой», как и упоминание социологии вообще, в постановлении отсутствует.

3) Положение «недостаточно критичное отношение к антимарксистским и антиленинским установкам» в числе обвинений обществоведов в постановлении не значит, оно содержится в другой редакции в постановляющей части и звучит не как обвинение или критика, а как постановка задачи.

Свое личное «первопроходчество» в качестве инициатора создания Советской социологической ассоциации Г.В. Осипов обозначил растиражированной во многих его публикациях ссылкой на то, что якобы в спонтанно возникшей беседе с возвратившимся со Всемирного социологического конгресса в Амстердаме (1956) П.Н. Федосеевым он предложил Петру Николаевичу: «...может быть, наступило время создать соответствующую общественную организацию (социологическую ассоциацию. – А.К.)... Идея показалась разумной, и мы принялись за дело». Позже Г.В. Осипов сделал и такие заявления: «исторический факт: Г.В. Осипов является инициатором создания Советской социологической ассоциации в системе научных учреждений АН СССР (13 февраля 1958 года), а В.А. Ядов прекратил ее

Эта версия документально не подтверждается.

1) Легитимный источник на этот счет – направленная в ЦК КПСС 12 декабря 1956 года участниками Амстердамского социологического конгресса П.Н. Федосеевым (глава делегации) и М.Д. Каммари (член делегации) записка АН СССР о Третьем социологическом конгрессе в Амстердаме, в которой, в частности, говорилось: «Руководителями конгресса (он проходил 22–29 августа 1956 года. – А.К.) в частных беседах перед нами был поставлен вопрос о вступлении в Социологическую ассоциацию, которая существует под покровительством ЮНЕСКО... У нас соответствующего общества нет. Целесообразно было бы обсудить этот вопрос и при Отделении экономических, философских и правовых наук АН СССР организовать такое общество, которое могло бы вступить в Международную социологическую ассоциацию». Это и есть первая отметка в истории ССА.

2) Г.В. Осипов на Амстердамском конгрессе не присутствовал.

3) Вся работа по подготовке необходимых документов по учреждению ССА решалась на уровне Президиума АН СССР (конкретные предложения были внесены в ЦК 26 декабря 1957 года), Отдела науки, вузов и школ ЦК и Комиссии ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных и партийных связей, которая 11 февраля 1958 года приняла положительное постановление.

деятельность (22 января 1992 года)»; «Я практически создавал Советскую социологическую ассоциацию. Возглавив ССА, М.Н. Руткевич резко сузил ее деятельность». При этом о роли в создании Советской социологической ассоциации Президиума АН СССР, ЦК КПСС, без которых и разговора не могло быть на эту тему, – ни слова.

4) Что касается субъективных утверждений о прекращении Ядовым деятельности ССА (в январе 1992 года она прекратила свое существование в результате разрушения всех государственных и общественных структур после прекращения существования СССР) и «резком сужении» деятельности ССА Руткевичем (конкретно не говорится, что имеется в виду), то объективности ради к этому надо было бы добавить снятие с поста главы ССА Г.В. Осипова за серьезные недостатки в работе.

5) Со стороны Г.В. Осипова – полнейшее игнорирование записки Федосеева и Каммари в ЦК КПСС без объяснения причин. ИСПИ РАН даже не опубликовал ее, это сделал Институт социологии.

31

Г.В. Осипов для подтверждения тезиса о «запрете» социологии еще в его пятидесятые студенческие годы пишет о том, что «ни в одном словаре или энциклопедии этого понятия («социология». – А.К.) я не обнаружил. Нашел только несколько книг и брошюр известных ученых, где социология рассматривалась как чуждая марксизму, насквозь прогнившая наука, избретенная в интересах капитализма реакционным философом Огюстом Контом».

1) Энциклопедические публикации по социологии того времени, когда, по утверждению Г.В. Осипова, их не было:

– Баскин М.П. Социология // Большая Советская энциклопедия. М.: ОГИЗ СССР, 1947. Т. 52;

– Баскин М.П. Социология // Большая Советская энциклопедия. 2-е изд. М.: Гос. научное издательство «Большая Советская энциклопедия», 1957, Т. 40.

2) Если Г.В. Осипов утверждает, что в указанное время социология была представлена книгами и брошюрами только тех «известных ученых», которые рассматривали социологию в качестве насквозь прогнившей, чуждой марксизму науки, то для установления истины хотелось бы знать фамилии этих «известных ученых» и названия их трудов. Увы, налицо подмена конкретики абстракцией.

32

Г.В. Осипов утверждает, что он всегда настаивал на «подозрительной» для кремлевского начальства установке: «Нет социологии “буржуазной” и социологии “марксистской”, имеется одна социология как наука, которая, подобно физике, может служить как во вред обществу, так и его благу».

Достаточно посмотреть список научных трудов Г.В. Осипова (Академик Г.В. Осипов – патриарх социологии. М.: Наука, 2009. С. 350–364), чтобы убедиться в том, что в советское время он признавал не только существование «буржуазной» и «марксистской» социологии, но и непримиримую идеологическую борьбу между ними. В постсоветское время – отказ от своего «наследия».

33

Жуков В.И.: «...свою научную деятельность Г.В. Осипов начал тогда, когда социология в партийно-административном порядке практически была запрещена» (см.: Академик Г.В. Осипов – патриарх социологии. М.: Наука, 2009. С. 77).

Это заявление можно было бы комментировать, если бы специалист по партстроительству, каким был В.И. Жуков в бывшей партийной школе при ЦК КПСС, под тезис о «запрете» социологии в «партийно-административном порядке» привел подтверждающие это официальные документы. Но историк КПСС их не приводит. Их нет!

И. Земцов: против советских социологов в период социологического ренессанса «были развернуты репрессии. Десятки из них арестованы, многие изгнаны из своих университетов и лишены возможности проводить свои исследования»; более того, в Институте конкретных исследований была даже «обнаружена подпольная ячейка, и несколько сотрудников были арестованы».

Исследование не подтвердило наличия официальных материалов, – опубликованных и хранящихся в архивах, – которые свидетельствовали бы о развернутых репрессиях против социологов, о «десятках из них арестованных», о «подпольной ячейке» в ИКСИ и нескольких арестованных сотрудниках. Подобное «правдоиспытательство» относится к жанру преднамеренной клеветы.

«Согласно принятой ЦК КПСС концепции социология в СССР была объявлена лженаукой» – такая формулировка, хронологически обозначенная 1953 годом, содержится на размещенных в помещениях ИСПИ РАН стендах «Возрождение и институционализация социологической науки в России (история и современность)», она растиражирована также и во многих изданиях.

Такую концепцию ЦК КПСС не принимал не только в 1953 году, но за всю историю своего существования, как и любые другие запретительные по отношению к социологии документы. Поэтому текст этой концепции или даже ее упоминание отсутствуют во всех опубликованных сборниках документов КПСС по вопросам науки, в публикациях профессиональных социологов, в средствах массовой информации.

Г.В. Осипов на юбилейной сессии РАН по случаю Года социологии в России в представленном им варианте историографии российской социологии выделил «период запрета (1929–1955)» (подчеркнуто нами. – А.К.). Эта линия проводится во многих его публикациях.

«Социологический журнал» в ответ на это заявление в редакционной статье дал такую справку: «Официально... запрету со стороны советской власти российская социология не подвергалась ни в этот период (1929–1955 годы. – А.К.), ни в какой-либо другой» (Социологический журнал, 2008, № 9).

Для подтверждения запретительной по отношению к социологии политики КПСС Г.В. Осипов пишет: «Секретарем ЦК КПСС П. Поспеловым было принято решение о «нецелесообразности» участия ученых АН СССР во II Всемирном конгрессе социологов в Бельгии (1953)» (см.: Социология и власть. Сборник 1. Документы 1953–1968 гг. М.: ACADEMIA, 1997. С. 16).

Точку зрения о «нецелесообразности» участия советских ученых во II Всемирном конгрессе социологов изначально сформировали Отделение истории и философии АН СССР (Панкратова) и экономики и права (Качалов), когда рассматривалось письменное приглашение Международной ассоциации социологов. Затем эти предложения были одобрены Президиумом АН СССР, после чего официальная записка за подписью главного ученого секретаря Президиума АН СССР, академика А.В. Топчиева была направлена 27 августа 1953 года в ЦК КПСС. Рассмотрев этот вопрос, секретарь ЦК учинил резолюцию: «Согласен. П. Поспелов. 7 сентября 1956 года». Затем на этом документе появляется помет-

ка заведующего секретариатом отдела А. Лихолата, которому руководством ЦК было поручено проинформировать АН СССР о принятом решении: «Т.т. Топчиеву, Панкратовой и Качалову сообщено о согласии тов. Поспелова с их предложением». То есть основным препятствием для поездки ученых на конгрессе была официальная консолидированная позиция двух отделений и Президиума АН СССР, а секретарь ЦК всего лишь согласился с их мнением. Истинная причина такого решения – в фразе из записки АН СССР в ЦК: «Конгресс созывается Международной ассоциацией социологии, которая является детищем ЮНЕСКО, в деятельности которой, как известно, Советский Союз участия не принимает».

Г.В. Осипов в монографии «Социология» пишет: «На этот процесс (искусственный перерыв в развитии социологической науки. – А.К.) особое влияние оказал июньский (1984) Пленум ЦК КПСС, на котором институт был подвергнут суровой критике, в результате чего было принято решение... преобразовать Институт социологических исследований в Центр опросов общественного мнения. И вновь социологам пришлось вести борьбу за сохранение социологической науки». В другом месте указывается и докладчик на этом пленуме – Генеральный секретарь ЦК Черненко. Утверждается также, что после Пленума ЦК происходило «новое административно-приказное «вторжение» в социологическую науку», что «вновь понятие «социология» оказалось под запретом... Теоретическая социология полностью отрицалась» (подчеркнуто нами. – А.К.) (см.: Осипов Г.В. Социология. Изд. 2-е. М.: изд-во ЛКИ, 2008. С. 15).

Как участник этого Пленума ЦК КПСС, голосовавшей за принятие на нем соответствующего решения, автор этого исследования подтверждает: все перечисленное Г.В. Осиповым – ложь.

1) Указанный Пленум ЦК состоялся не в 1984 году, а в 1983 году.

2) В это время К.У. Черненко генсекретарем не был, на Пленуме ЦК он был представлен как секретарь ЦК.

3) На этом Пленуме ЦК, как и вообще за весь период существования Института социологических исследований (и его предшественника), на Пленумах (или других форумах) ЦК вопрос о ликвидации этого академического института или преобразовании его в какую-то новую структуру вообще не ставился и не обсуждался. На июньском (1983) Пленуме ЦК ставился вопрос о создании на базе Института социологических исследований Всесоюзного центра по изучению общественного мнения (а не «Центра опроса общественного мнения») при обязательном условии улучшения работы, а не ликвидации самого ИСИ.

4) Ни в опубликованной стенограмме Пленума ЦК, ни в принятом на нем решении, как и в других партийных документах более позднего времени, ни в постановлении Президиума АН СССР «О научной деятельности Института социологических исследований АН СССР» по выполнению решений партийного пленума нет даже никаких признаков «административно-приказного вторжения», «нового запрета социологии», «полного отрицания» теоретической социологии. Наоборот – во всех случаях конструктивные меры по улучшению деятельности ИСИ, которые в полном объеме были приняты коллективом института, в том числе и автором постсоветских фальсификаций.

5) Вот как оценивает эти события член-корреспондент РАН, активный участник тех событий, директор ИСИ в те годы В.Н. Иванов, предложивший в докладе на заседании Президиума АН СССР такой комплекс мер по поднятию социологии на высокий уровень, который был одобрен и поддержан всем научным сообществом. С высоты сегодняшнего дня он так оценивает тот конкретный отрезок в истории отечественной социологии: поль-

зуюсь терминологией 30-х годов прошлого столетия, он назвал 1984 год «годом великого перелома» в социологии. И убедительные аргументы для такого вывода: проведение в Киеве Первого Всесоюзного совещания по развитию социологических исследований, подготовка и проведение которого решением ЦК КПСС были возложены на ЦК компартии Украины, введение в стране высшего социологического образования, создание кафедр социологии, исследовательских структур в вузах, ведомствах, на промышленных предприятиях (см.: Иванов В.Н. От семидесяти до ста: размышления и воспоминания. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2017. С. 93).

39

Г.В. Осипов: «Вскоре после прихода к власти М.С. Горбачева по его поручению меня вызывает управляющий делами ЦК КПСС В.И. Болдин и предлагает возглавить Отдел социологических исследований, который предполагается создать в системе ЦК КПСС. Его назначение, как мне пояснили, в том, чтобы научно обосновать перестроечные акции М.С. Горбачева, которые уже тогда вызывали у меня сильный внутренний протест». Г.В. Осипов якобы демонстративно отказался, дистанцируясь от партаппарата (см.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 551).

1) За всю историю КПСС в должности управляющего делами ЦК человека по фамилии В.И. Болдин никогда не было.

2) Управление делами ЦК – чисто хозяйственная структура (распределение и уход за служебными помещениями, жильем для работников партаппарата, работа пищеблоков в зданиях ЦК и т.д., и т.п.). В силу своих функциональных обязанностей эта структура не была наделена правом решать кадровые вопросы для аппарата ЦК или подведомственных ЦК организаций, как не обладал таким правом в академическом институте, например, завхоз в подборе руководителей научных подразделений.

3) Поручение Горбачева управляющему делами подбирать руководителя создаваемого в «системе КПСС» Отдела социологических исследований в обход секретаря ЦК, курировавшего науку, и Отдела науки и учебных заседаний – нонсенс!

4) В описываемое время создавать «в системе ЦК КПСС» социологический отдел не было никакой необходимости, так как в этой системе уже функционировали социологические структуры (АОН при ЦК КПСС, Высшая партийная школа при ЦК КПСС и др.)

5) Заявление Г.В. Осипова о том, что он демонстративно отказался от предложения возглавить социологический отдел «в системе ЦК КПСС» и тем самым дистанцировался от партаппарата на том основании, что тогда перестроечные акции М.С. Горбачева вызывали у него «сильный внутренний протест», – все это постсоветское лицемерие. В нашем исследовании приведено множество официальных документов, в которых Г.В. Осипов перестройку М.С. Горбачева оценивал высоко.

40

Г.В. Осипов в административно-приказной форме (приказ № 2 от 24 февраля 2016 года) поставил перед доктором химических наук С.Г. Кара-Мурзой задачу подготовить проект статьи, научной основой которой должно быть якобы имевшее место в СССР «противостояние офи-

1) Экспертиза опубликованной по этой проблеме литературы, имеющиеся иные архивные источники версию Г.В. Осипова о «борьбе с партийной номенклатурой» и о «противостоянии официальной идеологии и социологии как науки» в период ее (социологии) возрождения не подтверждают.

2) Доктор философских наук В.Э. Шляпентох, с которым Г.В. Осипов сотрудничал на социологическом поприще еще в молодые годы, отмечает: «Пожалуй, трудно найти другой пример в

циальной идеологии и социологии как науки. Борьба с партийной номенклатурой. Основные линии борьбы» (подчеркнуто нами. – А.К.). При этом предписал использовать его (то есть Г.В. Осипова) материалы монографии «Академик Г.В. Осипов – патриарх социологии» и «главным образом» текст беседы Л.Н. Митрохина с ним, опубликованный в его же монографии «Социология и власть», содержащий бездоказательные ссылки на якобы политические аспекты противостояния социологии и его лично с властью.

истории, по крайней мере русской, чтобы один и тот же человек (то есть Г.В. Осипов. – А.К.) в течение нескольких десятилетий возглавлял в одной и той же науке два абсолютно противоположных идеологических течения».

3) Известный социолог-профессионал Б.М. Фирсов в исследовании «История советской социологии. 1950-е – 1980-е годы», определив семь моделей поведения советских социологов в отношениях с властью, выделил модель 5, объединив тех социологов, которые проявляли себя «на поле защиты власти», и отнес к этой модели Г.В. Осипова. Характеризуя «особый синдром свойств осиповской личности», он отметил «прагматизм, едва ли не идеальное понимание поведения “заказчика”, действий власти, свой тип “мимикрии”, адаптации к властным структурам и их запросам, бюрократическую изощренность в том, что касается выбора средств для достижения поставленных целей, опору на административный ресурс».

Ю.А. Голубицкий: «На социологические методы исследования общества, на изучение конкретных процессов и явлений социальной жизни и на само понятие “социология” был наложен строжайший запрет. Социология была объявлена буржуазной лженаукой, не только несовместимой с марксизмом, но и враждебной ему... Оформила этот переворот, вернее запрет, дискуссия в Институте философии Коммунистической академии по проблемам философии и социологии (1929), в ходе которой был сделан категорический вывод: “Социология – это лженаука, выдуманная французским реакционером Огюстом Контом, само это слово (то есть “социология”) не должно использоваться в марксистской литературе”. «Социология на государственном уровне утратила гражданский и научный статус. Более чем на два десятилетия развитие отечественной социологии было приостановлено» (Голубицкий Ю.А. Социология и литературный процесс. М.: Вече, 2010. С. 111–112).

В п. 10 и 12 настоящего приложения № 1 на конкретных примерах доказана научная несостоятельность подобных утверждений. Остается лишь добавить: приведенный текст на 100% Ю.А. Голубицкому не принадлежит, его (текста) автор Г.В. Осипов (Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012. С. 18), то есть налицо плагиат особого свойства, когда научный сотрудник института дословно переписал часть сочинения своего начальника, текст которого в свою очередь является научно ущербным. Плагиатом являются и другие переместившиеся в научный труд Ю.А. Голубицкого сюжеты из осиповской монографии – с. 110–111, 111, 116–117, 117–118 и др.

Г.В. Осипов в своем докладе на IV Всероссийском социологическом конгрессе (2–4 февраля 2012 года), заявив, что «ИСПИ РАН неоднократно направлял первым лицам страны» (в том числе и М.С. Горбачеву. – А.К.) документы с предупреждением «о рисках и угрозах принятого курса реформирования», сделал вывод: «К сожалению, рекомендации социологов, которые позволили бы избежать многих ошибок, не были приняты во внимание, и в результате развитие России пошло по курсу, который не отвечал национальным интересам страны и ее народа. Диалог между властью и социальной наукой не состоялся. Культура власти и культура науки не нашли общего языка для плодотворного взаимодействия». И для подтверждения столь многозначительного вывода проиллюстрировал на экране слайд одного из таких обращений под названием «Социально-политическая ситуация в СССР. Состояние и прогнозы», под которым (слайдом) стояла подпись: «Доклад ИСПИ АН СССР, представленный президенту СССР М.С. Горбачеву в 1989 году». Со временем названные выше материалы были опубликованы в отдельной книге (см.: IV Всероссийский социологический конгресс «Социология в системе научного управления обществом». Материалы конгресса. Москва, 2–4 февраля 2012 года).

Экспертиза показала: а) в 1989 году не мог быть направленным руководству страны доклад ИСПИ АН СССР, так как в это время в системе Академии наук функционировал Институт социологии (ИС), а ИСПИ, то есть Институт социально-политических исследований, был создан в марте 1991 года; б) такой документ в указанное Г.В. Осиповым время не мог направляться президенту СССР М.С. Горбачеву по той причине, что Михаил Горбачев не только не обладал такой должностью в то время, но и самой такой должности в структуре государственной власти не было; год учреждения в стране президентства и избрание М.С. Горбачева президентом – 1990; в) установлено, что так называемый доклад ИСПИ АН СССР по жанру является не официальным документом в адрес то ли должностного лица, то ли государственного органа, а отчетом отделов Института социологии за очередной год, изданным в виде брошюры объемом более 50 страниц в издательстве Московского университета под рубрикой коммерческой организации. Вывод – так ли должна строиться культура отношений науки и власти в поисках «общего языка для плодотворного взаимодействия»?

В описании Г.В. Осиповым «тернистого пути» отечественной социологии весьма значительный вес придается изложенным в разных его публикациях трем (!) не совпадающим по ряду моментов сюжетам о якобы приглашении его президентом АН СССР М.В. Келдышем для консультации по

Выводы научной экспертизы

а) Воспроизведенный нами сюжет представлен в разных публикациях Г.В. Осипова тремя несовпадающими версиями (?) с различной степенью их достоверности. По одной версии, встреча М.В. Келдыша и Г.В. Осипова прошла «накануне XXI съезда КПСС (1961)» (См.: Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. М., 2012. С. 26), и это при том, что истинная дата XXI съезда КПСС 27 января – 5 февраля 1959 года,

единственному вопросу: выяснить, насколько верно с научной точки зрения будет вносить в готовящийся им раздел о науке отчетного доклада ЦК очередному съезду КПСС (!) фразу о том, что «все большее значение приобретает развитие конкретных социальных исследований». Собеседник, заявив, что это «не совсем верно», «посоветовал» М.В. Келдышу написать «социологических исследований», после чего в духе ликбеза продолжал «просвещать» президента АН СССР, рассказывая ему о социологии, понятийном аппарате, предмете и методах исследования, о содержании понятий «экономическое» и «социальное» и т.д. М.В. Келдыш, по утверждению Г.В. Осипова, одобрительно отнесся к его «аргументам», заявив при этом: «Все это очень интересно», – и пообещал даже: «Я приложу все силы, чтобы социология заняла достойное место в системе наук Академии наук СССР». Однако, как пишет Г.В. Осипов, «к великому сожалению, вмешались неведомые мне силы» (?), и М.В. Келдыш на партийном съезде «в своем выступлении привел собственную формулировку», то есть, по версии Г.В. Осипова, «не совсем верную», а его (осиповская) версия формулировки стала жертвой «вмешательства» неведомых сил (партийного или академического начальства. – А.К.). Но и этим дело не окончилось: М.В. Келдыш якобы не выполнил и высказанное в разговоре с Г.В. Осиповым «свое обещание» вывести социологию на достойное место в системе наук (!) (см.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 434).

а президентом АН СССР в это время был не М.В. Келдыш, а А.Н. Несмеянов.

В соответствии со второй версией беседа М.В. Келдыша с Г.В. Осиповым состоялась не перед XXI партийным съездом, а «накануне XXII съезда КПСС (1961)», когда президент АН СССР готовил «для отчетного доклада Н.С. Хрущева раздел о науке» (см.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 521).

По третьей версии, М.В. Келдыш решил «посоветоваться» с Г.В. Осиповым по конкретному терминологическому вопросу «накануне XXII съезда КПСС (1961)» в связи с подготовкой им раздела о науке в отчетный доклад теперь уже не Н.С. Хрущева, как это представлено во второй версии, а Л.И. Брежнева (см.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М., 2008. С. 434). Так Л.И. Брежнев, которому еще только предстояло стать в октябре 1964 года первым секретарем ЦК КПСС, по утверждению Г.В. Осипова, в 1961 году, то есть «досрочно» возведенный в ранг лидера партии, готовился к отчету очередному съезду КПСС о деятельности ЦК за период с февраля 1959 года по октябрь 1961 года (?).

б) Как свидетельствуют приведенные в настоящем исследовании официальные источники, в том числе и архивные документы, М.В. Келдыш, ставший президентом АН СССР за несколько месяцев до XXII съезда, по понятным причинам вообще ни в какой форме не привлекался к подготовке материалов к партийному съезду в качестве руководителя Академии наук; его фамилия отсутствует как в образованной 11 апреля 1961 года постановлением Секретариата ЦК КПСС постоянной комиссии по подготовке материалов к отчетному докладу XXII съезду партии, так и в списках лиц, которые в разное время на индивидуальной основе привлекались постоянной комиссией для выполнения отдельных поручений в связи с подготовкой отчета ЦК, в числе этих лиц – представители от науки директор Института философии академик П.Н. Федосеев и ректор Академии общественных наук при ЦК КПСС Ю.П. Францев.

в) Оставив в стороне комментарий сюрреалистического сюжета о том, что М.В. Келдыш, «согласовавшийся» с Г.В. Осиповым терминологический вопрос о социальных (социологических) исследованиях для раздела о науке в отчетный доклад Н.С. Хрущева (в другом случае Л.И. Брежнева), не передал готовившиеся предложения по назначению, а вдруг решил по своему усмотрению в выступлении на XXII съезде партии привести «собственную формулировку», а не «более правильную» осиповскую, – обратим внимание на то, что же конкретно говорил академик по этому вопросу с трибуны партийного форума. Увы, как свидетельствует стенографический отчет о XXII съезде, в котором содержится полный текст выступления М.В. Келдыша, в нем вы не найдете не только «собственной формулировки» президента АН СССР о «социальных исследованиях», но и вообще каких-либо других упоминаний о социологии и ее понятиях. Ни-ка-ких! (См.:

XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 г. Стенографический отчет Т. 1. С. 406–414). То есть перед нами придумка, которая легла в основу всей воспроизведенной выше многослойной легенды.

г) Представлять, как это делает Г.В. Осипов, ученого с мировым именем, которым был и остается М.В. Келдыш, «незнайкой», нуждающимся в пояснениях содержания категорий «экономическое» и «социальное», а также установления соотношения с позиций «правильности» между социальными и социологическими исследованиями, научный статус которых (а значит, и «правильность») зависит от контекста, в котором они употребляются и в определенных конкретных условиях используются как «правильные», – все это просто примитивная отсебятина. Что же касается утверждения, что М.В. Келдыш свое обещание добиться того, «чтобы социология заняла достойное место в системе наук в Академии наук СССР», «не смог выполнить», то нам остается напомнить весьма убедительные на этот счет аргументы. Вот они: М.В. Келдыш и руководимый им Президиум АН СССР сыграли решающую роль в создании первой в истории отечественной науки социологической структуры – Института конкретных социальных исследований (это достижение Г.В. Осипов приписывает лично себе). Подпись М.В. Келдыша как президента АН СССР стоит под многими документами в поддержку социологии (они приведены в нашем исследовании). Для президента АН СССР не лучшими оказались и те минуты, когда пришлось принимать решение освободить Г.В. Осипова от руководящих должностей в институте за допущенные в работе недостатки. (постановление Президиума АН СССР от 28 декабря 1972 года № 1150).

д) Общий вывод: легенда о встрече М.В. Келдыша и Г.В. Осипова – это не только гремучая смесь искаженных фактов и виртуальных придумок, но и четко обозначенные в многослойном сюжете пунктиры самовозвеличения. В самом деле, что может означать приглашение президентом АН СССР для советов о подготовке раздела о науке для отчетного доклада ЦК КПСС очередному съезду партии не, что было бы логично, вице-президента АН СССР, отвечающего по долгу службы за общественные науки, и не директора Института философии, где в описываемое время в основном концентрировалась работа по социологической проблематике, а если согласиться, например, с первой версией встречи, кандидата философских наук, проработавшего один год завсекретарем института и не имевшего к тому времени солидных работ по социологии. Вмешательство же в науку «неведомых сил», повлиявших на то, что президент АН СССР так и не использовал в выступлении на партийном съезде «правильную» формулировку заведующего сектором Института философии, по Осипову, призвано подтвердить его навязчивую идею о злонамеренных действиях антисоциологических сил властных структур, с одной стороны, а с другой, о его поистине титанической борьбе с этими силами.

В беседе с академиком Л.Н. Митрохиным Г.В. Осипов изложил прямо-таки трагический сюжет о том, как после публикации под его редакцией и с его статьей книги «Социология в СССР» директор Института философии Ф.В. Константинов, обвинив его в идеологических прегрешениях, не только «попытался предать анафеме это издание, но и подготовил приказ о ликвидации сектора новых форм труда и быта». Но якобы после сделанного «за день до подписания этого приказа» заявления секретаря ЦК КПСС академика Л.Ф. Ильичева на Президиуме АН СССР о том, что «социология имеет право гражданства», «приказ о роспуске сектора... был предан забвению» и «ликвидация первого в стране социологического подразделения не состоялась» (см.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 510).

Неправдоподобность этой легенды и недостоверность приведенных в ней фактов подтверждаются такими аргументами, полученными в ходе проведенной нами экспертизы.

Поразительная хронологическая и содержательная несостыковка описываемых событий и отсутствие документального их подтверждения. 2) Абсолютное несовпадение содержания версии Осипова со стенограммой обсуждения вопроса о «позитивистском буржуазном словаре» во втором томе упомянутой выше книги «Социология в СССР». Для дискуссии по этому вопросу, состоявшейся в Институте философии под руководством его директора, академика Ф.В. Константинова, характерны, кроме всего прочего, такие два момента. Первый – выступление (а значит, и позиция) на дискуссии самого Г.В. Осипова, который фактически согласился с предъявленными ему на дискуссии замечаниями теоретико-методологического характера, с некритическим использованием некоторых идей и понятий буржуазной социологии и заявил: «Нет слов, чтобы выразить впечатление от данного обсуждения», «Я думаю, что мы внесем в словарь все необходимые исправления», «Я вполне поддерживаю предложение... о том, что нужно срочно готовить второе издание». Второй момент – реакция директора института Ф.В. Константинова: «Не надо охаивать Осипова (подчеркнуто нами. – А.К.), это разговор между нами, за дружеским столом. Мы дружно собрались, никого ни в чем не обвиняем, а говорим о том, как улучшить словарь»; «Я думаю, что Осипов учтет замечания и подготовит хорошее второе издание этой книги и словарь». Таким образом, перед нами две «реальности» – одна действительно имевшая место в жизни в советском 1966 году и подтверждающаяся документально, и другая – «виртуальная», образец постправды и целенаправленного отрицания реальных событий – сделано это в 2005 году.

Г.В. Осипов в интервью еженедельнику «Коммерсантъ и ВЛАСТЬ» 19 февраля 2003 года так описал «разгром» № 2 властями (имеется в виду ЦК КПСС) отечественной социологии, связанный с «Лекциями по социологии» Ю.А. Левады, в отместку за то, что, по словам Г.В. Осипова, руководителя ИКСИ (он в том числе) фактически стали бойкотировать выполнение поручений партийного руководства и «решили не заниматься социальной апологетикой», – за все это последовал ответ: «После выхода в 1968 году книги профессора Юрия Левады “Лекции по социологии” нас начали гро-

Результаты экспертизы:

1) двухтомная книга Ю. Левады «Лекции по социологии» опубликована не в 1968, а в 1969 году (первый том подписан к печати 2 марта 1969 года, а второй 16 мая того же года), то есть уже после чехословацких событий, что в данном случае имеет существенное значение;

2) в тексте книги Ю. Левады «Лекции по социологии» фраза, которую приводит Г.В. Осипов, о несрабатывающей идеологии и введении советских танков в Чехословакию в 1968 году – вообще отсутствует, она придумана;

3) на состоявшейся в АОН при ЦК КПСС дискуссии и при рассмотрении вопроса о «Лекциях по социологии» Ю. Левады в ИКСИ ему были предъявлены совершенно другие претензии при неупоминании «чехословацкого следа». Г.В. Осипов был непосредственным участником этих событий и был информирован о них в полном объеме. Однако, не сказав в интервью правду о

мить». «В книге, – продолжает автор этой версии, – была фраза, за которую зацепились: “Там, где не срabатывает идеология, срabатывают танки”». «Имелся в виду, – утверждает Г.В. Осипов, – ввод войск в Чехословакию. К этому придрались».

них, изложил свою неправдоподобную версию. (О том, как в действительности все происходило, – см. в главе III нашего настоящего исследования, §6 «Поza обиженного человека?».)

46

Г.В. Осипов утверждает, что «первое конкретное (социальное. – А.К.) исследование было проведено нами (то есть Г.В. Осиповым вместе с подчиненными ему сотрудниками. – А.К.) в Горьком по положению рабочего класса», то есть речь идет о вышедшей в 1965 году книге «Рабочий класс и технический прогресс» (см.: Коммерсантъ и ВЛАСТЬ, 19 февраля 2003 г.). В свою очередь, профессор И.Б. Орлова заявляет, что Г.В. Осипов «был организатором первых эмпирических социологических исследований», не называя при этом тему исследований, время и место их проведения (см.: Встречи с Питиримом Сорокиным. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2003. С. 3).

1) По свидетельству одного из активных участников возрождения отечественной социологии профессора Л.Н. Когана, «ссылный» М.Т. Иовчук еще в сентябре 1949 года на первом же заседании кафедры философии Уральского университета поставил задачу систематически проводить социологические исследования на предприятиях Екатеринбурга и Нижнего Тагила, он «стал инициатором первых социологических исследований». Накопленный к концу 50-х годов опыт свердловских социологов был подытожен в статье Л.Н. Когана «Опыт социологического исследования на промышленном предприятии» (Вопросы философии, 1959, № 8) и статье Л.Н. Когана и М.Н. Руткевича «О методах конкретно-социологического исследования» (Вопросы философии, 1961, № 3), книга о социологических проблемах труда (авторы Л.М. Коган и И.М. Сушков) выдержала два издания – 1954 и 1959 годов (см.: Л.М. Коган. Неповторимая романтика социологии. В кн.: Российская социология шестидесятых годов. СПб.: изд-во РХГИ, 1999).

2) В 1958 году, то есть за два года до создания сектора новых форм труда и быта, в Институте философии в Ленинграде был проведен первый в стране социологический семинар под руководством декана философского факультета ЛГУ В.П. Рожина, на котором обсуждался первый опыт проведения социологических исследований.

3) Сам Г.В. Осипов своим заявлением еженедельнику «Коммерсантъ и ВЛАСТЬ» вступил в противоречие с другим своим же заявлением: «Первое сравнительное социологическое исследование в СССР было проведено Г.А. Арбатовым в 60-е годы в Весьегонском районе после захвата власти большевиками» (см.: Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005. С. 547–548).

47

И.Г. Земцов утверждает, что «единственная работа» В.И. Ленина, «имевшая какое-то отношение к философии, а именно «Материализм и эмпириокритицизм», рассматривалась... как собрание заметок ненаучного характера» (подчеркнуто нами. – А.К.) (см.: Социология в СССР: взгляд изнутри и извне в работах Геннадия Осипова, Джорджа Фишера, Ильи

1) Если И.Г. Земцов, которого Г.В. Осипов нарек «умелым психоаналитиком» и «незаярым социолингвистом», всерьез считает, что книга В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» была единственной работой, имевшей хоть какое-то отношение к философии, то в таком случае напрашивается закономерный вопрос: чего больше в таких суждениях – дремучего непрофессионализма или злонамеренной фальсификации? В любом случае бессмысленно заниматься политпросвещением доктора философии, напоминая ему о таких ленинских работах в области философии, как «Философские тетради», а в области политической

Земцова, Алекса Симиренко. М.: Вече, 2008. С. 412).

философии – «Развитие капитализма в России», «Государство и революция», «Детская болезнь “левизны” в коммунизме» и т.д., этот перечень можно продолжить.

2) В отличие от бездоказательных утверждений И.Г. Земцова о том, что работа «Материализм и эмпириокритицизм» представляет собой «собрание заметок ненаучного характера», объективные исследователи, и прежде всего авторы разных энциклопедий последнего времени, оценивают указанную работу как глубоко научную. Так, Новая философская энциклопедия, назвав книгу «Материализм и эмпириокритицизм» «философско-публицистическим» трудом, делает целый перечень разработанных в этом издании проблем, имеющих фундаментальное научное теоретико-методологическое значение: критический анализ реакционной философии эмпириокритицизма; раскрытие философии диалектического материализма в контексте теории познания, трактуемой автором как теория отражения; критика эмпирической концепции общества; исследование смысла объективной абсолютной и относительной истин и их связь с общественной практикой; определение фундаментальных различий между прежним материализмом с диалектическим материализмом; определение родства эмпириокритицизма с другими идеалистическими концепциями – берклианством, юмизмом, имманентной философией и др.; выявление принципиальной противоположности идеалистической и материалистической позиций в гносеологии; развитие теории отражения и т.д. (См.: Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2010. С. 508–509). В свою очередь, в Политической энциклопедии тоже говорится об «огромном» теоретическом значении ленинской работы «Материализм и эмпириокритицизм», в которой автор «отстоял и развил диалектический и исторический материализм» (см.: Политическая энциклопедия. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1999. С. 618).

3) Первоначально книга Земцова под названием «Советская социология. Исследование утраченных иллюзий в России периода советской диктатуры» была издана в США в 1995 году и получила в определенных кругах Запада высокую оценку за то, что в условиях развернувшейся к тому времени холодной войны эмигрировавший в Америку бывший сотрудник Института конкретных социальных исследований АН СССР в духе получивших в то время советологических концепций критики советского прошлого нарисовал картину «вынужденного» расставания советских социологов «со своими иллюзиями о том, что в Советском Союзе возможна социология». Книга лишена объективного подхода в оценке возрожденческого процесса отечественной социологии, содержит не только искаженные, но и не имевшие места в реальности, то есть придуманные сюжеты. Тем не менее эта работа, не представляя никакой научной ценности, была опубликована в 2008 году под рубрикой ИСПИ РАН в рамках издательского проекта «Вехи отечественной социологии», причем без решения ученого или издательского совета и без рецензентов.

И.Г. Земцов, обозначив датами 1957 и 1977 годов «начало и конец всей исторической социологии (в СССР. – А.К.): ее формирование, развитие и упадок», заявил: «Что бы ни утверждали советские представители социальных наук до 1957 и после 1977 годов, социология как наука тогда не существовала» (см.: Социология в СССР: взгляд изнутри и извне в работах Геннадия Осипова, Джорджа Фишера, Ильи Земцова, Алекса Си-мирченко. М.: Вече, 2008. С. 406).

1) Определив хронологические рамки начала и конца истории отечественной социологии датами 1957 и 1977 годов, автор этой версии не подтвердил ее такими этапными событиями, которые могли бы рассматриваться в качестве рубежных точек в этом процессе. Публикации же многих авторитетных авторов и особенно открытые в последнее время архивные материалы (см.: Социология и власть. Сборник 3. Документы. 1973–1984. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2003) свидетельствуют, что 1977 год для отечественной социологии не был отмечен сколько-нибудь крупными положительными или отрицательными событиями, социология развивалась, как говорится, ни шатко ни валко – спонтанно, зигзагообразно и, к сожалению, в неинституционализированном статусе. Поэтому, когда И.Г. Земцов утверждает, что до 1957 года социология как наука вообще «не существовала», он выглядит как фальсификатор; но он был бы прав, если бы говорил, что она (социология) развивалась в СССР, но еще не приобрела институционализированный статус. Поэтому и случилось так, что в «запретный» для социологии, по Земцову, период советская делегация по приглашению организаторов III Международного конгресса социологов в Амстердаме приняла участие в его работе, глава делегации директор Института философии П.Н. Федосеев выступил с докладом по вопросам развития социологической науки в СССР, более того, руководством конгресса перед советской делегацией был поставлен вопрос о вступлении неинституционализированной социологии в Международную социологическую ассоциацию, а при создании при МСА двух комитетов для подготовки сборников научных трудов советской стороне было предложено даже выделить своих представителей. Для неинституционализированной социологии крупнейшим событием стало и проведение в 1957 году в Москве Международного совещания социологов, на котором с докладом выступили директор Института философии П.Н. Федосеев и его заместитель В.Ф. Берестнев.

2) Что же касается объявленного Земцовым конца советской социологии, наступившего после 1977 года, то необходимо учитывать, что именно в этот период произошли судьбоносные для отечественной социологии события – ее официальная институционализация в 1988 году в качестве самостоятельной научной дисциплины, затем и учебной дисциплины, наконец, включение в перечень ваковских дисциплин специальности «социология».

И.Г. Земцов: «Сектор конкретных социологических исследований в Институте философии Академии наук СССР был создан в 1960 году» (см.: Социология в СССР: взгляд изнутри и извне. М.: Вече, 2008. С. 121).

Структуры под названием «сектор конкретных социологических исследований» в рамках Института философии никогда не было. В 1960 году в Институте философии был создан сектор новых форм труда и быта, который со временем был преобразован в отдел конкретных социологических исследований (1966).

И.Г. Земцов утверждает, что когда над Г.В. Осиповым нависла опасность быть освобожденным от руководящих должностей замдиректора интитута и руководителя Советской социологической ассоциации, в его защиту выступили первые секретари ЦК компартии Эстонии И. Кэбин, Узбекистана – Ш. Рашидов, Новосибирского обкома партии – Ф. Горячев, Курганского обкома партии – А. Эштокин (см.: Социология в СССР: взгляд изнутри и извне. М.: Вече, 2008. С. 478).

В данном случае нет никакой необходимости в споре для установления истины, ввиду абсолютного отсутствия официальных подтверждений на этот счет – документов, публикаций, архивных материалов. Создание именно таким путем ореола страдальца за социологию выглядит не просто неправдоподобно, а наивно и крайне примитивно – вдуматься только: партийные лидеры разных регионов страны, находящиеся далеко от Москвы, чего-то вдруг вздумали ввязаться в противостояние с ЦК КПСС в отстаивании профессиональной чести работника академического института в Москве.

Возрождение отечественной социологии Г.В. Осипов называет «трагическим», сопровождавшимся тотальным конфликтом между социологами и властью, включая и политические аспекты противостояния; себя же он позиционирует в качестве непримиримого борца, как он постоянно декларирует, с «партократами», и прежде всего с руководящими работниками ЦК КПСС; саму социологию называет задавленной партийным диктатом.

Подобные постсоветские пассажи Г.В. Осипова пребывают в крайнем противоречии с позицией автора по этим вопросам, которая зафиксирована в его публикациях советского времени. Так, в официальном докладе, представленном на рассмотрение Президиума АН СССР и коллегии Министерства высшего и среднего специального образования (авторы А.М. Румянцев и Г.В. Осипов), подчеркивалось: «советские социологи, руководствуясь марксистской методологией, за последние годы добились серьезных успехов в осуществлении конкретных социологических исследований, поставив их на службу коммунистического строительства»; «характерную черту деятельности советских социологов составляет их тесная и все укрепляющаяся связь с партийными... организациями»; цель взаимодействовать с партийными организациями «сознательно преследуется советскими социологами, в этом состоит их коммунистическая партийность»; «первым результатом социологических исследований все чаще оказываются не статьи и книги, а докладные записки в директивные органы», то есть в партийные комитеты всех уровней; «социологические исследования стали серьезным подспорьем в деятельности партии и государства». Поэтому, как заявили авторы документа, «окончательные выводы на основе собранных социологических материалов относительно эффективности идеологической работы и пропаганды, общественного мнения и т.д. должны осуществлять социологические комиссии, советы и институты при ЦК республиканских компартий, краевых и областных комитетов КПСС на основе методической помощи социологической лаборатории Академии общественных наук при ЦК КПСС» (подчеркнуто нами. – А.К.) (см.: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. С. 578, 627–631).

В информационном пространстве распространено утверждение о том, что при учреждении Советской социалистической ассоциации Осипов Г. В. стал ее «Первым вице-президентом» (а Ю. П. Францев соответственно – Президентом – А.К.) (См.: Осипов Т. В. Социология. Изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008; Биографическая справка Осипова Г. В.).

Ни при учреждении Советской социологической ассоциации, ни в последующем при решении кадровых вопросов Осипов Г. В. «Первым вице-президентом» никогда не избирался. В представленном в ЦК КПСС Президиумом АН СССР проекте Устава ССР предполагалось установить должности не Президента и «Первого вице-президента», а Председателя ассоциации и трех заместителей председателя без определения статуса кого-то «первого» среди них (См.: Осипов Г. В., Москвичёв Л. Н. Социология и власть (как это было на самом деле) – М: ЗАО «Издательство “Экономика”», 2008, с. 56–59). При рассмотрении же этого вопроса в ЦК КПСС предложения о трех заместителях руководителя ассоциации было отклонено. В конечном итоге на Учредительном собрании ассоциации по предложению уже утвержденного ее председателя Ю. П. Францева единственным и «рядовым» (а не «первым») заместителем председателя (а не вице-президентом) был избран Осипов Г. В.

Эти, казалось бы, второстепенные терминологические и фактологические неточности в сочетании с другой растиражированной недостоверной легендой о том, что при создании ССА изначально обуславливался «временный» статус «несоциолога» Ю. П. Францева как первого руководителя ассоциации, которого непрерменно должен сместить «настоящий социолог» Г. В. Осипов – все это элементы его самовозвеличения подобным образом.

Осипов Г. В., говоря о высказываниях В. И. Ленина в адрес П. А. Сорокина, содержащихся в работе «О значении воинствующего материализма», утверждает: что тот (т. е. П. Сорокин) годится для просвещения юношества не больше, чем заведомые растлители годились бы для роли надзирателей в учебных заведениях младшего возраста (Осипов Г. В. Три встречи с Питиримом Сорокиным. В кн: Питирим Сорокин. Критика нашего времени. Социальный и культурный обзор. ИСПИ РАН, 2009, с. 12).

Экспертиза показала: вложенные Г. В. Осиповым в уста В. И. Ленина слова «этот (т. е. Сорокин П. А. – А.К.) годится» в ленинском первопрочтении звучит иначе – «они годятся», т. е. речь идет об «образованных» крепостниках, немалая часть которых «получает у нас даже государственные деньги и состоит на государственной службе...» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., 5-е изд. т. 45, с. 33). В ленинском словосочетании «дипломированные лакеи поповщины» характеризовалось «это русское техническое общество», которое издавало журнал «Экономист» и автора помещенной в нем статьи. Осипов Г. В. изъясил ссылку во множественном числе о крепостниках, реакционерах, «дипломированных лакеях поповщины» и подал ее персонально только по отношению к Сорокину. И подается это как ленинская цитата. На склонность Осипова Г. В. «перелицовывать» тексты других авторов И. Земцов написал так: «Он (т. е. Осипов Г. В. – А.К.) ездил в Европу, бывал в Соединенных Штатах, в совершенстве знал труды зарубежных учёных, много писал по социологии, в основном согласно... принципу: сначала концепции его западных «оппонентов» упрощались, после чего они служили основой убедительных аргументов самого автора. В действительности он анализировал не идеи, а выдуманные фразы и вырванные

из текста куски... Г.В. Осипов был непревзойденным мастером этой игры» (См. Социология в СССР: взгляд изнутри и извне. М.: Вече, 2008, с. 439).

В нашем случае препарированные ленинские цитаты в сочетании с «расстрельной резолюцией» В.И. Ленина (см. п. 2 настоящего Приложения 1) направлены на преднамеренное нагнетание негативного отношения к П. Сорокину без объективного подхода к его сложной и драматической судьбе.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ХРОНИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО РЕНЕССАНСА

1949 г. – в г. Осло под эгидой ЮНЕСКО состоялась учредительная конференция Международной социологической ассоциации (МСА), которая в 1950 г. созвала первый Всемирный социологический конгресс в Цюрихе (Швейцария). Советская социологическая ассоциация стала членом МСА в 1958 г.

1949 г. (сентябрь) – опальный М.Т. Иовчук, возглавлявший кафедру философии Уральского университета, поставил перед своим коллективом задачу систематически проводить социальные исследования на предприятиях Екатеринбурга и Нижнего Тагила. Развернувшаяся в 1952 г. работа завершилась со временем изданием книги в местном издательстве.

Середина 50-х гг. XX в. – начало проведения конкретных социологических исследований в Москве, Ленинграде, Свердловске, Новосибирске, ряде столиц союзных республик.

1953 г. – создание в Институте философии АН СССР сектора критики буржуазной философии и социологии.

1953 г. – преобразование Отделения экономики и права АН СССР, куда входил Институт философии, в Отделение экономических, философских и правовых наук (ОЭФПН).

1954 г. – советская делегация впервые участвует в XVI Всемирном конгрессе Международного института социологии.

1954 г. – делегация советских ученых впервые участвует во Всемирном философском конгрессе (Цюрих).

1955 г. – философ Ф.В. Константинов впервые в отечественной общественной науке употребил термин «конкретные исследования», которые, наряду с общетеоретическими, призваны взаимно питать друг друга в изучении «реальной жизни людей».

1956 г. – выход в свет бюллетеня ЮНЕСКО о преподавании общественных наук.

1955 г. (8 мая) – принятие постановления Секретариата ЦК КПСС о персональном составе советской делегации на III Международный конгресс социологов в Амстердаме; руководителем делегации утверждается директор Института философии АН СССР П.Н. Федосеев.

1956 г. – постановлением ЦК КПСС во всех высших учебных заведениях страны вводятся три обязательных курса: «Диалектический и исторический материализм», «История КПСС», «Политическая экономия».

1956 г. (22–29 августа) – участие делегации советских ученых в работе III Международного конгресса социологов в Амстердаме, установление деловых контактов с руко-

водством МСА и руководством конгресса; советская делегация приняла приглашение делегировать советских представителей в состав двух комитетов МСА по подготовке выпуска сборника статей через ЮНЕСКО: а) экономические и культурные взаимоотношения между странами; б) роль печати и радио в формировании общественного мнения в отношении мирного сосуществования.

1956 г. (24–27 августа) – участие советской делегации в конференции – круглом столе «Социологические аспекты мирного сосуществования» во время III социологического конгресса в Амстердаме; участники с советской стороны – П.Н. Федосеев, А.М. Румянцев.

1956 г. (сентябрь) – направление записки А.М. Румянцевым и П.Н. Федосеевым на имя первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева о необходимости улучшения международного сотрудничества социологов.

1956 г. (12 декабря) – П. Федосеев и М. Каммари направляют в адрес ЦК КПСС «Записку АН СССР о Третьем Всемирном социологическом конгрессе в Амстердаме», в которой по итогам переговоров руководства советской делегации с руководством конгресса впервые официально ставится вопрос об учреждении Советской социологической ассоциации и ее вступлении в Международную социологическую ассоциацию.

1957 г. – расформирование сектора критики современной философии и социологии Института философии АН СССР и создание трех групп: критики современной буржуазной философии, критики современной буржуазной социологии, истории современной буржуазной философии и социологии.

1957 г. – участие делегации советских ученых в работе XVII конгресса Международного института социологии в Бейруте.

1957 г. (10 июня) – директор Института философии АН СССР П.Н. Федосеев направил в ЦК КПСС записку «Об организации научно-реферативной работы по современной зарубежной философии и социологии». Итоги рассмотрения предложений АН СССР по указанному вопросу были официально доложены ЦК КПСС 17 октября 1957 г. и 3 января 1958 г. одобрены секретарем ЦК П. Поспеловым.

1957 г. (23 сентября) – Секретариат ЦК КПСС принял предложение президиума Академии наук СССР и Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО о проведении в Москве в январе 1958 г. международного совещания социологов по мирному сосуществованию и возложил обязанность на К.В. Островитянова, П.Н. Федосеева и В.Ф. Берестнева принять участие в совещании и обеспечить выступления с докладами на нем.

1957 г. (26 декабря) – вице-президент Академии наук СССР академик К.В. Островитянов и главный ученый секретарь Президиума Академии наук СССР академик А.В. Топчиев направили в ЦК КПСС «Записку АН СССР о создании Советской социологической ассоциации». К записке были приложены предложения: о названии ассоциации; об учредителях ассоциации; о повестке дня собрания представителей научных учреждений – учредителей ассоциации; о председателе президиума ССА; проект устава ССА.

1957 г. (13 августа) – президент Международной ассоциации социологов Жорж Фридман (Франция), вице-президент Л.А. Коста Пинто (Бразилия), А.Н. ден Голландер (Голландия), Н.З. Улкен (Турция) и другие должностные лица МСА направили письмо в АН СССР с приглашением делегации советских ученых принять участие в IV Всемирном конгрессе социологов в Италии (сентябрь 1959 г.).

1958 г. – в Ленинграде состоялся первый социологический семинар.

1958 г. (6–11 января) – в Москве состоялось Международное совещание социологов по вопросу о мирном сосуществовании. С докладами с советской стороны выступили вице-президент АН СССР К.В. Островитянов, директор Института философии АН СССР П.Н. Федосеев (в его докладе термин «социологические исследования» был «освящен» на академическом уровне), заместитель директора Института философии В.Ф. Берестнев; зарубежными участниками совещания стали крупнейшие социологи мира Р. Арон, Ж. Фридман, ден Холландер, Э. Хьюз, Х. Шельски, Т. Боттамор.

1958 г. (5 февраля) – Отдел науки, вузов и школ ЦК КПСС представил для официального рассмотрения в ЦК записку о поддержке предложений АН СССР о создании Советской социологической ассоциации с приложением проекта постановления ЦК КПСС.

1958 г. (5 февраля) – направление вице-президентом АН СССР К.В. Островитяновым записки на имя секретаря ЦК КПСС М.А. Сулова об итогах международной конференции социологов в Москве.

1958 г. (11 февраля) – Комиссия ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных связей приняла постановление «О создании Советской социологической ассоциации и вступлении ее в Международную социологическую ассоциацию»; в названии постановления комиссии впервые вынесены слова о вступлении ССА в МСА, во всех предыдущих учредительных документах (Президиума АН СССР, Отдела науки, вузов и школ) этот тезис не содержался. За принятие постановления проголосовали члены комиссии Е.А. Фурцева, П.Н. Поспелов, Н.А. Мухитдинов, М.А. Сулов. В обсуждении вопроса на комиссии приняли участие А.В. Топчиев, В.А. Кириллин, Г.А. Жуков, Н.А. Мухитдинов, П.Н. Поспелов, М.А. Сулов.

1959 г. (8–15 сентября) – участие делегации советских социологов во главе с директором Института философии АН СССР П.Н. Федосеевым в IV Всемирном социологическом конгрессе в Стресе (Италия). Тема конгресса «Общество и социология». На пленарное заседание был вынесен доклад П.Н. Федосеева «Факторы, влияющие на развитие социологии в СССР». Председателем секции «Социология медицины» был утвержден член-корреспондент АН СССР Н.И. Грищенко. По итогам участия советской делегации в конгрессе Президиум АН СССР принял 6 ноября 1959 г. специальное постановление, в котором поддерживалось предложение о создании в составе Института философии группы социологических исследований, в академиях наук союзных республик – социологических групп, о проведении Всесоюзного совещания социологов, об издании «Ежегодника социологической ассоциации» и др.

1959 г. – создание в Институте философии АН СССР в составе сектора исторического материализма специальной группы социологических исследований (рук. Ю.П. Францев) для подготовки издания «Новые формы труда и быта».

1959 г. (6 ноября) – Президиум АН СССР принял постановление «Об участии советских социологов в работе IV Всемирного социологического конгресса (Милан – Стресе, сентябрь 1959 г.)», в котором работа на социологическом конгрессе советской делегации получила высокую оценку, а также были предложены конкретные меры по дальнейшему развитию социологии в стране: создание группы социологических исследований в составе Института философии АН СССР, сектора социологических исследований в составе Уральского университета; проведение Всесоюзного совещания социологов, развертывание деятельности ССА, издание «Ежегодника социологической ассоциации» и др.

1960 г. (январь) – принятие решения Отделения философских, правовых и экономических наук АН СССР о направлении А.Ф. Окулова и П.А. Степаняна в Колумбийский и Гарвардский университеты для чтения лекций о социологических исследованиях в СССР.

Начало 1960-х гг. XX в. – проведение социологических исследований в рамках АН СССР: в Институте философии, Центральном экономико-математическом институте, в Институте экономики, Институте археологии и этнографии.

1960 г. – начало осуществления крупных социологических проектов в разных регионах страны: Москва, Ленинград, Свердловск, Молдавия.

1960 г. – создание на философском факультете Ленинградского университета лаборатории социологических исследований под руководством доктора философских наук, декана факультета В.П. Рожина, куда вошли молодые исследователи В.Я. Ельмеев, А.Г. Здравомыслов, В.А. Ядов.

1960 г. – создание на философском факультете МГУ межкафедральной социологической лаборатории под руководством Р.И. Косолапова.

1960 г. – создание в Академии общественных наук при ЦК КПСС по инициативе ее ректора Ю.П. Францева лаборатории социологических исследований во главе с первым ее руководителем И.Г. Петровым.

1960 г. – начало публикации в СССР эмпирических социологических исследований.

1960 г. – открытие при газете «Комсомольская правда» Института общественного мнения (рук. Б.А. Грушин), просуществовавшего до 1967 г.

1960 г. – создание центра социологии образования при Министерстве высшего и среднего специального образования СССР; центра социальных проблем медицины при Академии медицинских наук; центра социальных проблем научного планирования при Комитете по науке и технике Совета Министров СССР, центра социологии средств массовой коммуникации при Комитете по печати.

1960 г. – преобразование группы социологических исследований Института философии АН СССР в сектор исследований новых форм труда и быта и назначение его руководителем кандидата философских наук Г.В. Осипова.

С 1960-х гг. – начало подготовки социологов на факультетах общественных профессий некоторых вузов (Харьковский университет, Саратовский политехнический институт и др.); организация в Москве, Ленинграде, Свердловске, ряде других городов школ заводских социологов с целью подготовки специалистов для решения вопросов улучшения социального планирования на предприятиях промышленности, строительства, транспорта.

С 1960-х гг. – начало социологического просвещения в среде партийных работников; создание в вечерних университетах марксизма-ленинизма Москвы, Харькова, Перми, Свердловска, Уфы и др. социологических факультетов.

1961 г. (февраль) – на общем собрании Советской социологической ассоциации Г.П. Францев сделал доклад об актуальных проблемах советских социологических исследований. Работа собрания отразила возрастающую активность формировавшегося социологического сообщества.

1961 г. – создание центра социологии школьного образования Академии педагогических наук; создание социологических лабораторий или групп при Прокуратуре СССР, при КГБ (две), при Министерстве обороны (две).

1961–1964 гг. – проведение лабораторией социологических исследований на философском факультете Ленинградского государственного университета первого в Советском Союзе эмпирического социологического исследования «Превращение труда в первую жизненную потребность» (рук. В.П. Рожин).

1961 г. (осень) – обсуждение проблем социологии, в частности социологических исследований общественных процессов, в издаваемом в Праге международном журнале «Проблемы мира и социализма» (под патронажем ЦК КПСС). Организаторы встречи шеф-редактор журнала А.М. Румянцев, сотрудники журнала А. Соболев, Э.А. Араб-Оглы и др. В организации встречи социологов большую помощь оказал болгарский академик Тодор Павлов.

1961 г. – представительная делегация польских социологов во главе с А. Шаффом в составе З. Баумана, М. Осовской, Л. Колаковского и др. посетила Институт философии АН СССР; на практическую основу были поставлены научные советско-польские контакты.

1962 г. (12 февраля) – директор Института философии и социологии Польской академии наук, член ЦК ПОРП Адам Шафф встретился с советником посольства СССР в ПНР Ф. Константиновым по поводу участия, вернее, неучастия советских представителей в создании и работе специального Международного института по общественным наукам при ЮНЕСКО. Польский социолог высказал сожаление, что «убита хорошая инициатива, выдвинутая в свое время польской делегацией и поддержанная советскими и американскими представителями».

1962 г. (11 августа) – секретариат ЦК КПСС по предложению АН СССР принял постановление «О направлении делегации советских ученых в США на конгресс социологов». Состав советской официальной делегации: Ф.В. Константинов (руководитель делегации), Г.М. Андреева, Э.А. Араб-Оглы, Г.Е. Глезерман, Д.В. Ермоленко, М.Т. Иовчук, П.С. Кузнецова, А.Н. Маслин, Ц.А. Степанян, В.А. Штейнберг, секретарь делегации и переводчик. Кроме того, Академии наук СССР разрешалось направить в США на время работы конгресса также группу ученых по линии научного туризма.

1962 г. (11 августа) – участие делегации советских социологов во главе с Ф.В. Константиновым в работе V Международного социологического конгресса по трем его темам: 1) социологи, политические деятели и общественность; 2) социология развития; 3) природа и проблемы социологической теории. Впервые в практике МСА в исполнении этой организации был избран представитель СССР – Ф.В. Константинов.

1962 г. (14 ноября) – секретарь ЦК КПСС, академик Л.Ф. Ильичев на общем собрании Академии наук СССР, впервые в своей истории рассмотревшем вопросы развития общественных наук, сделал доклад «Некоторые проблемы развития общественных наук», в котором отметил, что «тронулась с места социологическая мысль», и подчеркнул важность развития социологической науки в СССР.

1963 г. – секретарь ЦК КПСС, академик Л.Ф. Ильичев в своем докладе на Президиуме АН СССР официально подтвердил поддержку социологии как науки.

1964 г. – обсуждение проблем взаимодействия социологии и исторической науки на Президиуме АН СССР. Была предпринята осторожная попытка пересмотра базовых установок в сфере общественных наук, незыблемых со сталинских времен.

1964–1965 гг. – создание на базе существовавших в рамках ЛГУ лаборатории социологических исследований (рук. В.А. Ядов), лаборатории дифференциальной психологии и антропологии (рук. акад. Б.Г. Ананьев), социальной психологии (рук. проф.

Б.Ф. Ломов) первого в стране института социологического профиля – Научно-исследовательского института комплексных социальных исследований (НИИКСИ) (первый директор В.Я. Ельмеев).

1964 г. – подготовка под руководством секретаря ЦК ВЛКСМ Ю.В. Торсуева инициативной группой в составе В. Васильева, А. Кулагина, В. Мордковича, В. Чупрова, В. Шубкина письма на имя первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева с обоснованием важности развития социологических исследований в стране и об использовании их для практики воспитательной работы с молодежью; предложения были поддержаны во время встречи руководителя партии с первым секретарем ЦК ВЛКСМ С.П. Павловым; в результате при ЦК ВЛКСМ была создана социологическая группа, первоначально состоящая из трех человек – В. Васильева (руководитель), А. Кулагина, В. Чупрова; в нее со временем включились Э. Абгарян, В. Григорьев, Т. Порфирьева, В. Бовкун, Б. Владимиров и Г. Журавлев (впоследствии возглавивший эту группу).

1964 г. – создание социологической группы в Академии общественных наук при ЦК КПСС.

1965 г. – создание в ряде институтов Москвы, Ленинграда, Новосибирска социологических групп изучения молодежной проблематики; координация их деятельности была поручена Институту философии АН СССР.

1965 г. – в Ленинграде под руководством В.П. Рожина и под эгидой партийных органов в целях координации социальных исследований был создан общественный Институт социальных исследований.

1965 г. – начало издания журнала «Социальные исследования», сыгравшего большую роль в объединении усилий социологов, в распространении научного и методического опыта. В 1974 г. стал называться «Социологические исследования». Редактором журнала в течение многих лет был А.Г. Харчев.

1965 г. – участие СССР в проведении международного обследования бюджета времени населения на примере г. Пскова под эгидой Европейского центра по координации исследований и документации в области общественных наук (за образец была принята советская методика). Предложения по проведению этого мероприятия были рассмотрены и одобрены в ЦК КПСС.

1965 г. (14 декабря) – на сессии общего собрания Академии наук СССР, посвященной проблеме экономического развития и технического прогресса, академик А.Д. Александров поднял вопрос о необходимости усиления социологических исследований и предложил обеспечить их интенсивное развитие в системе Академии наук за счет образования специального института и укрепления уже работающих в стране ячеек, координации исследований, подготовки кадров социологов, организации журнала по социологии. Предложение о создании центра по социологической науке – Института социологии в системе Академии наук СССР – поддержал академик М.Б. Митин. В принятом постановлении общего собрания АН СССР сформулировано поручение Секции общественных наук подготовить соответствующие предложения.

1965 г. (12 февраля) – Бюро ЦК ВЛКСМ приняло решение «Об участии комсомольских организаций в проведении конкретных социологических исследований по вопросам коммунистического воспитания молодежи».

1965 г. (16 июня) – в Отделе науки и учебных заведений ЦК КПСС состоялось совещание по теме «О мерах по дальнейшей научной разработке и изучению марксистско-ленинской философии». Цель совещания – подготовка предложений по коренному

улучшению общественных наук для рассмотрения на Идеологической комиссии ЦК КПСС. В дискуссии приняли участие Трапезников, Федосеев, Чесноков, Константинов, Глезерман. Всецело поддерживая конкретные социальные исследования, участники дискуссии обратили внимание на проникновение в советскую социологию узкого эмпиризма, а также некритического восприятия буржуазной эмпирической социологии.

1965 г. (1 сентября) – академик П.Ф. Юдин направил председателю Идеологической комиссии при ЦК КПСС П.Н. Демичеву письмо, в котором говорится о падении авторитета общественных наук и сложившемся в этой сфере монополизме (Г.Ф. Александров, П.Н. Федосеев, П.Н. Поспелов, Л.Ф. Ильичев). Вопросы, поднятые в письме, были рассмотрены на заседании Идеологической комиссии при ЦК КПСС.

1966 г. – создание при Секции общественных наук Президиума АН СССР Совета по проблемам зарубежных идеологических течений.

1966 г. – в Эстонской ССР научным коллективом под руководством доктора философских наук Ю.Н. Семенова (Институт конкретных социальных исследований АН СССР) был осуществлен конкретно-социологический проект «Киноискусство и массовая аудитория». В проекте принимали участие философский факультет МГУ и Институт истории АН ЭССР.

1966 г. – на XXVI съезде КПСС социология получила признание в качестве научной дисциплины со специфическими функциями.

1966 г. (16–19 февраля) – в Ленинграде Общественным институтом социальных исследований проведен первый в стране симпозиум на тему «Опыт проведения конкретных социологических исследований в СССР». В его работе приняли участие около 600 человек из 68 городов СССР.

1966 г. (25 февраля) – Президиум АН СССР по предложению Секции общественных наук принял постановление «О мерах по улучшению организации и координации конкретных социальных исследований». В документе определены основные направления развития конкретных социальных исследований. Этим же решением был создан Научный совет по проблемам конкретных социальных исследований при Президиуме АН СССР, председателем которого стал вице-президент АН СССР А.М. Румянцев. Сектор новых форм труда и быта Института философии преобразовался в отдел конкретных социальных исследований.

1966 г. (25 февраля) – создание по решению Президиума АН СССР в Институте государства и права лаборатории социально-правовых исследований, в Институте экономики лаборатории социально-экономических и демографических проблем, в Институте этнографии сектора конкретных исследований культуры и быта народов СССР; разработка математических моделей социальных процессов; изучался вопрос о создании самостоятельного социологического института на базе отдела конкретных социальных исследований Института философии АН СССР.

1966 г. (23–27 июня) – в Академии общественных наук при ЦК КПСС состоялась Всесоюзная конференция по конкретным социологическим исследованиям, продемонстрировавшая стремление партийных инстанций рассматривать социологию как новый эффективный способ идеологической деятельности на научной основе. Ее участниками стали свыше 300 партийных и научных сотрудников с мест, в том числе – 30 секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик, 55 заведующих и заместителей заведующих отделами пропаганды ЦК компартий союзных республик, обкомов, крайкомов партии, 73 руководителя общественных институтов

социологических исследований и опорных пунктов Института научного атеизма, руководители кафедр общественных наук.

1966 г. (4–10 сентября) – возглавляемая академиком П.Н. Федосеевым делегация советских социологов в составе 83 человек приняла участие в работе VI Всемирного социологического конгресса в Эвиане (Франция). Темы конгресса – «Единство и разнообразие в социологии» и «Социология международных отношений». С докладами от советской стороны выступили по первой теме Ф.В. Константинов (его доклад «Социология и идеология») и П.Н. Федосеев (доклад «Стратегия мира в ядерный век»). На конгрессе в состав нового совета Международной социологической ассоциации от СССР вошли Ф.В. Константинов и В.С. Семенов.

1967 г. – Всесоюзная конференция «Социализм и молодежь», в подготовке и проведении которой большую роль сыграла социологическая группа при ЦК ВЛКСМ; накануне было проведено первое всесоюзное исследование проблем молодежи.

1967 г. (4 января) – президент Американского социологического общества Питирим Сорокин в письме заместителю председателя Научного совета АН СССР по истории мировой культуры В.А. Карпушину причину своего отсутствия на VI Всемирном социологическом конгрессе (Эвиан, Франция) объяснил тем, что «состояние моего здоровья лишило меня этой радости».

1967 г. (9 января) – по предложению Отдела науки и учебных заведений и Отдела пропаганды ЦК КПСС в проект постановления ЦК КПСС «О мерах дальнейшего развития общественных наук и повышении их роли в коммунистическом строительстве» внесен пункт о необходимости продуманного проведения конкретных социальных исследований и экспериментов, более широкого использования экономико-математических методов и современных средств получения, обработки и анализа научной информации об объективной критике основных направлений современной буржуазной философии, социологии, историографии, права и экономических теорий.

1967 г. (3 февраля) – направление председателем Научного совета АН СССР по истории мировой культуры П.Ф. Юдиным в Секретариат ЦК КПСС письма с предложением о приглашении в Москву по линии АН СССР президента Американского социологического общества Питирима Сорокина.

1967 г. (13 апреля) – председатель Научного совета Академии наук СССР по проблемам конкретных социальных исследований академик А.М. Румянцев и председатель ССА Г.В. Осипов направили секретарю ЦК КПСС П.Н. Демичеву письмо о развитии конкретных социологических исследований в СССР. В письме обстоятельно проанализировано состояние развития конкретных социологических исследований в стране, однако в числе постановочных вопросов значился лишь один вопрос – просьба оказать содействие в выделении рабочих помещений для ССА и Научного совета по проблемам конкретных социологических исследований.

1967 г. (апрель) – в Сухуми состоялось Всесоюзное совещание по количественным методам в социологии. Руководил совещанием избранный в те дни вице-президентом АН СССР по общественным наукам А.М. Румянцев. В совещании участвовал лауреат Нобелевской премии, выдающийся российский ученый академик Л.В. Канторович.

1967 г. (15 мая) – начальник Главного управления по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР П. Романов направил в ЦК КПСС записку о задержании книги П. Сорокина «Пути проявления любви и сила ее воздействия», которая адресовалась с дарственной надписью профессору И.С. Кону. В записке говори-

лось: «Учитывая враждебный характер помещенных в ней (книге. – А.К.) материалов, данная книга нами конфискована и адресату не пропущена».

1967 г. (2 июля) – вице-президент АН СССР А.М. Румянцев направил в ЦК КПСС записку о создании комплексных научно-проблемных групп при Секции общественных наук Президиума АН СССР. За выделенными соответствующими головными академическими институтами закрепились такие исследовательские направления: «Международно-политическая стратегия и тактика современного империализма»; «Сдвиги в социальной структуре общества, особенности нынешней фазы классовой борьбы и новые явления в мировом революционном рабочем движении»; «Научно-техническая революция и ее социально-экономические последствия», «Влияние марксизма в современном мире и основные направления борьбы с буржуазной и мелкобуржуазной идеологией».

1967 г. – в Москве состоялась общесоюзная конференция, посвященная методам социологических исследований.

1967 г. – создание на философском факультете МГУ социологической группы по изучению проблем сельской молодежи.

1967 г. – создание в Ленинградском университете лаборатории социологических проблем молодежи (рук. В.Т. Лисовский).

1967 г. (2 июля) – участник VI Международного конгресса социологов в Эвиане В. Поремский разослал 53 советским ученым для «обмена критическими соображениями» оттиск своей статьи «Советская социология глазами западных ученых» из эмигрантского журнала «Грани».

1967 г. (до 9 августа) – Комитет по печати при Совете Министров СССР направил в ЦК КПСС записку «О литературе по конкретно-социологическим исследованиям», подготовленную Главной редакцией общественно-политической литературы. 2 января 1968 г. Отдел науки и учебных заведений ЦК КПСС в записке, направленной в ЦК КПСС, поддержал ряд предложений Комитета по делам печати при Совете Министров СССР, а по некоторым высказал дополнительные советы и рекомендации.

1967 г. (8 сентября) – Челябинский обком КПСС обратился в ЦК КПСС с письмом о содействии в решении вопроса об открытии в Челябинске лаборатории социально-экономических исследований. 7 декабря 1967 г. Отдел науки и учебных заведений информировал ЦК КПСС об обсуждении этого вопроса в отделе с вице-президентом АН СССР А.М. Румянцевым и о передаче этого вопроса для рассмотрения в Президиуме АН СССР.

1967 г. (26 октября) – президент АН СССР М.В. Келдыш и главный ученый секретарь Президиума АН СССР Я.В. Пейве направили в адрес ЦК КПСС письмо с проектом создания при Секции общественных наук Президиума АН СССР Центрального института конкретных социальных исследований. Предполагалось, что Институт будет создан на базе Отдела конкретных социологических исследований Института философии АН СССР. После продолжительных дискуссий было принято решение о создании Института конкретных социальных исследований Академии наук СССР.

1967 г. (17 ноября) – Ленинградский обком КПСС обратился в ЦК КПСС с запиской об организации в Ленинградской ВПШ научно-методического кабинета социологических и социальных исследований по вопросам партийного и государственного строительства. Признано было нецелесообразным создавать такой кабинет, поскольку к тому времени в Ленинграде уже были созданы и проводили работу ленинградское

отделение Социологической ассоциации, сектор исследований социальных проблем личности, социологическая группа в составе Ленинградской кафедры философии АН СССР и учебно-методический кабинет партийного и государственного строительства в ВПШ.

1968 г. (17 января) – академик-секретарь Отделения философии и права АН СССР Ф.В. Константинов по поручению бюро отделения обратился с запиской в ЦК КПСС (к секретарю ЦК П.Н. Демичеву), в которой содержалась просьба оказать содействие в выделении отделению «для развития новых направлений научных исследований» отдельной вакансии члена-корреспондента по специальности «марксистская социология и научный коммунизм» для участия в предстоящих в 1968 г. выборах в АН СССР. Возможными кандидатами были названы В.Ж. Келле, Г.В. Осипов, В.С. Семенов.

1968 г. – в МГУ открылась кафедра методики конкретных социальных исследований, организатором и первым заведующим которой стала Г.М. Андреева.

1968 г. – начало подготовки в МГУ философов по курсу социологических дисциплин факультативно – в форме спецкурсов и спецсеминаров.

1968 г. – подготовка социологической группой при ЦК ВЛКСМ проекта Закона о молодежи (руководители авторского коллектива Ю. Торсуев, М. Кириленко, В. Чупров); хотя законодательная инициатива ЦК ВЛКСМ не получила полной поддержки, все же по итогам ее обсуждения при Верховном Совете СССР и Верховных Советах союзных республик были учреждены комиссии по делам молодежи.

1968 – 1983 гг. – ежегодно работниками вузов по специальности «Прикладная социология» защищалось 30–40 кандидатов и 2–4 докторских диссертаций; с 1984 г. эти показатели выросли до 50–60 кандидатских и 8–12 докторских диссертаций в год.

1968 г. (2 апреля) – Секретариат ЦК КПСС по записке Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС в основном одобрил постановление «Об организации Института конкретных социальных исследований Академии наук СССР» и поручил доработать документ Демичеву, Устинову, Капитонову, Кулакову, Трапезникову и Румянцеву; затем постановление было передано для его последующего рассмотрения в Политбюро ЦК КПСС (рассмотрение этого вопроса состоялось 22 мая 1968 г.).

1968 г. (22 мая) – Политбюро ЦК КПСС приняло предложение Академии наук СССР об организации Института конкретных социальных исследований на базе отдела конкретных социологических исследований Института философии АН СССР. Решением Политбюро ЦК КПСС поручалось АН СССР в двухмесячный срок разработать и представить в ЦК предложения об основных направлениях работы, структуре и штатах института. Директором института решением Политбюро ЦК был утвержден вице-президент АН СССР Румянцев А.М., который, став руководителем института, занялся подготовкой предложений по кадровым вопросам (подбором заместителей директора, руководителей структурных подразделений, формированием штатного расписания).

1968 г. (15 июля) – вице-президент Академии наук СССР, академик Румянцев А.Н. направил в ЦК КПСС записку с предложениями о структуре и организации работы Института конкретных исследований АН СССР. Внесенные предложения были изучены в Отделе науки и учебных заведений ЦК КПСС, в основном одобрены и после внесения некоторых изменений были переданы 25 сентября 1968 г. на рассмотрение ЦК КПСС.

1968 г. (16 июля) – Госкомитет СМ СССР по вопросам труда и заработной платы принял секретное постановление № 208-с «Об отнесении Института конкретных социологических исследований Академии наук СССР к первой категории по оплате труда руководящих и научных работников». 11 февраля 1968 г. по этому пункту постановления Секретариата ЦК КПСС было принято распоряжение СМ СССР № 322р.

1968 г. (не позднее 24 сентября) – направление директором Института философии Академии наук УССР В. Шинкаруком в ЦК КПСС докладной записки о работе в области конкретных социологических исследований, в частности, об исследованиях созданного в 1967 г. отдела методологии, методики и техники конкретно-социологических исследований и о работе социологической группы, учрежденной Институтом философии АН УССР и дирекцией Львовского телевизионного завода.

1968 г. (3–8 октября) – участие делегации советских социологов в работе Международного симпозиума «Методологические проблемы конкретных социальных исследований». Состав делегации: директор Института экономики Сибирского отделения АН СССР, член-корреспондент АН СССР А.Г. Аганбегян, заведующий сектором Института конкретных социальных исследований АН СССР, доктор философских наук Ю.А. Левада, заведующая отделом Института экономики Сибирского отделения АН СССР, доктор экономических наук Т.И. Заславская, заведующий сектором Института истории АН СССР, кандидат юридических наук Э.Э. Ранник, старший научный сотрудник ИКСИ АН СССР Э.П. Андреев.

1968 г. (15 октября) – на заседании Секретариата ЦК КПСС рассмотрен и в основном принят проект постановления «Об основных направлениях работы Института конкретных социальных исследований Академии наук СССР». Было поручено Кириленко, Демичеву, Пономареву, Румянцеву окончательно отредактировать документ с учетом замечаний, высказанных на заседании Секретариата ЦК. После доработки документ был принят на заседании Секретариата ЦК 10 декабря 1968 г.

1968 г. (10 декабря) – Секретариат ЦК КПСС окончательно принял постановление «Об основных направлениях работы Института конкретных социальных исследований АН СССР»; в документе определены задачи института, порядок направления институтом в ЦК КПСС и соответствующие центральные ведомства и учреждения научно обоснованных предложений по актуальным социальным проблемам, утвержден численный состав института (до 250 научных сотрудников), сформулированы требования к комплектованию штата института, даны соответствующие поручения Минфину, Госплану, АН СССР, центральным учреждениям и ведомствам.

1969 г. – создание отделов социологических и социальных исследований в Институте международного рабочего движения, Всесоюзном институте системных исследований, Ленинградском институте социально-экономических проблем, Новосибирском институте экономики и организации промышленного производства, Институте экономики Уральского научного центра в Свердловске.

1969 г. – реорганизация Центральной комсомольской школы в Высшую комсомольскую школу и создание на ее базе научно-исследовательских подразделений; кафедра конкретных социологических исследований первоначально создавалась как кафедра-лаборатория, затем лаборатория выделилась в самостоятельное подразделение.

1969 г. (3 января) – Б.А. Грушин подготовил записку о создании Центра изучения общественного мнения (ЦИОМ) Института конкретных социальных исследований АН СССР.

1969 г. (23 января) – вице-президент АН СССР А.М. Румянцев по итогам его поездки в США направил секретарю ЦК КПСС М.А. Суслову аналитический обзор работы научно-исследовательских центров США по общественным наукам «О расширении контактов с представителями общественных наук США». Внесенные предложения в основном поддержаны. Учреждение при ООН представителя АН СССР для информации о новых концепциях в области гуманитарных наук США признано нецелесообразным ввиду того, что эту функцию в то время выполнял представитель Госкомитета Совета Министров СССР по науке и технике в ООН.

1969 г. (7 мая) – президент Международной социологической ассоциации профессор Ян Шепаньский в письме президенту Чехословацкого социологического общества профессору Дж. Солару предложил ряд мер для решения возникших проблем, связанных с отказом Чехословакии послать делегацию на VII Международный социологический конгресс в Варне (такой конгресс проводился в стране соцлагеря впервые), и подтвердил готовность осуществить визит в Брно, встретиться там с Дж. Соларом и совместно обсудить «предложения в свете всей совокупности проблем мировой социологии».

1969 г. (17 мая) – председатель Болгарского организационного комитета по подготовке и проведению VII Всемирного социологического конгресса, профессор Живко Ошавков направил письмо в АН СССР об отказе Чехословацкой социологической ассоциации участвовать во VII Всемирном социологическом конгрессе; письмо вписывалось в меры, которые предпринимались социологами соцстран с целью достижения договоренностей о снятии барьеров, мешающих проведению конгресса социологов.

1969 г. (30 мая) – академик-секретарь Отделения философии и права АН СССР академик Ф.В. Константинов направил в адрес ЦК КПСС документы об отказе Чехословацкой социологической ассоциации участвовать во Всемирном социологическом конгрессе в Варне; причина – разразившийся политический кризис в Чехословакии; начался поиск дипломатических путей урегулирования возникшей проблемы.

1969 г. (20–24 ноября) – заседание кафедр философии Академии общественных наук при ЦК КПСС и Высшей партийной школы при ЦК КПСС, на котором обсуждались «Лекции по социологии» Ю.А. Левады. После Ю.А. Левады выступили А.А. Амросов, Ф.М. Бурлацкий, Г.Е. Глезерман, Г.М. Гак, Л.А. Гордон, Б.А. Грушин, В.В. Колбановский, И.А. Крывелев, Г.В. Осипов, С.И. Попов, Ф.В. Константинов, П.С. Черемных, В.Н. Шубкин, М.В. Яковлев и др. Хотя обсуждение носило разгромный характер, никаких официальных решений принято не было.

1969 г. (9 декабря) – рассмотрение на заседании партийного бюро Института конкретных социальных исследований АН СССР вопроса «Об ошибках секретаря партбюро ИКСИ Ю.А. Левады в «Лекциях по социологии»». Первым в дискуссии взял слово заместитель директора ИКСИ Г.В. Осипов, который так определил вину Ю.А. Левады: «В «Лекциях» не раскрыта роль исторического и диалектического материализма как основополагающей теории и методологии марксистско-ленинской социологии; принижен классовый и партийный подход к раскрытию явлений социальной действительности; не нашли должного отражения существенные аспекты идеологической борьбы. Отсутствует глубокая критика буржуазных социологических теорий». Эта формулировка была включена в решение партбюро и послужила основанием для вынесения Ю.А. Леваде партийного вердикта (освобождение от обязанностей секретаря партбюро института и выведение его из состава партбюро); эта же формулировка легла в основу решения Черемушкинского РК КПСС, объявившего Ю.А. Леваде

строгий выговор с занесением в учетную карточку; а также записки в ЦК КПСС первого секретаря МГК КПСС В.В. Гришина об ошибках, допущенных в курсе лекций по социологии, прочитанном Ю.А. Левадой (7 апреля 1970 г. записка В.В. Гришина рассматривалась на заседании Секретариата ЦК КПСС).

Конец 1969-х гг. – в 120 городах страны действовало более 400 социологических лабораторий, отделов, групп, изучающих проблемы молодежи.

1970 г. – в ИКСИ была создана специальная социологическая группа по изучению проблем партийной работы.

1970 г. (май) – письменное обращение директора ИКСИ А.М. Румянцева в ЦК КПСС с просьбой оказать содействие в завершении социального эксперимента по изучению эффективности новых форм бытового обслуживания в Новых Черемушках г. Москвы.

1970 г. (июнь) – в Киеве состоялось Международное совещание редакторов философских и социологических журналов социалистических стран. По материалам состоявшейся на совещании дискуссии М.Т. Иовчук, А.Г. Харчев и В.А. Ядов опубликовали итоговую статью «Актуальные теоретические проблемы марксистско-ленинской социологии в СССР» (Философские науки. 1970. № 5).

1970 г. (26 июня) – вице-президент Академии наук СССР, директор ИКСИ А.М. Румянцев направил в ЦК КПСС записку об организации Центра изучения общественного мнения и решения связанных с этим организационных, штатных и финансовых вопросов. После консультаций предложения ИКСИ были переданы для рассмотрения в Государственный комитет Совета Министров СССР по науке и технике.

1970 г. (июль) – академик А.М. Румянцев в письме в Отдел науки и учебных заведений ЦК КПСС поставил вопрос о создании всесоюзной сети интервьюеров и о возможности заключения хоздоговоров Центром изучения общественного мнения, который создавался в то время внутри ИКСИ.

1970 г. (1 июля) – А.М. Румянцев как член ЦК КПСС обратился в ЦК КПСС с письмом, в котором поставил вопрос о том, что в ряде случаев место конструктивной критики научной деятельности занимают грубые неквалифицированные «разносы», унижающие достоинство ученых и препятствующие творческой работе. Свои выводы он аргументировал в том числе и на примере ситуации, сложившейся с обсуждением книги Б.В. Ракитского «Формы хозяйственного руководства предприятиями», критики покойного к тому времени академика Е.С. Варги по теоретическим проблемам современного государственно-монополистического капитализма, попытки политической дискредитации М.Я. Гефтера за некоторые публикации по исторической тематике и др. Автор письма писал, что «только вмешательство Центрального Комитета может оздоровить обстановку в этой области». В ответ на это последовала записка в ЦК КПСС С.П. Трапезникова от 24 июля 1970 г., которая фактически подтвердила наличие конфликтной ситуации между Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС и руководством АН СССР. 28 июля 1970 г. эта ситуация была рассмотрена на заседании Секретариата ЦК КПСС, на котором поручалось Пельше, Демичеву, Пономареву рассмотреть записки Румянцева и Трапезникова и в двухмесячный срок внести предложения.

1970 г. (14–19 сентября) – участие делегации советских ученых в работе VII Международного социологического конгресса в Варне (Болгария). Делегация СССР, возглавляемая вице-президентом АН СССР А.М. Румянцевым, состояла из 450 человек

(включая членов туристической группы); она участвовала в работе всех подразделений конгресса и представила около 200 докладов.

1970 г. (28 сентября) – Отдел науки и учебных заведений, Отдел организационно-партийной работы и Отдел пропаганды ЦК КПСС в установленном порядке направили для официального рассмотрения записку о преобразовании ИКСИ в Институт социальных исследований при ЦК КПСС. После продолжительного обмена мнениями предложение в такой форме было отклонено.

1970 г. (октябрь) – академик А.М. Румянцев в аналитической записке в ЦК КПСС об итогах VII Международного социологического конгресса поставил вопрос о создании самостоятельного Института общественного мнения. Отдел науки и учебных заведений это предложение не поддержал, мотивируя тем, что изучение общественного мнения определено в соответствующих документах в качестве одного из направлений работы Института конкретных социальных исследований АН СССР.

1970 г. (2 октября) – член-корреспондент АН СССР М.Т. Иовчук обратился с письмом в ЦК КПСС «О создании специального научного центра по социальным и политическим наукам». Предлагалось создать Академию социальных и политических наук с выборными академиками и членами-корреспондентами, развернуть эту работу на базе Академии общественных наук при ЦК КПСС, не прекращая ее работы по подготовке и переподготовке теоретических кадров партии; предлагалось передать Академии социальных и политических наук ряд академических институтов. Дело закончилось только ознакомлением секретарей ЦК КПСС с этим письмом без принятия каких-либо решений.

1970 г. (21 октября) – Отдел науки и учебных заведений и Отдел пропаганды ЦК КПСС передали для рассмотрения в ЦК КПСС записку о грубых нарушениях установленного порядка при создании Всесоюзного общества научного прогнозирования.

1971 г. (8 января) – в ответ на постановление Секретариата ЦК КПСС от 12 ноября 1970 г. о создании комиссии по рассмотрению вопроса о Всесоюзном обществе прогнозирования комиссия в составе П. Демичева, В. Гришина, В. Кириллина, С. Трапезникова, Т. Николаева, М. Миллионщикова, Г. Смирнова передала в ЦК КПСС подготовленную ими записку о грубых нарушениях установленного порядка при создании Всесоюзного общества научного прогнозирования. 5 марта 1971 г. эта же комиссия направила в ЦК КПСС дополнения к предыдущей записке.

1971 г. (4 мая) – А.М. Румянцев как член ЦК КПСС направил в адрес ЦК КПСС записку «Об организации исследования актуальных проблем долгосрочного экономического и социально-политического прогноза».

1971 г. (не ранее 12 мая) – директор ИКСИ А.М. Румянцев обратился с письмом к секретарю ЦК КПСС М.А. Сулову с изложением своей точки зрения по поводу объявления ему выговора в постановлении Секретариата ЦК КПСС от 12 мая 1971 г. «О незаконной деятельности так называемого Всесоюзного общества (Советской ассоциации) прогнозирования».

1971 г. (12 мая) – Секретариат ЦК КПСС принял постановление «О незаконной деятельности так называемого Всесоюзного общества (Советской ассоциации) научного прогнозирования». В документе вскрыты причины незаконной деятельности Общества научного прогнозирования, предложены меры по недопущению подобных нарушений в будущем. За безответственный подход к деятельности незаконно созданного Общества по прогнозированию и допущенную бесконтрольность при организации и проведении симпозиумов вице-президенту АН СССР А.М. Румянцеву,

заместителю председателя Всесоюзного общества «Знание» В.И. Сифорову, заместителю председателя Госплана СССР М.Е. Раковскому объявлены выговоры. Комитету партийного контроля при ЦК КПСС поручено рассмотреть вопрос о партийной ответственности других лиц, в том числе И.В. Бестужева-Лады, допустивших в данном случае нарушение партийной и государственной дисциплины. Обращено внимание Отдела пропаганды, науки и учебных заведений ЦК КПСС на то, что они вовремя не заметили указанные нарушения.

1971 г. (июль) – специальная исследовательская группа ИКСИ совместно с Ленинградским обкомом КПСС осуществила изучение общественного мнения среди населения г. Ленинграда.

1971 г. (17 августа) – Отдел науки и учебных заведений, Отдел организационно-партийной работы и Отдел пропаганды ЦК КПСС направили для рассмотрения в ЦК записку о работе Института конкретных социальных исследований АН СССР, в основу которой были положены итоги проверки работы института указанными отделами ЦК совместно с работниками МГК КПСС и Черемушкинского РК КПСС г. Москвы.

1972 г. – при ИСИ АН СССР по инициативе заведующего сектором информации В.Г. Васильева были открыты курсы повышения квалификации социологов.

1972 г. – Академия наук СССР поставила перед ЦК КПСС вопрос об организации Института социальных проблем научно-технического прогресса в Ленинграде. Вопрос решен был через два года.

1972 г. (13 января) – в адрес секретаря ЦК КПСС М.А. Сулова было направлено коллективное письмо сотрудников гуманитарных институтов АН СССР о недостатках в работе Института конкретных социальных исследований. М.А. Сулов поручил С.П. Трапезникову совместно с МГК КПСС и АН СССР «тщательно разобраться с положением дел в Институте конкретных социальных исследований, принять необходимые меры и о результатах доложить». 10 марта 1972 г. Отдел науки и учебных заведений ЦК КПСС информировал руководство ЦК о выполнении этого поручения.

1972 г. (13 апреля) – постановлением Президиума АН СССР № 355 директором Института конкретных социальных исследований назначен член-корреспондент АН СССР М.Н. Руткевич.

1972 г. (18 мая) – принято распоряжение Президиума АН СССР о передаче на правах сектора группы сотрудников ИКСИ в Институт государства и права АН СССР и переводе проблематики и основной части сотрудников Отдела теории и методологии управления большими социальными системами в этот же институт.

1972 г. (13 июля) – принятие постановления Президиума АН СССР «О деятельности Института конкретных социальных исследований АН СССР и уточнении его наименования». Новое наименование – Институт социологических исследований.

1972 г. (19 июля) – вице-президент АН СССР академик П.А. Федосеев направил в ЦК КПСС записку АН СССР о переименовании Института конкретных социальных исследований в Институт социологических исследований АН СССР. Предложение было поддержано.

1972 г. (28 июля) – С. Трапезников и В. Ягодин направили в ЦК КПСС записку о положении дел в ИКСИ АН СССР. Документ был подготовлен в связи с поручением Секретариата ЦК КПСС (ст. 44/13с от 13 июня 1972) изучить вопросы, поднятые в коллективном письме на имя Л.И. Брежнева о серьезных недостатках и ошибках в работе ИКСИ.

1972 г. (28 июля) – член Исполнительного Совета ЮНЕСКО от СССР С.Л. Тихвинский сообщил в ЦК КПСС о предложении президента Международного Совета социальных наук Ж. Стецеля кооптировать в состав Исполнительного комитета этой организации академика П.Н. Федосеева вместо выбывшего по состоянию здоровья академика А.М. Румянцева. Это предложение было поддержано.

1972 г. (24 октября) – бюро Отделения философии и права АН СССР рассмотрело доклад директора Института социологических исследований АН СССР, члена-корреспондента АН СССР М.Н. Руткевича «О развитии социологического образования в СССР». Предложения были одобрены и переданы для рассмотрения Президиумом АН СССР.

1973 г. – созданная в 1970 г. группа сотрудников ИКСИ АН СССР, хорошо зарекомендовавшая себя в проведении массовых социологических опросов населения в Ленинграде, была преобразована в Сектор социальных проблем массовой коммуникации Ленинградского филиала ИСИ АН СССР.

1973 г. (9 марта) – директор Института социологических исследований АН СССР М.Н. Руткевич направил письмо секретарю ЦК КПСС П.Н. Демичеву о развитии социологического образования в стране. Внесенные предложения получили поддержку. В порядке эксперимента в ряде вузов вводилась специализация по прикладной социологии, предусматривалось издание учебных пособий по марксистской социологии, дальнейшая разработка учебных планов для подготовки специалистов по прикладной социологии.

1973 г. (26 апреля) – введение в порядке эксперимента специализации по прикладной социологии на философском факультете МГУ и в других университетах, в группе инженерно-экономических и финансово-экономических институтов; введение специальности «Прикладная социология» произошло позже (например, в МГУ в 1977 г.).

1973 г. (8 июня) – первый секретарь ЦК компартии Литвы А. Снечкус направил в ЦК КПСС письмо о развитии общественных наук в Литовской ССР. В нем нашли отражение и проблемы социологии. Кроме всего прочего, ставился вопрос о создании в Литве Института философии, права и социологии на базе существующего отдела философии, права и социологии. 2 августа 1973 г. Отдел науки и учебных заведений ЦК КПСС информировал ЦК о принятых мерах на этот счет.

1973 г. (29 июня) – вице-президент АН СССР П.Н. Федосеев направил в ЦК КПСС записку об издании Академией наук СССР реферативного журнала «Общественные науки в СССР». Отдел науки и учебных заведений и Отдел пропаганды ЦК КПСС после изучения этого вопроса доложили ЦК о своем положительном мнении по этому вопросу. В конечном итоге предложение АН СССР получило официальное одобрение ЦК (П.Н. Демичев).

1974 г. (март) – Всесоюзное совещание по координации социологических исследований в научных учреждениях АН СССР и республиканских академий наук; проводилось в Москве по инициативе Института социологических исследований и Советской социологической ассоциации.

1974 г. – выход в свет первого номера журнала «Социологические исследования» (до 1986 г. – ежеквартальный, после – двухмесячный, с 1990 – ежемесячный).

1974 г. – решением Министерства высшего образования СССР в МГУ вводится специальность «прикладная социология».

1974 г. (19–24 августа) – участие делегации советских социологов во главе с академиком-секретарем Отделения философии и права АН СССР Ф.В. Константиновым в

работе VIII Всемирного социологического конгресса в Торонто (Канада) по теме «Наука и революция в современных обществах». В работе конгресса от СССР приняло участие 82 человек от различных организаций и ведомств.

1974 г. – создание в ИСИ АН СССР под руководством завсектором социальных проблем трудовых коллективов Н.В. Андреевской Центра повышения квалификации социологов, в котором первоначально обучались социологи Москвы и Московской области.

1974 г. – первое учредительное совещание международной проблемной комиссии «Социальные процессы в социалистическом обществе» (Варшава). В 1975 г. на совещании в Москве были уточнены научно-исследовательские программы и структура рабочих органов комиссии. 1976–1980 – период формирования международных коллективов рабочих групп. Главный координатор комиссии – Польская Академия наук. Советские социологи проводили активную работу во всех структурах комиссии, а в международной редколлегии «Информационного бюллетеня» комиссии СССР был представлен работниками на уровне соредатора. Выпуск «Информационного бюллетеня» 1983/1984 был посвящен проблематике социальных индикаторов в области сближения рабочего класса и интеллигенции, выпуск 1985 г. – проблемам крестьянства и деревни, 1986 г. – проблематике социальных показателей образа жизни.

1974 г. (25 августа) – участие 10 советских ученых из состава делегации СССР на VIII Всемирном социологическом конгрессе в работе общего собрания Американской социологической ассоциации в Монреале.

1974 г. (17 октября) – ЦК КП Литвы (П. Гришкавичус) направил письмо в ЦК КПСС о создании Института философии, социологии и права АН Литовской ССР. Идея была поддержана.

1974 г. (15 января) – обращение А.М. Румянцева к Генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу с просьбой повлиять на сгустившуюся над ним ситуацию, когда после скандальной истории с так называемым Всесоюзным обществом прогнозирования он как член ЦК оказался фактически изолированным от активного участия в работе ЦК, перестал получать какие-либо поручения.

1975 г. – при ЦК компартии Грузии образован Совет по изучению общественного мнения, реорганизованный в 1981 г. в Центр по изучению общественного мнения.

1975 г. (31 марта) – распоряжением Президиума АН СССР № 10105–34 ленинградские сектора ИСИ АН СССР были переданы в ИСЭП.

1975 г. (21 ноября) – Отдел пропаганды ЦК КПСС письменно информировал ЦК о социологическом исследовании вопросов воспитательной работы, осуществленном в г. Таганроге. Исследование проводилось по поручению Отдела пропаганды ЦК КПСС рядом научных учреждений – Академией общественных наук при ЦК КПСС, Институтом социологических исследований АН СССР, Институтом международного рабочего движения АН СССР, Центральным экономико-математическим институтом АН СССР, Всесоюзным институтом по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности Прокуратуры СССР. Таганрогский проект – одна из крупнейших акций в истории социологического ренессанса.

1975 г. (15–16 декабря) – проведение Институтом социологических исследований совместно с другими академическими центрами Всесоюзного совещания «Критика современной буржуазной социологии».

1976 г. – создание на базе Высшей комсомольской школы научно-исследовательского центра, на который возлагались координационные функции социологических исследований проблем молодежи.

1976 г. – постановление ЦК КПСС о недостатках в работе ИСИ.

1976 г. (17 февраля) – Отдел науки и учебных заведений и Международный отдел внесли в ЦК КПСС записку, в которой поддержано предложение Академии наук СССР о вступлении советских ученых Т.И. Заславской, И.С. Кона, В.Д. Патрушева, Ю.П. Петровой-Аверкиевой, Ф.Р. Филиппова в рабочие органы Международной социологической ассоциации. Руководство ЦК с предложением согласилось.

1976 г. (29 апреля) – вице-президент АН СССР П.Н. Федосеев направил в ЦК КПСС записку заведующего сектором социальных проблем массовой коммуникации Института социально-экономических проблем АН СССР Б.М. Фирсова о деятельности сектора по изучению общественного мнения в структуре Ленинградской областной партийной организации (1970–1976). Работа, проведенная по этому вопросу, в ЦК получила одобрение и поддержку.

1976 г. (31 августа) – вице-президент АН СССР П.Н. Федосеев направил в ЦК КПСС информацию о мероприятиях по развитию общественных наук в свете решений XXV съезда КПСС. В документе говорилось в том числе и о необходимости укрепления научных подразделений в Институте социологических исследований, ЦЭМИ, Институте этнографии, Институте востоковедения и др. Признавалась необходимость создания Института демографических исследований.

1976 г. – в рамках советско-американского научного сотрудничества ИСИ АН СССР посетила американская делегация, возглавляемая Элеонорой Шелдон и Альбертом Рейсом. Были определены четыре конкретные темы для будущих совместных проектов: «Социальная структура», «Бюджеты времени», «Мотивация труда», «Социология массовых коммуникаций».

1977 г. (6 сентября) – ЦК КПСС рассмотрел информационную записку директора Института социологических исследований АН СССР Т.В. Рябушкина и заведующего отделом социологических проблем пропаганды ИСИ АН СССР В.Н. Иванова секретарю ЦК КПСС М.В. Зимянину «О некоторых итогах работы отдела социологических проблем пропаганды». Проведенная ИСИ АН СССР работа по этому вопросу получила одобрение. Ряд предложений поручалось рассмотреть Президиуму АН СССР.

1977 г. (13 декабря) – заместитель директора ИСИ АН СССР В.Н. Иванов направил в ЦК КПСС письмо о работе отдела социологических проблем пропаганды ИСИ АН СССР. Работа оценена положительно, поставленные вопросы были решены в оперативном порядке.

1978 г. (январь) – проведение в Хельсинки симпозиума в рамках Советско-финляндской комиссии по научно-техническому сотрудничеству. Участниками и выступающими с советской стороны были В.Н. Иванов и З.Т. Голенкова. По итогам симпозиума был издан на финском и русском языках сборник научных докладов.

1978 г. (14–19 августа) – участие советских социологов в IX Всемирном социологическом конгрессе в г. Упсала (Швеция). Основная тема конгресса – «Пути социального развития». Состав советской делегации – 95 ученых; руководитель делегации директор ИСИ АН СССР Т.В. Рябушкин. На конгрессе в члены исполкома МСА от СССР был избран профессор Х.Н. Момджян. 12 советских ученых были избраны на руководящие должности в МСА.

1978 г. (27 августа – 2 сентября) – участие советских ученых в XVI Международном философском конгрессе в Дюссельдорфе, организованном Международной федерацией философских обществ (МФФО), членом которой был с 1956 г. Институт философии. Основная тема конгресса: «Философия и мировоззренческие проблемы современной науки». Советская делегация состояла из 102 человек; руководитель делегации – П.Н. Федосеев. Из 170 докладов, опубликованных в материалах конгресса, более сотни было представлено советскими философами и естествоиспытателями, а также марксистами зарубежных стран.

1978 г. – проведение в Москве общесоюзной конференции, посвященной методам социологических исследований.

1979 г. (октябрь) – начало осуществления советско-американского проекта «Использование времени и его показателей». Рабочая группа проекта: В.Г. Андреенков, В.Д. Патрушев, Дж. Робинсон.

1980 г. (март) – директивная статья «Социологические исследования: результаты, проблемы и задачи» в партийном журнале «Коммунист» № 13.

1981 (20 января) – главный редактор журнала «Социологические исследования» А.Г. Харчев направил в ЦК КПСС информацию «О работе редакции журнала “Социологические исследования” по реализации выводов и положений постановления ЦК КПСС “О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы”».

1982 г. (16–31 августа) – делегация в количестве 80 ученых-социологов СССР приняла участие в X Всемирном социологическом конгрессе в г. Мехико (Мексика). Общая тема конгресса – «Социологическая теория и социальная практика». В период конгресса кроме пленарных заседаний состоялось 35 симпозиумов, сессии 37 исследовательских комитетов МСА. С докладами на пленарных и других заседаниях выступили советские социологи И.В. Бестужев-Лада, Б.А. Грушин, Т.И. Заславская, Н.И. Лапин, Х.Н. Момджян, Т.В. Рябушкин, А.Г. Харчев, В.Н. Шубкин. На конгрессе от СССР были избраны: Х.Н. Момджян вице-президентом МСА; в состав руководящих органов МСА – И.В. Бестужев-Лада, А.Г. Здравомыслов, В.С. Коробейников, В.Т. Лисовский, Г.В. Осипов, Ф.Р. Филиппов, А.Г. Харчев и др.

1982 г. – проведение в Москве первого специального симпозиума на тему «Проблемы сравнительных социологических исследований». Организатор симпозиума – отдел методических исследований ИСИ АН СССР (заведующий отделом В.Г. Андреенков).

1982 г. (28 декабря) – заведующий отделом социальной структуры советского общества Института социологических исследований АН СССР Ф.Р. Филиппов обратился в ЦК КПСС с официальным письмом, в котором изложил серьезные, по его мнению, недостатки в работе директора ИСИ АН СССР Т.В. Рябушкина, а также его заместителей и в острой форме поставил вопрос об укреплении руководства института компетентными специалистами. Меры были приняты, директором ИСИ АН СССР был назначен доктор философских наук В.Н. Иванов.

1983 г. (4 февраля) – вице-президент АН СССР, академик П.Н. Федосеев направил в ЦК КПСС подготовленную Отделом философии и права АН СССР записку о V Всесоюзной отчетно-выборной конференции Советской социологической ассоциации (вопрос о подготовке проведения V Всесоюзной отчетно-выборной конференции ССА Секретариат ЦК КПСС рассматривал на своем заседании 2 ноября 1982 г.).

1983 г. (май) – участие делегации советских социологов во главе с директором Института социологических исследований, профессором В.Н. Ивановым в работе I съез-

да Болгарской социологической ассоциации, проходившего в Софии. В ходе контактов В.Н. Иванова с академиком Болгарской академии наук, президентом Болгарской социологической ассоциации Н. Яхиелем были намечены конкретные меры советско-болгарского сотрудничества в области социологии, которые со временем были поставлены на регулярную основу.

1983 г. (14–15 июня) – на Пленуме ЦК КПСС членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК К.У. Черненко в докладе «Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии» за существенные недостатки в работе были подвергнуты критике Институт социологических исследований и Центральный экономико-математический институт АН СССР. Углублению разговора на Пленуме ЦК о назревших вопросах в развитии советской социологии способствовали выступления членов ЦК КПСС В.В. Щербицкого, В.С. Чичерова, А.П. Филатова, А.Э. Восса, Ш.Р. Рашидова, П.Н. Федосеева, К.С. Демирчяна, С.А. Шалаева. В постановлении Пленума ЦК КПСС были даны поручения АН СССР и соответствующим министерствам и ведомствам разработать и осуществить меры по повышению роли социологических исследований в стране. Президиум АН СССР в соответствии с решениями июньского Пленума ЦК КПСС рассмотрел состояние работы в научных учреждениях социологического профиля и утвердил целый комплекс мер по улучшению работы в социологической сфере.

1983 г. – разработка под руководством ЦК компартии Украины Единой социологической службы в республике. Эта инициатива была поддержана июньским (1983 г.) Пленумом ЦК КПСС (14–15 июня 1983 г.), рассматривавшим актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии. Окончательное оформление идеи создания республиканской социологической службы воплотилось в разработанном во втором полугодии 1983 г. документе «О перспективах создания социологической службы в республике».

1983 г. – ИСИ АН СССР впервые провел социологическую экспедицию в районы проживания малых народностей Севера (Таймыр, Чукотка, Камчатка) по изучению образа жизни коренного населения. По научному докладу института «Развитие непроизводственной сферы районов проживания коренных народов Севера» были приняты соответствующие решения Министерств культуры, здравоохранения, торговли, бытового обслуживания.

1983 г. (23 августа) – и.о. президента АН СССР В.А. Котельников и и.о. главного ученого секретаря Президиума АН СССР А.В. Фокин докладной запиской информировали ЦК КПСС о ходе выполнения задач, поставленных перед социологической наукой июньским (1983 г.) Пленумом ЦК КПСС.

1983 г. (1 сентября) – министр высшего и среднего специального образования СССР В.П. Елютин докладной запиской информировал ЦК КПСС о реализации решений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС.

1983 г. (27 сентября) – первый проректор Академии общественных наук при ЦК КПСС Н.Ф. Кузьмин направил в ЦК КПСС записку «О мероприятиях Академии общественных наук при ЦК КПСС по выполнению постановления июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС и поручений ЦК КПСС по итогам июньского Пленума».

1983 г. (26 октября) – заведующий Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС В.А. Медведев направил в ЦК КПСС записку «О ходе выполнения предложений и замечаний, высказанных участниками июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС».

1984 г. (4 апреля) – директор Института социологических исследований АН СССР В.Н. Иванов по согласованию с вице-президентом АН СССР П.Н. Федосеевым направил в ЦК КПСС аналитическую справку «Информационная обстановка в стране (по материалам социологических исследований)».

1984 г. – Институтом социологических исследований АН СССР совместно с Президиумом Советской социологической ассоциации подготовлено типовое положение о социологической службе отрасли.

1984 г. – принятие постановления Секции общественных наук Президиума АН СССР «О развитии научных исследований проблем молодежи». В 1985 г. в ИСИ был создан сектор социальных проблем молодежи (заведующий сектором В.И. Чупров).

1984 г. – на отделениях прикладной социологии в Московском и Ленинградском государственных университетах началась подготовка социологов-профессионалов.

1984 г. (май) – состоялся первый выпуск социологов Москвы и Московской области на специальных курсах, организованных на базе Института социологических исследований АН СССР.

1984 г. (май) – на базе Института социологических исследований АН СССР ЮНЕСКО провела совещание экспертов по проблемам образа жизни. Основой дискуссии на совещании послужили материалы, подготовленные коллективом института по результатам многолетнего исследования показателей образа жизни под руководством заместителя директора профессора И.Т. Левыкина.

1984 г. (18 мая) – ЦК компартии Грузии направил в ЦК КПСС информацию «О работе, проводимой партийной организацией Грузии по изучению, формированию и прогнозированию общественного мнения».

1984 г. (июнь) – Президиум АН СССР рассмотрел на своем заседании вопрос «О научной деятельности Института социологических исследований АН СССР». Такое мероприятие явилось реакцией на прозвучавшую на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС критику в адрес ИСИ и проведенную комиссией Президиума АН СССР проверку института. В принятом постановлении указывалось на три основные причины серьезных недостатков в работе института – не вполне четкий отбор проблематики исследований, недостаточную методологическую и методическую подготовку исследователей, несовершенство структуры института. В постановлении уточнены задачи и основные направления деятельности ИСИ.

1984 г. (не позднее 19 июля) – директор Института философии АН СССР Г.Л. Смирнов направил в ЦК КПСС докладную записку «О необходимости усиления критики буржуазных и ревизионистских концепций идейного и политического плюрализма». Выводы и предложения одобрены.

1984 г. (26 ноября) – секретарь ЦК компартии Украины А.С. Капто направил в ЦК КПСС информацию «О научно-практическом совещании по вопросам развития социологических исследований». Совещание проводилось по решению ЦК КПСС.

1984 г. (ноябрь) – участие делегации советских социологов во главе с директором Института социологических исследований АН СССР, профессором В.Н. Ивановым в советско-французском симпозиуме по проблемам демографии (Париж). Доклад о демографической ситуации в СССР сделал профессор Л.Л. Рыбаковский, возглавлявший в институте отдел по проблемам социальной демографии. Общим вопросам организации в стране социологических исследований был посвящен доклад В.Н. Иванова.

1984 г. (6 декабря) – вице-президент АН СССР П.Н. Федосеев направил в ЦК КПСС записку «Об итогах научно-практического совещания по развитию социологических исследований в свете решений июньского (1983 г.) и последующих Пленумов ЦК КПСС».

1985 г. – пленум правления ССА обсудил стратегию ускорения научно-технического прогресса.

1985 г. (4 января) – заведующий Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС В.А. Медведев и заведующий Отделом пропаганды ЦК КПСС Б.И. Стукалин направили в ЦК КПСС записку «О записках тт. Капто А.С. и Федосеева П.Н.». Выводы и предложения ЦК компартии Украины и АН СССР получили одобрение и поддержку.

1985 г. (22 января) – Секция общественных наук Президиума АН СССР приняла постановление «О реализации рекомендаций 1-го Всесоюзного совещания по совершенствованию социологических исследований в стране» (1-е Всесоюзное совещание по совершенствованию социологических исследований в стране состоялось в ноябре 1984 г. в Киеве по решению ЦК КПСС).

1985 г. (июнь) – ИСИ АН СССР совместно с Советской социологической ассоциацией, выполняя рекомендации проведенного в Киеве в ноябре 1984 г. Всесоюзного совещания по совершенствованию социологических исследований в стране, провели в Днепропетровске Всесоюзное научно-практическое совещание «Актуальные проблемы развития социологических исследований в сфере промышленного производства».

1986 г. – переход журнала «Социологические исследования» на двухразовый выход в месяц.

1986 – избрание президентом ССА академика Т.И. Заславской.

1986 – публикация в журнале «Социологические исследования» (1986, № 2) Профессионального кодекса социолога.

1986 г. – принятие постановления Госкомитета по труду и социальным вопросам, Президиума АН СССР и Всесоюзного Центрального Совета профессиональных союзов «Об улучшении организации социологической работы в отраслях народного хозяйства и утверждении Типового положения о службе социального развития предприятия, организации, министерства».

1986 г. (май) – участие делегации советских социологов во главе с директором ИСИ, доктором философских наук В.Н. Ивановым в заседании ученого совета Варненской социологической школы, созданной в целях научного сотрудничества восточно-европейских стран.

1986 г. – участие делегации советских социологов во главе с директором ИСИ В.Н. Ивановым в работе XI Всемирного социологического конгресса в Нью-Дели (Индия). Особенность этого конгресса – его страной-организатором под эгидой Международной социологической ассоциации впервые была азиатская страна, к тому же еще и один из лидеров Движения неприсоединения. Успех этого конгресса повлиял в том числе и на то, что на следующем конгрессе в Мадриде президентом МСА был избран представитель Индии профессор Т. Уммен.

1986 г. – завершение Институтом социологических исследований АН СССР исследования социальных аспектов крупномасштабного экономического эксперимента. В ходе эксперимента анкетным опросом было охвачено 4 тысячи рабочих и 2300 инженерно-технических работников, а в процессе почтового опроса – около одной тысячи руководящих работников и специалистов 175 предприятий, участвовавших в

эксперименте. Цель эксперимента – отработка механизма качественного обновления управления промышленным производством.

1986 г. (26 ноября) – пленум правления Советской социологической ассоциации принял постановление «Повышение роли социологической науки в ускорении социально-экономического развития страны».

1987 г. (март) – VI Всесоюзная конференция Советской социологической ассоциации приняла Профессиональный кодекс социолога. Создатели кодекса – М.Г. Лазар, Б.М. Фирсов, В.А. Ядов. Созданное в 1991 г. Российское общество социологов (РОС) подтвердило следование этому кодексу, исключив при этом 1-й раздел «Общие положения» как неадекватный новым общественным условиям.

1987 г. – открытие социологического отделения в Московском институте управления.

1987/1988 учебный год – в Институте повышения квалификации (ИПК) Госкомтруда СССР прошли обучение 200 специалистов лабораторий и групп социологических исследований, отделов социального развития предприятий и объединений; была создана кафедра социального развития трудовых коллективов и социального обеспечения.

1987 г. (24–26 июня) – в Тбилиси состоялась научно-практическая конференция по вопросам совершенствования практики социологических исследований, повышения эффективности их результатов в условиях перестройки. С докладом «Марксистско-ленинская социология в условиях перестройки» выступил директор ИСИ, доктор философских наук В.Н. Иванов.

1988 г. – завершение совместного советско-финляндского сравнительного исследования «Изменения моделей семьи в СССР и Финляндии», являющегося частью осуществляемого в ряде стран Европы проекта под эгидой Венского Центра. Итог – издание коллективной монографии «Социология и социальная практика».

1988 г. – сектор социальных проблем молодежи ИСИ АН СССР (заведующий сектором В.И. Чупров) в содружестве с учеными Института комплексных социальных исследований Ленинградского госуниверситета (В.Т. Лисовский) с целью научного обоснования новых подходов к государственной молодежной политике и правовой базы ее реализации начали работу над Концепцией государственной молодежной политики. Отделение философии, социологии и права АН СССР поддержало эту инициативу и создало объединенную комиссию из представителей академических институтов, а также НИЦ ВКШ, возложив руководство этой работой на сектор социальных проблем молодежи ИСИ. В 1991 г. Отделение философии, социологии и права АН СССР одобрило концепцию, после чего она была представлена Министерством труда на утверждение в Совете Министров. Но из-за развала СССР решение не было принято. Основные теоретические подходы были использованы при подготовке закона о молодежи и основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации, принятого в 1991 г.

1988 г. – отделения прикладной социологии были созданы на философско-экономическом факультете Казанского государственного университета, на экономическом факультете Харьковского государственного университета, на философском факультете Тбилисского университета, на философском факультете Уральского университета; в это же время специализация в области прикладной социологии развернулась на философских и экономических факультетах Белорусского, Ереванского, Новосибир-

ского университетов, в университетах прибалтийских республик, а также в Ленинградском финансово-экономическом институте.

1988 г. – в Москве состоялся международный симпозиум «Методические проблемы эмпирических социологических исследований». Организатор симпозиума – отдел методических исследований ИСИ АН СССР (заведующий отделом В.Г. Андреенков).

1988 г. (6 апреля) – директор ИСИ АН СССР В.Н. Иванов направил в отделение философии и права АН СССР докладную записку «Об использовании социологических исследований». Было признано, что при некоторых положительных сдвигах в развитии социологической науки все же ее влияние в целом на принятие управленческих решений в социальной сфере остается эпизодическим.

1988 г. (7 июня) – принятие постановления Политбюро ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества». Произошла официальная институционализация социологии как самостоятельной научной дисциплины.

1988 г. (20 июня) – ученый совет ИСИ РАН определил программу первоочередных мер по реализации постановления ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества» от 7 июня 1988 г.

1988 г. – свыше 150 практикующих социологов прошли переподготовку на специальном отделении МГУ.

1988 г. (август) – Госкомитет СССР по народному образованию издал приказ «О формировании системы подготовки социологических кадров в стране». Специальность «Прикладная социология» преобразовывалась в специальность «Социология», были приняты предложения вузов об открытии социологических факультетов и отделений; поддерживалось решение вопроса о социологической подготовке студентов всех специальностей через систему обязательных и факультативных спецкурсов.

1988 г. (4 ноября) – Государственный комитет СССР по науке и технике своим постановлением № 386 ввел в номенклатуру специальностей научных работников «Социологические исследования», включающую такие специальности: «Теория, методология и история социологии», «Методы социологических исследований», «Социология труда и экономическая социология», «Социальная структура, социальные институты и процессы», «Социально-политические процессы организация и управления», «Социология культуры, образования, науки», «Общественное мнение».

1988 г. – Высшая аттестационная комиссия включила социологию в номенклатуру специальностей научных работников.

1988 г. – состоялся первый выпуск специалистов по социологии в Московском и Ленинградском университетах (62 человека).

1988 г. – преобразование ИСИ в Институт социологии АН СССР.

1988 г. – создание в соответствии с постановлением ВЦСПС и Госкомтруда Всесоюзного центра изучения общественного мнения при ВЦСПС (рук. Т.И. Заславская).

1988 г. – в системе народного образования обучалось около 1 тыс. студентов-социологов.

1989 г. – создание при ЦК ВЛКСМ Высших социологических курсов.

1989 г. (11 апреля) – принятие постановления Секретариата ЦК КПСС «О развитии социологических подразделений в Академии общественных наук при ЦК КПСС и высших партийных школах».

1989 г. – отмена обязательного изучения в вузах истории КПСС, исторического и диалектического материализма, политической экономии социализма и научного коммунизма.

1989 г. – в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова и Ленинградском университете созданы социологические факультеты, в партийных школах – соответствующие кафедры и центры.

1989 г. – проведение в Москве общесоюзной конференции, посвященной методам социологических исследований и закрепившей результаты двух аналогичных конференций, состоявшихся в 1967 и 1978 гг.

1989 г. – учреждение Российского общества социологов в рамках Советской социологической ассоциации.

1990 г. – включение научно-исследовательского центра (НИЦ) ВКШ в структуру Института молодежи, реорганизованного в 2000 г. в Московскую гуманитарно-социальную академию.

1990 г. (март) – участие делегации советских социологов во главе с директором Института социологии РАН В.А. Ядовым в семинаре, проведенном в рамках сотрудничества с Фондом им. Ф. Эберта (ФРГ). Тема семинара – проблемы «индустриальной демократии».

Июнь 1990 г. – начало 1991 гг. – дискуссии о создании специального социологического центра при президенте СССР. В качестве первого шага предполагалось создать социологическую группу в отделе социально-экономического анализа (5 человек), которой подчинялась бы группа социологов-профессионалов численностью в 40 человек и которая получала бы возможность делать необходимые заказы другим социологическим центрам. Идея создания такой аппаратной структуры не получила поддержки в социологическом сообществе; признано было сосредоточить такую работу в уже действующих академических структурах, оказав им необходимую помощь, или создавать такой центр в системе Академии наук.

1990 г. (август) – участие делегации советских социологов в работе XII Всемирного социологического конгресса в Мадриде. Это был последний международный социологический конгресс, на котором советские социологи всех союзных республик входили в одну советскую делегацию; приближалась геополитическая катастрофа 1991 г. Тема конгресса – «Социология для одного мира: единство и разнообразие».

1991 г. – создание Государственным комитетом по высшему образованию РФ Института социологического образования (ИСО РЦГО), единственного на этот момент учебного заведения, созданного на базе Российской академии наук. Его деканом стал проф. В.Н. Ядов, одновременно возглавивший Институт социологии РАН.

1991 г. – пере выборы ССА, избрание сопresidentами В.А. Ядова, А.Г. Здравомыслова, Ж.Т. Тощенко, вице-presidentом З.Т. Голенковой, главным ученым секретарем Э.Н. Фетисова.

1991 г. – состоялся первый съезд социологов СССР, на котором были внесены изменения в устав и форму правления ассоциации; тайным голосованием были избраны три сопresidentа ассоциации – В.А. Ядов, Ж.Т. Тощенко и А.Г. Здравомыслов.

1991 г. – провозглашение преемником ССА Российского общества социологов и избрание его сопresidentами В.С. Дудченко, Ю.Р. Вишневого, В.А. Ядова.

1991 г. (март) – создание на базе коллектива научной программы «Социальное развитие советского общества: показатели и индикаторы» Института социологии

АН СССР самостоятельного Института социально-политических исследований АН СССР.

1991 г. (октябрь) – участие российской делегации (В.Н. Иванов, И.А. Сосунова) в научной конференции, посвященной 50-летию Швейцарской социологической ассоциации в Ньюшателе. Доклад В.Н. Иванова был посвящен состоянию социологической науки в России.

1991 г. – в Москве под эгидой ИСРОС АН и ЦЭМИ начал издаваться журнал «Социология: 4 М (методология, методика, математическое моделирование)», посвященный методам социологических исследований. Редактор – В.А. Ядов.

1991–1993 гг. – существование двух объединений социологов: ССА (до 1992) и РОС.

1993 г. – возникновение новых социологических объединений; внесение изменений в устав РОС.

1993 г. (февраль) – создание Профессиональной ассоциации России на основе связей, сохранившихся после прекращения деятельности Советской социологической ассоциации.

1993 г. (июнь) – на конференции «Многообразие интересов и институты власти» принята Декларация о создании содружества социологических ассоциаций, президентом которой был избран А.Г. Здравомыслов, а вице-президентами Г.А. Погосян (Армения) и К.И. Исаев (Киргизия).

1993 г. (июнь) – участие российских социологов в работе XXXI конгресса Международного института социологии, посвященного столетию его основания. Тема выступления академика Т.И. Заславской – социальные проблемы современного российского общества.

1993 г. – журнал «Социологические исследования» опубликовал открытое письмо, в котором излагались основополагающие цели и задачи воссозданного в Санкт-Петербургском университете Социологического общества им. М.М. Ковалевского (учреждено было 13 ноября 1916 г. под названием Русское социологическое общество им. М.М. Ковалевского, прекращало свое существование трижды – после событий 1917–1918 гг., в 1920 г. и в 1922 г.; в 1998 г. по решению общего собрания членов оно снова изменило свое название на Социологическое общество им. М.М. Ковалевского; в настоящее время общество зарегистрировано официально в качестве общественной организации).

1994 г. (23 марта) – научный симпозиум в Институте социологии РАН «Российская социологическая традиция 1960-х годов и современность». Роль советской социологии в реформировании общества и развитии теории и методологии исследований была рассмотрена в выступлениях А.Г. Здравомыслова, Г.С. Батыгина, В.А. Ядова, Ю.А. Левады, Б.А. Грушина, Н.И. Лапина, Б.М. Фирсова, В.В. Колбановского, И.С. Кона, В.Б. Ольшанского, И.В. Бестужева-Лады, Ж.Т. Тощенко, Т.И. Заславской, Г.М. Андреевой, А.С. Шестопал, В.С. Дудченко, М.Г. Панкратовой (список ораторов дан в соответствии с последовательностью их выступлений).

1994 г. (август) – участие делегации российских социологов в XIII Всемирном социологическом конгрессе в Германии, в Билефельде. В дискуссиях активное участие приняли А.В. Дмитриев, В.Н. Иванов, А.Т. Хлопьев. Впервые за всю историю социологических конгрессов никто из социологов России не попал в руководство МСА.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

ПРОЕКТ

О ПЕРСПЕКТИВАХ СОЗДАНИЯ ЕДИНОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ В РЕСПУБЛИКЕ (НА ПРИМЕРЕ УКРАИНЫ)¹

Необходимость создания единой республиканской социологической службы обусловлена потребностями партийного руководства и государственного управления в комплексной и репрезентативной социологической информации, для эффективного решения задач, поставленных XXVI съездом КПСС, ноябрьским (1982) и июньским (1983) пленумами ЦК КПСС.

Единая республиканская социологическая служба призвана собирать, хранить, обрабатывать и регулярно предоставлять соответствующим партийным и государственным органам социологическую информацию, необходимую для научного руководства и эффективного управления экономическими, социальными, политическими и идеологическими процессами в республике.

В дополнение к данным экономической и социальной статистики, предоставляемой органами ЦСУ УССР, единая социологическая служба должна обеспечивать репрезентативную информацию, прежде всего, о следующих сторонах жизни республики:

1) в экономической области – об объеме, структуре и степени удовлетворения потребностей населения в товарах, услугах и в профессиональной трудовой деятельности разного уровня квалификации;

2) в социальной области – об изменении социальных различий между классами, а также между социально-профессиональными, национальными, поселенческими и территориальными группами; о репродуктивных установках семей и бессемейных женщин; о потребностях молодежи в семье, в детях и в их воспитании; о структуре потребностей населения в различных видах внепрофессиональной деятельности, об объективных условиях и степени удовлетворения этих потребностей; об основных характеристиках форм деятельности населения в сферах быта и досуга, межличностных и групповых отношениях;

¹ Документ разрабатывался в 1983 г. возглавляемой секретарем ЦК компартии Украины по идеологии группой социологов-профессионалов и руководителей партийных и государственных органов республики. Стал первой акцией подобного рода в истории возрождения социологической науки в СССР. Ввиду специфики партийного руководства и его нетождественности государственному управлению систему республиканской социологической службы предполагалось построить из двух подсистем – а) социологического обеспечения партийного руководства (СОПР) и социологического обеспечения государственного управления (СОГУ). Проект документа публикуется в том виде, в каком он был подготовлен в 1983 г., то есть без внесения конъюнктурных изменений.

3) в политической области – о структуре потребностей трудящихся в управленческой и общественно-политической деятельности, об условиях удовлетворения этих потребностей; о направленности, способах и степени политической активности разных категорий населения, о проявлениях межнациональных отношений в их жизни; об их отношении к законности и правопорядку;

4) в идеологической области – о структуре социальных и идейно-политических ориентаций, потребностей в социально-экономической, политической и идеологической информации, о степени и источниках их удовлетворения, а также потребностей в культурно-просветительской и пропагандистской деятельности разных категорий населения, условиях и степени их удовлетворения; об основных характеристиках текущего состояния и динамики общественного мнения.

Данная формулировка социального заказа на социологическую информацию, которую должна обеспечивать республиканская социологическая служба, является, конечно, предварительной. Более полное и точное содержание задач такой службы может быть получено только путем специального изучения конкретных потребностей соответствующих партийных и государственных органов в социологической информации. Вместе с тем очевидно, что назначение такой службы – быть главным производителем прикладной, управленческой социологической информации и, следовательно осуществлять регулярные территориально репрезентативные массовые социологические обследования, а не эпизодические исследования, проводимые обычно для научных целей.

В силу специфики партийного руководства и его нетождественности государственному управлению систему республиканской социологической службы целесообразно построить из двух подсистем:

- 1) социологического обеспечения партийного руководства (СОПР);
- 2) социологического обеспечения государственного управления (СОГУ).

Подсистема СОПР должна собирать и обрабатывать информацию о политических и идеологических процессах, а также осуществлять отбор необходимой для партийного руководства социологической информации об экономических и социальных процессах, производимой в подсистеме СОГУ функции общего научного обеспечения всей службы (разработку теоретических моделей, намечаемых для обследования общественных процессов, показателей их основных характеристик и базовых методов, применяемых в массовых социологических обследованиях целесообразно возложить на социологические подразделения АН УССР и Институт истории партии ЦК компартии Украины).

Вместе с тем, каждая из подсистем – и СОПР, и СОГУ – в развитом виде должна состоять из специально созданных органов, необходимых для следующих функций: 1) организация работы подсистемы в целом; 2) специализированное методическое обеспечение (разработка и обновление систем стандартных показателей, стандартных методик их измерения и планирование выборок); 3) формирование опросной сети и управления ее работой; 4) сбор и передача информации; 5) обработка, хранение и выдача информации. Математическое и программное обеспечение для обеих подсистем в силу его однотипного характера может разрабатываться лишь в одной из них – в подсистеме СОГУ.

Для подсистемы СОПР после завершения ее формирования, которое можно осуществить в 90-е годы, выполнение этих функций целесообразно возложить на следующие органы:

1) организационные функции в подсистеме СОПР и контрольные функции по отношению ко всей республиканской службе – на подразделение социологической информации в ЦК компартии Украины;

2) научное и методическое обеспечение – на социологическое подразделение в Институте истории партии ЦК компартии Украины;

3) руководство формированием и работой опросной сети на местах – на работников местных партийных комитетов, получивших подготовку по прикладной социологии;

4) сбор и передачу информации – на опросную сеть межведомственного Центра изучения общественного мнения (который предлагается создать при Гостелерадио УССР на долевых началах), состоящую из журналистов газет, радио и телевидения, прошедших специальную подготовку и выполняющих функции интервьюеров Центра по совместительству или по трудовым соглашениям, а также из местных социологов-коммунистов, привлекаемых партийными комитетами для опроса населения на общественных началах;

5) функции обработки, хранения и выдачи информации – на вычислительный центр подсистемы СОГУ или, что предпочтительнее, на самостоятельный вычислительный центр, в составе которого формируется банк политико-идеологической социологической информации.

Для подсистемы СОГУ выполнение указанных функций целесообразно возложить на следующие органы:

1) организационные функции – на специальные подразделения Госплана УССР;

2) научное и методическое обеспечение (прежде всего, разработку системы показателей и методов их измерения) – на социологическое подразделение ЭНИИ Госплана УССР;

3) формирование опросной сети и управление ее работой – на специальное социологическое подразделение ЦСУ УССР;

4) сбор и передачу информации:

– в территориальном разрезе – на опросную сеть ЦСУ УССР, состоявшую из сотрудников обл-, гор- и райстатуправлений, получивших социологическую подготовку;

– в отраслевом разрезе – на социологические подразделения предприятий, ведомственных НИИ и центров НОТ;

5) разработку математического и программного обеспечения, а также обработку и хранение информации – на ГлавНИИ ВЦ Госплана УССР. Для интеграции и возможности совместной обработки данных, полученных как с помощью опросной сети, так и социологическими службами предприятий, ведомственных НИИ и центров НОТ, целесообразно создание Банка социологической информации в подсистеме АСГС РАСУ УССР (автоматизированная система государственной статистики Республиканской автоматизированной системы управления УССР).

Создание республиканской социологической службы требует соответственного кадрового, материально-технического, научно-теоретического и методического обеспечения, которым республика в настоящее время не располагает. Поэтому развертывание указанной службы целесообразно проводить поэтапно, чтобы подготовка кадров была скоординирована с созданием рабочих мест и соответствующим материально-техническим обеспечением.

На первом этапе (1983–1985 гг.) целесообразно:

1. Существенно расширить подготовку кадров высшей квалификации через аспирантуру Института философии АН СССР и Харьковского госуниверситета, а также через докторантуру АОН в целевую аспирантуру и стажировку в Институте социологических исследований АН СССР (Москва) и Институте социально-экономических проблем АН СССР (Ленинград) для комплектования в 12-й пятилетке социологических подразделений Института истории партии при ЦК компартии Украины, институтов экономики и философии АН УССР, ЦСУ УССР, а также кафедр Киевского, Харьковского и Одесского госуниверситетов, Киевского университета народного хозяйства и факультета повышения квалификации (при КГУ или КИНХе).

2. Завершить исследование управленческих функций, теоретических вопросов партийного руководства развитием социологического образа жизни, разработку теоретической модели и базовых показателей социальных ориентаций населения, метода их измерения при массовых социологических обследованиях в институте истории партии при ЦК компартии Украины, а также разработать и опробовать методику эмпирического исследования потребностей партийных комитетов в научно-информационном обеспечении для подготовки решений по социальным вопросам, в том числе – потребностей прикладной социологической информации.

3. На базе имеющихся социологических подразделений института философии АН УССР создать самостоятельное отделение социологии Института философии АН УССР, что позволит углубить функциональную специализацию труда социологов, обеспечить дальнейшее развитие исследовательских направлений, улучшить подготовку кадров необходимых специалистов.

4. Высшей партийной школе при ЦК компартии Украины завершить разработку теоретических и методологических проблем социологических исследований идеологических процессов.

5. Приступить к разработке математического и программного обеспечения социологических исследований в ГлавНИИ ВЦ Госплана УССР и Институте кибернетики АН УССР.

Второй этап (1986–1990 гг.)

В Минвузе УССР:

1. С целью подготовки кадров с высшим образованием по специальности «прикладная социология» открыть отделения социологии в Харьковском, Киевском и Одесском госуниверситетах, а также факультет повышения квалификации для штатных социологов (при КГУ или КИНХе) и аспирантуру – на кафедре социологии КГУ.

2. Ввести учебные курсы по прикладной социологии на факультете журналистики КГУ, а также на других гуманитарных факультетах КГУ, ХГУ, ОГУ.

В Академии наук УССР:

1. Сформировать в отделении социологии Института философии и в Институте экономики подразделения социологического обеспечения государственного управления и начать работу по изучению потребностей органов государственного управления в социологической информации, разработку систем показателей и методов их измерения в массовых обследованиях.

2. Обеспечить дальнейшее развитие отделения социологии Института философии АН УССР, укрепление его кадрами, расширение его материально-технической базы

и превращение его к концу 12-й пятилетки в самостоятельный Институт социологии АН УССР.

В Институте истории партии:

1. Завершить исследование потребностей партийных комитетов социологической информации, на этой основе определить подлежащие первоочередным социологическим обследованиям общественные процессы и разработать их теоретические модели, описываемые системами показателей.

2. Сформировать сектор социологического обеспечения партийного руководства (СОПР) и начать разработку опытного варианта системы показателей выделенных общественных процессов и базовых методов их измерения в массовых социологических обследованиях.

В высшей партийной школе:

1. Для социологической подготовки кадров социологических работников создать кафедру прикладной социологии.

2. Начать подготовку кадров для местных партийных комитетов и опросной сети Центра изучения общественного мнения.

При Гостелерадио и Госкомиздате УССР:

1. Создать межведомственный Центр изучения общественного мнения.

2. Центру приступить к проведению опытных обследований по методикам подсистемы СОПР.

В ЦСУ УССР и ЭНИИ Госплана УССР:

1. Сформировать в ЦСУ УССР и ЭНИИ Госплана УССР подразделения социологического обеспечения и по мере подготовки кадров начать формирование опросной сети СОГУ из работников социологических служб и статистических органов.

Третий этап (1991–2000 гг.)

1. Создать подразделения социологической информации в ЦК компартии Украины и Госплане УССР.

2. Укомплектовать местные партийные комитеты и обл-, гор- и райстатуправления штатными работниками, получившими социологическую подготовку, и закончить формирование опросных сетей Центра изучения общественного мнения (подсистемы СОПР) и ЦСУ УССР (подсистема СОГУ)

3. Институту социологии АН УССР, а также социологическим секторам Института истории партии и ЭНИИ Госплана УССР создать базовые комплексы специализированного методического обеспечения (для СОПР И СОГУ соответственно).

4. Сформировать банк данных подсистемы СОПР с абонентскими пунктами (дисплеями и АЦПУ) в подразделениях социологической информации ЦК компартии Украины и Института истории партии и банк данных подсистемы СОГУ в ГлавНИИ ВЦ Госплана УССР. Банк данных связать каналом связи для межмашинного обмена информацией.

5. В Институте социологии АН УССР обеспечить дальнейшую специализацию социологических исследований по проблематике социальной структуры общества, социологического образа жизни, социально-профессиональной ориентации и трудовому воспитанию молодежи, социально-психологическим проблемам управления (в том числе АСУ), методики и техники социологических исследований. Сосредоточить внимание всех подразделений института на разработку соответствующих систем показателей и базовых методик для сбора и анализа социальной информации.

6. По мере подготовки кадров квалифицированных социологов предусмотреть создание социологических подразделений во всех отраслевых НИИ и центрах НОТ с установлением связи отраслевых АСУ с банком данных подсистемы СОГУ. Создать отдел промышленной социологии в Институте экономики промышленности АН УССР и отдел социологии села в Институте экономики и организации сельского хозяйства им. Шлихтера, возложив на них функцию методического обеспечения и координации работы социологических служб соответствующих ведомств.

Таким образом, на третьем этапе завершается формирование опросных сетей, банков социологических данных, социологических подразделений организационно-научно-теоретического и методического обеспечения и в полной мере разворачиваются регулярные опросы населения УССР для обеспечения потребностей государственных и партийных органов в социологической информации. В перспективе по мере роста потребности в социологической информации подсистемы СОПР и СОГУ могут быть преобразованы в Институт социологического обеспечения партийной работы, подчиненный соответствующему отделу ЦК компартии Украины, и Институт социологического обеспечения государственного управления, подчиненный соответствующему отделу Госплана УССР.

Предлагаемый план создания единой социологической службы республики является ориентировочным. Учитывая сложность ее формирования, необходимость поэтапного развертывания и согласования во времени большого количества разнородных работ, прежде всего, подготовку кадров и создание для них рабочих мест, целесообразно поручить Академии наук УССР, Госплану УССР, Минвузу УССР и Институту истории партии при ЦК компартии Украины разработать к июню 1984 года целевую комплексную программу создания единой республиканской социологической службы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адибекян О.А. Краткий очерк социологии науки как частносоциологической теории. Ереван, 1974.
- Академик Михаил Горшков. Пути в социологию – исповедимы. М.: Весь мир, 2015.
- Актуальные проблемы развития конкретных социальных исследований. М.: изд-во МГУ, 1971.
- Александров А.Д. В защиту социологии. По поводу одной публикации // Вестник АН СССР, 1972, № 2.
- Александров Г.Ф. История социологии как науки. Минск, 1958.
- Алликхвердян О.Д. Позитивизм в современной социологии. Ереван, 1964.
- Американская социологическая мысль. Тексты / под ред. В.И. Добренькова. М.: изд-во МГУ, 1994.
- Андреева Г.М. Современная буржуазная эмпирическая социология. М.: Мысль, 1965.
- Андреева Г.М. О соотношении микро- и макросоциологии. Вопросы философии, 1970, № 10.
- Антология русской классической социологии. М., 1995.
- Антонюк Г.Л. Некоторые методологические проблемы системного подхода в социологическом исследовании. В кн.: Проблемы общественных наук. Философия, социология, научный коммунизм. Минск, 1973.
- Араб-Оглы Э.А. Социологическая теория или социальный миф. Мировая экономика и международные отношения, 1974, № 7.
- Арбатов Ю.А., Араб-Оглы Э.А. Об эмпирической тенденции в современной буржуазной социологии. Вопросы философии. 1956, № 5.
- Арон Р. Этапы развития социологической мысли / пер. с фр. М., 1993.
- Арутюнян Ю.В. Конкретно-социологические исследования этнических отношений. Вопросы философии, 1969, № 12.
- Асеев Ю.А., Кон И.С. Основные направления буржуазной философии и социологии XX в. Л.: изд-во ЛГУ, 1961.
- Афанасьев В.Г. О системном подходе в социальном познании. Вопросы философии, 1973, № 6.
- Баграмов Э.А. Встречи с Ю.П. Францевым, Питиримом Сорокиным и другими интересными людьми // «Старый дом у Москвы-реки...» Наш МГИМО (1948–1953). Воспоминания выпускников 1953 года. М., 2003.
- Баграмов Э.А. Несколько штрихов к характеристике социально-политических воззрений Питирима Сорокина // Социологические исследования, 2016, № 1.
- Барзгова Е.С. Американская социология: Традиция и современность. Курс лекций. Екатеринбург: Деловая книга; Бишкек: Одиссей, 1997.
- Баскин М.П. Социология // Большая Советская Энциклопедия. М.: ОГИЗ СССР, 1947. Т. 52.

- Баскин М.П. Социология // Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. М.: Государственное издательство «Большая Советская Энциклопедия», 1957. Т. 40.
- Баскин М.П. Американский социологический журнал // Большевик, 1947, № 1.
- Батыгин Г.С. Советская социология на закате сталинской эры // Вестник АН СССР, 1991, № 10.
- Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Советское философское сообщество в сороковые годы: почему был запрещен третий том «Истории философии» // Вестник Российской академии наук, 1993, № 7.
- Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г. История социологии. 2-е изд. М.: ИД «Высшее образование и наука».
- Батыгин Г.С. Преемственность российской социологической традиции / Социология в России / под ред. В.А. Ядова. М.: изд-во Института социологии, 1998.
- Батыгин Г.С. Происхождение социологии // Вестник Академии наук, 1991, № 2.
- Беккер Г., Бесков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении / пер. с англ. М., 1961.
- Беседа с В.Ж. Келле // Вопросы философии, 2001, № 3.
- Бестужев-Лада И.В. Почему я не написал историю Института социологии // Социологический журнал, 1995, № 4.
- Биографии русских и советских социологов // под ред. Р.-Л. Винклер и З. Голенковой. Нем. и рус. яз. Т. 1, 2. Берлин, 1987.
- Богомолов А.С. Опредечение ценности и социологическое познание. Социологические исследования, 1975, № 1.
- Борисова Н.Л. История русской социологии: Лекция. М., 1992.
- Бочкарева В.И. Становление социологии в России, основные направления ее развития // Социально-политический журнал, 1993, № 1–2.
- Брачев В.С. Укрощение строптивой, или как АН СССР учили послушанию // Вестник АН СССР, 1990, № 4.
- Будущее фундаменталистской науки: выбор пути. Материалы общего собрания АН СССР (9–10 октября 1991) // Вестник АН СССР, 1992, № 1.
- Бурлацкий Ф.М., Галкин А.Л. Социология, политика, международные отношения. М.: Международные отношения, 1974.
- Бутенко И.А. Российское общество социологов: краткий курс истории объединения. М.: РОС, 2000.
- Бутенко И.А. К истории создания первой социологической ассоциации // Социологические исследования, 2008, № 6.
- Вавилов С.И. Советская наука на службе родине. М. – Л., 1946.
- Вехи российской социологии. 1950–2000-е годы. СПб.: Алетейя, 2010. С. 102.
- В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова 1985–1991. М., 2006.
- Волков Г.Н. Социология науки. М.: Политиздат, 1968.
- Вопросы теории и методов социологических исследований / под ред. Д.Ф. Козлова, А.П. Куприяна. М.: изд-во МГУ, 1976, вып. 2.
- Вопросы философии и социологии. Владивосток, 1971.
- Вопросы философии и социологии. Сборник статей. Л.: изд-во ЛГУ, 1973, вып. 6.
- Воробьев Н.А. Некоторые вопросы систематизации социологического знания. В кн.: Вопросы теории познания. Барнаул, 1974.
- Воспоминания академика А.М. Деборина // Вопросы философии, 2009, № 2.
- Встреча социологов-марксистов (Информация о беседе за круглым столом редакции) // Проблемы мира и социализма, 1962, № 2.
- Встречи с Питиримом Сорокиным /под ред. И.Б. Орловой. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2003.

- Вышинский П., Левин Е. Еще раз о механистах и о новой путанице тов. Сарабьянова // Под знаменем марксизма, 1930, № 1.
- Габович М. К дискуссии о теоретическом наследии Юрия Левады // Вестник общественно-го мнения, 2008, № 4 (96).
- Гальдяев П.К. Критика современной буржуазной социологии. М.: Мысль, 1964.
- Гидденс Э. Социология. М.: УРСС, 1999.
- Глезерман Г.Е., Келле В.Ж., Пилипенко Н.В. Исторический материализм – теория и методология научного познания и революционного действия // Коммунист, 1972, № 4.
- Голосенко И.А. Процесс институционализации буржуазной социологии в России конца XIX – начала XX вв. // Социологические исследования, 1978, № 2.
- Голосенко И.А. История социологии как научная проблема: анализ главных подходов в зарубежных исследованиях // Социологические исследования, 1976, № 1.
- Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX–XX вв. М., 1995.
- Гордон Л.А., Клопов Э.В. Человек после работы: Социальные проблемы быта и внерабочего времени. М.: Наука, 1972.
- Горшков М.К. Уроки возрождения и перспективы отечественной социологии. В кн.: Вехи российской социологии. СПб.: Алетейя, 2010.
- Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии. М., 1995.
- Громько А.А. Памятное. Кн. 1. М., 1988.
- Грушин Б.А. Мнение о мире и мир мнений. М.: Политиздат, 1968.
- Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. М.: Прогресс-Традиция. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. 2001; Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева. Часть 1, 2003; часть 2-я, 2006.
- Грушин Б.А. Горький вкус не востребованости // Российская социология шестидесятых годов / под ред. Г.С. Батыгина. М.: изд-во РХГИ, 1999.
- Гудков Л.Д. Социология Юрия Левады (опыт систематизации) // Вестник общественного мнения, 2007, № 4 (90).
- Гурова Р.Г. Педагогика и социология. Сов. педагогика, 1974, № 8.
- Гурова Р.Г. Социологические аспекты теории воспитания в советской педагогике 20-х годов. Социологические исследования, 1977, № 4.
- Давидюк Г.П. Введение в прикладную социологию. Минск: Высшая школа, 1975.
- Давыдов Ю.Н. Искусство как социологический феномен. М.: Наука, 1968.
- Давыдов Ю.Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология: Актуальные проблемы веберовского социологического учения. М.: Мартис, 1998.
- Даниелян М.С. О применимости понятий эмпирического и теоретического уровней в социологическом знании. В кн.: Философские вопросы логического анализа научного знания. Ереван, 1974, вып. 3.
- Даутов Т.М. Личность как социологическая проблема. Алма-Ата: Наука, 1970.
- Деборин А. Итоги и задачи на философском фронте. Под знаменем марксизма, 1930, № 6.
- Деборин А. О борьбе на два фронта. Под знаменем марксизма, 1930, № 5.
- Деборин А. Строительство социализма и наши задачи на теоретическом фронте Под знаменем марксизма, 1930, № 5.
- Дискуссия о марксистском понимании социологии // Историк-марксист. М., 1929. № 12.
- Дискуссия о структуре марксистской социологической теории // Вестник Московского университета, 1968, № 5.
- Дискуссия по книге Г.Ф.Александрова «История западноевропейской философии». 16–25 июня 1947. Стенографический отчет // Вопросы философии, 1946, № 1.
- Дневник общего собрания РАН // Вестник Российской Академии наук, 1992, № 8.
- Докторов Б.З. Юрий Левада. К изучению биографии и судьбы // Социологический журнал, 2008, № 2.

- Докторов Б.З. Жизнь в поисках «настоящей правды». Заметки к биографии Ю.А. Левады // Социальная реальность, 2007, № 6.
- Дробижева Л.М. История и социология. М.: Мысль, 1971.
- Дубин Б. Позднесоветское общество в социологии Юрия Левады // Вестник общественного мнения, 2009, № 4 (102).
- Ельмеев В.Я. О соотношении теоретического и эмпирического в социальном исследовании. В кн.: Методологические вопросы общественных наук. Л.: изд-во ЛГУ, 1972, вып. 3.
- Ермоленко Д.В. Социология и проблемы международных отношений. М.: Международные отношения, 1977.
- Жишлин М.А. О специфике законов социологии // Научн. труды Рост. н/Д Ин-та народн. хоз-ва, 1967.
- За поворот на философском фронте. Сборник статей. Вып. 1. М. – Л.: ОГИЗ; Московский рабочий, 1931.
- Заславская Т.И. Нам очень хотелось создать настоящую науку. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 150.
- Здравомыслов А.Г. Методология и процедура социологических исследований. М.: Мысль, 1969.
- Здравомыслов А.Г. О судьбах социологии. Социологические исследования, 2000, № 3.
- Иванов В.Н. Перспективы развития социологии в России на рубеже XXI века. Вестник Моск. ун-та. Серия 18. Социология и политология. 1995, № 1.
- Иванов В.Н. Методологические проблемы марксистско-ленинской социологии. Вопросы философии, 1988, № 8.
- Иванов В.Н. Моя эпоха. Люди и события. М., 2009.
- Иванов В.Н. Социология. Записки директора института. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2014.
- Иванов К.В. Как создавался образ советской науки в постсталинском обществе. Вестник Российской Академии наук, 2001. Т. 71. № 2.
- Ильичев Л.Ф. Методологические проблемы науки. М.: Наука, 1964.
- Ильичев Л.Ф., Осипов Г.В., Руткевич М.Н. Социологические исследования: результаты, проблемы, задачи. Политиздат, 1980, № 13.
- Ильичев Л.Ф. Научная основа руководства развитием общества. Некоторые проблемы развития общественных наук. Вестник АН СССР, 14 ноября 1962.
- Иовчук М.Т., Харчев А.Г., Ядов В.А. Актуальные проблемы марксистско-ленинской социологии в СССР. Философские науки, 1970. № 5.
- Иовчук М.Т., Осипов Г.В. О некоторых теоретических принципах, проблемах и методах социологических исследований. Вопросы философии, 1962. № 2.
- Иовчук М.Т. Теоретико-методологические проблемы социологии. Социологические исследования, 1976, № 3.
- Иовчук М.Т., Харчев А.Г., Ядов В.А. Актуальные теоретические проблемы марксистско-ленинской социологии в СССР. Философские науки, 1970, № 5.
- История и социология. М.: Наука, 1964.
- История буржуазной социологии первой половины XX в. / отв. ред. Л. Ионин, Г.В. Осипов. М.: Наука, 1979.
- История Ленинградского университета 1819–1969. Очерки / отв. ред. В.В. Мавродин. Л.: изд-во ЛГУ, 1969.
- История становления советской социологической науки в 1920–1930 гг. М., 1989.
- Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб., 1996.
- Квасов Г.Г. Документальный источник об оценке И.В. Сталиным группы академика А.М. Деборина // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры, исследования. Вып. 10. XX в. Неизвестное, забытое... / Редколл.: А.И. Володин и др. М.: Российская академия управления, 1992.

- Келле В.Ж. Проблемы уровней теории в социологии науки. М.: ССА, 1970.
- Капитонов Э.А. История социологии. Ростов н/Д, 1993.
- К итогам II Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений. Под знаменем марксизма, 1929, № 5.
- Коган Л.А. «Выслать за границу безжалостно» (Новое об изгнании духовной элиты). Вопросы философии, 1993, № 9.
- Коган Л.А. На подступах к советской философии (первые «свердловцы», «соцакадемики», «икаписты»). Вопросы философии, 2002, № 5.
- Коган Л.Н. Неповторимая романтика социологии. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999.
- Козловский В.Е., Сычев Ю.А. Обсуждение курса лекций Ю.А. Левады по социологии // Философские науки. Научные доклады высшей школы. 1970, № 3.
- Колбановский В.В. К истории постсоветской социологии. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1991.
- Комаров М.С. Новые тенденции эмпирической социологии США. Социологические исследования, 1976, № 1.
- Кон И.С. Позитивизм в социологии. Л.: изд-во ЛГУ, 1964.
- Кон И.С. О «радикальной социологии» в США. США: экономика, политика, идеология, 1973, № 8.
- Константинов Ф.В. Против догматизации и начетничества. Вопросы философии, 1950, № 3.
- Константинов Ф.В., Осипов Г.В. В поисках социологической теории. Коммунист, 1963, № 2.
- Константинов Ф.В. Социолог и его роль в общественной жизни. М.: ИСИ АН СССР, 1974.
- Корников А.А., Селезнева И.Н. Русский университет в Париже. Вестник РАН, т. 65, № 4, 1995.
- Култыгин В.П. Мировое социологическое сообщество на рубеже тысячелетия. Социологические исследования, 1998, № 12.
- Култыгин В.П. Современные зарубежные социологические тенденции. М.: Союз, 2000.
- Кучинский Ю. Социологические законы. Вопросы философии, 1957, № 5.
- Лашук Л.П. Введение в историческую социологию: учеб. пособие для студентов старших курсов ист. фак. гос. ун-тов. М.: изд-во МГУ, 1977.
- Левада Ю.А. Лекции по социологии // Информационный бюллетень ИКСИ АН СССР. М., 1969. Вып. 20, 21.
- Левада Ю.А. «Я считал, что было бы неестественно вести себя как-то иначе» Социологический журнал, 2008, № 1.
- Ленин В.И. О значении воинствующего материализма. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45. С. 33.
- Ленин В.И. О социалистической Академии общественных наук. Полн. собр. соч. Т. 36.
- Ленин В.И. Ценные признания Питирима Сорокина // Полн. собр. соч. Т. 37.
- Ленин и социология / отв. ред. Ф.М. Бурлацкий, Г.В. Осипов. М.: ИКСИ АН СССР, 1970.
- Ленинградская социологическая школа (1960-е – 1980-е годы): материалы международной конференции. М.: изд-во Института социологии РАН, 1998.
- Лусис К.К. Проблема соотношения эмпирического и теоретического в историческом знании. Изв. АН Латв. ССР, 1976, № 8.
- Козер Л. О Питириме Сорокине // Питирим Сорокин. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009.
- Майзель И.Л. Социология науки: проблемы и перспективы. М.: Знание, 1974.
- Маклаков Ю.Г. Критерии научности социологической теории. В кн.: Критика антинаучных концепций о природе, обществе и познании. Л., 1974.
- Максимова Д.А. О взаимосвязи социологической и исторической теории. В кн.: Вопросы методологии общественных и гуманитарных наук. Калинин, 1972, вып. 2.

- Маркс К. Экономико-философские рукописи. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956.
- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. В кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 3.
- Маркс и социология / под ред. Г.В. Осипова. М.: ИКСИ АН СССР, 1968.
- Марксистская и буржуазная социология сегодня. М.: Наука, 1964.
- Медушевский А.Н. История русской социологии. М., 1993.
- Методология прикладного социологического исследования / под ред. И. Лукшина. М.: НИИ теории и истории кино, 1976.
- Минин С.К. Философию за борт! // Под знаменем марксизма. М., 1922, № 5–6.
- Миронов В.В. Еще раз о специфике философии. Вестник РАН. Т. 81, № 3, 2011.
- Миронова Д. Политическая философия. М.: изд-во Московского университета, 2014.
- Митин М. К итогам философской дискуссии // Под знаменем марксизма, 1930, № 10.
- Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб.: изд-во РХГА, 2005.
- Мищенко Г.Л. Введение в историю российской социологии. Минск, 2000.
- Мшвениерадзе В.В., Осипов Г.В. Основные направления и проблематика конкретных социальных исследований. В кн.: Социология в СССР. В 2 т. Т. 2. Мысль, 1966.
- Наумова Н.Ф. Некоторые уроки истории развития западной социологии. Вопросы философии, 1968, № 1.
- Немчинов В.С. Социология и статистика. Вопросы философии, 1955, № 6.
- Несмеянов А.Н. На качелях XX века. М., 1999. С. 146.
- Несмеянов А.Н. Вступительное слово президента АН СССР // Труды Всесоюзного совещания по философским вопросам естествознания. М., 1959.
- Новикова Л. Исходные парадигмы русской социологии. Свободная мысль, 1993, № 6.
- О структуре марксистской социологической теории. Материалы дискуссии / под ред. П.А. Рачкова. М.: изд-во МГУ, 1970.
- Ойзерман Т.И. Метафилософия. Теория историко-философского процесса. М.: Канон+, 2009.
- Ойзерман Т.И., Окулов А.И. Чему учит и кому служит современная буржуазная социология. О работе IV Всемирного социологического конгресса. М.: Знание, 1960.
- Оников Л.А. Я выполнял свой человеческий и партийный долг. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999.
- Оппенгеймер Ф. Система социологии. Под знаменем марксизма, 1930, № 1.
- О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества. Постановление Политбюро ЦК КПСС от 7 июня 1988 г. В кн.: Г.В. Осипов, Москвичев Л.Н.. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008.
- Оранский С.А. Основные вопросы марксистской социологии. М.: Прибой, 1929.
- Организация Института конкретных социальных исследований. Вестник АН СССР, 1968, № 9.
- Организация советской науки в 1926–1932 гг.: Сб. док. Л., 1974.
- Орел В.М. Битва за здравый смысл. Как принимался устав академии 1930 года / Вестник РАН, 1994, т. 64, № 4.
- Осипов Г.В., Руткевич М.Н. Социология и современность. Вып. 2. М.: Знание, 1976.
- Осипов Г.В. Основные черты и особенности марксистской социологии. В кн.: Социология в СССР. В 2 т. М.: Мысль, 1966.
- Осипов Г.В. Социология и философия. В сб.: Социальные исследования. Вып. 2. М.: Наука, 1968.
- Осипов Г.В. Теория и практика советской социологии. Социальные исследования. М.: Наука, 1970, вып. 5.
- Осипов Г.В. Предмет марксистско-ленинской социологии в свете опыта социологических исследований в СССР. Социологические исследования, 1977, № 4.

- Осипов Г.В. Современная буржуазная социология. М.: Наука, 1964.
- Осипов Г.В., Москвичев Л.Н.. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008.
- Осипов Г.В. Кризис теоретико-методологических основ буржуазной социологии. Социологические исследования, 1975, № 4.
- Очерки по истории теоретической социологии XX столетия (от М. Вебера к Ю. Обермасу, от Г. Зиммеля к постмодернизму). М., 1994.
- Очерки по истории отечественной социологии. М.: Наука, 2009.
- Первое всесоюзное общество воинствующих марксистов-диалектиков. Под знаменем марксизма, 1929, № 5.
- Пилипенко Н.В. Институт конкретных социальных исследований. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999.
- Попов С.И. Критика современной буржуазной социологии. 4-е изд. М.: Мысль, 1970.
- Проблемы методологии социального исследования / под ред. В.А. Штоффа. Л.: изд-во ЛГУ, 1970.
- Пугачева М.Г. Институт конкретных социальных исследований АН СССР (1968–1972). Социологический журнал, 1994, № 3.
- Пугачева М.Г. Российская социологическая традиция 1960-х годов и современность. Социологический журнал, 1994, № 4.
- Рабочая книга социолога. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Наука, 1983.
- Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца XX века) / под ред. Е.И. Кукушкиной. М., 2004.
- Резолюция об очередных задачах ОВМД. Под знаменем марксизма, 1929, № 5.
- Резолюция общего собрания Академии наук СССР. Вестник АН СССР, 1992, № 1.
- Резолюция I всесоюзного совещания обществ воинствующих материалистов-диалектиков. Под знаменем марксизма, 1929, № 5.
- Резолюция бюро ячейки ИКПФиЕ. Итоги философской дискуссии. Под знаменем марксизма, 1930, № 10–12.
- Резолюция II Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений. Под знаменем марксизма, 1929, № 5.
- Речь акад. К.В. Островитянова // Труды Всесоюзного совещания по философским вопросам естествознания. М., 1959.
- Решение, устав, руководящие органы Советской социологической ассоциации. М.: АН СССР, ССА, 1977.
- Рожин В.П. Введение в марксистскую социологию. Л.: изд-во ЛГУ, 1962.
- Рожин В.П. О соотношении философии и социологии // Учен. зап. кафедр обществ. наук вузов Ленинграда. Философия, 1967, вып. 8.
- Романовский Н.В. Первый президент Советской социологической ассоциации академик Г.П. Францев. В кн.: Вехи российской социологии. 1950–2000-е гг. СПб.: Алетейя, 2010. С. 102.
- Российская социологическая традиция шестидесятых годов и современность: Материалы симпозиума. 23 марта 1994 / под ред. В.А. Ядова, Р. Гратхоффа. М.: изд-во Института социологии РАН, 1994.
- Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. акад. РАН Г.В. Осипова. М.: Норма-Инорра, 1998.
- Российская социология. Межвузовский сборник. СПб., 1993.
- Российская социологическая традиция шестидесятых годов и современность. М., 1994.
- Румянцев А.М., Осипов Г.В. Марксистская социология и конкретные социальные исследования. Вопросы философии, 1968, № 6.
- Румянцев А.М., Осипов Г.В., Бурлацкий Ф.М. В.И. Ленин и социология. В кн.: Ленин и современная наука. Кн. 1. М.: Наука, 1970.

- Руткевич М.Н., Коган Л.Н., Волков Ю.Е. Социология: некоторые методологические вопросы. *Философские науки*, 1968, № 2.
- Руткевич М.Н. *Диалектика и социология*. М.: Мысль, 1980.
- Руткевич М.Н. Развитие философии и социологии в Уральском университете (40–70 гг. XX ст.). М.: Центр социального прогнозирования, 2003.
- Рывкина Р.В. О специфике некоторых социологических дисциплин и связях между ними. *Науч. труды Новосиб. гос. ун-та*, 1968, вып. 2.
- Семенов В.С. IV Всемирный социологический конгресс // *Вопросы истории*, 1960, № 1.
- Семенов В.С. На V Всемирном социологическом конгрессе // *Вопросы философии*, 1962, № 11.
- Семенов В.С. VI Всемирный социологический конгресс // *Вопросы философии*, 1967, № 8.
- Семенов В.С. Наука – выше политики. В кн.: *Российская социология шестидесятых годов в документах и воспоминаниях*. СПб., 1999. С. 429.
- Смелзер Н. *Социология*. М.: Феникс, 1998.
- Советская социология* / отв. ред. Г.В. Осипов. Т. 1–2. М.: Наука, 1982.
- Современная западная социология. Словарь-справочник*. М.: Политиздат, 1985.
- Сорокин П.А. *Русская социология в XX веке* // *Альманах социальных исследований «Рубеж»*. Сыктывкар, 1992, № 4.
- Сорокин П.А. *Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор*. М.: ИСПИ РАН, 2009.
- Социологические исследования*. Тбилиси: изд-во Тбил. ун-та, 1971.
- Социологические исследования: результаты, проблемы и задачи* // *Коммунист*, 1980, № 3.
- Социальные проблемы труда и производства* / под ред. Г.В. Осипова, Я. Щепаньского. М.: Мысль, 1970.
- Социологические проблемы международных отношений* / под ред. Ф.В. Константинова и др. М.: Наука, 1970.
- Социологические проблемы науки*. М.: Наука, 1974.
- Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968* / под ред. Л.Н. Москвичева. М.: ACADEMIA, 1997.
- Социология и власть. Сборник 2. Документы. 1969–1972* / под ред. Л.Н. Москвичева. М.: ACADEMIA, 2001.
- Социология и власть. Сборник 3. Документы. 1973–1984*. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2003.
- Социология в России* / под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: изд-во ИС РАН, 1998.
- Социология в СССР*. В 2 т. М.: Мысль, 1966.
- Социология в СССР: взгляд изнутри и извне в работах Геннадия Осипова, Джорджа Фишера, Ильи Земцова, Алекса Симиренко*. М.: Вече, 2008.
- Социология и идеология*. М.: Наука, 1969.
- Социологическая энциклопедия*. В 2 т. / рук. науч. проекта д. и. н. Г.Ю. Семигин. Т. 1–2. М.: Мысль, 2003.
- Сталин И.В. К вопросам аграрной политики в СССР. Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. В кн.: *Сталин И.В. Соч.* Т. 12. М., 1949.
- Тернер Дж. *Структура социологической теории*. М.: Прогресс, 1985.
- Тощенко Ж.Т. *Социология*. 3 изд., перераб. и дополн. М.: ЮНИТИ, 2005.
- Тощенко Ж.Т. *Социология возродилась в нашей стране сначала как политическая витрина*. *Социологический журнал*, 2007, № 4.
- Тощенко Ж.Т. *Региональные социологические центры 1960–1970-х годов. Социологические исследования*, 2008, № 6.
- Тощенко Ж.Т. *Социальные проблемы новых производственных коллективов*. *Социологические исследования*, 1976, № 4.

- Тощенко Ж.Т. Эволюция теоретической социологии в России (1950–2000 годы). Статья 1. Социологические исследования, 2009, № 6.
- Тощенко Ж.Т. Эволюция теоретической социологии в России (1950–2000 годы). Статья 2. Социологические исследования, 2009, № 7.
- Тукумцев Б.Г. Очерки истории первой самарской социологической лаборатории. Самара, 2000.
- Угринович Д.М. О предмете марксистской социологии. В кн.: Очерки методологии познания социальных явлений. М.: Мысль, 1970.
- Учредительное общее собрание Российской академии наук. Вестник РАН, 1992, № 3.
- Федосеев П.Н. Проблемы мирного сосуществования в социологических исследованиях и в преподавании социологии. Вопросы философии, 1950, № 3.
- Федосеев П.Н. Социологические теории и внешняя политика империализма. Международная жизнь, 1957, № 3.
- Федосеев П.Н. Марксистская социология и конкретные социологические исследования. Партийная жизнь, 1967, № 20.
- Федосеев П.Н. Марксистская социология, ее задачи и перспективы. Вестник АН СССР, 1969, № 7.
- Федосеев П.Н. К вопросу о предмете марксистско-ленинской социологии. Социологические исследования, 1982, № 3.
- Федосеев П.Н. Современная буржуазная социология и проблемы войны и мира. Большевик, 1946, № 22.
- Филиппов А.Ф. О понятии «теоретическая социология». Социологический журнал, 1997, № 2.
- Фирсов Б.М. История советской социологии. 1950–1980-е гг. СПб., 2012.
- Францев Ю.П. Буржуазная социология на службе реакции. Большевик, 1946, № 23–24.
- Философия и социология. В кн.: Францев Ю.П. Избр. труды. Ч. 1. М.: Наука, 1971.
- Фурман А.Е. Дискуссия о структуре марксистской социологической теории. Вестник МГУ. Сер. 8. Философия. 1968, № 5.
- Харчев А.Г. Предмет и структура социологической науки. Социологические исследования, 1981, № 2.
- Чагин Б.А. Очерки истории социологической мысли в СССР (1917–1969). Л.: Наука, 1971.
- Чагин Б.А., Федотов В.П. История развития советской социологии за полвека. Философские науки, 1973, № 2.
- Чагин Б.А., Федотов В.П. Итоги развития советской социологии за полвека. Статья 2. Философские науки, 1973, № 3.
- Шалин Д.Н. Человек общественный: гарвардское интервью с Юрием Левадой. Социологический журнал, 2008, № 1.
- Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии / пер. с польск. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1967.
- Штайльман К. Новая философия бизнеса. Т. 1. Москва; Берлин, 1998.
- Шубкин В.Н. Возрождающаяся социология и официальная идеология. В кн.: Российская социология шестидесятых годов в документах и воспоминаниях. СПб., 1999.
- Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. В кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 1.
- Энгельс и современные проблемы философии марксизма. М., 1971.
- Юбилейная научная сессия РАН (26 марта 2008 г., Москва). Социологический журнал, 2008, № 9.
- Ядов В.А. Роль методологии в определении методов и техники конкретного социологического исследования. Вопросы философии, 1966, № 10.
- Ядов В.А. Методология и процедуры социологических исследований. Тарту, 1968.
- Ядов В.А. К вопросу о марксистской социологии как науке. Философские науки, 1968, № 2.

Ядов В.А. О соотношении теоретического и эмпирического подходов к конкретному социологическому исследованию. В кн.: Проблемы методологии социального исследования. Л.: изд-во ЛГУ, 1970.

Ядов В.А. Социологические исследования. Методология. Программа. Методы. М.: Наука, 1972.

Ядов В.А. О диалектике соотношения исторического и структурно-функционального подходов к объяснению социальных явлений. Проблемы диалектики, 1976, вып. 6.

Ядов В.А. Куда идет российская социология? Социологический журнал, 1995, № 1.

Ядов В.А. Размышления о предмете социологии. Социологические исследования, 1990, № 2.

Ядов В.А. Скверная история. Троицкий вариант, 2011, 6 декабря, № 93.

Alexander I. The centrality of the classics // *Social theory today* / Ed. A. Giddens, I. Turner. Stanford, 1987.

Behavioral and Social Sciences: Achievements and Opportunities (ed. by R. Yarstain et al.) Washington, 1988.

Bauman Z. *Intimations of postmodernity*. N.Y., 1992.

Bellah R. Social science as public philosophy // *Habits of the heart: Individualism and commitment in American life* / Bellah et al., Berceley, 1985.

Bertrand A.J. *Basic sociology* // Ed. Ritzer G., 2007.

The Blackwell encyclopedia of sociology // Ed. Ritzer G. Oxford, 2007.

Blau P. *Social Exchange* // *International Encyclopedia of the Social Sciences*. V. 7. N.Y.: Macmillan, 1968.

Blau P. *Exchange and Power in Social Life*. N.Y.: Wiley, 1986.

Bottomore T. *Sociology* // *Marx: The first 100 years*. N.Y., 1983.

Broom L. *Selznick Ph. Sociology*. 4th ed. N.Y., 1968.

Chaos Theory in the Social Sciences: Fround and Appications. Ed. by L.D. Kiel, E.W. Elliott, Ann Arbor, 1996.

Dahrendorf R. *Die Angewandte Aufklärung. Weselschaft und Soziologie in Amerika*. München, 1963.

Den M. *Critical and Effective Histories: Foucavet's Methods a Hist. Sociologie*. L.; N.Y., 1994.

Dressier D. *Sociology: The study of human interaction*. N.Y., 1969.

Denzin N.K. (comp.). *Sociological methods: A Sourcebook*. Chicago, 1970.

Eagleton T. *Capitalism, modernism and postmodernism* // *Against the Grain*. – L.: Verso, 1986.

Emerson R. *Exchange Theory. Part 1 and 2* // *Social Theories in Progress*. V. 1, 2. Boston: Houghton Miflin, 1972.

Etzioni A. *The Active Society*, 1967.

Faris R.L.E. *Handbook of modern sociology*. Wash. (D.C.), 1964.

Fine G.A. On the macrofoundations of microsociology. *Constraint and the exterior reality of structure* // *Social quart*. 1991. № 32.

Fleur M. de, Antonio W., Fleur L. de. *Sociology: Human society*. N.Y., 1960.

French Sociology. Reprute and Renawal Since 1968 / Lemert Ch. C. (ed.). N.Y. Columbia University Press, 1981.

Friedrichs R. *Sociology of Sociology*. N.Y., 1996-

Jame A., Metcalfe A. *Passionato Sociology*. L., 1996.

Jibbs I. *Sociological Theory Construction*. N.Y., 1972.

Giddens A., Turner H. *Social Theory Today*. Oxford: Polityc Press, 1987.

Giddens A. *Introduction to Sociology*. N.Y.: Basic Books, 1998.

Gouldner A. *The coming crisis of western sociology*. N.Y., 1970.

Handbook of Sociology / Smelser N.Y. (ed.). California: Sage Publications, 1988.

- Haralambos M., van Krieken R., Smith Ph., Holborn V. *Sociology. Themes and Perspectives*. L.: Longman, 1998.
- Harvey D. *The Condition of Postmodernity*. Oxford: Blackwell, 1990.
- Hollander P. *The Dilemmas of Soviet Sociology*. "Problems of Communism". 1965, vol. XII, nov. – dec. No. 6.
- Homans G. *Social Behaviour as Exchange*. N.Y. Harcourt, 1974.
- Hought J. *The Soviet Union and Social Science Theory*. Cambridge: Harvard University Press, 1977.
- International encyclopedia of the social sciences*. N.Y., 1968. Vol. 15.
- Johnson H.M. *Sociology: A systematic introduction*. N.Y., 1960.
- Levi-Strauss C. *The Principle of Reciprocity // Sociological Theory*. N.Y.: Macmillan, 1964.
- Lazarsfeld P. *Methodological Problems in Empirical Social Research*. "Transactions of the Fourth World Congress of Sociology", vol. II, N.Y., 1960. P. 232.
- Lyotard J.-F. *The Postmodern Condition*. – Manchester Univ. Press, 1984.
- Mann M. *The Sources of Social Power*. Vol. 1. – Cambridge Univ. Press, 1986.
- Madge J.N. *The Origin of Scientific Sociology*, 1963.
- Macionis I. *Sociology*. Prentice Hall, 2005.
- Merton R. *Social Theory and Social Structure*. N.Y., 1957.
- Merton R. *On Theoretical Sociology*. Free Press. N.Y., 1967.
- Miller N.E., Dollard J. *Social Tearing and Imitation*. N. Haven: Yale Un-ty Press, 1941.
- Mills C.W. *Sociological Imagination*, 1959.
- Neumann F. *Behemoth. The Structure and Practice of National Socialism*. N.Y.: Octagon Books, Inc. 1963.
- Nisbet R. *The Sociological Tradition*, 1966.
- Nowikow N. *Die Sociologie in Russland. Ihre institutionelle Entwicklung von den Anfängen bis zur Oktoberrevolution*. Berlin, Wisbaden, 1988.
- T. Parsons a.o. *Theories of Society*, Vol. I, II. 1961.
- Parsons T. *An American Expression of Sociology in the Soviet Union // American Sociological Review*. February 1965. Vol. 30.
- Platt J. *A brief History of the International Sociological Association. 1948–1997*. Montreal. The ISA, 1998.
- Smelser N. *Sociology*. New Jersey: Prentice Hall, 1988.
- Sorokin P.A. *Fads and Foibles in Modern Sociology*, 1968.
- Sorokin P.A. *Long Journey*. New Haven, 1963 (рус. изд. М., 1996. С. 193).
- Sorokin P.A. *Sociological Theories of Today*. N.Y., London, 1966. P. 43–44.
- Sociology in Europe: in Search of Identity / Ed. by B. Nedamann, P.B. Sztompka*. N.Y., 1993.
- Teckenberg W. *Organisation und Funktion der sowjetischen Sociologie // Beitrage zur Konfliktforschung*. Berlin, 1984, No. 4.
- The Sociology of G. Simmel / Ed. by R.H. Wolff*. Glencoe, III: Free-Press, 1950.
- Ritzer G. *Sociological theory*. N.Y., 1994.
- Smelser N. *Handbook of sociology*. N.Y., 1988.
- Smith R.W., Preston F.W. *Sociology*. N.Y., 1977.
- Study guide to accompany Robertson sociology*. N.Y., 1977.
- Turner B. *Baudrillard for sociologists // Forget Baudrillard? – L.: Routledge*, 1993.
- Turner L.L. *Multiple factor analysis*. Chicago, 1947.
- Wallerstein I. *The Heritage of Sociology, the Future of Social Science*. Report at the XIV World Sociological Congress. Montreal: The ISA, 1998.
- Wiswede G. *Sociologie*. Landsbergam. Lech., 1985.
- Willer D. *Scientific sociology: Theory and method*. N.Y. 1969.
- Woods S.F. I. *Introductory sociology*. N.Y., 1966.

Капто Александр Семенович

**Социологический ренессанс:
о том, как на самом деле это было и как не было**

Компьютерная верстка – А.И. Новикова
Корректор – Е.Г. Якимова
Макет обложки – А.Б. Дирижаблев

Подписано в печать 27.03.2018
Формат 70x100/16
Гарнитура Minion Pro

Бумага офсетная
Печать офсетная
Тираж 500 экз.
Усл. печ. л. 41
Заказ № 1225



ИПО «У Никитских ворот»
121069, г. Москва, ул. Большая Никитская, д. 50/5,
тел.: (495) 690-67-19
www.uniki.ru